КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

„9-е января" в Петербурге. — 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова). — К истории процесса 21. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. — Гражданская война в Соединенных Штатах и Россия. — Морские карательные баталионы в Прибалтийском крае. — Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. — А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. — Новое о казни декабристов.

ЦЕНТРАРХИВ

1930

658.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ. От редакции. — Статьи и исследования.— Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. К. Маркс о Капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами.— Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс к Фравкелю и Варлену.—Ф. Энгельс к Лампло. — Два письма Энгельса к болгарам. — Из истории марксизма в России. Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод «Капитала». — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Fichteana в кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708).—Собрание рукописей, относящихся к Парижской коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева.—Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. «Бакунин: Государственность и анархия». — Письма и документы. И. Лафарг. Письма к Николаю Кону. — М. Бакунин. Письма к А. Руге.— Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Сочинения А. Клоотса в кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Спинозизм и марксизм.— Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье.—Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Письма об Индии.—И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса.—Письма и документы. Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре «легального марксизма».— М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. К шестидесятилетию первого тома «Капитала». Ф. Энгельс. Четыре рецензии на «Капитал» Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе и школе Маркса. — Статьи и исследования. М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса.—Материалы и сообщения. Из архивных материалов о Марксе.— Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове.—Неизданное стихотворение И. С. Тургенева.— Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам.—А. Воден. На заре «легального марксизма». — Критика и рецензии.—Письмо в редакцию. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по Просвещению.—Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ. Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову.—К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханов.— Два слова читателям-рабочим.— Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии.— М. М. Ковалевский о книге Бельтова.— Материалы и сообщения. Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому.— Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе.— Критика и рецензии.— Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.— Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ. Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком.— Статьи и исследования. Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского.— Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте.— Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским.— Материалы и сообщения. Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервергу.— П. Аксельрод. Группа «Освобождения труда» (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»).— Критика и рецензии.— Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Выставка Маркса и Энгельса.— Читальный зал 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ. К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского.— И. Рубин. Чернышевский как коммунист.—Ц. Фридлянд. Н. Чернышевский как историк.— Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский.— Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма Г. Лопатина к Ф. Энгельсу.— Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах.— Материалы и сообщения. И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская («Елизавета Дмитриева»).— Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям.— Из переписки М. А. Бакунина: I. Письма к В. Ф. Лучинину. II. Письма к И. Демонтовичу.— Письмо Жорж-Занд к М. А. Бакунину.— Критика, обзоры и рецензии. Д. Рязанов. Ответ на «открытое письмо» В. Полонского.— Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии в «Вестнике Комакадемии» за 1922 — 1927 гг.— Рецензии.—Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Коллекция рукописей из архива Ф. Домелы Ньювенгуйса (сообщ. Ф. Шиллера).—«Парижская коммуна 1871 г.», выставка (сообщ. М. Голосовкер).

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ. (Печат.).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—4 книги, в год—4 руб.

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ (ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

★

ОТПЕЧАТАНО
В 1-Й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-61860. П. 12. Гиз 38202.
Заказ № 258. Тираж 2000 экз. 12 п. л.

„9 января“ в Петербурге.

Публикуемые ниже материалы о «действиях войсковых частей 9 января 1905 г.» в Петербурге заслуживают внимания исследователя, во-первых, потому что рассеивают всякое сомнение о том, будто бы правительство не готовилось к избиению и расстрелу рабочих, во-вторых, потому что дают точную картину расположения (диспозицию) и действий войск, и, в-третьих, потому что дают возможность вычислить количество и род действовавших войск.

Трудно предположить, читая описание, что правительство не предполагало прибегать к оружию: так тщательно и так подробно разработана диспозиция, и — главное — военные руководители были прекрасно осведомлены о том, кто идет во главе рабочих, откуда рабочие намерены двигаться и т. п.

Имея в руках диспозицию, можно прекрасно начертить расположение войск на карте Ленинграда, пути движения рабочих потоков и пункты наибольшего скопления человеческих масс, т. е. картину выступления, и тем самым внести поправки в другие документы.

Диспозиция дает возможность учесть и численный состав войск, действовавших против народа. Мы видим, что это была целая армия лучших гвардейских частей.

Описание, в общем, подтверждает известную уже картину расстрела [1]), хотя, конечно, в картине этой указаны только важнейшие моменты столкновения; детали и, быть может, самые драматические эпизоды опущены.

И несмотря на это публикуемый ниже документ имеет большую ценность: в нем указаны точно часы выступлений войсковых частей, залпов, число их, место расположения частей. Однако нужно сказать, что документ преднамеренно явно преуменьшает число жертв; их всего по этим сведениям 132 чел., между тем как по спискам полиции и больниц, мною проверенным, число убитых и раненых было около 1000 человек.

Неверны, конечно, и сведения, будто бы Гапон двигался во главе толпы, направлявшейся с Петербургской стороны: Гапон, как известно, шел из-за Нарвской заставы, здесь был встречен выстрелами и отсюда благополучно скрылся.

Явно бросается в глаза также тенденция автора описания представить толпу рабочих, вызывающей нападение войск и залпы. Несмотря однако на все усилия автора,

[1]) См. хотя бы нашу работу: «Январские дни в Петербурге в 1905 г.» «Кр. летопись», 1922, I.

попытка его остается неудачной: даже из-за сухой реляции чувствуется мирное настроение рабочих и ничем не вызванное применение оружия. В этом отношении этот сухой, деловой, краткий военный рапорт, быть может, — лучший обвинительный акт против самодержавия.

Как видно из диспозиции, город был заранее разделен на районы, и во главе военных частей каждого района были поставлены генералы: Самгин, Рагозин, Рудановский, Ширма, Лангоф, Щербачев, Гадон и др., подчинявшиеся старшему командованию Петербургского военного округа, т. е. одному из членов царской семьи и, значит, в конечном счете — царю.

В числе генералов, расстреливавших рабочих, мы находим имена и тех, которые остались верны своему знамени, и уже в наши дни, напр., во время Октябрьской революции, хотя и безуспешно, боролись с революцией (например, Щербачев).

В. Невский.

Описание действий войсковых частей 9 января 1905 г. [1]).

Расположение частей 9 января.

К 11 часам утра 9 января все войска, за исключением отдельных частей, занимавших дворцы, арсенал и некоторые другие специальные здания, были распределены по районам города Петербурга согласно прилагаемой при сем диспозиции.

Васильевский остров. Ген.-майор Самгин.

Около 10 часов утра большая толпа рабочих, собравшись на 4-й и 6-й линиях Васильевского острова, между Средним и Малым проспектами, стала приближаться к Неве. Для преграждения ей возможности проникнуть за Неву 2 роты пехоты загородили толпе выходы из означенных линий на набережную, а навстречу были высланы части л.-гв. Уланского ее величества и л.-гв. Казачьего его величества полков, которые, произведя несколько атак, оттеснили народ к Большому проспекту.

Около 1 часа дня толпа на 4-й линии, значительно увеличившись в числе, стала устраивать проволочные заграждения, строить баррикады и выкидывать красные флаги. Против этой толпы по требованию и. д. полицеймейстера подполковника Галле были выдвинуты две роты л.-гв. Финляндского полка и 89-го пехотного Беломорского полка; 1 рота л.-гв. Финляндского полка, после безуспешных предупреждений и троекратного сигнала, дала один залп, после чего роты двинулись вперед, по направлению к Малому проспекту, разбирая

---

[1]) Заголовок подлинника. Московский Военно-Исторический Архив. Дело мин. военн., гл. штаба, 3 ст. 2 отд., № 15, ч. 2, 1905 г., «О командировании войск для содействия гражданским властям Петербургского военного округа», л. л. 22—36.

проволочные заграждения и баррикады и рассеивая толпу, оставившую на баррикаде двух убитых.

Во время движения рот из дома № 35 по 4-й линии, а также из строящегося дома напротив него, бросались кирпичи, камни и были произведены выстрелы.

На Малом проспекте у 12-й линии толпа снова сплотилась и, загородив дорогу, стала стрелять. Тогда одной полуротой 89-го пехотного Беломорского полка было произведено три залпа, которыми толпа была рассеяна, и роты, разбирая целый ряд баррикад, дошли до Смоленского кладбища. К 6 часам вечера роты вернулись к 1-му кадетскому корпусу.

Около двух часов дня, ввиду донесений о нападении толпы на оружейную фабрику Шафф, к означенной фабрике, на 14-ю линию, была выслана одна рота, которая угрозами открытия огня рассеяла шайку грабителей, в числе около 200 человек, и отобрала от них часть захваченного оружия. Этой же роте удалось остановить угрозами толпу рабочих, приближавшихся по 14-й линии со стороны Большого проспекта, и заставить ее отойти назад. Во время этих действий был арестован один студент, обращавшийся к солдатам с вызывающей речью, и при нем был найден заряженный револьвер.

Во избежание нового скопления рабочих в районе Большого проспекта на углах 17-й и 19-й линий были оставлены пехотные части. Кроме того по особому приказанию был занят ротой пехоты дом № 35 по 4-й линии.

В продолжение всего времени непрерывно высылались кавалерийские части для предупреждения скоплений рабочих и прекращения начинавшихся в разных местах грабежей лавок.

Во время действия войск на Васильевском острове войсками было задержано за грабеж и вооруженное сопротивление 163 человека.

Петербургская часть. Ген.-майор Рагозин.

Первое скопление народа было обнаружено в $10^1/_2$ часов утра на Выборгской стороне близ Сампсониевского моста, откуда толпа, через этот мост и Большую Дворянскую улицу, двинулась к Троицкой площади, но была остановлена и рассеяна несколькими атаками улан и угрозами пехоты действовать огнестрельным оружием.

К 1-му часу дня перед Троицкой площадью на Каменноостровском проспекте появилась новая густая масса народа, в числе (по определению полиции) до 20 тысяч человек, которую уже никакие увещания, угрозы и предупреждения не могли более остановить. Тогда, после троекратных предупреждений и сигналов, полторы [1]) роты

[1]) В л.-гв. Павловском полку роты в первый день были половинного против других размера. — Прим. в подлиннике.

л.-гв. Павловского полка дали один залп, после чего толпа остановилась и стала отходить, подобрав своих убитых и раненых (приблизительно около 40 человек), и была затем окончательно рассеяна высланными в атаку лейб-уланами.

По сведениям полиции, с толпой этой шел и главный агитатор, священник Гапон, которого рабочие несли на руках в середине толпы; после залпа и атаки кавалерии означенный священник был скрыт толпой и после уже не был разыскан.

В течение остальной части дня и ночью сильные кавалерийские разъезды препятствовали толпе собираться вновь перед войсками и разгоняли появившиеся на Большом проспекте шайки грабителей и хулиганов, бивших стекла на фонарях и в магазинах.

В 12 часов ночи из резерва была выслана одна рота для занятия дома Рабочего союза на Геслеровской улице.

Коломенская и Нарвская части. Генерал-майор Рудановский.

В 12 часов дня в районе Нарвской части была замечена толпа рабочих, в числе до 3 тысяч человек, которая двигалась по Петергофскому шоссе к Нарвским воротам, неся с собой портреты их величеств, кресты и хоругви. Ввиду безуспешности попыток остановить толпу увещаниями или угрозами, против нее был выслан один эскадрон конно-гренадер, при приближении которых толпа раздалась, причем с ее стороны было произведено два выстрела из револьвера (не причинивших вреда), и одному из нижних чинов был нанесен удар крестом. Тогда, ввиду явно враждебного настроения толпы, эскадрон был отозван назад, а двум ротам 93-го пехотного Иркутского полка, после троекратного предупреждения и сигнала, было приказано стрелять. После пяти залпов толпа, наконец, рассеялась, оставив на месте более 40 человек убитыми и ранеными.

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургский участок. Ген.-майор Ширма.

В районе Александро-Невской и Рождественской части особенно значительных скоплений рабочих не наблюдалось и столкновений в войсках не было.

Толпа рабочих, в числе до 16 тысяч человек, пытавшаяся пройти к городу по Шлиссельбургскому тракту, была задержана двумя сотнями атаманцев, причем один из толпы был легко ранен в руку. При виде приближавшихся подкреплений толпа бросилась на лед р. Невы и направилась к Охте, где, по всей вероятности, и рассеялась, так как затем в течение остального дня особенно крупных масс рабочих и серьезных нарушений ими порядка в районах Охты или Выборгской части не было замечено.

Московская часть. Ген.-майор Лангоф.

Около 9½ часов утра вблизи Московской заставы стала, было, собираться толпа рабочих, но была рассеяна драгунами, не прибегая к действию оружия.

Ввиду сравнительного спокойствия в районе, в 3-м часу дня из состава войск этого района было выделено 2 роты и 2 эскадрона на усиление войск, расположенных на Дворцовой площади.

Около того же времени было выслано две роты к Семеновскому мосту и 2 роты к Каменному мосту. Эти роты разгоняли толпы рабочих, неоднократно собиравшихся на Садовой и Гороховой улицах и на Фонтанке, причем прибегать к действию оружием не приходилось.

Адмиралтейская часть. Ген.-майор Щербачев.

Между 12 и 2 часами дня значительные массы народа стали собираться вокруг Дворцовой площади по прилегающим улицам набережной и у Александровского сада, но до 2 часов дня толпы эти удавалось рассеивать действиями конницы и пехоты, не прибегая к оружию.

Около 2 часов дня толпы стали значительно увеличиваться, собираясь преимущественно у Певческого моста и у Александровского сада, причем у последнего масса народа держала себя особенно вызывающе, не уступая никаким увещаниям и требованиям разойтись и отвечая бранью и насмешками на угрозы действовать оружием.

Толпа напирала и теснила войска все настойчивее и смелее, и из нее выделялись отдельные лица, обращавшиеся к солдатам с дерзкими заявлениями и угрозами.

Тогда, истощив все средства к обузданию бесчинствующей массы, эскадрон кавалерии на Певческом мосту был принужден произвести две атаки с обнаженным оружием, нанося удары шашками плашмя, после чего толпа рассеялась и более не собиралась. У Александровского же сада толпа укрывалась у решетки сада и позади ее, вследствие чего даже и атаки кавалерии с обнаженным оружием не оказали никакого действия. Тогда, после многократных увещаний и сигналов «стрелять», одна рота л.-гв. Преображенского полка принуждена была дать два залпа. После второго залпа толпа очистила прилегающую часть площади и сад, оставив на месте около 30 человек убитых и раненых, а затем была окончательно рассеяна атакой высланных вперед казаков.

К 3 часам на усиление войск, расположенных на Дворцовой площади, из Московской части (генерал-майор Лангоф) были присланы две роты и два эскадрона.

Ввиду скопления народа на Невском проспекте, Морской и улице Гоголя и угрожающего поведения толпы, избившей на глазах у всех несколько проезжавших офицеров и юнкеров, на означенные улицы были высланы пехотные и кавалерийские части. Последние во многих местах были встречены камнями и выстрелами из револьверов (не причинивших никому вреда).

Улицу Гоголя, Морскую и Исаакиевскую площадь удалось очистить от толпы, не прибегая к действию оружием, а сильные кавалерийские части, непрерывно после того объезжавшие эти улицы, не позволяли толпе снова сплотиться в каком-либо месте в угрожающую массу. Но на Невском проспекте у Полицейского моста буйствующая толпа совершенно преградила дорогу высланной в этом направлении роте л.-гв. Семеновского полка и заставила последнюю, после многократных предупреждений и сигналов, открыть огонь. Тремя взводами этой роты было произведено шесть залпов (по два залпа каждым из взводов отдельно) в направлении Невского проспекта и в обе стороны по р. Мойке, и только после шестого залпа толпа отхлынула и рассеялась, оставив на месте человек 15—20 убитыми и ранеными. Во время этих действий по одному из офицеров л.-гв. Семеновского полка из окна ресторана «Альберт» (по свидетельству солдат) было произведено два выстрела из револьвера без нанесения вреда.

Около 5 часов дня из состава войск, расположенных на Дворцовой площади, было выделено две роты пехоты и два эскадрона кавалерии на Петербургскую сторону для поимки священника Гапона, который, по донесениям полиции, находился в доме Рабочего союза на Геслеровской улице. По прибытии на Петербургскую сторону, священника Гапона там более не оказалось; также не оказалось его и на Васильевском острове в доме № 35 по 4-й линии, куда был направлен отряд согласно указаниям полиции (дом № 35 был уже занят частями л.-гв. Финляндского полка), вследствие чего высланные части были возвращены обратно.

С наступлением темноты толпы рабочих стали постепенно уменьшаться и рассеиваться, а части войск, распределенные по разным пунктам района, были постепенно стянуты обратно на Дворцовую площадь. Из отряда высылались лишь сильные кавалерийские разъезды для патрулирования улиц и предупреждения грабежей.

Выборгская часть. Ген.-майор Белов. Казанская, Спасская, и Литейная части. Ген.-майор Гадон.

В районах Выборгской, Казанской, Спасской и Литейной частей особенно значительных скоплений рабочих не наблюдалось, и порядок поддерживался, не прибегая для этого к действию оружием.

Л.-гв. Уральская казачья его величества сотня.

В 9 часов вечера, по требованию градоначальника, к Аничковскому дворцу была вызвана л.-гв. Уральская казачья его величества сотня, которая оставалась около дворца до 11 часов вечера. Серьезных столкновений с толпой не было, к оружию не прибегали. Один казак был легко ранен камнем в лицо, но остался в строю.

Переход на ночное положение.

Конец вечера и ночь прошли относительно спокойно. Кроме отдельных попыток к грабежу и бесчинств незначительных групп хулиганов, серьезных нарушений порядка не было, и войска, стянувшись к ночи к важнейшим пунктам в своих районах, частью (по соглашению с полицией) были отправлены на отдых по своим казармам.

Приложение: Диспозиция на 9 января.

Старший адъютант полковник [подпись].

Диспозиция на 9 января.

Васильевский остров.

Ген.-майор Самгин. Ст. сов. Пащенко

Л.-гв. Финляндского полка . .	2 бат.	2 р.—Николаевский мост; 2 р.—Дворцовый мост; 2 р.—против Горного института; 3 р., 2 эск. и 2 сот.—общий резерв.
» Стрелкового полка . . .		
» Казачьего его в. п. . . .	2 сот.	
» Уланского ее вел. п. . .	2 эск.	
89 п. Беломорского п. (ф. Лаферм)	1 р.	
	$2^1/_4$ бат. 2 эск. 2 сот.	

Петербургская часть.

Ген.-майор Рагозин. Подп. Крылов

Л.-гв. Гренадерского полка . .	2 бат.	2 р.—Биржевой мост; 2 р.—Троицкий мост; 4 роты и 2 эск.—резерв [1].
» Павловского полка . . .		
» Уланского ее вел. п. . .	2 эск.	
» Казачьего его вел. п. . .	$^1/_2$ сот.	
	2 бат. $2^1/_2$ эск.	

Выборгская часть.

Ген.-майор Белов. Подполк. Шалфеев

Л.-гв. Московского полка . . .	2 бат.	2 роты—Литейный мост; 2 роты—клиника Вилие; 4 роты и 2 эск.—резерв.
» Уланского ее вел. п. . .	1 эск.	
» Драгунского п.	1 »	
	2 бат. 2 эск.	

Коломенская и Нарвская части.

Ген.-майор Рудановский. Ротм. Давыдов. Подполк. Сокович.

Гвардейского Экипажа	$1^1/_2$ бат.	Нарвские ворота—2 роты, 1 эскадр.; Лейхтенбергская ул.—1 рота; Варшав.
Л.-гв. Измайловского п. . .	1 бат.	
91 п. Двинского полка . . .	3 роты	
93 п. Иркутского полка . . .	2 »	

[1]) Так в подлиннике.

96 п. Омского полка	2 роты	мост — 1 рота; Старый Калинкинский м.— 2 р.; в Нарвской части — 3 р. (верфь); Мал. Калинк. м.— 1 рота; уг. Английского пр. и Мойки — 1 эск. и 1 р.; Англ. наб. прот. Замятина пер.— 2 р.; Англ. пр., уг. Офиц.— 3 р. (резерв). [1]
Л.-гв. Конно-гренадер. п. . .	3 эск.	
	$4^1/_4$ бат. 3 эск.	

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургск. уч.

Ген.-майор Ширма
Подполк. Бабулевич
Подполк. Васильев
Подполк. Лесников
Подполк. Романкевич
Подполк. Дейтрих
Подполк. Иванов

Л.-гв. Атаманского полка . . .	4 сот.	Архангелогородский мост у Невы — 2 роты и у Шлиссельбургской части — 2 эск.; Невский пр., угол Суворовского — 4 роты, 1 эскадрон; Знаменская площадь—резерв — 2 роты, 1 эскадрон; Новокаменный мост, уг. Лиговской и Обводной — 1 рота, 1 эскадрон; Суворовский проспект, Акад. генерального штаба — 1 рота, 1 эск.
» Драгунского полка . . .	2 эск.	
» Преображенского полка .	1 бат.	
90 п. Онежского п.	2 рот.	
91 п. Двинского п.	1 »	
89 п. Беломорского п.	1 »	
198 п. р. Алекс.-Невского п. .	2 »	
	$2^1/_2$ бат. 2 эск. 4 сот.	

Московская часть.
Ген.-майор Лангоф. Подполк. Менчуков

Л.-гв. Семеновского п. . . .	$2^1/_2$ бат.	2 р. 1 эск.— уг. Боровой и Обводного кан.; Московская заст.—2 р., 1 эск.; Нов. Моск. мост (Обводн. кан.) — 2 р.; Московская часть — $1^3/_4$ батал.— резерв.
» Егерского полка . . .	$^3/_4$ »	
» Драгунского полка . .	2 эск.	
	$3^1/_4$ бат. 2 эскадрона	

Казанская, Спасская и Литейная части.
Ген.-майор Гадон. Подполк Пчелин

Л.-гв. Преображенского п. . .	3 роты	Гостиный двор — 1 р. и 1 эск. Кон.-гр.; Казанская № 3 — 1 рота и 1 эск.; 1 рота.— Дума [1].
» Саперного батальона . .	1 рота	
» Конно-гренадер. п. . . .	2 эск.	
	1 бат. 2 эскадр.	

Адмиралтейская часть.
Ген.-майор Щербачев

Л.-гв. Павловского полка . . .	2 бат.	1 батал. л.-гв. Павловского п. и 2 сотни Казачьего полка выслать к Зим-
» Преображенского п. . .	3 рот.	
Кавалергардского полка	4 эск.	
Л.-гв. Казачьего его в. п. . . .	2 сот.	

[1] Так в подлиннике.

Л.-гв. Конного полка . . . . . 4 экс.
$2^3/_4$ бат. 8 эск. 2 сотни

нему дворцу к 9 час. утра. Л-гв. Павловского полка 1 бат. и 3 роты Преображ. п. 11 час. утра — Дворцовая площадь. Кавалергардский п., л.-гв. Конный полки готовы к 9 час. утра, а в 11 час. утра прибывают на Дворцовую площадь.

Описание действий войск 10 января 1905 г.

Расположение войск.

Войска были расположены по районам, согласно прилагаемой при сем диспозиции.

В каждом районе, распоряжением соответствующих начальников, высылались разъезды и дозоры. В некоторых случаях, для рассеивания толпы, по особым вызовам полиции, высылались отдельные кавалерийские и пехотные части.

Во многих случаях указания полиции о сборищах народа и беспорядках, по высылке войск, оказывались неверными.

Васильевский остров. Флиг.-адъютант полковник Орлов.

В ночь на 10 января серьезных беспорядков на Васильевском острове не было. Полицией было арестовано лишь около 50 хулиганов, занимавшихся грабежом.

В 5 часов 45 минут дня по телефону от пристава было получено сообщение, что толпа идет к оружейному складу Шаффа (на 14-й линии) с целью его разграбить. Части, находившиеся вблизи склада, с поддержкой высланного к ним ½ эскадрона улан, заставили толпу рассеяться, не прибегая к помощи оружия.

Арестованные за 9 и 10 января лица, в числе 148 человек, ночью, под конвоем одной роты л.-гв. Финляндского полка и конной полиции, были отведены в Спасскую часть.

Петербургская часть. Ген.-майор Рагозин.

На Петербургской стороне в течение дня было спокойно, за исключением беспорядков, производимых хулиганами с целью грабежа съестных лавок.

Выборгская часть. Ген.-майор Белов.

В 10 часов утра, по требованию полиции, был выслан разъезд драгун на угол Сампсониевского проспекта и Нейшлотского переулка. Разъезд нашел значительное скопление народа, рассеять которое уговорами не удалось; в разъезд бросались из толпы железные гайки и болты, вследствие чего в 11 часов туда же был выслан эскадрон драгун, по прибытии которого толпа разошлась без сопротивления.

Коломенская и Нарвская части. Свиты его в. ген.-майор Порецкий.

В районе Коломенской и Нарвской частей серьезных нарушений порядка не было.

Экстренно вызвана была полицией лишь одна полурота л.-гв. Измайловского полка в Мясную улицу, где

толпа рабочих принялась было разбивать лавки и стекла в окнах и фонарях, и одна рота л.-гв. Измайловского полка — в Александровский рынок, где толпа пыталась грабить лавки. В обоих случаях толпа разошлась при появлении воинских частей после словесных увещаний.

Александро-Невская и Рождественская части и Шлиссельбургский участок. Ген.-майор Ширма.

В 3 часа дня две сотни атаманцев были вызваны на Знаменскую площадь ввиду значительного скопления народа на Невском проспекте. Сотни высылали разъезды по окружающей местности, оттесняя и рассеивая бесчинствующую толпу. Последняя не оказывала серьезного сопротивления, вследствие чего к действию оружием прибегать не приходилось.

Московская часть. Ген.-майор Лангоф.

В 9 часов утра из состава частей района были выделены 2 роты л.-гв. Семеновского полка и отправлены на станцию Колпино для смены находившегося там л.-гв. 1-го стрелкового его величества батальона.

В 5 часу дня 1-я рота л.-гв. Семеновского полка и ½ эскадрона драгун были посланы к типографии «Правительственного вестника», ввиду полученного от пристава уведомления об ожидаемом разгроме типографии. Драгуны очистили прилегающие улицы, и к 7 часам вечера, ввиду полного спокойствия около типографии, части вернулись обратно.

Казанская, Спасская и Литейная части. Ген.-майор Гадон.

В районе Казанской, Спасской и Литейной частей серьезных беспорядков не было и войскам действовать не приходилось. В 8½ часов утра в состав войск района была вызвана л.-гв. Уральская казачья его величества сотня, которая тотчас была отправлена к дворцу великого князя Сергея Александровича. От нее по окружающей местности высылались разъезды, несколько раз для рассеивания скоплявшихся рабочих высылались взводы, а два раза выходила вся сотня. Толпа серьезного сопротивления не оказывала, и действовать оружием не приходилось. Во время действий около Гостиного двора один казак упал вместе с лошадью и переломил себе левую ногу.

На Путиловском заводе, занятом четырьмя ротами л.-гв. Егерского полка, было покушение на поджог здания, не удавшееся вследствие подхода пехотного дозора.

Адмиралтейская часть. Ген.-майор Щербачев.

В районе Адмиралтейской части все было спокойно.

От Кавалергардского полка несколько раз высылались эскадроны по вызову полиции: 1 эскадрон в 2 часа дня на Сергиевскую улицу, 1 эскадрон в 7 часов вечера к водокачке и 1 эскадрон в 8 часов вечера на угол Кирочной и Воскресенского. Все

три раза тревога оказывалась ложной, и эскадроны возвращались, не обнаружив ни толпы, ни беспорядка.

Царскосельский район.

В 9 часов вечера, по приказанию коменданта императорской главной квартиры, из Царского села был выслан отряд под общим начальством генерал-майора Кашерининова, в составе л.-гв. 1-го его величества и 4-го императорской фамилии стрелковых батальонов, л.-гв. Гусарского его величества и Кирасирского его величества полков и 4 орудий конной батареи Офицерской артиллерийской школы, в дд. Кузьмино и Пулково для преграждения пути большой толпе рабочих, которая, согласно полученным сведениям, направилась из С.-Петербурга в Царское село.

Одновременно с этим и из С.-Петербурга в 11 часов вечера был выслан конный отряд из 5 эскадронов, под начальством генерал-майора князя Багратиона-Мухранского, с целью нагнать и вернуть обратно направившуюся в Царское село толпу.

Однако разъезды, высланные из Царского села, никакой толпы на Московском шоссе не обнаружили, вследствие чего царскосельский отряд к 11 часам ночи вернулся обратно в Царское село.

Конный отряд, высланный из Петербурга, успел дойти до Средней Рогатки, где встретил посланные ему навстречу разъезды кирасир, и, узнав от них об отсутствии на шоссе какой бы то ни было толпы, ночью возвратился обратно.

В общем 10 января всюду прошло спокойно. Толпы народа, где таковые собирались, расходились при появлении воинских частей без особого сопротивления, вследствие чего к действию оружием нигде прибегать не приходилось. Кое-где беспорядки были произведены, главным образом, небольшими шайками хулиганов, пытавшихся бесчинствовать и грабить лавки; все эти беспорядки легко прекращались самой полицией, в редких случаях лишь прибегавшей к содействию войск.

Старший адъютант
подполковник [подпись].

Диспозиция на 10 января.

Васильевский остров.

Флигель-адъютант полковник Орлов

Л.-гв. Финляндского полка . .	2 бат.	2 роты — Николаевский мост; 1 рота — Дворцовый мост; 1 рота — против
» Казачьего полка	2 сот.	

Л.-гв. Уланского ее вел. полка	2 эск.	Горного института; 2 роты — угол 6-й линии и Среднего проспекта; 2 роты — угол Малого пр. и 5-й линии. Общий резерв 1 р., 2 эск., 2 сот.
89 пех. Беломорского п. (фабр. Лаферм)	1 р.	
	$2^1/_4$ бат. 2 эск. 2 сот.	

Петербургская часть.
Генерал-майор Рагозин

Л.-гв. Гренадерского полка	1 бат.	2 роты — Биржевой мост; 2 роты — Троицкий мост; 2 роты — Большой проспект, Петербургская сторона. 2 роты, 1 сотня, 1 эскадрон — резерв.
» Павловского полка	1 »	
» Уланского ее вел. полка	1 эск.	
» Казачьего его вел. полка	1 сот.	
	2 бат. 1 сот. 1 эск.	

Выборгская часть.
Генерал-майор Белов

Л.-гв. Московского полка	2 бат.	2 роты — Литейный мост; 2 роты — клиника Вилие. 4 роты, 2 эскадрона — резерв.
» Уланского ее вел. полка	1 эск.	
» Драгунского полка	1 »	
	2 бат. 2 эск.	

Коломенская и Нарвская части.
Свиты е. в. ген.-майор Порецкий

Гвардейского экипажа	$1^1/_2$ бат.	Нарвские ворота — 2 роты, 1 эскадрон; Лейхтенбергская ул.—1 рота; Варшавский мост — 1 рота; Старый Калинкин мост — 2 роты, 1 эскадрон; в Нарвской части — 4 роты, 2 эскадрона (верфь); Новый Калинкин мост—1 рота; угол Английского пр. и Мойки—1 рота; Английская набережная против Замятина пер. — 2 роты; Митрофановское шоссе — 1 рота; Измайловский мост — 1 рота; Египетский мост — 1 рота; угол Офицерской и р. Пряжки — 1 рота; угол Английского пр. и Торговой ул.— 1 рота; угол Рижского пр. и Тараканов ой — 1 рота; угол Английского и Екатерингофского проспектов—1 рота.
Л.-гв. Измайловского полка	2 »	
91 пех. Двинского полка	$^3/_4$ »	
93 » Иркутского полка	$^1/_2$ »	
96 » Омского полка	$^1/_2$ »	
Л.-гв. Конно-гренадерского полка	4 эск.	
	$5^1/_4$ бат. 4 эск.	

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургский участок.
Генерал-майор Ширма

Л.-гв. Атаманского полка	4 сот.	Архангелогородский мост у Невы — 2 роты и 1 сотня; Невский, 91 (Александро-Невская часть) — 2 роты, 1 эскадрон и 1 сотня и у Шлиссельбург-
» Драгунского полка	1 эск.	
» Преображенского полка	$^1/_2$ б.	
90 пех. Онежского полка	$^1/_2$ »	

91 пех. Двинского полка . . . . $^1/_4$ б.	ской части — 2 сотни; Знаменская площадь — резерв — 2 роты. Новокаменный мост, угол Лиговской и Обводной — 1 рота; Малая Болотная, 17 — 1 рота.
89 » Беломорского полка . . $^1/_4$ »	
198 » рез. Александро-Невского п. . . . . $^1/_2$ »	
2 бат. 1 эск. 4 сот.	

Московская часть.
Генерал-майор Лангоф

Л.-гв. Семеновского полка . . 2 бат.	2 роты — угол Боровой и Обводного канала; Московская застава — 2 роты; Ново-Московский мост (Обводный канал) — 2 роты. Московская часть — 4 роты, 1 эск. — резерв.
» Егерского полка . . . . $^1/_2$ »	
» Драгунского полка . . . 1 эск.	
$2^1/_2$ бат. 1 эск.	

Казанская, Спасская и Литейная части.
Генерал-майор Гадон

Л.-гв. Преображенского полка $^3/_4$ бат.	1-й Спасский уч. — 1 р., 1 эск. л. драгун; Гостиный двор — 1 р. и 1 эск. конно-гренадер; Казанская, № 3 — 1 р. и 1 эск. л.-драгун; Дума — 1 рота; дворец великого князя Сергея Александровича — $^3/_4$ сотни.
» Саперного батальона . . $^1/_4$ »	
» Уральской его вел. сотни $^3/_4$ сот.	
» Конно-гренадерского полка . . . . . 1 эск.	
Л.-гв. Драгунского полка . . . 2 »	
1 бат. 3 эск. $^3/_4$ сотни	

Адмиралтейская часть.
Генерал-майор Щербачев

Л.-гв. Павловского полка . . . 2 бат.	2 роты л.-гв. Преображенского полка в $7^1/_2$ час. утра занимают Зимний дворец, в 11 час. утра на Дворцовую площадь прибывают остальные части.
» Преображенского полка . $^3/_4$ »	
» Кавалергардского ее вел. полка . . . . . 4 эск.	
Л.-гв. Казачьего его вел. полка 1 сот.	
» Конного полка . . . . . 4 эск.	
$2^3/_4$ бат. 8 эск. 2 сот.[1])	

Описание действий войск 11 января 1905 г.

Расположение войск. Войска были расположены согласно диспозиции [2]). По усмотрению начальников районов некоторые части в течение дня были помещаемы под крышей на отдых.

Действия войск. Ночь с 10 на 11 января. Ночь с 10 на 11 января всюду прошла спокойно. Только на Васильевском острове было задержано 2 человека, захваченных при попытке срубить электрический столб.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) При сем прилагаемой. — Прим. в подлиннике.

11 января. В течение дня во всех районах также было спокойно и серьезных беспорядков не возникало.

В районе Васильевского острова, на 8-й линии за Малым проспектом, несколько человек рабочих пытались врываться в мелочные лавки с требованием денег и еды. Порядок был легко восстановлен, причем один из рабочих был задержан. В продолжение дня было еще несколько арестов, по указанию полиции; всего было задержано 8 человек, в том числе 3 студента. 3 студента были с небольшими поранениями; одного избили рабочие, стащив с вагона конно-железной дороги, другие два, по их рассказам, были поранены казаками, а по свидетельству казаков — городовыми во время их задержания. Один из этих студентов был арестован за подстрекательство толпы к беспорядкам.

В районе Казанской и Спасской частей вечером погасло электрическое освещение на всем участке Невского проспекта между Казанским и Полицейским мостами, ввиду чего по Невскому посылались усиленные разъезды и пехотные дозоры. Такие же разъезды и дозоры охраняли порядок вокруг Гостиного двора и по Александровской линии на Садовой улице. Толпа бывала довольно густой, но беспорядков и бесчинств не производила. Около 5 часов дня три взвода л.-гв. Преображенского полка, по требованию полиции, были высланы в пассаж для охранения магазинов. Позднее один из рядовых л.-гв. Преображенского полка, находясь в дозоре около пассажа, пытался задержать одного из студентов, оскорблявшего войска бранными словами, но был в это время ранен в шею другим студентом, успевшим после того скрыться в толпе. Рана, по свидетельству врача, относится к разряду тяжких.

Отдельные командировки на 11 января. Ввиду возникновения необходимости в охране Сестрорецкого и Охтенского порохового заводов, на означенные заводы 11 января были командированы особые воинские части: на первый — эскадрон Офицерской кавалерийской школы и 2 крепостных батальона из Кронштадта, а на второй — $^1/_2$ эскадрона от Гвардейской конно-артиллерийской бригады при 2 орудиях.

Кроме того высылались небольшие части для охранения транспортов военного ведомства во время перевозки их через Петербург согласно требованию окружного артиллерийского управления.

Старший адъютант

подполковник [подпись].

Диспозиция на 11 января.

Васильевский остров. Флигель-адъютант полковник Орлов		
Л.-гв. Финляндского полка . .	1¾ бат.	2 роты — Николаевский мост; 1 рота — Дворцовый мост; 1 рота — против Горного института; 2 роты — угол 6-й линии и Среднего пр.; 2 роты — угол Малого проспекта и 5-й линии. Общий резерв — 3 эскадрона, 2 сотни.
» Казачьего его вел. полка	2 сот.	
» Уланского ее вел. полка	3 эск.	
89 пех. Беломорского п. (ф. Лаферм)	¼ бат.	
	2 бат. 3 эск. 2 сот.	
Петербургская часть. Генерал-майор Рагозин		
Л.-гв. Гренадерского полка .	1½ бат.	2 роты — Биржевой мост; 2 роты — Троицкий мост; 2 роты — Большой проспект, Петербургская сторона. 2 роты, 1 эскадрон, 1 сотня — резерв [1])
» Павловского полка . .	1 »	
» Уланского ее вел. полка	1 эск.	
» Казачьего его вел. полка	1 сот.	
	2½ бат. 1 эск. 1 сот.	
Выборгская часть. Генерал-майор Пыхачев		
Л.-гв. Московского полка . . .	2 бат.	2 роты — Литейный мост; 2 роты — клиника Вилие; 4 роты, 2 эскадрона — резерв.
» Уланского ее вел. полка	1 эск.	
» Драгунского полка . . .	1 »	
	2 бат. 2 эск.	
Коломенская и Нарвская части. Свиты его вел. ген.-м. Порецкий		
Гвардейского экипажа	1½ бат.	Нарвские ворота — 2 роты, 1 эскадрон; Лейхтенбергская улица — 1 рота; Варшавский мост — 1 рота; Старый Калинкин мост — 2 роты, 1 эскадрон; в Нарвской части — 3 роты, 1 эскадрон (верфь); Новый Калинкин мост — 1 рота; угол Английского пр. и Мойки — 1 рота; Английская набережная против Замятина пер. — 2 роты; Митрофановское шоссе — 1 рота; Измайловский мост — 1 рота; Египетский мост — 1 рота; угол Офицерской и р. Пряжки — 1 рота; угол Английского проспекта и Торговой улицы — 1 рота; угол Рижского проспекта и Тараканова улицы — 1 рота; угол Английского и Екатерингофского пр. — 1 рота [2]).
Л.-гв. Измайловского полка .	2 »	
91 пех. Двинского полка . .	½ »	
93 » Иркутского полка. .	½ »	
96 » Омского полка . . .	½ »	
Л.-гв. Конно-гренадерского полка	3 эск.	
	5 бат. 3 эск.	

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Рота Гвардейского экипажа назначена охранять главный почтамт.— Примечание в подлиннике.

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургский участок.
Генерал-майор барон Неттельгорст

Л.-гв. Атаманского полка	4	сот.
» Преображенского полка.	1/2	бат.
90 пех. Онежского полка	1/4	»
91 » Двинского »	1/4	»
89 » Беломорского полка	1/4	»
198 п. р. Александро-Нев. полка	1/2	б.
	1 3/4	бат. 4 сот.

Архангелогородский мост у Невы — 2 роты и 1 сотня; Невский, 91 (Александро-Невская часть) — 2 роты и 1 сотня и у Шлиссельбургской части — 2 сотни; Знаменская площадь — резерв — 1 рота; Новокаменный мост, угол Лиговской и Обводной — 1 рота; Малая Болотная, 17 — 1 рота.

Московская часть.
Генерал-майор Лангоф

Л.-гв. Семеновского полка	1 1/2	бат.
» Драгунского полка	1	эск.
	1 1/2	бат. 1 эск.

Угол Боровой и Обводного канала — 1 рота; Московская застава — 1 рота; Ново-Московский мост (Обводный канал) — 1 рота; Московская часть — 2 роты, 1 эскадрон — резерв [1]).

Казанская, Спасская и Литейная части.
Генерал-майор Сирелиус

Л.-гв. Преображенского полка.	3/4	бат.
» Егерского полка	1/2	»
» Саперного батальона	1/8	»
» Урал. каз. его вел. сотни	3/4	сот.
» Конно-гренадерск. полка	1	эск.
» Драгунского полка	2	эск.
	1 3/8	бат. 3 эск. 3/4 сот.

Гостиный двор — 1/2 роты и 1 эскадрон конно-гренадер; Казанская № 3 — 1 рота и 1 эскадрон л.-драгун; Дума — 1 рота; дворец великого князя Сергея Александровича — 3/4 сотни уральцев; угол Невского и Литейного проспектов — 2 роты егерей и 1 эскадрон л.-драгун. [1]).

Адмиралтейская часть.
Генерал-майор Гадон

Л.-гв. Павловского полка	1 3/4	бат.
» Преображенского полка	1/2	»
Кавалергардского ее вел. полка	3	эск.
Л.-гв. Конного полка	3	»
» Конно-гренадерск. полка	1	»
	2 1/4	бат. 7 эск.

2 роты л.-гв. Павловского полка и по 1 эскадрону Кавалергардского и л.-гв. Конного полков занимают Зимний дворец; 1 эскадрон л.-гв. Конно-гренадерского полка — в Мраморном дворце. В 11 час. утра на Дворцовую площадь прибывают остальные части.

Сверх того отдыхают по одному эскадрону от полков Кавалергардского л.-гв. Конного и Драгунского и одна сотня от л.-гв. Казачьего его величества.

Описание действий войск 12 января 1905 г.

Расположение войск. Войска были расположены согласно диспозиции [2]). Разрешено было разместить части в теплых помещениях, оставив на улицах лишь необходимые дозоры и часовых.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Будет представлена дополнительно. — Прим. в подлиннике.

Кроме того, по усмотрению начальников района, часть наряда (около $^1/_4$) могла быть отпущена на отдых.

Действия войск. Ночь на 12 января.

В ночь на 12 января, ввиду предстоящего перевезения трупов убитых 9 января из больниц на кладбища, войсками, по требованию полиции, были приняты соответствующие меры предосторожности.

В районе Васильевского острова около больницы Марии Магдалины к 3 часам ночи была скрытно расположена половина сотни казаков, которая затем следила за перевозкой трупов до соприкосновения с кавалерийской частью, высланной на Петербургской стороне (которая, в свою очередь, провожала далее до станции Финляндской железной дороги). Кроме того 1 эскадрон улан освещал всю местность в районе перевозки, и 1 рота л.-гв. Финляндского полка была скрытно расположена у Тучкова моста.

К 7 часам утра охранение было снято. Ни толпы, ни беспорядков нигде не было.

В районе Московской части, ввиду вывоза в 7 часов утра тел из Обуховской больницы на Николаевский вокзал, также 1 рота пехоты была расположена наготове с 3 часов ночи во дворе 3-го батальона л.-гв. Семеновского полка против Гороховой улицы, но в 5 часов утра снята за ненадобностью. Вместо того к 7 часам утра 1 рота и 1 эскадрон были отправлены в 4-й участок Московской части (Клинский пер.), а в 9 часов утра возвращены обратно. Надобности в них не представилось, так как порядок нигде не был нарушаем.

День 12 января.

День 12 января прошел спокойно, и никакого беспорядка нигде (кроме кладбища на ст. Обухово) не было обнаружено.

В районе Петербургской стороны войска несколько раз были вызываемы полицией, но каждый раз тревога оказывалась ложной, а сведения полиции о движениях толпы рабочих — неверными.

На кладбище у станции Обухово в 10 часов утра была вызвана полицией половина сотни атаманцев, стоявшая на Обуховском заводе. До прибытия сотни настроение собравшейся толпы было крайне возбужденное, но с приходом ее толпа сама стала расходиться. С прибытием на кладбище к 1 часу дня конной полиции половина сотни возвратилась на завод.

Отдельные командировки.

Кроме указанных выше случаев вызова войск, отдельные воинские части были наряжаемы для сопровождения транспортов с консервами и мазутом, согласно требованиям окружного интендантского и главного военно-медицинского управлений.

Старший адъютант подполковник [подпись].

---

25 лет назад.

Из дневников Л. Тихомирова.

В «Красном архиве» уже были опубликованы воспоминания и часть дневников Л. Тихомирова, относящиеся к начальному периоду его отхода от революции и первых лет жизни по возвращении в Россию. Здесь мы публикуем часть его дневников, относящуюся к революции 1905 г. К этому времени Л. Тихомиров занял довольно прочное положение в рядах черносотенной журналистики, сделавшись правой рукой Грингмута и идейным вдохновителем «Московских ведомостей». Он в это время был довольно тесно связан с зубатовской организацией и ее московскими руководителями—охранниками Афанасьевым, Красивским и К°, писал «исследование» под заглавием «Монархическая государственность», окружил себя монахами, попами и светскими церковниками. В качестве фактического редактора «Московских ведомостей» Л. Тихомиров не мог не интересоваться политическими событиями того времени. Начавшаяся русско-японская война, всколыхнувшая все слои населения, естественно, выбила из колеи и этого бывшего революционера, укрывшегося в стенах монархической редакции под защитой полицейского участка.

Изо дня в день Тихомиров писал в «Московских ведомостях» статьи о славе русского оружия, незыблемости основ самодержавия, необходимости упорной и беспощадной борьбы с «крамолой». В то же время на страницах своего дневника, оставаясь наедине с собой, он не менее беспощадно разоблачал моральное и политическое убожество, гниль и разложение того строя, которого официальным защитником и трубадуром он был.

Л. Тихомиров искал тихого пристанища, спасения от революционных бурь в служении самодержавной России. Мертвящий режим александровской эпохи, распад революционных организаций, тяжелое личное материальное положение привели Тихомирова, уже давно чувствовавшего себя «чужим» в стане революции, в стан защитников царизма. Здесь он думал найти успокоение и возможность материального обеспечения. Всплески новой революционной волны заставили его почувствовать всю зыбкость почвы, на которой он хотел укрепиться. Он скоро понял, что его надеждам на «мирное житие» не суждено осуществиться.

Этого ренегат не мог простить царизму. В моменты нарастания революционной волны, когда он чувствовал неизбежность гибели самодержавного строя, он в своем дневнике не находил достаточно сильных выражений, чтобы заклеймить этот строй, обманувший его надежды.

Для характеристики личности самого Тихомирова эти места дневников очень любопытны. Но они представляют также несомненный исторический интерес, поскольку Тихомиров невольно отобразил в своем дневнике настроение среднего русского обывателя, умевшего наблюдать и довольно хорошо записывать виденное.

Публикуемая здесь часть дневника охватывает период русско-японской войны до разгрома революции 1905 года.

Общую обстановку и свое настроение в начале 1904 г. Тихомиров рисует так: «В Питере готовятся придворные балы. У нас, у великого князя, первый бал был вчера, и Гринмут был. Такова жизнь: с одной стороны — балы, с другой — беспорядки, с третьей — война. А в то же время — скучно на свете» (16 января).

Войны он хочет и боится. «Может быть, война была бы полезна, только при условии жестокого поражения японцев. К несчастью, если война и будет, то я не верю в русскую победу. Правительство слишком нерешительно и неспособно на сильные удары. Никакое геройство войне не поможет».

«Порт-артурские пушки загремели с чувством и достоинством», — записывает он 28 января, а на другой день, при первых же известиях о неудачах, он уже пишет: «Мы почти погибли.... Япония имеет правительство, быть может, самое великое в своей истории; мы имеем самое слабое, какое только было до сих пор, беспримерно слабое». Впрочем настроен он в эти дни все же довольно воинственно. Клеймит Ламздорфа в связи со слухами, что министр иностранных дел поднимает «подлый голос в пользу миролюбия», брюзжит на царя, что он якобы настроен «миролюбиво», сам Тихомиров готов «воевать с целым светом». При новых известиях о неудачах он восхищается японцами: «Бесстрашные, настоящие воины, смелы до полной дерзости.... Нельзя не любоваться» и т. д. А русские?.. «Интеллигенция — какая-то разлагающаяся гниль», русская эскадра трусливо держится под батареями, не смеет нападать, «плохие моряки», «движение Рейценштейна тоже совсем дрянное» (13 февраля).

Через месяц Тихомиров подводит итоги: «Десять лет находимся в истинном гниении, по всем внутренним делам. Нелепым ведением внешних дел подготовили войну японскую и вот уже целый месяц испытываем срам. Самое лучшее, что мы узнаем, это то, что мы еще не биты, успели спрятаться и т. п. Итак, даже и в военном отношении то же самое, что во внутренних делах. Куда еще итти в позорности положения!»

Любопытны записи Тихомирова о беседе с Треповым по поводу возникновения войны: «Рассказывал [Трепов], что государь был введен в заблуждение Ламздорфом и Безобразовым, которые уверяли, что войны не будет. Алексеев их поддерживал тоже. Понятно недовольство государя... Войну он решил перенести на острова и вообще раз навсегда решить вопрос, разбив Японию впрах. Если Америка или Англия будут вмешиваться — бить и их, вообще действовать: «пан или пропал».... Тут же очень интересное замечание: Трепов «досадует, что правительство не пользуется этим временем для того, чтобы удовлетворить законные желания верных подданных и раздавить этим всякую революцию».

После разгрома флота он констатирует: «Война идет очень плохо, и правительство теряет последние искры авторитета в России. Оно, действительно, еще хуже, чем я предполагал». И дальше: «Мне все больше кажется, что Алексеев — дубина», «по-моему, и

Куропаткин — скотина и дурак. Раскричали неизвестно за что!» «Неужели мы стали уже такая сволочь, что даже драться не умеем? По уму — ослы, по знаниям — невежды, по нравственности — развратники. И в довершение уже и не воины... И это естественно... Для войны нужны не люди Гаагских конференций, а герои»...

О положении в русской армии и, в частности, о взаимоотношениях Алексеева и Куропаткина Тихомиров делает интереснейшую запись 29 июня со слов бывшего в Манчжурии Хилкова и его свиты. Картина обеда во дворце наместника, охарактеризованная Тихомировым «собачьей комедией», поистине незабываема. Действия Алексеева в отношении Куропаткина он, со слов Хилкова, прямо именует «изменническими», — и, действительно, иными назвать их трудно.

Характерны записи о Плеве. 7 апреля после взрыва в «Северной гостинице» Тихомиров пишет: «Плеве теперь нужнее, чем когда-либо. Без него едва ли кто сумеет поддержать порядок, который теперь важнее всего». А вот запись от 9 августа (после убийства): «Убийц ругали. Но о самом Плеве я не слыхал ни одного слова сожаления... Нигде сожалений, нигде проявления симпатии... Никому он не сделал добра. Всем надоел. Говорят, будто бы и государь отнесся холодновато... Множество людей ожидали от него многого. Он всех слушал, всем, попросту сказать, лгал, морочил всех, будто он о чем-то думает. Постепенно всех честных людей устранял, а сам т о л ь к о душил и б о л ь ш е н и ч е г о. Плеве был глубокий, до мозга костей, б ю р о к р а т, носил в своей душе и сердце то величайшее зло, от которого гибнет Россия».

В конце 1904 г. война в дневнике отодвигается на второй план. Революционное движение заставило Тихомирова все больше и больше уделять внимания событиям внутри страны. «Очень похоже на близость внутренней потасовки,— записывает он 26 октября.— Между тем правительство — слабое и жалкое — вдобавок, вполне утратило свой авторитет. Его никто не уважает, не боится, не верит ему»... 5-го ноября Тихомиров записывает мнение Трепова: «Едва ли удастся нам избежать кровопролития». В декабре Тихомиров уже пишет о возможности гибели самодержавия: «Замечательная вещь. Пожалуй, что монархия погибнет»... Сдачу Порт-Артура он расценивает, как «последний удар нашей монархии». Под новый год он прямо пишет: «Монархия, сорганизованная Александром III, распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность»... «Уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее, — восклицает он 4 января, — даже нестерпимо жить в подобной бессмысленной анархии».

Довольно подробные записи имеются в дневнике о событиях 9 января. Чрезвычайно интересна, между прочим, его запись о Гапоне, относящаяся к 19 мая 1904 г. «Относительно священника Гапона, с которым о. [Григмут] виделся, Григмут положительно заявляет, что он состоит на жаловании у охранного отделения, а в то же время называет его революционером».

События 9 января Тихомиров считает «форменной революцией». Довольно подробно говорит он об отголосках 9 января в Москве. Правительство после 9 января он уже аттестует «гнусным». «Россия — погибшая, презренная, развратная, идиотская страна. Но все это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству». И дальше: «Нет ничего гнуснее вида нынешних начальств решительно везде... В администрации

в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам и японцам, если бы они завоевали Россию.... Часть из них — принципиальные враги самодержавия и желают конституцию. Но и среди этих — мечтают о карьере и выгоде, а помогают «революции» потому, что это совершенно безопасно. Это — мало сказать — безопасно,— это менее опасно, чем мешать «революции». Здесь Тихомиров дает портрет самого себя. Разочаровавшись в своих надеждах на прочность самодержавия, он уже злобно клеймит самодержавие и его слуг, — он готов был бы даже помогать «революции», если бы не сознавал, что его помощь последнею не будет принята...

В одном месте дневника (14 марта) он делает такой вывод: «Правительства не только нет, но, кажется, н е м о ж е т б ы т ь. А так как страна погибает, то правительство д о л ж н о возникнуть с н и з у. Но и это трудно представить без отчаянной резни»... «Что мы, простые русские, — как я, например, — можем сделать?» спрашивает он. И отвечает: «Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь»... Другого ответа для себя Лев Тихомиров найти не мог. Отсюда его ничем не сдерживаемое озлобление и против самодержавного правительства и против революции.

Довольно обширный дневник Л. Тихомирова за эту эпоху сохранился полностью.

В настоящей публикации опущены те части дневника, которые относятся к семейным делам автора. Опущены также многие цитаты из газет того времени, включенные Тихомировым в некоторые части дневника. В остальном текст дневника публикуется полностью. Подлинник его хранится в Особом отделе Центр. Истор. Архива в Москве.

1904 ГОД.

3 января.

Сегодня — почти лежу, в доме никого, кроме Клавдии, кухарки. На парадной звонок, и она пускает без доклада. Вот и является — хочешь не хочешь — Афанасьев (Михаил Афанасьевич) [1]); пришлось посидеть и с ним. Рассказал, что Воронов [2]) будет читать не в Комиссии [3]), а на районных собраниях, и что он обещает привлечь еще несколько приват-доцентов. «А кто же распоряжается этими чтениями»? — «Совет рабочих»... Далее говорил, что Плеве [4]) обещал разрешить все 8 касс рабочих и дать в ссуду (безвозвратно) 20 000 р. [5]). Будто Плеве говорил, что он уже давно все это разрешил, но дело задерживается министерством финансов. «Однако, — прибавил Афанасьев, — и з д р у г и х*) источников мы знаем, что никаких таких предложений от Плеве в министерство финансов не поступало...» [6]).

Великий князь [7]) принимал на новый год депутацию рабочих и пожелал им и с п о л н е н и я в с е х и х ж е л а н и й.

---

*) Разрядкой здесь и ниже набрано подчеркнутое в подлиннике.

«Ну, — спрашиваю, — а в Петербурге тоже разрешают кассы, чтения, собрания?»

— «Нет, ничего не разрешают».

Спросил, не слыхал ли он чего о Зубатове? [8]) Рассказал, что он в формальной ссылке во Владимире, по высочайшему повелению, и даже не имеет паспорта, а живет по проходному свидетельству (я когда-то тоже жил по проходному свидетельству, когда состоял под надзором полиции). Лишен он и пенсии, после 17 лет службы, а получает от директора деп. полиции пособие — 250 р. в месяц, причем директор обязан следить за ним и может прекратить выдачу пособия в случае неудовлетворительности поведения Зубатова...

Кара, стало быть, весьма суровая.

Сам Афанасьев, вероятно, останется при Комиссии общеобразовательных чтений. Он получает 25 р. жалованья в месяц и 25 р. разъездных. Ведет все счета и расходы. В 1903 г. через его руки прошло 19 908 р. с копейками. Инвентаря им накуплено на 8 000 р. И — говорит — никто в Комиссии даже не следит, где этот инвентарь, цел ли и т. п. Вообще Комиссия эта — так: ширма какая-то. Устава и определенных прав до сих пор нет. Все делает Трепов [9]). На 1904 г. он решил отпустить 25 000 р. на Комиссию.

5 января. Воскресенье.

Я и нездоров и в апатии. Ничего не делаю. Даже свою «Монархическую государственность» забросил опять. Правду сказать — не к чему себя мучить. Россия меня знать не хочет, да и сама монархия не интересуется собою.

За такой строй стоят интересы могущественного чиновничества, которое не допустит до царя ничего, способного воскресить монархию, ни — подорвать господство бюрократии. Эта сила необоримая. Против нее могут быть отдельные «идеалисты» вроде Киреева [10]), Хомякова или меня. А если монархия совсем рухнет, — не чиновничество будет плакать; оно тогда еще лучше устроится, ставши политиканским сословием.

Ничего не поделаешь — сила!

Повидимому, японская ссора совсем утихает. Объегорят они нас и без войны.

12 января.

Сегодня в редакции рассказывал Воронов, что рабочие его (Соколов [11]), Красивский [12]) и К°) очень жаловались на Комиссию народных чтений. В ней, говорят, честные люди — только Парфений да Фудель [13]), да Тихомиров (хотя я и не в Комиссии), остальные —

мошенники. Струженцова особенно ругали и говорили, что хотят его «бить». Ругали также Афанасьева, который, дескать, замошенничивает деньги Комиссии, которые даны «нам, рабочим»... Какая-то каша у них происходит.

13 января.

Получил от Сенумы печальное письмо из Токио *).

Мне приходит на мысль, что, может быть, война была бы полезна, только при условии жестокого поражения японцев.

К несчастью, если война и будет, то я не верю в русскую победу. Правительство слишком нерешительно и неспособно на сильные удары. Никакое геройство войне не поможет.

Наша политика на Дальнем Востоке прямо противоположна той, какая нужна для нравственного воздействия. Мы — жадны, лживы и трусливы. Никогда мы не лгали так невероятно, как на Дальнем Востоке. А в то же время — показываем боязнь войны. Нужно, чтобы нас уважали и боялись. Нас же уличают в обманах и подозревают в бессилии.

Это не обещает добра ни в мире, ни в войне.

Говорят, вчера пьяная студенческая толпа пела у нас под окнами «вечную память» кому-то... Прислуга говорит. Не понимаю смысла. «Вечная память» — выражает почет. Я однако ничего не расслыхал. На мое ухо они кричали скорее или «анафема» или «да здравствует», а на «вечную память» звук не походил.

Впрочем, я занят был писанием статьи и слушал их шум и песни довольно невнимательно.

Позднее Грингмут [14]) мне сказал, что они пели перед его окнами «Со святыми упокой».

16 января.

Трепов уехал в Петербург, по словам Владимира Андреевича [14]), в какую-то комиссию по еврейскому вопросу. Но Владимир Андреевич скрывает от меня что-то по своему «рабочему вопросу». Не сказал даже,

---

*) В этом письме (от 31 дек. (нов. ст.) 1903 г.) Ив. Сенума пишет:

«Затем я не могу умолчать о натянутых отношениях между Россией и Японией. Это крайне прискорбно за миссию и за церковь нашу. Если теперь, когда еще только толкуют о войне с Россией, успехи нашей проповеди окончательно задержаны, так что теперь не только почти нет вновь обращающихся, но слабые христиане даже отпадают, и всевозможные клеветы и злоба со стороны язычников и языческой печати направляются по адресу нашей церкви, — то что же будет с ней, когда лопнут все отношения между обеими странами?! Беда в том, что язычники никак не могут возвыситься до того разумения, чтобы отвлекать православие от России. Поэтому злоба к России для них нераздельна со злобой к православию».

что получены 20 000 р. на кассы. Неприятный человек своей скрытностью.

Он что-то не очень весел. Но — извольте сами догадываться — почему.

Воронов попался на улице вчера и что-то говорил, что между рабочими ссоры, и он подумывает несколько отстраниться. На улице я не стал говорить. Но в редакции он, тоже мимоходом, говорил, что среди рабочих усилилась революционная пропаганда. Подробный же разговор он имел с Владимиром Андреевичем, который — вот — вовсе ничего не открыл.

Нет ли чего? И Трепов в Питер укатил... Не собирается ли какая гроза? При политике Плеве это очень возможно. Вообще положение тоскливое до тошноты.

На Пироговском съезде [15]) в Петербурге говорились речи антиправительственные. Говорят об арестах или что «начнутся аресты». Был суд над сообщниками Балмашова [16]) (5 человек), но приговора не знаю.

В Питере готовятся придворные балы. У нас, у великого князя, первый бал был вчера, и Грингмут был. Такова жизнь: с одной стороны — балы, с другой — беспорядки, с третьей — война. А в то же время — скучно на свете.

17 января.

Сегодня Тверское губернское и Новоторжское уездное земства лишили на 3 года самоуправления. Правит. сообщение объясняет их проступки, подчас, действительно, весьма безобразные. Назначенным от правительства лицам дана миссия водворить порядок.

Мера крутая. Недовольства она, конечно, вызовет много, и нельзя не пожелать, чтобы водворяли порядок как можно тактичнее, не делая таких раздражающих бесполезностей, как передача школ епархиальному ведению. Надо сказать, что за последнее время там-сям начинает как будто формироваться «консервативная партия». Но она всюду, где проявляет свое существование, совершенно безидейна; видимо, состоит из стариков или ограниченных людей. Едва ли она составит большую опору против мириад либералов и недовольных.

21 января.

Из Петербурга пишут, что мы очень близки к войне с Японией. Ну, может быть, и лучше...

Войска туда идут. Хилков [17]) отправился наблюдать за переправой через Байкал... Но, что важнее всего, сегодня — газетное известие о нарезке земли переселенцам по Китайской железной дороге. Это — шаг решительный, если бы его делали в широких размерах.

А по внутренней части плоховато. Вчера ночью, в редакции, Воронов рассказывал о падении ценностей на бирже. Особенно р е н т а — государственная — каждый день по рублю падает, дошла до 96 р. (я покупал — по 105 р.). Это — падение вследствие заявления Госуд. банка, что он не станет мешаться в биржевые дела. Его представитель даже не показывается на биржу, и все бросились продавать ренту.

Это падение ренты грозит многими экономическими осложнениями.

Цена хлопка почти удвоилась. Фабрики сокращают производство. Это грозит осложнениями с рабочими.

Рассказывал Воронов, что Красивский и Игнатов крайне скучны и обескуражены. Их ругают среди рабочих, на собрания почти не ходят. Рабочие мрачны. Масса прокламаций, но от этих (т. е. С о в е т а, Красивского и прочей компании) скрывают все, так что они даже не знают, откуда идут прокламации. Конечно, прокламации гласят, что правительство обманывает рабочих и ничего для них не сделает.

Среди рабочих слышатся даже разговоры, что дескать как уйдут из Москвы войска (на войну), то нужно «тряхнуть» хорошенько, добиваться интересу своими средствами...

Ну, засим, по сведениям Озерова [18]), Плеве, действительно, ничего не хочет делать. Он считает большим злом, что Зубатов н а п о р т и л. Нужна была с т р о г о с т ь, а он создал идею реформ. Все это, будто бы, Плеве намерен прикрыть. Препятствие составляет великий князь. План Плеве состоял де в том, чтобы удалить от великого князя всех людей, стоящих за реформу. Зубатова отозвал в Петербург, а потом уничтожил. Теперь хлопочет взять в Петербург Трепова. Великий князь не пускает его, но Плеве будто бы действует через государя, доказывая ему, что Трепов необходим для спокойствия Петербурга. Затем, с переходом Трепова, дела с рабочими в Москве придут в беспорядок, и можно будет доказать вел. князю, что следует все прекратить.

Таковы будто бы мысли и планы министра.

Озеров, конечно, тенденциозен, но нельзя не признать, что по связям своим может быть осведомлен.

Если рассказ этот верен, то становится понятным, почему министр устранил меня из Комиссии.

22 я н в а р я.

Владимир Андреевич пишет, что Витте имел 12 января т р е х ч а с о в у ю беседу с государем, излагая ему свой план добыть денег для войны. В этой аудиенции видят начало победы Витте над Безобразовым [19]), который уехал в Швейцарию.

Вот как качаются чашки весов доверия и фавора!

В сущности, как ни антипатичен Витте, но, по крайней мере, умен, а все эти прочие уж очень плохи... Да и по честности и широте идей — кто же выше?

23 января.

Владимир Андреевич поправляет прежнее известие в диаметрально противоположном смысле: «Аудиенция была не на радость Витте: ему предъявили ужасные, последне-полученные известия о его дороге и уличали во лжи».

Ну, видно, что Владимир Андреевич сообщает первые попавшиеся петербургские сплетни, вчера — победа, сегодня падение. Можно считать, что ничего верного нет.

У нас в Москве ничего. Воронов сейчас (ночью) в редакции говорил, что среди рабочих смутно, и его друзья — Красивский с Соколовым — говорят, что, дескать, убежим тайком из Москвы, пока еще ребра не переломали... Ну, это тоже старая история... Воронов говорит, что работа на фабриках сокращается — и это не ново. Говорит, наконец, что предвидятся стачки.

Все это — пустая болтовня, где немыслимо разобрать степень выдумки и правды.

А Трепов в Петербурге отличается: не только представлялся государю, но был дежурным на высочайшем бале вместе с каким-то великим князем. Вот человек, хорошо двинувший свою карьеру в Москве.

25 января. Воскресенье.

Очень важный, быть может, исторический день *).

*) К дневнику приложена вырезка из газеты:

«Циркулярная телеграмма

министра иностранных дел императорским российским представителям за границей.

(Телеграмма «Российского телеграфного агентства»).

Петербург, 24 января 1904 г. По поручению своего правительства, японский посланник при высочайшем дворе передал ноту, коей доводится до сведения императорского правительства о решении Японии прекратить дальнейшие переговоры и отозвать посланника и весь состав миссии из Петербурга. Вследствие сего государю императору благоугодно было высочайше повелеть, чтобы российский посланник в Токио со всем составом императорской миссии безотлагательно покинул столицу Японии.

Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на-днях ответа императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями».

Все это произошло без подготовки. Наш ответ послан Розену [20]) в субботу. Но в ту же субботу Япония, не дождавшись ответа, отозвала посланника.

Это похоже на начало военных действий, или точнее — высадки в Корею... Но возможна еще мысль: может быть, заготовлен п о с р е д н и к, — Соединенные Штаты или еще какая-нибудь шельма. Тогда мы опять можем сыграть в дурака.

Что касается в о й н ы, то мы к ней, несомненно, неготовы. Войска, снаряды и т. д. — все только и д е т, но не дошло. По Китайской дороге, говорят, лежит масса орудий. Однако, как бы ни были неготовы, все-таки лучше война, чем посредничество. В войне возможен успех, в посредничестве — неизбежно поражение: размякнут, все отдадут, будут кругом обмануты наши, а не враги...

26 я н в а р я.

Печальные новости. Оказывается, что Петербургский кабинет делал в своей ноте в с е уступки: 1) влияние Японии во всей Корее, 2) признание верховных прав Китая в Манчжурии и всех трактатов с Китаем, 3) позволение Японии занимать войсками Корею и т. д. Но японцы, узнав о содержании ноты (она была сообщена их посланнику), поторопились прервать переговоры.

Итак, они хотят чего-то бесконечно большого. Или очень уж дики или очень легкомысленны.

Полковник Симанский [21]) говорил, что у нас от Читы до океана 103 000 войск. Из них в поле может быть сосредоточено около 30 000. Силы, конечно, жалкие. Флот — 7 броненосцев против 18 японских.

27 [я н в а р я].

День каторжно-мучительный. С утра телеграмма:

«В с е п о д д а н н е й ш а я т е л е г р а м м а, п о л у ч е н н а я е г о и м п е р а т о р с к и м в е л и ч е с т в о м о т н а м е с т н и к а н а Д а л ь н е м В о с т о к е:

«Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на нашу эскадру на внешнем рейде крепости Порт-Артур, причем броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины. Степень их серьезности выясняется. Подробности представлю вашему императорскому величеству дополнительно.

Генерал-адъютант Алексеев» [22]).

Днем слухи о якобы победе русского флота. Но вот уж 1-й час ночи. Известий нет. Ясно, что биржевая утка.

Положим, японцы напали изменнически, но — все же ужасное начало.

Днем частные слухи о бомбардировке Порт-Артура и морском бое. Известие биржевика о «блестящей победе» русских. Полное отсутствие официальных сведений о потерях японцев *).

28 января.

Приехал Грингмут. Он ровно ничего не знает, но здешние известия, частные и полуофициальные, окончательно выясняют, что наш флот действовал молодецки и что японский флот потерпел жестокое поражение. Если бы наши моряки знали о том, как они растрепали японцев, то, вероятно, могли и истребить их. Но, к сожалению, они не преследовали неприятеля. Правда, что из 10 судов наших — 3 получили пробоины от миноносцев, а 4 — в бою. Но у японцев, обратившихся в бегство менее чем через час, потоплено — 1 эскадр. броненосец, 2 броненосных крейсера, 4 миноноски, а 4 контр-миноносца приведены в негодность. У нас же пострадала сильно одна «Паллада», введенная в док.

Мелкие повреждения, аналогичные нашим, у японцев не выяснены еще. Убитых и раненых у нас — 66 человек, у японцев — 370.

В Москве настроение высокое и патриотическое. В земском собрании и в думе, пославших адреса государю, какая-то сволочь, очевидно одна и та же шайка, человек 60, вроде студентов и курсисток, пытались демонстрировать против адреса... Но это — ничтожество, не заслуживающее внимания.

Вообще, благодарение господу, сегодняшний день вознаградил за тревоги и огорчения вчерашнего. Очевидно однако, что нападение японцев имело целью помешать действию нашей эскадры против их десанта в Чемульпо. Быть может, они достигли цели, хотя наши и без того сидели бы смирно, потому что война не была объявлена. Эти негодяи японцы напали изменнически, во время мира...

Все это, может быть, и хорошо. Наше правительство — поистине удручающее. Оно (т. е. Ламздорф) [23]) было уверено, что обманут японцев переговорами и оттяжками, а также и уступками, и что войны

---

*) В дневнике далее следует:

«Позднейшая приписка.

Все эти сведения о нашем «героизме» и о «потерях японцев», как известно, не имеют ничего общего с действительностью. Но тогда мы жили в атмосфере именно таких утешительных, — к сожалению, совершенно ложных слухов. Впрочем, мы и тогда — скоро стали разбираться и замечать, что дела у нас — дрянь».

не будет еще до весны, пока мы не подготовимся. У Ламздорфа лживость азиата соединяется с мозгом пятилетнего дитяти!

Ему ли обманывать кого бы то ни было! И этакая ничтожность, посмешище европейской дипломатии, за грехи России является советником государя!

И, бог весть, сколько бы этот кабинет еще позорил Россию лганьем и уступками, если бы японцы, видя его ничтожность, не начали войны, уверенные в бессилии этой изолгавшейся страны.

Благодарение богу, что теперь, благодаря японской дерзости, выступила на сцену честная русская сила, и не придется еженедельно краснеть перед миром за лживую дипломатию.

Сегодня в Москве — только в одном Успенском соборе — читали м а н и ф е с т о войне. Он вял, безжизнен, ни искры чувства или достоинства.

Но бог с ним! Зато порт-артурские пушки загремели с чувством и достоинством.

29 я н в а р я.

А в Порт-Артуре, повидимому, о ч е н ь с е р ь е з н о. 27 числа японцы отбиты и, видимо, недурно, хотя известий о потерях японцев все-таки нет. И что же? Ночью, с 28 на 29, уже снова они н е с к о л ь к о р а з пытались высадиться в ближних к Порт-Артуру бухтах...

Значит, у них громадные силы собраны в Вей-Хай-Вее. А если так, то должно думать, что их п л а н к а м п а н и и — вовсе не итти за Ялу-Узянь, а захватить Лиао-Тонг. Если это в о з м о ж н о сделать, то план — блестящий. Имея Лиао-Тонг, японцы могли бы двигаться по линиям железных дорог и взбунтовать весь Китай.

План дерзок, в е л и к, если осуществим. Если бы он осуществился, то мы — почти погибли.

Если положение точно т а к о в о, то теперь Порт-Артур становится пунктом почти неслыханной важности в России, а может быть, и мировой истории.

Япония имеет правительство, быть может, самое великое в своей истории. Мы имеем самое слабое, какое только было до сих пор, беспримерно слабое.

30 я н в а р я.

Ночью, в два и три часа, были патриотические демонстрации. Ходили толпы с трехцветными знаменами, «Ура», «Спаси, господи», «Боже, царя храни», «Славься». Останавливались даже перед редакцией, кричали «ура» и кидали вверх шапки.

Главная демонстрация — перед дворцом великого князя, который два раза выходил, раскланивался. Было немало и студентов.

Сегодня то же возобновилось с 7 часов вечера. Теперь 9 часов.

В 10 ч. прошла толпа манифестантов.

31 января.

Слухи бесконечные. Но хорошее — только слухи, а мерзкое — факты. Факт, что «Енисей», ставя мины, сам себя взорвал и погиб.

А слухи — истребление японского флота и десанта у Кьон-Сена, бомбардировка Хакодатэ, гибель японских броненосцев у Порт-Артура, истребление 3 полков десанта на Ляо-Тонге... Хорошее — все в слухах.

Если это хорошее — не выдумка, то морской штаб состоит из идиотов и подлецов.

Очевидно, Старк в Порт-Артуре — совершенная дрянь адмирал, как о нем и говорили всегда.

Замечательно медленно идет время. Всего 4 дня войны, а кажется, будто уж все это было чуть не всегда. За день переживается бесконечно много.

Огорчает меня государь: нет ни одного заявления его без уверений в миролюбии. Ему представляют, что готовы за него умирать, а он отвечает на все лады, что мир необычайно хорошее дело. И откуда у него эта страсть к миру? И что он понимает под словом мир? Прямо удручает меня эта удивительная черта.

Надоели манифестанты! Кажется, начинают уже безобразничать. Остаются одни буяны да мальчишки. Пора бы начальству принять меры к успокоению, пока еще не поздно. Дело, пожалуй, кончится хитровцами.

4 февраля.

За эти дни окончательно определилось, что японский флот потерпел большие повреждения у Порт-Артура. А владивостокская эскадра даже вызвала объявление осадного положения берегов Японии. Наконец, гибель «Варяга» и особенно «Корейца» — это нечто легендарно героическое [21]). Японцы, кажется, несколько опешили, перестали думать взять нас «на уру», и военные действия, кажется, приняли более медленный ход. Они в море, и мы в море, они подвозят войска в Корею, и мы движемся в Манчжурию. Повидимому, серьезное столкновение назревает, но медленно. Может произвести осложнение (и очень!) восстание китайцев, если бы оно произошло... Но, кажется, все стараются его предупредить...

Ждут в Москву государя на первой неделе.

Слышно, что скоро поедет в Манчжурию Куропаткин [25]). Он будет командовать армией, Макаров — флотом, а Алексеев — главнокомандующим. Лишь бы не перегрызлись...

Назначение Куропаткина, говорят, произведено Скрыдловым [26]). Он упал на колени перед государыней и умолял ее, для спасения России, просить у государя назначения Куропаткина... А тот давно рвется, только государь не пускал... Государыня, страшно взволнованная, немедленно провела Скрылова к государю, и дело было сделано.

Повидимому, это хорошо, а то они там, на Востоке, довольно таки вялы. Впрочем, фраза о «спасении России» — чрезмерна. Справились бы, конечно, и без Куропаткина. Беда не в Алексееве, а в «миролюбии». Вот если бы господь избавил нас от этого «миролюбия» самого государя, то, конечно, царствование Николая II могло бы стать великим и славным. Его губит это негодное «миролюбие», которое и подвело нас уже десять раз. А теперь — храни господь — если еще заключат постыдный или даже н е б л е с т я щ и й мир, то наверное начнутся смуты.

Но авось господь бог укрепит, наконец, сердце царево для спасения божия дела, России и русской монархии.

5 ф е в р а л я.

С Дальнего Востока нет новых вестей, только подробности о гибели «Варяга» и «Корейца». Они вполне на совести Ламздорфа.

В Корее у Сеула и к Ялу уже 120 000 японцев... Это не считая юга и Гензана... А у нас на Ялу всего 37 000. Что это за ужасная вещь «миролюбие»! Сколько народу погибнет из за-него! И сколько сраму наберемся? Самое мерзкое то, что успехи японцев взбунтуют китайцев. А тогда — только держись.

По России все частные письма показывают воодушевление. Да что проку.

7 ф е в р а л я.

Грингмут говорил, что Ламздорф снова подымает свой подлый голос в пользу «миролюбия» и, того гляди, предложит Гаагскую конференцию. Вероятно, правда, что он продался Англии...

Однако, появилось в «П р а в и т е л ь с т в е н н о м в е с т н и к е» объяснение, обещающее России, что правительство будет мужественно *).

*) К дневнику приложена вырезка из газеты следующего содержания: «Сегодня, 5 февраля, в «Правительственном вестнике» напечатано:

Прошла неделя, как вся Россия обуреваема чувствами самого глубокого негодования на врага, который неожиданно прервал шедшие переговоры и уда-

Хотя это не есть «правительственное сообщение», но все же нечто в этом роде.

Я написал по этому поводу очень горячую статью, стараясь отразить возможность возвращения к малодушию. Теперь ночь, и Владимир Андреевич, вероятно, трудится над кастрацией этой статьи, которая, действительно, настолько хороша, что может вызвать гримасу Ламздорфа. Хорошо бы, если бы государь его прогнал! Нехорошо в такую минуту иметь такого министра, не только не русского, не только глупого, но неблагонадежного нравственно.

Как слышно, в Туркестане на границе собрано у нас против Индии 200 000 войска, и будто бы туда поедет Куропаткин. Пожалуй, он там лучше, чем в Манчжурии.

Неужто вправду Англия так твердо решилась помогать Японии?

8 февраля.

Куропаткин назначен командующим Манчжурской армии, с отчислением от звания министра... Кто министр — еще не объявлено.

Надо думать, что Линевич [27]) постарается до прибытия его пожать какие-либо лавры... Вероятно, на-днях услышим о битвах. Но сколько у нас там сил?

ром из-за угла хотел приобрести дешевый успех в давно желанной им войне. Все русское общество с понятным нетерпением желает скорого возмездия и с лихорадочным чувством ждет известий с Дальнего Востока. Единение и мощь русского народа навряд ли позволяют кому-либо на свете сомневаться в том, что Япония понесет достойную кару за свое вероломство и за нарушение мира, сохранение которого для всех народов являлось всегдашним желанием нашего обожаемого монарха. Но вся обстановка войны заставляет нас терпеливо ожидать известий об успехах нашего оружия, которые могут сказаться не ранее начала решительных действий русской армии.

Нападение на самую отдаленную часть нашей территории, отстоящую от центра государства на многие тысячи верст, искреннее желание нашего правительства сохранить мир, что делало невозможным заблаговременную подготовку к войне, заставляет нас употребить немало времени для того, чтобы начать наносить Японии такие удары, которые соответствовали бы могуществу России, и при наименьшем пролитии дорогой русской крови, были бы достойным возмездием нации, дерзко вызвавшей нас на бой. Пусть же русское общество терпеливо ожидает грядущих событий, вполне уверенное, что наша армия заставит сторицею заплатить за брошенный нам вызов. Серьезные операции на суше начнутся еще не скоро, и мы не должны и не можем ожидать быстрых известий о наших действиях на театре войны. Напрасно проливать русскую кровь для быстрой отплаты нашим врагам было бы недостойно величия и мощи России. Наше отечество выказало в эти дни такое единение и такое желание жертвовать всем своим достоянием на пользу дорогой родины, что, без сомнения, всякое достоверное известие и театра войны будет немедленным достоянием всего русского общества».

9 февраля.

О Куропаткине говорят, что поедет на 3-й неделе поста. Не торопится! Может быть, потому, что войск нет. Однако говорят, что есть в крае 200 000. Это вовсе не ничто.

Да, возвращаясь к войне: говорят, что наши рассчитывают пока держаться оборонительно... Как ни мало у нас сил, а я думаю, что это плохая идея. On ne périt que par la défensive [28]).

Не умнее ли было бы с 30 или 40 тысячами энергически вторгнуться в Корею? Если у японцев там хоть и 100 000, то можно было бы кое как бороться до прибытия подкреплений... А то дождемся поголовного восстания китайцев, и тогда все равно не выведешь против японцев больше 50 000, а остальные 200 000 должны будут гоняться за китайцами...

11 февраля.

На Дальнем Востоке, кажется, становится тяжко. «Миролюбие», должно быть, прольет реки крови неповинной...

Вчера «Правительственный вестник» извещал, что «10 числа официальных телеграмм с Дальнего Востока не получено»... Почему? Сегодня тоже не видать их...

А между тем английские известия говорят о высадке японцев около Артура, в Голубской бухте и Талиенване. А о китайцах — что Юаншикай с 65 000 войск и 95 орудиями стоит близь Ляо-Хе, а отряды китайцев в Синминтинь и Чан-ту-фу, т. е. дальше Мукдена, а какая-то шайка режет русских на Ляо-Яне... Ужас что такое! А наместник, дескать, в Харбин уехал... Правда, известия английские, однако! Своих же известий почему-то нет...

Это ужасное «миролюбие» погубит Россию...

Сегодня приезжий из Петербурга рассказывал, что Драгомиров [29]) 3 часа беседовал с государем, доказывая необходимость объявить Англии войну, и что государь с этим согласился... Положим, я думаю, что лучше объявить неподготовленно войну хоть целому свету, нежели быть в гангрене «миролюбия». Но что за политика! То неизвестно с чего «миролюбие», обезоружение России, предоставление своих войск на съедение японцам и китайцам, то — без подготовки объявить войну и Англии.

Но, очевидно, что мы вступаем на какой-то отчаянно трудный путь испытаний, в которых имеем надежду только на бога и «коллективный гений» нации, но политика сверху способна только гневить бога и портить все, что создает гений нации.

Если бы государь хоть прогнал этого дурака и скотину Ламздорфа, который подсказывает только гибельные глупости. Теперь мы все

толкуем о «нейтралитете» Кореи, объявили, что не признаем решений корейского императора в руках японцев. Что это за чепуха? Но тогда, значит, мы не смеем и завоевывать Корею? Несчастье с таким министром!

Этот «нейтралитет» Китая все дает японцам, а для нас хуже войны. Несчастный «Манджур» стоит в Шанхае, и во имя «нейтралитета» его гонят в море, где его сторожит японский крейсер, который его должен истребить... Во имя «нейтралитета» нам не дают угля из Одессы до Порт-Артура.

И этот губитель России — Ламздорф — вместо того, чтобы наплевать на все «нейтралитеты», явно лживые, имеющие целью помощь японцам, — распинается только перед «державами» о нейтралитете и жалуется: «Японцы обижают, нарушают нейтралитет»...

Злополучные наши воины, поставленные в меньшинстве, без припасов, без снарядов, да еще с обязанностью слушать петербургские приказания! Я бы, кажется, на месте Алексеева ничего не слушал и действовал бы по-своему, где нужно выгнал бы Юаншикая, вступил бы в пределы Китая и т. п. Лучше воевать с целым светом, чем находиться в положении барана, которого режут. «Державы» делают с нами то же, что сделала Австрия в Крымскую войну. Дураки были, что тогда послушали, но уж теперь, когда на карте вся участь России, то только смелость могла бы спасти. А у нас — самый идиотический, развратный и не русский министр иностранных дел, какой только был в России в истории.

12 февраля.

Превосходные известия от Алексеева. «Ретвизан» разбил 2 парохода и потопил еще 4... Нападали миноноски и пароходы, начиненные взрывчатыми снарядами.

Их подкрепляли 4 броненосца, 9 крейсеров, более 8 миноносок.

Блестящий бой. По обычаю — нападение ночное с 2 час. 45 м. ночи с 10 на 11 февраля.

В Москве какие-то негодяи разбрасывают прокламации, призывая к протесту против войны с Японией! В университете 40 мерзавцев подписали поздравительную телеграмму микадо с победой над русскими!

Отчего не вешают их? Неслыханная измена и оскорбление России.

13 февраля.

Вопреки обещанию, наместник не дал никаких дополнительных сведений... А между тем, судя по настойчивости японцев, они едва ли прекратили нападения. Вероятно, нужно таки ждать высадки их на

Лиао-Тонге, под прикрытием этих демонстраций на Артур. «Отбитие» меня нимало не успокаивает. Проклятое, преступное миролюбие, которое поставило нас бессильными против врага во всеоружии.

Японцы — конечно, разбойники, со всем вероломством разбойничьей шайки. Но нужно отдать справедливость: бесстрашны, настоящие воины! Моряки они, конечно, без сравнения выше наших. Вся тактика их построена на ночных атаках, в самые страшные снежные бури... Нужно быть чудо-моряками, чтобы избрать такую тактику и выдерживать ее. Наша Владивостокская эскадра — верх русской удали, не могла бомбардировать Хакодатэ из-за снежной бури. А японцы атакуют Артур исключительно во время таких бурь. Несомненно, что как моряки — они несравненно выше нас.

И смелы — до полной дерзости. Нельзя не любоваться.

Их можно победить, очевидно, никак не храбростью, в которой они с кем угодно сравнятся. Вопрос борьбы только в уме... И этот вопрос еще не решен. Если они под Артуром ничего не достигнут, то я скажу, что адмирал Того [30]) — не умен, что каждый день рискует своими судами под Артурскими батареями. Ну, а если успеет? Если у него не одна безумная храбрость, а и умный расчет?

В этой войне они имеют огромное преимущество перед нами в высшем правительстве, которое у них превосходно. Они превосходят нас и в патриотизме интеллигенции, которая у них имеет великие национальные цели, а у нас — какая-то разлагающаяся гниль. Значит, вопрос сводится к тому, насколько сильны у нас остатки русского духа, который нас только и может выручить...

Не скажу, чтобы я особенно восхищался артурцами. Они дерутся, отбиваются сносно, но не больше. Эскадра — труслива, держится под батареями, не смеет нападать. Мне кажется, что наши моряки чувствуют японцев выше себя. «Варяг» погиб недурно, однако погиб... Вот если бы он затопил «Корейца» и ушол, прорвался, — я бы сказал, что это подвиг — военный. Теперь же есть только нечто среднее.

Движение Рейценштейна тоже совсем дрянное. Ему бы недурно было бомбардировать десяток городов, а он утопил одно коммерческое судно да «три дня штурмовал»... Великая штука для моряка! Нет, — плохие моряки! Это уже совершенно ясно.

Что то скажет сухопутное столкновение? Если оно не будет лучше, тогда Россия закрывает историческую лавочку. Оставила бога и потеряла душу свою.

А от Алексеева нет вестей!

Я позабыл отметить, что меня беспокоит: с 10 на 11 японцы были отбиты «Ретвизаном» и ретировались... Но 12, вчера же, была теле-

грамма Алексеева, что они с 11 на 12, ночью же, с н о в а атаковали и «отбиты», а «дополнительные известия» будут позднее... И вот их-то и нет до сих пор, до 12 часов ночи 13 числа. Японцы могли снова атаковать и, может быть, в эту самую минуту разрушают нашу эскадру.

А известий нет.

14 ф е в р а л я.

Есть телеграмма Алексеева от 13 февраля, но говорит о делах 12 числа. Это дело с 12 на 13 остается неизвестным.

Но еще более тревожное известие о будто бы высадке японцев в Посьете... Известие само по себе было бы «уткой»... Но вчера была телеграмма Флуга[31]) о каких-то судах в виду Владивостока, и ночью, по телефону, ее з а п р е т и л и печатать. Вот уже это крайне подозрительно... Не прозевали ли владивостокцы? Это было бы феноменально — проморгать Посьет... Но почему же запрещено печатать официальное известие?

15 ф е в р а л я.

Телеграмма Флуга гласит, что в Артуре с 13 на 14 все было спокойно, хотя эскадра торчит у крепости. О Посьете — ни слова. Конные части вступили в Корею...

Вот прошло 20 дней войны. А ничего ровно не определилось. Из-за чего японцы так торопились?

16 ф е в р а л я.

Множество гнусных явлений внутри России. Ходят слухи о попытке взорвать С ы з р а н с к и й мост на Волге. Приписывают — революционерам *).

Впрочем, должно сказать, что довольно мерзости и н е с о м н е н н о й. Свящ. Восторгов [32]) пишет, что в Кутаисе ученики и ученицы (гимназии, семинарии, епархиалки) и вообще молодежь целый день манифестировали по улицам, крича: «Да здравствует Япония!» и «Долой самодержавие!».

Здесь, в Москве, прокламации гласят, что дескать «пролетариям» не следует вмешиваться «в войну русского правительства», а должно «соединиться с японскими пролетариями».

Теперь на 19 февраля готовят беспорядки.

В университете брожение.

Ужасно, конечно, то, что правительство д е й с т в и т е л ь н о очень плохо, и даже не имеет ни малейшего намерения исправляться. Недовольство им отражается и на той дряни, которая воображает себя

*) Оказалось ложью. — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

«революционерами», хотя они только — интеллигентные «лобузы». Конечно, в национальном деле — все счеты следовало бы оставить, если бы общество не было деморализовано.

Правительству нужно бы было стать во главе устроения России, но правительство само плохо-преплохо... Вероятно, это происходит из общего источника — из умственного и нравственного принижения вообще нации.

Это-то и мерзко... Впрочем, мне кажется, что в России, какова она есть, при всей ее испорченности, можно было бы иметь все-таки лучшее правительство.

19 февраля.

На Дальнем Востоке — ничего. Наши ничего не делают. Японцы забирают Корею, укрепляются, даже прошли в Манчжурский Маэр-Хан, откуда, если угодно, могут зайти в тыл нашей армии на Ляо-Хе,— если угодно, бунтовать хунхузов в Гирине.

Наши таки действуют мерзко. И все — Петербург, его злополучное влияние. Теперь назначили Макарова и Куропаткина. Алексеев и Линевич сведены на нуль, и не могут действовать, а Куропаткин с Макаровым еще когда доползут да осмотрятся! Японцы могут несколько недель делать что им угодно.

И зачем путать, менять начальников? В самый важный момент действий! И все там подлежат смене. Стессель [33]), комендант Артура, заменится Смирновым. Начальник штаба Алексеев сделается нулем, а у Куропаткина с в о й начальник штаба. Роковой этот Петербург. Даже и войну портит.

Сегодня и вчера назначались, по слухам, беспорядки, и никаких даже признаков беспорядков не было. Вся Москва шьет на армию, тащат пожертвования, вещи, деньги. Какие тут «беспорядки»!

Относительно Сызранского моста все утверждают, что попытка была сделана я п о н ц а м и, одного из которых сторож успел столкнуть с моста вниз, а другого задержал.

Очень приятно настроение Москвы да, кажется, и всей России: все сомкнулось, все «революции» спрятались, все думают только о совместном служении родине. Очень легко дышется в этой чистой атмосфере, ставшей уже давно почти неизвестной у нас.

Но я думаю: ну, а что, если начальство умудрится так устроить, что не будет победы, или что нас будут бить?

Тогда все это сразу обрушится на правительство. Наказание божеское!

Чуть не вчера создан наместник, облеченный полномочиями на воде и суше, в гражданском и военном деле. И вот уже наместник пре-

вращен в ничто, и край, в ожидании Куропаткина и Макарова, остается без военачальников. А когда эти придут, то — вечная грызня между тремя и отсутствие о б щ е й, единящей власти.

21 февраля.

С театра военных действий никаких военных известий. Куропаткин прохлаждается здесь и купил, сообщают газеты, «совершенно белую лошадь», на которой и будет в походе. Это очень глупо. Пародия Скобелева. Купить белую лошадь легко, но это еще не значит быть «белым генералом». Ребячество, не предвещающее доброго.

Новый Скобелев уж, вероятно, завел бы себе не белую, а хоть гнедую лошадь, чтобы не быть обезьяной.

Писал я вчера Кирееву, который, кажется, работал с Куропаткиным, чтобы он ему сказал, что не следует тянуть времени, ибо русское общество нуждается в п о б е д а х, а армия тоже несколько месяцев уже замучена неопределенным положением между миром и войной и нехорошо ее деморализировать еще два месяца дурацкой «обороной» да отступлениями.

22 февраля.

Нигде ничего достопримечательного. В Корее наши войска отступают к Ялу... Ну, значит, скоро уйдут за Ялу и, может быть, даже дальше. А японцы уже недалеко и от Владивостока (100 верст от границы).

Не нравится мне наша чрезмерно «осторожная» система, хотя, если она взбунтует китайцев, то это, может быть, и будет хорошо. Авось, тогда займут Манчжурию окончательно. Либо пан, либо пропал.

25 февраля.

Три дня назад японцы удивили нас всех бомбардировкой Владивостока. Собственно это не серьезная бомбардировка, а демонстрация.

Из первых телеграмм Алексеева можно заключить, что ядра долетели д о г о р о д а, т. е. до восточной его части. Если так, то, стало быть, неприятель легко может бить эскадру в самом Золотом Роге... Я этого не думал до сих пор.

Наши батареи молчали (далеко был неприятель). Броненосцы японские имеют лучшие орудия, чем наши батареи!

Это тоже довольно неожиданно для меня.

Не только мы, но и наш полковник Симанский, не имеем понятия об укреплениях Владивостока.

Это — военная тайна! Глупо. От кого тайна? Только от своих подданных. Кто был во Владивостоке, не может не знать числа и

общего места нахождения фортов. Японцы знают, англичане, французы и т. д. — все знают. А офицер генерального штаба в Москве не знает!

Эти дни получил два письма от Киреева. Так писаны, что трудно вклеить в дневник, а любопытные письма. Он все опасается, что конституционалисты одолеют, и говорит, что нужно собрать земский собор! Отвечал ему, что я — человек маленький, меня не спросят и не выслушают. Что же мне делать?

А понятно, что земский собор ничего не решит. Нужна п р о г р а м м а реформ, нужно правительству знать, зачем оно существует и куда ведет страну. Вот что нужно. А когда этого нет — земский собор непременно превратится в парламент.

26 ф е в р а л я.

В американских и английских газетах — известия, будто русские отступили из Фын-Хуан-Чена, который занят японцами!

Неужто правда? И почему же Алексеев ни слова не извещает об этом? Он же телеграфировал 24 числа.

Неужто Линевич так бессилен? Или он с досады гадит Куропаткину и, не имея, может быть, права итти вперед, отступает? А Куропаткина в Москву ждут только 29, да здесь проваландается два дня в чествованиях, да дней 10 будет ехать... Итого будет на месте не раньше 12 марта! Японцы к тому времени заберут Мукден.

Чего наши так копаются?

Мое здоровье что-то стало, будто, хуже. Японская война подрывает. Десять лет находимся в истинном гниении по всем внутренним делам. Нелепым ведением внешних (дел) подготовили войну японскую и вот уже целый месяц испытываем срам. Самое лучшее, что мы узнаем, это то, что мы еще не биты, успели спрятаться и т. п. Итак — даже и в военном отношении то же самое, что во внутренних делах. Куда еще итти в позорности положения?

27 ф е в р а л я.

Все иностранные известия гласят о занятии японцами Фын-Хуан-Чена... А наши власти молчат, как воды в рот набрали. Не признают, не отвергают... А между тем это капитальнейший вопрос. Откуда взялись японцы? Прогнали наших с Ялу или высадились в Дагушане? Если последнее — как наши могли проворонить? И значит ли это, что отряд на Ялу отрезан?

Ничего не объясняют, ни слова, ни звука.

Я таки ожидал, что наши войска получше! Или их режет Петербург?

Сегодня отправили вещи в склад Трепова.

Сегодня же получил снова письмо от той «монархистки» — Приезжевой, из Красноярской тюрьмы... Повидимому, несчастнейшее существо, и будто непохожа на шпионку. Но что мне с ней делать?

29 февраля. Воскресенье.

Известие о Фын-Хуан-Чене, очевидно, ложно. Официально сообщается, что японцев нигде в Манчжурии нет.

Приезд Макарова в Артур сразу ознаменовался не очень удачным боем. Приехал 25-го, а ночью уже была баталия миноносцев, с утра же 26-го — бомбардировка.

Хотя результатов больших нет, однако один наш миноносец погиб и даже команда взята в плен, чего еще ни разу не бывало. Плохое начало Макаровского командования. До него было лучше.

Саша вернулся с Куропаткинского торжества, куда его брал с собой епископ Парфений (в качестве книгодержца). Торжество было внушительно. Зала дворянского собрания битком набита. На хорах— дамы. Внизу—мужчины. Представители города, сословий и т. д. В том числе волостные старшины. Все подносили иконы, а дворяне — стяг...

Куропаткин в речи своей обещал «сообщить своему начальнику, наместнику Алексееву», о чувствах Москвы.

Не знаю, почему Куропаткин не внушает мне большого доверия. А впрочем — да пошлет господь милосердный, чтобы я ошибался в своем предчувствии!

Я бы больше верил Линевичу. У Куропаткина мне все чувствуется какая-то штабность, академичность, недостаток «глаза» и «таланта». При Скобелеве он был хорош. Но каков окажется один?

А впрочем, у нас всетаки он пользуется наибольшей репутацией, и это — шанс на успех. Да и прошлое у него хорошее.

Пошли, господи, ему успеха.

Был Новоселов [34]). Рассказывал о стачках в Твери. При беспорядках какие-то негодяи кричали: «Да здравствует Япония!» Гимназисты, говорят.

3 марта.

А у нас мерзкая история. В Варшаве поручик крепостного полка, чисто русский, забыл фамилию — вроде Лаврентьева или Леонтьева— продал за 12 000 руб. немцам планы Новогеоргиевска и хотел бежать заграницу... Схвачен, идет следствие. Варшавские судьи уже теперь решили его повесить... Но все трепещут, что наказание будет смягчено. Господи, когда же поймут, что грех — развращать народ

поблажками? Не лучше ли повесить одного негодяя, чем развращать миллионы?

А у великой княгини [35]), говорят, случилась к р а ж а вещей, жертвованных на армию. Она вздумала, говорят, проверить тюки, уже приготовленные к отправке, и оказался недочет вещей... Бедная Елизавета Федоровна, говорят, была поражена этой гнусностью до истерики. Теперь идет, как слышно, проверка, тюки распаковываются. Это, действительно, ужасно. Хоть бы великой княгине удалось открыть гнусных воров! Следовало бы их жестоко и гласно покарать... Но и тут, наверное, вместо того, постараются «замять дело»... Обычная система. А воры ободряются, а публика теряет окончательно доверие.

Можно сказать, что Россия прямо идет к разложению вследствие миролюбия и мягкосердечия свыше. Лучше бы помнили св. писание, что царю недаром дан меч, а на казнь злым и покровительство добрым. А то довели до того, что доброму житья нет, а мошенники плавают, как сыр в масле. Худо это кончится.

На Дальнем Востоке ничего не слышно. Уж хоть бы Куропаткин поскорее начинал действия, а он — даже по расписанию — не может быть в Мукдене раньше 13 марта... Какие скверные дни: уехал 29 февраля (високосный день), приедет 13 числа!

6 м а р т а.

С театра войны — ничего. Наши, видно, собираются, а японцы... тоже. Страшно самоуверенный народ... О них Церпицкий [36]) говорил, будто они легко обескураживаются... Ну, что-то не заметно.

А наш флот, очевидно, не имеет зарядов. Оказалось, что заряды были на «М а н ч ж у р и и», захваченной японцами в Нагасаки, и они именно этими 12-дюймовыми снарядами бомбардировали Порт-Артур... Но каким скотом и идиотом должен быть капитан «Манчжурии», который, везя н а м бомбы, остановился в Нагасаки, да еще надолго. Такого скотину не грех расстрелять. Да и начальство хорошо! Впрочем о начальстве нечего и толковать. Но от капитана парохода можно бы ожидать некоторой сообразительности и сознания своего долга.

12 м а р т а.

Был у Трепова собственно для разузнания правил о сестрах милосердия, но попутно, конечно, и о прочих предметах беседовали. Рассказывал, что государь был введен в заблуждение Ламздорфом и Безобразовым, которые уверяли, что в о й н ы н е б у д е т... Алексеев их поддерживал тоже. Понятно недовольство государя. Говорят, в нем произошла резкая перемена в сторону самостоятельности и

твердости. Войну он решил перенести на острова и вообще раз навсегда р е ш и т ь вопрос, разбив Японию в прах. Если Америка или Англия будут вмешиваться — бить и их, вообще действовать — «пан или пропал». Дал бы господь ему удержаться в этом спасительном настроении!

Но вести войну решено осторожно, с большими силами, без промаха. Крупных действий не ожидают раньше июля. В крайности, Куропаткин готов допустить даже обложение Артура с суши... Ну, это уж, пожалуй, и глупо... Впрочем, если это вызовет присоединение Китая к Японии, то — можно и на это согласиться. Тогда уже, по крайней мере, можно бы было форменно присоединить Манчжурию и позабыть прежнюю позорную систему глупого лганья... Я бы согласился на какие угодно жертвы, только чтобы Россия перестала быть такой лгуньей... Вранье последних лет просто измучило меня и заставляло стыдиться своего русского имени.

Этот Трепов — очень умен. Он досадует, что правительство не пользуется этим временем для того, чтобы удовлетворить законные желания верных подданных и раздавить этим всякую «революцию». Конечно. Это правда. Но Плеве уже слишком ясно показал, что к такой системе не годится. У его поколения этого не было в умах. Они были чистые «неподвижники», консерваторы.

Хоть бы хватило у нас ума на устройство в н е ш н и х дел, пока не созрели умы для внутренних. Всетаки хоть не потерянные были бы годы.

30 м а р т а.

На войне затишье. Японцы подошли к Ялу. Наши ушли за Ялу... Обе стороны пока стоят. Что дальше?

Был на праздниках Хардалу и со слов манчжурского офицера передавал, что Сибирская дорога провозит по 1 000 чел. в день. Не густо. Если это правда, то подвезли от 50 до 60 тысяч, что с 93 000 бывших раньше да 30 000 мобилизации — не дает и 200 000. При таком числе в поле против Ялу нельзя иметь и 50 000 человек. Значит, Куропаткин будет еще бесконечно отступать.

А тут, рассказывал Богданович [37]), уже доверие к Куропаткину побледнело. Влияние Сахарова [38]), приятеля Алексеева, стерло будто и влияние Куропаткина, которому, будто бы, вдогонку послано приказом слушаться Алексеева.

Может быть, петербургское вранье? Этот Б., в сущности, много зря болтает...

Как бы то ни было — прошло два месяца войны, и мы за это время только что не биты, но не сделали ни одного шага, ни одного действия,

достойного русского оружия. Кое-как отбитые атаки японского флота, без преследования неприятеля, — вот и все... Да еще г е р о й с к а я г и б е л ь «Варяга» с «Корейцем».

Это — перед полудикарьем, перед японцами! Что нужно сделать, какие чудеса победы, чтобы стереть пятно малодушного бездействия?

Когда-то русские били врагов один против пяти. Теперь не смеем одни почти при равных силах. Ведь и у японцев немного войска. И японцы, кажется, трусят, а мы еще больше... Того гляди — постоят, постоят на Ялу, да и выставят «посредничество». По нынешним временам что только не возможно?

31 м а р т а.

Ужасное известие: М а к а р о в п о г и б. «Петропавловск» взорвался, натолкнувшись на мину [39]). Погибло множество народу. Японцы — 31 вымпел — у Ляотешана... Не могу писать... Рок...

Принесли оттиски телеграмм:

Т е л е г р а м м а к о м а н д и р а п о р т а а д м и р а л а Г р и г о р о в и ч а [40]) н а и м я е г о и м п е р а т о р с к о г о в е л и ч е с т в а о т 31 м а р т а:

№ 1. Броненосец «Петропавловск» наскочил на мину, взорвался, опрокинулся. Наша эскадра под Золотою горой, японская приближается.

№ 2. Адмирал Макаров, повидимому, погиб.

№ 3. Великий князь Кирилл Владимирович [41]) спасен, легко ранен.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству пока подробности с «Петропавловска». Кроме великого князя тяжело ранены капитан I ранга Яковлев, лейтенант Иениш, Унковский, мичманы Шмидт, Яковлев, Шлиппе и 32 нижних чина тяжело и легко ранены. Найдены тела капитана 2 ранга Васильева, лейтенанта Кноринга 1-го, мичманов Екимова, Бурачка, старшего врача Волковича и 12 нижних чинов.

Японский флот скрылся. Дальнейшие подробности будут донесены вступившим во временное командование флотом адмиралом князем Ухтомским.

Т е л е г р а м м а г е н е р а л - а д ъ ю т а н т а А л е к с е е в а н а и м я е г о и м п е р а т о р с к о г о в е л и ч е с т в а и з М у к д е н а о т 31 м а р т а.

№ 1. На основании только-что полученной телеграммы от генерал-лейтенанта Стесселя с великим прискорбием всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что с новою тяжкою потерей Тихоокеанский флот утратил в лице вице-адмирала М а к а р о в а своего славного и опытного боевого начальника, п о г и б ш е г о в м е с т е с ф л а г м а н с к и м б р о н е н о с ц е м «П е т р о п а в л о в с к».

№ 2. По донесениям командира Порт-Артура, броненосцы и крейсера под флагом командующего флотом с появлением неприятеля вышли в море преследовать часть неприятельских сил и вследствие увеличения последних до 30 вымпелов возвратились на рейд, причем б р о н е н о с е ц «П е т р о п а в л о в с к» к о с н у л с я м и н ы, последствием чего была гибель броненосца. Находив-

шийся на «Петропавловске» великий князь Кирилл Владимирович спасен, получил легкую рану.

Эскадра вся вошла в бассейн, японская эскадра у Ляотешана.

От командующего флотом до отправления настоящей депеши никаких донесений не получено. Вышеизложенное всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Роковая война... Ни одной удачи, и все преследует нас.

Чья была мина? Наша или японская?

На своих минах уже взорвали «Енисея» и «Боярина». Неужто и броненосец на своей же?

Что с экипажем? Весь погиб или нет?

И что было дальше? Какая страшная минута для атаки японцев: общее уныние, гибель адмирала, ослабление защиты на один из трех остававшихся броненосцев... Что то скажет завтрашний телеграф?

Это гнусное известие пришло в 9½ часов ночи. Теперь почти 12 часов.

А мы сидели так мирно и благодушно. Новоселов и я с семьей, пили чай....

1 апреля.

Через час по ложке: к вечеру дополнение, что взорван и броненосец «Победа», при самом повороте в бухту, тоже наткнулся на мину... А миноносец «Бесстрашный» кинулся на неприятеля и погиб. Какая-то тайна и туман. Значит — была битва... Очевидно, что и мины не наши, а японские.

И нет ли еще чего?

Во всяком случае порт-артурский флот почти уничтожен. Разбиты: «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», погиб «Петропавловск»; разбиты «Паллада», погибли «Боярин» и «Енисей», два мининосца. Погибли «Варяг» и «Кореец». Остались (если только целы): «Пересвет», «Севастополь», «Полтава» и крейсеры — «Баян», «Диана», «Аскольд» (большие) да мелкие крейсеры — «Новик», «Разбойник» и «Забияка»: 9 судов.

3 апреля.

На место Макарова назначен Скрыдлов. Хорошо, конечно, но теперь уже там никто ничего не может сделать.

Мало по малу выяснилась вся обстановка боя, который длился с ночи до полдня. По моему (и это многим приходит в голову), у японцев, очевидно, — подводные лодки, и бой с начала до конца построен так, чтобы выманить наш флот именно под место, где были

спущены подводные лодки... Это очень плохо. Дали их, конечно, англичане, и что за удивительная выдержка у этих иуд-предателей: ни одна их газета, при всей пикантности такой темы, не выражает ни одного слова предположений такого рода.

Того (адмирал) в донесении даже не упомянул о своем участии в потоплении «Петропавловска»... Это тоже улика. Думает скрыть факт обладания подводными лодками... Ухтомский, теперь флагман, тоже ни слова не говорит, что за странные мины взорвали «Страшного», потом флагмана «Петропавловск», а после тех другого флагмана — «Победу», на которой был он сам. Ясно, что он или подозревает подводные лодки или даже уверен, но не желает обнаружить японцам, что узнал их секрет...

Сегодня японцы снова выманивали наших, но наши не вышли на рейд, а отвечали перекидными выстрелами. Еще доказательство, что у японцев подводные лодки! Выходит, что смелость покойного Макарова была не очень-то умна.

Однако я настоял вчера у Грингмута, что нужно писать ободряющие статьи, и сегодня «Адмирал Скрыдлов» — мною писано. Восстанавливаю репутацию моряков. Точно также начато печатание моих статей о высадках в Японию...

Пишу я правду: моряки выдерживают самое паскудное и тяжкое положение, виновны в котором те, кто сделал Россию неподготовленной.

Тем не менее война идет очень плохо, и правительство теряет последние искры авторитета в России. Оно, действительно, еще хуже, чем я полагал.

5 апреля.

Проехал адмирал Скрыдлов. Вызывал к себе на вокзал Владимира Андреевича. Статьей о нем (моей) — очень доволен. Признал ее умной. Сам говорит, что морская война уже проиграна, и он едет только для успокоения общественного мнения, а сделать ничего нельзя, и он ничего не сделает.

Корень — в ошибочном плане войны. Сам Скрыдлов хотел сосредоточить флот во Владивостоке, ибо Порт-Артур — «мышеловка», где можно только погибать. Из Владивостока он хотел воевать — самые японские владения, а оборону Порт-Артура — предоставить батареям. О высадке в Печелийском заливе — не печалиться.

Алексеев — напротив — все хотел сосредоточить в Артуре, чтобы не допустить высадки в Корее и Печели. Его мнение возобладало. Скрыдлов ушел, Алексеев стал наместником. И вот — плоды его системы. Теперь на море все погибло. Владивостокская эскадра—

по слабости, ничего не может делать. Артурская почти истреблена.

Вся задача Скрыдлова будет состоять в том, чтобы не допустить полного истребления флота. Присылка подкреплений из России бесполезна. И лучше ничего не посылать, чтобы не обнажить русских морей на случай осложнений европейских.

Все это, повидимому, очень разумно. Но у нас теперь умных призывают только тогда, когда уже п о з д н о и когда тупицы уже все погубили...

Вероятно, так будет и во внутренних делах.

Изболелось сердце... А ведь, пожалуй, с таким верхом — будем разбиты и Японией. Несчастная Россия! На ней тяготеет рука божия.

И если вспомнить п р о ш л о е, вспомнить, что с наступлением дальневосточного вопроса Россия была лишена руководителя и повергнута на несколько долгих лет в невообразимый хаос, то страшно становится. Тут же н е е с т е с т в е н н ы й ход событий, а рука, карающая Россию. Япония росла, укреплялась, Россия приходила в анархию. И в результате — накануне войны прогнан, хотя и скотина, но единственно умный человек. Затем — эта гениальная политика «миролюбия», обнажения от войск, ужаснейшая, искусственная неподготовленность, владычество Алексеева с Безобразовым... Уф! — И затем предоставление несчастного флота на неизбежное, постепенное избиение в этом несчастном Порт-Артуре?

Что еще ждет нас?

Относительно гибели «Петропавловска» Скрыдлов не заподозревает подводных лодок, а думает, что это м и н ы подводные... Постоянного шлянья Макарова вокруг Лиао-Тонга он, повидимому, не одобряет.

Вероятно, конечно, он своих планов вполне не высказывает Гринг-муту. Не думаю, чтобы он принял пост, если бы не рассчитывал что-нибудь сделать... Может быть,— не на море, а на суше, но уж, вероятно, думает, что будет полезен, если едет командовать этой несчастной битой посудой. Вероятно, он будет иметь серьезные разговоры с государем, которому теперь факты доказывают, как удачно он выбрал своего любимца Алексеева.

Несчастная Россия! Жаль ее, жаль себя, жаль всех. Несчастные моряки! За что гибнут?

Теперь Алексеев принял временную команду флотом. Скрыдлов явится в Артур только через м е с я ц. Что-то будет за это время с Алексеевым?

По моему, жалкие остатки эскадры могут быть спасены только о ч е н ь у д а ч н о й наступательной войной н а с у ш е. Это от-

влекло бы японский флот в другие места и заботы. Но и на суше нет войск... Того гляди, начнут теперь лупить нас и на суше... Китайцы, повидимому, хотят подняться.

6 апреля.

Не могу выйти из чувства глубокого оскорбления: до чего дожил, что даже японцы бьют!.. Осмеливаются даже выражать скорбь по поводу смерти Макарова. До того уже считают нас ничтожными, что скорбят. Еще хуже: лондонский мэр подал через Бенкендорфа [42]) государю выражения сочувствия Лондона по поводу «постигшей Россию потери в настоящей несчастной войне»... И что же? Выражена благодарность за сочувствие!

Это мне раздирает сердце. Унижениям России решительно нет предела...

Сегодня известие о том, что Того 4 апреля провел мимо Артура транспорт войск в Печелийский залив. Русский флот, стало быть, приведен практически к нулю. Алексеев пожнет плоды своей гениальности...

Но ведь вот Алексеев процветает, а Макаров погиб. Так-то все на свете! Все это удручает. В сущности, Макаров, пожалуй, счастливее живых. Кто знает, что еще нам суждено пережить, какие унижения вынести?

7 апреля.

Сегодня неожиданно посетил Владимира Андреевича о. Иоанн Кронштадтский [43]).

После Владимир Андреевич рассказывал петербургские слухи и новости. У государя теперь первое доверенное лицо Абаза [44]). По уму — выше Безобразова, но по честности — ниже. Подводных лодок у нас нет. Альберт предлагал — по 400 000 р. штуку давно. Не захотели взять и заказали у американцев по 650 000 р., но с уплатой 400 000, а остальное — в свой карман. Однако американцы в последнюю минуту надули и отдали японцам. В этом обвиняют в. к. Алексея [45]) и Авелана [46]), Вел. кн. Александр Михайлович [47]) будто бы докладывал государю, но ничего не вышло.

Теперь заказали 4 штуки Альберту, но будут готовы только в сентябре. Морское ведомство будет делать своими средствами. Не знаю, конечно, правда ли это, но у нас там такое воровство, что все может быть.

На место Стюарта — новый английский посол в Петербурге, жена которого — подруга молодости государыни. Этого также очень

страшатся: будет выпытывать многое. Опять не знаю, правда ли. Но вот все рассказы такого рода.

Случай взрыва в «Северной гостинице» (Петербург), о котором было в газетах, оказывается, был — подготовлявшееся покушение против Плеве [48]). Слава богу, преступники вместо этого сами погибли.

Плеве теперь нужнее, чем когда-либо. Без него едва ли кто сумеет поддержать порядок, который теперь важнее всего.

Но что же хорошего? Единственно — данные из отчета Хилкова. Из него видно, что Сибирская дорога перевозит в среднем 3 150 чел. в день, а Забайкальская — 2 500. Это лучше, чем я думал. Всего перевезено по 12 марта было на станции «Манчжурия» 121 000 вагонов. Значит теперь перевезено не меньше 170 000, что с бывшими раньше 93 000 да с 30 000 мобилизации дает около 300 000 чел.

11 апреля.

Теперь на Ялу каждый день ждешь решительных событий, и все нет и нет... Если бы все было нормально, то это ожидание не беспокоило бы. Но нам так не везет, мы так несчастны в войне, чувство стыда за Россию и русских так замучило, что ожидание становится мучительно тревожным. Ну, как опять ждет нас поражение и позор?

Драгомиров сострил: «Ну, Куропаткина назначили — это хорошо. Теперь нужно еще Скобелева!» А ведь правда. Сам по себе Куропаткин никогда себя не проявил. Тут же начальствовать 300—400-тысячной армией! Одно число подавляет. Условия строжайшие!

Мне же кажется, что уже вся система Куропаткина подозрительна. Не русская! Совершенно та же система уже погубила нас на море. Отдельные эпизоды («Варяг», отныне «Баян», «Новик») убеждают меня, что если бы мы с р а з у, 27 января, перешли в н а с т у п л е н и е, то, вероятно, уничтожили бы японский флот, и вся война пошла бы иначе. Но мы слишком думаем о н е р а в е н с т в е с и л, о з н а ч е н и и к о л и ч е с т в а, и одним этим доказываем отсутствие к а ч е с т в а, духа. Этим же — убиваем последние остатки духа своего и одушевляем неприятеля.

Томит предчувствие, что то же самое погубит нас на суше.

15 апреля. Четверг.

Известие адмирала Иессена [49]) о потоплении трех японских пароходов. Ценную потерю для японцев составляет в о е н н ы й т р а н с п о р т «Каншью-Мару» в 4 000 тонн с разным военным грузом и д е с а н т о м. Часть десанта сдалась (17 офицеров и 150 разных мат-

росов, солдат и кули). Остальной десант сопротивлялся вооруженно и был потоплен вместе с кораблем. Сколько погибло десанта, не сообщают, но, вероятно, при 17 офицерах, не меньше 300 рядовых, а может и вдвое! *).

Офицеры — сдались. Солдаты мужественно погибли. Это характеристично.

Вероятно, потопление десанта обеспокоит японцев, показав им, что их сообщения с Кореей не вполне безопасны.

Такая постыдная война, что радуешься каждому грошовому успеху!

Мне все больше кажется, что этот Алексеев — дубина, и что ответственность за весь позор войны сильно падает на него. Но почему только такие люди и получают важные места? Вот в чем огорчение!

17 апреля. Суббота.

Владимир Андреевич рассказал крайне грустную вещь: будто бы на докладе Иессена о потоплении «Каншью-Мару» с десантом, не желавшим сдаться, открывшим огонь и ранившим 2 матросов наших, стоит высочайшая пометка: «Какое бесчеловечие».

Неужели это не клеветническая выдумка? Он уверяет, что правда. Это говорят сами моряки...

Русские гибнут сотнями. У «Петропавловска» никто и не требовал сдачи, а просто заманили на мину, и вот 700 русских — взорваны, пущены на дно. А когда пускают на дно 130 сопротивляющихся японцев, отвергающих требование сдачи, то это — бесчеловечие!

Что теперь чувствуют несчастные наши моряки? Но ведь адмирала Иессена самая элементарная справедливость требует наградить за молодецкий и успешный набег, а вместо этого выходит выговор!

Горько слышать... Неужели умудрятся и войско вооружить против правительства?

19 апреля.

Наши отступили с бою от Кульсичена, — и даже, по японским известиям, до самого Фын-Хуан-Чена. Уж и не знаю, что это означает: слабость ли наша, хитрость ли... Ясно, что нас разбили вдребезги на море, а на суше мы отступаем.

Тягостное чувство стыда за Россию. Берлинский корреспондент пишет из Харбина, что только на месте убедился, до какой степени

*) Оказалось — 130 человек. — Примечание в подлиннике.

была неготова Россия. И это очевидно. Вот почти три месяца собирают силы — и все недостаточно. Ужасный стыд для правительства. И внутри все расшатано и извне ничего не видят, не готовы ни к чему... Говорят, Плеве выразился, что по окончании войны «общество» (русское) предъявит векселя ко взысканию»... Ну — правду сказать — это очень вероятно. Чересчур уж плохо ведет дела правительство.

Теперь все говорят о злоупотреблениях, хищениях, взятках. Говорят, г и л ь з ы патронные у нас из такого плохого металла, что не годятся для пальбы. Говорят, корабли построены мерзко, из дрянного материала. Что тут правда, а что преувеличено? Все равно. Главное, что доверие к власти исчезло. Никто не верит в ее способность контролировать свои органы. А между тем, в результате этой неспособности, теперь позор неслыханный перед какими-то полудикарями... Этакие вещи всего труднее выносятся национальным чувством.

21 а п р е л я.

Генерал Засулич [50]) (он родной брат Веры Засулич [51]), стрелявшей в Ф. Ф. Трепова) имел 10 000 человек. Против него Куроки имел 45 000. С 17 апреля ясно было, что Куроки его обходит, но Засулич не отступил своевременно. Разгром его ужасен: он потерял все пушки, какие имел (3 батареи), 800 раненых, 300 пленных, ну и, значит, убитых — человек 500.

Позор! Вот тебе и устрашила сухопутная война!

По моему, и Куропаткин — скотина и дурак. Раскричали неизвестно за что.

24 а п р е л я.

Японцы высадились в Бизциво, уже нападали на поезд из Артура... Итак, не нынче-завтра Артур будет осажден, бомбардирован и штурмован!

Японцы оказались у м н е е нас, более знающи и, пожалуй, даже храбрее. У них, повидимому, нет воровства, все одушевлены о б щ и м делом, а у нас все пронизано ворами и изменниками. И что же против этого могу сделать я? А эти несчастные, которые героями гибнут в борьбе с японцами, один против четырех? Они чем виноваты? И что они могут сделать с негодяями и мошенниками?

25 а п р е л я.

Сейчас Катя была в гостях. Там рассказывали ходячий слух. Будто бы в Париже есть какая-то ясновидящая гадалка, которая предсказала, что 30 а п р е л я П о р т-А р т у р б у д е т в з я т я п о н-

ц а м и; после этого перевес перейдет на сторону русских, но в России начнутся внутренние смуты, а армия будет отозвана из Манчжурии!

Вот общественное настроение! Но должно сознаться, что за Порт-Артур я очень боюсь, и уж не знаю, какого числа и месяца, но взятие его считаю весьма вероятным. При нынешней артиллерии и взрывчатых веществах крепостей неприступных не может быть. Бомбардировка, штурм со сменой сил — и готово. Гарнизон не может иметь достаточно смен...

Но 30 апреля — это сомнительно. Не успеют батарей поставить.

Но что думает Куропаткин? Фын-Хуан-Чен очищен тоже. Армия наша отступает... Куда? Надолго ли?

А Артур уже отрезан. Уже депеш туда не принимают. Несчастный флот, так бесплодно и бесславно погибающий в этой проклятой «мышеловке», как ее называет Скрыдлов!..

Хорошо положение и Скрыдлова! Какой-то жгуче обидный водевиль. «Начальник Тихоокеанских морских сил.» У него д в е эскадры, численностью и силой превосходящие японцев. Но одна его эскадра сидит в элингах или на мели («Орел») в Финском заливе. Другая сидит в «мышеловке», и начальник Тихого океана не может даже приказать ей ничего, за блокадой, не может даже взглянуть на свои корабли! Зачем он едет туда? Зачем они устраивают этот водевиль? Ну, ехал бы просто, без громких титулов, скромно и тихо...

26 а п р е л я.

Рассказывал Владимир Андреевич со слов графа Шувалова. Вел. кн. Кирилл, на обратном пути, видел 2 000 вагонов с солдатами, з а д е р ж а н н ы х по дороге вследствие необходимости сначала провезти п р о в и а н т. Провианта нет в Манчжурии... Все приходится везти из России. Неподготовленность абсолютная! Ничего нет, и — это преднамеренно.

Год назад Куропаткин требовал везти войска в Манчжурию или дать ему отставку... Государь отказал и сказал: «Я сам знаю, когда вы будете мне не нужны». И тут началось господство Безобразова и Абазы. В это же время возникла личная переписка государя с Эдуардом. Английский король уверял государя, что Англия н е д о п у с т и т Я п о н и и д о в о й н ы, и что для этого и заключен дескать англо-японский союз. Но для того, чтобы Англия могла воздействовать на Японию, необходимо, чтобы Россия н е о т п р а в л я л а войск на восток. Ну, мы так и делали. Япония энергически вооружалась, мы же вывели даже и те войска, которые были на месте.

Затем — понятно — Япония начала войну, и Англия потирает руки, глядя, как лупят одураченных русских, не имеющих ничего,

ни войска, ни оружия, ни снарядов, ни провианта! В довершение всего, это нисколько не подорвало дружеского доверия к Эдуарду и дружеских с ним сношений.

Жена нового английского посланника в Петербурге, действительно, подруга молодости государыни при дворе Виктории.

Таковы-то рассказы, терзающие сердце! Тяжкое и совершенно безвыходное положение...

Вечером приехал Новоселов с самыми печальными петербургскими впечатлениями. В Петербурге все поголовно ругают «режим» и говорят, что он требует радикальной перестройки. Что же выйдет из всего этого? Должно быть, война будет coup de grace... Но что кроме чепухи и анархии может создать современная деморализованная и дезорганизованная Россия?

Ужасное время.

28 апреля.

Теперь в Петербурге движение: 1) против Куропаткина, 2) против войны... Последнее, конечно, есть комбинация обычной бессознательности верхних слоев с ловкими подсознательными, идущими, вероятно, из английских источников. Три месяца Россия испытывает видимый позор, Япония блещет. Теперь наступает время, когда мыслимо ожидать русского «реванша», потому что всетаки силы несколько увеличились. Если в такой момент прихлопнут нас привести к миру — это значит сознательно скомпрометировать правительство *). Затем, высоковероятно, почти неизбежны внутренние смуты. За это враги России могут дать много...

А подлецов у нас также много. Дураков — тоже достаточно.

Кампания против Куропаткина — это обычная петербургская интрига, борьба самолюбий, борьба за места и т. п. По последствиям это в данный момент — ужасно, хотя, конечно, деятели этого плана не думают быть вредными, а только думают о своих интересах.

Против Куропаткина, говорят, действует генерал Пузыревский [52]) Козыри этой партии, говорят, — вел. князь Владимир [53]), всегдашний враг Куропаткина, и вел. кн. Николай Николаевич [54]), которого прочат будто бы в главнокомандующие. За ним будет Пузыревский. Правда ли это? А главное, есть ли у них шансы сменить Куропаткина, не знаю. Но уж одни слухи скверно действуют. А если сменить Куропаткина, т. е. опять перепутать все планы военных действий, то, конечно, лучшего подарка японцам невозможно и придумать.

Таково положение сверху. А в публике — самые невероятные слухи и происшествия. Уже есть случаи публичных речей на улице

*) Так в подлиннике.

против правительства. Публика потеряла голову. Готовы верить почти всему. Ходят слухи, будто генерал Засулич — изменник; адмирал Ухтомский — тоже изменник; он взорвал «Петропавловск» и Макарова, и он же уже расстрелян. Витте тоже изменник и уже посажен в Петропавловскую крепость...

Вот уже какая дичь может разглашаться и приниматься с доверием...

15 мая.

Цзин-Чжоу взят... Все берут японцы, везде бьют. Наши только мужественно гибнут. Куропаткин сидит, как примерзший к своему Ляояну, и, вероятно, считает уже большой «активностью», что не удрал до сих пор в Харбин... Начинает казаться, что несчастные артурцы обречены на гибель — если должны быть перебиты, или позор — если сдадутся.

После взятия Цзин-Чжоу — неизбежно падение Артура. Ясно. И едва ли японцы дадут ему много времени. Нечего сказать: японцы — изумительные воины, бесконечно храбрые и искусные, сверх того. Их генералы безмерно выше наших.

Возможно, что Куропаткин уже боится потерять славу свою. Да, сказать правду, — он и не показал еще нигде искусства настоящего главнокомандующего.

17 мая.

Мы не имеем до сих пор ни единого слова официального о Цзинчжоусских боях, кроме того, что разъезды Куропаткина «слышали канонаду». А Оку [55]) доносит, что взял 68 орудий, 16 пулеметов!

Неужели мы стали уже такая сволочь, что даже драться не умеем? По уму — ослы, по знаниям — невежды, по нравственности — развратники... И в довершение уже и не воины.

Это, конечно, естественно... Наши качества — рождают дряблость. Для войны нужны не люди Гаагских конференций, а герои. Падение совести — бесконечное. Постоянно слышишь о воровствах в интендантстве и повсюду. Это во время войны!

19 мая.

Вл. Андр. Грингмут возвратился из Петербурга. Конечно, целая куча сплетен, а может и правды. Но есть несомненные факты.

Мы (газета) получили цензурное предписание не говорить ничего об инциденте с графом Ламздорфом!! Этот инцидент в следующем. Ламздорф был с какой-то чиновной компанией у Донона, на Морской.

Когда он уже выходил, к нему бросился князь Долгорукий и избил его палкой с криком: «Давно я до тебя добирался!» При составлении протокола, он заявил, что бил министра за честь России, за весь вред, сделанный Ламздорфом... Случай характеристичный. Этот Долгорукий — из настоящих князей, бывает в большом свете, иногда попи-сывает в журналах, и отнюдь не какой-нибудь «отрицатель».

Этот Ламздорф еще более негодяй, нежели я думал. За день или два до его избиения у него был Грингмут, и этот недостойный министр его уверял, что в неподготовленности России к войне виноват не он, а государь!.. «Я, — сказал Ламздорф, — предупреждал, что война будет, и требовал, чтобы к ней готовились... Но что же я мог сделать, если государю императору угодно было находить, что войны не будет?».

Это он говорит Грингмуту, человеку, почти незнакомому и журналисту! Он сворачивает вину в тяжком положении России на своего государя... Вот они — настоящие изменники царю!

Передавал Грингмут немало рассказов о трусости некоторых капитанов артурских кораблей... Подозреваю, что вранье или прибавлено 100%. Ну, что еще? Плеве занят упорядочением суда за политические преступления, думая передать часть дел в судебное ведомство. Ну, это, может быть, и умно... Трудно сказать, не зная обстоятельств... Еще — Плеве говорил, что скоро будет решать рабочий вопрос во всем его объеме, т. е. регулирует положение ремесленников, кустарей и фабричных... Это еще нужно посмотреть, как урегулирует... Обещает это к осени...

Относительно священника Гапона [56]), с которым он виделся, Грингмут положительно заявляет, что он состоит на жалованьи у охранного отделения, а в то же время называет его революционером. Ну, все это не интересно. Во всяком случае, все это «рабочее дело» насмешка и пуф!

Говорил много о Глазове [57]) (министре нар. просв.), которым очень недоволен, но это тоже неинтересно, так как здесь замешаны всетаки личные мотивы.

29 июня.

Проезжал из Манчжурии Хилков со свитой (Палтов и прочие). Владимир Андреевич виделся как с Хилковым, так и с Палтовым. Рассказы любопытны и прискорбны. Алексеев (наместник) держит себя каким-то сатрапом. Двор — императорский. Человек 150 его штата. Дворец — роскошь. Все у него на вытяжку, раззолочено, в мундирах, все преклоняется перед ним, а он — величественен, словно Людовик XIV. Церемониал, этикет...

Приехал Хилков. Дворец наместника — в двух шагах. Но министра на вокзале встретил только а д ъ ю т а н т Алексеева. Остановившись где-то (не знаю где), Хилков в мундире и со свитой отправился с визитом. Наместник был величественен. С министром — еще ничего себе, но его чиновникам — ни руки не подал, ни слова не вымолвил. Хилкова пригласил обедать, чиновникам ни слова... Они уже думали, что он не пригласит. Однако на квартире получили роскошные пригласительные билеты, где были перечислены все титулы великого наместника, и указан точно ч а с обеда и мундиры, в коих должны быть осчастливленные...

Хилкову наместник отдал даже визит, но явился в какой-то тужурке.

Отправились на обед. Роскошь, парадные лакеи, необычайный сервиз. И это все в Мукдене, которому угрожает Куроки... На сей раз наместник как хозяин хотя всетаки не подал руки чиновникам Хилкова, но удостоил их нескольких незначущих слов, затем отошел от них и уж больше не занимался ими.

Званых было много, все в величайшем мундирном параде. Один начал есть суп... Сосед толкает таинственно: «Наместник еще не начинал». Тот в испуге оставил ложку. Но наместник тоже стал есть. Этот господин снова принялся и живо прикончил порцию. Но сосед опять толкает его: «Наместник не кончил». И вот злополучный гость начинает подносить ко рту пустую ложку с пустой тарелки, делая вид, что ест. Раньше наместника нельзя начать есть, раньше его нельзя кончить.

Это — собачьи комедии. Но разговор был похуже. Это была сплошная ругань Куропаткина и Скрыдлова.

Хилков имел неосторожность спросить о Скрыдлове. Наместник и начал его честить:

«Я его и в глаза не видал. Разве я такого негодяя пущу к себе! Ха-ха-ха! Я ему приказал ехать прямо во Владивосток».

Та же ругань против Куропаткина: дурак, бог знает, что делает, ничего не понимает. 150 человек офицеров поддакивало его высокопревосходительству и, к его удовольствию, приводили якобы «примеры» промахов командующего армией.

Так Алексеев поддерживает дисциплину!

Он получил из Питера кучу офицериков, протеже влиятельных дам. Они у него лизоблюдничают и куртизанят и этим выслуживаются. Он нарочно посылает мальчишек осматривать позиции Куропаткина и критиковать их.

Этот мукденский сатрап, перед лицом неприятеля подрывающий дисциплину русской армии, внушил Хилкову отвращение.

Когда Хилков был еще в Харбине, Куропаткин прислал ему умоляющую телеграмму отложить все другие грузы и доставить ему в 10 дней сибирские полки, крайне необходимые против неприятеля. Хилков, видя такую крайность, превзошел самого себя и доставил сибирцев в 6 дней... Но оказалось, что из этих 16 полков Алексеев выпустил из Мукдена к Куропаткину всего несколько батальонов, а остальных отправил своею властью частью во Владивосток, частью оставил в Мукдене...

Это уж нечто граничащее с государственной изменой!

Вот среди каких обстоятельств действует несчастный Куропаткин. Алексеев постоянно посылает на него клеветнические доносы государю. Государь иногда спрашивает мнения Сахарова об этих критиках действий Куропаткина... Но военный министр — ут Алексеева и враг Куропаткина, и по возможности поддержива наместника.

Штакельберг [58]) был послан в Вафангоу так. Алексеев п р и к а з а л Куропаткину итти на выручку Порт-Артуру. Куропаткин сказал, что «вы не имеете права приказывать. Я получаю приказания только от государя».

«А, так вы желаете иметь приказание государя! Хорошо. Вы его получите».

И, действительно, пришло приказание от государя. Пришлось отправить Штакельберга и еще раз осканцалить русскую армию у Вафангоу.

Так вот как ведутся дела. О п р о ш л ы х ошибках можно бы не говорить. Но как назвать отсутствие е д и н о й власти в такую критическую минуту?

И, к прискорбию, это поддерживает военный министр, который, чтобы подвергнуть Куропаткина позору, рискует Россией.

Но Хилков заявил, что он твердо решил открыть государю все эти преступные интриги людей, столь недостойно обманывающих его доверие.

9 а в г у с т а.

Сегодня телеграмма о бомбардировке Корсакова поста на Сахалине. Вероятно, сделают и высадку.

За все это время позор наш доходит до нестерпимой степени. Расколочена эскадра артурская, расколочена эскадра владивостокская, «Рюрик» потоплен, 600 пленных, прочие испорчены. А в Артуре Ухтомский позорно бежал, оставив на расстрел слабые суда!

А господин Куропаткин собирается отступать из Ляояна. А несчастный Порт-Артур доживает последние дни. Непрерывные штурмы,

Из 40 000 гарнизона осталось 23 000. Что толку, если японцы потеряли 45 000! У них все-таки ежедневно растет армия; прежде на наших 40 000 было 80 000 японцев, а теперь на наши 23 000 японцев больше 100 000.

В «Моск. вед.» Грингмут не позволяет писать о подлом поведении Ухтомского при позорном выходе эскадры. А я очень просил. Вместо того он прославляет память Плеве! [59]) Для чего. Не могу понять. Плеве ничего не сделал и за 2 года 3 месяца только д о к а з а л, что ничего не может и не хочет сделать. Его смерть, несмотря на весь трагизм ее, прошла удивительно незаметно...

Мы узнали об этом страшном событии в низовьях Волги, около села Владимировки, от одного пассажира, местного мещанина, севшего на пароход... Мы шли на «Дмитрии Донском». За 16 дней пребывания на одном и том пароходе я перезнакомился со множеством пассажиров, которые вообще очень порадовали меня своим патриотизмом и хорошим политическим духом. И что же? Весть об убийстве Плеве, конечно, всех поразила, убийц — р у г а л и. Но о самом Плеве я не слыхал н и о д н о г о слова сожаления.

Приехал сюда. Спрашиваю, как тут отнеслись к убийству? Оказывается, совершенно так же. Нигде сожалений, нигде проявления симпатии. Бедняга — мне его жаль больше всего именно за то, что он погиб при таком абсолютно холодном отношении всей России. Никому он не сделал добра. Всем надоел. Говорят, будто бы и государь отнесся холодновато. Он не был ни на одной панихиде, приехал только на отпевание и проводил гроб д о л е с т н и ц ы квартиры, но г р о б а не нес (как было у Бобрикова [60]).

Странный человек. Все было: ум, характер, честность, деловитость, опытность... Множество лиц ожидали от него многого, множество людей, преданных государю, России и порядку, предлагали ему все силы, всю помощь. Он всех слушал, всем, попросту сказать, лгал, морочил всех, будто он о чем-то думает... Постепенно всех честных людей устранял, а сам т о л ь к о душил и б о л ь ш е н и ч е г о. Кто же спорит? Конечно, р е в о л ю ц и о н е р о в должно было подтянуть. Но ведь Россия не революционерка, и она действительно нуждается в глубоких улучшениях жизни. Он же н е х о т е л ничего делать. Почему? Да, вероятно, просто потому, почему и все министры не хотят: не желают уменьшать своей власти, не хотят перестать быть владыками над царем и народом. Плеве был глубокий, до мозга костей, б ю р о к р а т, носил в своей душе и сердце то величайшее зло, от которого гибнет Россия. И вот почему он не умел и не хотел ничего сделать.

Сделает ли кто-нибудь после Плеве?

Сейчас остается временным «за министра» его товарищ Петр Николаевич Дурново [61]). Говорят, его девиз: «никаких реформ». Едва ли он удержится на такой системе. Но все же и она лучше того лганья, которым жил Плеве. Лучше откровенно «никаких реформ», чем лицемерие и обманы, которыми Плеве скомпрометировал правительство, как ни один другой министр.

14 августа.

Донесения Рейценштейна, Матусевича и самого Ухтомского рисуют картину, из которой видно, что негодяй и трус Ухтомский погубил нашу эскадру. Несомненно однако, что наши моряки в общей сложности несравненно ниже японских. Стрелять, очевидно, не умеют. Даже лучше, как «Новик», не умеют выдержать боя с почти равносильным противником. «Цусима», загнавшая «Новика» на погибель в Корсаковский пост, равна «Новику» — чуть-чуть побольше. Орудия у «Цусимы» чуть-чуть получше. Но ход лучше у «Новика». И однако «Цусима» его растрепала так, что оставалось затопиться, а сама получила ничтожные повреждения.

Но самое ужасное у нас — это, конечно, н а ч а л ь н и к и, которые, очевидно, никуда, в сравнении с японскими, не годятся. Я даже начинаю сомневаться в Куропаткине. Самый же слабый наш пункт — петербургская центральная власть.

Грустные письма пишет Киреев *). Конечно, он немного ворчун, однако не без оснований.

Судьба несчастного Стесселя и Порт-Артура, повидимому, решена. Я каждый день жду гибели крепости. Жена Стесселя (здесь бывшая) говорит, что он носит в кармане револьвер, чтобы застрелиться в последний момент: «Живой я не буду взят», говорит он.

Бедные герои! Мне невыразимо жаль их. А наши, наши, здешние: за 7 месяцев не умели подослать достаточно войска!

---

*) Приложено следующее письмо Киреева: « !

«Третья армия — это та, которою хочет распоряжаться сам Алексеев. Мейендорф [62]), уезжая, выражал мне опасения, что он целиком или отчасти попадет в эту предполагаемую армию.

Ежели это предположение осуществиться, то будет очень скверно, потому что Куропаткину теперь трудно держаться, а когда семидесятитысячная армия, осаждающая Порт-Артур, освободится, то Куропаткину будет еще хуже. Может быть, план Алексеева и не удастся; дай бог!

Что это вы спрашиваете «Кто поддерживает единство действий?» Как кто? Угодник Николай! Только жаль: повидимому — переутомился.

Выход порт-артурской эскадры не удался, и флот был отброшен; что же делать, ведь сидеть ему в Порт-Артуре не для чего: как только будет взят Порт-Артур, так его захватят японцы, нужно было попробовать счастья — ну, счастье

Сегодня, кажется, государь должен проехать через Москву, на Дон, провожать на Восток казаков. Как говорится: хорошо, да мало! Надо гораздо больше. Почему так мало войска посылают? Говорят, дорога теперь загромождена артиллерией и снарядами, которых там нехватает. Ничего нет, дорога слаба. Очень похоже на севастопольские времена.

1 октября.

Самые скверные вести. В наступлении на Ляоян правое крыло нашей армии отбито, потеряв все орудия. Левое просто отступило.

Я все время не записывал. И тяжело на душе и болен. За это время начато наступление Куропаткина, с приказом его от 19 сентября: этот приказ, без сомнения, продиктован Петербургом. Там все трепещут не перед японцами, а перед Россией. Нужно было чем-нибудь защитить правительство.

И вот Куропаткин в своем приказе 19 сентября пишет защитительную речь правительству и, объявляя, что теперь сил достаточно, предписывает наступление.

Какие силы у него? Я тогда же спрашивал. Что было при Ляояне, то и теперь. Все это сделано на «уру», на риск, для прекращения общей ругани против Петербурга.

И вот результат! Погубили и Куропаткина, единственного популярного человека.

Мани, факел, фарес!

6 октября.

Нехорошо и скучно мне. Не хочется записывать рассказов Грингмута. Может быть, его пессимистичность увеличивается оттого, что Святополк [63]) с ним очень холоден. А Киреев хвалит Святополка *).

изменило! Не нужно забывать, что порт Порт-Артурский очень плох, никуда не годен, это было всем известно. Это — западня, в которой мы сидим!

Ежели бы другие суда нашей эскадры вздумали и в третий раз помочь «Цесаревичу», то и их бы потопили.

Стессель на-днях предупредил государя, что Порт-Артур долго держаться не будет. Теперь осада — дело артиллерии.

И японцы и все иностранные корреспонденты хвалят наше геройство — подразумевая — «и нашу глупость». И то и другое верно.

Но я не потерял надежды на армию Куропаткина. Одно скверно — японские резервы прибывают скорее наших; ведь японцев — 46,000,000 душ, а выучить стрелять можно и мужика в 6 месяцев легко.»

*) Приложены следующие письма Киреева от 3 октября.

«Куропаткину нанесено частичное поражение. Приказание атаковать (или сердитый совет) дан ему отсюда, несмотря на численный перевес

9 октября.

Любопытное письмо Киреева *).

Колеблюсь: посылать ли ему эту «записку», что он просит? По-видимому, это совершенно бесцельно... Из его слов видно, что Святополк совсем непрочен. А уж по рассказам Владимира Андреевича еще больше.

Владимир Андреевич говорит, что государь выбрал Рыдзевского [64]) еще раньше, чем Мирского, и дал ему его в товарищи с а м. Святополк и не знает почти Рыдзевского. Да еще с такими широкими правами... Это означает, конечно, что никакого особенно доверия к Святополк-

---

японцев, в особенности артиллерии. Злым гением всего дела оказывается адмирал Абаза, p e r s o n a g r a t i s s i m a, враг Куропаткина, публично называющий К у р о п а т к и н а и з м е н н и к о м!

Имел вчера о с н о в а т е л ь н ы й разговор с Святополк-Мирским. Наконец-то, слава богу, имеем министра, с о в е р ш е н н о я с н о смотрящего на дела. Он понимает, что настоящий бюрократический строй не может держаться долее; понимает и то, что конституция для нас — гибель. Стало быть, в будущем — необходимость монархии с совещательным характером, наша древняя московская!

Но вопрос не в том только, чтобы сознать все это, а в том еще, чтобы принять необходимые меры к тому, чтобы остановить разорение нашего государственного строя, объяснив план действий правительства.

Для этого, мне кажется, необходимо выяснить, что именно намерено делать правительство, какая его программа. Это необходимо и для того, чтобы настоящие благожелательные заявления не повели к недоразумению и разочарованию. Недостаточно сознать, что наше положение плохо, что бюрократизм выдохся, с э т и м в с е с о г л а с н ы; нужно еще сказать: «а из сего следует, что etc...», иначе подумают, что правительству набрело на ум дать нам конституцию. Э т у м ы с л ь н е о б х о д и м о р а с с е я т ь, н е т е р я я в р е м е н и. Необходимо, н е о б х о д и м о сказать: а) от бюрократизма я, правительство, отказываюсь; б) конституции н е д а м, к голосу народа буду прислушиваться. Теперь, 3 октября, сказать это м о ж н о, завтра, 4 октября, может быть, сказать это будет уже нельзя, будет п о з д н о. Огромное большинство мыслящих людей связывает с отказом правительства от бюрократического строя н е ч т о и н о е, как дарование конституции. Это и необходимо разъяснить поскорее. На-днях буду иметь разговор с министром внутренних дел. Посмотрим!

Пожалуйста, пришлите мне вашу статью, дополнив ее всеми вычеркнутыми местами. Сколько припомните. Итак, кажется, первый шаг к исправлению нашего положения сделан, теперь нужно обратиться к лечению (терапия). Но трудностей много, в особенности трудно рассеять туман, нагнанный многочисленными и громкими ура! урра! уррра!..

Ваш А. К и р е е в».

*) Приложено следующее. письмо Киреева:

«По самым достоверным известиям, Святополк-Мирский пользуется, несомненно, доверием царя, хотя на него, несомненно, готовится (и уже начался) поход со стороны так наз. консерваторов.

Разыгрывается он на почве нелюбви царя к земству, коего покровителем, сторонником является Святополк-Мирский.

Мирскому государь не имеет. Вероятно, взял его вовсе не для реформы, а просто как человека, который не будет свирепствовать вроде Плеве. И это умно: во время войны совсем неудобно соориться с русским же обществом. Но к р о т о с т ь — еще не реформы.

Что касается реформ, то Киреев сам говорит о «нелюбви к з е м с т в у»... Конечно, земство ведет себя и глупо и недобросовестно. Но устраивать страну без земства невозможно. Если есть «нелюбовь», то реформ не может быть.

А дело может быть х о р о ш о только в том случае, если его хочет сам государь. Министр — без него — ничто.

16 о к т я б р я.

Вчера, 15 октября, пятница, вечером было побоище на Ярославском вокзале. Передавали мне полковник Новиков и Борис Константинович Добровольский (он теперь заведует мобилизацией как раз на Ярославском вокзале и присутствовал там по обязанностям службы). К отходу поезда собралась большая толпа на вокзале. Множество студентов и курсисток явились провожать каких-то двух прапорщиков запаса. Рядовые запаса были в вагонах заперты.

В зале же буфета шли проводы. Один студент взобрался на возвышение и произнес речь, в которой говорил, что на Востоке у нас важные задачи, и желал отъезжающим всяких успехов. «По окончании же войны, — заключил он, — мы получим другую задачу: освободить Россию от самодержавия». Он стал кричать: «Долой самодержавие, ура!» Компания его, натурально, поддержала, и начали петь какие-то революционные песни...

На вокзале было всего четыре жандарма, которые ничего не могли сделать.

Но запасные, услыхав, что кто-то говорит против царя, стали вырываться из вагонов, повыбивали окна и, вылезая через окна, ринулись в залу, крича: «Где студенты? Кто тут против царя?». Как всегда, запасные были выпивши и атаковали студентов и курсисток,

---

Сообщите мне 1) объем (сколько времени нужно для внимательного прочтения) вашей записки, 2) в чем ее суть? Полагаю, что мы смотрим одинаково на положение дел?

Я с Святополк-Мирским виделся только раз; вероятно, скоро снова с ним увижусь. Может быть, я буду иметь возможность рекомендовать ему вашу записку. Хотите?

Ожидаю вашу дополненную статью.

Очень хороша статья Трубецкого в «Праве». Серьезна.

Боюсь, чтобы радость «России», выражаемая Святополк-Мирскому, ему не повредила у царя.

На войне, кажется, начинает обрисовываться (для нас) улучшение».

колотя их чем попало. Произошла страшная давка. Посторонняя публика разбегалась, студенты и курсистки спасались. Однако несколько человек студентов получили раны — бутылками.

Один выпивший запасный, по одержании победы, когда студенты разбежались, подскочил к Добровольскому: «Ваше высокоблагородие, дозвольте на чаек. Я об одну курсистку две бутылки разбил».

Толпа запасных окружила жандармского офицера: «Покорнейше благодарим, ваше благородие, что не воспрепятствовали исколотить студентов»...

Между тем, поезд ушел, и запасных так и не успели посадить в вагоны. Не знаю, когда их отправили.

Из студентов арестован кто-то. Но самого оратора не тронули, нарочно, а за ним поехали сыщики — посмотреть квартиру.

Такова была история вчера ночью.

Сегодня же утром, около 2 часов, в университете было что-то. Вывешено было к р а с н о е з н а м я. Вероятно, заговорщики подстрекали студентов... И они шли н а Б р о н н у ю.

На Бронной были жандармы и даже, кажется, войска. Туда же шли и студенты. Что там было, не знаю. Не было ли ночью арестов?

Около 3 часов Гольденвейзер (Борис) шел в редакцию и на Тверском бульваре против Бронной увидал толпу студентов, человек д в е с т и, с к р а с н ы м и з н а м е н а м и... Они шли тихо и что-то пели, но тоже тихо, не дружно. Кругом — народ, толпа гимназистов с ранцами. Гимназисты шли из гимназии домой.

Гольденвейзер не понимал, что эта за процессия, тем больше, что красное знамя было очень незаметно. Он обратился к одному студенту:

— «Скажите, пожалуйста, что тут такое?»

— «Это демонстрация»...

— «А по какому же поводу?»

— «Потому что вчера наших товарищей избили на вокзале и несколько человек убили»...

Дальше он не расспрашивал.

Заинтересовавшись, я вышел на улицу и неподалеку встретил неожиданно Осипа Петровича Новикова, нашего частного пристава, который только-что возвратился из Манчжурии, и я даже думал, что его нет (ибо был слух, что он переведен). Это очень хороший человек. Меня он сразу узнал и подошел. Ну, я стал его расспрашивать. Он рассказал всю историю и прибавил, что, вероятно, волнение пойдет crescendo.

Это было уже около 4 часов.

Дальше однако, кажется, было тихо. По крайней мере, ничего не слыхал.

Любопытно, что запасные идут в Ярославль и что Ярославско-Архангельскую дорогу приказано привесть в боевую готовность. Это пахнет войной с Англией.

А брат Добровольского (из штаба Гриппенберга) пишет, что, по слухам, 2-ю армию пошлют не в Манчжурию, а в Туркестан.

20 октября.

Беспорядки были и в Петербурге, но о них ничего не знаю, кроме газетных очень кратких сведений. Какая-то неудачная демонстрация и даже глупая. По поводу политического арестанта, который сам лишил себя жизни! Потом зачем-то собрались у Казанского собора и в самом соборе. Дворники, якобы, побили двух «стриженых», за что и подверглись преследованию начальства. Вообще какая-то чушь.

Это во время войны. Ну, что сделало бы с такой сволочью правительство якобинцев? Истолкло бы в порошок.

И курьезно — все это при Мирском, с его поблажками. Говорят, он амнистировал что-то много ссыльных — говорят, будто бы 15 000! Что-то невероятно.

Россия расползается по швам. Чем умнеть — она разлагается.

26 октября.

Времена весьма тревожные. «Порядок» везде, видимо, расшатан. Запасные солдаты в 19 уездах из 119 буйствуют, разбивают казенные кабаки, разбивают дома, производят грабежи. И это не одних евреев, а перепадает и прочим. У нас вчера 1200 запасных, на перегоне с одного вокзала на другой (Рязанский), тоже разбили кабак (казенный), перепились и дальше отнимали деньги у прохожих. Полиция не могла справиться с пьяной толпой. Джунковский ранен (бревном), Новицкий тоже. Говорят, будто с Трепова камнем сбита шапка. Вызвали войска. Холостой залп не усмирил. Стреляли боевыми патронами: четверо убито. 30 человек зачинщиков арестовано; остальных загнали в вагоны. Будут судить...

У студентов назначена сходка — большая, общая. Что из этого будет? Они вообще волнуются. У них ходят подстрекательства протестовать против войны. Совершенно несчастные недоразвитки с атрофированным чувством. Но должно сказать, что это настроение сильно вообще в интеллигенции. Это — тяжко сознаться, но она, действительно, сгнившая, глупая и совершенно не русская.

Это — и позор и измена. Национальная Россия тоже существует. И очень похоже на близость внутренней потасовки. Между тем правительство — слабое и жалкое — вдобавок вполне утратило авторитет. Его никто не уважает, не боится, не верит ему...

Оно невольно увеличивает силу всех элементов разложения своим видом, своими действиями.

На 6 ноября назначен съезд земцев в Петербурге, разрешенны правительством [65]). Кажется, это какой-то странный шаг, годный только для беспорядков. Съезд не имеет, говорят, ни программы, ни организации, и не поставлен ни в какое отношение к правительству. Нечто по существу нелепое. Съезд, а зачем? Не определено. Я послал Кирееву запрос о том, что предвидится.

Ну-с, наш Владимир Андреевич мрачен, как туча, рвет и мечет. Ведет себя н е л е п о - г л у п о. Каждый день обличает крамолу и измену во всех решительно. У него и все земцы — изменники и князья Трубецкие и т. д. Гнусно читать. Все знакомые, а у меня они все — народ умеренный, ругают Грингмута, перестают читать газету.

Он вообще как бы задался целью лишить себя всяких способов действия на умы, отрезать себя от всей России.

Какой смысл этого явно глупого поведения? Мне приходит в голову, не думает ли он ускорить наступление беспорядков? Чтобы поскорее слетел Мирский, а тогда, он надеется, сядет в министры Штюрмер [66]) и все зажмет в кулак.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Афанасьев, М. А., председатель зубатовского «Совета рабочих механического производства».

[2]) Воронов, Л. Н., сотрудник «Московских ведомостей».

[3]) В 1902 г. под председательством московского генерал-губернатора была образована «Комиссия по организации чтений для рабочих»; фактически председателем Комиссии был епископ Парфений, активные участники — председатель цензурного комитета Назаревский, Лев Тихомиров и др.

[4]) Плеве, В. К. (1846—1904), министр внутренних дел.

[5]) О долгосрочной ссуде, полученной зубатовцами от правительства, см. С. Айнзафт «Зубатовщина и гапоновщина», изд. ВЦСПС, 1925 г., 69 стр.

[6]) Ср. Озеров «Политика по рабочему вопросу», стр. 226.

[7]) Сергей Александрович, вел. кн. (1857—1905), московский генерал-губернатор.

[8]) Зубатов, С. И. — с 1896 г. начальник московского охранного отделения, в 1902 г.— заведующий особым отделом департамента полиции. В августе 1903 г. Зубатову было внезапно предложено сдать должность и выехать в провинцию. Сперва ему было назначено пособие в 250 р. в месяц, а затем увеличено до 5 000 р. в год.

[9]) Трепов, Д. Ф. (1855—1906), московский обер-полицеймейстер, поддерживал Зубатова и созданные им рабочие организации; 11 января 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором, а 24 мая — тов. мин. вн. дел; 26 октября 1905 г. был назначен дворцовым комендантом.

[10]) Киреев, А. А., ген.-лейт., сотрудник «Моск. вед.», «Слав. известий» и др., автор книги: «Славянофильство и национализм», «О папской непогрешимости» и др.

[11]) Соколов, И. С. — один из организаторов зубатовского общества в Москве и Петербурге; «мой помощник», «отличный парень» — так характеризовал его Зубатов («Былое» 1917, № 4).

[12]) Красивский, М. Б., — зубатовец.

[13]) Фудель, И. И., свящ. церкви при Центральной пересыльной тюрьме в Москве.

[14]) Грингмут, Влад. Андр. (1851—1907), редактор «Московских ведомостей».

[15]) IX Пироговский съезд, собравшийся сразу же после III съезда деятелей по техническому образованию, закрытого полицией, в ряде секций принял резолюции о «полной свободе личности, слова, печати и собраний», о необходимости широких «социальных реформ» и т. д.

[16]) Балмашов — с.-р., убивший министра нар. просв. Боголепова.

[17]) Хилков, кн., мин. путей сообщения.

[18]) Озеров, И. Х., проф. Моск. университета.

[19]) Безобразов, А. М., д. с. с., ст.-секр., член Особого комитета Дальнего Востока.

[20]) Розен, Р. бар., русский посол в Токио.

[21]) Симанский, П. Н., полк. ген. шт., нач. штаба 1 грен. дивизии.

[22]) Алексеев, Е. И., ген.-ад., наместник на Дальнем Востоке. В начале русско-японской войны был главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии.

[23]) Ламздорф, В. Н., гр., министр иностранных дел.

[24]) Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» — русские суда, стоявшие в Чемульпо, были окружены японской эскадрой. После короткого боя суда были потоплены самими их командирами, спасшимися с экипажем на иностранные суда.

[25]) Куропаткин, А. Н., ген.-ад., с 1898 по 1904 г. военный министр; 13 февраля 1904 г. был назначен командующим русскими сухопутными силами в войне с Японией.

[26]) Скрыдлов, Н. И., вице-адм., гл. командир Черноморского флота и портов, после гибели Макарова назначенный команд. Тихоокеанской эскадрой.

[27]) Линевич, Н. П. (1838—1908), ген.-от-инфантерии, 3 марта 1905 г. назначен главноком. сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии.

[28]) «Оборона ведет только к гибели».

[29]) Драгомиров, М. И., ком. войсками Киевского военного округа.

[30]) Того, адм., командующий японским флотом.

[31]) Флуг, В. Е., ген.-м., ген.-кв. 2-ой Манчжурской армии, затем военный губернатор Приморской области.

[32]) Восторгов, И. И., член Грузинско-Имеретинской синодальной конторы, позже член Моск. дух. ценз. комитета и председатель «Союза русского народа» в Москве.

[33]) Стессель, А. М., ген.-лейт., комендант крепости Порт-Артур.

[34]) Новоселов, М. А., б. толстовец, позднее писатель по рел.-философским вопросам; после Октябрьской революции — видный деятель церковной контрреволюции.

[35]) Елизавета Федоровна, жена Московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича.

[36]) Церпицкий, К. В., ген.-лейт., ком. 10-го ар. корпуса.

[37]) Богданович, Е. В. (1829—1914), ген.-от-инф., издатель патриотических брошюр.

[38]) Сахаров, В. В., ген.-лейт., в 1904 г. военный министр, член Особого комитета по делам Дальнего Востока.

[39]) 31 марта, наткнувшись на мину, броненосец «Петропавловск» вместе с 700 чел. экипажа и командующим эскадрой вице-адм. Макаровым был взорван японской миной.

[40]) Григорович, И. К., адм., ком. порта Порт-Артур, впоследствии морской министр.

[41]) Кирилл Владимирович, вел. кн., начальник военно-морского отдела штаба ком. флотом в Тихом океане, был на брон. «Петропавловск» во время его гибели.

[42]) Бенкендорф, А. К., гр., с 1903 г. посол в Лондоне.

[43]) Иоанн Кронштадтский, протоиерей, близкий к Александру III и Николаю II; один из организаторов «Союза русского народа».

[44]) Абаза, А. М., контр-адм., управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока.

[45]) Алексей Александрович, в. кн., брат Александра III, ген.-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства.

[46]) Авелан, Ф. К., вице-адм., начальник гл. морского штаба.

[47]) Александр Михайлович, в. кн., начальник главного управления торгового мореплавания и торговых портов.

[48]) 31 марта в одном из номеров «Северной гостиницы» в Петербурге погиб при взрыве снаряда член «Боевой организации» партии с.-р. Покотилов, участник подготовлявшегося покушения на министра вн. дел В. К. Плеве.

[49]) Иессен, К. П., контр-адмирал.

[50]) Засулич, М. И., ген.-лейт., ком. 2-го Сибирского арм. корпуса. Войска ген. Засулича были атакованы близ Тюринчена японской армией ген. Куроки и вынуждены были к отступлению.

[51]) Покушение В. И. Засулич на петербургского градоначальника ген.-ад. Трепова произошло 24 января 1878 г.

[52]) Пузыревский, А. К., ген.-от-инф., пом. командующего войсками варшавского военного округа.

[53]) Владимир Александрович, в. кн., брат Александра III, член Госуд. Совета и Комитета Министров, команд. войсками Петербургского военного округа.

[54]) Николай Николаевич, вел. кн., ген.-ад., ген.-от-кав., впоследствии, во время империалистической войны, верховный главнокомандующий.

[55]) Оку — японский генерал, командующий армией фронта.

[56]) Ср. Г. Гапон «История моей жизни», изд. «Прибой», предисловие А. Шилова, стр. 5.

[57]) Глазов, В. Г., ген.-лейт., министр народного просвещения до 17 октября 1905 г.

[58]) Штакельберг, Г. К., ген.-лейт., ком. 1-го Сибирского арм. корпуса.

[59]) 15 июля 1904 г. Плеве был убит с.-р. Е. Сазоновым, бросившим в карету ехавшего министра бомбу.

[60]) Бобриков, Н. Н., ген.-ад., финляндский генерал-губернатор был убит в 1904 г. Евг. Шауманом.

[61]) Дурново, П. Н., директор деп. полиции в 80-х гг., товарищ мин. вн. дел; в 1905 г. упр. мин. внутренних дел.

[62]) Мейендорф, Ф. Е., ген.-ад., командир 1-го армейского корпуса

[63]) Святополк-Мирский, П. Д. (1857—1914), кн., ген.-ад., министр внутренних дел с 26 авг. 1904 г. по 18 января 1905 г.

[64]) Рыдзевский, ген., тов. мин. внутр. дел.

[65]) См. «Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 г. в С.-Петербурге», М. 1905.

[66]) Штюрмер, Б. В., член Госуд. Совета, во время империалистической войны председатель Совета Министров (20 янв.—10 ноября 1916 г.).

К истории процесса 21.

(Письма и показания П. Ф. Якубовича).

Окончание *)

21. Показание 7 марта 1885 г.

Ввиду того, что относительно так называемой «Молодой партии Народной Воли» и «Союза молодежи» [1]) правительство имеет, как мне кажется, не совсем отвечающее истине представление, даже нередко совершенно смешивает их, а такое смешение, думается мне, может послужить даже ко вреду отдельных лиц, я согласен дать по поводу этих двух организаций некоторые разъяснения на основании известных мне данных. Поэтому прежде всего я должен заявить, что между двумя этими организациями, кроме общего слова «молодой» в их названии, никогда не было, насколько мне известно, не только тождества, но и вообще никакого отношения. «Союз молодежи», организовавшийся под этим названием в конце 1883 г. и публично формулировавший свой raison d'être в печатной прокламации, выпущенной в Петербурге в феврале 1884 г., источником своим имел «Студенческую лигу» [2]), пытавшуюся организоваться еще весной 1883 г. Весной этого года до меня доходили порой толки о ней среди молодежи, но до того противоречивые и неясные, что я лично не придавал ей ни малейшего значения. Только осенью 1883 г., в одной из бесед со мною, известный Сергей Дегаев не только дал мне относительно этой «Лиги» точные сведения, но и предложил мне, между прочим, познакомиться с некоторыми молодыми людьми из главного ядра этой организации и принять в их деле участие. По его словам, задача этого ядра была — организовать большой кружок, в который входили бы, по возможности, представители революционных кружков, существующих во всех высших учебных заведениях Петербурга, ввиду достижения каких-либо более реальных результатов от обычных студенческих волнений, проявляющихся всегда разрозненно, без предварительного сговора и пр.

---

*) См. «Красный архив» 1929 г., т. V (36) и т. VI (37).

Узнав о такой цели «Студенческой лиги», я отвечал Дегаеву, что не могу принять в ней никакого участия, так как убеждения мои радикально противоположны подобной цели. Я лично с самого 1881 г., когда был еще в университете и был там свидетелем самого обширного из когда-либо бывших в университетах за последние годы беспорядков, относился к этим последним совершенно отрицательно: в тесно революционном смысле они всегда были лишь напрасной или же преждевременной тратой иногда очень полезных, но еще не окрепших сил; в широком же смысле общественного протеста против существующего порядка они никогда не достигали своей цели, потому что, по необходимости, должны были происходить, в большинстве случаев, на почве частных, специально студенческих интересов, не задевающих «общества», что называется, за живое.

Дегаев, поспорив немного, согласился со мной — и тогда приступил ко мне уже с другой просьбой: познакомиться с теми же господами и постараться их убедить в своих мыслях. Кроме отрицательного отношения к целям «Лиги» я высказал еще, что организация среди молодежи, по моему, действительно, была бы нужна, но с другой целью, — с целью сплотить «подающие надежды» молодые революционные элементы между собою, занять их посильной им работой, чтобы таким образом создалась как бы умственная и практическая революционная школа и т. д. — На это предложение я согласился, заявив, впрочем, как и всегда делал это в те времена своей революционной деятельности (до половины марта, когда с переходом на нелегальное положение во мне начался некоторый нравственный переворот), — что я согласен сколько угодно и с кем угодно говорить, вести теоретические споры и разговоры, но ни в какой «организации» личного участия не приму. Тогда Дегаев свел меня с тремя молодыми людьми, которые отрекомендовались мне разными именами и отчествами, — быть может, вымышленными, — которые я, к тому же, теперь забыл. Они и составляли «Лигу», но, как видно, дело шло плохо, и они приходили в уныние. Я изложил им свой план и свой взгляд на дело и заметил, что ни тот, ни другой не пришелся им по душе; тем не менее, они решили, в конце концов, чтобы я поговорил с их «кружками» на общем собрании этих последних. Дело в том, что эти три лица сами не могли дольше принимать деятельного участия в «Лиге», и им как центральному кружку приходилось волей-неволей ликвидировать так или иначе свои дела; должно быть, поэтому только они и ухватились за меня: один из них в каком-то учебном заведении держал выпускные экзамены и был завален работой, другой уезжал в провинцию на место, третий — военный, переходил, как кажется, к более серьезной революционной работе.

На общем собрании я был два раза — собралось человек двадцать, а во второй раз даже больше. Упомянутым трем молодым людям я был представлен Дегаевым как Петр Филиппович (кажется, без фамилии), на собраниях народу было очень много — и нужцы в представлениях не было. В первый же раз мне не только удалось убедить всех в необходимости поставить вопрос о «Лиге» совершенно иначе, но даже достигнуть немедленного объявления ее закрытия, — тем более, что я предложил переменить и самое название ее на «Союз молодежи», ввиду слухов о существовании разных антиреволюционных или, как принято было выражаться проще, шпионских лиг. На следующий раз меня просили формулировать письменно мой план, что я и сделал. В этот второй раз решил даже обратиться к партии с просьбой отпечатать в ее типографии прокламацию в подобном духе. Обещание было потом, как я услышал, дано, но не Дегаевым через меня, а каким-то неизвестным мне путем. После того первоначальные мои знакомые, члены центрального кружка «Лиги», стушевались, и я их после того никогда и нигде не встречал. Когда на втором собрании было решено приступить к организации, я решил, что моя роль кончилась, и никогда больше не появлялся на больших собраниях «Союза»; но со мной довольно долгое время, до февраля 1884 г., продолжал сноситься один из его членов, имени которого я назвать не могу; сначала только по поводу бесчисленного множества редакций составленной мною по просьбе «Союза» прокламации, после же убийства Судейкина, когда у «Союза» порвались временно связи с партией, также и по поводу отпечатания прокламации в типографии этой последней.

Зиновий Андреевич, с которым я был уже знаком к этому времени, за недосугом, откладывал со дня на день непосредственное знакомство с центральным кружком «Союза», и, кажется, только при моем отъезде в Киев я свел его с упомянутым мною юношей, назвать которого я отказываюсь. Что касается прокламации «Союза», действительно выпущенной в феврале 1884 г., но в выпуске которой я не принимал ни малейшего практического участия (так как до упомянутого отъезда в Киев Зиновий Андреевич постоянно просил меня передать «Союзу», что партия пока не имеет возможности выполнить свое обещание), то я признаю, что, за исключением некоторых мест, она действительно представляет ту самую прокламацию, которую писал я; клочок рукописи от этой прокламации, предъявленный мне около месяца назад полковником Страховым, я признал писанным мною. К числу мест в прокламации, которые я не признаю своим произведением, отношу ее окончание, где идет речь об организации «Союза» и его практических задачах (перечисление родов деятельности и пр.) [3]).

До самого последнего времени мне было очень смутно известно, как организовались виденные мною молодые люди, что представлял собой «центральный кружок», все ли виденные мной двадцать человек входили в этот последний и пр. Я думаю, что организация была, во всяком случае, крайне несовершенна и что это было самое слабое место «Союза», думаю так вот почему. Мне часто приходилось впоследствии слышать и от лица партии и от студентов, имевших, повидимому, прикосновенность к «Союзу», указания и на того, и на другого, и на третьего юношу, будто бы входящего в центральный кружок (понятно, что указания эти делались не на площади, а лицам, к которым было доверие, как, напр., ко мне), и если бы верить каждому такому указанию, то центральный кружок был бы бесчислен, как песок морской, между тем как многочисленность членов центра во всяком тайном союзе, а тем более в молодом, всегда была и будет их гибелью. Мне приходилось даже наблюдать, что сами так называемые «члены центрального кружка» не решались прямо выдавать себя за таковых, — не потому, чтоб конспирировали, а, очевидно, потому, что и сами не были уверены в своей принадлежности к нему... (Я говорю только о своих наблюдениях, потому что, не будучи сам членом «Союза», хотя бы и член партии *), не имел никакого права расспрашивать его членов об их внутренней организации). Вернее всего, что до самого последнего времени (говорю о времени до моего ареста) в организации «Союза» была немалая доля безурядицы, и членом «центрального кружка» считался всякий мало-мальски выдающийся в глазах молодой публики человек, имеющий видимое касательство к «Союзу». Нередко приходилось мне слышать, таким образом, от людей, не знающих о моих отношениях к партии, что и я член «Союза» и даже «член центрального кружка».

Еще замечу, что до последнего же времени случалось мне видеть, как члены партии «Нар. Воли» имели не только смутные, но даже дикие представления о «Союзе», что объясняется, быть может, его существованием и известностью в одном Петербурге. К числу таких людей, имевших очень туманное представление о «Союзе», насколько помнится, принадлежал и Овчинников — говорю это на тот случай, если он говорил что-нибудь о «Союзе» в своих показаниях. Но, вполне признавая несовершенность организации «Союза молодежи», я убежден, что теоретически он стоит на верной дороге, организация же — дело опыта и времени, словом, дело наживное. Гектографированная прокламация, выпущенная «Союзом» прошлой осенью по поводу киевских и московских беспорядков, если извинить ей несколько напыщенный тон, мне кажется, вполне подтверждает эту мысль [4]). Если вы не име-

*) Так в подлиннике.

ете этой прокламации в отдельном виде, то можете найти ее в приложении к «Свободному слову», отобранному у меня при обыске. Это последнее издание, в котором она перепечатана, не имеет ни малейшего отношения ни к «Союзу молодежи», ни к партии «Народной Воли», не говоря уже о том, что в литературном отношении оно смеха достойно, и носил я его с собою только ради курьеза [5]).

Из всего сказанного мною вы можете ясно видеть, что «Союз молодежи» и «Молодая партия» — вещи совершенно различные. «Молодая партия» — это была часть всей революционной организации «Народной Воли», разошедшаяся кой в чем с остальной частью своих товарищей, совершенно, было, от них отделившаяся, с «Центральным комитетом» во главе (который могут ошибочно смешивать с «центральным кружком» «Союза»), наподобие «Исполнит. комитета», но потом вполне и безусловно примирившаяся и слившаяся с Исп. комитетом. Если из 10 № «Народной Воли» еще и не видно такого полного и безусловного слияния, то отчасти потому, что оно произошло несколько позже после доставления этого заявления из редакции в типографию, отчасти же, — нужно сознаться, — заявление в подобной форме было сделано ради весьма понятного и, быть может, простительного самолюбия членов бывшей «Молодой партии». Но не вся «Молодая партия» слилась с «Исполн. комитетом»: часть ее осталась при прежних своих убеждениях и продолжала действовать самостоятельно под названием «Петербургской рабочей группы». Продолжать носить название «Молодой партии» она не имела права, так как составляла лишь одну из второстепенных частей всей «Молодой партии», действовавшей на пространстве всей России, и не входила в состав центрального ядра, т. е. «Центрального комитета». Раскол продолжался (открытый) с начала или, быть может, даже с половины апреля по 1 июня 1884 г., и, к счастью, он не был еще больше санкционирован выпуском прокламации. Если и задолго до апреля были разные споры, раздоры и разногласия в партии, то они были в то время чисто домашнего, внутреннего характера, и если публика иногда узнавала о них, то разве по неосторожности отдельных лиц.

Таким образом, те чисто организационные вопросы, которые узнаны вами из записной книжки Овчинникова, хотя и служили поводом к пререканиям между членами партии, но они всецело относятся к тому первому периоду раскола (до апреля месяца), и не они были причиной открытого разделения организации на две партии (они, быть может, только подготовили почву к такому разделению). Главной же причиной раскола был рабочий вопрос. Крестьянское сословие, как та, так и другая партия, в противоположность народникам, решали оставить по разным причинам в стороне, а все усилия пропаганды и агитации

направить на рабочих фабрик и заводов, вообще на низшие сословия городов; но Исполнительный комитет ставил интенсивность этой работы в полную и безусловную зависимость от состояния сил партии для политической борьбы с существующим порядком вещей. Центральный же комитет, а в частности и Петербургская рабочая группа хотели, по возможности, уравновесить как политическую, так и социалистическую стороны своей деятельности, и в некоторых случаях даже подчинить первую последней.

О своем личном участии в этом расколе я уже имел случай дать показание. В первом периоде этого раскола, до апреля месяца, я участвовал не как член партии и вообще какой-либо революционной организации, а как совершенно частный человек общества, пользовавшийся случайно близким доверием некоторых из людей партии и считавший соответствующим своим убеждениям помогать им всем, чем возможно. Период официального разделения партий, с 1 апреля по 1 июня, совпал с моим вынужденным переходом на нелегальное положение, на которое в самом начале я перешел только из нежелания садиться в тюрьму, а не из желания работать дальше на пользу партии. Условия жизни, резко изменившиеся с этим событием, возбужденное внутреннее состояние и многое другое, конечно, постепенно затягивало меня в водоворот борьбы. Мои друзья — революционеры были из «Молодой партии», личные мои взгляды того времени на дело совпадали с их воззрениями, — и немудрено, что под влиянием всего этого в этот второй период раскола я не мог не принять в нем более активного и энергичного участия, и на моей совести, быть может, лежит даже больше греха в этом отношении, чем на ком-либо другом из «Молодой партии»: я был новичок в организации, мне не так были дороги ее предания, и я не колебался там, где другие долго боролись с собою. Но, во всяком случае, в этот второй период я больше, чем когда либо, был только теоретиком: о практических делах, о типографиях и пр. заботились другие, и я в них не вмешивался; корреспонденцией (которую также вернее всего относить к практическим делам) не заведывал — это можете видеть и из того, что за этот период, кажется, совсем нигде не найдено моих шифрованных писем, столь обильных во все другие времена. Я занимался, главным образом, пропагандой идей «Молодой партии» и отчасти приготовлением материалов для имевшегося в виду 1 № органа «Молодой партии».

Петр Якубович.

22. Показание 18 мая 1885 г.

В первое время после ареста у меня явилась мысль ввести в свои показания никогда не существовавшее в действительности, фиктивное лицо, с именем Зиновия Андреевича, которому мне представлялось тогда удобным приписать некоторые дела и факты, настоящих виновников которых я назвать не желал. Таким же образом в деятельность этого фантастического «Зиновия Андреевича» я ввел и некоторые действия, принадлежащие всецело мне.

Причин, побудивших меня создать эту воображаемую личность, было несколько: не скрою, что играло роль и чувство самосохранения. Но в настоящее время я совершенно ясно понял, что одни соображения, руководившие тогда мною, были лишь неосновательными иллюзиями, другие же были просто недостойны искреннего деятеля свободы; вот почему я решился теперь дать показания относительно своей революционной деятельности, совершенно соответствующие истине, хотя, разумеется, попрежнему, строго придерживаясь своего принципа не называть поименно лиц, которым я мог бы этим повредить, без крайней нужды (как, напр., ради их же собственной пользы).

Активная моя революционная деятельность начинается с осени 1883 г., когда, по предложению Дегаева, я взялся, в сентябре месяце, руководить образовавшейся весной того же года «Студенческой лигой» и создал из нее по своему личному плану и убеждению так называемый «Союз молодежи партии Народной Воли». Моя роль в этом деле состояла в следующем: прежде всего я убедил членов «Студенческой лиги» в неправильной постановке их программы и вообще всего вопроса о русской революционной молодежи; «Лига» имела целью создать организацию для руководства студенческими движениями, я, напротив, — для противодействия этим движениям. Из собственного опыта, в бытность мою студентом С.-Петербургского университета с 1878—1882 г., я вывел твердое убеждение, что все эти протесты и волнения лишь понапрасну губят молодежь, часто, и даже в большинстве случаев, еще совершенно несозревшую, не составившую себе твердых революционных убеждений и поэтому впоследствии горько кающуюся в своих «увлечениях», разбивших ей карьеру и, часто, жизнь. Мне казалось, и теперь кажется, что волновать и выводить на открытые протесты не убежденную и лишь просто увлекающуюся молодежь *) — нечестно; с другой стороны, губить на пустяках, в том числе и убежденные, действительно революционные силы — нелепо, глупо. Вот моя исходная точка. «Союз молодежи» должен

*) Далее зачеркнуто: «не только нерационально, но даже».

был поставить своей целью — намечать и собирать такие действительно революционные, ценные силы, находящиеся однако еще в зародышевом состоянии, и развивать их в революционном смысле вне стен высших учебных заведений, заниматься среди молодежи пропагандой социалистических идей, но прежним сходкам и волнениям решительно противодействовать.

В этом смысле я и вел среди петербургских молодых кружков пропаганду в течение всей осени 1883 г. Самая организация в настоящем смысле этого слова создавалась очень туго, благодаря тому, что ни у кого из нас не было на этот счет ясного и пригодного к действительности плана. В 1884 г. я не принимал уже личного, энергичного участия в деятельности наиболее активных кружков «Союза», а только вел сношения с отдельными лицами, от которых и узнавал приблизительный ход их работы. Между прочим, мне было известно, — что «центральный» кружок «Союза» часто менялся в своем составе. Что касается показания Алексея Кирпищикова, будто бы он был членом центрального кружка или, по крайней мере, имел с ним оживленные сношения, то это для меня совершенная новость: я никогда не придавал ему такого значения. В общем, его показание относительно знакомства со мною, относительно того, что я иногда говаривал в его присутствии о необходимости молодежи объединиться и проч., я нахожу верными; но его сведения и понятия о том деле, в котором он, очевидно, считал себя участником, нахожу составленными, по всей вероятности, во сне, а никак не в бодрствующем состоянии. Дать показания о моих отношениях к некоторым молодым людям, названным этим господином, я отказался, потому что, сталкиваясь в то время со множеством лиц из молодежи, в большинстве, по обыкновению, безгласной, подобно Кирпищикову, я не могу в настоящее время припомнить, что именно и к кому из них относилось. Одно заявляю, что никто и никогда с положительностью не сообщал мне (и тем более сами эти лица), чтобы Достаков, Семенов и Сигов [6]) были членами центрального кружка. Таким образом, собственно говоря, мне и показывать-то об них нечего. — Прокламация, выпущенная 1 февраля 1884 г. от имени «Союза», написана мною (кроме некоторых частей, написанных, мне неизвестно, кем), но еще осенью 1883 г. *) ее же идеи развиты и в гектографированной прокламации, выпущенной 10-го октября [7]) того же года, но автор ее мне неизвестен. Думаю, что немалая доля заслуги должна быть приписана «Союзу молодежи» и его пропаганде (в течение года) в том, что осенью 1884 г. в Петербурге не произошло студенческих беспорядков, подобных киевским и московским.

*) В подлиннике описка: «1884».

С половины октября или несколько позже в отношениях Дегаева со мною произошла некоторая перемена: он стал менее откровенен, хотя посещал меня попрежнему часто, и нередко задавал странный вопрос: «Хорошо ли они законспирировались?», т. е. не болтают ли про «них» чего-нибудь среди молодежи. — В конце ноября или может быть даже уже в декабре он имел со мною весьма таинственнную и конфиденциальную беседу, суть которой состояла в следующем. Он и его товарищи составят центр партии, задача которой — руководить всею революционной организацией, издавать общепартийную газету и вести наступательную борьбу с правительством, но по отдельным городам, между прочим и в Петербурге, должны создаться «местные» группы (отчасти уже существующие), задача которых: издавать, если возможно, революционные газеты и прокламации местного характера, вести рабочее дело, пропаганду среди молодежи (подобно деятельности «Союза молодежи» в Петербурге) и проч., — словом, вести всю местную революционную борьбу и, главное, быть для центра партии неиссякаемым родником новых, уже выработанных на местной работе, сил. Когда, на его предложение войти в одну из таких местных групп, я согласился, то он открыл тогда передо мной все карты и предложил войти именно в Петербургскую местную группу. Оказалось, что в Петербурге давно уже существует рабочая группа, но благодаря большим погромам 1881 и особенно 1882 гг., нарушившим нормальный ход жизнедеятельности партии, она из конспиративных видов стала совершенно в стороне и по сих пор продолжает стоять в таком же выжидающем положении. Затем есть литератор*), с которым он меня и познакомил, который берет на себя литературную сторону дела и будет издавать в Петербурге газету «Революционер» (в моих киевских письмах непонятая вами буква «Р» и есть именно первая буква этого слова). Затем, по его словам, есть много шрифта от прежней типографии и может быть добыт еще новый; есть барыня, с которой хотя он лично и не знаком, но которая, по отзывам его товарищей, вполне пригодна и согласна взять на себя роль **) такой местной типографии. Впоследствии я узнал, что он разумел Сладкову. По словам Дегаева, она была народница по убеждениям, но, желая делать хоть что-нибудь в революционном смысле, соглашается вступить в организацию «Народной Воли».

Хотя Дегаев тогда же сказал мне, что типография эта устроится помимо меня и что впоследствии для работы в ней намечено уже не-

*) Написано над зачеркнутым: «человек».

**) Очевидно, пропущено: «хозяйки».

сколько лиц из молодежи, с которой знакомиться мне не представляется пока нужды, но он, нисколько не вызываемый мною на откровенность, сообщил придуманный им самим план устройства этой типографии. По его словам, у барыни было общественное положение; никакого фиктивного брака устраивать не нужно, а просто поселиться ей в маленькой квартирке, без прислуги, без всякого компаньона, а для отвода глаз дворника, а следовательно, и полиции, вывесить билетик об отдаче внаймы комнаты и пустить первого же попавшегося жильца (лишь бы не завзятого шпиона). Таким образом, по плану Дегаева и его товарищей по комитету партии (показываю так, как мне в то время казалось), петербургская местная группа почти уже была готова, стоило только объединить Рабочую группу, «Союз молодежи», типографскую и редакционные группы в одно стройное целое. Это должны были сделать уже сами члены местной группы, в число которых входил теперь и я.

Моя роль, как я понимал, должна быть, главным образом, в руководстве «Союзом молодежи» и в участии в редакционных трудах при издании «Революционера». Познакомившись с главным редактором этого последнего (об нем я теперь же замечу только, что когда начались в партии раздоры и поднялся вопрос о разделении ее на две организации, он поссорился с революционерами, между прочим, и со мною, и вышел из организации), — я узнал, что он привлек уже к участию в редакции еще одного молодого человека, которого я уже лично привлек потом и к другим революционным делам. У редактора «Революционера», как я вскоре убедился, было знакомство и с другими членами из «центра», кроме Дегаева; через него-то, когда исчез Дегаев, и у меня потом завязались с ними сношения. А именно, в первые же дни после убийства Судейкина, один господин предлагал мне перенести с одной квартиры на другую шрифт, и тут произошла та история, которую я рассказывал в своих показаниях о вымышленном мною «Зиновии Андреевиче»: я отказался. — Но около 10 января 1884 г., или, может быть, даже раньше, этот человек куда-то исчез, быть может, был арестован, быть может, уехал, — мне неизвестно. Тогда я узнал, что мой коллега по редакции ведет сношения с какой-то барыней, временно уполномоченной от комитета и еще с другим каким-то господином. С последним я виделся очень мало, но с барыней познакомился близко и с ней вел довольно долго сношения от имени Петербургской местной группы партии «Народной Воли». С упомянутым господином, ее коллегой, я встречался несколько раз мимолетно только в ее обществе; о знакомстве же его с редактором «Революционера» я только предполагал.

Назвать все эти лица я не желаю.

Из этих сношений, в течение января месяца, довольно вялых и бессодержательных, я вывел одно, что они хоть и временно будто бы уполномоченные лица, в сущности, находятся в каком-то колебании и неизвестности и как будто не решаются быть д е й с т в и т е л ь н о полномочными, иными словами, самостоятельными не только в делах, но и в словах; по всей же вероятности, я ошибался, и такое впечатление составилось у меня мало по малу оттого, что они были осторожны, я же ретив и необдуманно пылок. — Вся молодежь, а в том числе и я, ждали какого-нибудь ясного и энергичного слова от комитета и о Дегаеве и вообще о революционном деле, находившемся в последние полтора года в каком-то странном, двусмысленном положении. А поверенные центра не могли или не хотели ничего сказать ясно не только о будущем, но и о прошедшем. Это раздражало такого человека как я, и отсюда шла та преступная вражда, которую я впоследствии повел в таких широких размерах с комитетом и в которой теперь глубоко раскаиваюсь. Впрочем, в январе это раздражение было еще смутно и слабо, так как я с своими столь же молодыми коллегами по местной Петербургской группе был совершенно изолирован от других иногородних революционных групп. Редактор «Революционера», кроме исполнения своей специальной функции, отказывался принимать какое-либо участие в организационных и партийных вопросах и тем более в спорах. — Поэтому, до своей поездки в Киев, в конце января, я мирно продолжал вести сношения с упомянутыми выше лицами от центра, спешил познакомиться с главными товарищами по местной Петербургской группе и вообще занимался второстепенными революционными делами не общего значения. Между прочим, я узнал, что у нас есть уже, хотя и в зародышевом еще состоянии, также и паспортный стол и занимающаяся его делами особая группа, во главе которой состоит человек, который должен был, подобно мне, входить в состав м е с т н о г о ц е н т р а. Таким образом, этот последний должен был состоять пока из редактора «Революционера», меня, как представителя «Союза молодежи», и других представителей, — одного от типографской, другого — от паспортной группы. Этого последнего буду просто называть паспортистом; он был после меня всех активнее в нашей группе; с ним я особенно сблизился. Через него же я узнавал о ходе дел в типографии, так как от меня, как ведущего дело с молодежью — наиболее скомпрометированной частью общества, — типографская группа сторонилась в том смысле, что избегала по возможности непосредственных со мною сношений. Так шли дела до моей поездки в Киев, совершенно перевернувшей все вверх дном; к ней я теперь и перейду.

П е т р Я к у б о в и ч.

23. Показание 20 мая 1885 г.

Прежде, чем перейти к описанию моей поездки в Киев, я должен исправить большую погрешность против истины, вкравшуюся, благодаря торопливости, в мое предыдущее показание, а также и пополнить важный пробел. А именно, относительно «господина», предлагавшего мне, вскоре после 16 декабря 1883 г., перенести с одной квартиры на другую шрифт, — я сказал там, что познакомился с ним через редактора «Революционера», но это совершенно неверно. Вообще все факты этого знакомства были мною включены в описание первого времени моих сношений с фиктивным «Зиновием Андреевичем».

Дегаев, незадолго до 16 декабря, введя меня в организацию местной Петербургской группы, познакомил меня, между прочим, и с этим господином, как человеком центра, на случай своего ареста, как он говорил. Быть может, что он, Дегаев, познакомил его со мною у редактора «Революционера», но мне что-то больше помнится, будто он привел его прямо ко мне на квартиру (на Спасской улице). Видался я с этим новым лицом до 16 декабря очень мало, но 16 или 17 декабря (наверное не помню) я встретился с ним совершенно случайно (я шел к одному знакомому, от которого тот выходил в это время), и на лестнице у нас произошел тот разговор, который я приписывал Зиновию Андреевичу: он предупредил меня, что меня могут арестовать в первую голову, чем страшно изумил. На вопрос о подробностях убийства Судейкина сказал, что сам еще не знает, но что никто до сих пор не арестован. — Мы назначили свидание через один день, и в этот раз он дал мне прокламацию о факте 16 декабря и просил перенести шрифт. Один из мотивов моего отказа был еще и тот, что странно предлагать подобное дело тому человеку, которого только-что предупредил, что он может быть арестован. После этого случая я виделся с ним еще, может быть, один или два раза, ничем особенным не врезавшиеся в моей памяти. В начале января, а, может быть, даже и в конце декабря он куда-то уехал, а впоследствии я как-то совсем позабыл о нем и не любопытствовал узнать об его дальнейшей участи, но никогда более с ним не встречался.

Перехожу к поездке в Киев. Мне было предложено предпринять ее людьми из «временного центра партии». Я называю этих людей людьми центра (хотя бы и временного) лишь для краткости; в сущности же, в сношениях со мною они никогда не претендовали явно на подобную роль, а были только временными посредниками между центром и революционным обществом. Все связи, между прочим, и с Киевом, были,

по их словам, временно поручены им для хранения; этим, вероятно, объясняется и то, что они давали на многие мои вопросы весьма уклончивые ответы, а равно и то, что они медлили и не решались приступить к каким-либо решительным действиям. Нет сомнения, что, кроме того, здесь играли роль и конспиративные соображения, невольно являвшиеся у них при виде меня, которого они почти не знали, но в котором видели слишком пылкого и неосторожного юношу. — Я ничего этого в то время не хотел понять и, в свою очередь, не зная их лично и не имея возможности каким-либо веским авторитетом проверить их компетентность и полномочия, не желал быть искренним с ними. Явилась несчастная конспирация друг от друга в таких случаях, где необходимо было полнейшее единодушие. — Первоначально я отказался от поездки в Киев; но, уже отказавшись, начал помалу увлекаться перспективой поездки на юг; а так как и центру (п о в т о р я ю: э т о л и ш ь д л я к р а т к о с т и) было крайне важно кого-нибудь отправить туда, то меня продолжали уговаривать. Дело в том, что, по их словам, там была целая довольно важная организация, от которой давно уже не было никаких вестей, поэтому туда нужно было свезти некоторые инструкции, новые адреса, деньги и пр. Но я окончательно решился только тогда, когда мне сообщили, что я встречу в Киеве своего близкого знакомого — Шебалина.

О своих отношениях к этому последнему, а также к Васильеву и Караулову я дам в настоящее время совершенно откровенное показание ввиду того, что оба они осуждены Киевским военно-окружным судом *). Собственно говоря, действительно, близким моим приятелем был только Васильев. Уехал он из Петербурга в Киев, кажется, летом 1883 г. только потому, что ему как-то не давалась личная жизнь в Петербурге, а там он рассчитывал найти место. С Шебалиным он был хорошо знаком еще в Петербурге, помимо всякой революции, которой Васильев (хотя и осужден) никогда не занимался по профессии. Шебалина, как я еще раньше объяснил, я знал только по университету. О причастности его к революционному делу и знакомстве его с Дегаевым, в бытность его в Петербурге, я только догадывался. — Осенью 1883 г. видел его в Петербурге только однажды, а затем он исчез, куда — неизвестно.

И вот, теперь, в январе 1884 г., я узнал, что Шебалин — в Киеве и что именно к нему-то и адресуется поручение. Хотя Шебалин и никогда не был в действительности моим близким приятелем, но,

*) Далее зачеркнуто: «и из-за моих настоящих показаний не будут снова потревожены. К тому же я не имею ничего показать такого, что могло бы усугубить вину Шебалина или Макара Васильева, а также и Василия Караулова.»

как всегда это бывает среди чужих и новых людей, даже и мало знакомый лично человек становится уже почти другом [8]). А у меня в революционной среде с каждым новым днем являлись все новые и новые знакомые, с которыми, разумеется, я не мог быть так откровенен, как с Шебалиным. Даже Овчинников где-то пропадал и не являлся в Петербург, хотя его и давно уже ждали. Когда я дал согласие на поездку в Киев, мне была сообщена тамошняя явка, но с предупреждением, что являться на нее опасно. Поэтому я имел в виду прежде всего разыскать своего личного приятеля Макара Васильева, который, я предполагал, непременно должен был знать, арестован ли Шебалин, и, если нет, где он. Таким образом, я повез в Киев письмо неизвестного мне содержания, зашифрованные новые адреса (которые, впрочем, я собственноручно переписал, как и прежде объяснил, сперва на маленький лоскуток бумаги, который скрыл в карманных часах, а по приезде в Киев с этого клочка воспроизвел на бумаге обыкновенного формата), а также мне был устно передан ключ к шифру.

Хотя и с большим трудом, я отыскал по приезде в Киев Макара Васильева, и тот немедленно повел меня на квартиру Шебалина. Исполнив буквально данное мне в Петербурге поручение к нему, я, конечно, вступил с ним в частную беседу о волновавших меня революционных вопросах. Не знаю, конспирировал ли со мной Шебалин или нет, но если и конспирировал, то, наверное, только в частностях; в общем же,—я глубоко в этом убежден,— был совершенно искренен: по его словам, для него факт 16 декабря, выяснивший настоящую личность Дегаева, был так же, как и для меня, совершенной неожиданностью; он так же, как я, предполагал в то время, что комитет давно уже знал, кто был Дегаев, и счел за лучшее утаить это от большинства революционной организации. Такое недоверие, повлекшее потом за собою такие громадные аресты, нас обоих возмущало. Мы не хотели и не могли в то время понять, что если и были некоторые лица в революционной организации, которые своим халатным отношением к делу или недальновидностью допустили Дегаеву все забрать в свои руки и проглядели его личность, то в настоящее время в комитете могли уже стоять люди не только энергичные, безусловно честные и достойные, но даже и не щадившие всех возможных для человека усилий, по возможности, исправить ошибки и своих предшественников и, быть может, свои собственные. Мы не понимали, что бунтовать против теперешнего комитета было преступно: что нужно было, напротив, примкнуть к нему и во всем безусловно покориться как наиболее солидной и опытной группе партии. К Шебалину этот упрек

может относиться сравнительно меньше, так как он арестован в такое время, когда у нас почти не было еще никаких сведений о комитете, когда он для нас словно в воду канул и подавал лишь смутные вести о своем существовании через своих «временно уполномоченных» в Петербурге; но упрек этот всецело должен пасть на меня и на Овчинникова, когда в феврале и в марте месяце того же года мы подняли открытый бунт против комитета. С Шебалиным же мы возмущались только каким-то воображаемым комитетом.

Относительно положения киевской организации я мало любопытствовал расспрашивать Шебалина, а что знаю, о том показывать не желаю. Ни с кем он меня не знакомил; но признаю, что у нас была мечта, во время моего кратковременного пребывания в г. Киеве (я рассчитывал пробыть лишь дней десять), собрать здесь небольшой, так сказать, прелиминарный съезд из находившихся, как мы предполагали, по близости некоторых других выдающихся молодых революционных деятелей. А именно, Шебалин ждал со дня на день некоего, лично мне неизвестного, Василия Алексеевича, рассчитывал также на приезд «Стася», о котором я тогда впервые услышал, и кое-кого еще. (Должен заметить здесь, несмотря на уверение прокурора Котляревского в том, что Шебалин уже осужден, что я не утверждаю этими словами, будто Шебалин был лично знаком с обоими этими лицами; относительно «Стася», я ничего верного про это не помню, а про Василия Алексеевича знаю наверное, что Шебалин, по крайней мере, в то время только слышал об нем). Затем, на нашем предполагавшемся съезде должны были участвовать и некоторые лица из киевской местной организации. Тогда же, впервые, я слышал имя некоего Михаила Андриановича или Адамовича — наверное не помню, так как лично с этим лицом никогда знаком не был.

Я выехал из Петербурга 19 января, а обратно вернулся в Петербург, должно быть, 3 февраля, не дождавшись приезда нужных для съезда лиц. Перед отъездом я заключил с Шебалиным, а через него и с тогдашней киевской организацией союз от имени местной Петербургской группы, целью которого было совершенно самостоятельно объединить партию «Народной Воли», выбрать комитет и издать десятый номер. Что касается последнего, то в то время все единодушно были согласны в постановке программных вопросов: даже петербургские представители центра признавали, что необходимо несколько шире прежнего поставить рабочее дело. Между прочим, статья, начинающаяся со слов: «После победы, которую партия «Народной Воли» одержала 1 марта над самодержавием», имеющаяся у вас в копии, писанной моею рукой, и ставящая революционный вопрос

именно таким «широким» (как мне тогда казалось) образом, исходила от членов «временного центра»: она была дана в оригинале для прочтения редактору «Революционера», а от него уже взял я, и, очарованный ее ясностью и энергией, переписал ее лично для себя. Так как она очутилась, как вы мне теперь сообщаете, у Овчинникова, то, вероятно, она была потом передана ему мною (тоже для прочтения), хотя обстоятельство такой передачи я не помню. Статья эта, как объяснял мне редактор «Революционера» со слов давших ему эту статью лиц, претендовала пойти в 10-м номере в качестве «передовицы». Относительно номера у нас было решено с Шебалиным торопить его во что бы то ни стало и отпечатать и в Петербурге и в Киеве: типографии были; значит, следовало только собрать скорее литературный материал да, самое главное, убедить всех действовать единодушно. В обыкновенное же время предполагалось, что в Петербурге будет издаваться местная газета «Революционер»; в Киеве — также. Уезжая из Киева, продолжая честно исполнять возложенную на меня миссию, я взял от Шебалина новые адреса и явки для комитета и (начиная уже свой бунт против этого последнего) также и для нашей Петербургской группы: наши же адреса и явку обещал выслать уже из Петербурга. Ключ между нами был установлен, кажется, тот же самый, который я привез ему от комитета.

Таким образом, я возвратился 3 февраля в Петербург уже бунтовщиком, в полном смысле этого слова, человеком, не признававшим никаких организационных авторитетов *). Но открытый мятеж против комитета я поднял только тогда, когда в конце февраля приехал из провинции Овчинников, сидевший там все время в полном неведении и страшно вооруженный против какого-то Стася, которого он чуть ли и не отождествлял (совершенно ошибочно, как я потом узнал) с Исполнительным комитетом. До тех пор я знал Овчинникова только как человека, и для меня было неизвестно, что он, при всех своих личных прекрасных качествах, при всей своей честности, как деятель — был совершенно недалек, узок и неспособен. Поэтому появление его в нашей наэлектризованной уже молодой среде было каплей, переполнившей чашу. Но я зашел слишком далеко вперед и должен вернуться к истории типографии.

Я упоминал уже, что план ее устройства принадлежит Дегаеву. Лично в этом устройстве я не принимал никакого участия, но как член местного центра узнавал своевременно во всех подробностях, как подвигалось дело. Я знал только, что квартира была по Лиговке, но номер дома и фамилию Сладковой услышал лишь в последние дни

*) Далее зачеркнуто: «как встарину нигилисты блаженной памяти».

существования типографии. Положение ее перед моим отъездом в Киев было таково: квартира была нанята, все устроено, и вывешен билетик об отдаче внаймы комнаты. (Тут же замечу, что по словам Дегаева, типографская работа могла происходить без труда так тихо, что ее совсем не слышно в соседней комнате; то же самое я слышал впоследствии и от других специалистов: это и был один из мотивов предложенного Дегаевым устройства Лиговской типографии.) Оставалось пустить подходящего жильца, но несколько мастеровых, рекомендованных хозяйке квартиры дворником дома, представлялись ей подозрительными. Был желательнее студент или курсистка. Желательнее всего казался человек, заведомо известный своей честностью и благонадежностью в глазах правительства, но такого не находилось. И вот почти накануне своего отъезда в Киев (точного времени не помню) подвернулся такой случай. Я услышал, что один мой знакомый (студент) ищет в тех краях комнату и в отчаянии, что не может отыскать подходящей. Человека этого я знал, как большого чудака и немного даже пьяницу, в течение нескольких лет встречался с ним, как с приятелем, хотя, в сущности, как это часто бывает, знакомство наше было шапочное. Но, со свойственной мне живостью, я с жаром ухватился за выпавший случай, затащил этого господина к себе, где меня ждал в это время человек, видавшийся с Сладковой, и этот последний немедленно повел его знакомить с хозяйкой в ту квартиру, где у него было назначено с нею, через час или два, свидание. Я уехал в Киев в полной уверенности, что дело устроилось прекрасно. Каково же было мое изумление, когда, вернувшись, узнаю, что на самом деле я не устроил дело, а только чуть не наделал беды! А именно фамилию предложенного мной жильца услышал другой из наших товарищей и страшно против него вооружился, как знающий этого человека ближе. Хотя я отказываюсь назвать моего неудавшегося кандидата в жильцы, но мотивов, заставивших моего коллегу против него восстать, по некоторым соображениям сообщить также не желаю; довольно того, что они показались вескими, и было решено во что бы то ни стало от него отвязаться. Так и сделали. Затем впустили первого пришедшего нанимать комнату студента, который оказался студентом технологического института Булыгиным. По какой-то странной случайности отчества обоих жильцов, и того, который предполагался, и того, который действительно сделался им, были одинаковы — Андреевичи. Но, кажется, еще во время моего пребывания в Киеве, оказалось, что второй Андреевич, т. е. Булыгин, для конспиративной квартиры был человек столь же мало подходящий, как и

первый, только в другом роде: у него была масса знакомых курсисток (по крайней мере, мне так рассказывали), которые постоянно к нему ходили, и, следовательно, кто-нибудь из них легко мог привести за собою «гороховое пальто»; к тому же он увлекался вечеринками, продавал билеты и прочее *). С того времени мы и говорили постоянно о первом и втором Андреевичах, что один другого не лучше.

Все помарки на этом листе, а также и на предыдущих (в том числе и помарка в 4 строки) сделаны самим мною.

Петр Якубович.

---

24. Показание 24 мая 1885 г.

Хотя я возвратился в Петербург из Киева уже сильно вооруженным против слишком таинственной и нерешительной деятельности того комитета, который рисовался в моем воображении на основании смутных и неполных сведений о нем, однако я не сразу по приезде в С.-Петербург стал во враждебные к нему отношения и прежде употребил все усилия, какие только допускал мой характер, не нарушать мира и подчиненности. Поэтому сношения мои с «временным» с.-петербургским центром продолжались.

Я продолжал настаивать на необходимости спешить выпуском № 10, мне продолжали давать на этот счет уклончивые ответы. Вскоре возник спор еще по вопросу об отношении партии к личности Дегаева. Страшно возмущаясь им, больше чем кто-либо (в это время в революционных кружках уже бродили слухи о его подлинной роли, хотя и под некоторым сомнением), я полагал, тем не менее, вместе с редактором «Революционера», что следовало по возможности подавить эти слухи, чтобы не скандализировать революционное знамя пребыванием под ним в течение столь долгого времени изменника и предателя; впоследствии, и очень скоро, я сам увидел, что сделать это было уже невозможно да что и вообще всегда самое лучшее действовать и говорить начистоту, без обманов; но в то время, сам еще не будучи вполне уверен в такой гнусности **) Дегаева, о какой говорили слухи, в то время я стоял за тайну. Временный центр был сторонником полного чистосердечия партии перед обществом. Поэтому, когда, по опубликовании правительством объявления о награде за поимку Дегаева, редактор «Революционера», а за ним и другие наши молодые товарищи предлагали выпустить контр-объявление, временный центр воору-

---

*) Далее зачеркнуто: «Словом, жилец был неудачный».

**) Написано над зачеркнутым: «столь гнусной чудовищности этой личности».

жился сначала против этого предложения. Выпустить же прокламацию самостоятельно мы имели право только от имени «Петербургской местной группы партии Народной Воли», а это, думалось нам, произвело бы слабое впечатление: нужно было имя комитета. Узурпировать себе права этого последнего мы, разумеется, не решались; поэтому употребляли все усилия, чтобы склонить центр на нашу сторону, представляя ему на вид важность и выгоду момента.

В конце концов, удалось помириться на выпуске такой прокламации, но в самых общих чертах, относя ее к личности самого Дегаева. Эта прокламация, действительно, была отпечатана, кажется, 26 февраля, и об ней именно я пишу Шебалину, что хорошо бы сделали и они, воспроизведя ее в киевской типографии и распространив также и в Киеве. Но и получив согласие временного центра, мы совершили все же узурпацию, так как и у него, в силу временности и неполности власти, не было, в сущности, права говорить от имени комитета. Решились мы на это ввиду исключительности момента, а нетактичность нашу (которая в действительности была, хотя в то время мы и проглядели ее) комитету пришлось впоследствии загладить в 10-м № примечанием к этой прокламации.

В своих письмах в Киев к Шебалину, из которых, к счастью, в ваши руки попала лишь небольшая часть, я описываю в мелочах все перипетии этого периода моей деятельности и, между прочим, упоминаю, что на выпуск прокламаций согласились «А. К.», «А. П.» и еще другие лица. Это вовсе не значит, чтобы согласие это было дано лично мне, как и то, чтобы все лица, о которых я упоминаю в других местах тех же писем, были непременно лично со мною знакомы и лично от меня получали различные поручения или давали мне свои. Но, с другой стороны, объяснить все подробности наших отношений я не желаю тем более, что многое просто забыто мною в настоящее время. В частности, что касается лица, обозначаемого мною в этих письмах литерами «А. К.», я должен сказать, что в предъявленной мне карточке отставного штабс-капитана Константина Степурина, которого вы предполагаете под этим лицом, я не могу в настоящее время признать кого-либо из своих революционных знакомых того времени, тем более, что лично мое общение с упомянутым «А. К.» было чересчур мимолетно, — сношения же и различные переговоры производились чрез посредство других лиц. Но ввиду того, что эти другие лица, между прочим, и барыня, о которой я упоминал в одном из предшествовавших показаний, или прямо говорили со мной от имени «А. К.», или же я сам, по разным соображениям, подозревал в их словах и действиях зависимость от этого лица, то, ввиду этого, я и писал к Шебалину только об «А. К.», имя которого и ему было известно. В рез-

кости своих выражений об «А. К.» я в настоящее время глубоко и искренно раскаиваюсь: то, что было, в действительности, конспиративной уклончивостью, я считал и называл, по горячности, лживостью, осторожность — мелочностью и пр. Единственное оправдание мне заключается в том, что письмам своим к Шебалину я придавал (как оно было и на самом деле) не официальный и организационный характер, а дружеский, интимный: я писал к Михаилу Шебалину, а не к киевской революционной группе, так как плотная *) и настоящая организация не была еще установлена, а была лишь поставлена нами — целью. Именно ввиду интимного характера писем, я не считал нужным зрело обдумывать не только свои выражения, но и те факты, которые сообщал: что последнее было мною где-нибудь услышано, о том я и спешил написать, не особенно много заботясь о проверке и точности. Возможность ареста писем мне просто не приходила в голову, тем более, что писал я на адрес Макара Васильева, который не был в организации и стоял, как мне казалось, вне опасности. Из числа таких спешно сообщенных и непроверенных фактов я назову прежде всего сообщение о том, будто Кривенко передавал из дома предварительного заключения, чтобы не доверять «А. К.» Не скрою, что за этот слух я ухватился в то время с самым недостойным и преступным легкомыслием; но прежде чем распространять его официально в С.-Петербурге, я, конечно, потом проверил его верность и к стыду своему узнал, что он целиком был ложью, недоразумением. Ничего относящегося к делам партии Кривенко и не думал передавать на волю из своего заключения. Мне очень [бы] хотелось, ради Кривенко, доказать это свое утверждение фактами, но я, к сожалению, не мог бы этого сделать, не запутав несколько других лиц, чего не желаю. — В другом письме, кажется в самом последнем, я сообщаю, что «А. К.» арестован. Это также было поспешное сообщение, которое, без сомнения, было принято вами во внимание и, вероятно, послужило к отождествлению «А. К.» с Константином Степуриным, быть может, арестованным около того же времени (я не помню, когда был арестован Степурин). Быть может, «А. К.», действительно, был арестован впоследствии — этого я не желаю сказать, но в т о т м о м е н т, когда я написал об его аресте Шебалину, слух был совершенно ложен и опровергнуть его я не успел только благодаря аресту самого Шебалина.

Деятельность местной петербургской группы в этот период заключалась в следующем: я вместе с редактором «Революционера» продолжал собирать и заготовлять материал для предположенного нами

*) Так в подлиннике.

местного журнала и в то же время настаивать, в сношениях с центром, на возможно скором выпуске 10 №, причем защищал предложенную ими же самими передовую статью, к которой они стали почему-то относиться довольно холодно. От непосредственной работы в «Союзе», я в это время давно уже отстранился, чтобы не производить на молодые кружки какого-либо давления, но деятельно вел сношения с выдающимися кружками «Союза» и отдельными личностями, более сложившимися в революционном отношении, пропагандируя среди них обновленную программу партии, как она отражалась отчасти и в предположенной передовой статье для 10 № («После победы» и пр.) и как все члены партии единогласно в то время понимали эту программу; более широкая постановка рабочего дела, допущение в некоторых выдающихся случаях фабричного и аграрного террора, расширение свободы и самодеятельности местных революционных групп и проч. и проч. Так понималась новая программа еще при Дегаеве; в этом духе ожидала молодежь передовых статей № 10; это считалось настолько назревшим и неподлежащим сомнению, что в то время я пропагандировал такую программу, как и другие то же самое делали, без малейшего колебания. Но вскоре, когда в Петербурге явилась делегация настоящего полномочного комитета, энергично стоявшая за прежнюю, ни в чем неизмененную программу партии «Народной Воли», тогда мы не могли не притти с нею в столкновение и по теоретическим революционным вопросам. Таким образом, если для обвинительной власти имеет какой-либо интерес этот вопрос, она должна искать зачатков программы будущей «Молодой партии» не в марте месяце 1884 г., а значительно раньше.

Кроме пропаганды я имел в виду намечать из молодежи отдельных выдающихся лиц для введения их в организацию местной Петербургской группы, а, быть может, и в более широкую организацию (так смутно думалось мне в то время), если бы дальнейшие отношения к нам Исполнительного комитета вынудили нас пойти совершенно отдельным путем, и осуществить союз, заключенный мною с Шебалиным во время пребывания в Киеве. Впоследствии так и случилось, и многие из намеченных мною в это время лиц вошли тогда в организацию «Молодой партии». Рядом с моей деятельностью продолжала работать типографская группа, пока существовала типография Сладковой, и группа паспортного стола, в которую входили резчики печатей, копировальщики, собиратели дубликатов и проч., и во главе которых стояло лицо, названное мною раньше «паспортистом».

Петр Якубович.

25. Показание 27 мая 1885 г.

Мне остается сказать очень немногое о своих письмах к Шебалину, а именно об упомянутом в одном из них «Павле Ивановиче», о подлинном имени которого я будто бы узнал конфиденциально через приехавшего в Петербург Михаила Адамовича. Чтоб объяснить это место письма, я должен сказать еще несколько слов о том, какую роль играло в то время лицо, названное мною «паспортистом». В нашей среде оно было известно под другой кличкой (и даже не одной), называть которую я не желаю; около него группировались резчики печатей и прочие члены группы паспортного стола. Михаил Овчинников, приехавший в Петербург около этого же времени, официально в этой группе не состоял, а прибегал ли «паспортист» к его помощи и советам в паспортном деле, мне неизвестно.

Кроме своего специального дела «паспортист» как член местного петербургского центра, подобно мне, ведал в общих чертах все наши местные революционные интересы и, напр., к типографской группе имел даже несравненно больше прикосновенности, чем я. Я уже раньше упоминал, что из всей нашей группы он нравился мне больше всех остальных товарищей, и по возвращении из Киева я немедленно сообщил ему содержание моих бесед с Шебалиным и все наши планы, которые ему, имевшему об Исполнительном комитете еще более смутное представление, нежели я, пришлись весьма по душе. Не разрывая с временными посредниками комитета, находившимися в Петербурге, мы готовились встретить такое положение дел, которое заставит нас выступить с самостоятельной революционной организацией. В моей личной деятельности признаком такого «приготовления» была интимная переписка с Шебалиным (веденная мною без всякого на то права, тайно от центра); «паспортист», имевший много знакомств и связей в учащейся молодежи и обществе, взял на себя укрывательство нелегальных, которые в то время начали у нас появляться: Овчинников, «человек из Сибири», как сказано у меня в письме к Шебалину, оказавшийся теперь, как вы мне сообщаете, Лаговским, Михаил Адамович и др. Из них с Овчинниковым я много раз видался по его приезде в Петербург, как с старинным знакомым; фамилию же Лаговского впервые услышал от вас, т. е. уже после своего ареста, но по возвращении из Киева узнал от «паспортиста», что прибыл человек из Сибири, представивший надежные рекомендации и желающий переговорить с кем-нибудь из центра. Новый факт нашего «приготовления» к самостоятельной деятельности: мы решили, до поры до времени, не говорить о нем центру, его же самого убедить поступить в нашу местную группу. Так и сделали: паспортист сообщил ему о смутном положении

партии после 16 декабря, о неясности некоторых организационных вопросов и необходимости хранить некоторое время выжидательное положение. Ввиду этого выжидательного положения лично я нисколько не торопился свиданием с Лаговским, даже, напротив, избегал его, тяготясь бессодержательностью предстоящей беседы. Именно поэтому, когда однажды представилась необходимость, по какому-то очень важному делу, сходить на квартиру к г. Гассельмейеру (по этому паспорту был прописан Лаговский) и роль эта выпала мне — в безопасности квартиры Лаговского уверял меня паспортист, — то я счел за лучшее письменно сообщить ему то, что было нужно. Таково происхождение имеющегося у вас и предъявленного мне конверта, найденного при обыске у Лаговского, с адресом, писанным моею рукою [9]).

Вскоре же после этого случая, Гассельмейер был, по неизвестной мне причине и при неизвестных обстоятельствах, арестован. В ином положении, насколько мне было известно это со слов «паспортиста», был другой нелегальный, которого я называю в письме к Шебалину буквами «М. А.» и которого, сколько помню, звали, действительно, так, как вы мне говорите, т. е. Михаилом Адамовичем. Он был в Петербурге очень недолго, — приехал, должно быть, около 5 марта 1884 г. и уехал, не знаю куда и для чего, но, как я слышал в то время, на короткий срок, около 15 числа того же месяца, и потом уже не возвращался, так как был где-то по дороге арестован: сознаюсь, что только этой кратковременностью его пребывания в Петербурге объясняется, что я с ним не познакомился, потому что мне было крайне интересно увидеться с ним и лично что-нибудь услышать о киевских приятелях. О личности самого Михаила Адамовича я имел в то время, со слов других, столь же смутное представление, как и теперь: я думал, что подобно Павлу Ивановичу, хотя раньше этого последнего, он приехал из-за границы сначала в Киев, а затем в Петербург, но только без полномочий от комитета, что личное отношение его к комитету настолько еще не определилось, а взгляды на революционные дела настолько сходились с нашими взглядами, что была надежда привлечь его в нашу будущую организацию. К этому времени (в первой половине марта), на основании самых разнородных и ничем не проверенных слухов и сведений, слов Овчинникова, Михаила Адамовича и пр. и пр., у меня составилось, между тем, окончательно невыгодное мнение о комитете: его начинали обвинять в том, что, давно зная от Дегаева, к т о и м о г о в о р е н Судейкину, он не спешил во что бы то ни стало предупредить этих оговоренных лиц об угрожающей им опасности. Между тем уже начинались там и сям аресты, которые приписывались именно оговору Дегаева.

Кончаю о Михаиле Адамовиче. Он приехал в Петербург совершенно нечаянно, никем из нас не ожидаемый, и явился к «паспортисту» по нашей местной явке и паролю, перед тем посланным мною Шебалину для киевской местной группы. Что он делал в Петербурге, мне неизвестно, но я предполагал, что он имел свидания также и с временным центром, так как и Киевская местная группа, подобно нашей, не прерывала с ним связи и переписки. Зачем и куда уехал Михаил Адамович из Петербурга в половине марта, я также не знал и не знаю. Что приехавший около этого времени в Киев «Павел Иванович», о котором, впрочем, Шебалин ничего не писал мне, был не кто иной, как Василий Караулов, это было, вероятно, сообщено им конфиденциально «паспортисту», который под тем же секретом сообщил то же самое мне, а я, очень близко знавший Караулова в прежнее время — не как революционера, а как человека и даже гостивший у него в имении летом 1883 г. (о чем я показал еще в самых первых моих показаниях), я письменно признался в проникновении в эту тайну Шебалину; отчасти мне хотелось выразить мою радость по поводу того, что оказался таким честным и благородным некогда любимый мною, но потом несколько упавший в моих глазах человек (под влиянием слухов об его удалении за границу), с другой же стороны высказать опасение, что человек — подобный Караулову, мягкий, склонный подчиняться влиянию других, окажется плохим революционным деятелем, «халатным», как резко выразился я в своем письме.

Только в половине марта 1884 г. в Петербурге окончательно был констатирован факт ареста Шебалина и разгром киевской организации. Под влиянием вражды к Дегаеву, сильно преувеличивавшей число оговоренных им лиц, мы немедленно приписали и этот факт его оговору, хотя вероятно, что были другие ближайшие причины ареста Шебалина. Между тем, по слухам, дошедшим до меня немедленно после факта 16 декабря, и я был в числе лиц, которые подлежали рано или поздно аресту. Около трех месяцев я тешился однако, подобно Шебалину, мыслью, что Судейкин унес с собою в могилу и быль и клевету относительно меня, т. е. все, что было наговорено ему Дегаевым. Арест Шебалина поэтому сильно встревожил меня и заставил из предосторожности, не переходя окончательно на нелегальное положение, перестать однако визировать свой паспорт и посмотреть на дальнейший ход событий. Таково было мое первоначальное намерение, но затем, мало по малу втягиваемый в революционный водоворот и новыми фактами и слухами убеждаемый в том, что возврата нет и корабли сожжены, я продолжал и продолжал срок своей предосторожности, и наконец осенью 1884 г. прописался по фальшивому паспорту Петра Орлова.

В конце марта, кажется, 23 числа, погибла наша Лиговская типография благодаря тревоге (весьма возможно, что напрасной), которую подняла хозяйка ее, Сладкова, находившаяся в то время в болезненном состоянии: пищу этой тревоге давало то обстоятельство, что Булыгин, прожив в своей квартире всего один месяц, без всякого видимого основания (заподозрив, как мы думали, что-то неладное в жизни своей хозяйки) оставил свою комнату, и она опять пустовала. О происхождении моего письма к Сладковой, посланного в день ее удаления из квартиры и потому находящегося в настоящее время у вас, я могу очень мало прибавить к показанному мною прежде, разве изменить некоторые подробности, так как теперь я оставил фиктивную личность Зиновия Андреевича. Одна знакомая курсистка, очевидно, знавшая о моей революционной деятельности, встретив меня, объявила мне, что давно уже ищет кого-нибудь «из партии» для сообщения важной новости: хозяйка типографии находит с своей стороны необходимым покинуть квартиру, но, прежде чем сделать это, желала бы получить какой-нибудь совет. Я ответил, что если никаких более серьезных, чем прежде, симптомов опасности не появлялось, а все они заключались, как прежде, в одном слежении, то следовало повременить хотя бы дня два-три для того, чтобы очистить типографию. Затем прибавил, что увижусь с лицами, более меня компетентными в этом деле, и затем завтра же утром пошлю хозяйке квартиры с посыльным письмо, в котором будет назначено ей иносказательно свидание. Легче было, разумеется, не посылая письма, назначить свидание через эту же курсистку устно; но дело в том, что она не ручалась за то, что Сладкова дождется ее; кроме того, отправку письма через посыльного я считал вполне безопасной, курсистка же уверила меня, что сутки и даже больше Сладкова, во всяком случае, проведет в квартире, не оставит ее произвольно. На случай, если Сладковой неизвестен почерк ни одного лица из тех, с кем она сносится, я обещал, что письмо будет подписано «Александр Иванович» Да и помимо этого заранее сделанного условия я предполагал, что эта кличка моя была известна ей (с кличками у нас не было принято церемониться), также как и то, что «первый Андреевич», о котором было говорено мною в предыдущем показании, был ей рекомендован именно Александром Ивановичем, т. е. мною. Расставшись с курсисткой, я отыскал «паспортиста», и мы сочинили и отправили письмо, которое в предъявленном мне оригинале я и признал своим. Впрочем, подробно и тщательно объяснять все мотивы, заставившие меня написать и отправить это письмо, нечего, так как в конце концов это все же было крайне легкомысленным поступком. Сладкова не оправдала уверения моей знакомой, что в течение суток, во всяком случае, не покинет квартиры,

и, найдя, вероятно, новые, более опасные признаки слежения, ушла из нее в тот же день, а письмо мое, таким образом, дошло не по назначению. — Так кончила свое существование Лиговская типография, но мы об ней не особенно жалели, так как к этому времени к нам свалилась, все равно что с неба, другая, находившаяся при совершенно иных, несравненно более выгодных условиях. Это была Дерптская типография.

Петр Якубович.

---

26. Показание 28 мая 1885 г.

Чтобы не разрывать ради соблюдения хронологии на мелкие части показания об отдельных предметах моей революционной деятельности, я кончу сначала изложение истории возникновения и уничтожения «Молодой партии Народной Воли» и затем уже, говоря о своей поездке в Дерпт в половине июня 1884 г., сообщу и обстоятельства появления там типографии в марте того же года.

Во второй половине марта 1884 г., в Петербурге, сколько помнится, появилась, наконец, делегация Исполнительного комитета. Переговоры, начавшиеся после этого между нею и недовольною действиями комитета молодою частью революционного общества, к которой принадлежал и я, на первых же порах выяснили, что помимо некоторых организационных вопросов, обусловливавших наше недовольство, между нами существовала еще и весьма большая разница в понимании теоретической стороны революционного дела в России. Что касается первых, организационных вопросов и, главным образом, вопроса о Дегаеве, о том, что сделало возможным появление и продолжительную зловредную деятельность такого человека в партии, как и когда произошло его раскаяние перед комитетом, и, наконец, почему этот последний не счел возможным довериться хотя бы выдающимся членам молодежи и местных революционных групп и тем спасти многих от гибели, — что касается всех этих чисто домашних внутренних вопросов, то хотя на этой почве наша сторона и была готова удовлетвориться мало-мальски разумными и основательными оправданиями, но комитет с своей стороны не мог дать нам подробных и вполне искренних объяснений: наши группы в течение долгого времени были совершенно отрезаны друг от друга личностью Дегаева, и весьма понятно, что у обеих сторон не могло быть друг к другу полного доверия; как для нас появление на сцене какого-то неизвестного нам комитета было положительным deus ex machina, признать который мы могли только после конкретного и ближайшего с ним ознакомления, так и для комитета были известны в нашей среде одни только имена лиц,

о которых он или не имел никакого понятия или, что еще хуже, совершенно ложное и неполное представление. Под «нашей» стороной я разумею здесь, главным образом, петербургскую группу, затем отчасти киевскую и московскую: с последней у нас в конце марта были завязаны оживленные сношения, и когда составилась «Молодая партия» с проектированным Центральным комитетом во главе, она всецело вошла в ее состав. Что касается юго-востока России (Казань, Харьков, Ростов-на-Дону и проч.), то тамошние местные группы имели с нами весьма неполную связь, сношения были отрывочные и непостоянные; все время раздоров, происходивших на севере, тамошние деятели стояли от них в стороне; что делали сами — мне неизвестно, но они значительно раньше нас примкнули к Исполнительному комитету (если считать, что мы примкнули в конце мая и в начале июня).

Я уже раньше дал несколько показаний о ходе этих несчастных раздоров и в настоящее время очень мало могу к ним прибавить, так как назвать по именам членов комитетской делегации, с которыми я лично или через посредство других лиц имел дело, я не желаю. Теоретические разногласия состояли в том, что комитет хотел оставить программу партии совершенно в том же виде, в каком она была в цветущий период деятельности «Народной Воли» — в 1879—1882 гг. А это значило — направить все силы, все отрасли революционного дела, главным образом, на борьбу с существующей в России политической системой. «Молодая» же «партия» полагала, что с 1881 г. партия «Народной Воли» пережила некоторый умственный кризис, приведший молодежь к тому убеждению, что главное внимание и главные усилия следовало направить теперь на широкое развитие местных революционных групп, на пропаганду чисто социалистических идей в рабочем сословии, на привлечение симпатий этого последнего к делу партии, ради такого-то привлечения симпатий нам казалось также своевременным введение в программу террористических фактов чисто экономического характера. Ясно, что «Молодая партия», хотя она и заверяла, будто политическому террору отводит рядом с этой широкой социально-революционной работой р а в н о е м е с т о, но что в основе ее взглядов лежала мысль о приостановлении на некоторое время политической борьбы, о повторении (хотя и в другом несколько роде) опыта народников 70-х годов и их знаменитого «хождения в народ». Несомненно, что создайся организация «Молодой партии» и выступи открыто на арену деятельности, она, быть может, бессознательно фатально пошла бы по этому пути, хотя на первых порах явно порвать с ближайшим прошлым она не могла и потому говорила также и о политической борьбе. Вот почему все народнические революционные элементы, дремавшие до сих пор в обществе и в молодежи, встрепе-

нулись при первых же слухах о «Молодой партии» и предложили ей свои услуги. На существование этого нового течения в партии «Народной Воли» и на сочувственное отношение к нему народников указывает и вышедшая, кажется, еще осенью 1883 г. за границей известная брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». Согласно с видоизмененной программой деятельности, молодая партия думала, между прочим, несколько приблизить и самую организацию партии к типу федеративного устройства, что также приходилось по душе народникам. Впрочем этот пункт был очень неясно разработан нами даже и в теории, что видно и из заявления о слиянии с Исполнительным комитетом, напечатанного в 10 № «Народной Воли».

Несмотря на множество данных, показывающих, что в революционной среде еще в 1883 г. существовало уже действительно новое движение мысли, резко выразившееся весною 1884 г. в создавшейся, было, «Молодой партии Народной Воли» *), несмотря на это, нужно сознаться, что создалась эта партия с своей «новой» программой, со всеми ее «новыми» крайностями вроде фабричного и аграрного террора только благодаря организационным спорам и раздорам: не будь этих последних, петербургская революционная молодежь, и я в этом числе, охотно помирились бы на статье: «После победы 1 марта», если бы комитет напечатал ее в виде передовой 10 №, а между тем в этой статье весьма мягко и крайне мало говорится о «новом течении мысли», о фабричном терроре и проч. Но организационный раздор, ко торый сам произошел от печального недоразумения, создал почву, на которой быстро выросла, как я сказал выше, новая программа со всеми своими крайностями, стоявшими до тех пор на втором плане и, пожалуй, даже покрытыми туманом, а теперь быстро возведенными в принцип и постановленными на первое место. Здесь громадную роль играло не твердое убеждение, а увлечение молодости и опьянение борьбы.

Не желая называть по именам также и лиц, бывших со мною в организации «Молодой партии», я могу сказать здесь несколько слов только об одном Овчинникове. Как я и раньше сказал, он своим появлением в Петербурге повлиял лично на меня в том смысле, что его недальновидное раздражение против воображаемого (а не действительного) комитета сообщилось также и мне или, вернее, усилило существовавшее раньше во мне раздражение, и этим он повлиял косвенно

*) «Я мог бы указать, между прочим, на брошюру: «От революционеров к русскому обществу», выпущенную в Петербурге еще в апреле 1883 г., — где уже и говорится о внутреннем кризисе, переживаемом партией «Народной Воли» и уподобляемом броженію революционных умов в 1876 г. [10])».

и совершенно бессознательно на создание «Молодой партии», так как в этом создании я играл не последнюю роль. Но никакого деятельного и сознательного участия в попытках «Молодой партии» организоваться, создать программу и приступить к деятельности он не принимал. Будучи популярен среди молодежи, как лично симпатичный и уже немолодой революционер, он стоял в то же время совершенно одиноко и одинаково в стороне от обеих споривших групп.

Происхождение писанной моею рукой записки в его памятной книжке я объяснил уже раньше, а теперь могу только прибавить, что в числе пяти человек, обозначенных там как членов организации, работавшей в России в последнее время, я, кажется, разумел также и себя. Но кого разумел я в то время под остальными четырьмя, я положительно не помню: впрочем, вероятно, одним из них был Овчинников.

В конце марта, почти одновременно с гибелью Лиговской типографии, редактор «Революционера» объявил, что он выходит из редакции, так как не хочет участвовать в раздорах и не верит, чтобы наш «Революционер» при таких условиях когда-либо увидел свет божий. Да и действительно в это время никто уже не думал об издании «Революционера», так как, ввиду выступления на сцену «Молодой партии», помышляли уже о новом общереволюционном органе. Около этого же времени осуществилась, наконец, давно намеченная цель — привлечение к местной петербургской организации также и рабочей группы. Ее теоретические взгляды шли даже несколько дальше наших взглядов, и она поэтому сделала значительный вклад в программу «Молодой партии». При основании последней имелось в виду, что рабочая группа, согласно проектированному федеративному устройству организации, будет продолжать свою работу совершенно самостоятельно, но через одного или двух выдающихся представителей будет принимать также участие в центральной деятельности партии. Когда потом «Молодая партия» слилась с комитетом, часть рабочей группы также соединилась с ним, но большинство осталось при своих прежних взглядах, между прочим и «Иван Иванович», с которым я вел переговоры осенью 1884 г. и к которому адресовано мое письмо от 14 ноября.

Первым шагом «Молодой партии», когда выяснилась невозможность соглашения с Исполнительным комитетом, должна была явиться прокламация к революционному обществу, объявлявшая о разделении партии «Народной Воли» на две организации и формулировавшая программу «Молодой партии». Прокламация эта печаталась в Дерптской типографии, к которой я скоро перейду, но за неимением умелого техника дело это подвигалось чрезвычайно туго, около месяца, если не больше, и, только благодаря этому, соглашение с комитетом, состояв-

шееся в конце мая, успело предупредить ее появление на свет [11]).

Объяснить в лицах и в подробностях ход этих вторичных переговоров (в конце мая 1884 г.) я не желаю. Они начались одновременно в Петербурге и в Москве, и именно нашими московскими товарищами первыми была энергично заявлена мысль о необходимости слияния [12]). Эта реакция, появившаяся в нашей же собственной среде, весьма понятна: взять на себя ответственность создания новой партии, выступления перед обществом с каким-то, якобы, новым словом, которое, несмотря на все прецеденты прежнего времени, на которые я указывал выше, было, в сущности, неясно и ново для нас самих, — взять на себя такую большую ответственность — и когда же? в критический момент, когда после события 16 декабря прежде всего нужно было единомыслие и единодушие, — мы решились вначале только под влиянием разгоряченного и наэлектризованного состояния духа, но с течением времени, особенно благодаря частым столкновениям и ближайшему знакомству с группой Исполнительного комитета, где некоторые лица оказались крайне симпатичными и талантливыми людьми, раздражение и вражда уступили место трезвому взгляду на вещи, горячность охладела, — и вот в нашей собственной среде раздался энергичный и влиятельный голос за соглашение. Оно и состоялось. Но это было первоначально именно только соглашение, перемирие, как говорит и ключ, установленный потом между редакцией 10 № и мною для переписки между Петербургом и Дерптом; в этом же смысле было составлено и заявление о слиянии, напечатанное в 10 №. Потом уже, во время пребывания в Дерпте, под влиянием собственных размышлений и отчасти чтения некоторых статей для 10 №, во мне лично произошел умственный переворот, окончательно и всецело примиривший меня с Исполнительным комитетом, что видно из моих дерптских писем, находящихся у вас, и еще яснее из моего письма к «Ивану Ивановичу» от 14 ноября, которое также имеется в числе предъявленных мне моих рукописей.

Теперь я могу перейти к истории Дерптской типографии.

Кажется, в средине марта 1884 г., к одному из товарищей «паспортиста», студенту, человеку сочувствовавшему революционному делу, но лично не стоявшему ни в какой организации, явился из Дерпта старый его товарищ по Петербургскому университету, ныне умерший, как вы мне сообщили, студент Дерптского университета Владимир Переляев [13]), с просьбой направить его, ввиду очень важного дела, к кому-либо из революционных деятелей и при том возможно скорее, так как по своему положению студента в Дерпте он не мог пробыть в Петербурге больше одних суток. Приятель направил его прежде всего к «паспортисту», последний же дал ему возможность пере-

говорить еще кой с кем из нашей группы, между прочим, и со мною. Оказалось, что Переляев в 1881 г., будучи тогда в Петербурге, принадлежал к организации партии «Черного передела», был за какие-то пустяки арестован и выслан в Дерпт. Там он был совершенно отрезан от товарищей-народников благодаря разразившимся в Петербурге многочисленным арестам и на досуге пришел к убеждению, что во взглядах «Народной Воли» на революционное дело есть много верного и что, во всяком случае, помогать ей всеми силами — долг каждого честного и мыслящего человека. С другой стороны, когда Переляеву было сообщено нами о современном состоянии партии, ее взглядах и пр., он, не колеблясь, отвечал, что более сочувствует той группе, программа которой ближе к его прежним убеждениям, и что, раз появление «Молодой партии» в качестве отдельной партии состоится, он всецело будет принадлежать ей. Затем он рассказал нам о выгодном положении Дерпта для революционного дела и сообщил, что он успел там в течение нескольких лет, с большими усилиями, создать небольшую типографию, которую теперь и предлагает к нашим услугам на следующих условиях: во-первых, ввиду исключительного положения Дерпта и важности его для партии, самое имя этого города как революционного пункта будет известно лишь нескольким членам партии; чем меньшему количеству, тем лучше; во-вторых, ввиду того же соображения, партия, по возможности, будет избегать присылки в Дерпт людей из Петербурга или других городов и всю механическую работу предоставит ведению его, Переляева, считающего возможным обойтись с помощью местных революционных элементов. Исключением была, по его словам, только необходимость присылки, хотя на короткий срок, техника, специалиста в типографском деле, так как сам он, в совершенстве зная легальную типографскую науку, совсем незнаком с упрощенными способами и приемами, практикуемыми в революционных типографиях. Условия эти были, конечно, приняты; Переляеву предоставлены самые широкие полномочия по деятельности в Дерпте; он сообщил нам только свой собственный адрес (где то по Kloster-Strasse) и другой адрес — для писем. Лиц, у которых была устроена им типография, он не называл, но по тону его речи да и по тому, что он — человек старых конспиративных традиций, сообщил свой собственный адрес в качестве явки, нам было ясно, что типография находится не в его квартире. Третьим его условием, которое само собой разумелось, была денежная помощь и пополнение его типографии шрифтом и другими техническими принадлежностями.

Петр Якубович.

27. Показание 29 мая 1885 г.

Около половины апреля 1884 г. главными представителями «Молодой партии Народной Воли» было, наконец, окончательно решено приступить к самостоятельной деятельности и прежде всего выпустить в этом смысле воззвание к революционному обществу. Ввиду этого следовало озаботиться снабжением Дерптской типографии недоставававшими у нее, по словам Переляева, техническими принадлежностями и отысканием техника. Последнюю роль думали первоначально предложить Петру Мануйлову, кажется, основательно знакомому с типографским делом, но ему в течение всей весны сильно нездоровилось, так что обременять его тяжелым трудом было невозможно, поэтому Мануйлову, не присутствовавшему при разговоре с Переляевым, согласно с желанием последнего, чтобы о Дерпте знало возможно меньшее число лиц, насколько мне известно, не было даже сообщено о существовании там типографии. Техника так и не отыскали. Пришлось положиться на ученость Переляева, но так как она в типографском отношении была чисто кабинетною, то, как я раньше еще показал, с прокламацией его типография провозилась до конца мая — и к лучшему, потому что к тому времени состоялось соглашение с комитетом. Наша помощь ограничилась тем, что человек, отвезший в Дерпт текст воззвания, отвез также часть бывшего в распоряжении «Молодой партии» шрифта и пр. Кто был этот человек, в настоящее время я не мог бы сказать этого, даже и помимо простого нежелания, так как забыл [14]). В начале июня месяца 1884 г., когда состоялось, наконец, слияние с комитетом, согласно условиям слияния, «Молодая партия» должна была передать ему все свои связи и учреждения. В числе этих последних мы передали паспортный стол и Дерптскую типографию, предварительно заручившись, разумеется, полным на то согласием Переляева. Но условия, поставленные им «Молодой партии», были сообщены также и тому агенту Исполнительного комитета, которому и передавалась связь с Дерптом, причем он дал обещание, что кроме него будет знать в комитете о местопребывании нашей типографии возможно меньшее число лиц. С этого момента прерывается всякое активное отношение бывших членов «Молодой партии» к Дерптской типографии. Она перешла в безусловное ведение комитета, и, открывал ли ему Переляев подробности устройства своей типографии, мне неизвестно, хотя я знаю, что в Дерпт приезжало в середине лета одно лицо, с которым мне, как я и раньше показывал, не удалось видеться по отсутствию в тот день в городе, а увидеться с ним лично я очень желал, так как лицо это занималось, подобно мне, общереволюционными делами. Затем, из бесед с Переляевым мне было известно также, что в июле или,

быть может, даже в августе приезжал, наконец, техник, но с ним как специалистом мне не было никакого интереса и нужды знакомиться; мне даже неизвестно, оставался ли он в Дерпте до конца работы. Что касается имен этих двух лиц, то имя техника мне совершенно неизвестно, а первое лицо, с которым мне, к сожалению, не удалось повидаться в Дерпте, носило различные клички; это то лицо, которое в моих дерптских письмах обозначено буквами «Г. П.» и которое я в первоначальном моем показании назвал «Георгием Павловичем».

Теперь мне остается объяснить, каким образом очутился я в Дерпте, для чего, и что я там делал.

Дело в том, что на основании, быть может, рассказов Дегаева и других лиц, отчасти под влиянием некоторой вражды ко мне, которая, естественно, могла существовать во время партийных раздоров, и до ближайшего знакомства со мною, — отчасти же, должен сознаться, и на довольно правдивом основании, — у комитета составилось обо мне представление как о крайне неосторожном человеке, способном этим качеством погубить бессознательно и себя и других; здесь большую роль играло и общее изумление по поводу того, что я, по слухам, сильно оговоренный перед Судейкиным Сергеем Дегаевым, подлежавший, по мнению комитета, аресту в числе первых непосредственно после факта 16 декабря, не переходивший на нелегальное положение до половины марта, что я, несмотря на все это, до сих пор (т. е. до лета) не был арестован, тогда как все другие лица, намеченные правительством вместе со мною, давно были арестованы, если своевременно не успели скрыться. Опасались, что меня оставляют на свободе преднамеренно, для удобнейшего слежения за деятельностью революционного общества. Все это неоднократно высказывалось мне прямо в глаза, с резкой категоричностью, и, конечно, доставляло мне немало горя, так как, не отрицая возможности быть прослеженным, существующей и для всякого другого революционера, я лично был в то же время убежден, что не был арестован до половины марта по какой-либо случайности (если, действительно, была нужда арестовать меня), что потом я успел скрыться от глаз полиции и что, во всяком случае, я не настолько неосторожен, как думал комитет, составивший обо мне такое представление не на основании личного, беспристрастного опыта. Пока существовала «Молодая партия», состоявшая из более или менее близких моих товарищей и друзей, меня еще не так сильно тяготил кошмар этого подозрения, но, когда произошло соединение с Исполнительным комитетом, моей прямой обязанностью было заявить, что я не хочу брать на себя ответственность продолжать упорствовать в категорическом отрицании правдивости его подозрений и потому предоставляю ему распорядиться мною по собственному усмотрению. Было решено,

из предосторожности (против которой я не протестовал тем охотнее, что страшно истомился и не прочь был отдохнуть), изолировать меня на известное время от главного течения революционной деятельности, и местом моего пребывания в течение лета был избран Дерпт, который представлялся крайне удобным и для предположенного эксперимента с моей особой, и в то же время таким пунктом, где я могу быть не совсем бесполезным для дела.

Переляев при первом же знакомстве с нами (в половине марта) заявил нам, а потом блестящим образом доказал и на опыте (с марта до половины июня), что он не охотник до письменности: за все это время он не прислал нам ни одного письма, хотя был установлен и ключ и шифр и даны адреса, и хотя бывали иногда случаи крайней необходимости списаться. Это был человек столь тяжелый на подъем (не только в письменном деле, но и вообще), что я, по крайней мере, не встречал ему подобного. Между тем такое громоздкое и большое дело, как издание 10 № «Народной Воли», которого публика ожидала в течение целых двух лет, требовало самого аккуратного обмена письмами между редакцией и вообще комитетом (в Петербурге) и типографской группой (в Дерпте).

Вот дело, которое было поручено мне и которое я, действительно, вел в течение всего лета до конца сентября аккуратно и исполнительно. Мне даны были петербургские адреса, я же получал предназначенные мне письма от Переляева при встречах с ним. Кроме того, имелось в виду, что, в случаях нужды, если в Дерпте окажется не особенно много русской грамотности, я займусь также и исправлением корректур, но сам Переляев грамоту знал хорошо, и только в конце сентября, когда работа шла особенно спешно, мне, действительно, пришлось просмотреть несколько корректур. Вот вся революционная работа, которую сделал я в Дерпте в течение почти четырех месяцев (июнь, июль, август и сентябрь).

Жил я половину лета в Дерпте, половину в окрестностях его, но, где именно и у кого, этого объяснить не желаю. В помещении типографии ни разу не был и даже был вполне убежден, что она находится не в квартире самого Переляева, а что он только ходит на работу; если эта типография (оказавшаяся при аресте, состоявшемся, как мне сообщено 5 февраля 1885 г., в квартире Переляева), если она находилась у него же и летом 1884 г., то значит он находил лучшим конспирировать со мной в этом отношении до самого конца моего пребывания на свободе. Сам я, видя некоторую уклончивость в его рассказах о своей жизни и отношении к типографии, никогда его об этом не расспрашивал, но тем не менее он посвящал меня во все подробности хода работы, зная, что я переписываюсь с редакциею. На квартиру к себе

он положительно запретил мне ходить, так как, по его словам, его знакомство с какой-то неизвестной в дерптской студенческой среде личностью, будучи замечено кем-либо из товарищей, могло повредить делу, особенно если бы потом по какой-либо несчастной случайности я был арестован, как нелегальный человек. Большинство своих товарищей по университету, при разговорах об этом, он характеризовал очень нелестно: никаких общественных интересов, исключительно личная жизнь самого низшего разбора не только в немецком, но и в русском буршеском обществе. Многих лиц он называл мне по именам, да и вообще долгое пребывание в Дерпте дало мне возможность узнать все, что называется, подноготные тайны чуть ли не целого Дерпта, хотя сам я по необходимости вел крайне уединенную жизнь и почти не имел знакомства ввиду того же соображения, которое выставлял Переляев против открытых сношений с ним.

Из числа арестованных по делу Дерптской типографии лиц вы называли мне Новикова и Иванова [15]). Первой фамилии мне совсем не приходилось слышать; про второго мне рассказывал Переляев, и если это тот самый студент Иванов, который жил на одном дворе с Переляевым, то я положительно утверждаю, что, по крайней мере, во время моего пребывания в Дерпте, он не имел ни малейшего отношения к типографии, даже не имел и тени подозрения относительно Переляева, чтобы он занимался каким-либо революционным делом. Я, разумеется, не имею возможности доказать это свое утверждение какими-либо фактами; но из того, как отзывался о нем Переляев, при характеристике различных товарищей, перед которыми ему приходилось лицемерить, уверяя их, что он усерднейшим образом готовится к экзаменам, и по возможности отвязываясь от их сообщества, я относил Иванова к числу, быть может, честных людей, но, во всяком случае, самых безнадежных индифферентистов в деле политики. Своеобразные условия дерптской жизни делали необходимым для хозяев типографии (будь то Переляев или другой студент Дерптского университета) поддерживать по возможности тесное общение с остальной студенческой средой, употреблять все усилия, чтобы в нее не закралось относительно их ни малейшего подозрения, — и при таких условиях нет ничего удивительного, что Иванов мог испытать, что называется, в чужом пиру похмелье, т. е. быть арестованным со всеми кажущимися признаками виновности, не будучи в действительности виноват ни сном, ни духом. Впрочем, не спорю против возможности того, что Иванов уже после моего ареста превратился в революционера; я считаю только своим долгом заявить в его пользу то, что мне известно.

С Переляевым я обыкновенно встречался в громадном университетском саду, на так называемом Домберге, съезжался с ним на лод-

ках в условленных заранее местах по р. Эмбаху и проч. Никаких телеграмм, о которых говорится в моих письмах, отобранных, как вы мне сообщили, у Саловой, при конце работы послано не было ни из Петербурга, ни из Дерпта, так как принят был другой, более простой план.

Кажется, 28 сентября я отправился в Петербург налегке, чтобы заблаговременно устроить по возможности удобнейший и безопаснейший прием нескольких сот экземпляров 10 № «Народной Воли», которые на следующий день должно было перевезти другое лицо. Таким образом, первая партия приготовленных номеров была получена в Петербурге 30 сентября; другую партию было предположено, насколько мне известно, везти через Псков в другие города.

Четырехмесячное мое пребывание в Дерпте было бы признано комитетом за самое полное и надежное очищение, и мне, вероятно, было бы предложено поехать куда-нибудь для более или менее симпатичной мне революционной работы, если бы обстоятельства дали мне переговорить с кем-либо из полномочных членов партии; но не успел я провести в Петербурге и одной недели, как разразились большие аресты, заставившие многих других лиц поспешить отъездом из Петербурга, и я очутился в том печальном положении, о котором рассказывал в своих прежних показаниях и которое заставило меня, против воли, стать на время во главе петербургских революционных кружков.

Я сказал: «против воли» и хочу пояснить это выражение. Как сказано выше, я предполагал, что мне предложат поехать куда-нибудь на юг для революционной работы, но у самого меня было совершенно иное желание. Продолжительное сидение в Дерпте в полном бездействии много заставило меня думать и, прежде всего, заглянуть в собственную душу. Всплыли наверх старые литературные мечты, заслуженные полугодовой горячкой деятельности, и я снова почувствовал всеми силами души, что не революционная деятельность — мое призвание, что, революционер по убеждениям, по натуре я только поэт и что эта-то моя двойственность и была причиною тех страшных ошибок, которые я наделал и за которые партии пришлось жестоко поплатиться. Поэтому сам я хотел предложить комитету свои услуги для редакции «Вестника Народной Воли», тем более что, как я слышал, Тихомиров не был бы против моего приезда. Этой мысли я не оставил и после октябрьских арестов, поставивших меня снова в центре революционного водоворота, и ждал только одного: чтобы явились, наконец, более или менее компетентные деятели, кому я мог бы передать все имевшиеся у меня связи, которым я придавал большое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Сведения о «Союзе молодежи» были получены следственными властями еще в декабре 1884 г. из подробных показаний Алексея Кирпищикова. Начало организации «Союза» Кирпищиков относит, как и Якубович, к осени — зиме 1883 г. и считает Якубовича главным организатором «Союза». К идейной характеристике «Союза», которую дает Якубович, показания Кирпищикова не дают никаких добавлений. В разгоревшейся партийной борьбе «Союз молодежи» вначале пошел, повидимому, за Якубовичем. Им было составлено заявление на имя Исполнительного комитета, в котором содержался запрос, почему он не соглашается на введение аграрного и фабричного террора. В ответе Исполнительного комитета (оба документа известны только в изложении и цитатах) довольно резко заявлялось, что члены «Союза», как «не позаботившиеся стать в правильные организационные отношения к Исполнительному комитету, не могут рассчитывать на то, чтобы их заявления были принимаемы во внимание в качестве заявлений подлинных членов партии» и что «на обязанности их, как лиц, впервые возбудивших вопрос о необходимости внесения в программу партии аграрного террора, лежат и письменная аргументация и мотивировка этого предложения»; если это последует, то вопрос этот будет обсужден. Из показаний Кирпищикова нам известно, что «Союз» однако в конце концов занял промежуточную позицию. Помимо Якубовича «Союзом» были устроены два собрания, на одном из которых выступал В. И. Сухомлин, а на другом Н. М. Салова с изложением точки зрения Распорядительной комиссии, и «Союз молодежи» после этого, по словам Кирпищикова, принял решение «держаться выжидательного образа действий, не примыкая формально ни к старой организации партии, ни к «Молодой партии Народной Воли», дабы сохранить за собою в будущем полную свободу действий». Наступившее объединение разрешило эту позицию «Союза». Осенью 1884 г. его деятельность вновь оживилась, Якубович опять принял участие в нем, предполагалось издание гектографированного журнала, но успели издать лишь одну прокламацию (см. прим. 4), когда ноябрьские аресты в корне разрушили «Союз».

[2]) «Студенческая лига», повидимому, совсем не существовала, и фикция ее существования была выдвинута Якубовичем лишь для того, чтобы облегчить себе объяснение возникновения «Союза молодежи». Это предположение находит себе поддержку не только в отсутствии каких бы то ни было документальных данных о «Лиге», но и в отрицательных результатах опросов некоторых деятелей того времени. В частности, не имел никакого отношения к этой «Лиге» кружок, издававший журнал «Студенчество».

[3]) Прокламация «Союза молодежи» состоит из трех частей, и та часть, авторства которой Якубович не признает, составляет особый третий отдел, озаглавленный: «Организации Союза и программа деятельности».

[4]) 2 октября 1884 г. в Московском университете студентами была сделана попытка созвать сходку, а затем устроить демонстрацию, что кончилось, в свою очередь, попыткою избиения студентов охотнорядцами и многочисленными арестами. 11 октября 1884 г. центральный кружок «Союза молодежи партии Народной Воли» издал гектографированную листовку (возможно, что она написана Якубовичем), которая выступила против студенческого движения вообще и против поддержки петербургским студенчеством Москвы и Киева (где тоже произошли волнения), в частности. Мотивировала листовка свой призыв бесплодностью чисто студенческого движения, голоса которого «никто и никогда не услышит»: «народ не услышит и не поймет своих друзей», а «либеральная часть общества, не отклик-

нувшаяся даже на гром 1 марта, уж, конечно, не выйдет на помощь отважной молодежи». Листовка рекомендовала «сгруппироваться в тайные и тесные кружки, имеющие задачей развить и выработать еще несложившиеся силы», чтобы затем выступить «на арену серьезной революционной деятельности».

[5]) «Свободное слово» — гектографированный журнал, выходивший в 1884 г. (всего 8 номеров). В первом номере «Свободное слово» заявило себя преемником «Студенчества», о котором есть некоторые сведения в воспоминаниях И. И. Попова. Повидимому, и «Свободное слово» вышло из студенческих кружков, но из каких именно, этого пока установить нельзя за отсутствием каких бы то ни было документальных данных. Оно не раз декларировало свой социализм, но в политическом мировоззрении его руководителей, очевидно, царила путаница, не позволявшая им определить своего отношения к борющимся группам. Так, напр., в одной из статей имеется рассуждение о Марксе, у которого авторы видели «прекрасное» истолкование явлений европейской экономической жизни, но Маркс, по их мнению, не обратил достаточного внимания на «собственно-политические оболочки, в каких сказывались и, главное, имеют сказываться экономические борения». Эта путаница легко объясняет критическое отношение Якубовича к журналу.

[6]) Достаков, Абрам, учитель городского училища, привлечен был к дознанию по делу «Союза молодежи» и по высоч. повелению от 22 января 1886 г. подчинен был гласному надзору полиции на 3 года в Закаталах, Тифлисской губ. (его родина).

Сигов, Алексей Сергеевич, род. в 1861 г. (?), студент института гражданских инженеров, участник «Союза молодежи партии Народной Воли», а по показаниям Кирпищикова, и его центрального кружка. Арестован 10 декабря 1884 г., освобожден 13 сентября 1885 г. по высоч. повелению от 11 июня 1886 г. и подчинен гласному надзору полиции на два года в Пермской губ.

[7]) Не 10, а 11 октября, см. прим. 4.

[8]) О знакомстве Якубовича с М. П. Шебалиным мы теперь хорошо осведомлены по воспоминаниям последнего: с Шебалиным Якубович познакомился в 1882 г., и их знакомство «скоро» перешло «в близкую дружбу». Точно так же вскоре после этого знакомства, по словам Шебалина, «Якубович сделался главным звеном», связавшим его «с действовавшей в Питере революционной организацией». Показание Якубовича вызвано очевидным желанием уменьшить в глазах властей значение своих отношений с Шебалиным.

[9]) Письмо не было найдено при обыске у Лаговского и точно так же о содержании письма нет никаких сведений ни в показаниях Якубовича, ни в показаниях Лаговского.

[10]) Брошюра «Русскому обществу от русских революционеров», на которую ссылается Якубович, написана С. Н. Кривенко, и первое ее издание помечено 1 января 1883 г. (она потом переиздавалась в гектографированном виде). Изданная после длительного перерыва в выходе «Народной Воли» (№ 8—9 вышел 5 февраля 1882 г.), она отвечала на вопросы, которые «слышатся отовсюду» в ответ на разгул реакции: «Но что же партия? Погибла ли она? Убита ли? Истекла ли кровью? Задушена ли под собственным развитием?» Кривенко отвечал на эти вопросы, что, «в действительности, партия проходит через кризис, столь же сильный, как и пережитый радикальным миром в 1876 и 1877 гг.». Кризис этот, как и в те годы, «поведет в среде партии не только к замене одних лиц другими, но и к пересозданию организации на новых началах, приспособленных к изменившимся условиям и широким задачам будущего». Однако Кривенко далее не развивает этой темы

и никаких материалов тем самым к сближению, подобному делаемому Якубовичем, не дает. Вся остальная часть брошюры, обращенная к «согражданам», содержит призыв о денежной помощи и характеристику общего положения внутреннего и международного положения России.

[11]) История печатания этой листовки теперь хорошо известна по показаниям А. М. Новикова (Р. М. Кантор, опубликовавший эти показания в сборнике: «Народовольцы 80 и 90-х гг.», М. 1929, стр. 103—104, ошибается, относя их к напечатанному в «Народной Воле» № 10 заявлению молодых народовольцев, которое никогда в отдельном виде не печаталось). Ее начали печатать, отпечатали 200 экземпляров, когда, вследствие происшедшего слияния, печатание было приостановлено, а напечатанные экземпляры почти все уничтожены.

[12]) В Москве главным деятелем в этом примирении оказался один из членов Центрального комитета «Молодой партии Народной Воли» — Н. М. Флеров. Он сперва заявил об этом приехавшему в Москву Лопатину, а затем поехал с тою же целью в Петербург.

[13]) 6 февраля 1885 г. умер от удушения в припадке эпилепсии студент Дерптского университета Владимир Переляев (1860—1885), на квартире которого находилась свернутая Дерптская типография. Это и было официальной находкой типографии, о которой департамент полиции был своевременно осведомлен Гекельманом. Сведения, сообщаемые Якубовичем, дополняются показаниями другого работника типографии, Александра Михеевича Новикова, студента Дерптского ветеринарного института. Фигурирующий в показании Новикова третий работник типографии (кроме него и Переляева) — это, конечно, Якубович. Хотя Новиков и заявил, что Якубовича никогда не видал, но не только факты, сообщаемые Новиковым (как, напр., отъезд в сентябре «Иванова» с транспортом литературы, чтобы уже не возвращаться туда), но и показания квартирохозяев Переляева устанавливают тождество Иванова и Якубовича. Якубович в своих показаниях отрицает, что он — «Иванов». Это следует и из прямых указаний Р. Ф. Якубовича (П. Ф. Обручев, Год жизни П. Ф. Якубовича — «Голос минувшего», 1914 г., № 7, стр. 239, примечание; о принадлежности примечания Р. Ф. Якубовичу см. статью Д. Якубовича в сб. «Якутские трагедии», М. 1925, стр. 175, прим. 1). Новиков был по высоч. повелению от 1 апреля 1887 г. сослан на 5 лет в Восточную Сибирь.

[14]) Этим забытым человеком был сам Якубович. К этому предположению приходим потому, что со слов В. Ф. Олесинова нам известно, что именно из Дерпта был вызван Якубович, когда наступил момент соглашения с Исполнительным комитетом, а это было именно после начала печатания того воззвания, о котором пишет Якубович.

[15]) По подозрению, в поисках «Иванова» в качестве участника Дерптской типографии, был арестован студент Иван Иванов, поплатившийся за знакомство с Переляевым, по высоч. повелению от 1 апреля 1887 г., годом надзора полиции вне местностей, объявленных на положении усиленной охраны.

Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг.

(Окончание) [1]).

Картина общественного мнения в 1829 г. [2]).

1829 год был богат важными событиями [3]), вызвавшими заметное оживление общественного мнения. Четыре года последовательных и внимательных наблюдений дали новые средства ознакомления с различными общественными элементами. Следя как за событиями, так и за отдельными лицами, надзор в состоянии лучше наблюдать и за источниками и за направлением общественного мнения, картину которого мы здесь воспроизводим.

После возвращения государя-императора из Варны столица была явно настроена против графа Дибича, и по всей России было распространено мнение, приписывавшее ему одному всю неудачу кампании [4]). В высших кругах его поносили и наделяли различными прозвищами. Также и средние классы, т. е. дворянство, чиновничество и купечество, бранили графа Дибича. Назначение его главнокомандующим армией возбудило сильное неудовольствие, которое однако уменьшалось по мере того, как отдавали себе отчет в военной репутации наших генералов. Патриоты восклицали: почему не берут Ермолова? Некоторые сторонники Воронцова [5]) высказывались за него; более благоразумные

---

[1]) См. «Красный архив» 1929 г., т. VI, (37), стр. 138—174.

[2]) Подлинник на французском языке. Над заголовком помета: «Его величество изволил читать». В верхнем левом углу Николаем I поставлен знак рассмотрения.

[3]) Эти слова в подлиннике подчеркнуты карандашом.

[4]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[5]) Воронцов М. С., князь (1782—1856), участник всех военных кампаний александровского царствования; в 1823 г. был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. В августе 1828 г. принял начальство над войсками, осаждавшими Варну, которая сдалась 28 сентября. Позже был главноком. войсками на Кавказе и наместником кавказским (1844—1853).

люди однако, рассматривая список наших генералов, не находили никого другого, кто был бы более способен выполнить эту задачу. Все хором скорбели о бедной России, лишенной крупных талантов. Были однако люди, хотя и весьма немногочисленные, полагавшиеся на мудрость государя и уверявшие, что государь не ошибется в своем выборе Дибича, как не ошибся, выбрав Паскевича [1]). Впрочем, — говорили они, — план операций был составлен в кабинете государя-императора, и Дибичу придется только с точностью выполнять то, что ему будет предписано и что будет заранее составлено.

В течение зимы циркулировали разнообразные слухи по поводу прошедшей кампании и недостаточной точности наших бюллетеней. Австрийская миссия проявила в этом отношении усиленную деятельность: ее сторонники сходились в своих сборных пунктах, у г-ж Лаваль [2]), Белосельской, Куракиной, Хитрово и графини Людольф, распространяли тревожные предположения относительно успешности новой кампании, предсказывали образование европейских коалиций против России и т. д. и т. д. [3]). Русские в Варшаве делали то же самое. Махинации эти имели целью, повидимому, довести все эти сомнения до сведения государя, убедить окружающих его в опасностях, коим подвергалась Россия, и образовать при дворе настроенную против войны партию. Образовать таковую им удалось, но не удалось однако обмануть государя или заставить его поколебаться. Война была решена, генерал Дибич уехал в армию, и Россия с нетерпением ждала результатов.

Все очень интересовались путешествием государя-императора в Варшаву [4]). Средний класс, рассуждающий наиболее здраво, видел в этом обстоятельстве только его благородную и благоразумную сторону. Подписав конституцию, государь-император принял на себя обязательство короноваться. Зачем было подрывать доверие к слову монарха, когда речь шла об упрочении счастья целой нации посредством торжественного акта, который привязал бы ее к трону и в то же

---

[1]) Слова: «Назначение его главнокомандующим.... выбрав Паскевича» отчеркнуты на поле слева карандашом.

[2]) Лаваль А. Г., графиня (1772—1850), рожд. Козицкая, жена гр. И. С. Лаваль.

[3]) Слова: «В течение зимы..... и т. д. и т. д.» отчеркнуты на поле слева карандашом.

[4]) 12 мая 1828 г. в Варшаве, в зале сената, состоялось коронование Николая I польским королем и принесение им присяги на верность конституции. 22 мая Николай выехал из Варшавы в Берлин; на обратном пути он пробыл в Варшаве с 4 по 13 июня. Весь дальнейший текст до абзаца (см. ниже стр. 113), начинающегося словами: «Наконец, военные действия возобновились...» отчеркнут на полях карандашом.

время обеспечивал спокойствие в России? Эти мысли разделялись всей цивилизованной Европой. Но усилившиеся старые патриоты, пропитанные духом манифестов императрицы Екатерины, упорно продолжающие смотреть на поляков, как на врагов, отнеслись к этому путешествию несочувственно. Они желали бы, чтобы Царство Польское было разбито на русские провинции, чтобы богатые поместья на берегах Вислы были отданы в их собственность, чтобы там была введена русская администрация и чтобы процессы разбирались петербургским Сенатом. Несколько высокопоставленных лиц были того же мнения, которое однако не основывалось на логических аргументах и просто являлось результатом зависти или спеси.

Раздраженные умы в Польше и ее провинциях были совершенно успокоены решением громкого дела о государственных преступниках [1]), вместе с которыми молилась почти вся Польша. Даже в России этот акт великодушия монарха был принят с благодарностью. Во всей Польше публично возносились молитвы за государя-императора, все радовались, плакали, и любовь к государю возгоралась во всех сердцах. Русские жители Варшавы старались представить государя в глазах поляков ненавидящим их тираном и внушали им, что все чинимые им неприятности производились по его повелению. Массы этому верили; но великодушный приговор по делу преступников разрушил это злостное влияние; завеса упала, и все убедились в том, что их угнетает не государь.

Все видели искренний энтузиазм, с которым принимали государя-императора в Варшаве, несмотря на те опасения и страхи, которые

---

[1]) В 1822 г. был арестован ряд членов польского Патриотического Общества, организованного майором Валерьяном Лукасинским, во главе с самим его основателем; все они были судимы и заключены в крепость. Следствие по делу декабристов попутно вскрыло состав этого Общества и его связи с русскими тайными организациями. 7 февраля 1826 г. в Варшаве был учрежден по делу этого Общества особый следственный комитет, в составе гр. Ст. Замойского, Н. Н. Новосильцева и др., который закончил следствие к 30 декабря 1826 г. По совету вел. кн. Константина Павловича «государственных преступников» решено было судить, согласно польской конституции, особым сеймовым судом из всех членов польского сената, учрежденным в начале 1827 г., но «государственные преступники» из поляков, состоявшие в русском подданстве, подлежали специальному суду из представителей Правит. Сената, командированных в Варшаву. Сеймовый суд оправдал почти всех подсудимых, за исключением немногих, приговоренных к незначительному тюремному заключению, мотивировав свое решение тем, что цели Общества не только не преступны, но вполне согласны с постановлениями Венского конгресса и обещаниями Александра I. В марте 1829 г. этот приговор, несмотря на сильное неудовольствие Николая, был утвержден, но польский сенат получил высочайший выговор. Русскоподданные же поляки были присуждены к заключению в крепость, ссылке в Сибирь, отдаче в солдаты и т. п.

угрожали полякам после его отъезда. Характер государя, приветливость государыни и любезность наследника покоряли все сердца. Их обожают в Польше. Поляки жалуются только на то, что в лице государя их посетил дорогой гость, а не их владыка. Здесь все того мнения, что пребывание государя в Варшаве принесло величайшую пользу; поляки же утверждают, что после отъезда монарха все вошло в свою обычную колею. Несчастные польские провинции остались в состоянии прежнего угнетения и продолжают стонать под игом нескольких известных лихоимцев; последние все получили награды, и таким образом их власть творить зло была как бы санкционирована. Имевшие счастие заслужить в Варшаве благосклонность императора поляки считают себя еще более несчастными, будучи убеждены в том, что государь не может изменить их участи и должен принесть их в жертву особым обстоятельствам.

Вот к чему сводятся, согласно общему мнению, пожелания поляков:

А. Для польских провинций: 1) освобождение от военного управления, которому они подчинены, как если бы они бунтовали, 2) назначение другого лица на место Новосильцева, 3) восстановление старых прав Виленского университета.

В. Для королевства: 1) чтобы никто, кроме самого государя, не вмешивался в дела административного управления, превосходно налаженного, 2) чтобы личная свобода не зависела от чьего-либо каприза, 3) чтобы действующие в империи цензурные правила были введены также и в королевстве, 4) чтобы полиция действовала на основании точных законов, а не по произволу, 5) чтобы делаемые министрами представления не шли через г. Новосильцева и 6) чтобы было открыто сообщение с Россией без ненужных ограничений.

Циркулирующие в Польше слухи об августейших особах императорской фамилии вполне для них благоприятны: поляки их искренне любят, хотя русские в Варшаве позволяют часто себе критиковать государя-императора и окружающих его лиц. Поляки были больше всего тронуты тем, что наследник изучает польский язык, но многие из них сожалеют, что дело это доверено офицеру Юрьевичу [1]), уроженцу Белоруссии, не знающему, собственно, языка и говорящему на режущем польское ухо жаргоне. Они желали бы видеть при наследнике какого-либо ученого поляка.

Поездка государя-императора в Берлин доставила нашим крикунам мало тем для рассуждений, между тем как в клубах

---

[1]) Юрьевич С. А. (1798—1865), воспитатель наследника Александра Николаевича; позже ген.-адъютант, ген.-от-инф., член разных ученых обществ.

рассматривали ее, как политическое событие, а дипломаты сильно волновались [1]).

Наконец, военные действия возобновились, и достигнутые графом Дибичем блестящие успехи изменили составившееся о нем мнение; однако по его адресу продолжали слышаться упреки за дело при Кулевче [2]), в котором он якобы без надобности пожертвовал отрядом генерала Отрощенко [3]), слишком слабым по сравнению с многочисленным неприятелем. Однако последующие успехи [4]) — результат прекрасного плана кампании — переход через Балканы и занятие Адрианополя возвышали государя в общественном мнении и оправдывали также графа Дибича. Все считают, что государь сам принимал участие в выработке плана кампании, и русским это приятно.

Несмотря на всю свою славу, граф Дибич никогда не мог стать кумиром нации, особенно ввиду того, что против него существует сильное предубеждение и предполагают, что он не любит русских и предпочитает им немцев. Отдают справедливость выбору государя — ценят Дибича, но больше любят Паскевича.

Питаемое славой [5]) блестящих военных подвигов своих героев, национальное чувство являлось источником некоторого неудовольствия в массах тем, что наши победоносные войска не вошли хотя бы на несколько часов в Константинополь. С разных сторон слышалось: *«Пусть бы пробили поход русские барабаны в Константинополе и слава для России и государя была бы вечна»*. Масса не разбирается в политических затруднениях и не понимает их; ее увлекает мелочное тщеславие, поэтому-то известие об Адрианопольском мире [6]) не вызвало большой

---

[1]) Николай был в Берлине с 25 по 31 мая, гостя у своего тестя, прусского короля Фридриха Вильгельма III, который предложил ему свое посредничество для заключения мира с Турцией. С согласия Николая, с этой целью в Константинополь был отправлен прусский генерал Мюфлинг; после взятия Адрианополя (8 августа) Турция признала себя побежденной и просила мира.

[2]) 30 мая 1828 г. при Кулевче Дибичем было нанесено туркам решительное поражение. После этого, 18 июня сдалась Силистрия, а 5 июля Дибич начал переход через Балканы. 8 августа произошла сдача Адрианополя, решившая судьбу кампании.

[3]) Отрощенко Я. О. (1779—1862), ген.-м., впоследствии сенатор.

[4]) От слов: «результат прекрасного плана» до конца абзаца отчеркнуто на поле слева карандашом.

[5]) Этот и следующий абзацы отчеркнуты на полях карандашом.

[6]) Адрианопольский мирный договор был подписан 2 сентября 1829 г. По этому договору Турция уплачивала России 10 млн. голл. дукатов в возмещение военных расходов и 1½ млн. дукатов в возмещение убытков, понесенных русской торговлей. Россия получала Черноморское побережье от р. Кубани до крепости св. Николая, южнее Поти; Турция признавала за Россией б. персидские ханства Эриванское и Нахичеванское. Проливы объявлялись свободными как для

радости: все ждали занятия Константинополя. Но если оставить в стороне национальное самолюбие, почетный мир увенчал миротворца лаврами и вызвал к нему общую благодарность. Единственно, что не одобряется русским обществом, это то, что Россия, как бы из страха перед Австрией, не упоминает в опубликованном здесь мирном трактате о Греции. По этому поводу вспоминали о подобном же упущении при объявлении войны, что сделало этот акт непопулярным. Вот что слышится по этому поводу: «*Франция не боялась послать войско в Грецию* [1]) *и собирать деньги для греков, а мы, единоверцы, из угождения Австрии, не смеем обнаружить перед светом чувствований, делающих нам честь. Долго ли России ходить на помочах Австрии?*» — Все это приписывается интригам и влиянию Австрии.

Чувства России к августейшей чете проявились по поводу болезни государыни, а затем и государя. Болезнь государыни вызывала сильное беспокойство, потому что все вообще уверены, что она составляет счастье государя и что, привязывая его к себе своими выдающимися качествами, она поддерживает на троне великий и прекрасный пример семейных добродетелей. Во время болезни императора [2]) не только искренняя преданность его особе, но и политические и частные интересы заставляли взывать к богу и проливать слезы. Даже те немногочисленные люди, которые считали себя вправе быть недовольными теми или другими деяниями государя, излив свою желчь, прибавляли: «*Но всетаки он честный, прямодушный и добродетельный человек, любящий правосудие*». Во время этих всеобщих опасений только и слышались разговоры об ужасном несчастии, которое постигло бы Россию в случае катастрофы. Мысль о регентстве была неприятна; боялись

русских купеческих судов, так и для купеческих судов других держав; русские подданные в Турции подлежали юрисдикции исключительно русского посланника и консулов. В договоре утверждался также ряд преимуществ и прав для Молдавии, Валахии и Сербии; как уже указывалось выше (см. т. 37, стр. 147), из 10 статьи договора вытекало признание внутренней независимости Греции. В истории «восточного вопроса» этот договор имеет весьма крупное значение, так как с этого времени (а особенно со времени подписания Россией и Турцией Ункиар-Скелессийского договора в 1833 г., по которому Турция обязалась, в случае войны России с какой-либо из европейских держав, закрыть Дарданеллы для вражеского флота) началось охлаждение между Россией и Англией и Францией, приведшее, в конце концов, к Крымской кампании 1854—1855 гг.

[1]) Во время русско-турецкой войны, в августе 1828 г., в Морее высадился 14 000-ный французский корпус, который выбил оттуда остатки турецких и египетских войск Ибрагима-паши. Этот корпус оставался в Греции до 1834 г.

[2]) 10 ноября 1829 г. Николай I заболел «нервической горячкой», от которой оправился в начале декабря.

влияния Варшавы [1]). Склонялись к мысли о государыне-императрице, и многие ей сочувствовали [2]).

В это тяжелое время надзор почел долгом удвоить свою бдительность для того, чтобы, на основании некоторых данных, поближе присмотреться к настроению многих недоброжелателей, но убедился, что к последним он может отнести только очень небольшое число лихоимцев из чиновников гражданского ведомства и несколько лиц из дворцовой челяди. Последние взбешены тем, что их братии поставлены препятствия к продвижению в чинах и что их лишили возможности безнаказанно расточительствовать. Влияние этих людей на низшие классы, с которыми они приходят в соприкосновение, было бы пагубно, но, к счастью, оно парализуется любовью к монарху.

Обозрев волновавшие общественное мнение крупные события, мы остановим наше внимание на суждении общества о различных отраслях административного управления. В наше время гораздо легче управлять в критические моменты, чем при обычных условиях [3]). В обычное время у всех являются претензии, каждый смотрит в упор на правительство, ожидая, чтобы оно исправило все ошибки, предупредило бы все беды, наделило бы всеми благами. Мы будем придерживаться порядка последовательного обозрения различных отраслей государственного управления.

I. О министерстве финансов.

Система запретительных пошлин, рекомендованная находившимися в сношениях с предшествующим министерством спекулянтами и утвержденная ложно направленным патриотизмом, принесла много вреда России. Столь широко распространенная роскошь не могла быть удовлетворена местным производством. Богатые люди разорялись, приобретая все то, к чему привыкли с детства; остальные, чтобы не отстать, предавались взяточничеству и лихоимству, что способствовало развитию контрабанды, конфискаций, казнокрадства. В России начинали производить кое-что хорошее, но в очень ограниченном количестве; бо́льшая часть фабрикатов выделывается наспех, и, ввиду отсутствия конкуренции, плохие товары местного производства продаются дороже, чем привозимые из-за границы хорошие. Стремясь увеличить таможенные доходы, министерство финансов облагало ввозимые товары чрез-

[1]) Т. е., повидимому, влияния сумасбродного вел. кн. Константина Павловича на возможного «регента» вел. кн. Михаила Павловича.

[2]) Следующий абзац отчеркнут на полях карандашом.

[3]) Начало этого абзаца до слов: «В обычное время...» отчеркнуто на полях карандашом.

вычайными пошлинами. Одним словом, покупатели должны обладать большими деньгами, чтобы иметь возможность приобрести вещи, сделавшиеся им необходимыми; но денег нехватает: иностранцы, не находя больше достаточного сбыта для своих товаров, переставали покупать наши продукты, обращаясь за таковыми туда, где торговля менее стеснена и где они могут избежать скверных приемов таможенных чиновников и бесконечных, несносных формальностей, с которыми они встречались у нас. Земельная собственность обесценивалась, крестьяне переставали платить подати, а дворянство, живя в столицах или состоя на службе, всегда нуждается в деньгах и постоянно делает долги. Министерство долго упорно защищало и сохраняло покровительственную систему, но, наконец, наученное голосом общественного мнения и несколькими газетными статьями, повидимому, убедилось в необходимости ослабить эту систему и само поместило в печати статью, имеющую, очевидно, целью подготовить умы к изменению системы пошлин. Уверяют, что это будет счастьем для народа и что даже наши фабрики, при наличии конкуренции, усовершенствуются. К этому прибавляют, что есть только несколько губерний, достаточно населенных для того, чтобы быть промышленными, и что в других нехватает рук даже для обработки земли. Что дала в результате выставка русских фабрикатов — выставка, которая произвела поразительное, благоприятное министру финансов впечатление и, в некотором роде, примирила с ним общество? [1]) Там были великолепные образцы, но в магазинах находишь только плохие вещи, продаваемые по столь высоким ценам, что министр приказал напечатать в своей газете, что русские фабриканты забываются, что цены на их товар назначаются тройные сравнительно с заграничными и что поэтому-то они и не находят сбыта.

Говорят, что министр финансов занимается только измышлением налогов прямых и косвенных, не считаясь с тем, что у нас каждый налог падает на бедного земледельца, и что необходимо оживить обращение денежных сумм. Этим объясняют, что такое большое количество заложенных в банках земель продается с аукциона и что так много невнесенных в срок податей [2]). Какое преимущество представляет собой хорошо составленный бюджет, если он не соответствует действительности? Теперь приходится силой вышибать каждый рубль. Изданный в этом году указ касательно мероприятий против тех, кто не платит повинностей, вызвал ропот среди бедных классов. Со всех

[1]) Слова: «Уверяют, что это будет.... с ним общество?» отчеркнуто на поле слева карандашом.

[2]) Слова: «Говорят, что министр финансов.... в срок податей» отчеркнуты на полях карандашом.

сторон кричат: «*Думают, как взять, а не думают, откуда*».— В течение тридцати лет налоги все возрастали, но никогда никто не думал о том, чтобы облегчить народу его бремя. К чему это приведет? К общему банкротству [1]). Рассуждения эти влекут за собой и другие, менее невинные; среди дворянства возникают пагубные идеи. Положение становится натянутым, и начинают желать более или менее законных перемен. Необходимо заняться внесением некоторых улучшений в положение помещиков-землевладельцев, и, согласно общему мнению, достигнуть этого возможно единственно лишь понижением процентов. Это оживило бы и усилило обращение денежных сумм и, может быть, спасло бы от разорения многих помещиков [2]).

Откупа питейных сборов несколько усилили денежное обращение, но царящая в народе бедность обманула ожидания откупщиков, и многие из них утверждают, что понесли значительные потери.

Горная промышленность находится, — как, говорят, сказал по секрету г. Гумбольдт [3]), — в плачевном состоянии. Во Фриберге девять тысяч рабочих делают то, на что в Колыванских рудниках требуется пятьдесят тысяч человек, потому что они столь же плохие земледельцы, сколь и скверные рудокопы. Люди эти вынуждены проехать несколько сот верст, чтобы прибыть к месту своей работы [4]). Местная власть не стремится изменить этот порядок вещей, потому что она наживается за счет этих бедняков, вымогая у них деньги под различными предлогами. Офицеры минного корпуса, в большинстве случаев, или невежды или вообще довольствуются лишь тем, что следуют примеру своих предшественников.

---

[1]) Слова: «Со всех сторон кричат.... общему банкротству» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) От слов «Положение становится натянутым» до конца абзаца отчеркнуто на полях карандашом. Отчеркнут также следующий абзац.

[3]) Гумбольдт Александр (1769—1859), знаменитый немецкий путешественник, естествоиспытатель, геолог, автор «Космоса» и многочисленных научных трудов по анатомии и физиологии животных, ботанике и др.; в 1829 г. на средства, предоставленные ему русским правительством, совершил свое «азиатское путешествие», во время которого посетил Нижний и Средний Урал, где производил геологические исследования, заводы — Невьянск, Верхотуры и др., где осматривал разработки железа, золота, платины (Канкрин намеревался чеканить платиновую монету), причем от его внимания не ускользнули жалкое положение крепостных и скверное состояние промышленности; побывав в Тобольске, Барнауле, Семипалатинске, Миясске и собрав богатейшие зоологические и ботанические коллекции, Гумбольдт отправился в Оренбург и Астрахань. Совершив небольшую поездку по Каспийскому морю, 13 ноября 1829 г. он прибыл обратно в Петербург.

[4]) Слова: «Горная промышленность.... своей работы» отчеркнуты на полях карандашом.

Говорят, что было бы вполне возможно доставлять в Петербург соль из Илецка, но что министр об этом не хочет и слышать исключительно из упрямства, потому что когда-то, служа по этой части, он представил доклад против подобной операции, и имеет также зуб против директора Илецких соляных копей. Говорят, что это обстоятельство было доведено даже до сведения покойного государя-императора [1]).

Уверяют, что в министерстве финансов совершается много хищений, и в подтверждение указывают пальцами на нескольких субъектов, не имевших ни копейки в то время, как они служили под начальством генерал-интенданта Канкрина, ныне же располагающих крупными суммами. Торговля медью и хинной коркой является богатым источником хищений. Казенные леса разграбляются, а *казенные имения* в самом плачевном состоянии [2]).

Создание таможенной стражи увеличило расходы, но не приносит никакой реальной пользы; напротив, уверяют, что она способствует контрабанде. Эти люди задерживают только тех, кто им не платит. В Кяхтинской таможне происходят злоупотребления, но директор платит дань чиновникам министерства и остается спокойно на своем месте. Были, повидимому, важные доносы по поводу этой таможни, но все было замято, а доносчик подвергся преследованиям [3]).

Министр, говорят, — человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый; он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают. Г. Дружинин [4]) очень умный, очень способный человек, но, к несчастью, продажный. Г. Кайсаров [5]), который когда-то был не совсем чист, ведет себя прекрасно и знает дело. Смерть г. Розенберга [6]) считается незаменимой утратой, заслуги и честность его признавались всеми. Министра обвиняют в том, что он, в погоне за популярностью, слишком стремится скрыть все хищения своих чиновников.

В обществе намечают и предлагают следующие реформы в министерстве финансов: 1) понижение процентов, как уже говорилось выше, 2) усиление всеми возможными способами денежного обращения, 3) изменение налоговой системы, с тем, чтобы вся тяжесть обло-

---

[1]) Слова: «Когда-то, служа.... государя-императора» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[3]) Этот абзац отчеркнут на полях карандашом.

[4]) Дружинин Я. А. (1771—1849), директор канцелярии министерства финансов (1811—1830).

[5]) Кайсаров П. С. (1777—1854), директор деп. разных податей и сборов (1828—1839), позже сенатор.

[6]) Розенберг И. И. (умер 16/XII 1829 г.), директор деп. госуд. казначейства.

жений не ложилась исключительно на бедный класс, как это было еще недавно, при повышении цены на соль в Крыму, 4) переработка таможенного тарифа в смысле ослабления покровительственной системы, 5) запрещение землевладельцам брать с крепостных причитающийся пивоварням налог, которым помещик пользуется в качестве фабриканта, а не земельного собственника, 6) урегулирование казенных доходов и установление подати, платимой помещикам, для того, чтобы последние не были более автократами в своих владениях, 7) назначение для работ в рудниках известного числа рабочих, которые были бы постоянно при одном деле и не заменялись бы другими: благодаря этой мере они стали бы умнее и искуснее, как это было с рабочими оружейных фабрик, 8) уничтожение преимуществ, которыми пользуются различные морские порты, и дарование им всем одинаковых прав, что способствовало бы процветанию городов и обогащению всей страны [1]).

Довольно распространено также мнение, что следовало бы выделить департамент торговли из министерства финансов и образовать из него отдельное министерство, как это было прежде и как мы это видим теперь во всех культурных странах Европы. К этому добавляют, что министерство финансов охватывает слишком большое число отраслей управления, для того чтобы один человек мог хорошо его направлять и смазывать все колеса. При этом случае высказывается мысль об образовании финансовой палаты (Chambre des finances).

II. О министерстве внутренних дел.

Согласно общественному мнению, министр внутренних дел должен быть человеком образованным, знакомым с ходом дел в других европейских государствах и говорящим на иностранных языках. Г. Закревский деятелен и враг хищений, но он совершенный невежда. Всю свою славу и свое честолюбие он полагает в чистоте аппартаментов, в соблюдении формы, в составлении карточек и в числе входящих и исходящих бумаг. Последние читаются и пишутся, но дело не двигается; не замечается никакого улучшения [2]). Напротив, в целях достижения некоторой популярности и репутации великого государственного человека, в русском смысле этого слова, г. Закревский полагает свою честь в том, чтобы незаметно оказывать покровительство своим подчиненным. Все сообщаемые ему жандармерией сведения он посылает губернаторам, сообщая им, от кого они исходят; это тормозит

[1]) Весь этот абзац отчеркнут на полях карандашом.

[2]) Слова: «Г. Закревский деятелен.... улучшения» отчеркнуты на полях карандашом.

деятельность жандармов и навлекает на них придирки и злобу местных властей [1]). Сколько ему ни объясняют, что эти сведения сообщаются ему только в порядке частном, как предназначаемые исключительно для его личного сведения в целях дать ему возможность действовать когда и где следует, — он не отступает от своей методы исключительно из-за неуместной ненависти к учреждению, которое, по его мнению, врывается в сферу его компетенции.

Губернаторы слишком обременены бумагами, поглощающими всю их деятельность и в конечном итоге в большинстве случаев сжигаемыми в департаментах. Состояние провинциальных тюрем в высшей степени плачевно [2]), потому что министр, по странному пониманию справедливости, полагает, что не следует нежить злодеев, не принимая во внимание того, что среди заключенных могут быть люди невинные и несчастные. Полиция в губерниях тоже в плачевном состоянии, везде, даже под стенами Петербурга, кишит беглецами и бродягами, и особенно их много в Шлиссельбургском округе, где они легче находят себе убежище. Всякому сколько-нибудь важному преступнику, конечно, не раз удавалось бежать из тюрьмы. — Не принимается никаких действительных мер против опустошающих целые местности эпизоотий, и все заботы администрации ограничиваются перепиской. Везде недостаток ветеринарных врачей. Немного более заботятся и о людях: целые деревни заражены венерическими болезнями; оспа, корь и другие заразные болезни беспрерывно свирепствуют среди беспомощного населения. Медикаменты в казенных аптеках, даже в Петербурге — скверные [3]). Карантины соблюдаются беспорядочно и с недостаточной строгостью. Вступив в управление министерством, г. Закревский, на основании доносов, наложил руку на медицинский департамент; он без всякого разбора разогнал старых и опытных в этой трудной сфере управления служащих, заменил их новыми, которые внесли путаницу в дела; последствием этого нелепого управления явится, как уверяют, значительный дефицит. Так как это одна из наиболее доходных областей, то в нее проникает и больше интриг; г. Закревский облек своим особым доверием двух известных и всеми презираемых взяточников гг. Дьяконова [4]) и Кусовникова. Недавно он назначил еще директором этого департамента некоего Швенсона [5]), который тоже не пользуется хорошей репутацией.

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Начало этой фразы отчеркнуто на полях карандашом.

[3]) Слова: «Везде недостаток ветеринарных.... скверные» отчеркнуто на полях карандашом.

[4]) Дьяконов И. Я., чиновник медиц. деп. по особым поручениям.

[5]) Швенсон С. И., вице-директор медиц. департамента.

В колониях дела идут плохо, — колонистам не оказывают никакого покровительства вследствие странной ненависти министра к иностранцам и непостижимого предубеждения, что колонии в России бесполезны [1]).

Общественные здания в провинции разрушаются, и никто не думает больше об исторических развалинах, которые государь приказал сохранять [2]). Одним словом, обычно говорят, что дело управления идет так, как того можно ожидать от человека непросвещенного, пропитанного национальными предрассудками, начинающими подвергаться осуждению даже со стороны некоторых бородачей.

Общество желает внесения улучшений в эту столь важную часть управления, и вот вкратце, что намечается в этом отношении общественным мнением: [3])

1) Указать специальный путь для прогона скота в разных местах империи и устроить на этом пути несколько постов *(заставы)* для санитарного осмотра стад; воспретить гуртовщикам продавать скот в лежащих по пути городах и деревнях, потому что они сбывают таким образом больных животных. Чтобы предупредить при этой процедуре злоупотребления, следовало бы возложить надзор за ней выбираемому дворянством должностному лицу, которое находилось бы в непосредственном подчинении местному предводителю дворянства. Заинтересованные в предотвращении заразы помещики будут друг за другом наблюдать, между тем как местная полиция стремится только вытянуть из занимающихся этой торговлей купцов как можно больше денег.

2) Устроить в провинции ветеринарные школы и допустить в них несколько человек из крестьян.

3) Увеличить число аптек в провинции и обращать больше внимания на медицинскую часть вообще. Мы испытываем недостаток во врачах, и было бы, может быть, полезно дать Дерптскому университету средства, чтобы там на казенный счет подготовлялось несколько врачей, взятых из числа бедных студентов, не имеющих средств продолжать учение; за эту мысль держатся особенно потому, что самые известные врачи столицы, как Раух [4]), Лерхе [5]) и другие — ученики этого университета.

---

[1]) Главное управление колониями иностранных поселенцев в России находилось в ведомстве министерства внутр. дел с 1802 г.; с учреждением министерства госуд. имуществ в 1837 г. все колонии перешли в его ведение.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[3]) Тоже.

[4]) Раух Е. И. (1790—1864), лейб-медик.

[5]) Лерхе Т. Г. (1791—1847), окончил в 1812 г. Дерптский (Юрьевский) университет со степенью доктора медицины; с 1815 г. поселился в Петербурге.

4) Устроить несколько окружных больниц, отнеся расходы на счет общинных податей, которые чрезмерно велики и растрачиваются бесплодно.

5) Побудить к более энергичной деятельности местную полицию в целях борьбы с укрывательством всех видов дезертиров и бродяг, с применением к укрывателям суровых мер, причем ответственность возложить на общество.

6) Учредить в провинциях суды исправительной полиции, члены которой должны быть избираемы из среды дворянства и купечества; на обязанности их лежало бы производство предварительного следствия при всяких преступлениях, потому что таковое является слабой стороной всех наших уголовных процессов.

7) Учредить комитет, рассмотрению которого подлежали бы все могущие быть представленными проекты из различных областей управления.

8) Обращать больше внимания на статистику, которая несмотря на то, что могла бы приносить огромную пользу, находится в полном пренебрежении и требует коренной реорганизации.

9) Реорганизовать медицинский департамент. Между прочим, следовало бы повелеть, чтобы ревизия материалов лежала на обязанности ученого комитета, а не предоставлялась ничего в том непонимающим чиновникам и чтобы деньги поставщикам уплачивались кассиром министерства, функции которого должны быть выделены. Теперь деньги вручаются первому встречному, и никто не заботится об отчетности. Может быть, было бы лучше возложить это дело, так же как и контроль, на Комитет Министров.

В обществе очень желают, чтобы губернаторы выбирались с большей осмотрительностью, потому что, подобно тому, как армия не может никогда достигнуть известной степени совершенства без хороших полковников, — дело внутреннего управления не может итти правильно без умных и честных губернаторов. Чего можно ждать от всех этих людей, находящихся под покровительством г. Закревского и составляющих его круг, с их очень плохой репутацией?

Следовало бы сделать очень многое в этом министерстве, — говорят,— если бы только министр был образованным и просвещенным человеком, но г. Закревский создан для формы и предрассудков; он не на месте. Вот что говорят даже те, кто группируется вокруг него.

Основатель и директор первой в России больницы по глазным болезням; учредитель Общества практических врачей в Петербурге; автор многих статей по офтальмологии.

III. О министерстве юстиции.

Г. Дашков [1]) обладает всеми качествами ума и сердца, необходимыми для того, чтобы стать прекрасным министром. Некоторые ставят ему в упрек то, что он не мог столковаться с Закревским и Долгоруким [2]), но общественное мнение его вполне в этом отношении оправдывает, говоря: «Как могут ум и совесть примириться с невежеством и недобросовестностью?» Ему приписывают один только недостаток — низкопоклонничество перед власть имущими, влияния которых он слишком боится. Он жалуется на невозможность сделать все, что хотел бы, за полным неимением сотрудников. Канцелярии министра и Сената полны взяточников и людей неспособных, и министр вынужден сам рассматривать всякое сколько-нибудь значительное дело. Все обер-прокуроры, за исключением Журавлева [3]), люди более или менее малоспособные. Журавлев, — человек интеллигентный и основательно знакомый с делами, — находится, к несчастью, под влиянием своей жены, которая жадна, как сорока, и во все вмешивается. За последнее время однако Журавлев испытал много неприятностей и намеревается, повидимому, принять меры к тому, чтобы избавиться от этого гибельного влияния. Г. Дашков жалуется на то, что он бессилен уничтожить все это лихоимство, не будучи в состоянии уследить за всем лично и не имея возможности положиться на прокуроров, которые все закрывают на это глаза. Что касается общего хода дел, то лихоимство и применение ложных принципов внесли в него такую путаницу и воздвигли на его пути столько препятствий, что необходимо его преобразовать на новых началах. Вот как рассуждают по этому поводу:

Сенат должен только рассматривать поступающие на его рассмотрение дела и приводить в исполнение повеления монарха; но, вместо этого, бюрократы, чтобы иметь больше добычи, уговорили министра издать постановление, в силу которого по жалобе частных лиц на провинциальные суды дела посылались бы на пересмотр в Сенат и рассматривались бы предварительно последним, причем ему дается произвольное право отменять приговоры местных судебных инстан-

---

[1]) Дашков Д. В. (1784—1839), упр. министерством юстиции (с 1829 г.), с 1832 г. министр юстиции; в 1839 г. был назначен членом Госуд. Совета и председателем деп. законов; сторонник гласного судопроизводства и введения адвокатуры, в чем не имел успеха; имел широкие связи в литературных кругах, участвовал в знаменитом споре о старом и новом слоге с Шишковым, видный член литературного общества «Арзамас».

[2]) Долгоруков А. А., князь (1767—1834), мин. юстиции (1827—1829).

[3]) Журавлев И. Ф. (1776—1842), б. директор деп. мин. юстиции (1818—1824).

ций [1]). Таким образом Сенат, обогащаясь взятками, завален процессами. Это привело к необходимости увеличить штат чиновников и открыло обширное поле для интриг. Другим препятствием на пути правосудия, способствующим притом интригам, является комиссия прошений [2]). Состоящая из сенаторов, она становится судьей в собственных делах. Совершенно естественно, что члены этой комиссии вынуждены поддерживать свое собственное мнение или мнение своих коллег по Сенату. Сколько это влечет за собой отступлений от законного порядка и противоречий! Так как комиссия эта решает дела от имени государя, она является высшей инстанцией, все парализует, врывается в область компетенции министров и нарушает общий порядок ведения тяжбы.

Почти то же следует сказать и о Комитете Министров, являющемся также в одно и то же время судьей и стороной [3]). Согласно общему мнению, нет другого средства бороться со взяточничеством, как уменьшить число чиновников, лучше их оплачивать и ввести с этой же целью существующее во всех европейских государствах право субсидий [4]).

Прибавим к этому краткое изложение некоторых предлагаемых общественным мнением проектов улучшений:

1. Принимать в Сенат только апелляционные прошения и кассационные жалобы [5]).

2. Повелеть, чтобы жалобы на приговоры низших судебных инстанций приносились министру, которому присвоить право приоста-

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Хотя еще при учреждении Сената Петром I было запрещено, под страхом смертной казни, подавать жалобы на сенатские решения, но самодержавная власть фактически не могла устранить себя от разбора судебных дел. В 1810 г. при Госуд. Совете была образована комиссия прошений, подававшихся на «высочайшее имя». В комиссию поступали прошения с жалобами на высшие судебные и административные учреждения и лица. В 1835 г. комиссия прошений была выделена в самостоятельное учреждение, находившееся в непосредственном ведении царя; в 1884 г. она была упразднена, и был выработан особый порядок подачи и принятия прошений и жалоб на «высочайшее имя».

[3]) Комитет Министров при Александре I и Николае I обладал очень широкой и расплывчатой компетенцией; нередко он пересматривал решения уголовных судов, иногда разбирал дела, еще не законченные в низших судебных инстанциях, принимал по гражданским делам жалобы частных лиц на решения Сената, выступая по отношению к последнему в роли высшей апелляционной инстанции; в 1826 г. на рассмотрение Комитета Министров стали вноситься приговоры военного суда над крестьянами, обвиненными в неповиновении помещикам и властям, если к ссылке и телесным наказаниям присуждалось более 9 человек.

[4]) По-немецки Sporteln — род субсидий, выплачиваемых по таксе за каждое дело. — Примечание в подлиннике.

[5]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

навливать дело после предварительного рассмотрения его специально учрежденным под его руководством комитетом; последний имеет быть составлен из нескольких прокуроров и сенаторов и должен заменить нынешнюю консультацию. Комиссия прошений не должна будет более заниматься рассмотрением процессов, потому что, решая их от имени монарха, она, в силу этого, идет вразрез с установленными правилами. В случае признания вынесенного одним из департаментов Сената приговора неправильным, он может быть обжалован в заседании в полном составе, на котором разбиравшие дело сенаторы были бы лишены права присутствовать. Компетенции комиссии прошений будут подлежать только дела, зависящие от личного благоусмотрения монарха.

3. Чтобы *доклады* о процессах составлялись согласно установленного порядка, чтобы для сего были установлены сроки и дело это не было предоставлено, как теперь, доброй воле докладчика.

4. Допустить, чтобы тяжущиеся могли печатать к своему делу объяснительные записки, которые проходили бы через цензуру прокурора того департамента, которому дело подсудно, и при условии согласия на то министра. Мера эта сильно способствовала бы обузданию лихоимства. При этом уже случаи, подобные делу Гежелинского [1]), стали бы невозможны.

Считают также, что было бы необходимо изменить ход дел в Государственном Совете. Граф Кочубей запретил тяжущимся представлять объяснительные записки к своему процессу членам Совета и лично им их разъяснять. Строго воспрещено также докладчикам сообщать тяжущимся свои *доклады* [2]). Это мнимое сохранение их втайне является только средством обогащения докладчика, потому что, при нынешнем порядке вещей, приходится покупать то, что должно бы узнаваться даром. Нелепость этой меры становится очевидной из данной комиссии прошений инструкции, где сказано: «*На решение Государственного Совета не должно приниматься жалоб, а можно принимать жалобы на доклад Совету, если в докладе сделаны упущения*». Теперь восклицают: «*Каким же образом можно жаловаться на доклад, когда это тайна и когда доклад не прописывается в решении?*»

Было бы необходимо, думают многие, учредить последнюю инстанцию, решения которой не подлежали бы апелляции и являлись бы неотменимыми. Без этого никто не может быть спокоен за свою собственность, что причиняет массу неприятностей и семейных несчастий.

---

[1]) Гежелинский, Ф. Ф., упр. делами Комитета Министров.

[2]) Слова: «Граф Кочубей.... *доклады*» отчеркнуты на полях карандашом.

Много говорят о безответственности членов Совета, сенаторов и министров в случаях противозаконных решений, потому что, как говорится в указе Петра Великого: «*На что писать законы, когда не исполнять их*». Судьи наши присвоили себе права присяжных и решают дела по своему усмотрению, по совести, вопреки законам, чем приносится много зла.

Очень желают восстановления *совестных судов* [1]), пришедших, к несчастью, в упадок; они имеют важное значение и очень полезны для процессов, в которых отсутствуют документы и которые не навлекают иного наказания, кроме стыда.

Бесконечно жалеют об уничтожении *юнкерского института*, где молодые люди подготовлялись к гражданской службе. Учреждение подобного заведения принесло бы существенную пользу.

IV. О министерстве народного просвещения [2]).

Общественное мнение высказывается открыто против этого министерства, которое, как говорят, с 1818 г. двигается в обратном направлении [3]). Было время, когда его обвиняли в мистицизме; теперь его упрекают в обскурантизме. Государь-император повелел составить элементарные учебники, и с этой целью был учрежден особый комитет, но в состав его вошли люди, за которыми общество отказывается признать нужные для столь важной работы качества: до сих пор не появилось даже азбуки. Положение о гимназии подвергается сильной критике [4]). Уверяют, что в Московском университете царит скверный

---

[1]) С 1828 г. так назыв. совестные суды, вследствие незначительного числа производившихся в них дел, были намечены правительством к постепенному упразднению, однако просуществовали до судебных реформ 60-х гг.

[2]) Весь этот отдел отчеркнут на полях резкой чертой карандашом.

[3]) В 1817 г. состоялось объединение мин. нар. просвещения, синода и ведомства иностр. исповеданий, и во главе вновь учрежденного министерства духовных дел и нар. просвещения был поставлен личный друг Александра I кн. А. Н. Голицын (1773—1844), мистик и пиетист, смененный в 1824 г. обскурантом А. С. Шишковым. Голицын полагал, что все науки должны быть заменены чтением св. писания; нерасположение к «черному духовенству» (т. е. монахам) было причиной его отставки, на которой настоял известный архимандрит Фотий. При Голицыне прославились своим мракобесием Рунич и Магницкий. С 15 мая 1824 г. до 25 апреля 1828 г. министерством нар. просв. управлял Шишков, который в самом начале своей деятельности заявил о необходимости борьбы с «духом времени» и о том, что «обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы». Его сменил кн. Ливен.

[4]) 14 мая 1826 г. был учрежден особый «Комитет устройства учебных заведений», под председательством министра нар. просв. А. С. Шишкова, в который вошли кн. К. А. Ливен, Сперанский, гр. Ламберт, С. С. Уваров (позднее министр

дух, что дипломы там публично продаются и что тот, кто не брал частных уроков по 15 рублей за час, не может получить такового диплома. Жалуются на недостаток преподавателей и наставников; но никто не желает служить в этом министерстве, где заставляют работать, как каторжников, а все сколько-нибудь способные люди стараются попасть в учреждения императрицы или в военные учебные заведения. Общество было недовольно тем, что князь Ливен получил недавно орден, в то время как никто в министерстве не удостоился награждения.

Литература, — как говорят, — находится в довольно печальном положении. Министр не знает ни одного литератора, и ни одному из них он не сказал любезного слова. Общество его состоит из нескольких ханжей[1]), пользующихся дурной славой в глазах общества.

Надзор внимательно наблюдал за молодыми людьми, метившими в политические реформаторы и желавшими издавать с этой целью газеты. Добытые надзором в этом отношении данные в большинстве случаев подтвердились. Среди газетных писак Москвы есть еще много дряни, но некоторые репрессии, будучи своевременно применены, принесли значительную пользу.

Вообще литераторы стремятся превозносить царствование императрицы Екатерины и первые годы царствования императора Александра — как эпоху, когда к писателям относились с уважением, ухаживали за ними и награждали их. Во всех европейских государствах, — говорят они, — самые видные литераторы и артисты пользуются, по собственной инициативе государей, некоторыми щедротами со стороны правительства и наградами. Очень многие считают, что государю-императору следовало бы время от времени проявлять свое благоволение к тому или другому из наиболее выдающихся писателей. Оказанное государем Академии художеств [2]) особое покрови-

---

нар. просв.), Сиверс, Шторх, и. д. попечителя Харьк. унив-та Петровский, фл.-ад. Перовский и гр. Строганов. Комитет должен был проверить уставы всех учебных заведений как казенных, так и частных, точно определить их программы и учебные пособия. Комитет выработал новый устав средних и низших учебных заведений, утв. 8 декабря 1828 г. Согласно этому уставу, приходские училища предназначались для «лиц низших состояний», уездные училища — для горожан, гимназии — только для дворян и чиновников; при гимназиях учреждались дворянские «благородные пансионы».

[1]) Гг. Пезаровиус, Адеркас и т. д. (Примечание в подлиннике.) Пезаровиус, повид., Пав. Павл. (1776—1847), основатель и редактор газеты «Русский инвалид»; Адеркас, повид., Эмм. Богд. (1782—1859), член Гл. правления училищ, псковский губернатор.

[2]) Бенкендорф имеет в виду, вероятно, переход Академии художеств в ведение министерства двора согласно именному высоч. указу 9 февраля 1829 г.

тельство принесло огромную пользу и дало новый толчок деятельности художников, которые благословляют монарха. Покровительство, оказанное Ботаническому саду [1]) и такому выдающемуся ученому, как Фишер, произвело также наилучшее впечатление и было встречено с большим удовлетворением.

V. О министерстве внешних сношений.

Общество, особенно средние классы, в массе странным образом предубеждены против графа Нессельроде. Его всегда подозревают в тайной приверженности венскому кабинету и в предосудительной близости с Меттернихом и Лебцельтерном [2]); ему ставят также в упрек исключительное покровительство, которое он, якобы, оказывает гг. Лавалю и Радофиникину [3]), двум лицам, сугубо непопулярным в обществе. Утверждают, что г-жа Нессельроде [4]) имеет слишком большое влияние на своего супруга и даже на ход дел, что в ведомство проникла система покровительства родственникам и что слишком заметное влияние некоторых иностранных посланников может причинить вред в смысле нарушения государственных тайн. Но, с другой стороны, слава, которую принес торжествующей России Адрианопольский мир, относится, естественно, к министерству внешних сношений, трудная работа коего, особенно перед и во время ряда наших побед, увенчалась заметным успехом. Русскую политику нельзя упрекнуть в том, что она оставила существовать подобие Оттоманской империи в то время, как она имела возможность безнаказанно отважиться на все, так как неспособный нарушить свою клятву император дал слово Европе не тревожить ее победами и сдержал свое обещание, проявив при этом столько же умеренности, сколько и осторожности и великодушия. Министерство внешних сношений, на которое было возложено приведение в исполнение его намерений, свято их выполнило.

---

[1]) Здесь имеется в виду, вероятно, передача Ботанического сада в Петербурге из министерства внутр. дел в ведение министерства двора, сопровождавшаяся увеличением ассигнований на содержание сада. Ф. Б. Фишер (1782—1854), ботаник, член Академии наук, — директор Ботанического сада с 1823 до 1850 г.

[2]) Лебцельтерн, Л., граф, австрийский посол при русском дворе.

[3]) Радофиникин, К. К. (1760—1838), директор азиатского деп. мин. иностр. дел.

[4]) Нессельроде, М. Д. (1786—1849), статс-дама, жена министра иностр. дел гр. К. В. Нессельроде.

VI. О военном министерстве.

Граф Чернышев пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти (bête noire) публики, всех классов без исключения. Его вообще боятся и ненавидят; его обвиняют даже в том, что он в своих докладах обманывает государя ложными донесениями, стремясь приписать себе чужие заслуги [1]), и искренно сожалеют о графе Дибиче, возвращения которого ждут с нетерпением. Надо однако сознаться, что, благодаря ежедневному наблюдению со стороны императора, военной субординации и обилию средств набирать умных и деятельных должностных лиц, работа в этом министерстве ведется лучше, чем в большинстве других органов власти. Дисциплина там требуется безусловно, особенно в канцелярии главного штаба. В отделах снабжения и обмундирования армии дело обстоит иначе: там мы часто видим злоупотребления. Начальник отдела обмундирования проявил особую строгость, против которой возмущались его подчиненные и на которую жалуются также поставщики и другие имеющие с ним сношения лица.

VII. О главном управлении водных и сухопутных сообщений.

Все единодушно сходятся на том, что управление этой отраслью государственного хозяйства находится в самом скверном состоянии [2]). Лихоимство и взяточничество — там обычное явление, а отчетность — в хаотическом состоянии. Герцога [3]) обманывают на каждом шагу и занимают мелкими работами и крупными проектами. Институт [4]) или, вернее, школа, также в упадке. Надзор не раз указывал на дурное поведение учеников; они чрезвычайно распущены и насмехаются над своим инспектором — Резимоном [5]), человеком, в полном смысле этого слова, — ничтожным, корыстным и алчным. Молодые люди его постоянно поносят.

---

[1]) Слова: «Граф Чернышев.... чужие заслуги» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута на поле карандашом.

[3]) Герцог Александр Вюртембергский (1771—1833), брат имп. Марии Федоровны, главноуправляющий ведомства путей сообщений и публичных зданий (с 1822 г.).

[4]) Институт корпуса инженеров путей сообщений, учрежденный в 1810 г.; в 1829 г. к институту было присоединено военно-строительное училище.

[5]) Резимон И. С. (ум. в 1844 г.), ген.-м., пом. директора института корпуса инженеров путей сообщений (1826—1836).

По этому поводу обычно указывают на другие военные учебные заведения, которые, благодаря отеческим попечениям государя-императора, чрезвычайно улучшились сравнительно с тем, какими они были. Все родители жаждут поместить в них своих детей, чего не было несколько лет тому назад [1]).

VIII. О морском ведомстве.

Общественное мнение никогда не относилось сочувственно к г-ну Моллеру [2]). Говорят даже, что он часто обманывает государя, показывая экономию по сметам, которые он сам произвольно составляет и в которых перетасовывает суммы и служащих по своему желанию, чтобы усугубить значение своих заслуг. Флотские офицеры много говорят о неосмотрительности, с которой строятся суда. Они говорят также, что часто испытывается недостаток в плотниках, потому что те, которых, якобы, нанимают, служат только для обогащения строителей, так как последние получают за них с поставщиков чистыми деньгами по числу людей. Государь-император остался очень доволен сооружением больших стопушечных судов, а между тем моряки утверждают, что корабли построены плохо, без соблюдения правильных размеров, но никто не осмеливается сказать об этом государю, после того как г. Исаков [3]) был за это награжден. Кронштадтские строители, сооружающие суда и исправляющие их недостатки, наиболее заслуживают наград, и, к несчастию, ими-то более всего и пренебрегают. Моряки жалуются еще на то, что от них требуют, по их выражению, «*пехотной выправки*»; они говорят, что на это у них нет времени и что подобная выправка не соответствует роду их службы. Среди моряков идут пересуды по поводу дела Грейга [4]), которого вообще считают отличным офицером, но говорят, что дела у него велись не совсем правильно и отчетность не в порядке. — Впрочем, все без исключения моряки гордятся особым личным вниманием государя-императора к их ведомству; они говорят, что за последнее время улучшения в морском деле вводились в гигантском масштабе; существовавшее прежде подобие флота, благодаря особой заботливости государя, представляет в настоящий момент внушительную силу.

---

[1]) Слова: «По этому поводу.... назад» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута в подлиннике карандашом. Моллер, А. В. (1764—1848), морской министр.

[3]) Исаков Г. С. (1772—184?), ген.-м., корабельный мастер.

[4]) Грейг А. С. (1775—1845), адмирал, гл. командир Черноморского флота, в 1830 г. председательствовал в комитете улучшений по флоту.

IX. О государственном контроле [1]).

Общественное мнение неблагоприятно этой части государственного управления, и надзор имел не раз случай указывать на имевшиеся в этой области отступления от законного порядка. Любимец начальника [2]) г. Карнеев [3]) ввел туда несколько лиц, которые нажились на питейных сборах, на вине. Утверждают открыто, что в контроле все продажно и что министр финансов является там полным хозяином. Впрочем, общество слишком мало интересуется этой отраслью управления, для того чтобы придавать ей большое значение.

X. О почтовом ведомстве [4]).

В высшей степени важная, благодаря имеющимся в ее распоряжении средствам незримо видеть все, эта отрасль управления приобретает большое значение в руках начальника [5]), пользующегося влиянием и стремящегося побудить своих подчиненных к деятельности. В обществе довольно распространено мнение, что, из профессионального соревнования, начальник почтового ведомства не может питать расположения к надзору и помогать ему. По секрету рассказывают друг другу, что, кроме общеизвестного средства — вскрывать письма в целях осведомления, прибегают к многим другим способам. Под предлогом личных или служебных дел чиновники путешествуют за границей; им предоставляют извлекать выгоды, оказывая услуги купцам, дабы наблюдать при этом за поведением последних. Устроенными в разных частях города конторами для приема писем легко доставляются списки адресов и информации, так что это ведомство всегда лучше

---

[1]) Заголовок и начало первой фразы отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) 28 января 1811 г. было учреждено главное управление ревизии государственных счетов, с государственным контролером во главе, разделявшееся на два департамента: 1) ревизии счетов по гражд. части и 2) ревизии счетов по военной части. В 1836 г. это учреждение было переименовано в государственный контроль и разделено на три департамента: 1) гражданских, 2) военных и 3) морских отчетов. Ревизия госуд. контроля носила чисто внешний характер, сводясь к подсчитыванию и сличению цифровых данных генеральных отчетов, представлявшихся министерствами. С 1827 г. до 1854 г. государственным контролером был А. З. Хитрово (1776—1854).

[3]) Корнеев (Карнеев) А. А., вице-дир. департамента разн. податей и сборов; позже директор канцелярии госуд. контроля.

[4]) Заголовок и начало первой фразы отчеркнуты на полях карандашом.

[5]) Голицын А. Н., кн., б. министр дух. дел и нар. просв., главноначальствующий над почтовым департаментом; эта должность давала ему право присутствовать в Комитете Министров.

осведомлено, чем полиция, поскольку идет речь о наведении справок. При таких средствах и том влиянии, каким пользуется его начальник, ничего нет удивительного в том, что ведомство действует уверенно.

XI. О жандармерии.

Институт этот при его учреждении внес вообще смятение в настроение общества [1]), но в настоящий момент, благодаря спокойной и осторожной деятельности жандармерии и довольно удачному выбору людей, общественное мнение по отношению к ней почти единодушно настроено благоприятно. Против нее ополчаются только служащие-взяточники. Общество, может быть, слишком требовательно по отношению к жандармерии, воображая, что последняя может уничтожить все злоупотребления, все несправедливости, тогда как в ее власти только указывать на них. Возможно, что жандармерия могла бы приносить еще бо́льшую пользу, если бы не встречала столько противодействия и недоброжелательства со стороны местных властей [2]). Вот что думают о жандармерии некоторые влиятельные лица. Приводим их буквальный отзыв: «*Жандармерия сделалась народным врачом моральным. К ней каждый прибегает в своем недуге и отчаянии, а если б другие начальства не вредили ей противодействием, то она бы более еще приносила пользы. Против жандармерии — одни злоупотребители и знать. Но злоупотребители должны молчать, а знать не имеет никакого влияния в большой публике*» [3]).

XII. О войске.

Настроение в войске вполне хорошее и почти не оставляет желать ничего лучшего. Иногда — то тут, то там — слышатся жалобы на то, что гвардию слишком заметно отличают; впрочем, армейские офицеры обычно поддаются настроению, господствующему в той местности, в которой они расквартированы. Среди молодых военных сильнее чувствуется потребность в чтении; некоторые из них жалуются, что им вообще уделяется слишком мало внимания.

Обозрев таким образом общественное мнение в его разнообразных проявлениях и изменениях, мы берем на себя смелость утверждать, что, в общем, настроение умов превосходно. Народ и общество вообще искренно привязаны к государю-императору и с каждым днем все более и более ценят его выдающиеся качества, служащие залогом

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.

их процветания; они ждут от него спасительных перемен и благодетельного законодательства, благодаря которым самый могущественный народ станет также и самым счастливым [1]).

Картина общественного мнения в 1830 г.

В делах надзора имеется, конечно, большое количество собранных за 1830 г. заметок о многих отраслях государственного управления и различных фазах общественного мнения, но, в условиях настоящего момента, когда все умы заняты исключительно происходящими в Европе крупными политическими событиями, мы считаем нужным ограничиться лишь очень кратким изложением тех основных настроений, которые волновали общество [2]).

Произведенный в начале года арест трех журналистов [3]) произвел неприятное впечатление. Высшие слои общества у нас чужды национальной литературе, но весь средний класс, молодежь, военные, даже купцы, все принимают близко к сердцу ее преуспеяния, все писатели имеют своих многочисленных сторонников, которые взирают на них, как на оракулов общественного мнения, повторяют их рассуждения и усваивают их мировоззрение. Поэтому кара, которую понесли журналисты, вызвала неблагоприятные опасения. В то же время арест цензора в Москве [4]), как и заключение в тюрьму нескольких

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

Далее в папке следует: «Отчет за 1829-й год корпуса жандармов», на котором имеются следующие пометы (карандашом, очень неразборчиво): «Подносимо было государю-императору» и (чернилами): «Государь изволил читать». Отчет представляет собой две страницы с «ведомостями»: 1) «о состоянии разных воинских чинов к 1-му генваря 1830-го года» и «Сколько поступило дел по 1-е генваря 1830-го года». Отчет подписан г.-ад. Бенкендорфом. На следующем (чистом) листе пометы: « С п р а в к а. Ведомости, следуемые к сему отчету, находятся в особой папке». Далее следует печатаемая ниже «Картина общественного мнения в 1830 году».

[2]) Следующие три абзаца отчеркнуты на полях резкими (местами двойными) чертами карандашом.

[3]) В первом номере «Славянина», изд. А. Ф. Воейковым, в 1830 г. было напечатано сатирическое стихотворение кн. П. А. Вяземского «Цензор», содержавшее намек на ханжу кн. А. Н. Голицына; за опубликование этого стихотворения Воейков был посажен Бенкендорфом на гауптвахту. 30 января 1830 г. были арестованы на сутки Греч и Булгарин, издатели «Северной пчелы», за напечатание в последней очень грубых статей, направленных против Н. Загоскина, автора только что вышедшего в свет исторического романа «Юрий Милославский», очень понравившегося Николаю I. Булгарин, впрочем, был скоро утешен: в феврале вышел его роман «Дмитрий Самозванец», за который он получил от Николая бриллиантовый перстень.

[4]) В Москве был арестован цензор С. Н. Глинка, разрешивший к печати в первой книжке «Московского вестника» три заметки С. Т. Аксакова, из ко-

нарушителей порядка в театре этой столицы усилили беспокойное настроение умов. Слышались нелепые речи. В Москве возбуждение было более сильно и проявлялось несколько резче. Однако неожиданный приезд государя-императора в эту столицу [1]), его доброта и его милостивое отношение ко всем понесшим наказание привлекли к нему все сердца и сгладили неблагоприятное впечатление. Все было приписано окружающим государя-императора и, в конце концов, забыто. Провинившиеся в Петербурге ждали, что и тут все будет также сглажено, но ожидания их оказались напрасны; они отнесли свое несчастие на счет сильной и покровительствуемой партии, вслед за чем все также было предано забвению.

Общество очень веселилось во время празднеств и всевозможных развлечений на масленице 1830 г.; все круги только этим и занимались, и все устраивалось в честь государя-императора и императрицы. Присутствие августейших гостей на публичных маскарадах в доме Энгельгардта [2]), их любезность и приветливость приводили всех в восторг, убеждая всех в том, что государь не сторонится своего народа. Даже некоторые недовольные были этим поражены и искренне примирились с монархом.

Отъезд государя в Варшаву на открытие сейма [3]) произвел приятное впечатление на средние классы. В Варшаве все были в восторге и надеялись, что император возьмет, наконец, бразды правления в свои руки и устранит ненавистное влияние Новосильцева и его

торых в одной осмеивался какой-то министр, дававший рекомендацию чиновнику. Глинка был в 1830 г. арестован еще раз за стихи в альманахе «Денница», в которых было усмотрено противоправительственное направление.

[1]) Николай приезжал в Москву неожиданно после осмотра новгородских военных поселений и пробыл в ней с 7 по 12 марта 1830 г., посещая учреждения, учебные заведения, войска, принимая представлявшихся ему высших чиновников и дворянство; 8-го ему представлялась депутация московского почетного купечества. 11-го он посетил выставку произведений московской промышленности, экспромтом устроенную по его личному желанию (хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные изделия, хрусталь, бронза, стальные изделия и т. д). Осмотрев выставку, Николай сказал: «Стоило приехать в Москву для того только, чтобы видеть это изображение нашей промышленности». (Н. К. Шильдер. Имп. Николай Первый, т. II, стр. 569.)

[2]) Энгельгардт В. В. (1785—1837), полк. в отст., крупный богач, славившийся в Петербурге своими «лукулловскими» обедами и балами-маскарадами.

[3]) Польский сейм в последний раз собирался еще при Александре I в 1825 г. После своего коронования польским королем Николай, подчеркивая свое «рыцарское» отношение к данной им присяге польской конституции, назначил созыв сейма в 1830 г. Сейм был открыт 16 мая тронной речью Николая и заседал месяц, по 16 июня. На обсуждение его были предложены малозначительные законопроекты о постановке памятника Александру I, о продолжении работ по изданию гражданского кодекса, о разводе и др. Законопроект о разводе, которому лично

клики. Надежды эти однако не оправдались. Благодаря великому князю, несколько лиц, бывших на плохом счету у поляков и холодно относившихся к тем, кто осмеливался выказывать свою приверженность к государю, получили награды. Поляки явно проявляли свое разочарование и внушили жителям наших польских провинций убеждение в том, что государь-император имеет против них зуб.

Единственная выгода, которую надзор извлек из этого путешествия, это — приобретение весьма точных данных касательно общего положения этих местностей. В его делах собраны доставлявшиеся ему докладные записки касательно злоупотреблений и отдельных личностей, могущие со временем, в случае реорганизации края, принести большую пользу. Большинство жалоб нашло в них свое отражение, и все, что в этом отношении могло бы быть опубликовано оппозиционной администрацией, уже не могло бы дать чего-либо нового.

Надо заметить, что уже в то время среди самих русских слышались рассуждения в пользу поляков [1]). Мы приводим эти суждения в том виде, в каком они сохранились в наших записях: «*Одно из двух — или исполнять конституцию, или сделать перемену по времени, или вовсе уничтожить, но не должно нарушать ее*».

Многие высказывали удивление по поводу того, что государь не желает отозвать Новосильцева, который, являясь предметом ненависти всей Польши, не менее презираем и в России, — продажность его всем известна. Многие, конечно, понимали деликатность государя и затруднительность его положения, но массы не рассуждают.

Известие о беспорядках в Севастополе [2]) вызвало большое огорчение; официальное сообщение об этом происшествии принесло однако большую пользу, укрепив доверие к правительству. Все восхваляли доказательство откровенности правительства. Но позднее ему ставили в упрек то, что оно не обнародовало также и конца этого дела. Явилось

Николай придавал большое значение, был провален в сейме 92 голосами против 21. Сессия сейма не удовлетворила поляков, стремившихся к обсуждению вопросов о взаимоотношениях их с Россией, о деспотизме в. к. Константина Павловича и др. Тем не менее дело обошлось с внешней стороны благополучно. 21 мая Николай уехал из Варшавы в Петербург. Через полгода, 17 (29) ноября, в Варшаве вспыхнуло восстание, которое Николаю удалось подавить только в сентябре 1831 г.

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) В мае 1830 г. в Севастополе произошли беспорядки среди матросов и жителей Корабельной слободы, недовольных строгими карантинными мерами, предпринятыми для предупреждения занесения чумы из Турции, и протестовавших против намеченного переселения их в другое место. Во время беспорядков были убиты врем. севастопольский военный губернатор ген.-лейт. Н. А. Столыпин, полк. Воробьев и несколько чиновников. Особая следственная комиссия привлекла к ответственности 980 чел.; 7 человек из них были расстреляны.

подозрение, что, может быть, само правительство было косвенно причиной всего. Говорили о голоде и о местных злоупотреблениях, карантинных притеснениях и т. д. Государя однако оправдывали, а обвиняли крупных чиновников, старающихся всегда скрыть как свои собственные ошибки, так и злоупотребления своих подчиненных [1]).

Появление в Астраханской губернии холеры [2]) и быстрота), с которой эпидемия распространялась во внутренних губерниях, преисполнили всех ужасом и вызвали упреки по адресу министров. На них сыпались нападки, и правительство подвергалось осуждению за то, что дело управления поручается людям, которых общество считает неспособными. Говорили о том, что не было принято надлежащих мер для предотвращения бедствия, возмущались злоупотреблениями со стороны чиновников и упрекали правительство за недостаток врачей. По этому поводу фрондирующие поспешили возобновить свой обычный гвалт на тему о медлительности, с которой принимаются необходимые меры.

Известие о появлении холеры в Москве еще более усилило страх и волнение; слышался открытый ропот на правительство. Но государь сразу положил конец всему этому шуму и привлек к себе все сердца, и внимание всех сосредоточилось исключительно на его особе. Поездка государя в Москву были признана всеми, даже самыми закоренелыми фрондирующими, достойным восхищения геройством. Это великодушное самоотвержение монарха — следствие его любви к народу — и принятые полицией, согласно личным распоряжениям императора, санитарные меры способствовали успокоению умов, вселив уверенность, что он один уберег Петербург от заразы [3]).

Посылка графа Закревского в принципе не одобрялась; общество к нему не питало доверия, а партия Голицына старалась поддерживать

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) В 1829 г. была занесена из Бухары и Хивы холера в Оренбург, откуда она в 1830 г. проникла на Кавказ и в Астрахань, а оттуда с чрезвычайной быстротой распространилась по Волге, дойдя до Москвы (конец сентября) и охватив почти всю Европ. Россию; после зимнего затишья эпидемия вновь вспыхнула в 1831 г. везде, кроме Сибири, и появилась в Петербурге. Общее число жертв холеры исчислялось до 100 000 чел. Неумелые и грубые действия властей в борьбе с эпидемией вызывали озлобление населения; в ряде местностей произошли так назыв. холерные бунты (особенно крупные в Петербурге на Сенной площади 22 июня 1831 г., в новгородских военных поселениях и др.). Отставка министра внутр. дел Закревского в 1831 г. была результатом его неумения справиться с распространением эпидемии. В связи с появлением холеры в Москве и опасностью возникновения там народных волнений Николай приезжал туда в конце сентября 1830 г. и пробыл до 7 октября.

[3]) Весь этот абзац отчеркнут на полях карандашом.

это предубеждение. Но проявленная министром деятельность оправдала выбор государя и заставила вскоре общество изменить свое мнение в пользу гр. Закревского, о котором громко говорили: «*Вот его дело: исполнение полицейских мер, а не управление министерством, где нужно высокое образование, обширные познания и соображения*».

Холера до сих пор держит всех в состоянии мучительной неизвестности. Боятся, чтобы передвижения войск не способствовали распространению эпидемии дальше по Европе и чтобы крупные политические европейские события не отвлекли внимания государя и не ослабили спасительной энергии, которую он проявил в деле борьбы с бичом заразы.

Каждый раз, как умы приходят в волнение, возобновляются упреки по поводу плохого отправления правосудия, продажности чиновников и деспотизма министров. При этом настроении первый арест Геже-линского очень благотворно подействовал на друзей порядка, желавших, чтобы он был предан суду [1]). Но как только он был выпущен и опять занял свое место, возобновилась усиленная критика: одни кричали, что он был лишен свободы без суда, другие выражали неудовольствие тем, что столь очевидный взяточник был оправдан, в то время как мелкие, в тысячу раз менее виновные, чиновники теряют свои места по одному подозрению. Последний его арест вызвал много толков. Все им очень довольны и желают, чтобы были опубликованы причины ареста, а сам виновный предан суду. Некоторые, впрочем, утверждают, что он опять вернется к своему посту. Они уверяют, что он пользуется слишком сильным покровительством со стороны министров и, особенно, графа Кочубея, что у него слишком много соучастников среди директоров различных департаментов для того, чтобы он опять не всплыл на поверхность.

Путешествие государя-императора в Финляндию [2]) не произвело у нас никакого впечатления, потому что русские совершенно не интересуются этим отдаленным краем, не имеющим никаких сношений с Россией. Но пришедшее почти в то же время известие о революции в Париже [3]) взволновало всех и направило все мысли на политику.

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом. — Путешествие Николая в Финляндию, совместно с А. Х. Бенкендорфом, продолжалось с 30 июля по 4 августа; были осмотрены войска, укрепления, госпитали, военные суда в Выборге, Фридрихсгаме, Свеаборге и Гельсингфорсе. Начавшаяся революция во Франции заставила царя торопиться с возвращением в Петербург, куда он прибыл в ночь на 5 августа 1830 г.

[3]) Июльская революция в Париже, свергнувшая Карла X, ликвидировавшего конституционную хартию и опиравшегося на землевладельческую аристократию и иезуитов, вызвала крайнее бешенство Николая и, в качестве защитника

Почти всякому грамотному было известно, что Франция в последнее время управлялась мистиками и иезуитами. Чувство ненависти к иезуитам присуще всем русским, и оно постоянно возбуждается историческими воспоминаниями и традициями; за последнее время у нас пробудилось также отвращение к мистикам и всяким сектантам. Вследствие этого большая часть общества встретила известие о падении правительства Карла X с некоторым удовлетворением [1]). В то же время либералы и конституционисты с восторгом увидели перед собой обширное поле для распространения своих пагубных доктрин. Молодежь, оказывающая некоторое влияние на гвардейских офицеров и на безрассудных людей из средних классов, громко торжествовала, пила за здоровье Луи-Филиппа, которого они чествуют под именем *Леонтия Васильевича*, дабы непосвященные не могли их понять; она также напыщенно рассуждала по поводу событий, выражая пожелание, чтобы революция обошла весь мир. Надзор старался следить за всеми этими собраниями и заметить главных говорунов; но, ввиду того, что все ограничивалось простой болтовней, ему не пришлось отметить ни одного сколько-нибудь достойного внимания факта. Главные болтуны принадлежали к высшему обществу. В средних классах, т. е. среди мелкого дворянства и купцов, особенно в провинции, Парижская революция не произвела особого впечатления. Самые смелые речи, которые приходилось отмечать, сводятся к следующему: «*Вот каково угнетать, вот каково не исполнять законов, вот каково слушать мистиков и сектаторов*!» Делали некоторое сопоставление Парижской революции с 14 декабря у нас и говорили: «И у нас Аракчеев [2]) да мистики взбесили народ и заставили молодых людей взбунтоваться» [3]). Но ни среди дворянства, ни среди купцов в провинции не было замечено каких-либо пагубных идей. Там слышатся только время от времени жалобы на администрацию.

легитимизма, он решил, было, прервать сношения с Францией и организовать международное вмешательство в ее дела. Однако он не смог выполнить этого своего намерения и вынужден был признать законным королем возведенного на трон либеральной буржуазией Луи-Филиппа. Испуганное революцией, правительство Николая строжайше воспретило газетам и журналам печатать что-либо о событиях во Франции. Только в «Северной пчеле» появилась перепечатка из «Journal de St.-Pétersbourg» составленной в министерстве иностр. дел и одобренной III отделением подтасованной информации об обстоятельствах перехода королевской власти от Карла X к Луи-Филиппу.

[1]) Далее от слов: «В то же время либералы» до слов: «*Вот каково угнетать...*» на полях резкая черта карандашом.

[2]) Аракчеев А. А., граф (1768—1836), ген.-от-инф., фаворит Александра I.

[3]) Против этой фразы на полях поставлены карандашом знак нотабене и черта.

До сих пор распространение эпидемии, произведенные ею опустошения в Москве и опасность и страх, царившие в Петербурге, поглощали все другое, и все только и говорили, что о холере. При этом принятые правительством для спасения Петербурга мудрые и энергичные меры рассеивали старательно поддерживавшееся либералами недовольство и внушили доверие. Одним словом, холера, несмотря на свои несчастные последствия, благотворно отразилась на общественном мнении, так как она отвлекла умы от политических дел и предоставила государю случай выявить свою любовь к народу и свои заботы об общем благе [1]).

Наконец, революция [2]) в Варшаве пробудила все временно заглохшие споры и возбудила самые разнообразные чувства в разных слоях населения. Большинство становилось на сторону русских патриотов, которые жаждут не только пролития крови, но и истребления части польской нации и полнейшего порабощения последней. Принадлежащие к этой партии военные были в восторге от слов, с которыми к ним обратился монарх [3]), но партия либералов защищала поляков под тем условием, чтобы они не смели нападать на нашу границу или просить об отдаче им наших провинций. Некоторые молодые

---

[1]) Эта фраза дважды отчеркнута на полях карандашом, и против нее поставлен знак нотабене.

[2]) Национально-революционное восстание поляков за свою политическую независимость от России и за возвращение Польше отторгнутых от нее при разделах литовских провинций началось вооруженным мятежом в Варшаве в ночь на 17 (29) ноября 1830 г. Едва спасшийся от плена вел. кн. Константин Павлович вынужден был оставить с русскими войсками польскую столицу. Польская аристократия и крупная буржуазия предполагали добиться от Николая желательных им уступок путем переговоров, однако в Варшаве все более усиливалось революционное направление (Мохницкий, Брониковский, Лелевель и др.), которое, надеясь отчасти на помощь революционной Франции, стояло за немедленный и полный разрыв с Россией. 23 ноября было избрано временное правительство под председ. кн. Ад. Чарторижского, назначившее ген. И. Хлопицкого диктатором. Хлопицкий отправил к Николаю депутацию в составе польского министра финансов Любицкого и гр. Езерского, которая должна была требовать у Николая сохранения конституции и присоединения б.б. польских областей к Польше. Депутация не имела успеха в Петербурге. Николай готовился к вооруженному подавлению восстания. 1 декабря ген. Дибич был назначен командующим армией против поляков. 5 декабря было выпущено воззвание к народу и войскам Польши, а 12 декабря — манифест, в которых восставшим обещалось прощение под условием прекращения мятежа и отпуска пленных. В течение декабря происходило сосредоточение русских войск у польской границы, и 13 января ген. Дибич вступил с главными силами в Польшу. В этот же день польский сейм провозгласил Романовых лишенными польского престола.

[3]) Вся эта фраза отчеркнута на полях карандашом. — Автор отчета имеет в виду, вероятно, патриотическую сцену, происшедшую 26 ноября в манеже во

дипломаты и несколько учащихся из французов приняли сторону оппозиции исключительно из желания досадить правительству. Мы были очень удивлены, слыша из уст русских речи, достойные самых экзальтированных поляков. Рассуждения эти основывались обычно на нарушении конституции, как было и во Франции. Нам пришлось даже встречать сумасшедших, утверждавших, что Польша в данный момент находится в таком же положении, в каком находилась Россия во времена Владислава [1]), и что памятник Пожарскому и Минину воздвигнут в честь подвигов, подобных тем, которые теперь ставятся в упрек полякам [2]). Следует, впрочем, заметить, что подобные рассуждения диаметрально противоположны чувствам массы, и, будучи развиваемы некоторыми безумцами из высших сфер, они могут произвести впечатление только на неуравновешенные головы каких-нибудь скверных либералов.

В тот момент, когда мы воспроизводим эту картину, настроение общества несколько успокоилось и устоялось, что дает нам возможность отметить три господствующих мнения:

Первое мнение — неумолимых русских патриотов, желающих суворовской резни, уничтожения конституции, разделения королевства на русские провинции и раздачи имений участников восстания и старостств генералам и другим русским чиновникам. Второе мнение — умеренных, имеющее многочисленных сторонников, особенно в Петербурге, жители которого более европейцы, чем русские; это мнение высказывается за водворение мира. Эта партия рассуждает так: холера свирепствует в России, армия понесла большие потери во время последних турецких кампаний, наборы представляют большие затруднения, налоги поступают туго, поэтому было бы лучше избежать войны. Наконец, третье мнение — мнение либералов, людей, пропитанных политическими принципами на французский манер; эти желают или войны, предполагая, что она вскоре станет европейской и что конституционная Франция одержит победу и возмутит все народы в Европе, или — мира при условии восстановления конституции в Польше, не из любви к этой стране, а из любви к консти-

---

время развода от 3-го бат. Преображенского полка. После развода Николай сообщил офицерам полученное им накануне сообщение о восстании в Варшаве и затем сказал, что, двинув уже войска к Варшаве, он надеется, что «если будет нужно, то пойдете и вы, моя гвардия, пойдете наказать изменников» и т. д. «Верноподданное» офицерство устроило Николаю восторженную овацию.

[1]) Владислав (1595—1648), королевич польский; избранный боярами на русский престол в 1610 г. в эпоху так назыв. «смутного времени», он отказался от претензий на него лишь в 1634 г.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

туции. Это самая скверная партия, потому что она грозит заразить общество.

Согласно правдивым информациям настроение на местах в польских провинциях тревожное, но хорошее.

Все испытывают страх и опасения за будущее. Все с удовольствием и нетерпением ждут возвращения прежней русской администрации, под управлением которой провинции эти были настолько же счастливы, насколько несчастными они оказались потом. Жители там только и говорят, что о губернаторах, как Ланской [1]), Лавинский [2]), Щербинин [3]) и т. д. [4]).

Дав этот краткий обзор развития общественного мнения по вопросам политики, надзор считает долгом упомянуть о крайне важном предмете, а именно распространении у нас либерализма и особенно о все возрастающей склонности к переменам и новшествам.

Среди молодых людей, воспитанных за границей или иностранцами в России, а также воспитанников лицея и пансиона при Московском университете и среди некоторых безбородых лихоимцев и других праздных субъектов, мы встречаем многих пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России. Среди этих молодых людей, связанных узами дружбы, родства и общих чувств, образовались три партии, одна в Москве и две в Петербурге. Цель их — распространение либеральных идей; они стремятся овладеть общественным мнением и вступить в связь с военной молодежью. В последнем отношении так называемые политические училища, — как инженерные, артиллерийские и особенно путей сообщения, где офицеры жалуются на то, что с ними обращаются как со школьниками, — способствуют пополнению их рядов, так же как и унтер-офицерская школа, представляющая богатую почву для их эксплоатации. Люди, в этом отношении осведомленные, признают эти училища очень вредными, потому что нет ничего легче, как заронить в подобное учреждение пагубные горящие головни.

Из двух выше упомянутых партий одна в Москве и одна в Петербурге находятся вполне под влиянием нескольких литераторов, стремящихся во что бы то ни стало овладеть общественным мнением. Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал» (Занда), «Ода на вольность» и т. д. и т. д., переписываются

---

[1]) Ланской В. С. (1762—1831), гродненский губернатор (1803—1809).

[2]) Лавинский А. С., виленский губернатор (1812—1816).

[3]) Щербинин С. А., правитель Белостокской области в 1811—1816 гг.

[4]) Следующие ниже шесть абзацев отчеркнуты на полях резкой чертой карандашом.

и раздаются направо и налево. Приверженцы этих партий выдают за своего покровителя г. Жуковского [1]), который, по их словам, дружен с г.г. Блудовым [2]) и Дашковым и пользуется особым покровительством е. в. императрицы. Они уверяют, что знатные особы и видные чиновники ищут его поддержки, что он находится в дружеских отношениях со всеми придворными дамами, выбирает среди детей товарищей игр для наследника. Вот почему ищущие мест и протекций молодые люди примыкают к этой партии. Некоторые члены этих партий [3]) присоединились к парижским революционерам.

Третья партия состоит из нескольких безбородых дипломатов и других бездельничающих молодых людей из высшего общества и нескольких гвардейских офицеров. Эта третья партия сочувствует двум первым и имеет среди своих членов лиц с плохой репутацией.

Эти три партии энергично работают, стремясь парализовать намерения правительства и, особенно, распространение монархических идей; они стараются распустить ложные и тревожные слухи, искажают и известным образом окрашивают не только действия, но и характер государя. Они считают, что приобретают влияние на общественное мнение, проповедуя недоверие и страх за будущее и рисуя монарха деспотом, не уважающим ни законы, ни личную неприкосновенность.

Стечение печальных обстоятельств: эпидемия, плохой урожай, застой в торговле, бедность, революция — все эти бедствия создали всеобщее тяжелое настроение, которым пользуются злонамеренные люди и интриганы для того, чтобы посеять сомнения относительно будущего и предсказывать репрессии. Несколько справедливых репрессий, имевших место в последнее время в литературном мире, яростно подчеркиваются. Государь обращает на это слишком много внимания,— говорят умеренные, — между тем как либералы очень этому рады и дают чувствовать, что это они в своих целях вызывают, при содей-

---

[1]) Жуковский В. А. (1783—1852), поэт, воспитатель наследника престола, вел. кн. Александра Николаевича; был с Бенкендорфом в неприязненных отношениях.

[2]) Блудов Д. Н. (1785—1864), личный друг Карамзина, Жуковского и др. писателей; видный член «Арзамаса»; в 1826 г. был назначен тов. министра нар. просвещения; в 1830 г. несколько месяцев (в отсутствие Дашкова) управлял мин. юстиции; впоследствии председатель Госуд. Совета и Комитета Министров.

[3]) Как Кологривов, Полторацкий и др. (Примечание в подлиннике). — Кологривов, М. А. (1813—1851), сын ген.-ст-кав. А. С. Кологривова; в 1830 г. был отправлен своим опекуном Д. Н. Бегичевым с воспитателем в Париж, где принял участие в июльской революции; в том же году поступил в отряд ген. Мины, поднявшего вооруженное восстание в Испании («священный легион»). Он был заочно предан суду. Дело о нем тянулось до 1832 г., когда он получил прощение. — Полторацкий, вер., Сергей Дм. (1803—1884), библиофил, писатель.

ствии самого великого князя Михаила [1]) все эти неприятности, стремясь завлечь в оппозицию всех литераторов.

С другой стороны, обманутые в своих происках и снедаемые самолюбием интриганы стараются посеять в умах беспокойство, утверждая, что жандармерия является единственной причиной всех зол [2]). Интриганы эти составляют многочисленную партию, распространяющую тревожные слухи и фабрикующую ложные доносы. У них есть несколько сильных покровителей, и они с невероятным рвением стараются вредить всему, что имеет отношение к надзору. Убежденное в противном, общество совершенно не верит этим инсинуациям, но все же испытывает некоторое беспокойство, и есть благонамеренные люди, которые, во избежание оскорблений со стороны интриганов, покинули жандармерию и боятся оказывать ей услуги [3]).

Партия мистиков усиленно старалась воздействовать на легковерных. Знаменитая речь митрополита Филарета [4]) по поводу появления холеры в Москве возмутила всех, а сектанты ей втайне радовались. Некоторые из них даже старались завлечь в свои сети литераторов, используя покровительство в качестве приманки. У этой партии много приверженцев в городах среди дворянства, чиновников и монахов, почему они и поддерживают сношения с некоторыми раскольничьими сектами. Весьма возможно, что найденные во многих местах империи афиши и плакаты с призывами к восстанию исходят из этого источника. Главной доктриной большинства сект в той или другой форме было всегда равенство согласно евангельскому слову. Это было доказано при раскрытии тайн секты мартинистов или Новикова [5]), имеющей еще приверженцев как в Москве, так и в Петербурге.

Следует прибавить, что донесения из провинции очень утешительны. Настроение там благоприятно правительству и, особенно, государю и вообще превосходно [6]). Происходившие в некоторых местах частичные беспорядки по поводу санитарных мер почти всегда были вызваны пороками администрации, а еще чаще недобросовестностью

---

[1]) Михаил Павлович, вел. князь (1798—1848), младший брат Николая I.

[2]) Конец этой фразы отчеркнут на полях карандашом.

[3]) Весь следующий абзац отчеркнут на полях карандашом.

[4]) Филарет (Дроздов) (1783—1867), митрополит московский.

[5]) Новиков, Н. И. (1744—1818), виднейший деятель русского франкмасонства, основатель «Дружеского Ученого Общества», из которого выделилась в 1784 г. «Типографическая компания», издавшая множество книг частью общеобразовательного, частью мистического характера. См. записку Ф. Булгарина «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» — «Былое», 1918 г., № 1, стр. 17.

[6]) Слова: «Следует прибавить.... превосходно» отчеркнуты на полях карандашом.

местных властей. Таким образом, только обе столицы требуют столь же деятельного, сколь и длительного надзора.

Коснувшись действующих против правительства партий и отдельных лиц, надзор считает своим долгом указать также на материалы, которыми пользуются злонамеренные люди, чтобы колебать устойчивость настроения и возбуждать недоверие.

Масса недовольных слагается из следующих элементов:

1. Из так называемых русских патриотов, воображающих в своем заблуждении, что всякая форма правления может найти применение в России; они утверждают, что императорская фамилия немецкого происхождения, и мечтают о бессмысленных реформах в русском духе.

2. Из взяточников и лихоимцев, которые боятся суровых мер, направленных против их злоупотреблений.

3. Из гражданских чиновников, жалующихся на то, что их держат в черном теле, отдавая предпочтение военным и затрудняя им даже получение отличий.

4. Из литераторов и части читающей публики. Литераторы, как было уже сказано, испытывают некоторый страх перед преследованиями, а читатели жалуются на то, что мысли их подвергаются стеснению.

5. Из гвардейских офицеров, которые выражают определенное недовольство тем, что с ними, так же как и с войсками, дурно обращаются.

6. Из некоторых армейских офицеров, завидующих гвардейцам.

7. Из помещиков, которые жалуются на недостаток правосудия и недостаточное стремление изменить ход дел.

8. Из крупных коммерсантов, разделяющих мнение последних.

9. Из раскольников.

10. Из всего крепостного сословия, которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения [1]).

Но, несмотря на все это, государь-император пользуется всеобщей любовью: любят лично его, несмотря на все неудовольствия, ценят его личные качества и приписывают зло другим. При всяком новом проявлении великодушия или самоотвержения со стороны монарха все инсинуации фрондирующих стушевываются.

Надзор старался ознакомиться с мнениями многих умных и порядочных людей. Все высказывают следующее.

Никогда монарх не обладал столькими средствами привязать к себе нацию. Твердый, смелый, честный, искренний, великодушный,

---

[1]) Дальнейший текст отчеркнут на полях карандашом.

он создан для того, чтобы быть любимым, обожаемым. Преследование порока и злостности, награждение добрых, презрение к интриганам, большая строгость в соединении с кротостью, но никаких резких мер, особенно никаких придирок, которых боятся больше, чем самой тирании.

Вот что слышит надзор со всех сторон и что долг его повелевает ему повергнуть к стопам государя [1]).

Отчет о действиях корпуса жандармов за 1830 год [2]).

В течение 1830 года круг действия корпуса жандармов увеличен был значительно. Кроме прямых обязанностей г.г. генералов, штаб- и обер-офицеров жандармских, возложенных на них общим постановлением высочайше утвержденных в их руководство инструкций, кроме многочисленных поручений, обыкновенных и чрезвычайных, по части наблюдательной и следственной, высшей блюстительной полиции, они имели важные поручения и оказали существенные услуги по двум главным предметам, требующим всевозможное попечение, величайшую бдительность и осмотрительность со стороны правительства.

Сии два предмета суть: холера морбус и дух мятежа, который, пронесшись по всей Европе, раздирает ныне блаженствовавшую под благотворным скипетром вашего императорского величества Польшу и старается посевать плевелы безначалия между мирными своими соседями.

---

[1]) Далее следует «Отчет за 1830-й год корпуса жандармов». На титульном листе отчета Николаем поставлен карандашом знак рассмотрения и имеется, за подписью Дубельта, помета: «Государь изволил читать. 5 янв. 1831». Отчет представляет собой: 1) «Ведомость о состоянии разных воинских чинов к 1-му генваря 1831 года», 2) «Ведомость, сколько поступило дел по 1-е генваря 1831-го года» и 3) «Записку о действиях жандармских нижних чинов в течение 1830 года», содержащую сведения о поимке бродяг, военных дезертиров, воров, фальшивомонетчиков, о спасении утопавших и помощи по прекращению пожаров. Как «Ведомости», так и «Записка» подписаны Бенкендорфом. На «Записке» — знак рассмотрения, поставленный Николаем, и помета чернилами, за подписью Дубельта: «Государь изволил читать. 5 янв. 1831». Далее следует отчет, текст которого печатается нами ниже.

[2]) В подлиннике отчет (на русском языке) не имеет заголовка. На нем резолюция Николая карандашом следующего содержания: «Приношу мою искреннюю благодарность г.-а. Бенкендорфу за постоянные и неутомимые труды его по вверенной ему части и за то усердие, которым одушевил своих подчиненных. Предоставляю ему объявить мое удовольствие заслуживающим». Текст резолюции воспроизведен на том же листе чернилами с припиской: «С. П. Бург. 5 генваря 1831 года. Верно. Полковник Дубельт». Отчет написан каллиграфическим канцелярским почерком. Подписан г.-ад. Бенкендорфом и имеет дату: «31-го декабря 1830».

Таковые старания злонамеренных людей, коснеющих в превратном толковании священнейших прав человечества, требуют тем более бдительной осмотрительности, что на стогнах, опустошенных смертоносною болезнию, лишенных карантинными мерами всякого сообщения и промысла, легко могут приняться семена злонравия.

Посему поставлено в первую обязанность всем генералам, штаб- и обер-офицерам корпуса жандармов неусыпное наблюдение за действиями свирепствующих ныне зараз: животной и нравственной — одинаковых в своих следствиях и, в отношении к наблюдательной власти, тесно между собою сопряженных.

О физических действиях холеры морбус, о влиянии ее на гражданское состояние жителей, на торговлю и промышленность, о предохранительных и карантинных мерах, о некоторых злоупотреблениях по сей части, равно как о бесчисленных примерах самоотвержения и пожертвования собственностью, явленных верноподданными вашего императорского величества, все г.г. жандармские офицеры, кои находились в местах, где господствовала холера, и действовали с похвальным усердием, представили донесения подробные и удовлетворительные.

Особенную же благодарность по сему предмету заслуживает полковник Перфильев, который, как известно вашему императорскому величеству, отправлял должность начальника II округа во время отсутствия генерал-лейтенанта Волкова и даже по возвращении его оставался при нем в Москве для содействия во всех распоряжениях против ужасной сей напасти.

Полковник Огарев, начальник С.-Петербургского отделения, был посылан для осмотра всей карантинной линии и застав, устроенных для охранения сей столицы, и исполнил сие поручение весьма успешно, открыв некоторые беспорядки и упущения по сей части и представив весьма уважительные сведения и замечания.

По сей же части оказали отличные услуги полковник Языков, имевший, сверх того, команду над войсками в Нижнем-Новгороде, и подполковник Рутковский, употребленный киевским военным губернатором.

Полковник Маслов, назначенный в сем году управляющим V округа, не только оправдал мои ожидания, кои побудили меня просить всеподданнейше об утверждении его в сей важной должности, но еще превзошел оные. Большая часть отличных заслуг сего штаб-офицера известны вашему императорскому величеству. Ныне занят он следствием по делу о подкинутых в Муромском уезде Владимирской губернии возмутительных листках; сверх сего производятся во вверенном ему округе два важные следствия: по управлению удельными имениями

в Оренбургской губернии, возложенное на майора Базина, назначенного ныне в должность киевского полициймейстера, и по секретному сношению с г. министром финансов о смерти соляного пристава Гилля.

Невзирая на все сии занятия, полковник Маслов, движимый неутомимою ревностью, представляет множество сведений, столь же важных, как основательных, по всем частям управления в губерниях, составляющих его округ.

....По случаю мятежных переворотов в Польше учрежден новый особый округ жандармский в приобретенных от Польши губерниях, под начальством генерал-майора Лесовского, предварительные донесения коего имел я счастие представлять всеподданнейше вашему императорскому величеству. Начальниками отделений подчиняются ему штаб-офицеры, кои имеют местные о тех губерниях сведения и кои уже заслужили особенное внимание начальства. Для состояния же при главнокомандующем действующею армиею графе Дибиче-Забалканском назначен мною отличный полковник Жемчужников, коего действия получили новое оправдание следствием, произведенным в Орле по высочайшему повелению флигель-адъютантом вашего императорского величества, полковником графом Строгоновым.

К г. генерал-фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому командирован подполковник Келчевский для учреждения там секретной полиции. Сей штаб-офицер представил мне донесение об успешном своем действовании к общей цели.

В сем же году воспоследовала высочайшая вашего императорского величества воля, чтобы с сенаторами, посылаемыми для ревизии губерний, командируемы были также штаб-офицеры жандармские, и сия новая обязанность корпуса жандармов принесла уже существенную пользу.

При г. сенаторе графе Гурьеве, производившем следствие в Архангельске по делу бывшего генерал-губернатора Миницкого, находился полковник Дубельт, исправляющий ныне должность дежурного штаб-офицера корпуса жандармов.

С г.г. сенаторами Салтыковым и Огаревым находился при ревизии Рязанской губернии полковник Вульферт. При сенаторах Мертенсе и Корнилове, ревизующих Вологодскую губернию, находится подполковник Кокушкин, а при сенаторе Лаврове в Астраханской губернии находится подполковник Микулин.

Все сии г.г. сенаторы, свидетельствуя о столь же ревностном, как полезном содействии им помянутых штаб-офицеров, неоднократно благодарили меня за прикомандирование их.

Генерал-адъютант Бенкендорф.

31-го декабря 1830 г.

Соед. Штаты в эпоху гражданской войны и Россия.

В сентябре 1863 г., когда над Северо-Американским Союзом, потрясенным в глубочайших основах своих гражданской войной, нависла опасность превращения неофициальной иностранной поддержки сепаратистских стремлений в открытую интервенцию со стороны Англии и Франции, в целях разрушения государственного единства Соединенных Штатов, — произошло событие, до сих пор приковывающее к себе внимание не только историков, но и широкой публики со всею силою одного из самых ярких и, в то же время, наименее выясненных эпизодов в истории международной политики.

11 сентября русская эскадра, под командой контр-адмирала Попова, и 24 сентября другая, под командой контр-адмирала Лесовского, появились — первая в Сан-Франциско, вторая — в Нью-Йорке, — «будто бы с запечатанной инструкцией» — «оказать помощь Союзу, если Великобритания и Франция предпримут против него враждебные действия... Содержание и даже существование «запечатанных инструкций» остается сомнительным. Но в Соединенных Штатах эти посещения были приняты с радостью и благодарностью, как явное указание на то, что, по крайней мере, одна европейская держава и — именно дружественная с давних пор, готова была помогать Союзу» [1]).

Теперь представляется возможным осветить этот полулегендарный эпизод при помощи частью малоизвестных, частью неопубликованных до сих пор документов русских архивов министерства иностранных дел и морского министерства. Но необходимо предварительно охарактеризовать то международно-политическое положение, из которого выросли как эти события, так и относящиеся к ним архивно-исторические памятники.

Положение это, прежде всего, определяется господствующей позицией, занятой в начале XIX в. в мировой политике Англией, и чрезвычайно энергичной деятельностью английской дипломатии в смысле дальнейшего ослабления всех своих соперников во всех частях земного шара. После разгрома революционной Франции Наполеона I наступила очередь России. Крымская война положила конец кошмару русского преобладания на ближнем Востоке. Поспешное сближение Франции с Россией сорвало однако осуществление английской программы в том объеме, в каком ее формулировал Пальмерстон, начиная коалиционную войну против России:

«Для меня идеальная цель начинающейся войны с Россией заключается в следующем: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; немецкие бал-

[1]) Fr. L. Schumann, American Policy towards Russia since 1917, p. 19—20.

тийские провинции России передаются Пруссии; ядро Польского королевства восстанавливается, как барьер между Германией и Россией; Валахия и Молдавия с устьями Дуная отдаются Австрии; Ломбардия и Венеция освобождаются от австрийского владычества и либо превращаются в независимые государства, либо присоединяются к Пьемонту; Крым, Черкесия и Грузия отрываются от России — Крым и Грузия передаются Турции, а Черкесия либо становится независимой, либо подчиняется сюзеренитету султана» [1]).

Начавшееся во время Парижского конгресса франко-русское сближение увенчалось в 1859 г. политическим соглашением о взаимопомощи в достижении пересмотра договоров 1815 и 1856 гг., и еще в августе 1862 г. вице-канцлер кн. Горчаков мог говорить в инструктивных обзорах текущей политики о «notre entente avec la France» и даже о существующем между Россией и Францией «alliance».

Ближайшей задачей английской дипломатии было разорвать эту связь между Францией и Россией. Польские дела дали ей верное средство достижения этой цели. 1860 и 1861 гг. прошли в русской Польше бурно. Весною 1861 г. русские чиновники принуждены были бежать с мест своей службы. В мае этого года начались серьезные репрессии: в октябре в Варшаве объявлено было осадное положение. В апреле — мае 1862 г. наступило на несколько месяцев смягчение кризиса в связи с опытом либерального, примирительного управления вел. кн. Константина, а 22 января 1863 г. вспыхнуло восстание в Варшаве. Через 2 дня вся Польша объявлена была на осадном положении. В два месяца восстание охватило всю страну, и поднятый Лондоном вопрос о дипломатическом вмешательстве не мог не быть разрешен в положительном смысле в Париже, где Польша и раньше и позже считалась естественной и надежнейшей опорой французской политики против Пруссии и России. Франция не могла отречься от поляков, уйти из Польши, уступить влияние в ней другим. В середине апреля 1863 г. состоялось это коллективное дипломатическое выступление. Первая задача английской дипломатии была, следовательно, полностью разрешена. Разрыв между Парижем и Петербургом стал фактом. Россия, в свою очередь, и совершенно так же, как в том же году Соединенные Штаты, очутилась перед угрозой осложнения в ближайшем будущем восстания вооруженной интервенцией Англии и Франции, а пока — перед фактической поддержкой повстанческого движения всем моральным и материальным весом английской и французской дипломатии.

Попытка вместе с тем разорвать связь также между Россией и Соединенными Штатами была сделана: Соединенные Штаты тоже были приглашены принять участие в совместном выступлении западных держав по польскому вопросу. Но вашингтонский кабинет решительно отклонил англо-французское предложение [2]), так же, как перед

---

[1]) Phil. Guedalla, Palmerston, p. 360—361. Письмо Пальмерстона к John Russell'ю.

[2]) Сюард — Дэйтону, 29 апреля 1863 г. Эта депеша была сообщена русскому двору, и ответом на нее послужило заявление Горчакова Клею 22 мая: «Федеральное правительство подало пример прямодушия и лойяльности, от которого может только возрасти уважение, питаемое императором к американскому народу». Татищев, «Имп. Александр II», том I, стр. 449.

этим русское правительство отклонило предложение принять участие в подобном же дипломатическом вмешательстве в конфликт Юга с Севером в Соединенных Штатах.

Действительно, английская дипломатия ставила Соединенные Штаты в одинаковое положение с Россией. Весною 1860 г. английские консулы писали из южных штатов о расчетах южан на поддержку Англии в начинавшемся еще только обострении отношений с северянами в связи с президентскими выборами. С другой стороны, W. H. Seward находил необходимым тогда же в публичных выступлениях предостерегать южан против иностранной провокации, а британское правительство — против вмешательства во внутренние американские дела. С начала 1861 г. английский посланник, лорд Ляйонс, вместе с французским, Мерсье, энергично пропагандировали на севере принятие медиации Англии, Франции и России (как бесспорно бескорыстной стороны, участие которой в этом деле, по убеждению Пальмерстона, только и могло бы склонить северян к этому исходу). Английское правительство считало — так же, как и Ляйонс, что принятие северянами этого предложения обеспечило бы окончательное отделение Юга от Севера. Таково же было однако мнение и вашингтонского правительства. Сюард разоблачал эту англо-французскую интригу, как замаскированную интервенцию, вследствие чего Ляйонс и писал о нем в Лондон, как о самом вредном и опасном человеке в составе федерального правительства, и Пальмерстон, разъяренный разоблачениями своей игры, писал Росселю, что «совсем не невероятно, что по своему дурацкому и близорукому высокомерию и самодовольству или же из политического расчета г. Сюард доведет дело до конфликта с нами» [1]). В Лондоне подготовлялась почва для концентрации военных сил в тылу северян пущенными в ход сообщениями об опасности, будто бы угрожающей со стороны северян Канаде. В действительности, дело было в том, что английское правительство опасалось упустить счастливую возможность осуществить свою программу в отношении Сев. Америки. Программу эту, — с тою же ясностью, как и русскую, — Пальмерстон определил в письме к Росселю: «В высшей степени вероятно, что Север окажется не в состоянии подчинить себе Юг; нет никакого сомнения в том, что если Союз Южных Штатов сделается независимым государством, он представит ценный и обширный рынок для британских мануфактуристов» [2]). Он ожидал лишь первых решительных успехов южан, чтобы признать «Южный Союз». И когда вашингтонский кабинет (28 февраля) попытался получить от лондонского опровержение надежд южан на признание Англией их правительства, Россель дважды заявил Далласу (посланнику Соединенных Штатов в Лондоне), что английское правительство не может «выдать вечное обязательство в отношении своих действий при неизвестных будущих обстоятельствах». Ответ этот был опубликован в Вашингтоне и был, естественно, принят общественным мнением, как открыто враждебный шаг со стороны Британии.

Идентичность английской политики в отношении Соединенных Штатов и России сказалась и в той противоречивости ее, которая проистекала из опасений, возбуждавшихся в

---

[1]) Palmerston, 427.

[2]) Ibid., 428.

Лондоне собственным союзником, Наполеоном III. В Лондоне хотели при помощи Франции разъединить Россию и Соединенные Штаты, но не хотели предоставить Франции приобрести значительные выгоды от этого, при английской поддержке. Ввиду союзных отношений между Россией и Пруссией на почве польских дел (соглашение 8 февраля 1863 г.), военный конфликт с Россией повлек бы за собою (даже и без участия Австрии) столкновение между Францией и Пруссией. Участие Англии в такой войне на стороне Франции (даже и при участии Австрии на стороне Англии и Франции) считалось королевой Викторией и ее министрами величайшей катастрофой с точки зрения английских интересов. Пальмерстон был совершенно уверен, что «при нынешнем состоянии прусской армии... первое серьезное столкновение между нею и французской армией будет не менее гибельным для Пруссии, чем сражение при Иене».

Вот почему английская дипломатия, возбуждая поляков к отчаянной борьбе, лишала их, в то же время, действительной — не только своей, но и французской помощи. И поэтому Горчаков мог на обращение (от 2 марта 1863 г.) Росселя, с требованием для поляков конституции и амнистии дать твердый, уверенно-решительный ответ, а имп. Александр II 14 марта услышал от британского посла (лорда Нэпир) довольно неожиданно, что протестантская Великобритания, в сущности, не может стремиться к независимости католической и франкофильской Польши и что религиозные и материальные интересы Англии — каковы бы ни были полонофильские демонстрации для избирателей вигов, в том числе и Росселя,— соединяют ее в польском вопросе не столько с поляками, сколько с русским царем и прусским королем. Таким образом, Лондон, сообща с Парижем и Веной, готовил второе коллективное выступление в Петербурге на тему о польской конституции, амнистии и т. д., состоявшееся 17 апреля, и к этому же времени успел подготовить Петербург к еще более твердому, еще более уверенно-решительному ответу. В интересах ухудшения отношений между Францией и Россией трудно было бы избрать более верный путь.

Нечего и говорить, что английские союзники Наполеона III были озабочены его мексиканскими проектами не в меньшей степени, чем перспективой французских побед в Европе и пересмотра договоров 1815 г. Как бы соблазнительно ни было добиться распада Соединенных Штатов, но выгоды от этого вряд ли вознаградили бы усилия англичан, в случае полного осуществления французских вожделений в Мексике.

13 мая Нэпир писал в Лондон: «Восстание распространяется в надежде на иностранную интервенцию. Если английское правительство не предполагает воевать, пусть оно так и скажет и этим остановит потери людьми и бедствия, связанные с мятежом, который без поддержки [иностранной — *Е. А.*] не может быть успешным».

Ляйонс мог бы написать то же самое, слово в слово, если бы был менее создан для той роли, которая на него была возложена, и если бы кровопролитие и страдания в Сев. Америке внушали в Лондоне не более надежд и не менее опасений, чем кровопролитие и страдания в восточной Европе. 27 июня состоялось последнее тройственное выступление в Петербурге, единственным результатом которого оказалось заявление России, что она согласна сговариваться по польскому вопросу лишь с соседствующими державами, Пруссией и Австрией. Переговоры вяло тянулись еще в продолжение нескольких

месяцев. К концу октября 1863 г. военная опасность в Европе фактически миновала. Для ликвидации ее не могло быть более верного средства, чем предложение Наполеона разрешить спор при помощи европейской конференции, на которой польский вопрос обсуждался бы в связи со всеми европейскими делами, т. е. с договорами 1815 г. Горчаков с величайшей готовностью отозвался на это предложение, предвкушая пересмотр Парижского трактата 1856 г. С неменьшей горячностью английское правительство восстало против такого оборота дела. Таким образом решилась судьба поляков, и европейский мир был обеспечен.

Еще в тяжелое время Крымской войны, т. е. во время полной изоляции России, правительство и общественное мнение Соединенных Штатов занимали самую дружественную позицию в отношении России. Так, о готовившемся нападении англо-французского флота на дальне-восточное русское побережье местные русские власти были своевременно предупреждены американским консулом в Гонолулу. Это дало возможность принять в Петропавловске меры, в результате которых небольшие русские силы успешно отбили нападение союзного флота, сбросив в море высаженный им десант. Эта русская победа вызвала в Соединенных Штатах всеобщее ликование.

События 1860—1861 гг. еще более укрепили дружественную связь между С.-Американской республикой и Российской империей. 9 января 1862 г. Горчаков поручил посланнику в Вашингтоне, барону Стёклю, выразить самые дружеские чувства русского императора американской нации, которая приобрела неоспоримое право «на уважение и благодарность всех правительств, заинтересованных в поддержании мира на морях и в преобладании принципов права над силою в международных отношениях».

Сюард ответил 18 февраля 1862 г., по поручению президента, письмом на имя Стёкля, выражавшим такие же чувства вашингтонского правительства к «старинному беспристрастному и неизменному другу» и уверенность, что и в будущем «отношения, основанные на взаимном доверии и дружбе между республиканской властью на Западе и великой, деятельной и человеколюбивой монархией на Востоке, создадут новые солидные гарантии мира, порядка и свободы для всех народов».

Русский царь, а тем более его дипломатические советники, должны были разрешить очень трудную для них задачу — оправдать в глазах собственных и в глазах всех поборников абсолютизма в России дружескую политику в отношении республиканцев, т. е отчаяннейших, ужаснейших, с официальной русской точки зрения, революционеров. Ибо демократ-республиканец для тогдашней правящей России был чем-то неизмеримо более опасным и отвратительным, чем даже современные «экстремисты» для демократических правительств наших дней. Тем не менее, царская дипломатия сумела преодолеть это противоречие, проведя полное разграничение между сев.-американской нацией, ее международно-политическим значением и положением, с одной стороны, и внутренним политическим строем ее, республиканским — в данный момент — правительством, с другой. Одним из наибольших успехов Стёкля в Петербурге была его депеша, которая постулировала это разграничение и, подавая надежды на падение в близком будущем республиканских учреждений в Сев. Америке, обосновывала в то же время

возможность и необходимость дружбы царского правительства с правительством республиканским.

Обозревая историческое прошлое Соединенных Штатов, Стёкль в депеше этой (от 24 (12) февраля 1862 г., за № 10) сравнивает быстрый экономический рост их с упадком республиканских политических учреждений. В распаде Союза, в войне между Севером и Югом, он видит прямое доказательство банкротства этих учреждений. Экономический прогресс, по его мнению, совершался не благодаря республиканскому строю, а вопреки ему, несмотря на его существование. Единственные плоды его, — говорит русский дипломат, адресуясь непосредственно к Горчакову, а косвенно к самому царю, — это — демагогия, продажность, партийные интриги и борьба между собою честолюбивых политиканов. То, что спор между Севером и Югом не разрешился быстро и легко полюбовным соглашением, объясняется — если верить Стёклю — всецело демагогией республиканских честолюбцев и агитаторов в обоих лагерях.

«Опыт последних лет нам показал, — пишет далее русский дипломат,— как легко манипулировать всеобщим голосованием во всех странах и во всех направлениях. В Соединенных Штатах это учреждение ловко эксплоатировалось толпою политиканов самого низкого разбора, которые средствами коррупции и потаканием страстям черни добились абсолютной свободы распоряжения выборами. Таким путем пришли к власти люди, которые управляют теперь страной. Конечно, среди них есть люди честные, на первое место я должен поставить президента Линкольна, но их слишком мало, и они слишком слабы, чтобы противостоять авторитету всемогущих демагогов. События показали, на что способны эти люди. Исследуя причины, вызвавшие революцию [т. е. междоусобную войну. — *Е. А.*], нельзя не удивиться их ничтожеству.

Дело вовсе не идет об отмене рабства: по существу, вопрос был в том, чтобы установить, допустимо или недопустимо рабство на необитаемой почти территории Новой Мексики. Ничего не было легче, как притти к соглашению, но любители крайних мер, составлявшие подавляющее большинство конгресса, обязаны были своим политическим положением агитации, и только посредством агитации они могли удержать его за собою. Компромисс низверг бы их, потому они сделали все, чтобы не допустить его, и война разразилась».

За этим следует обвинение федерального правительства в неумелом, бесплодном израсходовании огромных ресурсов (600 тысяч солдат, 500—600 миллионов долларов) и выражается сомнение в том, что, при сохранении республиканского строя, Северу удастся, после подавления восстания, удержать Юг в повиновении.

«Демократический союзный парламент в 9—10 месяцев довел финансы страны до такого плачевного состояния, — заявляет дипломатический агент страны, едва выходившей из состояния полного финансового краха, чтобы очень скоро (в конце 70-х гг.) вновь вернуться в это состояние, — какое неизвестно ни одной из европейских стран, государственные долги которых накоплялись в течение не месяцев, а столетий».

«Революционеры и демагоги старого континента,— читаем далее,— всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах они теряют ныне одну из главных своих опор. В этом отношении американская революция [так называет автор разрыв между Севером и Югом.—*Е. А.*] будет, надо надеяться, спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров [пометка Александра II: «Я хотел бы

этого, но сомневаюсь, чтобы это было так»] — однако, с другой стороны, дезорганизация Соединенных Штатов как державы, с нашей точки зрения, — прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия. Во всяком случае, американская нация слишком жизнеспособна, чтобы быть уничтоженной революционной бурей. Что погибло, так это — ультра-радикальная система».

На этот доклад Горчаков ответил 24 февраля (ст. ст.) 1862 г. живейшей благодарностью и полным одобрением опытности, осведомленности и проницательности Стёкля. Горчаков при этом выражал надежду, что, несмотря на все трудности, федеральное правительство выйдет из борьбы победителем, и напоминал, что официально русское правительство не знает никакого деления Союза на два лагеря, признает единый Союз, «который с сожалением мы видим ослабевшим, раскол которого вызвал бы у нас глубокое прискорбие. Мы советуем умеренность и примирение, но мы не признаем другого правительства в Соединенных Штатах, кроме вашингтонского».

Получив это письмо, Стёкль попросил Сюарда сообщить ему для передачи Горчакову правительственную оценку положения. Сюард в ответ вручил ему в копии извлечение из своей инструкции посланнику Соединенных Штатов в Париже, Дэйтону. Последнему аналогичный запрос, но, конечно, в ином тоне и смысле, предъявлен был императором Наполеоном, который, указав на ущерб, причиняемый французской промышленности прекращением экспорта хлопка из южных штатов, спросил: «1) скоро ли надеется федеральное правительство получить возможность снять блокаду и 2) после открытия портов будут ли посылать в них свой хлопок южные плантаторы».

Ответная вашингтонская инструкция характеризовала подавляющее превосходство федеральных вооруженных сил на всех театрах военных действий, доказывала, что опасения, выраженные Наполеоном относительно будущего, лишены основания и с присущей Сюарду энергией отмечала, что упорство южан «в сопротивлении правительству своей страны зависит от безосновательной веры их в иностранное вмешательство» и что «до тех пор, пока иностранная держава будет считать их воюющей стороной, они не перестанут надеяться на это вмешательство». Пересылая этот документ Горчакову (25 марта (6 апреля) 1862 г.), Стёкль комментировал его в смысле полного признания со своей стороны военного превосходства и неизбежного успеха северян, но в то же время сомневался в том, что крайнее ожесточение южан позволит, после победы над ними, легко и быстро вернуться к нормальному течению государственной жизни. При этом он жаловался на то, что политическая обстановка и полный разрыв сообщений с Югом держат его в «полной неизвестности относительно того, что там происходит», и вынуждают его пользоваться более чем сомнительными английскими и французскими источниками информации.

В октябре 1862 г. представителю Соединенных Штатов Бэйярд-Тэйлору поручено было Сюардом передать Горчакову для вручения царю собственноручное письмо президента. Передача эта ознаменовалась интересной беседой посланника с Горчаковым. Переписка вашингтонского правительства с его дипломатическими агентами в Петербурге, включая и октябрьские переговоры, была опубликована, по распоряжению

конгресса, в ноябре — декабре 1862 г., а потому мы отметим здесь лишь вкратце важнейшие моменты упомянутой беседы.

«Ваше положение становится все хуже и хуже, — говорил Горчаков Тэйлору, — виды на сохранение союза — все более ухудшаются... Не можете ли вы найти почву для примирения раньше, чем силы ваши истощатся настолько, что вы потеряете на многие годы ваше положение в мире?» [1])

«Опасно не только это, — продолжал Горчаков, — но и то, что ненависть, владеющая обеими сторонами, все более и более усугубляет пропасть между ними. Надежда на их воссоединение все слабеет. Пусть ваше правительство знает, что раскол Союза, которого я опасаюсь, рассматривается Россией, как одна из величайших возможных катастроф». «Россия одна помогала вам с самого начала и будет помогать вам дальше. Мы очень и очень [подчеркнуто здесь и далее в подлиннике] хотим, чтобы были приняты какие-либо меры, чтобы найден был какой-либо путь к предотвращению раскола, который пока кажется неминуемым. За первым расколом последует второй; вы распадетесь на мелкие обломки».

Тэйлор ответил, что его правительство не может принять условий, на которых мятежники согласны вступить в переговоры. В ответ на это Горчаков воскликнул с величайшей серьезностью:

«Вы знаете чувства России к вам. Мы желаем более всего сохранения американского союза, как неделимой нации. Россия определила свою позицию и не будет ее менять. Нам будут сделаны предложения об интервенции, о присоединении России к какому-либо плану вмешательства. Россия ответит отказом на всякое предложение такого рода. Вы можете положиться на нас, мы не переменимся. Но мы убедительно советуем вам покончить с вашими затруднениями. Я не могу найти слов, чтобы описать вам опасения, которые мы испытываем, — насколько велики они».

К этому времени — ко второй половине 1862 г. — относится упоминавшееся нами внешнее и кратковременное успокоение в Варшаве после прибытия туда наместника вел. кн. Константина Николаевича и ввиду выжидания результатов введения либерального режима. В Петербурге считали угрозу европейского вмешательства ослабленной. Многие историки полагали, что в связи с этим русское правительство допустило распыление своей тихоокеанской эскадры, адмирал которой сам ушел в южное полушарие 18 января 1863 г. Но против этого говорит то обстоятельство, что на случай войны России с Англией и Францией имелись в виду операции чисто крейсерского характера, допускавшие рассеивание действующих единиц в тихоокеанских водах. Рассылая суда своей эскадры в 1862 г., адмирал А. А. Попов предписывал уже им «тщательно знакомиться с колониями европейских морских держав, изучать их слабые стороны и постоянно быть настороже» [2])...

---

[1]) Цитируем по извлечению из донесения Тэйлора Сюарду от 29 октября 1862 г., присланному Стёклем Горчакову, при письме от 4 (16) декабря 1862 г.

[2]) См. документированную историю «Второй тихоокеанской эскадры» в статье, подписанной «А. Беломор», в издававшемся русским морским генеральным штабом «Морском сборнике», т. CCCLXXXIII, № 8 (август) за 1914 г., стр. 54—55 неофициального отдела. В июне 1862 г. вся эскадра Тихого океана состояла из 10 судов, 5 корветов, 4 клиперов и 1 лодки сибирской флотилии.

В начале мая 1863 г. Попов, вернувшись из южного полушария и находясь в Николаевске на Амуре, получил через Иркутск письмо управляющего морским министерством Н. К. Краббе, посланное из Петербурга с особым фельдъегерем еще 12 апреля (телеграф доведен был лишь до Омска). Краббе писал Попову, что международно-политическая обстановка, осложнившаяся вследствие мятежа в Польше, вызывает необходимость принять меры, необходимые для того, чтобы Попов мог «по получении известия об открытии военных действий» направить свои суда на уязвимые места неприятельских владений, а также для нанесения противникам вреда на торговых путях сообщения. Попов, один из образованнейших и лучших моряков старой России, писал по поводу этого предупреждения: «Если я буду иметь три-четыре недели времени, то с божией помощью надеюсь, в случае нужды, мы будем в состоянии сделать много вреда неприятелю, прежде нежели понадобится нас исключить из списков флота» [1]).

Однако англичане имели в своих руках телеграф и почту. Следовательно, раньше, чем до отдельных русских судов дошло бы известие о начале войны, противники могли напасть на них в любом из китайских или японских портов, нейтралитет которых они не постеснялись бы, разумеется, нарушить. Поэтому русский адмирал остановился на Сан-Франциско, как на наиболее выгодном пункте для сосредоточения эскадры и для скорейших и наиболее обеспеченных сношений с Петербургом.

«Я принял такое решение потому, — писал Попов управляющему морским министерством 3 августа уже из Шанхая, — что не имею здесь других указаний, кроме собственных своих соображений, которые мне говорят, что наши (дальневосточные) порты неудобны для сосредоточения, так как не представляют никаких способов ни для продовольствия эскадры, ни для необходимых исправлений. И, следовательно, в случае даже своевременного получения известия о войне, я вместо того, чтобы выбежать с полными запасами и совершенно исправными судами, отчего наиболее зависит успех наших действий, принужден буду выйти в море в таком состоянии, которое заставит нас искать не успехов, а пропитания, не борьбы с неприятелем, а широт, обещающих спокойное плавание. Кроме того, наши порты почтовых сообщений не имеют, а, следовательно, я должен буду держать одно из судов в Шанхае, откуда оно, наверное, не будет выпущено англичанами, потому что они, как я уже доносил, могут воспользоваться Бомбейскою почтою и телеграфом до Калькутты, а оттуда военными судами. Таким образом, англичане могут получить необходимые известия, по крайней мере, на две и даже на три недели ранее нас. Испанские, португальские и голландские колонии представляют нам не более удобные ручательства за успех нашей задачи. Республики Центральной и Южной Америки, разумеется, не осмелятся выгнать нас из своих портов, хотя они и наводнены поляками. Зато они, как и Мексика, не помешают ни французам, ни англичанам наблюдать за нашей эскадрой на своих рейдах. Таким образом, остаются С.-А. Соединенные Штаты, которым Англия и Франция надоели донельзя последними своими вмешательствами» [2]).

С октября 1863 г. русская тихоокеанская эскадра стояла в С.-Франциско в готовности выйти в море в течение 24 часов, находясь в беспрерывной связи с атлантической

---

[1]) «Морской сборник», т. CCCLXXXIV, № 10 (октябрь) за 1914 г., стр. 38—39 неофициального отдела.

[2]) Там же, стр. 45.

эскадрой и с Петербургом через посланника в Вашингтоне. Помимо все еще ожидавшегося разрыва с Англией и Францией, перед русским адмиралом стояла трудная задача определить свое отношение к возможному нападению на город, оказывавший ему самое широкое гостеприимство, со стороны оборудованных, при помощи англичан, крейсеров южан, со знаменитой «Алабамой» во главе. На посланный по этому поводу запрос Попов получил ответ лишь 1 (13) марта 1864 г., да и этот ответ оставлял ему достаточно простора для выбора образа действий, на основе его весьма широких полномочий.

«По имеющимся здесь сведениям, — писал Стёкль, — главное назначение южных корсаров — охота за судами в открытом море. Поэтому здесь не ожидают нападения их на береговые укрепления и не полагают, чтобы С.-Франциско угрожала опасность. Действия корсаров в открытом море до нас не касаются, даже в случае нападения их на форты, обязанность вашего превосходительства соблюдать строгий нейтралитет. Значит, остается тот случай, если бы корсар, пройдя форты, угрожал самому городу. В том только случае, если он вообще возможен, вы имели бы право, единственно во имя человеколюбия, а не политики, употребить влияние ваше для предупреждения зла. Должно полагать, что представления ваши, *приимеющихся в вашем распоряжении средствах*, произведут желаемое действие, не прибегая к употреблению силы и не вовлекая таким образом нас в затруднения, которые правительство наше желает всего более избежать».

Обратимся к атлантической эскадре [1]) контр-адмирала Лесовского, появившейся в сентябре 1863 г. в Нью-Йорке.

По инструкции Лесовскому, датированной 14 июля 1863 г. и впервые нами здесь публикуемой, «цель эскадры (см. § 3) состоит в том, чтобы, в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными доступными ей средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всей эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний», — формулировка, совпадающая с инструкцией морского министерства контр-адмиралу Попову.

На сообщение Стёкля о предстоящем прибытии эскадры в Нью-Йорк Уиллс, морской министр Соединенных Штатов, ответил 23 сентября, что «присутствие в наших водах эскадры, принадлежащей флоту его величества, может быть источником только радости и счастья для наших соотечественников», что все приспособления бруклинских верфей — в распоряжении Лесовского для всякого ремонта и что с радостью будет ему оказано всякое содействие во всем, чего он пожелает.

В цитированной выше статье «Морского сборника» упоминается письмо управляющего морским министерством к Лесовскому от 16 октября, в котором не без иронии сообщается, что появление русской эскадры в Нью-Йорке «сильно встревожило осторожного посла нашего в Лондоне (бар. Бруннова), и депеша его, написанная под впечатлением злобных статей английских газет, произвела некоторое влияние на нашего вице-канцлера, который дружески упрекнул меня в том, что «цель снаряжения вашей эскадры не была сохранена в тайне». Ниже мы воспроизводим этот интересный исторический

[1]) Состав ее: 3 фрегата, 2 корвета и 1 клипер, — не считая клиперов, которые должны были присоединиться к ней позднее.

документ — депешу бар. Бруннова. Она показывает, в какой мере действия русских адмиралов не одобрялись влиятельнейшими советниками царя. Консервативные государственные деятели школы Нессельроде, виднейшим из которых оставался «Нестор русской дипломатии», бар. Бруннов, исходили из самой неблагоприятной оценки тех самых боевых русских сил, в которые, как мы видели, верили русские адмиралы, жаждавшие вступить в борьбу с неизмеримо более сильным, конечно, врагом, превосходно им известным однако по личному участию их в Крымской кампании. Александр II, признав основательными рассуждения бар. Бруннова, отказался все же сделать то, чего хотел «осторожный» и всегда стоявший за всемерную уступчивость по отношению к Англии лондонский посол, — отозвать эскадру из американских вод. Русским морякам даны были лишь инструкции соблюдать осторожность в своих публичных выступлениях во время бесчисленных торжеств, устраивавшихся в их честь. «Сердечно благодаря за оказанный им дружеский прием, — писал Горчаков Стёклю 10 октября (ст. ст.) 1863 г., — мы хотим верить, что наши храбрые моряки воздержатся от выражений, угрожающих какой бы то ни было державе».

В инструкции Стёклю от 14 октября Горчаков высказывал уже мнение, что британское правительство отказывается от плана признать южные штаты, т. е. пойти на разрыв с вашингтонским правительством. «Америка стала крупным фактором в мировой политике, — писал в этом письме Горчаков, — наши отношения с Соединенными Штатами приобретают все бо́льшую важность с каждым днем. Мы можем только поздравить себя с позицией, занятой нами с самого начала кризиса, через который они проходят. Горячее, чем когда-либо, желаем, чтобы они скорее вышли на путь воссоединения и даже укрепления их союза. В этом — основа их политической силы, а для нас — незаменимый элемент мирового равновесия».

В это же время появилась мысль о заключении политического союза между Россией и Соединенными Штатами. Определяя свое отношение к ней,— официального оформления она не получила, — Горчаков писал барону Стёклю, что заключение такого союза ничего не изменило бы в существующем положении, — «так как союз этот фактически существует на основе общности интересов и политических традиций» (депеша Стёклю от 10 октября 1863 г., с пометой Александра II: «Очень хорошо»).

Таким образом, отправка русских эскадр в С.-Франциско и Нью-Йорк вовсе не имела (и не могла, конечно, иметь) целью, как предполагает упомянутый в начале этой статьи сев.-американский писатель, удалить русские военные суда в Америку для их спасения от неприятеля. Целью было поставить ее в условия, наиболее благоприятные для открытия военных действий с максимальной энергией и продуктивностью против Англии и Франции. Основным из этих условий считалась, как мы видели, политическая солидарность России и Соединенных Штатов. Русские моряки несколько опередили в этом случае русскую дипломатию, у которой однако же создалась (так же, как у северо-американской) совершенно четкая и твердая концепция этой солидарности, нисколько не затемненная непримиримыми противоречиями между существовавшими в то время в России и в Соединенных Штатах формами государственного строя.

Е. А. Адамов.

ПРИЛОЖЕНИЕ [1].

I.

Инструкция морского министерства к.-адм. Лесовскому.

Копия.

14 июля 1863 г.
№ 120.

Г. контр-адмиралу Лесовскому.

1. По высочайшему его императорского величества повелению, вы назначаетесь начальником эскадры Атлантического океана.

2. Эскадра эта состоит из фрегатов «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветов «Варяг» и «Витязь» и клиперов «Алмаз», «Жемчуг» [2]) и «Изумруд».

Примечание I. Фрегат «Ослябя» находится ныне на станции в Пирее, и его предположено отправить в Нью-Йорк, чтобы там соединиться с вашей эскадрой или получить приказания о присоединении к ней в том месте, которое будет для сего вами назначено.

Примечание II. Клипер «Изумруд» будет готов не ранее августа и потому присоединится к эскадре в том случае, если в августе война не будет еще объявлена.

3. Цель отправления вверяемой вашему начальству эскадры состоит в том, чтобы, в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными и доступными вам средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всею эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний.

4. Хотя первоначальным местом пребывания эскадры назначается Атлантический океан, но вам не возбраняется, смотря по обстоятельствам и по вашему усмотрению, переносить театр действий всей эскадры или части ее в Индийский или Восточный океаны.

5. По выходе из Финского залива, вы направитесь со всею эскадрою к берегам Северо-Американских Соединенных Штатов, не заходя на пути ни в какой порт, и по прибытии в Америку бросите якорь в Нью-Йорке. Если окажется возможным по местным обстоятельствам остаться в этом порте со всею эскадрою, то вы будете там выжидать исхода переговоров по польскому вопросу. Если же посланник наш в Вашингтоне, с которым вы войдете в сношение немедленно по прибытии вашем в Америку, нашел бы, что пребывание всей эскадры в Нью-Йорке может подать повод к затруднениям с федеральным правительством или к иным неудобствам, то вам предоставляется разделить эскадру на две, на три части и распределить ее по тем портам северо-американского прибрежья, которые будут признаны вами для сего наиболее пригодными.

В предвидении объявления войны вам предоставляется обсудить, по соображению с местностью и с современными обстоятельствами, возможно и выгодно ли остаться с эскадрою в Нью-Йорке или других северо-американских портах до

---

[1]) ЛОЦИА, Архив армии и флота, фонд морского министерства.

[2]) Клипер «Жемчуг», требующий осмотра в доке и исправлений, не может выйти из Кронштадта с прочими судами и присоединится к эскадре впоследствии, если политические обстоятельства это позволят. — Примечание в подлиннике.

самого открытия военных действий, или же, оставив якорную стоянку, по пополнении запасов или в то время, когда объявление войны сделается неизбежным и близким, выйти в океан с тем, что на известное, заранее условленное, рандеву к вам будет доставлено посредством нарочно для сего зафрахтованного действительным статским советником Стёклем судна известие об объявлении войны. Само собою разумеется, что распоряжение это надо будет сохранить в величайшей тайне и место рандеву не должно быть известно никому, исключая нашего посланника.

6. Если на пути в Нью-Йорк вы узнаете достоверно, что война объявлена, то вы примете в руководство наставления, ниже сего в этой инструкции изложенные, для действий ваших в случае открытия военных действий.

7. Если по прибытии в Нью-Йорк вы сочтете нужным вскоре выйти в океан, то, во всяком случае, до объявления войны вы должны стараться держать эскадру соединенно, избегая тщательно мест, посещаемых обыкновенно военными и даже купеческими судами, для того, чтобы скрыть эскадру от наблюдения, которое, по всей вероятности, постараются учредить за нею наши будущие противники.

Если бы, паче чаяния, вы не получили долго ожидаемых от действит. статского советника Стёкля известий о назначенном рандеву, то, выйдя на один из торговых путей, вы постараетесь от купеческих судов разузнать о ходе политических дел, обращаясь для сего преимущественно к судам тех держав, с которыми мы не ожидаем быть в войне. Полученные таким образом сведения вы должны поверять взаимными показаниями шкиперов и известиями, почерпнутыми из газет, которые могут оказаться на встреченных судах. Бдительность и осторожность вы должны усугублять по мере того, как доходящие до вас слухи и сведения заставят вас предполагать, что разрыв и война становятся близкими.

8. Когда вы получите извещение от нашего посланника в Вашингтоне об объявлении войны или когда другим каким-либо положительным образом вы получите убеждение, что война объявлена, то вы должны начать неприязненные действия против неприятельской торговли, дав для сего заблаговременно подробные надлежащие инструкции командирам судов вверенной вам эскадры. Суда эти вы распределите с таким расчетом, чтобы они заняли пути, наиболее посещаемые и по коим направляются самые значительные и наиболее ценные грузы. Вместе с тем вы назначите несколько рандеву для соединения всей эскадры, как для того, чтобы осмотреть отдельные суда, собрать сведения об их действиях и дать им указания о способах возобновления запасов провизии и топлива, так и для того, чтобы по вашему усмотрению избрать другой театр действий против неприятельской торговли или же предпринять нападения на те места неприятельских колониальных владений, которые, по вашим соображениям и сведениям, представят вероятие легкой добычи и набег на которые обещает возможность нанести неприятелю чувствительный урон или убыток.

9. Для принятия мер к обеспечению эскадры своевременным снабжением ее необходимыми запасами продовольствия командируется в Америку кап. 2 ранга Кроун, который, по соглашению с вами, распорядится, при содействии нашего посланника в Вашингтоне, доставлением всего нужного на условленные рандеву и в назначенные сроки. Опытность и испытанная распорядительность этого штаб-офицера могут служить ручательством, что эта важная сторона вверяемого вам дела будет исполнена вполне удовлетворительно.

10. Как в действиях ваших при осмотре нейтральных судов, так и в действиях против неприятеля вы должны во всем соображаться с общими законами международного права и с условиями декларации Парижского конгресса 1856 г.,

до морской торговли относящимися и помещенными во главе прилагаемого при сем извлечения из свода правил о военных крейсерах, которые должны служить вам руководством при предстоящих вам действиях.

11. Если в течение вашего плавания в военное время вы встретитесь с контр-адм. Поповым, то вам предоставляется сообразить с ним вместе о действиях, которые вы сочтете наиболее полезным и возможным предпринять в усиленном составе обеих эскадр. К контр-адмиралу Попову посылаются наставления в этом же смысле, причем, само собою разумеется, обе эскадры должны поступить под начальство старшего из командующих флагманов.

12. Высочайше предоставленные вам права над чинами вверенной вам эскадры изложены в особом прилагаемом при сем предписании.

13. Вы будете стараться как можно чаще доставлять о себе сведения, вверяя их в надежные руки и сообщая все касающееся ваших движений и предположений не иначе как шифром, который вверяется вам в числе «6» экземпляров. Шифр этот вы вручите командирам лично, обязав их подпискою хранить его в величайшей тайне и не вверять никому, кроме старшего офицера. Подобный шифр посылается к контр-адм. Попову на случай могущих оказаться возможными между вами сношений. По возвращении в Россию вы и каждый из командиров должны немедленно возвратить этот шифр лично директору канцелярии морского министерства под его росписку.

14. Во время плавания, будет ли объявлена война или нет, прошу вас обратить особенно внимание на собрание самых подробных и точных сведений о главнейших торговых путях, по коим следуют океанами товары, с обозначением, какие именно и из каких стран отправляются по ним грузы. Прошу вас также составить по возможности полное описание колониальных владений западных государств, включив в него соображения о возможности нападения на них, откуда и с какими силами нападения эти могут быть делаемы, о средствах защиты их, важности в военном и торговом отношениях и проч. Вместе с тем, вы не упустите собрать сведения о тех местах, где эскадра и отдельные суда могут найти убежище в военное время и где они могут освежиться, снабдиться продовольствием и углем.

Убежденный, что вы оцените всю важность таких сведений, надеюсь, что вы обратите на этот предмет то внимание, которое он заслуживает.

15. В случае мирного исхода настоящих переговоров о польских делах, суда вверенной вам эскадры должны будут отправиться по назначению на заграничные станции, о чем вы в свое время получите надлежащее извещение.

В заключение мне остается сказать, что в настоящее время и отсюда невозможно предугадать и предвидеть всех случайностей, которые могут представиться в продолжение предстоящего вам плавания. Поэтому, хотя в этой инструкции и заключаются в общих чертах наставления для предстоящих вам действий, но вам предоставляется во всех тех случаях, когда вы признаете то необходимым, не стесняться данными наставлениями и действовать по вашему усмотрению.

Даруя вам такие права, государь император не сомневается, что вы воспользуетесь ими с тем отличным знанием дела и искусством, которые вместе с прочими вашими достоинствами приобрели вам почетную известность во флоте. Вверяя в ваши руки в столь важном деле честь русского флага, его величество вполне убежден, что если враги России восстанут на нее, то моряки наши, проникнутые доблестным духом своих праотцев и одушевленные теми чувствами, которые несутся ныне к подножию престола со всех концов земли русской, впишут на водах океана славную страницу в морскую летопись России.

Управляющий морским министерством ген.-адъютант Н. Краббе.

Депеша посла в Лондоне Бруннова в мин. ин. дел от 17(5) октября 1863 г. № 250 [1]).

Лондон. 5(17) октября 1863 г.

Считаю долгом представить на ваше усмотрение прилагаемую депешу, которую я только что получил от нашего посланника в Вашингтоне.

Он мне сообщает назначение эскадры под командой контр-адмирала Лесовского и просит меня пересылать ему известия, необходимые для того, чтобы наши суда имели время выйти в море в случае предвидимой возможности войны с Англией и с Францией.

Позвольте мне, князь, изложить вам теперь же невозможность для меня способствовать успеху плана морского министерства, о котором г. Стёкль только что меня уведомил.

При приближении войны, инициатива которой принадлежала бы английскому правительству, оно первое сообщило бы о ней командующему ее морскими силами у берегов Америки. Они могли бы преградить путь нашей эскадре раньше, чем я мог бы передать г. Стёклю информацию, которую он ожидает от меня. Уже теперь семь военных английских и французских судов следят за движениями контр-адмирала Лесовского, и скоро он окажется лицом к лицу с силами, превосходящими те, которыми он располагает.

Одного его появления у Нью-Йорка достаточно было для того, чтобы привлечь в эту сторону внимание английского правительства и общества. Умение молчать не настолько распространено в Соединенных Штатах, чтобы там можно было держать что-либо в секрете продолжительное время. Это настолько верно, что курьер, которому наш посланник в Вашингтоне доверил свои депеши, сам узнал из разговоров публики секретное назначение нашей эскадры.

Более того. На одном обеде, данном в Нью-Йорке в честь наших морских офицеров, американский оратор поспешил осведомить аудиторию о намерениях императорского правительства. Мистер Уолридж сказал, что «Россия посылает эскадру в Нью-Йорк для того, чтобы по первому данному сигналу смести английскую и французскую торговлю с поверхности морей».

Это американское откровение красуется на столбцах газет, выходящих в Лондоне.

Морское министерство рассудит после этого, может ли английское адмиралтейство упустить из виду русскую эскадру, назначение которой заранее определено, как явно направленное против Англии.

Я считаю долгом повергнуть на ваше усмотрение, князь, рассуждение, которое мне кажется заслуживающим серьезного изучения при нынешних обстоятельствах.

Существует у нас мнение, — я это очень хорошо знаю, — что наш флот мог бы нанести чувствительный удар процветанию английской торговли и что одно опасение таковой возможности могло бы повлиять на английскую поли-

---

[1]) Московский Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. ин. дел. Подлинник на франц. языке. На подлиннике помета Александра II: «Он во многом прав, но это не причина для того, чтоб отказаться от пребывания нашей эскадры в этих морях».

тику в смысле большего миролюбия и большей уступчивости по отношению к нам.

Обе эти надежды совершенно иллюзорны. В нынешнем положении надо быть готовым к тому, что флот наш будет сражаться против соединенных сил Англии и Франции. Несмотря на уважение, которое я питаю к энергии и храбрости наших моряков, я не верю, чтобы три фрегата, два корвета и один клипер, прибывши в Нью-Йорк, были в состоянии предпринять борьбу, которую неравенство сил сделало бы катастрофической для нашего флага.

Допустим даже, что нашей эскадре удалось бы ускользнуть от бдительности неприятельских сил, назначение которых — не давать ей хода; допустим, что наши суда, рассеянные по всему пространству морей, будут иметь свободу преследовать торговые суда Англии и Франции. Но где порты, которые могли бы служить для них убежищем? Каковы средства снабжения, которыми они располагают? В течение какого времени, наконец, смогут они противостоять случайностям судьбы, которая неизбежно приведет их к верной гибели?

Во всяком случае, вред, который мы сумеем причинить нашим врагам, будет бесконечно меньше вреда, который нанесут они России.

Английская торговля смертельно мстит всем тем, кто наносит ущерб ее безопасности. Достаточно было бы высказать подобную угрозу, чтобы поднять против нас самых влиятельных людей среди всех классов, связанных с торговыми и промышленными интересами этой страны. До сих пор именно решительно высказанное мнение этих людей вынуждало английский кабинет вести мирную политику. Но с момента, когда эти же самые люди считали бы, что Россия нападает на их благосостояние, они единодушно обратились бы против нас. Чтобы защитить свои собственные интересы, они первые потребовали бы от правительства ее британского величества поставить Россию в состояние невозможности оспаривать свободу морей, составляющую мощь и национальное богатство Англии. Мы достигли бы таким образом результата, диаметрально противоположного тому, к которому стремимся. Вместо того, чтобы обеспечить мир, мы сделали бы войну неизбежной.

В особенности теперь, когда наше правительство старается привлечь английские капиталы к участию в наших обширных железнодорожных предприятиях, — существенном условии внутреннего благосостояния империи, — соответствует ли нашему разумно понятому интересу вызвать ненависть к нам торговых и промышленных классов этой страны?

Споры, которые завязываются на море, это те, которые ведутся Англией всегда с величайшей настойчивостью.

Опыт прошлого нам оставил в этом отношении серьезное предостережение. Желание разрушить наш Черноморский флот было одной из основных причин Крымской войны. Пушечные выстрелы у Синопа разрушили Севастополь.

Эти соображения представляются мне слишком убедительными и бесспорными для того, чтобы я мог поколебаться повергнуть их на рассмотрение императорского кабинета.

Наш августейший государь, позволяю себе надеяться, удостоит счесть это изложение новым доказательством почтительной откровенности, с которой я высказываю мысли, внушаемые мне моим преданным служением ему.

Брунов.

Депеша посланника в Вашингтоне Стёкля на имя посла в Лондоне Бруннова от 23 (11) сентября 1863 г. [1]).

Вашингтон. 11 (23) сентября 1863 г.

Секретно.

Г. посол.

Ваше превосходительство, без сомнения, осведомлены о посылке в Нью-Йорк русской эскадры, состоящей из 3 фрегатов, 2 корветов и 1 клипера. Суда эти предназначены крейсировать по океану и действовать против морской торговли и колоний Франции и Англии или той из этих двух держав, с которой мы можем вступить в войну.

По последним полученным из С.-Петербурга известиям, не существует опасности немедленного разрыва. Если бы однако политические события снова приняли угрожающий оборот, я прошу вас, г. посол, соблаговолить сообщить об этом мне для того, чтобы я мог, в свою очередь, предупредить об этом командующих нашей эскадрой. В этом случае им нужно будет выйти в море и этим избежать внезапной атаки или блокады в американских портах бесконечно превосходящими их морскими силами, которыми союзники располагают у берегов Соединенных Штатов.

Стёкль.

---

[1]) Перевод с франц. — Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. ин. дел.

Из записной книжки архивиста.

Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае.

Революционные события 1905 г. в Прибалтийском крае заставили царское правительство принять ряд энергичных мер. 29 ноября 1905 г. министерство внутренних дел потребовало «двинуть в Лифляндскую губернию все свободные в Петербургском военном округе военные части». Через несколько дней (4 декабря) в крае была введена военная диктатура в лице генерал-губернатора Сологуба. Между тем правительство столкнулось с отсутствием войск для комплектования карательных отрядов.

Использовав все возможные резервы, Петербургский военный округ встал перед опасностью при дальнейшем уменьшении гарнизона оставить столицу перед всякими случайностями. В связи с этим возникла мысль об использовании некоторых морских частей. Эта мысль была поддержана во всех инстанциях, и через две недели морское министерство предоставило в распоряжение прибалтийского генерал-губернатора 18 рот с пулеметами, обозами и пр. Морские охранные батальоны, разделенные на отдельные роты, были предназначены для усмирения наиболее беспокойных районов края. 1-й и 2-й батальоны заняли всю железнодорожную магистраль, начиная с Балтийского порта и кончая предпоследней станцией у Нарвы. Два других батальона заняли железнодорожный путь Рига — Двинск; кроме того, один батальон действовал на острове Эзель. Оценку царем действий карательных отрядов находим в письме Николая II к матери от 12 декабря 1905 г.: «В Прибалтийских губерниях Орлов и моряки Рихтер и барон Фрезен д е й с т в у ю т в е л и к о л е п н о». После докладной записки Витте (от 28 декабря) о формировании новых частей морской пехоты Николай II на следующий же день, 29-го, пишет матери: «В Прибалтийских губерниях восстание все продолжается. Орлов, Рихтер и др. д е й с т в у ю т о т л и ч н о; много банд уничтожено, дома и их имущество сжигаются. Н а т е р р о р н у ж н о о т в е ч а т ь т е р р о р о м [разрядка здесь и выше моя. — *А. Д.*]. Теперь сам Витте это понял».

Несколько слов об организации морских батальонов.

Батальоны были скомплектованы из состава почти всех флотских экипажей, причем исключительно брались строевые. Из числа же последних преобладали новобранцы и сверхсрочно служащие; на каждых 4 матросов приходился офицер или унтер-офицер.

Публикуемые документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в деле № 28172 главного морского штаба (Ленинградское Отделение Центр. Истор. Архива).

А. Дрезен.

Выписка из рапорта командующего отрядом морских батальонов в Эстляндской губернии кап. 1 ранга барона Ферзена.

Батальон 14-го флотского экипажа, выступив из Кронштадта 22 декабря 1905 года, 24 прибыл в Ревель, где я получил приказание от генерал-лейтенанта Воронова разместить батальон, разделив его на четыре роты, в западной части Эстляндской губернии. В силу этого приказания, в тот же день выступили по линии Гапсальской ж. д. 3-я рота, под командой лейтенанта Зарубаева, в Кегель и 4-я рота, под командой лейтенанта Добролюбова, в местечко Леаль, под общим командованием капитана Васильева. 1-я рота, под командой лейтенанта Щетинина, и 2-я рота, под командой лейтенанта Пини, выступили утром 25 числа по Феллинской ж. д., и с этими ротами отправился я с моим штабом, чтобы начать объезд районов с участка 2-й роты, как наиболее опасного в смысле возможности вооруженного сопротивления. Командиры рот назначены начальниками районов, и главнейшая их обязанность: восстановление полного спокойствия в своих районах, водворение на места всех чинов правительственных учреждений, удаленных со своих мест бунтовщиками, и арестование зачинщиков беспорядков, бывших в Эстляндской губернии.

Для выполнения сего предписано: имея постоянное квартирование в определенном пункте, делать объезды по своим районам, оставляя не менее одной трети команды для охраны квартиры, так как при квартирах остаются боевые запасы и провиант.

Место расположения батальона 14-го экипажа обозначено на карте, приложенной к рапорту командира 1-го батальона, под №№ 5, 6, 7 и 8.

Оставив 1-ю роту на месте ее квартирования в Койле, я с 2-й ротой отправился дальше и, высадившись около имения Вальдау, окружил это имение, согласно выработанному заранее плану, причем было арестовано несколько важных агитаторов. Из опроса арестованных и местных жителей выяснилось, что один из главных агитаторов, Март Лауриман, находится в соседнем поместье, почему туда сейчас же было отправлено отделение при кондукторе Ягнове, под командою лейтенанта Пини. С отделением также отправился старший фельдшер Гаврилов. Войдя в избу, где находился Лауриман, наши застали там человек 10—12, которые на требование выдать Лауримана ответили отказом, и, когда после этого было заявлено, что будут арестованы все, Лауриман, переодевшись женщиной, выстрелил из револьвера и очень серьезно ранил фельдшера Гаврилова. После этого, потушив огонь, бывшие в избе крестьяне бросились с ножами на команду, но бывший здесь же кондуктор Ягнов осветил избу карманным фонарем, и команда, открыв огонь, моментально перебила восемь человек, в том числе и Лауримана, которого первым убил квартирмейстер Грошев, почти одновременно с произведенным выстрелом из револьвера.

На следующее утро этот дом был нами сожжен, и жители предупреждены, что так же будет поступлено с каждым домом, в котором будет найдено какое-либо оружие.

Разобрав в этот день арестованных в Вальдау, я перевел на следующий день 2-ю роту в город Рашель, на место ее постоянного квартирования, а сам со штабом вернулся в Ревель, посетив на пути первую роту. 29 декабря выехал в объезд районов по Гапсальской дороге. Во время объездов было произведено несколько арестов важных агитаторов, которые, по установлении судом их виновности,

были расстреляны. Из этих объездов пришел к заключению, что положение в Эстляндской губернии представляется в следующем виде. Существует банда революционеров, которая, с оружием в руках, заставила мирных жителей грабить, жечь и громить имения, преимущественно помещичьи дома, свергала правительственные власти и, видимо, имела в виду поднять вооруженное восстание. В настоящее время, при появлении войск, банда эта рассыпалась по деревням, и поимка агитаторов сводится к одиночному арестованию. Вооруженного сопротивления ожидать трудно, и случай, имевший место близ имения Вальдау, следует отнести к исключению.

Действия наших отрядов заключаются в следующем: прибыв в какое-либо местечко своего района, начальник района, собрав местных жителей, объясняет им назначение посылки войск и требует немедленной сдачи оружия, выдачи агитаторов и восстановления нормального течения жизни, предупреждая, что охрану мирных жителей он берет на себя, но в случае неповиновения, а тем более какого-либо покушения на воинских чинов, будет поступлено крайне энергично. Жители охотно идут к нам на помощь. Оружие, хотя в большинстве старое, сдается массами, но в выдаче агитаторов и указании их жители крайне осторожны, указывают неохотно, боясь, что если агитаторы будут арестованы и преданы судебным властям, то часть их, как-либо оправдаясь, часть же, будучи освобождена силой, снова вернутся и, собравшись бандой, жестоко отомстят.

Бывший в Ревеле в день нашего прибытия генерал-майор Безобразов и также генерал-лейтенант Воронов говорили офицерам, чтобы они действовали крайне энергично и решительно, расстреливая главных агитаторов, не стесняясь никакими средствами для достижения спокойствия страны, причем генерал Безобразов говорил, что ответственности никто нести не будет, даже в случае могущих произойти ошибок. В силу этого распоряжения, начальники районов, установив судом вину, расстреливали главарей беспорядков, и мирные жители, не боясь мести, выдавали своих зачинщиков.

В настоящее время в некоторых районах судебные и полицейские власти возбудили вопрос о прекращении суда морскими командами, и генерал-губернатор требует письменного донесения о причинах и основаниях расстрела, дал инструкцию арестовывать зачинщиков, составляя полицейские протоколы и препровождая арестованных в тюрьму в Ревель.

Таким образом, действия наших отрядов сводятся к нулю, так как на выдачу главарей беспорядков потеряны все шансы, и спокойствия страны можно достигнуть лишь кажущегося, до тех только пор, пока войска будут находиться в губернии.

Продолжать действия по-старому, в силу распоряжения об арестовании зачинщиков, я не считаю возможным, так как этим можно поставить морские команды в положение критическое, не имея власти и инструкции уничтожать главарей революционеров. Перемена же действий теперь может иметь очень вредное влияние, в особенности имея в виду, что революционеры распространяют слух, что войска ими подкуплены.

За неделю пребывания отряда в губернии уже удалось во многих местах восстановить полное спокойствие, исправить средства сообщения и восстановить телефоны и телеграфы.

Успех, достигнутый в столь короткий промежуток, следует отнести к крутым мерам, а также, и главным образом, к образцовому поведению команды и исполнению ею своего долга с полным сознанием и преданностью царю и отечеству.

Выписка из рапорта ком. 1-го батальона кап. 2 ранга Рихтера.

Доношу главному морскому штабу, что во время дороги — происшествий не было; по пути уже заранее, совместно с генерал-майором Безобразовым, составили план обороны страны. Главным образом, я указывал на то, что наша команда должна составлять летучий отряд. На станции Везенберг встретило нас приказание генерала Воронова оставить полуроту в Везенберге. Оставил капитана Максимова и мичмана Иванова.

В Тапсе оставил 1-ю роту, которую направил на Весенштейн, а полуроту второй роты в самом Тапсе, с мичманами Штейн и Омониным. В г. Ревель отправлены пулеметы и пушки Барановского с прислугой и прикрытием. В Ревеле выяснилось, что пушки останутся в городе; тогда я просил мне возвратить людей и оставил летучую роту из 100 человек, которую передал капитану Беклемишеву. Объяснив генералам, что мы посланы не для того, чтобы сидеть в городе, просил дать сейчас же командировку в уезд. В этот же вечер было решено отправить сформированную полуроту в уезд, а именно — по Петербургскому тракту, в имение Егелехт, Яговая, Разиг, и, как было приказано, «хорошенько очистить место».

В три часа ночью поднял людей, на подводах отправились в путь. Нас сопровождал помощник начальника уезда Вальден и состоящий при мне один из местных помещиков D-r Neff.

На утро мы пришли в имение, оно сильно разграблено, но не сожжено; из расспросов местных дворовых и волости установили виновных, которых облавой начали искать; двух удалось найти, и полевым судом я их предал повешению или расстрелянию. Считаю, что вешать не красиво для воинской части, для этого служит — министерство внутренних дел и его агенты. Для первого раза, все же, одного повесили; другой просил разрешения проститься с женой, что ему позволил, на пути из дома он побежал, но, рассыпав взвод цепью, перехватил его. Как матросы говорят — пуля догонит, и на этот раз догнала.

Картина страшно подействовала не только на эту местность, но далеко за пределы уезда. Двор одного из предводителей сожгли на том же основании, что они нас жгли, и это сильно действует на умы. На ночь перешли в именье Разиг, оказывается — гнездо всего движения; здесь разыскали человек трех-четырех, которых тоже расстреляли.

Обыск приходилось делать в 3—4 часа утра, когда были люди дома. Жильцов собираем на двор и объявляем, чтобы выдали все оружие и, если по обыску найдутся еще ружья, то владелец будет расстрелян за ложь и скрывательство; один такой случай пришлось произвести и этим дать начало добровольному приносу оружия. На субботу 24-го решил возвратиться в город, дабы дать возможность команде отдохнуть, сходить в баню и провести хоть один день праздников спокойно, не неся за собой смерть.

Нужно сказать, что экзекуция действует также на команду, и она становится одичалой, кровожадной, и ее приходится удерживать. Очень был обрадован, что команда поняла, что имеет дело с зверским, мстительным народом и, конечно, не ждет, пока ее заденут, а стреляем во всякого. Так в имении Разиг послал на ж.-д. станцию пятерых отдать телеграмму. На пути на них наскочили люди (было вечером), и только благодаря решительному действию матросов не произошло крупного скандала с нашими. Они, не задумываясь, открыли огонь — произведено 5 выстрелов, и 5 попали, правда, в одного.

На следующий день я указал на этот случай народу, объяснив, что

матрос гораздо решительнее солдата и стреляет без промаха.

24-го в субботу возвратились в город, отпустил команду в баню.

Сгоряча нас поместили в казармах Онежского полка, и полк должен был нас кормить. В первое мое прибытие, являясь адмиралу, командиру порта, я высказал ему идею нашей посылки и нашел полное сочувствие желания помощи, и переговорили, что мы будем останавливаться в казармах полуэкипажа; на первый раз не удалось хорошенько обсудить этот вопрос, а потому, во второй свой приход в город, остался в казармах полка, но сейчас же пошел орудовать с начальством; нужно сказать, что генералы и сухопутные всеми силами стараются утопить, дискредитировать флот, и только решительное действие наших отрядов несколько подняло мнение о нас. Адмирал принял нас, как родных; то же можно сказать и про экипажное начальство.

В Ревеле осталось команды 2-го батальона человек 50. Их поместили в отдельных казармах при экипажах, накормили и вообще делают все, чтобы было хорошо. Сухопутные не желали нас выпускать, но я им объявил, что мое начальство — адмирал и что считаю даже нетактичным в порту, где имеется наша часть, игнорировать ее. В общем, все удалось устроить и уладить. 26-го, в 9 часов утра, вступил по жел. дор. до станции Разиг, где предстояло произвести экзекуцию трех преступников, убивших помещика Баранова. Приговор приведен в исполнение вчера, и сейчас же перешел в имение «Анния», в 10 верстах, где теперь нахожусь в волостном управлении. Принимаю оружие — ружья, револьверы. Ружья большею частью двустволки — старые, револьверы — новые, Смита. Прошу извинить за писание, но нигде ничего нельзя достать, имения сожжены, все разбежалось, и только здесь в правлении нашел бумагу. Из прилагаемой карты видно, что нам, морякам, дана охрана всей губернии. Районные начальники — самостоятельные губернаторы с полными полномочиями, их задача — усмирять край, успокоить его, водворить законную власть и завести сложный механизм администраций и сельскохозяйственных работ. Будучи начальником 1-го батальона, я являюсь главным начальником 4-х районов. Сейчас я объезжаю вверенную мне область и дней через 5 буду в Тапсе, где моя главная квартира. Тогда подробно донесу о действиях прочих отрядов, о которых теперь совершенно не имею сведений. Известно только, что генерал Воронов очень доволен решительными действиями лейтенанта Максимова (Везенберг), но, что им сделано, мне неизвестно. Почтительнейше прошу, чтобы в случае успеха наших команд не давались бы награды. Мы шли идейно, и разрешение выступить уже есть награда. На обратном пути можно просить, чтоб государь (нас) команду лично поблагодарил за примерную службу.

Неопубликованное письмо Н. П. Огарева.

В конце 1866 г. был подвергнут обыску и аресту проживавший в Москве иркутский купеческий сын Николай Пестерев, относительно которого у III отделения были сведения о посещении им во время заграничной поездки русских эмигрантов. При разборе отобранных у него бумаг следственными властями было, между прочим, установлено, что Пестерев находился в близких отношениях с купцом Иваном Прокофьевичем Ворожцовым, проживавшим в г. Слободском, Вятской губ., где Ворожцов владел спичечной фабрикой. В начале 1867 г. у Ворожцова был произведен обыск, во время

которого в руки властей попало письмо за подписью: «Н. О.». По объяснению Ворожцова, это было письмо Пестерева. Однако в III отделении, куда оно было доставлено, сразу же заподозрили, что автором его является не Пестерев, а эмигрант Н. П. Огарев. Для проверки этого подозрения в III отделение был вызван незадолго до того раскаявшийся и вернувшийся в Россию эмигрант В. И. Кельсиев, который по близким своим отношениям с Герценом и Огаревым должен был хорошо знать почерк последнего. На допросе 8 августа 1867 г. в высочайше учрежденной следственной комиссии Кельсиев категорически удостоверил: «Почерк предъявленного мне письма я без всякого колебания признаю почерком Н. П. Огарева — ошибиться мне в этом невозможно».

Пестерев, допрошенный в той же комиссии, показал, что в конце 1864 г. Ворожцов, желавший устроить в России фосфорный завод, ездил за границу для ознакомления с выделкой фосфора, был в Женеве, Лондоне и Париже, познакомился с эмигрантами Н. И. Утиным, Герценом и Огаревым. Перед отъездом за границу Ворожцов виделся с Пестеревым в Москве, и Пестерев, по его собственным словам, «полушутя» сказал Ворожцову, чтобы он привез ему из-за границы «самых новейших книг», а еще лучше — организовал бы постоянный транспорт издающихся за границей русских книг в Россию. По возвращении Ворожцова в Россию Пестерев спросил его: «А «Колокол»-то что же? или струсил?» Ворожцов ответил, что заграничных изданий не привез.

Сам Ворожцов на допросе подтвердил, что с ноября 1864 г. по январь 1865 г. он в сопровождении переводчика был за границей, куда отправился для осмотра фосфорных фабрик, так как хотел устроить такую же фабрику у себя в Слободском, и где посетил Гамбург, Берлин, Париж, Женеву, Лондон и др. города. В Лондоне в театре он случайно встретил некоего Якова Александровича Шнеура, с которым был знаком по Слободскому, где Шнеур проживал в конце 50-х гг. Шнеур пригласил Ворожцова к себе на встречу Нового года. У Шнеура Ворожцов встретил эмигранта кн. П. Долгорукова и «книгопродавца русских книг, фамилию которого я припомнить не могу». К этому книгопродавцу в лавку Шнеур через несколько дней завез Ворожцова, и последний купил там русские книги: «Полярную звезду», «Колокол» и др. Несомненно, что этим книгопродавцом был Тхоржевский, торговавший в Лондоне изданиями Герцена.

«Ездивши с Шнеуром смотреть хрустальный дворец за Лондоном, — говорил Ворожцов на допросе, — помню, он завозил меня к кому-то из русских эмигрантов, но только не к Долгорукову, где мы завтракали... Я встретился тут с книгопродавцом, у которого покупал прежде с Шнеуром книги, и они предлагали мне продажу их в России, но я отказался от этого дела... Этого эмигранта фамилию я припомнить не могу и более нигде с ним не встречался».

Когда же Ворожцову предъявили найденное у него письмо Огарева, то он заявил:

«При допросе помощника слободского уездного исправника по почерку руки я полагал, что письмо это от Пестерева, но если по сличении рук оно действительно Огарева, то значит, что Шнеур к нему меня и завозил; я только помню, что личность эта высокого роста с седыми на голове волосами и бородой, что заезжал к нему не в Лондоне, а вне оного. Письмо это могло быть доставлено мне не иначе как Шнеуром в Лондоне же, ибо, сколько я припомню, 6 (18) января я должен был быть в Лондоне, или, может быть, послал его в Париж».

На вопрос следственной комиссии Ворожцов сообщил следующие подробности свидания своего с Огаревым:

«Всего разговору я припомнить не могу; припоминаю только, что я встретил здесь какие-то «Русские ведомости», которых в Лондоне нигде не видал, занялся просмотром их, и с них разговор обратился на земские учреждения; причем, как вспоминаю, Огарев советовал всеми силами хлопотать о выборах в земство податного сословия, на что, сколько припомню, я отвечал, что очень трудно, в особенности из крестьян, найти людей, которые бы сумели сказать слово, на что он ответил, что они были забиты крепостью, а что по освобождении из крепостных у них появится и слово и что они говорят же теперь на мирских сходках и решают свои дела. На это я, сколько могу припомнить, ответил, что, чтоб научились понимать правильность, например, расходов уезда, нужно много времени, а сначала, вероятно, будут хлопотать горожане, чтоб свалить что возможно на земство, а земство на горожан. Потому-то, вероятно, Огарев и писал в письме, чтоб и я принимал участие в земских выборах и что мы по возможности должны хлопотать, чтобы сократить время несогласия в сословиях и что вслед затем должны открыться присяжные суды, которые избавят нас от взяточничества и дадут возможность стать на ноги бедному пред богатым. Сколько могу припомнить, советовалось научиться писать и говорить в собраниях земских, но я обыкновенно в этих случаях говорю, что я человек, не привыкший к обществу, что я посвятил себя практической химии и буду жизнь мою хлопотать о развитии в России тех продуктов, которые теперь достаем из-за границы.

Об оппозиции против правительства я не помню, был ли разговор и кто в ней участвует, никогда не слыхал от Огарева, да и ему невозможно, я думаю, высказывать имен таких личностей человеку, который не участвовал ни в одной демонстрации против правительства...»

Позднее Ворожцов добавил, что у Огарева еще разговор шел о незадолго до того подавленном восстании в Польше. Относительно этого разговора Ворожцов показал:

«У Огарева, — еще вспомнил, — что на замечание мое о бунте поляков, что это дело затеял не народ, а шляхта, которая угнетает народ лучше наших помещиков, — Огарев горячо заступился за них, говорил, что это не бунт, а народная война, что поляков непременно поддержат извне, что эта война продолжится десятки лет и что в России должны стараться о том, чтобы не отстраняться от знакомства с ссыльными поляками, а напротив, всеми силами стараться вводить их в общество и учиться у них страдать за родину, что и они, эмигранты, надеются через поляков возвратиться в Россию. Не припомню уже, возражал ли я что на эту речь, но только помню, что Шнеур был на его стороне и, кажется, мне не дал говорить».

Следственная комиссия заинтересовалась, не давал ли Пестерев Ворожцову поручения наладить транспорт русских книг, печатающихся за границей. Ворожцов ответил на этот вопрос отрицательно. По его словам, Пестерев говорил только, что Герцен «пишет гораздо умнее и правдоподобнее всех русских издателей». На это Ворожцов будто бы ответил, «что сочинения Герцена немного найдется охотников читать за их резкость, что и теперь они читаются больше из моды, за их дороговизну, а что будь они дешевы, то и мода на них пройдет».

К этому Ворожцов прибавил, что в Женеве он познакомился с Н. Утиным, который предлагал ему организовать доставку книг в Россию, но Ворожцов на это не согласился.

Следственная комиссия, рассмотрев дело о Ворожцове, постановила учрежденный над ним полицейский надзор оставить в силе *).

Показания Ворожцова в следственной комиссии вряд ли были вполне искренними. Сопоставление их с показаниями Пестерева делает весьма вероятным предположение, что встреча Ворожцова с Огаревым не была случайной и что Ворожцов имел намерение организовать доставку в Россию эмигрантской литературы.

Из письма Огарева видно, что Ворожцов произвел на него весьма благоприятное впечатление. Повидимому, Огарев заинтересовался Ворожцовым как представителем нового, неизвестного ему ранее типа людей — типа делового человека, в котором недостаток образования **) компенсируется природной сметливостью и энергией. Из письма Огарева видно, что земская реформа, проведенная в России, по мнению Огарева, открывала широкое поприще для деятельности людей этого типа.

Письмо Огарева к Ворожцову представляет несомненный интерес для характеристики политических настроений Огарева в период после подавления польского восстания и ликвидации тайного общества «Земля и Воля». Вот это письмо:

И. П. В. [1]) 18 января (1865 г.)

Итак мои хлопоты о вашей встрече [2]), Иван Прокофьевич, кажется, были порожни, и я вам, пожалуй, только попусту помешал продолжать путь. Простите мне это за искреннее желание устроить встречу, которую я считал далеко не бесполезною. В том, что это время для нас идет не так, как нам бы его повернуть хотелось, не мы виноваты. Личная жизнь так пришиблена случайными обстоятельствами, что лишь бы пройти это время, спасая все, что можно спасти..., и опять стать на ноги! Да не об этом я хотел говорить. С тех пор, как вы уехали, я почти исключительно занимался чтением русских газет. Все газеты дали мне одинаковый результат: дворянство везде неохотно, туго принимается за земские учреждения (даже и судебную реформу ждет то же, т. е. мировые инстанции); оно устраняется. Оно пойдет поддерживать правительство в военной и гражданской администрации, т. е. как чиновничество, а общественным представителем, как бы ни было ограничено это представительство, не будет или будет очень вялое и редкое. Для меня это из газет очевидно; вместе с этим очевидно убеждение, что за общественные должности должны горячо схватиться разночинцы (купцы, семинаристы, университетцы и т. п.), ибо в этом явится путь: развитие понятия выборности, способов явной оппозиции, сближения со всеми слоями общества для всякой оппозиции. Пора, кроме литературного дела, которое вертится в крошечном кружку и наиболее указывает на идеалы, даже не всегда ясно выработанные, пора приняться за практический труд, который близко ли, далеко ли ставит свой идеал, но развивает случающиеся обстоятельства, без развития которых ни шагу нельзя шагнуть. — Но вы сами это хорошо понимаете и можете спросить, — зачем я это пишу? Затем, чтобы протянуть вам руку сочувствия, которая поддержала бы ваше убеждение, если встретятся люди, даже и хорошие, но смотрящие на дело с иной стороны... может, не с уясненной стороны. Кончу тем, что скажу вам: да, я страшно рад, что встретился с вами: я почувствовал растущую силу практического направления. — Жму руку вам и Л. [3]).

*) Моск. Архив Революции и Внешней Политики. Дело выс. учрежд. следств. комиссии, 1866 г. № 302, ч. IV.

**) Ворожцов говорил о себе на допросе: «Образования никакого в заведениях не получил, кроме как выучен азбуке и священной истории у священника».

Все, что у меня теснится в мозгу по этой задаче, я скажу вам в мартовском номере в 3-м письме к одному из многих [4]). Не знаю, этот один согласен со мной или нет, но этот взгляд следует выразить в непродолжительном времени. — Ну, прощайте. Кланяйтесь дома. Ваш *Н. О.*

Это письмо писал днем позже, чем хотел, ибо вчера был болен, как пес *).

Сообщил *Б. Козьмин.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Т. е. «Иван Прокофьевич Ворожцов».

[2]) На вопрос следственной комиссии, о какой встрече говорит Огарев, Ворожцов ответил, что Огарев обещал ему устроить встречу с одним фабрикантом, занимающимся изготовлением фосфора.

[3]) На вопрос об этом «Л.» Ворожцов показал: «Положительно должен сказать, что я пожимания рук никому не передавал, а по чистой совести показываю, что даже этого «Л.» в письме не заметил, так как оно написано очень мелким почерком, и, так как Огарев мне не сказывал ни одной фамилии, то это могло относиться только к Лапре [переводчик, ездивший с Ворожцовым за границу.— *Б. К.*], о котором я, вероятно, поминал, как о товарище путешествия, но который, не помню, чтоб был со мной у Огарева».

[4]) Огарев имеет в виду свою статью «К одному из многих (письмо третье)», появившуюся в № 196 «Колокола»; первые два письма были напечатаны в №№ 189 и 190.

А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов.

Публикуемые ниже извлечения из дела коллегии иностранных дел «о коллежском секретаре Пушкине» за 1824 г. [1]) представляют собой семь документов, из которых четыре известны исследователям по копиям или отпускам, а три являются новостью и дают несколько новых деталей и штрихов к истории высылки Пушкина из Одессы.

Дело о высылке Пушкина освещает преимущественно роль графа Воронцова. Первое хронологическое упоминание о Пушкине, исходящее от Воронцова, находится в письме графа Воронцова начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву из Одессы от 6 марта 1824 г. Воронцов отражал здесь выдвинутые против него обвинения в том, что он поддается влиянию лиц неблагонадежных и склонных к беспорядкам. Обвинение, которое могло быть чреватым последствиями в 1824 г., когда император Александр уже был объят настроениями мрачного, реакционного мистицизма. Стараясь отгадать, кого имел в виду его обвинитель, Воронцов писал: «Относительно же тех людей (на которых намекают) я хотел бы, чтобы взглянули, кто находится при мне и с кем я говорю о делах. Если имеют в виду Пушкина и Александра Раевского, то по поводу последнего скажу вам, что я не могу помешать ему жить в Одессе, когда ему того хочется, но с тех пор, что мы говорили о нем с вами, я только еле-еле соблюдаю с ним формы, которые требует благовоспитанность в отношении старого товарища и родственника, и уж, конечно, мы никогда не разговариваем о делах или о назначениях по службе, — по всему, что до меня

[1]) Московский Архив Революции и Внешней Политики.

*) Воспроизводится по подлиннику в назв. деле след. ком., л. 2.

о нем доходит, он благоразумен и сдержан во всех своих речах и понимает, я полагаю, свое положение и, главным образом, тот вред, который он причинил своему отцу. Что же касается Пушкина, то я — говорю с ним не более 4 слов в две недели, он боится меня, так как знает прекрасно, что при первых дурных слухах о нем я отправлю его отсюда и что тогда уже никто не пожелает взять его на свою обузу; я вполне уверен, что он ведет себя много лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове, который забавлялся спорами с ним, пытаясь исправить его путем логических рассуждений, а затем дозволял ему жить одному в Одессе, между тем как сам оставался в Кишиневе. По всему, что я узнаю на его счет и через Гурьева [1]), и через Казначеева [2]), и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уж поклонник его таланта — нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно» [3]).

Отношения графа Воронцова к Пушкину обрисованы в этом письме ярко и точно. Он совсем невысоко ценит поэтический талант Пушкина, лично он ему неприятен весьма, и он был бы в восторге не видеть его около себя; отношения графа к поэту высокомерны: едва два слова в неделю процедит граф поэту. Он бы и отослал его, если бы поведение его не было благоразумно и сдержанно. Но Пушкин был знаком не только с графом Воронцовым, но и с графиней тоже. Об его увлечении графиней по Одессе говорили усиленно [1]). Прошло три недели, и отношение Воронцова к Пушкину круто переменилось. Надо сказать, что во второй половине марта Пушкин ездил из Одессы в Кишинев, а в начале апреля Воронцов с женой уезжает в свои именья в Белую Церковь. В сношениях Пушкина с Воронцовой происходит таким образом перерыв. В последние дни марта Воронцов принимает решение удалить Пушкина из Одессы. 28-м марта датировано письмо графа Воронцова графу Нессельроде — первый документ публикуемого нами дела. Этот документ был известен нам до сих пор лишь по копии или отпуску, сохранившемуся в деле новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о высылке Пушкина. Дело это находится ныне в Одесском историческом архиве [2]). Текст подлинника публикуется здесь впервые. В копии имеется несколько разночтений, отвергнутых в окончательной беловой редакции. Так как нет никакого сомнения, что письмо если не составлено самим Воронцовым, то во всяком случае тщательно им проредактировано, отступления копии приобретают некоторый интерес для характеристики автора письма. Даем перевод подлин-

---

[1]) А. Д. Гурьев, граф, одесский градоначальник.

[2]) А. И. Казначеев, — правитель канцелярии гр. Воронцова.

[3]) «Пушкин и его современники», вып. XXXVII, стр. 140.

[1]) См. «Пушкин. Статьи и материалы», III, Одесса, 1927. Здесь в статьях о Воронцовых Е. К. и М. С. точно установлены хронологические даты некоторых моментов общения Пушкина с Е. К. Воронцовой. Я основываюсь на датах этой работы.

[2]) Полностью в русском переводе с отпуска письмо напечатано впервые в 1875 г. в Лейпциге, в издании Э. Л. Каспровича «Материалы для биографии Пушкина» (стр. 35—37) и в России — в «Русск. старине» 1879, октябрь, стр. 292—293. Французский текст отпуска напечатан впервые в 1899 г. в «Ведомостях одесского градоначальства» (№ 102).

ника (на франц. языке), отмечая в примечаниях варианты черновика.

«Его сиятельству графу Нессельроде.

Одесса, 24 марта 1924 г.

Граф! Ваше сиятельство осведомлены об основаниях, по которым молодой Пушкин был послан несколько времени тому назад с письмом графа Каподистрии к генералу Инзову. При моем приезде сюда этот генерал, если можно так выразиться, вручил его мне, и он жил с тех пор постоянно в Одессе, где находился еще до моего прибытия и в то время, когда генерал Инзов был в Кишиневе. Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина, справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе. Основной недостаток г. Пушкина — это его самолюбие. Он находится здесь и за купальный сезон приобретает еще множество восторженных поклонников своей поэзии, которые, полагая, что выражают ему дружбу лестью, служат этим ему злую службу, кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон), да кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказать [1]). Удалить его отсюда — значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет ничему, ибо все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора [1]). Кишинев так близко отсюда, что ничто не помешает этим же почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество.

По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство испросить распоряжений государя по делу Пушкина. Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий. Я повторяю, граф, исключительно в его интересах я обращаюсь с этой просьбой. Я надеюсь, что моя просьба не будет истолкована ему во вред, и убежден, что, только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив в то же время от того, что может ему сделать столько зла.

Я говорю о лести и о столкновении с сумасбродными и опасными идеями.

Имею честь быть с глубоким уважением вашего сиятельства преданнейший и покорнейший слуга

Граф Михаил Воронцов.

Сравнивая это письмо к Нессельроде с письмом к Киселеву, написанным тремя неделями раньше, нельзя не отметить совпадения: и там и здесь отмечается умеренность и сдержанность Пушкина и необходимость для него усидчивого труда и расширения познаний. Но Воронцов в письме к Киселеву обещал отправить Пушкина при первых дурных слухах. Но никаких таких мотивов в письме к Нессельроде, новых по сравнению с отзывом в письме к Киселеву, Воронцов не указывает. Он умоляет только об одном, чтобы Пушкин был удален из Одессы; почти не скрывая своего лицемерия, он пытается убедить министра

[1]) В копии зачеркнут конец фразы: «и стать отличным писателем».

[1]) В копии иначе: «ибо это вовсе не удалит его от Одессы, и в таком случае он останется вне моего надзора».

и царя, что просьба его вызвана исключительно заботами о благе Пушкина. Но что произошло за эти три недели? Произошел перерыв общения, и Воронцов решил его продлить хотя бы ценой доноса. Возбудив вопрос об удалении Пушкина, Воронцов проявляет необычайную настойчивость и стремительность. Помимо официального обращения к Нессельроде Воронцов пытается воздействовать в этом вопросе и через своего клеврета в Петербурге, друга и благоприятеля Н. М. Лонгинова, занимавшего место управляющего канцелярией жены Александра I Елисаветы Алексеевны. 8 апреля Воронцов из Белой Церкви сообщал Лонгинову: «Я писал к гр. Нессельроду, прося, чтоб меня избавили от поэта Пушкина. — На теперешнее поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лености, другое — таскается с молодыми людьми, которые умножают его самолюбие, коего и без того он имеет много; он думает, что он уже великой стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться прежде, нежели точно будет человек отличной. В Одессе много разного сорта людей, с коими едакая молодежь охотно видится, и, желая добро самому Пушкину, я прошу, чтоб его перевели в другое место, где бы он имел и больше времени, и больше возможности заниматься, и я буду очень рад не иметь его в Одессе...» [1]). Но никакого движения по делу Пушкина не было, и 29 апреля Воронцов вновь напоминает Лонгинову: «О Пушкине не имею еще ответа от гр. Нессельроде, но надеюсь, что меня от него избавят. Сегодня ввечеру отправляюсь в Кишинев дней на пять». Из Кишинева Воронцов писал 2 мая графу Нессельроде о наводнявших Молдавию греческих выходцах, подозрительных для русского правительства, и об установлении за ними секретного наблюдения. По этому случаю он возобновил свое ходатайство об удалении Пушкина: «По этому поводу я повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе. Прощайте, дорогой граф» [1]). А через два дня 4 мая Воронцов из Кишенева же снова инспирировал Лонгинова: «Казначеев мне сказывал, что Туманский [чиновник Воронцова, поэт и приятель Пушкина] уже получил из П[етер]бурга совет отдаляться от Пушкина, и я сему очень рад, ибо Туманский — молодой человек очень порядочный и совсем не Пушкинова разбора. Об эпиграмме, о которой вы пишете, в Одессе никто не знает, и, может быть, П. ее не сочинял; впрочем нужно, чтоб его от нас взяли, и я о том еще Нессельроду повторил».

Время шло. Пушкин, ничего не подозревавший, пребывал в Одессе. В конце апреля вернулись в Одессу Воронцовы, и нетерпение графа Воронцова росло с каждым днем. В середине мая Воронцов назначил свой отъезд с семьей в Крым, но болезнь дочери помешала поездке и держала его и жену в Одессе. Воронцов должен был удалить Пушкина во что бы то ни стало. Тогда он прибегнул к необычайному способу и использовал свою власть начальника в личных целях. Пушкин считал себя числящимся на службе лишь номинально, да так смотрели на его службу и все его начальники. В письме, о котором будет сейчас речь, к А. И. Казначееву Пушкин

[1]) Письма Н. М. Лонгинова, хранящиеся в «Пушкинском доме», использованы у Б. Л. Модзалевского: «Пушкин», 1929, стр. 84—85.

[1]) «Пушкин и его современники», XVI, стр. 68, в статье Н. О. Лернера.

говорил о себе: «7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником». Поэтому Пушкина не могло не уколоть и не ошарашить неожиданно полученное им предписание графа Воронцова от 22 мая 1824 г. за № 7975: «Желая удостовериться о количестве появившейся в Херсонской губернии саранчи, равно и том, с каким успехом исполняются меры, преподанные мною к истреблению оной, я поручаю вам отправиться в уезды Херсонской, Елисаветградский и Александрийский. По прибытии в город Херсон, Елисаветград и Александрию, явитесь в тамошние общие уездные присутствия и потребуйте от них сведения: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства и достаточны ли распоряжения, учиненные уездными присутствиями.

Обо всем, что по сему вами найдено будет, рекомендую донести мне» [1].

Пушкин весьма оскорбился, возмутился крайне и почувствовал, что он должен протестовать, но как? Не подчиниться приказу начальника, потребовать отставки? Сохранились в бумагах Пушкина два черновика его письма к правителю воронцовской канцелярии А. И. Казначееву, верноподданному чиновнику. В этом письме, писанном в день получения предписания, 22 мая, Пушкин сдерживает волнующие его чувства. Излагая свой взгляд на свою службу, Пушкин остерегается сделать решительный вызов. «Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю, вправе ли *отозваться* на предписание его сиятельства»... как будто бы Пушкин и не думает *о неподчинении* приказу! «Знаю, что довольно этого письма, чтоб меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь»... как будто в этих словах Пушкин отклоняет от себя инициативу в вопросе об отставке! Кончается письмо жалобным воплем, ссылкой на неизлечимую болезнь — аневризм: «ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая, верно, не продлится?» [1]. Во всяком случае предписание Воронцова было им выполнено, и в командировку он отправился. Впоследствии, месяца через два, когда угроза высылки стала реальной, княгиня В. Ф. Вяземская, с 7 июня жившая в Одессе и установившая с Пушкиным дружеские и откровенные отношения, писала мужу о Пушкине: «Он виноват только в некотором ребячестве и довольно справедливой досаде за то, что его послали на открытие саранчи, а все же он послушался» [2]. В командировку Пушкин отправился 23 мая; в этот день он расписался в получении 400 рублей прогонных денег [3]. Но Воронцов обманулся в своих ожиданиях. Если принять во внимание обширность территории, на которой должен был действовать Пушкин (Херсон, Александрия, Елисаветград), и

[1]) История командировки Пушкина «на саранчу» освещена на основании подлинного дела о саранче в статье Г. Сербского «Дело о саранче». Статья появится на страницах издания «Пушкин и его современники». Ознакомлением с этой статьей обязан любезности автора.

[1]) «Пушкин. Письма». Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 77—80. Дата, приведенная редактором — 25 мая, — непонятна.

[2]) Остафьевский архив, т. V, вып. I, стр. 130.

[3]) «Пушкин. Статьи и материалы», I, Одесса, 1925, стр. 50.

крупные размеры суммы, полученной им на прогоны, то надо думать, что Пушкину была предложена командировка значительной длительности. Очевидно, в расчеты Воронцова входило продержать Пушкина возможно дольше вне Одессы, пока не придет решение из Петербурга. Но Пушкин в конце мая был уже в Одессе: в «Journal d'Odessa» от 2 июня 1824 г. в числе прибывших 31 мая в Одессу значится «коллежский секретарь Пушкин» [1]). Максимальная длительность командировки — неделя, но в этот срок предписание Воронцова не могло никак быть выполнено, даже при бешеной езде на почтовых.

Итак Пушкин опять оказался около Воронцова. Но как раз в это время Воронцов уже читал датированное 16 мая и шедшее до Одессы недели две (не больше) письмо от графа Нессельроде: «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворен тем, как вы судите об этом молодом человеке, и дал мне приказание уведомить вас о том официально. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать свое повеление во время ближайшего моего доклада» [2]). Сообщение не очень ясное: правда, оно не предвещало ничего хорошего для Пушкина, но в то же время не подавало графу Воронцову категорической надежды на устранение Пушкина из Одессы. Воронцову надо было нажимать. У Пушкина возникала мысль об отставке, но он не привел ее в исполнение немедленно по получении приказа о командировке. Мы не знаем, что произошло по возвращении Пушкина из командировки, в промежуток до 8 июня. Княгиня Вяземская писала мужу (19 июля): «Пушкин, был там [«на саранче»] и, вернувшись, подал в отставку, так как самолюбие его было уязвлено» [1]).

Сам Пушкин излагал свое дело в письме к князю П. А. Вяземскому (от конца июня): «Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбой в отставку, — но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня. Покамест не говори об этом никому. А у меня голова кругом идет» [2]). Позже, 14 июля, Пушкин писал А. И. Тургеневу: «Вы уж узнали о просьбе моей в отставку; с нетерпеньем ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением; я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» [3]).

---

[1]) Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», 2-е изд., СПБ. 1910, стр. 98. Не представляется возможным установить раннюю дату возвращения Пушкина на основании сообщения М. Ф. Орлова в письме к жене от 29 мая: «Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею, и, после весьма трудной кампании, вчера вернулся, отступив пред несметным неприятелем» («Былое», 1906, октябрь, стр. 308). Надо обратить внимание, что письмо Орлова писано из К и е в а. Каким образом 29 мая Орлов из Киева мог сообщать, что Пушкин вернулся в Одессу 28 мая?

[2]) Архив кн. Воронцова, кн. 40, стр. 12.

[1]) Остафьевский арх., т. V, в. II, стр. 131.

[2]) Под полемической перепиской надо понимать переписку с Казначеевым: едва ли Пушкин вел ее непосредственно с графом.

[3]) «Пушкин. Письма». Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 85 и 88.

Прошение Пушкина об отставке до сих пор не было известно исследователям. Оно находится в названном выше деле и печатается впервые. Вот его текст:

«Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит коллежский секретарь Александр Пушкин, а о чем, тому следуют пункты:

I.

Вступив в службу вашего императорского величества из Царско-сельского лицея с чином коллежского секретаря в 1817 году, июня 17 дня, в коллегии иностранных дел продолжал оную в Санкт-Петербурге до 1820 году, потом волею вашего императорского величества откомандирован был к уполномочному наместнику Бессарабской области.

II.

Теперь, по слабости здоровья не имея возможности продолжать моего служения, всеподданнейше прошу.

III.

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня, вышепоименованного, от службы уволить.

IV.

Всемилостивейший государь, прошу ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. июня . . . дня 1824 года. Одесса.

К подаче подлежит через Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области в государственную коллегию иностранных дел.

Сие прошение сочинял и писал коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин» [1]).

8 июня просьба Пушкина находилась в руках Воронцова и на другой же день (какая спешка!) была препровождена графу Нессельроде при следующем письме Воронцова (на франц. языке), тоже впервые нами печатаемом. Даем перевод.

Одесса, 9 июня 1824.

Дорогой граф,

Пушкин представил прошение об отставке. Не зная, по справедливости, как поступить с этой просьбой, и необходимо ли представить свидетельство о болезни, я посылаю вам ее в частном порядке и настоятельно вас прошу либо дать ей ход, либо мне ее возвратить, в зависимости от того, как вы рассудите. И в последнем случае благоволите мне сказать, должна ли она быть ему возвращена, или же она должна быть сопровождена аттестатом и послана по форме.

...Ваш Воронцов».

В сущности прошение Пушкина могло быть и лишним в деле, но повредить ему должно было. Воронцов сознавал это: извилистый тон его письма достаточно свидетельствует об этом. И, притом, как прав был Пушкин: при собственноручном прошении об отставке ответственность падала на него, а не на Воронцова. О перенесении ответственности именно на Пушкина постарался и верноподданный правитель канцелярии А. И. Казначеев. Не без инспирации со стороны графа — нужно так думать. Казначеев письменно выразил Пушкину огорчение по поводу подачи прошения и сожаление по поводу могущих быть последствий. Сохранился черновик ответа Пушкина:

---

[1]) На подлиннике помета: «Пол. 8 июня 1824 г.».

«Что касается ваших опасений относительно последствий, которые может повлечь эта отставка, то я не нахожу их основательными... Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе — двух вещах, по моему мнению, несовместимых. Я не могу, да и не хочу претендовать на дружбу графа Воронцова, еще менее — на его покровительство, ничто, сколько я знаю, не принижает более, чем покровительство, и я слишком уважаю этого человека, чтобы пожелать унижаться перед ним. У меня есть на этот счет демократические предрассудки, которые стóят предрассудков аристократической гордости. Я жажду только независимости... Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника. Мне наскучило, что ко мне в моем отечестве относятся с меньшим уважением, чем к первому попавшемуся дураку, мальчишке-англичанину, который является к нам, чтобы среди нас проявить свою (зачеркнуто: глупость) плоскость (зачеркнуто: небрежность) и свое бормотанье. Нет никакого сомнения, что граф Воронцов, — человек умный, — сумеет (зачеркнуто: сделать меня виновным) выставить меня в глазах общественного мнения виноватым: победа весьма лестная, — и я предоставляю ему наслаждаться ею в свое удовольствие, ибо так же мало забочусь об общественном мнении, как и о брани и о восторгах наших журналов». Последняя фраза о Воронцове была повторена, как мы видели, в письме к Вяземскому. Пушкин и не подозревал в этот момент, что участь его была предрешена Воронцовым еще в марте месяце, не подозревал того деятельного обмена письмами, который шел между Одессой и Петербургом, но одно он знал: просьба, поданная им как будто бы и добровольно, в действительности вынуждена образом действий Воронцова. Не разгадывал Пушкин и мотива, руководившего Воронцовым: ему казалось, что цель Воронцова — в уязвлении его самолюбия — и только, но он не предполагал, что основная цель действий — непременное удаление его, Пушкина, из Одессы, из пределов генерал-губернаторства. И тут, конечно, в Воронцове говорил не наместник края, а муж, имевший основания опасаться близости, создавшейся между его женой и Пушкиным. Не будет далеким от истины предположение, что Пушкин не представлял себе размеров осведомленности графа Воронцова об интимных своих делах. Не ревность возбуждала активность мужа, а честолюбие высокопоставленного вельможи. Любовный быт четы Воронцовых отличался необычайной распущенностью — в духе времени. По свидетельству современников, «жена Воронцова не отличалась семейными добродетелями и так же, как и муж, имела связи на стороне» [1]). Приведу красноречивую цитату из неизданных воспоминаний другого современника, барона А. К. Боде, хорошо знавшего Воронцовых как раз в пушкинские времена: «Граф Воронцов очень любезен, когда захочет, но, по упорно мстительному его нраву, не дай бог попасться ему в когти, когда он на кого думает иметь право быть в претензии, хотя бы то было и без всякого основания... Графиня Воронцова — женщина светская, очень любезная и любит заняться любовниками, на что ее муж вовсе не в претензии; напротив того, он покровительствует их, потому что это доставляет ему свободу заняться беспрепятственно любовницами». Мотивировка покровительства, может быть, и неверна, а в случае — предположительном — с Пушкиным, может быть, и неприемлема: слишком велико было расстояние между вельможей и ссыльным поэтом. О Воронцове можно сказать, что и до

[1]) «Русский архив», 1913, I, стр. 355—358.

сих пор он еще не разоблачен окончательно, особенно у пушкинистов. Уж слишком давил он исследователей авторитетом имени, сана, богатства, английского воспитания, и они никак не могли принять полностью на сто процентов высказывания о нем Пушкина: «Полугерой, полуневежда, к тому ж еще полуподлец!.. Но тут однако ж есть надежда, что полный будет, наконец».

14 июня Воронцовы, наконец, покинули Одессу. Свою роль Воронцов сыграл. С момента доклада (в первой половине мая) письма Воронцова, о судьбе Пушкина стал думать сам царь, и роль Александра I — не последняя в драме высылки поэта. С характеристикой неблагонадежного поэта, данной Воронцовым, царь был согласен, но разрешение вопроса о каре Пушкину оставил до ближайшего доклада. 27 июня граф Нессельроде сообщил Воронцову о дальнейшем высочайшем движении по делу Пушкина: «Император решил и дело Пушкина: он не останется при вас; при этом его императорскому величеству угодно просмотреть сообщение, которое я напишу вам по этому предмету, что может состояться лишь на следующей неделе, по возвращении его из военных поселений» [1]). Воронцов мог быть доволен: Пушкина от него убирали. Но, куда будет направлен Пушкин, еще не было известно.

Друг и покровитель Пушкина в Петербурге Александр Иванович Тургенев в конце июня узнал о бедах, которые стряслись над головой Пушкина, и бросился помогать. «Граф Воронцов, — писал он князю П. А. Вяземскому 1 июля, — прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, coûte, qui coûte, оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно; что уже несколько раз, и давно, граф Воронцов представлял о сем et pour cause; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковал я о сем с Севериным, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тем более что Пушкин — и псковский помещик. Виноват один Пушкин. Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?» [1]) Вяземский, по письмам жены из Одессы, представлял себе дело иначе и полагал, что инициатива в вопросе об отставке исходила от Пушкина. Отвечая 7 июля Тургеневу на его письмо, Вяземский процитировал из письма жены от 13 июня: «Ничего не могу тебе сказать хорошего о племяннике Василия Львовича; это сумасбродная голова, которая никого не признает; он наделал новых глупостей; после чего попросил об отставке: во всем виноват он сам. Я знаю из хорошего источника, что он отставки не получит. Я делаю все возможное, чтобы его успокоить, браню его за тебя, уверяя его, что ты, конечно, первый осудил бы его; его последние проказы — поступки ветренника. Он высмеял важную для него персону, об этом узнали и теперь на него косятся, что и понятно. Он меня очень огорчает, так как я ни в ком не встречала столько легкомыслия и наклонности к злословию, как в нем; вместе с тем я думаю, что у него доброе сердце и что он большой мизантроп; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; это, может быть, результат несчастья и вина родителей, которые сделали его таким». Любопытно, что в своей цитате Вяземский опустил слова, набранные у нас разрядкой, об осмеянии Пушкиным важной персоны, т. е., конечно, Воронцова. А приведя цитату, Вяземский добавил: «Разумеется, будь осторожен с этими

[1]) Архив Воронцова, кн. 40, стр. 14.

[1]) Остафьевский архив, т. III, стр. 57.

выписками. Но, видно, дело так повернули, что не он просится: это неясно! Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель». На это письмо Тургенев ответил 15 июля: «Письмо твое от 7 июля получил. О Пушкине ничего еще не знаю, ибо не видел ни Нессельроде, ни Северина. Последний совершенно отказался принимать участие в его деле, да ему и делать нечего. Решит, вероятно, сам государь; Нессельроде может только надоумить. Спрошу его при первом свидании. Вчера пронесся здесь слух, что Пушкин застрелился; но из Одессы этого с вчерашней почтой не пишут, да и ты бы от жены лучше знал» [1]).

Публикуемое нами дело приносит неизвестный еще документ, свидетельствующий о моменте, нашедшем отражение в письме Тургенева. Это маленькая справка о семье А. С. Пушкина, предлагавшая материал для решения вопроса (даем ее в переводе с франц.):

«Г. Александр Пушкин, сын Сергея Львовича Пушкина, некогда исполнявшего должность чиновника комиссариата, где он имел чин 5-го класса, и в настоящее время отставленного от службы. У него должна быть недвижимость в Псковской губернии. Мать его, госпожа Пушкина — урожденная Ганнибал.

«Это фамилия мало состоятельная, и молодой Пушкин, ничего не получая от своих родителей, был вынужден жить на свое скромное жалование в 700 рублей в год и на доходы со своих сочинений».

Когда Александр Павлович придумывал кару Пушкину, пред ним лежало не только представление Воронцова, но еще добытая путем перлюстрации выписка из письма Пушкина. Вот эта выписка:

«Читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent crèateur et règulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к нещастию, более всего правдоподобная».

Письмо в подлиннике нам неизвестно; самая же выписка стала известна по копии, присланной графом Нессельроде Воронцову и полностью оглашена в помянутом выше лейпцигском издании «Материалы для биографии Пушкина», в 1875 г. [1]). Перлюстрированный отзыв Пушкина об «афеизме» сыграл, конечно, известную роль в решении царя, но замечательно то, что перлюстрация совершенно затушевала роль Воронцова. Сам Пушкин искренне и простодушно приписывал свою ссылку этой перлюстрации. «Я сослан за строчку глупого письма...» (письмо к Жуковскому от 29 ноября 1824 г.). «Покойный император сослал

[1]) Остафьевский арх., т. III, стр. 57—59.

[1]) Затем полностью выписка напечатана в «Русской старине» 1879 г. и в 1899 г. в «Русской старине», т. 98, стр. 245, и в «Ведомостях Одесского градоначальства». В публикациях до 1899 г. начало выписки читалось так: «читая библию» и только в 1899 г. было дано правильное чтение «читая Шекспира и библию», но зато в «Ведомостях» была сделана новая ошибка: «предпочитаю Гейне и Шекспира». Публикуемая нами выписка, повидимому, подлинная, т. е. поступившая от почт-директора.

меня в деревню за две строчки нерелигиозности... Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное три года тому назад, в котором находилось суждение об афеизме» (письмо к Жуковскому 7 марта 1826 г.). Уже в ноябре 1824 г., как видим, Пушкин уже знал о перлюстрированном письме, о выписке из него. Где же он мог познакомиться с ней? Конечно, в Одессе, в канцелярии генерал-губернатора, которому копия выписки была прислана. Эта выписка и заслонила инициативу графа Воронцова.

В Одессе Пушкин и его друзья еще долго ничего не знали о конце дела Пушкина. 18 июля Вяземская писала мужу: «Мы ничего не знаем, что происходит в Петербурге по поводу него». А 19 июля поясняла: «Из-за отсутствия гр. Воронцова мы ничего о нем не знаем». Воронцовы отсутствовали из Одессы с 14 июня. 23 июля вернулась графиня Воронцова, а 27 июля Вяземская писала мужу: «Мы продолжаем ничего не знать про судьбу Пушкина. Даже графиня знает, что и ты, что он должен уехать из Одессы. Ее муж просто сказал, что в Одессе ничего нельзя было сделать для него, но мы не знаем, чем это кончится» [1]).

Но как раз в это время это уже кончалось. 6 июля на Каменном острове, в Елагином дворце, Александр I просмотрел проект письма, написанного Нессельроде графу Воронцову, и одобрил его. 11 июля письмо было подано на подпись Нессельроде и в тот же день отправлено в Одессу. В руках Воронцова оно было 24—25 июля. В публикуемом здесь деле письмо находится в «отпуске». Подлинник его — в названном деле новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Даем перевод документа.

«Граф, я не преминул представить государю письма, которые ваше сиятельство мне направили, по поводу коллежского секретаря Пушкина. Его величество в полной мере одобрил предложение удалить его из Одессы, вследствие соображений весьма справедливых, на которых вы основывались и которые за это время получили подтверждение еще другими сообщениями об этом молодом человеке, дошедшими до его величества.

Совокупность обстоятельств обнаруживает, к несчастью, в настоящее время, что он далек от отречения от дурных принципов, которые таким губительным образом отметили его первые шаги на общественном поприще.

Вы в этом убедитесь, граф, пробегая прилагаемое при сем письмо, которое его величество поручил мне сообщить вам и о котором московская полиция поставлена в известность вследствие той огласки, которую оно получило.

Вследствие этого император, дабы дать почувствовать ему всю тяжесть его вины, приказал мне вычеркнуть его из списка чиновников министерства иностранных дел, мотивируя это исключение недостойным его поведением. С другой стороны, его величество не считает возможным согласиться предоставить его самому себе, так как, не будучи немедленно подвергнут наблюдению, он будет пытаться, без сомнения, распространять в той или иной степени опасные взгляды, которые он исповедует, и этим самым поставит правительство в необходимость применить к нему, наконец, строжайшие меры.

Чтобы отдалить насколько возможно эти последствия, его величество не соизволил ограничиться исключением его со службы, но почел нужным выслать его в имение, которым его родители владеют в Псковской губернии, и водворить его там под надзор местных властей. Да благоволит ваше сиятельство поставить в известность гос-

[1]) Остафьевский архив, т. V, вып. II, стр. 127, 136.

подина Пушкина обо всех решениях, которые его касаются, наблюсти, чтобы они были выполнены со всею точностью, и отправить его без промедления в Псков, обеспечив ему путевые издержки.

Примите, граф, уверение в моем высоком уважении»...

Итак, Александр I пошел дальше Воронцова: он не только удалил Пушкина из Одессы, но исключил со службы, правда номинальной, и изолировал его в псковской деревне. Весть о высылке Пушкина разнеслась по Петербургу и Москве довольно скоро. Уже 31 июля Вяземский сообщал так: «Из Петербурга пишут, что он выключен из службы, и велено ему жить у отца в деревне. Правда ли? Надобно было дарование уважать! Грустно и досадно». А 5 августа Тургенев писал Вяземскому: «Ты уже знаешь, что Пушкин отставлен; ему велено жить в псковской деревне отца его под надзором Паулуччи. Это не по одному представлению графа Воронцова, а по другому делу, о котором скажу после, на словах. О приезде его туда еще ничего не слышно, и не знаю еще, приехал ли?» [1])

«Решительное» письмо Нессельроде было получено графом Воронцовым в отсутствие его из Одессы. Немедленно он предписал одесскому градоначальнику привести в исполнение волю царя. 29 июля эта воля была объявлена Пушкину. С него взята была следующая подписка:

«Нижеподписавшийся сим обязывается, по данному от г. одесского градоначальника маршруту, без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться лично к г-ну гражданскому губернатору. Одесса, 29 дня 1824 г. Коллежский секретарь Александр Пушкин.

По маршруту от Одессы до Пскова исчислено верст 1621. На сей путь прогонных на три лошади триста восемьдесят девять рублей четыре копейки получил коллежский секретарь Александр Пушкин».

Псковская губерния находилась в то время в составе Рижского военного генерал-губернаторства. Управлявший Прибалтийским краем и Псковской губернией маркиз Паулуччи был уже предупрежден о прибытии Пушкина письмом от 12 июля (последний документ нашего дела). Даем перевод документа.

«Господин маркиз.

Император повелевает мне препроводить вашему превосходительству прилагаемую копию депеши, отправленную мною господину новороссийскому генерал-губернатору касательно коллежского секретаря Пушкина, который несколько лет тому назад был сослан в полуденные края империи за некоторые заблуждения, в которых он провинился в Петербурге. Надеялись, что с течением времени удаление от столицы и в связи с тем деятельность, которую могла предоставить этому молодому человеку служба, сначала при генерале Инзове и потом при графе Воронцове, будут в состоянии привести его на стезю добра и успокоят избыток воображения, к несчастью не всецело посвященного развитию русской литературы — природному призванию г-на Пушкина, которому он уже следовал с величайшим успехом. Ваше превосходительство усмотрите, прочитав бумаги, которые я имею честь вам сообщить, что это ожидание не оправдалось. Император убедился, что ему необходимо принять по отношению к г-ну Пушкину некоторые новые меры строгости, и, зная, что его родные владеют недвижимостью в Псковской губернии, его величество положил сослать его туда, вверяя его вашим, господин маркиз, не-

[1]) Остафьевский архив, т. III, стр. 66.

усыпным заботам и надзору местных властей. От вашего превосходительства будет зависеть, по прибытии молодого Пушкина в Псков, дать этому решению его величества наиболее соответствующее исполнение.

Примите, господин маркиз, уверение в моем высоком уважении

Нессельроде.»

В деле сохранился отпуск письма, а подлинник его находится в деле о высланном из столицы коллежском секретаре Пушкине, хранившемся раньше в архиве Рижского военного генерал-губернаторского управления, которое в 1900 г. поступило в Публичную библиотеку в Петербурге [1]).

Отпуском письма графа Нессельроде маркизу Паулуччи заключается «дело коллегии по иностранным делам о коллежском секретаре Пушкине» за 1824 г.

П. Щеголев.

Новый рассказ о казни декабристов.

Этот рассказ взят из недавно найденной рукописи записок декабриста Н. И. Лорера. Записки никогда не выходили отдельным изданием — они печатались отдельными частями в старых журналах («Русский архив» 1874 г. и «Русское богатство» 1904 г.). Царская цензура — или издатели в угоду ей — неузнаваемо изуродовали текст: страницами выбрасывались интереснейшие места мемуаров, искажался смысл отдельных фраз, неугодных цензуре, и т. д. Выпущен, например, эпизод прощания декабриста с солдатами, ряд мест, касающихся А. С. Пушкина, и многие другие. Выпущен был и рассказ о казни декабристов, ныне печатающийся впервые. В опубликованном «Русским богатством» тексте сохранились лишь небольшие фрагменты начала и конца этого рассказа, воспроизводимые здесь для полноты картины вместе с вычеркнутым цензурой текстом.

Этот рассказ дает нам неизвестные ранее живые подробности события. Он превосходит многие известные описания казни полнотой и своеобразной художественностью, не свободной от налета сентиментального пафоса и романтики, столь свойственного эпохе. Запечатлелся в рассказе и ряд черточек, характерных для дворянского происхождения декабристов и связи их с господствующим классом — молитвы «за царя», сентиментальная религиозность, уверенность в благородстве будущего шефа жандармов Бенкендорфа и т. д.

Поясним отдельные детали и имена: генерал-адъютант Александр Иванович Чернышев — ненавистный декабристам участник Следственной комиссии по их делу, изо всех сил старавшийся угодить торжествовавшему победу самодержавию. Николай I щедро расплатился со своим преданным слугой, «пожаловав» ему графское достоинство в день коронации и поставив на долгое время во главе военного министерства. Член Общества соединенных славян декабрист Иванов, комиссариатский чиновник, «родом из почтальонских детей», был, как и большинство «славян», своего рода «плебеем» среди декабристов и бросился в глаза Лореру. Унтер-офицер Соколов — тюремный служитель, выразивший человеческое отношение к Лореру. Эпизод с Александром Муравьевым объясняется тем, что он ушел из тайного общества декабристов еще в 1819 г., и верховный уголовный суд «по уважению» совершенного и искреннего раскаяния приговорил его к ссылке в Сибирь без ли-

[1]) Подлинный текст документа издан Н. О. Лернером в «Русской старине» 1908, октябрь, стр. 109—110.

шения чинов и дворянства, — поэтому в церемонии этого лишения А. Муравьев и не должен был участвовать. По всеподданнейшему донесению петербургского генерал-губернатора сорвались с виселицы Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол, а не Пестель, Рылеев и Муравьев, как сказано в публикуемом тексте. Римские-Корсаковы, о которых идет речь в конце, были родственниками, но не братьями. Они оставили тайное общество в 1821 г., и поэтому их участие в нем было «высочайше повелено оставить без внимания».

Рукопись записок Н. И. Лорера хранится в Коммунистической академии СССР. В скором времени издательство последней выпустит «Записки» отдельным изданием.

М. Нечкина.

* * *

«...Рано утром, едва солнышко встало, меня разбудили и повели с моими сотоварищами по заключению на маленький мостик, соединяющий Алексеевский равелин с Петропавловской крепостью. Здесь мы сошлись с товарищами другого разряда, которые ссылались на 15 лет, как то: Никита Муравьев, брат его Александр, Кюхельбекер и нас 18 человек.

От раннего времени и от бессонницы мы все были очень бледны и грустно тянулись к воротам крепости. Но тут сцена переменилась, лица ожили, языки развязались, потому что вовсе неожиданно на гласисе мы встретили остальных товарищей несчастия. Начались рукопожатия, обнимания, и восторг был общий. — Я и не подозревал, что нас так много и даже, правду сказать, многих и не знал вовсе в лицо. Этот процесс был столько замечателен по величайшему разнообразию общественных элементов, составлявших его, как и по числу арестованных, принадлежавших ко всем классам общества, начиная от сословий самых низших до самых высоких.

Тут встретил я даже мундир комиссариатского чиновника — г-на Иванова и увидал Лунина, привезенного из Варшавы, в странном одеянии: на нем был Гродненского гусарского полка сюртук, а ноги обуты были в казематные туфли! Наша толпа составляла смесь черных фраков, круглых шляп, грузинских папах, кирасирских белых колетов, султанов и даже киверов. Несмотря на всю эту пестроту мы рады были увидеться с некоторыми и сожалели, конечно, о тех, которых полагали избегнувшими наказания и которых нашли-таки в нашей среде. Солдаты нас окружали.

Наконец прискакал Чернышев, в ленте, разодетый как будто на парад какой-нибудь, осмотрел нас в лорнет и, видя, что никто его не замечает даже, отъехал прочь. Колонна наша зашевелилась и двинулась в ворота крепостные. Гвардейские войска полукругом опоясывали большую площадь, и между ими и нами рисовались на небе виселицы, и 5 веревок качались на роковой перекладине!

На площади разложены были костры, и люди поддерживали огонь. Чернышев летал с озабоченным видом по рядам: другие генерал-адъютанты разъезжали также, но скромно. Меня удивляет только, что и благородный Бенкендорф, знавший многих из нас и любивший, не сумел отклонить от себя этой грустной обязанности.

На деревянных подмостках расхаживали палачи в красных рубахах. Пять мученников, с вечера еще отделенные от целого мира, всю ночь провели с нашим священником и готовились предстать чистыми пред судилище вечного. С Пестелем беседовал пастор Рейнгольд. Их тут не было...

Нас поставили в небольшое карре, фурлейты принесли надпиленные шпаги... Приказали снимать эполеты, ордена, мундиры и стали бросать в ко-

стры... У меня были золотые эполеты, и я хотел было сохранить их для моего доброго унтер-офицера Соколова, но Чернышев заметил это и приказал мне кинуть их в огонь...

Подле меня стоял Александр Муравьев, он был полковником генерального штаба в отставке. Перед церемонией ломания шпаг к нему подъехал генерал-губернатор с.-петербургский — Кутузов и спросил:

— Вы Александр Муравьев?

— Я.

— Отступите назад.

— Генерал! Я не один здесь Александр Муравьев, — тут есть и другой...

— Вы отставной полковник генерального штаба?

— Я.

— Ну, так отойдите назад.

И тогда Александр Муравьев стал за мной...

Когда, повидимому, все было готово, приблизился какой-то чиновник, и стал читать что-то вроде вторичного приговора, но его вообще мало слушали.

По команде нас поставили на колени и стали ломать над нашими головами шпаги. Трубецкому, Одоевскому, князю Барятинскому, Муравьеву и другим гвардейцам ломали шпаги перед гвардейскими полками. Моряков же, которых было много, отправили в закрытых катерах в Кронштадт и там, на военном корабле, исполнили над ними сентенцию, а мундиры побросали в море.

После этой грустной церемонии нас развели по казематам и занялись вешанием пятерых наших товарищей...

Все нижеследующее передаю со слов священника нашего, который, проводив несчастных в вечность и оставаясь при них до последней минуты их земной жизни, вечером, в 5 часов пришел ко мне и передал все подробности.

Пестель, Муравьев-Апостол, Рылеев, Бестужев-Рюмин и Каховский, в белых саванах, с черными завязками, опоясанные кожаными поясами, на которых большими буквами написано было «Государственный преступник», простились друг с другом и с покойным духом взошли на подмостки... Когда Муравьев стал на скамейку, то еще подозвал священника и сказал ему: «Благословите меня в последний раз, я расстаюсь с здешним миром без злобы, даже на того, который приговорил меня к этой позорной смерти... Прощаю ему, лишь бы он сделал счастливою Россию».

Народу было немного, ибо полиция обманула его, распространив слух, что казнь совершится в другое время и в другом месте, — в 8 часов утра на Волковом поле. Говорили, что с того момента, как нас выводили из казематов, каждые $^1/_4$ часа скакали с донесениями в Царское село фельдъегеря и что Бенкендорф промедлил нарочно казнью в ожидании помилования, для чего постоянно обращался в ту сторону, откуда ждал вестника... Но увы! Курьеры мчались в Царское село, и обратного никого не было. В 6 часов утра их не стало...

Как я уже сказал, вечером ко мне вошел в каземат наш священник Петр Николаевич, бледный, расстроенный, ноги его дрожали, и он упал на стул, при виде меня залился слезами, и, само собой разумеется, что я с ним плакал... Петр Николаевич рассказывал, что, когда под несчастными отняли скамейки, он упал ниц, прокричав им: «Прощаю и разрешаю!» И более ничего не мог видеть, потому что очнулся тогда уже, когда его уводили. Говорят, что когда сорвался Пестель, Муравьев-Апостол и Рылеев, то Чернышев, подскакав, приказал подать другие веревки и вешать вторично...

Говорят также, что Бенкендорф, чтоб не видеть этого зрелища, лежал ничком на шее своей лошади...

На другой день гром пушек известил какое-то чрезвычайное торжество. На

Сенатской площади было молебствие,— духовенство кропило святою водой, а вечером кавалергардский полк дал праздник шефу своему, императрице Александре Федоровне, на Елагином острову! Они забыли, что многие из их товарищей накануне этого дня приговорены были к смерти, а многие томятся еще в казематах! Они забыли это! Срам и стыд навеки офицерам кавалергардского полка!

Скоро после этого печального происшествия весь двор отправился в Москву, на коронацию, а государь уехал прежде. Рассказывали, что во время судной комиссии великий князь Михаил Павлович, замечая, что, по допросам, все идет так, что не миновать многим из нас смертной казни, уехал в Москву, под видом родов великой княгини, чтобы не прикладывать своей руки к постыдному приговору. Ежели это правда, то подобный поступок делает честь чувствам великого князя.

В Большом театре милая, любезнейшая женщина и знаменитая певица m-lle Зонтаг с большим выражением и чувством пропела романс, который, намекая на нашу ссылку, произвел фурор в публике и дошел даже до Сибири. Вот слова этого романса:

Ты прости, наш соловей,
Голосистый соловей!
Тебя больше не слыхать,
Нас тебе уж не пленять.
Не от лютые зимы,
Соловей, несешься ты,
Не веселый край сманил,
Но злой рок тебя сгубил!
Твоя воля отнята,
Крепко клетка заперта.
Ах, прости, наш соловей,
Голосистый соловей!
Песню нам прощальну спой,
Пусть волшебный голос твой
Перелетом ветерка
Нас пленит издалека.

Говорят, что многим женщинам и знакомым ссылаемых сделалось дурно, и весь театр рыдал. Из кресел также вышли два человека, со слезами на глазах, на свободе они горячо обнялись и скрылись. Это были два брата Римские-Корсаковы из наших, но счастливо избегнувшие общей участи.

В то время, когда театр аплодировал знаменитой певице... восемь фельдъегерских троек и восемь жандармов выезжали из крепости и понеслись по тракту в Сибирь»...

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

«9 января» в Петербурге. С предисловием *В. Невского* . . . . . 3—19
25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) . . . . . 20—69
К истории процесса 21. С предисловием *С. Валка*. (*Окончание*) . . . 70—108
Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. С предисловием *А. Сергеева*. (*Окончание*) . . . . . 109—147
Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия. С предисловием *Е. Адамова* . . . . . 148—154

Из записной книжки архивиста

Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае. Сообщил *А. Дрезен* . . . . . 155—169
Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. Сообщил *Б. Козьмин* . . 169—173
А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. Сообщил *П. Щеголев* . . . . 173—185
Новый рассказ о казни декабристов. Сообщила *М. Нечкина* . . . . 185—188

ГОСИЗДАТ РСФСР

1905 год

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО

Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПРОКЛАМАЦИИ И ЛИСТОВКИ ПО МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

1925. Стр. XIII+460. Ц. 5 р.

Содержание: Большевистские прокламации и листовки 1905 г. по Москве и Московской губ. Приложение (прокламации и листовки небольшевистских организаций). Январь — декабрь. Хроника событий 1905 г. — Тематический указатель. Указатель прокламаций и листовок. Сколько нибудь полного собрания прокламаций не имеется ни в одном из архивных и музейных хранилищ г. Москвы. Ввиду этого просмотрены десятки дел (жандармских донесений). Использованы материалы Историко-революционного архива: 1) Фонд Московского охранного отделения. 2) Фонд Московского губернского жандармского управления. 3) Отдел печати. 4) Секретное отделение канцелярии Моск. генерал-губернатора. 5) Женевский архив. Архив истпарта. ЦК ВКП(б). 6) Музей революции Союза ССР. 7) Библиотека Румянцевского (им. Ленина) музея. Частное собрание прокламаций.

★

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРА О СОВЕТАХ

Составил В. НЕВСКИЙ

1925. Стр. XIII+532+7 вкл. листов. Ц. 5 р.

Материал, воспроизведенный в настоящем томе, — трех родов: 1) Литература, издававшаяся Советами („Известия", листовки, воззвания, резолюции, постановления, прокламации). 2) Литература о Советах и литература Советов, извлеченная из легальной прессы 1905 г. (Отчеты о заседаниях, резолюции, объявления, уставы и т. д.). 3) Библиография Советов по легальной периодической прессе 1905 года. Алфавитный указатель городов и уездов, где происходило революционное движение. Предметный указатель

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА. Москва, 64, ГОСИЗДАТ «КНИГА—ПОЧТОЙ», высылает любую книгу, имеющуюся на книжном рынке, наложенным платежом. При высылке стоимости заказа вперед — пересылка бесплатно.

ГОСИЗДАТ РСФСР

1905 год
МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО
Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт.

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Составила А. ПАНКРАТОВА

М.—Л. 1925. Стр. XIV+535. Ц. 5 р.

*

БОЕВАЯ ГРУППА ПРИ ЦК РСДРП(б) (1905—1907 гг.)

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ. Составила С. М. ПОЗНЕР

1927. Стр. VIII+284. Ц. 3 р. 50 к.

Содержание: Первая боевая организация с.-д. большевиков. Организация и работа первых боевых групп. Заготовка оружия. Закупка оружия за границей. Приобретение оружия в России. Мастерские бомб и патронов. Конспиративные квартиры и склады. Связь с Москвой и с провинцией. Работа БО в 1906—1907 гг. Ликвидация Боевой технической группы „Джон—Графтон". Именной и предметный указатели. Для настоящего сборника составитель пользовался: 1) Личными воспоминаниями участников боевых организаций, 2) документами исторического центрального Ленинградского архива (б. департамента полиции и Петербургского военно-окружного суда), 3) документами архива Истпарта ЦК, некоторыми документами архива Института В. И. Ленина, 4) дореволюционной партийной литературой, собранием сочинений В. И. Ленина, послереволюционной литературой, а также сообщениями буржуазных газет пореволюционного времени.

*

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ (в 1905—1907 гг.)

Составили С. ДУБРОВСКИЙ и В. ГРАВЕ

1925. Стр. XI+680. Ц. 5 р.

Содержание: Северный район. Приуральский район. Центрально-Промышленный район. Центрально-Черноземный район. Средне-Волжский район. Нижне-Волжский район. — Предметный указатель.

„Для изучения массового крестьянского движения в первую русскую революцию печатаемый материал является почти что единственным по своему значению. Главным достоинством материала являются его массовость и полнота, значительно превосходящие полноту многих иных источников. Печатаемый материал взят целиком из дел департамента полиции".

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ГОСИЗДАТ РСФСР

1905 год
МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО
Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Составили А. КАЦ и Ю. МИЛОНОВ.

1926. Стр. VIII+380. Ц. 4 р.

Содержание: Введение. **Материалы и документы.** Полицейские организации рабочих. Требования рабочих. Фабрично-заводские организации. Комиссия Шидловского. Рабочая политика промышленников. Комиссия Коковцева. Столичные и провинциальные профессиональные союзы. Уставы профессиональных союзов. Профессионально-политические союзы. Подготовка созыва съезда профессиональных союзов. Межсоюзные объединения. Закон о союзах. Союзы и партия. Уставы союзов, организованных большевиками. Отношение меньшевиков к профсоюзам. Отношение Бунда к профсоюзам. Вопрос о партийности и нейтральности.— Предметный указатель. Именной указатель. Указатель профессиональных организаций.

*

ЕВРЕЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

ОБЗОР, МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Составил А. Д. КИРЖНИЦ

Редакция и вступительная статья М. Рафеса

1928. Стр. XI + 407. Ц. 4 р.

Содержание: Накануне 1905 года. От января до октября. Партия в районе еврейского рабочего движения. Октябрь — декабрь 1905 и 1906 гг. Библиография еврейской рабочей прессы 1905 г. Приложения: Прокламации, программы, резолюции и пр.

Задача сборника дать, на основании документов и материалов, по возможности, полную картину участия и роль еврейских рабочих масс в первой русской революции, обрисовать социально политические условия, в которых протекала революционная борьба этих масс в пресловутой царской „черте оседлости".

*

АРМИЯ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ОЧЕРКИ И МАТЕРИАЛЫ.

Составили сотрудники Военно-Исторического Отд. Штаба РККА.

1927. Стр.XIV + 391. Ц. 4 р.

Содержание: От Истпарта. **Л. И. Андреев.** Революционное движение в войсках северо-западных округов. **Г. И. Железнов.** Революционное движение в войсках Московского военного округа в 1905 году. **Г. К. Корольков.** Революционное движение в войсках Виленского и Варшавского военных округов. **П. И. Овсянников.** Революционное движение в войсках Киевского и Одесского военных округов. **П. Черкассов.** Революционное движение в войсках Сибирского и Туркестанского военных округов. **Г. Корольков.** Революционное движение в войсках Приамурского военного округа. — Хронологический указатель революционных движений в войсках в 1904, 1905 и 1906 годах. Алфавитный указатель.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Врангелевщина. — 25 лет назад (дневник Л. Тихомирова). — Из истории аграрного движения 1905 — 1906 гг. — „Князья церкви“ (дневник А. Н. Львова). — К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. — „Кровавое воскресенье“ в Петербурге. — Из истории „мирного проникновения“ европейцев в Абиссинию

ЦЕНТРАРХИВ

1930

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ. От редакции. — Статьи и исследования.— Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. К. Маркс о Капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами.— Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс к Франкелю и Варлену.— Ф. Энгельс к Лампло. — Два письма Энгельса к болгарам. — Из истории марксизма в России. Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод «Капитала». — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Fichteana в кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708).—Собрание рукописей, относящихся к Парижской коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева.—Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. «Бакунин: Государственность и анархия». — Письма и документы. И. Лафарг. Письма к Николаю Кову. — М. Бакунин. Письма к А. Руге.— Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Сочинения А. Клоотса в кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Спинозизм и марксизм.— Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье.—Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Письма об Индии.—И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса.—Письма и документы. Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре «легального марксизма».— М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. К шестидесятилетию первого тома «Капитала». Ф. Энгельс. Четыре рецензии на «Капитал» Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе и школе Маркса. — Статьи и исследования. М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса.—Материалы и сообщения. Из архивных материалов о Марксе.— Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове.—Неизданное стихотворение И. С. Тургенева.— Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам.—А. Воден. На заре «легального марксизма». — Критика и рецензии.—Письмо в редакцию. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по Просвещению.—Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ. Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову.— К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханов.— Два слова читателям-рабочим.— Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии.— М. М. Ковалевский о книге Бельтова.— Материалы и сообщения. Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому.— Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе.— Критика и рецензии.— Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.— Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ. Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком.— Статьи и исследования. Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского.— Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса.— Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте.— Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским.— Материалы и сообщения. Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервегу.— П. Аксельрод. Группа «Освобождения труда» (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»).— Критика и рецензии.— Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Выставка Маркса и Энгельса.— Читальный зал в 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ. К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского.— И. Рубин. Чернышевский как коммунист.—Ц. Фридлянд. Н. Чернышевский как историк.— Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский.— Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма Г. Лопатина к Ф. Энгельсу.— Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах.— Материалы и сообщения. И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская («Елизавета Дмитриева»).— Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям.— Из переписки М. А. Бакунина: I. Письма к В. Ф. Лучинину. II. Письма к И. Демонтовичу.— Письмо Жорж-Занд к М. А. Бакунину.— Критика, обзоры и рецензии. Д. Рязанов. Ответ на «открытое письмо» В. Половского.— Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии в «Вестнике Комакадемии» за 1922 — 1927 гг.— Рецензии.—Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Коллекция рукописей из архива Ф. Домелы Ньювенгуйса (сообщ. Ф. Шиллера).—«Парижская коммуна 1871 г.», выставка (сообщ. М. Голосовкер).

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ вышла в свет и рассылается подписчикам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—4 книги, в год—4 руб.

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ (ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

★
ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА. Валовая улица, 28.
Главлит А-65288. П. 12. Гиз. 39807.
Заказ 795. * Тираж 2000 экз. 12 п. л.

Врангелевщина.

(Из материалов Парижского «посольства» Врем. правительства.)

Врангелевщину можно понять только на фоне советско-польской войны. С нее она начинается, с ней она и кончается. Без советско-польской войны эта последняя судорога русской контрреволюции вошла бы в историю гражданской войны только, — и то в лучшем для южной контрреволюции случае, — как областная, почти местного масштаба, контрреволюционная вспышка.

Врангель вырвался из своего крымского логова в самый критический для Польши момент, когда советские войска гнали поляков от Киева, а тем самым обнажили свои тылы. По этим тылам и ударил Врангель, глубокой занозой засев в теле Советской республики и создавая угрозу отрыва армии от снабжения с юго-востока. Первые же его успехи вновь окрылили остатки контрреволюции: из Польши прислал признание Савинков, из Манчжурии — Семенов, из Галиции — петлюровцы, а из всех щелей-приютов в разных странах вылезли и потянулись к Врангелю десятки тысяч белогвардейцев; прислал обещание помощи и Махно. Из командующего остатками разбитых армий Врангель быстро превращается в главнокомандующего всеми силами юга России, а правительство его приступает к широкой государственной деятельности внутри и к сложной дипломатической игре вовне.

Но вот заключается перемирие с поляками, часть красных войск перебрасывается на юг, и новое государственное образование рассыпается, как карточный домик. Уходит Махно, отражающий колебание своих крестьянских отрядов, разбитые петлюровцы спасаются в Польшу, а «господин министр иностранных дел» Струве, позабыв о своих пространных нотах, слезно молит: «Высшее церковное управление настоятельно просит ускорить доставление сюда к 25 (12) сентября иконы Знамения божьей матери (Курской) из Сербии при содействии епископа Феофана и архиепископа Анастасия. Прошу не отказать почтить срочным ответом». (Тел. на имя Нератова 30 (17) сентября 1920 г. № 1241). Икона однако прибыла поздно.

Врангель успел только прислать благодарность «за превосходную икону и молитвы, в которых черпаем силу для борьбы за веру православную» (тел. Нератова консулу в Салоники от 26 октября 1920 г. № 1037), как красные части появились под Перекопом.

Но и самую советско-польскую войну надо брать как часть интервенции, притом на фоне англо-французских противоречий. Для англичан наше наступление на по-

ляков не несло непосредственной опасности, гораздо ощутительнее для них было продвижение революции на Востоке, восстание Кучук-хана в Персии. Именно это революционное наступление пытались приостановить англичане ценой временного мира на западе между большевиками и поляками. А отсюда, если к этому прибавить рост революционного настроения в самой Англии, — попытки выступить в роли мирового посредника. «Повидимому, — сообщал Гирсу русский посол из Тегерана 20 июня 1920 г. (тел. № 217), — англичане и персы очень рассчитывают остановить большевистское наступление в Персии путем переговоров с Красиным в Лондоне». Для французов, напротив, большевистское продвижение в Польшу представляло непосредственную угрозу. Всю Европу облетела фраза, взятая из советской прессы, что Польша может стать мостом для Октябрьской революции на Запад: большевизм — у ворот Германии, только что с таким трудом разбитой, — было от чего притти в движение. Отсюда поддержка поляков за спиной Англии, отсюда же переговоры с Врангелем о признании, при условии оттяжки Врангелем на себя больших частей Красной армии. Французы выполнили свое обещание честно: за первыми же успехами Врангеля последовало признание, — а значит, и материальная помощь, — нового русского образования. Этот цикл развития врангелевщины и сложную игру империалистских держав отражают печатаемые ниже документы маклаковского «посольства» в Париже, находившегося как раз в центре переписки.

Врангелевщина однако представляет интерес еще в одном отношении.

Врангель попытался учесть ошибки всей русской контрреволюции, правильно решив, что исправлять их надо в двух областях — в аграрной и национальной. Аграрный и национальный вопросы — вот на чем поскользнулись и Колчак и Деникин, и как раз в эти два вопроса попробовал внести нечто новое Врангель. Аграрная реформа Врангеля это — новая столыпинщина, новая попытка опереться на кулака, как в этом сознался и сам Врангель. «К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной сельской жизни, — писал Врангель в приказе о земской реформе, последовавшей за аграрной, — необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников [которым обещали только что закрепить в частную собственность земли, частью взятые из крупных имений. — *И. М.*]. Кому земля, тому и воля в земском деле, в том и ответ за это дело и за порядок его ведения». (Тел. Нератова Маклакову 3 августа 1920 г. № 618).

Увы! Новая столыпинщина не удалась, как и старая, а колебавшиеся слои деревни, разгадав истинный смысл реформы, дружно поддержали советские войска.

Такой же результат последовал и в национальной политике. 20 июня Струве обещал решить национальный вопрос в духе признания известных прав за национальными меньшинствами, а уже в сентябре Савинков сообщал Врангелю из Польши: «украинцы усматривают отклонение от начал, изложенных в декларации Струве от 20 июня, в сторону политики Деникина в национальном вопросе и указания на определенное монархическое направление вашего правительства... Неверие украинского правительства начинают разделять Эстония и Латвия; их примеру, без сомнения, последуют и другие отделившиеся народности». (Тел. Нератова Маклакову от 9 октября 1920 г. № 947).

Правда, Врангель пустил в ход главный козырь, выразив «готовность итти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении» (тел. Нератова Маклакову 31 октября 1920 г. № 1053). Но карта оказалась крапленой: когда писалась телеграмма, красные войска вошли уже в Крым.

И тут — по старой, проторенной дорожке: единая, неделимая Россия.

Русская контрреволюция, даже учтя свои ошибки, исправить дела не могла: социальная суть брала свое.

Подлинники печатаемых ниже документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве.

И. Минц.

Кутепов — Гирсу.

Варшава. 7 июня 1920 г. № 98.

(Шифр А.) Прошу известить меня, действительно ли и когда сюда с юга России прибудет официальная миссия с князем Трубецким, о чем в Варшаву уже проникли слухи. Патек говорил мне, что имеет от польского представителя в Константинополе несколько телеграмм, возвещающих о приезде в Варшаву с нашего юга общественных деятелей, и что он принужден был ограничить число таковых во избежание излишних разговоров и кривотолков. Таковых, так же, как и людей, смешивающих общественность с безответственностью, было уже достаточно за мое время в Варшаве, и, уезжая, они оставляют миссии расхлебывать заваренную ими кашу, что доказывать бесполезно и тяжело.

Кутепов — Гирсу.

Варшава. 7 июня 1920 г. № 99.

(Шифр А.) Из совокупности впечатлений, вынесенных по возвращении, заключаю: 1) что поляки воспользуются первой возможностью, дабы искренне или неискренне начать мирные переговоры с большевиками, с целью попытаться закрепить договором достигнутые в удовлетворение своих политических и территориальных вожделений успехи, 2) что степень предвиденного в борьбе с большевиками напряжения неизмеримо превысила все прежние расчеты и 3) что, тем не менее, их военное положение считается твердым, и прорыв на Березине будет на-днях совсем ликвидирован, после чего можно будет приступить к новым инициативным действиям.

Кутепов — Гирсу.

Варшава. 9 июня 1920 г. № 101.

(Шифр.) Патек выехал в Париж, не успев повидаться с Савинковым. Собирался, как говорил мне, повидать в Париже русских, в частности Струве. Прошу осведомлять меня в связи с результатами разговоров Патека.

Нератов — послу.

Константинополь. 9 июня 1920 г. № 358.

Трубецкой просит передать за № 603:

(Шифр.) Для П. Б. Струве в Париж.

Только что получено новое сообщение адмирала де-Робек, который извещает, что британским морским силам предписано: «не принимать участия ни в каких наступательных действиях, которые были бы вами предприняты против красных, но что они могут оказать помощь вашим войскам в случае наступления красных на Крым». Главнокомандующий по телеграфу выразил признательность адмиралу де-Робеку, что в эту серьезную минуту он не оставлен в одиночестве.

Нератов — послу.

Константинополь. 9 июня] 1920 г. № 359.

Трубецкой просит передать Поклевскому. Копию — Струве.

(Шифр А.) Благоволите передать Поклевскому в Бухарест и копию Струве в Париж:

Ссылаюсь на мою телеграмму № 581.

Главнокомандующий готов итти на самые широкие соглашения военного характера, но не считает возможным санкционировать территориальные вопросы.

Поэтому поездка его встретит серьезные осложнения, если вы полагаете, что она будет связана необходимостью решения бессарабского вопроса.

Нератов — послу.

Константинополь. 11 июня 1920 г. № 366.

Трубецкой телеграфирует за № 611.

(Шифр А.) Для Струве в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Нератова № 339 [1]).

Главнокомандующий поручает вам срочно выяснить, возможно ли рассчитывать путем воздействия через французское правительство к отмене своего распоряжения и продолжению снабжения нас

[1]) В подлиннике сноска: «Вход. № 1100».

хотя бы до выяснения реальных результатов переговоров с большевиками англичан, на что мы во всяком случае имеем право рассчитывать. Можем ли рассчитывать на такую же поддержку со стороны Франции в случае отказа Англии?

Вр. и. о. начальника управления иностр. сношений — россс. представителю в Константинополе.

Почтограмма.

Севастополь. 12 июня 1920 г. № 662.

Желательно выяснить через Поклевского, в каком положении находятся переговоры о русских речных судах на Дунае и Пруте, захваченных румынами. Военный представитель в Бухаресте и морской агент в Константинополе отмечают попытки украинцев противодействовать передаче судов нам. Если подвинуть переговоры в Бухаресте невозможно, не следует ли перенести переговоры в Париж, с целью добиться поддержки союзников? Доверительно: морское ведомство изучает вопрос о передаче речных судов в аренду Сербии и Болгарии как действительный способ получить суда от Румынии.

Благоволите, по соглашению с генералом Лукомским и по получении информации от Поклевского, сообщить заключение о наилучшем направлении дела. Трубецкой.

Саблин — министру иностранных дел.

Лондон. 14 июня 1920 г. № 357.

9 июня с. г. на Гровенор Сквер состоялся большевистский митинг для выражения протеста и активного выступления против поляков. Перед польским посольством вокруг трибуны собралась тысячная толпа. Состав толпы был разнообразным. Во многих местах были расставлены полицейские. В своей вступительной речи председатель обратил внимание толпы на присутствие полицейских, которых он назвал «Иудами-предателями», вышедшими из рабочей среды и продавшимися капиталистическому правительству.

Он также обратил внимание на статью в «Ивнинг Стандард», в которой митинги перед польским посольством называют «нюссенс» и призывают к прекращению их.

Первый оратор в начале своей речи с торжеством указал толпе на польское посольство, которое на этот раз испугалось митинга и сняло свой национальный флаг. Это указание вызвало большое оживление толпы. «Мы собрались сюда опять, чтобы притти, наконец,

к решению, каким образом прекратить наступление поляков на Россию, которых обманным образом толкают в бой кучки капиталистов, желающих захватить русские нефтяные промыслы и золотые прииски. Нашему капиталистическому правительству мы не должны верить, оно нас всегда обманывало и обманывает. Оно всегда проводило и будет проводить волю капиталистов, оно куплено ими. Потому мы должны сорганизоваться и действовать сами. Товарищ Ллойд-Джордж (иронический смех в толпе) достаточно обманывал нас, представляясь нашим защитником, — он также продался капиталистам и также наш враг. Вы услышите, как скоро он опять скажет вам: «Мы не можем подавать руки большевикам-убийцам». Теперь он хочет заключить с ними мир только потому, чтобы воспользоваться богатствами России. Не верьте никому, верьте самому себе. Помните одно, что «руки прочь с России — это значит руки прочь с себя». Большевизм в России родился от революции. В Москве сидит глава, товарищ Ленин, который прошел через ужасную судьбу и остается везде и всюду победителем. Этой огромной силы, которая заключает в себе рабочий и крестьянский класс, никто не может победить».

В это время человек пять полицейских соединились и стали пробиваться через толпу по направлению к трибуне. Присутствовавшие остановились. «Не бойтесь их, товарищи, — продолжал оратор, — они не посмеют ничего нам сделать. Каждый из нас должен готов быть арестованным, но это точно временно, скоро придет время, когда власть будет в наших руках, и тогда все наши враги могут эмигрировать, куда они хотят. Нам нужны работники; все те, кто не захотят принимать участие в великой работе, не должны жить. Все обитатели этих роскошных домов, которые вас здесь окружают, могут уходить, куда хотят, нам они не нужны. Вы, рабочие Англии, рабы капиталистов, объединяйтесь: недостаточно слушать эти призывы, нужно начинать действовать. Когда вы завтра вернетесь к своим станкам, скажите своим товарищам, скажите своим детям, что время пришло. Забастовкой мы должны прекратить посылку военного снаряжения и припасов полякам, мы должны прекратить попытку капиталистов задушить большевизм, т. е. задушить нас».

Речь сопровождалась криками согласия и готовности.

Следующий оратор сказал следующее: «Я — убежденный большевик, я уверен, что единственный правильный образ правления страной — это Советская власть. Во всех странах уже начинают поднимать головы рабочие и крестьяне. Они видят, что их спасение идет из Советской России, они чувствуют, что капиталистический строй гниет, что не сегодня — завтра он рухнет, что он уже дрожит, что спасение низшего класса близко. Все члены правительства — наши пре-

датели и враги. Чего они хотят? Они хотят, во главе с Черчилем, вернуть Россию капиталистам, которые скрываются здесь, они хотят задушить голос народа, они выставляют таких же предателей, как, например, Норс и Локхарст, с тем, чтобы, под прикрытием лозунга «Большевики — убийцы», захватить опять власть в свои руки. Не верьте также этому хамелеону Ллойд-Джорджу, который каждый час, каждый день меняет свою окраску и предает нас. Устраивайте сходки на каждом углу, призывайте всех к захвату власти, к захвату рудников, железных дорог и т. п. Всеобщей забастовкой остановите посылку припасов и военного снаряжения в Ирландию и Польшу. Сейчас в Англии находится представитель главы Советской России, товарищ Красин, но не забывайте, что переговорами с ним правительство хочет отвлечь наше внимание от действий Польши. Соединяйтесь, приносите каждый свою работу, и я вам обещаю, что через пять месяцев или, самое большее — через двенадцать, у нас в Британии будет советский режим. Соберемтесь завтра перед Петонвильской тюрьмой, постараемся освободить наших товарищей. В палате общин не далее, как вчера, нас называли «чернью»; так, если хотят этого, будем действовать, как «чернь». Вы сами видите, как отблагодарило правительство героев войны: десятки тысяч их остались без работы, сотни ходят с органами по улицам и собирают милостыню. Или вы называете благодарностью, что иногда дамы-аристократки в шелковых платьях и розовых чулках с печальной деловитостью приносят на памятники павших героев цветы. Все это обман. Им всем нужно, чтобы продолжать властвовать, наживать себе капиталы и иметь попрежнему рабов. Но скоро настанет день, когда власть будет в наших руках».

В толпе развевался красный флаг, чувствовалась большая сплоченность и порядок. Некоторые женщины плакали. Пропев «Красный флаг», толпа стала расходиться. 20 июня назначен самый большой и решающий митинг.

По слухам, сочувственная демонстрация подготовляется перед помещением красинской делегации и враждебная перед Чешам-Хаузом, который, по словам сочувствовавших ораторам лиц в толпе, следовало бы разгромить.

По сведениям и английским и русским, в толпе манифестантов замечается большое количество русской еврейской молодежи из соответственного квартала Лондона. По моему мнению, было бы чрезвычайно желательно, чтобы наши государственно-мыслящие еврейские круги предприняли бы кое-какие шаги с целью противодействия вредной пропаганде большевизма среди некоторой части лондонской еврейской молодежи. В частности, меня интересует вопрос, проникает ли в еврейскую русскую среду такой полезный журнал, как

«Еврейская трибуна». Издается ли эта газета лишь на русском языке или имеется и английское издание? Имеется ли издание на еврейском языке? Последнее необходимо. Если наиболее возмутительные статьи, печатаемые в таких газетах, как «Зе Колл» и «Зе Уоркерс Дреадноут», переводятся на еврейский, почему бы «Еврейская трибуна» не занялась бы тем же и, в свою очередь, распространяла бы свои здравые мысли среди еврейской молодежи? Об этом следует думать.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 июня 1920 г. № 394.

Трубецкой просит передать Струве за № 634.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 557 [1]).

(Шифр.) Не представляется ли возможным юридически обосновать наши настояния на предоставлении нам военных материалов из Германии на последнем абзаце статьи 116 и последнем абзаце статьи 169 Версальского трактата?

Рссс. представитель в Варшаве — представителю в Константинополе.

Варшава. 16 июня 1920 г. № 112н.

Почтой.

Для барона Врангель. Копия Струве.

В виду изменившейся за последние месяцы обстановки, русско-польское соглашение сможет состояться ныне лишь в виде соглашения чисто военного, но отнюдь не политического. Таковое военное соглашение вытекает из необходимости, как для поляков, так и для нас, иметь русский национальный флаг и русские части на польском антибольшевистском фронте. Основою его должно быть решение формировать отдельные русские отряды под русским командованием на польской территории. В этом направлении работаю, с ведома Бернацкого и Струве. Прошу телеграфировать ваше отношение к этому проекту. Савинков.

Кутепов.

Секр. телеграмма росс. поверенного в делах в Варшаве — росс. представителю в Константинополе от 16 (29) июня 1920 г. № 123.

Получена почтой в Севастополе 20 июля (2 августа) 1920 г.

Получил вашу телеграмму № 724.

Осведомительная. Польские войска после оставления 12 июня н. ст. Киева отошли приблизительно на исходную позицию наступ-

[1]) В подлиннике сноска: «Вход. № 1099».

ления, начатого 24 апреля н. ст. Несмотря на объявление главного командования, что отступление, предпринятое добровольно, по стратегическим соображениям, закончено, — отступление продолжается под напором превосходных сил. Дух войск не..... [1]) и постоянно производятся контратаки, имеющие местный успех. Нет оснований опасаться серьезного ослабления сил армии. Внутреннее положение не возбуждает особых опасений для армии. Забастовка варшавских рабочих, тянувшаяся две недели, прошла без эксцессов и ликвидирована. Длившийся одновременно правительственный кризис, после неудачных попыток формирования различных кабинетов, в том числе оппозиционного блока левых партий, закончился образованием делового, скорее правого, кабинета с министром-председателем Владиславом Грабским и министром иностранных дел князем Сапегой — послом в Лондоне во главе. Возможно однако ожидать под влиянием внешних и внутренних факторов поднятия вновь вопроса о мирных переговорах с большевиками, которые, можно сказать с уверенностью, не приведут к миру. Последствием заключения мира, по общему мнению, был бы развал. Украинская политика потерпела фиаско, что все, конечно, сознают. Под влиянием этого намечается стремление к сближению с русскими антибольшевистскими силами, в частности с южнорусской властью.

Горлов.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 июня 1920 г. № 416.

Трубецкой телеграфирует за № 668. Копию Струве.

(Шифр.) Прибыв с фронта, главнокомандующий пригласил генерала Перси и сообщил ему, что он взял часть той территории, на необходимость коей, для снабжения армии, он указывал с самого начала. Оставаясь лойяльно на почве своих прежних заявлений, генерал Врангель, через генерала Перси, просит британское правительство выяснить затронутый в последнем письме его на имя верховного комиссара вопрос о реальных гарантиях, которые могли бы быть получаемы относительно неприкосновенности территорий, занятых вооруженными силами на юге России, в случае осуществления намечавшихся английским правительством переговоров с большевиками.

Генерал Врангель просит английское правительство сообщить свой взгляд на это дело в возможно скорейшем времени, дабы он мог, в связи с этим, принять то или иное решение, ибо, только при наличии реальных гарантий и продолжения поддержки со стороны союз-

[1]) Пропуск в подлиннике.

ников, главнокомандующий может не переходить за пределы намеченной им для указанной цели территории. Генерал подчеркивает, что было бы совершенно невозможно, в случае наступательных действий противника, ограничиться пассивной обороной.

Из опроса пленных выясняется, что большевистская армия должна была перейти в общее наступление на Крымский полуостров 27 мая ст. ст., т. е. через 2 дня после нашего наступления, предпринятого главнокомандующим, дабы выхватить инициативу из рук противника. Обстоятельство это вновь подтверждает настоятельную необходимость реальных гарантий.

Благоволите со своей стороны объясниться в изложенном смысле с адмиралом де-Робеком и сообщить содержание настоящей телеграммы прочим союзным комиссарам.

Саблин — Гирсу.

Лондон. 22 июня 1920 г. № 380.

Согласно поступающим ко мне сведениям, в переговорах с Красиным сейчас наступил критический момент. Англичанами выставлено требование, чтобы Советское правительство признало частную собственность иностранцев предварительно заключения с ним договора о возобновлении торговых сношений. Требование это было, якобы, предъявлено Ллойд-Джорджем лишь при вторичном его свидании с Красиным; в числе первоначальных условий английского правительства при открытии переговоров оно не фигурировало. Объясняется это тем, что в признании частной собственности иностранцев в России и в выплате за понесенные иностранцами убытки заинтересованы крупные английские фирмы, в руках коих была сосредоточена торговля с Россией до войны. Естественно, что буде соглашение с Советами состоится, на эти крупные английские фирмы снова выпадает роль фактического ведения торговли с большевиками. Поэтому Ллойд-Джорджу пришлось склониться перед их требованием о возмещении ранее понесенных английскими фирмами и частными лицами в России убытков. Понятно, что признание частной собственности иностранцев в России для большевиков совершенно неприемлемо. Таковое признание в случае его проведения в жизнь означало бы верную гибель коммунистического строя. Поэтому Красин покуда, якобы, согласился лишь на то, чтобы вопрос о возмещении убытков был «обсужден» в том случае, если будет созвана официальная конференция по заключению мира с большевиками и последним со своей стороны будет дана возможность формулировать свои претензии к союзникам.

Многие полагают, что это новое препятствие окажется для переговоров роковым. Высказываются даже мнения, что Красину в весьма скором времени придется вернуться во-свояси. Считая такую оценку преждевременной, все же привожу эти сведения в подтверждение неоднократно высказывавшегося мною мнения о том, что переговоры с Красиным идут далеко негладко и что здешним ярым сторонникам соглашения с большевиками неминуемо предстоят весьма горькие разочарования. Вопрос, когда это разочарование наступит: еще по пути к соглашению или уже тогда, когда формальное соглашение удастся подписать и придется попытаться его осуществить на деле.

Посланник в Бухаресте — росс. представителю в Константинополе.

Бухарест. 24 июня 1920 г. № 27.

Телеграмма № 421 получена.

(Кама.) Новый министр иностранных дел Таке Ионеско в разговоре со мной сочувственно отнесся к вопросу о пропуске чрез Румынию отряда генерала Бредова. На таком пропуске сухим путем до Галаца так сильно настаивала здешняя польская миссия, которая 22 июня сообщила генералу Геруа и мне, что румынское правительство дало на это принципиальное свое согласие.

Поклевский.

Нератов — послу.

Константинополь. 25 июня 1920 г. № 446.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует на № 712.

(Шифр А.) Необходимо выяснить и, буде возможно, урегулировать кардинальный вопрос о снабжении в связи с последними распоряжениями англичан, ибо без заграничных военных материалов невозможно дальнейшее наступление и даже крайне затруднится задача обороны Крыма. Кривошеин.

Мои заключения по сей телеграмме следуют.

Ген. Лукомский — послу.

Константинополь. 28 июня 1920 г. № 3171.

792. В Турции проживает, по нашим сведениям, 35 000 русских. Из них беженцев — 21 000, в том числе в Константинополе находится 10 000 беженцев. В Египте имеется 3 520 беженцев, в Салониках, на

Лемносе и Кипре 6 100, в Болгарии и Сербии 20 000. Нуждающихся в немедленной помощи 12 000 человек. В Комитет помощи русским беженцам в Константинополе, под председательством Пильца, обслуживающий беженцев всех упомянутых местностей, входит организация заведующего эвакуированными военными и их семьями, во главе с генералом Половцовым и Поплавским, «Красный крест» — Витте, Глинкой и Лукомской, «Земсоюз» — Челышевым, Шликевичем и Горяиновым и «Согор»—Гекулиной, графиней Паниной и Дмитриевым. Помощь оказывается питанием, снабжением, лечением, обучением, устройством трудовых предприятий, облегчением выезда и небольшими пособиями. На расходы всех организаций, за отсутствием собственных средств, отпущено было Правительством юга России на два месяца 350 000 турецких лир, каковые иссякли. Новые правительственные ассигнования затруднены. На расходы делу помощи беженцам в ближайшие шесть месяцев необходимо минимум 2 500 тысяч фунтов стерлингов, без каковых средств невозможно поддержать беженцев до возвращения их в Россию. № 3171. 28 июня.

Лукомский.

Саблин — министру иностранных дел.

Лондон. 30 июня 1920 г. № 398.

Один из моих информаторов, имеющий доступ в различные слои английского общества и нередко обнаруживающий хорошую осведомленность, сообщил мне следующее.

Резолюция членов последней конференции рабочей партии в Скарборо, отвергнувшая подавляющим большинством голосов предложение выйти из Второго Интернационала и присоединиться к Третьему, произвела сильное впечатление как на рабочих, так и на средние классы, но впечатление — диаметрально противоположное.

Как я имел случай доносить г-ну министру ранее, всеобщая железнодорожная забастовка прошлым летом, а равно и попытки полицейской забастовки и забастовки транспортных рабочих, возбудили серьезные опасения средних классов и вызвали в них сознание надвигающейся на страну катастрофы и необходимости скорейшей организации для борьбы с нею.

Была организована Лига средних классов, число членов коей достигло скоро четырех миллионов. Все члены были зарегистрированы сообразно своим профессиям или своему умению и желанию приступить, на случай забастовки рабочих, по первому требованию

Лиги, к выполнению необходимых работ, в особенности работ по обслуживанию железных дорог и иных видов транспорта. Железнодорожная забастовка прошлой осенью была побеждена, главным образом, благодаря энергичному проявлению общественной самодеятельности. Ныне, к сожалению, интерес к Лиге стал слабеть, а замечаемое поправение лидеров рабочей партии и, в особенности, результат голосования представителей ее в Скарборо могут в дальнейшем еще ослабить бдительность средних классов и вселить в них уверенность, что опасность уже на исходе.

Среди рабочих наблюдается совсем другое настроение. Производительность продолжает сокращаться, стоимость жизни продолжает возрастать, расходный бюджет увеличивается, налоги повышаются в соразмерности, капитал начинает уходить из Англии, и многие промышленные предприятия закрываются по причинам неблагоприятной экономической конъюнктуры. Число безработных не уменьшается, рабочие продолжают волноваться.

Помочь этому могло бы только немедленное поднятие производительности, а последнее возможно лишь при условии снабжения Англии в достаточном количестве дешевым сырьем и пищевыми припасами, получить кои можно бы только из России.

Положение это создает благодарную почву для агитации среди рабочих, которым систематически внушается, что все невзгоды являются результатом неправильной политики средних классов, что классы эти заботятся лишь о своих непосредственных интересах, что они живут, одеваются и питаются сами не хуже, чем до войны и предоставляют всем лишениям обрушиваться на рабочих. Указывают, что представители рабочих в парламенте и в рабочих союзах перестали быть выразителями их интересов, что сами рабочие союзы поддались влиянию средних классов и что настало время самим рабочим, по примеру русских своих товарищей, взять дела правления в свои руки и провести принудительным путем правильное распределение национального достояния и доходов. Движение это распространяется постоянными собраниями, организуемыми по всей стране и протекающими, на первый взгляд, довольно мирно, а опасность незаметно возрастает. В Ирландии идет гражданская война и создаются понемногу вооруженные отряды, весьма схожие с отрядами Красной армии в России.

Все это заставляет моего информатора думать, что критический период в Англии еще далеко не миновал; напротив, он считает, что положение продолжает обостряться и может повлечь за собою тяжелые конфликты, если только не удастся изыскать способы к облегчению экономического положения страны.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 1 июля 1920 г. № 209.

(Шифр.) По предписанию из Лондона, английский посол возбудил здесь вопрос о финансировании Китайской Восточной железной дороги действующим в Китае международным консорциумом. Японское правительство относится весьма несочувственно к этой мысли, которую оно считает внушенной Англии Америкой по соглашению с Китаем, и будет противиться ее осуществлению.

Из разговоров с английским послом я также вынес убеждение, что инициатива этого предложения принадлежит Америке. Повидимому, обмен мыслей по этому поводу между английским, американским и французским правительствами продолжается.

По моему мнению, финансирование Китайской Восточной железной дороги консорциумом привело бы к самым пагубным последствиям с точки зрения русских интересов, так как свелось бы к интернационализации дороги и, следовательно, к окончательной ее потере для нас.

Копия в Пекин.

Ефремов — Гирсу.

Берн. 1 июля 1920 г. № 661-I.

(Шифр Ал.) Из Англии, по инициативе английского правительства, отправлена в распоряжение войск армии генерала Врангеля в Крым миссия «Красного креста», состоящая исключительно из англичан. Некоторые из них говорят по-русски. Ныне эта миссия находится в пути, а, может быть, даже прибыла на место своего назначения.

Под флагом «Красного креста» и оказания помощи армии Врангеля англичане снарядили специфическую разведочную организацию, действия которой могут быть чреваты последствиями: не исключается возможность передачи большевикам сведений военного характера, добываемых этой миссией для сообщения в Лондон. Так, по крайней мере, утверждает агентура, в отношении которой не может быть никаких сомнений.

По цензурным условиям, в настоящее время невозможно получить более подробные сведения об этой английской разведочной экспедиции, но нужные и возможные меры приняты, и агентурному источнику даны указания о более детальной разработке этого вопроса. Как только эти дополнительные данные будут получены, они будут сообщены.

Ефремов — Гирсу.

Берн. 1 июля 1920 г. № 561-II [1]).

(Шифр Ал.) Лондонские переговоры с Красиным привели к результату, и английское правительство в самом ближайшем будущем опубликует официальное сообщение о своих договорах с Советской республикой в отношении экономических сношений, являющихся лишь прикрытием состоявшегося полного политического соглашения, так как большевики «дали слово» прекратить агрессивные действия в Персии, обязавшись в то же время не вести никакой пропаганды ни в Персии, ни в Индии.

Саблин — посольству.

Лондон. 3 июля 1920 г. № 401.

(Шифр.) Сегодня в левой печати появилось письмо, якобы написанное в мае прошлого года генералом Головиным из Лондона — Сазонову и генералу Щербачеву в Париж. Автор письма выставляет британского военного министра Черчиля и др. в роли, совершенно не соответствующей действительности и наносящей ущерб их доброму имени и русскому делу в Англии. В понедельник ожидается по сему поводу запрос в парламенте. Не сочтете ли вы необходимым немедленно же напечатать в парижской и лондонской печати сообщение, что документа, воспроизведенного лондонской газетой «Дейли-Геральд» в субботу, не имеется в архивах русских посольств в Париже и Лондоне. Поэтому представители российского Временного правительства за границей вынуждены заявить, что считают документ этот произведением какого-либо автора, знакомого с обстановкой и поставившего себе целью дискредитировать политических деятелей, которым он не сочувствует. Дело уже вызвало большую сенсацию и энергично используется известными сферами. Я только-что был в британском военном министерстве по сему поводу и представил на их одобрение текст вышеизложенного опровержения. Они обещали обсудить дело и просили обождать с опровержением до получения от них окончательного ответа. На случай получения ответа в положительном смысле от британских военных властей немедленно сообщу вам, а одновременно, в виду срочности дела, помещу опровержение в лондонской печати.

---

[1]) На подлиннике помета: «II-вход. № 1333».

Саблин — Гирсу.

Лондон. 3 июля 1920 г. № 402.

Сегодня опубликовано в печати письмо генерала Головина на имя С. Д. Сазонова и генерала Щербачева от 6 мая 1919 г. Письмо это было раздобыто английским корреспондентом, состоящим при рабочей делегации, вернувшейся недавно из России. Напечатано оно сегодня в трех газетах «Манчестер Гардиан», «Дейли Ньюс» и «Дейли Геральд». Экземпляр «Дейли Геральд» с полным содержанием письма при сем препровождается. Копия письма была дана корреспонденту из московских архивов. Большевики раздобыли копии письма в Архангельске и Омске после занятия этих городов Красной армией.

Появление письма на столбцах английских газет в то время, когда, как известно, русский вопрос опять стоит на очереди и живо обсуждается общественным мнением, приходится считать исключительно досадным.

Нет способов избежать сенсации, и трудно ныне учесть весь тот вред, который будет принесен опубликованием этого документа.

Несомненно, как это уже теперь заметно из комментарий газет, документ будет, главным образом, использован всецело против Черчиля, а личности русских деятелей будут задеты лишь мимоходом.

Никто из англичан не осудит русских за способы их политики и за старание найти помощь там, где ее всего легче добиться, но тем ожесточеннее враги Черчиля, которых, к сожалению, весьма много, даже среди консерваторов, накинутся на английского государственного деятеля, — по всей вероятности, единственного нашего искреннего друга, и с ним и навсегда дружественно к нам настроенного сэра Самуэля Хора, а для нас это много более досадно и вредно, чем нападки на нас русских, к которым мы за последние годы так привыкли. К тому же трудно избежать впечатления, что все же сами русские, хотя бы и против нашей воли, головой выдали лучшего нашего друга.

Нет основания, конечно, чрезмерно скорбеть о том, что уже более непоправимо, но все же кажется настоятельно необходимым принять самые действительные, быстрые меры к предотвращению повторения таких прискорбных случаев в будущем.

Одной из таких мер, казалось бы, могло бы быть сокращение всяких лишних «копий», практика коих весьма и весьма распространена в нашем делопроизводстве, до самого необходимого минимума, а также отказ от хранения в архивах секретных документов, подобных опубликованному. Документ, о коем идет речь, несомненно, мог бы быть подвергнут уничтожению после прочтения его или копии с него получателем, так как характер документа был чисто информа-

ционным, как вообще характер большинства весьма секретных бумаг. При постоянных передвижениях наших фронтов неприкосновенность архивов является полной невозможностью.

Возвращаясь к содержанию опубликованного письма ген. Головина, можно уже ныне определить ту линию, по которой, в связи с ним, пойдет кампания против Черчиля. Его не будут осуждать против самого факта поддержки русских военноначальников и даже не так за фразу, особо подчеркиваемую сегодня «Дейли Геральдом», что он, Черчиль, сам исполняет приказы Колчака; фраза эта лишь — поворот речи, и для нее есть объяснение в самом тексте письма — как его заявление, что эвакуация Архангельска производилась лишь для вида и что десятитысячный английский отряд, посылаемый, якобы, в целях эвакуации, отправлялся на деле для наступательных действий. Здесь содержится видимость обмана английского общественного мнения, и за это Черчилю придется дать ответ. На деле весьма сомнительно, каково в действительности в данном случае было намерение Черчиля, и не объяснялось ли именно заявление Черчиля Головину желанием временно утешить русского генерала за отозвание английских войск из Архангельска. Все же ведь отозвание, в действительности, имело место, если даже Черчиль об этом сожалел. Весьма вероятно, что в этом смысле будут объяснения Черчиля, и мне кажется, что, при случае, нам его в этом необходимо поддержать.

Для нас непосредственно самый большой вред заключается в опубликовании заявления, что «Красный крест» мог бы быть использован для прикрытия формирования армии ген. Юденича, и здесь, конечно, единственным оправданием этого совершенно недопустимого предложения может послужить то, что даже малейшая попытка в этом направлении сделана на самом деле не была и что «Красный крест» никакого участия в предложении этом не принимал.

Как бы то ни было, даже при наилучшем повороте всего дела, вред уже нанесен опубликованием письма ген. Головина и даже если, на что нужно надеяться, Черчилю удастся оправдаться перед английским общественным мнением, то на ген. Врангеле все это происшествие, несомненно, невыгодно отразится, и он будет предоставлен самому себе именно в тот момент, когда ему так необходима всякая поддержка, хотя бы нравственная.

Горлов — Гирсу.

Варшава. 3 июля 1920 г. № 128.

(Шифр Д.) Председатель совета министров Грабский заявил в сейме, что государство — в опасности и необходимо обеспечить быстроту решений в делах войны и мира. Образован совет национальной

обороны под председательством начальника государства. Последний получает фактически диктаторскую власть, так как больше половины состава совета — министры и генералы. Военное положение за эти дни не ухудшилось. Я был принят третьего дня Пилсудским. Он, видимо, сохраняет спокойствие и уверенность.

Копия Трубецкому.

Саблин — министру.

Лондон. 4 июля 1920 г. № 403.

Я имел непродолжительный разговор с одним из членов форейн-оффиса, накануне вернувшимся из командировки в Польшу. По мнению моего британского коллеги, заявление Пилсудского, что неуспехи польских армий против большевиков в значительной степени должны быть приписаны начавшимся в Лондоне переговорам между гг. Ллойд-Джорджем и Красиным—вполне основательны. Переговоры эти произвели в общем весьма тяжелое впечатление на правительственные круги в Варшаве. Они, по мнению моего информатора, конечно, не способствовали ни настроению в войсках, ни, в особенности, в тылу, где большефильствующие элементы подняли голову и занялись пропагандой. Пилсудскому, якобы, было совершенно определенно заявлено англичанами, что Англия не санкционирует завоеваний Польши за счет России. Но что, если Пилсудский воюет против большевиков, «England mighe help him». Польский правитель дал, якобы, самые категорические заявления, что воюет не против России, а против большевиков. Он, якобы, проявлял искреннее желание войти с ними в самое благоразумное соглашение (sensible agreement), как только генерал Врангель сумеет развить свой успех.

На мое замечание: «А как насчет Врангеля? Судя по заявлению премьера, Англия его бросает»,— мой собеседник воскликнул: «Англия никогда не бросает тех, у кого успех». Должен попутно заметить, что тяжелые неудачи польских армий не вызывают здесь никаких симпатий. Газеты совершенно этого не комментируют. Но издатели в разговорах не стесняются выражать даже некоторое удовлетворение по поводу побед, якобы, Брусилова и «генерала Буденного». Так, например, Гарвин с особым наслаждением заявил, что счастлив, что «проклятым идиотам-полякам досталось от большевиков». Я боюсь, что издатель «Обсервера» и друг Ллойд-Джорджа не столько печется о России, сколь о Советах. Я должен однако оговориться, что Гарвин неизменно заверяет меня в своей любви к России и не далее, как третьего дня, за обедом у Локар Ломсона, он с большим пафосом утверждал, что «Англия не имела лучшего и более благородного союз-

ника, чем Россия». Я не упомяну здесь его выражений по адресу Франции. Но у него несомненная idée fixe, что лишь путем «широкого открытия дверей и окон Советской России удастся проветрить наше отечество».

Саблин — Гирсу.

Лондон. 6 июля 1920 г. № 410.

Вчера в палате общин член палаты Кенворси запросил статс-секретаря по иностранным делам, приезжает ли г. Струве, министр иностранных дел при генерале Врангеле, в Англию, будет ли он допущен в Англию и имеет ли английское министерство иностранных дел намерение вступить с ним в официальные сношения.

Помощник статс-секретаря по иностранным делам Хармоворс ответил, что г. Струве в Англию приезжает, что в официальные сношения с ним министерство иностранных дел вступать не предполагает, — что же касается допуска г. Струве в Англию, то английское правительство не видит причин к отказу в допущении г. Струве в Англию.

Нератов — посольству.

Константинополь. 6 июля 1920 г. № 483.

Трубецкой телеграфирует российскому представителю в Варшаве за № 739 от 14 (27) июня 1920 г.

Получил вашу телеграмму № 144.

(Шифр.) Главнокомандующий уполномочивает вас заявить, что польские войска не только не являются в его глазах вражескими, но рассматриваются им как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом. Разрешение политических и территориальных вопросов может последовать лишь по окончании общей борьбы.

Недавно уехавший отсюда Скомпский вполне осведомлен о том, насколько неосновательны приписываемые нам планы реакции и реставрации. Внутреннее строительство России мыслится на широких демократических началах и волеизъявлении самого народа. В силу уже изданного приказа, на освобождаемой территории немедленно осуществляется земельная реформа путем передачи земли обрабатывающим ее домохозяевам на правах собственников при условии выкупа.

Нератов — послу.

Константинополь. 6 июля 1920 г. № 494.

Для Струве.

(Шифр.) Главнокомандующим издан приказ, разрешающий возвращение в Крым семействам офицеров, находящихся на действительной службе. Приказ этот рассматривается здешними комиссарами как достаточное основание для осуществления своего решения о прекращении дальнейшей работы и содержании наших беженцев. Англичане уже объявили предложение нежелающим проследовать на Лемнос списаться с пайка на Принкипо до 14 сего июля и вернуться в Крым. Считаем такое возвращение преждевременным и могущим пагубно отразиться на состоянии тыла, от устройства которого зависит успех общего дела. Необходимо добиться осуществления плана расселения некоторой части беженцев в Греции, изложенного в телеграмме моей от 23 июня № 435. Есть полное основание предполагать, что вышеупомянутый приказ был издан под давлением многочисленных частных жалоб на неудовлетворительность условий содержания помянутых неимущих беженцев и является до известной степени вынужденным.

Саблин — Гирсу.

Лондон. 7 июля 1920 г. № 413.

Запросы в парламенте по поводу письма ген. Головина прошли для Черчиля вполне благополучно.

В понедельник предполагалось, что Черчиль ответит на запросы сам, и в парламентских кругах указывалось, что у него готов пространный письменный ответ, который он собирается огласить. Но до этого в понедельник так и не дошло. Противники Черчиля, очевидно, не сговорились заранее, и атака их на него была лишена согласованности. Английская парламентская практика допускает постановку запросов как самому премьеру, отвечающему за весь кабинет, так и каждому министру в отдельности. В понедельник были заявлены запросы премьер-министру членом парламента Малоне и членом парламента Веджвудом Бенном и статс-секретарю по военным делам — членом парламента Клайнсом. Первый запрос имел место, и на него ответил в присутствии премьера Бонар Лоу. Клайнс же почему-то решил, что он со своим запросом опоздал, и его так и не заявил, оставив его на следующий день.

Как видно из препровождаемого при сем отчета из «Дейли Телеграф», Бонар Лоу, по указанию Черчиля, занял позицию полного

отрицания заявлений ген. Головина касательно разговора последнего с Черчилем. Сам факт разговора не опровергался, об аутентичности письма не говорилось. Зато содержащиеся в письме сведения были без дальнейшего объявлены совершенно ложными и нелепыми. После некоторых попыток членов парламента Веджвуда Бенна и полковника Веджвуда привлечь Черчиля к ответственности за самый факт свидания с ген. Головиным и совещания с ним, якобы без согласия кабинета, в понедельник все дело этим и закончилось при совершенно равнодушном отношении палаты.

Вчера Клайнс, наконец, предъявил свой запрос самому Черчилю.

Враги Черчиля надеялись, что он, оставаясь верным своим боевым политическим традициям, выступит с длинным ответом, который снова поднял бы злободневность вопроса и дал бы противникам Черчиля случай вступить с ним в ожесточенный политический бой. Но все эти расчеты не оправдались. Черчиль не прибавил ни одного слова к ответу Бонар Лоу, заявив, что ответ этот исчерпывает весь вопрос. Состав палаты, если возможно, был еще более равнодушен ко всему делу, чем накануне, и таким образом можно полагать, что вопрос о злополучном письме ген. Головина окончательно выйдет из стадии обсуждения его в парламенте.

В печати он еще занимает довольно видное место на столбцах трех газет, напечатавших впервые письмо ген. Головина, но нового в последних комментариях не имеется ничего. Остальные же газеты либо совершенно молчат, либо становятся на сторону Черчиля.

Английский военный министр благополучно вышел из казавшегося вначале весьма неприятным положения. Насколько нам удастся ликвидировать вред, нанесенный нашим интересам, укажет лишь будущее.

При сем прилагается напечатанное сегодня в «Таймсе» интересное письмо сэра Самуэля Хора, имя которого было упомянуто в письме ген. Головина. Из письма можно заключить, что этот достойный английский политический деятель не изменил своего благожелательного отношения к своим русским друзьям.

Бар. Розен — Гирсу.

Христиания. 7 июля 1920 г. № 383.

Ссылаюсь на мое донесение от 14 июня.

(Шифр.) Мои опасения отчасти уже сбылись. По заявлению министра иностранных дел в парламенте, здешние дипломатические представители России вычеркнуты из дипломатического списка. Мини-

стерство иностранных дел с некоторых пор сносится официально лично со мною. Пока продолжаю получать в министерстве весьма предупредительный прием.

Нератов — посольству.

Константинополь. 8 июля 1920 г. № 507.

Для Гирса и Струве.

(Шифр А.) Прибывший из Севастополя начальник штаба американского военного представителя в Крыму Коллер сообщил мне о полученном им здесь по радио из Севастополя сообщении о том, что Махно высказался за согласованность действия с армией главнокомандующего.

Запросил подтверждений Трубецкого.

Горлов — послу.

Варшава. 8 июля 1920 г. № 136.

Для Струве и Бернацкого.

Савинков просит передать.

(Шифр Д.) На долг России Польской республике будут отнесены расходы по снаряжению отряда. Расходы, связанные с сосредоточением его и организацией всего предприятия, покрываются краткосрочным займом, который должен быть в свою очередь покрыт из сумм, обещанных Бернацким. Об этом обещании Бернацкого поставлены, со слов Деренталя, в известность польские власти. Неисполнение его подорвет в корне доверие к русскому слову и крайне затруднит, если не погубит, дело. Формирование подвигается вперед успешно. Распространяемые сведения о положении на фронте преувеличены. Заявление о том, что Польша ведет войну не с Россией, а с большевиками, сделано Пилсудским и советом обороны. Генерал Скалон, полковник Маркович доложат Врангелю лично о положении дела. Прошу ходатайства перед Врангелем об ассигновании обещанных сумм. Жду ответа.

Копия генералу Владимирову.

Горлов — Базили.

Варшава. 8 июля 1920 г. № 137.

(Шифр Д.) Посланник в Румынии, вероятно, перед приездом Мурузи в Бухарест передал сюда вашу телеграмму № 916. Позволю себе и со своей стороны ответить на вопросы. Нет оснований ждать

безрезультатности начинаний Савинкова. Поддержка их главнокомандующим будет сочтена за акт дружественный, отстранение — равнодушием к судьбе Польши. Казалось бы, никогда Польша... [1]) в предвидении всех возможностей оставить руководство за Савинковым, обеспечив ему помощь Франции. Неуспех продолжается, польские войска отступают на.....е [2]) и на юге, взято Ровно. Но, наконец, замечается народный подъем. В Варшаве патриотические манифестации и многочисленные добровольцы идут в армию. Сопротивление армии и нации не сломлено. Положение крайне серьезно, но не безнадежно.

Горлов — посольству.

Варшава. 9 июля 1920 г. № [?.]

(Шифр.) Румынский посланник заявил мне вчера, что при пропуске каждого эшелона бредовских войск пропустили столько лиц, сколько есть проверенных мест на приготовленных в Галаце трех специальных судах; первый эшелон, вышедший 5 июля, задержан на границе и отвезен в Станиславов. Второй эшелон, вышедший 7 июля, очевидно, тоже задержан. Дальнейшая отправка эшелонов Бредовым задержана до выяснения наличия судов. О происшедшем Бредов телеграфировал генералу Врангелю, прося о скорейшей посылке транспортов.

Персиани — Гирсу.

Рим. 10 июля 1920 г. № 51.

(Шифр.) Медведев телеграфирует из Владивостока 8 июля:

«Японский посланник объявил оккупацию Сахалинской области как репрессалию за Николаевские события. Оппозиция и местное правительство протестовали перед Лигою наций против произвольной меры. Телеграфируйте ваш образ действий по сему предмету».

Я воздержался от ответа.

Нератов — послу.

Константинополь. 11 июля 1920 г. № 518.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) 7 июля Батум сдан союзниками грузинам. Союзнические войска выведены. На рейде осталась часть флота для последней помощи и вызова их агентов. Батумские форты взорваны англича-

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

нами. Грузины в настоящую минуту достаточны для отражения попыток аджарцев завладеть городом. Дальнейшая участь Батума зависит от возможной поддержки аджарцев со стороны турок-националистов, сосредоточивших некоторые силы невдалеке. С другой стороны, пропаганда большевиков в Грузии весьма сильна. Под их влиянием грузинское правительство пригласило наше представительство в Тифлисе спешно выехать, ибо большевики потребовали выдачи им русских, прикосновенных к нам. Гегечкори вышел в отставку, министром иностранных дел назначен Лордкипанидзе, а товарищем министра Ираклий Церетелли, выехавший в Париж с особым поручением. Повидимому, решение англичан эвакуировать Батум вызвано опасением столкновений там с кемалистами, из коего союзники не рассчитывали выйти победителями. Боевое же поражение нанесло бы сильный удар их престижу. Военное положение в Константинополе и на проливах продолжает быть для союзников прочным.

Горлов — послу.

Варшава. 12 июля 1920 г. № 146.

Для Струве.

Я телеграфирую Врангелю:

(Шифр Д.) Во избежание каких бы то ни было недоразумений, еще раз довожу до вашего сведения, что хотя формируемый ныне в Польше отдельный русский отряд под начальством генерала Глазенапа, естественно, является частью, от Юга автономной, но цели его совершенно совпадают с вашими, и как я, так и генерал Глазенап, всемерно готовы содействовать успеху вашего... ... [1]). Происшедшее соглашение между Пилсудским и мною я рассматриваю лишь как первый шаг по пути вашего соглашения с Польшей, каковое для данного момента, к сожалению, затруднено внутренним положением в стране. Прошу вас телеграммою определить ваши отношения к формируемому отдельному русскому отряду. Савинков.

Вр. и. о. начальника управления иностр. дел — росс. представителю в Константинополе.

Севастополь. 13 июля 1920 г. № 817.

Благоволите передать Струве в Париж.

По полученным сведениям, бывший полтавский вице-губернатор Бехтеев и херсонский помещик Ветчинкин направляются в Берлин,

[1]) Пропуск в подлиннике.

через Прагу, намереваясь вступить в переговоры с немцами, якобы от имени главнокомандующего. Предупредите Боткина, что главнокомандующий этих лиц не знает и никаких поручений на них не возлагал. Трубецкой.

Нелидов — посольству.

Брюссель. 14 июля 1920 г. № [?].

Базили просит передать Гирсу.

№ 1.

(Шифр.) Ллойд-Джордж сделал следующее сообщение Советскому правительству. Прежде всего он принимает к сведению согласие последнего на условия, поставленные Англией в связи с вопросом о восстановлении экономических сношений, а именно — отказ большевиков от действий, направленных против английских интересов в Азии, и прекращение большевиками пропаганды в чужих странах, а также признание ими долгов по торговым делам с англичанами. Затем Ллойд-Джордж делает Советскому правительству новое предложение, в целях восстановления мира на территории прежней Российской империи. Большевики приглашаются немедленно заключить перемирие с поляками. Польские войска должны будут уйти за линию, установленную в прошлом году Конференцией, как предел бесспорно польских территорий, т. е. на линию, проходящую через Брест-Литовск. Большевикам предлагается не переходить за черту, отстоящую от этой линии на 50 километров к востоку. В случае установления перемирия, для заключения мира с Советским правительством и решения всех вопросов, с ним связанных, предполагается в Лондоне в начале августа созвать конференцию с участием, кроме Польши, еще Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, а также представителей Восточной Галиции, для предоставления последним возможности отстаивать свои притязания на независимость. Ни Украина, ни кавказские образования не упоминаются. В случае принятия Советами этого предложения, английский первый министр со своей стороны согласится на свободный выбор большевиками своих представителей, т. е. готов будет допустить Литвинова в Лондон.

Нелидов — посольству.

Брюссель. 14 июля 1920 г. № [?].

Базили просит передать Гирсу.

№ 2.

(Шифр А.) Это перемирие должно быть распространено и на фронт Врангеля, который должен будет отступить на Перекопский

перешеек. Если Врангель на это согласится, ему будет предложено прислать своих представителей на Лондонскую конференцию. На ответ большевикам дается восемь дней. Предложение это делается от лица одной Англии, но в общем согласии других союзников. Пока текст его хранится втайне даже от второстепенных союзников.

Нелидов — посольству.

Брюссель. 14 июля 1920 г. № [?].

Базили просит передать Гирсу.

№ 3.

(Шифр А.) 1) Военное положение поляков считается Конференцией в ближайшем времени не менее критическим, чем в печати. Пильц не скрыл от меня, что опасается за Варшаву.

2) Заключение перемирия считается неизбежным, ибо мало вероятно, что большевики на него не согласятся.

3) Наши друзья из состава Конференции оценивают оборот событий как исключительно благоприятный в национальном отношении, вопрос о соглашении нашем с поляками, как потерявший практическое значение, что представляется правильным.

4) Пильц проявляет большое желание с нами сговориться. В военном отношении, на случай маловероятный — отказа большевиков от перемирия, особенно же в отношении политическом, именно в вопросе о Восточной Галиции, который поставлен теперь Ллойд-Джорджем, он желал бы получить от нас заявление об отсутствии заинтересованности нашей в Восточной Галиции. Пильц очень желал бы вас видеть.

5) Новые резервы большевиков исчисляются в 20 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

6) Требование об отступлении Врангеля за Перекопский перешеек мотивируется невозможностью удержаться к северу от него в случае большевистского нажима. Нашим соображениям о необходимости территории для продовольствования Крыма уделяется мало внимания.

7) В случае, если бы вы сочли нужным сделать заявление членам Конференции по содержанию вышеизложенного, сообщаю, что Ллойд-Джордж остается в Спа до пятницы. Полагаю крайне желательным изложение ему и Мильерану нашей точки зрения на последнее предложение.

8) Бенеш уехал.

Кн. Кудашев — Гирсу.

Пекин. 15 июля 1920 г. № 499.

Получил вашу телеграмму № 861.

(Шифр.) Следуя примеру великих держав, Китай также стремится наладить торговые сношения с Россией. С этой целью были командированы особые агенты в Иркутск, однако не доехавшие.

Отношение к нам китайцев осторожное, и в междоусобице нашей они стараются сохранить нейтралитет. Спасающиеся на китайскую территорию части «белых» они разоружают, кормят; рядом с этим в Кульдже, несмотря на протест консула, допущен был советский агент, через которого китайцы ликвидировали дела ограбленных туркестанских купцов. Дипломатического представителя Верхнеудинского правительства, направляющегося в Пекин, китайцы через Кяхту не пропустили. С Владивостоком сносятся через своего консула, так как их «комиссар» оттуда отозван. С уполномоченным Владивостока в Пекине Агаревым не сносятся. Вчера еще министр иностранных дел заявил мне, что он только тех русских будет принимать, которые ему будут представлены мною. Хотя со мною еще поддерживаются официальные сношения, но не упускают случая давать мне чувствовать трудность положения.

Китайцы ныне озабочены захватом Китайской Восточной железной дороги. Стараясь противодействовать этому при помощи Русско-Азиатского банка, поддерживаемого французской миссией, находящейся в Пекине, Хорват участвует в выработке модус вивенди на дороге на время отсутствия власти в России. Переговоры идут медленно, ибо мы твердо стоим на недопущении нарушения договорного стату кво, чего добиваются китайцы. Последние переживают острый политический кризис, угрожающий перейти в междоусобную войну. Это еще более тормозит дело. На-днях снова поднят вопрос о прекращении выплаты нам боксерского вознаграждения. Результат моего протеста еще неизвестен.

К попытке образования русского дальневосточного буферного государства Китай относится скептически, видя в ней руку Японии.

В общем, соблюдая по отношению к нам осторожность, китайцы стараются извлечь для себя пользу из нашего положения. Если они открыто не сносятся с большевиками — нота Карахана оставлена без ответа,— то только потому, что выжидают результатов переговоров с ними великих держав. Ввиду сего очень прошу держать меня в курсе этих переговоров.

Копия в Токио.

Штрандтман — послу.

Белград. 16 июля 1920 г. № 282.

Для генерала Монкевица.

(Шифр.) Генерал Лукомский на мое предложение направить годных к строю чинов армии Юденича в Крым по маршруту армии Бредова через Румынию, минуя Сербию, указал на необходимость предварительных сношений с военным представителем в Париже и выборе наилучшей перевозки по его данным. Благоволите выяснить и срочно сообщить все данные. Отвечаю на поставленные вопросы о прожиточном минимуме — в сутки намеченное пропитание, при общем хозяйстве, 10 франков, при условии бесплатного размещения лагерным или казарменным порядком, не считая расходов на одежду, лечение и прочее. Применение труда возможно почти исключительно в сельском хозяйстве в качестве простых рабочих, применение интеллигентного труда чрезвычайно трудно. Телеграфируйте, на какое время располагаете средствами по обеспечению эвакуируемых из Эстонии в Сербию, так как здесь правительством на них средств отпущено не будет. Сумму эту предварительно отправки беженцев следует перевести в распоряжение посланника. № 1853. Артамонов.

Горлов — Гирсу.

Варшава. 16 июля 1920 г. № 150.

(Шифр Д.) Обращенная к державам просьба Польши о посредничестве для заключения перемирия с большевиками и принятие тяжелых условий Ллойд-Джорджа для взятия на себя этого посредничества возбуждают у объективного наблюдателя недоумение. Несмотря на тяжесть положения, еще может сопротивляться и надеяться на победу. Дух солдата крепкий. Армия цела. Опасности большевизма в стране нет. Приток добровольцев в армию громадный. При отступлении к пределам этнографической Польши условия для действий войск становятся более благоприятными, что влияет на настроение тыла. На юге частный успех — взято Дубно, но не чувствуется геройства и наличия сильных вождей, которые повели бы за собой народ, когда возникнет вопрос о судьбе отечества. Многие отдельные лица понимают совершаемые ошибки, но, в общем, правительство и политические партии слабы, что может иметь роковые последствия.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 553.

(Шифр.). Генерал Лукомский просит поддержать перед французским правительством возбужденное перед здешним французским командованием ходатайство о передаче нам 5 000 винтовок и 10 000 000 патронов к ним, предназначаемых французами к вывозу в Армению. Генерал де-Бургон со своей стороны передал этот вопрос в Париж.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 554.

(Шифр.) Генерал Лукомский просит поддержать перед французским правительством возбужденное им перед здешним французским командованием ходатайство о передаче нам 88 000 винтовок Манлихера с патронами к ним и от 80 до 90 батарей легких, гаубичных и тяжелых с боевым комплектом. Вышеупомянутое оружие принадлежало II армии союзных центральных держав, плененной согласно условиям временного перемирия, заключенного между Болгарией и Франше д'Эсперэ 26 сентября 1918 г. Кроме того, желательно добиться согласия французского командования на возвращение Болгарии увезенных в свое время в Константинополь замков от орудий, пулеметов и ружей с обязательством со стороны последней передать нам восстановленное таким образом вооружение. Сверх указанных запасов оружия в Болгарии имеется около 15 000 штыков русского образца и 5 000 пик, равным образом нам необходимых.

Прошу телеграфного ответа.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 557.

Срочно.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 850 от 5 (18) июля.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Из советского радио узнаем о предложении Англией Советскому правительству посредничества для заключения мира со всеми соседями, причем предлагается перемирие с войсками генерала Врангеля, при условии немедленного отступления их в Крым, и приглашение главнокомандующего в Лондон для обсуждения судьбы своих войск и беженцев, но не в качестве члена конференции окраинных образований. Ответ Советского правительства в части, нас ка-

сающейся, переданный с пропуском, говорит, что большевики отказываются признать самостоятельность Крыма.

Ввиду этого главнокомандующий поручает вам обратить внимание союзников на следующие обстоятельства:

1) Требование отвода войск к перешейкам равносильно обречению армии и населения голодной смерти, ибо полуостров не в состоянии их прокормить.

2) К высадившимся на Дону и Кубани частям присоединяются восставшие в ряде станиц казаки.

Все это дает основание настаивать на принципах вашего письма к Мильерану.

3) Ежели потребуется, можете предложить решение вопроса о размежевании между югом и Советской Россией плебисцитом населения, с гарантиями, которые признает нужными Лига Наций. Главнокомандующий уполномачивает вас в форме, которую найдете соответственной, отстаивать эти пункты, воздействуя на разум и справедливость союзников, отмечая удельный вес нашей армии, отвлекшей на себя наступление 93 советских полков, предназначавшихся против Польши.

При таких условиях признание за нами прав, меньших, чем у каждого окраинного новообразования, ничем не оправдывается. Ни одно из них не проявило равной с нами жизнеспособности. Главнокомандующий очень благодарит вас за все, что вы предпринимаете в полном единомыслии с ним, и предоставляет вам самому определить то время, которое сочтете полезным пробыть за границей в связи с обстановкой.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 558.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 824 от 2 (15) июля.

Ссылаюсь на письмо Гирса от 3 июля № 624.

(Шифр.) Не представилась ли бы возможность склонить союзников к оказанию нам кредита за счет признанного за Россией Версальским договором права возмещения?

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 561.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 827 от 2 (15) июля.

(Шифр.) Ознакомившись с вашим письмом от 4 июля, главнокомандующий поручает вам категорически подтвердить Савинкову,

что: 1) ввиду расширения нашего фронта и признаков готовящегося нажима большевиков на юге, все боеспособные элементы из Польши должны без промедления направляться в Крым; 2) если затем останутся еще элементы, не могущие или не желающие быть эвакуированными, то главнокомандующий не возражает против формирования из них русских частей на польском фронте, но не может принять на себя ни нравственной, ни материальной ответственности в этом деле.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 563.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 835 от 3 (16) июля.

(Шифр.) Для личного вашего сведения сообщаю, что командир прибывшего сюда французского корабля «Изер» заявил командующему флотом, что ему приказано, в случае попытки большевиков высадиться в Крыму, поставить себя под его начальство.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 565.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 811.

(Шифр.) Конец телеграммы.

Всего из частей, предназначенных против поляков, нашей наступательной операцией притянуто до сих пор 63 пехотных полка и 32 конных полка с соответствующей артиллерией.

Желательно, чтобы вы использовали приведенные данные, чтобы указать как самим полякам, так и французскому правительству на громадное влияние, которое наше наступление имело в смысле ослабления нажима красных на польский фронт.

Полная телеграмма почтой.

Горлов — послу.

Варшава. 24 июля 1920 г. № 157.

Для Струве.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 141.

(Шифр Д.) В Галац пришел транспорт «Херсон». Сегодня задержанные вначале июля на румынской границе эшелоны бредовских войск уже пропущены в Румынию.

Горлов — Гирсу.

Варшава. 23 июля 1920 г. № 154.

(Шифр Д.) Быстрое отступление польских войск продолжается. Части, иногда утратившие взаимную связь, усталые от чрезвычайн.... .....ывают [1]) назад. Взято Гродно, большевики продвигаются к Белостоку. Французские офицеры отправлены на фронт, принимают участие в командовании. Повидимому, имеются свежие части, которыми, вероятно, попытаются преградить наступление. Умелый удар мог бы иметь успех. Большевики тоже утомлены, наступательная сила их ослаблена, нет резервов. Если наступление не будет задержано, возможно появление большевиков дней через десять под Варшавой. Польским правительством послано большевикам предложение вести непосредственные переговоры о перемирии и мире. Для облегчения переговоров образован с участием социалистов беспартийный коалиционный кабинет. Премьер — вождь литовцев Витос. Князь Сапега остался министром иностранных дел. Социалист Дашинский — заместитель премьера. Пилсудский подвергся сильным нападкам. После потребованного им от совета обороны вотума доверия, остался главою государства и главнокомандующим. Общее впечатление — слабости власти. Настроение подавленное. Иностранные миссии исподволь готовятся к возможному отъезду.

Копия Трубецкому.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 24 июля 1920 г. № 227.

Получил вашу телеграмму № 1036.

(Шифр В.) Я считаю принципиально нежелательным привлекать японцев к разрешению чисто внутренно-русского вопроса о признании Семеновым генерала Врангеля. На практике обращение к японцам по этому вопросу также, я думаю, было бы бесполезным, так как они считают, что Врангель не будет в состоянии противостоять большевикам, между тем как на Дальнем Востоке, по их мнению, большевики не могут утвердиться вооруженной силой. В настоящую минуту японцы стараются добиться объединения различных дальневосточных правительственных образований буферной (области) или даже государства-буфера. Под их сильным давлением Семенов вынужден был вступить в переговоры об объединении с владивостокским правительством, которое за последнее время получило несколько менее крайнюю окраску, включив в себя кое-какие умеренные эле-

[1]) Пропуск в подлиннике.

менты, хотя в его состав продолжают входить и большевики. Каков будет результат этих инициатив, пока сказать нельзя, так как, насколько известно, атаман Семенов ставит непременным условием продолжение активной борьбы с большевиками и исключение их из объединенного правительства. До окончательного выяснения положения вряд ли может получиться разрешение вопроса о признании Семеновым Врангеля.

Я все же обратился по этому поводу к атаману Семенову через его здешнего представителя, генерала Сыробоярского, и сообщу вам его ответ. Со своей стороны генерал Сыробоярский самым категорическим образом заявил, что, несмотря на различные комбинации, могущие быть вызванными настоящей политической обстановкой на Дальнем Востоке, атаман Семенов и его войска попрежнему всегда будут неизменно придерживаться той же национальной идеи и политической ориентации, которая руководит правительством юга России в его борьбе с большевиками. Поэтому он считает, что разрешение вопроса об объединении не вызовет в будущем никаких затруднений. Вместе с тем генерал Сыробоярский считает необходимым, ввиду полной неосведомленности атамана Семенова относительно главных руководящих начал программы внутреннего строительства, намечающейся генералом Врангелем, чтобы атаман был теперь же поставлен и регулярно держался в курсе этих вопросов, дабы он со своей стороны мог согласоваться с этими началами и предвидеть план основных начинаний в национальном пробуждении среди здоровых элементов крестьянства Сибири.

Вышеизложенное прошу сообщить генералу Врангелю.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 25 июля 1920 г. № 229.

Получил вашу телеграмму № 940.

(Шифр.) Хотя японское правительство и не имеет принципиальных возражений против займа в Японии для финансирования Китайской Восточной железной дороги, оно, однако, считает осуществление подобного займа на практике затруднительным в настоящую минуту по нижеследующим двум соображениям: 1) японский денежный рынок переживает теперь крайне тяжелый момент; 2) трудно заключить контракт о займе без предупреждения Международной железнодорожной комиссии, пока она не существует, а вмешательство ее в дело может привести к интернационализации займа, чего именно желательно избежать.

Я не затрагивал с японцами остальных двух пунктов, упомянутых в вашей телеграмме, тем более, что мне неясно, как может проектируемая международная комиссия в Париже ограничиться охраной стату кво в наших интересах, а также о каком русско-французском управлении идет речь и как таковое может быть согласовано с постановлениями контракта о постройке дороги.

Кн. Кудашев — Гирсу.

Пекин. 26 июля 1920 г. № 520.

Получил вашу телеграмму № 1043.

(Лат. б.) Одною из мер, предшествующих созданию проектируемого буферного государства, было образование во Владивостоке коалиционного правительства, которому, Владивосток надеется, подчинятся остальные поместные власти. В состав нового правительства вошли три цензовика, в том числе Виноградов в качестве министра иностранных дел. Он — кадет, был членом Директории в Уфе. Привлечение цензовиков имело целью вселить доверие к правительству иностранцев. Практика по деловым сношениям с миссией указывает, однако, на преобладание влияния коммунистов.

Солдатенков — Гирсу.

Лондон. 26 июля 1920 г. № 441.

Получил вашу телеграмму № 1062.

(Шифр.) На сегодняшнем заседании парламента Ллойд-Джордж заявил, что большевики приняли предложение британского правительства о конференции в Лондоне и выразили желание, чтобы страны Согласия были представлены на этой конференции. Британское правительство, по словам Ллойд-Джорджа, сносится по сему поводу с союзниками. Вечерние газеты сообщают, что Ллойд-Джордж выезжает завтра в Булонь на свидание с Мильераном. Точное содержание сообщения большевиков пока не опубликовано, однако в печати появились сведения, что будто бы предварительным условием начатия переговоров в Лондоне большевики выставили сдачу генерала Врангеля.

Нератов — посольству.

Константинополь. 26 июля 1920 г. № 586.

(Шифр.) Главнокомандующий просит Гучкова приехать в Севастополь кратчайшим путем. Желательно через Сербию и Болгарию.

Кривошеин.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 28 июля 1920 г. № 596.

(Шифр.) Генерал Лукомский просит возбудить перед союзными правительствами ходатайство о предоставлении нам части подлежащего уничтожению германского авиационного имущества в количестве, каковое будет найдено ими возможным. На случай принципиального согласия сообщается, что необходимы все типы самолетов: бомбометные, разведывательные и истребители. Потребность в разного рода вооружении растет и может парализовать достигнутые успехи.

Прошу телеграфного ответа.

Мейендорф — Гирсу.

Копенгаген. 29 июля 1920 г. № 26.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 25.

(Шифр.) Литвинов сегодня в «Политикен» не опровергает вчерашнее сообщение «Магдебургской газеты» и уверяет, что Советское правительство не угрожает независимости Польши и не намерено предложить ей мир на суровых условиях. Он указывает на трактаты, заключенные с Японией, Литвой и Грузией как доказательства миролюбия Советов, всегда верных принципу самоопределения народов, примененного даже к башкирам и кавказским татарам. Наступление красных на Польшу является отпором империалистических тенденций поляков, служивших орудием французских капиталистов. Отношения Советов к союзникам наладятся без особых затруднений, когда они откажутся от мысли силой или коварством побороть народное правительство в России. Все влиятельные члены Советского правительства желают мира со всеми и на фронтах. Но ни одной пяди земли нельзя оставить генералу Врангелю или другим реакционерам. Для достижения этой цели Советы готовы выплатить любую цену, если только противная сторона честно пойдет им навстречу. В том же номере «Политикен» в передовой вновь подчеркивает двойственность советской политики и приводит слова Троцкого от 24 июля: «Польша — будущий красный мост для социальной революции во всей Европе» и вспоминает обращение Ленина к швейцарским рабочим: «Революционная война необходима в интересах социализма».

Гулькевич — Гирсу.

Стокгольм. 31 июля 1920 г. № 45.

(Шифр.) Шведский посланник в Варшаве, известный вам Аккерберг, телеграфирует, что внутреннее положение Польши катастрофически сумбурное. Провозглашение Советской власти — вопрос будто бы не дней, а часов.

Петряев — посольству.

София. 2 августа 1920 г. № 89.

(Шифр А.) На основании данного ранее французами разрешения болгары готовы были отпустить нам 15 аэропланов. Теперь, когда было приступлено к приемке их, здешнее французское командование получило сообщение из Парижа, что, по решению Верховного совета, все авиационное имущество Болгарии не подлежит ни вывозу, ни эксплоатации.

Ввиду такого противоречия, генерал Форту обратился в Париж за разъяснениями. Необходимо подтвердить разрешение, без чего аэропланы сданы не будут.

Копия в Константинополь.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 2 августа 1920 г. № 605.

Срочно.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Имейте в виду, что главнокомандующий мог бы, при создавшейся обстановке, развить свои военные операции в такой степени, которая вызвала бы со стороны красного командования необходимость единовременной значительной оттяжки сил на крымский фронт. Конечно, условием усиления активности должно быть срочное возобновление снабжения армии юга России со стороны союзников.

Если, по вашему впечатлению, положение дел на польском фронте способно побудить союзников пойти нам навстречу в данном вопросе, то благоволите сделать соответствующие шаги и о результате телеграфируйте.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 3 августа 1920 г. № 239.

Получил вашу телеграмму № 1074.

(Шифр.) Я вторично переговорил с министром иностранных дел о займе в Японии для Китайской Восточной железной дороги.

Он продолжает держаться прежнего своего мнения и считает, что на практике заем в настоящую минуту состояться в Японии не может. К учреждению международной комиссии в Пекине он относится отрицательно, считая, что, с одной стороны, китайцы будут этому энергично противодействовать, а с другой, что в результате деятельность комиссии легко могла бы привести к установлению над дорогой международного контроля. Министр думает также, что американцы, во всяком случае, будут стремиться к участию в займе, и в подтверждение этого он указал на имевшее на-днях место в Вашингтоне англо-американское совещание о вопросе о финансировании Китайской Восточной железной дороги. Виконт Учида полагает, что единственным способом действия для..... [1]) является формальное доказательство всех нарушений китайцами наших прав по отношению к Китайской Восточной железной дороге.

Со своей стороны я затрудняюсь высказать какие-либо новые соображения, не будучи осведомлен с важнейшим положением вопроса о Китайской Восточной железной дороге, всегда входившего в компетенцию миссии в Пекине.

Нератов — посольству.

Константинополь. 3 августа 1920 г. № 617.

Струве просит передать Маклакову. В случае его отсутствия — Базили.

(Шифр.) На основании указаний, сейчас полученных от главнокомандующего, прошу вас, осведомив Гирса, в ответ на заявление Мильерана о предполагаемом нашем фактическом признании, сделанном мне, вновь подтвердить, что мы, в качестве носителей русской государственной и национальной идеи, принимаем на себя все обязательства предшествующих российских правительств. Что касается до аграрной реформы, то она на широчайших основах уже фактически осуществляется: земля передается крестьянам на правах собственности. В области политической главнокомандующий ставит своей главной задачей — дать народу возможность, как только обстоятельства дозволят, свободно проявить свою волю относительно вопроса государственного устройства. Как первый шаг на пути этом, приказом от 15 июля созданы избираемые на демократических началах земства, коим предоставляется власть и управление на местах.

Главнокомандующий просит меня поручить передать Мильерану его живейшую признательность за сочувственное нам заявление.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Поддержка, оказанная в настоящее тяжелое время французским правительством русскому национальному делу, отвечает традиционной дружбе двух союзных держав и, по глубокому убеждению главнокомандующего, закрепит в будущем их тесное единение на почве тождественности взаимных политических интересов и целей.

Благоволите обратить внимание французского правительства и общественного мнения на важный факт собрания Кубанской рады в Крыму под охраной власти генерала Врангеля и на направленное против всяких погромов, в том числе и еврейских, энергичное заявление генерала Врангеля, сделанное им редактору «Великой России» Чебышеву.

Нератов — посольству.

Константинополь. 4 августа 1920 г. № 623.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 617.

Струве просит передать Маклакову. В случае его отсутствия — Базили.

(Шифр.) Прошу вас осведомить Гирса — ускорить оформление и оглашение нашего признания как фактического правительства согласно заявлениям Мильерана мне и в палате депутатов. В связи с этим доведите до сведения французского правительства наше желание иметь в Севастополе, кроме военной миссии, авторитетного дипломатического представителя Франции. 6-го августа еду на американском миноносце в Севастополь через Констанцу, куда вызываю посланника в Бухаресте и генерала Гирса.

Обратите внимание на наши последние военные успехи и на то, что с Кавказа, Украины и Дона поступают сведения о начавшихся восстаниях против Советской власти. Связь казачьих элементов с главнокомандующим упрочивается.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 6 августа 1920 г. № 304.

(Шифр.) По поводу протеста Америки против японской оккупации на Дальнем Востоке «Нью-Йорк Таймс» поместил полуофициальную статью, резюмируя отношение государственного департамента к русскому вопросу. Выдержки из статьи: американское правительство считает, что бывшие союзники России должны, как временные опекуны, сохранять ее права и легальный стату кво до появления в России законного правительства. Главная цель Америки — спасение России для русского народа. Президент отклонит всякую

сделку, которая признала бы за Советской властью право или возможность говорить от имени России. Америка будет ждать появления в России законного правительства, признанного всем русским народом, и в переходный период будет неизменно осуждать всякий захват русской территории, под каким бы предлогом он ни производился.

Копия в Лондон.

Валуев — Гирсу.

Познань. 10 августа 1920 г. № 176.

(Шифр.) Вчера миссия прибыла в Познань. Многие посланники, отправив свои миссии, остались в Варшаве, до отъезда князя Сапеги. Общее впечатление иностранных военных представителей, что после приезда генерала Вейгана произведена большая организационная работа по упорядочению центральных и фронтовых военных учреждений; местами польские войска начинают оказывать серьезное сопротивление неприятелю. Однако фронт настолько близок к Варшаве, что за судьбу столицы ручаться нельзя. По сведениям нашего военного агента, большевики сосредоточили крупные свежие силы в районе Остроленки; видимо, есть свежие кавалерийские части. По последнему сообщению, большевики, двигаясь от Млавы, заняли Цеханов. Занятие этих двух пунктов перерезает кратчайшую железную дорогу Варшава — Данциг. Пала Ломжа, бои идут около Седлеца.

Генерал Сосновский назначен военным министром.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 12 августа 1920 г. № 309.

(Шифр.) Прошу сообщить, какое впечатление произвела в Париже декларация Америки. Посольство считает, что документ этот имеет огромное и непреходящее значение. В этом смысле оценили его с редким единодушием первые отзывы здешней печати, в том числе и республиканской. В частности, каково отношение к практическому предложению союзникам гарантировать территориальную целость России? Возможно, что это предложение побудит европейские правительства высказаться по существу русского вопроса.

Нератов — посольству.

Константинополь. 16 августа 1920 г. № 660.

Струве просит передать за № 1006 от 31 июля (13 августа).

(Шифр.) Ввиду угрожаемого перерыва сообщений, необходимо при участии французского правительства побудить румынское пра-

вительство не ставить никаких препятствий непрерывному продвижению отряда генерала Бредова. Меры подачи транспортов принимаются.

Прошу передать тождественную генералу Миллеру.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 17 августа 1920 г. № 668.

Срочно.

(Шифр А.) Начальник штаба телеграфирует с фронта: генерал Бредов доложил главнокомандующему, что румыны принимают на территории Румынии только такое число эшелонов, какое могут принять наши суда, уже стоящие в водах Дуная. Ввиду того, что операция по высадке отняла у нас большое количество транспортов, освободить которые в ближайшем времени невозможно, необходимо добиться через генерала Геруа разрешения румынского правительства теперь же принять и сосредоточить на Дунае все эшелоны отряда генерала Бредова с тем, что мы при первой же возможности, по совершении операции, пришлем за ними все мелко сидящие транспорты. Желательно содействие французов. Струве.

Прошу телеграфного ответа.

Копия в Бухарест.

Горлов — Гирсу.

Познань. 17 августа 1920 г. № 181.

(Шифр А.) Французскому командованию, повидимому, удастся в минуту крайнего кризиса овладеть положением и поднять боеспособность армии. Взят Цеханов, и дальнейшее продвижение на север имеет целью отрезать большевиков, продвигающихся на линию Торн — Грауденц. Большевики оттесняются от Варшавы. Частичные неуспехи около Львова, где оперирует Буденный.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 августа 1920 г. № 684.

Струве телеграфирует за № 1024.

Просьба передать его превосходительству г-ну Мильерану, председателю совета министров, министру иностранных дел в Париже, следующую телеграмму главнокомандующего:

«Ввиду принятого правительством республики решения признать правительство Юга России, спешу выразить вам, господин президент, мою горячую благодарность за драгоценную помощь, которую вы согласились оказать национальному русскому делу в минуту тягчайшего испытания, когда мы прилагаем все наши усилия к тому, чтобы осуществить нашу задачу восстановления России на основе великих принципов свободы и прогресса. Генерал Врангель.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 августа 1920 г. № 690.

Струве просит передать за № 1014. Копия Гирсу.

(Лат. б.) В связи с нашим десантом на Кубани соглашение с казачьими атаманами сегодня торжественно оглашено. Необходимо сделать все, чтобы немедленно сообщить соглашение журналистам, обратив внимание французского и вообще иностранного общественного мнения на первостепенное значение этого акта в данной военной и политической обстановке.

Текст соглашения отправлен с курьером Алешиным.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 21 августа 1920 г. № 321.

(Шифр А.) Крайне желательно, чтобы малые европейские державы поддержали американскую точку зрения в русском вопросе. Не найдете ли возможным инструктировать наших представителей в Бельгии, Голландии, Скандинавских и других странах добиваться от местных правительств подобного выступления?

Поклевский-Козелл — послу.

Бухарест. 21 августа 1920 г. № 47.

Для М. Н. Гирса.

Я телеграфирую в Константинополь.

(Шифр.) В силу принятой в 1918 г. формулы оставленные нами в Румынии оружие и боевые припасы считаются как бы собственностью союзников, находящейся в депозите у румын. Мне удалось теперь добиться от Таке Ионеско и главных членов кабинета согласия на выдачу известного количества оружия и боевых припасов французам, если они потребуют этого как бы для себя, с тем, что французы

уже сами передадут затем это оружие в распоряжение маршала Жоффр. Переговорил об этом вопросе с генералом Авереско и получил его согласие.

Штрандтман — посольству.

Белград. 22 августа 1920 г. № 289.

Я телеграфирую в Севастополь.

(Шифр А.) Белградское Пресс-Бюро напечатало телеграмму «Гаваса» о переговорах министра иностранных дел Трумбича с Красиным и Каменевым относительно возвращения из России на родину юго-славянских военнопленных бывшей австро-венгерской армии. Далее телеграмма говорит, что, кроме того, обсуждался вопрос о возобновлении международных отношений между Россией и королевством. На мой письменный запрос по этому поводу в министерство иностранных дел и. о. министра иностранных дел сегодня лично и устно разъяснил, что напечатанное известие неточно, что, согласно сообщениям Трумбича, большевистская делегация в Лондоне 16 августа просила его назначить уполномоченное лицо для переговоров относительно установления экономических связей между Югославией и Совдепией, когда взаимоотношения между последнею и державами будут урегулированы. Вопрос о военнопленных, повидимому, обсуждался, то Т. переговаривал.... [1]) и даже не предупредив Белград. Жинчич при этом самым категорическим образом протестовал против возможности установления международных сношений с Совдепией, а равно против появившегося в газетах известия, будто бы королевское правительство готово объявить нейтралитет в войне между Польшей и большевиками, по примеру Чехо-Словакии, и просил самым решительным образом оспаривать справедливость этих сведений. На мое предложение выработать и напечатать опровержение он ответил уклончиво, как я мог понять, по причинам внутреннего сложного положения. На сегодняшних выборах белградского городского самоуправления одержали верх коммунисты.

Считая, что в нашем национальном вопросе не должно быть компромиссов с правительством СХС, я в моей ноте в министерство указал на глубокое впечатление, которое произведет пропущенная здесь Пресс-Бюро телеграмма «Гаваса» в Крыму на политических деятелей России, на всех русских людей в России и за границей.

---

[1]) Так в подлиннике.

Штрандтман — послу.

Белград. 23 августа 1920 г. № 290.

Срочно.

Для генерала Миллера.

(Шифр.) Правительство дало согласие на въезд в королевство трех тысяч чинов бывшей армии Юденича, и министерство иностранных дел просит меня срочно ему доставить сведения о распределении означенных трех тысяч для визирования в Стокгольме, Копенгагене и Праге. Пока распоряжение дано в названные три города о визировке в каждом из них до 500 паспортов по предъявлении пропусков, удостоверяющих их принадлежность к бывшей армии Юденича. Мне, кроме того, было разъяснено, что дальнейшие разрешения сверх трех тысяч могут быть даны в зависимости от действительного проезда офицеров далее в Крым, так как до сих пор у слишком многих офицеров наблюдалось желание оставаться здесь. Но у правительства на их содержание, кроме сумм отпускаемых, средств нет, и оно не может брать ответственности за создание здесь бедственного положения для русских и потому предпочитает отказывать в визах. Следовательно, дальнейший пропуск наших военных с севера обусловлен правильной организацией их проезда в Крым без задержки в королевстве. Правительство учитывает, что отпущенных в мое распоряжение 20 000 фунтов стерлингов хватит ненадолго. Визы могут даваться транзитные или на въезд по желанию.

Прошу телеграфного ответа.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 23 августа 1920 г. № 322.

(Шифр.) Прошу сообщить, сопровождалось ли признание Францией южного правительства оказанием ему практической помощи, в частности в области финансов и отправки снабжения?

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 24 августа 1920 г. № 703.

Струве просит передать за № 1043 телеграмму главнокомандующего.

(Шифр.) Прошу вас принять мою живую признательность за поздравление по поводу признания Францией правительства Юга России и пожелания успеха вашим общим трудам для восстановления нашей родины. Врангель.

Мейендорф — Гирсу.

Копенгаген. 24 августа 1920 г. № 31.

(Шифр.) Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что на назначенной в конце недели здесь Междускандинавской конференции, по всей вероятности, предметом обсуждения будет отношение сих держав к ожидаемому со стороны союзников предложению возобновить блокаду Советской России.

(Продолжение следует.)

25 лет назад.

(Из дневников Л. Тихомирова.)

Продолжение *).

[1904 ГОД.] 5 ноября.

Был у Трепова. Он не расположен ничего делать, считая положение нормальным. Но услыхав от меня, что — крайне ненормально, решил разузнать в воскресенье.

Крайне пессимистично смотрит на грядущее. «Едва ли удастся нам избежать кровопролития», говорит он.

Кстати, Преображенская сообщила Кате, что, по словам ее знакомых студентов, ими решено разгромить редакцию «Московских ведомостей» 6 декабря или, может быть, 6 ноября.

14 ноября. Воскресенье.

Вечером же в Дворянском собрании, на концерте Собинова, была демонстрация. Во время гимна с хор студенты и тому подобная публика шикали и свистели. Другие кричали за царя. Шум и гвалт. Три раза повторялась эта сцена. Прокламации сверху сыпали тысячами. Одни их рвали, другие прятали.

Полиция, говорят, бездействовала.

Вероятно, это начало демонстраций. Земский съезд заявил требование ограничения самодержавия. Очевидно, что сторонники должны это поддержать демонстрациями.

Ну и времечко!

Наверное, будут скандалы и перед «Московскими ведомостями».

22 ноября.

Заходил в редакцию познакомиться со мной ныне «прославленный» Николай Алексеевич Павлов [1]) («дворянин Павлов» сатир и карикатур). Он однако произвел на меня гораздо лучшее впечатление, нежели я ожидал.

[1]) «Красный архив», т. I(38), стр. 20—69.

Рассказывал питерские новости. Государь никаких «конституций» давать не намерен, так что Владимир Андреевич совершенно напрасно «спасал», точнее, компрометировал самодержавие.

Мирский был у государя, сознаваясь в своей ошибке, наделавшей столько кутерьмы, и проявлял намерение сколько-нибудь поправить свой промах. Но он, действительно, нездоров, и будто бы ожидают, что в случае его ухода его сменит Витте.

В Михайловском театре публика сделала скандал Балета, любовнице вел. кн. Алексея, кричала: «Вон из театра», а по поводу ее бриллиантов: «Это на тебе наши крейсера и броненосцы висят». Кричали, чтобы она больше не смела показываться на сцене... Так-таки и выгнали!

Недурно положение великого князя Алексея!

Все кричат, что он — виновник всего воровства во флоте и жалкого его положения.

Эта Балета была прежде любовницей Алексеева, который ее уступил вел. кн. Алексею, за что был им проведен в наместники.

Какие все грустные истории, какое компрометирование царского дома! А государь, говорят, давно хотел бы прогнать Алексея из генерал-адмиралов, но за того горой стоит вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Любопытно, что 180 офицеров (гвардии) готовили скандал частному съезду земцев, когда предполагалось, что заседания будут публичны.

1 декабря.

Ну и времечко! В Петербурге беспорядки идут по расписанию. В Кременчуге крестьяне разнесли вдребезги несколько помещичьих усадеб. Калужское земство подало «адрес» с множеством требований свобод, но даже не упомянув о признании «самодержавия». Московская дума вчера также послала требование свободы печати, исповеданий и подчинения «администрации» контролю выборных людей. Заявление это, правда, глупо составлено, неясно и двусмысленно. Вероятно, вожаки нарочно составляли так, чтобы толпа «самоварников и аршинников» подписала, не разобрав в чем дело.

У нас, в Москве, уличных беспорядков еще не было. Но трудно сомневаться в их неизбежности.

Да, дожилось правительство! Довело дезорганизацию до крушения. И кто глупей: «общество» или правительство — невозможно решить.

Грингмут был у великого князя и возвратился в настроении более умном: соглашается хоть не дразнить толпу глупыми псевдо-

консервативными выходками. Не посоветовал ли великий князь прекратить роль подстрекателя к беспорядкам?

Сам Владимир Андреевич передает, что вел. князь относится ко всему происходящему н а с м е ш л и в о, и объясняет это тем, что решил к январю оставить пост — он не чувствует уже себя ответственным. Может быть.

Узнал от Грингмута (но не от Павлова!), что Павлов просил его рекомендации для каких-то разговоров с великим князем. Посему Павлов должен на-днях быть в Москве. Мне тоже не сообщил. Что за конспирация?

А великий князь уезжает на 6 декабря в Петербург — на праздник государя. Это значит: уезжать н а к а н у н е б е с п о р я д к о в.

В сущности, обвинять вел. князя нельзя: он не может служить при системе, которая так резко противоречит всем его убеждениям. Но, во всяком случае, он оставляет Москву на несомненные беспорядки.

3 д е к а б р я.

Вчера на Дворянском собрании, на концерте в пользу курсисток, была шумная демонстрация молодежи, с криками «Долой царя», «Долой самодержавие» и тысячеголосным хором революционных песен. Раздавали прокламации. Объявлен сбор революции «с оружием», 5 декабря в 1 час дня, на Страстной площади.

Как говорили раньше, будут разносить редакцию «Московских ведомостей».

Сегодня в университете устроен грандиозный скандал Герье [2]) за то, что не захотел подписать заявления думы.

5 д е к а б р я. В о с к р е с е н ь е.

Беспорядки вышли очень серьезные, хуже, чем я ожидал. Длилась история целый день. Полиция била жестоко саблями, а ее колотили палками.

Были и выстрелы. Около нас было четыре револьверных выстрела. На Тверской тоже стреляли из револьверов.

До самого вечера не успокаивается баталия. В Охотном ряду конная полиция. Всюду наряды полиции.

Есть слухи, что беспорядки будут продолжаться и ночью.

7 д е к а б р я.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ.

После уличного беспорядка, имевшего место в С.-Петербурге, на Невском проспекте, 28 минувшего ноября, среди учащейся молодежи гор. Москвы началась усиленная агитация за устройство беспорядков и в здешней столице. Озна-

ченным настроением молодежи воспользовалась преступная организация, именующая себя «Московским комитетом партии социалистов-революционеров», и вскоре появились прокламации, которые распространялись в разных частях города, приглашающие 5 и 6 текущего декабря на политическую демонстрацию.

5 декабря, с 12 час. дня, было замечено необычное движение публики по тротуарам от Страстной площади до Чернышевского переулка, причем группы гуляющих почти исключительно составляли студенты высших учебных заведений и слушательницы высших женских курсов.

Во втором часу дня, на Тверской улице, между Леонтьевским и Чернышевским переулками, образовалась уже значительная толпа, среди которой послышалось революционное пение, и были выкинуты красные флаги с антиправительственными надписями. Толпа эта вступила в драку с направленным против нее пешим нарядом полиции, пользуясь для сего палками, кистенями и железными прутьями, был сделан и выстрел из револьвера. Чины полиции принуждены были обнажить шашки и немедленно разогнали толпу, отобрав флаги.

Такие же попытки в течение дня возобновлялись и в других частях города, но демонстранты и там немедленно разгонялись полицией. Серьезных увечий во время столкновения полиции с демонстрантами никому из последних нанесено не было, а, как выяснено расследованием, всего девять случаев легких поранений среди демонстрантов и двенадцать среди чинов полиции, причем из числа последних двое получили огнестрельные раны. Из числа задержанных во время беспорядков, 43 наиболее виновные арестованы и частью будут привлечены к судебной ответственности, а частью подвергнуты аресту за нарушение обязательного постановления московского генерал-губернатора об уличных сборищах, остальные же задержанные были тотчас по окончании беспорядков освобождены.

Попытка возобновить беспорядки была произведена 6 декабря на Страстной площади, но не была допущена нарядом полиции, окружившим и задержавшим демонстрантов. Из числа последних 22 наиболее виновных будут подвергнуты аресту за нарушение обязательного постановления о сборищах, а все остальные освобождены.

(Опубликовано 7 декабря).

10 декабря.

Вот все не соберусь записать о сценах беспорядков, которые пришлось так близко видеть. Все эти дни и нездоровится и большая суета по случаю нашего четверга и записки для Степанова. При большой работе в редакции эта записка мне все не давалась, несколько раз переписывал. Дело в том, что я уговорился со Степановым (Филиппом Петровичем) составить некоторую прокламацию для дворянства, земства и думы, в поддержку самодержавия, где выяснить им всю глупость тех, кто поднял агитацию против него, и всю необходимость для нас самодержавия. Эту записку должно показать великому князю и, если он одобрит, то напечатать и разослать по русским губерниям.

Записка у меня вышла, говорят, недурна. Я ее на четверге отдал Степанову, но он выразил сомнение, чтобы она понравилась великому

князю. Впрочем, окончательное мнение он выскажет после внимательного прочтения.

Самая мысль об этой записке однако немного устарела. Теперь события летят, как ветер. Уже начинаются разные всеподданнейшие адресы с выражением верноподданничества и против конституции. Наша записка — уже не кажется н у ж н а, и, может быть, даже покажется вел. князю уже неуместной. Ибо она всетаки дает программу реформ с а м о д е р ж а в и е м, а те адресы, которые явились в Фатеже, Харькове, Тамбове, провозглашают самодержавие без всяких реформ. Это, конечно, более понравится... к сожалению.

Я вообще снова окунулся в политику, и — по обыкновению — неудачно. Задумал я три вещи: 1) чтобы возбудить . . . . *) самодержавные в самих земствах, 2) надавить на земства нашей запиской, 3) представить самому государю программу необходимых реформ (через Павлова)... Это план — на вид стройный, но по недостатку сил, кажется, фантастичный, и я начинаю думать, что ни один пункт его не исполнится.

А между тем — сколько труда! Сколько переговоров, писанья этих бумаг!

Вообще я до седых волос — фантазер. Все хочется что-нибудь сделать, хотя и знаешь, что нет сил.

Положение дел в России обостряется. После требования конституции адвокатами, земцами, профессорами, когда обнажилась мальчишеская ничтожность этих взрослых людей, а на улицах явились демонстрации, красные флаги, крики «Долой самодержавие» и пальба из револьверов — в правительстве, как говорят, явилась р е а к ц и я. И немудрено! Эта неразвитость и революционность общества испугает хоть кого. Начались кары газетам, говорят — начнутся высылки, государь сделал резкий публичный выговор черниговскому предводителю за конституционные требования земского собрания.

В обществе п о к а однако не заметно страха, а скорее — ожесточение. Но монархические круги уже начинают всеподданнейшие адреса. Это, вероятно, укрепляет правительство в мысли «подтянуть» либералов, а последних может лишить бодрости. Они очень, было, зазнались, вообразили себя силою и стали халуйско-наглы.

Пока однако трудно сказать, что выйдет из столкновения. Повидимому, Витте старается обострить его и потом явиться спасителем страны.

Во всяком случае, повидимому, идея самодержавного устроительного движения стала невозможною. Власти отвергнут, как л и б е-

*) Неразобрано.

ральное начинание; общество — как реакционную ловушку.

Sic transit sapientia.

13 декабря.

Внутренние дела принимают оборот грозный. Высочайшая пометка на конституционной просьбе черниговцев не произвела (само собою) ни малейшего впечатления. Конституционные заявления готовятся новые.

Вчера 70 гласных думы (Московской) устроили торжественное чествование кн. Голицына, как исторического героя и гражданина. Завтра должны всенародно подписывать ему адрес в думе. Об этом рассылаются прокламации, созывая народ московский к думе.

А власти? Кристи не знает, что делать. Великий князь и Трепов уехали в Петербург.

Там у государя идут какие-то совещания с министрами. Слухов нет, а только известия иностранных газет, повидимому, сочиненные на 90%. Они говорят, что Победоносцев [3]) и Муравьев [4]) стоят за самодержавие, а Витте и Мирский за уступки (свобода печати и представители земств в Госуд. Совете)...

Чепуха все. Я боюсь, что государь одинаково не может ни уступить, ни сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель.

Сегодня земское собрание (в Москве); не знаю, что там делается, но, конечно, то же самое, что в думе или с надбавкой.

Гнило все насквозь, до чего только коснулась рука правительства, и, если есть люди за царя, то лишь те, которые были в унижении, угнетенные и оскорбленные.

Замечательная вещь. Пожалуй, что монархия погибнет. А ведь как легка и ясна реформа, спасительная для нее и для России! Я до сих пор не могу поверить, чтобы можно было умудриться погубить такую силу, как царская, но, повидимому, умудрятся.

У них ни одного «человека» нет! Надо же иметь искусство достигнуть таких результатов!

Десять лет — одно огорченье, систематическое расшатывание себя. Наконец, война все доканала. Да и вправду — страх берет за существование *).

---

* Далее в дневнике вклеено следующее письмо Киреева от 17 декабря:

«Витте окажется весьма скоро первым министром. Ведь подумайте, что этот ехидный нахал на основании указа 12 декабря будет докладывать все дела по исчисленным в нем реформам (а ведь это все!!) бедному царю, совершенно беззащитному. Ведь Витте через год превратит его в куклу...

20 декабря. Понедельник.

Порт-Артур взят[5]). Стессель отправлен в Токио. Рука божия отяготела над несчастной, развратной, обезумевшей Россией. Все гнило, все пропало!

Недаром царствование началось Ходынкой...

А государь в Бирзуле прощается с войсками, раздает им образки. О бедный, несчастный царь, бедная, несчастная Россия!

Не знаю, что думать о Куропаткине. Вероятно, деморализован и просто трусит японцев, как и вся армия. О нем государю говорили, будто он нарочно бездействует, чтобы дождаться падения монархии. Это, конечно, вздор. Военный не может дойти до подлого предательства товарищей из-за политики.

Но, воображаю, как подействует и на Россию и на армию это новое торжество японцев. Пожалуй, это последний удар нашей монархии. Да и что сказать? Правительство ведет страну к гибели, ничего не умеет сделать, никакой героизм не помогает при бездарности (если не хуже) правительственных деятелей.

31 декабря. 9 часов вечера. Пятница.

Последний день старого, кровавого, мучительного года. Что ждет в будущем тех, которые в него вступят?

Мы подходим к нему в ожидании полной смены всяких властей и сосредоточения всей власти у Витте... Одесский полужид, беспочвен-

---

Я-то знаю, что вы все это понимаете.

Конечно, революционеры (они же конституционалисты) радуются; одному из них Витте сказал: «Да не беспокойтесь, дадут, дадут конституцию, только поганенькую!» Ему (Витте) нечего теперь и думать о каких-либо переменах на престоле. Он и так через 6 месяцев будет Годуновым!

А. К.

Вы говорите... происходит нечто нелепое, «сапоги всмятку!» Нет! Со стороны Победоносцева нелепо не понимать, что именно теперь, после 12 декабря, мы пойдем в яму. Но со стороны Витте дело ведется очень умно и последовательно. Сначала он думал о замене государя Михаилом Александровичем, теперь ему и этого не нужно! Зачем?! Все карты в его руках и без всякого переворота!»

Тихомиров в примечании к этому письму пишет:

«Очевидно, что если манифест 26 февраля остался мертвой буквой и лишь на время показался «весной», то указ 12 декабря возбудит несомненно лишь много злобы. Бедного царя обманул Витте. Победоносцев ослеп, а Плеве ошибался. Кто же остается?!

В указе 12 декабря нет главного — контроля над бюрократией ни со стороны либералов, ни со стороны консерваторов!

У льва волк выпросил себе место наблюдателя над овчарней. Но ведь в овчарне окажутся не одни овцы!»

ный интеллигент... И я готов радоваться его власти. Все же это лучше монгольского ига.

Монархия, сорганизованная Александром III, распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность. А старая Россия ничего более высокого не умела создать.

Она капитулирует перед космополитической еврейско-немецко-русской интеллигенцией и с отвращением призывает на свое спасение Витте, как единственного у м н о г о человека... И это правда. Может быть, он даже ч е с т н е е всех прочих г.г. «консерваторов», «монархистов» и пр. Он все-таки способен жить для чего-то великого, крупного, а все они не только ничтожности, но — мошенники, своекорыстные карьеристы, не имеющие никакой святыни, а только одни ярлычки.

1905 ГОД.

1 я н в а р я.

Ну, великий князь уволен [6]). Москва разжалована (временно!) в градоначальство, все власти сменены, вся организация устраивается заново, и для этого назначается Волков, вся опытность которого ограничивается тремя годами управления нашим захолустным Новороссийском...

Как все глупо, что ни сделают! Ну, уж если это правительство не умудрится погибнуть, то значит Россия может жить вовсе без правительства.

2 я н в а р я.

Вечером на Николаевском вокзале стреляли в Трепова *).

4 я н в а р я.

Новый градоначальник должен прибыть 15 января. А 12 и 14 назначены беспорядки, какие-то грандиозные манифестации. Говорят, для этого съезжаются студенты из всех университетов. Манифестанты готовят бомбы (настоящие) и хлопушки (для страху). Где-то продаются р е в о л ь в е р ы, с 10 патронами, за т р и р у б л я. Предлагали кому-то в редакции купить. Дешево!

В городе начальство — один Руднев [8]), который никого и ничего не будет усмирять. Итак будет все, что только пожелают сами манифестанты.

---

*) Какой-то Полторацкий, очень молодой, из средней школы [7]). — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

Правду сказать, уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее. Даже нестерпимо жить в подобной бессмысленной анархии.

Сегодня приезжал Н. А. Павлов. Даже не заехал, но весь день вел со мною переписку из «Славянского базара». Шалый человек! Туда же — в политику лезет.

5 января.

На 15 января ждут больших правительственных перемен. Говорят об уходе Мирского и назначении Витте министром внутренних дел. Но из разных источников — слух, что Витте очень болен, не может работать и будто бы у него прогрессивный паралич (на сифилитической почве). Не разберешь их.

Приезжал Нилус и рассказывал, что «государь молится и плачет»... Бедный! И невольно задаешь себе вопрос: почему ему бог не дает помощи?

Насчет наших беспорядков говорят разно. Рабочие не говорили Воронову ни о 12, ни о 14 января, а говорили, что скорее б у д е т после 15 января. Они собираются поставить Волкову (градоначальнику) свои у с л о в и я, и если он их не примет, то будут рабочие беспорядки. Уступка Бакинской стачке соблазняет рабочих. Теперь в Петербурге забастовали 12 000 рабочих Путиловских (во главе их о. Г а п о н), да присоединился сегодня и франко-русский завод. Беспорядки были в Нижнем, в Вильне, Витебске [9]). В Киеве адвокаты на съезде криминалистов объявили необходимость конституции... [10]) Одним словом, идет во-всю...

А государь «молится и плачет».

Жалко его, а Россию еще жальче. Не умеет сделать, что нужно, и ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-финско-немецкой интеллигенции... Она теперь прониклась замечательной гордостью: отрицает и н а р о д, и прямо говорит: «Мы знаем народные нужды, и нам нечего спрашивать серьмягу».

Государь «молится и плачет». Так называемые консерваторы — либо глупы, либо мошенники. Они не знают монархии, а знают только бюрократию и также презирают «серьмягу». Ну, а серьмяга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит и царя и народ.

8 января.

Петербургские газеты не вышли. Всеобщая стачка рабочих, 60 000 человек на 1 500 заведениях. Электричество потухло. Ну, значит, и у нас будет то же.

Здесь все военные единогласно высказываются, что события 6 января явное покушение, и что никакой такой случайности не могло быть [11]). В публике почему-то есть слух, будто и это покушение идет из самого царствующего дома, который де крайне недоволен и говорит, что государь погубит всех их.

Это последнее весьма возможно, но совершенно не допускаю, чтобы в царствующем доме могли прибегать к таким зверским и нелепым покушениям. Симанский говорит, что если бы заряд попал верно, то при данной дистанции (150 сажен) картечь захватила бы пространство в 200 шагов ширины и смяла бы все: государя, митрополита, свиту, духовенство и т. п., т. е. могла бы перебить несколько сот человек.

Вечер, 12 часов. Пришел из редакции. Частные письма изображают Петербург, как город в осадном положении. Толпы народа, войска... В учебные заведения советуют не ходить...

Шишмарев сообщает, что 7 января, в 8 часов вечера, священник Гапон с рабочей депутацией поехал в Царское село к государю... [12]) Относительно картечи 6 января Шишмарев тоже уверен, что это покушение.

На кого же государь может теперь полагаться? Батарея — гвардейская.

9 января.

Печальные сведения. Ясно видно, что устроители стачки — не рабочие. По рабочей тактике — безумие вогнать в стачку весь город, — без денег. На 140 т. рабочих нужно считать 240 000 ртов. Это по 20 к. дает в день 48 000 рублей! Где же их взять? В 10 дней нужно 500 000 р.! Никто не работает, некому поддержать. Безумие! Стачка должна в несколько дней погибнуть. Рабочие, в своих интересах, такой ерунды не затеют.

Но те, кто хочет баррикад, пальбы, революции, чтобы вырвать конституцию, напротив, именно так должны вести дело. 140 000 голодных, понятно, уже через несколько дней начнут грабить. Далее — полиция, пальба и т. д. Остается лишь вооружить хоть десяток тысяч обозленных стачечников.

Но, вероятно, этим тоже озаботились.

Лукин [13]) слыхал вчера от Мих. Афанасьева, что здесь в Москве рабочим от «интеллигенции» раздают массу денег, подбивая тоже к стачке. Ну, конечно, то же и в Петербурге.

Теперь ночь. В редакции слышно, что в Петербурге уже стреляют. Замечательно глупо правительство. Пожалуй, и вправду

слетит? Оно уже так пало во всех глазах, что, пожалуй, и защитников не найдет. И как его спасешь? Честному человеку нет доступа и на сто верст.

Мани, факел, фарес...

А бедная армия? За что она льет кровь? Несчастная, развратная, обезумевшая Россия...

10 января.

В Петербурге форменная революция. И какое идиотское официальное сообщение! Все Гапон наделал!

Ниже я заклеиваю письмо очевидца *).

Скверно еще и в Москве. Сегодня уже забастовало два завода, предвидятся и другие забастовки. Тут, конечно, дело не в рабочих требованиях. Рабочие позволяют себя сделать оружием конституционалистов.

11 января.

Ну, началась катавасия и в Москве. До 8 часов все было спокойно. Только расклеены объявления Руднева, чтобы не было скоплений народа.

---

*) К дневнику приложено следующее письмо А. А. Липранди, написанное 9 января вечером:

«Военные действия начались сегодня около полудня и продолжались весь день. Первые залпы грянули у Александровского сада: многочисленная колонна крамольников, направлявшаяся к Зимнему дворцу, была отброшена.

Однако наступление этим не ограничилось: колонны мятежников появлялись еще неоднократно, но каждый раз были отбрасываемы кавалерией (действовавшей саблями) или ружейным огнем.

Город имеет совершенно необычайный вид. Невский и улицы за Полицейским мостом буквально запружены народом, причем всеобщее возбуждение, здесь же невозбранно поддерживаемое разными проходимцами, чрезвычайное. Только раскаты ружейных залпов заставляют умолкать и рассеиваться, однако лишь на короткое время.

Мне лично пришлось присутствовать при бое у Полицейского моста. Толпа с криками «ура» бросилась на войско. После долгих увещаний было дано три залпа, из них первый холостыми. Толпа тотчас же в панике разбежалась, оставив 12 человек, из которых пятеро оказались убитыми (среди них одна девочка лет семи-восьми).

Завтра все должно возобновиться в еще большем масштабе. Тревога огромная. Многие разъезжаются.

На площадях войска расположены бивуаками. По улицам поминутно снуют многочисленные пешие и конные патрули. Полиция совершенно устранена, да и не ей, конечно, усмирить мятеж».

Позднее: «Всего убитых 300, раненых 2 000. Государь уехал в Царское Село».

Коля ушел в гимназию. Вдруг ворочается кухарка из мясной и объявляет, что толпы «мужиков» заполонили Страстную площадь, Тверскую и бульвар Тверской. «Студенты распоряжаются, говорят: не ходите порознь, кучками ходите. В лавке сказали, что завтра ничего не будут продавать, ни мяса, ничего»...

Я послал сторожа в гимназию за Колей... Нет до сих пор (9½ часов).

Катя разослала прислугу запасаться припасами. Боимся, не остаться бы без воды.

10 часов. Коля вернулся из гимназии. Завтра ученья не будет.

Старший дворник, Егор, сказал Кате: «Сегодня вы не беспокойтесь, ничего не будет: это только начало. А завтра — уже будут беспорядки».

Ночь. Были несколько стачек, но затухли. Прибыли партии петербургских бунтовщиков. Приехал Шишмарев, рассказавший массу подробностей — до 8 часов вечера 10 января, когда он отбыл из Петербурга. Некогда записывать.

А после 8 часов вечера — описывает Липранди *).

Сегодня телеграммы из Петербурга: 1) Трепов назначается генерал-губернатором в Петербурге, 2) в городе все спокойно, рабочие возвращаются к занятиям...

Правда ли? Чорт их знает.

У нас одни ждут всеобщей стачки и беспорядков завтра, другие более оптимистичны.

12 января.

День прошел тихо, т. е. без беспорядков. Но стачки то вспыхивали, то потухали. Войска охраняют некоторые места в городе. Подстрекательств много. Интеллигенция тоже старается.

13 января. Четверг.

11 часов утра. Забастовала наша типография. Не вышли по забастовке же «Русские ведомости», «Московский листок» и «Новости дня». «Русский листок» вышел.

Солдаты проходили несколько раз по улице. Коля — в гимназии. Беспокойно!

---

*) Приложено следующее письмо Липранди, написанное 10 января ночью: «С 8-ми часов вечера беспорядки возобновились со страшной силой. Нет ни одного не разгромленного дома на Невском, Николаевской, Владимирской и др. улицах. Гремит канонада залпов. Призвана артиллерия. Газ и электричество потушены. Петербург в полной тьме. Озверелая толпа неистовствует. Вчера положено пять тысяч (5 000) человек. Сейчас битва идет».

Пошел в типографию выручать хоть рукопись своей несчастной книги. Выручил, слава богу. Встретил Новикова, который шел к Дмитрию Андреевичу. Говорит, дела плохи: «мы в революции». Само собою.

О назначении Трепова рассказывал Новиков, что тот з а ч а с ничего не знал и ему говорил, что завтра едет к Куропаткину: ждет только денег. Но вдруг был потребован к Мирскому, с которым говорил т р и ч а с а, и затем отправился в градоначальство и, вызвав двух помощников градоначальника, толковал с ними до 3 часов ночи. Уходя от него, они крестились и говорили: «Ну, слава богу, наконец, знаем, что нам делать». На другой день Трепов поместился с семейством в Зимнем дворце, где назначено ему жительство. Сегодня явилось объявление е г о и К о к о в ц о в а [14]) к рабочим Петербурга. Умное, но плохо написано.

Полномочия его огромны. Вся власть министра в столице и губернии переходит к нему.

Новиков говорит о слухах, что вместо Мирского будет Витте.

Еще не могу верить, чтобы государь, наконец, опомнился и понял, в какую яму ведет Россию и себя. Вероятно, это на одну секунду, а потом опять начнется ерунда! Ведь, в сущности, наверное, при нем уже побито больше русских, чем при Иоанне Грозном...

Но если дело кончится простой р е а к ц и е й, то это будет такая же глупость и гибель.

Объявление Коковцова-Трепова умно. Оно обещает р а б о ч и м реформы. Но ведь не одни рабочие есть в России. Реформы нужны о б щ и е.

14 я н в а р я.

День начался скверно. Волнения где-то на юге к Замоскворечью, а также в Сущевской части. Пошли туда войска...

Из газет вышли только «Московские ведомости», «Московский листок», «Русский листок». У нас пока работает ч а с т ь рабочих. Им прибавили по 2 рубля. Но я думаю, что нам заткнут глотку. Уж раз все типографии забастовали, то, конечно, придется и нашу с и л о й заставлять не работать. Мерзость ужасная.

Сегодня ждут Волкова. Господи, какие ужасные времена!

Вчера за Рогожской частью забастовавшие рабочие разбивали и грабили частные дома... Буйство длилось несколько часов. Усмирили казаки нагайками.

Но что толку? Стачка растет. В первый день было 7 000, потом 12 000, а вчера уже 30 000. Интеллигенция подстрекает упорно и

повсюду. Особенно гнусны адвокаты. Не хочется записывать. Чувствуешь себя в какой-то последний день Помпеи.

Ночь. В течение дня — ничего особенного. Руднев запрещает употреблять оружие, а толпа бьет казаков кирпичами. Казаки отказываются итти усмирять, если не разрешат оружия.

Руднев — известная слякоть, да и трус. А Волков не едет. Сейчас по телефону сказали, что его нет.

В думе идет ночное заседание о безопасности водопроводов. Вот была бы штука! Лукин думает, что думские революционеры нарочно сами хотят испортить, чтобы возбудить волнения. Он уверяет, что они в страшной ярости от «неудачи в Петербурге»! Они ожидали, — говорит он, — низвержения правительства и собирались здесь ставить своего князя Голицына во главе московского правительства... Что тут правда? Впрочем, раз затевается такое движение и, в сущности, заговор, то естественно, что заговорщики должны были предусмотреть исход своего дела.

У нас сегодня однако нет сведений из Петербурга, и я не знаю, в какой степени там успокоились.

15 января. Суббота.

Дмитрий Гринмут официально объявил, что Владимир Андреевич приедет в Петербург в среду (т. е. 19 января) и пробудет там неделю. Хоть это слава богу, что он сбежал на беспорядки, а то при его присутствии было бы еще хуже.

Относительно беспорядков собственно в Москве особенно страшен мне завтрашний день. Глоба-Михаленко сообщил, что Прохоровская мануфактура на завтра готовит «бунтище»! А Волкова нет. Руднев все деморализует. Войска измучены тяжкими нарядами и деморализованы. У нас их всего 8 000 человек; офицеры большею частью запасные. Масса прокламаций: не стрелять. Да и Руднев не допускает оружия. Интеллигенция подстрекает. Дума — особенно.

Сегодня вышли все газеты, и уже начали подстрекательства.

В прокламациях священник Гапон объявляет проклятие тем, кто будет стрелять, и «пастырское благословение» тем, кто не станет стрелять. Это я сам читал в подлинных прокламациях у полк. Симанского.

В Петербурге вышли какие-то газеты (не знаю — все ли).

Куропаткин перешел в наступление 13 января. Симанский говорит, что это по приказанию из Петербурга. Несчастный это «Петербург» или точнее «Царское село»! Ну, а что будет, как Куропаткина снова расчешут японцы? Но утопающий хватается за соломинку, и в Петербурге рады хоть на несколько дней отвратить внимание на

внешние события от внутренней революции... Теперь, кажется, можно произнести это слово, потому что, мы находимся в несомненной революции.

Получил письмо от сестры. Описывает петербургские истории со слов жены фабричного... Ужас читать. Ужас в том, — что за гнусное «начальство», допустившее все это.

16 января.

Воскресенье. День, когда особенно опасались, но прошел спокойно.

В Петербурге, говорят, во «временном правительстве» были: 1) Гессен (редактор «Права») — министр президент, 2) Пешехонов (дрянненький писатель из радикалов) — внутренних дел (вероятно потому, что был в тюрьмах и ссылке), 3) Максим Горький (Пешков) — народного просвещения, 4) Мертваго («Хозяин») — земледелия, 5) Кедрин — юстиции, 6) Гапон — исповеданий, 7) Петр Струве (эмигрант) — финансов. Уверяют, будто его видели в Петербурге. Все остальные — арестованы.

Партия московских думских радикалов такова: Щепкин, Никол. Никол., (служил в страх. обществе), Гучков, Никол. Ив., (купец), Муромцев, Серг. Андр., адвокат, Геннерт, Артур Ив., адвокат из евреев, Пржевальский, Влад. Влад., адвокат, Челноков, Мих. Вас., кирпичный заводчик, Астров, Ник. Ив., бывший мировой судья, секретарь думы. К ним примкнули: Саввa Тимоф. Морозов, Рябушинский, Четвериков.

Грингмут Владимир завтра, 17 января, должен прибыть в Петербург. Начнет опять спасать Россию, только что спасшуюся от Геннертов и Струве с К°.

18 января.

По всем известиям, Куропаткин опять разбит... Японцы подбрасывают солдатам письма, уговаривая сдаваться, потому что в России революция и русской армии нет смысла драться.

Конечно, Россия — погибшая, презренная, развратная и идиотская страна. Да, конечно. Но все это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству.

24 января.

Рассказывали из официального источника (Воронов) следующее.

Накануне 9 января у государя собралось совещание по поводу того, что делать в виду приготовлений заговорщиков. Власти все видели и знали... Обсуждать же меры, которые лежат на обязанности

самого обыкновенного градоначальника, почему-то понадобилось у государя... Ну, на совещание был приглашен и Трепов (тогда укладывавший свои чемоданы, чтобы ехать к Куропаткину). Спросили мнение Трепова о столь важном государственом вопросе. Он отвечал: пункт первый—нужно немедленно арестовать всех вожаков...

Государь прервал его:

— «Ах, Дмитрий Федорович, вам все только бы забирать, да забирать людей!»

Трепов замолчал и не проронил больше ни слова...

Ну, никого не арестовали, и 9 января перестреляли вдесятеро больше невинных дураков, а затем Дмитрия Федоровича—в диктаторы.

Сердце болит слышать такие вещи. Что-то бесконечно наивное, чуждое понимания азбуки политической жизни.

Ну, что можно сделать в таком положении?

Завтра ждем приезда Грингмута.

NB. Грингмут заявляет, что это неправда. Такого совещания не было.

4 февраля. Пятница.

Вчера поехал в Сергиев посад осведомиться лично, что творится в академии. Настроение глупое, постоянные сходки, стремятся к «забастовке».

В Мытищах входит пассажир и говорит другому, очевидно, знакомому:

— «А в Москве несчастье: великого князя убили» [15]).

Я не верил своим ушам. Встал, подошел:

— «Пожалуйста, что случилось?»

Он повторил.

— «Т. е. ранили? Или на смерть?»

— «Говорят, убили».

Господи, что за время, что за впечатления!

Приехав на вокзал, узнал от извозчика все ужасные подробности. Он говорит, что взрыв был слышен у вокзала.

И это возможно посреди пустого Кремля, в 200 шагах от подъезда дворца! Что же делает полиция, что делает Волков?

11 февраля.

За эти дни схоронили бедного великого князя. Волков и вообще власти держат себя гнусно. Траура не вывешено. Даже ограда места убийства и постановка креста первоначально сделана частными людьми.

Публика убивает своими глупыми суждениями.

В академии сначала большинство решило «забастовку», но меньшинство не подчинилось. Это меньшинство — 15 человек (из 200!). Саша ездил на сходку меньшинства, а сегодня (он снова здесь) получил телеграмму, что «лекции будут».

Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам и японцам, если бы они завоевали Россию.

Часть из них — принципиальные враги самодержавия и желают конституции. Но и среди этих — мечтают о карьере и выгоде, а помогают «революции» потому, что это совершенно безопасно. Это мало сказать — безопасно — это менее опасно, чем мешать «революции».

Я думаю, что в так называемом «Петербурге», т. е. в высших правительственных сферах, единственный в п о л н е честный человек — это Трепов.

Булыгин [16]) был хорош в с п о к о й н о е время. Каков покажет себя теперь, это пока не видно.

Из царской семьи на погребение Сергея Александровича никто не явился, кроме «поэта» Константина и опального Павла. Это ужасно тяжело. Особам женского пола, казалось-бы, можно было явиться «безопасно».

А Трепов молодчина — п р и е з ж а л и свой венок самолично возложил на гробницу. А уж кому и бояться, как не ему! Но дело в том, что страх не вне, а внутри людей.

В сущности, конечно, только лично государю не следовало рисковать. Остальные — все могли бы, и даже не было бы никакого риска.

13 ф е в р а л я.

Киреев пишет письмо, которое заклеиваю... *) Как видно, у них там Витте один имеет здравый смысл.

---

*) Приложено след. письмо Киреева:

«Неужели Владимир Андреевич думает, что я (да и все зрячие) не видят опасности, представляемой созывом земского собора!? К о н е ч н о, в и д и м; но еще опаснее ничего не делать. Вы скажете, «что же вы ничего не делаете?» Ответ: «ничего н е с п о с о б н ы д е л а т ь, н е м о ж е м, вожжи из рук вывалились...» «Так подберите и подтяните». «Не можем». Все другие подбирают! С одной стороны — Витте, с другой — учащаяся чернь!! Хулиганы, а мы — пасуем, не смеем сказать: «цыц!»

Знаете ли, что было в университете. С р а з р е ш е н и я н а ч а л ь с т в а — сходка; на сходку являются студенты, курсистки, чернь, пьяные; об-

В Баку — резня. В Батуме — резня. По всей Польше, отчасти в Балтийском крае, прекращено движение железных дорог: забастовки и бунты...

Finis Russiae.

Этот Киреев толкует о земском соборе. Кто же это его соберет? Уж если на простую полицию ума нехватает, так что же толковать о земском соборе. Уж тогда прямо требовал бы Учредительного собрания, как студенты — владыки России.

У нас в Москве ждут почему-то целой революции 19 февраля. Говорят, что будет вообще бунт, в частности, разгром «Московских ведомостей». Грингмут получает угрожающие письма.

На чужом пиру — похмелье, и переживешь ли 19 февраля? Я тоже серьезно спрашиваю себя это...

Мои девочки в Петербурге... Думают возвратиться к 18 февраля — мои именины. Уж не посоветовать ли переждать хоть до 20 февраля?

По городу ходят слухи, что убийца великого князя бежал.

14 февраля.

По городу трубят, будто бы убийца великого князя убежал, но это неправда. Я сегодня, после инфлуэнцы, первый раз решился пойти

мениваются мнениями и пощечинами, срывают портрет государя, разрывают в клочки, топчут ногами... принимают резолюции революционного характера, расходятся... и — ничего!

Никакой репрессии!! Решено правительством делать вид, что ничего не было!

Народ говорит про дорогу, где совершаются убийства и грабежи: там — «шалят». То же говорит и правительство наше. Шалят, мол, это ничего! Проекты ходят по городу самые удивительные. Витте (еще весною) хотел устранить государя и заменить Михаилом Александровичем в качестве регента (Михаил Александрович слепо верит Витте). Предполагался дворцовый переворот... Теперь в благомыслящих кругах говорят о том, чтобы уговорить государя на время, по болезни, передать правление группе людей энергических, которые, конечно, в два-три месяца привели бы все в порядок и затем все бы передали царю... Но разве это легко?

Вам, да и всем не сидящим в Питере, у самой власти, все это кажется невероятным, но все это так в действительности! Ну вот и думаешь о земском соборе. Конечно, и тут беда может быть, а может и не быть, если только правители наши поймут, что земский собор ничуть не есть сумма современных земств.

Прослышал наш beau-monde, что где-то, когда-то был такой генерал Монк ну и говорит: Il nous faut un Monk. Cherchons un général Monk» [17]). Ну, ищите господа! У нас и для Манчжурии никого не найдут... Куропаткин тоже очень плох, нерешителен! Дает себя разбивать по частям!»

в редакцию, и Грингмут мне положительно сказал, что слухи эти — вздор.

Кто он? Грингмут рассказывал, что получил анонимное извещение, будто автор письма знает убийцу: что это харьковский студент (помнится—Федоров), который где-то известен в г. Воронеже (кажется, родом оттуда), а убийство совершил с товарищем своим Волковым.

Грингмут отправился дня три назад с этими сведениями к градоначальнику Волкову. Тот встретил его в высшей степени сухо. Спросил: «Что угодно?» Грингмут начал, было, речь, что дескать давно желал навестить и не мог... Тот слушал без всякого поощрения его желанию познакомиться и в конце спросил всетаки, что собственно он желает. Тут Грингмут сообщил о полученном письме... Волков слушал крайне пренебрежительно, заметил, что все это, конечно, вздор, что таких писем получается целая куча, и все — пустяки. «Пожалуй, я передам в охранное отделение: пусть там они подумают» — заключил он пренебрежительно. Заметил, что единственно известное об убийце—это что он приехал из заграницы. После этой, не очень лестной беседы Владимир Андреевич и откланялся. Волков имел (единственную) вежливость провести до дверей.

Очевидно, либеральничает, не хочет знаться.

Не то он просто не понимает приличий, не то подлаживается к либералам, но он сделал уже две крайне «не московские» вещи. Великий князь так и остался без траурных флагов в Москве. Волков не сделал распоряжения о вывешении траурных флагов, и по всей Москве едва ли были д е с я т к и домов с ними даже в день отпевания. А ведь князь 12 лет был здесь генерал-губернатором. Прямое свинство со стороны преемствующего начальника города.

Затем, 13 февраля приехал Стессель, которого чествовали на всем пути овациями, от самой Феодосии. В Москве не было маломальски п р и л и ч н о й встречи. Для этого народ обманули. Во-первых, задержали Стесселя в пути на один день. Толпы народа стекались на Курский вокзал и — Стессель не приехал. На другой день опять толпы... и узнали, что Стессель проследовал прямо соединительной ветвью на Николаевскую дорогу. Это была правда, но и обман. Ибо Стессель не проехал в Петербург, а был высажен на Николаевский вокзал и на деле пробыл в Москве два дня. Но стечение народа было избегнуто, ибо никто не знал, что он остановится...

15 ф е в р а л я.

Сегодня в газетах напечатано:

«П е т е р б у р г, 14 ф е в р а л я. (Р о с с. а г.).

По достоверным слухам из Москвы, великая княгиня Елисавета Федоровна посетила убийцу и спросила его: за что он убил ее мужа? Убийца ответил:

— Я исполнил волю революционного комитета.

Великая княгиня спросила:

— Вы верующий?

Получив утвердительный ответ, ее высочество дала убийце образок и сказала:

— Я вас прощаю. Бог будет судьею между великим князем и вами, а я буду ходатайствовать о сохранении вам жизни.

Убийца разрыдался».

Сегодня же, на докладе, Грингмут мне сказал, что все это л о ж ь. Официальная постыдная ложь.

На самом деле разговор был таков:

Убийца (при входе княгини): «Кто вы такая?»

Княгиня: «Я жена убитого вами великого князя».

Убийца: «Что вам нужно?»

Княгиня: «Я пришла спросить, за что вы убили моего мужа?»

Убийца: «Он — мой враг».

Княгиня: «Но что же он вам сделал? Вы даже не знаете его»....

Убийца: «Он мой политический враг».

Княгиня: «И вы даже не чувствуете жалости?»

Убийца: «К у ч е р а мне очень жалко».

Вот каков был действительный разговор. Убийца, конечно, «не разрыдался», все это — выдумка.

Для чего же все это сочинение? Вероятно, подготовка почвы к п о м и л о в а н и ю убийцы... Все еще надеются умилостивить врагов. Владимир Андреевич сообщал это к а к ф а к т.

По России делается чорт знает что: везде бунты, убийства, подготовка восстаний и грабежей.

Мне еще А. С. Суворин писал, что государь вызывал Льва Львовича Толстого и беседовал с ним о земском соборе. Это маленький, маленький писатель повестушек.

Клавдия рассказывала (она ведь знакома с Толстыми), что свидание состоялось вследствие п и с ь м а этого Льва Львовича государю. Вернулся сынок графа в восторге от милости государя.

2 м а р т а.

Приехал Грингмут.

Не веселые вести петербургские. Хаос в правительстве. Борьба партий.

Владимир Андреевич не посвящает меня глубоко в эту политику. Но, во всяком случае, я вижу, что там партия «придворная», «консервативная» же вертится около Гессе, Путятина, может быть, Фредерикса. Близка к ней, очевидно, и императрица Мария Федоровна. Мелкие деятели ее — Павлов, Палтов, Богданович, вероятно, Никольс-

ский и т. п. Все это друзья и Владимира Андреевича. Среди министров нет ни души в этой партии, которую, я думаю, правильнее назвать патриотически-абсолютистской. В министрах — деятельна часть конституционная. Ее «лидером» — смехотворным соломенным чучелом — является «Ермолай», т. е. Ермолов, которого в это звание выдвинул великий маг и таинственный незнакомец Витте.

Самого Витте обвиняют в том, будто бы он работает на себя, на свое личное возвышение до... до чего только возможно. Он перед государем является сторонником самодержавия — вполне абсолютного. Но он же подстрекает все смуты — от конституции до революции—и подсказывает государю все меры, способные привести к хаосу. Каковы его цели? Говорят, — довести дело до революции и затем явиться спасителем, захватив в свои руки всю власть. Он будто бы говорит и делает, что нужно: 1) чтобы государь вручил диктатуру доверенному лицу (т. е. ему самому), 2) министров и Государственный совет разогнать, 3) назначить в министры и Государственный совет однородных людей (т. е. его креатур). Тогда все пойдет ладно. Это значит повторить старо-японскую систему. Императора — посадить в положение микадо; сам Витте — в шогуны. Ну, а если хаос кончится низвержением монархии, то Витте будет президентом республики.

Так представляют его планы. Само собою, что он же является представителем еврейства, бессословности, разных личных свобод (совести, печати и т. д.).

Каковы планы «патриотических абсолютистов»? Никаких, повидимому. Они стараются мешать Витте... и только.

В настоящую минуту борьба этих «партий» выразилась в том, что Витте, руками Ермолова, хотел заставить государя издать манифест того содержания, каким вышел рескрипт Булыгину. Консерваторы провалили это дело и сочинили тот манифест, который был опубликован. Дело это совершилось в тайне и возмутило министров, Витте, Коковцова, Ермолова. Они достигли назначения у государя общего совещания и вынудили у него рескрипт Булыгину. Государь этого ни за что не хотел, но благодаря ловкости Витте подписал. Булыгин вел себя слабо и двусмысленно. Сольский и Ермолов вели передовую атаку, а Витте ловко поддержал, сказав, чтобы вписать в рескрипт слово «самодержавие».

Грингмут подробно рассказывал всю эту сцену заседания. Скучно записывать. Достаточно сказать, что государь всеми мерами уклонялся от подписи рескрипта, а министры грозили революцией, финансами (Коковцов) и иностранными осложнениями, если он не заявит о созыве представителей народа.

Государь, наконец, подписал, а затем, придя к императрице, разрыдался. Узнав о подписи рескрипта, императрица Мария Федоровна приехала и жестоко его упрекала.

И вот рескрипт подписан. Но ни государь, ни Булыгин нимало не желают его исполнять.

Должно ожидать, что теперь начнутся демонстрации или что-либо похуже, чтобы заставить их приступить к исполнению рескрипта.

Зрелище жалостное и даже больше.

Из частностей — жестокая вражда Витте и Трепова, который вообще ненавидим всеми министрами. С Булыгиным, впрочем, он в недурных отношениях.

Витте, конечно, — у них там самый умный и ловкий человек. Если бы он был хоть чуточку русский, ему скорее всего можно бы было пожелать прочной власти, — конечно, не такой безумной, о какой он мечтает (если мечтает). Ну да впрочем — не стоит и гадать об этом. Меня никто не спросит, и ничего ни для кого я все равно не могу сделать.

Куропаткин — пал. Главнокомандующим назначается Николай Николаевич *). При нем — Драгомиров (еле живой) и Сухомлинов. Они говорят, будто бы «мы поедем без образов, но с Драгомировым». Окажется ли только эта сомнительная «реликвия» более действительной помощью?

14 марта.

Заклеиваю характерное письмо Киреева **). Его пессимизм, может быть, преувеличен, но, во всяком случае, Россия — в положении самом ужасном. Правительства не только нет, но, кажется, не может быть. А так как страна погибает, то правительство должно возникнуть — снизу... Но и это трудно представить без отчаянной резни. Похоже, выходит, на революцию.

Земский собор, конечно, был бы спасением, если бы он мог возникнуть, как национальное собрание. Но это еще труднее сделать, чем создать царское правительство. И выходит опять один вероятный исход — революция.

Умопомрачение!

---

*) Оказалось неправда: Линевич. — Прим. в подлиннике.

**) Наклеено следующее письмо Киреева:

«13 марта 1905 г.
Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Не вы одни «в неясном представлении о военных делах». Никто ничего в них (да и во всех других) не понимает. Ни в одной мало-мальски упорядоченной армии не могло бы повториться ничего подобного трагикомиче-

Но самое мерзкое то, что даже и революция ничего не может создать иначе, как после десяти лет резни и насилия. Силы претендентов на власть под флагом народного самодержавия очень незначительны... Это вроде Франции XVIII века, и уж если там необходим был террор для власти республики, то у нас и подавно. Прямо — чорт знает что!

А между тем мало-мальски сносное правительство могло бы все устроить мирно. Но его нет и не может быть.

Вот что значит абсолютистская монархия! Каких-нибудь 10-ти лет достаточно, чтобы сокрушить себя и погубить страну.

ской эпопее Куропаткина; в Германии военные только руками разводят, а у нас говорят о каком-то героизме!??

Сколько у нас воинов в данную минуту? Думаю, у Линевича с подошедшими резервами 250 000 будет (но потерь под Мукденом не публикуют). Потери громадны, благодаря исключительно Куропаткину, который, владея Мукденом, не позаботился устроить хорошие дороги к Телину (на Телинской позиции, говорят, можно бы держаться недели, они великолепны!).

С Николаем Николаевичем царь советуется, считая его военным гением, он командовал гусарским полком, а царь у него командовал эскадроном. Едва ли Н. Н. возьмется теперь за личное командование армией, разбитой на-голову.

До Мукденской катастрофы царь не отдавал себе ясного понятия о положении дел, крепко настаивал на необходимости победить, а теперь??? Все решения, самые неожиданные, возможны! Подумайте и о том, что ведь мы объявили urbi et orbi (в манифесте 18 числа), что нам почему-то необходим Тихий океан и что мы призваны защищать и интересы других христианских держав (вероятно, Англии?). Le ridicule nous tuera. Это повторение хвастливого приказа Куропаткина перед поражением под Ляояном.

Страшное, чудовищно-индискретное оповещение военного министерства о числе войск, пересланных Куропаткину (770 000 чел.), заставляет думать, что мы все же можем еще бороться, что мир не необходим? Мир, может быть, необходим для отражения внутренних японцев. Ведь войск в некоторых губерниях нет совсем. Говорят, в Пензе уже нельзя выходить из дома вечером???

Все еще может быть спасено, если только земский собор будет созван не слишком поздно и будет состоять из консервативных элементов. И то и другое еще возможно. Думаю, что мы можем располагать 3-мя, 4-мя месяцами, а потом — в отставку.

Шарапов, несомненно, талантлив. Что и говорить! Да и кроме Шарапова есть у нас люди, на которых можно бы опереться, консервативные силы есть несомненно, и серьезные, но правительство не умеет их сгруппировать.

Булыгин, повидимому, не чувствует за собой опоры... а ведь трудно работать, когда приходится все оглядываться... La bètise est un luxe très cher, в особенности в политике.

Бог карает Россию.

Нет, вероятно, Рожественский еще успеет погибнуть до окончания войны.

Ваш А. Киреев.»

19 марта.

Усиливаются толки о гнусном мире, с уступкой половины Сахалина, всей Манчжурии, с дорогой (а японцы ее отдадут за 500 млн. китайцам). Значит контрибуция натурой...

Не понимаю, как можно так низко пасть, чем нужно быть, чтобы подписать такой мир? И это — со вчерашними дикарями, имеющими 47 млн. против 130 млн. русских! Это ужасно! Я понимаю, что можно умереть, но кто способен жить, совершив подобную гнусность? И это — Россия.

До чего господь привел дожить!

1 мая. 3 часа дня.

Сегодня ожидается революционное движение. Прокламации объявляют вооруженное нападение на врагов революции, и даже провозглашена демократическая республика.

Говорят, рабочим раздавали оружие.

Предположено начать демонстрации в Сокольниках, затем двинуться в центр города и взорвать Тверскую часть. По пути вооруженная борьба с полицией и войсками.

Теперь осталось еще два часа до начала этого «празднования» 1-го мая.

Говорят, что меры полицией приняты. Впрочем, градоначальник (Шувалов вместо Волкова) только вчера прибыл, так что все «контрреволюционные» меры зависят от умелости Козлова.

11 часов ночи.

День прошел. Около нас ничего не было, кроме гуляющей публики с преобладанием рабочего элемента. Ничего не слыхал и о прочих частях города. Впрочем, никого и не видал, так что некого было и спросить *).

20 мая.

Что делается в Петербурге? Слухи разные: одни говорят, будто бы государь отрекается от престола; другие говорят, что государь совершенно спокоен. Все говорят, что будет созван земский собор. Все это напоминает крыловских музыкантов... «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь».

Впрочем, хотя этот земский собор, наверное, будет состоять из той же дряни, как чиновники (даже и лица будут наполовину те

*) Далее в подлиннике: «NB. Позднейшая приписка: Ничего и не было. Пустое мальчишество в Сокольниках, о котором и говорить не стоит».

же), однако должно сознаться, что нельзя оставаться в таком положении.

Дело не в гибели флота, это само по себе пустяки, но ведь и вообще все гибнет.

Уж какая ни есть дрянь Россия, а всетаки надо ей жить на свете.

Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать жить, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее и его самого.

И что мы, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно... Сиди и жди, пока погибнешь!

7 августа.

Вчера объявлен манифест о созыве Государственной Думы. Мысль, конечно, хороша, если бы только явилась не из трусости, не в виде уступки. Что касается исполнения, т. е. самого устава Думы («Учреждения»), то оно очень плохо. Система выборов нехороша, отдает Россию во власть инородцам... Нехорошо это кончится. Хотя вообще я отношусь ко всему этому очень хладнокровно. Правительство так мерзко, так пало, что ничего хуже не может быть, хоть бы и республику объявили. Захочет русский народ, так восстановит монархию, а теперь ее все равно нет.

А вот где горе: на Востоке! Эта гниль здешняя, в лице Витте, позорит Россию, отдает японцам Манчжурию, подрывает престиж...

Ну вот уж этого не поправишь! Как Япония заберет Корею и Китай, так Россия — мировой гроб. Этого уж не поправишь. Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которую правительство устраивает нам, по своей жалкой трусости и, вероятно, продажности, на Дальнем Востоке.

18 августа.

Всеподданнейшая телеграмма статс-секретаря С. Ю. Витте на имя его императорского величества из Портсмута от 16 августа 1905 г.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что Япония приняла ваши требования относительно мирных условий, и таким образом мир будет восстановлен благодаря мудрым и твердым решениям вашим и в точности согласно предначертаниям вашего величества. Россия останется на Дальнем Востоке великою державою, каковою она была до днесь и останется вовеки. Мы приложили к исполнению ваших приказаний весь наш ум и русское сердце и просим милостиво простить, если не сумели сделать большего.

Этот человек решился, очевидно, взять нахальством и уверить Россию, что м ы чуть ли не одержали победу... Говорят (и пишут), что он будет канцлером и владыкой России. Впрочем, он и в бытность министром называл себя престолоначальником...

Ну да бог с ним. Habent sua fata reges...

Мой Владимир Андреевич страшно удручен миром, который составляет е г о с о б с т в е н н о е п о р а ж е н и е. Победа всесильного Витте угрожает ему концом всякой карьеры. Ну, конечно, он подавлен и фактом позора России, который, вероятно, будет исходным пунктом ликвидации монархии.

22 а в г у с т а. П о н е д е л ь н и к.

Гнусно и тяжко разыгрывается неизбежная комедия — последствие мира. Теперь все силы правительства направлены на то, чтобы обмануть собственных подданных, уверив их, будто мир очень сносен и будто они сами ему очень рады. Российское телеграфное агентство помещает фальшивые телеграммы из разных городов о будто бы радостной встрече мира. Нахальство доходит до того, что одна телеграмма извещает, будто бы а р м и я д о в о л ь н а.

Все это жалкие попытки и лганье.

Все ч а с т н ы е рассказы и сведения совершенно противоположны. Об армии сообщил Кузьминский и Шишмарев. По сведениям самого военного министерства, армия встретила известие о мире таким ропотом, что ее теперь н е р е ш а ю т с я в о з в р а щ а т ь в Р о с с и ю. Говорят, думают 300 000 оставить в Забайкалье, а остальных распустить по мелочи.

Должно сказать, что этот позорнейший мир подписан под влиянием угрозы Англии объявить нам войну (по новому англо-японскому договору). Правительство, понятно, перепугалось. Хотя эта мерзкая штука Англии, конечно, усложняла положение, но правительство несколько мужественнее не поддалось бы... Но англичане понимают, с кем имеют дело.

Как бы то ни было, по всей России ругаются за постыдный мир, и без сомнения, негодяи, подбившие государя на уступки, нанесли ему жестокий удар. По всему, что слышу, боюсь, что сердце народа совершенно оторвалось от царя. Это событие вполне у ж а с н о е, непоправимое, и я совершенно не понимаю, как он будет дальше править. Может быть, конституцию даст и уничтожит самодержавие... Но и этим р у с с к и е в массе будут недовольны. Вероятно, ему, т. е. государю, придется волей-неволей отдаться в руки своих врагов (конституционалистов) и подчинить им также народ. Однако этот modus vivendi едва ли возможен н а д о л г о.

Впереди скопляется какой-то непроглядный мрак. Монархия идет к гибели, а без монархии у нас лет 10 неизбежна резня. Прямо ужасное положение.

Вот она — Ходынка-то! Наступает исполнение предвещания.

24 августа.

Совершилось. Приговор России — подписан.

Портсмут. 23 августа. Мирный договор подписан 23 августа в 3 ч. 47 м. пополудни. Первым подписал С. Ю. Витте, а Комура вторым. Салют со здания морского арсенала возвестил о совершившемся событии. Чтение договора в окончательной форме продолжалось полчаса.

Итак гробовая доска надета и прибита.

За что и почему убили Россию? Англия пригрозила войной... Нет пределов глупости наших заправил... Впрочем, это даже не глупость, а просто отсутствие лика человеческого... Россия осуждена богом, и ничего тут не поделаешь.

29 августа.

Читаю радикальные газеты, вспоминаю времена молодости, и вижу несомненно, что ныне господствует не «освободительное», а «революционное» направление: это — умственно «зеленая молодежь» и отрицатели русских начал, в том числе, конечно, и чуждые народности (евреи особенно, и поляки), ну — ссыльные тоже, вообще все обиженные, озлобленные так называемым «существующим строем»...

Взрослые, русские, желающие не протеста, не революции, а просто разумного, свободного строя, играют слабую роль и совсем не способны справляться с революционным (и антирусским) движением... да и не хотят... Правительство, в сущности, не благоустраивает Россию, а «делает уступки» из страха бунтов и особенно бомб... Поэтому оно старается уступки делать так, чтобы умиротворить именно бросателей бомб. Если бы они исчезли, то, весьма вероятно, «реформы» немедленно или постепенно прекратились бы... А посему-то «умеренные» не очень-то охотно способствуют подавлению революции, и правительству на грош не верят...

Отсюда вывод такой, что у нас будет революция, самая мальчишеская, зеленая, антиобщественная, или же — реакция.

Сил для реформы — почти не видно. Они малочисленны, да и не активны. Они не способны сдержать ни реакции, ни революции.

Реакция, в сущности, возможна... но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет, да и не способен по мягкосерде-

чию. Он не допустит реакции, потому что она может иметь успех только при страшных жестокостях. Но, не допуская реакции, он волей-неволей дает силы революции, ибо людей р е ф о р м ы ужасно мало. Россия недостаточно развита для реформы.

Поэтому все видимые шансы говорят, что нас ждет весьма нелепая революция... Я говорю «нелепая», потому что у нее нет общей творческой идеи, а есть только отдельные озлобления, в р е м е н н о союзные... Они все союзники по разрушению «существующего строя», но не по созиданию.

Все это сулит препечальное будущее.

Теперь, — если дотянем до этого, — важное событие будет Государственная Дума. Будет ли она за какое-нибудь созидание или за разрушение? Это очень важно. Но, повидимому, Дума должна быть р а д и к а л ь н о ю, а если так, то пойдет к р а з р у ш е н и ю.

Правительство — прямо ужасно. Оно совершенно сгнило и, сверх того, универсально скомпрометировано. Никто ему не верит, никто его не уважает и, наконец, не боится. Оно пало и не может подняться. И я смотрю, наблюдаю и не вижу возможности, чтобы оно поднялось.

Революцию, мне кажется, могло бы предотвратить только совершенно н о в о е правительство. Э т о м у, нынешнему, уже не п о в е р я т, что бы оно ни делало. Последние два года оно себя совсем подорвало, и можно лишь удивляться, чем оно держится. М и р наносит ему окончательный не «удар», а «толчок».

Невеселое положение, а сверху этого вдобавок н е с о з н а ю т.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Павлов, Н. А., крупный землевлад. Сарат. губ., сотрудник «Моск. вед.» и «Гражданина», подписывавшийся «дворянин Павлов».

[2]) Герье, В. И., проф. Моск. унив., историк, правый.

[3]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода.

[4]) Муравьев Н. В., министр юстиции (1894—1905).

[5]) 20 декабря 1904 г. ген. Стессель подписал капитуляцию о сдаче Порт-Артура с гарнизоном до 25 тыс. человек, орудиями и всеми военными запасами. «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» — так было охарактеризовано это событие В. И. Лениным в ст. «Падение Порт-Артура» («Вперед», № 2 от 14 января 1905 г.).

[6]) 1 января 1905 г. было опубликовано об отставке московского ген.-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, назначении его командующим войсками и учреждении в Москве должности градоначальника.

[7]) 2 января 1905 г. в Москве на Трепова было произведено неудачное покушение воспитанником торговой школы Полторацким.

[8]) Руднев, И. Н., пом. обер-полицмейстера г. Москвы.

[9]) Забастовка на Путиловском заводе началась 3 января после отказа директора завода С. И. Смирнова выполнить требования, предъявленные делегацией «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Франко-русский завод забастовал 4 января, Семянниковский — 5-го, Резиновая мануфактура — 4 января. По приблизительному подсчету охранного отделения, 4 января бастовало около 15 000 рабочих, 5 и 6 января до 26 000, 7 января — 105 000, 8 января — 125 000. (См. В. И. Невский. «История русской революции 1905 г.» изд. «Прибой»).

[10]) 4 января, по распоряжению киевского генерал-губернатора, в Киеве был закрыт V съезд русской группы международного союза криминалистов за «противоправительственную» резолюцию. В этой резолюции говорилось о созыве народных представителей и отмене смертной казни.

[11]) 6 января 1905 г. во время водосвятия на Неве в присутствии царя «по недосмотру» был произведен выстрел из орудия картечью вместо холостого; картечь попала в царский павильон и фасад Зимнего дворца.

[12]) Гапон в своих воспоминаниях говорит, что 8 января в Царское село двумя доверенными лицами было отвезено написанное им письмо о подаче 9 января петиции царю. 7 января Гапон был у министра юстиции Муравьева. (Г. Гапон, «История моей жизни».)

[13]) Лукин, сотрудник «Моск. ведомостей».

[14]) Коковцов, В. Н., министр финансов.

[15]) 4 февраля 1905 г. вел. кн. Сергей Александрович был убит с.-р. И. Каляевым.

[16]) Булыгин, А. Г., пом. моск. ген.-губернатора вел. кн. Сергея Александровича; с 20 января по 22 октября 1905 г. — министр внутренних дел.

[17]) «Нам нужен Монк. Поищем генерала Монка». Монк — англ. генерал (1608—1669), один из главных участников восстановления королевской власти Стюартов в 1660 г.

Из истории борьбы с аграрным движением 1905—1906 гг.

Публикуемые ниже две «записки» — прокурора харьковской судебной палаты С. С. Хрулева и крупнейшего землевладельца юго-западной России гр. И. А. Потоцкого — представляют несомненную ценность для истории борьбы царского правительства и помещичьего класса с усилившимся до грандиозных размеров в 1905—1906 гг. аграрным движением крестьянства.

Записка Хрулева интересна тем, что она отражает взгляды одного из представителей помещичьего судебного аппарата в момент подъема революционного движения в 1905 году.

По-своему, по-помещичьему, представители царской власти также признавали «неудовлетворительность экономического состояния крестьянства». Хрулев признавал обезземеление крестьян в 1861 г. и недостаточность у крестьян земли «для удовлетворения их самых насущных потребностей, для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством». Признавал он также, что «сумма вносимых крестьянами платежей значительно превышает доход их земли». Однако из всего этого представитель помещичьей администрации делал свои выводы.

Крестьянскую революцию он объяснял некультурностью крестьян и отсутствием у них понятия «о неприкосновенности частной собственности на землю». Автор с сожалением констатирует, что «почти повсеместно среди крестьянского населения наблюдается убеждение, переходящее в какую-то народную легенду, о присущем ему каком-то естественном праве на землю, которая рано или поздно должна перейти в его обладание». Для представителя помещичьей власти чрезвычайно характерно, что это убеждение крестьян он объясняет, согласно помещичьей исторической концепции, «закрепощением в государственных целях крестьянства» и наделением их землею при крепостничестве. В общем, как резюмирует свои положения Хрулев, «неудовлетворительность экономического состояния крестьянства в наше время признается представителями всех партий и направлений. Разномыслия идут лишь в оценке размеров этого явления и способов их устранения». Нечего говорить, что, конечно, «размеры этого явления» этот чиновник изображает по-своему и совершенно по-своему подходит к способам их устранения. Именно, он подходит с точки зрения помещиков, которые становились на путь капиталистического развития, именно прусского пути. В качестве выхода из положения он выдвигает те самые мероприятия, которые затем нашли свое выражение в столыпинской реформе.

Как большинство помещиков в то время, главный упор он делает на частную собственность на землю. Здесь он даже ссылается на опыт французской революции. «Необходимо категорически и определенно проводить в народ понятие о законности и неприкосновенности частной собственности. Напомним, что даже во время Великой французской революции неприкосновенность частной собственности была гарантирована законом, и установлены были строгие наказания за возбуждение так называемого «аграрного вопроса» — об общей собственности на землю». Вместе с тем, он отмечает и ряд других практических средств по линии законодательства, по линии помещичьей агитации, в частности он высказывается за создание консервативной газеты. Хрулев высказывается против телесных наказаний, против военно-полевых судов. Он, и многие тогда помещики, опасался, что вслед за террором против крестьян начнется террор против помещиков. «Добродушный в общем характер русского народа (я не касаюсь окраин) делает наши волнения отнюдь не похожими на французские «жакерии» XVIII века. При особом же устрашении крестьян военным судом за чисто имущественные массовые преступления можно с вероятностью предположить, что за виселицами с повешенными крестьянами последуют насилия и убийства помещиков, которые могут заставить вспомнить ужасы Пугачевского бунта». Однако нужно заметить, что эти предложения были высказаны Хрулевым еще до массового подъема движения в октябре — декабре 1905 г., на которое царское правительство ответило жесточайшим террором, карательными отрядами и т. д.

Итак, как мы видим, в объяснении причин крестьянского движения и способах их ликвидации Хрулев отразил довольно типичные в 1905 году для помещиков и помещичьих властей взгляды, которые затем и легли в основу столыпинской реформы.

Записка гр. Потоцкого довольно ярко выражает позицию помещиков-крепостников в революцию 1905—1906 гг. Потоцкий уже имеет некоторое представление о «стихийном восстании одного класса населения против другого». Однако, пока что, в своей записке он с удовлетворением констатирует «относительное спокойствие в трех губерниях юго-западного края в сравнении с остальной Россией». Но Потоцкий, безусловно, не прав в утверждении об относительном спокойствии в «юго-западном крае». Здесь Потоцкий имеет в виду, главным образом, осеннее движение 1905 г., когда оно действительно в правобережной Украине было слабее, чем в других районах. (Летом же 1905 и 1906 гг. оно было достаточно сильным особенно по стачечному движению.)

Для представителя помещиков чрезвычайно характерны жалобы на «бездеятельность местных властей». Как известно, эти жалобы были распространены среди помещиков. Объяснялось это тем, что при сильном подъеме крестьянского движения местные власти, действительно, не успевали всюду удовлетворять требования помещиков. Поэтому наиболее обделенные помещики обычно жаловались на пассивность властей, их бездеятельность и т. д.

Характерны похвалы Потоцкого войскам. «Войска, где им ни приходилось действовать, всегда прекрасно исполняли свою задачу». Как известно, в западных губерниях, далеких от фронта русско-японской войны, разложение среди войск было минимальным.

Записка написана, очевидно, в начале 1906 г. В этот период помещиков особенно тревожил ожидаемый весной новый подъем крестьянского движения. «Неудивительно,

что грозный призрак этой «страшной» весны, предвещающей разрушение и погибель, все носится над головами землевладельческих сфер, глухие же вести о зареве пожаров и кровавых насилиях, доходящие из других губерний, усиливают страх и опасность положения». В качестве предупредительных мер Потоцкий намечает следующие: посылку на места «царских делегатов», которые должны занять положение, независимое от губернских властей, затем создание «областных земских комитетов с представителями от духовенства, помещиков, крестьян и местной интеллигенции» — это нечто вроде помещичьих агитпропов.

Так же, как и все помещики, Потоцкий громадное значение придает «внушению крестьянам твердого понятия о незыблемости права собственности». Но самой главной предохранительной мерой Потоцкий считает соответствующее расположение военных частей, что обеспечило бы более правильное использование имеющихся воинских сил. И для Потоцкого характерно, что он — против применения «крутых мер физического воздействия», так как последние не только не успокаивают, но волнуют и раздражают население. Как видим, основные предложения Потоцкого идут по той же линии общепомещичьей программы, которая осуществлялась правительством в 1905—1906 гг.

С. Дубровский.

О причинах возникновения и развития крестьянских массовых беспорядков и о мерах к их предупреждению и подавлению *).

Аграрные крестьянские волнения и беспорядки, выражавшиеся обыкновенно в самовольных порубках, потравах и выпасах, в захватах помещичьей земли и сопровождавшиеся нередко сопротивлением

---

*) Печатаемая «Записка» Хрулева была представлена в виде «приложения № 2» к записке того же автора «Об исключительных законоположениях, установленных для охранения государственного порядка» в «высочайше учрежденное 13 февраля 1905 г. Особое совещание по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений». Этим «Особым совещанием» были напечатаны в виде серии записок «Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений». Эти записки, переплетенные в отдельный том и носящие приведенное название, хранятся в настоящее время в книгохранилище Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива под шифром VII. 5. 2. 8. Об Особом совещании под председательством А. П. Игнатьева, ставившем себе задачей разработку проекта исключительного положения, см. «Красный архив» 1929, т. I (32), стр. 216 и сл. и работу В. М. Гессена: «Исключительное положение», СПБ., 1908, стр. 268 и сл.

Автор записки, прокурор харьковской судебной палаты С. С. Хрулев (1860—1913) — один из видных деятелей ведомства юстиции времени И. Г. Щегловитова; позднее занимал должности прокурора московской судебной палаты (1907—1909 гг.) и начальника главного тюремного управления (1909—1913 гг.). О Хрулеве см. «Падение царского режима», том VII, стр. 433. М., 1927; «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги». Сборник воспоминаний, документов и

властям, возникали после освобождения крестьян из года в год, но спорадически, в разных местах империи, причем до 1902 г. эти беспорядки, не имея массового и общего характера, захватывали только отдельные поселения, а разнообразные формы захвата помещичьей земли или ее произведений сводились большею частью к тайному похищению, — если же делались открыто, то прикрывались почти всегда ссылкой на какое-либо, — большею частью мнимое, — право крестьян на известный участок земли. Но весной 1902 г. в Константиноградском и Полтавском уездах Полтавской губернии и в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии неожиданно для местных властей вспыхнули массовые аграрные крестьянские беспорядки, направленные прямо на открытое расхищение помещичьих хлебных запасов и разграбление усадеб («разбор экономий» [1]).

При этом крестьяне, действуя скопищем, объясняли свои противозаконные поступки тем, что вышел «царский указ», предоставляющий им отбирать земли от помещиков, что указ этот им объявляли «студенты» и «генералы», а помещики и местные власти скрывали его от крестьян. Движение это, быстро распространившееся из Полтавской губернии на Валковский и Богодуховский уезды Харьковской губернии, было вскоре остановлено военной силой. Однако в двух губерниях пострадало около ста помещичьих экономий. Несколько сот крестьян, признанных виновными по суду, были подвергнуты заключению в исправительном арестантском отделении и тюрьме, а на сельские общества, к которым принадлежали виновные, в силу высочайшего указа 14 мая 1902 г., были наложены денежные взыскания *) в возмещение убытков, понесенных землевладельцами [2]).

Но с начала 1905 г. в разных местах империи вспыхнули вновь аграрные массовые крестьянские беспорядки и волнения, по площади распространения постепенно в течение весны и лета охватившие около 30 губерний, в центре, северо- и юго-западном крае, Привислинских губерниях, Бессарабии, Прибалтийском крае, в некоторых северных губерниях и даже на Кавказе.

Главною целью движения было насильственное отнятие помещичьих земель и их произведений, часто под предлогом дозволенности этих действий каким-то законом; но в некоторых местах беспорядки

материалов. Под ред. А. Диковской-Якимовой и В. Плескова. М., изд. О-ва полит-каторжан. 1927, стр. 294; Н. Г. Курлов, «Конец русского царизма». М., 1923, стр. 101; «Тюремный вестник» 1913 г., стр. 647—662 (некролог).

Текст записки подготовил к печати и снабдил примечаниями М. И. Ахун.

*) Взыскания эти были впоследствии сложены на основании всемилостивейшего манифеста 11 августа 1904 года, а наказания, наложенные по суду, смягчены особым высочайшим повелением 12 марта 1903 года и тем же манифестом. — Примечание в подлиннике.

выражались в требованиях о понижении арендной платы, возвышении заработной платы и изменении условий найма, с забастовкой рабочих при неисполнении их требований и с насилиями и бойкотом рабочих, не присоединившихся к стачке.

Таким образом, в волнениях текущего года играли большую роль заимствованные из фабричной среды способы борьбы, как стачка и бойкот, что уже само по себе указывает на занос в сельские местности социалистической пропагадны.

Подавление беспорядков потребовало особых усилий администрации с призывом военной силы.

Волнения стихли около середины июля к страдной рабочей поре, но нельзя считать их прекращенными вполне в Прибалтийском крае и особенно на Кавказе; в остальных же местах тысячи крестьян привлечены к судебной ответственности, и часть их уже осуждена особыми присутствиями судебных палат к исправительным арестантским отделениям и заключению в тюрьме. Возмещение убытков помещиков возложено, в силу высочайшего указа 10 апреля, в некоторых местах на особые уездные комиссии, учрежденные по распоряжению министерства внутренних дел.

Распространение крестьянских беспорядков на столь огромную территорию обратило серьезное внимание правительства и общества на это тревожное явление, угрожающее основам общественного порядка, и поставило на первую очередь упорядочение крестьянского вопроса, давно служившего предметом особых забот правительства.

Очевидно, такое сложное явление, как массовые аграрные беспорядки, охватившие чуть не всю Европейскую Россию, имеют своими причинами целую совокупность взаимно-действующих и тесно связанных между собою условий, раскрытие которых представляет настоятельную необходимость.

Автору этих строк по должности прокурора харьковской судебной палаты пришлось с 1902 г. непосредственно ознакомиться с условиями возникновения и развития крестьянских беспорядков в Харьковской, Полтавской, Орловской, Курской, Воронежской, Черниговской и Екатеринославской губерниях. Результатом этого ознакомления являются соображения о причинах крестьянских волнений и мерах к их устранению, составляющие содержание этой записки *).

Почти повсеместно среди крестьянского населения наблюдается убеждение, переходящее в какую-то народную легенду, о присущем ему каком-то естественном праве на землю, которая рано или поздно

*) Некоторые, хотя и немногие части этой записки, составленной к сентябрю 1905 г., требуют согласования с началами нового государственного строя, преобразованного высочайшим указом 17 сего октября.

должна перейти в его обладание. Убеждение это слагалось отчасти и на исторической почве. Как известно, в древней Руси, и в первое время и в Московском государстве, крестьяне были свободны и пользовались землей на праве собственности или фактического владения или аренды. Мало-по-малу Московское государство из фискальных и военных соображений сначала ограничило, а затем и уничтожило право крестьян переходить с известного участка земли на другой и прикрепило их к земле, поставив в зависимость от помещиков, служилых людей, обязанных за это службой государству.

Но закрепощение в государственных целях крестьянства не поколебало в нем сознания, что земля, находящаяся в его обладании, принадлежит ему («мы ваши, а земля наша» — говорили крестьяне при крепостном праве).

Между тем при освобождении крестьян великим актом 19 февраля 1861 г. далеко не вся полевая земля, находившаяся в фактическом владении крестьян, была дана им в надел, не говоря уже о случаях получения так называемого «дарственного» надела.

Таким образом, у крестьян существует некоторое реальное основание считать, что известная часть земли, им принадлежавшая при крепостном праве, отошла от них и перешла к помещикам. Это обстоятельство в связи с неудовлетворительным экономическим положением и является источником всяких слухов о переделах и прирезках и крестьянских волнений. Правительство неоднократно опровергало эти слухи, но даже и известные слова, сказанные с высоты престола в этом отношении волостным старшинам императором Александром III во время коронации в мае 1883 г. [3]) и благополучно царствующим государем императором 2 сентября 1902 г., в Курске [4]), несмотря на широкое распространение их в слоях сельского населения, не могли подорвать убеждения крестьян в прибавке им земли. При этом и самый характер великой реформы 19 февраля путем экспроприации частной помещичьей собственности, наделившей крестьян землею, вызывает в среде их надежду, что их тяжелое материальное положение может быть улучшено тем же путем. С другой стороны, нельзя не отметить, что у крестьян не могло выработаться прочного понятия о праве частной собственности на землю. В старые времена, при обилии земли, всякий, захвативший участок земли и его обрабатывавший («заимка»), считался и собственником земли, а истощив ее, бросал и переходил на другое место. Отсюда в понятии народа выработался так называемый «трудовой принцип», отмеченный исследователями народных обычаев, в силу которого земля, являясь общей собственностью, принадлежит тому, кто ее фактически обрабатывает.

Общинное устройство, издавна составлявшее основу крестьянского порядка, точно так же не могло выработать понятия о личной собственности на землю, составляющую достояние общины и переходящую по участкам при переделах от одного домохозяина к другому. Наконец, и положение крестьян при крепостном праве, когда помещичья и крестьянская земли не были часто строго разграничены, когда крестьянские выгоны были общие с помещичьими, когда крестьяне пользовались правом рубки в помещичьем лесу, точно так же не могло способствовать установлению у крестьян понятия о частной собственности на землю, которой они еще так недавно пользовались сообща с помещиками. Отсюда постоянные самовольные лесопорубки и самовольные выпасы и покосы, представляющие переживание старого порядка отношений.

Неудовлетворительность экономического состояния крестьянства в наше время признается представителями всех партий и направлений. Разномыслия идут лишь в оценке размеров этого явления и способов их устранения. Ближе всего чувствуют эту нужду и необеспеченность сами крестьяне, и неудивительно, что, при отсутствии у них понятия о неприкосновенности частной собственности на землю и при общей некультурности, они при малейшем толчке извне совершают насильственные захваты помещичьей земли и ее произведений. Как было указано выше, значительная часть земли, бывшей в фактическом владении крестьян, при эмансипации осталась за помещиками, и таким образом площадь фактического крестьянского землевладения сократилась, особенно при условии наделения многих сельских обществ «дарственными» наделами.

Еще в 1877 г. известный профессор Янсон [5]) в своем известном сочинении («Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах») показал, что сумма вносимых крестьянами платежей значительно превышает доход с их земли. Если и признать некоторую неточность выводов профессора Янсона, особенно относительно известных местностей, то, во всяком случае, нельзя не согласиться с тем положением, что в некоторых местностях у крестьян совершенно недостаточно земли для удовлетворения их самых насущных потребностей и «для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством», как это было в виде руководящего принципа указано в 3-й статье общего положения о крестьянах.

С естественным увеличением народонаселения за сорок лет величина наделов уменьшилась приблизительно на одну треть.

Особенную нужду испытывают крестьяне не столько в полевой земле, сколько в пастбищах и выгонах и в лесе, которые по уставным грамотам были большею частью оставлены за помещиками, и

нередко положение, где, действительно, «не только скотину, но и куренка некуда выпустить» *).

Недостаток земли заставляет крестьян пополнять свой доход арендою земли помещиков, работой в помещичьих экономиях и отхожими промыслами.

При низком развитии крестьян об интенсивной культуре земли они не думают, да это и трудно выполнимо при общинном землепользовании.

В особенно трудных условиях находятся, конечно, крестьяне, получившие так называемый «дарственный» надел; в силу экономической необходимости они вынуждены брать в аренду помещичьи земли на самых тяжелых условиях, так как без этой аренды они обречены — на голодание и нищету.

Большинство таких крестьянских обществ с «дарственным» наделом находится в смежности с крупными помещичьими экономиями, владельцы которых в силу обычного абсентеизма поручают управление имениями управляющим, часто иностранцам, не вполне понимающим характер русского народа. Управляющие эти, служащие часто из % вознаграждения, естественно, заинтересованы в возможно большей доходности имений; отсюда постоянное повышение арендных цен на землю, уменьшение или удержание на низком уровне заработной платы и система штрафов.

Крестьянские беспорядки, происходившие весной 1902 г. и зимой и весной текущего года в черноземных губерниях, возникали именно большей частью среди крестьянских обществ, соседних с крупными помещичьими экономиями и связанных с ними арендными и другими экономическими отношениями.

Так, можно отметить разгром помещичьих экономий: в 1902 г. — Карловской экономии герцога Мекленбург-Стрелицкого в Константиноградском уезде Полтавской губернии; в текущем году — в Дмитровском уезде Орловской губернии — великого князя Сергея Александровича, в Севском — Терещенко и барона Мейендорфа, в Дмитриевском уезде Курской губернии — Волкова, в Воронежской губернии — графа Шереметьева, князя Васильчикова, графа Мордвинова, графини Паниной, князя Белосельского и княгини Юсуповой.

Отяготительность арендных условий (до 30 руб. за десятину) увеличивается по экономическим законам спроса и предложения вследствие конкуренции самих крестьян, отчасти вследствие отдачи земли в обработку «исполу»; низкий же уровень заработной платы еще более понижается системой задатков, раздаваемых зимою, причем уста-

*) «Плоды просвещения» графа Л. Н. Толстого.

навливаемый таким образом в тяжелое для крестьянина зимнее время размер заработной платы настолько ниже нормальной летней платы, что выдача задатков нередко носит явно ростовщический, хотя и искусно скрытый характер.

Однако, как ни трудно экономическое положение крестьян, все же надо сказать, что не прямая нужда в насущном хлебе привела крестьян к разграблению экономий. В этом отношении нельзя не вспомнить, что именно во время «голодных годов» (1872, 1891—1892 гг.) нигде не возникало крестьянских беспорядков, а замечалась какая-то покорность судьбе. Затем положительно установлено, что в 1902 и в текущем годах урожай в большинстве мест, охваченных волнениями, был средний или выше среднего, а грабежи происходили и в довольно зажиточных селениях с наделом от 2½ до 4 десятин и с обеспеченным заработком на местных заводах и на отхожих промыслах. Наконец, нельзя обойти молчанием, что во многих местах имели место не только самовольные захваты хлеба или корма для скота, но и грабежи сахара, спирта, вина на заводах и в винных лавках, разграбление предметов домашней обстановки, до платья и граммофонов включительно.

Характерно, что в грабежах участвовали и сравнительно богатые мужики, у которых было несколько сот пудов своего хлеба.

Если экономическое положение крестьян вообще неудовлетворительно, то всетаки в этом отношении было много сделано правительством с самой эмансипации, и правительство принимало разные, хотя и недостаточные, меры к улучшению экономического положения крестьян; но для поднятия культурного уровня бывших «рабов» после их освобождения, создавшего миллионы свободных граждан, со стороны правительства, земства и общества было за эти 40 лет сделано очень немного. Количество школ явно недостаточно, программы их неудовлетворительны, так же как и состав преподавателей, получающих нищенское жалование, озлобленных против существующего порядка и являющихся орудием в руках неблагонамеренных людей. В школе учат грамоте, арифметике, но вовсе почти не касаются элементарных основ общежития, не говоря о значении родины, о патриотизме, государстве, законе, нравственности. Народ, имевший славную историю и создавший великое государство со своеобразным укладом, об этом ничего не знает и ничего не слышит.

При таких условиях одна грамотность не вносит ничего в культурное развитие народа. Влияние школы поэтому совершенно ничтожно и в количественном и в качественном отношении, а иногда прямо вредно, так как школа нередко является очагом распространения социалистических, противогосударственных и противообщественных идей.

Не лучше обстоит дело и в отношении духовно-нравственного влияния духовенства на крестьянское население.

За немногими исключениями, наше сельское духовенство, вполне зависящее от крестьян в материальном отношении, старается жить с ними в ладу, закрывает глаза на пьянство и всякую распущенность и более заботится о «стяжании», чем о духовных нуждах своего прихода. Нередки случаи уклонения священника даже от преподавания закона божия в школах; бесед же и поучений, а также и проповедей в церквах для уяснения общих нравственно-религиозных начал и вопросов текущей жизни, почти нигде не бывает. За время крестьянских беспорядков священники не только не выступали с увещанием буйствующих крестьян, но были даже случаи косвенного участия священников в пользовании разграбленным имуществом.

Никакого воспитательного влияния в смысле развития понятия законности и общественной дисциплины не имеет на крестьян и местная уездная администрация. Волостное начальство, хотя и выборное, отличается произволом и не безгрешно по части поборов *). Такова же деятельность и чинов полиции. К сожалению, не имеет благотворного влияния на крестьян и деятельность земских начальников. Хотя они чужды, за единичными исключениями, каких-либо поборов, но действия их нередко противоречат закону, обращение к населению часто грубое, весь характер деятельности носит печать личного усмотрения и произвола. Многие из них, кроме того, мало знают свои участки и мало известны населению, почему и не имеют никакого нравственного авторитета.

Практика крестьянских волнений показывает, что обыкновенно крестьянские беспорядки возникают в таких участках, где земские начальники особенно неудовлетворительны; хотя надо признать, что при дальнейшем развитии беспорядков и хорошие земские начальники уже не в силах будут справиться с этим движением, раз оно уже приняло стихийный характер.

Что касается земства, то председатели управ имеют мало непосредственного отношения к сельскому населению; что же касается низших агентов земства, служащих по найму: медицинского персонала, статистиков, агрономов и т. п., то влияние их в культурном отношении не безопасно для государственного порядка, так как весьма часто эти лица являются распространителями социалистических или, по

*) В крестьянских беспорядках текущего года принимали участие десятские, два сельских старосты, председатель волостного суда и волостной старшина, который удостоился даже лично выслушать в сентябре 1902 г. в Курске высочайшие слова государя императора о неприкосновенности частной собственности и строгой ответственности за беспорядки.

меньшей мере, противоправительственных идей в народе, подрывая в нем доверие к нашему историческому укладу и правительству и возбуждая его против состоятельных классов.

Единственной школой законности для крестьянина являются общие суды, где он является присяжным заседателем и свидетелем, но и это влияние сравнительно невелико.

Во всяком случае, суд и его органы в лице следователей, единоличных судей, прокуратуры является почти единственным проводником законности в среду сельского населения, и к счастью, до сих пор «царский» суд пользуется уважением среди сельского населения.

Бедственное экономическое положение и некультурность нашей крестьянской среды представляют благодарную почву для пропаганды противообщественных и противоправительственных идей, которая последнее время все увеличивается. Пропаганда эта, устная и путем печатных листков, исходит прежде всего от разных революционных и социалистических организаций, центральных и местных. Произведения нелегальной литературы распространяются тысячами, и нет, кажется, деревни, где бы ни побывала та или другая прокламация.

Большинство этих нелегальных произведений издано специально для обращения в крестьянской среде, язык и слог приспособлены к пониманию простонародья; нередко встречаются издания на малорусском и других местных наречиях.

В брошюрах и прокламациях этих крестьянин находит ответ на его затаенное желание о земле, которая трактуется, как общая собственность, такая же, как свет и воздух. Ему указывается, как утолить его земельный голод путем отобрания земли от «панов». Все это так просто и понятно для крестьянина, и он не обращает уже внимания на то, откуда исходят эти воззвания, не вникает в смысл политических требований о свободе и уничтожении самодержавия, а часто, по неразрушенной еще вере в царя, готов видеть в этих печатных листках «царский указ».

Нелегальные издания проникают в крестьянскую среду различными путями: их рассылают по почте, они распространяются местной сельской интеллигенцией, как то: фельдшерами, учителями, земскими статистиками и т. п., которые занимаются, вместе с тем, и устной пропагандой.

По сведениям департамента полиции, в настоящее время центральные революционные заграничные организации поставили себе задачей широко поставить в текущем году агитацию в крестьянской среде и использовать в революционных целях аграрные беспорядки.

Несомненно, что некоторые из таких интеллигентных агитаторов и находились в крестьянской среде в местностях, охваченных волнениями, хотя деятельность их не имела решающего влияния.

В Курске 1 апреля была арестована целая группа лиц, организовавших так называемый «Крестьянский союз Курской партии социалистов-революционеров». Группа эта, сформированная после бывших в феврале в Курской и Орловской губерниях массовых крестьянских беспорядков, поставила свою типографию и отпечатала огромное количество прокламаций для распространения специально в крестьянской среде, но все эти произведения, ввиду своевременного ареста группы, распространения в народе не получили. Однако опасность от влияния приезжих агитаторов на крестьянскую среду не так велика. Для того, чтобы иметь авторитет в крестьянской среде, надо с нею слиться, приобрести доверие, знать местные условия. Наконец, всякое новое лицо в сельских местностях делается известным полиции, и деятельность его значительно затрудняется.

Практика показывает, что теперь уже нет прежнего «хождения в народ», по способам семидесятых годов; теперь, с одной стороны, в сельских местностях имеется достаточное количество постоянно живущей интеллигенции, склонной к пропаганде социалистических или противоправительственных вопросов, с другой стороны, состав крестьянского населения значительно изменился. Известная часть крестьян, особенно молодежь, уходит на заработки на юг, где революционная пропаганда особенно сильна; возвращаясь к себе в деревню, эта молодежь уже испорчена сравнительно большим заработком, развращена разгулом и своеволием; кое-как и своеобразно усвоив социалистические, революционные и противоправительственные идеи, по-своему переработав их, молодежь эта, представляющая из себя тип доморощенных нигилистов-анархистов *), отрицающих и веру, и бога, и нравственность, является в свою деревню с известным авторитетом «ученых» людей, к тому же вносящих в семью известные денежные средства, так необходимые деревне. Влияние старших, остающихся дома, невольно падает, а молодежь приобретает все больший авторитет. И вот начинаются речи о земле, о тяжелом положении крестьянина, о необходимости отобрания земли от помещиков и передачи ее трудящемуся народу. Этим «своим» пропагандистам народ больше всего верит. Так, именно от такой пропаганды произошли беспорядки, например, в Дмитриевском уезде Курской губернии, где развиты отхожие промыслы.

---

*) Большинство таких лиц носило даже клички «атаманов» и, руководя скопищем, пользовалось для угроз огнестрельным оружием.

Молодежь уходила или в качестве шахтеров в Екатеринославскую губернию или в качестве плотников в Крым и на Кавказ или в Одессу.

Некоторые из таких крестьян являлись членами разных социалистических и революционных организаций, откуда получали литературу и частью денежные средства.

По костюму, речи, поведению они отличаются от местных крестьян и имеют внешний вид интеллигентных людей, чем и объясняются указания на участие в толпе и руководство ею при разграблении помещичьих экономий интеллигентов («студентов»), неизменно чуть ли не игравших везде на фортепиано.

Все эти случаи и рассказы были в точности проверены, и мнимые студенты и интеллигенты оказались распропагандированными крестьянами вышеуказанного типа, подходящего к тому, что называется «сознательным рабочим».

Влияние революционной пропаганды, устной или путем печатного слова, установлено было почти во всех местностях, охваченных крестьянскими волнениями, как в текущем году, так и в 1902 г., вопреки, казалось бы, авторитетному утверждению бывш. старшего председателя харьковской судебной палаты, ныне сенатора Е. А. Пушкина [6]), удостоверившего в статье в газете «Новое время» (1905 г. № 10414), что при рассмотрении судебною палатою дела о крестьянских беспорядках в Полтавской и Харьковской губерниях не было указаний на революционную пропаганду.

Нельзя не опровергнуть этого мнения.

Прежде всего, у прокурорского надзора имелись сведения об огромном распространении нелегальных изданий в Полтавской и Харьковской губерниях перед крестьянскими волнениями, и особенно в местностях, где беспорядки потом возникли.

Во-вторых, можно сослаться в этом отношении на давших авторитетное признание самих революционеров. Так, в № 8 газеты «Революционная Россия» (орган социалистов-революционеров) от 25 июня 1902 г. в статье «Крестьянское движение» говорится буквально следующее: «Среди крестьян Полтавской, Харьковской и других губерний, охваченных аграрным движением, действительно, велась революционная пропаганда и нашими товарищами и украинскими революционными группами. Распространявшиеся среди крестьян издания «Дядько Дмытро», «Чи-е теперь панщина», издания аграрно-социалистической лиги, в том числе и «Беседы о земле» в переводе на малорусском языке, издания партии социалистов-революционеров, например «19 февраля», «Вторая воля» и другие, — все били в одну сторону разрушения тех последних остатков былой веры в царя, которые еще уцелели в народе от доброго старого времени».

Наконец, формальным дознанием, производившимся на основании 1035 ст. уст. угол. суд. в 1902 г. о революционной пропаганде, вызвавшей аграрное движение в Полтавской и Харьковской губерниях, была установлена целая группа лиц, пропагандировавших в крестьянской среде, причем несколько из этих лиц, местные крестьяне Стороженко, Буцкий, Коркишка, Подгорный, Полторак, Поцула и Шалдуга, судились еще в харьковской судебной палате за фактическое участие в разграблении помещичьих экономий [7]).

Кроме чисто революционной пропаганды социалистического характера, в текущем году обращала на себя внимание и противоправительственная пропаганда либеральных партий разных направлений, распространявших в народе идеи о необходимости созыва Учредительного собрания для выработки нового государственного уклада и достижения политической свободы и для упорядочения земельного быта крестьян.

Пропаганда эта, составляя отголосок общего либерального движения нашей интеллигенции *), выражавшегося в городах в разных общеизвестных съездах земских представителей и профессиональных союзов, банкетах и резолюциях, нашла себе отклик в крестьянской среде и, очевидно, подготовляется какими-то противоправительственными комитетами, как об этом можно судить, например, из постановлений общего съезда земских и городских деятелей в Москве 6—8 июля 1905 г., признавшего необходимым принять меры к приобщению крестьянского населения к работе по политическим вопросам.

В этом отношении нельзя не отметить влияния и легальной периодической печати, где с излишней свободой развивалась мысль о необходимости представительного правления в конституционном смысле, о созыве Учредительного собрания, свободе союзов, собраний и даже о национализации земли **).

Немалую роль в этой пропаганде по аграрным вопросам сыграли сельскохозяйственные общества.

Так, например, в Сумском уездном обществе сельского хозяйства Харьковской губернии, и в многочисленных обществах сельского хозяйства Полтавской губернии (Лохвицком, Сорочинском, Диканском, Камышанском, Шишакском, Миргородском, Уствицком) в течение лета текущего года происходили собрания с участием не только членов, но и посторонних лиц, особенно крестьян; на этих публичных

*) Влияние либеральной интеллигенции отразилось на целом ряде приговоров крестьянских обществ, содержание коих и самая форма их изложения ясно указывают на влияние радикальной пропаганды.

**) См. статью Л. Н. Толстого «Великий грех», «Русская мысль», июль 1905 г.

заседаниях обсуждались разные стороны аграрного вопроса и положения крестьян, причем затрагивались вопросы о национализации земли и экспроприации земель частновладельческих, казенных, удельных и монастырских, о необходимости отобрания в общую собственность не только земель, но и фабрик, заводов и капиталов.

Все эти заседания, несмотря на нарушение устава, происходили публично и своевременно не были воспрещены администрацией. Привлечение же к судебной ответственности председателей собраний не представилось возможным за отсутствием у нас в законе карательных в этом отношении постановлений. Случаи этого рода, несомненно, доказывают необходимость скорейшего введения в наше законодательство особого закона о собраниях и союзах, регулирующего этот вопрос.

В Сумском же уезде, когда по распоряжению губернатора собрание Сумского сельскохозяйственного общества 29 мая сего года было отменено, толпа крестьян, собравшаяся на это заседание не только из Сумского, но и из соседнего Лебединского уезда, где потом вскоре вспыхнули крестьянские беспорядки, с неофициального разрешения полиции начала обсуждение аграрных вопросов на площади, причем некоторые ораторы говорили в социалистическом духе и разбрасывали соответствующие прокламации.

Собрание вынесло резолюцию о необходимости прирезки крестьянам земель из фонда земель государственных, помещичьих, удельных, церковных, монастырских и об уничтожении правительственных мест и властей и о замене их выборными, причем до осуществления этих ходатайств постановлено было не платить податей.

В некоторых сельских местностях, ввиду права, предоставленного населению высочайшим указом 18 февраля, также начались еще весной сходы, постановлявшие, под очевидным влиянием либеральной интеллигенции, такие же резолюции о необходимости созыва Учредительного собрания и политической свободы, с добавлением требований о прирезке крестьянам земли частновладельческой, удельной, монастырской и казенной, а в августе текущего года в Москве происходило собрание представителей крестьян из нескольких губерний для участия в заседаниях так называемого «Крестьянского союза»; цель этого союза, повидимому, заключается в пропаганде в крестьянской среде и в стремлении к аграрным реформам на почве экспроприации земли.

Наконец, нельзя не отметить, что обсуждение вопроса о недостаточности крестьянского землевладения было предметом обсуждения и в земских собраниях.

В этом отношении характерным является доклад харьковской губернской земской управы чрезвычайному губернскому земскому со-

бранию 12 июня 1905 г. по экономическому отделу, подробно остановившийся на экономическом положении крестьян и на разрешении аграрного вопроса, причем в докладе рассматривался вопрос о возможности увеличения крестьянского надела и о национализации земли.

В докладе этом приведено заключение экономического губернского совета о том, что: 1) площадь владеемой земледельцами земли в Харьковской губернии в настоящее время недостаточна, 2) необходимо увеличение площади владеемой земледельцами земли на счет государственных, кабинетных, монастырских, удельных и частновладельческих земель и 3) необходимо немедленное местное экспедиционное исследование всей губернии анкетным путем, по программе, составленной специально для разрешения одного аграрного вопроса; при этом нельзя не отметить, что губернская земская управа в упомянутом докладе признала национализацию земли практически выполнимой, а дополнительный надел паллиативом, хотя в том же докладе, но только несколько ранее, управа указывает, что национализация земли невыполнима.

Доклад управы по вопросу, не входящему в круг ведения земских учреждений, был оглашен в земском собрании, вызвал прения, но окончательного разрешения не получил ввиду того, что не собралось достаточного количества гласных, и заседание было закрыто.

Без сомнения, обсуждение в сельскохозяйственных обществах, на сельских сходах и в земских собраниях вопроса о национализации земли, недостаточности крестьянских наделов и необходимости увеличения площади крестьянского землевладения на счет земель помещичьих, удельных, казенных и церковных не могло не вызвать известного брожения среди крестьян.

Говоря о крестьянских беспорядках, особенно распространившихся в текущем году, нельзя обойти молчанием влияние непопулярной и непонятной народу несчастной войны и общей смуты, охватившей наше отечество.

Мобилизация, вырвавшая массу кормильцев семей и работников, отразилась на экономическом положении населения и вызвала обострение нужды и общее недовольство, особенно когда первое время преимущественно набирались запасные более отдаленных сроков.

Известия о войне в газетах и письма солдат вносили еще большее чувство недовольства. Наконец, явилось убеждение, что, ввиду нахождения большого количества войск на Дальнем Востоке, в Европейской России не будет достаточно войска для подавления беспорядков или что эти войска, состоя большею частью из запасных, не пойдут против простого народа.

Едва ли следует указывать на влияние общего недовольства на крестьянские беспорядки. Мы переживаем как бы второе смутное время. Все классы населения и сословия находятся в брожении; является пересмотр оснований всего существующего порядка, поднимается масса существенных и основных вопросов, является борьба партий, революционное движение прибегает к системе террора.

Все это волнует общество; указы 6 декабря и 18 февраля вызвали естественное желание высказать свои нужды. Этими обсуждениями воспользовались противоправительственные элементы для того, чтобы вызвать агитацию в стране, которая не могла не отразиться на огромном по количеству, но некультурном крестьянском населении. Можно надеяться, что созыв народных представителей от всего народа в Государственную думу успокоит общество и даст законный выход стремлениям о необходимости преобразований нашего государственного и общественного строя.

Совокупность вышеуказанных условий общего свойства, в их взаимной связи или той или другой комбинации, и представляет действительные причины массовых крестьянских волнений и беспорядков.

Что касается поводов к ним, то на этой общей почве экономического и общего недовольства все могло служить и служит поводом к возникновению беспорядков и обострению отношений с соседней экономией: и случайный захват на потравах скота, обнаруженная порубка леса, какой-нибудь нелепый слух, рассказ прохожего об удачных крестьянских захватах и т. п.

При самом изложении причин крестьянских беспорядков невольно даже между строк указывались и некоторые меры к их предупреждению, подробное и детальное обсуждение которых и составляет вторую часть настоящей записки.

Если, как мы старались доказать, главной причиной беспорядков и разгрома помещичьих усадеб является отсутствие у крестьян ясного сознания о неприкосновенности частной собственности, особенно земельной, и понятия законности, как регулирующего общественные отношения начала, то отсюда естественно притти к выводу, что на первый план должны быть поставлены правительственные меры для укрепления в среде крестьян этих первоначальных основ современного общественного и государственного строя. Очевидно, этого нельзя сделать одним росчерком пера, изданием какого-либо законодательного акта; для этого нужна целая система законов, а еще более целесообразная, в течение многих лет, государственная политика, которая постепенно, но зато прочно, достигнет утверждения в сознании крестьян неизбежности подчинения закону и существующему порядку, основанному на принципе неприкосновенности частной собственности.

Общинное крестьянское землевладение — результат долгого исторического и экономического процесса. Едва ли можно серьезно думать о возможности отмены этого института путем одного законодательного акта, как ходатайствовало об этом, повидимому, во время аграрных беспорядков в Лебединском уезде Харьковской губернии харьковское дворянство в лице своих представителей.

Но надо итти навстречу жизни и всячески способствовать выходу из общины экономически более сильных крестьян, выкупивших свой надел и имеющих право на отмежевание его от общественных земель; другими словами, надо отменить нынешнюю редакцию 165 ст. Положения о крестьянах, обусловливающую право выхода из общины согласием сельского схода, и вернуться к первоначальной редакции этой статьи, по Положению 1861 г., когда выдел выкупленного участка крестьянину-собственнику не обусловливался согласием общества, а был для него обязательным.

С другой стороны, необходимо принять ряд мер с целью насаждения личного крестьянского землевладения путем расширения деятельности Крестьянского банка и переселения не только в отдаленные губернии, но и в пределах той же губернии и даже уезда, где это окажется возможным.

При этом следует облегчить выход из общины и тем лицам, которые, не имея прямой связи с землей и перейдя по своей деятельности в среду фабричных рабочих, искусственно удерживаются в общине по фискальным соображениям.

Известного развития пролетариата, как экономической ступени, избежать нельзя, да он уже и существует; при освобождении общины от оторвавшихся от земли элементов крестьянство только выиграет. Для устранения возможности раздробления крестьянских участков, представляющего вред для сельского хозяйства (так называемое «карликовое» хозяйство), возможно было бы установить в законе известный минимум неотчуждаемого крестьянского участка, для чего является необходимым введение упрощенной ипотечной системы крестьянских земель.

Вся совокупность этих мер, намечаемых нами в общих чертах, постепенно приведет к созданию мелкого личного крестьянского землевладения, являющегося всегда и везде самым консервативным элементом в стране, поднимет экономическую культуру и благосостояние и будет служить наглядным примером для самих крестьян, показывая, что частная личная земельная собственность находится не в руках только помещиков, а их же односельчан, и что достижение этого положения доступно вообще для всякого трудящегося крестьянина.

В тех местах, где в настоящее время существует в значительном количестве мелкое крестьянское землевладение, как, например, в некоторых уездах Екатеринославской губернии (немцы-колонисты и русские и малорусские переселенцы) и Полтавской губернии (Кобелякский уезд и другие), где существует мелкое казачье землевладение, уважение к личной земельной собственности гораздо выше, и аграрные беспорядки не имеют почвы для возникновения, так как кроме помещиков, масса мелких крестьян-собственников стала бы на защиту владения землей.

Постепенный переход от общинного землевладения к личному, вызвав самодеятельность отдельных лиц в улучшении своего положения и хозяйства, непременно отразится в благоприятном смысле на общем экономическом благосостоянии крестьян.

Кроме того, для этой цели должна служить целая система строго обдуманных экономических мер по развитию мелкого и краткосрочного кредита, изменение системы налогов, обременяющих непосильно крестьянское население, развитие деятельности Крестьянского банка, широкая организация переселений и т. п.

Из этой программы автор решительно исключает вообще мысль об экспроприации земли помещичьей, казенной, удельной, церковной, монастырской. Сделки в этом отношении должны между частными собственниками основываться на добровольных соглашениях, хотя и с помощью государства, иначе самый принцип неприкосновенности частной собственности будет поколеблен, и при естественном приросте населения в известные периоды времени опять будет требоваться новая экспроприация, т. е. постепенно надо будет сделать переход к национализации земли.

Единственный случай, когда автор допускает возможность экспроприации частновладельческой земли путем обязательного выкупа — это случай получения крестьянами «дарственного» надела.

Этот порядок является исключением из общего принципа реформы 19 февраля, которым была установлена передача крестьянам такого количества земли, которое было бы достаточным для обеспечения их быта и исполнения обязанностей перед правительством.

Очевидно, что еще в момент получения такого «дарственного» надела в ½—1 десятину крестьяне не могли этим обеспечить своего быта и исполнить обязанности их перед государством.

Поэтому теперь, ввиду безвыходного положения крестьян, получивших дарственные наделы и действительно нуждающихся, было бы справедливым поправить эту ошибку и восстановить в отношении их основной принцип реформы 19 февраля и особым законом экспро-

приировать на началах выкупа у владельцев для крестьян прибавочную надельную землю.

Если же эта мера будет признана опасной, как могущая возбудить надежды на прирезку земли и у крестьян, получивших обычный надел, то тогда необходимо принять меры к добровольной продаже владельцами их земли по выгодной для них цене или к переселению крестьян на земельные участки государственной земли.

И та и другая операции должны быть произведены при помощи со стороны государства.

Независимо от развития мелкого крестьянского землевладения необходимо упорядочить земельные отношения в сельских общинах; прежде всего необходимо принять меры к разделу и расселению больших сел, где иногда бывает чуть ли не по нескольку тысяч жителей и где земельные наделы иногда отстоят за 25 верст от села.

При такой отдаленности земельного участка от селения никакое правильное хозяйство невозможно.

Государство должно притти на помощь к сельским общинам в этом отношении и выдавать субсидии на перенос домов и обзаведение и способствовать развитию внутри самой общины небольших поселков, хуторов, которые также являются ступенью к переходу к личному землевладению.

Экономический процесс постепенного разложения общинного землевладения и замены его личным займет, конечно, не один десяток лет, но уже первые шаги в этом направлении внесут некоторое успокоение в сельские местности.

Наряду с этим необходимо категорически и определенно проводить в народ понятие о законности и неприкосновенности частной собственности.

Напомним, что даже во время Великой французской революции неприкосновенность частной собственности была гарантирована законом и установлены были строгие наказания за возбуждение так называемого «аграрного вопроса» об общей собственности на землю.

Между тем у нас агитация об экспроприации в пользу крестьян земель помещичьих, казенных, церковных и удельных проникает, как было указано выше, не только в частные собрания, но и в сельскохозяйственные общества и даже в земские собрания.

Представляется необходимым высшей правительственной власти дать местной администрации соответствующие указания о недопущении обсуждения вопросов об улучшении крестьянского землевладения путем отобрания земель помещичьих, удельных, казенных, церковных, монастырских и т. п. и закрывать те общества и собрания, которые это запрещение будут игнорировать.

Для самих же крестьян было бы существенно важным издать, но уже не «правительственное сообщение», так как для крестьян даже слово «правительство» не вполне понятно, а краткий, но твердый и определенно выраженный высочайший манифест о неприкосновенности частной земельной собственности и о законных мерах, которые будут применены против нарушающих общественный порядок.

Этот манифест необходимо разослать во все селения в большом количестве экземпляров, читать в церквах, на сельских сходах и т. п. и достигнуть широкого распространения его в народе. Такой манифест может явиться авторитетным противовесом противоправительственной агитации по аграрному вопросу, которая внушает крестьянам неосновательные надежды на прирезку помещичьих и казенных земель.

Для укрепления в народе понятия о законности и государственности и наказания всякого самоуправного действия следует прежде всего реорганизовать местные крестьянские суды, как ближе всего стоящие к народу и совершенно не удовлетворяющие требованиям справедливости и законности.

С восстановлением прежнего мирового суда для всех сословий, хотя бы с участием общественных представителей вроде шеффенов, крестьяне почувствуют себя равными перед законом со всеми сословиями не только в смысле прав, но и обязанностей, а строгая и справедливая деятельность этого суда сумеет восстановить и развить в короткое время уважение к силе закона.

Наряду с этим необходимо отменить пониженную уголовную ответственность крестьян за преступления и проступки против собственности и отчасти поднять вообще репрессию за некоторые проступки, как это изложено в особой моей записке об отмене исключительных законоположений.

Местные крестьянские власти во главе с земским начальником должны поставить законность принципом своей деятельности, понимая ее не в смысле мертвой формы, а живого и деятельного начала, не допускающего однако личного усмотрения и произвола.

Когда крестьяне увидят, что закон равен и обязателен для высших и для низших и для самой власти, то и сами преклонятся пред силой закона и будут избегать самосуда, самоуправства и насилия.

Для проведения в народ понятий законности и неприкосновенности частной собственности, как первоосновы всякого культурного общества, чрезвычайно важно, конечно, влияние школы, которой необходимо придать государственный характер, сделав первоначальное обучение обязательным и взяв все начальное образование в непосредственное ведение государства.

Подбор и подготовка благонадежного учительского персонала, создание разумных и целесообразных программ преподавания, где, кроме грамоты и цифири, в юные сердца вкладывались бы семена религии, нравственности, патриотизма, представляется делом огромной важности, для которого не надо жалеть никаких жертв.

Огромное значение в урегулировании и упорядочении крестьянского вопроса могут иметь и сами землевладельцы, сдающие крестьянам в аренду землю и нанимающие их как сельскохозяйственных рабочих.

В переживаемое нашим отечеством тяжелое и смутное время нельзя исключительно полагать свои надежды на правительственную помощь и военную и полицейскую силу, которой не хватит на всю Россию; землевладельцы должны в своих собственных интересах установить с крестьянами добрые соседские отношения. В этих видах свободные земли должны отдаваться в аренду крестьянам, которые в них особенно нуждаются, по нормальным, а не по повышенным ценам, взбиваемым конкуренцией.

Необходимо входить в известные соглашения относительно предоставления крестьянам на известных условиях (за отработки и т. п.) пастбищ, выгонов, толок и сенокосов, в которых крестьяне так особенно нуждаются; следует при выдаче зимою задатков при найме рабочих на летние работы брать умеренный процент (а не ростовщический — свыше 12%) за ссуду денег на срок в несколько месяцев, а еще лучше совсем от этого отказаться, а для срочных рабочих устроить удовлетворительные по сельскохозяйственным условиям помещения и питание, обходиться с ними справедливо и участливо, уважать их человеческое достоинство и требовать того же от управляющих и других служащих.

С другой стороны, в случае нарушения со стороны крестьян или рабочих законных прав землевладельца, при безуспешности разумных разъяснений и увещаний, не поступаться своим правом, обращаться к суду или другой власти, протестовать против нарушения своего права, уступая только силе и не покидая без наличной явной личной опасности свои имения и требуя того же от своих служащих *).

Если противоправительственная пропаганда всяких видов, подстрекающая крестьян к насильственному разрешению тем или другим способом аграрного вопроса, находит себе благодарную почву в крестьянской среде, то в виде противовеса ей необходимо создать условия для влияния на крестьян в обратном смысле, для укрепления в них

*) Были случаи защиты соседними крестьянами помещиков от пришлых элементов.

понятия государственности, общественности, законности и неприкосновенности частной собственности в связи с общими религиозными и нравственными устоями современного общества.

Для проведения этих идей должны сплотиться все благонадежные элементы: и местные власти, и частные лица, школа и духовенство; каждый при всяком подходящем случае в пределах своего практического обихода должен распространять среди крестьян здравые культурные понятия и бороться с их невежеством, грубостью и проникновением в их среду антипатриотических и противоправительственных взглядов.

Представлялось бы желательным обращение святейшего синода с пастырским посланием в этом смысле к духовенству с призывом его к постоянному разъяснению путем проповедей, частных поучений и преподавания в школе этих основных начал всякого общественного строя.

Равным образом, в программу народных школ необходимо ввести краткое преподавание русской истории и законоведения в смысле изложения основных начал нашего государственного исторического уклада и основных понятий права, закона, собственности.

Для противодействия распространению среди народа нелегальной или тенденциозной противоправительственной литературы необходимо при помощи правительства, различных обществ грамотности, академии наук и других просветительных учреждений составить и распространить за дешевую цену популярные издания по русской истории, географии и различным отраслям правоведения.

Это необходимо особенно теперь, когда после некоторого облегчения печати народились особые книгоиздательства «Голос», «Молот», «Буревестник» и другие, где выпускается масса брошюр, излагающих основы социалистических учений и конституционного строя, иногда в переводах, а иногда в оригинальных статьях, нередко с явным извращением действительности и с крайне тенденциозным освещением.

В последнее время в деревню кроме нелегальной литературы проникает и масса легальных газет, которые по содержанию не вполне доступны для крестьянина, понимающего их часто своеобразно.

В виде характерного примера можно привести факт, что поводом к нападению на усадьбу княгини Юсуповой в Бирюченском уезде было чтение крестьянами № 55 «Биржевых ведомостей» (второе издание), где была перепечатана из «Нового времени» статья сенатора Пушкина о крестьянских беспорядках. Крестьяне уловили из нее отдельные фразы «о хроническом недоедании» и «малоземелье» с увеличением народонаселения, а, главное, изложенные автором фактические

данные о причинах крестьянских волнений крестьяне приняли за одобрение и дозволенность их.

Надо сказать, что большинство наших газет недоступно для понимания массы крестьян, да и содержание их с вечно тенденциозными и часто сомнительными известиями и нападками на существующий режим способно лишь поддерживать смуту среди населения и подрывать всякое уважение к власти. Надеяться на скорое возникновение у нас доступной для народа, спокойной, объективной газеты трудно. Поэтому необходимо создать местные, правительством направляемые органы печати для распространения в крестьянской среде. «Сельский вестник», издаваемый в С.-Петербурге, не может иметь в этом отношении большого значения. Петербург слишком далек от нужд и запросов провинции, и петербургская газета не может иметь такого значения в местной жизни с ее нуждами и потребностями. Точно также газеты вроде «Дружеских речей» князя Мещерского не могут иметь большого влияния в смысле просвещения народных масс.

Поэтому было бы желательно создать из «Губернских ведомостей», в виде второго издания, если не ежедневную, то выходящую два раза в неделю газету специально для широкого распространения в массе населения.

Цена такой газеты должна быть один рубль в год, а в отдельной продаже одна копейка.

Редакторов найти можно, да и средства для издания такой газеты не будут особенно велики.

Многие местные деятели с удовольствием даром будут сотрудничать в такой народной газете.

При умелой постановке губернские типографии приносят всегда известный доход, но, к сожалению, он идет на выдачу наград разным чиновникам и на негласные расходы. Весь доход типографий надо отдать на издание такой народной газеты; может быть, на первое время понадобится небольшая единовременная субсидия.

Общее руководство газетой должно принадлежать губернатору, при содействии особо назначенного им лица. Содержание газеты должно заключать, кроме телеграмм, распоряжений высших правительственных и местных властей, статьи по юридическим и историческим вопросам и текущей жизни и должно быть приноровлено к народному пониманию.

Направление должно быть объективное, без фальшивого патриотизма и тенденции, но с проведением консервативных и патриотических начал.

При такой газете можно образовать книгоиздательство для народа.

Нет сомнения, что такая пресса значительно ослабит распространение в народе нелегальной литературы, некоторую оценку которой и разъяснение ее можно предоставить такой газете.

Изложив целый ряд экономических и просветительных мер для поднятия экономического и умственного уровня крестьян и для предупреждения крестьянских волнений, автор считает не лишним остановиться на чисто специальных законодательных, административных и судебных мероприятиях, необходимых для успешного и быстрого подавления и расследования дел о крестьянских беспорядках.

В особой моей записке об исключительных законоположениях уже затронут вопрос о необходимости реорганизации полиции в смысле объединения разных органов полиции в руках губернатора и об улучшении сыскной части. До этих реформ, надо сказать, что в настоящее время полиция мало осведомлена в сельских местностях и о пропаганде среди населения и о готовящихся волнениях. Даже случаи явных проступков против помещичьей собственности, как, например, лесопорубки, похищения сельскохозяйственных произведений и т. д., обследуются полицией с значительным промедлением.

Точно также замечается медленность рассмотрения дел в волостном суде и у земских начальников, отвлекаемых своими административными обязанностями.

Насколько полиция, и администрация вообще, мало осведомлена о подготовке волнений и как нерешительны принимаемые ею меры для прекращения беспорядков, свидетельствуют обстоятельства возникновения крестьянского движения в 1902 г. и в настоящем году.

Так, в 1902 г. в Константиноградском уезде Полтавской губернии уже с 12 марта начались в пределах Карловской экономии частые случаи похищений сельскохозяйственных произведений, производимых с особой дерзостью, но на это не было обращено надлежащего внимания, точно так же как полиции совсем не было известно о пропаганде в селе Лисичьем, где был центр агитации (студент Анатолий Алексенко).

28 марта вспыхнули в разных местах беспорядки, причем войска были вызваны уже тогда, когда движение перешло в Полтавский уезд и даже в Валковский уезд Харьковской губернии.

Точно так же и в текущем году развитию беспорядков в Курской губернии способствовало отсутствие надлежащей энергии в действиях и распоряжениях исполнительных органов полиции.

Если 6—8 февраля еще трудно было судить об угрожающем настроении крестьян села Сального, совершивших крупную лесопорубку в имении землевладельца Попова, то к такому выводу можно и должно было притти 9 и 10 февраля после сопротивления крестьян села Сального приставу 2 стана Дмитриевского уезда и демонстративно

выраженного ими неповиновения законным требованиям земского начальника, уездного исправника и судебного следователя.

Наконец, после разгрома в ночь на 15 февраля экономии Черничина, казалось бы, уже не могло быть сомнения в настоятельной необходимости вызвать военные силы, а между тем впервые об этом поднимается вопрос дмитриевским уездным исправником в телеграмме на имя начальника губернии 18 февраля лишь после погромов хуторов Ярославки — барона Мейендорфа и Хатуши — Мейер.

Не была также осведомлена полиция о тайных сборищах, устраиваемых крестьянами села Гламаздина задолго до начала беспорядков на мельницах, в пустых сараях и т. п., между тем впоследствии в названном селе волнения достигли наибольшей интенсивности.

Нельзя также не отметить и непринятия полицией надлежащих мер к предупреждению беспорядков и в Лебединском уезде Харьковской губернии.

Хотя еще задолго до возникновения беспорядков в имениях графа Каниста и Глазенапа происходили забастовки рабочих с бойкотом лиц, не желавших присоединяться к стачке, что уже само по себе указывало на возбужденное состояние крестьянского населения, тем не менее и здесь военная сила была вызвана только после того, как беспорядки получили уже значительное развитие и выразились в погромах экономий землевладельцев.

Между тем своевременное арестование пропагандистов и подстрекателей, своевременный приступ к производству дознания и сосредоточение в данном пункте сразу значительных полицейских сил, наконец даже вызов во-время войска, очевидно, подавили бы быстро движение в самом начале.

Говоря о вызове войск, нельзя не признать, что более целесообразным родом войск для подавления крестьянских беспорядков является регулярная кавалерия, где и офицеры более интеллигентны, а солдаты отличаются дисциплиной и отсутствием излишней жестокости, не имея при этом обыкновенно нагаек, которыми так охотно распоряжаются казаки.

Что касается способов административного воздействия на население для прекращения крестьянских беспорядков, то на первом плане надо поставить «телесное наказание».

Если при рассеянии бушующей толпы и отобрании награбленного имущества вполне уместно известное насилие и законом допустимо даже употребление оружия, то раз порядок установлен сечение розгами виновных в виде «наказания» или не виновных «для острастки» массы отнюдь не должно быть допускаемо, особенно после всемило-

стивейшего манифеста 11 августа 1904 г., отменившего телесное наказание для крестьян.

Между тем в 1902 г. уже по прекращении беспорядков харьковский губернатор князь Оболенский [8]) и полтавский губернатор Бельгард [9]) устроили систематическое сечение крестьян, причем д. с. с. Бельгард находил даже необходимым делать это при особо торжественной обстановке на сельском сходе в своем присутствии, а князь Оболенский делегировал свою власть в этом отношении валковскому уездному предводителю дворянства Ширкову [10]), а этот последний земским начальникам, которые производили эту экзекуцию при содействии казаков.

В текущем году сечение было применено, насколько мне известно, только при подавлении беспорядков в Дмитриевском уезде Курской губернии и в Севском уезде Орловской губернии, в последней не местными властями, а лицом, командированным черниговским губернатором, которое позволило себе лиц, подстрекавших к разгрому завода Терещенко в Глуховском уезде Черниговской губернии, высечь в пределах другой губернии.

Нельзя не высказаться самым решительным образом против сечения при подавлении беспорядков взрослых людей, граждан русской земли. Не говоря уже об этом наказании, как отвратительном с гуманной точки зрения и унижающем человеческое достоинство, этот прием является совершенно незаконным, вызывающим озлобление в населении, не воспитывающим в культурном смысле крестьян, напротив, — их принижающим, а главное подрывающим значение всемилостивейшего манифеста 11 августа 1904 г.

Крестьяне теперь прямо говорят: «Царь не велел сечь, а губернаторы и чиновники насильничают».

Это роняет и престиж высокого значения царя и авторитет местных властей.

С чисто судебной точки зрения сечение при полицейском дознании представляется крайне вредным. Из числа лиц, привлеченных к ответственности за аграрные беспорядки и сознавшихся на дознании и предварительном следствии, почти все отказываются на суде от этого сознания, говоря, что оно вынуждено побоями полиции при производстве дознания (что отчасти и подтверждается) и сечением розгами.

Эти заявления не могут не действовать на судей при рассмотрении дел об аграрных беспорядках в судебной палате и имеют своим последствием значительное количество оправдательных приговоров.

Сведения о сечении и побоях проникают в общество при посредстве газет и вносят раздражение против властей *).

В заключение следует остановиться на самой технике производства дознаний и следствий по делам о массовых аграрных беспорядках.

Первоначальные действия полиции и войска бывают направлены на подавление беспорядков, заарестование заподозренных и отобрание похищенного имущества.

Акты дознания составляются торопливо и небрежно и довольно поздно поступают к следственной власти, которая получает массу арестованных с отсутствием определенных или достаточных улик, между тем как по соображениям общественного порядка массовое освобождение арестованных представляется нежелательным и опасным.

Полиция производит первоначальные аресты при массовых аграрных беспорядках в порядке положения об усиленной охране; но в случае отмены этого исключительного закона полиции необходимо предоставить право при всех массовых беспорядках и насилиях над должностными лицами задерживать на срок до двух недель или до распоряжения подлежащей судебной власти всех лиц, обвиняемых в массовых беспорядках или нападении на властей.

При производстве следствия по аграрным беспорядкам необходимой является быстрота производства. Это важно и для разбора вины отдельных лиц, арестованных полицией часто без достаточного основания, и для восстановления нарушенного общественного порядка.

Опыт показывает, что своевременное заарестование судебной властью и привлечение к следствию является наиболее действительным средством для прекращения аграрных беспорядков в соседних селах или даже для предупреждения их.

Между тем обыкновенно на уезд приходится один судебный следователь, обремененный текущими делами. Приходится поэтому командировать судебного следователя по важнейшим делам и кандидатов на судебные должности; следствия объединяются в лице наблюдающего за следствием лица прокурорского надзора. Но такое объединение недостаточно для выяснения общих причин движения и работы по общему плану, когда движение охватывает несколько уездов одной губернии или даже соседних губерний.

---

*) Ввиду помещения в последнее время в периодической прессе в извращенном и тенденциозном виде отчетов о судебных заседаниях по многим серьезным делам, представлялось бы соответственным учредить при судебных палатах особые должности присяжных стенографов для составления отчетов о более выдающихся уголовных процессах.

Желательно было бы создать поэтому такой следственный орган, который мог бы производить предварительное следствие в округе всей судебной палаты, а не в одной губернии; это могло бы быть достигнуто учреждением должности судебного следователя по особо важным делам, состоящего при окружном суде, где учреждена судебная палата; такой судебный следователь по предложению прокурора судебной палаты мог бы производить следствие во всем округе палаты. Этому должностному лицу следовало бы предоставить право производить самому те следственные действия, которые он признает нужными по соглашению с прокурорским надзором, исследование же фактических обстоятельств отдельных дел возлагать на участковых судебных следователей, или по важнейшим делам, или на кандидатов на судебные должности *).

При таком способе производства предварительных следствий по однородным делам о массовых аграрных беспорядках не исчезала бы в фактических подробностях отдельного производства общая связь и причины движения, как это наблюдается теперь, несмотря на объединение и руководство прокурорского надзора.

Если быстрота производства следствий по указанным делам имеет огромное значение для восстановления нарушенного порядка, то гласное судебное разбирательство с выяснением причин массовых волнений и аграрных беспорядков и виновных лиц, подлежащих наказанию, имеет не меньшее значение для успокоения общества, для укрепления в населении понятия законности и неприкосновенности частной земельной собственности.

Но для успеха этого влияния необходима быстрая репрессия, т. е. быстрое рассмотрение судом этих дел.

На основании 201 [1] ст. уст. угол. суд. все дела о массовых аграрных беспорядках, квалифицируемые обыкновенно по 269 [1] ст. улож. о наказ., подсудны судебной палате с сословными представителями. Личный состав судебных палат в империи немногочислен; палаты завалены массою текущих дел, поэтому при возникновении массовых крестьянских беспорядков (как, например, в текущем году в округе харьковской судебной палаты в 5 губерниях) палаты, несмотря на крайнее напряжение, не в состоянии проявить особой быстроты при рассмотреннии этих дел.

Если предварительные следствия по аграрным делам могут быть закончены при особых усилиях приблизительно в 1—2 месяца, то на одну подготовку к слушанию дела в суде от момента поступления дела в палату требуется не менее 1½ месяцев.

---

*) Этим создавалось бы нечто вроде следственных комиссий.

Некоторые из аграрных дел, возникших в конце февраля, были заслушаны уже в конце июня, но большинство дел будет рассмотрено не ранее, как через 6—9 месяцев после их возникновения.

Единственным средством для ускорения производства по делам о массовых беспорядках, как и вообще по делам, предусмотренным 201 [1] ст. уст. угол. суд., является передача дел этой категории из судебной палаты в окружные суды с теми же сословными представителями.

Нет никаких оснований предполагать, что состав окружного суда не справится с этой задачей; наконец, председательствование по этим делам могло бы быть возложено лично на председателя окружного суда или даже на особо командированного одного из членов судебной палаты.

В заключение надо сознаться, что наш судебный аппарат не может выполнять задач правосудия по делам о массовых беспорядках с такой же полнотой, как по отдельным уголовным делам.

Общая задача уголовного правосудия направлена к тому, чтобы ни один виновный не ушел от наказания по закону за содеянное им.

Но в делах о массовых беспорядках — это неприменимо по самому свойству этих дел.

Когда в преступных скопищах принимает участие несколько тысяч крестьян, то, очевидно, немыслимо привлечь к суду всех виновных. Не было бы достаточно сил у полиции и судебной власти, не хватило бы тюрем и не нашлось бы такого грандиозного здания для суда над тысячею человек.

Приходится из этой серой, стадной массы выбирать поэтому более активные элементы, руководителей, подстрекателей. На практике обыкновенно устраняются от ответственности в большинстве случаев женщины и подростки. Все же лица сознательные, более имущественно обеспеченные, занимающие известное общественное или должностное положение, привлекаются к следствию.

Установление виновности руководителей крайне трудно на суде, точно так же как трудно вообще проведение этих дел на суде с обвинением в полном объеме, вследствие боязни свидетелей показывать правду и отказа обвиняемых от первоначального сознания под влиянием совета защитников. Приговоры палаты вообще не особенно суровы; мало лиц, присуждаемых к арестантским отделениям, преобладает тюрьма, в среднем, около года.

Желательно, чтобы эти нестрогие и справедливые приговоры уже не подвергались дальнейшему смягчению.

В видах большей быстроты судебного производства и большей строгости репрессии раздаются голоса о необходимости военного

или даже военно-полевого суда по делам о крестьянских беспорядках.

Нельзя не высказаться с особой энергией против этих предположений.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) См. «Крестьянские движения 1902 г.». Центрархив. Материалы по истории крестьянских движений в России. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичеты и В. М. Фриче, вып. III, Гос. изд., 1923 г.

[2]) Речь идет, повидимому, об именном высочайшем указе сенату от 11 мая 1902 г., согласно которому отпускалось «из государственного казначейства... 800 000 рублей на вознаграждение потерпевших землевладельцев... за убытки, непосредственно причиненные им беспорядками». Для возмещения этих сумм государственному казначейству указ устанавливал с сельских обществ «дополнительный к существующим окладной сбор» (см. «Право» 1902, стр. 1906. — «Собрание узаконений и распоряжений правительства» 1902, № 47, стр. 1).

[3]) 21 мая 1883 г. в Москве в палатках, устроенных на дворе Петровского дворца, Александр III обратился к волостным старшинам с речью, в которой, между прочим, сказал: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна» («Прав. вестник» 1883, 24 мая, № 114, стр. 1).

[4]) 1 сентября 1902 г. в Курске во время маневров в губернаторском доме были собраны некоторые волостные старшины и сельские старосты (губерний Курской, Черниговской, Орловской и Воронежской); к ним Николай II обратился с речью, в которой, между прочим, сказал: «Весной в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний крестьяне разграбили соседние экономии. Виновные понесут заслуженное ими наказание, а начальство сумеет, я уверен, не допустить на будущее время подобных беспорядков. Напоминаю вам слова покойного моего батюшки... «Слушайтесь ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам». Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям божиим» («Прав. вестник» 1902, 3 сентября, № 192, стр. 1).

[5]) Янсон, Юлий Эд. (1835—1892), проф. статистики Петербургского университета, автор книги «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах». С приложением очерка правительственных мер по переселению крестьян после издания положения 19 февраля 1861 г. СПБ., 1881.

[6]) Пушкин, Евг. Алексеевич (1845—1915), сенатор с 10 ноября 1903 г.

[7]) Стороженко, Тарас Евт. (34 лет), и Коркишка, Влас Яковлевич (20 лет), судились 5 октября 1902 г. харьковской судебной палатой за «разграбление экономий» Чеботарева и Коломийца; Подгорный, Севастьян Дементьевич, судился 5 октября 1902 г. за разграбление экономии Попова; Полторак, Илья Кондратьевич, судился харьковской судебной палатой 12 октября 1912 г. за разграбление Варваревского управительства Карловской экономии; Пацула, Петр Каллиникович (25 лет), и Шалдуга, Семен Сильвестрович (32 лет), судились 5 октября

1902 г. харьковской судебной палатой за «разграбление экономий» Коломийца и Трегубова.

[8]) Оболенский, Ив. Мих., в 1902 г. — харьковский губернатор; с 1904 г. — финляндский генерал-губернатор.

[9]) Бельгард, Александр Карл., полтавский губернатор с 1896 г., потом — начальник главного управления по делам печати.

[10]) Ширков, Валериан Валерианович, валковский уездный предводитель дворянства с 1892 г.

«Князья церкви».

(*Из дневника А. Н. Львова.*)

Печатаемый ниже дневник принадлежит перу А.Н. Львова, заведывавшего архивом и библиотекой синода в 1889—1901 гг. А. Н. Львов по своему происхождению и образованию (окончил Петербургскую духовную академию), а также службе был тесно связан с церковной средой, описанию которой и посвящен целиком его дневник, начатый 23 февраля 1891 г. и оканчивающийся июнем 1898 г. *).

В годы, охватываемые записями Львова, организация «Российской православной церкви» представляла собой весьма мощное целое. В начале царствования Николая II Россия в церковном отношении делилась на 64 епархии, возглавлявшихся тремя митрополитами, шестнадцатью архиепископами и сорока шестью епископами, которым подчинено было 36 тысяч церковных приходов. Идеологическое и административно-хозяйственное руководство этой организацией принадлежало «святейшему синоду», состоявшему из обер-прокурора, трех митрополитов и небольшого числа вызывавшихся из епархии архиереев. Фактическим главой синода был не «первоприсутствующий» митрополит, а обер-прокурор синода, alter ego царя, т. е. светской власти, превратившей церковь в «ведомство», осуществлявшее функции одной из частей государственного аппарата самодержавной монархии.

В «ведомстве православного исповедания» в 1894—1895 гг. насчитывалось почти 100 тысяч человек так наз. «белого духовенства»; число монахов и монахинь в 1894 г. достигало 16 000 человек, — к ним надо присоединить 28 700 «послушников», т. е. лиц, готовившихся к принятию «иноческого чина». Эта громадная армия тунеядцев имела в своем распоряжении в 1894 г. 46 000 церквей и 17 768 часовен и молитвенных домов; в одном 1895 г. было построено вновь 7 соборов и 562 церкви. В начале царствования Александра III монастырей, «иноческих обителей» и архиерейских домов насчитывалось 631, а к началу царствования Николая II число их возросло до 774. И, надо сказать, количество церквей и духовенства непрерывно росло с каждым годом. Синод и самодержавие не жалели средств на строительство новых церквей и на содержание обслуживавшего их поповского аппарата. Церковь стремилась, кроме того, захватить в свои руки народное образование путем организации церковно-приходских школ и школ грамоты. К январю 1 898 г. насчитывалось 1 8341 церковно-приходских школ и 21501 школ грамоты с числом учащихся до 1½ миллионов. Это был суррогат народного образования даже по сравнению с земскими школами. Тем не менее школы эти насаждались при живом

*) ЛОЦИА. Историко-Культурный Отдел Архивохранилища Народного Хозяйства, Культуры, Быта и Права.

содействии правительства, ибо задачей этих школ, — как говорилось в отчете обер-прокурора синода за 1892/93 г., — было «пробудить, развить и утвердить в учащихся чувство любви к богу, святой церкви, ее уставам и священодействиям, чувства верноподданнической преданности и любви к царю и отечеству». Самодержавие видело в церкви своего вернейшего союзника, притом не союзника поневоле, как это хочет представить автор публикуемого дневника, а своего единомышленника, ибо православная церковь и идеологически и материально неразрывно связана была с самой природой буржуазно-помещичьей монархии в России. Сращивание церкви и романовской монархии было полное и прочное, и это чрезвычайно наглядным образом показано в публикуемом дневнике.

Историческая ценность дневника, освещающего положение «господствующей» в России православной церкви на стыке двух царствований — верного ученика К. П. Победоносцева, Александра III, и Николая II, расплодившего целую плеяду столь скомпрометировавших самодержавие на его закате церковных авантюристов — Распутина, Питирима, Варнавы и проч., — несомненна. Автор дневника весьма ярко рисует разложение верхушки церковного аппарата, состоявшей из карьеристски настроенных архиереев и светских чиновников, кормившихся от церковного пирога. Автор по своим взглядам принадлежал к тому либерально-оппозиционному направлению в среде церковной бюрократии, которое было недовольно, с одной стороны, засильем монашества, захватившего в свои руки верхушку церковного управления, с другой стороны — «произволом» «светской власти» в лице Победоносцева, Саблера и др., одинаково бесцеремонно распоряжавшихся судьбой как «белого», так и «черного» духовенства. Львов с пафосом негодования говорит о том, что при Победоносцеве (как будто этому причина — Победоносцев) «церковь идет на буксире государственной власти», что у церкви «нет собственной власти, собственной головы, мыслей, желаний и идеалов».

Служебное положение давало Львову возможность наблюдать вблизи то, что происходило в «главном штабе» поповско-монашеской организации: здесь, в синоде, делалась высшая церковная политика, здесь шла лютая борьба черных «князей церкви» за власть и доходнейшие места, отсюда шло планомерно организуемое религиозное одурачивание народных масс, здесь ярче чем где-либо выявлялось подлинное лицо огосударствленной церкви, осуществлявшей классовую политику буржуазно-феодальной монархии Романовых.

Но автор — монархист и, видимо, без колебаний православный человек — воспринимает все наблюдаемое односторонне, исключительно с конфессиональной точки зрения. Вид «бодающихся» митрополитов, архиерейское невежество, карьеризм, разврат, деспотизм, угодничество, пресмыкание перед обер-прокурором и т. д.—возбуждают в нем только моральное осуждение. Его критика церковных дел идет, в сущности, не дальше персонификаций всего того, что и само по себе, с объективной точки зрения, является отвратительным. Львову кажется, что эмансипация церкви от влияния Победоносцева и К°, изгнание «хлыщей» Храповицких, «биржевых маклеров» — Смирновых и Васильевых из церковного аппарата, реформа духовно-учебных заведений и т. п. могли бы «возродить» церковь и дать ей силу «спасительно» влиять на общество. Идеи Львова в модернизованном виде нашли свое выражение уже в наше время в потугах

«обновленческих» реформ культа и некоторых частностей вероучения, чтобы спасти роль церкви в современном обществе. Однако ни Львов, ни его эпигоны не понимают самого главного. Переход руководства организацией общества к авангарду трудящихся — пролетариату, свободному от религиозных предрассудков и борющемуся со всяческой эксплоатацией, чем бы она ни прикрывалась, а также успехи марксистской науки, разоблачающей на каждом шагу веками державшееся на народной темноте и внедрявшееся государственным насилием церковное миропонимание, делают безнадежными все мечты о гегемонии поповства на земле.

Тем не менее, научно-историческое значение дневника Львова несомненно. Он дает любопытную картину жизни и деятельности черного штаба церковной организации православия в историческом аспекте — незадолго до первой революции, которая вскрыла подлинное лицо церкви, как союзника эксплоататорских классов и самодержавия.

Текст публикуемого дневника подготовил к печати А. К. Дрезен; примечания составлены А. С. Николаевым и З. И. Гурской.

1891 ГОД.

Февраля 23. — Решаюсь писать дневник. Говорю: решаюсь — потому, что дневник естественно писать людям, стоящим у кормила правления, высокопоставленным, много знающим. Их дневники для потомства — дорогие материалы, проливающие свет на исторические события, их мотивы, влияния разных лиц, разные обстоятельства, способствовавшие или задерживавшие их развитие. Таких сведений в официальных документах нет. Архив научил меня особенно ценить всякие частные сведения относительно событий прошлого. Просматривая постоянно массу дел, приходится убедиться, что на основании только их одних невозможно писать историю. В официальных документах или все сглажено, выбелено, или и совсем выпущены те мотивы и обстоятельства, по которым и при которых совершилось известное дело. С другой стороны, мы, маленькие люди, часто слышим и знаем то, что весьма старательно скрыто бывает от великих мира сего. Ввиду всего этого и решаюсь писать. Быть может, и в моем песке и соре найдется какая-нибудь крупица, которою воспользуется кто-нибудь не без пользы для дела.

Март. — Начальство посылает в Харьков по возбужденному тамошним архиереем (Амвросием Ключаревым) вопросу о необходимости уничтожить некоторые дела из консисторского архива [1]). Прелюбопытное ходатайство. Мотивом для него служит то, что в архиве очень тесно, а между тем для делопроизводства они не требуются. Смотря на дело с этой точки зрения, архиерей представил к уничтожению все дела, касающиеся истории церквей, монастырей, лиц и т. п. Словом, обнаружил полное историческое невежество, что он созна-

тельно повторил мне и при личном разговоре, выразившись: «А для чего ваша история?»

22 марта. — Вот я и в Харькове. Консисторский архив надеюсь сберечь, но архив бывших духовных правлений, перевезенный Филаретом Гумилевским [2]) в Харьков и помещенный в консисторском здании, кажется, погиб. Дело в том, что он помещался на чердаке того здания, где помещалась консистория. Амвросий, пользуясь своею близостью к Победоносцеву, выпросил 85 тысяч на постройку нового консисторского здания. Прежнее же, историческое, где с 1726 г. помещался знаменитый Харьковский коллегиум, присвоил своему монастырю и сломал в пользу оного, о чем харьковцы сильно жалеют. При ломке дела с чердака бросали прямо на землю и лопатами сгребали в подвал архиерейского дома, где они теперь представляют громадную массу отдельных листов. Здесь Амвросий держит всех в страхе, опираясь на свою близость к обер-прокурору. Но, очевидно, его никто не любит.

Познакомился с известным о. Буткевичем [3]). Человек, несомненно, умный и энергичный, но близость к архиерею, кажется, заставляет его смотреть на многое не своими глазами и говорить не своим языком. Ректор семинарии протоиерей Кратиров на все убеждения — пойти в монахи уклоняется, чем, конечно, возбуждает против себя теперешних деятелей, во что бы то ни стало желающих завербовать хоть несколько порядочных лиц в монахи. К сожалению, это редко удается. Идут в монахи одни только карьеристы 96-й пробы, драпируясь, конечно, в мантию спасения и благочестия. Даже пресловутый Антоний Храповицкий [4]), ректор Московской духовной академии, к которому я заезжал, возвращаясь в Петербург, оказывается чистокровным карьеристом, разыгрывающим свою роль на почве якобы возбуждения молодежи к высшей духовно-нравственной деятельности. Всюду он ищет популярности. В мире его прямо назвали бы хлыщом, а под покровом рясы, да еще черной, при видимом смирении и благочестии, он на первый раз представляется деятелем и даже для многих симпатичным. Но многие уже раскусили его и оценили по достоинству. Но это еще сравнительно один из лучших. А что сказать об остальных? Полное и нравственное и умственное убожество!

15 апреля. — Слышно, что Амвросий харьковский потерял свой престиж в глазах обер-прокурора и просится скорее на епархию, чтоб не возвращаться в Петербург. По возвращении я был у него и вынес убеждение, что он легковесный в нравственном отношении человек. Даже сдал и по уму.

1 мая. — Положение Амвросия, действительно, поколебалось, что заметно и из отношения к нему Саблера и из слов его о первом.

Леонтий [5]) уезжает преогорченный, что киевская кафедра не достается ему. Его утешают Владимиром 1-й степени. А стоит ли он утешения? В нем решительно не заметно ничего серьезного. И для чего это существуют до сей поры ордена для архиереев и духовенства? И без того первые самолюбивы и честолюбивы до невозможности. А ордена и тех и других совершенно развращают. Или для того существуют ордена, чтобы при помощи их держать награждаемых в руках? Иначе многие из архиереев и заговорили бы... А есть о чем, потому что церковью управляет не иерархия, а синодские чиновники, и не на основании канонов, и даже законов, а по своему хотению — произволу...

Октябрь 3. — Вчера получено известие о смерти киевского митрополита Платона. Он часто наших чиновников бил не в бровь, а в глаз. За это они его страшно не любили и всячески давали ему чувствовать свое всесилие. Года четыре-пять он представил проект преобразования консисторского устава. Но так как теперешний устав есть прекрасная ширма для произвола властей, к чему собственно и стремится как епархиальная, так и центральная власть, то проект этот положили, конечно, под сукно. Старец много раз напоминал о нем, и Притычкин *) постоянно обещал ему рассмотреть. Теперь, к радости Притычкина, старец не напомнит. Не любил почившего и Исидор [7]). Этот боялся популярности Платона, особенно среди высшего светского общества. Вероятно, Леонтий варшавский сходит теперь с ума от боязни, как бы ему опять не проспать Киева. Этот нисколько не скрывал своей ненависти к Платону за то только, что он долго живет и мешает Леонтию надеть белый клобук. Особенно очевидно и резко это бросалось на заседаниях синода. Но то-то будет для Леонтия скандал, если Притычкин устроит туда кого-нибудь другого!

Господи, до чего оскудел преподобный! **) За последнее время стали посвящать в архиереи один другого глупее и пошлее. Вот недавно назначили в Америку Николая Зиорова [8]). Это убожество и умственное и нравственное. Между тем, едет представителем православия в Америку. Двадцать два года ищут туда архиерея и находят один другого хуже. Кто виноват, где причина? Она кроется в том, что церковь управляется не собором — синодом, а вся власть церкви централизовалась в руках обер-прокурора, а в настоящее время, еще хуже, — его няньки — Саблера-Притычкина. Последний, как человек без всяких умственных и нравственных принципов, действует под влиянием бог знает чего. Несомненно только, что он приносит страшный вред всему, к чему только прикасается.

---

*) В. К. Саблер [6]).

**) Митр. Исидор.

18 октября. — Пять архиепископов целых две недели не спят, не едят и не пьют. Их преследует страшный кошмар в образе будущего киевского митрополита. Не то им страшно, что сам он не попадет на митрополию, а то, что туда могут назначить его врага, младшего по службе. Павел казанский [9]) и экзарх Палладий [10]) не стесняются ни пред кем, понося и унижая один другого, и все потому, что то один, то другой возвышается. Кандидатами на митрополию называют: Леонтия, Сергия херсонского [11]), Амвросия харьковского, Павла казанского и Палладия-экзарха. Последний, пользуясь своим пребыванием в Петербурге, кажется, сильно хлопочет об этом. Но едва ли это не самый слабейший из всех кандидатов. Своим возвышением он обязан исключительно своей благоглупости и уменью всегда ходить с чиновниками и Исидором.

20 октября. — Самое большое зло в Петербурге — это особенно развившаяся за последние 10—15 лет протекция при определении на места. Приди к Исидору ординарный профессор академии, учитель семинарии, заслуженный протоиерей и только что окончивший академию юноша, он определит на место последнего, если, конечно, тот заручится протекциею какой-нибудь женщины [12]). То у него была известная Матрена в 60—70-х гг., которая имела влияние даже на выбор архиереев. Теперь же есть какая-то Диккер да начальница Исидоровского училища Слепцова. Эти две госпожи правят и вертят всем в епархии.

10 ноября. — До чего сделалась затхлой атмосфера в духовном ведомстве, и сказать трудно. Все сконцентрировалось около желаний и угождений Победоносцеву [13]). Все и все живет и дышит им. А что он сам представляет? Спеленатого Саблером ребенка или загипнотизированного им же человека. А что такое Саблер? Человек, говорящий на всех языках, имеющий энергию невероятную, занимающийся всем, кроме синодальных дел, а, в общем, человек без всяких решительно принципов, без всякого направления и характера. Это человек, которому не только некогда почитать, поговорить о деле, но даже который едва ли когда и думает о чем-нибудь. С 7 утра и до 12—1 часа ночи он, как ртуть, везде двигается, устраивая монахов, монахинь, собирая вокруг себя толпы нищих и т. д. Недаром Исидор назвал его «Притычкиным». Дело было так. Члены совета общества распространения религиозного нравственного просвещения весною всегда представляются in corpore Исидору. В 1889 г. их было человек 10, в том числе и я. Исидор принял нас, по обычаю, в гостиной, и мы сидели и беседовали с полчаса. Вдруг докладывают: «Генерал Саблер». Исидор, благословляя его, и говорит вслух: «Те же и Притычкин». Глаза его в это время, обычно бесцветные и безжизненные, блеснули каким-то лу-

кавым огоньком. Саблер же перевернулся, опустился, но чрез момент — как ни в чем не бывало. Впрочем, Исидор очень часто пробирает его подобным образом. Несомненно, что он в душе прекрасно понимает этого хлыща. Главное, у этого человека нет никаких нравственных правил и принципов. Все его благочестие и нравственность напускные, ради карьеры, влияния. Все уверены, что, явись вместо Победоносцева обер-прокурор новый — Толстой, — и Саблер, ничтоже сумняся, пойдет плясать по его дудке. Как же должен чувствовать себя тот, кто видит всю эту заказную пляску паяца и сознает, что от того или другого движения этого паяца зависит всецело судьба русской церкви?

20 ноября. — Наконец, вопрос о митрополитах решился. Иоанникия [14]) сперли в Киев, а на его место попал Леонтий. Распустили слух, что Иоанникий будто бы не поладил с новым генерал-губернатором вел. князем Сергеем Александровичем. Но это вздор. Вернее сказать, что он вооружил против себя Притычкина, и этот последний дает себя чувствовать митрополиту. Говорят, что последний раз не принял Притычкина на подворье в виду монахов. Притычкин, конечно, затаил злобу до поры до времени. Но мне приходилось от него слышать недвусмысленные выражения относительно гордости Иоанникия. Несомненно, что он сумел убедить Победоносцева в необходимости перевода. Мало этого, — чтобы не дать Иоанникию возможности разоблачить дело, устроили так, что нынешний год не вызывают в синод ни одного митрополита. Вместо же их вызвали Сергия херсонского и Феогноста владимирского [15]).

Декабря 1. — Впрочем, кого ни вызови в синод, результат будет всегда один. Весь центр тяжести не в синоде, а в канцелярии его. Что захочет сделать управляющий, то и будет. Он хочет дело доложить, — докладывают; не хочет, — по его приказанию составляется от имени синода определение, подписывается членами и приводится в исполнение. А если случается, что члены заартачатся и захотят известное дело решить по-своему, то для этого у нас употребляют и такой маневр. Откладывают дело до лета, когда вместо членов бывают так называемые статисты, т. е. архиереи, вызванные специально на летние месяцы, когда члены — митрополиты отсутствуют. Их вызывают для того, чтобы составилось известное число, без которого заседание считается недействительным. Tres faciunt collegium. И вот этим-то статистам предлагают подписать угодное чиновникам решение по тому делу, по которому уже состоялось действительное определение синода, не угодное чиновникам. Те, понятно, подписывают, и вот иногда митрополиты, помнящие, как они решали известное дело, получают указ, где говорится, что св. синод определил по этому делу совсем другое. Бывали случаи, когда Иоанникий спрашивал по приезде в синод

в заседании, каким образом могла случиться перемена. Притычкин обыкновенно с самою невинною улыбкою объяснял святым отцам, что летом дело было передоложено, и св. синоду благоугодно было перерешить ввиду некоторых новых обстоятельств этого дела. Что станешь говорить против таких аргументов? Но бывает и еще курьезнее. У нас теперь судное отделение имеет очень хорошего, честного и стойкого обер-секретаря Ф. Ф. Черновского и секретаря Н. Ф. Маркова — юриста и поклонника новых судов, т. е. тех принципов, которые вложены в основу этих судов. Им нередко приходится и возмущаться и страдать по поводу тех решений, какие постановляет и синод и еще чаще Притычкин, основывающийся на «частных слухах» и «особых соображениях». Поэтому бывает нередко, что в видах справедливости или человеколюбия они некоторые дела, предназначенные Притычкиным оставить без последствий и совсем не докладывать синоду, пользуясь его частыми командировками, докладывают, и по ним получается решение, несогласное с «частными слухами» и «особыми соображениями», а такое, какого требовало существо дела. Понятно, что архиереи, которые сообщили ему эти «слухи» и «соображения», высказывают ему свое недовольство на такое решение. Притычкин, подивившись, каким образом это могло случиться, с развязностью объявляет архиерею, и часто еще через третье лицо, что сделать теперь уже ничего нельзя, так как указ уже послан, но «владыка де волен исполнять и не исполнять сей указ». Такой деморализации уже трудно себе и представить. Кажется, уже дальше и итти некуда.

1892 ГОД.

20 января. — Саблер едет в Москву производить ревизию консистории и, говорят, едет на две недели. Вызывается ревизия будто бы злоупотреблениями секретарей. Но все это вздор. Злоупотребления секретарей есть везде. В Петербурге на глазах у всех делаются невозможные вещи. К тому же Саблер по природе своей не может сосредоточиться на одном деле в течение двух дней. А тут вдруг ревизовать консисторию целых две недели. Он, кажется, в Симбирске ревизовал ровно два часа, и об этом занесено было во всеподданнейший отчет. Очевидно, здесь хотят доканать Иоанникия в том смысле, что найдут в его консистории массу беспорядков, сообщат ему об этом и, так сказать, безмолвно покажут, что если он и дальше будет хорохориться, то ему всегда могут утереть нос фактами. Вот истинный смысл этой ревизии.

8 февраля. — Прежняя соборная формула была такова: «Тако изволися духу святому и нам». Теперь можно говорить короче:

«Тако изволися Притычкину». Победоносцев совсем не имеет характера и воли. Такой ловкий человек, как Притычкин, вертит им, как только хочет. Да и не он один. Всякий, кто обладает нахальством, выделывает, что хочет.

20 февраля. — Скончался Вениамин иркутский [16]), и по поводу его смерти опять поднялись разные толки о сибирской миссии. Князь Мещерский в «Гражданине» всячески усердствует и доказывает, что эта миссия, одухотворяемая Вениамином, употребляла только насилие для обращения бурят в христианство и совершенно была чужда духа христианства [17]). Мысль эта настойчиво высказывается и в печати, и в обществе. Странно, что Победоносцев, уважая Вениамина, не провел его проекта о бурятах. А между тем Вениамин был вызван в Петербург исключительно ради этого вопроса.

10 марта. — Вчера был у А. Н. Майкова [18]). Встретился там с известным доктором-бурятом Бадмаевым. Он читал свой проект об основании Сибирского общества, целей которого указал так много, что едва ли мы в состоянии хотя что-нибудь осуществить. Ведь мы к самостоятельной деятельности, к самостоятельному изучению наших нужд и вообще самих себя, и притом к изучению только из чистой любви к делу, еще не привыкли. Возьмите все наши ученые и другие общества. Есть там человек, который умеет нас привлечь тем или другим, и дела общества процветают. Нет такого человека,—общество умирает. Много говорили о сибирской миссии, Вениамине. Бадмаев сообщал интереснейшие факты, но несомненно, что он не чужд некоторой партийности и односторонности в своих взглядах на миссионерство. Но, с другой стороны, вероятно, и с нашей стороны есть увлечения.

15 мая. — Давно я не открывал своего дневника, да и зачем? Все приходится писать только об одном, — что у нас в духовном ведомстве делает все Саблер и притом как делает! Впрочем, теперь приходится отметить главное выдающееся событие — назначение Саблера товарищем обер-прокурора. Совершилось давно жданное им и его приспешниками. Чего, чего не распускалось относительно Смирнова! [19]) Года три тому назад Саблер даже выразился, что «он не хочет переходить через его труп». Но, наконец, должно быть, надоело ждать... Говорят, что последнею каплею, переполнившею чашу терпения Победоносцева, в этом деле было следующее обстоятельство. Ныне, в четверг на страстной неделе, была именинница жена Смирнова. Последний, как любитель поиграть в карты, причастился в среду и в четверг пригласил ближайших знакомых повинтить. Саблер, живущий визави, по одной лестнице, пронюхал об этом и донес будто бы Победоносцеву.

15 и ю н я. — На место Саблера назначен Керский [20]), на место последнего Миропольский [21]). Первый — высохший чиновник, зараженный еще громаднейшим самомнением и, вместе, беспрекословнейший раб Саблера, по крайней мере, по наружности. Дел совсем не знает, занимается только исправлением стиля в синодских журналах и протоколах вроде следующего: один раз исправит, что слушали дело «по прошению», в другой — «вследствие прошения», или: «по жалобе» и «вследствие жалобы» и т. п. Что касается Миропольского, то нравственный его кодекс исчерпывается следующими его словами: «В духовном ведомстве настало теперь время, когда нужно рвать что можно и как можно». Говорят, что он явился к Победоносцеву и расплакался, прося его определить помощником управляющего. Итак, получилась замечательнейшая тройка, которая по лености архиерейской, из честолюбия и корыстолюбия, будет вести русскую церковь. Но куда?

7 и ю л я. — Чудные дела творит Исидор. После своей болезни, бывшей на страстной неделе, он совсем уже подпал влиянию баб. Те, что хотят, то и творят; кого хотят определять на места в Питере, те только и определяются. И все это творится открыто, все во всеуслышание говорят, что такой-то дал то-то, столько-то и за это получил место. Говорят, что будто бы Притычкин несколько раз подъезжал к нему с соболезнованием относительно его слабости, трудности управляться с делами и т. п. и предлагал «для сохранения драгоценной жизни старейшего иерарха» передать временно дела управления епархией викариям. Но Исидор, несмотря на лета и болезнь, ясно видит, куда метит Притычкин и что выйдет, если он хоть на один день передаст власть свою в руки викариев [22]). Она уже к нему никогда не возвратится. Поэтому он всегда отвечает ему будто бы, что «привык за 58 лет своего архиерейства управляться с делами и надеется не расставаться с ними до конца дней своих».

12 а в г у с т а. — Исидор после четырехмесячного отсутствия из синода (после пасхи) появился на один раз в заседание и, говорят, целые два часа потешал публику рассказами, анекдотами и пробираньем Притычкина. Докладывалось дело по представлению московского митрополита Леонтия об увеличении жалованья служащим в московской консистории. Увеличение предположено сделать на счет церквей и монастырей. Это дало повод Исидору посмеяться над Леонтием, решившимся обирать церкви и монастыри ради чиновников. Притычкин попробовал, было, сказать, что «он говорил сам с настоятелями и настоятельницами монастырей, и они выразили ему полное у д о в о л ь с т в и е к этой мере». Тогда Исидор без всякого стеснения стал выпучивать Притычкина, предлагая ему на разные манеры вопросы относительно «удовольствия настоятелей и настоятельниц

давать церковные деньги чиновникам». Даже, говорят, Притычкин смутился этому. Заговорили, было, об общем пересмотре консисторского устава, но Притычкин сейчас свильнул на то, что это дело очень серьезное, о котором «они» много думают, но что теперь обстоятельства к этому не благоприятствуют. Тем дело и окончилось.

19 октября. — Какая масса событий случилась за это время по духовному ведомству! Прежде всего помер Исидор! С его смертью, конечно, у Притычкина развязаны руки. Делай, что хочешь. Положим, и Исидор был человек без всякого направления, оппортунист, но он по временам для поддержания собственного престижа, чтобы показать, что он — старейший и первенствующий член святейшего синода, давал Притычкину отпор. Иногда схватывался даже с самим обер-прокурором. Положим, в конце концов он давал уговорить себя или, точнее, обделать себя Притычкину, но показывал вид, что подчиняется необходимому злу. И были люди, которые верили всей этой комедии. Они говорили: владыко и хотел сделать как следует, да чиновники на него насели и сделали по-своему. Хитрый был старик.

20 октября. — Сколько ходит слухов и толков относительно Исидора и его отношений к какой-то М. И. Диккер! Никто не может понять причины ее влияния на старика, но только хорошо всем известно, что это влияние было неотразимо и могущественно. Мало того, что она влияла на ход епархиальных дел, определяла, говорят, за деньги на места, но будто бы очень много повытаскала у старика денег и вещей. Рассказывают, что панагии и кресты, жалованные ему из кабинета и имевшие драгоценные украшения, теперь оказались с поддельными камнями. Бесчисленное количество икон, поднесенных ему в юбилей, тоже исчезло. Положим, он, должно быть, их много и роздал, но, говорят, которые побогаче, тоже очутились у этой женщины. Известно, что он устраивал для нее дачу в Петергофе. План ее нашли в его бумагах. Общее состояние митрополита 130 тысяч рублей. И здесь предполагают недочет. Лавра [23]) и, в частности, наместник ее Исаия — из мужиков — показали себя вполне достойными представителями современного монашества. Небрежное отношение к митрополиту началось еще во время болезни Исидора, когда обнаружилось, что он не встанет. Но возмутительно было смотреть как лавра жалела свечки на панихидах. Даже воздух [24]) на митрополита положили грязный и старый, что Исаия мотивировал тем, что «не рознить же из-за воздуха целую ризницу». Впрочем, в этом виноват и сам Исидор. Во-первых, он наставил в лавре мужиков, от которых и ждать нельзя ничего лучшего. Во-вторых, он не оставил ни копейки на похороны. Было, говорят, прежде определено на этот предмет 4 тысячи руб., которые и находились в духовном соборе. Но в последний год Исидор взял их.

Опять будто бы влияние Диккер. Негодуют все, что он ничего не оставил на учебные заведения, что библиотека его, весьма богатая, не завещана в академию. Родственники, их же несть числа, тоже недовольны, что им досталось очень мало. Все недовольны, и все с радостью ждут, что дальше будет лучше. Но будет ли? Может ли быть лучше, когда все зависит от чиновников?

25 октября. — Обнародовано высочайшее повеление о назначении Палладия митрополитом с.-петербургским и ладожским, а Владимира самарского [25] — экзархом Грузии. Никто, конечно, этого не ожидал, особенно же назначения Владимира, который и сам в ответной телеграмме на извещение о назначении говорит, что «не ошибка ли это?» Все ожидали митрополитом Иоанникия. Правда, можно было с уверенностью сказать, что добровольно Литейная [26] никогда не согласится на это назначение. Ведь это значило бы связать себя по рукам и ногам. Иоанникия трудно уламывать. Вероятно, в этих ожиданиях сказались надежды всех освободиться от того произвола, который всеми чувствуется от деятелей Литейной. Ведь они скоро сделаются такими же популярными, что их будут называть этим нарицательным именем, как называют в Константинополе фанариотов [27].

3 ноября. — Академия провожала своего ректора Антония [28], назначенного архиепископом финляндским. Проводы, говорят, были очень торжественны, многолюдны. Но вопрос в том, что, действительно, за личность Антоний? Студенты, с которыми мне приходилось говорить о нем, относятся очень сдержанно. Они указывают на некоторые факты, рекомендующие его как человека, имевшего в виду личные задачи и ради этого жертвовавшего интересами академии и даже студентами. Вообще его танцеванье пред Литейною — вещь крайне несимпатичная, а он в последнее время сильно и для всех очевидно плясал.

5 ноября. — Любопытные бумаги остались после Исидора и сданы в архив [29]. Правда, их должно быть больше. Так, нет писем архиерейских, которые, несомненно, были, так как ему все писали по разным делам. Особенно большой пробел за толстовское время [30]. Нет решительно ни одного слова. Между тем известно прекрасно, что в это-то время реформ всяческих особенно шла живая переписка между архиереями. Многие просили у него совета, многие прямо протестовали против этих реформ. Куда девалась вся эта переписка? Ужели она уничтожена? Нужно будет повидаться с родственниками его и спросить.

7 ноября. — Бумаги Исидора в высшей степени интересны, но не столько в историческом значении, сколько в биографическом, относительно его личности. Все письма к нему за разное время и от

разных лиц я пересмотрел. Здесь, понятно, попадаются и исторически интересные штрихи. Но его дневник с 1 марта 1881 г. по 2 сентября 1892 г. и разные личные бумаги сданы запечатанными. О них я могу судить только по описи, довольно подробно и обстоятельно составленной А. В. Гавриловым и копию с которой я оставил для себя лично, и частию со слов сего последнего. В дневнике достается нашему светскому начальству по достоинству. Есть освещение весьма многих исторических событий. Но еще любопытнее частные его бумаги. Это все списки и записи его собственной руки относительно разных видений и предсказаний, бывших окружавшим митрополита лицам, например более всего архимандриту Исаии—наместнику, и разным бабам. Такой мистицизм, что, если бы не собственная рука митрополита, то никогда и никто не поверил бы, что эти бредни были ему присущи. Сравнивая дневник и эту ерунду, видишь двух совершенно противоположных Исидоров.

9 ноября. — В первом Исидор является тем холодным, рассудочным, практичным человеком, каким большей частью его все видели, и притом человеком, полным юмора, самого тонкого сарказма. Во вторых бумагах это — жалкий, дряблый старик, находящийся в руках ловких мошенников. Эти последние гипнотизируют его разными бреднями, и он пред ними совершенно бессилен. Этим только и можно объяснить то громадное влияние, какое имели на него, особенно последнее время, этот возмутительный мужик Исаия и бабы, из которых в особенности М. И. Диккер, определявшая на места за деньги и пр. У последней оказались бумаги митрополита. Об этом шепнули нашим властям. Обер-прокурор написал ей письмо с просьбою возвратить бумаги, так как к полиции прибегать не хотел ради скандала. С письмом поехал Гаврилов. Был интересный разговор относительно шкатулки, взятой Диккер пред смертью митрополита из его кабинета. Она не отвергает этого факта и говорит, что в шкатулке были ее собственные деньги, которые она отдавала митрополиту на хранение, уезжая на дачу. Передала, между прочим, и запечатанный печатями митрополита и ее пакет с бумагами. Гаврилов распечатал его и успел несколько просмотреть. Это, говорит, такой мистицизм, такие бредни, что трудно и представить. Между тем бумаги эти, по словам Диккер, назначались для передачи Иоанникию и чрез него государю. Это воля Исидора. Обер-прокурор, читая их, говорит, что Исидор был сумасшедший человек. Не знают, что и делать с этими бумагами. Боятся хранить, чтобы не компрометировать Исидора. Кажется, хотят их уничтожить вместе с сданными в архив мистическими же. Велено их представить в заседание.

12 ноября. — Но кроме Исидора они боятся и за себя. В его дневнике есть много весьма ценного и любопытного. Он, разбирая и

освещая какой-нибудь конкретный факт, выставляет все его стороны и показывает, как бы в интересах дела и церкви факт должен был окончиться. Но тут на сцену является Притычкин, и все изменяет. Достается по заслугам и «лучшему» из обер-прокуроров. Словом, дневник — драгоценнейший материал для истории церкви с марта 1881 г. Если уничтожат, это будет большая потеря.

13 ноября. — Был у нового экзарха Владимира. Он говорит, что едет с смущением. Да и есть от чего смутиться. Он совсем не знает края и его историю. Как же тут управлять им? Все одно, авось.

19 ноября. — Сегодня приезжает новый митрополит с.-петербургский Палладий. Устроили ему самую помпезную и глупейшую встречу. Говорят, что это усердствовал Притычкин. Церемониал напечатали в газетах. Все, конечно, смеются и говорят, что недостатки внутренние хотят восполнить внешним блеском. Так и во всем обычную пустоту, бессодержательность и глупость своих действий Притычкин старается прикрыть серьезными мотивами и высоконравственными побуждениями. Наступила непробудная ночь, непроглядная тьма. Не только написать, но даже и на словах нельзя сказать, что делают. Скверно. Все трепещет и преклоняется пред Притычкиным. Победоносцев совсем одряхлел и не видит, что он сделался игрушкой в ловких руках людей, пустых, глупых и крайне недобросовестных. Теперь с приездом такого первенствующего члена, как Палладий, пойдет еще легче для Притычкина. Последний будет управлять и епархиею и всею церковью. Удержа ни в ком не будет.

27 ноября. — Изгнание белого духовенства из состава синода, устроенное Победоносцевым якобы в интересах канонических и иерархических, есть не более не менее как хитрый обман публики. На самом же деле светская власть этим развязала себе руки. Кто бы теперь ни был в синоде зимою, сколько бы ни бился с светским произволом, как много ни откладывалось бы обер-прокурорских предложений «по их незаконности», все это ровно ничего не значит, так как летом, когда корифеи разъедутся по епархиям, а на их место вызовутся «летние» статисты, тогда всякое дело свободно пройдет. Теперь Притычкин не стесняется, так и говорит: «Это оставить до летних».

16 декабря. — Вчера было первое заседание у Палладия по вопросу об учебных заведениях. Дело держат почему-то в секрете. На заседании был Притычкин, — следовательно, своего архиереи ничего не только не сделают, но и не выскажут. И чего они боятся хоть потолковать-то одни? Семинарии, несомненно, деморализованы притычкинским режимом и его ставленниками. Везде наставлены ректорами и инспекторами мальчишки-монахи, которые, кроме собственного самолюбия и служения Притычкину, ничего не знают. Тактика у всех

одна. Все бывшее прежде их при духовенстве, — мерзость запустения. Они всех разгоняют и заменяют своими, причем действуют с крайним нахальством. Для них эта политика очень выгодна. Если что нехорошо, они оправдываются тем, что это результат прежнего. Если же ничего скандального не происходит, то они заслуги приписывают себе.

17 декабря. — Собрание архиереев, как и надо было ожидать, окончилось ничем. Прежде всего Палладий оказался уже вполне загипнотизированным Притычкиным. Остальные тоже не спелись. Иоанникий приехал с запискою, в которой прежде всего потребовал уничтожения теперешних ревизоров, которых он полагал заменить, как полагается по уставу семинарий, профессорами академий! Проект, очевидно, несостоятельный, и потому единогласно все архиереи высказались против него, указывая, что прежние академические ревизии можно назвать «пародиею». Тогда он предложил облечь ревизоров в рясы, чтобы они находились в большей нравственной зависимости от архиереев, чем находятся теперь ревизоры-генералы. Но и это признано неудобным. Тогда он остановился на том, чтобы ревизоры были не членами учебного комитета, а чиновниками особых поручений св. синода, и чтобы свои отчеты они представляли непосредственно сему последнему. С этим все согласились. Но какой же из этого может быть толк и смысл? Ведь ревизоры теперь сильны и может быть иногда неприятны архиереям потому, что они исполнители воли всесильного обер-прокурора. Значит, вся суть в нем. А если так, то чего же ходить кругом и около. Не лучше ли прямо и открыто поставить вопрос об отношениях светской власти к духовно-учебным заведениям и указать, что эти отношения ненормальны, что власть, долженствующая находиться в руках синода, узурпирована гр. Протасовым, насадившим для этого целый ряд бюрократических учреждений вроде духовно-учебного управления, канцелярии обер-прокурора и хозяйственного управления? Уничтожьте эти чиновничьи учреждения и передайте дело в руки непосредственно синода, и тогда, кто бы ни был ревизором, он будет слугою синода. А до тех пор какую кличку ему ни давайте, в какую шкуру его ни одевайте, — он все будет слуга обер-прокурора.

Высказаны были затем мысли о необходимости усилить духовно-нравственную настроенность в воспитанниках семинарий, усилить в них религиозность и, наконец, оградить богословскую науку от всяких вредных влияний. Для этого тот же Иоанникий предложил одеть всех преподавателей богословских предметов в рясы, а воспитанников старших классов заставить ходить раза три в неделю в церковь к богослужениям и усилить значение в семинариях духовников. Но что же

опять может выйти из этого? Ведь это — система католических семинарий, где она выработана веками и поддерживается папско-иезуитским началом. А у нас разве может это привиться?

Когда я учился в семинарии в шестидесятых годах, то у нас тоже старались воспитать религиозность длинными службами и заучиваньем, в виде наказания, псалмов и глав св. писания. Результат от этого получался как раз противоположный. Мы предпочитали просидеть всенощную в сквернейшей, грязной и душной сторожке, в бане, в хлебне, в дровах и сортирах, где зябнуть и мокнуть приходилось до костей, и всетаки не шли в церковь. А если инспекция загоняла, то забирались в темные углы, а летом на чердаки, и там происходила игра в карты, курение табаку, чтение книг и т. п.

19 декабря. — Обер-прокурор вчера сказал по поводу всех мыслей Иоанникия, что «он наговорил все в болото». Притычкин же радуется всему этому. С одной стороны, сами архиереи убеждаются в своей несостоятельности и волей-неволей должны броситься в объятия чиновников, а с другой, все подобные вышеизложенному проекты, сокращая круг знания и развития семинаристов, должны быть приятны Притычкину, так как с дураками он может легче справиться. Но, конечно, он и вида не показывает, а сидит на заседаниях, как овечка. Но зато за кулисами действует энергично.

Вот один из образчиков подобной его деятельности. Варшавский генерал-губернатор Гурко сообщил еще весною обер-прокурору о злоупотреблениях в холмско-варшавской консистории. Там, как оказалось по ревизии Чистовича [31]), была правильно организованная торговля правом возвратиться из православия в униатство и католичество. Дело обделывал несколько лет столоначальник-диакон, имевший в епархии везде своих подручных. Синод, выслушав доклад по ревизии,определил всю консисторию уволить. Но Притычкин настаивал еще и на том, чтобы сделан был запрос митрополиту Леонтию о том, каким де образом, управляя так долго епархиею, он не знал о таких безобразиях. Очевидно, здесь цель была та, чтобы насолить Леонтию, которого в семье Притычкина иначе не называют, как мужиком и невежею. Как Флавиан [32]) и Керский ни уговаривали Притычкина, но он, как товарищ обер-прокурора, настоял на своем. Леонтий, понятно, взбесился и подумал, что это интрига его преемника Флавиана. Когда же последний, оправдываясь, разъяснил дело, то митрополит захотел вывести дело на чистую воду и заявил синоду, что его рассматривали и решали летом при малом количестве случайных членов, не спросили у него никаких объяснений, и что он желает теперь снять с себя пятно и просит дело передоложить. Притычкин встрепенулся и поехал к Пал-

ладию. После переговоров с ним он приглашает в 1-м часу ночи секретаря Маркова [33]) и велит ему доложить дело на другой день, но так, чтобы составить из него «букет промахов и невнимательности Леонтия». «Мы его угостим на славу, — говорил он, потирая руки, — не забудет нас долго... Я переговорил обо всем с первенствующим»...

На другой день, лишь только началось заседание, как Палладий, сверх обыкновения, обращается к секретарю Маркову и говорит ему, чтобы он доложил варшавское дело. Понятно, что Леонтий сейчас же сообразил, что ему устроена ловушка, так как Палладий сам не мог знать, будет ли сегодня докладываться это дело и кто его будет докладывать. Марков, подойдя к пюпитру, стал в нерешительности, смотря то на членов, то на Притычкина. Последний сидел с самою иезуитскою физиономиею, опустив очи долу и как бы не слыша слов Палладия. Тогда Леонтий сказал, что он «теперь не желает этого доклада», что «незачем разрывать навоз», «мне хотелось только разъяснить кое-что членам синода, но теперь я отказываюсь от своего намерения». Тем дело и окончилось. И постоянно разыгрываются подобные истории.

23 декабря. — Если суждено когда-нибудь и кому-нибудь читать мой дневник, то читающий, вероятно, скажет, что я сильно и враждебно настроен против Саблера. Могу смело такого заверить, что лично я решительно ничего не имею. Я — маленький человек, делающий свое специальное дело, в которое никто не вмешивается, прежде всего потому, что ничего в нем не понимает. А потом, до архивов ли нашим дельцам? Ведь архив предполагает необходимость знания, серьезного труда, энергии, зрелой обдуманности. А у этих молодцов что есть? Ведь лучший, способнейший, энергичнейший и честнейший (в буквальном смысле) есть Саблер. Но что в нем есть, кроме внешности и светского лоска? Знание многих языков, ловкость, находчивость, пожалуй, наблюдательность и острословие и более решительно ничего. Ни знаний, ни принципов, ни убеждений. Все основано на случае, обстоятельствах и впечатлении. Можно ли такому человеку симпатизировать, особенно если видишь, что он, имея в руках громадную власть, пользуется ею по произволу, по личным симпатиям и антипатиям, а никак не для дела. У Притычкина к тому же под личиною доброты и заботливости существует еще страшный деспотизм. Ему ничего не стоит сделать какую угодно несправедливость, если только он встречает какой-нибудь намек на сопротивление ему.

28 декабря. — Митрополит Леонтий свалился. Объясняют, что он был сильно взволнован выходкой Притычкина, настоявшего на вышесказанном запросе и подстроившего новый доклад так, что Леонтий выходил во всяком случае виноватым. Хотя доклад и не состоялся, но, должно быть, Леонтий знал это. Во всяком случае, нужно сказать,

что с ним были и раньше припадки, обнаруживавшие склонность к удару. По сообщениям, дело его непоправимо. Значит еще сошел со сцены один митрополит. Итого в один почти год три митрополита умерли, а четвертый переведен!

31 декабря. — Еще окончился год. Какой можно подвести ему итог? В первом № «Церковного вестника» я написал статью «Отечественная церковь в минувшем году» [34]) и, собирая материалы, немного мог указать результатов правительственной деятельности в области церкви. Самое выдающееся было: тридцать переводов архиереев с одной кафедры на другую. Дело дошло до того, что Павла астраханского перевели в Могилев, а чрез две недели опять в Астрахань. Ясно, что Притычкин переводит зря, по первому впечатлению. И для чего развивают этот антиканонический, вредный во всех отношениях обычай? Как должны страдать епархии от этих частых перемещений и дела, не имеющие притом еще твердого и ясного основания в своем течении. К сожалению, это место ректор академии Борис, как цензор, не пропустил. Вероятно, он боится, как бы ему самому не пришлось зажиться на худой епархии. Но вместо этого он пропустил все касающееся узурпации власти св. синода чиновниками и, главным образом, обер-прокурором. Пропустил также и пожелания, чтобы наши семинарии как можно более соответствовали современным потребностям общества и жизни, а не были заведениями, устроенными на каких-то теоретических основах, с духовниками-иезуитами, с воспитанниками в подрясниках, с длинными волосами, ежедневно ходящими в церковь. Все предполагаемые теперь теоретическо-аскетические упражнения в семинариях, несомненно, поведут к развитию среди воспитанников иезуитизма. Фальшь, как бы она ни была благовидна, всегда порождает фальшь же. Иезуитизм предоставляет душе полный простор. Во что хочешь, в то и верь, кому хочешь, тому и молись, что хочешь, то и делай. Только прикройся церковностью. Ныне уже довольно много явилось таких субъектов. Саблер наплодил их и среди белого и, в особенности, среди монашествующего духовенства.

Интересно знать, обратят ли внимание на эту статью на Литейной. Если прочитают, то, несомненно, взбесятся, потому что она бьет не в бровь, а прямо в глаз.

1893 ГОД.

2 января. — Вести из Москвы самые неутешительные. Леонтий совершенно безнадежен. Если и поправится, то делами ни в каком случае не будет в состоянии заниматься. Положим, он никогда не был особенным деятелем, не имел особенных принципов и убеждений, плыл больше по течению и мнил о себе несравненно более, чем был

в действительности, тем не менее, как старый архиерей, у него были практические сведения и, кроме того, он любил проповедывать. Слова его хоть и не отличались ученостью и обилием мысли, но, как простенькие и коротенькие, были понятны и, вероятно, действенны на слушателей. Но ведь у большинства теперешних архиереев и этого малого нет. Они учились кое-как, после академии решительно ничего не читали, и когда сделались архиереями, то к науке и вообще книгам стали уже относиться враждебно.

8 января. — С «Церк. вестн.», кажется, что-то замышляют сделать. Палладий оказался крайне недоволен моею статьею «Отечественная церковь в минувшем году», увидев в отзыве об Исидоре намек на его беспочвенность. Л. Тихомиров, написавший в «Русском обозрении» статью: «Современное религиозное движение в обществе и отношение к нему духовенства» и получивший от меня же отповедь в 52 № «Церковного вестника», написал возражение в «Московских ведомостях» и прислал жалобу обер-прокурору. Вызывали ректора академии в качестве цензора, и редактора требуют к обер-прокурору. Палладий, говорят, требует от ректора имени автора статьи, а Борис, как бы не сознавая, что роль сыщика нейдет монаху-архимандриту, выбивается из сил, чтобы только найти виновного. Вот и пиши у нас! Как только увидят в зеркале свою кривую рожу, сейчас же зеркало бить...

27 января. — Теперь все наблюдают странные отношения между Палладием и Антонием выборгским. Последний — постриженник первого, и поэтому нужно было предполагать особенную приязнь между ними. Между тем Палладий, как человек крайне подозрительный и более всего ревнующий о своей славе, что свойственно натурам ограниченным и мелко-самолюбивым, увидал в Антонии своего конкурента в том смысле, что и духовное, и светское общество Петербурга более симпатизирует Антонию, чем ему, что Антоний перебьет у него популярность. И вот много было случаев, когда просили Антония, например, служить или просто присутствовать на каком-нибудь торжестве, но Палладий прямо и довольно грубо отклонял это, предлагая вместо Антония своего викария. Результатом этого явилась пока отчужденность, а затем, несомненно, будет и обостренность отношений.

2 февраля. — Злобу дня составляет иеромонах Арсений, возведенный Притычкиным в звание синодального миссионера. Помнится, я уже упоминал, что это невежественный и зараженный крайним самомнением начетчик, тип того деятеля, который выдвигается в последнее время в русской церкви благодаря взгляду прокурора и Притычкина на современные задачи русской церкви и духовенства и на средства деятельности. Они выдвигают людей, хотя и не особенно искусных

в книжном чтении, но зато несомненно, по их словам, преданных душою делу. В числе таких людей Ксенофонт Крючков и Арсений, оба — невежественные и плутоватые мужики-выжиги и оба — синодальные миссионеры. К этой же категории относится и Сергий Слепян — священник братского храма. Можно бы еще присоединить сюда несколько иноков и священников, составляющих одну продувную компанию, но я не буду забегать вперед с именами. Встретятся при случае — непременно отмечу. Теперь же возвращусь к Арсению. Последний, не допускаемый петербургским духовенством, и частью, даже полициею к чтениям и служению молебнов, при помощи которых он эксплоатирует общество, подбил кого-то пожертвовать землю в Гдовском уезде для устройства миссионерского монастыря. Палладий, не разобрав дела, представил его в синод. Там Иоанникий указал все несообразности условий пожертвования и главным образом то, что по этим условиям Арсений обязательно должен быть настоятелем этого монастыря. Антоний очень твердо заявил, что Арсений — личность невежественная, не могущая принести пользы делу. Просили все Палладия взять представление и предварительно пересмотреть и изменить некоторые условия, без чего синод затруднялся разрешить монастырь. Понятно, что Палладий, чувствуя свою опрометчивость, старался защитить представление и обещал исправить все после. Он даже очень резко выразился, что, если так будут ко всему придираться, то ничего нельзя будет и устроить хорошего. Возбужденный же возражениями Антония относительно невежественности Арсения, он, может быть, неожиданно для самого себя стал на защиту этой личности. И вот, чтобы доказать, что он прав в своем взгляде, выпустил Арсения беседовать вне богослужения в Исаакиевском соборе под смотрением кафедрального протоиерея. А чтобы привлечь побольше публики, объявили, что в антрактах будет петь полный хор исаакиевский и невский. Публика, конечно, рада послушать даровое хорошее пение, да еще во время масленицы и повалила «валом». Между тем совет общества распространения религиозно-нравственного просвещения, обсуждавший по поручению Палладия меры для борьбы в Петербурге с пашковщиной [35]) и, в частности, касавшийся деятельности Арсения, потому что совету было передано прошение «ревнителей православия со всего города Петербурга», где Арсений выставлялся единственным борцом, тогда как все приходское духовенство Петербурга и не умеет и не хочет ничего делать, — пришел к тому, между прочим, заключению, что миссионерская деятельность Арсения вредна и что ему нужно безусловно запретить всякие беседы. Отмечаю все это, как характерный факт современных течений и направлений. Интересно теперь знать, чем все это дело окончится.

10 февраля — Бывший черниговский губернатор Анастасьев, ныне член Госуд. совета, ходатайствует пред нашими генералами об открытии в Чернигове каких-то мощей [36]). Притычкин взял из архива дела об открытии мощей Митрофания и Тихона Воронежских. Бедные святые, до чего они дожили, что только по протекции генералов могут открыться их мощи!.. Но будет ли для кого польза от такого дела? Покойник Исидор в заседании синода раз довольно иронически высказывался о чудесах и чудотворных иконах. «Иногда, — говорил, — чудотворная икона начнет пользоваться большим уважением и таковое утвердится навсегда, а иногда скоро к ней охладеют. Вот, например, чудотворный образ, найденный около 60-х годов на Песках и поставленный в Исаакиевском соборе. Сначала народ безумствовал и чуть лавры не разнес, когда образ взяли в лавру для освидетельствования. Когда же перенесли в собор, то на первых порах было много молящихся, и мои соборяне выстроили несколько дач. А вот теперь все забыли об нем». Взгляд очень оригинальный и в известной степени верный.

12 февраля. — Синодальный миссионер Арсений вел три беседы в Исаакиевском соборе. Наговорил массу нелепостей, вроде того, что вне нашей церкви нет бога (после чего был пропет концерт: «С нами бог»), что богородица «искупает» нас от грехов (после этого концерт в честь богородицы) и т. п. Толстый протопоп исаакиевский Смирнов [37]), поставленный наблюдать за Арсением, сказал ему благодарственную речь, а почитатели поднесли адрес и икону. Словом, учинили всякий скандал. А между тем, когда председатель совета общества распространения религиозно-нравственного просвещения явился к митрополиту с представлением совета о противопашковских мерах и, между прочим, с взглядом на миссионерскую деятельность Арсения, то митрополит выразился о последнем, что «он — известный проходимец». Что же все это значит, куда приведет?

14 февраля. — Соборный протопоп Смирнов, наблюдавший за Арсением и сказавший ему благодарственную речь, возбудил против себя все мало-мальски мыслящее и честное духовенство. Его и так никто не любил, потому что он назначен был кафедральным, во-первых, не по заслугам, во-вторых, являлся исключительно ставленником Литейной и, в-третьих, сам по себе человек крайне антипатичный и низкопробный как в умственном, так и в нравственном отношениях. Ко всему этому Притычкин еще похвалялся на первых порах, что этим назначением они «унизили питерских попов», среди которых не нашлось ни одного достойного занять это место. Впрочем, теперь они, кажется, и сами не особенно-то любят Смирнова, потому что он слишком грубо проявляет своекорыстие в журнале, где вырезками занимается, гово-

рят, его семья и получает за это гонорар. Главным же образом он прорвался на своем учебнике, рекомендованном для церковно-приходских школ. Когда в синоде подписывали этот одобрительный протокол, то кто-то из членов прямо сказал: «А ведь сколько тысяч мы кладем в карман отцу Смирнову!» Хозяйственное управление заказывает ему обыкновенно сотнями тысяч, и они на первых порах назначали за экземпляр что-то очень дорого, больше, чем следовало. Это, наконец, обратило внимание даже Саблера, и он стал даже возмущаться и вслух говорить, что «такое корыстолюбие впору даже и отцу кафедральному». Исидор тоже не любил его, и, если заходила речь о нем, то он обыкновенно показывал вид, что не помнит его фамилии и говорил так: «вот есть в Исаакиевском соборе протопоп, — как его фамилия, не помню; ну, вот что из Москвы, толстый такой»... Этим он, конечно, показывал вид, что перевел его не по собственному желанию, а вынужденно и что даже не может помириться с этим.

16 февраля. — Обер-прокурор на-днях ездил в Москву, а теперь, говорят, уезжает Саблер. Причина этих поездок будто бы Леонтий, который, по слухам, совсем плох. Кроме того, слышно, он поет по временам неприличные песни, шумит, буянит. Все это соблазняет крайне москвичей. Нужно же его убрать куда-нибудь в укромный монастырь. Вот интересно. Если да—это дело выпадет на долю Саблера! Ведь по человеческим расчетам он был немалою причиною болезни Леонтия, так как по его настоянию был послан указ в Москву с требованием объяснений по варшавскому делу. К тому же, пред святками, когда Леонтий потребовал пересмотра при нем дела, то Притычкин так инструктировал секретаря-докладчика, что ему бы не вывернуться, что Леонтий понял и бросил свое намерение. Словом, здесь сказалось личное нерасположение Саблера к Леонтию, которое никогда не скрывалось. Но какие же нужны нервы, чтобы после всего происшедшего взять на себя еще обязанность устраивать сумасшедшего Леонтия!..

Есть слухи, что в Москву пошлют или Сергия или Антония. Первого как старейшего, а второго как протеже Победоносцевой. Последняя своим постоянным пребыванием при служениях Антония и чрезмерным покровительством чрез мужа Антонию начинает компрометировать последнего. Но, несомненно, что Антоний, всетаки желательнее митрополитом, чем Сергий. Не говоря уже о том, что Сергий — развалина и в физическом и в духовном смысле, он крайне несимпатичен, потому что со времен еще Московской академии, как рассказывал мне многие факты покойный П. Е. Покровский, главный священник [38]), проявлял себя человеком крайне фальшивым. И теперь он остался таким же: ломает из себя Филарета, но, конечно, дальше внешности это нейдет и не может итти.

17 февраля. — Вчера нарекали нового архиерея — Иоанникия викарием в Киев. Прежде он был ректором в Могилеве. Интересно, что этот новонареченный был пятым ректором в Могилевской семинарии в течение девяти лет. Следовательно, менее чем через два года меняются ректора. Значит, семинарии сделались ареною для иерархических прохождений и ступеней молодых монахов. Синод не обращает никакого внимания на эту аномалию. Он привык итти на буксире у чиновников и остается верным себе. Всмотревшись в деятельность синодальную, приходится убедиться, что он есть не больше, как ширма для чиновников, за которою они действуют по своему произволу. Что Саблер выделывает с молодыми монахами разные эксперименты, это тоже понятно. Он человек впечатления, а не мысли. Но чего же смотрит Победоносцев? Ведь он человек мыслящий, образованный, способный не только понимать, но и создавать известную систему. Ужели он не понимает, что отсутствие всякой системы в воспитании принесет, в конце концов, страшный вред. У нас же теперь в духовно-учебных заведениях не только нет положительной системы, но прямо происходит какая-то деморализация, и учебная, и воспитательная. Ректорами и инспекторами назначают, не говоря о том уже, что мальчишек в умственном отношении, но до очевидности нахальных в нравственном. Что же кроме деморализации они могут внести в среду учительскую и ученическую? Даже наш деревянный учебный комитет и тот сознает, что учебно-воспитательное дело стоит скверно. По его настоянию, председатель Парвов говорил неоднократно Победоносцеву, чтобы не назначали со школьной скамьи инспекторов, как имеющих особенно важное значение в семинарской жизни. И из этого ровно ничего не вышло. Прикрывается хитрый старичок тем, что ведь это назначает не он, а синод.

1 марта. — Кто пережил этот день в Петербурге двенадцать лет тому назад, тот никогда его не забудет. Первые дни после катастрофы все были больше заняты подробностями. Будущее было закрыто темною завесою. Хотя у всех была уверенность, что дальше начнется русское направление, так как известно было, что наследник не любил немцев, но никто не знал, как подействовало на нового государя 1-е марта. Начали ходить слухи, что в Гатчине собираются большие советы. У дел оставались все еще прежние лица. Накануне пасхи мне пришлось быть у Н. В. Исакова [39]) по поручению Московской комиссии народных чтений с просьбою выдать на пасху для народных чтений картины для волшебного фонаря, которые имелись в военно-педагогическом музее. Исаков принял меня очень любезно и долго расспрашивал о деятельности комиссии, о том, что способствует и что мешает ее развитию, о стремлении к образованию простого народа. Я, заручившись

его дозволением говорить откровенно, без всякой официальности, передал ему все, что действительно пережила комиссия, с которою хорошо был знаком по своей предшествующей в Москве деятельности в течение лет пяти. В заключение разговора Исаков встал и попросил меня передать Московской комиссии красное яйцо, состоящее в том, что с новым царствованием народное образование будет разливаться широкою и свободною волною и что дело народных чтений будет легко устраиваться всюду. То же мне подтвердил и В. П. Коховский [40]), к которому я зашел от Исакова, говоря, что у них теперь грандиознейшие проекты... Но через несколько дней мы прочитали, что все эти лица Милютин [41]), Лорис [42]), Абаза [43]), Исаков и др. вышли в отставку. Впрочем, их предсказания сбылись, хотя и не вполне. Дозволено было духовенству вести внебогослужебные беседы. Теперь всюду заводятся церковно-приходские школы и вообще духовенству вручается мало-по-малу дело народного образования.

6 марта. — Говорят, сегодня Притычкин едет в Новгород. Причины могут быть две. Или они Сергию обещают только Москву, а хотят дать ее Феогносту новгородскому, о чем ходят последнее время слухи, или Саблер хочет покончить с консисторией. Дело в том, что сразу же после смерти Исидора назначены были ревизии и в новгородскую и в петербургскую консистории [44]). В первой производил ревизию Чистович с секретарем Марковым, а во второй — Зинченко с секретарем Токмаковым. Несмотря на то, что о новгородской консистории, действительно, было всем хорошо известно, что она одна из распущеннейших в нравственном отношении, что она, пользуясь отдаленностью митрополита, его положением и доверием к консистории, делала дела, не стесняясь. Особенно там отличался член консистории протоиерей Павел Тихомиров. Человек — от природы неглупый, но, главное, с деловым направлением и необыкновенной энергией. Он около тридцати лет буквально управлял новгородской епархиею. Исидор относился к нему так. Едет, например, в Новгород новый викарий. На прощанье митрополит и говорит ему: «Ведь ты мало с делами-то знаком и Новгорода не знаешь. Поэтому на первых порах учись, присматривайся, прислушивайся и советуйся. Вот там есть кафедральный Орнатский, старик почтенный, но он ничего не делает, а только говорит, и, если ему дают, то берет, но, когда не сделает и потребуют данное назад, то отдает. С ним, значит, нечего и советоваться. А вот там есть знаменский протоиерей Тихомиров. Этот хоть и взяточник, да дельный и опытный человек. Вот ты с ним и побеседуй и посоветуйся». Понятно, что всякий викарий, получив такие инструкции, не решался вступить с Тихомировым и вообще с консисторией в препирательства, тем более, что весьма скоро убеждался в бесполезности этого. Если викарий не соглашался

с мнением и решением консистории, то Исидор всегда почти становился на сторону последней. Тамошний секретарь Бернадский [45]), приехав в Новгород, пытался, было, бороться с Тихомировым, но, под влиянием своей хорошенькой жены, желавшей принимать у себя общество, скоро стал на обычную почву: брать, что дадут. Благодаря этому были возмутительнейшие факты, и новгородская епархия стоном стонала. Все это хорошо было известно и Победоносцеву и Саблеру. Последний прямо говорил об этом. Посылают Чистовича в надежде, что он все раскроет. И что же? Так как все делопроизводство с внешней стороны оказалось в образцовом порядке, то Чистович и пришел к заключению в своем отчете, что злоупотреблений никаких не замечено. Как будто опытные мошенники не стараются всегда скрыть и замаскировать следы своих преступлений. Что же касается до Тихомирова, то, хотя и викарий ему заявлял, что много получается жалоб на него, но Чистович уверил или старался уверить обер-прокурора, что, «если это и верно, то все-таки его сейчас нельзя увольнять, так как некем заменить». Словом, глупее этой ревизии ничего не могло быть. Чистович провалился страшно. Полагать надобно, что Саблер и поехал докончить неоконченное, т. е. сказать, кому следует, чтобы убирались по добру, по здорову. Кстати о ревизиях. Прежде они назначались синодом по предложению обер-прокурора. Синоду же представлялся отчет. Ныне порядок изменен. Назначает ревизии обер-прокурор. Отчеты синоду не докладываются, а результаты ревизии неофициальным путем сообщаются кому следует. Так, например, по петербургской консистории отчет неизвестно где. А секретарю Зуеву предложили оставить должность. Равным образом, выгнали и большинство столоначальников. Таким образом, Литейная подобрала к рукам и консистории. А синод будет только выслушивать прошения членов и секретарей консистории об увольнении и предложения обер-прокурора об определении таких-то новых. Жалкая роль!

10 м а р т а. — Профессор Скабаланович [46]) отказался от редакторства «Церковного вестника». Он вынужден был к этому тем, что ректор Борис-цензор ныл и плакал повсюду, что «Церковный вестник» не дает ему покоя. Он лишился из-за него сна и пищи. Ему все грезится, что его выругает или митрополит или обер-прокурор за какое-нибудь выражение! Вот до чего дошли нынешние ученые монахи. Взглянуть на дело принципиально они не умеют, а если другие говорят, то они боятся, как бы рикошетом не попало в них... Очень жаль, что Скабаланович отказался. Он вел это дело около девяти лет твердо и определенно, так что образовался известный круг читателей у журнала. Несмотря на цензорские гонения и общее направление, совсем невыгодное для самостоятельности журнала, и, наконец, существование для духовен-

ства двух обязательных органов — «Церковных ведомостей» и епархиальных, за последнее время цифра подписчиков возросла до 3½ тысяч, что слишком хорошо для духовного журнала. На его место выбрали Лопухина [47]). Говорят, что он человек легковесный и вообще склонен нос держать по ветру. Если так, то, конечно, подписчиков потеряют быстро. А Литейной это и на руку. Еще закроется журнал.

12 м а р т а. — Недавно собирался товарищеский кружок из студентов академии. Был и я. Вспоминали старину и судили о настоящем. Разговор как-то коснулся похорон Тургенева, где Михаилу Ильичу Соколову [48]) пришлось играть некоторую роль, так как его просили сказать проповедь, и он это обещал. Суть дела заключается в том, что, когда узнали о привозе Тургенева в Россию, то составился против этого триумвират из Победоносцева, Делянова [49]) и Толстого, телеграфировавший в Данию, где был тогда государь, чтобы не дозволяли его привозить. Ответ получился, говорят, отрицательный. Тогда постарались уменьшить, насколько возможно, ту помпу, которою хотели окружить похороны распорядители оных. Последние пригласили для обедни и отпевания архиерея. Победоносцев поехал к Исидору и просил его не разрешать архиерейского служения, говоря, что Тургенев, как человек неверующий, никогда не ходивший в церковь, не исповедавший ее постановлений, наконец, как постоянно якшавшийся с нигилистами и анархистами, совсем не заслуживает погребения... Но Исидор с свойственною ему невозмутимостью не находил причин к отказу погребения, так как за все соделанное ответит пред богом сам почивший, не становившийся никогда в открытое противление с церковью. Что же касается архиерейского отпевания, то он находил его вполне целесообразным ввиду того, что на погребении будет много и такого народу, который никогда не видал архиерейского служения. Не добившись ничего от Исидора, Победоносцев обрушился на М. И. Соколова, который на вышесказанном товарищеском собрании передал нам, что ему пришлось объясняться с обер-прокурором целых два часа. Сначала он напал на него за то, что Соколов без дозволения принял предложение говорить проповедь. Но последний ответил обер-прокурору, что писать проповеди — «обязанность каждого священника, что дело начальства только разрешать или не разрешать говорить». Тогда Победоносцев начал говорить, что у нас вообще нет после Филарета ни одного проповедника, и спросил, о чем же хочет говорить Соколов о Тургеневе. Михаил Ильич ответил, что он остановится главным образом на том, что Тургенев был проповедником и проводником в обществе гуманных начал, идей, подготовивших общество к великой освободительной реформе, но при этом выскажет и сожаление, что он неопределенно относился к церкви, к христианскому

учению. Здесь Победоносцев не выдержал и разразился следующими словами: «Вы все восхваляете гуманные идеи, освободительную реформу, а знаете ли, что это страшная гибель наша, не будь всего этого, не было бы и тех зол, которые испытывает и переживает теперь Россия». И много говорилось на эту тему. В конце концов, так воздействовали на Исидора, что он посоветовал Соколову сказаться больным и проповеди не говорить.

17 марта. — Говорят инспектор академии Исидор и днюет и ночует у Палладия. Благодаря этому у него теперь явился такой разбитной тон, которого и ожидать нельзя было. Он уже чувствует свою силу, свое положение и высказывает свои суждения там, где его и не спрашивают. Вероятно, будет давать скоро нотации и профессорам. Ведь и Палладий тоже, что Исидор. Но судьба первого выдвинула, и он уверен в своих достоинствах и уме. Несомненно, что то же самое будет и с Исидором. Теперь если сделается обер-прокурором и умнейший и честнейший человек, то ему будет трудно справляться с делами благодаря тому, что личный состав иерархии в большинстве случаев ниже всякой критики. А когда начнут действовать саблеровские монахи, то это будет самое худшее время в русской церкви, потому что — поголовное и абсолютное невежество, соединенное с самомнением и низкопробною нравственностью. Политика Саблера, несомненно, развратит их вконец.

20 марта. — Вчера в академии был коллоквиум Н. К. Никольского [50]), представившего случайно на магистра «Климента Смолятича» вместо пропущенной уже его магистерской диссертации о «Кириллово-Белозерском монастыре». На коллоквиуме был Палладий и очень грубо и глупо, говорят, вмешался в возражения В. И. Ламанского. Невысокого мнения были о нем раньше, а теперь увидали, что он, не сознавая своего убожества, обладает крайним самомнением и смелостью, присущим всем истинным невеждам. Интересное, говорят, было заседание совета после коллоквиума. Палладий велел принять вольнослушателем, но с правами студента, какого-то реалиста. Совет высказался, что это незаконно, так как митрополит не имеет на это права. Вдруг Исидор начинает говорить с необузданностью, что какие там уставы, законы и права... Раз владыко приказывает, то никто не имеет права возражать, а все должны беспрекословно исполнять его волю. Профессора пытались, было, его остановить, но он говорил дерзости. Ректор, по обычаю, безгласен, яко агнец. Тогда совершенно неожиданно поднимает свой голос Ф. Г. Елеонский [51]) и говорит Исидору, что он, как профессор и старик, считает должным, раз ректор молчит, сделать ему, Исидору, как еще юнцу, замечание и выговор за неприличный тон и неосновательные мысли. Вот какими вещами

приходится заниматься теперь в совете! Конечно, Елеонскому это даром не пройдет. Палладий, как монах, отомстит ему при случае. А вот случай в последнем заседании синода. Недели две тому назад докладывалось одно бракоразводное дело. Палладий заговорил первый, что развести нельзя. Другие не настаивали. Между тем Притычкину хотелось почему-то развести. Он сделал обычных ему два-три хода, но оказалось безуспешно, потому что Палладий уперся на своем. Состоялось и решение синода, что в разводе отказать. Тогда Саблер приказывает с протоколом позамедлить. Проходит две недели. Иоанникий уезжает в Киев. Саблер, никем не стесняемый, приказывает вновь доложить. Докладывают слово в слово. Не успели еще окончить доклада, как Палладий говорит, что, конечно, это дело бесспорное, нужно развести... Мне кажется, что Саблер не довольствовался простым удовлетворением его желания, а ему нужно было и издевательством показать всем, что Палладий без всякого зазрения совести будет болтать то, что нужно Саблеру. И как после этого ему не игнорировать постановлений синода! Дело дошло до того, что на указ синода о лишении диакона сана и исключении его из духовного звания епархиальный архиерей (Сергий, бывший тогда в Кишиневе) отвечает, что указ о том-то получил, но вследствие письма В. К. Саблера, бывшего тогда еще управляющим синодальной канцелярией, дал диакону место. И этот рапорт, говорят, приобщен к делу.

2 а п р е л я. — Был у меня сегодня с визитом Антоний выборгский. Посидел с полчаса, говорили о положении дел в Финляндии, о задачах там православия. Не одобряет «Московские ведомости», проявляющие большой и бестолковый задор к Финляндии, могущий совершенно напрасно фанатизировать толпу. Ей, в общем совершенно спокойной и весьма благодушно относящейся к православию, начинают теперь преподносить и развивать мысль о том, что русское правительство хочет насильно обратить всех в православие. Понятно, что после всего этого православному епископу трудно будет и показаться в Финляндии. Теперешняя задача Антония — строить там церкви и школы и тем действительно создать православных, имеющихся ныне номинально. Для этого необходимы средства. Дадут ли?

8 а п р е л я. — Вчера было первое заседание синода после пасхи. Решили участь Леонтия. Обер-прокурор сделал предложение синоду и представил заключения докторов, которые утверждают, что он неисправим. Но долго спорили о том, как его сплавить. Подробностей пока не знаю, потому что заседание было секретное. Но, несомненно, что решение этого вопроса нудил Притычкин, который не терпит Леонтия. Решили послать управляющим Сергия, оставляя его одесским. Леонтий же будет жить в Черкизове, называться и поминаться митро-

политом московским и получать все содержание. Полагать надобно, что такое положение добьет его. Если же он всетаки выживет, то через несколько месяцев его и совсем уволят. По крайней мере, Сергий вчера же вечером говорил поздравлявшим его, что такое ненормальное положение его в Москве может продлиться месяца два-три. Между тем Победоносцев отзывается о Сергии, как человеке крайне сухом, формальном, бессердечном. К тому же человеку 73—74 года, и всю жизнь он только подражал Филарету или, точнее, копировал его по внешним приемам. Дельного же и умного никто и никогда от него не слыхивал. К тому же этот человек не брезгает никакими средствами. Главный священник П. Е. Покровский, бывший более сорока лет на службе в Москве и любимец Филарета, много рассказывал мне случаев из жизни Сергия, когда он был ректором академии в Москве. Из этих рассказов можно вывести одно, что Сергий сегодня пред сильным и нужным человеком будет заискивать и ползать чуть ли не на коленях, а завтра, если минует надобность или изменятся обстоятельства, то он и не узнает этого человека. И вот такого-то деятеля назначают в Москву! А впрочем, кого же и назначить? Лучшие из старших подобрались, а новые монахи во всех отношениях представляют из себя только один позор. Если худо теперь, то еще будет хуже впоследствии. Умственный и нравственный [уровень] не высок и теперь, но дальше он все идет под гору. Недавно ревизор П. И. Нечаев, возвратившийся с ревизии кишиневской семинарии, рассказывал про бывшего тамошнего архиерея Исаакия [52]) невероятные вещи. Он сблизился с секретарем консистории, который открыто брал взятки за каждое место; они вместе пьянствовали и, главное, архиерей ездил в женское училище и к себе приглашал красивых учениц старших классов и задавал им щупки и обнимал их... об этом знал весь город, все говорили и возмущались, а у нас за такие вещи едва решились перевести Исаакия в другую епархию. Хорошо, что его разбил в пьяном виде паралич, и теперь решили, что если и поправится, то не давать ему епархии.

10 апреля. — А всетаки, как ни плохи нынешние архиереи, они, несомненно, лучше будущих — притычкинских ставленников, разных Исидоров, Климентов и т. п. Первые всетаки проходили хоть какую-нибудь школу. Когда они учились, быть может, некоторые и с грехом пополам, то всетаки все, не исключая и их самих, сознавали, что плохо учиться — вещь скверная. Затем их хоть и назначали на привилегированные места, тем не менее выдерживали на этих местах довольно долго. Сотрудничая в «Церковном вестнике» девять лет и принимая теперь участие в составлении биографического словаря, издаваемого историческим обществом, я имел случай составить за это время массу некрологов и биографий архиерейских и из всего этого

вывел заключение, что до семидесятых годов почти нынешнего столетия ученых монахов выдрессировывали надлежащим образом. Лет десять он учительствует и инспекторствует и за все это время должен являть собою образец смирения, покорности, послушания и т. п. Затем, если он выдерживал искус, то назначали ректором и опять лет на шесть, на десять. Человек побывает за все это время в разных местах России, повидается с разными людьми, насмотрится и ознакомится с разными порядками, наконец, приучится к самостоятельной учебно-воспитательной, хозяйственной и административной деятельности, и тогда уже его делали архиереем. В филаретовские времена был в употреблении термин: «Этот уже созрел для архиерейства». Что же мы видим теперь? На академической скамье внушают, что наука, знание — вздор. Не успеет мальчишка-монах окончить курс, как его сейчас же — инспектором семинарии! Через год, много два — ректор и архимандрит. Все кричат, газеты печатают, что такой-то поехал туда, служил там-то, говорил о том-то. Образованному и твердому человеку вскружат голову. А мальчишкам, у которых и головы-то нет никакой, понятно, совсем от этих похвал и рекламы плохо. Ну, вот, например, теперешний инспектор академии Исидор еще двух лет не окончил курс, и притом окончил-то из милости, и вот занимает такое место, архимандрит, и дают Анну 2-й степени. Ведь это и позор и разврат! Я пари держу, что через год его сделают викарием, если, конечно, Притычкин и Палладий останутся в силе. Все члены синода и все архиереи возмущаются этими порядками и тем не менее подписывают протоколы о производствах и награждениях Исидора. Сергий, например, ужасно возмущался, что ему привезли подписывать протокол о производстве Исидора в архимандриты в страстной четверг, когда, по его словам, и некогда и настроение должно быть молитвенное, а не протокольное. Но как же не торопиться было с протоколом, когда Исидор еще в вербное воскресенье был уже сделан архимандритом, и Палладий подарил ему даже архиерейскую мантию. А дело было так, что Палладий попросил Притычкина о производстве Исидора, тот согласился и сказал: «Докладывать синоду мы не будем, а вы, владыко, произведите его, я же велю составить протокол и пошлю к членам на подписание». У нас ведь теперь и все так делается. Даже решения синода Притычкин изменяет по-своему. Бывают, например, такие случаи. Докладывают какое-нибудь дело. Притычкин предлагает свой проект решения. Но кто-нибудь из членов скажет по-своему, и остальные согласятся. Подают протокол, составленный согласно решения синода. Притычкин черкает его, исправляет согласно своего предположения и делает еще секретарю выговор, что он не так составляет определение, как постановил синод. Некоторые принимают выговоры

с покорностью, а некоторые представляют ему докладной реестр с черновыми резолюциями. Конечно, Притычкин, ничтоже сумняся, или делает вид, что не замечает представленного, или же скажет, что резолюция неверно записана.

12 апреля. — Невольно приходит вопрос: да какая же цель всей этой кутерьмы? Для чего, например, разрушать академический строй, ставя туда ректоров и инспекторов — молодых, неопытных и неспособных монахов? Для чего принижать и разрушать научное здание, еще такое у нас слабое и едва-едва существующее? Для чего ставить миссионерами разных Крючковых, Арсениев, Слепянов и т. п.? Для чего так искусственно, теплично разводить монахов, которые от первого холодного дуновения, несомненно, рассеются, как дым, и которые даже при благоприятных обстоятельствах никогда не дадут никакого плода, а всегда останутся пустоцветом? Для чего, наконец, эта ненависть к белому духовенству, которое стараются гнести и гнести до последней степени? Для чего, спрашивается, все это? А все это имеет одну конечную цель: как можно более понизить умственный уровень духовенства, потому что дураками легче управлять, дураки послушнее, исполнительнее, не так требовательны... Для вида мы оставляем академии, как будто даже поощряем научные занятия, особенно, когда они не имеют никакого направления, заботимся об учебной части в семинариях... Но все это напоказ. В существе же дела мы выдвигаем невежество, бездарность, умственное и нравственное ничтожество. Мы намеренно стараемся развратить людей способных и знающих, кого привлекая выгодами, кого теша удовлетворением самолюбия и честолюбия, кого запугивая. А если кто не поддается на эту удочку, то с тем мы без всякой церемонии и разделаемся... Нам дозволены все средства, потому что мы воображаем, что наша цель — благо.

19 апреля. — Интересная разыгрывается история с Москвою. Притычкин, вообще не долюбливавший Леонтия, всячески старался и хлопотал уволить его на покой. Наконец, он представил синоду, что временно управляющий митрополиею еп. Александр [53]) никуда не годится, что его нужно уволить даже от викариатства. Кроме того, в мае будет в Москве государь, которого нужно встречать. Для этого необходимо лицо и опытное и заслуженное. И вот, в конце концов, уговорил святейший синод, чтобы последний назначил пока временно управлять епархиею Сергия херсонского, оставляя Леонтия до времени митрополитом. Москва, узнав об этом, заволновалась. Между тем доклад, говорят, уже послан в Ливадию, и ждут утверждения. Вдруг сегодня из Москвы во всех газетах телеграммы о том, что Леонтий уже настолько поправился, что 18 числа служил и говорил поучение. Конечно, особенно доверять этим телеграммам тоже нельзя. Несо-

мненно, что ими стараются задержать, если не помешать назначению и присылке Сергия. Но публика в недоумении. Она, с одной стороны, видит, что Леонтий как будто и здоров, а с другой, что на его место назначают такого человека, который уже останется в Москве навсегда. Невольно является предположение, что дело тут нечисто. Да оно так и есть. Дело гнусное...

22 апреля. — В городе очень много толков о московском деле. Увольнение Леонтия связывают с делом о каких-то векселях Саблера. Дело это рассматривалось уже в московском окружном суде, и сущность его, по слухам, заключается в следующем. Будто бы Саблер через какого-то архимандрита взял у какой-то барыни 15 тысяч рублей и выдал какие-то кому-то векселя или заемные письма, каковые барыня и представила ко взысканию. Саблер на суде, по одним [сведениям] вошел в сделку с этою барынею, по другим — доказал фальшивость долговых обязательств. Но дело, во всяком разе, скандальное, и его стараются держать в секрете. Но молва и сплетня не дремлют. И вот теперь приятели даже Саблера всюду разглашают, что ему необходимо поскорее удалить Леонтия, чтобы иметь непосредственное влияние на архимандрита, находящегося будто бы под особенным покровительством митрополита и не боящегося потому показывать всю правду о векселях. Не думаю, чтобы тут была хоть капля истины. Едва ли Саблер способен на такие грязные дела уже по одному тому, что они крайне рискованны. У него масса врагов-завистников, которые не преминут воспользоваться всем этим для того, чтобы подставить ножку в его быстром канканированьи. А впрочем, все может быть. Нравственных принципов у него нет решительно никаких. Он не разбирает ни целей, ни средств... К тому же совершенно ни для кого не понятна и ничем не объяснима та поспешность, с какою он стремился устранить Леонтия. Ведь и по закону психически больной сохраняет за собою право оставаться целый год на службе... Не лучше ли было бы, не блазня москвичей и в интересах здоровья Леонтия, удалить его куда-нибудь на все это время, обставив, конечно, самым правильным и заботливым образом его жизнь? А между тем об этом-то решительно никто и не позаботился. Всеподданнейший доклад о назначении управлять епархиею Сергию херсонскому уже утвержден и получен. А между тем Саблер вызван генерал-губернатором в Москву и до сих пор еще не возвратился. Победоносцев хватается за голову и не знает, что делать. Сергий же херсонский, так легкомысленно согласившийся ехать в Москву, заболел. Говорю легкомысленно потому, что, действительно, иначе и нельзя никак назвать его поступка. Феогност новгородский, к которому Притычкин летал в посту и предлагал ехать в Москву — уклонился. Тогда взялись за Сергия. Всякий,

конечно, понимает, что, если уже Леонтий безнадежен, то необходимо его совсем уволить и назначить прямо на его место нового митрополита. Назначать же старейшего архиепископа временно управлять епархиею с оставлением попрежнему обоим титулов и содержания — вещь более, чем ненормальная. Это значит, временный будет нудить больного скорее очистить ему место. И чем можно мотивировать все это? Говорят, что необходимо встречать в мае государя в Москве, который прибудет туда на закладку памятника и на десятилетие коронации. Но ведь для этого целесообразнее прислать кого-либо из присутствующих в синоде — Сергия или Антония. А к тому же, говорят, что государь-то, может быть и не будет.

28 апреля. — За последнее время весь город занят московским делом. Все интересуются, что сделает Победоносцев с испрошенным высочайшим повелением относительно посылки Сергия в Москву для временного управления епархиею. После тех телеграмм, которые возвестили всей России о выздоровлении митрополита, и напечатания его речи, хотя и сочиненной, как все утверждают, Елпидофором Барсовым [54]), явился еще адрес митрополиту от Московской академии, где слишком настойчиво проводится мысль о совершенном выздоровлении Леонтия. Адрес подписан всеми профессорами, даже Субботиным [55]), и поднесен и напечатан в то время, когда Притычкин был в Москве. «Своя своих не познаша». Это уже скандал более, чем небывалый в летописях академий. Положим, что Московская академия, хорошо помнящая Сергия, как ректора, имеет все основания не желать его митрополитом. Но пускаться всей академии в такие интриги, благодарить бога, воздвигшего, якобы, болящего от одра болезни, в то время, когда всем и каждому хорошо известно, что болящий болеет и притом совершенно безнадежно — это вещь, крайне для академии неприличная. Впрочем, чего же и ждать от нынешних академий, которые сделались местом фабрикации монахов и разных проходимцев вроде их родоначальника Притычкина? Ученики, несомненно, превзойдут своего учителя, и как будет приятно, если последний когда-нибудь пожнет то, что он так усердно насаждает! А возбуждение против Притычкина все растет и растет. Хозяйственники, не стесняясь, упрекают его во взяточничестве. Положим, у них свои счеты, и притом не на жизнь, а на-смерть. Поэтому особенно-то верить нельзя. Но есть факты весьма странные, во всяком случае, далеко не подтверждающие той аристидовской честности, которую он всем сует в глаза. Во-первых, несомненно, что в московском окружном суде недавно у него было дело о каких-то векселях. Передают, что один архимандрит взял для него денег 15 тысяч рублей у некоей Хлюстиной и выдал ей саблеровские векселя, оказавшиеся будто бы фальшивыми. Однако суд, расска-

зывают, не признал никого виновным в составлении подложных векселей, а архимандрит-посредник, по словам Гаврилова, находится теперь в вологодской епархии. В городе же сплетничают, что потому Притычкин и торопился так спровадить Леонтия, что последний имел будто бы чрез этого архимандрита всю возможность разоблачить дело. По словам Гаврилова, близко знакомого с Леонтием, последний пред Рождеством сильно тяготился «делом о векселькаx», как он выражался. Значит, тут, действительно, что-нибудь да есть, и притом очень нехорошее. Даже приятели и клевреты Притычкина стали говорить не в его пользу.

5 м а я. — При всем желании не знать, что делает г. Притычкин, приходится волей-неволей слышать постоянно о его подвигах. Все начинают возмущаться его разнузданностью и бесцеремонностью, не останавливающеюся ни пред чем. Это человек, который, раз перейдя нравственный рубикон, закусил теперь удила и не знает или не хочет знать решительно никаких границ благоразумия. Все стоном стонет, что осталось хоть сколько-нибудь нравственного, стонет потому, что тяжело, невыносимо тяжелю приходится. Зато ликует и рукоплещет все, что утратило всякий стыд и совесть, у кого нет ни знания, ни образования, ни трудолюбия, а одно только нахальство и корыстность. Приди, поклонись Притычкину и бери сколько хочешь. Например, назначили недавно члена-ревизора начальника отделения канцелярии обер-прокурора Докучаева, который 26 лет тому назад как окончил курс и все время был чиновником, никогда не бравшим никакой книги в руки. Хорош будет ревизор? А почему это сделали? Поклонился Притычкину, и, кроме того, нужно было поместить на его место столоначальника Преображенского, женившегося на племяннице Керского. Вот как у нас дела делаются!

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Амвросий (Алекс. Иосиф. Ключарев), архиеп. харьковский с 1886 г., умер в 1901 г.

[2]) Филарет (Димитрий Григ. Гумилевский), архиеп. черниговский; род. в 1805 г., еп. рижский с 1841 г., архиеп. харьковский с 1859 г., писатель-богослов и историк русской церкви.

[3]) Буткевич, Тимофей Ив., прот., магистр богословия; проф. Харьковского Университета.

[4]) Антоний (Алекс. Храповицкий), ректор Московской дух. академии с 1890 г., ректор Казанской дух. ак. с 1895 г.; еп. чебоксарский с 1897 г., еп. волынский с 1902 г.; член Госуд. совета по выборам с 1906 г. Ярый черносотенец; после революции эмигрировал за границу, где возглавляет монархические организации.

[5]) Леонтий (Иван Лебединский), архиеп. холмский и варшавский с 1875 г.; митр. московский с 1891 г.

[6]) Саблер, Влад. Карл. (во время импер. войны принял фамилию «Десятовский»), носил среди синодских чиновников прозвище «Притычкин», товарищ обер-прокурора синода, сенатор, род. в 1847 г., из дворян; по окончании в 1867 г. Московского университета и по защите диссертации «О значении давности в уголовном праве» утвержден в степени магистра уголовного права; доцент Московского университета по кафедре уголовного судоустройства и судопроизводства; в 1873 г. переходит на службу в собственную его величества канцелярию по II отделению; правитель дел совета СПБ. женского патриотического общества с 1874 г., состоял с 1876 г. «при особе великой княгини Екатерины Михайловны», с обязанностью «находиться при ее высочестве во время приема лиц дипломатического корпуса и при других случаях, а также в случае надобности сопровождать ее высочество в поездках за границу»; с 1880 г. состоял в ряде комиссий по вопросам, связанным с уложением о наказаниях, и причисленным к государственной канцелярии; с 1881 г. начинает службу по ведомству православного исповедания и проходит ее в должностях: юрисконсульта при обер-прокуроре (с 1881 г.), управляющего канцелярией синода (с 1883 г.), товарища обер-прокурора (с 1892 г.); с 1896 г. сенатор; крупный землевладелец.

[7]) Исидор (Яков Серг. Никольский), род. 1 октября 1799 г., митр. с.-петербургский и новгородский с 1860 г.; умер 7 сент. 1892 г.

[8]) Николай (Мих. Зиоров), ректор тифлисской дух. сем. с 1889 г.; еп. алеутский с 1891 г.; член Госуд. совета с 1906 г.

[9]) Павел (Петр Лебедев), архиеп. казанский.

[10]) Палладий (Павел Ив. Раев), архиеп. карталинский и экзарх Грузии с 1887 г., митр. СПБ. с 1892 г.; умер в 1898 г.

[11]) Сергий (Ник. Як. Ляпидевский), архиеп. кишиневский с 1882 г., архиеп. херсонский с 1891 г.; митр. московский с 1893 г., умер в 1898 г.

[12]) Оставшиеся после смерти митр. Исидора дневники и некоторые бумаги наполнены мистицизмом. Митрополит был всегда окружен рядом лиц (преимущественно женщин), которые сообщали ему свои видения и сны; Исидор в дневнике старательно записывал эти «чудесные» сообщения.

Вот некоторые из друзей Исидора: Матрена Егорова (она же Димитра), архимандрит Исаия, А. Колоколова, Ольга Феодоровна, Пелагея Максимова, А. Ю. Джамусова, болгарка Евдокия, М. Арс. Осипова, Слепцова (начальница Исидоровского училища), Диккер и другие. Центральное место в этой компании в разные периоды занимали Димитра, архимандрит Исаия, Диккер. Вдова капитана Матрена Александровна Егорова, близкая многие годы митр. Исидору, в 1877 г. явилась основательницей Введенской женской общины в Киеве.

В бумагах Исидора сохранилось два документа: «Разновременные видения Димитры и события в ее жизни» и «Посмертные явления Димитры», из которых с очевидностью явствует, что в интимной группе Исидора была определенная тенденция считать Матрену Егорову святою и направлять дело к церковному ее «прославлению». На особой траурной бумаге записано 150 чудесных явлений Димитры. Во многих загробных явлениях Матрены явно сквозит ее нежное внимание к Исидору с намеками, что при жизни митрополит дарил ее нежным вниманием, лаской и заботой. Митрополита иногда называют папой, а ее мамой.

В последние годы особым влиянием на митрополита пользовалась Диккер, о которой в дневнике Богданович записано: «6 января 1891 г. Чай пил секретарь митрополита Николаевский. Говорил, что некая Диккер, которая по вторникам

бывает у владыки, каждый раз заставляет его делать необычайные вещи. Она сошлась со священником Полкановым, известною дрянью (протоиерей Иоанн Полканов в октябре 1892 г. был уволен от должности члена 2 эксп. СПБ. духовной консистории), устраивает дела у владыки, получает за них деньги и с ним делится. Одного священника Дроздова устроила членом консистории и получила за это 1 500 рублей. Эта Диккер была нищая, получала от владыки помощь в 5 руб., а теперь ездит в каретах. Была лютеранка, а Полканов обратил ее в православие, но все это для спекуляции».

[13]) Победоносцев, Конст. Петр, обер-прокурор синода с 24 апреля 1880 по 1905 г.

[14]) Иоанникий (Иоанн Максим. Руднев), митр. московский с 1882 г.; митр. киевский с 1891 г.; умер в 1900 г.

[15]) Феогност (Георгий Ив. Лебедев), архиеп. владимирский с 1883 г., архиеп. новгородский с 1892 г.

[16]) Вениамин (Вас. Ант. Благонравов), архиеп. иркутский и руководитель Забайкальской дух. миссии с 1878 г.

[17]) Распространение православия среди инородцев, язычников и магометан находилось в руках Православного миссионерского общества, духовных миссий и отдельных миссионеров. Общество обладало капиталом около 1 200 000 рублей и имело 44 епархиальных комитета на местах.

Иркутская миссия, действовавшая среди бурят, своим начальником имела викарного епископа иркутской епархии, именовавшегося епископом киренским. Миссия охватывала три округа Иркутской губернии: Иркутский, Балаганский и Верхоленский.

Среди бурят действовали не только православные миссионеры: гораздо большим влиянием на бурят пользовались ламы штатные и особенно нештатные — хувараки — проживавшие в улусах. Между служителями православного и ламаитского культов шла яростная борьба, причем православное духовенство тесно сотрудничало с органами министерства внутренних дел. Большую политическую борьбу с ламаизмом и ламами вел архиепископ иркутский и нерчинский Вениамин (род. в 1825 г., умер 20 февраля 1892 г.), постоянно указывавший правительству на чрезмерное размножение лам в Забайкалье, на их вредное влияние на экономический быт бурят, на противодействие лам обращению бурят в христианство.

Деятели Иркутской миссии широко использовали путешествие наследника, будущего Николая II, на Восток в 1891 г. Миссия доносила, что буряты-язычники массами начали принимать православие, получая «с соизволения государя цесаревича» при крещении имя Николай; цифры крестившихся бурят по отчетам за 1891 год большие: в Боханском стане — 280, в Аларском и других станах Балаганского округа — 1 400.

Балаганский исправник разослал циркуляр инородческим головам и родовым старостам с предписанием представить в Бажеевский миссионерский стан ко дню приезда начальника миссии подлежащих крещению бурят, «список которых имеет быть выслан». Тогда стали поступать к генерал-губернатору жалобы на принудительное крещение бурят. Генерал-губернатор назначил расследование. В Петербург приехала бурятская депутация с жалобами. Дело попало в печать. Князь В. П. Мещерский, редактор-издатель газеты «Гражданин», писал в своем «Дневнике» (11 февраля): «С Восточной Сибири — из Иркутской губернии — сведения еще печальнее: они повествуют об ужасных насилиях, совершавшихся для обращения буддистов в православие... К счастью, эти ужасы дошли до сведения иркутского генерал-губернатора, и началось следствие. Но все же событие это

вдвойне печально: во-первых, потому, что это крещение — насильное, с облавами в лесах, с побоями, истязаниями, даже над беременными женщинами совершалось полициею по требованию местного духовенства, а во-вторых, потому, что с этими действиями, не имеющими имени, соединяли дорогое всем русским имя царственного первенца, проехавшего по Сибири, придавая этому обращению мнимое значение радостного события, которым, будто бы, во славу церкви должно быть почтено царственное путешествие по Сибири...»

Сведения о методах крещения бурят широко попали в прессу: «Вестник Европы» отвел им большое внимание; в берлинском «Vossische Zeitung» (№ 97) была помещена резкая статья. Обер-прокурор 12 февраля 1892 г. послал конфиденциальное письмо епископу селенгинскому Макарию: «Преосвященнейший владыко! Сегодня в газете «Гражданин» появилось известие, которое желательно было бы разъяснить, тем более, что и раньше подобные слухи были. Обвиняется духовенство. Покорнейше прошу ваше преосвященство доставить мне сведения о сем деле, буде таковое действительно производится. Желательно, чтобы слух оказался клеветою на духовенство или, по крайней мере, преувеличением чего-либо, в действительности бывшего». (ЛОЦИА, дело канцелярии обер-прокурора синода, отд. II, стол 3, № 61-а, 1892 г. л. 1).

Синодское разъяснение свелось к такой формулировке: «Жалобы, писанные от имени безграмотных инородцев языком литературным и хлесткою речью, составляемы были на местах ссыльными из преступников социалистами, которые и по собственным антирелигиозным убеждениям и с целью заработать себе что-нибудь обыкновенно занимаются составлением кляузных прошений во вред православной вере...» (Приб. к «Церк. вед.» 1892 г., № 8, стр. 292).

Заключение по этому эпизоду Победоносцева во всеподданнейшем отчете сводится к следующему: «Во всей этой печальной истории всего более удивительно то сочувствие, какое встретила ламская интрига среди русских православных людей, считающих себя образованными и будто бы из гуманности стремившихся поддержать всеми силами лам в их борьбе с христианскою миссией».

[18]) Майков, Апол. Ник., т. с., председатель комитета иностранной цензуры при мин. внутр. дел; член комитета при министерстве нар. просв. по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения; поэт.

[19]) Смирнов, Ник. Павл., т. с., товарищ обер-прокурора синода с 1878 г.

[20]) Керский, Сергей Вас., т. с., управляющий канцелярией синода с 1892 г.

[21]) Миропольский, Сергей Иринеев., д. с. с., помощник управляющего канцелярией синода с 1892 г.

[22]) Викарий (от латинского слова vicarius) — заместитель; в обширных епархиях с крупным делопроизводством в помощь епархиальным епископам назначались один, два, редко три, викария. Викарные епископы, состоя в непосредственном ведении и зависимости местных архиереев, исправляли специально поручаемые им дела; имели местопребывание в первоклассных монастырях, которыми управляли, получая жалованье и довольствие с этих монастырей по званию архимандритов. В петербургской епархии в девяностые годы было три викария: епископ гдовский, епископ нарвский, епископ ямбургский.

[23]) По данным 1892 г. число братии в Александро-Невской лавре в Петербурге было 112 человек, из них 62 монаха и 50 послушников. По социальному происхождению лаврское монашество (без послушников) дает такую картину: из духовных 36%, из крестьян 34%, из мещан 15%, из купцов 6%, из военных 6%, из дворян 3%. Без всякого образования было 56%, с низшим 26%, с средним 15%, с высшим 3%. Лавру возглавлял митрополит петербургский со званием священ-

но-архимандрита. Лаврское хозяйство находилось в руках духовного собора, в составе 6 монахов.

У лавры было большое состояние. Она владела рядом домов, амбаров, земель, хлебною пристанью. В 1894 г. лавра уплатила госуд. налога 4 373 р. 53 к. по 33 окладным листам.

Денежный приход и расход лавры слагались из сумм: церковной, экономической, братской и богаделенной. Общий денежный приход лавры в год выражался солидной суммой, по данным 1897 г. — 465 458 р. 26 к. наличными деньгами и 1 193 568 руб. в процентных бумагах. Анализ сумм церковных и экономических дает понятие о хозяйственных оборотах лавры. Церковные суммы лавры за 1897 г. выразились цифрой: 73 482 р. 42 к. наличными деньгами и 166 287 руб. в процентных бумагах. Сумма прихода за 1897 г. — 65 618 р. 19 к. и 300 руб. процентных бумаг. Этот приход получился: 1) от продажи восковых свечей в лаврских церквах, часовне, свечном заводе (42 765 р. 61 к.), 2) от продажи просфор (4 850 р. 73 к.), 3) из пожертвований разными лицами на лампадное масло перед иконами за упокой «погребенных в лавре особ» (5 777 руб.), 4) от процентов по билетам на капитал, внесенный на «вечное тепление лампад» (6 717 р. 67 к.), 5) из кружечного сбора (1 507 р. 50 к.) и прочих более мелких поступлений.

Экономическая лаврская сумма за 1897 г. выразилась цифрой: 366 123 р. 55 к. наличными деньгами и 505 900 руб. в процентных бумагах. Сумма прихода за 1897 г. — 354 663 р. 41 к. Наибольшие поступления за год образовались: 1) из арендных денег за квартиры в лаврских домах, за земли и прочие угодия (131 050 р. 19 к.); 2) из арендных денег за амбары и кладовые (69 079 р. 50 к.); 3) с двухкопеечного сбора за причал и выгрузку судов на хлебной пристани (37 180 р. 8 к.); 4) от лаврских кладбищ — Никольского, Тихвинского и Лазаревского (за тепление лампад, обложку могил, кресты и палисады, за холст, цветы — 23 250 р. 77 к.); 5) за погребения и могильные места (88 407 р. 50 к.).

По смете расходов синода на 7 членов и присутствующих отпускалось 9 648 руб. в год, т.-е. на долю первоприсутствующего митрополита петербургского приходилось в год 1 378 р. 28 к. Между тем по должности священноархимандрита «Свято-Троицкия Александро-Невския лавры» митрополит Исидор получал в год 61 246 р. 58 к. Это содержание платилось митрополиту при готовых квартире, столе, прислуге и лошадях. Содержание петербургского архиерейского дома обходилось лавре в 63 960 р. 50½ к.

Лаврская верхушка (шесть монахов), помимо причитающегося из братской кружки, в 1897 г. получила из других сумм 27 396 р. 80 к., т. е. свыше четырех тысяч в год на человека. Монахи лавры были ленивы и распущены.

25 февраля 1888 г. в дневнике Исидора записано: «В 3½ часа посетил лавру государь император с императрицею, и никого из монахов не нашел в соборе. Государь написал собственноручно обер-прокурору: «Опять был в лавре и опять никого из монахов не нашел в соборе. Надобно что-нибудь сделать. Пора эту орду (подчеркнуто) выслать из лавры». Обер-прокурор прислал мне эту записку и предлагал уволить наместника и ризничего. Иеромонах Аристарх, как чередной, уже выслан из лавры в Череменецкий монастырь».

[24]) Воздух — покрывало из парчи, которым покрывается на престоле чаша и дискос; воздухами при погребении закрывалось лицо епископа.

[25]) Владимир (Вас. Богоявленский), еп. старорусский с 1888 г., архиеп. карталинский и экзарх Грузии с 1892 г., митр. московский с 1898 г.

[26]) Термином «Литейная» автор дневника называет все, что исходит от обер-прокурора, его товарища и чиновничества канцелярии обер-прокурора. На Литейном проспекте (ныне проспект Володарского) синоду принадлежало три дома — № 32, № 34 и № 62; К. П. Победоносцев жил в доме № 62, В. К. Саблер — в № 34.

[27]) Фанариоты — происхождение слова связано с знатною греческою фамилией Фанариотов, отдельных представителей которой оттоманское правительство привлекало на ответственные, главным образом дипломатические, должности; употребляется, как нарицательное понятие привилегированной группы.

[28]) Антоний (Алдр. Вас. Вадковский), ректор СПБ. дух. ак. с 1887 г.; еп. выборгский с 1887 г.; архиеп. финляндский с 1892 г.; митр. СПБ. с 1898 г.

[29]) В ЛОЦИА хранятся бумаги, оставшиеся после смерти митр. Исидора. Среди бумаг сохранился дневник, который митрополит вел с 1 марта 1881 г. по 2 сентября 1892 г. и последняя запись в котором сделана за 6 дней до смерти (умер 7 сентября 1892 г.). Дневник весьма обширный: писан на писчих листах большого формата и сшит в отдельные тетради размером от 5 до 6 листов. Таких тетрадей 71 на 839 листах. В дневнике автор отмечал состояние погоды, события церковной, политической и общественной жизни в Европе, в России, в епархии, в Петербурге, в царском дворце, в Александро-Невской лавре и в «митрополичьих покоях». Видное место в дневнике занимают городские слухи и всякого рода сплетни.

Дневник митрополита Исидора дает богатый материал о закулисной стороне церковного управления и церковной жизни восьмидесятых годов XIX столетия.

[30]) Толстой, Дм. Андр., граф, обер-прокурор синода с 1857 по 1880 г.

[31]) Чистович, Илл. Алекс. (1831—1893), т. с., управляющий контролем при синоде и член учебного комитета.

[32]) Флавиан (Ник. Городецкий), еп. люблинский с 1885 г.; архиеп. холмско-варшавский с 1892 г.

[33]) Марков, Ник. Фед., секретарь V отд. канцелярии синода с 1885 г.; помощник юрисконсульта канцелярии синода с 1894 г.

[34]) Статья «Отечественная церковь в минувшем году», помещенная в «Церк. вестнике» за 1893 г. № 1 (стр. 1—3), дает краткий обзор по работе церковного управления за 1892 г. с очень осторожными выпадами против полного подчинения синода «Литейной».

[35]) Пашковцы составляли секту, отвергавшую почитание икон и святых, таинства и церковную иерархию; свое богослужение пашковцы сводили к молитве, проповеди и пению стихов. Основателем секты в первой половине семидесятых годов был богатый дворянин, отставной гвардии полковник В. А. Пашков, последователь английского проповедника лорда Редстока, приезжавшего в Петербург и имевшего успех в аристократических кругах. Пашков учредил в 1876 году «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», за очень дешевую цену распространявшее, особенно по деревням, книги духовно нравственного содержания и св. писания.

Преследования Пашкова со стороны министерства внутренних дел, вызванные давлением синода, заставили Пашкова сперва перенести свою пропаганду во внутренние губернии, а затем уехать за границу.

[36]) После крушения царского поезда в Борках в 1889 г. черниговский губернатор А. К. Анастасьев в своем всеподданнейшем докладе о состоянии Черниговской губернии за 1889 г. писал: «Долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что благоговейное чувство верующих ожидает откры-

тия мощей святителя Феодосия Углицкого... Голос народа уже именует святителя Феодосия своим святым предстателем перед престолом всевышнего; у нетленного тела святителя не только служатся панихиды, но поются молебны, и изображения его расходятся в громадном числе, а потому открытие мощей его, довершая общее желание, явило бы собой в царствование вашего императорского величества торжество православия в местности, где нет других святых мощей и где единение всех и каждого во имя одной религиозной идеи особенно важно». (Дело деп. общих дел мин. внутр. дел, № 398, 1889 г. и № 151, 1890 г.) Александр III на отчете Анастасьева сделал отметку: «К обер-прокурору св. синода». Мощи были открыты в царствование Николая II, в сентябре 1896 г. Анастасьев непосредственно из губернаторов 22 июля 1892 г. был назначен членом Госуд. совета.

Открытие мощей было очень прибыльно и для местных торгово-промышленных кругов: на открытие мощей Феодосия собралось свыше 100 000 человек.

К открытиям мощей местное духовенство готовилось всегда исподволь. Когда распространялся слух о «чудесных проявлениях благодати божией», начинали служить панихиды «угоднику», записывая имена и фамилии служащих панихиды, затем заводили книгу в церкви, к которой прославляемый имел отношение, и фиксировали «чудесные проявления». Возбуждалось официальное ходатайство. Синод поручал местному преосвященному «собрать и доставить сведения о жизни и подвигах святого», специальной духовной комиссии—обследовать нетленность мощей, «за рукоприкладством» исцеленных или их родственников составлялся акт о чудесах. Синод слушал дело, определял, и обер-прокурор делал всеподданнейший доклад. Не лишена специфического бытового интереса первичная стадия в деле открытия мощей. Любопытный материал дают бумаги митрополита Исидора, в которых имеется собранный материал о чудесах и явлениях Матрены Егоровой, близкого Исидору в течение ряда лет человека: компания, окружавшая Исидора и Матрену, усердно подготовляла ее прославление.

В Петербурге с восьмидесятых годов у группы лиц, связанных с двором великой княгини Александры Иосифовны, жены Константина Николаевича, существовала определенная тенденция к прославлению императора Павла I. Ниже приводится не лишенная интереса запись в дневнике митрополита Исидора — под 16 ноября 1882 г.

«Странное в Петербурге поверье: кто желает избавиться от воинской повинности, должен отслужить панихиду по Павле I. К Потемкиным приехал молодой человек, очень смущенный предстоящею очередью поступить в военную службу. Ему кто-то сказал, чтобы отслужить панихиду по Павле I. Он отправился в Петропавловский собор и исполнил. Вечером того же дня неожиданно получил весть из министерства, что он освобожден от воинской повинности. Узнали это при дворе и присылали к Потемкиным расспросить о сем. Замечательно, что в соборе спрашивают имена тех, кто служит панихиду по Павле, и записывают в книге» («Дневник митр. Исидора, 16 ноября 1882 г., тетр. 18, стр. 7).

Мощи, частицы мощей доставляли большой доход причтам церквей и монастырской братии. Синоду иногда даже приходилось бороться с широким тяготением мест обзаводиться этим верным источником дохода.

[37]) Смирнов, Петр Алекс., прот. Исаакиевского собора, член училищного совета при синоде, редактор «Церк. ведомостей».

[38]) Покровский, Петр Евдок., прот., главный священник армии и флота.

[39]) Исаков, Ник. Вас., ген.-ад., с 1863 г. главный начальник военно-учебных заведений, с 1881 г. член Госуд. совета.

[40]) Коховский, Всев. Порфир., ген.-лейт., директор педагогического музея при главном управлении военно-учебных заведений.

[41]) Милютин, Дм. Алекс., граф, военный министр.

[42]) Лорис-Меликов, Мих. Тариелович, граф, начальник Верх. распор. комиссии.

[43]) Абаза, Алдр. Аггеевич, министр финансов.

[44]) На консистории из года в год поступали доносы с сообщениями о непотизме архиереев, взяточничестве, лихоимстве, служебных злоупотреблениях. Обер-прокурор посылал доверенных людей для производства ревизий: Саблера, вице-директора своей канцелярии Зинченко, управляющего контролем при синоде Чистовича и других.

Ревизии давали средство обер-прокурору и его помощнику держать в руках архиереев и митрополитов; ревизии систематически производились в консисториях тех епархий, которые возглавлялись находившимися в обостренных с обер-прокуратурой отношениях митрополитами и архиереями; как только такой архиерей или митрополит перемещаем был в новую епархию, немедленно производилась ревизия по месту его прежней службы. С 1893 г. места секретарей в консисториях стали замещаться исключительно чиновниками обер-прокурорской и синодской канцелярий.

[45]) Бернадский, Ник. Павл., секретарь новгородской дух. консистории с 1871 г.

[46]) Скабаланович, Ник. Аф., орд. проф. СПБ. дух. ак. по кафедре новой общей гражданской истории.

[47]) Лопухин, Алдр. Павл., экстраординарный профессор СПБ. дух. ак. по кафедре древней общей гражданской истории.

[48]) Соколов, Мих. Ильич, прот. Казанского собора в СПБ. с 1882 г.

[49]) Делянов, Ив. Дав., граф; министр нар. просвещения.

[50]) Никольский, Ник. Конст., доцент СПБ. дух. ак. по кафедре гомилетики и истории проповедничества.

[51]) Елеонский, Фед. Герас., ординарный проф. СПБ. дух. ак. по кафедре библейской истории.

[52]) Исаакий (Иоанн Пеловинский), еп. кишиневский с 1891 г. и астраханский с 1892 г.: уволен от управления епархией и назначен управляющим Гербовецкого в Кишиневской еп. монастыря в 1892 г.; в 1893 г. перемещен в Тихвинский новгородской епархии монастырь; умер в 1894 г.

[53]) Александр, еп. можайский с 1885 г., второй викарий московской епархии.

[54]) Барсов, Елп. Вас., секретарь Московского общества истории и древностей российских.

[55]) Субботин, Ник. Ив., засл. орд. проф. Моск. дух. академии по кафедре истории и обличения русского раскола.

К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др.

Документы, публикуемые нами, неопровержимо доказывают, что известный, недавно умерший землеволец-революционер Михайлов оказался человеком, давшим откровенные показания. В этом не может быть сомнения. Печатаемые документы начинаются рапортом начальника 3-й экспедиции III отделения Кириллова, того самого Кириллова, который принял к себе на службу народовольца Н. В. Клеточникова. Как усматривается из этого рапорта, высшие власти рассчитывали, видимо, использовать покаяние Адриана Михайлова на суде против народовольцев. Однако это не удалось. «Судебным актом, — говорит Кириллов, — этот протокол показаний служить не может, и давать ему подобное значение по многим соображениям неудобно».

Считаясь с заявлением такого компетентного лица в делах предательских, как Кириллов, высшие власти мысль об использовании откровенного показания А. Михайлова на суде оставили, но зато, повидимому, получили то, что им было нужно, от раскаявшегося террориста другим путем.

Кто же был Михайлов и какую он играл роль в движении? Михайлов, Адриан Федорович, сын чиновника, родился в 1853 г. в Ставропольской губернии. Учился в Московском университете и тогда же примкнул к народническому революционному течению. Александр Дмитриевич Михайлов называет в своей автобиографии в числе тех революционеров-народников, с которыми он был хорошо знаком в Петербурге в 1876 г., и Адриана Михайлова.

Пройдя все увлечения мирно-пропагандистского периода народничества, Адриан Михайлов принял, наконец, участие и в подготовке и в осуществлении убийства шефа жандармов Мезенцова. 4 августа 1878 г. Мезенцов был убит Кравчинским утром на Михайловской площади, причем ему удалось благополучно скрыться, так как при попытке полк. Макарова, сопровождавшего Мезенцова, задержать убийц А. И. Баранников, находившийся тут же, выстрелил и тем самым помог Кравчинскому и себе вскочить в экипаж, в который был запряжен знаменитый «Варвар», кучером на котором и был Адриан Михайлов. Арестован Адриан Михайлов был вскоре после убийства Мезенцова, попав в засаду 12 сентября 1878 г. Назвавшись Тугариновым, по дороге в участок он пытался бежать, однако неудачно. С 25 октября сидел в Петропавловской крепости, участвовал в протесте заключенных 5 февраля 1880 г., судился по процессу Веймара, Петербургским военно-окружным судом признан виновным в участии в революционной

организации и убийстве Мезенцова. Приговором 14 мая 1880 г. был осужден на смертную казнь и тотчас же после вынесения приговора переведен как смертник в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а 16 мая царь заменил ему смертную казнь 20-летней каторгой. Некоторые подробности о самом факте покаяния читатели найдут в печатаемых документах.

Трудно установить, сколь много получили жандармы от показаний Адриана Михайлова. Несомненно одно, что в их розысках эти показания кое-что им дали. Если самый факт ареста Александра Дмитриевича Михайлова (в октябре того же 1880 г.) не был вызван этими показаниями, то все же верно то, что для розысков Баранникова и других лиц, соприкасавшихся с ним, эти показания некоторое значение имели. Но и не в этом дело. Главное значение поступка Михайлова состоит в ужасном факте покаяния революционера пред лицом торжествующего врага. Моральное значение такого падения ужасно, даже если о покаянии не знают ближайшие друзья покаявшегося: враг удесятеряет свои силы, если у него имеются такие факты, как раскаяние хотя бы одного дотоле несокрушимого и твердого, как гранит, борца.

Бывают такие положения, когда революционер обманывает своего тюремщика, использует все средства, чтобы вырваться из застенка, прикидывается верноподданным своего тюремщика для того, чтобы, вырвавшись на волю, нанести своему врагу хотя бы еще раз сокрушительные удары.

Этот прием не есть прием доблести и чести, но он не кладет и клейма позора, если применивший его, выйдя на волю, умер все тем же борцом, а главное, если и в своем притворстве революционер не запятнал себя ни покаянием, ни оговором, ни предательством.

Бывают такие положения, когда пленника подвергают пытке (и не только физической; разве принуждение присутствовать несколько раз при казни своих осужденных товарищей, разве внезапные вызовы ночью на допрос и т. п. не есть та же пытка?), и он под влиянием физической или моральной боли (напр., боль от угрозы взять заложниками детей) рассказывает то, чего не следовало бы рассказывать.

В таком поступке нет ничего героического, но если революционер не плакал, не каялся пред лицом своего врага, то и здесь можно сказать: слаб человек, но не сознательный предатель.

Ужаснее тот факт, когда революционер, знавший, что он идет на верную гибель, попавшись в руки правительства, пред лицом смерти приносит покаяние и молит о пощаде.

Боясь смерти, боясь каторги, каяться перед врагом, считать свое прошлое ошибкой, заблуждением и преступлением и молить о пощаде — это зрелище, которое дает правительству уверенность, что его враги слабы, разбиты, дезорганизованы, что в их стане нет уверенности в успехе своего дела.

При таких условиях хотя бы малейшая откровенность есть уже страшное преступление пред тем делом, за которое ты брался.

С этой точки зрения и приходится подойти к фактам, сообщаемым в публикуемых документах.

Адриан Михайлов, повидимому, кроме как о Михайлове, своем однофамильце, и Баранникове, ничего не сказал. Больше того, и на каторге и затем, выйдя на поселение, он не примирился с правительством: 12 ноября 1889 г. на Каре он пытался отравиться, приняв яд по поводу истязаний Сигиды; в 1905 г. был приговорен экспедицией ген. Ренненкампфа к годичному тюремному заключению.

Все это — так, но факт покаяния, признание своей революционной деятельности заблуждением пред лицом врага — это и есть то ужасное, что низводит Адриана Михайлова с пьедестала революционера-народника.

Повидимому, покаянный поступок не давал покоя Михайлову до самой могилы (он умер 8 июня 1929 г. в Ростове-на-Дону); мучил его, был тем призраком, который всю жизнь мешал ему взяться за перо и рассказать о своей прошлой деятельности: действительно, как-то было странно слышать, что революционер, работавший в самой гуще революционной среды, принимавший самое близкое участие в борьбе на передовых позициях революции, ничего не говорит о своем былом, хранит упорное молчание, как бы осуждая этим молчанием свое прошлое.

Адриан Михайлов хорошо знал, что его покаяние было огромной подпорой чудовищу-самодержавию, и, зная это, он молчал: лучше уж молчать теперь, как лучше было молчать и тогда, а не падать на колени перед Лорисом-Меликовым.

Еще один ореол померк, еще одно революционное имя вычеркнуто из того списка, который история, казалось, выковала из нетленного материала.

Но что из того? История, наверно, развенчает и еще не одно имя самых «великих», самых «величайших» из вождей прошлого, но от этого нисколько не померкнет вся история борьбы угнетенных трудящихся масс за свое освобождение, ибо в этой борьбе есть действительно герои, есть свое действительно вечное и нетленное, ради чего стоит жить, бороться и умереть.

В. Невский.

Записка Г. Кириллова от 19 мая 1880 г. [1]).

Представляя при сем проект протокола, честь имею доложить вашему превосходительству, что окончание его, как равно некоторые места и середины, пришлось составлять по соображению, так как показание это из третьих уст не могло быть с точностью усвоено. Что касается вопросов, то их представляется так много, что, начиная от Москвы, встречи преступников у Ивановской, до последнего возвращения Михайлова в татерсаль, следует начертать целую программу, изобразить которую в отдельных вопросах невозможно. Главным же образом, совсем темным представляется появление Кравчинского, а неправдоподобным, в смысле отсутствия логического рассказа, остальное

[1]) Записка написана на бумаге почтового формата. На ней имеется помета карандашом: «К делу об убийстве генерал-адъютанта Мезенцова. 20/V». Архив Революции и Внешней Политики. Дело III отд. 3 эксп. № 233. Ч. 2 1878 г. «Об убийстве шефа жандармов и гл. начальника III отд. ген.-ад. Мезенцова».

все. Затем позволяю себе откровенно высказать, что цель и значение этого протокола для меня непонятны. Судебным актом он служить не может, и давать ему подобное значение по многим соображениям неудобно, а для розыска убийц в нем нет надобности. Наконец, что касается лица для командировки, то выбор такового становится в прямую зависимость от тех обязанностей, которые на это лицо будут возложены. Так как я уже докладывал о неудобствах предоставления этому лицу непосредственных розыскных действий, поэтому оно должно исполнять двойную миссию: в одном случае быть собирателем данных, добытых местными органами, а в другом — руководителем этих органов в достижении известной цели. Но, если бы показание было приведено в точную систему и порядок, в таком случае выбор лица облегчался бы.

Г. Кириллов.

Памятная записка [1]).

После конфирмации [2]) приговора С.-Петербургского военно-окружного суда, состоявшегося 14 мая сего года над лицами, судившимися по обвинению в принадлежности к преступному сообществу и в других совершенных ими государственных преступлениях [3]). Главный начальник Верховной распорядительной комиссии генерал-адъютант граф Лорис-Меликов, посетив 15 мая [4]) в крепости присужденного означенным приговором к смертной казни Адриана Михайлова и заметив [5]) в нем признаки раскаяния [6]), изволил напом-

[1]) Первоначально было: «Протокол», потом зачеркнуто и карандашом написано: «Памятная записка».

[2]) Первоначально текст начинался так: «1880 года мая 20 дня тов. гл. начальника с. е. им. вел. канцелярии свиты е. вел. ген.-майор Черевин и сенатор тайн. сов. Шмит, согласно предложению главного [исправлено: «главный»] начальника [испр.: «начальник»] Верховной распорядительной комиссии, составили настоящий протокол в удостоверение нижеизложенных обстоятельств дела, явившихся последствием»; все это было зачеркнуто и надписано карандашом: «После конфирмации».

[3]) Далее текст первоначально имел такой вид: «При посещении ген.-адъютантом графом Лорис-Меликовым присужденного», потом карандашом сверху были сделаны поправки, так что фраза получила форму, приведенную в основном тексте.

[4]) На полях во всю длину страницы неразборчивой рукой сделан ряд приписок-заметок: 1) «Привести [?] 78 для встречи [?], 2) «78 г. в июле встр[еча] в Библи[отеке] с Тюриковым», 3) «Позже свид[ание] у Шлиссе[льбургской] заставы», 4) «объяснить [?] мог или запряг[ать]», 4) «как... дрож[ки] лош[адь] и платье», 5) «У Строг[анова] мост[а] Кравчинский».

[5]) Далее зачеркнуто: «в самый день, но после объявления этого приговора его сиятельство, заметив в разговоре», и наверху написано «и заметив».

[6]) Далее зачеркнуто: «признал возможным» и наверху надписано: «изволил».

нить осужденному о беспредельности монаршего милосердия [1]) для лиц, оказывающих чистосердечное раскаяние, что вызвало в Михайлове такой избыток надежды [2]), что с ним в то же время сделалась дурнота [3]). Затем Михайлов заявил желание рассказать все известное ему по делу об убийстве ген.-ад. Мезенцова. Тогда ген.-ад. гр. Лорис-Меликов объявил ему о даровании государем императором жизни. 17 мая [4]) при вторичном посещении его сиятельством Михайлов заявил, что в показа[ниях] [5])... у лиц, совершивших убийство ген.-ад. Мезенцова [6]), объявив, что непосредственными виновниками этого преступления были: лицо, выдававшее себя за Тюрикова, и известный по революционной деятельности эмигрант Кравчинский. О знакомстве своем с Тюриковым и о его личности Михайлов показал, что [7]), находясь в 1877 году в Москве [8]) и посещая нередко проживавшую там в Козицком переулке, в доме Беливо, знакомую свою Александры Ивановской (арестованной в настоящее время [9]), брат которой, доктор Ивановский, также революционер, прозывавшийся «Василием Великим», скрывается за границей, он, Адриан Михайлов, встретил там [10]) знакомого ему Александра Михайлова. Таким образом только впоследствии он узнал, что Тюриков--дворянин Курской губернии Путивльского уезда, воспитывался в какой-то военной гимназии, а впоследствии был юнкером или офицером в артиллерии. Относительно его примет Михайлов показал, что Тюриков высокого роста, брюнет, в разговоре шепелявит [11]) и в пояснице имеет [12]) перегиб,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «чем в означенном преступнике был вызван»; наверху надписано: «для лиц, оказывающих чистосердечное раскаяние, что вызвало в Михайлове».

[2]) Первоначально было: «чувств».

[3]) Далее первоначально было написано: «В видах желания удостовериться в совершенной непритворности обнаруженных преступником чувств раскаяния его сиятельство вторично посетил Михайлова в месте его заключения». В основном тексте место это приведено в исправленном виде.

[4]) Далее зачеркнуто: «и тогда осужденный заявил желание дать чистосердечное показание по делу того преступления, в котором он обвинялся. При этом, признав прежде всего свою виновность в том, что он был кучером».

[5]) Далее идет текст, крайне неразборчивый, отчасти написанный по подчищенному месту.

[6]) Зачеркнуто: «Михайлов».

[7]) Зачеркнуто: «в бытность свою».

[8]) Зачеркнуто: «у»; слова: «знакомую свою Александры Ивановской» — вставлены над строкой.

[9]) Зачеркнуто: «Александры Ивановской».

[10]) Зачеркнуто: «означенного Тюрикова и познакомившегося с ним некоего».

[11]) Зачеркнуто: «особенно замечателен тем, что».

[12]) Зачеркнуто: «как бы перелом в пояснице».

вследствие которого у него выдается зад. Когда [1]) при знакомстве этом [2]) Адриан Михайлов [3]) сообщил Тюрикову, что [4]) желает заняться извозным промыслом с целью пропаганды в народе, то Тюриков [5]) предложил ему приехать в Петербург, обещая оказать в этом деле содействие, и указал на ту квартиру, в которой [6]) он действительно проживал, как это обнаружено расследованием. Что касается [7]) упомянутого выше Александра Михайлова, то об этом лице Адриан Михайлов показал, что хотя он его и мало знает, тем не менее ему известно, что Александр Михайлов носил кличку «дворника», уроженец Курской губернии [8]), был студентом Технологического института, но курса не окончил, а в 1877 году в августе, сентябре или октябре [9]) являлся в московское по воинской повинности присутствие, в числе лиц, вынимавших жребий [10]). При встрече там [11]) с Адрианом Михайловым и получивши дальний номер, избавлявший его от воинской повинности [12]), Александр Михайлов сообщил, что он собирался итти для пропаганды в народ по Волге, начиная с Казани. Таким образом, встретившись вторично с Тюриковым в Петербурге, Адриан Михайлов воспользовался сделанным ему предложением и поступил кучером к самому Тюрикову, хотя о знании своем задуманного Тюриковым преступления Адриан Михайлов умалчивает. По показанию Михайлова, со времени поступления его кучером он постоянно был посылаем в татерсаль как для запряжки лошади и выезда, так и для помещения ее туда обратно. Равным образом Адриан Михайлов исполнял обязанность кучера во всех проездках лошади по островам, причем в это время [13]) возил вместе с Тюриковым и Кравчинского, но где последний проживал, Адриан Михайлов не знает. 4-го августа 1878 года, по словам Михайлова, ему было приказано, по прежним примерам [14]), выехать на запряженной лошади из татерсаля в условное место, коим в этот день назначена была Михайловская площадь,

---

[1]) «Когда» — вписано карандашом.
[2]) Зачеркнуто: «Тюриков, узнав от».
[3]) Слова: «сообщил Тюрикову» — вписаны над строкой.
[4]) Зачеркнуто: «он».
[5]) Слова: «то Тюриков» — вписаны над строкой.
[6]) Зачеркнуто: «Тюриков».
[7]) Зачеркнуто: «личности».
[8]) Слова: «уроженец Курской губернии» — вписаны над строкой.
[9]) Зачеркнуто: «Адриан Михайлов видел его».
[10]) Далее зачеркнуто: «и», слова: «при встрече» — вписаны над строкой.
[11]) Зачеркнуто: «после того, когда Александр Михайлов».
[12]) Зачеркнуто: «то Адриан Михайлов узнал от него».
[13]) Зачеркнуто: «ездил».
[14]) Первоначально: «по примеру прежних случаев».

где он и был очевидцем совершенного [1]) Кравчинским при участии Тюрикова убийства ген. Мезенцова. Адриан Михайлов помнит хорошо, что первым после убийства на дрожки вскочил [2]) Кравчинский, а затем [3]) Тюриков, догонявший дрожки сзади. Скрываясь от преследования, они ехали по Малой Садовой улице мимо Александринского театра [4]) в Большую Садовую, где у Толкучева рынка убийцы сошли и куда девались — он не знает, после чего Михайлов [5]) возвратился с лошадью в татерсаль и оставил ее там [6]), Тюрикова же и Кравчинского более не видел.

Отношение III отделения на имя начальника моск. губ. жанд. упр. И. Л. Слезкина от 21 мая 1880 г. № 3975 [7]).

Конфиденциально.

Милостивый государь,
Иван Львович.

Из полученных в последнее время достоверных сведений усматривается, что один из ближайших участников убийства генерал-адъютанта Мезенцова был дворянин Курской губернии Путивльского уезда, называвшийся Тюриковым, и что лицо это находилось в коротких отношениях с уроженцем той же губернии Александром Михайловым, носившим кличку «дворник».

К выяснению этих личностей имеются указания, что Тюриков и Александр Михайлов посещали в 1877 году квартиру арестованной Ивановской, по Козицкому переулку, в доме Беливо, и что Александр Михайлов в августе, сентябре или октябре месяцах того же года вынимал жребий в московском по воинской повинности присутствии (вероятно, в ратники); причем получил один из дальних нумеров, освободивших его от повинности. Приметы этих лиц: Тюриков — высокого роста, брюнет, с вдавленной поясницей и выдающимся задом, а Александр Михайлов — блондин, с бородой, типа простонародного.

Ввиду особой важности этих сведений, по поручению главного начальника Верховной распорядительной комиссии, имею честь

[1]) Слова: «Кравчинским при участии Тюрикова» — над строкой.

[2]) Зачеркнуто: «Тюриков», слово: «Кравчинский» — вписано над строкой.

[3]) Зачеркнуто: «Кравчинский».

[4]) Зачеркнуто: «Чернышевым переулком и другими улицами, остановившись, наконец, за Невской заставой, где Тюриков и Кравчинский сошли с дрожек, а»; слова: «в Большую Садовую... он не знает» — над строкой.

[5]) Первоначально: «Михайлову приказали».

[6]) Зачеркнуто: «после чего он, Адриан Михайлов, ни одного из названных двух лиц».

[7]) Написано на бланке со штампом: «Управляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии. 3-я экспедиция».

покорнейше просить ваше превосходительство принять все вполне осторожные и зависящие от вас меры к полному выяснению личности Тюрикова и Михайлова, последнего через совершенно секретную справку в присутствии по воинской повинности, и о последующем меня уведомить по возможности в непродолжительном времени. Справка в воинском присутствии, возможно, определит с точностью звание и место рождения Михайлова и таким путем постепенно выяснит его настоящее местопребывание.

Шмит.

Отношение гр. Лорис-Меликова на имя курского губернатора от 21 мая 1880 г. № 3977 [1].

Конфиденциально.

Г. курскому губернатору [2].

Из полученных в последнее время достоверных указаний усматривается, что одним из ближайших участников убийства генерал-адъютанта Мезенцова был дворянин Курской губернии Путивльского уезда, называвшийся Тюриковым, и что лицо это находилось в коротких отношениях с уроженцем той же губернии, Александром Михайловым, носившим в революционной среде кличку «дворник».

Ввиду неотложной необходимости в производстве ныне же экстренных розысков названных лиц, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о принятии зависящих с вашей стороны мер по сему предмету, возложив розыскные действия не более как на двух самых опытных и заслуживающих полного вашего доверия лиц.

К сему считаю долгом присовокупить, что подателю сего, состоящему при III отделении с. е. и. в. канцелярии, надв. сов. Блюму, хорошо знакомому не только с обстоятельствами дела об убийстве генерал-адъютанта Мезенцова, но и с подробностями других соприкасающихся к этому дел о государственных преступлениях, поручено сообщить вам все имеющиеся ввиду данные, могущие способствовать успеху розыска по вверенной вам губернии, и затем возвратиться в Петербург.

О результатах ваших распоряжений прошу вас уведомить меня.

Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов.

---

[1]) Написано на бланке со штампом: «Главный начальник Верховной распорядительной комиссии».

[2]) Зачеркнуто: «Милостивый государь, Александр Николаевич» Курским губернатором тогда был А. Н. Жездринский.

Вопросы [1])

1) Пробелы в показании Михайлова заключаются в неуказании лиц, которых знал он в Петербурге, и квартир Тюрикова и Кравчинского.

2) От кого получал средства к жизни до приезда летом Тюрикова?

3) Как узнал, что это Кравчинский и кто и что именно передавал?

4) Где получал приказания Михайлов о лошади ежедневно?

Памятная записка [2]).

После конфирмации приговора С.-Петербургского военно-окружного суда, состоявшегося 14 мая сего года над лицами, судившимися по обвинению в принадлежности к преступному сообществу и в других совершенных ими государственных преступлениях, главный начальник Верховной распорядительной комиссии, ген.-ад. гр. Лорис-Меликов посетил 15 мая в С.-Петербургской крепости приговоренного к смертной казни Адриана Михайлова и, заметив в нем признаки раскаяния, напомнил осужденному о беспредельности монаршего милосердия. Эти немногие слова надежды вызвали в Михайлове такой избыток чувств, что с ним сделалось дурно [3]). По объявлении ген.-ад. гр. Лорис-Меликовым [4]) Михайлову, что государю императору высочайше благоугодно было даровать ему жизнь, Михайлов заявил тут же готовность рассказать чистосердечно все известное ему по делу убийства ген.-ад. Мезенцова, не укрывая никого из партии террористов, но полагает невозможным называть лиц из прочих революционных фракций [5]).

17 мая [6]) главный начальник Верховной распорядительной комиссии вторично посетил крепость и Михайлова [7]).

---

[1]) Заголовок подлинника, написанного рукой Кириллова.

[2]) Заголовок, зачеркнутый в подлиннике; наверху находится следующая помета, сделанная карандашом: «Г. Изотову. — Завтра к 11 часам утра переписать на обрезной бумаге. 6/8». Сбоку помета: «Подано 7/8».

[3]) Зачеркнуто: «После того Михайлов заявил желание рассказать чистосердечно все известное ему по делу об убийстве ген.-ад. Мезенцова. Тогда».

[4]) Зачеркнуто: «объявил».

[5]) Зачеркнуто: «как не принимавших участие в».

[6]) Зачеркнуто: «при вторичном посещении крепости».

[7]) Зачеркнуто: «Михайлов, подтвердив его сиятельству намерение свое дать показание по обстоятельствам, касающимся дела о названном убийстве, заявил желание умолчать о революционной деятельности вообще и о лицах, к делу сему непричастных. Засим».

В эти два посещения крепости [1]) Михайлов дал ген.-ад. гр. Лорис-Меликову следующее словесное показание [2]). Не отрицая знакомства своего со многими революционными деятелями, но не признавая в то же время принадлежности своей к террористической партии, Михайлов подтвердил виновность свою в том, что он был кучером у лиц, совершивших означенное убийство, объяснив, что непосредственными виновниками этого преступления были: известный по революционной деятельности эмигрант Кравчинский и другое лицо, выдававшее себя за Тюрикова. Относительно знакомства своего с этими лицами Михайлов рассказал следующее: находясь в 1877 году в Москве и посещая нередко проживавшую там в Козицком переулке, в доме Беливо, знакомую ему Александру Ивановскую [3]), он встретил в ее квартире знакомого своего Александра Михайлова, уроженца Курской губернии, бывшего студента Технологического института, неокончившего курса, который в 1877 году, в августе, сентябре или октябре, являлся в московское по воинской повинности присутствие в числе лиц, вынимавших жребий, и в то время, встретясь с Адрианом Михайловым в здании присутствия, говорил ему, что так как ему выпал дальний номер, освобождающий его от повинности, то он намерен отправиться на Волгу для пропаганды в народе. Приметы Александра Михайлова, носившего кличку «дворник»: белокурый, с бородой, типа простонародного. В той же квартире Ивановской, он, Адриан Михайлов, познакомился через Александра Михайлова с неизвестным лицом, называвшимся Тюриковым — высокого роста, брюнет, картавит, с вдавленною поясницею и выдающимся задом, о котором ему впоследствии сделалось известно лишь то, что Тюриков — дворянин Курской губернии Путивльского уезда, воспитывался в одной из военных гимназий и был юнкером или прапорщиком, — как полагает Адриан Михайлов, в артиллерии. Когда при знакомстве этом Адриан Михайлов сообщил Тюрикову о желании своем заняться извозным промыслом с целью пропаганды в народе, то Тюриков предложил ему приехать в Петербург, обещая оказать в этом деле содействие. После того, прибыв в январе 1878 г. в С.-Петербург и отыскав квартиру Тюрикова в Подъяческой улице — ту самую, в которой последний, как оказалось по расследованию, действительно проживал, — Адриан Михайлов поместился, по предложению Тюрикова, на той же квартире

---

[1]) Слова: «В эти два посещения крепости» — вписаны над строкой, вместо зачеркнутого: «Засим».

[2]) Зачеркнуто: «которое заключается в следующем».

[3]) «Ивановская арестована. Есть ли у нее сестра Авдотья — неизвестно; брат же — доктор, прозывавшийся в революционной среде «Василием Великим», скрывается за границей». — Примечание в подлиннике.

и пользовался полным его содержанием, но занятий по извозному промыслу не получил. В феврале месяце Тюриков уехал, по словам Адриана Михайлова, в Нижний Новгород, а Михайлов, оставшись один, проживал у разных своих знакомых, которых не объявил. Засим в июле 1878 г. Адриан Михайлов случайно встретил Тюрикова в Публичной библиотеке, который, узнав от Михайлова, что последний занятий себе не приискал, предложил ему поступить к нему в кучера, причем назначил сойтись близ Шлиссельбургской заставы. Прибыв в условное место, он нашел там Тюрикова с лошадью, запряженною в пролетку, и кучерское платье, которое ему предложено было Тюриковым одеть, а лошадь отвезти в татерсаль в Новом переулке. После того Адриан Михайлов, по поручению Тюрикова, ежедневно закладывал лошадь в пролетку и выезжал в условное место, откуда делались поездки вместе с Тюриковым. Где в это время жили Тюриков и Михайлов, последний не объяснил. В одну из обычных проездок, на Строгоновом мосту ожидал Тюрикова Кравчинский, принимавший после того участие в этих поездках; подробностей же о личности Кравчинского и о его месте жительства Михайлов не сообщил. 4 августа 1878 г. Михайлов выехал, по обыкновению, в условное место, которым назначена была на этот раз Михайловская площадь, где он, Михайлов, был очевидцем совершенного Кравчинским при участии Тюрикова убийства ген. Мезенцова. Адриан Михайлов помнит хорошо, что после убийства первым вскочил на дрожки Кравчинский, а за ним Тюриков, догонявший их некоторое время. Скрываясь от преследования, они ехали по Малой Садовой улице мимо Александринского театра, в Большую Садовую улицу, где у Апраксина рынка убийцы сошли и быстро исчезли, а Михайлов возвратился с лошадью в татерсаль, где ее и оставил; Тюрикова же и Кравчинского после того более не встречал.

Справка об Александре Михайлове [1]).

По полученным в Москве и Курске сведениям о лицах, на которых указывает в своем показании Адриан Михайлов, оказывается:

Александр Михайлов, чрез которого Адриан Михайлов познакомился с Тюриковым, есть, по всей вероятности, тот же Александр Михайлов, на которого указал Гольденберг как на участника по делу о взрыве 19 ноября 1879 г. под Москвою и о котором производит дознание начальник московского губернского жандармского управления. Доказательством этому служат: во 1-х — наружное сходство; во 2-х — однообразная кличка «дворник», под которою был известен Александр Михайлов Адриану Михайлову и тем лицам, которые

[1]) В подлиннике заголовок отсутствует.

сообщили о нем сведения по Москве; и в 3-х — то, что, по справкам, наведенным начальником московского губернского жандармского управления об Александре Михайлове, обвиняемом по взрыву 19 ноября, выяснено с положительностью, что он есть сын путивльского уездного землемера (ныне в отставке) надворного советника Дмитрия Михайловича Михайлова, имеющего небольшое имение в Путивльском уезде; по показанию же Адриана Михайлова — указанный им Александр Михайлов есть тоже дворянин Путивльского уезда Курской губернии.

Засим из имеющихся по Москве и Курску сведений видно, что сын означенного землемера — Александр Дмитриев Михайлов воспитывался в С.-Петербургском Технологическом институте и в 1875 г. за участие в бывших там беспорядках был выслан административным порядком в Путивль; но в 1876 г. ему разрешено было возвратиться в здешнюю столицу для окончания образования. 5 сентября 1877 г. Александр Михайлов получил в последний раз свидетельство на жительство из путивльского уездного полицейского управления, а по окончании срока этому свидетельству отец его обратился в октябре 1878 г. с ходатайством о возобновлении вида для сына, но ему было в том отказано за непредставлением полицейского удостоверения о последнем месте жительства сына. После того Александру Михайлову свидетельства из названного полицейского управления более выдаваемо не было и его самого никто в Путивле более не видал.

По словам путивльского уездного (полицейского) исправника, Александр Михайлов, еще будучи гимназистом, не стеснялся открыто высказывать противоправительственные взгляды, так что благонамеренные люди сторонились его. Кроме тех примет, которые уже известны, исправник указывает, что Александр Михайлов сильно заикался. По тем же сведениям, мать Михайлова (живущая отдельно от мужа) и его сестры живут в Киеве.

По некоторым данным является предположение, что Александр Михайлов есть то же самое лицо, которое называл в своем заявлении дворянин Дрига псевдонимом «Безменов». Лицо это приезжало в июле месяце 1879 г. в Чернигов для займа денег с целью приготовления нового преступного замысла.

Что касается Тюрикова, на которого указывает Адриан Михайлов как на ближайшего участника в убийстве ген.-ад. Мезенцова, то хотя по имеющимся в Курске сведениям в Путивльском уезде и находится трое дворян, носящих фамилию «Тюряков», а не Тюрикова, но все они люди благонамеренные и подозрения никакого не возбуждают.

Засим по некоторым данным, полученным как в Москве, так и в Курске, является предположение, не есть ли Тюриков, на кото-

рого указывает Адриан Михайлов, дворянин Путивльского уезда — Александр Иванов Баранников.

Предположение это основывается на следующем: 1) по производимому начальником московского губернского жандармского управления дознанию о взрыве 19 ноября выясняется, что один из участников этого преступления, известный Гольденбергу под именем Ипполита Кошурникова, есть, по всей вероятности, означенный выше Баранников. Этот Баранников, как подтвердилось и по Курску, находился с малолетства в самых дружеских отношениях с Александром Михайловым, и, не окончив курса в орловской военной гимназии, в 1875 г. отправился в Петербург, где поступил в Павловское военное училище. В 1876 г. Баранников из училища скрылся, прислав на имя своего начальства письмо о намерении лишить себя жизни. После того о Баранникове родные его никаких сведений не получали, и несмотря на розыски, следов его исчезновения обнаружено не было. Очень может быть, что Баранников скрылся из училища для преступных целей и принял фамилию Кошурникова, который, по имеющимся сведениям, умер в С.-Петербурге в 1875 г. Так как за сим Гольденберг указывает, что одним из убийц ген.-ад. Мезенцова был также Кошурников, является возможность, что Кошурников был известен Адриану Михайлову под фамилией Тюрикова, а потому есть одно и то же лицо — именно Баранников. Во 2-х — приметы Кошурникова, по Гольденбергу, и Тюрикова, по заявлению Адриана Михайлова, имеют некоторое сходство.

Принимая во внимание, что Александр Михайлов жребия в Москве в 1877 г. не вынимал, а являлся по отбытию воинской повинности в Курске (как об этом сообщил путивльский исправник), можно с некоторою вероятностью предположить, что сведения, данные Адрианом Михайловым, не вполне точны.

Отношение гр. Лорис-Меликова на имя харьковского губернатора от 21 мая 1880 г. № 4008 [1]).

Совершенно конфиденциально.

Г. харьковскому временному генерал-губернатору.

Из полученных в последнее время достоверных указаний усматривается, что одним из ближайших участников убийства ген.-ад. Мезенцова был дворянин Курской губернии Путивльского уезда, называв-

[1]) На полях: «Главный начальник Верховной распорядительной комиссии по III отделению с. е. в. канцелярии. 21 мая 1880 г. № 4008.»

шийся Тюриковым, и что лицо это находилось в коротких отношениях с уроженцем той же губернии Александром Михайловым, носившим в революционной среде кличку «дворник».

Ввиду сего, сообщив курскому губернатору о неотложной необходимости в производстве экстренных розысков названных лиц, я прошу его о принятии зависящих мер по сему предмету с тем, чтобы розыскные действия были возложены не более как на двух самых опытных и заслуживающих полного его доверия лиц.

О вышеизложенном долгом считаю уведомить ваше сиятельство и присовокупить, что, по распоряжению моему, командирован в г. Курск состоящий при III отделении с. е. и. в. канцелярии надв. сов. Блюм, которому поручено сообщить губернатору все имеющиеся в виду данные, могущие способствовать успеху розыска по Курской губернии.

Генерал-адъютант граф Л о р и с - М е л и к о в

Отношение III отделения на имя СПБ. градоначальника от 25 мая 1880 г. № 4054.

Секретно.

По имеющимся в III отделении с. е. и. в. канцелярии сведениям, дворянин Путивльского уезда Курской губернии Александр Сергеев [1]) Михайлов, неизвестно где проживающий, подозревается в весьма важном политическом преступлении.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие не изволите ли сделать зависящее с вашей, м. г., стороны распоряжение о секретном розыскании в здешней столице упомянутого дворянина и собрать сведения, не воспитывался ли он в каком-либо из С.-Петербургских учебных заведений; о последующем же меня уведомить.

За управляющего III отделением сенатор Ш м и т.

Письмо И. Л. Слезкина Н. К. Шмиту от 28 мая 1880 г. [2]).

Совершенно секретно.

Милостивый государь,
Никита Кондратьевич,

Вследствие письма вашего превосходительства от 21 сего мая за № 3975, имею честь уведомить, что по собранным совершенно негласным сведениям относительно выяснения личности Александра М и-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Написано на бланке со штампом: «Начальник московского губернского жандармского управления. № 2560». «3 июня 1880 г.»

хайлова и называвшегося Тюриковым оказывается следующее: в числе вынимавших в 1877 г. жребий вообще по отбыванию воинской повинности Александра Михайлова не значится. Дочь священника Александра Ивановская, по освобождении ее 3 января 1877 года из-под стражи, проживала сначала в селе Петровском-Разумовском, близ Петровской земледельческой академии, а потом в конце мая того же года, Арбатской части, 5 квартала, в доме Белова, в отдельной комнате, у съемщицы квартиры зарайской мещанки Татьяны Федоровой Михайловой и 9 сентября 1877 года отмечена выбывшею неизвестно куда. Хотя названная Михайлова и розыскана (она проживает ныне в Лефортовской части, 7 квартала, в селе Богородском), но личность эта, по поведению своему, не внушает к себе доверия; политическая благонадежность ее сомнительна. Михайлова отзывается вообще беспамятностью как о квартировавших у ней, так и о приходивших к ним их знакомых. Живший в 1877 г. в доме Белова в качестве дворника белевский мещанин Василий Николаев Муравлев, оказался выбывшим на родину. Посещали ли Тюриков и Александр Михайлов в 1877 году Александру Ивановскую в доме Белова, установить какими-либо фактическими данными до настоящего времени этого обстоятельства еще не представляется возможности. Относительно сына бывшего путивльского уездного землемера Александра Дмитриева Михайлова и путивльского дворянина Александра Иванова Баранникова, о коих мною донесено III отделению с. е. и. в. канцелярии 8 сего мая за № 2336, по тщательным справкам и негласным сведениям, оказалось, что виды их в Москве в 1877 г. прописаны в полиции не были, но значится прописавшимся 17 ноября из г. Путивля, по свидетельству путивльского уездного исправника, от 24 августа 1877 г. за № 3611, не служащий дворянин Александр Федоров Тюряков, высокого роста, красивой наружности, брюнет, с черной бородкой; он жил в Арбатской части, 5 квартала, в доме Буханова, имел, повидимому, средства; в конце 1878 г. его замечали часто разъезжавшим по Москве на вороной лошади, в пролетке, совершенно схожими с теми, на коих скрылись убийцы ген. Мезенцова. С Тюряковым ездила какая-то дама, имея всегда лицо закрытым черным вуалем; лошадь и экипаж в доме Буханова не помещались, а видели его уезжавшим по направлению к Пресне, именно к той местности Москвы, где проживает много торгующих лошадьми цыган. Когда и куда выехал из Москвы Тюряков, отметки в домовой книге нет. Дальнейшие сведения по вышеобъясненному предмету мною будут сообщены вашему превосходительству по получении таковых немедленно.

Иван Слезкин.

Телеграмма III отделения начальнику московского губ. жанд. управления [1].

Москва

Начальнику губернского жандармского управления.

По дополнительным сведениям, полученным об Александре Михайлове [2]) от близких ему лиц и курского губернатора, подтверждается несомненно, что он в 1877 году являлся в московское городское по воинской повинности присутствие 7 августа, но не принят в ратники ополчения по недошедшей очереди до имевшегося у него номера жребия. Об этом означенное присутствие уведомляло 24 августа за № 2058 путивльское Курской губернии присутствие. Ввиду таковых несомненных данных о бытности означенного Михайлова в Москве прошу ваше превосходительство распорядиться о собрании о нем всех тех сведений, о которых было вам сообщено в отношении от 21 мая за № 3975 [3]).

За управляющего III отделением сенатор Шмит.

Телеграмма III отделения начальнику киевского губ. жанд. управления [4].

Киев.

Начальнику губернского жандармского управления.

Получено сведение, что важный политический преступник, упоминаемый в указаниях Гольденберга, Александр Михайлов, или же Безменов, есть сын путивльского уездного землемера Александр Дмитриев Михайлов, мать которого Клавдия Осиповна Михайлова живет с дочерью в Киеве на Бульварно-Кудрявской улице в доме генерала Деконор. Старшая ее дочь — в замужестве за учителем киевского реального училища Павлом Петровичем Безменовым, живущим также в Киеве. Этим обстоятельством может быть объяснено, почему Михайлов появлялся под фамилией Безменова. Мать содержит квартиру для гимназистов. Большие подробности будут изложены в циркуляре, который вслед за сим последует. Ввиду изложенного немедленно, но самым осторожным образом вполне секретно дознайте, не у матери ли или не у зятя ли Безменова

[1]) Наверху помета: «Шифровать».

[2]) Места, набранные как в этой, так и в следующей телеграммах разрядкой, предполагалось зашифровать.

[3]) Зачеркнуто: «Подробности будут в циркуляре».

[4]) На подлиннике помета: «Шифровать».

скрывается Александр Михайлов. Установите также, если возможно, секретное наблюдение за их корреспонденцией. Если Михайлов окажется, то арестуйте. Приметы его: 25 лет, росту 2 аршина 6 вершков, волосы светлые с рыжеватым оттенком, борода окладистая, глаза светлосерые, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, русский тип, комплекции плотной, особая примета — заикается. С ним может находиться также его близкий приятель важный преступник путивльский дворянин Александр Иванов Баранников, появлявшийся иногда под фамилией Тюрикова, приметы которого: 22 лет, росту 2 аршина 8 вершков, брюнет, глаза черные, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, но смугловато, сложения плотного, голос грубый, особая примета та, что зад сильно выдается. Если будет несомненным, что это лицо укрывается у Михайлова или Безменова, то его также арестовать, но необходимо действовать в изысканиях и наблюдении с большой осторожностью. О последующем телеграфируйте.

За управляющего III отделением сенатор Шмит.

Рапорт курского губернатора главному начальнику Верх. распорядительной комиссии от 3 июня 880 г. № 1528 [1]).

Конфиденциально.

Господину главному начальнику Верховной распорядительной комиссии.

Вследствие предложения вашего сиятельства от 21 числа минувшего мая за № 3977 относительно розысков лица, называвшегося в революционной среде Тюриковым, и Александра Михайлова, носившего в той же среде кличку «дворника», имею честь представить при сем вашему сиятельству следующие сведения, добытые путивльским уездным исправником Глебовым и старшим чиновником особых при мне поручений Снежковым на месте в Путивльском уезде:

1) В г. Путивле проживал сын бывшего путивльского уездного землемера надворного советника Дмитрия Михайлова — Александр, родившийся 17 января 1855 г. Воспитывался он, Александр Михайлов, в новгород-северской, а потом в немировской гимназиях, но ат-

[1]) Наверху помета: «10 июня 1880 г.». На полях карандашом: «Исполнить передано В. А. Гусеву. 9/VI».

тестата зрелости не получил. В 1875 году поступил в С.-Петербургский Технологический институт, но в ноябре того же года был замешан в дело о беспорядках в институте, выслан к отцу в Путивль, а в декабре переехал на жительство в Киев, где проживала его мать с двумя дочерьми и меньшим сыном Митрофаном. Летом 1876 года Михайлову разрешен был въезд в Петербург для поступления в одно из высших учебных заведений, и он, по свидетельству путивльского уездного исправника, выданному 26 июля 1876 г. за № 1445, отправился в С.-Петербург и, как объяснил отец его, выдержал экзамен в Горный институт, но не поступил за неимением вакансии. Желая приготовиться во 2-й курс того института, он поступил вольнослушателем в математический факультет С.-Петербургского университета, пробыл один год, но точного времени выбытия из оного отец не знает. В течение первого года он посылал сыну по 25 руб. в месяц на содержание, а потом Александр Михайлов написал, чтобы отец денег ему не высылал, потому что, добывая уроками деньги, он не нуждается в помощи из дому, и обещал на высланные 25 руб. привезти сестрам книги. В 1877 г. 5 сентября за № 7536 выдано было путивльским уездным полицейским управлением годовое свидетельство Александру Михайлову, и когда, за истечением оному срока, отец Михайлова в ноябре 1878 г. обратился к путивльскому уездному исправнику Глебову с словесною просьбою о выдаче нового свидетельства, то исправник ему отказал, объяснив, что свидетельство будет выдано в таком только случае, когда будет возвращено прежнее с удостоверением местной полиции, что к выдаче нового свидетельства препятствий нет. За непредставлением Михайловым старого свидетельства и удостоверения, новое свидетельство выдано не было. — Дмитрий Михайлов (отец розыскиваемого) говорит, что с осени 1878 г. он не получал от сына известий, и о месте жительства и занятиях его он ничего не знает. Фотографической карточки и писем сына у него нет, а полагает, что карточка, снятая во время нахождения его в гимназии, есть у жены его Клавдии Осиповны.

У надв. сов. Дмитрия Михайлова в г. Путивле дом и в 25 верстах от Путивля в деревне Алеевой небольшое имение, в котором никто из семьи постоянного жительства не имел и не имеет. Жена его Клавдия Осиповна с 1874 года переехала на жительство в Киев и проживает в настоящее время на Бульварно-Кудрявской улице в доме ген. Деконор. Старшая дочь Клеопатра замужем за учителем киевского реального училища Павлом Петровичем Безменовым, остальные — сын Митрофан, 16 лет, в реальном училище, а дочери — Анна и Клавдия находятся при матери. Михайлова содержит квартиру для учеников реального училища.

Приметы Александра Михайлова: 25 лет, рост около 2 аршин 6 вершков, волосы светлые с рыжеватым оттенком, окладистая борода, глаза светлосерые, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, красноватое, тип вполне русский, народный, комплекции довольно плотной и крепкой, особая примета заиковатость.

2) Александр Дмитриев Михайлов состоял на очереди по отбытию воинской повинности в 1876 г. и был внесен в призывной список по первому участку Путивльского уезда, но как имевший право на льготу первого разряда, лично к исполнению повинности не явился, и жребий № 304 за него 13 декабря того же года был вынут председателем присутствия. Свидетельство, от 30 декабря за № 1907, о зачислении Михайлова в ополчение отослано было ему чрез путивльское полицейское управление и под расписку вручено ему надзирателем 2 части г. Путивля 24 января 1877 г. Когда в 1877 г. последовало высочайшее повеление о призыве на службу ратников ополчения, то при исполнении этого высочайшего повеления в Путивле 1 августа 1877 г. Михайлов находился в зале воинского присутствия, но так как в списке ополченцев по порядку он был записан 147-м, а всех ополченцев по первому участку Путивльского уезда следовало принять 115 и распоряжение об избавлении льготных первого разряда от приема на службу в то время еще не было получено, то Михайлов, увидя, что очередь подходит к его номеру, незаметно из залы присутствия скрылся. Воинское присутствие, сочтя это за желание уклониться от исполнения воинской повинности, немедленно распорядилось о приглашении Михайлова в присутствие чрез полицию, но эта последняя не нашла его уже в городе, так как Михайлов, по заявлению своего отца, придя из присутствия, сейчас же уехал в Москву, где будто бы желал отбыть воинскую повинность.

Вследствие этого путивльское уездное по воинской повинности присутствие отнеслось в московское городское присутствие с вопросом, являлся ли Михайлов в Москве к отбытию ратницкой повинности, и московское воинское присутствие, отношением от 24 августа за № 2058, уведомило, что Александр Михайлов для поступления в ратники ополчения являлся в московское городское по воинской повинности присутствие 7 августа, но не принят по недошедшей до имевшегося у него номера жребия очереди.

В Москве он заходил два или три раза к родной тетке своей (по матери) Анастасии Осиповне Вартановой, проживавшей в то время вместе с мужем своим, вольнопрактикующим врачом Василием Ивановичем Вартановым, на Солянке, в доме Кобыжской. Вартанова в настоящее время живет в Путивле и заявила, что, где останавливался в августе месяце 1877 г. в Москве ее племянник Михайлов и имел ли,

кроме нее, в Москве кого-либо знакомых, она не знает. Муж Вартановой живет в настоящее время в Москве на Солянке в доме сербского подворья.

3) О месте нахождения в настоящее время Михайлова сведений нет. Пристав 3 стана Путивльского уезда Воронин заявил, что в прошедшем году в Путивле, в своем доме, не помнит, от кого из родных Михайлова, он слышал, что сестра его Клеопатра Безменова, проезжая летом из Киева в Крым, встретила в Одессе Александра Михайлова. Дворянин Василий Карпович Порскалов, женатый на родной тетке Михайлова, проживающей ныне в Путивле, заявил, что слышал он, будто бы Александр Михайлов рождественские праздники 1879 г. провел у своей матери в Киеве и что он Михайлов в 1877 или 1878 гг. в Петербурге проживал в качестве домашнего учителя в квартире какого-то экономa одного из казенных учебных заведений и получал жалованья по 10 руб. в месяц. Фамилии экономa и названия учебного заведения он не знает. При сем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что розыскиваемый по сообщению начальника киевского губернского жандармского управления, от 30 июля 1879 г., Семен Игнатьев Безменов, он же и Михаил Дмитриев Михайлов, подходит к Александру Михайлову, как по описанным в сообщениях тех приметам, так и по перефразированным имени, отчеству и фамилии отца (Дмитрий Михайлович Михайлов), а Безменов — фамилия его зятя.

Александр Михайлов редко давал свои фотографические карточки товарищам и знакомым; из бывших товарищей его барон Михаил фон-Дистерло говорит, что имел карточку Михайлова, снятую довольно верно в возрасте 17—18 лет, но карточка та пропала и таковую ни от кого из знакомых его добыть было невозможно.

4) Приметы путивльского дворянина Александра Иванова Баранникова: 22 лет, роста около 2 аршин 8 вершков, брюнет, глаза и брови черные, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое смугловатое, сложения плотного, голос имеет довольно густой и сильный. При сем представляется карточка Баранникова, снятая во время нахождения его в орловской военной гимназии. Дмитрий Михайлов, колл. секр. Николай Тюряков, бар. Михаил фон-Дистерло и дворянин Иван Григорьевич Санцевич говорят, что у Баранникова зад значительно выдается, и последний присовокупил, что летом 1875 г. вся путивльская молодежь постоянно смеялась над этою особенностью в фигуре Баранникова. Семейное положение Баранникова: мать Елизавета Ивановна, родом грузинка, брат Василий, 30 лет, капитан, служил в 5-й артиллерийской бригаде, служит ныне в болгарской армии; сестра

Надежда замужем за путивльским нотариусом Якубовичем и меньшая — Мария, 19 лет, девица, живут при матери в г. Путивле, в собственном доме. — В деревне Алеевой у Баранниковых имения нет, а находится таковое, в количестве 102 десятин, в разных дачах недалеко от Путивля. Александр Баранников окончил курс наук в орловской военной гимназии в 1875 г.; во время каникул сдружился с Александром Михайловым, который, приобретя на него сильное влияние, уговаривал не поступать в военное училище, и только по усиленным просьбам родных, он поступил в Павловское военное училище, но в апреле 1876 г. неизвестно куда скрылся. — Мать его заявила, что с пасхи 1876 г. она о сыне не имеет никаких известий. Короткость отношений между Михайловым и Баранниковым возникла только летом 1875 г. В то время на несколько дней приезжали к Михайлову товарищи его по новгород-северской гимназии Дорошенко из Глуховского уезда и Масютин, уроженец также Черниговской губернии, но какого уезда, а равно как зовут Дорошенко и Масютина, Дмитрий Михайлов не объяснил. Образ жизни Михайлова и Баранникова не навлекал никаких подозрений в чем-либо дурном. Занимались они хождением на охоту, стрельбой, и не было слухов, чтобы они входили в сношение с простонародием. О месте нахождения в настоящее время Баранникова сведений нет.

5) Дворянина Федора Тюрикова в Путивльском уезде нет и не было, но есть фамилия Тюряковых. Недавно умерший колл. сов. Петр Захарович Тюряков был женат на родной (по отцу) тетке Александра Баранникова, имел двух сыновей: губернского секретаря Петра 35 лет и колл. секр. Николая 29 лет; оба они среднего роста (около 2 арш. 5 вершков), старший — брюнет, с черными глазами и довольно резко определенными чертами лица, все время жил в г. Путивле, где Тюряковы имеют дом, и в Путивльском уезде в своем имении; а Николай—блондин, с несколько рыжеватым оттенком волос, в особенности на бороде, с светлосерыми глазами и тонкими чертами лица, — кончил в 1876 г. курс наук в Московском университете, в том же году поступил кандидатом на судебную должность при прокуроре московского окружного суда Муравьеве, в октябре 1877 г. вышел в отставку, а в январе 1878 г. зачислен кандидатом на судебные должности при прокуроре ярославского окружного суда, в июне того же года женился, август провел за границею, а с сентября 1878 г. проживает почти постоянно в Путивльском уезде в своем имении. Тюряковы не навлекали на себя подозрения в политической неблагонадежности.

Губернатор А. Жедринский.

Отношение III отделения на имя курского губернатора от 10 июня 1880 г. № 4408.

Секретно.

Препровождая при сем фотографическую карточку неизвестного лица, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня, с возвращением оной, в возможно непродолжительном времени уведомлением, не имеет ли она сходства с упоминаемым в вашем, милостивый государь, представлении главному начальнику Верховной распорядительной комиссии от 3 сего июня за № 528 сыном бывшего путивльского уездного землемера надворного советника Дмитрия Михайлова — Александром Михайловым.

За управляющего III отд. сенатор Шмит.

Циркуляр III отделения от 11 июня 1880 г. № 4412.

Совершенно секретно.

Начальникам губернских жандармских управлений и начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог.

По одному из важных политических преступлений III отделением с. е. имп. вел. канцелярии розыскиваются два лица, из которых одно, имевшее подложный документ на имя дворянина Путивльского уезда Тюрикова, как это оказалось впоследствии по расследованию, проживало по этому документу в С.-Петербурге в июле 1878 г. и в начале августа успело скрыться; другое же лицо, имея также подложный документ [1]) почетного гражданина из тульской [2]) городской управы на имя Безменова, сделалось известным III отделению только в июне 1879 г. и, как не имевшее нигде постоянного жительства и появлявшееся в разных местностях только проездом, лицо это также точно, как и первое, именовавшееся Тюриковым, оставалось неуловимым.

Наконец, после долгих усилий, направленных к обнаружению действительного звания этих преступников, о них в последнее время получено сведение, что известный под именем Тюрикова есть путивльский дворянин Александр Иванов Баранников, а именовавшийся Безменовым — сын путивльского уездного землемера, надв. сов. Дмитрия Михайлова — Александр Дмитриев Михайлов.

Сведение это было подвергнуто самой подробной и тщательной проверке, результат которой, вследствие совершенного совпадения

---

[1]) Зачеркнуто: «отставного служащего».

[2]) Зачеркнуто: «земской».

всех обстоятельств, оказавшихся в отношении этих двух лиц с теми данными, которые имелись в виду в отношении Тюрикова и Безменова, убеждает в том, что Баранников и Михайлов несомненно те самые лица, которые, во время преступной деятельности их, были известны за Тюрикова и Безменова.

Из подробностей, относящихся до этих лиц, оказалось:

Баранников 22 лет, роста около 2 аршин 8 вершков, брюнет, глаза и брови черные, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое смугловатое, сложения плотного, голос имеет довольно грубый и сильный; зад значительно выдается. Он имеет мать Елизавету Иванову, родом грузинку; брата Василия 30 лет, бывшего капитана 5-й артиллерийской бригады, а ныне служащего в болгарской армии; сестру Надежду, находящуюся в замужестве за путивльским нотариусом Якубовичем, и меньшую — Марию 19 лет, девицу, живущую при матери в г. Путивле, в собственном доме. У Баранниковых имеется земля, в количестве 102 десятин, в разных дачах недалеко от Путивля. Александр Баранников окончил курс наук в орловской военной гимназии в 1875 г.

Александр Михайлов 25 лет, росту около 2 аршин 6 вершков, волосы светлые с рыжеватым оттенком, окладистая борода, глаза светлосерые, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, красноватое, тип вполне русский, народный, комплекции довольно крепкой и плотной; особая примета — заиковатость. Он имеет отца, который, как выше сказано, землемер в Путивльском уезде; мать Клавдию Осиповну, живущую с 1874 года в Киеве на Бульварно-Кудрявской улице, в доме ген. Деконор. Старшая сестра его Клеопатра замужем за учителем киевского реального училища Павлом Петровичем Безменовым; брат Митрофан 16 лет, в реальном училище, а сестры Анна и Клавдия находятся при матери, которая содержит квартиру для учеников реального училища. У отца в г. Путивле дом и в 25 верстах от Путивля, в деревне Алеевой, небольшое имение, в котором никто из семьи постоянного жительства не имел и не имеет. Воспитывался Александр Михайлов в новгород-северской, а потом в немировской гимназиях, но аттестата зрелости не получил. В 1875 г. поступил в С.-Петербургский Технологический институт, но в ноябре того же года был замешан в дело о беспорядках в институте, выслан к отцу в Путивль, а в декабре переехал на жительство в Киев к матери. Летом 1876 г. Михайлову разрешен был въезд в Петербург для поступления в одно из высших учебных заведений, и он, по свидетельству путивльского уездного исправника, выданному 26 июля 1876 г. за № 1445, отправился в С.-Петербург и выдержал экзамен в Горный институт, но не поступил, за неимением вакансии. Желая приготовиться на 2-й

курс того института, он поступил вольнослушателем на математический факультет С.-Петербургского университета, пробыл один год, но точное время его выбытия из оного не определяется. В 1877 г. 5 сентября ему было выдано путивльским уездным полицейским управлением годовое свидетельство за № 7536, которому истек срок в ноябре 1878 года. В 1876 году он был внесен в призывной список для отбывания воинской повинности по 1 участку Путивльского уезда, но как имевший право на льготу 1-го разряда, лично к исполнению повинности не явился, и жребий № 304 за него 13 декабря того же года был вынут председателем присутствия. Свидетельство от 30 декабря за № 1907 о зачислении Михайлова в ополчение было ему вручено под расписку 24 января 1877 года. Когда в 1877 г. последовало высочайшее повеление о призыве на службу ратников ополчения, то при исполнении этого высочайшего повеления в Путивле 1 августа 1877 года Михайлов находился в зале воинского присутствия; но так как в списке ополченцев по порядку он был записан 147-м, а всех ополченцев по 1-му участку Путивльского уезда следовало принять 115 и распоряжение об избавлении льготных 1-го разряда от приема на службу в то время не было еще получено, то Михайлов, увидя, что очередь подходит к его номеру, незаметно из залы присутствия скрылся. Воинское присутствие сочло это за желание уклониться от исполнения воинской повинности, немедленно распорядилось о приглашении Михайлова в присутствие чрез полицию, но последняя его не розыскала, а получила лишь сведения, что он уехал в Москву, где, будто бы, желал отбыть ратницкую повинность. Вследствие этого путивльское уездное по воинской повинности присутствие отнеслось в московское городское присутствие с вопросом, являлся ли Михайлов в Москве к отбытию ратницкой повинности, и московское воинское присутствие, отношением от 24 августа за № 2058, уведомило, что Александр Михайлов для поступления в ратники ополчения являлся в московское городское по воинской повинности присутствие 7 августа, но не принят по недошедшей до имевшегося у него номера жребия очереди. В Москве он заходил два или три раза к родной тетке своей (по матери) Анастасии Осиповне Вартановой, проживавшей в то время вместе с мужем своим, вольнопрактикующим врачом Василием Ивановичем Вартановым, на Солянке, в доме Кобыжской. Сама Вартанова в настоящее время живет в Путивле, а муж в Москве на Солянке в доме сербского подворья. Рождественские праздники 1879 г. Михайлов провел у своей матери в Киеве, а в 1877 или 1878 гг. в Петербурге проживал в качестве домашнего учителя в квартире какого-то экономa одного из казенных учебных заведений и получал жалованья по 10 руб. в месяц. Фамилия экономa и название учебного заведения неизвестны.

Баранников и Михайлов, как оказалось, уже давно весьма близкие между собою, и последний, приобретя сильное влияние на первого, находясь с ним во время каникул в Путивльском уезде почти неразлучно, уговаривал не поступать в военное училище, так что только усиленные просьбы родных Баранникова успели склонить его на поступление в Павловское военное училище, откуда он, выйдя в апреле 1876 г., неизвестно куда скрылся. Из молодых людей, находившихся с обоими названными лицами в самых близких отношениях, известны пока только два лица — бывшие товарищи Михайлова по новгород-северской гимназии, Дорошенко из Глуховского уезда и Масютин, уроженец Черниговской губернии, но какого уезда, а равно как зовут Дорошенко и Масютина, еще недознано.

К вышеизложенному необходимо присовокупить, что родная тетка Баранникова была в замужестве за умершим в Путивльском уезде колл. сов. Петром Захаровичем Тюряковым, фамилией которого, по всему вероятию, Баранников и воспользовался, называвшись Тюриковым. Причем у Тюряковых хотя имеется два сына, но оба они находятся налицо и подозрений на себя ничем не навлекают.

Сообщая о вышеизложенном, долгом считаю покорнейше просить вас, м. г., сделать распоряжение о принятии чрез подведомых вам чинов самых деятельных мер к розыску Баранникова и Михайлова, а также к выяснению личностей Дорошенко и Масютина с тем, что если Баранников и Михайлов будут розысканы под этими именами или при розыске их встретятся лица с другими фамилиями, но, по приметам и другим данным, изложенным в настоящем циркуляре, будут представляться несомненно Баранниковым и Михайловым, то их арестовать и телеграфировать III отд. Что же касается Дорошенко и Масютина, то в отношении их необходимо ограничиться только наблюдением и мерами секретных изысканий с целью через них, если окажется возможным, дознать о месте пребывания Баранникова и Михайлова. Во всех случаях, которые встретились бы при розысках названных преступников и вызывали бы сношения с другими местами и лицами, не оставьте в сношения эти входить непосредственно по телеграфу, сообщая III отд. о результатах таковых сношений в случае розыскания Баранникова, Михайлова, Дорошенко и Масютина.

За управляющего III отд. сенатор Ш м и т.

Разбор шифр. телеграммы полк. Новицкого из Киева от 16 июня 1880 г. [1]).

Мать Михайлова и зять Безменов в день получения депеши розысканы, установлено день и ночь наблюдение. Пребывание у них Александра Михайлова и Баранникова положительно не обнаружено.

[1]) Заголовок подлинника.

Наблюдение установило тот факт, что семейство Михайлова и Безменовых даже не посещается молодежью. Наблюдение продолжается.

Черновик докладной записки гр. М. Лорис-Меликова вел. кн. Михаилу Николаевичу от 16 июня 1880 г. № 4534.

Ваше императорское высочество.

Долгом считаю [1]) почтительнейше представить вашему императорскому высочеству два экземпляра циркуляров III отд. с. е. и. в. канцелярии от 11 сего июня на имя губернаторов и начальников жандармских управлений, о повсеместном розыске дворянина Александра Иванова Баранникова и сына надв. сов. Александра Дмитриева Михайлова, причастных к политическим делам: первый об убийстве ген.-ад. Мезенцова, а последний о покушении 19 ноября под Москвой, [2]) в тех видах, что, может быть, вашему императорскому высочеству [3]) благоугодно [4]) будет сделать какое-либо [5]) распоряжение по настоящему предмету по Кавказскому краю.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею честь быть вашего императорского высочества всепокорнейший и преданнейший слуга.

Гр. Михаил Лорис-Меликов.

Копия письма гр. М. Лорис-Меликова от 16 июня 1880 г. № 4535 [1]).

Секретно.

Милостивый государь, Петр Павлович [6]).

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству экземпляр циркуляра III отд. с. е. и. в. канцелярии от 11 сего июня за № 4412 на имя гг. губернаторов и начальников губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог о повсеместном розыскании дворянина Александра

---

[1]) Зачеркнуто: «Имею честь».

[2]) Зачеркнуто: «Вместе с тем представляю на благоусмотрение».

[3]) Зачеркнуто: «не».

[4]) Зачеркнуто: «ли».

[5]) Зачеркнуто: «особое».

[6]) Письмо представляет литографированную копию; адресат — П. П. Альбединский. Подобные копии были разосланы. А. Р. Дрентельну, Н. А. Крижановскому, М. И. Черткову, кн. В. А. Долгорукову, кн. А. М. Дондукову-Корсакову, гр. Э. И. Тотлебену, гр. Н. В. Адлербергу, Н. Г. Казнакову и Д. Г. Анучину.

Иванова Баранникова и сына надворного советника Александра Дмитриева Михайлова, проживавших с подложными документами под фамилиями: первый — Тюрикова, а последний — Безменова, для ваших, м. г., соображений, имею честь покорнейше просить, в случае, если бы вы изволили признать с своей стороны какие-либо особые распоряжения по настоящему предмету по вверенному вам краю, то я покорнейше просил бы вас о таковых сообщить прямо от себя подлежащим губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений.

Примите, ваше высокопревосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Лорис-Меликов.

Разбор шифр. телеграммы от полк. Мерклина из Чернигова 19 июня 1880 г. [1])

Переведенный из Новгород-Северского в 1878 г. в черниговскую гимназию Александр Германович Масютин сдал на-днях экзамен, поступит в Московский университет. Родился 1859 г., хуторе Ивановском, Кролевецкого уезда. Донесение, карточка почтой.

Об упоминаемом в этой телеграмме Масютине требовались сведения вследствие указаний на близкие отношения его к Александру Михайлову, он же Безменов, и Баранникову, он же Тюриков, из которых последний был одним из убийц ген.-ад. Мезенцова, а первый — ближайшим лицом к Адриану Михайлову, увозившему убийц Мезенцова. 20/VI [2]).

Телеграмма III отделения начальнику московского губ. жанд. управления [3]).

Москва. Начальнику губернского жандармского управления.

По делу об Александре Михайлове, он же Безменов, в Курской губернии было выяснено, что одним из ближайших к нему лиц, гостивших у него в вакационное время в Путивльском уезде, был гимназист Масютин из Черниговской губернии. Ныне дознано, что Масютин этот на-днях поступил в Московский университет, имя его Александр

---

[1]) Заголовок подлинника. На полях помета: «Возвратить со справкою 19 июня».

[2]) Слова: «Об упоминаемом в этой телеграмме... Мезенцова. 20/VI» — написаны карандашом другой рукой.

[3]) На подлиннике помета: «Шифровать».

Германов, из черниговской гимназии. Поэтому, быть может, Михайлов, он же Безменов, а также и Баранников, он же Тюриков, упоминаемые в циркуляре № 4412, скрываются или у него, Масютина, или у его товарищей. Прошу самым секретным и осторожным образом выяснить все отношения Масютина, учредить за ним самое секретное наблюдение, с целью этим способом напасть на след Михайлова и Баранникова, с которыми Масютин не может не находиться и теперь в сношениях. Обо всем, что окажется, телеграфируйте.

Вр. упр. III отд. ген.-м. Никифораки.

Разбор шифр. телеграммы от полк. Мерклина из Чернигова 19 июня 1880 г. 12 ч. 17 м. дня [1]).

Новицкий сообщает: Дриго, быв зимой Киеве, заезжал с узлом руках дом Деконор на углу Бульварно-Кудрявской и Кадетского переулка, где жила жена землемера из Путивльского уезда Клавдия Осипова Михайлова, мать розыскиваемого по № 4412. Ввиду чего Новицкий просит почерпнуть сведения о лицах № 4412 от Дриго, ныне Петербурге находящегося.

Телеграмма III отделения начальнику черниговского губ. жанд. управления 20 июня 1880 г. № 366.

Пред получением вашей телеграммы девятнадцатого июня Дриго отправился Чернигов обратно. Прошу по прибытии его получить от него все те сведения о лицах № 4412, какие он может сообщить, и о таковых телеграфировать мне и полковнику Новицкому.

Вр. упр. III отд. ген.-м. Никифораки.

---

[1]) Заголовок подлинника.

Из записной книжки архивиста.

«Кровавое воскресенье» в Петербурге.

(Из перлюстраций деп. полиции о 9 января 1905 г.)

Ниже публикуется несколько отрывков из перлюстрированных департаментом полиции писем, содержащих сведения о том, как прошло кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в Петербурге. Авторы писем принадлежат к различным социальным группировкам, но во всех письмах звучит один лейтмотив: 9 января престиж самодержавия навсегда пал, страна вступила на путь революции. Во всех письмах подчеркивается революционизирующее действие расстрелов 9 января на политическое сознание питерских рабочих. Автор «письма без подписи», адресованного в Женеву, очень ярко обрисовавший этот перелом настроения рабочих, совершенно правильно заключает: «Безусловно, 9 января был первый революционный день в Петербурге, все это так и понимают. Все рабочие теперь понимают и говорят о том, насколько были правы с.-д. — точно предсказавшие, чем кончится гапоновская хоругвеносная затея. — В некоторых письмах зафиксированы любопытные наблюдения непосредственных очевидцев событий 9 января, представляющие несомненную ценность для полной и неподтасованной картины кровавого дня 9 января в Петербурге.

Перлюстрации, воспроизводимые здесь в отрывках, хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве (фонд деп. пол., особый отд., дела № 4, ч. I, № 4, ч. I, т. 2, № 1666).

Л. Браже.

Выписка из полученного агентурным путем письма без подписи, С.-Петербург, от 9 января 1905 г., к Александре Николаевне Люминарской, в Москву, Б. Никитская, д. Пенкина, кв. 11 [1]).

Прелюдия закончена сегодня. Завтра примут участие все. На собрании в Экономическом обществе выработана известная программа (публика разнородная), представленная «бюро», организованным сегодня нашими радикалами в Публичной библиотеке. Идет агитация в войсках. Работа организуется и разрабатывается «бюро». Что будет завтра? Весь город терроризован. Настроение у публики чисто революционное. В собрании Экономического общества Максим Горький прочел письмо священника Гапона: «Товарищи рабочие, у русского народа нет царя. Сегодня порвалась та связь, которая существовала между ним и народом: пролилась русская кровь. Мы теперь будем бороться за нашу свободу». Удалось агитировать среди фармацевтов, больше 50 аптек перестали работать, так как все фармацевты из них ушли. Сегодня им не дали нигде собраться, соберутся завтра. Пишите, что у вас. Здесь ждут, что завтра и у вас начнется.

Выписка из полученного агентурным путем

[1]) Заголовок здесь и далее подлинника.

письма, без подписи, С.-Петербург, от 10 января 1905 г., к Вере Викторовне Танаевской, в Вятку, редакция «Земской газеты».

Ужас берет при одном воспоминании о виденном и слышанном вчера. Утром мы на собрании решили: кто отправится в место отправки рабочих, кто по городу для сбора денег, иные должны были изготовить в нескольких тысячах экземплярах петицию рабочих к царю и письмо к Святополку; наконец, были организованы санитарные отряды, с врачами, фельдшерами и сестрами во главе, — для них намечены в ближайших к предполагаемым местам побоища квартиры у частных лиц. Пред уходом собрание выслушало вести, принесенные из трех главных пунктов посланными накануне нашими разведчиками. Вести принесли из-за Невской заставы, где до 60 тыс. рабочих, из-за Нарвской заставы и еще с Васильевского острова от 5 отделения собрания рабочих. Впуск в отделения делается группами в 5—8 сот человек сразу. Впуск делается табельщиками, что гарантирует от сыщиков.

Наши разведчики приехали на пункт в 7 час. утра и, кроме 5 отделения, везде застали уже толпы. Двери в собрание им открывали карточки «Наш. Дн»., причем, как им, так и еще другим, которые бывали раньше на прежних собраниях по своей инициативе, говорили, что «социалистов» рабочие не терпят, что требования ими уже выработаны и, если бы они, разведчики, стали говорить (а в этом была большая нужда), то говорили бы согласно требованиям рабочих, тем более, что на предыдущих собраниях рабочие, вместе с попом Гапоном, поклялись эти требования защищать до последней капли крови. Еще накануне один наш интеллигент рассказывал сцену, как происходило чтение петиции Гапона. Прочтя первый пункт, Гапон останавливается и спрашивает: «Так ли товарищи?»—«Так», — отвечала толпа. Так шло чтение 2-го, 3-го и др. пунктов, а когда дошли до места: «Если ты, царь, не примешь своего народа и не возьмешь от него эту просьбу, то, значит, нам остается только умереть здесь», Гапон спрашивает: «Так ли, товарищи?» — «Так!» — «Значит, если царь нас не примет, то у нас нет больше царя. Так ли?» — «Так!» — «Клянетесь?» — «Клянемся!» То же «клянемся» было и при решении не ворочаться живыми к семьям, а лечь костьми.

Наши разведчики застали на дворах отделений уже массы рабочих, а в залах шли объяснения. Везде толпы были полны решимости дойти до царя, и везде вера в царя заставала всевозможные препятствия на пути от полиции. Накануне нам объявлено было, что Гапон решил вести рабочих вооруженных на случай препятствий от полиции; по сему случаю было воззвание к публике об оружии. Но утром везде на собраниях рабочим говорилось уже, что они идут «по-хорошему», а потому никакого оружия не надо, и, действительно, не взяли. За Невской заставой женщины-работницы решили итти вместе, и им отведено было место в конце колонны. Организационный комитет рабочих заранее озаботился достать перевязочные средства, и с ними женщины, в качестве сестер милосердия, шли позади. За Нарвской заставой решили этот вопрос немного иначе. Здесь молодые девушки не хотели отставать от своих коллег мужчин и решили итти рядом, среди них, рука об руку. И этих добрых подруг я видела вчера в часовне Обуховской больницы также рядом с своими товарищами, но уже без движения. Из числа убитых за Нарвской заставой в Обуховскую часовню привезли 18 трупов, из них две женщины, одна безголовы, а у другой — молодое и миловидное лицо, по которому можно судить, что ей 18—20 лет.

Продолжаю далее, со слов разведчика, об утрате. Остальные женщины и здесь были в конце колонны с перевязочными средствами в качестве сестер милосердия.

В 5 отделе разведчик не застал еще в сборе рабочих, и они при нем только начали сходиться.

Разведчики за Невской заставой с ними же и отправились в путь в 10 час. утра. Им, на всякий случай, приготовили лошадь и поставили их в середину колонны, чтобы полиция не видела. Около церкви «Скорбящих радости» рабочим был прегражден путь казаками. Что происходило в первых рядах, разведчик не знает (другой разведчик был послан в аптеку за медикаментами и перевязочными средствами). Но только вскоре раздался залп. Тогда рабочие посадили разведчика на лошадь и окольными путями направили в город сказать все нам, заявив, что они так или иначе, а придут на Дворцовую площадь. Какой результат от залпа, этот не знает, а второй разведчик подтвердил, что было два залпа и, повидимому, оба холостые или в воздух. Здесь нужно заметить, что еще накануне нам рассказывали, что рабочие почти не сомневались в двух полках, что последние не будут стрелять в них. И, действительно, вчера говорили, что семеновцы были заперты, и оружие у них арестовано (конечно, к слуху относитесь сдержанно). В результате после залпов рабочие бросились через заборы врассыпную по переулкам и дошли беспрепятственно, хотя, может, и не все. Лично я, объезжая в час дня мосты и спуски на Неву с Петербургской стороны и Выборгской, видела, что все мосты были окружены с той стороны солдатами.

Сегодня, говорят, опять Дворцовая площадь полна народу.

Перевод письма на польском языке без подписи, из С.-Петербурга, от 11 января 1905 г., в Ташкент, Ивану Станиславовичу Мончевскому, Русско-Китайский банк.

В Петербурге 11 января в пассаже убили одного офицера и одного солдата. Рабочие пылают ненавистью к войску: лишь только покажется военный, офицер или кто-нибудь из военных (кроме солдат), сейчас же раздаются свистки и проклятия, направленные по их адресу. Когда проезжал по Невскому великий князь Борис, рабочие бросились к нему с криками: «бей его, бей мерзавца!» Этот, конечно, велел подогнать лошадь и улизнул. У бывшего московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, есть в Петербурге на Фонтанке собственный дом, так в нем все окна повыбиты, а на воротах написано большими буквами «Вор». 9, 10 и 11 на главных улицах, где они перекрещиваются, стояло по полроты. Масса фабрик делает уступки рабочим, которые мало-помалу становятся на работу. В Москве гораздо спокойнее, хотя забастовки начались 9 января. Лишь только одна фабрика окончит, другая начинает забастовку, хотя много здешних фабрикантов почти-что моментально соглашается на требования рабочих. В первый день забастовки в Москве, когда рабочие собрались за Москвой-рекой на Конном плацу и Коровьем валу на совещание, напали на них казаки и разогнали. Чтобы не пускать фабричных, которые забастовали за рекой, в центр города, все мосты и набережные были заняты войсками; для охраны города были вызваны войска из Твери, так как в Москве их осталось очень мало (около 8 000). Местные власти пускаются на такие проделки: вывешиваются объявления, содержание коих гласит, что все эти волнения произошли вследствие агитации со стороны Англии и Японии. Сергей переехал из дома генерал-губернатора в «Нескучное» и для охраны от рабочих потребовал две

роты солдат, но потом испугался и переселился в Кремль ночью на пяти подводах.

В Москве — забастовка присяжных поверенных (250 человек).

12 января в Москве предполагалось устроить вечер, посвященный 12-му (150 лет Московского университета) и осуждению событий 9 и 10 января сего года, каковой вечер имел быть в Технической школе (высшее учебное заведение), вход по билетам, которых было распродано 1 200 штук; начало вечера было назначено в 7½ часов. Когда об этом доложили директору школы, то он ни за что не хотел согласиться и сказал, что слагает с себя обязанности, относящиеся к школе (только на 12-е), и передает ее в распоряжение полиции. Тогда профессора, намеревавшиеся принять участие, отказались. 12-го же вечером стали собираться студенты и публика с билетами перед школой, где стояли полиция и войска. После продолжительных переговоров с полицией студенты одержали верх и были впущены в здание Технического пансионата. Если бы только полиция начала побоище, то дошло бы до большого кровопролития, так как почти все студенты, рабочие и публика были вооружены револьверами.

В Петербурге все высшие учебные заведения временно закрыты администрацией не по причине забастовки, а вследствие последних событий. Убиты: студент Политехники [1]) и студент Горного института (Лури [2]). Арестованы: И. В. Гессен, Кареев, Пешехонов, Анненский — в Петербурге; Горький арестован — в Риге, куда поехал из Петербурга на время рабочих волнений. Петербургская Политехника с директором и профессорами послала министру внутренних дел протест против такого разбоя, какой имел место в Петербурге. На похоронах убитого студента Политехники присутствовал директор, профессора и студенты Политехники, Лесного института и масса публики. У нас в институте 18 января будет с согласия директора панихида по убитом студенте Политехники (9 день со дня смерти) и по всем убитым 9 и 10 января в Петербурге. Сперва студенты нашего института обратились с этим предложением к нашему попу, но последний отказал без разрешения директора, из боязни брать на себя такую большую ответственность.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В газетах напечатано, что Лури умер 9-го, а И. Гессен на некоторое время уехал из Петербурга. Прим. в подлиннике.

*

17 января Костромское общество земледелия обратилось к императорскому Московскому обществу земледелия в Москве с предложением ходатайствовать перед правительством о проведении конституционных требований народа, каковые требования с самого начала русско-японской войны были представляемы министру внутренних дел разного рода собраниями, земствами, обществами и т. п. Так, например, общество земледелия признало, во-первых, несоответственным вступать с правительством в переговоры в такое время, когда почти вся Россия объявила последнему войну, и решило добиваться своих требований путем борьбы силой, во-вторых, считает позором для русского народа обращаться с просьбой к правительству, которое убивает своих беззащитных подданных рабочих; в-третьих, о таковом решении поставить в известность (письменно) правительство, царя, земства и весь русский народ.

17 января в московском окружном суде присяжные поверенные закрыли свои адвокатские знаки крепом: 1) как символ траура по убитым в Петербурге и 2) как протест против такого поведения правительства по отношению к своим подданным.

Сегодня директор изменил свое решение относительно панихиды, так что на вечернем студенческом собрании постановлено предложить директору: 1) или 18 января — панихида, на которой, кроме нас — землемеров, будут присутствовать и представители других высших учебных заведений и рабочих союзов и публика, 2) или же завтра вечером, самое позднее в конце этой недели, — политическая вечеринка (митинг) с участием представителей разных высших учебных заведений гор. Москвы, Петербурга и Киева, которые как раз в настоящее время находятся в Москве, а также с участием делегаций от рабочих партий. Все это, очевидно, может обойтись не совсем благополучно, может быть, даже с кровопролитием и закрытием на некоторое время института; хотя, быть может, все пройдет совершенно спокойно. В Москве все высшие учебные заведения еще до сих пор не открыты после праздников, хотя известно, что лишь только они откроются, то немедленно же будут назначены всеобщие собрания, касающиеся настоящего положения вещей.

Выписка из полученного агентурным путем письма, без подписи, С.-Петербург, от 12 января 1905 г. к акушерке Р. М. Чертковой, в Гомель, Могилевская ул., д. Ашпиза, для Хаи.

Движение продолжается. Ожидаются большие события. Было организовано бюро революционное, в состав его входили лучшие люди России, но часть из них уже арестована. Арестованы: Горький, Мякотин, Анненский, Кедрин, Пешехонов. Было решено устраивать митинги с рабочими, но пока нет еще сил, так как полиция не дает собираться; надо помещение брать с оружием в руках; к этому делаются приготовления, собираются деньги и пр. в этом роде. Решено, чтобы лица интеллигентных профессий, кроме врачей, забастовали. Вчера на сходке технологов решено было забастовать с сегодняшнего дня. Сегодня в столовой технологов объявлено о забастовке всеобщей в Москве. Все это подготовлено бывшими независимцами, во главе которых стал о. Гапон. Он был ярым независимцем, но, как только ближе стал к рабочей среде, понял (его слова), что невозможно улучшение положения рабочих без изменения существующего строя, и петиция, которую они предполагали подать царю, представляет минимум требований социал-демократии.

Была на собрании, которое и выбрало организационное бюро, написано письмо к офицерам. Собираются пустить письма и к солдатам.

Выписка из полученного агентурным путем письма, с подписью: «Твоя Аня», С.-Петербург, от 12 января 1905 г., к Маргарите Алексеевне Долгорукой, в Москву, Глазовский пер., д. Ерофеева, кв. 5.

Но что теперь делать? Все утро я сижу над этим и ничего придумать не могу. Для меня лишь ясно, что движение приняло новый характер — восстания. Но так как голыми руками ничего поделать нельзя, надо оружие. Были тысячи рабочих, шедших сознательно, зная зачем, и все-таки могло получиться только то, что было. Все движение было движением рабочих, интеллигенция тонула и была незаметна в массе народа. Эти дни сделали то, что либералы говорят об организации стрелковых обществ, о приобретении бомб и т. п. Для всех ясно, что нужно вооруженное движение, т. е. восстание. Его хотят все. Так неужели же мы, революционеры, будем лишь смотреть на события со стороны?

Не знаю, как идет теперь стачка. Пожертвования собираются, жерт-

вуют порядочно, но, конечно, для массы рабочих это мало. На банкете присяжные собрали, например, 2 тысячи. Отношение очень определенное. Все (общество, извозчики и т. п.) твердят одно, что «не было бы хуже», «кровь забыть нельзя». Ясно одно, что все это — начало конца. Хотя сейчас восстание будет подавлено, но ненадолго.

Выписка из полученного агентурным путем письма без подписи, С.-Петербург, от 14 января 1905 г., к Самоклиеву, в Женеву, ул. Александр Гавар, 12.

Во время стачки авторитет Гапона поддерживался только тем, что он постоянно эволюционировал, под влиянием агитации с.-д., влево. Более сознательные рабочие обвиняют его в том, что он так долго указывал им совсем другие пути борьбы, что он всегда критически относился к революционным партиям, а теперь вдруг объявил, что истинные друзья рабочих — это только революционеры. Через несколько дней после начала стачки Гапон начал организовывать на 9 января депутацию к царю. Несмотря на влияние с. д. на весь ход событий, помешать организации депутации не удалось.

В конце концов, с.-д. решили не противиться этому, так как мы видели, что, как бы дело ни кончилось, в выигрыше останутся с.-д. Могло ли быть иначе когда в петиции к царю была выставлена почти вся программа с.-д., с требованием немедленного ее осуществления, и когда рабочие решили, в случае, если царь их не примет, перейти к агрессивным действиям?

Настало воскресенье. У всех было внутреннее опасение: а вдруг рабочие испугаются и не пойдут? Но они пошли. Еще в субботу вечером все агитаторы с.-д. пошли по районам и там ночевали, так как нужно было выйти в воскресенье рано утром.

О зверствах, совершенных в воскресенье войсками, вам, несомненно, все известно. Революционизирующее значение этого события не имеет пределов. О первом дне и говорить нечего. Тогда на каждом перекрестке только и говорилось: «Нет у нас царя, что это за царь?!» Проходишь по улице и видишь кучку людей. В центре стоит чуйка и, размахивая руками, кричит: «Как царь с нами, так и мы с царем. Он хочет, чтобы мы за него умирали в Манчжурии... пускай теперь дожидается!» О царе говорят все со страшной ненавистью.

В первый день почью рабочие метались, спрашивая: «Что же нам теперь делать?» И, действительно, было что-то ужасное видеть такую энергичную толпу и в то же время столь бессильную. Оружие! Вот чего не доставало массе. Не было у этой массы такого дерзкого вождя, который бы решился дать лозунг: «Вооружайтесь!»

Массе, конечно, очень трудно учесть результаты своего выступления. Ей кажется, что все это бесцельно, а вследствие этого большой упадок духа. Дело с.-д. — разъяснить ей смысл событий.

Безусловно, 9 января был первый революционный день в Петербурге, все это так и понимают. Все рабочие теперь понимают и говорят о том, насколько были правы с.-д. Бывают однако единичные исключения, которые находят, что, не вмешайся революционеры, они бы больше выиграли.

Ты, верно, знаешь, что здесь Костя и Семен. Все они — хорошие, но нет в них того, что нужно для теперешнего момента—дерзости. Один человек бы здесь годился, — ты знаешь, о ком речь идет, но этот человек находит более удобным для себя жить заграницей... Когда я увижу тебя, когда?

Выписка из полученного агентурным путем письма Лидии Коссовой, С.-Петербург, от 17 января

1905 г., к Евгении Семеновне Семеновой, в Киев, Кирилловская больница.

В правительственном сообщении надо исправить «неточность». Во-первых, раненых и убитых гораздо больше: я сама ходила по больницам и видела их, во-вторых, никаких нападений со стороны рабочих на войска не было произведено. Было просто нелепое и ужасное расстреливание безоружных людей. Я сама четыре раза бегом спасалась от преследования конных солдат и залпов войск. Все раненые и убитые страшно изуродованы, до неузнаваемости. В Обуховской больнице, где я была, лежит убитых 17 женщин и 26 мужчин. У многих отрублены головы. Нельзя было смотреть на все эти жертвы без озлобления и ненависти... Выйдя из покойницкой, я только могла сказать стоящим приставам: «Мерзавцы, убийцы». Настроение у всех страшно возмущенное. Большое возбуждение против военных.

Теперь, по внешнему виду, все успокоилось. Депутация к министрам арестована и посажена в крепость. Узнала наверное — убитых свыше 1 000. Хоронили их по 60 человек в братских могилах. Студентам нельзя показываться на улицу: им то устраивают овации рабочие, то бьют сыщики и провокаторы. Гапон жив и скрывается. Появляются его очень хорошие и сильные воззвания к рабочим и солдатам, в которых он благословляет борющихся, а убийц проклинает.

Адрес: С.-Петербург, Офицерская, 9, кв. 17.

Выписка из полученного агентурным путем письма, с подписью «Ваш друг», С.-Петербург, от 22 января 1905 г., к Любови Михайловне Кочуро, в Полтаву, Мало-Садовая, 15.

Гапону удалось доказать рабочим необходимость для рабочего класса целого ряда политических прав. Теперь социал-демократии приготовлена такая чудная и благодарная почва, на которой ее семена дадут вскоре обильный урожай. Разумеется, не Гапон создал политическое рабочее движение, он только, как страшно крупная и сильная фигура, сумел благодаря великолепному обману сделать для рабочих эти требования более понятными, более близкими. Это—первое громадное значение событий 9 января. Во-вторых, социал-демократы все время говорили, что борьба посредством петиций государю бессмысленна, что в рабочих будут стрелять; благодаря тому, что их предсказания так трагически оправдались 9 января, они сразу создали у рабочих уважение и любовь к себе. Социал-демократические агитаторы, пользуясь этим, устраивали прямо на улицах, в продолжение нескольких дней, грандиозные собрания, и нужно было видеть тот восторг и тот энтузиазм, которые вызывали их речи. В-третьих, самый громадный плюс этой небывалой еще в России бойни заключается в том, что мысль о необходимости бороться за свое освобождение с оружием в руках стала очевидной до ясности. «Месть, беспощадная месть убийцам» — вот что на душе у каждого рабочего. «Вооружайте нас; мы готовы умереть, мы не боимся»,— вот те фразы, которые сделались теперь совершенно обычными. Для петербургских рабочих сделалась совершенно ясной необходимость бороться за свои права с оружием в руках, после того как они поняли, что царь и самодержавие вообще не дадут им ничего; вслед за этим сам Николай совершенно определенно заявил им о том, что их мнение по этому вопросу совершенно верно. Депутации рабочих (набрали, между прочим, в эту депутацию почти сыщиков) он сказал, что и впредь всякого рода коллективные заявления и т. п. будут подавляться военной силой. Лучше этого сказать было

нельзя. Пусть же летят эти цинично гнусные слова по всей России, пусть зовут они всех граждан проснуться и браться за оружие! Легального пути нет, осталась одна беспощадная, кровавая, могучая революция, которая своим громовым напором сломит и силу полиции, и силу штыков, и силу пушек. Товарищ! Настал, наконец, этот долгожданный момент, падут твердыни царизма. Весной, не позже, мы ждем революцию, мы зовем ее.

«Мы ждем, не забьет ли тревога,
Не стукнет ли жданный сигнал у порога...»

В Питере Комитет проявляет грандиознейшую деятельность. С падением Мирского окончилась бюрократическая весна, приближается наша.

Пишите на старый адрес (Иван Петрович).

Копия с полученного агентурным путем письма с подписью «Твой...» [1]), С.-Петербург, от 28 января 1905 г., к Николаю Кожевникову, в Киев, Фундуклеевская, 68, кв. 1 (студенту университета).

Революционная атмосфера Питера повышена до крайних пределов. 9 января явилось той демаркационной линией, которая разделила два резко отличающихся этапа нашего революционного движения. Прежде необходимость вооруженного восстания против существующего режима была достоянием небольшой сравнительно, партийной кучки, — теперь она достояние масс. Я не буду излагать тебе фактической стороны. Укажу только цифры, верность которых не подлежит сомнению; убито и вообще умерло несколько больше тысячи, ранено около двух тысяч. Думаю, что фактическая сторона дела тебе совершенно известна, а потому остановлюсь только на двух необычайно важных моментах этого движения. Первый заключается в том, что в петиции Гапона заключается почти вся программа-минимум соц.-дем. партии — таким образом, демократическая часть нашей программы сделалась достоянием почти 100 000 петербургских рабочих.

Второй момент заключается в следующем: на гапоновских собраниях появились социал-демократы, и, признавая всю целесообразность выставленных рабочими требований, санкционируя их, они указывали на всю бессмысленность их тактики — подачи петиции «батюшке царю». Их встречали с яростью, с сжатыми кулаками, проклятиями и криками: «Долой изменников, бунтовщиков», «Мы хотим мирной просьбы», «Долой социал-демократов»... «Вас завтра будут стрелять», — продолжали социал-демократы... «Вон, негодяи, вы лжете», — отвечала разъяренная толпа и кидалась на них с кулаками. Было два случая сильного избиения социал-демократ. ораторов. Но вот 9 января трагически подтвердило верность слов социал-демократов. Если бы ты только приблизительно мог представить, с какой радостью слушает теперь эта, так жестоко наказанная за свою несчастную ошибку толпа социал-демократическую пропаганду, с каким восторгом она читает их листки!.. Началась громадная кампания с проповедью необходимости вооружаться. Все с нетерпением ждем весны. Даже пессимисты не особенно спорят о возможности весной начать революцию. Работы по горло... Настроение... — Эх, да что говорить о настроении, ты, вероятно, представляешь себе его!..

Постарайся, Колька, найти здесь студента Данилу Алексеевича Дядики и познакомься с ним. Он очень хороший парень, ты можешь помочь ему во многом, так как он сильно интересуется. Постарайся незаметно втянуть его в хорошую компанию. Сделай это поско-

[1]) Пропуск в подлиннике.

рее. Его можешь найти через Микишу— товарищ Кости Шило.

Пиши. Адрес: Вас. остров. 11 л., д. 56, кв. 71. Оське для меня. Адреса Сони пока не сообщаю, так как сам не мог еще его узнать.

Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью: «Борис» С.-Петербург, от 5 февраля 1905 г., к Розе Штейн, в Берн, университет.

Давно уже мне хотелось поговорить с вами о своих отношениях к существующим у нас общественным течениям. Вы как-то спросили меня про чувства, какие я питаю к Бунду, я тогда замял разговор, не до того было. Потом наступило боевое время; теперь же, когда утомленное общество разбрелось по домам, чтобы залечивать свои раны и готовиться к новому натиску, теперь я поговорю с вами по душе. Как почти все у нас, и я прошел сквозь строй нашего доморощенного марксизма, но вскоре меня потянуло в высь, и я увлекся ницшеанством. Затем я спустился вниз, в русскую деревню, и эта непоказная Русь с 125 миллионами сельского населения, голодного и изнемогающего под гнетом меньшинства, приковала мое внимание. Двух мнений о необходимости и возможности поднятия и возрождения деревни существовать не может. Уже много людей тратят все свои силы на это святое дело. Перенося свою общественную работу в деревню, я тем самым не игнорирую, разумеется, деятельности с.-д., наоборот, только при дружной совместной работе всех элементов возможно наилучшее достижение общих целей.

После событий 9—12 января все теперь происходящее бледнеет, конечно. Стачка рабочих вновь охватила весь район. Интеллигенция остановилась пока на форме пассивного протеста. Земство, ученые общества, высшие учебные заведения прекратили свою деятельность. Правда, некоторая усталость заметна, но события зашли уже так далеко, что теперь всем ясно одно: жить дальше при старых условиях невозможно. Это чувствует и правительство, которое созывает комиссию за комиссией, но тщетно, ибо общество слишком индиферентно к этим паллиативам. Носятся слухи о намерении правительства созвать Учредительное собрание. Сколько волнений, тревог, диких насилий и душу раздирающих сцен пережило за последние месяцы наше общество! Только сознание близости свободы, ее насущной необходимости может искупить эти страдания. Будущая Россия воздаст должное памяти героев, собственноручно бросавших сердца свои на жертвенник общественной свободы.

Я вам писал, что собираюсь уехать из Петербурга, это не осуществилось, ибо часть студентов должна остаться здесь для предупреждения непредвиденных обстоятельств.

Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию.

«Абиссиния считалась всегда обетованной землей для всякого рода искателей приключений с более или менее темным прошлым и не менее смутным настоящим» — философически замечает в своем донесении в Петербург от 2 июня (20 мая) 1914 г. росс. дипломатический представитель в Аддис-Абебе Чемерзин. «До сих пор, — читаем далее в его донесении, — авантюристы никогда не обладали официальными званиями и не являлись представителями стран. Ныне же оказалось, что некоторые государства Европы не придают никакого значения нравственным качествам своих агентов и не стесняются облекать таких личностей официальным характером, забывая,

что все справедливые нарекания, а равно факты, набрасывающие тень на представителя той или другой державы, непременно отражаются и на степени уважения к пославшей такого представителя державе». Изрекши эту обличительную рацею, автор донесения дает понять, что в данном случае он имеет в виду назначение Австрией за год до описываемых событий нештатным консулом в Абиссинию некоего Карла Швиммера — «сына лошадиного барышника», «лишь для вескости придавшего себе баронский титул».

Чемерзин сообщает, что, занимаясь до своего последнего назначения «комиссионерством по поставке в Абиссинию ружей», Швиммер решил использовать свое новое положение исключительно в своих личных целях. В выборе средств он не стеснялся. Войдя в доверие молодого Лиджа Ясу ценою услуг, — определение которых, по скромному признанию автора донесения, «не может быть допущено на страницах официального донесения», из чувства уважения к Сазонову, к которому оно адресовано, — Швиммер «задался целью одним ударом нажить состояние и обмануть сразу обе стороны, кои наружно оказывали ему доверие: абиссинское правительство и свое собственное».

«В этих видах, — пишет далее Чемерзин, — он уверил Лиджа Ясу и его министра иностранных дел, что для предстоящей борьбы с той или другой из окружающих Абиссинию европейских колоний, Эфиопии необходимы орудия, притом совершенно новые. Воспользовавшись наивною доверчивостью наследника престола, а равно алчностью министра иностранных дел, с коим он обещал поделить барыши, г. Швиммер без труда, под покровом великой тайны, выхлопотал для себя письменное поручение Лиджа Ясу доставить абиссинскому правительству, по меньшей мере, 100 новых орудий со всеми припасами, — конечно, из Австрии».

Дабы прикрыть истинные цели спешного отъезда «комиссионера» Швиммера в Вену, была придумана посылка чрезвычайной абиссинской миссии к престарелому монарху двуединой империи, причем... во главе миссии поставлен был Лидж Балай, юнец — родственник Лиджа Ясу, славившийся своей непроходимой наивностью, а в сотоварищи ему дан был тысячник Тесамма Газему, равным образом отличающийся своей ограниченностью. Сопровождать же упомянутое почтенное посольство вызвался сам Швиммер — «консул».

Выбор этих лиц был сделан Швиммером умышленно, с целью поразить их необычайною грандиозностью европейских городов и венского двора и, воспользовавшись их растерянностью, предложить им содействовать покупке абиссинским правительством именно тех пушек, кои будут предложены Швиммером.

К чести однако названных абиссинцев, надо сказать, что в феврале этого года, почти тотчас же по прибытии в Австрию, оба уведомили Лиджа Ясу, что они убедились, что вся затея Швиммера носит крайне сомнительный характер, а предлагаемые пушки, по мнению сведущих лиц, никуда негодны.

Однако Лидж Ясу со своим советником Нагади Расом Хайле Георгисом зашли уже слишком далеко в этом деле, не говоря уже о нежелании потерять даром те 100 тысяч талеров, которые они дали Швиммеру в счет названной операции, и... Швиммер продолжал осуществлять свой проект.

Проект же был чрезвычайно прост: он предложил австрийскому правительству найти выгодного покупателя для пушек, которые с 1866 г. признаны были непригодными для австрийской армии, а Лиджа Ясу уверил, что предлагаемые Австриею орудия — нового образца и вполне пригодны для Абиссинии.

Таким образом, австрийское правительство было убеждено, что Абисси-

ния сознательно покупает устаревшие пушки, а Лидж Ясу считал, что делает выгодную сделку приобретением сотни новейших орудий.

Карты Швиммера раскрылись для Абиссинии в тот самый момент, когда австрийское правительство непосредственно телеграфировало в Аддис-Абебу министру иностранных дел настоящую цену орудий (около 300 крон за орудие) и абиссинское правительство получило возможность сравнить эту цифру с тою, которою определялась продажная цена этих орудий Швиммером (свыше 1 000 рублей).

Мне неизвестно, осведомлено ли было австрийское министерство иностранных дел о том, что присланный им в Абиссинию консул, не стесняясь, утверждал, что предложенные цены установлены не им самим, а его правительством, и тем бессовестно обманывал абиссинцев, но надо думать, что указанное министерство пребывает до сих пор в блаженном неведении о тех несвойственных порядочным людям приемах, кои решился применить Швиммер, собираясь обмануть одновременно — свое правительство относительно цены орудий, а Абиссинию — в отношении их качества.

Как бы то ни было, но орудия и припасы были погружены в апреле в Триесте на австрийские суда «Спума» и «Мария Валерия» и благополучно прибыли в Джибути в мае, с наложенным платежом в 12 000 талеров. Вслед за орудиями приплыл и сам Швиммер.

Именно со дня прибытия всех этих грозных предметов и начались разочарования абиссинского правительства.

Как оказалось, орудия — полубронзовые, имеют 15 см. в диаметре, системы 1861 г., видоизмененной в 1866 г. и весят: само орудие до 3500 килограммов, а лафет до 2 700 килогр.

Таким образом, орудия — осадного типа и несомненно ветхие. И это для бездорожной Абиссинии, где для медленного передвижения повозки с одною тонною груза по наилучшим дорогам нужно впрягать 3 пары волов, и, следовательно, привезенные Швиммером пушки будут передвигаться 18-ю парами волов со скоростью не более 6 верст в день по хорошим дорогам и со скоростью равной нулю — по горным тропам.

Все эти данные... повергли в немалое смущение всех министров, а равно инициатора этого конфуза Лиджа Ясу...

В настоящее время... раздражение абиссинских сановников уже почти улеглось, и г. Швиммер счел возможным явиться в столицу Эфиопии, где надеется незамедлительно выхлопотать отпуск из почти пустой императорской казны остающейся суммы платежа, потребной для пропуска через Джибутийскую таможню пушечного хлама, который все равно дальше подошвы Абиссинского плато, повидимому, не пойдет, возвратить утраченное к своей персоне доверие Лиджа Ясу прежними приемами и, поскорее поделивши барыши с помогавшими ему сановниками, исчезнуть навсегда с абиссинского горизонта, предоставив привезенному им австрийскому артиллерийскому капитану обучать абиссинцев стрельбе из небезопасных для стреляющего «новейших» орудий 1861 г.».

Заинтересованные в абиссинских делах державы «считают всю эту затею безвредным водевилем»,—так заканчивает свое донесение Чемерзин. —

«22 окт. 1897 г. была представлена государю офенбаховская депутация короля абиссинского, состоящая из Леонтьева и полубезграмотного абиссинца Ато Иосифа», начинает Витте в своих «Воспоминаниях» (т. I, стр. 104—105) соответствующий экскурс, представляющий собой вариацию на ту же тему с только что приведенным донесением.

О главе абиссинского посольства — Леонтьеве Витте сообщает, что по на-

туре он был «большой авантюрист». Начав с военного поприща, он «потом начал пускаться в разные аферы довольно мелкого свойства, попал в Абиссинию и уверил некоторые русские военные сферы, что он чуть ли не ближайший советник и руководитель короля Абиссинии Менелика, — хотя Менелик его совсем не чтил, очень мало его видел и, если терпел, то только потому, что, с другой стороны, Леонтьев уверил Менелика, что за ним «стоит русское правительство и русский государь-император».

«Леонтьев объявил себя там графом и, приезжая затем в Россию и за границу, именовал себя абиссинским графом Леонтьевым, причем он все время делал какие-то аферы, основывал какие-то концессии, брал промессы и всегда путался».

Как видим, у Чемерзина не было особых оснований злорадствовать по поводу того, что репутация Австро-Венгрии в приведенном выше случае оказалась подмоченной. Псевдо-барон Швиммер на самом деле — лишь последователь абиссинского лже-графа Леонтьева. Поместив рассказ о последнем, Витте делает характерную приписку: «У нас в России в высших сферах существует страсть к завоеваниям или, вернее, к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит. Так как Абиссиния, в конце концов, страна полуидолопоклонническая, но в этой их религии есть некоторые проблески православной церкви, то на этом основании мы очень желали объявить Абиссинию под своим покровительством, а при удобном случае ее и скушать».

Сопоставляя в итоге оба приведенных случая, приходится сказать, что Швиммер и Леонтьев — характернейшие, хотя и мелкотравчатые, представители того, что составляет реальное содержание «мирного проникновения» европейских капиталистических «культуртрегеров» в «отсталые страны...»

Б. Вебер.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Врангелевщина. С предисловием *И. Минца* . . . . . 3—46
25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова). (Продолжение) . . . . 47—75
Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. С предисловием *С. Дубровского* . . . . . 76—107
«Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова) . . . . . 108—148
К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. С предисловием *В. Невского* . . . . . 149—176

Из записной книжки архивиста

«Кровавое воскресенье» в Петербурге. Сообщила *Л. Браже* . . . . . 177—185
Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию. Сообщил *Б. Вебер* . . . . . 185—188

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПЕРЕИЗДАНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ И НЕЛЕГАЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГАЗЕТ

ИСКРА

Орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Полное переиздание всех номеров газеты, выходившей в 1900—1903 гг. за границей при участии В. И. Ленина.

52 №№ газеты в 7 выпусках.

большого альбомного формата, без переплетов, по 200 стр. в каждом.

Полный текст газеты под редакцией и с предисловием **П. Лепешинского**, со вступительной статьей **Н. Крупской.** Цена I, II, III и IV выпусков по 1 р. 50 к.; V, VI и VII в. по 2 р. 50 к.

ВПЕРЕД

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

ПРОЛЕТАРИЙ

Центральный Орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Первые большевистские газеты 1905 года.

В 6 томах

большого альбомного формата, без переплетов, по 150 стр. в каждом. Полный текст под редакцией Истпарта и со вступительной статьей М. Ольминского.

Цена каждого тома — 40 коп.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

первая легальная с.-д. большевиков газета, выходившая с 9 ноября по 16 декабря 1905 года в Ленинграде под редакцией **В. И. Ленина.**

28 №№ газеты в 4 выпусках

большого альбомного формата, без переплета, по 200 стр. в каждом.

Полный текст газеты под редакцией и с предисловием М. Ольминского. В переиздании даны воспоминания активных участников газеты: **Л. Красина, М. Литвинова, И. Чуковского** и **Е. Смиттен.**

Цена каждого выпуска 1 руб.

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и Петербурского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Переиздание всех вышедших номеров газеты «Правда», выходившей с 5 марта по 31 декабря 1917 г. в Петербурге.

В 3 книгах

большого альбомного формата, без переплетов, по 200 страниц в каждой. Полный текст под общей редакцией **К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева** и **М. И. Ульяновой.**

ВЫШЛИ КНИГИ 1—4.

Подписная цена 20 руб.

Допускается рассрочка: задаток — 2 р. 50 к. и при получении каждого выпуска по 2 р. 50 к. Последний выпуск без доплаты.

Пересылка за счет подписчика.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 г. НА ЖУРНАЛЫ:

НА НОВЫЙ ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА“

Орган Ленинградского отделения Коммунистической Академии.

«ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА» — ставит своей задачей отстаивание и дальнейшее развитие ортодоксального марксистско-ленинского мировоззрения.

«ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА» — имеет целью марксистско-ленинскую теоретическую разработку общественных и естественных наук и практических вопросов социалистического строительства.

«ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА» — будет регулярно помещать критику, библиографию и систематические указатели о выходящей литературе; сообщения о дискуссиях и работе Ленинградского отделения Комакадемии.

Являясь органом боевой марксистской теоретической мысли— журнал рассчитан на широкие кадры научных работников, преподавателей социально-экономических, исторических и др. дисциплин в вузах, втузах, комвузах, совпартшколах, техникумах и школах; руководящий партактив и учащихся вузов и комвузов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год—8 р., на 6 м.—4 р. Отдельный номер—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Ленотгизом, Ленинград, Пр. 25 Октября 28, в отделениях и магазинах Госиздата, во всех почт.-телегр. конт. и у письмоносцев.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Орган Института Ленина. Отв. ред. М. А. САВЕЛЬЕВ.

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б), и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности заграничных коммунистических партий и международного рабочего движения.

Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. ЛЕНИНА и истории большевистских партийных организаций.
12 №№ в год. ЦЕНА на год—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., отд. номера—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в ПЕРИОДСЕКТОРЕ Госиздата: Москва, центр, Ильинка, 3, а также во всех отделениях и магазинах Госиздата, в киосках Союзпечати, у уполномоченных, снабженных удостоверениями, и в почтово-телеграфных конторах. По Москве подписку надлежит направлять Мосотгизу—Москва, центр, Неглинный пр., 9.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА РУБЕЖОМ

Под редакцией: М. ГОРЬКОГО, Т. КОСТРОВА, А. ВОЙТИНСКОГО, М. РУБИНШТЕЙН, О. ДЗЕНИС

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

- Систематически знакомить читателя **с политикой, экономикой и искусством** зарубежных стран.
- Показать в действии систему приводных ремней буржуазного государства (социал-фашизм, желтые профсоюзы, церковь, школа, культурные организации и т. д.).
- Разоблачать политическую и техническую подготовку войны против СССР и новой империалистической войны.
- Широко освещать борьбу и быт рабочих капиталистических стран и трудящихся Востока.

ЗА РУБЕЖОМ

- будет освещать все вопросы в живой и популярной форме.
- будет богато иллюстрирован.
- **рассчитан на широкие круги** партийного и комсомольского актива, на передовую часть рабочих и советской интеллигенции.

Подписка принимается на полгода с 1 июля по 1 января 1931 г.

Подписная цена на полгода—6 номеров—3 р. 75 к. Отдельн. номер—75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, Центр, Ильинка, 3, в отделениях и магазинах Госиздата, у уполномоч., снабж. удостоверениями, во всех почтово-телегр. конторах и у письмоносцев. По Москве подписку направлять: Мосотгиз, Неглинный проезд, 9.

„ЛІТОПИС РЕВОЛЮЦІЇ“

ЖУРНАЛ ИСТПАРТА ЦККП(б)У

Выходит 1 раз в 2 месяца ■ **Год издания 8-й**

Задача **„Літопису Революції“** — освещение, с точки зрения марксизма-ленинизма, истории революционной партии пролетариата КП(б)У и борьбы рабочих и крестьянских масс Украины за свое освобождение.

„Літопис Революції“ освещает историю КП(б) и РСДРП(б), историю массового революционного движения и борьбы с царизмом, историю пролетарской и гражданской войны на Украине.

„Літопис Революції“ освещает вопросы, связанные с историей украинского национального движения, с историей украинских национал-социалистических партий с точки зрения борьбы пролетариата и его партии—РСДРП(б) и КП(б)У— за гегемонию и руководство революционным движением на Украине.

„Літопис Революції“ освещает революционное рабоче-крестьянское и национальное движение в Западной Украине, его влияние и связь с революционной борьбой в Советской Украине.

„Літопис Революції“ дает научно-исследовательские, а также общетеоретические статьи по истории партии и революционного движения и воспоминания активных участников последнего. Журнал обращает большое внимание на вопросы библиографии, помещая критические обзоры литературы по отдельным вопросам истории партии и революционного движения и рецензии на отдельные издания.

„Літопис Революції“ помещает в специальном отделе небольшие воспоминания и мелкие заметки об отдельных эпизодах по истории партии и революционной борьбы на Украине.

„Літопис Революції“ помещает документы, относящиеся к истории КП(б)У, а также по истории массовой революционной борьбы.

„Літопис Революції“ помогает как партийному активу, так и широким кругам партии серьезно и углубленно усвоить историю партии и Октября, историю пролетарской революции на Украине, знакомит с их ходом и развитием, а также подготовляет необходимый фактический материал для историков революции и партии.

„Літопис Революції“ дает также материал, отвечающий данному политическому моменту в понимании исторического освещения и изучения вопросов, стоящих перед КП(б)У.

В 1930 г. обращено будет большое внимание на важнейшие события из истории КП(б)У и пролетарской революции на Украине в 1918—1919 гг. в связи с десятилетием их и на зарождение большевистских организаций на Украине в связи с 25-летием первой революции.

РЕДАКЦИЯ: ХАРЬКОВ, ЦККП(б)У, УЛ. К. ЛИБКНЕХТА, № 64.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

В СОЮЗЕ.	ЗА ГРАНИЦЕЙ.
на 1 год (6 книг) . . . . . 5 р. — к.	на 1 год (6 книг) . . . . . 5 д. 20 ц.
На 6 мес. (3 книжки) . . . 2 р. 75 к.	на 6 мес. (3 книги) . . . . 2 д. 95 ц.
Отдельный номер . . . . . 1 р. — к.	

Годовые подписчики получают рассрочку. При сдаче подписки вносят 2 рубля, 1/VI 1930 г. — 2 рубля, 1/IX 1930 г. — 1 рубль.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТ: СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСУДИЗДАТ. УКРАИНЫ, Харьков, Сергиевская площадь, Московские ряды, 5, а также уполномоченные Периодсектора во всех городах Украины, почтово-телеграфные конторы и письмоносцы.

Цена 3 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

под. ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова и М. Н. Покровского.

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 6 ТОМОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — **15** руб., на полгода — **7** руб. **50** коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 3 руб.

Журнал ставит своей целью опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории литературы, быта и культуры.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

В 1930 г. в „Красном архиве“ будут опубликованы следующие материалы и статьи по неизданным архивным документам:

1. По истории **внешней политики и революционному движению за границей:** 1) Турецкая революция 1908 г., 2) Алжезирасская конференция, 3) Царская Россия и Монголия накануне мировой войны, 4) Вступление Италии в мировую войну, 5) Парижская Коммуна 1871 г. в донесениях русских дипломатов, 6) Берлинский конгресс 1878 г. и др.

2. По истории **Октябрьской революции и гражданской войны:** 1) Красная гвардия в Москве, 2) Организация Советской власти после Октября (по донесениям комиссаров), 3) Перекоп и ликвидация врангелевщины, 4) Комитет общественной безопасности в Петрограде в Октябрьские дни, 5) „Ставка“ Керенского в Октябре 1917 г., 6) Деникинщина и врангелевщина по материалам Парижского „посольства“ Врем. Правительства (архив Маклакова), 7) Сибирская контр-революция, 8) Английская интервенция на севере, 9) Церковная контр-революция (документы из архива Всероссийского Поместного собора 1917 г., синода и др.).

3. По истории **революционного движения до Октября:** 1) 9 января 1905 г. и армия, 2) Записки Хрулева, Потоцкого и др. о мерах борьбы с крестьянским движением в 1905 г., 3) Из дневника Льва Тихомирова за 1905 г., 4) Совет министров и революция 1905 г. (из архива бар. Нольде), 5) „Союз союзов“ в 1905 г., 6) Выдача с.-д. депутатов 2-й Госуд. Думы (из протоколов комиссии Госуд. Думы и парламентской фракции кадетов), 7) Трудовики во 2-й и 3-й Госуд. Думе, 8) П. Б. Струве во время империалистической войны, 9) Из архива Ц. К. кадетской партии и П. Н. Милюкова (совещание Ц. К. и местных организаций кадетов в августе 1906 г., конференция кадетов 6—8 июня 1915 г., переписка кадетских лидеров во время войны), 10) Февральская революция в Петрограде (из документов Военной комиссии Врем. Комитета Госуд. Думы), 11) Покушение А. К. Соловьева на Александра II, 12) Лорис-Меликов и Адриан Михайлов, 13) Из переписки В. К. Плеве с Лорис-Меликовым, 14) Записка Валуева Александру II в 1861 г. „об охране внутренней безопасности государства“, 15) Всеподд. ежегодные отчеты III отделения об обществ. настроении, крестьянском и рабочем движении, 16) Польское восстание 1830 г. и др.

Кроме того, в 1930 г. в „ Красном архиве“ будут напечатаны: 1) Извлечения из дневников К. К. Романова, 2) Дневники Половцова, Ламздорфа и др., 3) Из архива А. А. Бобринского. 4) Из материалов архива жанд. ген. Новицкого, 5) Отчет Плансона о мирных переговорах в Портсмуте и др., а также ряд вновь найденных **историко-литературных** материалов: 1) Новые документы об А. С. Пушкине, А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском и др., 2) Неопубликованные показания Ф. М. Достоевского на процессе петрашевцев, 3) Из архива А. П. Чехова, 4) Неизданные отрывки из произведений и письма И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19, Периодсектор Госиздата; **Ленинград,** проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, Ленотгиз; в отделениях, магазинах и киосках Госиздата; у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, в почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ СОРОКОВОЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Врангелевщина. — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. — 25 лет назад (дневник Л. Тихомирова). — „Князья церкви" (дневник А. Н. Львова). — Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. — Вокруг 1 марта 1881 г. — С. Г. Нечаев и тульские оружейники. — К истории побега Ярослава Домбровского.

ЦЕНТРАРХИВ

1930

1657

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1930 год
НА ЖУРНАЛ

НАУЧНОЕ СЛОВО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СССР

III ГОД ИЗДАНИЯ

Ответственный редактор проф. О. Ю. ШМИДТ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Точные науки — академ. А. Ф. Иоффе, проф. В. Ф. Каган и прив.-доц. Э. В. Шпольский. Биология — проф. Н. К. Кольцов. Медицина — проф. А. И. Абрикосов. Обществоведение — акад. Н. И. Бухарин, проф. В. П. Милютин, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. И. К. Луппол. Техника — акад. Г. М. Кржижановский и проф. М. Я. Лапиров-Скобло. Организация и гигиена умственного труда — прив.-доц. К. Х. Кекчеев.

ЖУРНАЛ

ПОСВЯЩЕН вопросам естествознания (точные науки, биология), медицины, техники, обществоведения, организации и гигиены умственного труда.

РАССЧИТАН на подготовленного читателя (педагога, врача, инженера, агронома, естественника, хозяйственника, партийного, профессионального и советского работника).

ИМЕЕТ постоянный состав сотрудников, в число которых входят крупнейшие ученые СССР, излагающие на страницах журнала результаты своих последних исследований.

ДАЕТ в каждом номере несколько крупных статей, посвященных успехам мировой науки и техники и критическому обзору новых научных теорий. Кроме того в каждом номере помещаются постоянные отделы „Из жизни науки“ и „Библиография“.

ОСОБЕННОСТЬ ЖУРНАЛА

НАУЧНОЕ СЛОВО охватывает громадный круг вопросов (естествознание — медицина — техника — общественные науки) и благодаря этому дает возможность своим читателям быть в КУРСЕ ВСЕХ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ;

ЗНАКОМИТ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С АКТУАЛЬНЕЙШИМИ ПРОБЛЕМАМИ НАУКИ В ЕЕ ЦЕЛОМ И СТАВИТ НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ В СВЯЗЬ С ТРЕБОВАНИЯМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ;

дает рефераты наиболее интересных статей из советских и иностранных журналов и отзывы о наиболее интересных вновь выходящих книгах;

систематически освещает деятельность крупнейших научных учреждений СССР (Академии наук, Коммунистической академии, институтов НКЗдрава, НТУ, ВСНХ и т. д.);

имеет специальный отдел „Организация и гигиена умственного труда“ (статьи, заметки, рецензии).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА	
на год	8 р.
на 6 мес.	4 р.
отдельный номер	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3, Моск. областн. отдел Госиздата „Московский рабочий“ — Москва. Неглинный пр., 9; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у письмоносцев.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ (СОРОКОВОЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

★

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-67072. П.-12. Гиз 40869.
Заказ № 1292. Тираж 1.800 экз. 12 п. л.

Врангелевщина.

(Из материалов Парижского «посольства» Временного правительства.)

Окончание [1]).

Нератов — Гирсу [2]).

Константинополь. 23 августа 1920 г. № 702.

Просьба передать посольствам и миссиям.

Струве телеграфирует циркулярно за № 1042.

(Лат. б.) Ввиду расширения территории и в связи с соглашением с казачьими атаманами, генералом Врангелем издан приказ 6 (19) августа № 3504, коим он впредь именуется главнокомандующим русской армией, а состоящее при нем правительство — правительством Юга России.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 24 августа 1920 г. № 323.

Лично.

Строго доверительно.

(Шифр А.) Прошу сообщить, не возбуждала ли Франция перед Врангелем, в связи с признанием правительства Юга, вопроса о разрешении использовать русское золото, переданное немцами по условиям перемирия для оплаты французского долга Америке. Считаю долгом предупредить, что подобные переговоры встретили бы резкое осуждение со стороны Америки и, по всей вероятности, исключили бы возможность поддержки отсюда правительства Юга.

---

[1]) «Красный архив», 1930, т. II (39), стр. 3—46.

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 1 ноября 1920 г.», — «Вход. № 2189», — «Д. 24, Юг».

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 27 августа 1920 г. № 711.

Струве просит передать за № 1076.

(Шифр.) Благоволите незамедлительно через наших дипломатических представителей в надлежаще осторожной форме поставить перед соответствующими правительствами вопрос о нашем признании вслед за Францией и телеграфировать мне о ваших шагах.

Нератову и балканским представителям телеграфирую особо.

Горлов — в росс. посольство в Париже.

Варшава. 29 августа 1920 г. № 186.

Савинков просит передать Гирсу, Львову и Чайковскому его телеграмму генералу Врангелю. (Шифр.) Как председатель Русского Политического Комитета в Польше, формирующего русские отряды на территории Польской республики, заявляю, что признаю вашу власть и готов вам подчиниться. Савинков.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 29 августа 1920 г. № 330.

(Шифр А.) Вопрос о посылке из Америки военного снаряжения должен получить решение в ближайшее время. Американское правительство решило сперва осведомиться официозно через адмирала Мак Колли о задачах и предполагаемом характере действий Юга России. Мне доверительно известно, что в посланном запросе Америка, в общем, ищет подтверждения принципов, изложенных в письме Струве Мильерану и других официальных заявлениях. Досадная приостановка военного снабжения вызвана обстоятельством предвыборной борьбы и газетным шумом относительно признания правительства Францией. Очень надеюсь, что благоприятный ответ из Крыма даст повод американскому правительству твердо и открыто определить отношения к Югу России. В общем, настроение американского правительства продолжает оставаться благоприятным, но ему приходится считаться с крайне серьезным внутренним политическим положением.

Бахметев — послу.

Вашингтон. 29 августа 1920 г. № 331.

Угет для Миллера. Копию в Константинополь для Вильчевского.

(Шифр.) Пароходом «Фараби», вышедшим из Нью-Йорка 20 августа, отправлено 436 пулеметов Кольта с запасными частями, 2 миллио-

на 479 тысяч 600 ружейных патронов, 456 кусков стали, 344 ящика инструментов и материалов Ремингтона, 3 130 винтовок, собранных из запасных частей, которые подлежат использованию как запасные части или тщательному испытанию перед раздачей воинским частям. В адрес общества служащих Владикавказской железной дороги 14 514 пар мужской обуви, 2 500 дамской, 5 040 детской. Объяснение относительно обуви везет инженер Магула.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 30 августа 1920 г. № 728.

Струве просит передать за № 1101.

(Шифр А.) Подчеркнув значение усиления наших фронтов, на которых достигнуты крупные успехи, благоволите в надлежаще осторожной форме обратить особое внимание на вопрос о признании правительства Юга России Северо-Американскими Соединенными Штатами, Бельгией и Японией.

Поклевский — посольству.

Бухарест. 30 августа 1920 г. № 49.

(Шифр А.) Получил телеграмму № 710 [1]), начало которой несколько искажено при передаче. Мне кажется, что нам следует повременить с возбуждением вопроса о признании правительства Юга России. Румынское правительство все больше и больше проникается симпатией к главнокомандующему и к проводимым правительством Юга России принципам внешней и внутренней политики, однако, принимая во внимание непосредственное соседство Румынии с Советской Россией и отсутствие единой политики у союзников по отношению к России, здешнее правительство твердо решило держаться пока политики нейтралитета в русских делах и избегать угроз по отношению к большевикам. Ввиду вышеизложенного, я уверен, что румынское правительство не нашло бы возможным в настоящую минуту последовать примеру Франции в вопросе признания правительства Юга России.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 2 сентября 1920 г. № 746.

Ссылаюсь на телеграмму Петряева от 26 августа № 101.

(Шифр В.) Желательно было бы вызвать новое подтверждение из Парижа французским военным властям в Константинополе и Софии

[1]) В подлиннике сноска: «Вероятно, телеграмма Нератову».

распоряжения о выдаче нам военного снаряжения. Есть основание предполагать, что английские члены контрольной комиссии имеют неблагоприятные для нас инструкции, будут тормозить выпуск снаряжения.

Надеюсь, что твердо принятая в отношении нас линия поведения окажет свое воздействие и на англичан, позиция коих в Константинополе остается попрежнему для нас неизменно благожелательной, но стеснена Лондоном.

Штрандтман — Гирсу.

Белград. 2 сентября 1920 г. № 306.

Я телеграфирую в Константинополь.

Просьба передать в Севастополь.

№ 1.

(Шифр А.) Председатель совета министров Веснич прочел 31 августа перед временным народным представительством декларацию нового кабинета. По вопросам иностранной политики он, в первую очередь, сказал следующее: «Последний русско-польский конфликт поверг европейскую дипломатию в большое смущение, заставив ее усиленно им заняться. Мы могли только сожалеть об этом бесцельном кровопролитии между двумя братскими народами, и мы, естественно оставались нейтральными в этой борьбе».

Сегодня я лично просил у Веснича объяснений относительно причин, побудивших правительство назвать конфликт «русско-польским», кровопролитие «бесцельным» и упомянуть о «нейтралитете», заявления о коем, согласно двухкратным мне заверениям и. д. министра иностранных дел Нинчича, не должно было быть. Веснич ответил, что конфликт назван русско-польским потому, что поляки вели войну против России, а не против большевиков, о которых в декларации вообще не упоминается; что, с этой точки зрения, по мнению правительства, борьба бесцельна и о ней нельзя не сожалеть и что заявление о нейтральности вызвано необходимостью для еще не окрепшего королевства С. Х. С. вести среднюю линию между политикой Франции и Англии. Он при этом категорически утверждает, что политика его правительства относительно Италии остается неизменною и что, узнав о разговорах Трумбича в Лондоне с большевиками, ему было послано предписание от таковых воздержаться. Эту последнюю подробность Веснич просил меня не сообщать другим иностранным представителям.

Продолжение следует за № 2.

Штрандтман — Гирсу.

Белград. 3 сентября 1920 г. № 309.

Я телеграфирую в Константинополь.

Прошу передать в Севастополь.

№ 2.

(Шифр А.) В связи с переданным за № 1 разговором, я спросил Веснича, не найдет ли королевское правительство своевременным оформить отношения с правительством главнокомандующего, аккредитовав при нем дипломатического представителя. Веснич ответил, что он лично ничего сказать не может до прибытия сюда на-днях министра иностранных дел Трумбича, что кабинет, им возглавляемый, политически не однороден и что поэтому он не хотел бы дать мне неправильное впечатление недостаточно обоснованным ответом. Затем он сказал, что лично у него нет серьезных сомнений. Должен добавить, что Трумбич, особенно после его переговоров в Лондоне с большевиками, будучи под влиянием англичан, может явиться тормозом в этом вопросе. Я умышленно не поставил вопроса в плоскость признания, считая, что до сих пор фактически таковое существует, что присутствие в Белграде вверенной мне полноправной российской миссии является символом признания королевством антибольшевистской России, что нам необходимо лишь придать сношениям обычную международную форму.

Поклевский — Гирсу.

Бухарест. 3 сентября 1920 г. № 53.

Я телеграфирую в Константинополь.

(Шифр А.) По имеющимся у меня достоверным сведениям, румынское правительство только что получило составленную в очень мягких выражениях новую радиотелеграмму Чичерина с предложением заключить сепаратный мир. Мне кажется, можно быть уверенным заранее, что румынское правительство будет попрежнему всячески стараться выиграть время и избегать прямого ответа на вопрос о мире с Советским правительством.

Крупенский — Гирсу [1]).

Токио. 3 сентября 1920 г. № 257.

Получил вашу телеграмму № 1225.

(Шифр.) В противоположность опубликованным посольством в здешней прессе сведениям об успехах генерала Врангеля на Кавказе,

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 4 сентября 192[illegible] г.», — «Вх. № 1474», «Д. 24, Юг».

агентская телеграмма из Лондона передает официальное большевистское сообщение о полном уничтожении сил генерала Врангеля на Кубанском фронте.

Прошу сообщить истинное положение.

Поклевский — Гирсу.

Бухарест. 4 сентября 1920 г. № 54.

Я телеграфирую в Константинополь.

(Шифр А.) В результате моих дальнейших переговоров румынское правительство соглашается выдать немедленно 20 000 винтовок и 2 миллиона к ним патронов, 25 полевых орудий, 21 000 снарядов, 250 пулеметов Кольта с 500 000 патронов и известное количество материалов второстепенного значения. Невозможность дать больше винтовок и патронов румыны объясняют тем, что их 7-й и 8-й новые корпуса вооружены нашими винтовками в количестве 80 000. У румын остается еще наших 147 000 винтовок, но они нуждаются в починке, причем румынское правительство готово обсудить вопрос о постепенном приведении их в годность в здешнем арсенале и передаче их затем нам. Румыны также указали на возможность передать нам винтовки и патроны 7-го и 8-го румынских корпусов, как только последние будут перевооружены оружием, которое здесь надеются получить из неприятельских стран на основании мирных трактатов. Момент передачи указанного выше количества военного имущества румыны обусловливают получением письма от начальника французской военной миссии с просьбой выдать это оружие Франции. Французы обещают написать это требование без замедления.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 6 сентября 1920 г. № 260.

Получил вашу телеграмму № 1317.

(Шифр.) Миллер нисколько не уклоняется от совместной работы на пользу общего дела, особенно с правительством Врангеля, коему он, как и все мы, горячо сочувствует. Но я вполне понимаю, что возложенная на него тяжелая ответственность, которой он считает себя по совести связанным, не позволяет ему по простому о том требованию предоставить распоряжение вверенными ему суммами другим лицам, каков бы ни был их личный авторитет, тем более, что ему совершенно неизвестно, израсходованы ли уже на государственные нужды находившиеся у этих лиц несравненно более крупные денежные средства.

Требования о передаче в их распоряжение доверенных Миллеру сумм поступали к нему и от Семенова, назначенного Колчаком главно-

командующим на Дальнем Востоке, и от образовавшегося в Харбине из бывших членов омского правительства «Политического совещания», и от владивостокского правительства, причем всеми ими давалось основанием к этому ведение ими борьбы за русскую государственность. Отказав в свое время всем этим организациям, Миллер и ныне не считает себя в праве исполнять чьи бы то ни было требования без определенной мотивировки. Доказательством того, что он вообще не отказывается удовлетворять просьбы, получаемые им из Европы, служит перевод им денег Замену и, по желанию последнего, в Пекин для беженцев.

По возвращении Миллера в Японию, я переговорю с ним, но считаю, что вряд ли можно настаивать на переводе им денег тому или другому лицу без объяснения, на какие надобности деньги эти будут расходоваться и почему расходы эти относятся именно на средства, хранящиеся у Миллера.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 8 сентября 1920 г. № 770.

Срочно.

Струве просит передать за № 1154 от 23 августа (5 сентября).

Я телеграфирую Горлову.

Получил вашу телеграмму № 186.

(Шифр.) Для Б. В. Савинкова. В решении вашем подчиниться правителю Юга России генерал Врангель приветствует объединение всех русских антибольшевистских сил, борющихся против общего врага. Считая раздробление сил вредным и руководясь соображениями стратегического свойства, главнокомандующий считает необходимым сосредоточить на здешнем фронте все боевые элементы, желающие и могущие быть направленными в Крым.

Бахметев — послу.

Вашингтон. 8 сентября 1920 г. № 346.

Копия в Лондон.

Угет для Замена.

(Шифр.) Затрудняюсь немедленно ответить на ваш № 1311 вполне определенно. В настоящее время ввиду забастовок обеспечить быструю доставку угля из Америки в больших количествах трудно. Однако главное затруднение — в общем политическом положении, о котором посол сообщил Гирсу. Разрешение на вывоз первых 15 000 тонн удалось

получить путем заверения, что уголь пойдет исключительно для судов Доброфлота. Ввиду этого считаю, что на сентябрь следовало бы воздержаться от дальнейших покупок угля. Тем временем желательно получить от вас разъяснение, на какие именно надобности и в каких количествах требуется уголь, это облегчит дальнейшие настояния. Запросы Англии были сделаны Шестаковским. Предложенный вами способ в нормальных условиях был бы наиболее целесообразен. Однако необходимость согласовать срок каждой предполагаемой партии с фрахтованием, при требовании фирмой немедленного решения, затрудняет (проявление) действий. Поэтому, если практически в каком-либо случае представится более удобным обратиться к вам, то непременно сделаю.

Нератов — Базили.

Константинополь. 9 сентября 1920 г. № 780.

Струве просит передать за № 1151 от 5 сентября.

(Лат. б.) Ввиду полученного сведения об опубликовании в лондоне Брестской советской делегацией о якобы понесенном нашими войсками на Кубани поражении, правительство Юга России заявляет, что сообщение это является чистейшим вымыслом. Высаженные в начале августа десанты на Кубани, действительно, оттягиваются ныне назад в связи с общей стратегической обстановкой в северной Таврии. Оперировавшие на Кубани наши части не только не испытали какого-либо поражения, но сами разбили две дивизии красных, захватив свыше шести тысяч пленных, 8 орудий и несколько десятков пулеметов, причем наличность десантного отряда увеличилась за счет присоединившихся казаков в два с половиною раза.

Нератов — послу.

Константинополь. 10 сентября 1920 г. № 789.

Струве просит передать за № 1171.

В дополнение к моему № 1129.

(Шифр.) Необходимо безотлагательно вновь настаивать перед французским правительством о содействии нам в получении из Румынии находящегося там нашего артиллерийского имущества. В первую очередь — ружья с патронами и легкие пушечные выстрелы [1]). Всякое промедление может быть гибельным. Необходимо просить также предоставить нам наше артиллерийское имущество, находящееся во Франции. Кривошеин.

[1]) Так в подлиннике.

Росс. представитель в Константинополе — послу в Вашингтоне.

Пера. 11 сентября 1920 г. № 799.

Струве просит передать за № 1191.

(Шифр А.) Ввиду недостатка средств для покрытия заграничных расходов, необходимо добиться займа на снаряжение и содержание армии, хозяйственное устроение, а также помощь беженцам. Вооружение, уголь, нефть, в счет займа, желательно получить из Америки натурой. Минимальная желательная сумма — 50 000 000 долларов. Из 50 миллионов около 10 нужны для выкупа денежных знаков и замены их новыми с металлической базой. По соглашению с Бернацким, прошу вас выяснить и всячески подготовить почву для совершения в Америке такого займа, конечно, в совершенно частной форме, на указанную приблизительную сумму. Гарантией оплаты капитала и процентов могут послужить различные виды государственных доходов и концессии на территории русской армии. Нератов.

Почтограмма начальника управления иностр. дел Нератову в Константинополь.

Севастополь. 12 сентября 1920 г. № 324.

Благоволите передать в Париж. А. В. Кривошеин просит передать.

Правительство Юга России, желая начать деятельный товарообмен с Францией, посылает на адрес французского министерства торговли пароход «Константин» с 5 000 тонн зерна. Правительство просит произвести реализацию грузов по усмотрению французского министерства и поставить вырученные суммы на счет нашего финансового представителя Замена. Вырученными от товарообмена с Францией суммами предполагается на основании договоров покрывать стоимость снабжения русской армии и денежной ссуды [1]), о которой мы просим французское правительство. Желателен приезд специально уполномоченного лица для обсуждения условий помянутого договора в духе прошлогодних предложений генерала Манжена. Что касается общих начал торговой политики Юга России, которые предположено детально обсудить на созываемом обширном финансово-экономическом совещании, то пока сообщаем следующее.

Правительство Юга России ставит своей задачей возможно широкое развитие торговых сношений территории русской армии и Запада. Правительство надеется в близком будущем установить

---

[1]) Так в подлиннике.

режим свободной торговли. Пока, по соображениям фискальным и коммерческим, признано целесообразным взять в свое ведение экспорт зерновых продуктов, ради накопления зернового фонда для товарообмена с заграницей. В ближайшие месяцы поступает в порты Крыма до 5 000 000 пудов ячменя и пшеницы. Правительство зафрахтовало, и грузятся пароходы для доставки зерна, минуя ближние порты, непосредственно в Марсель. Реализация зерна заграницей предположена при участии крупных частных фирм. Фирмы, привлеченные к сбору зерна, получают право на вывоз части его в свою пользу без обязательства обратного ввоза товаров. Вывоз прочих товаров предположено освободить от всяких стеснений. Эта мера, надо надеяться, привлечет к торговле старые фирмы, специализировавшиеся на отдельных отраслях торговли и не желавшие работать в порядке нарушавшего их специальные навыки обязательного товарообмена.

К содержанию настоящей телеграммы, которую желательно предать широкой гласности, надлежит привлечь общественное мнение. Струве.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 16 сентября 1920 г. № 357. Повторение.

№ 1.

(Шифр.) Струве, по соглашению с Бернацким, просит выяснить и подготовить почву для займа в 50 000 000 долларов, причем гарантией могут послужить различные виды государственных доходов и концессии на территории русской армии. Свой ответ сообщаю вам за № 2. Свои соображения относительно предлагаемых гарантий сообщаю письменно.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 сентября 1920 г. № 849.

Просьба передать генералу Миллеру.

Струве телеграфирует в Бухарест за № 1240 от 17 сентября.

(Шифр А.) Начальник снабжения сообщает, что ввиду изъявленного Румынией согласия на передачу нашего военного имущества Франции, которая, в свою очередь, передаст его нам, представляется необходимым безотлагательно принять зависящие меры к скорейшему пополнению наших запасов путем передачи сказанного имущества в распоряжение нашего главного командования. С этой целью в Румынию предполагается командировать специальную ко-

миссию из трех офицеров для вывоза имущества. Принимаются меры к посылке транспорта. Чрез здешнюю французскую военную миссию сделано сношение об оказании содействия генералу Геруа к скорейшему получению и вывозу имущества.

Благоволите со своей стороны оказать в этом деле самую энергичную поддержку.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 23 сентября 1920 г. № 361.

Получил вашу телеграмму № 1432.

(Шифр А.) Доверительно. Американское правительство поручило посланнику в Пекине высказаться самым категорическим образом в пользу неприкосновенности прав России в Китае. Альтернативу продолжения покровительства нашего представительства американцы видят в установлении международной охраны русских интересов.

Продолжаю думать, что можно было бы достигнуть восстановления положения миссии и консульств, если бы Франция взяла на себя активный почин в Пекине.

Секретная телеграмма Нератова посланнику в Каире.

Константинополь. 23 сентября 1920 г. № 862.

Саблин телеграфирует из Лондона от 17 сентября № 503:

«Об ассигнованиях на авиацию. От авиационного министерства получены следующие неофициальные сведения: 1) Возможность получить даром все аэропланы, которые были на пути в армию Юга России, а теперь находятся в Александрии и Абукире. Но погрузка и транспорт должны быть сделаны на наш счет или на наших пароходах. 2) Там же имеется около 200 аэропланов, которые могут быть приобретены за ничтожные цены, причем справку можно получить в авиационном парке в Каире. Местным властям дано полное право распоряжения всем имуществом». Конец телеграммы Саблина.

Благоволите срочно выяснить и телеграфировать: 1) сколько аэропланов, предназначавшихся нам, мы могли бы получить даром, 2) каких систем, 3) точное местонахождение, 4) упакованы ли они или нет, 5) сроки получения, 6) эти же сведения, а также цену аэропланов, которые могут быть нами куплены. Нератов.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 23 сентября 1920 г. № 275.

Получил вашу телеграмму № 1413.

(Шифр В.) Французское правительство уведомило здешнего французского посла, что оно не считает возможным принять на себя защиту русских интересов в Китае и берет под свое покровительство только Русско-азиатский банк ввиду того, что в нем заинтересованы французские капиталы и что вскоре учреждение это сделается французским.

Французское правительство считает, что желательно охранить от посягательств китайцев участок русской миссии в Пекине и русские концессии в Тяньцзине и Ханькоу, взяв их под защиту союзных держав. С этой целью оно просило остальные великие державы предписать своим представителям в Пекине сговориться по этому вопросу с тамошним французским посланником. Японское правительство дало соответствующие инструкции своему посланнику в Пекине, но японский министр иностранных дел заявил при этом французскому послу, что не видит, какие шаги могли бы быть предприняты державами, если китайцы, вопреки их представлениям, насильственным образом заняли русские концессии.

Лютш — посольству.

24 сентября 1920 г. № [?].

(Шифр К.) Генерал Хорват просит меня передать:

«Прошу передать генералу Врангелю.

Пользуясь слабостью России, китайское правительство, под предлогом ограждения своих пределов от проникновения большевизма через русское население в Китае, решило лишить русских права экстерриториальности и потребовало прекращения деятельности наших дипломатических и консульских представителей. Русские граждане, концессии и город Харбин обречены на китайский произвол. Этот удар русским интересам и всему русскому населению в Китае, почти сплошь антибольшевистскому, возможно предотвратить путем распространения вашего влияния на Дальний Восток и принятия русских в Китае под вашу защиту. Полагаю, что вам, в свою очередь, придут на помощь державы, в частности, Франция, вас поддерживающая. Если нельзя предотвратить упразднения русского представительства, то нужно заменить его тотчас иным, с обязательной отдачей русских подданных юрисдикции культурной державы. Реальной силой, на которую вы могли бы опереться на Дальнем Востоке, яв-

ляется отступившая из Сибири в Забайкалье армия Каппеля, которой ныне командует генерал Лохвицкий. Армия эта насчитывает 12 000 непримиримых борцов против большевизма на Дальнем Востоке. Ваша поддержка даст ей силы и энергию в дальнейшей борьбе вместе с вами на воссоздание России. Как один из старейших деятелей Дальнего Востока, прошу вашей защиты русским в Китае, признающим вашу власть и борющимся с большевизмом».

Нератов — послу в Токио.

Константинополь. 24 сентября 1920 г. № 865.

Срочная.

Струве просит передать за № 1267 от 21 сентября.

(Шифр.) По поручению правителя и главнокомандующего, прошу вас нащупать почву и предпринять шаги по вопросу о признании Японией правительства Юга России, являющегося преемственным носителем русской государственной и национальной идеи в борьбе с большевизмом. Нератов.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 24 сентября 1920 г. № 869.

Просьба передать генералу Миллеру.

Я телеграфирую Горлову в Варшаву.

Струве за № 1268 от 21 сентября просит передать:

(Шифр А.) Главнокомандующий просит передать Б. В. Савинкову.

Получив вашу телеграмму о признании русской власти и готовности мне подчиниться и выслушав генерала Гершельмана, приветствую вашу работу по упрочению русско-польских отношений. Считаю выступление на польском фронте русских частей, не могущих быть использованными здесь, вполне целесообразным. Нахожу, как прежде, что все русские регулярные части на польском фронте должны находиться на правом фланге поляков, дабы в момент выхода на русскую территорию или в иные окраины, которые я признал соответственными, по соглашению между русским и польским командованиями, они могли немедленно соединиться с главными русскими силами, ибо за участь войск, действующих оторванно, я на себя принять ответственность не могу.

Придавая важное значение правильной деятельности русских частей на польском фронте, я нахожу необходимым вверить комадование особо опытному, знающему и энергичному военачальни-

ку. Таковым мог бы явиться, если к тому не встретится препятствий со стороны маршала Пилсудского, бывший главнокомандующий Северной армией генерал Миллер.

Уверен, что при этой постановке дела, единственно отвечающей размерам военной и политической задачи, вы будете с прежней энергией привлекать новых бойцов за русскую государственность и, в согласии со мною, работать над улучшением и укреплением русско-польских отношений. Генерал Врангель.

Подтягин — Миллеру.

Токио. 24 сентября 1920 г. № 598.

24 августа атаманом Семеновым было подписано предварительное соглашение с делегатами Владивостокского народного собрания об объединении Приморской и Забайкальской областей. Краевое Забайкальское народное собрание было пополнено народными представителями и перереформировано во Временное собрание в Чите, получившее полноту гражданской власти. Однако, по полученным сегодня официальным сведениям, атаман Семенов, после попытки переговоров, обнаружив неискренность делегатов отдельных дальневосточных правительств, даже попытки их вести пропаганду в войсках атамана, объявил, что он, опираясь на свои войска, в случае требования отставки, будет продолжать решительную борьбу оружием. По проверенным газетным сведениям, в районе местечка Акшай начались военные операции.

Крупенский — послу.

Токио. 25 сентября 1920 г. № 278.

Миллер просит передать генералу Миллеру за № 1407.

(Шифр.) Искренно рад, что ты разделяешь мои принципиальные соображения. Я неоднократно высказывал полную готовность оказывать финансовую поддержку правительству Врангеля предоставлением средств на определенные цели. В частности, немедленно перевожу Замену 100 000 фунтов для оплаты угля. Ввиду лежащей на мне ответственности, я ставлю лишь необходимым условием точное указание, на что в каждом отдельном случае требуются деньги и почему именно из моих кредитов. Считаю себя однако обязанным отклонять всякие посягательства на распоряжение вверенными мне суммами. Вместе с тем, я никогда не имел в виду отказывать в содействии общему делу, важность которого всецело признаю.

Крупенский — посольству.

Токио. 25 сентября 1920 г. № 279.

Миллер просил передать Замену.

(Шифр.) Вернувшись вчера из Пекина, получил телеграммы № 491 из Лондона и №№ 1326, 1357 и 1407 из Парижа. Как вам известно, я неоднократно заявлял о полной готовности сотрудничать с вами и с правительством Врангеля, предоставляя средства на определенные потребности, подтверждением чему может служить перевод 30 000 фунтов для подкрепления вашей наличности и предоставление по вашей просьбе Кудашеву 100 000 иен на беженцев. Поэтому я должен самым категорическим образом отклонить обвинения в нежелании участвовать в общем деле, подобные высказанным в телеграмме Гирса № 1317 на имя посла в Токио. Не считая возможным предоставлять другим лицам или учреждениям права распоряжения суммами, ответственность за которые всецело падает на меня, я однако никогда не давал повода предполагать, что я намерен оставаться в стороне от общего течения.

В частности, что касается оплаты угля, я немедленно перевожу для этой цели Берингам в Лондон на ваш счет 100 000 фунтов. В случае недостатка у вас необходимых средств, я отнюдь не отказываюсь и на будущее время, по мере возможности, отпускать деньги, при условии точных указаний в каждом отдельном случае, на что они требуются и почему расход предполагается произвести именно из находящихся у меня сумм. Считаю долгом предупредить однако, что, ввиду современной политической обстановки на Дальнем Востоке и возможности возникновения здесь крупных и неотложных государственных потребностей, я принужден заботиться о сохранении достаточных средств для их удовлетворения и относиться с крайней осторожностью к расходованию вверенных мне сумм.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 28 сентября 1920 г. № 892.

Струве телеграфирует от 24 сентября.

(Шифр.) В большевистском радио-вестнике от 8 (21) по поводу ....ния [1]) Каменева из Лондона говорится:

«Дальнейший ход и темп событий в Англии и во всей Европе будет зависеть от того, как скоро и насколько решительно Советская Россия будет бить Врангеля».

Благоволите обратить чрез наших представителей серьезное внимание союзных держав на это знаменательное заявление большевиков.

[1]) Так в подлиннике.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 29 сентября 1920 г. № 289.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 265.

(Шифр.) Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что, по тщательном обсуждении вопроса, японское правительство, имея особенно в виду свои отношения к Англии, считает настоящий момент еще преждевременным для приступления к признанию им правительства генерала Врангеля.

Я телеграфировал об этом чрез Нератова запросившему меня по настоящему делу Струве и прошу вас сообщить ему содержание моей телеграммы к вам по тому же вопросу за № 265.

Посол в Токио — Нератову.

Токио. 29 сентября 1920 г. № 290 [1]).

Телеграмма № 865 получена.

(Шифр.) Прошу передать Струве.

Шаги в указанном смысле были предприняты еще до получения вашей телеграммы. Мною было подробно телеграфировано по этому вопросу Гирсу, которого прошу сообщить вам содержание моей телеграммы. Ныне министр иностранных дел ответил, что японское правительство, имея в особенности в виду свои отношения к Англии, считает настоящий момент еще преждевременным для приступления к признанию им правительства Юга России. Крупенский.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 2 октября 1920 г. № 905.

Струве просит передать за № 1304. Копия Базили.

Делегация национального украинского комитета, в составе председателя Маркотуна, главного секретаря Цитовича и члена комитета Могилянского, была принята 25 сентября генералом Врангелем. При беседе присутствовали председатель совета Кривошеин, начальник отдела иностранных дел Струве и начальник главного штаба генерал Шатилов. Генерал Врангель заявил, что он разделяет идеи комитета, и указал, что принципы федерации и земельной реформы составляют основу его политики. В своем стремлении объединить все антибольшевистские силы генерал Врангель готов содействовать развитию национальных демократических сил, базируясь на принципах, уже выраженных в соглашении, достигнутом между главным командо-

[1]) Так в подлиннике.

ванием и казачьими областями. Генерал Врангель не допускает для себя возможности присоединиться к какому-нибудь сепаратистскому движению.

Нератов — Базили.

Константинополь. 5 октября 1920 г. № 930.

Татищев за № 1343 от 2 октября просит передать.

А. И. Гучков сообщил, что, по дополнительному договору между союзниками и германцами, последние обязались выдать правительству Юга России все вооружение и снабжение, захваченное немцами у русских во время великой войны.

А. В. Кривошеин просит выяснить вас дело и оказать содействие генералу Миллеру. Татищев.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 8 октября 1920 г. № 287.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 227 [1]).

(Лат. б.) Атаман Семенов просит меня передать генералу Врангелю нижеследующую телеграмму, сообщив копию с нее японскому и французскому правительствам:

«Главнокомандующему вооруженными силами Юга России генералу барону Врангелю.

Оценив настроение казаков, инородцев и крестьян, населяющих Российскую восточную окраину, я пришел к неуклонному решению во имя блага родины не только признать вас, как главу правительства Юга России, но и подчиниться вам на основаниях преемственности законной власти. Я, оставаясь во главе государственной власти Российской восточной окраины, военного главнокомандования и выборным походным атаманом казачьих войск Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Бурятского и пришедших на территорию Российской восточной окраины во главе с их войсковыми правительствами Енисейского, Сибирского, Оренбургского, Башкирского и Манчжурской колонии казаков, европейских войск, с полнотою власти военной и гражданской в смысле подчинения мне казачьих и бурятского правительств во всех отношениях, в данный момент провожу и частью уже осуществил в полном смысле принцип национально-культурной и территориальной автономии всех народностей подчиненной мне Российской восточной окраины, на основах чего и строится местная

[1]) В подлиннике помета: «Вход. № 1492».

здоровая государственная власть. Отрезвление сельского населения, вкусившего прелести большевизма, уже началось, прибывают добровольцы-казаки, инородцы и крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкальи, Уссурийском крае и Северной Монголии. Прося директив общеполитического характера и принятия мер налажения взаимной информации, от имени своего, подчиненных мне войск и населения приветствую вас в великом подвиге служения родине. Главнокомандующий и походный атаман генерал-лейтенант Семенов».

Не откажите передать телеграмму генералу Врангелю, сообщив копию французскому правительству.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 8 октября 1920 г. № 289.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 297 [1]).

(Шифр.) По поводу признания Семеновым генерала Врангеля считаю необходимым дать следующее разъяснение положения.

По эвакуации Забайкалья Семенов неожиданно издал акт, которым передал личную власть Читинскому Народному собранию, и объявил о своем вступлении в переговоры о соглашении с владивостокским и верхнеудинским правительствами. Акт этот восстановил против него многие умеренные организации, особенно в Харбине. Находящиеся в этом городе генералы Лохвицкий и Дитерихс, само собой разумеется, настроены против атамана. Вскоре затем однако последний заявил, что Читинское Народное собрание, имеющее коммунистическую окраску, не представляет собой..... [2]), и издал распоряжение о реформировании его состава. Новое собрание еще не сформировано, и фактически власть остается в руках Семенова, хотя положение последнего и казалось одно время поколебленным; по последним известиям, он удалил от себя некоторых вызывавших общие нарекания своих приближенных, и ныне армия вполне с ним солидарна, твердо настроена против большевиков и не признает больше генерала Лохвицкого своим командующим. Сторонниками Семенова первый его акт объясняется как простой маневр, имевший целью облегчить ему вывести армию из опасного растянутого положения и сосредоточить ее между Манчжурией и Читой, что теперь выполнено. Однако армия продолжает нуждаться во многом.

Отношение к Семенову японцев стало отрицательным, так как они теперь явно поддерживают владивостокское правительство и

[1]) В подлиннике помета: «Вход. № 1983».

[2]) Пропуск в подлиннике.

стремятся к объединению его с верхнеудинским с целью образования буферного государства.

Дополнительные подробности сообщаются в сегодняшних телеграммах нашего военного агента генералу Миллеру.

Нератов — послу.

Константинополь. 9 октября 1920 г. № 947.

Горлов телеграфирует за № 196 от 6 октября.

(Шифр.) Савинков просит передать генералу Врангелю.

Нота украинского правительства, вызванная приездом в Крым Маркотуна, Могилянского, Гербеля, Кистяковского, крайне осложнила положение. В приезде этом, а также в приезде Гурко, Коковцова, Вышнеградского и других украинцы усматривают отклонение от начал, изложенных в декларации Струве от 20 июня, в сторону политики Деникина в национальном вопросе и указания на определенно монархическое направление вашего правительства. Последствия украинской ноты могут быть весьма вредными. Неверие украинского правительства начинают разделять Эстония и Латвия; их примеру, без сомнения, последуют и другие отделившиеся народности. Кроме того из беседы моей сего 1 октября с Пилсудским выяснилось, что в глазах его отсутствие соглашения между вами и Петлюрой является непреодолимым препятствием для группировки 3-й русской армии на правом фланге польской, как вы того желаете. О вышеизложенном считаю долгом доложить. Полагал бы совершенно необходимым для польско-русского соглашения и для успеха борьбы против большевиков полное осуществление всех пунктов декларации Струве. Приношу свою искреннюю благодарность за телеграмму вашу от 21 сентября № 1268. Савинков. № 625.

Саблин — Нератову.

Лондон. 10 октября 1920 г. № 547.

Для Севастополя.

(Шифр.) Под влиянием внутренних потрясений в результате поражений на польском и южных фронтах, а также при наличии серьезных указаний, что Красные армии начинают разлагаться, большевики согласились на польские условия, и подписание перемирия — вопрос дней. Троцкий продолжает настаивать на необходимости покончить с Врангелем и Петлюрой. Английское правительство ободрилось и послало в Москву новую ноту с требованием освобождения своих пленных в Баку и прекращения пропаганды на

востоке. В зависимости от ответа будет разрешен вопрос о товарообмене. С другой стороны, по поводу торгового соглашения с Советской Россией уже начали поступать весьма энергичные протесты со стороны английских торговых кругов. Совет объединенных британских торговых палат созвал немедленно совещание, которое единогласно вынесло нижеследующую резолюцию: «Принимая во внимание, что соблюдение доброй совести и святости принятых на себя обязательств составляет основу всякого общения между людьми — как торгового, так и политического и социального, — Совет объединенных британских торговых палат доводит до сведения правительства, что соглашение, заключенное между английским правительством и русскими властями, не может иметь поддержки представителей английской торговли и промышленности, если соглашение это не обусловливает признания со стороны России всей русской задолженности до войны, включая все государственные, муниципальные и частные долги». — Большинство органов английской печати с большой энергией указывает на настоятельную необходимость поддержания принципа ненарушимости существующих обязательств, как главной основы всей кредитной системы, — и можно думать, что хор протестующих голосов значительно усилится в ближайшие дни и окажет весьма серьезное влияние на ход дальнейших переговоров с советскими представителями. — Пользуюсь случаем, чтобы напомнить о заявленном нашим южным правительством намерении полного признания и удовлетворения обязательств, заключенных законным правительством России. — Советские представители здесь уже оценили, повидимому, неблагоприятное впечатление, произведенное упомянутым проектом соглашения с ними, и прилагают усилия к тому, чтобы доказать англичанам его приемлемость и выгодность. Так, например, они указывают на то, что пунктом 8-м соглашения отнюдь не исключается возможность признания всей русской задолженности, за исключением лишь долгов союзным правительствам за военные кредиты. Подобная уступчивость заметно отличается от прежнего самоуверенного тона того же Красина, не говоря уже о Каменеве, и указывает на то, что советская делегация не чувствует под собой твердой почвы. С а б л и н.

Нератов — послу.

К о н с т а н т и н о п о л ь. 14 о к т я б р я 1920 г. № 965.

Татищев просит передать Струве за № 1386 от 8 октября.

Ссылаюсь на ваше письмо Гирсу от 26 августа № 1190.

(Шифр А.) Главнокомандующий приказал подтвердить о настоятельности урегулировать вопрос об установлении нормальных взаи-

моотношений между правительством Юга России и бывшими неприятельскими странами. В силу соображений, приведенных в вашем письме, мы рассчитываем, что наше намерение встретит сочувствие и поддержку. В первую очередь надлежало бы разрешить вопрос о дипломатическом представительстве в Германии, в связи с чем разрешить вопрос и об Австрии. Если окажется невозможным придать нашему представительству официальный характер, то приемлем и принцип официозного представительства.

О последующем благоволите телеграфировать.

Нератов — послу.

Константинополь. 14 октября 1920 г. № 968.

Для Струве.

Татищев просит передать за № 1374 от 5 октября.

Ссылаюсь на телеграммы Саблина №№ 53, 530 и 531.

(Шифр А.) Кривошеин поручил предупредить вас, что приглашение английских рабочих прибыть на юг России для ознакомления с положением признается пока еще преждевременным.

Секр. почтограмма росс. представителя в Константинополе — и. о. начальника упр. иностр. дел.

Пера. 1 (14) октября 1920 г. № 966.

Майор Такахаси прочел мне по-русски телеграмму из Токио в следующем смысле:

«Генерал Семенов, одушевленный общим с местным населением настроением борьбы против большевиков, объявил о признании им власти правителя Юга генерала Врангеля, от коего он испрашивает указаний по вопросам политическим, дипломатическим и пр. Состоящие под его начальством войска расположены в Забайкальской и Уссурийской областях, а также в Северной Монголии».

Копию этой телеграммы майор Такахаси предполагал отправить с завтрашним пароходом в Севастополь.

Кроме того он сообщил мне, что генерал Лохвицкий, уволенный Семеновым в отставку и проживающий в Харбине, утверждает, что он назначен генералом Врангелем командующим русскими войсками. Майор Такахаси прибавил,—повидимому, по указанию своего правительства,—что раздвоение военной власти на Дальнем Востоке неизбежно отразится пагубно на нашем деле. Он интересовался знать, был ли отдан главнокомандующим приказ о назначении Лохвицкого.

Должен ли я что-нибудь ответить ему?

Такахаси предполагает выехать в Севастополь 10 (23) октября.

Нератов.

Нератов — послу.

Константинополь. 14 октября 1920 г. № 974.

Татищев телеграфирует Струве за № 450 от 2 октября.

Прошу передать Бахметеву.

(Шифр.) До нас повторно доходят слухи о предстоящем будто бы с 1 января отозвании с юга России миссии американского «Красного креста».

Чрезвычайно успешная и широкая помощь, оказываемая этим учреждением гражданскому населению юга России, высоко ценится правителем и главнокомандующим.

Благоволите поэтому принять все зависящие от вас меры, дабы сохранить здесь эту миссию. Если бы для этого необходимо было официальное обращение со стороны правительства Юга России, то благоволите сделать это сами от лица правительства, либо телеграфировать, от кого и к кому оно должно быть обращено.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 октября 1920 г. № 978.

Для Струве.

Татищев просит передать Бахметеву за № 454 от 4 октября.

Ссылаюсь на вашу телеграмму от 16 сентября.

(Шифр.) Благоволите выяснить, не можем ли мы получить долгосрочный кредит для закупки в С.-А. С. Штатах железнодорожных материалов и товаров от «First Federal Foreign Banking Association», которая на основании «эдж-акт» имеет возможность давать экспортный кредит под залог недвижимостей, которыми в нашем случае явились бы железные дороги и государственные имения юга России, а также, быть может, частные имущества, с согласия владельцев.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 15 октября 1920 г. № 370.

(Шифр А.) В газетах напечатано полуофициозное сообщение, что американское правительство не признает силы за рижским договором, так как отрицает право большевиков распоряжаться русской территорией. Я настойчиво добиваюсь в государственном департаменте соответствующей декларации. Не найдете ли возможным телеграфировать, какова позиция, занятая вами в этом вопросе?

Саблин — послу.

Лондон. 15 октября 1920 г. № 554.

Для Струве.
Лично.
(Шифр.) Не откажите доверительно сообщить, что вам известно относительно роли за последнее время г. Аладьина на юге России и отношения к нему генерала Врангеля. Тоже относительно состава и дееспособности «Крестьянского союза», отношений его к правительству и фактической возможности для него поставлять крупные партии зерна за границу. Выступления Аладьина здешние приносят пользу в смысле поднятия общего духа, но предварительно приступления к деловым переговорам с англичанами необходимо было бы иметь более авторитетное заявление нашего правительства о юридической и фактической осуществимости его планов.

Нератов — Поклевскому в Бухарест.

Константинополь. 16 октября 1920 г. № 981.

Татищев телеграфирует от 12 октября № 1401.
Копия генералу Геруа.
В связи с заключением польско-большевистского перемирия благоволите срочно сообщить, что предполагает сделать армия Омельяновича-Павленко. Сведения эти необходимы для принятия дальнейших стратегических решений главнокомандующего. Нератов.

Нератов — послу.

Константинополь. 16 октября 1920 г. № 982.

Для Струве.
Татищев просит передать за № 1402.
Прошу расшифровать в первую очередь.
(Шифр А.) Главнокомандующий телеграфирует с фронта:
«Советские и германские радиосводки сообщают о последовавшем в Риге подписании условий перемирия. Для принятия в связи с этим дальнейших стратегических решений, необходимо самым срочным порядком получить нижеследующие сведения:
1) Заключено ли действительно перемирие?
2) Если заключено, то на каких условиях?
3) Обеспечено ли заключение мира или же возможно продолжение военных действий и насколько последние вероятны?
4) Когда предполагается начать переговоры о мире?

5) Насколько вероятно в связи с заключением перемирия продолжение формирования третьей русской армии?

6) Предусмотрены ли условиями перемирия какие-либо вопросы, связанные с формированием и действиями третьей русской армии?

7) Можно ли рассчитывать, по прекращении военных действий, на продолжение помощи третьей русской армии довольствием и деньгами, вооружением, боевыми припасами и обмундированием?

8) Что предполагает сделать Омельянович-Павленко?

Разрешение этих вопросов необходимо в самый короткий срок».

Благоволите сообщить срочным порядком имеющиеся у вас о сем сведения.

Прошу сообщить генералу Миллеру.

Тождественная Горлову с копией генералу Махрову.

Саблин — Нератову.

Лондон. 16 октября 1920 г. № 557.

Прошу передать в Севастополь.

(Шифр.) Здешней печатью распространяются слухи, будто бы Махно перешел со всеми своими силами на сторону большевиков. Прошу разъяснения относительно истинного положения вещей, дабы я мог энергично опровергнуть помянутые слухи в случае их полной необоснованности. Саблин.

Нератов — Татищеву в Севастополь.

Константинополь. 17 октября 1920 г. № 985.

Радио.

Горлов телеграфирует от 14 октября.

Прелиминарные условия между поляками и большевиками подписаны 12 октября. Прекращение военных действий начнется 18-го. Повторяю: восемнадцатого октября. Нератов.

Саблин — послу.

Лондон. 18 октября 1920 г. № 564.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Прошу разрешения немедленно опровергнуть следующие сообщения, появившиеся в печати:

1) что генерал Вейгас (Вейган?), во главе четырех бригад французских войск, посылается в Крым. Красин указывает, что посылаемые Францией войска — чернокожие;

2) что в Крыму находятся (брать)я Михаил и Николай.

Нератов — послу.

Константинополь. 19 октября 1920 г. № 997.

Татищев просит передать Струве за № 1440 от 15 октября.

(Шифр.) Благоволите передать российским представителям и сообщить прессе:

«Правителем и главнокомандующим получена следующая телеграмма атамана Семенова из Мукдена от 22 сентября с. г.: 20 сентября я официально объявил о моем подчинении вашему правительству, как всероссийскому. Оставаясь во главе краевого правительства Востока России, главнокомандующим армией и атаманом, избранным казачеством и местным населением, испрашиваю политических инструкций».

Нератов — послу.

Константинополь. 21 октября 1920 г. № 1006.

Для Струве. *Срочно.*

Татищев просит передать за № 1419 от 14 октября (получена в Константинополе 21 октября).

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) По сведениям с фронта, намеченная главнокомандующим операция протекает с полным успехом. Первая армия нанесла красным сильный удар, разгромив 4 дивизии красных и уничтожив почти полностью дивизию матросов. Вторая армия форсировала Днепр и последовательными ударами разгромила 2 пехотных дивизии и нанесла поражение второй конной советской армии. Захвачены большие трофеи, взято свыше 11 000 пленных и до 30 орудий. Исход операции ясен — разгром 6-й, 13-й и 2-й конной армии обеспечен. Сопротивление красных полков слабеет, лишь конница до некоторой степени сохраняет боеспособность. Ощущается у красных недостаток вооружения и боевых припасов, особенно ружей. Взятые пленные красноармейцы представляют в большинстве прекрасный контингент пополнения. Армия, имея отличные кадры, может приступить к развертыванию, что однако задерживается недостатком обмундирования, снаряжения и вооружения. Если все это будет предоставлено нам с Запада в срочном порядке до переброски значительно превосходных сил красных с польского фронта, то и в единоборстве с большевиками мы надеемся одолеть их. Как сведения из Европы, так и советская пресса подчеркивают невозможность для красных ведения зимней кампании. Лишение же их каменноугольного бассейна, по их словам, ставит Советскую Россию в безвыходное положение.

Все это заставляет нас принять исключительные меры к получению из-за границы всего нам необходимого для развертывания армии и поторопиться формированием 3-й армии в Польше. Главнокомандующий приказал немедленно же войти в сношение с французским правительством, осветив полностью обстановку, и просить помощи в обмундировании и оружием в кредит. Все дело — в спешности. Если нам дадут необходимое, то, при наших прекрасных кадрах, мы сможем в кратчайший срок увеличить армии вдвое, а этого достаточно для полного успеха. Благоволите принять срочно все доступные вам меры, чтобы добиться от французов всего нам необходимого. Со своей стороны мы будем настаивать перед генералом Брусо, прибывающим сюда послезавтра вместе с адмиралом де-Бон. Кривошеин.

Нератов — послу.

Константинополь. 22 октября 1920 г. № 1011.

Для Струве.

Татищев просит передать за № 1488 от 14 октября, получена в Константинополе 21 октября, копия генералу Миллеру.

(Шифр.) Главнокомандующий просит срочно сообщить, имеют ли основание появившиеся в наших газетах статьи о непрочности Советской власти, о начинающихся массовых забастовках и о разложении, увеличивающемся в красных войсках. Что же касается до красных частей на нашем фронте, то разложение в них незаметно. Лишь уменьшилась их боеспособность.

Копия в Варшаву.

Лютш — посольству.

23 октября 1920 г. № [?].

(Лат. б.) Хорват просит передать генералу Врангелю.

Мы, представители армии и общественности на Дальнем Востоке, представляем вам картину положения. После падения правительства Колчака на Дальнем Востоке единой власти нет. Пять областей края различны в своей политической власти. В Приморской области, где продолжается японская интервенция, власть социалистическо-коммунистическая, тяготеющая к Советской России, вынуждаема обстановкой маскироваться, якобы, искренним желанием коалиции с цензовыми элементами. В Амурской области, в Нерчинске (?), в Сретенске (?) [1]) власть большевистская местного характера, всецело опирающаяся на Советскую Россию. То же на Камчатке в Николаевске. Сахалин занят японцами. В западном Забайкальи

[1]) Вопросы в подлиннике.

власть принадлежит левым социалистам и коммунистам, неразрывно связанным с Советской Россией, но заявляющим о своем стремлении создать на Дальнем Востоке самостоятельное буферное государство с центром в Верхнеудинске. В юго-восточном Забайкальи власть фактически принадлежит атаману Семенову, который, согласно акта Колчака от 4 января, принял от него полноту гражданской и военной власти на Дальне-Восточной окраине впредь до распоряжений генерала Деникина, ныне преемственно ваших. Семенов, не дождавшись ваших указаний, вошел в переговоры с социалистами-коммунистами и передал гражданскую власть Читинскому Областному Народному собранию с преобладающим социалистическим составом, чем внес смущение в ряды армии и, в связи с его прошлой незакономерной деятельностью, вызвал недоверие к себе антибольшевистских группировок и отрицательное отношение многих представителей союзных стран. Стремление некоторых групп, возникшее под влиянием японского командования, объединить все указанные правительства в самостоятельное буферное государство с республиканско-демократическим строем, с допуском в состав правительства всех партий, до коммунистов включительно, пока определенных результатов не дало, по существу своему и по заключающемуся в нем противоречию едва ли может дать положительные результаты. Настроение крестьян и казаков края небольшевистское, но восстановленное против власти системою управления в минувшие годы Семенова, Калмыкова, Розанова и их сподвижников. Во всех областях несоциалистические цензовые элементы весьма значительны, но не сплоченные и в связи с отсутствием объединяющего центра, желают единовластия, основанного на провозглашенных вами принципах. В крае, равно в полосе отчуждения Китайской железной дороги, много преданных родине солдат, офицеров, стремящихся принять участие в борьбе с большевиками, не могут быть сведены в войсковые части за отсутствием средств и вынуждены оставаться пока на частных службах. Во всех областях экономическое положение в критическом состоянии, денежное обращение в крайнем расстройстве, общего всем областям денежного знака нет, золотой рубль стоит двести тысяч читинских семеновских рублей, около двух тысяч владивостокских. Поэтому все власти крайне слабы, идут к естественному умиранию. Армия, пришедшая..... [1]) Забайкалье, около двадцати тысяч человек, номинально в подчинении Семенову, не разделяющая его политических приемов, желает быть частью вашей армии. Политическая обстановка настоящего момента и соглашение, заключенное японским командо-

[1]) Пропуск в подлиннике.

ванием с верхнеудинской и амурской властями, парализовали активность этой армии, но когда существующие социалистические образования власти неизбежно развалятся, население, несомненно, обратится к идее твердой власти, опорой которой явится тогда армия (шифр К) [1]). Месячная потребность армии — около двух миллионов золотых рублей, средствами обеспечена на четыре месяца. Кроме названной армии в распоряжении Семенова имеются лишь незначительные и ненадежные воинские части, главным образом бурят и монголов. У приморского правительства собственных регулярных войск нет; благодаря присутствию японских войск партизаны и коммунисты деятельности не проявляют. В Амурской области и северном Забайкалье работают сильные партизанские большевистские отряды. В западном Забайкалье, Верхнеудинске имеются довольно сильные регулярные военные части, состоящие из местных формирований и скрывающихся в них частей 30-й и 35-й дивизий Советской России. Такое положение Дальнего Востока требует вашего вмешательства. Для объединения действий всех элементов, признающих вас главой общегосударственной власти, необходимо присутствие на Дальнем Востоке вашего представителя, который, не выявляя пока административных функций, дабы избежать активной борьбы с существующими, но умирающими организациями власти и не брать на себя разрешения их финансово-экономических затруднений, являлся бы проводником объявленных вами государственных начал и центром группирующихся здесь вокруг вашего имени элементов для выполнения ваших предначертаний. Ходатайствуем о немедленном назначении такового вашего представителя и снабжении его необходимыми полномочиями для сношения с вашими различными организациями, местными иностранными представителями и для разрешения вопросов, возникающих в связи с пребыванием в Забайкалье вышеупомянутой части вашей армии, как отдельной от местных войск, подчиненных атаману Семенову.

Генерал Хорват, генерал Дитерихс, представитель командарма генерала Лохвицкого председатель Восточного государственного объединения Степан Востротин.

Нератов — послу.

Константинополь. 25 октября 1920 г.

20 октября граф Мариель, принятый Врангелем, обратился к нему со следующими словами:

---

[1]) Так в подлиннике.

«Возлагая на меня обязанность представителя французской республики, мое правительство имело целью подчеркнуть значение, которое оно придает традиционному франко-русскому союзу и дружбе. Мы никогда не забудем услуг, оказанных нам Россией в начале войны во время вторжения немцев во Францию. Мы знаем, что ответственность за Брест-Литовский мир падает на горсть изменников. Франция никогда не вступила бы в переговоры с большевиками, которые поставили себя вне международных законов. Франция решительно становится на сторону поборников порядка, свободы и справедливости и поэтому приветствует ваше демократическое правительство, относящееся с уважением к национальным меньшинствам и опирающееся на национальную армию. Франция, потерпевшая большие убытки, решила оказать вам полную моральную поддержку и материальную помощь в возможных границах. Вы знаете позицию Мильерана по отношению к России и слова, сказанные в парламенте Лейгом по этому вопросу. Являясь представителем моего правительства и в качестве друга русского народа, я готов предложить вашему превосходительству дружеское сотрудничество и искреннюю помощь».

Поклевский — Гирсу.

Бухарест. 25 октября 1920 г. № 65.

Радио.

Я телеграфирую в Константинополь (от 20 октября).

(Шифр А.) 20 октября меня посетил впервые здешний украинский представитель Мацеевич и сообщил, что украинское правительство признает необходимым заключить с правительством Юга России одновременно с военной конвенцией и политическое соглашение. Последнее должно состоять из следующих пунктов: 1) признание правительства Петлюры правительством Украины и 2) признание прав Украины на самоопределение, т. е. обещание признать решение будущего Украинского Учредительного собрания относительно судьбы Украины. Вопросы о границах Украины, об экономических отношениях между Россией и Украиной и о времени созыва Украинского Учред. собрания могут быть оставлены для будущих переговоров.

Я заявил, что у меня нет полномочий для ведения подобных переговоров, причем выразил сожаление, что украинское правительство, выдвигая политические вопросы, осложняет переговоры о военной конвенции, притом в такую минуту, когда скорейшая координация действий русской и украинской армий подсказывается интересами обеих стран. Мой собеседник просил меня довести его предложение до сведения главнокомандующего и пояснил, что после заклю-

чения Польшей и Советской Россией прелиминарного мира, коим признается независимость Украины, выставление того же лозунга при объединении усилий русской и украинской армий явилось совершенно необходимым, ибо без этого будто бы невозможно воодушевить украинское население для дальнейшей борьбы с большевиками. Он добавил, что будущие события могут изменить стремления и настроение украинского народа, но что теперь признание самостийности Украины является требованием момента, которое, к тому же, лишь усилит популярность главнокомандующего на юге России.

Я указал, что обмен телеграмм с Крымом и Парижем потребует много времени, между тем как обстоятельства требуют немедленного сообразования действий наших и украинских армий. Мацеевич вполне согласился с последним мнением и высказал предположение, что фактическая кооперация обеих армий начнется теперь же, не ожидая результатов переговоров по возбужденному им вопросу.

Подробности курьером. Прошу указаний.

Крупенский — посольству.

Токио. 26 октября 1920 г. № 314.

(Шифр.) Я лишь теперь узнал о посланной вам чрез наше консульство в Сеуле телеграмме Хорвата, Дитерихса и Вострогина. Считаю долгом со своей стороны высказаться, что, верно характеризуя отдельные областные правительства, она дает неправильное освещение положения, занятого Семеновым и Забайкальской армией, и, очевидно, составлена под влиянием элементов, агитирующих в Харбине против Семенова из личных соображений. Деятельность первых грозит разложением армии, являющейся при все увеличивающемся хаосе последним оплотом против большевизма на Дальнем Востоке. Сведения, продолжавшие поступать за последнее время из-за Байкала, прямо подтверждают ту картину положения, которая дана в телеграммах как моих, так и военного агента.

Горлов — Нератову в Константинополь.

Варшава. 26 октября 1920 г. № 215.

Для Татищева. — Телеграмма № 1408 получена.

(Шифр А.) Газеты полны сообщениями, в частности, из Гельсингфорса, о возмущениях в России против Советской власти. Были известия о занятии Кремля восставшими, что было опровергнуто. Все возрастающее брожение несомненно, но, по мнению здешних

официальных сфер, слухи преувеличены, и едва ли можно ожидать в ближайшее время свержения Советской власти. Разложение красных частей на польском фронте несомненно. Это мне подтвердил военный министр. Он сказал, что Буденный не изменил красным, он реорганизует свою кавалерию, и следует ожидать его появления на южно-русском фронте, однако с силами значительно сокращенными. Горлов.

Шмурло — послу [1]).

Токио. 29 октября 1920 г.

Просим передать Врангелю.

Осведомившись с телеграммой, посланной Врангелю Хорватом, Дитерихсом, Вострогиным, Совет Русского Комитета в Японии считает долгом указать, что оценка деятельности Семенова в этой телеграмме не отвечает сложившейся обстановке и условиям борьбы данного момента, требующего поддержки Семенова. 20 октября.

Генералы Романовский и Калишевский, Конситер (?), Колокольников. Шмурло.

Нератов — послу.

Константинополь. 31 октября 1920 г. № 1053.

Татищев за № 1502 просит передать Струве.

Телеграфирую в Бухарест.

Получил вашу телеграмму № 65.

(Шифр А.) По вопросу о соглашении с украинцами сообщаю. Главнокомандующий считает, что создавшаяся грозная обстановка повелительно требует немедленного согласования действий всех вооруженных сил, борющихся против большевиков. Поэтому в первую очередь необходимо заключение между русской и украинской армиями военной конвенции, в частности — обеспечить украинским силам нашу поддержку.

Что же касается соглашения политического, то главнокомандующий выражает готовность итти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении. Единственным условием является только признание власти

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 1 ноября 1920 г.», — «Вх. № 2169», — «Д. 24. Сиб.»

главнокомандующего над всеми вооруженными силами и обеспечение общегосударственных интересов.

Подобное политическое соглашение могло бы ныне же быть заключено от имени русской армии с командованием украинской армии, исходя приблизительно из основных начал, на которых построено соглашение с казачьими образованиями 22 августа — 4 сентября. Впредь до определения границ Украины размежевание могло бы быть произведено на основании стратегических соображений.

Нератов — послу.

Константинополь. 5 ноября 1920 г. № 3006.

(Лат. б.) Заключив мир с Польшей и освободив там свои войска, большевики сосредоточили против нас пять армий, расположив их в трех группах у Каховки, Никополя и Полог, и к началу наступления общая численность их достигала свыше ста тысяч бойцов, из коих четверть составляла кавалерия. Армию с севера и северо-востока красное командование решило главными силами обрушиться на наш левый фланг и бросить со стороны Каховки массу конницы в направлении на Громовку и Салково, чтобы отрезать русскую армию от перешейка свободный доступ Крым [1]). Учтя создавшуюся обстановку, русская армия произвела перегруппировку. Первая конная армия противника с латышскими и другими пехотными частями, численностью более десяти тысяч сабель и десяти тысяч штыков, обрушилась из Каховского плацдарма к востоку и юго-востоку, направив до шести тысяч конницы на Салково. Заслонившись с севера частью, мы сосредоточили ударную группу и, обрушившись на прорвавшуюся конницу красных, прижали ее к Сивашу; при этом славными частями генерала Кутепова уничтожены полностью два полка латышской дивизии, захвачено 15 орудий и масса пулеметов; донцами взято 2 полка и захвачено 15 орудий, много оружия и пулеметов. Однако подавляющее превосходство сил, в особенности конницы, подтянутых противником к полю сражения в количестве до 25 000 коней, в течение пяти дней атаковавшей армию с трех сторон, заставили главнокомандующего принять решение отвести армию на заблаговременно укрепленную Сиваше-Перекопскую позицию, дающую все выгоды обороны. Непрерывные удары, наносимые нашей армией в истекших боях, сопровождавшиеся уничтожением значительной части прорвавшейся в наш тыл конницы Буденного, дали

[1]) Так в подлиннике.

армии возможность почти без потерь отойти на укрепленную позицию. При оставлении Никополя нами оставлено из железнодорожного имущества 3 исправных паровоза и 2 негодных.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1114.

Срочно.

Для Струве.

Я телеграфирую Демидову.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Главнокомандующим принято решение вывезти в ближайшее время из Крыма раненых офицеров, их семьи, гражданских чинов с семьями. Мы были бы крайне признательны, если бы греческое правительство согласилось принять на свою территорию хотя бы часть подлежащих эвакуации. Приложите к тому все усилия, доведите о нашей просьбе до сведения королевы Ольги Константиновны, усердно прося ее поддержки. Равным образом, надеемся на согласие греческого правительства на пропуск других эвакуируемых через Салоники в Сербию. По словам здешнего английского комиссара, пропуск беженцев с Лемноса кончился, перевозка же с Кипра и Египта задержана на некоторое время. Прошу немедленного срочного ответа.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1116.

Срочно.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) По мнению прибывшего сюда Штрандтмана, время для эвакуации из Крыма в королевство С. Х. С. отвратительно [1]) вследствие предстоящих выборов в учредительную скупщину. Его переговоры по этому поводу в Белграде, куда он немедленно возвращается, могут быть облегчены обещанием Франции обеспечить содержание новых, до десяти тысяч, беженцев, по примеру Англии, ассигновав пока на 6 месяцев, по расчету 600 динаров на человека в месяц, беженцам, переводимым в С. Х. С. с Лемноса, Кипра и Египта.

Кроме того желательно побудить англичан не переводить наших беженцев с Кипра и Египта и согласиться на их место направить в С. Х. С. до восьми тысяч из Крыма. Лемносские уже переведены.

Прошу сообщить результат мне и Штрандтману в Белград.

---

[1]) Так в подлиннике.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1121.

Срочно.

Для Струве.

Прошу расшифровать в первую очередь.

№ 1.

(Шифр А.) Кривошеин просит передать.

Прибыл сюда для постановки дела эвакуации из Крыма. В ближайшие дни ожидается прибытие сюда примерно до 5 000 раненых, из коих около 3 000 уже посажены на суда. Необходимы спешные сношения с французским и английским правительствами и «Красными крестами», в первую голову с американским, во-первых, для избрания пункта для размещения раненых, во-вторых, для обеспечения содержания и медицинского ухода за ними. О результатах сношений срочно телеграфируйте.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1122.

Срочно.

Для Струве.

№ 3.

(Шифр А.) Кривошеин, прибывший сюда для устройства эвакуации, просит передать.

Подтверждаю все телеграммы по этому вопросу Нератова и, в дополнение, от имени главнокомандующего поручаю вам передать французскому правительству, что он просит Францию принять на себя спасение жизни нескольких десятков тысяч людей, борющихся за общее дело против тирании и беззакония и ныне лишенных родины и крова. Он надеется, что в пределах Франции окажется возможным дать не только приют для беженцев, но и пристанище для армии, как то было сделано для сербов в Корфу. Кроме того генерал Врангель надеется, что Франция окажет нам свое энергичное содействие к размещению остальных беженцев в других странах, указанных Нератовым. Предложите Бахметеву и Миллеру в Токио срочно перевести возможно большую сумму на содержание беженцев. Перевод должен быть сделан в условиях, обеспечивающих действительное получение денег.

Нератов — послу.

Константинополь. 12 ноября 1920 г. № 1123.

Срочно.

Для Струве.

№ 4.

(Шифр А.) Де-Робек настаивает перед своим правительством на разрешении ему во имя человеколюбия содействовать английскими

судами эвакуации Крыма, предполагая, в случае удовлетворительного ответа, направить эвакуируемых в Египет. Прошу возможно энергичнее поддержать настояние Де-Робека и ходатайствовать перед английским правительством о том, чтобы содержание в Египте не осуществлялось за счет денег, ассигнованных уже англичанами на содержание беженцев в Сербии. Кривошеин.

Нератов — послу.

Константинополь. 13 ноября 1920 г. № 1124.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Постоянно прибывают из Севастополя на миноносцах и других судах наши беженцы и иностранцы. Возможность удержать натиск большевиков исключается. Занятие ими Севастополя неминуемо в ближайшие дни. 3 000 раненых посажены на суда. Наличные суда могут принять до 30 000 человек. Опубликовано правительственное сообщение об эвакуации с призывом к населению не стремиться к выезду тем, кто не подвергается сейчас жизненной опасности. Необходима немедленная помощь в перевозке и вспомоществовании беженцам. Де-Робек получил предписание сохранять нейтралитет и поэтому лишен возможности оказать сколько-нибудь существенную помощь. Ссылаясь на наши заявления, он продолжает настаивать перед английским правительством, взывая к гуманным чувствам правительства и самого короля. Предпринимайте все возможное для участи эвакуируемых. Кривошеин.

Копия в Вашингтон.

Нератов — послу.

Константинополь. 13 ноября 1920 г. № 1125.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Адмирал Бристоль, помимо сообщений своих американскому правительству о безнадежности сопротивления в Крыму и неизбежности срочной эвакуации оттуда, обратился с горячим призывом к американскому «Красному кресту» в Париже притти на помощь лишенным крова и средств к пропитанию эвакуированным.

Он считает полезным, чтобы вы вошли в личные сношения с главными руководителями Красно-крестной американской организации в тех же целях. Со дня на день ожидаем прибытия большого числа беженцев, поместить коих в Константинополе, по общим отзывам здешних комиссаров, нет физической возможности.

Необходимо иметь в виду, что здесь нет возможности рассчитывать на местную иностранную помощь вследствие ликвидации лагерей и отсутствия денежных средств. Скорейшее содействие иностранных гуманитарных организаций требуется в самом срочном порядке. О ваших шагах прошу сообщить в самом срочном порядке. К р и в о ш е и н.

Копия в Вашингтон.

Нератов — послу.

К о н с т а н т и н о п о л ь. 13 н о я б р я 1920 г. № 1126.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) Внезапно разразившаяся в Крыму катастрофа побуждает нас обратиться ко всем цивилизованным странам с призывом притти на помощь крымским беженцам. Адмирал Бристоль полагает, что американские гуманитарные организации могли бы оказать серьезную помощь как деньгами, так и вещами. Примите всяческие меры в этом направлении, обратитесь к американскому общественному мнению и печати путями, наиболее, по вашему, действительными. Прошу срочного ответа Нератову. К р и в о ш е и н.

Копия в Вашингтон.

Нератов — послу.

К о н с т а н т и н о п о л ь. 15 н о я б р я 1920 г. № 1130.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр А.) Деферанс сообщает нам, что французское правительство желало бы направить эвакуируемую нашу армию в Лемнос из Крыма. В случае отказа англичан намечают для этой цели Галлипольский полуостров. Полагал бы, что выбор Галлиполи, ввиду безотрадности местной обстановки и условий, может, особенно в случае продолжительного срока интернирования, вызвать среди наших войск и особенно офицерского состава глубокое недовольство французским отношением. Этот нормальный фактор мог бы иметь нежелательные политические последствия в будущем в деле установления... [1]) в глазах будущего общественного мнения... [1]) ценной поддержки, оказанной Францией в русскую безысходную минуту.

Не считаете ли возможным, если разделяете этот взгляд, указать французскому правительству на преимущество избрания для интернирования в более культурных и менее суровых условиях на французской территории, например, на Алжирском или Тунисском побережье? К р и в о ш е и н.

[1]) Пропуски в подлиннике.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 ноября 1920 г. № 1131.

Я телеграфирую в Белград, Софию, Бухарест, Афины.

(Шифр А.) Французский верховный комиссар сообщает, что французское правительство предприняло энергичные шаги для побуждения сербского, греческого, румынского и болгарского правительств принять на свою территорию русских гражданских беженцев из Крыма, исчисляемых в общей цифре 20 000 человек. Французское правительство принимает на себя издержки по водворению, размещению и содержанию этих беженцев. Условия размещения беженцев, повидимому, еще не намечены. В частности, мне не указано, предполагается ли организовать беженские концентрационные лагери. Последняя форма является, казалось бы, в моральном отношении наиболее тяжелой, особенно ввиду состава большинства беженцев. Полагаю, что с нашей точки зрения предпочтительно исходить из порядка, существовавшего до сих пор в Сербии.

Приложите усилия, чтобы быть в курсе шагов, предпринимаемых французским представителем по этому вопросу и быть в тесном с ним общении.

Благоволите спешно рассмотреть оценку возможностей размещения беженцев и держать нас в курсе этого дела.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 ноября 1920 г. № 1133.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр А.) Доверительно. — По нашим сведениям, общая цифра гражданских беженцев может превзойти 20 000. В связи с этим крайне необходимо выяснить возможность привлечь и Венгрию к приему наших беженцев, но, само собой разумеется, не иначе как при согласии и содействии Франции. Кривошеин.

Нелидов — Гирсу.

Брюссель. 16 ноября 1920 г. № [?].

Получил вашу телеграмму № 1714.

(Шифр.) Ввиду министерского кризиса посетил генерального секретаря министерства и передал ему убедительную просьбу о всяческом содействии эвакуации из Крыма и дальнейшей помощи беженцам. Он обещал немедленно сообщить министру и выслать соответ-

ствующие указания посланникам в Константинополе, Румынии и Болгарии и консулам... ... [1]), но оговорил крайнюю ограниченность в средствах содействия, коими располагает Бельгия в тех краях.

Нератов — послу.

Константинополь. 18 ноября 1920 г. № 1142.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр А.) Общее количество беженцев около 100 тысяч, из коих 60 000 военных. Местами назначения для войсковых частей намечены пока только для 20 тысяч Лемнос, уже переданный англичанам и французам, и для 40 тысяч — Сербия, по предложению последней, при условии направления на Каттаро. Раненые и больные, в количестве до семи тысяч, останутся, вероятно, здесь. Румыния примет до 4 тысяч гражданских беженцев, Сербия — от 10 до 15 тысяч. Необходимы настойчивые усилия для размещения остальных в Болгарии, Турции и Венгрии, особенно на Корфу. Очень просим разрешения направлять беженцев и во французские владения, где многие могли бы устроиться на собственные средства. Англичане препятствуют высадке здесь, оставление на судах грозит эпидемиями и беспорядками на почве скученности и недостатка продовольственных средств.

Положение принимает критический характер. Приложите самые энергические усилия для разгрузки изложенным способом Константинопольского рейда. Просим срочных решений, в частности, о содействии к направлению в Сербию 40 000 войск.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Из истории борьбы с аграрным движением 1905—1906 гг.

О причинах возникновения и развития крестьянских массовых беспорядков и о мерах к их предупреждению и подавлению [1]).

Наши крестьянские волнения в основе направлены на присвоение земли, а не против личности помещиков. Отдельные случаи нападения на помещиков или управляющих объясняются сильным раздражением против некоторых особенно грубых и скаредных лиц, иногда опьянением, а нередко и озлоблением за стрельбу в толпу со стороны помещиков и их служащих.

Добродушный в общем характер русского народа (я не касаюсь окраин) делает наши волнения отнюдь не похожими на французские «жакерии» XVIII века. При особом же устрашении крестьян военным судом за чисто имущественные массовые преступления можно с вероятностью предположить, что за виселицами с повешенными крестьянами последуют насилия и убийства помещиков, которые могут заставить вспомнить ужасы Пугачевского бунта.

Для успешного преследования виновных по делам об аграрных массовых беспорядках следовало бы несколько изменить и дополнить некоторые соответствующие статьи уложения и устава о наказаниях.

Когда в начале восьмидесятых годов впервые начались антиеврейские погромы, то наше уголовное законодательство, не заключавшее в себе соответствующих карательных статей о преступлениях толпы (скопища), было застигнуто, так сказать, врасплох.

Тогда была извлечена из проекта комиссии по составлению нового уголовного уложения особая статья, предусматривающая преступные скопища, вошедшая ныне в виде 269 [1] ст. улож. наказ. в действующее законодательство. Статья эта является в нашем уголовном законе единственной и специальной статьей, предусматривающей преступления скопища. Она и применяется при преследовании виновных за массовые беспорядки.

---

[1]) Записка С. С. Хрулева (продолжение), см. «Красный архив», т. II (39), стр. 76—107.

Однако в настоящее время статья эта, как показывает практика, не исчерпывает всех проявлений действительной жизни, которая создает такие формы преступлений, учиняемых скопищем, которые не укладываются даже на «прокрустовом ложе» нашей кассационной практики в разъяснении этой статьи [1]).

Например, весьма часты случаи не только «насилия над личностью», но угроз и психического принуждения над личностью владельца, его служащих или рабочих. Скопище само по себе такая сила, что ему нет надобности в физическом насилии; угроза и психическое насилие уже представляют явную опасность для угрожаемых и достигают той же цели. Затем возникает вопрос, следует ли под повреждением имущества разуметь также истребление его огнем, потоплением, взрывом, если индивидуальные виновники этих действий будут установлены. Вопрос этот не разрешен правительствующим сенатом, и практика судебных мест колеблется. С своей стороны, я прихожу к выводу о необходимости при истреблении имущества посредством огня, потопления или взрыва преследовать индивидуальных виновников по 1606—1621 ст. ст. улож. наказ., на прочих участников скопища по 269 [1] ст. улож. наказ.

Кроме того является вопрос, не следует ли лесопорубки, предусмотренные 155 ст. уст. наказ и преследуемые в частном порядке, преследовать, если они совершены скопищем и открыто, по 269 [1] ст. улож. наказ. Практика судебных мест решает вопрос отрицательно и без достаточных, по моему мнению, оснований.

Возникает также вопрос, не следует ли и вторжение в чужое жилище рассматривать шире, в виде вторжения в чужую усадьбу. Нередко скопище не врывается в жилой дом или другие постройки, но является насильственно на экономический двор и не уходит, несмотря на требования владельцев. Нередки затем случаи, когда скопище захватывает земли для попаса, покоса, запашки и т. д. Очевидно, здесь нет похищения имущества (движимого), а завладение землею (т. е. недвижимостью). Конечно, можно было бы подвести эти случаи под 1601 ст. улож. наказ., но, во-первых, статья 1601 не предусматривает наличности скопища, а во-вторых, требует применения насилия. Между тем в этих случаях обыкновенно не бывает физического насилия, ни сопротивления властям, так как скопище само по себе такая сила, что владельцы или их служащие и полиция ограничиваются словесны-

[1]) Ст. 269 улож. наказ. — Виновный в участии в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества или вторжение в чужое жилище или покушение на сии преступления вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной или экономических отношений...

ми протестами против захвата и не принимают никаких мер до прибытия войска, перед которым, в свою очередь, отступают крестьяне.

Что касается мотивов, входящих в состав 269 [1] ст. улож. наказ., то они не должны бы иметь исчерпывающего характера. Они даже не совпадают с текстом аналогичной 122 ст. нового уголовного уложения, где предусматривается учинение скопищем преступлений вследствие нарушающих общественное спокойствие слухов. Вспомним также, например, недавние погромы толпой жилищ проституток и публичных домов и насилий над сутенерами [1]); очевидно, эти случаи не подойдут по мотивам их совершения под 269 [1] ст. улож. наказ. Да и относительно крестьянских беспорядков нельзя не сказать, что иногда приходится с большой натяжкой применять 269 [1] ст. улож. наказ. к некоторым делам о разграблении помещичьих экономий и с трудом устанавливать наличность экономических отношений, как мотивов действий скопища. Крестьянское движение часто есть явление стихийное; поэтому, например, если в известной местности на почве экономической между крестьянами и помещиками, связанными между собою фактическими отношениями по аренде, найму и т. п., возникают недоразумения и беспорядки, сопровождающиеся повреждением или похищением имущества помещиков или вторжением в жилище, то статья 269 [1] налицо. Но весть о первом погроме быстро распространяется, и волнения обнимают целый уезд, переходят в другой уезд и даже в другую губернию. Движение принимает уже стадный, стихийный и анархический характер. Крестьяне известной местности целыми селами идут грабить в соседние местности чужого даже уезда или губернии, где у них нет и не может быть никаких экономических отношений с местными помещиками. Такие случаи, строго говоря, не подходят под 269 [1] ст. улож. наказ.

Независимо от этого во время разгрома помещичьих усадеб разбиваются толпой винные лавки или в 1902 г. была попытка разграбить город Валки, а в текущем году г. Севск.

Какие же в данном случае могут быть констатированы экономические отношения, как мотивы действий толпы? Опять эти случаи не подойдут под 269 [1] ст. улож. наказ.

Конечно, можно на это возразить, что все эти случаи надо подводить под статьи о грабеже. Но это было бы нежелательно. Не говоря уже о том, что преступная толпа имеет свою психологию и особенности и не укладывается в рамки индивидуальных преступлений, едва ли, в видах ограждения государственного и общественного порядка, было бы возможным в наше смутное время ставить эти дела на рассмо-

[1]) В Варшаве.

трение суда присяжных заседателей, среди которых в сельских местностях большинство крестьян; между тем при подведении этих преступлений не под 269 [1] ст. улож. наказ., подсудную суду судебной палаты с сословными представителями, а под общие статьи о грабеже, они подлежат рассмотрению окружного суда с участием присяжных заседателей.

Наконец, и конструкция грабежа и других преступлений, предусматривающая индивидуальную ответственность, совершенно другая, чем юридический состав преступления скопища.

Известно, что весьма трудно установить фактическую роль того или другого участника скопища; поэтому для наличности виновности в преступном скопище достаточно только установить, что известное лицо добровольно участвовало и примкнуло к скопищу, учинившему соединенными силами предусмотренные 269 [1] ст. улож. наказ. преступные действия. Для обвинения же в грабеже надо установить, что определенное лицо само что-нибудь похитило; такого рода доказательства в отношении отдельных лиц крайне затруднительны, поэтому необходимо сохранить коллективную ответственность скопища по 269 [1] ст., придать ей более широкий характер, изложить текст ее приблизительно в следующей редакции:

«Виновный в участии в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью или принуждение посредством наказуемой угрозы, или похищение, или повреждение, разрушение, поджог, взрыв или потопление чужого имущества, или вторжение в чужие обитаемые здания или иные помещения или чужую усадьбу, или завладение чужою землею и ее произведениями, или сопротивление законным распоряжениям власти, нападение на должностных лиц и наказуемые им угрозы... подвергается...

Если скопище было вооружено или даже действовало холодным или огнестрельным оружием, то, независимо ответственности отдельных лиц из числа скопища за причинение их личными действиями повреждения здоровья или смерти, наказание для всех участников скопища назначается в высшей мере».

Что касается изложенного выше вопроса о возможности применения 269 [1] ст. улож. наказ. к массовым лесопорубкам и поджогам, то вопрос этот мог бы быть разрешен руководящим кассационным разъяснением правительствующего сената.

Аграрное движение текущего года, как уже было указано выше, отмечено, между прочим, одним важным новым явлением. Кроме захвата земли и разгрома усадеб и похищения продуктов земли, в крестьянскую среду проникли чуждые им и занесенные из городов и фабрик понятия «стачки и бойкота».

Во многих местах скопища являлись в экономии, угрозами заставляя срочных и поденных рабочих удалиться с работы, а помещиков — назначать повышенные цены на труд и понижать плату за аренду земли.

Некоторые из этих проступков подойдут под 269 [1] ст. улож. наказ. в проектируемой выше ее редакции.

В настоящее же время, в особенности при отсутствии насилия над личностью владельцев, эти проступки преследуются, большею частью, по 38 или 142 ст. уст. наказ.

Что касается стачек, то наше законодательство (1358 [1] ст. улож. наказ. и 367, 368 ст. ст. будущего уголовного уложения) не знает вовсе стачек сельскохозяйственных рабочих, а говорит только о стачках на фабриках и заводах.

Если свобода стачек будет теперь, как предположено, установлена законом, то квалифицированные виды стачек, сопровождавшихся повреждением чужого имущества, насилием и угрозами, все же будут наказуемы в законе только при фабричных и заводских стачках [1]). Но для сельских местностей этот закон действовать не будет, и поэтому необходимо пополнить действующее законодательство установлением ответственности за стачки сельскохозяйственных рабочих, причем следует поставить вопрос, допустима ли и для сельскохозяйственных рабочих свобода стачек, как для фабричных и заводских.

Сколько мне известно, такой свободы стачек для сельскохозяйственных рабочих не существует даже в Германии.

Затем, в действующем законодательстве нет статьи, предусматривающей подстрекательство к стачкам на фабриках и сельскохозяйственных рабочих. В новом уголовном уложении есть подобная статья — 368, предусматривающая подстрекательство к стачке, но лишь на фабрике, лицом, не принадлежащим к составу рабочих.

Если новое уголовное уложение нескоро будет введено в действие, то необходимо ввести в действующее законодательство означенную 368 ст. нового уголовного уложения и распространить содержание ее на стачки не только на фабриках, но и в сельскохозяйственном быту [2]).

В настоящее время, за отсутствием в законе карательной статьи за подстрекательство к стачкам, во многих местах, например в Сумском уезде, Харьковской губернии, безнаказанно ведется пропаганда и распространяются прокламации какого-то «Союза освобождения»

---

[1]) Статьи 1358[2] и 1358[3] улож. наказ. и 2 ч. 367 ст. нового уголовного уложения.

[2]) Наряду с этим было бы крайне важно пересмотреть Положение о найме на сельскохозяйственные работы и установить, с одной стороны, более строгую ответственность рабочих за уклонение от своих обязанностей и упорядочить, с другой стороны, отношения между нанимателями и рабочими.

с заглавием «Крестьяне, соединяйтесь» и с призывом к устройству стачек и забастовок с целью воздействовать на помещиков и улучшить свое экономическое положение путем возвышения заработной платы и понижения аренды на землю. Излишне останавливаться на том, какое вредное влияние на крестьян имеют подобные воззвания, распространение коих по закону, к сожалению, представляется ненаказуемым.

Одним из главным вопросов карательно-предупредительного свойства по отношению к аграрным беспорядкам являются способы возмещения убытков потерпевших от массовых разгромов. Общий принцип отыскивания убытков судом посредством иска в гражданском или уголовном суде по этим делам почти фактически не применяется, и в практике у нас не установлено, повидимому, общего руководящего принципа в этом отношении.

В 1902 г. после крестьянских беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях высочайшим указом 14 мая 1902 г. была возложена ответственность «не только на лиц, непосредственно виновных в аграрных преступлениях, но и на те сельские общества, которые своим преступным попустительством способствовали развитию беспорядков», причем с таких сельских обществ был установлен особый дополнительный к существующему окладной сбор.

Практически особыми уездными комиссиями выяснялся по просьбе потерпевших размер убытков и разверстывался на сельские общества, к которым принадлежало большинство обвиняемых в разграблении той или другой экономии.

При раскладке же в самом сельском обществе, повидимому, эта раскладка производилась не равномерно, а возлагалась, главным образом, на осужденных уже уголовным судом или лиц, заведомо для сельских обществ принимавших участие в беспорядках.

Высочайшим указом 10 апреля текущего года был установлен иной принцип [1]).

Учреждены особые уездные комиссии для выяснения размеров убытков, понесенных землевладельцами, но ответственность была возложена, повидимому, ввиду закона об уничтожении круговой поруки, уже не на сельские общества, а на отдельных виновных крестьян, участвовавших в преступных скопищах, причем самая редакция п. 2 указа «возложить на означенные комиссии выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление раз-

[1]) 10 апреля 1905 г. был опубликован именной высочайший указ «об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях беспорядках» («Собрание узаконений и распоряжений правительства», 1905, № 59, стр. 1). *Прим. ред.*

меров причиненных ими убытков, для привлечения к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских и селенных обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи», — возбуждает недоразумение, а именно, относится ли слово «участвовавших» к «обществу» или «членов»; в первом случае этот указ приближается к указу 1902 г., коим установлен принцип коллективной ответственности виновных лиц.

На практике уездные комиссии в Воронежской, Курской и Орловской губерниях понимали п. 2 указа 10 апреля во втором смысле и выделяли виновность отдельных лиц, принимавших участие в скопищах, причем, главным образом, пользовались не самостоятельно добытым материалом, а собранным судебными властями в пределах следствий, не имея возможности сами производить самостоятельное исследование этого вопроса за недостатком времени и сил комиссии.

При этом возникали иногда и противоречия между заключениями комиссии и судебных властей.

Так, много лиц, не привлеченных к следствию по недостаточности улик, однако заносились в списки лиц, имущественно ответственных за убытки, причиненные аграрными беспорядками.

Таким образом, указы 14 мая 1902 г. и 10 апреля 1905 г. основаны, повидимому, на двух противоположных принципах коллективной или личной имущественной ответственности при массовых беспорядках.

Если стать на точку личной ответственности, то, казалось бы, нет достаточных оснований для устранения обычного способа взыскания убытков потерпевшими путем гражданского или уголовного суда [1]), который и авторитетнее и имеет более способов выяснить истину, чем административные комиссии и командированные из С.-Петербурга чиновники.

Что же касается принципа коллективной ответственности, которая теперь, повидимому, признана несовместимою с Положением об отмене круговой поруки, то надо сказать, что круговая порука отменена для взыскания государственных повинностей, но в этом частном случае массовых беспорядков коллективная имущественная ответственность представлялась бы целесообразной, и надо заметить, что похожий способ взысканий убытков во время народных волнений имеется в английском праве, где потерпевшие ищут убытки с общины, где происходили беспорядки, а община уже взыскивает с действительно виновных или делает общую раскладку.

Такой же, в общих чертах, порядок следовало бы ввести и у нас

[1]) См. статьи 644, 648 и 652 т. X, ч. I св. законов.

для взыскания убытков за аграрные и вообще массовые беспорядки. Тогда более благоразумные члены общины удерживали бы неблагонадежные элементы или выдавали бы их правительству, а крестьяне на опыте убедились бы («бей мужика не дубьем, а рублем»), что частная собственность неприкосновенна и из обогащения путем грабежа и насильственного захвата земли не выходит для них ничего, кроме тюрьмы и денежной ответственности.

С другой стороны, ввиду первой обязанности государства охранять частную собственность, правительство должно притти повсеместно на помощь землевладельцам, пострадавшим от разгрома их усадеб и разорения хозяйства.

Заканчивая обзор ряда мер, которые могут, по мнению автора, иметь решающее значение в предупреждении и подавлении массовых аграрных беспорядков, в заключение нельзя не указать, как это подробно изложено в особой записке об исключительных законах, что уничтожением Положения об усиленной охране при возникновении массовых аграрных беспорядков и при безуспешности их немедленного подавления обычными, основанными на общем законе средствами должно быть немедленно вводимо в местностях, охваченных массовыми волнениями, исключительное положение (измененное Положение об усиленной охране), а при безуспешности для умиротворения и этой меры — в самом непродолжительном времени и военное положение. Практика показала, что администрация не принимает у нас своевременно решительных мер для подавления беспорядков. Особенно резкими примерами этому являются Курляндская и Лифляндская губернии, где, как видно из сообщения департамента полиции («Прав. вестник» от 13 августа 1905 г. № 174), в течение нескольких месяцев происходил систематический террор, а между тем военное положение введено было только в последнее время.

Поэтому, независимо от общих экономических и культурных реформ для поднятия крестьянского благосостояния и умственного и нравственного просвещения, необходимо поднятие авторитета и силы правительственной власти, которая должна действовать законно, но решительно и энергично, а главное своевременно.

Записка камергера высочайшего двора графа И. А. Потоцкого по аграрному вопросу в губерниях Юго-Западного края [1]).

Во время ужасных общественных событий последних дней, событий, которые всколыхнули и обагрили кровью всю почти территорию

[1]) Заголовок подлинника, напечатанного на пишущей машинке. На первой странице записки внизу напечатано: «Его высокопревосходительству господину министру внутренних дел». (ЛОЦИА.)

России от Кавказа до Балтийского моря, изо всех областей обширного русского государства оказались относительно меньше всего подверженными общему волнению три губернии, а именно: Волынская, Киевская и Подольская, составляющие так называемый Юго-Западный край.

Губернии эти, чуть не самые богатые в России, — настоящие жемчужины в короне громадной империи и представляют, мне кажется, немаловажное значение для государства, для равновесия его бюджета и для всего экономического строя обширной державы.

Здесь роскошно процветают образцовые формы земледелия, здесь поселянин не знал никогда, что такое голод, здесь богатейшая житница, снабжающая хлебом всю Россию, здесь, наконец, исключительно почти сосредоточена вся сахарная промышленность — этот могучий фактор благосостояния страны — которая с одной стороны приносит государственной казне много миллионов рублей дохода, с другой — обеспечивает местное население большим заработком, составляет главнейшее средство к поднятию уровня земледелия в образцово веденных хозяйствах, основу зажиточности землевладельческих сфер и целого громадного слоя трудящейся интеллигенции.

Упомянутое мною выше относительное спокойствие в трех губерниях Юго-Западного края в сравнении с остальной Россией, создано, по моему мнению, следующими тремя главнейшими причинами:

1) Лучшими взаимными отношениями и более тесной связью между помещиком и крестьянином, какие издавна укоренились в этом крае в отличие от центральных губерний, где помещики преимущественно не живут в своих имениях и совершенно не сталкиваются с местным населением; связь эта и влияние помещиков, переходя из поколения в поколение, благоприятно отразилась на культурном уровне сельского населения, каковое, обладая к тому же более спокойным темпераментом, без примеси жестокости, разве только недоверия и подозрительности, дало более сильный, чем где-либо в другом месте отпор гнусной агитации и наговорам преступных агентов мятежа.

2) Небольшим относительно количеством населения чисто фабричного, в тесном смысле этого слова, среди которого находят себе благодарную почву всякие бунты и волнения. (Сахарная промышленность пользуется преимущественно трудом сельских рабочих, живущих по деревням и приходящих на заводы только на время «кампании»).

3) Большим расстоянием от главных революционных центров и громадным пространством, занимаемым краем, при сравнительно ничтожном количестве средств сообщения, так что, если эти три губернии и были затронуты волной всеобщего движения, все-таки по

ним разошлось, в целях пропаганды, относительно гораздо меньше всяких агитаторов и агентов революционных партий. Наименее влиятельное участие в сохранении относительного спокойствия в крае приняли местные административно-полицейские власти, бездействие которых, шаткость, шаблонный бюрократизм, а часто просто физическая невозможность воспрепятствовать злу, за неимением средств защиты, были причиной того, что искра, не подавленная в зародыше, распространялась все дальше и дальше, переходя по временам в пламя.

Были случаи, что неспособность, а то и прямо отсутствие доброй воли со стороны мировых посредников, этого вредного учреждения, которое уже 40 лет разъедает и ослабляет здоровый сам по себе крестьянский организм, систематически внушая ему недоброжелательство и ненависть к помещикам, а равно ложное понимание вещей и ошибочное толкование последних законодательных актов некоторыми недоразвитыми фанатиками-священниками (некоторые из них уже в ссылке), наконец, сильная агитация разных мятежных элементов сделали то, что даже великодушные царские манифесты, толкуемые крестьянами неправильно, с ложными комментариями, вызывали в их умах беспокойство и брожение. Зато разумный и чрезвычайно важный по своим возможным последствиям высочайший указ от 10 апреля 1905 г. об ответственности крестьянских обществ за причиненный крестьянами вред нигде не был объявлен и объяснен крестьянам и ни разу не применен на деле.

Бездействие полицейских властей было особенно пагубно в самом начале возникновения агитаторского движения, когда разные агитаторы совершенно открыто разъезжали по деревням и местечкам или же, происходя из местных низших интеллигентных сфер, из мест постоянного своего жительства широко распространяли свое пагубное влияние на окрестное сельское население, — полиция же относилась ко всему этому совершенно пассивно, отговариваясь обычным бюрократическим: «нет распоряжений», «нет доказательств» и тому подобными бестолковыми увертками. Только в последние месяцы наступил в этом отношении поворот к лучшему, и полиция, действительно, с энергией принялась преследовать и арестовывать агитаторов. К сожалению, это слишком поздно: населению уже привит яд мятежных инстинктов. Первые симптомы беспорядков в Юго-Западном крае обнаружились весной минувшего года. Достаточно будет вспомнить первую аграрную забастовку и крестьянские волнения в Проскуровском, Каменец-Подольском и других уездах Подольской губ., где ничуть не повлияла на успокоение умов неудачная и странная политика губернских властей, без сомнения, известная правительству из жалоб и донесений заинтересованных лиц. Я не нахожу возможным перечислять

здесь все отдельные, самые разнообразные случаи, происшедшие на громадной территории трех губерний, но они могут быть обобщены по следующим категориям внешних признаков:

1) Мирная аграрная забастовка, т. е. воздержание от труда, причем выставлены требования чисто материального свойства;

2) Такая же забастовка, но соединенная с насилием над экономическими, а также пришлыми рабочими, причем те и другие разгонялись и им наносились побои;

3) Массовая порубка лесов в соединении с одновременным увозом, т. е. похищением срубленного леса для своих нужд;

4) Потравы господских лугов крестьянским скотом;

5) Нападения массового характера, при участии большой толпы крестьян, на усадьбы, дома служащих, фабрики и фабричные постройки, сопутствуемые разграблением всякого имущества, поджогом строений и убийством людей.

Указанные в 5-м пункте случаи были в Юго-Западном крае очень редки и не носили характера массовых погромов, как в центральных губерниях. Известны, правда, факты отдельных нападений, как, напр. на Майданецкий завод в Киевской губ. и другие, но сообщения об них были всегда значительно преувеличены, да и самые нападения были направлены преимущественно против администрации данного завода или имения и не составляли вовсе стихийного восстания одного класса населения против другого. Случаи убийства были, равным образом, редки, а в Волынской губернии я знаю только один, к сожалению, происшедший как раз в имении нижеподписавшегося, в Новград-Волынском уезде, в дер. Смолдырове, в сентябре месяце прошлого года. Толпа крестьян напала на мою лесную стражу, наблюдающую за работами по выкорчевке, производившейся на бесспорно господской земле, и без всякой со стороны стражи провокации, зверски убила старшего стражника Мержынского и избила до полусмерти участкового лесничего.

Как на характерную подробность, ярко изображающую наши полицейско-административные отношения, я не могу не указать на то, что как частые мои просьбы и представления, так и личное ходатайство перед двумя генерал-губернаторами, губернатором и многочисленными местными представителями власти — об энергичном наказании преступников — до последнего времени оставались без последствий: убийцы до сих пор не задержаны. Приезжал судебный следователь, составил протокол, но не нашел нужным арестовать заподозренных в убийстве лиц, так что до сих пор ни один крестьянин дер. Смолдыров не привлечен к законной ответственности за убийство. И только дней 10 тому назад, вследствие моего личного письма генерал-губер-

натору, выясняющего ненормальное положение вещей, и благодаря энергичному содействию генерала Сухомлинова, на место происшествия прибыл правитель канцелярии при генерал-губернаторе г. Молчановский, который, произведя самое суровое расследование события и сделав местным органам внушение, дал смолдыровскому делу сильный толчок вперед. Естественным последствием этой странной бездеятельности местных властей (до прибытия г. Молчановского) была совершенная разнузданность крестьян, перешедшая в ноябре и декабре прошлого года в открытый бунт, соединенный с массовыми порубками господских лесов, нападениями на усадьбы, служащих и т. п. насилиями. Только при помощи войск был восстановлен порядок, который так легко можно было сохранить, если бы только местные власти сразу энергично принялись за потушение мятежных проявлений в Смолдырове. Причину указанного выше бездействия властей надо искать, как гласит общественное мнение, в деятельности местных учреждений по крестьянским делам. Учреждения эти будто бы сами вводили в заблуждение крестьян, толкуя им о каких-то правах на выкорчевку леса на господской земле, впоследствии же, после убийства лесничего, старались спасти крестьян от угрожавшей им кары в опасении, как бы и их не постигли последствия такой сомнительной деятельности. Вот яркая картина условий деревенской жизни в нашем крае, который, не имея ни выборных земств, ни представительства землевладельческих классов, безжалостно брошен на произвол недальновидной [1]) мелкочиновной бюрократии.

Аграрные забастовки обыкновенно вспыхивали совсем неожиданно и, в случае согласия помещиков на небольшие материальные уступки, так же быстро прекращались без всякого участия вооруженной силы, а благодаря лишь непосредственным заботам самих помещиков или их администрации.

Труднее было справиться с порубками господских лесов, которые, как, напр., в имении князя Сангушко в Славуте, Волынской губ., имели массовый характер и совершались толпой в несколько сот крестьян, собравшихся из окрестных селений. В таких случаях вмешательство войска было необходимо; стоило лишь солдатам появиться, крестьяне бежали из лесу. Не так легко было добиться возврата похищенного леса, который крестьяне растаскали по своим деревням; без давления со стороны военной силы крестьяне не хотели отдавать леса, полиция же, по обыкновению, с совершенным нерадением исполняла возложенные на нее обязанности, и высочайший указ от 10 апреля 1905 г. не был применен ни разу.

[1]) Далее в подлиннике зачеркнуто несколько слов, неподдающихся прочтению.

В результате, ввиду очевидной безнаказанности таких поступков, крестьяне, с уходом войска, опять принимаются за порубки, действуя, если не открыто, толпой, то под покровом ночи небольшими партиями; таким образом во многих местах порубки лесов продолжаются попрежнему, внося в умы крестьян совершенную путаницу понятий о праве собственности.

Нападения на усадьбы, фольварки и заводы были, как я упомянул выше, редки, спорадически, без кровавого исхода и грабежей; направлялись обыкновенно против особенно не пользующихся симпатией служащих или имели целью смещение господской дворни и экономических рабочих.

Я не говорю ничего об еврейских погромах, какие естественно разыгрывались в городах и местечках и носили совершенно специальный оттенок; аграрное же движение, составляющее предмет настоящей записки, связано с еврейским вопросом лишь тем, что и здесь много революционных агентов происходило из кадров пресловутого «Бунда», этого рассадника возмущения, анархии и преступности, замешанного во все почти бедствия, постигшие в последнее время Россию.

Войска, где им ни приходилось действовать, всегда прекрасно исполняли свою задачу. Необходимо отметить, что как военачальники, так и солдаты отличались спокойствием, обдуманностью, энергией и вместе с тем относительной мягкостью. Мне ни разу не приходилось слышать о нежелании солдат обращаться к активным действиям; напротив солдаты всегда обнаруживали полную готовность действовать и вели себя образцово. Почти нигде не приходилось прибегать к огнестрельному оружию; в Волынской губернии я знаю только один случай в Новград-Волынском уезде, в окрестностях Остроголя, где возмущенной толпой были сделаны по войскам первые выстрелы.

Теперь, зимою, почти на всем пространстве трех губерний Юго-Западного края царит относительное спокойствие, зависящее отчасти от времени года. Спокойствие это однако лишь поверхностное; это скорее выжидание, чем успокоение. Везде, на всем пространстве края, в умах крестьян необычайное волнение, везде общая путаница в понятиях; везде опасное искушение поживиться чужой собственностью, стремление к чему-то неопределенному... к чему — этого крестьяне сами не представляют себе в конкретной форме; как итти к цели — они не могут объяснить, но все это вместе взятое можно подвести под один возглас: «Больше земли! Больше леса!» Что ни услышит крестьянин — от агитаторов ли или даже от благомыслящих людей, как священники, чиновники, арендаторы и т. д. — он все перетолковывает на свой лад, во всем видит какую-то воображаемую, иногда

самую фантастическую связь все с одной и той же темой — с разделом между крестьянами земли.

На приближающуюся весну крестьяне смотрят как на момент переворота, который должен произвести решительные изменения в земельном владении. Даже предвыборная агитация, проявляющаяся в легальных собраниях, советах, разъяснениях и т. п., в глазах крестьянина имеет единственную, исключительную причину, а именно повисший над страной «земельный вопрос». «Теперь ничего: придет весна, и тогда возьмем свое». Вот зловещий лозунг, раздающийся на обширном пространстве Юго-Западного края.

Неудивительно, что грозный призрак этой «страшной» весны, предвещающей разрушение и погибель, все носится над головами землевладельческих сфер, глухие же вести о зареве пожаров и кровавых насилиях, доходящие из других губерний, усиливают страх и опасность положения.

Массовое бегство владельцев из имений, дошедшее до того, что в некоторых уездах, как, напр., в Уманском, Киевской губ., больше половины помещиков уехало за границу или в города, ликвидировав как можно скорее все, что можно было ликвидировать; панический ужас служащих и администрации имений, а также интеллигентного населения местечек, которые воображают себе, что они первые падут жертвами толпы, сплетни и побасенки, распространяемые помещичьей дворней, — все это крайне вредно действует на умы крестьян, подтверждая их убеждение, что «весною», действительно, должно что-то совершиться. Большим успехом среди крестьян пользуется известная формула «программы», советующей с наступлением весны разрушить помещичьи усадьбы и фольварки, чтобы таким образом у тех, кто уже уехал, отнять всякое желание возвращаться, тех же, кто остался в имении, заставить уехать.

По моему мнению, предстоящая «страшная» весна, действительно грозит большими опасностями, и потому, желая обратить на нее внимание центральной власти, осмеливаюсь указать ниже на некоторые предохранительные меры, какие, я уверен, могли бы задержать и ослабить возможное зло.

Я должен прибавить, что в случае возобновления весной беспорядков, край потерпел бы громадные убытки, так как в настоящее время помещичьи амбары переполнены хлебом, продать который при существовавшем застое, железнодорожных забастовках и полном отсутствии вагонов не было никакой возможности, да кроме того, имеющийся на сахарных заводах запас сахару тоже представляет стоимость многих миллионов рублей. Вся сахарная промышленность, этот могущественный фактор благосостояния страны, рухнула бы

под первым напором аграрного движения, какое, не ограничиваясь погромами и всякими насилиями, могло бы сделать совершенно невозможной весеннюю плантацию свекловицы во всем крае. А потому необходимо как можно скорее обдумать и немедленно ввести в жизнь целый ряд предохранительных мер, какими я считал бы:

1) Командирование высочайшей властью в каждую из трех губерний Юго-Западного края по одному специальному делегату с целью «предпринять предохранительные меры против могущих вспыхнуть аграрных беспорядков». Такому делегату необходимо знакомство как с местными условиями данной губернии, так и с земледельческими сферами и их отношениями к крестьянам: он должен бы заняться исследованием всех деталей положения, настроения умов крестьянского населения и т. п. и, притом, заняться на м е с т е, находясь в непосредственной связи со всеми сферами населения и не довольствуясь рапортами исправников и приставов.

Облеченный высоким доверием монарха, снабженный самыми широкими полномочиями от центральной власти, «царский делегат» должен бы занять положение, независимое от губернских властей. Имея в своем распоряжении местные полицейско-административные и военные власти, он будет объезжать вдоль и поперек весь край от волости до волости, от местечка до местечка, не пропуская ни одного уезда, внося всюду успокоение в крестьянские умы. В круг его обязанностей вошли бы переговоры с помещиками, склонение их к возможным уступкам и компромиссам в пользу крестьян, инициатива подробного следствия там, где виновники сделанных раньше злоупотреблений еще не наказаны, а также проведение в жизнь мер, согласных с указом 10 апреля 1905 г. «Делегат» будет объяснять населению содержание и смысл высочайших манифестов, выборов в Государственную думу и последних основных перемен в государственном строе России. Наконец, там, где это будет необходимо, «делегат» сам организует предохранительные меры к сохранению правового порядка и заботится о проведении их в жизнь.

Такая деятельность «царского делегата» произвела бы очень сильное впечатление на крестьянское население данных губерний, тем более, что губернские власти редко покидают стены своих губернских столиц, заботясь прежде всего о безопасности городов, в которых сами живут. Губернские власти недостаточно знают провинцию, ее экономическое положение, условия крестьянской жизни в соотношении с крупной земельной собственностью; понятие о крае составляется у них преимущественно из шаблонных рапортов уездных органов власти.

И потому, если бы состоялось назначение «царского делегата», то последний должен обладать правом сноситься непосредственно с уездными властями, миновав губернию, не касаясь лишь губернских городов, каковые всецело останутся в ведении губернаторов.

Я считаю возможным утверждать, что роль таких «делегатов» со специальной задачей предохранения страны от беспорядков — была бы гораздо целесообразнее и симпатичнее для общества и общественного мнения, чем роль «усмирителей», какие в недалеком прошлом командировались в центральные губернии России.

2) Вторым предохранительным средством я считал бы образование по всему краю, по инициативе тех же, упомянутых выше «делегатов» — «Областных земских комитетов», в состав которых войдут представители от духовенства, помещиков, крестьян и местной интеллигенции. Комитеты эти, разветвляясь на субкомитеты и волостные отделения, разбросанные по всему краю, должны будут входить в непосредственные отношения с крестьянами, влиять на них путем убеждения, растолковывать им значение манифестов, выборов и т. д. путем толковых, легкопонимаемых брошюр и объявлений, предварительно же внедрять в крестьянский ум то незыблемое правило, что не насилием и беззаконием может добиться крестьянин увеличения своего земельного участка, а мирной экономической эволюцией, путем законной, непринудительной покупки земли от теперешнего ее владельца.

Внушение крестьянам твердого понятия о незыблемости права собственности, основывающегося на принципе неприкосновенности чужого добра, принципе, который так прекрасно выражен в знаменательных словах, с какими его императорское величество изволил обратиться к депутации от курских крестьян, должно составлять главную задачу выше упомянутых комитетов, которые, вместе с тем, будут указывать крестьянам на необходимость усовершенствований в их хозяйстве, на пользу применения лучших средств к удобрению почвы, делающих труд более производительным, наконец, на желательность большей бережливости в непродуктивных расходах. Такие областные комитеты с местопребыванием в уездных городах и многочисленные отделения в деревнях, могли бы, по моему мнению, в значительной степени способствовать протрезвлению крестьянских умов и удержанию их в границах законности и порядка.

3) Третьей предохранительной мерой я считаю подразделение всей губернии на военные участки, одновременно с практической и целесообразной дислокацией расположенных в губернии частей по отдельным местностям, в зависимости от положения вещей в каждой из них и с предоставлением командования таковыми военным властям,

т. е. старшим по чину офицерам в каждом соответствующем районе с тем, чтобы местная полицейско-административная власть была обязана оказывать войскам всякую помощь и содействие. Я полагаю, что даже того незначительного количества войск, какое расположено в трех губерниях Юго-Западного края, вполне достаточно для поддержания порядка, лишь бы только распределение его было совершено с принятием в расчет действительной практической потребности каждой данной местности. В высшей степени полезны были бы так называемые «летучие отряды» кавалерии, какие, находясь в постоянном движении, посещали бы поочередно разные местности данного района и одним своим появлением сумели бы успокоительно и отрезвляюще повлиять на крестьян.

Принудительное расквартирование войск по деревням было бы превосходной репрессивной мерой в тех случаях, когда такое наказание виновных являлось бы необходимым, и вместе с тем целесообразнее применения крутых мер физического воздействия, какое не столько успокаивает, сколько волнует и раздражает население.

Вот, по моему мнению, три главных, основных предохранительных меры, коих осуществление, несомненно, поддержало бы спокойствие в трех губерниях Юго-Западного края.

«Царскому делегату», на основаниях данных ему полномочий, должно быть, кроме того, предоставлено право применять в каждой отдельной местности целый ряд специальных распоряжений, соответствующих в каждом отдельном случае данному положению вещей.

Здесь на первый план выдвигается деятельность по организации систематической продажи помещичьих земель крестьянам, продажи, основанной на добровольном взаимном соглашении сторон, при помощи правительства и Крестьянского банка и при наличии доброй воли и готовности землевладельцев пойти на практические и разумные уступки и облегчения для крестьян. И действительно, насколько в принципе понятие права собственности и его ненарушимости должно остаться «in statu quo» священным и неприкосновенным, настолько продажа крестьянам помещичьей земли по взаимному добровольному соглашению во многих случаях способствовала бы в нашем крае разрешению аграрного вопроса без особенного экономического переворота. Инициатива в этом важном деле «царских делегатов» могла бы сыграть здесь весьма ценную роль и несомненно была бы принята населением с гораздо большим сочувствием, чем в том случае, когда почин исходил бы от административной власти, к которой, к сожалению, ни один класс населения не питает особенного доверия. Указанная выше деятельность, предпринятая немедленно, могла бы даже на время предотвратить угрожающую со стороны крестьян опасность, направляя

аграрный вопрос на законный путь, путь нормальной экономической эволюции. Переданный впоследствии в ведение уездных комитетов, при деятельном участии правительства и Крестьянского банка, крестьянский вопрос, по истечении ряда годов, мог бы дождаться, наконец, спокойного нормального разрешения.

В горячей любви к стране, в которой живу, с которой связан как личным чувством, так и вековой традицией моих предков, сжившихся в течение столетий с этим краем и его населением, в заботе об его благосостоянии и о поддержании порядка, при существовании которого можно будет современем достигнуть лучших результатов культуры и цивилизации, чем те, которые наблюдаются в настоящее время, я решился выразить здесь мой взгляд на вопрос о сохранении края от угрожающих ему волнений, какие в последнее время охватили всю Россию. Когда в ноябре месяце прошлого года я имел счастье представляться его императорскому величеству, я осмелился высказаться по вышеизложенным вопросам. Взгляды мои были милостиво выслушаны монархом, что вторично дает мне смелость их высказать и вместе с тем надежду, что ваше высокопревосходительство не откажете мне в принятии настоящей записки и не оставите ее без внимания и вашей высокой поддержки.

25 лет назад.

(Из дневника Л. Тихомирова.)

Продолжение [1]).

1905 ГОД.

8 сентября.

Вчера происходила бесконечно длинная сходка в университете. Ворота раскрыты, полиция удалена даже с улицы. Вход свободный, никакой придирки. 7 000 человек битком набились в аудитории. В том числе 500 женщин, множество рабочих и вообще не студенты. Но и студенты чуть не поголовно собрались. Шум, гам, речи о революции, о бессмыслии учения, «когда вся Россия в крови», крики — «долой самодержавие», «да здравствует коммунизм»!!!

Резолюций не успели постановить, но, повидимому, расположены к тому, чтобы университет был о т к р ы т, но чтобы фактически превратить его в политический клуб. Преобладающий тон — «необходимо энергически заниматься политикой»...

Группа студентов ходила к С. Трубецкому советоваться... но он, оказалось, уехал за город. Видно, не по вкусу сходки.

Слышна ругань «Русским ведомостям» за призыв к занятиям. Слышна ругань Московской думе и земцами — все, дескать, «буржуа». Ну, конечно, ругают и «Моск. вед.». Среди ораторов — масса евреев и поляков. Армян множество, но помалкивают...

9 сентября.

Сегодня у Владимира Андреевича было собрание его «монархической партии». Сам он об этом мне ничего не говорил, но Емельянов сказал и пока дал повестку, бланковую...

Ну — в добрый час!

Мне несколько совестно перед Грингмутом, что я отказался от участия в его деле. Но как быть? Их программа не по мне, да и быть

---

[1]) «Красный Архив», т. 38 (I), стр. 20—69, т. 39 (II), стр. 47—75.

в одном кружке с Грингмутом, от которого я денежно завишу, слишком стеснительно.

Сколько у него людей? Нольде говорит, что много, может быть и тысячи, но все мелкие люди. Сегодня же у него было, кажется, около 19 человек, и, кроме Емельянова, совершенно не знаю кто.

Ночь.

Сегодня отправлена моя книга [1]) (все части) императору Вильгельму II, с французским письмом. Жаль, что он не знает по-русски: он более всех монархов Европы мог бы заинтересоваться. Но я нарочно сопроводил письмом: авось, поручит кому-нибудь прочесть.

У студентов резолюции такие, как и предвидели. Голосовало свыше 1 500. Остальные три-четыре тысячи уклонились. Из голосовавших — 240 крайних — не только за революцию, но чтоб никто не смел заниматься науками; но большинство — 1 200 человек — за революцию и превращение университета в центр ее, но не мешать другим заниматься; 100 за забастовку; 79 за ученье...

11 сентября.

Вот гранки репортажа, который не сочли возможным печатать... И замечательно, что ни одна газета не напечатала:

Московский университет. 9 сентября выяснились следующие результаты шестидневного собрания и совещания студентов всех факультетов Московского университета.

Платформа студентов № 1 выработала следующую резолюцию: «Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы — забастовок, мы открываем теперь двери Московского университета, но исключительно для революционной агитации и пропаганды среди широких масс населения. Университет отныне превращается в революционную трибуну». Подано 251 голос, т. е. 13,8% всего количества голосов.

Платформа студентов № 2 пришла к следующей резолюции: «Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы — забастовок, мы открываем теперь университет для обращения его в революционный очаг, а наши аудитории — в политическую школу. Но в университете найдет себе место и тот, кто в настоящее время может, хочет и в силах уделять время академическим занятиям». За эту платформу подано 1 202 голоса, т. е. 66,6% всего количества голосов.

Платформа студентов № 3 нашла более целесообразным остановиться на следующей резолюции: «Попрежнему признавая единственно возможною формой общественно-студенческой политической борьбы — забастовку, мы считаем необходимым продолжать ее и на будущее время». К этой платформе примкнули 192 голоса, поданные студентами всех факультетов, т. е. 10,76% всего количества голосов.

---

[1]) «Монархическая государственность».

Платформа студентов № 4 нашла возможным признать следующую резолюцию: «Мы предлагаем открытие Московского университета для академических занятий и параллельно с ним политического воспитания, не мешающего этим занятиям». За редакцию резолюции этой платформы подано 79 голосов, т. е. 4,2% общего количества голосов.

Участвовало в прениях всего 1 814 студентов.

16 сентября.

Земско-думский съезд вчера кончился. Горько следить за этими «работами» взрослых ребят, невежественных политически, глуповатых по уму, не имеющих ни искры любви к России... Их «политическая программа» — истинная testimonimum paupertatis... Россию разбили на «автономные» области, Польшу отделили от России, постановили уничтожить охрану, военное положение, смертную казнь и т. д. и т. д.

17 сентября.

Витте вызывается в Биерке, к государю... Слухи гласят, что он назначается премьером и сам будет назначать себе министров. Бюрократическая олигархия заменяется бюрократическим сегунатом.

Витте все поют хвалебные гимны. Мещерский — прямо до неприличия... Меньшиков — до глупости. «Новое время» — редакционно — до обвинения царя во всех бедствиях Портсмута, — все, значит, уверены в его господстве.

18 сентября.

Недурной ряд телеграмм:

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Петербург. (Официально). Государь император 15 сентября изволил послать статс-секретарю Витте следующую телеграмму: «Приветствую вас с возвращением из Вашингтона после блестяще выполненного вами моего поручения первостепенной государственной важности. Приглашаю вас прибыть ко мне в пятницу в Биеркезунд на яхту «Полярная звезда». По моему повелению яхта «Стрела» будет послана в ваше распоряжение. Николай».

Яхта «Стрела» пришла в Биеркезунд 16 сентября, в 4½ часа дня, в то время как их императорские величества изволили съезжать на берег. По возвращении на императорскую яхту «Полярная звезда» в 6½ часов вечера государь император тотчас изволил послать паровой катер за статс-секретарем Витте, который немедленно был принят его императорским величеством с докладом. Государю императору благоугодно было всемилостивейше пожаловать статс-секретарю Витте графское достоинство и во время обеда пить за его здоровье. На следующий день граф Витте был приглашен на яхту «Полярная звезда» к высочайшему завтраку, после чего он на яхте «Стрела» отбыл в Петербург.

Петербург. В министерстве внутренних дел заканчиваются разработкой временные правила о расширении черты оседлости и включении в нее одной из столиц.

Значит, Витте действительно будет более чем вице-императором. Но трудно ожидать от этого успокоения.

Он будет опираться на царя вроде того, как Кортец на Монтецуму. Но ведь и в Мексике этого ненадолго хватило. Притом — страшно даже видеть, до какой степени упала в народе популярность государя. О нем открыто говорят самые неуважительные слова. Господство Витте, конечно, еще более подорвет эту популярность... Вообще будущее мрачно и не представляет ни единой светлой точки.

Но замечательно, что сам государь чрезвычайно весел. О его житье-бытье в шхерах пишет отцу мичман Нольде. Он видит со своего «Трухменца», как на «Полярной звезде» государь играет со своими детьми. Раз спустился в катер с одной из царевен, поехал на какой-то необитаемый остров и гулял там. Другой раз охотился с Бирилевым на каком-то острове, убил куропатку, а Бирилев — зайца... Больше и не было дичи... Потом как-то вытребовал к себе на яхту мичманов к высочайшему столу; всех охраняющих яхту судов — пять... Приехали. С 7—8 часов на «Полярной звезде» продолжался фейерверк, потом с 8 до 10 — обедали. Государыни не было. Он обедал только с мичманами и офицерами, был и Бирилев, который потешал его остротами. Государь был чрезвычайно весел и прямо хохотал при остротах Бирилева...

Конечно, дай ему господь всякого веселья, но все-таки трудно понять, как можно быть веселым в таком ужасном положении России и своем собственном. Вероятно, государь не находит этого положения опасным... Это ужаснее всего.

20 сентября.

Несмотря на странный триумф Витте в Биерке, его не считают еще владыкой России и в высших сферах все еще спрашивают себя: «чем окончится борьба Витте и Трепова?».

Два месяца назад государь в разговоре с Дурново (генер.-губ.) высказывался очень дурно о Витте; точно так же решительно высказывался против идеи премьерства. «Ну, а я что же буду делать?» заметил он (т. е. при премьере). Замечание правильное, но точки зрения меняются.

22 сентября.

Сегодня в 6 часов толпа в 3 000 человек (наборщики с примесью студентов, женщин и неопределенных личностей) атаковали наш двор, выломали ворота, вышибли камнями окна типографии и заставили прекратить работу. Мы были в осаде около часу без всякой помощи полиции и тщетно здесь ее требовали. Наконец явились жандармы и рассеяли толпу, а городовые вошли во двор. Толпа снова

собралась у Городской типографии, тут повыбивали окна и прекратили работу. Дальше говорят, двинулись к «Русскому слову»...

Забастовка длится дня три — началась у Яковлева, потом у Сытина, Лисснера, Кушнерева, Мамонтов не работал с утра...

Огромная сходка в университете (7 000), — большинство посторонних, — вынудила временно закрыть университет. Однако сегодня утром толпа собралась на Моховой и Никитской. Подробностей не знаю... Но сходка студентов на Бронной послала депутатов к ректору просить о сходке. Он разрешил, и сходка тянулась весь день (в стенах университета), говорят, очень бестолково, и, кажется, ни к чему не пришли.

Репортерские известия говорят, что революционеры все подготовили к стачке водопроводной... Вот это — ужас! Говорят, уже вытребовали к водопроводам войска... Идут старания перенести забастовку и волнения на другие отрасли промышленности.

А из среды забастовщиков наборщиков говорили, что завтра будет бунт у Прохорова и на Даниловской мануфактуре... Словом, столпотворение Вавилонское.

Репортер сообщил, что предстоит также забастовка трамваев и конок...

И все это при отсутствии власти! Повидимому, Медем не очень-то ловок. Да, впрочем, и трудно теперь уже что-нибудь сделать. Никакая система невозможна с петербургским правительством, а без системы всякое дело плохо.

И что такое делается с Россией? Революция? Но где ее идея? Это просто рушится старый строй, сгнил, не может держаться, и вот отчего революция. У него нехватает уже силы и ума произвести реформу. Запоздал!

Чего хотят революционеры? Никто не может подвести общего итога, ибо его нет в сознании. В сознаниях есть только множество недовольств, есть общее неверие в существующее, а стало быть, искание перемен...

Есть ли общая сила, которая в этой развинтившейся стране руководит хладнокровно и разумно к достижению своей цели? Есть ли какие-нибудь «масоны» или что-либо подобное? Кто знает? Но если она и есть, то все же ничего б не могла сделать, если б сверху была разумная власть. Случай или божие наказание, что ее нет. Вот тут уже приходишь к вопросу провиденциальному...

Я лично думаю, что в основе это все есть кара божия. Бог покидает на ее собственные силы изменившую ему страну, и вот собственные силы ее оказываются гнилыми, никуда не годными...

23 сентября.

Утро. — Ну, что-то ждет сегодня? Боже мой, какая жизнь! Коля пошел в гимназию. На дорогу целое совещание: куда ему возвращаться в случае, если беспорядки отрежут дорогу домой!

Что будет? Запасаться провиантом? Уезжать? Некуда... Тьфу ты! Уж кажется — всякую бы власть готов принять, лишь бы какой-нибудь порядок обещали.

Газеты не вышли очень странно: только «Моск. ведом.» и «Новости дня»... Остальные все вышли. Вчера не было «Телегр. Нов. врем.» и «Вечерней почты»... Что-то весьма тенденциозное.

Теперь наборщики, все самая зеленая молодежь, шляются группами по Страстному бульвару, собираются в кучу... Чего они ждут?

Сейчас (11 часов) прибыл к нам во двор пикет конных жандармов... Что такое? Сражение, что-ли, предвидится?

...Сообщают разные новости. Те наборщики, которые делают забастовку, принадлежат к числу чисто революционной молодежи. Они же участвовали в сходке в университете и на женских курсах. Экономических задач здесь нет. Это (говорят) чисто революционный слой — студенческо-рабочий и прочих званий.

Несмотря на волнения в университете вчерашнее движение для полиции было неожиданностью. Она почему-то думала, что революционное движение стихает. Обычная осведомленность и предусмотрительность власти!

Что касается университета, то князь С. Трубецкой, крайне взволнованный и расстроенный, несколько раз посещал Медема и просил у него совета: что делать? Медем отвечал, что ему приказано не вмешиваться в университетские дела и совета дать он не может. Третьего дня князь Трубецкой упросил его приехать на совет университета, хотя Медем и отказывался. На совете ему предлагали вопрос: «что делать?», «не закрыть ли университет?». Медем отказался дать совет, и профессора принуждены были сами решить закрыть университет... Они, очевидно, хотели втянуть Медема. И теперь они распространяют слух, будто университет закрыт по настоянию градоначальника.

Непонятно, зачем Медем позволил уговорить себя поехать в университет на совет. Какое ему место там? Это крайне нетактично.

Из наборщиков никто в типографию не пришел.

Любопытно, что революционный центр наборщиков был в Городской типографии (где печатаются «Ведомости моск. градоначальства»).

Пять часов дня. — Жандармы галопом помчались со двора, городовые за ними... куда-то налево... Вероятно, драка... Двор без охраны...

Половина шестого. — Кухарка говорит, со слов рабочих, что дрались у памятника Пушкина. Одного жандарма убили. Одного городового убили, другого ранили «на смерть», одного околодочного повезли раненого... Боже, какое ужасное время!..

Семь с половиной. — Репортер сказал, что идет громадная толпа с Тверской заставы... Хотят будто бы громить «Моск. вед.» и «Русский листок». Полиция и войска стоят фронтом к ним у Страстного монастыря... Сейчас должно что-то ужасное произойти

Десять часов. — Народ до сих пор стоит у памятника Пушкина, но немного — человек 300. Полиция и войска на своем месте. Есть (или были) толпы в других местах. Собирались сейчас у какой-то типографии. Точно ничего не знаю. Репортеры не возвращались. Известно, что «много» полицейских ранено, один уже умер. Но полиция и войска, кажется, ровно ничего не делали, никого не арестовали, не били, не стреляли, вообще держали себя вполне пассивно.

Очевидно, что если не ночью, то завтра все это возобновится в усиленном масштабе.

Глоба-Михаленко передавал речь, которую слышал у памятника. Оратор сказал, что им не нужно Государственной думы, не нужно ни земцев, ни думцев, а нужно всеобщее голосование («прямое, общее, тайное» и т. д.), и нужно низвержение самодержавия. Оратор указал на бесстрастно стоящих казаков, — указал, что вот уже они ничего не смеют предпринять, и заключил призывом итти «громить генерал-губернатора»...

24 сентября. Суббота.

Начался день, началась тревога. Теперь, в половине десятого, уже куда-то повели городовых... К нам во двор прибежал какой-то полицейский офицер... Началось!..

9 часов вечера. — Весь день были самые скверные слухи о предстоящих забастовках — пекарей, конок, железных дорог и, хуже всего, водопровода... Говорили о каком-то грандиозном погроме в 7 часов вечера... Что было в действительности, не знаю. Говорят только, что сейчас большие толпы на Страстной площади и множество войск. Казаки бьют народ нагайками.

25 сентября.

Утро. — Сторож рассказывал, что вчера вечером у Никитских ворот на Тверском бульваре происходила схватка. Революционеры

стреляли. Сумцы тоже стреляли (там были сумские драгуны). Ездило туда много карет скорой помощи. По слухам, есть убитые и раненые с обеих сторон.

Вчера «Moscauer Deutsche Zeitung» напечатал свой номер, разносить не мог: разносчики отказались.

На улицах расклеено объявление, воспрещающее уличные сборища.

Петербургские газеты извещают (беру из «Слова»):

«Поздно вечером состоялось заседание Московского отдела Общества деятелей печатного дела. На заседании собрались все московские типографщики. Прибыла также депутация от типографских рабочих. На заседании было постановлено вести прения в отсутствии депутации рабочих, и потому депутация ждала решения в отдельной комнате. После долгих и оживленных прений сделано было постановление в том смысле, что ввиду нынешнего тяжелого положения, в котором находятся типографии вследствие сокращения работ, никакие уступки рабочим сделаны не будут. Вместе с тем рабочим предъявлен ультиматум: возвратиться в типографии и стать на работу 24 сентября, в противном случае рабочим будет выдан расчет, а их документы будут переданы полицейским властям».

Восемь часов вечера.— Крови льется много... Глоба рассказывал, что вчера (24 сентября) под вечер был на Тверском бульваре. Казаки въехали в самый бульвар, разгоняя сходку, но позади их толпа снова появилась и начала устраивать из скамеек баррикады. Было сделано несколько выстрелов в казаков (есть раненые и, кажется, убитые). Тогда казаки съехали с бульвара на тротуар (около градоначальника и далее к Никитской), спешились и открыли беглый огонь по публике; с бульвара сначала отвечали, затем все разбежались. Глоба видел одного раненого в руку и повторял слова разбежавшихся, будто много убитых и раненых. Других сведений и даже слухов об этом не имею; напротив, некоторые говорят, что казаки стреляли не боевыми патронами...

Саша возвратился (около 11 ч. ночи), рассказывал кое-какие подробности о бое у Филиппова (булочная), о котором я не успел раньше записать. Там убито 16 человек казаков... Саша говорит, что бросали бомбы, и бросали также с переулков; что толпа оттуда двинулась в Марьину рощу ломать водопровод и что теперь (ночью) происходит бой на Сретенке, тоже у Филиппова. Дело началось на Тверской из-за того, что революционеры хотели заставить Филиппова прекратить работу и брали его булочную штурмом.

26 сентября.

Ночью на улице были крики, жандармы выскакивали в атаку... Прямо мученье. Я впрочем спал, а рассказывали жена и кухарка, что «всю ночь не давали спать»...

Но все это дело приняло очень тревожный оборот. Сегодня уже пятый день беспорядков, насилий, убийств. Все обвиняют власть в бездействии. Говорят, Дурново проявляет нерешительность и мешает Медему. Не слышно ни об арестах, ни о подавлении беспорядков. Полиция только разгоняет бунтующих. Они в нее стреляют и даже, говорят, бросают бомбы. Затем бушуют в другом месте.

Так, конечно, может кончиться очень плохо, даже, пожалуй, захватом власти революционерами.

Наша власть совершенно сгнила. Но как ужасно то, что на ее место не может образоваться никакая другая, сколько-нибудь разумная.

6 часов вечера. — За сегодня до сих пор не было беспорядков. Говорят, от Трепова получили приказание принять энергичные меры.

Полицейский офицер, которого видел во дворе, очень жаловался на Дурново и Медема, которые ничего сами не понимают и не обращают внимания на знающих — как здешние полицеймейстера и даже как Руднев.

Вечная история: в начальство сажают никуда негодных.

Сегодня заезжал ко мне Васнецов, и я отдал ему на хранение портфель со своими бумагами. Говорил также, чтобы подыскал мне место... Да что — это только разговор. Невозможность!

Относительно беспорядков сегодня многие выражали мнение, что они должны пойти на убыль. Не знаю, почему. Арестов, как слышно, было очень мало (говорят, 85 человек). Говорят, что жертв с обеих сторон меньше, чем гласили слухи. Глоба считает человек 25. Бомб совсем не было.

У Филиппова дело было так. Пекаря забастовщики начали прекращать печенье и закрывать булочную. Явилась полиция. Забастовщики забрались наверх и бросали чем попало — камнями, горшками и т. п. Оружия у них не было. Казаки начали осыпать их выстрелами. Забастовщики овладели залами клуба, — так, чтобы они не кидали из окон — казаки и осыпали их выстрелами. Казаков ранено трое, забастовщиков — ни одного. Потом ввели солдат (пехоту) в булочную и стали выталкивать бунтовщиков и увозить в манеж. Взяли всех. Слух о бегстве черным ходом — неверен. Неверны также и слухи, будто бы их в манеже высекли.

Ночные беспорядки на Страстной были бескровны. Казаки плетями разогнали толпу. На Мясницкой толпа безобразничала и камнями била окна частных зданий...

7½ часов вечера. — Жандармы со двора марш-марш помчались куда-то направо — к Каретному... Значит, началась-таки баталия.

27 сентября.

Вчера не было никаких серьезных беспорядков.

28 сентября.

Положение Москвы все то же. Кое-где — в Замоскворечьи, на Долгоруковской — забастовки разных фабрик. Есть побоища, на Петербургском шоссе была даже пальба...

Наборщики не работают. Но они совершенно веселы, гуляют по бульварам, наполняют трактиры. Откуда у них деньги? Говорят, откуда-то им выдают.

Требования, ими выставленные, чрезвычайны, тем более, что обращены ко всем заведениям, и порознь рабочие не хотят входить в соглашения с хозяевами.

Забастовка типо-литографских рабочих в Москве[1].

Союз московских типо-литографских рабочих предъявил всем типографиям следующие требования:

1) На каждой фабрике все отделения должны иметь постоянных, выбранных рабочими, депутатов. Депутаты ведают все дела, касающиеся своей фабрики, и имеют дело с хозяевами от лица всей фабрики; всякий рабочий ведет разговор с хозяевами через депутатов; хозяин не имеет права вести дело с отдельными рабочими помимо депутатов.

2) Личность депутата неприкосновенна; хозяин не имеет права его уволить, а полиция арестовать. За исполнением этого требования следит вся фабрика, выбирающая депутата из своей среды.

3) На выборах депутатов участвуют и могут быть выбраны все рабочие, мужчины и женщины, без исключения, не менее 18 лет от роду. Администрация фабрики никакого участия в выборах принимать не должна.

4) 8-часовой рабочий день. Накануне праздников работа должна прекращаться на 2 часа раньше.

5) Отмена сверхурочных работ; в случаях крайней необходимости сверхурочные работы могут быть назначаемы лишь с согласия депутатов. Плата за них двойная.

6) Полная отмена штрафов. Депутаты рассматривают все случаи уклонения от фабричных распорядков.

7) Отмена обысков, где они существуют.

8) Прием и увольнение рабочих производятся лишь с согласия депутатов.

9) Рабочие могут требовать увольнения отдельных лиц из администрации. Вопрос окончательно решается депутатами.

10) Обязательные двухнедельные отпуска каждый год с сохранением содержания.

11) На случай болезни — выдача полного жалованья в течение трех месяцев, остальное время до полного выздоровления — половинное жалование.

---

[1]) Сбоку рукой Л. Тихомирова приписано: «Это сведения из «Слова», (27 сентября)».

12) До введения государственного страхования — обеспечение семей умерших или получивших увечье за счет хозяина, в размере, определенном депутатами.

13) Там, где работают женщины, — освобождение от работы с сохранением содержания за 4 недели до и 6 недель после родов. На время кормления обязательный отпуск с фабрики через каждые 3 часа на полчаса. Устройство яслей.

14) Санитарное состояние мастерских. Ограждение машин в предупреждение несчастных случаев. Администрация обязуется выполнять указания депутатов по поводу необходимых санитарных улучшений.

15) Уничтожение хозяйских квартир, где они имеются. Выдача квартирных денег на руки.

16) Свобода входа безработным в типо-литографии для приискания занятий.

17) Расчет производится 1 и 16-го каждого месяца в рабочее время.

18) Отмена работы через подрядчиков и через компании с наемными рабочими.

Требование увеличения заработной платы: общее повышение расценки (не сдельных) для получающих до 20 руб. — 30 проц., от 20 руб. до 30—25 проц., от 30 до 40 руб. — 20 проц., от 40 до 50 руб. — 15 проц., свыше 50 руб. — 10 проц. Кроме того, рабочие требуют установления наименьшей заработной платы для: 1) наборщиков (сдельных) поденно не менее 2 руб. и 2) учеников — первый год 15 руб., второй — 18 руб. и третий — 20 руб.

Ученики (всех цехов):

1) Безусловно вежливое обращение со всеми рабочими.

2) Учение должно продолжаться не более 3 лет.

3) Возраст учеников не меньше 15 лет.

4) Хозяин не имеет права в течение этого времени употреблять учеников для личных услуг, ни вообще для какой-либо работы, кроме полагаемого дела.

5) Время денного занятия учеников 6 часов: с 9 до 12 час. дня, 2 часа на обед, с 2 до 5 часов вечера.

6) Прием и увольнение учеников зависят от депутатов, которые устанавливают предельное число учеников для каждой фабрики.

7) Выдача аттестата после совместного испытания хозяина и депутата от рабочих.

В Георгиевском переулке, в помещении городского Капцовского училища, с восьми часов утра в течение всего дня шли совещания типографских рабочих, разбившихся на отдельные независимые группы. Из числа этих групп наиболее значительными были: группа книжных наборщиков, печатников, переплетчиков и наборщиков газетных.

На совещании была выработана резолюция, гласящая, что газетные наборщики не имеют права приступить к работам до тех пор, пока типографские рабочие не достигнут соглашения между собою и хозяевами типографий. Как удалось выяснить, книжные наборщики располагают средствами, дающими им возможность продолжать забастовку в течение двух недель.

На собрании наборщиков наборщик Круглов доказывал, что в отношении наборщиков главными врагами являются не издатели, а метранпажи. По предложению Круглова, завтра будет приступлено к изысканию способов и мер воздействия на метранпажей с тем, чтобы метранпажи не являлись клевретами издателей и не склоняли наборщиков к начатию работ.

По сведениям «Нового времени», по 26 сентября было раненых в публике 60 человек, в полиции и в войсках 25, среди последних один жандарм уже умер. Но это, конечно, уменьшенные цифры. Сегодня на Долгоруковской тяжело ранено 3 полицейских, а на Петербургском шоссе должны быть жертвы, ибо случайно ранен пулей мимо ехавший извозчик.

29 сентября.

Градоначальник расклеил объявление, что у него в полиции и в войсках ранено (некоторые умерли) 34 человека, а из публики никто не ранен серьезно. Это, во-первых, говорят, ложь; во-вторых — позор. Значит, бей войско сколько хочешь: оно неспособно повредить не только японцам, но и толпе!

Между тем стачки разрастаются на других производствах, у Листа и т. д.

У Медема сегодня собрание хозяев типографий, которые будут уступать рабочим.

Поговаривают о военном положении в Москве.

Все поголовно ругают Дурново, Медема и еще больше Петербург. Полиция ругается, что у ней отняли всякий авторитет и позволяют ее избивать, запрещая защищаться.

На Тверском бульваре казачий есаул начал 24 сентября пальбу вопреки приказа, но у него были небоевые патроны.

Полковой командир Екатеринославского полка собирал на совет офицеров, и они единодушно решили стрелять в бунтующих и совсем не брать небоевых патронов, а стрелять боевыми, не слушая никаких приказаний и запрещений... Вот до чего доходит!

В конце концов, пожалуй, правительство будет низвергнуто военными, и, вероятно, вся Россия будет рукоплескать. Ругань на правительство положительно общая (т. е. среди самой обыкновенной публики...) Да и действительно положение нетерпимое и всех заставляет думать, что правительство нарочно ведет Россию к революции.

Это, конечно, неправда, но важно то, что так говорят именно люди, не желающие революции.

30 сентября.

По городу вспыхивают новые беспорядки на разных заводах и заведениях. Часа два назад помчались с нашего двора, говорят, на Мясницкую, где «громят» какое-то заведение. Я видел, как многие жандармы, уезжая, крестятся... Немудрено! Кто знает, возвратится ли живым?

Поведение начальства, поистине, возмутительно. Они доведут город до чего-нибудь ужасного. Уже теперь забастовщики поговаривают, что станут «жить грабежом».

Из газет сегодня вышел «Русский листок». Интересно знать, вызовет ли это беспорядки?

С остальными наборщиками идут переговоры. Начальство склоняет хозяев к уступкам.

Сегодня по телефону известили из Петербурга о смерти С. Н. Трубецкого (ректора университета) от удара! Вот неожиданность! Совсем еще молодой человек. Очевидно, его убил университет. Несчастный, зачем пошел в ректоры в такое время?

По сегодняшним сведениям, рабочее движение по Москве разрастается, переходя на другие производства. Ждут железнодорожной забастовки движения. Но, насколько слышно, Медем не принимает никаких предупредительных мер. В Петербурге не любят тревожных донесений, и, угождая по-куртизански, здешняя администрация старается представить, что собственно ничего серьезного нет. Дождутся таким образом как-нибудь грандиозного несчастья, как в Петербурге 9 января или похуже.

3 октября.

Вчера и сегодня выходят «Московские ведомости». Работают учениками. Значит, выходит три газеты («Русский листок», «Московский листок» и «Московские ведомости»).

6 октября.

По Москве продолжается ерунда. На похоронах Трубецкого несли впереди университетский стяг, позади царский. Затем шли несчастные дети, а вокруг них — красные венки и марсельеза и «Ненавистен нам царский чертог»... Полиция была предоставлена самим студентам. Публику разгоняли. Это безобразие длилось с 11 часов утра до 8 часов вечера, когда, наконец, произошло побоище. Из манифестантов ранено (шашками) человек 10. Из казаков (пулей) один...

Дом университетской типографии превратился в казарму. Вот уже больше недели все набито лошадьми, казаками, пехотными солдатами. В редакционных помещениях все стены уставлены ружьями, казаки всюду сидят, ходят, спят на полу и скамьях.

По городу там и сям бушуют рабочие.

Саша сегодня уехал в академию, и тотчас по отъезде явилось известие, что студенты послали в синод требование автономии, а впредь до исполнения требования прекратили лекции...

У Грингмута сегодня собрание его монархической партии; говорят, будет до 60—70 человек. В партию поступил — кто же? Градоначальник Медем! Это совсем по-республикански... А впрочем в нынешней всероссийской каше — все «натурально».

В епархиальном доме собрание по поводу «отношения пастырей к современному общественному движению»...

Ночь. — Только что возвратился из епархиального дома. Зрелище высоко поучительное! Читал Николай Петрович Попов, библиотекарь патриаршей ризницы. Говорили: Ник. Павл. (?) Добронравов, свящ. Романский и другие. То же нервное опьянение, чисто революционное настроение, как по всей России. Любопытно до крайности, но устал, некогда записывать.

7 октября.

Началась забастовка Казанской дороги. Прекратилось движение. Судя по сведениям редакции, имеется в виду общая остановка дорог. Это общество (железнодорожный союз) чисто революционное и благодаря бездействию власти принудительно подчинило себе всю массу железнодорожных служащих. Передавали, со слов Павлова («историка»), что государь и ему выражал свое мнение: дескать пусть идут беспорядки, пока Россия сама убедится в их гибельности. Какая прискорбная точка зрения! Как будто вся Россия приходит в беспорядочное состояние по непониманию, что нужен порядок!

8 октября.

Получил от Саши ниже заклеиваемое письмо и немедленно послал телеграмму, чтобы он приезжал... Телеграмма, вероятно, не отправлена, потому что Ярославская дорога нынче же «забастовала», так как поезда и телеграф перестали действовать... Однако Саша самостоятельно приехал, успевши захватить последний поезд. Забастовка его захватила под самой Москвой, где поезд и остановился, так что Саша пришел в город пешком.

Дела в академии — бог знает что. Забастовщики, к которым, в первую очередь, принадлежат профессора, грозили 6 упорным (Саша, Стефан, Веретенников, Тихонов[?], Раич, Лагов) исключением из академии.

В аудиториях лекций не было. Все профессора примкнули к забастовке. Введенский не явился и этим спасся от подписи под требованием «автономии». На совете не подписали только ректор (Евдоким) и инспектор (Иосиф). Совет потребовал у них мотивировки отказа. Епископ Евдоким не стал отвечать, а Иосиф сказал,

что академия есть церковное учреждение, что и было встречено хохотом совета.

Вчера неожиданно нагрянул митрополит, явился на извозчике, пошел к ректору, потом собрал профессоров и студентов, был очень грозен, потребовал, чтобы на следующий же день лекции начались снова. Но из этого ничего не вышло. Профессора потребовали, чтобы студенты их поддержали. Когда сегодня митрополит явился на лекции, студенты его не пустили, затворили двери, встретили со свистками и революционными песнями.

Пришлось владыке удалиться, даже не добившись входа в академию...

Он объявил, что закрывает академию и что студенты должны все убраться. Но студенты между собой уговорились, что «только вооруженной силой их выдворят из помещения академии»... Это уже прямо грабеж!

Но тут подоспела забастовка железной дороги, так что студентам даже и некуда уезжать. Что из этого выйдет — увидим, кто доживет.

Грингмут опубликовывает в «Моск. ведомостях» сведения о своей монархической партии. Товар показывает лицом и, вероятно, вызовет новые присоединения. Однако Глоба-Михаленко рассказывал (он член), что собрание партии произвело на него мизерное впечатление. Их было 80 человек, но — «с борку да с сосенки». нет ни содержания, ни желания действовать.

Я узнал очень немного членов: Грингмут, Женя Грингмут, Глоба, Геника, Долгорукий, Розен, Нольде, Преображенский, Емельянов, Лукин, Стюарт, Никифоров, Д. И., г-жа Шварцбах, градоначальник Медем, Стволов (гостинорядец), Епифанов (купец), Шмаков, свящ. Добров, архим. Анастасий... не знаю кто еще был. Да еще, конечно, Терентьев... Еще — Ник. Федор. Берг («День»)... [1])

---

[1]) Далее наклеено следующее письмо:

Моск. дух. академия. 6 октября 1905 г.

Милый папа!

Вчера у нас началась забастовка и, кажется, более крупная, чем в прошлом году. 140 человек требует автономии. 15 человек стоят за автономию, но против забастовки. Нас, желающих слушать лекции и противников автономии, пока только, кажется, 7 человек со всех корпусов. Профессорам и студентам, решившимся пойти на лекции, объявлено, что, не в пример прошлому году, будет допущена по отношению к ним обструкция словесная, химическая и даже физическая.

Из профессоров 17 — за автономию, 10 — против.

Но курьезнее всего, что пробрался на собрание либеральный шпион доктор Пучков, радикал Московской думы... Как он прошел? По фальшивому билету или по небрежности надзора, но был здесь весь вечер, и никто не обратил внимания на присутствие «неприятеля». Только вечером Глоба, зайдя к знакомому, бывшему на собрании, узнал об этом. Тот ему говорит:

«Ну однако и партия у вас! Как же это вы приняли Пучкова?»

Глоба заверил, что это невозможно... «Да я сам с ним говорил и здоровался. Увидал, подошел, он сначала как будто хотел уклониться, но потом вполне развязно поздоровался... Поговорили»...

Глоба, конечно, сообщил об этом скандале шефу партии...

Точно — недурные порядки!

Грингмут со мной не говорит о своей партии, но и не морочит меня, не скрывает, что недоволен. Да и понятно. Он умен. Но и я понимаю: что же ему делать? Строить декорации во славу Empire de façades!

9 октября. Воскресенье.

Москва почти отрезана от России. Забастовали почти все железные дороги, кроме Николаевской, да и та надолго ли продержится? Революционный железнодорожный союз существует уже давно и все забрал в свои руки, терроризируя всех служащих. Он готовил общую остановку движения в России к моменту революции, чтобы помешать движению войск и голодовкой возмутить повсюду народ. Все это знают. Одна эта гнилая сволочь, именуемая правительством, ничего не делала и не делает! Неужели у них не осталось уже ни одного честного человека? Как бы то ни было, невольно начинаю желать скорейшего наступления революции, которая смела бы всю эту мерзостную дрянь...

10 октября.

Все железные дороги стали, кроме Николаевской, да и та теперь (вечер), вероятно, уже забастовала.

Еще хуже то, что городские рабочие грозят забастовкой, если их требований дума не исполнит к 12 октября. Это значит,

---

В академии безделье и пьянство. Везде революционные песни. Сегодня вместо лекции их распевали в аудитории ректора.

В день акта проф. Тихомиров напился пьян вместе со студентами и, еле выговаривая, сказал, что гораздо больше значения имеет марсельеза и революционные песни, чем философия. За это ему спели марсельезу и качали...

Целую всех.

Твой А. Тихомиров.

в том числе, в о д о п р о в о д... Завтра у них назначена демонстрация против думы и послезавтра — Москва без воды!

Полковник Симанский говорит, что войска измучены и обозлены дурацкой полицейской службой, которой их мучат уже две недели слишком. Вероятно, что они скоро тоже взбунтуются.

Какая жалкая гибель сгнившего государства!

Сегодня распространился по Москве слух, будто «царя нет»... Одни говорят, будто бы он «бежал за границу»; другие, будто бы «отказался от самодержавия»... Говорят, ожидается из Петербурга какой-то пакет первостепенной политической важности...

Может быть, — слухи, нарочно распускаемые революционерами для смуты. Может быть, и вправду что-нибудь произошло. О, несчастный человек, злополучный! Но положение ужасное. Никогда еще свет не видал такой анархии, безумия и безвыходности.

11 о к т я б р я.

У т р о. — Объявлено, что дров в редакции только на д в а д н я. Торопимся добыть керосину, но и то сомнительно... Водопровод в опасности, и дворники без перерыва ездят за водой, все запасаются... А ванна, в которую хотели сливать — дно провалилось. Беда! Собираем кадки.

Катерина принесла известие, что п я т ь д н е й н и ч е г о не б у д е т, н и е д ы, н и п и т ь я, а к о г д а у ж е в с е мы б у д е м п о м и р а т ь с г о л о д у, т о я в и т с я а н т и х р и с т...

Пожалуй, что и похоже на правду.

В е ч е р. — У нас стали все дороги. Москва отрезана от мира. Внутри стачки рабочих и... фармацевтов...

Фармацевты ходят по аптекам и силой заставляют прекращать работу. Объявляют однако, что они не имеют требований к хозяевам, но что их забастовка имеет исключительно п о л и т и ч е с к о е з н а ч е н и е...

А свыше — нечто бесконечно дряблое, во всех деятелях. Правда, ходят слухи, будто Витте получил власть... Уж хоть бы он! Слухи впрочем самые нелепые: будто бы император поставит Витте во главе правления, а сам уедет в Данию... Этих слухов не оберешься. Рассказывают (и притом в обществе), будто император получил от революционеров письмо, что, если он будет применять репрессивные меры, то они, революционеры, убьют не его, а наследника... И вот будто бы поэтому он и не трогает никого... Действительно, репрессивных мер он не позволяет. Покойный Трубецкой (ректор) возил в Петербург список 300 человек, заправляющих университетской револю-

цией; этот список был у императора, — и он не приказал трогать. (Это со слов Трубецкого-предводителя). Еще ему докладывала полиция о 23 человеках, которые производят всю революцию, с указанием средств (между прочим, иностранных), на которые это делается. Тоже не позволил трогать...

12 октября.

Вчера были Семенов с Бутми, а вечером Кузнецов с Дурново... Прямо не мог спать ночи от рассказов об ужасах. Двинулась и Хитровка. Предположено грабить город. А 17 октября будто бы назначен погром Москвы. Это ужас!.. Все, как разъяренные, ругают власти, — и особенно царя, — не принимающих мер против прямой гибели страны. Теперь можно считать себя накануне гибели, смерти.

Нет на свете людей преступнее наших власть имеющих. Но теперь не до критики. Нужно готовиться к смерти. Боже, ты видишь сердце мое: не запятнан я никакими преступлениями, мошенничеством, эксплоатацией ближнего, всегда старался проповедывать людям правду, разум, человечность, развитие личности... Боже, боже, пощади и пошли хоть сколько-нибудь христианскую кончину, непостыдную и мирную; защити моих, которых ты дал мне.. Да будет твоя святая воля, а не наша, грешная и безумная!..

У нас что-то назревает. Рабочие движутся гуськом; новая тактика их, чтобы где-нибудь внезапно сразу собраться...

Ворота заперты (совсем не пускают), а ходят через типографию... А Коля в гимназии... Господи, какая мука!

. . . . . .

Вечер. 10 часов. — В течение дня ничего особенного не произошло. Вчера была грандиозная сходка (говорят, будто 30 000) (?!) в университете, это было «делегатское собрание» (т. е. нынешнее революционное правительство, соединение делегатов всех революционных партий и групп). Решили они всеобщую забастовку; говорят о беспорядках на 14 октября.

Слухи говорят о намерении грабить, «снимать» силой частную прислугу (ходить по всем домам) и даже будто бы с 17 октября начать выжигать Москву...

Говорят также, будто организуется и народная охрана для борьбы с революционерами и грабителями. Если это серьезно, то, принимая во внимание численность охраны (их около 50 000 человек, в пяти отрядах или отделениях), — то может быть страшное побоище... Впрочем, если революционеры и примкнувшие к ним «хитровцы» начнут сами резать, то будет, конечно, еще более крови.

Что же это за «сволочное» правительство, которое доводит страну до такого страшного самоуничтожения!

Видел сегодня (случайно) Павлова и Бухарина. Они от имени с о ю з а (вновь основанный) были в числе 12 делегатов у генерал-губернатора и заявили ему, что, если он не водворит порядка, то у нас начнется г р а ж д а н с к а я в о й н а. Дурново проявил полное непонимание положения, уверен, что в Москве ничего особенного не делается, и что он р у ч а е т с я за сохранение порядка!

Господи, но разве же порядок то, что теперь творится в несчастном городе?

Кстати сказать — К р а с н и к о в, рабочий делегат в думе, протестовал против слухов о прекращении рабочими действия водопровода. Дай бог!

Вообще несомненно, что в требованиях рабочих м н о г о с п р а в е д л и в о г о и что отношение к их нуждам как со стороны правительства, так и думы очень неискреннее и надувательское.

13 о к т я б р я.

День ясный: к беспорядкам...

Вчера в думе силой начали производить забастовку всех служащих. Сегодня этот вопрос будет «обсуждаться» в Верхних рядах, а затем забастовщики пойдут в думу. Похоже, что рассчитано на нечто «революционное»: Красная площадь, толпы народа, лавки и магазины... Тут может пойти такой грабеж со стороны толпы, что ужас!

Господи, в какую бездну мы валимся?

Н о ч ь. — Москва в анархии. В университете 20 000-ный митинг. Завтра — в с е о б щ а я з а б а с т о в к а и р а з г р о м. Вероятно, и нам не сдобровать. Власти упорно бездействуют.

Заклеиваю письмо Киреева [1]).

---

[1]) Вклеено далее след. письмо:

11(24) октября. Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Книгу вашу вел. кн. Конст. Константинович передал царю (перед своим отъездом в Ташкент).

Мы стоим над пропастью! В с е возможно; царь может обнародовать завтра конституцию! Я отстаиваю самодержавие, указываю на разницу между Думой (совещательной) и парламентом (с голосом решительным). Э т о, в д л и н н о м изложении, я представил третьего дня на усмотрение царю (повез Фредерикс — министр двора), но едва ли можно вселить в царя желание что-нибудь предпри-

14 октября.

Управские служащие забастовали. Воды нет. Электричества нет. Москва темна, как дремучий лес...

Не было в истории более тяжкого положения, более безумного.

На квартиру Шарапова было ночью нападение! Били окна, стреляли. Он с семьей съехал в гостиницу.

«Союз русских людей» выпустил воззвание, чтобы собирались по приходам, организуя приходские дружины, с общим советом.

Генерал-губернатор расклеил объявления: грозит стрелять... Но в кого? Москва чахнет, голодает, осталась без воды.

Аптекаря забастовали, лекарств нет.

Безумцы решились всех заморить всеми кознями и способами... Это началось по всей России. Петербург и все города замерли, не движутся, не едят, не пьют.

Видано ли нечто подобное? Это апокалипсическая саранча, вышедшая из дыма бездны, под командой Аввадона-губителя...

нять, стать царем! В этом отсутствии воли и заключается вся наша беда, это тот страшный аргумент против самодержавия, на который мне нечего возразить!

И вот является то положение, в котором у самых надежных людей—защитников самодержавия падает сердце и падают руки! Вот, например, вы, Дм. Хомяков, даже Самарин (еще молодой) отказываются от работы... Это очень скверный признак.

Ежели сочтете удобным, передайте от меня Владимиру Андреевичу Грингмуту следующее: иностранные газеты по обыкновению врут; конечно, Витте не мог сказать, что «Моск. ведом.» — «рептилия», но что правительству теперь на них трудно опереться — это верно, и Булыгин не мог бы на них опереться. «Моск. ведомости» интранзигент самодержавия, это бы ничего, это даже хорошо (даже очень хорошо), но они отстаивали интранзигентно не только принцип (как отстаиваю, например, и я), но и, иногда, не выдерживающие критики применения оного. Ту же самую ошибку они делали и относительно православия. Они прославляли Е. Богдановича государственным мужем и отцов И. Кронштадтского или Мальцева — богословами. Замечу, что Иоанн Кронштадтский, может быть, святой или бессознательный гипнотизер, не знаю, но не богослов.

А за «монархическую» партию Грингмута — спасибо! Она не должна действовать теперь, теперь она только должна укомплектовываться, увеличиваться, разветвляться, а когда (если) революционная партия вздумает на выборах насильничать, то монархической партии можно перейти к физической борьбе за свободу выборов. Именно так: за свободу; прозвище «черная сотня» может быть дано и самому доблестному войску.

Передайте вашему Саше, отказавшемуся итти за забастовщиками, что я его считаю достойным всякой похвалы, и он и его товарищи молодцы! Настоящие патриоты, хвала им и честь.

Ваш Киреев.

15 октября.

Утро.—Воды нет, множество магазинов закрыто. Город тревожен. Гимназии распущены. В думе должен быть митинг, который, вероятно, захватит думу и посадит в ней революционный комитет.

11 часов. — Сейчас какие-то люди помчались к нам в ворота. Драка на тротуаре...

9 часов вечера. — Утром в Охотном побили нескольких студентов, приказывавших закрывать лавки. Из-за этого университет забаррикадировался и к вечеру превращен в форт. Запасаются провиантом и т. п.

В то же время в думе образовано нечто вроде Комитета общественного спасения, решено составить милицию.

Нечто невообразимое...

Генерал-губернатор пьет шампанское...

Телеграф и телефон прервали внутри города и с Петербургом.

Наступает какая-то катастрофа. Жалко всех, все стороны и всех готовящихся вступить в резню. И тяжко было бы погибнуть среди такого безумия.

16 октября.

Утро. — Выпал снег.

День, кажется, сулящий много кровавого и безумного.

Грингмута я видел вечером, и он мне ни слова не сказал о двух важных поступках, которые в эту минуту замышлял. Именно: 1) объявление его «монархической» партии о собирании подписей для прошения о лишении думы ее полномочий; 2) перепечатка прокламации какого-то кружка о том, чтобы московский народ подымался на защиту порядка.

Нетактично, и только вливает новое брожение!

Впрочем, теперь все в анархии и без того.

Революционеры утвердились в университете; дума стала сосредоточием революционных союзов. Все вооружаются. Постановлено в думе организовать милицию.

По церквам читают послание митрополита и введены новые молитвы об умиротворении.

Возможно, что сегодня же начнутся кровавые схватки.

Живя в редакции, я, конечно, подвергаюсь опасности убийства и разноса в первую голову.

Ночь. 10 часов. — По сведениям от 8 часов — за день ничего не делалось. О думе и Комитете общественного спасения ничего неизвестно. Университет оцеплен войсками, которые выпускают

выходящих, но никого не впускают. Он изнутри забаррикадирован. Говорят, будто студенты занимаются изготовлением нитроглицерина.

Сегодня не слыхал о побоищах, но вчера были случаи.

По церквам нигде, говорят, не было никаких толков о дружинах.

Саша пошел в Саввинский монастырь и там заночует. Были случаи нападений на студентов, да и хулиганы грабят и режут.

Говорят, у старого Пимена один «студент» выстрелил в священника, читавшего послание митрополита, и выбежал из церкви. Народ за ним гнался, но не догнал.

У Василия Неокесарийского один из присутствующих в церкви сказал по поводу той же речи: «Полно врать пустяки». Его схватили и вытолкали из церкви.

Едва ли послание имело успех.

Тоска ужасная, нервы измочалились... Да и другие на это жалуются. Кажется, и у либералов они не всегда хороши. Те боятся «черной сотни», т. е. движения народной массы. Оно, конечно, возможно, хотя случаев таких очень мало.

Москва черна ночью. Фонари (керосиновые) еле мерцают. Окна магазинов заколочены. Съестные припасы, впрочем, продавались, и сегодня «пустили воду»: господа рабочие сжалились над несчастным городом, а быть может их вожаки инженеры хотели доставить воду в университет... Там, говорят, заперлось 15 000 человек. Может быть, и вранье: кто их считал? Но если и 5 000, то воды нужно много.

Из Петербурга никаких вестей: ни газет, ни телефона — все отрезано. Что там делается? Кто правит? Дерутся или нет, и кто победил — ничего неизвестно.

По слухам, здесь в думе были толки, что не следует итти слишком далеко, ввиду народного движения, которое они, очевидно, преувеличивают. Поэтому там будто бы слышится готовность отказаться от р е с п у б л и к и и выставить пункты, на которые монархисты, по мнению радикалов, могут легче согласиться, а именно: 1) низложение Николая II, 2) объявление императором Алексея Николаевича, 3) при регентстве Константина (а не Михаила)... Ну, к этому еще что-то конституционное.

Любопытно их мнение, что монархисты могут отказаться от нынешнего императора... Впрочем, все это рассказы из десятых рук.

17 о к т я б р я.

У т р о. — Вчера дума не приняла проекта образования Комитета общественной обороны и милиции, и этот вопрос оставлен на обсуждение с е г о д н я, в 1 час дня.

Вечер. 7 часов. — Вчера студенты и рабочие, запершиеся в университете, вышли оттуда в 6 часов. Они просидели за баррикадами, делали оружие, бомбы и т. п., и все ждали нападения. Выйти им никто не мешал, и человек 100 ушло. Но масса трепетала, что ее кто-то будет избивать... Вообще теперь все в сумасшедшем состоянии... Наконец, послали Мануйлова к градоначальнику с условиями «капитуляции»... Эти условия были: 1) выйти всем вместе, 2) гарантия безопасности, 3) дойдя вместе до какого-нибудь достаточно далекого пункта, будут расходиться по домам.

Градоначальник согласился, прибавив еще пункты: 4) выдать все оружие, 5) обязаться не делать на пути никаких демонстраций.

Студенты приняли условия.

Затем все выходили без оружия, тихо, рядами, под конвоем войск. Некоторые пытались пронести оружие или затянуть революционную песню: всех таких сами студенты препровождали обратно в университет и выдали полиции. Сколько этих арестованных, не знаю. Остальные в полном молчании, рядами, под эскортом войск, а впереди —Руднев и Мануйлов, были безопасно доведены до Никитских ворот, откуда и разошлись по домам.

По городу ничего бунтовского до сих пор сегодня не было. О решениях думы ничего не знаю. По улицам — патрули.

Водопровод действовал. Москва — темна. Лавки попрежнему торчат с заколоченными окнами. Умиротворения нет. Железная дорога ни одна не действует. Телефон и телеграф не действуют. Прибавилось несколько новых забастовок (консистория, контроль, фонарщики!!!). Одним словом, все в прежнем спазме.

Видел епископа Никона у Грингмута. Оказывается, что послание, читанное по церквам, писал он, а митрополит дал лишь согласие. Напечатано в синодальной типографии, но в ограниченном числе, потому что там наборщики что-то ненадежны. Впрочем, и читалось послание далеко не везде, многие священники не захотели читать.

Оказывается, что Шарапов укрылся в Даниловском монастыре, откуда и не выходит, держа свое местожительство в полном секрете... А семью отправил к родным. Нельзя сказать, чтобы убежище было очень безопасно...

Вечер. 8 часов. — В думе, кажется, ничего особенного не было.

Три дороги: Николаевская, Ярославская и Рязанская решили стать на работу.

18 октября. 1½ ч. дня.

Ночью пришел манифест с объявлением всяких свобод и с предоставлением Госуд. думе законодательного р е ш е н и я... Это — отказ императора от самодержавия.

Однако, кажется, беспорядки лишь усиливаются. Сейчас какой-то человек срывал флаги, которыми расцветился город по случаю ограничения самодержавия. Один флаг сорвал в университетской типографии. Народ стал его бить, но он убежал.

А тут же забастовали Яковлевские наборщики и прибежали к университетской типографии с криками: «кончай работу». Не знаю, чем кончится... Но налево (к Страстной площади) сейчас поскакали жандармы.

3½ ч а с а. — Огромная толпа студентов с красными флагами стоит перед пересыльной тюрьмой... Другие толпы — по городу... Что делается, господи!

7 ч а с о в. — Не знаю, чем кончилась манифестация у острога. Толпа студенческо-интеллигентская была около 3 000—5 000. У Подвесков какой-то человек снял трехцветное знамя и пошел с ним, крича: «За мной! За царя!»... С ним пошло человек 10—15... Потом попались им проезжающие два студента, и они стали колотить этих студентов. Полное безобразие!

Была еще манифестирующая толпа, человек 500 (пятьсот), с трехцветным флагом и пением «Боже, царя храни»... Позднее были какие-то драки на Страстной площади: говорили, будто «бьют жидов»... Какие такие «жиды» в Москве? Чепуха... Одно ясно: идет взаимный мордобой по всем пунктам. Об отдельных драках — куча известий...

Нечего сказать, во-время явился манифест. Вчера, казалось, начинают умиротворяться; теперь на уголь плеснули ведро нефти.

Злополучный правитель: все у него идет к гибели...

Уж хоть бы Витте принимал какие-нибудь меры. Но трудно: все так расклеилось, раскалилось, перегрызлись, что жди только крови.

Сегодня начали работать Н и к о л а е в с к а я, Я р о с л а в с к а я, К а з а н с к а я д о р о г и. Говорят, начинают также Б р е с т с к а я и В и н д а в с к а я...

Н о ч ь. 9 ½ ч а с о в. — Что было у острога, неизвестно. Но 20 человек вооруженных ворвались во двор градоначальника с целью освободить арестованных в охранном отделении. Городовой выстрелил и убил наповал курсистку. Студент тотчас же застрелил этого городового, а другой городовой наповал же убил этого же студента... Дальнейшего не знаю.

Еще на Театральной площади революционеры разбили полицейские кареты, тоже думая кого-то освободить. Но кареты были пусты, а охрана их стреляла и убила кого-то из нападавших.

По сведениям телефона, который, впрочем, дает известия чисто сенсационно-революционные, в Петербурге несколько столкновений с войсками, много убитых и раненых.

19 октября.

В 9 часов нахлынула толпа с красными знаменами, скопилась у нашего двора, взломала ворота, вошла во двор, кинулась в типографию. Мы пережили тревожные минуты, ибо настроений толпы не знали. Толпа заставила рабочих типографии прекратить работу и с пением русской марсельезы вышла на улицу... Но не уходила... Говорились речи... Полиции и охраны н и к а к о й... Один был городовой, и тот спрятался на кухню... Потом толпа опять двинулась во двор. У нее был какой-то предводитель, уже пожилой, из интеллигентов, энергической наружности. Были отдельные лица в красных шарфах. Потом все опять вышли на улицу... Тут опять стояли... Наконец, появился полицейский наряд в 15 человек. Полицейские офицеры просили толпу разойтись. Из толпы некоторые что-то спорили, но, наконец, помаленьку нашествие схлынуло.

Потом кухарка рассказывала, что предводитель толпы кричал: «М ы н е р а з н о с и т ь п р и ш л и, н е г р о м и т ь, а о с т а н о в и т ь р а б о т у», и потом еще будто и остановка работы приказана толпой только на сегодня — ради празднования манифеста... Завтра, дескать, могут работать...

Вся эта буча длилась около часа.

. . . . . .

Н о ч ь. 8 ½ ч а с о в. — Зашел в редакцию узнать, ходят ли курские поезда... А там целая казарма — гренадеры, кто курит, кто книжку читает, а иные у стола щи хлебают... Ружья по стенам... В типографии же не работают, и газета не выйдет.

Вот так-то все: когда приходит толпа, никакой защиты, а теперь целое войско.

О происшествиях дня, — если они были, — ничего не слыхал. О вчерашнем очевидцы говорили, что генерал-губернатор на своем балконе, по требованию толпы, снял шапку во время пения марсельезы...

Сегодня я очень резко доказывал Грингмуту всю неуместность его статей, вызывающих на насилия. Он согласился с моими доводами и обещал, что этого больше не будет. К сожалению, поздновато. Я ему уже сколько раз раньше это говорил, уже несколько лет... Но не обращал внимания, пока теперь не прикрутила революция.

Да, революция. И как жалко, что все двинулось революционным путем! Кончится после манифеста — резней, через года два — три — такой же свирепой реакцией. Увы, людей не учит опыт, и все делается не сознанием, а страстью. Впрочем, бюрократический режим — все-таки рухнет, вероятно, и это уже будет некоторая выгода для России. Но ведь это так легко было сделать без потерь, которые, несомненно, произведет сначала революция, а потом реакция.

Саша пошел в Саввинское. Беспокоюсь. Темно, черно, беспорядочно в городе. Да, впрочем, теперь в е з д е жизнь на волоске. Боже, как тяжело это, и особенно для м е н я, понявшего, что единое благо — в эволюции и социальном мире. Остаешься одинок среди революции и реакции, одинаково готовых тебя уничтожить, по историческому недоразумению.

20 о к т я б р я.

Проснулся рано, выглянул: солнце восходит мутно-красное, как будто облитое кровью...

Пошел на телефон поговорить с доктором. Пока добился своего номера, пришлось выслушать кучу чужих. Все спрашивают, почему не получена газета. «Не вышла». А то звали от градоначальника старшего офицера три раза... Это заинтересовало солдат. «Что ему нужно?» «Должно быть, обезоружить приказал», — отвечает насмешливо другой. И начинают разговор — недовольство на тягость нарядов, на бесцельность их. Городовые поддакивают...

Присутствуешь при смерти старого порядка — и при своей...

Сегодня похороны врача Баумана, революционера, который найден на улице мертвым, и еще убитой акушерки... Это значит — грандиозная демонстрация, страсти, мщение. Охрана поручена самим революционерам.

3 ч а с а д н я. — Бесчисленные толпы ждут процессии похорон Баумана... Где-то она пройдет?

5 ч а с о в. — Процессия Баумана движется. По пути толпа 200 000. Собственно процессия 10 000. Встретил полицейского офицера. Обозлен до невероятия; ругает Дурново и Медема изменниками. Говорит, что городовые и солдаты также взбешены и рвутся расправиться. Полагает, что похороны будут сопровождаться побоищами.

Этого Баумана, шедшего с красным знаменем впереди революционной процессии, убил какой-то ломовик каким-то тяжелым оружием.

Рассказывают, что у ломовиков образовался союз, человек тысяч десять, для расправы с революционерами...

Похороны Баумана и акушерки имеют маршрутом через Никитскую, от Технического училища на Ваганьково кладбище.

Теперь 6 часов. Никаких нет слухов.

7½ часов. — Сведения от 5 часов гласят, что процессия идет в образцовом порядке.

На флаге надпись: «Граждане, сами охраняйте порядок». При остановках речи, будто бы крайне резко против императора: манифесту не нужно верить, императора низвергнуть (или уничтожить — не знаю), и заявления, что где бы он ни скрывался—не уйдет от их рук. При остановке у университета, говорят, раздавали револьверы в громадном количестве и прекрасного качества.

Ну, если революционеры сумеют охранить порядок, то, конечно, можно ручаться, что они захватят власть. Остальное будет зависеть от их уменья ею воспользоваться.

Уж, конечно, не «ломовики» им помешают. Это вполне «черная сотня». Впрочем, вероятно, если ее покормить, то она к ним же пристанет.

Какой поучительный пример крушения гнилушки!

10½ часов. — Ходил несколько раз к Грингмуту, добиваясь видеть его передовую и упрашивая его воздержаться от малейших призывов к насилиям. Ну, кое-чего достиг, хотя он вроде воспаленного, и с ним крайне трудно говорить. Все же посмягчил...

В редакции спят вповалку городовые и солдаты; последних свыше 60, говорят... Сейчас прискакали во двор какие-то конные: не то казаки, не то жандармы...

По городу, кажется, смутно, хотя точных известий нет.

Процессия Баумана дошла до кладбища только к половине десятого. Как они будут хоронить ночью? Есть слухи, что отложат до завтра. Есть слухи, что какие-то толпы двигаются к государственному банку... Есть слухи, что другие толпы на Тверском бульваре кричат, что будут бить «студентов»... Это, очевидно, «антиреволюционные» толпы. Говорят, на знамени процессии была надпись: «Да здравствует социальная республика!»...

По телефону из Петербурга — там совершенно то же, если не хуже. Толпы, столкновения, пальба.

Одним словом, мы в полной революции, и — повидимому — самой смутной.

Из городской болтовни: слухи, будто имеется в виду взять манифест обратно! Это, конечно, образчик лишь общего ничего непонимания..

21 октября 11½ ч. утра.

Вчера было-таки кровопролитие, по возвращении процессии, у университета. Ходил в редакцию узнавать, но никто ничего не знает. По «Русскому листку», на революционеров напали «патриоты» и от-

крыли п а л ь б у от гостиницы «Петергоф», а когда «боевая дружина» революционеров двинулась против них, то началась пальба сзади от Никитской и от манежа. Революционеры скрылись в университет. Будто бы 6 убитых и раненых 70 (у революционеров), а со стороны «патриотов» — неизвестно.

В полиции, повидимому, страшное ожесточение против генерал-губернатора. Среди же донцев есть крики о своих же генералах, как об «изменниках». Есть голоса: «Если царя не будет, уйдем на Дон и подымем весь Дон и начнем громить всю вашу Россию, как бывало в старые времена...»

В газетах множество известий об еврейских погромах.

Вот описание «Русского листка» (№ 283).

[ПРОЦЕССИЯ.

Первым впереди процессии над толпой колышется стяг с надписью: «Да здравствует вооруженное восстание и Учредительное собрание на началах прямого, равного и тайного голосования». Под ним сгруппировались партии социал-демократов и социал-революционеров. За ним следует второй: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Затем третий: «Российская социал-демократическая партия рабочих». Вот четвертый с надписью: «Требуем Учредительного собрания и всеобщего, прямого, тайного голосования!» Вот проходят знаменоносцы с пятым стягом. На нем надпись: «Долой самодержавие, да здравствует временное революционное правительство и республиканский строй!» За пятым стягом идет шестой и другие. Все красные. На них надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Да здравствует 8-часовой рабочий день!»; «Да здравствует социализм!»; «Слава погибшим, живущим — свобода!»; «Свобода всех граждан без различия пола и национальности»; «Да здравствует революция!»; «Месть тиранам!»; «Да здравствует единая социал-демократическая рабочая партия!»; «В борьбе ты обретешь право свое!»; «Долой черную сотню!»; «Слава погибшим защитникам народа!», и мн. др. Позади ехали санитарные кареты «Красного креста». Под звуки похоронного марша шествие дошло до Межевого института, останавливаясь у церквей: тысячи голосов пели «вечную память». У Межевого института процессию должны были встретить салютом из ружей, но распорядители, согласно желанию толпы, этот пункт программы отменили.

Подымались несколько анархических ч е р н ы х флагов, но их заставили убрать. Порядок был примерный.

Порядок дня при шествии образцовый.

Еще у Технического училища, где находилось тело убитого, рабочие, студенты, интеллигенция и вообще все присутствовавшие стали в стройные колонны по нескольку сот человек, по десяти-пятнадцати лиц в ряд. Каждый ряд представлял как бы стену, все его составлявшие держали друг друга за руки.

Картина была не только величественна, но и трогательна. В этих соединенных руках чувствовалась мощь объединенного народа общими интересами.

Почти при самом выходе процессии из Технического училища чуть было не произошел переполох. Кто-то крикнул: «Казаки, казаки!» — и несколько

человек ринулись в разные стороны. В стройных колоннах произошло замешательство: малодушные, бросив руки соседей, бросились бежать; но вот из толпы к этому месту быстро подошло несколько десятков студентов разных высших учебных заведений, они мужественно остановили толпу, успокоив ее тем, что никто не посмеет сейчас подойти к ней и безнаказанно ее тронуть, так как здесь в процессии участвует вооруженная «боевая дружина».

Похороны — обычные в таких случаях. Не заклеиваю. Хоронили гражданским порядком, без церковной молитвы. И это хорошо: зачем комедиями надругаться и над умершим и над религией? Все было чинно, но по окончании произошло побоище.

КРОВАВЫЙ ФИНАЛ.

Возвращавшаяся с похорон толпа шла тихо, стройно.

Не было слышно ни пения, ни музыки, ни даже громкого разговора.

Распорядителями похорон было отдано товарищам приказание итти как можно спокойнее, без всяких демонстраций, так как нужно было сдержать слово, данное накануне генерал-губернатору.

На случай могущей произойти встречи с противной партией или казаками и могущих возникнуть при этом беспорядков молодежи строго было запрещено стрелять первыми. Открыть же огонь рекомендовалось только ввиду крайней необходимости.

Толпа таяла, рассеиваясь по городу, и к манежу подходила небольшая часть ее. Когда они поравнялись со зданием университета со стороны Никитской улицы, то к ним подбежали товарищи и сказали, что около ресторана «Петергоф» толпа черносотенцев загородила дорогу случайно проходившим нескольким студентам, и что даже двое из них при возникшем недоразумении уже ранены ножами. Тотчас же молодежь распорядилась выслать вперед «боевую дружину» в числе 30 человек. Последняя, а сзади нее и другие выстроились поперек улицы от университета к манежу, как раз против указанного противника.

Освещавшие до того времени противников два электрических фонаря у гостиницы «Петергоф» погасли, толпа же «боевой дружины» студентов была ярко освещена.

Со стороны гостиницы «Петергоф» послышался какой-то гул, возгласы, а затем раздался дружный залп, по одной версии — ружейный, по другой — револьверный. Среди учащейся молодежи раздались стоны, упало несколько человек раненых. Раненых стали поспешно подбирать товарищи, а боевая дружина ответила залпом противнику. Надо полагать, что пули дали перелет, так как о раненых с той стороны не было слышно.

После этого произошла ужасная и еще более непонятная история. Стоявший впереди противник опять ответил выстрелами, но в это время в толпу учащейся молодежи были произведены выстрелы сзади — со стороны книжной лавки и сбоку от манежа. Молодежь легла на землю и дала отстрел лежа, а после открылись ворота нового университета, и выбежавшие на помощь своим товарищи стали увлекать их внутрь двора. Туда же поспешно вносили раненых и убитых. Молодежь уже перестала отстреливаться, но выстрелы от манежа уже переменили направление и гремели над их головами, во дворе университета, и ударялись в окна.

Вбежавшая в здание молодежь также выстрелила два раза из окна по направлению манежа.

Картина после этого несколько переменилась.

Трескотня выстрелов замолкла, но ужас еще царил на площади перед университетом. Кровь, смешавшись с грязью, виднелась в разных направлениях. Валялись клочки бумаг, одежды и платков. То там, то сям стояли группами легко раненые, которые помогали друг другу, как могли, не решаясь обратиться за помощью в «Красный крест» университета, который и так был завален ранеными и убитыми. К зданию университета примчались одна за другою кареты «скорой помощи», которым пришлось возвращаться по нескольку раз, многие раненые отправлялись на извозчиках; тяжело раненых, так называемых безнадежных, уже не тревожили и только старались оказать им помощь, хотя временную, и облегчить страдания.

Во всех коридорах и отделениях лазарета Красного креста кипела работа. Врачи и сестры работали, не покладая рук. Убитых на месте положили отдельно, легко раненых разместили по коридору, тяжело — по лазаретам. Кроме того, университет приютил массу лиц, скрывшихся туда во время схватки. Некоторые были в изорванных костюмах и большинство — перепачканных кровью и грязью.

Кареты ежеминутно наполнялись ранеными, а их все еще было много. Всего в университете зарегистрировано в первое время перестрелки до 70 раненых и 6 убитых.

Личности некоторых пострадавших нам удалось выяснить.

Убиты на месте: студент-естественник Северьянов, студент Захаров, трое неизвестных и одна неизвестная барышня.

Тяжело раненых более 30 человек, на выздоровление которых надежд мало; некоторые из них, быть может, скончались, когда мы писали эти строки.

Вот их фамилии: Комков, Абрамов, Бровкин, Леонов, Кассьянов, Эрлексова, Солдатов, Виноградов, Кистин, Грибанов, Гришин, Усвалок, Баженов, Колпаков, Машин, Горшков, Измайлов, Баскаков, Алексеев, Белобородов и др.

Большинство из них — учащаяся молодежь.

Сколько было пострадавших со стороны другой партии, пока не выяснено, но, говорят, там жертв мало. Молодежь из университета звонила по телефону в канцелярию градоначальника и просила оградить их от расстрела в то время, пока они будут подбирать раненых.

Прибывший на место происшествия полицейский чиновник заявил, что он пока может подобрать раненых и убитых и отдать распоряжение разместить их в больницах.

Не успели очевидцы поделиться впечатлениями, как со стороны Александровского сада показалась толпа с национальным флагом и портретом государя, направляющаяся к университету.

Стоявшая у манежа публика, увидев партию, в паническом ужасе бросилась бежать в разные стороны. Извозчики также, нахлестывая лошадей, бросились наутек. Некоторые из них, движимые чувством человеколюбия, подхватывали спасавшихся, преимущественно женщин, сажали в пролетки и отвозили от национальной партии.

Улица опустела. Партия националистов, пройдя мимо университета к гостинице «Петергоф», повернула на Знаменку. Из толпы ее раздавались крики: «Лови, бей курсисток, на пику, на кол их!...»

«Русские ведомости» определяют толпу, подошедшую к университету, в 3 000 человек. А толпу черносотенцев «с громадными национальными флагами и портретом императора» — в 1 000 человек; она стояла от «Петергофа» к манежу. Стреляли будто бы из винтовок: намекают, что это стреляли казаки.

В е ч е р. 7 ч а с о в. — По слухам и рассказам, пальба у университета все более затемняется. Так, говорят, что первые начали стрелять студенты, а отвечали к а з а к и. Говорят также, будто студенты хотели бросить в казаков бомбу. Я не могу выяснить даже, стреляли ли из народа, было ли там какое-нибудь оружие. Какое-то темное дело, и не разберешь его. Впрочем, производится дознание, — вероятно, выяснит.

В е ч е р. — Вернулся из церкви. Давно не был. Эти междуусобицы не давали даже богу помолиться. Мне так трудно двигаться, что страшнее чем кому-либо попасть в толпу, а тем паче в побоище.

О д и н н а д ц а т ы й ч а с н о ч и. — Сейчас были, а может быть, и есть сходки на Страстной площади, и речи, и говорили, — свалка. И в этот самый момент градоначальник предложил здешнему полицейскому офицеру снять н а р я д ы полиции...

Какая-то невероятная глупость!

Итак — мы беззащитны... Ну — храни господь!

А между тем вчера явилась прокламация, говорящая, что «нужно у н и ч т о ж и т ь черносотенцев» — Грингмута и Никона! Да и естественно взаимное распыление страстей.

В Москве распространился нелепый слух, будто бы в Петербурге низложен император и провозглашен Алексей Николаевич, под регентством Михаила... Должно быть, нарочно распускается для большей смуты.

22 о к т я б р я.

Вчера в 12 ч. ночи прискакали к нам жандармы, а теперь, в 9 ч. утра, уехали.

Дума требует удаления казаков из Москвы и вывода войск из манежа, с отдачей последнего под митинги.

Из Сергиева посада сообщают о демонстрации: наехавшие из Москвы студенты, в соединении со студентами из академии и толпой, ходили с красными знаменами. В толпе были будто бы и профессора. В беспорядке магазин Кохтева разгромлен. Наместнику лавры будто бы принесли революционные прокламации «для раздачи богомольцам». Выдают все это за верное.

Тоска. Нет просвета согласия и здорового дела. Взаимная ненависть, нарушения права, избиение...

В довершение я совсем расклеился, кишки и какая-то головная боль...

$11^1/_2$ часов. — Оказывается, ночью, в первом часу, около нас было столкновение манифестаций: красной и национальной, слышны были и выстрелы.

А сейчас национальная манифестация на Серпуховской площади. Народу 3 000 (в 9 часов). Трехцветные флаги, огромные плакаты с надписями: «Долой революцию» и «Да здравствует государь император». И также: «Сами поддерживайте порядок». Научаются у революционеров...

Вечер. 10 часов. — Говорят, какая-то очень большая толпа националистов пошла к острогу требовать освобождения убийцы Баумана!.. Это, впрочем, рассказы прислуги. Господи, что только делается!

Мой патрон съехал куда-то. Скрывается. Дай ему бог, конечно. Но я не только остаюсь здесь, но — сверх того, — очень опасно заболели кишки у самого отростка. Ни ходить, ни лежать...

Ночь. 11 часов. — Толпа националистов шла по Страстному бульвару. Небольшая кучка — сотни четыре — со знаменами и портретом государя остановилась у редакции с криками «ура»... Эта овация продолжалась минуты три...

Вдруг бац, бац — револьверные выстрелы. Знаменщик зашатался, но через секунду бросился прямо на выстрелы с криком «ура» к Страстной. За ним бросилась вся толпа.

Стреляли два студента... Кто говорит, что их догнали, кто — будто удрали... Через несколько минут по опустелой улице пробежали две барышни с револьверами в направлении Петровки.

Еще через несколько минут поскакали к Страстному монастырю драгуны.

23 октября.

Вчера в Москве был ряд убийств. Национальные манифестанты ходили повсюду и требовали от встречных снимать шапки перед портретом государя.

Некоторые «студенты» отказывались и даже стреляли в толпу. Вот с ними-то и расправлялись.

Еще больше погибло самих манифестантов от пуль революционеров...

Страшное время! А власти — перед всеми раскланиваются.

Ночь. 12 часов. — Совсем измучился от бестолочи... Из происшествий было крупное одно. Толпа хотела громить Инженер-

ное училище. Студенты отстреливались изнутри, в толпе убито 6 человек и ранено несколько...

Мануйлов и совет университета просили Медема дать войско для охраны университета. Но подробности разноречивы... Во всяком случае, войско там есть.

24 октября.

Саша уехал в академию... не на радость. Там бог знает что делается... Хоть бы в дороге-то ничего не случилось ни от красных, ни от трехцветных...

Клавдия сейчас рассказывала со слов казачьего офицера, что 20 октября при пальбе у университета (пальба начата студентами, в манеже пули насквозь били) казаки выпустили 80 пуль, и при этом 6 убитых и 72 раненых! Значит, только две пули не попали. Очевидно, казаки были до невероятия озлоблены, и каждый выбирал себе человека на пристрел...

25 октября.

Возвратился мой патрон.

Только очень нервный. Вряд ли долго пробудет здесь.

Революция была напугана движением, именуемым «черной сотней». Но постепенно власть начинает входить в свои права. Объявлено, что процессии будут разгоняться; митрополит Владимир в «Русском слове» извинялся за свою проповедь в церквах и выпустил новое «воззвание», на сей раз уже вполне «христианское», проповедь покорности; синод же осудил злосчастную проповедь, о чем и распубликовал. 70 пастырей, ищущих хлеба с маслом у интеллигенции, похвалены синодом.

Теперь, значит, скоро начнутся насилия революционеров, ибо их прокуратура не преследует. Опять идут толки о забастовке. Вероятно, при ней революция попытается захватить власть. Замечательно, что одна «черная сотня» мешает этому... Ну да будет воля божия!

Послал письмо Победоносцеву. В минуту падения его нельзя не выразить ему сожаления и сочувствия.

Послал свою книгу А. И. Гучкову.

А уж мое положение! Черная ночь. В будущем — только форма гибели может быть различна, но гибель неизбежна. И ничего кругом: ни поддержки, ни помощи: homo homini lupus est.

Церковь разлагается. Синод говорит, что собор соберется не позднее лета. Но, по всем человеческим соображениям, — этот собор только разделит всех. На старости лет приходится искать себе даже церковь... Все рухнуло.

26 октября.

Бородкин пишет, что он совсем отстраняется от политики. Зограф написал Грингмуту, что отказывается от своих фельетонов, отстраняется от всякой политики и будет заниматься только зоологией... Бодиско пишет Грингмуту, что раз конституция дана, надо с этим помириться, а так как Грингмут не хочет мириться, то он не может больше сотрудничать...

И что же? Разве не правы они? Что они могут делать? Царь сам уничтожает все, чему они служили. Им нет возможности ничего делать.

Но, как бы то ни было, теперь начинается полная ликвидация старого строя. Должны возникать новые направления, с новыми людьми.

27 октября.

Это 27 число, по слухам, должно ознаменоваться какими-то грандиознейшими забастовками или «красными» движениями.

А расчленение России идет. Отдан Сахалин. Отчленение Финляндии. В газетах слух о «работах» Госуд. совета по отделению Польши. В Тифлисе генерал-губернатор «оставил свой пост»... Хоть бы уж поскорее собиралась Государственная дума! Авось сдержит правительство в его «работах» по уничтожению России!

...Ночь. Беспорядков не было.

Было собрание любителей духовного просвещения. Выбрали председателем Боголюбского. Послали сочувственные телеграммы духовным академиям с пожеланиями автономии. Один священник предложил отслужить панихиду по «жертвам освободительного движения»... Одно только хорошо: совершенно перестали петь «Царю небесный» — все же одним кощунством меньше.

Боже, что за хулиганы же «батюшки»! Председательствовал Николай Добронравов.

Я не был на заседании. Это Саша мой рассказывал.

28 октября.

В Кронштадте какой-то безумный бунт матросов и войск, дикое анархически-разбойничье разграбление жителей. Бунтует 14 000 человек!

Приезжие рассказывают, что царь совершенно растерялся: в отчаянии, без мысли, без воли, делает, кто что ни скажет ему, хватается за голову, беспрерывно меняет решения. А у Петергофа стоит на парах крейсер, на котором можно ежеминутно бежать... если только команда не из «потемкинцев»...

Каково состояние умов! Сегодня утром на Красносельской улице электричка наскочила на ломового и разбила его... Моментально сбежался народ, начал лупить электричку камнями. Кондуктор бежал, публика разбежалась, многие ранены, и их привозили в Екатерининскую больницу. Говорят о пострадавшем городовом и околодочном.

Все, на всяком месте, во всякий момент готовы воспламениться и бить и разносить друг друга и всех, кто попадется...

Позорный, изменнический мир, предавший Россию японцам, дал окончательный толчок умам: все с ума сошли. Этот император — великое оружие гнева божия для погубления России. И во всех его гибельнейших поступках постоянно душой оказывается Витте.

Разные консервативные кружки задумали составить свой «союз союзов»... Какой смысл, когда царь все разрушает и ничему не дает созидаться? Для б у д у щ е г о, конечно, все эти объединения, чьи бы ни было, полезны, потому что Россия разлагается, и теперь самое главное для ее населения — слагаться в союзы. Но пока во главе правления такой человек, ничего кроме разрушения не может быть. Он лишил себя власти, но только в отвлечении, да и то лишь перед Государственной думой. А ее все нет. Скорее бы собиралась!

29 о к т я б р я.

Вчера город был тих. Оружие усиленно раскупается. Революция готовится к бою, как слышно. Говорят, что 1 ноября должна возобновиться общая железнодорожная забастовка. Прямо смерть! В буквальном смысле — смерть общая.

Н о ч ь. — Сегодня были слухи, будто бы ночью (с субботы на воскресенье) должен быть еврейский погром. Однако вот и ночь и совершенно ничего не слыхать...

Ну, Медем, говорят, уходит, как и все прочие по полиции — Руднев, Свешников. Неужели даже они не удовлетворяют Витте? Кого же он хочет посадить?

Синод, молчащий при действиях революционеров, выпустил послание, призывающее к порядку, к тому, чтобы никто не защищал царя самовольно, ибо «царь велик и могущественен» и может сам себя защитить. Замечательны наши архипастыри и пастыри!

Сейчас Саша сообщил, что Серафим получил прокламацию (на машинке), обращенную к п р а в о с л а в н ы м и с т а р о о б р я д ц а м, призывающую их собраться в Кремле по приходам и выручать царя, находящегося вроде как в плену...

Любопытно! Начинают появляться какие-то подпольные люди. Такая прокламация не может принадлежать ни одному из людей, известных в обществе.

1 ноября.

Кончился ужасный октябрь. Но лучшего не предвидится и в будущем.

Польша объявлена на военном положении. Польские депутаты явились в Петербург, требуя от «Союза союзов» помощи... Уже явились слухи о новой всеобщей забастовке, в течение которой революционеры попытаются захватить власть.

На главной пружине всеобщей забастовки русской формы — на железных дорогах — всем владеют поляки. Теперь они, чтобы облегчить борьбу в Польше, конечно, не пожалеют привести вдребезги всю Россию при помощи ее обезумевших детей. Будет, вероятно, нечто ужасное. Но, с другой стороны, может от этого вспыхнуть и народное движение... и как предузнать, что оно принесет? Наконец, может быть вмешательство Германии и Австрии...

Это тоже очень сложно. Во время французской революции именно иностранное вмешательство и дало возможность революционной диктатуры.

Вообще так все сплелось и закрутилось, что моего рассуждения нехватает ни для какого предвидения.

Ночь. — Заходили Кузнецов с Новоселовым. Они затевают собрание у Корнилова в пятницу. Меня непременно тащут.. Но кто знает, что будет до пятницы? Впрочем, во всяком случае, не предвижу толку от этих собраний. Люди все слишком электризованы. Какие у них могут быть рассуждения?

У Грингмута напечатано еще воззвание какого-то «Священного союза», объявляющего себя за крест и против красного знамени... Он мне сказал однако, что не знает, что это за кружок. Если это правда, то легкомысленно печатать. Но я у него отстранен от совещаний. Да и бог с ним!

2 ноября.

Вечер. — Сегодня днем прислан в редакцию полицейский наряд. Давно уж их не было видно. Причина неизвестна. Вероятно, ждут общих беспорядков. Это будет отражение Петербурга, где сегодня объявлена общая политическая забастовка с требованием уничтожения военного положения в Польше и военного суда в Кронштадте.

Не хочется и характеризовать этих деяний. Погиб русский народ. Впрочем, это видно уже давно, теперь идет только крушение гнилушки.

Гнила власть, гнило государство, но гниль источила и народ.

Есть известие, будто бы уходит Витте, а на его место — будто бы граф Игнатьев... Тоже чорт знает что! Побыл Витте две недели, сменил всех министров, сместил 34 губернатора, прогнал Трепова, разгромил полицию — и уходит.

Явно, гибель над русским царством, да и над народом тоже.

В Москве еще вчера были забастовки, а уж грабежей — несть числа. По улицам страшно ходить.

В гимназиях — «забастовка» учителей. Просто тошно. Общее умственно-нравственное заболевание. Сегодня толпа гимназистов утром стояла у VII мужской и I женской гимназий и прогоняла тех, кто приходил на уроки. Впрочем, в VII гимназии и сама дирекция не прекратила забастовки.

Н о ч ь. — Тучи сгущаются. Петроградский конец Николаевской дороги уже забастовал.

Завтра в «Аквариуме» общая студенческая сходка. Что-то скажут рабочие? Уж, конечно, не выдержат, тем более, что многие и сейчас в забастовке, и даже у Иокиша (в Разумовском) пришедшая толпа (около тысячи) сделала на фабрике разгром.

Постоянно жди смерти...

3 ноября.

Начался день... Это теперь означает: началось изнывание в ожидании бедствий. Судя по газетам, настроение в городе смутное. В «Русском листке» — корреспонденция о роли А. В. Алехина в курских кровопролитиях. Он шел во главе красной процессии, которая потом стреляла в толпу народа, вступившего с ней в рукопашную..

Бедный, бедный Аркадий... запутался. И это он — отрицающий в с я к о е насилие!

В е ч е р. 9 ч а с о в. — Был неожиданно у меня А. А. Киреев. Он, оказывается, приехал на съезд консервативных союзов, который назначен на сегодня и происходит, вероятно, в то самое время, когда я пишу настоящие строки. На этом съезде будет и Грингмут. После съезда, сегодня ночью, Киреев думает уехать в Петербург, если будут поезда...

О Петербурге не говорит ничего нового. Царь дал конституцию по настояниям Витте, который привел к в. к. Николаю Николаевичу какого-то смелого и красноречивого р а б о ч е г о. Его решительное требование убедило великого князя в необходимости уступить, чтобы не погибло все.

О вмешательстве иностранных держав А. А. Киреев говорит, что это выдумка. Но кому она нужна?

К вечеру получил курьезное письмо от Нилуса с предсказаниями юродивого Мити Козельского.

Мне кажется, что еще не было такого ужасного времени на земле. Прежде никакие смуты и революции не могли так безысходно скрутить человека, потому что по хозяйственным условиям все были более самостоятельны. Теперь же все «обобществлено». Человек не может ни двигаться, ни есть, ни пить без общественной организации. И когда она распадается, как у нас, прямо гибель приходит для каждого человека.

5 ноября.

Вчера стачечный комитет заявил, что не считает своевременной всеобщую забастовку в Москве.

Но у нас во дворе почему-то снова явилась полиция.

(Окончание следует.)

„Князья церкви".

(Из дневника А. Н. Львова.)

Окончание *).

1893 год.

7 м а я. — Всего можно было ожидать, но то, что случилось, превзошло всякие ожидания. Не хочется как-то верить случившемуся, хотя, к сожалению, это факт. Притычкинский постриженник-ставленник и палладиевский любимец, новоиспеченный архимандрит, инспектор академии Исидор попался в педерастии с студентом 1-го курса. Когда дело обнаружилось и доложили Палладию, то он будто бы сказал: «Всю академию разгоню, никого и ничего не оставлю, а Исидора не позволю тронуть». Однако студенты, составив круговую между собою поруку, т. е. подписавши акт о действиях Исидора, в количестве более сотни человек, заявили об этом письменно обер-прокурору, и тот побудил Палладия отказаться от своего намерения защищать невозможное. Говорят, что Исидору велено немедленно оставить академию, и он уже уволен от инспекторства. Ужели и этот факт не образумит Победоносцева? Ужели он не раскроет ему глаз и не обнаружит, куда его ведет Притычкин? Последний, конечно, как ни в чем не бывало. Ему и горя мало. Ведь было же в прошлом году дело о монахе — основателе женской общины в г. Богодухове, харьковской епархии, растлившем много десятков молодых девушек, посельниц этой общины, и такое дело Притычкин настоял не передавать в светский суд, а удалить только монаха из общины женской. Вероятно, и Исидору дадут какое-нибудь почетное назначение, а чрез год — два Притычкин сделает его и архиереем. Все невозможное, гадкое и скверное для него возможно!

10 м а я. — Исидор до сей поры, говорят, еще не уволен из академии, хотя будто бы из Петербурга он уже уехал. Но куда? Говорят, что ему дали за три месяца жалованье, заграничный паспорт и отправили на Афон, пока проехаться-проветриться, а затем будто бы пошлют его в иерусалимскую миссию. Удивительно, что ему на дорогу не дали

*) «Красный архив», т. II (39), стр. 108 — 148.

казенной девки или мальчика. Ну, а в Иерусалим послать есть резон, потому что он там будет иметь полную возможность усовершенствоваться в педерастии, притом на казенно-церковный счет. Рассказывают, что Палладий хотел во что бы то ни стало замять это дело и не велел ректору даже выходить из академии, а равно и студентам не велено было ходить в город. Надеялся, что этим путем сохранится тайна. Такие ребяческие действия напоминают прячущегося страуса. А когда вспомнишь, что к ним прибегает митрополит — первенствующий член синода, «великий господин», то руки опускаются. Ниже этого церковь не может опуститься.

14 м а я. — Исидора совсем не уволили из академии, а просто дали трехмесячный отпуск [1]). Уезжая, он говорил, что чрез три месяца вернется и докажет, что все совершившееся есть ни больше, ни меньше, как интрига против него. Академия, по его словам, деморализована во всех отношениях, до политической неблагонадежности включительно. Эту тему он развивал уже давно, очевидно, рассчитывая на то, чтобы дискредитировать управление академиею Антония. Несомненно, что он придумывал эту тактику или вдвоем с Палладием или в угоду сему последнему. Мысль о политической неблагонадежности академии он высказал даже с азартом на последнем собрании правления, так что несчастный ректор Борис должен был потребовать от него доказательств. Даже невозмутимый Ловягин [2]) возмутился и отказался от членства в правлении. Один только Тимофей Барсов [3]) остается непоколебим, как скала, и жмет руки педерасту-архимандриту, уверяя всех глубокомысленно, что один он предвидел все это и один он знает, что нужно делать, и скажет это, когда к нему придут и поклонятся.

6 и ю л я. — Леонтий прислал в синод донесение, что, поправившись, он вступил в управление вверенною ему епархиею, о чем и доносит св. синоду. Получив это донесение, у нас на Литейной всполошились. Победоносцев прямо написал на донесении: «Не имел права». Завтра будут докладывать синоду. Интересно, чем-то это окончится. А Исидор Колоколов, как и говорил пред отъездом, возвратился в академию и подал ректору об этом рапорт. Рассказывают, что он с нахальством утверждает о своей невиновности и старается всех убедить, что вся эта история — интрига. Теперь же он явился, чтобы доказать и свою невиновность и защитить честь родной академии и своего высокого патрона-митрополита. В светских высокопоставленных кружках утверждают, что всю эту историю выдумали «поповичи» из зависти к монахам из светских, которые-де так необходимы для обновления и освежения «затхлой поповской расы».

12 и ю л я. — Относительно Леонтия решили ужасно. Сначала хотели послать Керского в Москву для личных с митрополитом объяс-

нений и убеждения не вступать в управление епархиею. Но потом на Литейной изменили постановление и прямо послали ему указ, что, так как по свидетельству докторов он еще не поправился и так как ему небезызвестно, что состоялось высочайшее повеление о посылке в Москву преосвященного Сергия по случаю болезни Леонтия, каковое повеление не приведено в исполнение по особым соображениям, то на основании всего этого он, Леонтий, не имел права вступать в управление епархиею без соизволения на то св. синода, и потому последний будет признавать временно управляющим епархиею преосвященного викария московского. Если Леонтий поправился, то этот указ должен его убить. Если же он еще невменяем, то какой имеет смысл писать такие указы? Теперь шесть архиереев сидит в синоде, и не нашлось из них ни одного, который бы взглянул на это дело человечно. Разве можно с бедным больным стариком так поступать? Если у них нет уже нравственного чувства и просто чутья, то как они не могут сообразить, что таким определением каждый из них сам себе готовит яму? Ведь с каждым из них могут поступить точно так же грубо, бесчеловечно, насильно, и никто тоже не защитит, потому что последующие не найдут примера в действиях предыдущих. Куда же мы идем? А Исидор допущен митрополитом к исправлению должности инспектора. Что же это: непроходимая глупость или невероятное нахальство? И это происходит после того, как Победоносцев писал через ректора студентам, что Исидор никогда не возвратится в академию, пускай только студенты успокоятся... Нет принципов, нет идей, нет мыслей, знания, чести, правды, справедливости... что же есть, чем мы живем, что сеем, кого готовим?

29 и ю л я. — Собираюсь ехать на съезд в Вильну. Хочется ознакомить ученый мир с архивом греко-униатских митрополитов, который уже два года, по моему настоянию и ходатайству, описывается, для чего обер-прокурор дал особые средства. — Из Москвы получаются известия, что Леонтий опять опасно болен.

22 а в г у с т а. — Почти две недели был в Вильне. Много старых знакомых встретил, со многими новыми познакомился, много велось споров, разговоров, и ученых и неученых; судили и рядили обо всех и на все корки. Общее впечатление от съезда неудовлетворительное. В Вильне, очевидно, нет центра, около которого все группировалось бы, хотя есть отдельные лица, занимающиеся археологией. Вследствие этого не было ни надлежащей разработки местной истории — археологии, ни подготовки к съезду. Выставка была крайне бедна. Рефератов, относящихся до местной истории, почти совсем не было или они не отличались солидностью. Экскурсии не были организованы. Вообще сказалось, что город не университетский.

7 сентября. — Рассказывал мне Гаврилов, как он ездил в Москву описывать бумаги митр. Леонтия. Очевидно, боялись, что у покойника найдутся письма, компрометирующие Литейную. Для всех было ясно, что там не любят митрополита и желают как можно скорее его сбыть с рук. Быть может, хотели обнаружить и тех лиц, которые сообщали приязненно Леонтию о действиях Литейной, и таким образом открыть своих недоброжелателей. По словам Гаврилова, ничего не нашли кроме самых незначительных 15—20 писем. Все будто бы расхищено, даже имущества никакого не осталось, так как после смерти митрополита несколько дней, почти неделю, не было принято никем и никаких мер к охранению его имущества. Но так ли это — вопрос. Ведь Гаврилов был командирован экстренно, так как никогда, кроме Петербурга, не производилось осмотра бумаг у умерших митрополитов. Он приехал, когда еще митрополит не был похоронен. Приступил же к описи бумаг спустя несколько дней после погребения и за все это время не поинтересовался узнать — охраняются ли бумаги? Впрочем, в Вильне я виделся с профессором Московской академии Каптерёвым, который виделся с митрополитом за неделю до его смерти и жаловался, что Антоний Храповицкий «у к р а л» у него переписку с Исидором. «Ну, да, к счастью не всю», — прибавил умирающий, — «у меня остались еще более важные письма». О, люди и дела!

15 сентября. — Виделся с новым инспектором академии Н. В. Покровским. Радуюсь за академию, а его не поздравляю пока, потому что трудно теперь урегулировать студентов, деморализованных долгим управлением неспособных монахов-инспекторов. Они ведь только заботились о популярности.

16 сентября. — А Исидор Колоколов после случившегося скандала был выслан из Петербурга, говорят, в Иерусалим. Отпуск был дан ему на два месяца. Но он чрез месяц возвратился, ничтоже сумняся. Никто наверное не мог сказать, где он был. В академии сперва, было, все смущались, но потом не посмел никто отнестись к нему как должно. Все дали «братское целование» и рукопожатие... и ректор донес митрополиту, что архимандрит инспектор Исидор, возвратясь из отпуска, вступил в отправление своих обязанностей. Являлся он к Победоносцеву и Саблеру, и те его приняли. Палладий начал ходатайствовать, чтобы его назначили начальником Константинопольской миссии. Но светские не согласились. Тогда и Палладий замолчал. Обер-прокурор высказался, что его нужно отправить куда-нибудь в малоизвестный дальний монастырь и продержать несколько лет, пока забудется вся эта гнусная история. И вот отправили его для борьбы с сектантами в ставропольскую епархию, как будто для миссионерства не требуется физической и нравственной чистоты...

20 сентября. — А Колоколов Исидор только недавно еще уехал из Питера. Все время он разъезжал по городу и здоровался с знакомыми как ни в чем не бывало. И не нашлось никого, чтобы сказать ему в глаза, что не находит возможным подавать ему руку. Всякий, должно быть, трусит. Вот время, вот нравы!

21 сентября. — Антоний Храповицкий совершенно правильно оценил значение этого факта. Он назвал дело Исидора Колоколова монашескою панамою. Действительно, молодое монашество оскандалилось нисколько не меньше французских панамистов!..

1 октября. — Антоний Храповицкий проповедует, что молодое светское монашество должно совершенно изменить течение нашей общественной и государственной жизни... Конечно, это говорит ослепленное самолюбие и властолюбие, с одной стороны, и непроходимая глупость и нахальство нынешних монахов — с другой.

17 октября. — Умственный уровень наших архиереев в большинстве случаев слишком невысок. В самом деле, есть много и очень много архиереев, которые решительно ничего не читают, которые везде и во всех случаях прикрываются только мантиею своего архиерейского величия да внешнего благочестия. Помню, когда хоронили в 1883 г. Тургенева и когда монахи и Победоносцев неистовствовали, видя в простом проявлении чувств к знаменитому писателю какую-то политическую манифестацию, то Леонтий, архиепископ варшавский, будучи 26 сентября на обеде в петербургской семинарии, так высказался: «Я не понимаю, чего это беснуются люди. Говорят, помер писатель Тургенев. Да мало ли ныне развелось у нас писателей, мало ли их помирает! Ужели по каждом и будем так бесноваться? Слава богу, что у нас в духовных школах запрещено это дурачество». А ведь Леонтий был еще сравнительно интеллигентный архиерей.

26 октября. — Все говорят, что на дела синодские имеет сильное влияние Екатерина Александровна Победоносцева. Правда, она в существо дел никогда не вмешивается, но влияет на выбор лиц, и, чтобы ее ставленники ни делали, им все сходит с рук. Что по ее капризу назначаются те или другие должностные лица, это не подлежит ни малейшему сомнению. Ближайший пример этого С. И. Миропольский. Уже было подписано Победоносцевым предложение синоду о назначении товарищем управляющего синодальной канцелярией князя Ширинского-Шихматова. Но вот Миропольский, заведывавший пением в Новодевичьей школе, состоящей под покровительством Победоносцевой, пришел к ней и со слезами упрашивал, чтобы предоставить это место ему. Она приходит к мужу и требует от него непременно исполнить это. Предложение Ширинского было оставлено, и Миропольский назначен.

28 октября. — А история с Шемякиным? [4]) Всем явно и хорошо известно, что Шемякин имеет одно стремление: создать себе служебное и материальное положение, что он не стесняется и не брезгует для этого ничем. Саблер, конечно, прекрасно понимает Шемякина и видит все его плутни и замыслы, иногда возмущается ими до последней степени, не стесняется высказывать свои мнения вслух, но дело всегда оканчивается тем, что он же, в конце концов, идет к Шемякину и старается своими любезностями подавить в нем всякие сомнения в своем искреннем и неизменном расположении к В. Ив. А почему? Да потому, что у жены Шемякина, говорят, есть какие-то отношения к Победоносцевой, и Саблер просто боится интриги против себя со стороны Шемякина.

3 ноября. — В нашем болоте, кажется, все обстоит попрежнему. Рассказывают, впрочем, что кафедральный протоиерей П. Смирнов проглотил Дм. Соколова, автора учебников по закону божию. Дело все в том, что, когда синод лет 6 тому назад изъял из употребления учебники по закону божию Свирелина, одобренные учебным комитетом, то и тогда еще люди опытные и проницательные говорили, что теперь Смирнов доберется до главного своего конкурента — протоиерея Дм. Соколова. Так и случилось. Хотя Смирнов и был одобрен для церковно-приходских школ, но он не мог переваривать, что на одном поле существует и конкурирует с ним Соколов. Последний же печатал издание за изданием. И вот выходит закон, что всякое одобренное новое издание, выпущенное в свет хотя бы и без изменения, обязательно должно быть представлено для рассмотрения, иначе автор не имеет права печатать одобрения. Ввиду этого о. Соколов представил свой учебник для рассмотрения и одобрения в учебный комитет. Но последний одобрил его только для приготовительных классов духовного училища, что же касается народных школ, то предоставил решение вопроса училищному совету, как совершенно компетентному в этом деле учреждению. Училищный совет поручил рассмотрение учебника прот. П. Смирнову! Ну, конечно, последний давно плел паутину и, когда в нее попала такая жирная муха, то спуску не дал. Он разобрал учебник по косточкам, нашел чуть не в каждой букве по нескольку ересей, а в конце концов сказал так: хотя учебник и никуда не годится, но, чтобы меня не заподозрили в пристрастии из видов конкуренции, то я дескать с своей стороны признаю его достойным одобрения... Ну, конечно, училищный совет, знавший, в чем дело и желавший прежде всего и более всего подслужиться к Победоносцеву и Саблеру, покровительствующим Смирнову и не долюбливающим Соколова, решил не одобрять учебника. Но здесь вышел курьез в том, что св. синоду два находящиеся при нем учреждения: учебный комитет и учи-

лищный совет представили бы на утверждение два совершенно противоположных суждения об одном и том же предмете. Саблер должен был придумать какой-нибудь выход из этого положения. Вот как вывернулся Саблер. Училищный совет одобряет учебник по закону божию «Начатки», как единственно удовлетворительный и хороший. Но так как он в некоторых своих частях не соответствует программе, то для дополнения в этих случаях указан учебник Смирнова. О Соколове же ввиду этого нет и речи.

24 ноября. — В учебный комитет на место Чистовича назначили штатным членом по философии Миропольского. Хорош философ, нечего сказать! А между тем будто бы сделаны были запросы профессорам философии — Каринскому и Введенскому [5]). Для чего же тогда было и спрашивать их? Ведь вся философия Миропольского сводится исключительно к тому, чтобы получить 1 000 руб., ради чего он несколько раз не только нюнил, но прямо-таки плакал пред г-жей Победоносцевой, которая знает его, как поющего и играющего во Владимирской школе, находящейся под заведыванием Екатерины Александровны Победоносцевой. Но благодаря этому теперь в учебном комитете кроме чиновников «нет ни одного ученого человека». Мало— ученого, — просто даже опытного, практического педагога. Поэтому и вопросы там решаются удивительно. Они прежде всего соображают о том, как смотрит на дело обер-прокурор или его товарищ, и сообразно этому дают свои голоса.

25 ноября. — Для примера можно привести вопрос об отмене для лучших учеников училища экзаменов. Вопрос этот возбудился года три тому назад в «Церковном вестнике». Обер-прокурор велел учебному комитету обсудить его. Долго думали, жевали и мяли комитетские чиновники, потому что видели разные взгляды и течения по этому делу. Наконец, дали его на заключение члену комитета Невзорову, который решил, чтобы освобождать от экзаменов в случаях, например, смерти. На-днях дело это поступило в синод. К великому удивлению всех, Палладий высказался за возможно широкое освобождение от экзаменов, говоря, что в этом вопросе необходимо побольше сердца и поменьше чиновничества. При этом он указал, что в учебном комитете сидят ныне чиновники, которые более интересуются своим положением и чинами. Однако Анастасий воронежский [6]) сильно возражал, и к нему присоединился Герман [7]). Антоний же — к Палладию. Решение отложили до приезда митрополитов.

28 ноября. — Вчера был первый раз в заседании Сергий в качестве митрополита московского. Всех интересовало, как он будет себя держать. Оказалось, что он окончательно увлекся мыслью изображать из себя Филарета московского. Так же гнусит, так же говорит

раздельно, так же плавно и степенно идет, не смотря ни на кого. Но кроме этого смешного внешнего подражания, конечно, ничего нет. Дела, по словам докладчиков, идут из рук вон скверно, потому что Палладий самодурствует и проявляет упорство, Керский юродствует, а Саблер предоставляет им делать всякие благоглупости, особенно в тех случаях, когда он в деле не заинтересован. Кроме того Притычкин за последнее время стал обнаруживать особенную важность и резко изменил систему своего обращения. Прежде он был со всеми и, в особенности, со служащими до приторности любезен, теперь до оскорбительности небрежен. А что же будет дальше? Ведь он проявит деспотизм побольше победоносцевского. Последний всетаки человек образованный, хоть и крайне односторонний по своему направлению. Ну, а Притычкин, не имея ни головы, ни сердца, да еще при своей нравственной разнузданности, может дойти до геркулесовых столбов. Впрочем и теперь уже он начинает принимать директоров и не сажает. К этому нельзя не прибавить, что начинают ходить темные слухи о духовном ведомстве, что здесь делаются большие дела... Говорят о какой-то организации относительно торговли орденами и медалями за заслуги по духовному ведомству. Многие прямо утверждают, что кафедральный протоиерей Петр Смирнов проводит своих ярославцев, получая с них в свою пользу. Говорят и еще кой о ком, но я не верю пока. Быть может, это обычная питерская грязь.

5 декабря. — Для характеристики современного монашества могу привести следующий факт. Ректор здешней академии арх. Борис, желая создать себе некоторое улучшение в своем положении и изменить к нему отношение Палладия, придумал следующее. Открылось место начальника миссии в Константинополе. Он и решился заявить свое желание поступить туда. Расчет был тот, что когда Палладий предложит в синоде, то там найдутся люди, которые скажут, что отпускать из академии такого человека не следует, что его здесь надобно поощрить, и что, наконец, выскажут так или иначе и самому Палладию, что надобно изменить к нему отношение. Но ничего этого не случилось. Митрополит заявил о желании Бориса, все промолчали. Когда узнал об этом Борис, то обнаружил полнейшее малодушие. Он и ранее высказывал, что не велика для него честь быть викарием, хотя бы и в хорошем южном климате, а тут вдруг попал заурядным архимандритом на такое место, которое, кроме знания требника и служения обедни, ничего не требует. И вот он, убитый горем, ложится на диван, а среди студентов как-то разносится слух, что митрополит съел Бориса, запрятав его из ректоров академии простым служителем. Молодежь, находящаяся еще под впечатлением исидоровской истории и помня, что митрополит, протежируя тогда Исидору, гнал Бориса,

а, может быть, еще и подогреваемая кем-либо и чем-либо, заволновалась и решила сперва итти депутацией к митрополиту, Антонию, Саблеру и, говорят, даже к Янышеву. Цель была та, чтобы указать всем на несправедливое отношение к Борису и необходимость оставить его в академии. Когда эти депутации не состоялись, то молодежь решила поднести Борису картину, изображающую суд над Христом у Каиафы, представив первого в образе Бориса, а второго в виде Палладия. Когда же и это оказалось неосуществимым, то собрали до 500 р. и поднесли ему просто икону «моление о чаше». Но сделано это было крайне демонстративно, в адресах были выражения: «небывалому ректору, незабвенному другу и отцу»...

16 декабря. — Назначили ректором в академию вместо Бориса епископа Никандра нарвского. Он, хотя и магистр, но академической науке чужд, интересов академических никаких быть не может; говорят, и по характеру своему человек чрезвычайно тяжелый. Во всяком случае, едва ли это назначение целесообразно ввиду того, что Никандр уже третий год викариатствует, и, следовательно, для него академия только постоялый двор, с которого ему хочется поскорее выбраться и поскорее добраться до хорошей пристани. Никандра Палладий сделал ректором исключительно потому, что этим путем он может устроить у себя по примеру своего предшественника трех викариев, к чему он сильно стремится «ради помпы и торжественности». С этою мыслью Палладий приезжал зондировать Иоанникия киевского, но последний заявил, что не находит никакой нужды в трех викариях. Теперь Палладий и боится об этом заявлять пока.

29 декабря. — Антоний недавно очень ловко поставил всех в глупое положение, а особенно Палладия. Дело все из-за жирного протопопа Петра Смирнова, поставившего своею целью вытеснить из всех школ всякие учебники по закону божию. Ловко он изгнал учебники Свирелина, затем нужно было добраться до Дмитрия Соколова. С этою целью он провел закон, что всякое новое издание хотя бы и одобренного учебника и издаваемого без всяких перемен, непременно должно быть представляемо каждый раз на одобрение. Соколов представил в учебный комитет какой-то свой учебник, чуть ли не 30-е или 40-е издание. Учебный комитет повторил свой прежний отзыв, данный при первом рассмотрении и одобрении, и представил дело в синод. Здесь Притычкин, поддерживая жирного протопопа, высказал ту мысль, что неудобно комитету рассматривать книгу своего же сочлена и что «для беспристрастия» лучше бы дать ее какому-либо совершенно стороннему лицу. Дело было летом, когда в синоде был Палладий со статистами, и потому решили этот вопрос без возражений, согласно сделанного предложения. Послан в этом смысле указ Палладию,

а последний поручает рассмотреть все дело законоучителю пажеского корпуса Петру Ал. Лебедеву. Последний, вероятно, чуя, что́ от него требуют, разделал учебник Соколова до последней степени. И вот недавно Палладий докладывает этот отзыв и предупреждает его всевозможными похвалами, что он-де и беспристрастный, и умный, и основательный и пр., и пр. и что этим дело уже исчерпано и разрешено совершенно: учебника одобрить никак нельзя. Так как никто этим делом не интересовался и не был в него посвящен, то митрополиты промолчали, и дело было решено. Вдруг заговорил Антоний. Он указал прежде всего на неправильную постановку этого дела, а потом и на несостоятельность в некоторых пунктах отзыва, сделанного о. Лебедевым. По его словам, у синода есть компетентное учреждение для подобных отзывов — учебный комитет. Правильность его отзывов гарантирует его коллегиальность. Кроме того, решение и взгляд комитета совсем не могут быть для синода обязательными. Синод может и должен смотреть на них, как на материал для своего обсуждения, а в случае каких-либо сомнений или разногласий обязан сам рассмотреть книгу. В данном случае сделано почему-то какое-то странное изъятие, дело передано совершенно стороннему лицу, и отзыв этого лица принимается на веру. Между тем он на первый же взгляд представляется в некоторых своих частях неосновательным и вывод неправильным. Да иного и быть не могло, потому что случайный рецензент ясно видел из всего предыдущего хода дела, что от него, очевидно, желают получить отрицательный вывод о книге... Желая сделать во что бы то ни стало угодное, он, быть может, и противно своим убеждениям, постарался указать недостатки там, где их совсем нет. Это заявление Антоний подтвердил двумя-тремя фактами. Выслушав это, митрополиты киевский и московский вполне согласились с ним и предложили ему рассмотреть учебник, а петербургский митрополит не нашелся сказать ни слова.

31 д е к а б р я. — Вот и еще прошел год. Что сделано и что могло бы быть сделано? Первого, конечно, менее, чем второго. Что будет в следующем? Чего ждать? Да все той же толчеи на одном месте и тех же криков, как у Гоголя, когда мужики разводили лошадей от двух сцепившихся колясок. Отчего же происходит такое безотрадное явление? Причины очень сложные, а главное оттого, что Победоносцев сильно устарел и одряхлел. Никто не верит в долговечность и его самого и его начинаний. Да и у него нет энергии. Всех и все отсылает к Саблеру, а себе оставляет только кабинет. При таких условиях, конечно, трудно, чтобы наша старая, поломанная и вся заржавленная синодская машина могла быстро и правильно двигаться...

Все говорили перед новым годом, что Победоносцев будет назначен товарищем председателя Госуд. совета, т. е. наследника, который зай-

мет место в. кн. Михаила Николаевича. Очевидно, тогда бы на его место сел или, точнее, был бы им посажен Саблер. В крайнем же случае, добился бы Тертий Филиппов, который, говорят, и спит и видит быть обер-прокурором. Но эти кандидаты один другого нежелательнее и по личным своим свойствам, и по направлению и оба не стоят одного Победоносцева.

1894 ГОД.

7 января. — Много рассказывают про отношения митрополита Палладия к Антонию выборгскому. Первый до сей поры не переносит второго и при всяком удобном и неудобном случае выдает свои ангипатии. Отношения эти вошли в притчу. Мне недавно передавали, что первым камнем раздора между ними послужила моя статья в «Церк. вестнике», помещенная после смерти Исидора, о необходимости отделения епархии новгородской и финляндской от петербургской. Статье этой многие придавали официозное происхождение и значение, а Антоний, как ректор академии и цензор, пропустил. Палладий уверен, что статья эта имела большое значение и влияние на отделение, которого он по многим причинам не одобряет и до сих пор не может простить. «Я остался нищий и умаленный в чести», говорит он постоянно, хотя и получает до 15 тысяч в год. Вторая причина заключается в том, что были моменты, когда, кажется, серьезно подумывали на Литейной устроить в Петербурге архиепископию с Антонием. Палладий считает это происками Антония. Наконец, имеет большое значение и отношение к Антонию Победоносцевой. Все говорят, что она просто с ума сходит от Антония и постоянно ездит к нему в церковь. Палладий и завидует и боится, так как Победоносцева имеет неограниченное влияние на мужа и, следовательно, на все. Но и положение Антония ужасно щекотливое.

13 января.—Недавно у нас докладывали в синоде по вопросу о необходимости сосредоточения всего народного образования в руках духовенства. Для решения этого вопроса составлена под председательством Германа особая смешанная из чинов министерства народного просвещения и делегатов духовного ведомства комиссия. Нужно было дать председателю инструкцию. Все, конечно, высказались за то, чтобы всякие народные школы переданы были в епархиальное заведывание, для чего требуют, чтобы деньги, получавшиеся министерством народного просвещения на школы, переданы были в ведение синода, а земства обложены бы были известным процентом на народное образование и чтобы этот процент тоже поступал бы в ведение синода. При этом один Антоний возбудил вопрос о том, справится ли наше теперешнее духовенство с такою тяжелою ношею и откуда духовное

ведомство будет брать народных учителей, так как теперешние будто бы никуда не годятся. Киевский митрополит на это возразил, что мы в каждом приходе сделаем дьякона, вот и учитель. Тогда Антоний стал говорить, что откуда же брать годных дьяконов; в настоящее время нет таковых для своих церковно-приходских школ, а ведь с переходом 25—30 тысяч новых школ в ведение епархиального начальства таковых понадобятся десятки тысяч. В это время Притычкин объявляет, что теперь не время заниматься обсуждением таких вопросов, теперь великий исторический момент, когда можно получить все школы в свое ведение, потому что министром граф Делянов. Будет другой министр — ничего нельзя будет сделать. Поэтому, не рассуждая о частностях, необходимо преследовать только главную цель — вырвать школы...

Я бы сказал, главная ваша цель — вырвать деньги в свое распоряжение... а там хоть трава не расти. Так раз об этом сказал и Зинченко.

14 января. — Что главная цель задуманного объединения всех школ в ведении епархиального начальства — не школы, не народное образование, не известное направление во всем этом деле, а деньги и власть, — очевидно, ясно, когда поближе всмотришься во всех этих господ, которые орудуют у нас школьным делом. Среди них ведь ни одного, решительно ни одного нет, который бы хоть сколько-нибудь знаком был со школьным делом, с его историею, литературою и т. п., все это — лица, которые с величайшим авторитетом или, точнее сказать, с страшным, им только свойственным, нахальством кричат о необходимости всюду церковно-приходской школы и о вреде для церкви, престола и государства всякой иной: министерской, земской и т. п. Но что такое церковно-приходская школа, возможно ли ее существование, есть ли для нее подготовленные учителя, есть ли средства, могут ли священники действительно создать ее и смотреть за нею, им до этого решительно нет никакого дела. Они действуют предписаниями, указами и вообще насилием и уверены, что на их век хватит еще этих средств, что они за ложные отчеты получат и звезды, и титулы, и деньги. А что из этого всего выйдет, им до того решительно нет никакого дела...

17 января. — Когда в синоде обсуждался вопрос об объединении школ и когда Антоний заявил о необходимости подумать, откуда взять учителей, то Иоанникий, как я упомянул выше, заявил, что в каждом приходе можно сделать дьякона, которого можно освободить от всяких требоисправлений, кроме праздничных богослужений, и который бы пользовался и доходами и жалованьем учительским. Такой ответ на самый главный и существенный вопрос в этом деле об-

наруживает в авторе его, по меньшей мере, легкомыслие. А между тем ведь этот человек считается умным и деловитым архиереем... Чего же ждать от других?

24 января.— Как только ученый, т. е. академист-монах, попадет в архимандриты, так он уже начинает обнаруживать какой-то покровительственно-недоверчивый тон и к науке и к ее представителям. В то же время он считает себя совершенно свободным от всяких чтений и занятий собственно научного характера. Все его помыслы—и тайные, и явные— и духовные силы направлены на то, чтобы поскорее выдвинуться, благоугодить нужным и сильным мира сего и пробраться в архиереи. Если вверху направление, не сочувствующее науке и знаниям, а более говорится о продолжительности и истовости богослужений, то и отец архимандрит считает для себя обязательным петь в этот же тон внешнего благочестия, переходящего большей частью в ханжество.

1 февраля. — Любопытные результаты нынешних назначений в семинарии начинают уже обнаруживаться. Вот что недавно произошло в Тифлисе [8]). Семинаристы-грузины отказались итти в церковь и на акт в день их семинарского праздника, а вместо этого собрались где-то за городом и составили экзарху петицию о том, чтобы некоторые из начальствующих и учащих лиц были уволены из семинарии за их крайне деспотическое отношение к ученикам, а некоторым предлагали изменить свой образ действий. Отправились к экзарху депутаты. Последних он не принял, а петицию взял и потребовал по содержанию оной объяснения от тех лиц, о которых в петиции упоминалось. На другой день он сам приехал в семинарию и потребовал к себе депутатов, но семинаристы заявили, что вчера они к нему приходили, но он их не принял, а сегодня пускай он к ним придет, так как все семинаристы в сборе. Экзарх пришел к ним, но никто не принял от него благословения, и все убеждения его ввести семинарскую жизнь в колею остались напрасны. Пытались, было, подействовать тем, что закрыли классы, в которых, впрочем, ученья не было уже, но и это не дало никаких результатов. Страсти разгорались и за ними зорко следили и горожане. Тогда телеграфировали на Литейную. Здесь более всего возмущались тем, что никто не подошел к экзарху под благословение. Велели семинаристов ввиду приближения рождественских праздников распустить впредь до особого распоряжения. Семинаристы потребовали денег на дорогу. Им велели выдать около 2 тысяч рублей. Теперь решили семинарию закрыть до сентября и послать в Тифлис ревизора, кажется, Керского...

4 февраля. — Но какая же поможет ревизия, когда ректор и инспектор — люди молодые, неопытные, узнавшие, например, Кавказ только тогда, когда их туда назначили? Понятно, что эти дети

начальство не в состоянии решительно ничего сделать. Нынешнее монашество, явившись при ненормальных искусственных условиях *), и само является каким-то ненормальным. Вот еще пример, что за начальство в семинариях. Был в Петербургской академии студент-священник Прелатов, известность о котором простиралась до всех петербургских участков. По окончании курса он не был даже принят в монашество и получил назначение в какое-то духовное училище. Там степень его безобразного жития достигла таких пределов, что его нужно было уволить. Учебный комитет в этом роде составил и журнал, присоединив, что о. Прелатов — никуда негодный преподаватель. Тогда последний принимает где-то ангельский сан и назначается св. синодом инспектором вятской семинарии. Этому назначению помог и Керский, который приходится Прелатову дядею. Теперь из Вятки пишут, что Никодим Прелатов там безобразничает и в семинарии и в городе страшно, а архиерей Сергий поддерживает его, надеясь чрез это выиграть у Керского в Петербурге.

17 февраля. — Был сегодня на акте в академии. Из всех наших духовных генералов, так исправно являвшихся в академию, когда там бывали обеды, не явился решительно никто, кроме вновь избранного члена — Саблера. Наконец-то его избрание после двухкратного провала — прошло. Объясняют это тем, что директор хозяйственного управления Ильинский проводит проект об увеличении пенсии по духовно-учебному ведомству, за что его придется выбрать в члены. Но прежде необходимо избрать Саблера, чтобы последний не затормозил дела. Значит, действуют купля и продажа... делается то, что выгодно. Десятилетний саблеровский режим сделал свое дело. Находятся в академической среде люди, послушные ему не за страх, но и за совесть... Когда читают о работах профессоров, то просто становится стыдно за академию; такая скудость, такое убожество. Ныне отличился в этом отношении ректор, который нашел нужным поместить о своей деятельности, как ректора, что он клал резолюции на делах которой-то экспедиции консистории, состоял цензором проповедей, председателем братства и т. п., какое это отношение имеет к академии?

21 февраля. — Саблер с Гавриловым уехали в Тифлис ревизовать семинарию. Спрашивают, почему поехали они, когда сейчас есть два ревизора свободных, да к тому же и семинария закрыта. Злые языки отвечают, что, во-первых, оба они получили до трех тысяч прогонов, во-вторых проведут среди прекраснейшей тифлисской природы несколько недель.

*) Так в подлиннике.

1 м а р т а. — Прочитал последнее творение Зинченко: «О судьбах русской народной школы», напечатанное без имени автора, цензора и типографии, точно какое подпольное издание. Да оно, впрочем, может быть таким названо и по существу, потому что автор писал не спокойное, объективное историческое исследование по известному вопросу, а грубый памфлет на то народное образование, которым заведует не духовенство, а министерство или земство. Для этого он обращался с историею и ее фактами, конечно, по произволу: берет только то, что ему нужно, и беззастенчиво отбрасывает другое, что ему противоречит. Конечная цель брошюры—взять все деньги—и министерские, и земские—в ведение чиновников православного ведомства и ожидать, что «чрез десять, много пятнадцать лет вся Россия будет грамотна». Как совершится это чудо, на какие средства откроют новые сотни тысяч школ, где возьмут потребных учителей и им жалованье, об этом не говорят, потому что такие вопросы автором считаются праздными, пустыми. Важно только, чтобы заполучить духовным чиновникам от министерских власть и деньги, — сказал мне однажды в разговоре Зинченко, — а как устроить все остальное, будем думать и рассуждать после. И это деятели, мечтающие о решении государственных вопросов первостепенной важности!

2 м а р т а. — До чего выдрессирована наша пресса! Обсуждается такой важный и сложный вопрос, как о передаче всех школ в ведение духовенства, и никто не смеет пикнуть словечка, как будто это в самом деле *) разных Шемякиных, Ванчуковых [9]), Зинченко и др. А ведь вопрос касается всего русского, многомиллионного государства! У нас кто-то очень удачно окрестил всю компанию, заведующую вопросами о церковно-приходских школах, т. е. Шемякина, Ванчукова, Соколова [10]), Игнатовича [11]) — именем бывших поставщиков армии: Грегер, Горвиц, Коган, Варшавский, Поляков. И действительно, между ними громаднейшее сходство в том отношении, что обе компании имеют в виду только одно — личную наживу на самых важных и необходимых предметах: одни на физическом питании, другие — на духовном. Но и те и другие ни капли не заботятся о доброкачественности поставляемого ими.

1 а п р е л я. — В смоленской семинарии обнаружились беспорядки. Пришлось ее закрыть по телеграфу. Послан расследовать причины, вызвавшие беспорядки, ревизор П. И. Нечаев. Из донесений видно, что воспитанники были крайне недовольны инспектором, а ректор как будто играет в двойную игру. К сожалению, и тот и другой не монахи.

---

*) Так в подлиннике.

6 апреля. — Возвратились тифлисские ревизоры. Передают много фактов, разоблачающих деятельность Палладия на Кавказе. У него была политика замалчивания. А между тем семинария от этой политики все более и более деморализовалась. Во времена инспекторства там знаменитого Исидора Колоколова бывали скандалы побольше последнего. Но при системе замалчивания и уступок требованиям семинаристов истории эти не разглашались, и все считалось благополучным. Находят также и теперешнего экзарха Владимира неважным администратором. Но чего же смотрели, когда выбирали и назначали? Да и где взять умных и опытных людей?

10 апреля. — Все говорят в городе и пишут в газетах о каком-то страннике Антонии, явившемся в Петербург босиком и в веригах. Это последнее создало для него ореол святости. Народ валит к нему тысячами и несет, конечно, всевозможные приношения — и большие, и малые. Такие явления повторяются ныне все чаще и чаще и составляют просто знамение времени. Относительно таких безобразных проявлений всяких ханжей и проходимцев и писания об них не принимается никаких ни полицейских, ни цензурных мер. Можно ожидать, что скоро их будут возводить в звание «синодальных странников», как есть теперь синодальные миссионеры. Удивительное право время!

14 апреля. — Выяснилось, что в смоленской семинарии главными причинами беспорядков были халатность и бестактность начальствующих. Возбуждение семинаристов росло давно, на это не обращали никакого внимания и продолжали действовать сегодня строго, а завтра уступали во всем воспитанникам. Но ведь эти условия не в одной смоленской семинарии. Нигде не воспитывают, а только заботятся о личной популярности и о том, чтобы выбраться поскорее и поблагополучнее на лучшее место, вообще сделать свою карьеру.

1 мая. — Весна ныне стоит удивительная. С марта началось тепло. В апреле была просто жара, так что распустились все деревья, даже липы. Сегодня в тени 16—17°. И главное погода все время стоит ровная, одинаковая, без всяких перемен, что для Петербурга чрезвычайная редкость. Говорят, что это город бесхарактерный и в климатическом и нравственном отношениях, что здесь так же легко меняются взгляды и убеждения, как и погода. Это совершенно справедливо. И жаль, что не бывает наоборот, т. е. в нравственном мире Петербурга никогда не устанавливается такой хорошей, теплой, ласкающей весны, какую мы пережили ныне, а всегда царит осень, холода, дождь!..

Декабрь. — Целых полгода не приходилось делать записей. К осени я так скверно почувствовал себя, что вынужден был в половине сентября все бросить и куда-нибудь ехать. Сперва решил, было, в Крым, а затем оказалось возможным поехать в Италию. Возвратившись

в Россию, пришлось встретить все то же серое холодное небо и тех же сереньких бездушных людей, которые ввиду нового царствования интересуются не тем, что нужно делать и что будут делать, а лишь одним: кто будет иметь в новое царствование выдающееся влияние на дела государственные... и как бы не опоздать забежать к этим людям. О деле же, нуждах и задачах никто и не думает и даже не говорит. Встретил также людей, которые очень много хлопочут о том, чтобы все оставалось status quo.

1895 ГОД.

Я н в а р ь. — Вот наступил и новый год, ожидали все новых назначений, разных перемен, но все разочаровались. Ничего не случилось, все по-старому. В нашем мире ежегодно к новому году возникают разговоры о назначении Победоносцева куда-нибудь. И как только заговорят об этом, то все с увлечением, с пеною у рта или говорят, что они наверное знают, что его преемником будет такой-то или такой-то, или же чуть не ночью приезжают спрашивать: да к т о ж е будет? Большинству петербуржцев, живущих впечатлениями, сплетнями, карьерою, урыванъем, важно знать, к т о будет во главе того или другого дела — ведомства и что из этого можно извлечь лично для себя каждому.

У нас все попрежнему. Митрополиты между собою бодаются. А чего? Конечно, разные страстишки тут действуют.

И ю л ь. — Случилась необычайная история. Победоносцев сделал доклад государю о том, кому угодно будет поручить совершить священное коронование: петербургскому митрополиту или старейшему? Конечно, государь должен был поручить последнему. Тогда обер-прокурор немедленно уведомил Палладия о состоявшемся высочайшем повелении, «прося его преосвященство о зависящих распоряжениях». Саблера в эти дни не было. Возвратившись в Петербург, он обнаружил удивительное и шумное несочувствие свое этому делу и выразил желание непременно исправить его. Для этой цели он велит Гаврилову сделать справку о том, кто всегда короновал государей. 22 июля, в табельный день, когда никого из служащих не было в архиве и в городе, Гаврилов с одним чиновником ломают дверь в архиве и наводят, якобы, нужные справки. Саблер объявляет, что дело спешное, требуется его немедленно представить государю для изменения несправедливого и вредного по своим последствиям распоряжения. Неизвестно, была ли представлена справка обер-прокурору, но чрез несколько дней Саблер начинает всем и каждому внушать секретно, что Константина Петровича ему никак не убедить в необходимости изменить это дело... Но Палладий в это время более всех ругал Саблера,

говоря, что сам Победоносцев и умный и добрый человек, но что он держит около себя советника — страшного интригана и даже более. Словом, митрополит почему-то считал виновником всей этой печальной истории Саблера. Быть может, он и прав...

Сентябрь. — Между московским и петербургским митрополитами идет страшная рознь, доходящая до невероятных размеров. Например, летом приезжали депутации в Петербург: абиссинская и болгарская. Был и армянский патриарх. В Петербурге им оказывали дружеский прием, единение и общение. В Москве не пустили в церкви. Мещерский в своем «Гражданине» высказал взгляд, что Сергий поступил, как должно истинному представителю православной церкви. Петербургский же начал рвать и метать. И вот недавно в заседании синода прямо обругал Сергия интриганом и буквально сказал: «Он меня называет еретиком за общение якобы с еретиками. А между тем он сам еретик. Если бы наши предки, прибывши в Константинополь, не были допущены в св. Софию и им не было бы показано все великолепие православного богослужения, то, быть может, мы теперь не были бы православными, а находились бы под властью папы или что-нибудь хуже». Притычкин радуется этому: divide et impera.

Декабрь.—Вот и еще год окончился. А что он принес нового? Смотря близко на наше церковное управление и главных двигателей-деятелей, убеждаешься, что решительно ничего не делается, да эти люди и неспособны что-либо сделать. Они сорок-пятьдесят лет как уже ничего не читают, не изучают, а пребывают в самомнении, что они все знают, все понимают, все могут... Это живые мумии, консервированные трупы, воображающие, что они могут и должны задерживать всякую жизнь, всякое новое движение, начинание, которых они совсем не понимают и отрицают потому лишь, что в их время этого не было. Отсюда вся их беспочвенность и инертность. Какая разница — как посмотришь — с католическими епископами. Если бы цели и задачи последних были чисты, то кто бы из мыслящих остался с нашим дерьмом, не умеющим ни говорить, ни делать, а только изрекать и сатрапствовать!..

1896 ГОД.

Январь. — Опять заговорили о реформе духовно-учебных заведений. Едва 10 лет прошло после иоанникиевской ломки учебных заведений, причем каждый год обильно сыпались дополняющие и разъясняющие циркуляры, а теперь опять ломка и, кажется, совсем капитальная. Да разве можно вести какое-нибудь дело, а не говоря уже учебное, — при таких анормальных условиях? Правду говорит Победоносцев, что если дать архиереям власть, то они все испортят.

Опять всплыла история с вопросом: кому совершать священное коронование? Состоялось, говорят, новое высочайшее повеление о том, чтобы короновал Палладий. Происхождение этого повеления объясняют так. Палладий будто бы проник с своим горем к Воронцову-Дашкову. Последний, не считая себя компетентным в решении такого вопроса, обратился к И. Л. Янышеву [12]). Этот высказал, что нарушение иерархического старшинства, не имея за собою никакого основания, кроме произвола Литейной, поведет, несомненно, к дурным последствиям. Все иерархи увидят, что молодой государь даже и в подобных вопросах находится под опекою обер-прокурора. Далее пойдет среди них иерархическое безначалие на соблазн мирянам, и, — наконец, — это убьет Палладия. Все это будто бы Янышев передал и государю. Последний, говорят, сообщил Победоносцеву о своем желании, чтобы короновал Палладий. По получении этого повеления, говорят, на Литейной были поражены, как громом. Вот чем у нас больше всего занимаются отцы и столпы церкви!

Ф е в р а л ь. — Иоанникий настоял, чтобы образован был комитет по вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений. Собственно весь комитет будет состоять из него и московского митрополита, «с которым мы единомысленны», — сказал он, и затем из вечного Притычкина, который всюду считает своим долгом приткнуться. Впрочем Иоанникий оставил за собою право приглашать по мере надобности и других лиц, присутствие которых он сочтет полезным. Приглашены: новгородский, финляндский епископы и Парвов [13]). Делопроизводителем — Гаврилов. Последний пока скрывает, что у них происходит. Говорит только, что болтают всякого вздору много, а он после составляет протоколы, которыми остается и сам очень доволен и все члены. Хороша комиссия! А петербургский митрополит с московским и киевским грызутся постоянно в заседаниях синода. Притычкин же благодаря этому делает свои дела...

М а р т. — Сущность всех стремлений по преобразованию духовно-учебных заведений состоит в следующем: 1) ограничение числа воспитанников семинарии применительно к нуждам епархии; 2) устройство везде общежитий; 3) сокращение программ по «светским предметам»; 4) расширение программ по церковным предметам; 5) чтобы все преподаватели церковных предметов были священники; 6) чтобы занять их богослужением, обязательно ввести ежедневное в семинариях богослужение, которое все воспитанники богословских классов должны обязательно посещать...

А п р е л ь. — Дело о коронации выяснилось. Состоялось высочайшее повеление о том, чтобы короновал Палладий. Последний, конечно, торжествует, а Притычкин виляет, показывает вид, что он

очень рад этому, ибо вся эта затея была будто бы устроена Победоносцевым без его ведома, во время отсутствия Саблера. О, слепой, грошевый дипломат! Кого он хочет обмануть этим? Все теперь замерло в ожидании коронационных милостей, о которых только и говорят все...

М а й. — В Москве все совершилось благополучно, кроме Ходынки! Страшное впечатление от этого кровавого события должно было омрачить торжество, но вместе с этим и указать, как невыгодно для дела, если два высших представителя власти не ладят между собою. Вся эта история, говорят, произошла потому, что генерал-губернатор и министр двора не поладили между собою или точнее, не поделили между собою власти. Один говорил: я хозяин Москвы и все должны мне подчиняться. А другой: я уполномоченный царя и все должны мне содействовать.

И ю н ь. — Что-то выделывают странное с Палладием. Всю зиму он воевал с Притычкиным. Около нового года все настойчиво говорили, что последний будто бы назначается министром народного просвещения. Кажется, этот слух имел некоторое основание в том, что Делянов был очень болен и мог так или иначе сойти со сцены. Победоносцеву необходимо было обеспечить нейтралитет министерства народного просвещения по отношению к церковно-приходским школам. Саблер же, вероятно, пользуясь этим положением вещей, стремился при помощи Победоносцева проскочить к своей конечной цели — какому-нибудь министерству. Но, говорят, Аничков, оберегая себя, уговорил Делянова не оставлять своего поста, и дело осталось попрежнему. Во время этих слухов Палладий будто бы высказывал разным высокопоставленным лицам свою радость, что духовное ведомство избавляется от гнетущего его взяточника. Слухи эти так настойчиво циркулировали по городу, что сделались легко известными Саблеру и Победоносцеву. Последний, по словам Даманского, был в посту у Палладия и поставил ему вопрос так: митрополит распространяет скверные слухи о сенаторе — товарище обер-прокурора. На обязанности последнего лежит доложить об этом государю и просить его указаний относительно дальнейшего. Желает ли этого митрополит? Последний струсил и стал винить Саблера сперва в том, что он забрал в свои руки все синодские дела. На это Победоносцев ему ответил, что если бы не Саблер, то ведь некому было бы и заниматься. Тогда Палладий попробовал сказать, что Саблер постоянно интригует против него, например, в вопросе о короновании. На это Победоносцев будто бы ответил, что его величество и теперь недоволен, что переменил свое первоначальное намерение поручить коронование киевскому митрополиту.

И ю н ь *). — Чем окончился этот разговор, конечно, никому неизвестно. Но должно полагать, что Палладий понял несколько, что ему не позволят безнаказанно поносить и злословить Саблера, и, кажется, утих. Впрочем, его не оставляют в покое: каждый его бестактный шаг по синоду ли, по епархии ли стараются выставить напоказ. Например, много шума наделало погребение кн. Волконской. Последняя, как известно, несколько лет тому назад перешла в католичество, что и не скрывала. Пред смертью она была напутствована ксендзом. Но хоронить ее хотели по-православному. Наши священники за гроши готовы отпеть хоть еврея. Началось служение панихид. Объявлено было в газетах и погребение в православной церкви. Митрополит, хотя и был предупрежден об ее католичестве, тем не менее дал разрешение на это отпевание. Тогда Литейная, оскорбленная, что ее предупреждения игнорируются, заволновалась не на шутку. Саблер объездил киевского и московского митрополитов и уговорил их написать Палладию письмо, где братски посоветовать ему не заводить на всю Россию скандала. Палладий смутился. Волконскую отпевали в католической церкви, но тщеславие Палладия не могло перенести такого факта, и он в выражениях о митрополитах не стеснялся... Однако и ему эти волнения даром не прошли. За ним начали наблюдать некоторые ненормальные проявления. То он забывает, то смешивает, то прямо говорит бессмыслицу. Очень заметно это выразилось во время крещения в. кн. Татьяны. Он присутствовал во дворце и служил обедню, путая все от начала до конца. Говорят, не во время поднес государю 4 иконы, не причастил новокрещенной, не кадил государыне и мн. др. подобных вещей обнаружили, так что Елена Владимировна [14]) назвала его своему законоучителю «рамольным». Да он и действительно таков. Больше всех от него достается Саблеру, которого он всем и каждому ругает, называя мошенником, вором, взяточником.

И ю л ь. — Несмотря на все ругательства, которыми Палладий так обильно сыплет на Саблера, последний постоянно начал опять ездить к митрополиту. Некоторые говорят, что Притычкин хочет поскорее его сплавить и потому изучает состояние Палладия и те обстоятельства, которые могут особенно его волновать. Это для того, чтобы в каждый момент можно было довести Палладия до бешенства. О, люди, о, нравы!! Притычкин обделывает теперь дело относительно проведения Антония Храповицкого в архиереи, для чего «сбегал на один день в Казань» — как выразился в своей речи архиепископ казанский Владимир при открытии миссионерского съезда в Казани. Арсений рижский сунулся, было, к Саблеру с ходатайством за Антония Хра-

*) Так в подлиннике.

повицкого, но Притычкин ему ответил, что выбор архиерея есть дело синода. Это значит хвостом следы заметать...

И ю л ь *). — Был недавно у преосвященного Антония финляндского и беседовал с ним по поводу его заграничной поездки. Поездка эта состоялась помимо и против желания Победоносцева. У последнего я был в самом конце мая и нарочно заговорил с ним по этому поводу. Он прямо высказался против поездки. А поводом к этому разговору послужили найденные мною в бумагах Филарета московского, хранящихся в архиве, письма протоиерея Васильева к обер-прокурору из Англии, где в 60-х годах было сильное движение в пользу единения. Впечатления Антония о нашем заграничном духовенстве не в пользу сего последнего. Да оно так и должно быть. В Англии о. Смирнов, а в Париже о. Васильев более годились бы в биржевые маклера или комиссионеры по секретным выгодным делам. А ведь первого Саблер превозносит и выхлопотал ему за мерзкие статьи о старокатоличестве против Янышева 2 000 рублей аренды! Говорил, что явилась мысль у берлинского посла Остен-Сакена хлопотать об отдельном заграничном архиерее, который бы объединял все заграничное православное духовенство в известном направлении; знакомил бы при помощи литературы заграницу с православием и был бы компетентным судьею в синоде по заграничным вопросам. Мысль хорошая. Но осуществить ее, за отсутствием подходящих кандидатов, трудновато. Саблер сейчас поставит какого-нибудь своего прихвостня.

А в г у с т. — На казанском съезде противораскольнических и сектантских деятелей договорились до чепухи. Выступил, между прочим, рязанский епископ Мелетий с проектом отбирать у раскольников и сектантов их детей и воспитывать последних в монастырях. Известие об этом проникло за границу, которая гораздо больше интересуется делом съезда, чем наша русская печать, не пославшая ни одного корреспондента.

Говорят, что Палладий едет в Крым. Как бы его не спустили совсем при этом случае! Антонию Храповицкому назначили хиротонию в Петербурге, так это утверждено и государем. Потом, по каким-то соображениям, выскоблили Петербург на Казань, и туда назначили нескольких архиереев для хиротонии его. Вот возятся-то с человеком, из которого едва ли когда выйдет что-нибудь путное! Самолюбивый, гордый, самомнящий, резкий, гоняющийся за дешевою популярностью, никогда ничем серьезно не занимавшийся. Вот его абрис в настоящем.

С е н т я б р ь. — Палладий уехал в Крым. Говорят, что этим отъездом воспользуются для того, чтобы создать где следует почву для

*) Так в подлиннике.

его удаления. Вопрос только в формуле удаления. На Литейной не стесняясь говорят, что такого митрополита нельзя оставлять. Да это и правда. Он, может быть, в душе и добрый человек, но слишком слаб головою и волею. К тому же и нравственных правил не держится твердо. Ему ничего не стоит сегодня пообещать, а завтра отступиться от обещания. Сегодня он будет говорить, что это дело правое, а завтра отказывается. Вот какого выбрал кормчего для русской церкви г. Притычкин! Митрополитов выбирает не синод, а обер-прокурор. Пускай бы синод избирал закрытыми записками. Ведь это не простые епархиальные властелины, а магнаты церковные, от которых все зависит. А ведь почему назначили? Да думали, что ограниченный человек будет послушным в их руках. А забыли, что с умным легче вести дело, чем с глупым, да еще гордым и самомнящим!

О к т я б р ь. — А Палладий-то, не будь прост, сообразил, что его хотят сплавить, и вместо двух месяцев, на которые он уехал, вернулся в Петербург ранее, чем чрез месяц. Теперь усердно посещает заседания синода и служит, желая показать этим, что он совсем здоров. Ну и господь с ним! И Литейная теперь притихла. Вот что-то в Киевской академии неладно. Говорят, что студенты взволновались. Причина будто бы в том, что инспектор требования большие предъявляет. Были исключены из академии за что-то два студента. Их приняли в Казани. Студенты заявили, что, следовательно, они были уволены беспричинно. Пошли волнения. Уехал туда Саблер. Вот уж может кто уладить всякое дело! Впрочем, с внешней стороны, он мастер улаживать всякие дела. А вся беда в том, что совершенно нет никакой системы воспитания ни в семинариях, ни в академиях. Все основано на принципе: après nous le déluge. Всякий ректор и инспектор — монахи думают только об одном: мы здесь на постоялом дворе. Как бы нам, отдохнув здесь и запасясь силами, благополучно выбраться в дальнейший путь. Поэтому, чтобы не раздражать и не возбуждать воспитанников, дозволяется и прикрывается все. Между тем, если попадет человек с характером, сейчас пойдут недоразумения, столкновения и волнения.

Д е к а б р ь. — Нового ничего. Про Палладия всюду распущены слухи, что он невменяем, особенно с полудня. Частью это и верно. Неверно только то, что будто бы это сделалось с ним только теперь. Вероятно, он всегда был одинаков, только прежде ему негде и не над кем было проявлять свое сумасбродство. К тому же он и боялся так проявлять себя. Известно, что все они аскеты в миниатюре. Теперь же ему стесняться нечего и некого. Вот он и распоясался. Отец Г. Ив. Титов [15]) передавал мне, что недавно за завтраком великий князь передавал ему о невменяемости Палладия, о чем знает и государь. Значит,

все подготовлено. Ждут только случая удобного. Из Киева же прямо идут вести, что Иоанникий переводится в Петербург. Поздно. Едва ли он на это согласится сам. Получать теперь из милости то, на что он имел все права после смерти Исидора! И все люди хитрят!

Бросая в конце года взгляд на прошлое, опять ничего нельзя сказать отрадного. Победоносцев видимо стареет, постоянно жалуется и кряхтит. Всем орудует Саблер. А при этом человеке много суеты для всех служащих, но не дела. Сегодня хватаются за одно, завтра переходят к другому, а послезавтра все забывают, потому что едут за тысячи верст на освящение церкви, придела, иконы... Общего направления тоже нет. Сегодня про известное лицо говорят, что оно прекрасно поступает, а завтра, слыша его имя, хмурятся... Сегодня разносят кого-нибудь, а завтра, смотришь, жалеют и поощряют. Ничего не поймешь. Да и едва ли кто-нибудь что-нибудь понимает. Иерархи же совсем измельчали. Ссорятся между собой, завидуют, превозносятся, искательствуют...

1898 ГОД.

Я н в а р ь. — Сергий московский очень болен. Нет надежды на поправление. Саблер, говорят и даже пишут, постоянно там. И чего он торчит? Идут уже толки, кто будет на его место. А как подумаешь, мало, даже более чем мало, есть лиц, на которых бы можно было с упованием остановиться. Новгородский, конечно, мечтает. Недавно я был у него. Зашла речь о болезни Сергия. Говорит, что он его не видал и ничего не знает. И в то же время прибавляет: «Сказывают, что ноги и руки уже опухли. Так было с преосвященным Саввою тверским. Тот проболел три месяца. А Сергий заболел в декабре. Значит, далее февраля-марта не проживет». Вот и выдал себя, что уже дни считает... а того не разумеет, что он меньше всех имеет шансов. И непредставителен, и неглубоко плавает, его называют тарантою. Но как человек ограниченный — упрям и упорен.

Ф е в р а л ь. — Митрополит Сергий скончался. Саблер, как писали газеты, находился все последнее время при нем б е з о т л у ч н о. Чего ради? На прошлой неделе мне говорили, что он привез в синодское казначейство 125 тысяч денег, сказав, что эти деньги московского митрополита. Странно, что он опрометчиво поступает в таком деликатном вопросе.

В последнее заседание пред масляницей в заседании синода произошел инцидент (чтобы не сказать прямо — скандал). Докладывали бракоразводные дела. Доложили уже благополучно три-четыре дела, из которых первое было по волынской епархии. Докладывают по минской. Вдруг Палладий говорит докладчику: «Что вы нам глупости до-

кладываете, дело совсем не так». Удивленный докладчик продолжает говорить, заметив, что он передает только те обстоятельства, которые есть в деле. Тогда Палладий с раздражением замечает, что Саблер с Модестом [16]) (епархиальный архиерей) сговорились это дело представить в известном виде, и вот докладчик исполняет приказание Саблера. Последний вскакивает с своего места, как ужаленный, подбегает к столу заседания бледный, трясущийся и к ужасу членов начинает резко, взволнованно говорить: «Владыко, здесь нет Саблера, нет Модеста, а есть только товарищ обер-прокурора и дело бракоразводное по минской епархии». Все думали и боялись, что Палладий ответит на это своею обычною бранью Саблера, и тогда наступит для него финал. Но, к удивлению, он не сказал ни слова. Тем дело и окончилось. Но весть об этом быстро разлетелась, и все говорят: хорош товарищ обер-прокурора, о котором так говорит в заседании синода первенствующий член! Теперь Палладий уже говорит, что Саблер обобрал московского митрополита.

Февраль. — А чудное это дело — наследство московского митрополита, простирающееся до полумиллиона. И зачем Саблер в него впутался? Судят, рядят, сплетничают на все лады. В семье Саблера, как слышно, все взволнованы этими слухами. Особенно мать его. Ругают в семье — сыновья и мать — Победоносцева, который «сам ничего не делает, все взвалил на Володю и ничего не хочет сделать для последнего». Ясное недовольство за то, что не провел Саблера в министры народного просвещения. А как этому рады все серьезно мыслящие люди, как благодарны! Чего было бы ждать для русского просвещения от человека, который не имеет ни убеждений, ни взглядов, ни правил, а действует всегда по впечатлению?.. Если теперь есть охотники производить на него приятное впечатление и на этой почве обделывать свои дела, то что же было бы, когда его назначили бы министром? Слава богу, что этого не случилось, и желательно, чтобы не было впредь.

Март. — Палладий очень плох. 26 февраля и 1 марта чудил в крепости во время служения панихид порядочно. Для всех стало очевидно, что он бывает по временам невменяем. Недавно было наречение архимандрита Никона софийского в епископа вольского, и он по книге не мог прочесть ектению. Пропустил государя и государыню, перевирал слова, искажал смысл... Хорош первоиерарх русской церкви! Кажется, назначившие такого должны были бы сгореть со стыда. Но назначения по собственному их изволению — людей для них угодных — все продолжаются. Этот пример ничему не научил Литейную. Победоносцев считает себя непогрешимым, а Саблер искусно его направляет в ту сторону, в какую ему выгодно и желательно.

А п р е л ь. — Много шума наделала ныне история присуждения Макарьевских премий [17]). На конкурс явился Т. Барсов с своим «Св. синод в его прошлом». С самого же начала он поставил дело так, что видно было непременное его намерение получить премию. Сочинение его послали читать сперва М. Ив. Горчакову [18]). Тимофей сейчас поехал к нему. Понятно, что Горчаков после этого отказался, мотивируя свой отказ тем, что он читает то же сочинение для Академии наук. Тогда определили послать сочинение к А. Ст. Павлову в Москву. Но Барсов, узнав об этом и хорошо зная, что Павлов разберет его по косточкам, бросился к обер-прокурору с просьбою передать сочинение в Казань проф. Знаменскому [19]). Победоносцев согласился. Переделали постановление и послали. Тогда Барсов, не будучи знаком с Знаменским, входит, тем не менее, с ним в переписку и инструктирует его относительно отзыва. Наконец, последний получается удовлетворительным. Но так как было 28 сочинений, из которых многие признаны были удовлетворительными, то Барсов начинает наседать на председателя комитета протоиерея Смирнова, пугая его тем, что если только комитет откажет ему, то он будет искать защиты у своего покровителя — киевского митрополита Иоанникия. Смирнов, дорожащий более своими отношениями к известным лицам, чем интересами дела, начинает влиять на комитет в том смысле, чтобы присудить премию Барсову. Мотив тот, что другие достойные премии конкуренты — неизвестны, а Барсов — свой человек! Спорят два заседания, наконец, присуждают. Представили все дело обер-прокурору. Последний, утвердив и подписав предложение синоду, заметил, что он не согласен лично с таким распределением. Комитет присуждает премию Барсову, а отказывает Гильтебрандту [20]) — труженику сравнительно с первым. Тогда Смирнов предлагает комитету вновь пересмотреть все дело о премиях. Решили: отказать Барсову и дать Гильтебрандту. При этом условились не выдавать тайны. Но протоиерей Образцов предупредил Барсова, и последний полетел по всем членам синода с жалобою и младшим сообщал, что за него будет киевский. Так и вышло. Когда доложили, то киевский стал говорить за Барсова. Остальные поддержали, и Барсов получил премию за счет другого! Все это он, не стесняясь, сам рассказывал мне!

В мае и июне только и было толков, что о болезни Палладия, очевидно, страдающего каким-то мозговым недугом. По временам он как бы нормален, говорит и делает, как следует, а по временам высказывает невозможные вещи. Все заняты, что предпримут с этим на Литейной. О. Титов, протоиерей церкви в. к. Михаила Николаевича, говорил мне, что, по словам великого князя, сам государь не знает, что с ним делать. Палладий же обнаруживает невозможные вещи. Так, недавно он уволил

всех начальствующих лиц в лавре за то, что они не хотели выдать ему каких-то денег. Вероятно, денежный вопрос у него явился под влиянием детей, которые, предвидя скорый конец, торопятся понажиться. Едва это дело уладилось, и то уже благодаря вмешательству Победоносцева.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) 23 июля 1893 г. состоялось определение синода (№ 1964), формулированное так: «Инспектора С.-Петербургской духовной академии архимандрита Исидора уволить от занимаемой им должности и послать в распоряжение преосвященного ставропольского, коему поручить назначить архимандрита Исидора, ввиду выказанной им способности к миссионерской деятельности, к исполнению обязанностей миссионера по епархии, с вознаграждением его за сей труд из епархиальных средств в таком размере, который бы обеспечивал его безбедное существование». Инспектором Петербургской академии тогда же назначили экстраординарного профессора академии доктора церк. истории Н. В. Покровского (ЛОЦИА, дело канц. синода, 1893 г. № 420).

[2]) Ловягин, Евг. Ив., засл. орд. проф. СПБ дух. ак. по кафедре греческого яз. и словесности.

[3]) Барсов, Тимоф. Вас., заслуж. орд. проф. СПБ дух. ак., в должности обер-секретаря III отд. канцелярии синода с 1879 г.

[4]) Шемякин, Вас. Ив., чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода с 1886 г.; член учебного комитета министерства нар. просвещения.

[5]) Введенский, Алекс. Ив., доцент Московской дух. ак. по кафедре метафизики.

[6]) Анастасий (Алекс. Мих. Добрадин), еп. воронежский с 1890 г.

[7]) Герман (Алдр. Осецкий), еп. кавказский с 1872 г.; уволен от управления епархией в 1886 г. и назначен управляющим московским Донским ставропигиальным монастырем.

[8]) Беспорядки в тифлисской духовной семинарии имели место в конце ноября — начале декабря 1893 г. Воспитанники семинарии не явились на годичный семинарский акт, не приняли благословения у экзарха в день акта, за городом устроили сходку и вынесли ряд постановлений: потребовали увольнения отдельных лиц из начальства и воспитателей, настаивали на расширении занятий грузинскими языком и литературой, жаловались на уничтожение в семинарской церкви церковно-грузинского пения и вообще на оскорбление их национальных чувств, протестовали против мелочной формальной дисциплины, их угнетавшей, против запрещения читать газеты и светские книги (запрещался, например, Достоевский). «Если, — говорили ученики в своей петиции, — учебное заведение не дает правильного развития, то лучше оставить его и вместо того начать пахать землю». Прекратив с начала декабря занятия, ученики не подчинялись увещеваниям ни своего начальства, ни экзарха. Семинария была закрыта; часть учеников, получив прогонные деньги, разъехалась по домам, упорствовавшие были выдворены через полицию.

Начальство происхождение беспорядков объяснило «искусственным внешним посторонним влиянием». «По моему искреннему убеждению, — писал ректор, — возмутительное происшествие 1—4 декабря представляет незаконно и гру-

бо выраженный от лица грузино-имеретинской партии протест против общих учебно-воспитательных правил святейшего всероссийского синода и напрасное стремление грузино-имеретинских сепаратистов создать в семинарии уголок грузинских привилегий и вольностей, несомненно вредных для русских интересов вообще и для грузинской церкви в частности».

Ректор просил синод: «В интересах личной безопасности начальства и преподавателей тифлисской духовной семинарии, было бы весьма желательно, чтобы приговор по делу о беспорядках был произнесен высшим духовным начальством». Определением синода 19 января 1894 г. 87 воспитанников тифлисской семинарии были немедленно исключены без права поступления в другие семинарии и отданы под надзор полиции; 69 воспитанникам, не принимавшим никакого участия в беспорядках, позволено поступить в те же классы других семинарий, но принципиально было решено не давать им доступа в духовные академии (канцелярия синода, дело № 649, 1893 г.).

[9]) Ванчуков, Аф. Мих., член училищного совета с 1891 г. и учебного комитета при синоде.

[10]) Соколов, Ив. Ив. ст.-секретарь канцелярии синода с 1887 г. член училищного совета.

[11]) Игнатович, П. И., член училищного совета при синоде.

[12]) Янышев, Иоанн. Леонт., протопресвитер придворных соборов Зимнего дворца и московского Благовещенского.

[13]) Парвов, Алекс. Ив., прот., председатель учебного комитета при синоде.

[14]) Елена Влад., вел. княжна.

[15]) Титов, Георгий Ив., прот. дворцовой церкви вел. кн. Михаила Николаевича.

[16]) Модест (Даниил Стрельбицкий), архиепископ волынский с 1892 г.

[17]) Архиепископ харьковский и ахтырский Макарий, впоследствии митрополит московский, автор ряда сочинений по истории церкви и богословию (умер в 1882 г.), пожертвовал собранный им от издания его сочинений капитал в 120 000 р. для выдачи премий на проценты с основного капитала. Один год премии выдавались за богословские сочинения, и проценты отпускались в распоряжение синода, другой год — за светские сочинения, и распорядителем в распределении премий была Академия наук (П. С. З., № 44425).

[18]) Горчаков, Мих. Ив., прот. церкви при Мариинском институте; проф. СПБ университета по кафедре церковного права.

[19]) Знаменский, Петр Вас., орд. проф. Казанской дух. академии по кафедре истории русской церкви.

[20]) Гильтебрандт, Петр Андр., член общего присутствия хозяйственного управления при синоде, справщик СПБ синодальной типографии с 1884 г.; член и правитель дел Археографической комиссии.

Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II.

(Апрель—ноябрь 1879 г.)

4 августа 1878 г. С. М. Кравчинским был убит главный начальник III отделения и шеф жандармов ген.-ад. Н. В. Мезенцов. Пост главного вождя борьбы против революционного движения оставался незамещенным до 15 сентября 1878 г., когда место Мезенцова занял ген.-ад. А. Р. Дрентельн. До своего назначения Дрентельн командовал войсками Киевского военного округа (с 1872 г.). а в русско-турецкую войну был начальником военных сообщений действующей армии, а затем командующим войсками действующей армии. Здесь он обратил на себя внимание как главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича, так и самого царя. В сентябре 1878 г. царь, будучи в Крыму, вызвал Дрентельна из Бухареста и предложил ему должность шефа жандармов и главного начальника III отделения собств. е. в. канцелярии. Дрентельн попробовал отказаться, ссылаясь на свою неподготовленность к борьбе с «крамолой». «Давно тебя знаю, — возразил царь, — и уверен, что ты с этим делом справишься. Вспомни, в какой хорошей школе ты был у гр. Муравьева, который тебя ценил и любил». Надо сказать, что Дрентельн в 1863 г. командовал войсками, расположенными в Виленской губернии и участвовавшими в подавлении «мятежа» в Северо-западном крае. Эта его деятельность нашла высокую оценку у знаменитого М. Н. Муравьева-Вешателя.

13 октября 1878 г. Дрентельн прибыл в Петербург и стал верховным руководителем в борьбе с революционным движением. Успеха в этой борьбе он не имел. Как раз при нем высших успехов в борьбе с правительством достигли революционеры; как раз при нем активно выступила организация «Земля и воля», при нем создалась партия «Народной воли», которая начала наносить сокрушительные удары русскому самодержавию. На Воронежском съезде революционной партией был решен беспощадный поход на верховного носителя власти, Александра II. За время управления Дрентельном III отделением последовал ряд известных покушений на Александра II, начиная с неудачного выстрела Соловьева 2 апреля 1879 г. На самого Дрентельна 13 марта было совершено смехотворное покушение Мирским.

Печатаемые ниже доклады Дрентельна Александру II охватывают период времени с начала апреля по середину ноября 1879 г. 2 апреля Соловьев стрелял в Александра II; через несколько дней Александр II выехал из Петербурга на юг и за границу, а 22 ноября вернулся в Петербург, избежав смерти от взрыва полотна железной до-

роги под Курском 19 ноября. Дрентельн посылал царю доклады, в которых с полнейшей откровенностью сообщал ему обо всех событиях в области революционного движения и обо всех своих намерениях и планах борьбы. Александр II читал эти доклады, делая на них пометки, в которых откровенно делился своими мнениями с главным своим охранителем. Они были искренни между собой, царь и шеф жандармов: они вели борьбу не столько за государственные идеи, сколько за свою личную жизнь и безопасность. Их объединял лозунг, набросанный самим царем на полях одного доклада: «Да, необходимо нам держать ухо остро». Царь не доверял исполнительной полиции; не раз выражал он сомнение в том, что полиции удастся то или иное действие; часто он требовал повторных, более подробных донесений, проверки сведений и иногда утешал сбившегося с ног шефа жандармов: «Авось, доберемся, наконец, до самой типографии».

Печатаемые нами доклады дают немало важных и значительных подробностей к истории революционного движения, неизвестных из других источников.

К докладам Дрентельна прилагаем письмо его к управляющему III отделением Н. К. Шмидту с подробностями о взрыве на Курской железной дороге.

Текст публикуемых докладов А. Р. Дрентельна сообщил П. Е. Щеголев.

1.

Осмеливаюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что все полученные до сего времени сведения указывают совершенно противное, т. е., что буйство толпы в Ростове на Дону лишено всякого политического характера [1]). Несмотря на это лично я *) сохраняю глубокое убеждение в том, что беспримерный беспорядок в Ростове был следствием подстрекательства злоумышленников, ловко воспользовавшихся случаем возбудить пьяную толпу и столь же ловко успевших скрыться, когда беспорядок был подавлен и началось расследование.

Генерал-адъютант Дрентельн **).

2.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. По показанию преступника, его зовут Александр Константинович

*) Набранное разрядкой здесь и далее в настоящей публикации подчеркнуто в подлиннике Александром II. На поле против подчеркнутого здесь текста рукой Александра II написано: «И я тоже». Все пометы на полях сделаны его же рукой.

**) Рукой Дрентельна в конце рапорта написано: «Министр внутренних дел меня выдал головою. Я на основании его слов и рапорта Косиковского донес государю совсем в другом смысле, чем настоящее заявление».

Соловьев [2]), сын бывшего нарядчика при конторе двора его высочества наследника цесаревича. Получил образование в 3-й классической гимназии; в университете пробыл два года и затем был семь лет учителем в торопецком уездном училище. В Петербурге находится с декабря прошлого года и проживал у отца *) на Каменном острове [3]). Здоровье его находится теперь в удовлетворительном положении [4]), и он будет перевезен сегодня вечером в крепость.

Генерал-адъютант Дрентельн **).

3.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В ночь со 2-го на 3-е апреля был арестован присяжный поверенный Дмитрий Стасов, проживающий по Малой Морской в доме под № 8-м. Он арестован вследствие агентурных сведений.

На другой день арестован брат его, отставной коллежский асессор Александр ***), потому только, что по наблюдению стало известно, что к нему были перенесены бумаги от арестованного брата Дмитрия ****). С означенным Александром Стасовым проживают на одной квартире по Сергиевской № 77 два другие брата: состоящий во 2-м отделении собственной вашего императорского величества канцелярии действительный статский советник Владимир Стасов и адъютант Зимнего дворца полковник Василий Стасов.

Генерал-адъютант Дрентельн.

4.

Коллежский асессор Александр Васильев Стасов до отставки служил в департаменте мануфактур и торговли. Забранные при обыске его квартиры книги и бумаги еще окончательно не разобраны *****).

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Найден ли он и признал ли он преступника своим сыном?»

**) В конце рапорта карандашом написано рукой Дрентельна: «Если Фургов здесь, то не может ли он дать ответ на сделанный государем вопрос на поле?»

***) На поле помета: «Где он служил?»

****) На поле помета: «Подтвердилось ли это?»

*****) На поле помета: «О последствиях донести».

5.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в течение последних двух дней в городе ничего особенного не произошло. Следствие, производимое сенатором Леонтьевым [5]), идет тем же порядком, и преступник продолжает упорно молчать по предмету участия других лиц в совершенном им преступлении. Вчера я получил телеграмму от начальника самарского жандармского управления, подтверждающую предположение министра юстиции о тождестве Соловьева с разыскиваемым волостным писарем Лебединовым.

Статс-секретарь Набоков [6]) предполагает командировать в Самарскую губернию прокурора и особого следователя для проверки преступной деятельности Соловьева в той местности [7]). Жена преступника [8]) оказалась проживающею в Торопце и будет доставлена сюда.

На Вишерской станции Николаевской железной дороги за два часа до проезда вашего императорского величества случилось загадочное происшествие: какой-то молодой человек, рано утром приехавший из Петербурга, застрелился в одном из садиков, принадлежащих к станции. В кармане самоубийцы найден был паспорт на имя ржевского мещанина, несомненно подложный, так как означенные в паспорте приметы не подходили к личности самоубийцы, и на этом паспорте карандашом было написано, чтобы никого не винили в его смерти. Надпись эта, повидимому, была сделана далеко заблаговременно, ибо успела по сгибам стереться. Четыре крестьянина, приехавшие с неизвестным юношей в одном поезде из Петербурга*) и пившие с ним за одним столом чай в трактире около Вишерской станции, показали, что молодой человек заводил с ними разговор о притеснении простого народа, но они, предполагая в нем агента полиции, от разговора с ним уклонились. Повидимому, показание их должно быть совершенно искренно. Дознание перенесено в Петербург, и, может быть, по платью и по некоторым вещам, найденным на самоубийце, получится возможность разъяснить его личность.

Генерал-адъютант Дрентельн.

6.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: в городе в эти дни все, повидимому, спокойно, и особенного движения незаметно, кроме выезда из Петербурга значительного числа про-

*) На поле помета: «Это не совершенно согласуется с первыми сведениями».

стого народа *). Вследствие неисправности паспортов я нашел необходимым сообщить об этой эмиграции начальникам жандармских управлений, а также просить министра внутренних дел об усилении в губерниях надзора за прибывающими из мест, поставленных в исключительное положение **).

Несчастие, поразившее Оренбург, дало повод к различным толкам, но полученные до сих пор сведения не дают еще основания относить причину пожара к злому умыслу. Страшное распространение бедствия следует приписать поднявшемуся урагану.

Дознание, производимое в Ростове, до сих пор не обнаружило участия социально-революционной партии, и местное начальство объясняет смуты разнузданностью праздничного разгула.

Вашему величеству было доложено о загадочном происшествии, случившемся в Орловской губернии незадолго до вашего проезда: три молодых человека из Одессы, пробираясь, по их показанию, в Сибирь, наняли лодку, будто для того, чтобы спуститься по Оке до Нижнего, убили обоих лодочников и были арестованы. В убийстве они уличены и сознались, но о цели своего путешествия объяснения не дали, хоть один из них и сознался в принадлежности всех трех к социально-революционной партии. Фамилии их еще не проверены и до сих пор в дознаниях не встречались.

Сенатор Леонтьев нашел правильным привлечь доктора Веймара [9]) к производимому предварительному следствию в качестве обвиняемого.

Генерал-адъютант Гурко [10]) отверг кассационную жалобу Дубровина [11]). Исполнение приговора предполагается завтра ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

7.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что после донесения моего от 21 апреля ничего особенного не произошло. Личность молодого человека, застрелившегося на Вишерской станции, до сих пор еще не выяснена, хотя и сделалось известным, что найденный на самоубийце паспорт принадлежит какому-то лакею, который не разыскан.

---

*) На поле помета: «Весьма вероятно, что в том числе и скрывающиеся революционеры».

**) На поле помета: «Это необходимо».

***) На поле помета: «Где и как? Прошу впредь уведомлять о сем положительно, и *в важных случаях по телеграфу*».

Соловьев продолжает упорствовать в своем первом показании, что у него пособников не было; Богдановичи [12]), муж и жена, отговариваются незнанием *). Теперь вытребована из Торопца жена Соловьева, урожденная Челищева.

По донесению начальника псковского жандармского управления, Соловьева **) уже выехала и находится в дороге. Разыскиваются также отставной поручик Вульферт [13]), участник старого торопецкого дела, и Севастьянов [14]), по поручению которого будто бы Веймар купил револьвер.

Записка отставного генерал-майора Фадеева [15]) передана мною, согласно повелению вашего величества, статс-секретарю Валуеву [16]). Записка эта, по моему крайнему разумению, носит на себе ту же печать, как и все ей подобные: она очень красноречиво и убедительно указывает слабые стороны нашего положения: но как только доходит до способа помочь горю, кроме общих мест ничего в ней не оказывается ***).

Государственный канцлер [17]) сообщил мне ноту австро-венгерского посла, в которой он, по поручению своего правительства, просит разрешения агентам судебного ведомства, производящим следствие по делам социально-революционного характера в Галиции, ознакомиться в Варшаве с делами подобного же рода, так как между теми и другими видима несомненная связь.

Граф Коцебу [18]) не встречает препятствий к исполнению ходатайства австро-венгерского правительства. Остается получить согласие министра юстиции. Смею думать, что означенное предложение представляет ту выгоду, что и наши следователи получат, в свою очередь, доступ в Галицию ****).

В городе, повидимому, все спокойно; на заводе Берда ожидалась стачка рабочих, но принятыми мерами предотвращена. На сей раз никакого злоумышления не было, и виновато правление завода, не выдавшее своевременно рабочим следовавшей им задельной платы.

Генерал-адъютант Дрентельн.

8.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В городе все спокойно, но деятельно производимые розыски ни к

*) На поле помета: «Это доказывает только их упорство».

**) На поле помета: «Следовало отправить с нею жандарма, иначе она, пожалуй, еще скроется».

***) На поле помета: «Справедливо».

****) На поле помета: «В таком только случае я на это согласен».

чему существенному не привели *). После выхода в свет последнего номера «Земли и воли» полиции удалось захватить более 200 экземпляров этой газеты, и, таким образом, распространение ее значительно уменьшено, но место ее фабрикации все еще не открыто. В связи с этим захватом арестован некий Попов [19]), разыскивавшийся по делу убийства в Москве агента Рейнштейна [20]).

По делу Соловьева сделано новое открытие: жена преступника указала на связь своего мужа с некоею Захаровою, которая только что разыскана и препровождена к министру юстиции. Сам Соловьев в показаниях своих продолжает упорствовать.

По вишерскому делу ничего нового не открыто; разыскивается личность мещанина города Ржева, ремеслом лакея, паспортом которого воспользовался самоубийца. Относительно последнего вашему императорскому величеству было доложено, что он на станцию приехал на лошадях; обстоятельство это не подтвердилось дознанием; напротив того, один из свидетелей крестьян положительно утверждает, что видел застрелившегося молодого человека выходящим из поезда, по прибытии оного на Вишерскую станцию.

По поводу предложения австрийского правительства о допущении его агентов судебного ведомства в Варшаву, по получении согласия от графа Коцебу и министра юстиции, я сообщил государственному канцлеру, что к подобному допущению препятствий не встречается на условии взаимности **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

9.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Надежды, возлагавшиеся на показание Захаровой, не оправдались: она, действительно, была знакома с Соловьевым, но в последнее время они вовсе не видались ***). Отставной поручик Вульферт, старый знакомый Соловьева по торопецкой кузнице, показал, что он все последнее время выезжал из Минской губернии, где он проживает постоянно. Показание это проверяется, и ожидается возвращение посланного в Самару следователя, после чего, мне кажется, следовало бы закончить предварительное следствие ****).

---

*) На поле помета: «Досадно!»
**) На поле помета: «Так».
***) На поле помета: «Правда ли?»
****) На поле помета: «Да».

Из донесения директора департамента полиции, командированного министром внутренних дел в Ростов на Дону, следует прийти к заключению, что в этом прискорбном происшествии не было ничего политического *). Отсутствие известных людей между арестованными и самый характер грабежа доказывают, что у разгулявшейся черни не было злоумышленных руководителей; иначе буйная толпа ограничилась бы разбитием кабаков и публичных домов и оскорблением полиции **).

Не могу скрыть от вашего императорского величества, что последнее донесение, полученное от генерала Оржевского [21]), доказывает самым несомненным образом, что мнение графа Коцебу об отсутствии в Царстве Польском почвы для социальной пропаганды, по меньшей мере, ошибочно. В начале апреля было произведено 24 обыска, несомненно доказавшие существование преступного сообщества социально-революционного направления и связь этого сообщества с агитаторами, действующими в России и в Галиции. Состав среды тот же: молодежь высших учебных заведений, рабочие и также молодые женщины. В числе арестованных оказалось 11 молодых людей интеллигентного сословия, 6 рабочих и 2 женщины. При обыске у этих лиц найдено все то, что находилось обыкновенно при аресте русских социалистов; все это доказывает тождественность организации у тех и других и допускает правдоподобность того, разделяемого многими, убеждения, что центр организации находится не в коренной России, а где-нибудь среди польского населения ***).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

10.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В последнее время при изыскании способов подхода к подпольной типографии остановились на мысли путем сличения шрифта, употребленного для печатания изданий подпольной типографии, с таковым же шрифтом, заготовляемым в здешних словолитнях, открыть источник снабжения означенной типографии шрифтом. При подробном исследовании этого дела оказалось, что все сорта шрифта, входившие в набор революционных изданий, находятся в числе приготовляемых в словолитне Вольфа, а некоторые сорта исключительно только

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы оно было так».

**) Так в подлиннике.

***) На поле помета: «Полагаю, скорее в Лондоне и Швейцарии».

в одной сказанной словолитне. Вследствие сего решено было произвесть обыск и документальную поверку в словолитне, принадлежащей книгопродавцу Вольфу, находящейся вместе с его же типографией на Васильевском Острову в 16-й линии. Обыск сделан в ночь с 28-го на 29-е апреля, причем в типографии ничего особенного не найдено, но в словолитне не оказалось налицо $13^1/_2$ пудов именно того сорта шрифта, которым печатается текст революционной газеты «Земля и воля». Управляющий словолитней Александров показал, что будто бы означенное недостающее по документам количество шрифта украдено при переезде, осенью 1877 года, из бывшего помещения в настоящее, но что об этом заявления полиции сделано не было. Из показания же одного из людей, служащих при магазине в словолитне, следует заключить, что так называемая пропажа шрифта произошла в 1878-м году [22]). К следствию по сему делу приступлено *).

По содержанию всеподданнейше прилагаемой при сем телеграммы все меры приняты и кому следует сообщено. Сведения, полученные посредством этой телеграммы, если они оправдаются на деле, докажут на более тесную связь наших революционеров с Лондоном, чем это до сих пор предполагалось. Приезд господина Майна [23]) представляется очень любопытным и крайне желательным. Обязываюсь прибавить, что за последнее время я получал так много сообщений, не давших ровно никаких существенных данных для раскрытия заботящего нас дела, что и к заявлению Майна я отношусь с некоторым недоверием **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

В городе спокойно, и, повидимому, он приобрел более благонамеренную физиономию. На улицах почти не встречаешь тех лиц, которые поражали своим наглым видом и преднамеренным внешним безобразием.

По делу Соловьева ничего нового не открыто ***).

По киевскому делу называвшийся до сих пор Вышняковым объявил, что он студент Новороссийского университета Иннокентий Волошенко [24]), привлекавшийся к делу пропаганды в Кубанской области, но оправданный.

*) На поле помета: «Авось, доберемся, наконец, до самой типографии».

**) На поле помета: «И я так же, но все-таки не мешает поверить его сведения».

***) На поле помета: «Весьма жаль!»

11.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В городе все спокойно, и за последние три дня ничего особенного не произошло. Предварительное следствие по делу Соловьева должно быть окончено сегодня или завтра; повидимому, все сведения, собранные следствием, не представляют достаточных данных для привлечения Богдановичей в качестве обвиняемых собственно по покушению на жизнь священной особы вашей, хотя в участии их в преступных замыслах вообще не может быть ни малейшего сомнения. Министр юстиции полагает, что, может быть, было бы удобнее, в интересах обвинения, рассмотреть преступную деятельность Богдановичей и других отдельно от дела Соловьева *).

О ходе судебного заседания в Киеве я сообщаю телеграммами генералу Черевину [25]) для доклада вашему императорскому величеству. Полное спокойствие в городе и порядок на суде, несомненно, доказывают пользу строгих и энергических мероприятий. Казалось бы, что в некотором с этим противоречии находится прилагаемое при сем всеподданнейшем докладе моем известие из Киева о заседании Киевской городской думы, но я смею думать, что некоторые из гласных, поддержавших предложение присяжного поверенного Куперника [26]), были убеждены, что они своим заявлением доказывают несомненное верноподданническое чувство в соединении с гражданским мужеством **).

По сообщению из за границы об отправившихся в наши пределы злоумышленниках до сих пор никаких сведений еще не получено, и я начинаю сомневаться в добросовестности заявления, сделанного барону Икскулю [27]). Легко может быть, что это только отвод ***).

Общество очень встревожено известиями о пожарах в Оренбурге и Ирбите. Ходят слухи о поджогах; отрицать такого факта нельзя, но сведений об этом сообщаемо не было, и к тому же ни один большой пожар не обходится без того, чтобы не являлось подозрений о поджоге ****).

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Да».

**) На поле помета: «Может быть, но однако с явными конституционными стремлениями».

***) На поле помета: «Очень может быть».

****) На поле помета: «Да».

12.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Дело о Соловьеве еще не окончено для представления в верховный суд, но министр юстиции надеется привесть его к концу сегодня. Нового ничего относительно преступления, совершенного 2-го апреля, не открыто, и все, касающееся до действий преступника, непосредственно предшествовавших означенному дню, остается мало разъясненным *), но нахождение его в Саратовской губернии в качестве волостного писаря несомненно доказано, равно как и выезд его из Саратова в Петербург **).

С другой стороны, если еще не выяснилась точным образом степень участия доктора Веймара в преступлении 2-го апреля, то сторонние факты, приобретаемые следствием о его предшествовавшей деятельности, дают убеждение в несомненной преступности его в самых широких размерах. Следствием установлено, что лошадь, увозившая Кропоткина [28]) и убийц покойного шефа жандармов [29]), принадлежала Веймару ***). Разыскан кучер, служивший у него и признавший лошадь и точно определивший, когда лошадь была куплена; наконец, Михайлов [30]) признал, что он ездил именно на этой лошади, но только не в августе, а в июле 1878 года.

Последняя оговорка с его стороны весьма понятна ****).

Розыски по загадочному происшествию на Вишерской станции деятельно продолжаются, но еще не привели к его разъяснению.

В последнее время несколько последовательных происшествий преступного характера, из коих об одном прилагается при сем копия с телеграммы, *****) доказывают, что революционеры избрали Кишинев для развития своих преступных замыслов ******). В этом городе арестовано несколько человек, в том числе два актера и один народный учитель. О значении Кишинева я сообщаю одесскому генерал-губернатору. Надо стараться не дать развиться новому гнезду разврата *******).

---

*) На поле помета: «Весьма жаль».

**) На поле помета: «Когда?»

***) На поле помета: «!!?»

****) На поле помета: «Да».

*****) Копия в деле отсутствует.

******) На поле помета: «Об этом я получал также сведения и приказал сообщать г.-а. Тотлебену» [33]).

*******) На поле помета: «Необходимо».

Прилагаемый при сем доклад о житомирском происшествии *) должен [31]) болезненно поразить ваше императорское величество преступным участием офицера **), осквернившего мундир полка, честно вам послужившего в последнюю кампанию. Ответственность полка, к счастью, смягчается тем, что Козакевич [32]) поступил на службу после первой мобилизации; это дает надежду, что честь полка не будет замарана. Командир полка полковник Дометти мне известен с самой лучшей стороны; он был примерным начальником юнкерского училища и в военных делах заявил себя отличным командиром.

Генерал-адъютант Дрентельн.

13.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. В городе все спокойно, и ничего особенного в последние два дня не произошло. Не перестающие свирепствовать в Оренбурге пожары сильно тревожат общественное мнение, и убеждение в несомненности поджогов все сильнее и сильнее волнует людей благонамеренных; между тем донесения местного жандармского управления совершенно опровергают тревожные слухи указанием на действительные причины оренбургских пожаров. Последний раз пожар произошел от недосмотра за поставленным самоваром; сушь и сильный ветер сделали остальное.

Из происшествий в губерниях обращает на себя внимание случившееся вчера между Херсоном и Николаевым ограбление денежной почты. Ямщик нанес сильные раны выстрелами из пистолета почтальону и скрылся, похитив постпакет, в котором находилось около двадцати тысяч рублей.

Предварительное следствие по делу Соловьева все еще не окончено, но обстоятельств, могущих отложить еще окончание следствия, уже более не представляется. В прошлую субботу воротились из Самары командированные туда министром юстиции лица, и хотя они извлекли на месте несколько данных для определения деятельности Соловьева, предшествовавшей его приезду в Петербург, но все эти добытые сведения к уяснению преступного покушения 2-го апреля ничего прибавить не могут.

Вероятно, в следующем моем всеподданнейшем донесении я буду иметь возможность доложить вашему императорскому величеству

*) Доклад в деле отсутствует.

**) На подлиннике помета: «Да».

о приезде г. Майна, который обещал сделать важные показания по делу социалистов.

До сих пор о въезде его в пределы России я еще уведомления не получал.

Генерал-адъютант Дрентельн.

14.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Третьего дня, 8-го мая, предварительное следствие по делу Соловьева окончено, но еще сегодня министр юстиции не мог мне окончательно сказать, кто именно привлекается в качестве обвиняемых по этому преступлению. Статс-секретарь Набоков однако полагает, что в начале будущей недели верховный суд будет иметь распорядительное заседание *).

В последнее время агент наш, проживающий в Берне, доставил значительное число интересных копий с писем, получаемых проживающими в этом городе русскими эмигрантами. Принятые по указанию вашего величества меры строгости отозвались и на обитателях Швейцарии: в письмах их уже нет уверенности в собственной их силе **), а, напротив того, проглядывает чувство страха как за дело, так и за самих себя. Вера Засулич [34]), например, выражается, что виселица не свой брат.

Содержание сообщенной переписки выясняет окончательно, что Сергей Кравчинский [35]) есть убийца Мезенцова. Между эмигрантами прошел слух, что будто бы русское правительство требует выдачи Кравчинского, и тревога по поводу возможности такой выдачи выражается упрашиванием о немедленном оставлении им Берна, куда Кравчинский недавно переехал и где почему-то пребывание считается для него более опасным, чем в Невшателе, куда ему советуют переехать. Эмигранты наши убеждены, что его выдал Михайлов.

С другой стороны, как переписка, так и выходящие в Швейцарии русские журналы доказывают значительное, — и, конечно, вредное, — влияние Веры Засулич.

В городе все спокойно; из губерний поступает чрезвычайно много дел об оскорблении величества, и я объясняю это особенною впечатлительностью верноподданнического чувства, более чуткого после преступного покушения 2-го апреля.

*) На поле помета: «Осторожнее будет отложить окончательное решение до разъяснения показаний Майна».

**) На поле помета: «Тем лучше».

Столь нетерпеливо ожидаемый бельгиец Майн находится уже в наших пределах и сегодня должен быть здесь.

Генерал-адъютант Дрентельн.

15.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Предварительное следствие по делу покушения 2-го апреля окончено во вторник 8-го числа, и сегодня я отправляю к генералу Черевину печатный экземпляр следственного производства по означенному делу.

После долгих колебаний министр юстиции мог только вчера сообщить мне, что он окончательно решился не привлекать к суду в качестве обвиняемых Веймара и двух Богдановичей, улики против которых в участии в преступлении, совершенном Соловьевым, статс-секретарь Набоков признает недостаточными. Не будучи юристом, я не беру на себя судить, в какой степени правильно принятое министром юстиции решение, ваше императорское величество изволите это усмотреть из всеподданнейшего доклада статс-секретаря Набокова.

Я телеграфировал вчера генералу Черевину и поручил ему испросить высочайшее соизволение на вступление в соглашение с приехавшим бельгийцем Майном. Я лично его не видел, и он условием первостепенной важности считает предоставление ему права иметь дело с генералом Гурко. Управляющий III отделением видел Майна в приемной генерал-губернатора. Иностранец этот, несомненно, принадлежит к еврейской национальности. Предложения его и обещания, если они осуществятся, представляют большую важность. Он обязывается:

1) Открыть систему революционной организации комитетов, главных и исполнительных, как в Петербурге, так и в провинциях.

2) Доставить документальные данные, неопровержимо доказывающие участие и виновность главных и второстепенных лиц.

3) Доставить фактические доказательства существования трех проектов покушений на жизнь священной особы вашей и указать исполнителей предположенных покушений.

4) Указать убийц Мезенцова и Кропоткина [36]) и покушавшегося на мою жизнь [37]). Все эти лица будто бы находятся в России. Относительно убийцы Мезенцова он положительно ошибается.

За исполнение вышесказанных обязательств Майн просит уплаты 150 000 франков пяти своим агентам и освобождение трех из участников заговора, дав им возможность бежать после их арестования. Эти три лица сильно скомпрометированы в заговоре, но не участво-

вали ни в одном из совершенных преступлений и не причастны к покушению 2-го апреля.

Я просил генерала Гурко сделать в последнем условии маленькую поправку, заключающуюся в том, что сказанные три лица не могут быть избраны из числа уже отбывающих наказание или привлеченных к дознанию или следствию по другим политическим делам.

Майн ожидает сегодня ответа на свои предложения и, если они будут приняты и исполнение условий с нашей стороны будет обещано генералом Гурко именем вашего величества, то Майн немедленно отправляет шифрованные телеграммы за границу, и через 10 дней он будет в состоянии исполнить принятые им на себя обязательства.

Все им предпринимаемое обещает так много, что невольно не верится в возможность исполнения. Уплаты денег он требует только по окончании дела и этим отстраняет мысль о шантаже, столь часто употребляемом различными предлагателями агентурных услуг.

Со времени прибытия Майна в Петербург с него не спускают глаз; но в течение двух суток ничего подозрительного не замечено. Одно только обстоятельство возбуждает сомнение: Майн переехал границу в сопровождении одного молодого человека, австрийского подданного, который остался где-то на станции между Лугою и Петербургом. Человек этот разыскивается *).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

16 **).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. По сообщении генерал-губернатору телеграммы генерала Черевина о соизволении вашего величества на принятие условий Майна, генерал-адъютант Гурко объявил этому иностранцу, что предложения его принимаются, и Майн тут же написал две телеграммы, которые были немедленно отправлены в Пизу для сношения с Парижем.

Майн продолжает с тою же уверенностью утверждать, что он представит несомненные доказательства того, что он говорит, и охотно согласился на ту поправку в условиях, которая обеспечивает нас от требования освободить трех таких лиц, которые уже находятся в руках правительства. Он утверждает, что три личности, освобождения которых он требует, находятся на свободе и вовсе не подозреваются. Должен сознаться, что я недоумеваю, как все это Майн испол-

*) На поле помета: «Это что-то подозрительно».

**) На подлиннике помета: «Государь император изволил читать 18 мая 1879 г. Генерал-адъютант Дрентельн».

нит, и нахожусь в волнении, не чуждом страха быть обманутым. Меня, между прочим, смущает уверенность, с которою Майн утверждает, что убийца Мезенцова находится в Петербурге, тогда как мы имеем несомненные данные о том, что этот злодей проживает в Швейцарии и именно в Берне. С другой стороны, и исчезновение товарища по путешествию, исчезновение под самым Петербургом, представляется также подозрительным.

Наблюдение за самим Майном ничего не дало, и ничего подозрительного за ним не замечено.

В последние два дня ничего особенного не произошло. В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

17 *).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что дознанием, производимым по делу Мирского, открыто еще новое лицо, бывшее в связи с преступником. По собранным сведениям, оказывается, что Мирский между 13 марта и выездом из Петербурга неоднократно ночевал у некоего Поршнякова, содержателя библиотеки на Большой Садовой улице. Покамест факт этот установлен еще только агентурным путем, но надо ожидать, что все имеющиеся сведения будут подтверждены и на формальном дознании **).

Изложенное в прилагаемой при сем записке ***) дело о тайном сообществе в Каменец-Подольске, повидимому, никакой связи с преступными действиями революционеров в других местах империи не имеет, а стоит как будто особняком.

Поразительно то, что все почти участники преступления суть воспитанники Подольской духовной семинарии. Я счел долгом сообщить это обер-прокурору святейшего синода ****).

Имею счастие представить при сем письмо к вашему императорскому величеству, полученное мною через посредство г-жи Фричеро *****).

В городе все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

18.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно.

*) На подлиннике помета: «21 августа».

**) На поле помета: «Надеюсь».

***) Записка в деле отсутствует.

****) На поле помета: «Хорошо сделал».

*****) На подлиннике помета: «Я передал Гирсу».

Из входящей в состав настоящего моего всеподданнейшего доклада записки *) о задержании некоего Зубковского [38]) ваше величество изволите усмотреть, что в лице его арестован весьма важный преступник. Сходство его с Тюриковым [39]), который вместе с Михайловым были хозяевами вороной лошади, стоявшей в татерсале, изобличает в нем если не одного из убийц, то, по крайней мере, лицо, близко стоявшее к делу об убийстве покойного Мезенцова. Зубковский находится в Ромнах в ожидании сведений из Харькова, куда послана его фотографическая карточка. Дело ведется пока самым секретным образом одними только чинами корпуса жандармов **).

Три дня тому назад задержаны в Екатеринбурге и препровождаются сюда два брата Козловы также по подозрению в соприкосновенности к делу об убийстве Мезенцова. Указание на участие Козловых в означенном преступлении получено от полиции. Это именно тот случай, о котором ваше императорское величество изволили меня спрашивать при всеподданнейшем моем докладе 15-го числа.

Возвратившись из Новгородской губернии, жандармский офицер и прокурор собрали данные, совершенно доказывающие ложность показаний Семенских относительно Мирского. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Семенские как нельзя лучше знали Мирского, а не познакомились с ним через объявление в газетах, которым они будто бы вызывали учителя для своих детей. Оказывается, что Мирский приехал в усадьбу Семенских одновременно с напечатанием объявления в газетах.

13 августа в селении Перекопе, Валковского уезда, Харьковской губернии, произошел беспорядок, вызванный нетрезвыми полицейскими урядниками, причем один крестьянин ранен шашкою в голову. Беспорядок прекращен; он не имел в себе ничего политического ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

19.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все благополучно, и за последние три дня ничего особенного не случилось.

Дознания и розыски продолжаются. Из Харькова еще не получено сведений, которые могли бы разъяснить участие Зубковского

*) Записка в деле отсутствует.

**) На поле помета: «Буду ждать последующего».

***) На поле помета: «Это весьма грустный случай, и надеюсь, что он не будет повторяться».

в харьковских событиях, но дополнительные данные, добытые в Черниговской губернии, все более и более подтверждают убеждение в несомненной важности находящегося в наших руках арестованным сказанного Зубковского.

Вчера арестован в Киеве какой-то молодой человек, не пожелавший объявить своего имени и своего звания, но не отрицающий принадлежности своей к партии революционеров. По некоторым данным начальник киевского жандармского управления предполагает, что арестованный молодой человек есть давно разыскиваемый «Володька», известный за самого отчаянного бунтаря. При аресте у него найдены: ружье, револьвер, кинжал и яд.

По высочайшему повелению вашего императорского величества, статс-секретарь Гирс [40]) передал мне сообщение посольства в Вене об эмигрантах, проживающих в Париже. Сообщенные агентами австро-германского правительства сведения совершенно сходятся с имеющимися у нас, но нового из них мы ничего не узнали.

В городе были очень встревожены известием о выезде из Берлина германского императора для свидания с вашим величеством в Александрове [41]). Источником тревоги было опасение, что ваше величество можете переехать границу, что в настоящее время многим представляется опасным.

Генерал-адъютант Дрентельн.

20.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что на основании показаний черниговского дворянина [42]) Дрыги *) разыскан и арестован дворянин Новозыбковского уезда, бывший народный учитель Белоконский [43]), находившийся в близких отношениях к арестованному Зубковскому. Вместе с сим разыскивается некто Никандр Мощенко [44]), который перед убийством князя Кропоткина ездил вместе с Зубковским в Харьков. По имеющимся сведениям, означенный Мощенко находится в Воронежской губернии на должности волостного писаря, но, в какой именно волости, неизвестно.

По показанию Дрыги, Мощенко **) должен иметь важное значение в среде революционной партии. Если он не ускользнет от преследования, то арест его будет весьма важным приобретением в деле раскрытия центра преступной пропаганды.

Дрыга сделал еще одно важное показание: он заявил, что убийца князя Кропоткина был прислан Клеменцом [45]), который был арестован

*) Так в подлиннике.

**) На поле помета: «Не окажется ли он братом Богдановича?»

в Петербурге под именем отставного артиллерии капитана Штурма и по некоторым данным считается бывшим редактором подпольной газеты «Земля и воля».

Вышеизложенное позволяет думать, что, если мы еще не пришли к открытию узла преступной пропаганды, то нам удалось уже значительно расстроить ряды ее деятелей *).

Согласно высочайшему повелению, передачу которого статс-секретарю Макову [46]) вашему величеству благоугодно было возложить на меня, редакторам политических газет было сделано внушение по предмету полемики с германскими газетами, и тон газет вообще, в этом отношении, значительно изменился к лучшему, за исключением «Петербургских ведомостей». Министр внутренних дел предполагал редактору оных полковнику Комарову (отставному) сделать личное внушение. Справедливость требует сказать, что и немецкая печать не отличается воздержанностью **).

Три дня сряду дувший морской ветер вчера дошел до страшной силы, и вода была очень высока; теперь ветер стих, и вода убыла.

Генерал-адъютант Дрентельн.

21.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что за последние два дня не произошло ничего такого, о чем я должен бы был довести до сведения вашего величества.

В городе все спокойно: буря 24 августа наделала много бед, но, к счастию, из людей никто не погиб.

С радостию узнал о совершившемся вчера благополучном прибытии вашем в Ливадию.

Генерал-адъютант Дрентельн.

22.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству в радостный день для всех, день тезоименитства вашего, о делах печального свойства, заведывание которыми возложено на меня милостивым доверием вашего величества.

Имею смелость просить вас, всемилостивейший государь, удостоить принять выражение искреннего и верноподданнического моего желания, чтобы ваше величество в возможно скором времени могли увидеть дорогую вам Россию успокоенною и освобожденною от смут,

*) На поле помета: «Можно, кажется, надеяться».

**) На поле помета: «Да, и об этом я высказался при свидании с импер. Вильгельмом».

посеваемых в ней безумными врагами общества и существующего порядка *).

Два нападения на почту, о которых в настоящем всеподданнейшем докладе представляются записки **), и пожар в Вязьме составляют итог прискорбных происшествий за последнее время. Подробности и последствия означенных происшествий, равно и результат дознаний по ним, еще неизвестны ***).

Товарищ и, надо полагать, соучастник Зубковского Никандр Мощенко разыскан и арестован вчера в Тамбовской губернии, где он находился на должности волостного писаря. Арестование его составляет, по моему убеждению, важное приобретение для производимых в настоящее время розысков ****).

С другой стороны, я обязан донести, что вчера я получил известие из Парижа о прибытии туда скрывшихся из Архангельской губернии политических ссыльных Каца [47]) и Преферанского [48]). Прискорбен факт побега *****), но сами преступники особой важности не представляют. При сем имею честь представить письмо на имя вашего императорского величества, полученное мною от Чайковского ******).

В городе все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

23.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и за последнее время ничего особенного не случилось кроме того, что из Екатеринбурга доставлены в III отделение два брата Козловы, из которых старший, по показанию одной женщины, причастен будто бы к делу об убийстве Мезенцова.

Козловы только что привезены, и первый допрос им будет сделан сегодня. Судя по показанию сказанной женщины, трудно ожидать, чтобы для обвинения их были добыты достаточно твердые данные *******).

Дознание по делу Мирского продолжается; я полагаю возможным не торопиться с представлением дела на суд и считаю более полезным,

*) На поле помета: «Искренно благодарю. Да поможет нам в этом бог!»

**) Записки в деле отсутствуют.

***) На поле помета: «Надеюсь, что они не останутся без результата».

****) На поле помета: «Желаю, чтобы оно оправдалось».

*****) На поле помета: «Да! И доказывает недостаточность надзора».

******) Письмо в деле отсутствует.

*******) На поле помета: «Буду ожидать результата».

на основании обстоятельств его ареста и жизни между арестом и днем совершения преступления, стараться открыть участников преступления *), которое, очевидно, не было делом одного Мирского.

Сам виновник ведет себя смирно, что, впрочем, следует сказать и про всех находящихся под стражею.

Генерал-адъютант Дрентельн.

24.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что сегодня получено донесение от начальника киевского жандармского управления об арестовании неизвестного молодого человека, о чем было до сих пор известно только из телеграммы полковника Новицкого. Арестованный назвался мещанином города Харькова Иваном Григоренко, что как бы подтверждалось найденным при нем паспортом; сей последний однако оказался фальшивым. Сам Григоренко был арестован на улице, и вслед за сим был произведен обыск в его квартире. При этом найдено двухствольное ружье, револьвер с патронами к нему, кинжал и банка из аптеки с остатками стрихнина. На самом же Григоренко найдены фотографические карточки Ивичевича [49]), Армфельдт [50]) и Осинского [51]), осужденных по последнему собственно киевскому делу; из них Осинский казнен. Все эти обстоятельства уличают называющего себя Григоренко в принадлежности к революционной шайке, что, впрочем, и сам арестованный не отрицает. Полковник Новицкий [52]) утверждает, что арестованный есть никто другой, как давно разыскиваемый революционер, известный в своей среде под именем «Володьки». Он представляет из себя решительного, энергичного и озлобленного человека, способного на всякое преступление. С него снята фотография, и карточки его будут разосланы во все места, где была речь о «Володьке».

По делу Козловых, доставленных из Екатеринбурга, еще ничего сказать нельзя: все допрашиваемые начинают всегда с совершенного отрицания всего, что до них касается.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

25.

Ваше императорское величество изволили препроводить ко мне всеподданнейший доклад санкт-петербургского градоначальника о подозрении, падающем на бывшего студента горного института Якова

*) На поле помета: «Желаю, чтобы удалось».

Козлова в участии в убийстве генерал-адъютанта Мезенцова. Означенный Козлов вместе с братом своим Сергеем, разысканные в Екатеринбурге, доставлены сюда, и дознание по этому делу началось с проверки показаний лиц, доставивших те сведения, из которых сложилось обвинение Козлова в преступлении. Судя по началу, нельзя еще составить окончательного заключения; не менее того, однако нельзя не сказать, что заявители отказываются теперь от некоторых показаний, сделанных ими представителям полиции. Так, мещанка Ольга Михайловна Андреева положительно отвергает приписываемое ей указание на агента III отделения. Не считаю себя вправе умолчать, что в подлинном протоколе допроса означенной Андреевой значится, что любовник ее Перетятин, от которого она знает об участии Козлова в преступлении 4-го августа, говоря ей про знакомство свое с агентом III отделения, разумел известное происшествие на Казанской площади. Протокол этот составлен 17 августа, и я не могу понять, каким образом во всеподданнейшем донесении градоначальника не исправлено первое показание Андреевой согласно ее показанию от означенного числа. Всеподданнейший доклад градоначальника помечен от 25 августа.

Относительно Зубковского и Мощенки я сделал следующие распоряжения: и тот и другой будут отправлены в Харьков, где останутся три дня для предъявления лицам, видевшим преступников, покушавшихся отбить Войнаральского [53]), причем, может быть найдется доказательство нахождения их в Харькове во время убийства князя Кропоткина.

Из Харькова Зубковский и Мощенко будут доставлены в Петербург. Производимое по делу Зубковского дознание в Черниговской губернии идет довольно успешно: благодаря показаниям Дрыги и сознанию в некоторых преступных действиях земского врача Булича [54]), произведено несколько арестов, и весьма удачно.

В городе все спокойно.

При сем имею счастие представить вашему императорскому величеству письмо г-жи Фричеро.

Генерал-адъютант Дрентельн.

26.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что дальнейшее расследование по делу Козлова приводит к убеждению, что сделанный на него донос в участии в убийстве Мезенцова не подтвердится. На сделанном ему допросе Козлов показал, между прочим, что все прошлое лето 1878 г. он провел на Урале и вернулся в Петер-

бург только 20 августа; при этом указал на множество людей, которые могут подтвердить его показание. Об этом обстоятельстве послан запрос в Екатеринбург, и показание его будет проверено; не менее того, следователи считают его весьма правдоподобным.

Генерал-адъютант Гурко не признал дело о Зиновьеве [55]) и других подлежащим рассмотрению военного суда, но так как произведенным дознанием добыты несомненные улики против обвиняемых, то дело это будет передано, по соглашению с управляющим министерством юстиции, на рассмотрение гражданского суда порядком, установленным для суждения государственных преступников.

Начальник ярославского жандармского управления доносит по поводу нападения на почту по тракту от Рыбинска до Пошехони, о чем я всеподданнейше доносил вашему императорскому величеству, что произведенным следствием факт нападения на почту не подтвердился. Оказывается, что повозка с почтою, только что выехав из деревни Волкова, в ночной темноте наехала на двух пьяных крестьян, шедших по пути следования почты, и из-за этого произошла драка.

Никандр Мощенко уже находится в Харькове; на-днях будет туда доставлен и Зубковский, для сопровождения которого послан отсюда жандармский офицер. Из полученных сведений оказывается, что Мощенко — уроженец Харьковской губернии, из духовного звания; таким образом, с Юрием Богдановичем [56]) ничего общего не имеет.

Учащаяся молодежь начинает понемногу собираться в Петербург, и, благодаря бога, все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

27.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и за последние два дня ничего особенно важного не произошло. Опасение некоторых лиц, что введение вновь установленных министром народного просвещения правил для надзора за студентами Петербургского университета может дать повод к беспорядкам, не оправдалось *).

Никандр Мощенко доставлен в Харьков, а на-днях будет привезен туда и Зубковский, под конвоем офицера и трех унтер-офицеров.

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы то же оказалось и в прочих университетах».

28.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и ничего особенно замечательного не произошло. Нижегородская ярмарка кончилась совершенно благополучно, и генерал-адъютант граф Игнатьев 2-й, повидимому, вполне оправдал ваше высокое к нему доверие *).

В настоящее время арестованный в Полтавской губернии Зубковский и доставленный из Воронежской губернии Никандр Мощенко находятся в Харькове для предъявления лицам, которые могли видеть сообщников Фомина [57]) по делу об освобождении государственного преступника Войнаральского. Может быть, представится какая-нибудь возможность выяснить присутствие которого-либо из них в Харькове в период времени, когда совершено было убийство князя Кропоткина. Судя по показанию Дрыги, эти лица, несомненно, причастны к сказанному преступлению.

Следствие по делу Мирского, хоть и медленно, но подвигается вперед.

Если верить нашему парижскому агенту, доставляющему обыкновенно весьма верные сведения, то с возвращением ссыльных из Нумеи, красная партия начала действовать еще решительнее, и дела идут по пути к новой коммуне. Наши парижские эмигранты перестали заниматься планами переустройства России и бросились в водоворот парижской социальной и революционной агитации **).

Ваше величество соизволили на увольнение от службы по болезни старшего чиновника 3-й экспедиции князя Масальского [58]). Согласно с мнением действительного статского советника Шмита [59]), я полагаю, что было бы вполне целесообразно восстановить прежде существовавший в III отделении порядок и соединить 3-ю экспедицию с агентурой, которые в последнее время находились в ведении двух отдельных лиц. Если ваше императорское величество соизволите утвердить таковое мое предположение, то я буду всеподданнейше просить о разрешении назначить на место старшего чиновника 3-й экспедиции заведующего ныне агентурою статского советника [60]) Кириллова ***).

Означенный чиновник находится в должности заведующего агентурою более года и заявил себя человеком проницательным, добросовестным и совершенно надежным.

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Слава богу!»
**) На поле помета: «Тем лучше!»
***) На поле помета: «Согласен».

29.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что агентурными розысками по делу Мирского открыта связь людей, находившихся в близких с ним сношениях, с семейством Поршняковых, состоящим из шести братьев и двух сестер; старший из братьев, отставной коллежский асессор Алексей Поршняков, содержал на Загородном проспекте библиотеку для чтения, а в состоящей при ней квартире проживали четыре брата и сестра, находившаяся в замужестве за дворянином Головиным, служившим в библиотеке. Так как в помещении Поршняковых происходили сборища молодых людей, то эта квартира была под постоянным наблюдением. Недавно было дознано, что во второй половине марта текущего года в квартире Поршняковых скрывался в продолжение трех суток молодой человек, о котором прислуге было только известно, что он будто бы судебный следователь, прибывший из южных губерний. Когда женщине, бывшей в то время в услужении у Поршняковых, показаны были несколько карточек, и в том числе Мирского, то она указала на него, как на означенного судебного следователя. Хотя при предъявлении ей самого преступника она не решилась подтвердить своего первого показания, — не менее того Поршняков и Головин были арестованы, и последний уже сознался, что под именем судебного следователя скрывался именно Мирский.

Из Харькова я еще не имею сведений о результате предъявления Зубковского и Мощенки; первый из них, как доносит сопровождающий его офицер, отправлен сегодня в Петербург, и это дает повод к заключению, что предъявление Зубковского не имело ожидавшихся мною последствий.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

30.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все благополучно; новые правила [61]) вводятся в высшие учебные заведения без всякого противодействия со стороны молодых людей, чего, по примерам предшествовавшего года, можно было опасаться *).

Многие из высланных в прошлом году за студенческие беспорядки, с наступлением нового учебного года, просят о разрешении возвратиться для продолжения курса. Снисхождение оказывается только в пользу тех из бывших студентов, которые в прошениях своих выражают

*) На поле помета: «Из сообщенных тебе писем ты увидишь, что брожение в молодежи однако продолжается».

полное раскаяние и, вместе с тем, имеют одобрительный отзыв начальства о поведении их *).

Дело Козлова, на которого было указание, как на участника в убийстве Мезенцова, можно считать конченным. Вчера получена телеграмма из Екатеринбурга от местного жандармского офицера, из которой не подлежит сомнению, что в день совершения преступления Козлов находился в Пермской губернии на Уральских заводах. Для окончательного решения ожидается только письменное донесение **).

Зубковский вчера привезен, но допрошен еще не был.

Генерал-адъютант Дрентельн.

31.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что вследствие полученных агентурным путем сведений была на-днях произведена новая серия арестов и обысков. Общий результат принятой меры еще не выяснился; известно однако, что в квартире бывшего студента медико-хирургической академии Кавского [62]) накрыт литографский станок с камнем, на который только-что переведен был второй лист прокламации; первый же лист, повидимому, неудавшийся, найден переписанным снова химическими чернилами. К кому обращена прокламация, еще не знаю, так как вещественные доказательства еще не разобраны. Студент Богоявленский [63]), который подозревается в переписке прокламации для литографии и находился в квартире Кавского во время обыска, также заключен под стражу.

По делу Мирского удалось установить, что он, действительно, скрывался в продолжение трех суток в квартире содержателя библиотеки Поршнякова, но во время его отсутствия из Петербурга — у учителя Беклемишева [64]), и что в это время означенную квартиру посещал присяжный поверенный Ольхин [65]). Сей последний давно уже находился под наблюдением вследствие несомненной его неблагонадежности и в марте текущего года даже был арестован, но, за неимением достаточных улик, не мог быть привлечен к делу. Генерал-адъютант Гурко выслал Ольхина из Петербурга в Вологодскую губернию; сегодня же я послал приказание арестовать его и доставить в Петербург.

Раскрытию преступной деятельности Ольхина я придаю большое значение, главнейшим образом потому, что он как человек зрелых лет и присяжный поверенный, конечно, был не в числе слепых исполните-

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы оно было искренно».

**) На поле помета: «Буду ожидать подробного донесения».

лей, а в числе видных деятелей противозаконного общества *).

Начальник херсонского жандармского управления доносит, что в Херсоне задержан молодой человек, назвавшийся евпаторийским мещанином **) Левченко [66]), который старался войти в сношение с содержавшеюся в херсонском тюремном замке по делу о покраже из кладовой государственного казначейства Еленою Россиковою [67]).

В городе все спокойно. Генерал-адъютант Дрентельн.

32.

Ваше императорское величество изволили повелеть мне переговорить с статс-секретарем Валуевым по предмету, изложенному в письме Филиппова [68]) к государственному контролеру. По случаю отъезда министра государственных имуществ, я не имел возможности исполнить ваше повеление ***), но при сем обязываюсь всеподданнейше доложить, что, действительно, как сказано в том письме, товарищ государственного контролера говорил со мною о полученных им из Уфимской губернии сведениях, причем тайный советник Филиппов указал мне на ревизора государственного контроля Петрова, как на лицо, только-что прибывшее из Уфимской губернии и могущее сообщить мне интересные данные о положении дела по раздаче башкирских земель в Уфимской губернии. Важность полученных мною сведений побудила меня решиться на отправление на место доверенного лица для проверки означенных сведений ****). Лицо это отправляется с официальным поручением произвесть ревизию жандармских управлений в губерниях Самарской, Оренбургской и Уфимской.

По делу Зубковского во время нахождения его в Харькове дознанием ничего не приобретено, но сведения, полученные из Чернигова, подтверждают сложившееся в III отделении убеждение, что Зубковский близко стоял к убийству князя Кропоткина и, может быть, и к другим политическим убийствам. Некоторая неполнота однако улик заставляет нас продолжать в течение известного времени расследование секретным путем без участия представителей юстиции.

По другим дознаниям за последние два дня ничего нового не добыто.

В городе все спокойно. Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «Весьма вероятно».

**) На поле помета: «Любопытно знать, кто он такой действительно».

***) На поле помета: «Весьма сожалею».

****) На поле помета: «Хорошо».

33.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что по производимым дознаниям за истекшие два дня со времени моего последнего всеподданнейшего донесения ничего нового не открыто; не могу еще ничего доложить вашему величеству по делу Зубковского: преступник этот обладает большим спокойствием духа, и сознания от него в чем бы то ни было, кроме принадлежности к революционному сообществу, ожидать невозможно.

По полученным из за границы сведениям, положение наших эмигрантов в Швейцарии в экономическом отношении весьма бедственно; многие из них с трудом могут добывать средства для дневного пропитания. Не менее того однако с повинною никто из них не является, и они в своем безумии все еще ожидают какого-то переворота в России в их пользу. Смею выразить уверенность, что недалеко однако то время, когда эти несчастные прозреют и отрезвятся *); по крайней мере, если судить по переписке революционеров, то нельзя не видеть, что они стали как-то менее тверды в своих убеждениях и менее жестки в их выражении.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

34.

Ваше императорское величество изволили выразить некоторое сомнение в справедливости моего всеподданнейшего донесения о том, что введение вновь установленных обязательных для студентов правил не встретило противодействия со стороны сих молодых людей. Обязываюсь всеподданнейше доложить, что противодействия, действительно, не было, но неудовольствие было и есть, и не только между студентами, но и между некоторыми профессорами. Смею думать, что ничего и быть не могло **): новые правила не могут быть приятны сравнительно с тою свободою, которою студенты высших учебных заведений так широко пользовались, употребляя ее во зло ***), и которая также была весьма удобна для многих профессоров. Спокойствия в среде вышесказанных заведений нарушено еще не было ****).

---

*) На поле помета: «Дай бог!»

**) На поле помета: «Да».

***) На поле помета: «Справедливо».

****) На поле помета: «Дай бог, чтобы оно и не нарушалось, но попытки, вероятно, будут, и в таком случае я в праве надеяться, что поблажек не будет».

Дознание по делу Мирского подвигается вперед медленно, но, по моему крайнему разумению, довольно успешно. Свидетель Головин дал некоторые показания, весьма полезные для дела, а жена его, рожденная Поршнякова, созналась также, что молодой человек, которого укрывали в квартире, смежной с библиотекой Поршнякова, был действительно Мирский.

Зубковский продолжает еще держаться системы полного отрицания, и надо подождать доставления новых улик из Киева и Харькова, куда отправлены особые агенты по распоряжению III отделения.

В начале текущего месяца я всеподданнейше доносил вашему императорскому величеству об арестовании в Киеве неизвестной личности, назвавшейся харьковским мещанином Григоренко, но в которой местный жандармский начальник предполагал деятеля революционной организации, известного в среде ее под именем «Володьки». До сих пор еще не добыто данных, подтверждающих это предположение, и личность назвавшего себя Григоренко остается неизвестною.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

35.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что получены некоторые сведения об обстоятельствах празднования в Кракове юбилея Крашевского [69]). По получении дополнительных донесений от наших агентов будет мною представлен всеподданнейший доклад; ныне же я считаю долгом доложить вашему величеству, что чествование юбиляра имело характер политической демонстрации против русского правительства. Руководители и вожаки национальной польской партии в Галиции воспользовались стечением большой массы поляков, чтобы попробовать возбудить в них единство духа и стремлений и определить общую программу действий.

Если верить донесениям, то относительно России решено, чтобы все поляки, в ней находящиеся, всеми зависящими от них мерами проводили в коренном русском обществе сознание в необходимости скорейшей конституционной реформы, которая могла бы облегчить положение иноплеменного населения и повела бы к возможности соединения в одно целое разрозненных частей Польши *). Соединение это будто бы всего легче можно осуществить под скипетром габсбургской династии, начинающей обнаруживать ясно определенное сознание национальной славяно-польской политики.

*) На поле помета: «и распадению России на клочки!»

Не может подлежать сомнению, что австро-венгерское правительство не было чуждо известной тенденциозности *), положенной в основание программы празднования юбилея Крашевского.

Россия, к сожалению, имела своих представителей; многие из них принимали деятельное участие во всех собраниях и сходках, которые устраивались для обсуждения программы польской национальной партии; между ними видное место занимал петербургский присяжный поверенный [70]) Спасович **).

В числе речей, сказанных на обеде, данном в честь юбиляра, обращает на себя внимание речь президента города Кракова, который в заключение ее сказал, что из слышанных им речей он выносит убеждение, что съехавшиеся на юбилей, выражая сочувствие Крашевскому, желали доказать готовность явиться и в другие, более серьезные моменты, и что, разъехавшись по домам, они сумеют посеять нужные для пробуждения народа семена.

В городе все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

36.

Ваше императорское величество на всеподданнейшем донесении моем от 20 сентября изволили сделать пометку о желании вашем, чтобы была выяснена личность арестованного в Херсоне молодого человека, под именем Левченки.

Произведенными розысками дознано, что означенный злоумышленник есть, в действительности, евпаторийский мещанин Левченко, ремеслом слесарь, что он занимался этим ремеслом в Киеве, где был в 1877 г. привлечен к знаменитому Чигиринскому делу, но скрылся и не был разыскан.

Из донесения начальника киевского жандармского управления видно, что Левченко был в самых близких отношениях с казненным в Одессе Чубаровым [71]) во время деятельности сего последнего в Киеве. Не может быть сомнения в том, что эти отношения продолжались и в Одессе, что, впрочем, доказывается и последним арестом Левченки.

---

*) На поле помета: «Весьма вероятно».

**) На поле помета: «После этого мне кажется необходимым принять другие административные меры против Спасовича, которого неблагонадежность нам давно известна, если нельзя будет привлечь его к суду».

По производимым в Петербурге дознаниям ничего выдающегося в течение последних двух дней не открыто.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

37.

Из всеподданнейше представляемого вместе с сим доклада ваше императорское величество изволите усмотреть, что празднование в Кракове юбилея Крашевского имеет весьма важное политическое значение. Я счел себя обязанным препроводить графу Коцебу и обоим генерал-губернаторам западных губерний все полученные нами сведения о подробностях празднования означенного юбилея. Смею думать, что необходим самый внимательный и неослабный надзор за населением Западного края России и вообще за лицами польского происхождения*). Смею думать также, что следует избегать предоставления полякам возможности устраивать какие бы то ни было собрания, хотя и по предметам, не имеющим, повидимому, политического значения**). Управляющий министерством государственных имуществ сообщил мне на словах, что он получил от статс-секретаря Валуева письмо из Варшавы, в котором идет речь о разрешении в будущем году устройства в Варшаве сельско-хозяйственной выставки. По всей вероятности, товарищу министра было поручено предварительно узнать мое мнение, и я позволил себе категорически выразить князю Ливену[72]) мое твердое убеждение, что на устройство какой бы то ни было выставки в Варшаве в настоящее время согласиться невозможно.

Министр внутренних дел безусловно разделяет высказанное мною мнение***).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

38.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и за последние три дня ничего выдающегося не произошло.

---

* На поле помета: «Да, — необходимо держать нам ухо остро».

**) На поле помета: «Да».

***) На поле помета: «И я тоже».

Вследствие добытых агентурным путем сведений, что социалисты-революционеры намереваются вновь приступить к выпуску своего подпольного журнала, приняты все меры, чтобы предупредить выход в свет органа злоумышленников *). При этом считаю себя обязанным всеподданнейше доложить вашему величеству, что открытая городскою полициею литография, о которой теперь производится дознание при здешнем губернском жандармском управлении, ничего общего, кроме преступности, с делом издания подпольной газеты не имеет.

Возвратившийся из отпуска министр народного просвещения сообщил мне, что вновь установленные для студентов правила введены еще только в одном Петербургском университете, так как правила эти должны быть исправлены согласно замечаниям, сделанным генерал-губернаторами.

Вчера привезен из Вологодской губернии присяжный поверенный Ольхин **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

39.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно и что за последние два дня ни о каких выдающихся происшествиях донесений получено не было.

Не смею скрыть от вашего величества, что я получил два дня тому назад письмо от харьковского генерал-губернатора, поставившее меня в большое недоумение. Граф Лорис-Меликов[73]) в довольно подробном изложении сообщил мне, что будто в последние две недели между студентами, некоторыми личностями, живущими вне Харькова, в уездах, и служащими на Азовской железной дороге проявилось заметное оживление, сопровождающееся усилением обмена сношений между именованными выше личностями и людьми неблагонамеренными, проживающими в Киеве, Одессе и других больших центрах ***). Граф Лорис-Меликов прибавляет, что все меры им приняты и что он, рассчитывая на помощь своих ближайших сотрудников, надеется на сохранение спокойствия. Таков общий смысл его письма; между тем спрошенный по телеграфу начальник жандармского управления ответил, что за последние две недели никакой перемены не произошло.

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы они удались».

**) На поле помета: «Любопытно будет, что он ответит».

***) На поле помета: «Что все покуда спокойно, не есть доказательство, что революционная работа прекратилась, и поэтому дремать нам не следует. — Потребовать от гр. Лорис-Меликова более положительные сведения, если он их имеет. 12 октября».

Точно также ни губернатор, ни попечитель округа ничего не доводили до сведения министров. Мне приходило в голову, что генерал-губернатор не доверяет начальнику жандармского управления, но мнение это опровергается тем же письмом, в котором граф Лорис-Меликов отзывается о генерал-майоре Турцевиче с самой лучшей стороны. Таким образом, я остаюсь при недоумении.

Генерал-адъютант Дрентельн.

40.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что мною получено от начальника харьковского жандармского управления донесение, разъясняющее недоумение, о котором я всеподданнейше докладывал вашему величеству в последнем моем письме. Из означенного донесения видно, что предположения харьковского генерал-губернатора основаны на сведениях, представленных ему попечителем округа. Один из студентов Харьковского ветеринарного института сделал заявление генерал-майору Максимовскому о сношениях двух его товарищей с некоторыми мастеровыми местной железнодорожной станции. Дело поступило теперь в ведение начальника жандармского управления, который установил должное наблюдение за подозреваемыми лицами, но к формальному дознанию еще не приступал, так как считает такое действие еще преждевременным.

Дело Мирского передано прокурору судебной палаты и в половине будущей недели будет представлено санкт-петербургскому генерал-губернатору. Должен сознаться, что я не могу считать исход дознания успешным: хоть открыты многие укрыватели преступника, но все-таки главные руководители остались не открытыми *), а между тем не может подлежать сомнению, что Мирский был только орудием **) в руках других более преступных и, в особенности, более вредных деятелей революционного общества.

В городе все спокойно. Много говорят о речи, произнесенной в Манчестере маркизом Салесбюри [74]). Речь эта произвела всеобщее негодование ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

41.

С тяжелым и скорбным чувством вижу себя обязанным всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что вчера

*) На поле помета: «Очень жаль!»
**) На поле помета: «Весьма вероятно».
***) На поле помета: «Оно понятно!»

появился первый номер новой подпольной газеты под названием [75]) «Народная воля» *). Один экземпляр этой газеты я препровождаю к генерал-майору Черевину.

Появление этого нового произведения революционной печати по содержанию своему не представляет ничего опасного: по ничтожности его содержания, по бедности материала и бездарности изложения вновь появившаяся газета может только доказать в глазах людей не только благонамеренных, но и просто равнодушно относящихся к этому делу, умственную немощь и ничтожность средств нового революционного органа; не менее того, самый факт появления подпольной газеты представляет явление в высшей степени прискорбное **), а лично для меня крайне обидное. Все соединенные усилия III отделения и городской полиции, весьма много содействовавшей нам в деле открытия тайной типографии, не привели еще ни к какому результату.

При сем я должен всеподданнейше доложить, что литография, открытая полициею, не имеет ничего общего с выходом в свет новой подпольной газеты.

Розыски наших агентов в Киеве и Харькове идут довольно успешно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

42.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что вследствие появления в свет первого номера новой подпольной газеты, я признал необходимым безотлагательно произвесть обыск у тех лиц, наблюдение за которыми давало повод предполагать их участие в революционном деле. В ночь с субботы на воскресенье было произведено 43 отдельных обыска, причем 13 человек заключены под стражу. Некоторые из арестованных лиц были подвергнуты задержанию вследствие найденных у них подозрительных письменных документов, некоторые же по причине обличающих их улик, выведенных из весьма продолжительного за ними наблюдения.

Забранные при обысках вещественные доказательства еще не разобраны, но я должен всеподданнейше доложить, что в числе забранных вещей не оказалось ни одного экземпляра только что вышедшей подпольной газеты ***). Таким

*) На поле помета: «Да, оно, действительно, и стыдно и досадно!»

**) На поле помета: «Да!»

***) На поле помета: «Довольно странно!»

образом, непосредственная цель принятой меры не была достигнута. Может быть, в арестованных письмах и других документах найдется что-нибудь такое, что может разъяснить нашу неудачу.

Сведения, полученные от агентов, посланных отсюда в Харьков и Киев, продолжают быть благоприятны и подают надежду на открытие злоумышленников, стоящих близко к делу убийства князя Кропоткина *).

Вчера в Исаакиевском соборе после литургии была отслужена панихида по умершем в Москве историографе) Соловьеве [76]. В церкви было множество учащейся молодежи; возникшие по этому предмету опасения благодаря бога не оправдались, и все прошло совершенно благополучно **).

Генерал-адъютант Дрентельн.

43.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что по предмету произведенных в минувшее воскресенье арестов я ничего еще сказать не могу, но не смею умолчать о том, что особых результатов ожидать не представляется возможным. Вновь вышедшей подпольной газеты ни у кого из обысканных не найдено, и вообще это произведение революционной печати появилось до сих пор в весьма ничтожном числе экземпляров. Легко быть может, что «Народная воля» напечатана за границею и ввезена в Россию в незначительном числе экземпляров. Считаю себя однако обязанным добавить, что вероятнее, что она напечатана здесь ***).

Препровожденная по высочайшему вашего императорского величества повелению записка, извлеченная из показаний преступника Курицына [77]), кроме некоторых полезных указаний, которыми мы не преминем воспользоваться, представляет неоцененный документ в том отношении, что служит несомненным доказательством справедливости уже приведенных в исполнение строгих приговоров последнего времени ****).

Таким образом показание Курицына показало и нам, что розыски, производимые в Харькове для открытия убийцы князя Кропоткина, идут по правильному пути.

---

*) На поле помета: «Буду ожидать последствий».
**) На поле помета: «Слава богу!»
***) На поле помета: «И я так полагаю».
****) На поле помета: «Да».

Весьма печально видеть слабое состояние надзора за политическими арестантами во время их предварительного заключения. Из записки Курицына видно, что Лизогуб [78]), сидя в одесской тюрьме, без большого затруднения переписывался с своими сообщниками. Бегство прапорщика Фомина [79]) из-под стражи в Вильне представляет явление того же свойства, свидетельствующее о недостатке должного, строгого надзора *).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

44.

Из слов, начертанных рукою вашего императорского величества на всеподданнейшем донесении моем от 8-го октября, я должен заключить, что вы изволите опасаться, всемилостивейший государь, чтобы III отделение **), обольщенное успехом некоторых мер, не считало предстоящее еще ему дело более легким. Смею уверить ваше величество, что ни я, ни мои помощники еще не смели думать о возможности хотя малейшего ослабления строгого наблюдения за революционною партиею ***). Если я позволил себе всеподданнейше доложить о недоумении, в которое я был поставлен письмом графа Лорис-Меликова, то причиною тому была какая-то непонятная для меня таинственность сообщения.

Все розыски, произведенные в последнее время для открытия типографии, в которой была напечатана недавно вышедшая подпольная газета, не привели к желаемому результату ****).

Может быть, что эти розыски побуждают людей, занимающихся распространением газеты, к соблюдению большей осторожности *****); такое заключение я делаю на том основании, что число появившихся в Петербурге экземпляров весьма незначительно.

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

---

*) На поле помета: «К стыду нашему, то же повторялось и в самой Петропавловской крепости!»

**) На поле помета: «Оно касалось не III отделения, а вообще всех ведомств, так как мы склонны засыпать».

***) На поле помета: «В этом я уверен».

****) На поле помета: «Весьма жаль!»

*****) На поле помета: «Очень вероятно».

45.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что граф Лорис-Меликов сообщил, что до настоящего времени никаких явных проявлений, на которые он указывал в письме своем от 30 сентября, не было; начальник же харьковского жандармского управления генерал-майор Турцевич донес, что показания студента ветеринарного института, на которых харьковский генерал-губернатор основал свои предположения, по меньшей мере, мало вероятны *).

Вместе с тем граф Лорис-Меликов уведомил меня об арестовании Быховцева [80]), товарища и сожителя Мощенкова. Курицын в своем показании говорит, что это, вероятно, те «хохлы», про которых Лизогуб высказывал ему большие похвалы.

Завтра отъезжает к своему новому посту статс-секретарь Гамбургер [81]). Я просил его **) употребить все возможные средства для вразумления швейцарского правительства в необходимости выделить из числа лиц, которым оно дает приют и оказывает покровительство, тех эмигрантов, которые в своей стране совершили какое-нибудь преступление, хотя бы и с политическою целью. Последнее сообщение предместника тайного советника Гамбургера заставляет предполагать, что швейцарское правительство готово стать на этот путь, и я смею думать, что настоящее время наиболее благоприятно для произведения некоторого давления на правительство Швейцарского Союза ***).

В городе все спокойно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

46.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно и что за истекшие последние три дня никаких выдающихся известий не поступало.

Агенты наши в Швейцарии сообщают, что возвращение значительной части сосланных коммунаров в Париж и съезд социалистов и интернационалов в Марсели отозвались и в Швейцарии. В среде русских революционеров-социалистов, если верить агентам, происходит большое движение; этим преступным безумцам кажется, что приближается время, когда их замыслы должны осуществиться. Некоторые из них собираются будто бы перенести свою деятельность в Россию, но большинство находит, что это было бы еще преждевременно.

*) На поле помета: «Это в противоречии с тем, что заключалось в одном из предыдущих писем».

**) На поле помета: «Хорошо».

***) На поле помета: «Увидим, какой будет результат».

Считаю долгом всеподданнейше доложить, что за всеми выдающимися личностями русской революционной колонии установлено наблюдение.

Только-что получена телеграмма о том, что мать Фомина, офицера, бежавшего из-под ареста в Вильне, проживающая в Костромской губернии, получила от сына своего письмо, по штемпелю судя, из Полтавы. К разысканию его приняты меры *).

Генерал-адъютант Дрентельн.

47.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно. Из других мест также никаких особенно важных донесений не поступало, только начальник киевского жандармского управления донес об арестовании в самом Киеве молодого человека, скрывающего свою фамилию и упорствующего в даче показания**). При задержании его на нем найден заряженный револьвер, который он однако в дело не употребил. Полковник Новицкий утверждает, что задержанная личность не принадлежит к киевским обывателям, и, судя по некоторым, найденным в его вещах, бумагам, должен был находиться в сношениях с одесскими революционерами ***). К раскрытию личности неизвестного все меры приняты.

Генерал-адъютант Дрентельн ****).

48.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что из полученного от начальника киевского жандармского управления донесения видны побуждения, которыми руководился киевский генерал-губернатор при конфирмации приговора военного суда по делу о Крыжановском [82]) и других. Полковник Новицкий доносит, что все подсудимые без исключения держали себя на суде, вопреки прежним примерам, вполне прилично, и все просили о смягчении им наказания; главный же из виновных, убийца Крыжановский, особенно убедительно

*) На поле помета: «Надеюсь, что его найдут».

**) На поле помета: «Надеюсь, что добьются, кто он такой».

***) На поле помета: «Очень может быть».

****) На подлиннике далее рукою Дрентельна написано карандашом: «Содержание всеподданнейшего настоящего письма, дополненное сведениями письма на имя мое касательно Гусикова, сообщено по высочайшему повелению гр. Тотлебену. 1 ноября».

просил суд о помиловании и об оставлении ему жизни, если не для него, то для его старухи матери, которую он горячо любит. Побудительными причинами к убийству, с целью ограбления, он выставлял безысходную свою бедность, а не революционные стремления. В какой степени вышеизложенное могло служить поводом к смягчению смертного приговора, трудно сказать с полным убеждением, но нельзя не прибавить, что помилование от смертной казни человека, совершившего, помимо принадлежности его к социально-революционной партии, такие важные уголовные преступления, как убийство и ограбление почты, м о ж е т б ы т ь п р и н я т о з а п о с л а б л е н и е *).

В субботу 27-го числа был задержан в здании Публичной библиотеки молодой человек из евреев, на котором найдено было 5 экземпляров первого номера «Народной воли» и несколько других компрометирующих его письменных документов. Арестованный назвался сначала Брофманом, на имя которого на нем был паспорт; при допросе же он показал, что паспорт этот фальшивый и что он есть виленский мещанин Зунделевич [83]). Затем от дальнейших показаний отказался.

Арест назвавшегося Зунделевичем произошел при следующих обстоятельствах: за два дня, то-есть в четверг, в швейцарской Публичной библиотеки была поднята на полу бумажка, на которой печатно объявлялось о предстоящем выходе в свет газеты «Черный передел» [84]); когда означенный еврей появился в субботу в библиотеке, то швейцару показалось, что он видел этого человека, вертевшегося в четверг около того места, где было найдено преступное объявление. По выходе молодого человека из сеней в читальные комнаты швейцар осмотрел его верхнюю одежду и в кармане пальто нашел пачку газет, в которой с номером «Голоса» [85]) находились пять экземпляров первого номера подпольной газеты. Сообщено было полиции, которая была предварена, и, по выходе Зунделевича из читальной комнаты, он был арестован. При этом на нем были найдены другие, весьма подозрительные письменные документы.

Генерал-адъютант Д р е н т е л ь н.

49.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в городе все спокойно, и из других мест империи никаких важных известий не получено.

Во вторник был опять задержан в числе читателей Публичной библиотеки некто Сетнецкий, на котором было найдено два номера

*) На поле помета: «Д а!»

газеты «Земля и воля». Арестованный показал, что он из духовного звания, но скрывает место своего жительства, место родины и род занятий, прикидываясь простачком. Для разъяснения его личности приняты меры *).

Вашему величеству было всеподданнейше донесено управляющим министерством государственных имуществ о самоубийстве воспитанника Лисинского училища Шишкевича. Считаю долгом всеподданнейше доложить, что из произведенного по сему случаю офицером корпуса жандармов дознания можно прийти к несомненному заключению, что, хотя самоубийца, судя по оставленному им письму и по показанию свидетеля самоубийства воспитанника Никитинского, и принадлежал к числу лиц, увлекшихся социально-революционным учением, но эта принадлежность Шишкевича к революционной среде никаких следов в училище после себя не оставила **). Производивший дознание офицер, прожив несколько дней в Лисинском училище, отзывается с самой лучшей стороны о благонравии и направлении воспитанников и об отличном порядке, водворенном в сказанном заведении.

Генерал-адъютант Дрентельн.

50.

Вашему императорскому величеству имею честь всеподданнейше донести, что в городе все спокойно и вообще нет ничего такого, чем бы я мог утруждать внимание вашего величества.

Из за границы также нет известий сколько-нибудь интересных. По сообщениям наших агентов, материальное положение русских эмигрантов в Швейцарии самое бедственное ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

51.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что опасения о возможности возникновения беспорядков в высших учебных заведениях, повидимому, могут осуществиться. Из агентурных сведений на прошлой неделе стало известно, что в Петербургском университете некоторые из профессоров крайне нецеремонным обращением с инспектором развивают у студентов неудовольствие против вновь установленных порядков ****). Вместе

*) На поле помета: «О последствиях донести».

**) На поле помета: «Дай бог, чтобы это было так».

***) На поле помета: «Тем лучше».

****) На поле помета: «Я давно это предвидел из переписок».

с тем сообщалось, что между студентами замышляется подача адреса по этому предмету; но кому и в каком порядке адрес должен быть представлен, пока еще неизвестно *).

Все имеющиеся у нас сведения сообщены генерал-губернатору, который принял соответствующие меры **).

Вчера я получил от графа Лорис-Меликова письмо, в котором он также сообщает свои опасения насчет возможности волнений в университете. Попечитель донес генерал-губернатору, что в среде студентов появились какие-то прокламации и объявления о предстоящем выходе в свет газеты «Черный передел» ***), что студенты тоже недовольны новыми порядками и что следует ожидать волнений. Граф Лорис-Меликов заключает свое письмо выражением убеждения, что новые порядки должны быть удержаны без всякого послабления ****). Можно быть уверенным, что, в случае, если опасения его осуществятся, граф Лорис-Меликов поступит с твердостью и со свойственным ему благоразумием *****).

В заключение считаю себя обязанным всеподданнейше доложить вашему величеству, что во время следования партии ссыльно-каторжных в пределах Восточной Сибири трое из них, государственные преступники Дебагорий-Мокриевич[86]), Избицкий[87]) и Орлов[88]), поменялись именами с обыкновенными преступниками поселенцами и вместо сих последних отправлены по назначению ******). Розыски производятся. Означенные преступники судились в Киеве за вооруженное сопротивление.

Генерал-адъютант Дрентельн.

52.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что, повидимому, можно надеяться, что вследствие решительных и во-время принятых генерал-губернатором мер, начинавшееся в здешнем университете волнение прекратится без особых последствий *******). Генерал-адъютант Гурко объявил профессорам Менделееву[89]) и Меншуткину[90]),

---

*) На поле помета: «Надеюсь, что начальство на это обратит внимание».

**) На поле помета: «Необходимо, чтобы таковые же были приняты и прямым начальством».

***) На поле помета: «Об этом были уже сведения».

****) На поле помета: «Непременно».

*****) На поле помета: «Надеюсь».

******) На поле помета: «Тут, вероятно, было преступное неряшество, если не потворство. С виновных следует сделать строгое взыскание».

*******) На поле помета: «Дай бог».

которые, судя по агентурным сведениям, относились неуважительно к инспекции, что, если произойдет со стороны студентов какая-нибудь демонстрация, то оба они будут немедленно высланы из Петербурга *).

Одновременно с этим было приказано закрыть студентскую читальную залу и арестовать двенадцать человек студентов, которые, как по агентурным сведениям, так и по указанию инспекции, были как бы руководителями движения **). Некоторых из этих молодых людей генерал-губернатор предполагает выслать из города. Вчера в университете порядок ни в чем не нарушался, и сегодня, равным образом, все спокойно.

В Киеве опять арестован какой-то важный, по мнению местного начальника жандармского управления, преступник. На нем был найден заряженный револьвер, которого он однако в дело не употребил. От дачи показания он отказался.

О последних мерах, принятых в Харькове, я узнаю сегодня или завтра из письма, которое должен получить от графа Лорис-Меликова.

Генерал-адъютант Дрентельн.

53.

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, что в Петербургском университете в настоящее время все спокойно; учебные занятия идут своим чередом, и, повидимому, можно надеяться, что происшедшая вспышка не будет иметь печальных последствий ***). Есть основание предполагать, что число благоразумных молодых людей между студентами значительно увеличилось, и эта группа стала устойчивее в своих убеждениях.

Вопреки моему ожиданию, я еще не получил от графа Лорис-Меликова письма, на которое я рассчитывал для всеподданнейшего доклада вашему величеству о последних распоряжениях, сделанных харьковским генерал-губернатором, но из донесения начальника местного жандармского управления видно, что в Харькове арестовано шесть студентов, против которых имеются улики в принадлежности их к партии революционеров-социалистов. Принятие этой меры основано на показании одного студента Харьковского ветеринарного института.

Из других мест империи никаких, особо выдающихся по важности дела, донесений не поступало.

Генерал-адъютант Дрентельн.

*) На поле помета: «И хорошо сделал».
**) На поле помета: «Дельно».
***) На поле помета: «Дай бог».

54.

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, что в городе все спокойно и что в среде университетской молодежи волнение, повидимому, совершенно затихло *).

Письмо харьковского генерал-губернатора, об ожидании которого я всеподданнейше докладывал вашему величеству, получено. Письмо это подтверждает факт ареста некоторых студентов местных высших учебных заведений; кроме задержанных первоначально шести человек, арестованы еще двое. Трое из них принадлежат к составу ветеринарного института, а остальные из числа студентов университета. Данными для задержания послужили добытые агентурным путем сведения о политической неблагонадежности этих молодых людей, дающие повод заключить об их прикосновенности к социально-революционной партии. При произведенном у них обыске у некоторых из числа арестованных найдены компрометирующие документы, которые рассматриваются в жандармском управлении.

Из других мест империи никаких особенно выдающихся донесений не поступало.

Генерал-адъютант Дрентельн.

55.

Вашему императорскому величеству имею счастие донести, что в городе все благополучно.

Сегодня в 10 часов открыто заседание военного суда по делу Мирского.

Сегодня же я получил телеграмму от начальника иркутского жандармского управления о том, что один из скрывшихся на пути трех государственных преступников, ссыльно-каторжный Орлов разыскан и задержан.

Особо важных известий из империи за последнее время не получено.

Генерал-адъютант Дрентельн.

56.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что дело Мирского рассмотрением на суде еще не кончено. Вчера вечером, за поздним временем и по просьбе защитников, заседание суда отложено до сегодняшнего утра. Вчера судебные прения заключились обвинительною речью прокурора.

*) На поле помета: «Дай бог, чтобы это было прочно».

Загадочная личность, арестованная два месяца тому назад в Киеве под именем Григоренки, окончательно выяснена. Человек этот оказался сыном священника Роменского уезда Владимиром Грищенко [91]), то-есть земляком и товарищем Зубковского, подозреваемого в участии в убийстве князя Кропоткина. Секретные розыски по этому делу продолжаются одним жандармским ведомством с большим успехом.

В Петербурге все благополучно.

Генерал-адъютант Дрентельн.

Приложение.

Письмо А. Р. Дрентельна Н. К. Шмидту

Москва. 2 часа ночи на 20-е ноября.

Около 11 часов вечера приехал некто князь Оболенский, тульский помещик, который был принят в дополнительный поезд и сообщил графу Адлербергу [92]) о происшествии [93]). Граф привел его ко мне. Через полчаса Кох привел стражника Черкасова, ехавшего в числе тринадцати в означенном поезде. Когда подумаешь, что это несчастие могло случиться с императорским поездом! Я даже не понимаю, почему оно не случилось, так как поезд этот прошел прежде. Вы представьте себе настроение моего духа!

Яма, говорят, довольно большая; насчет рельсов показания расходятся: Черкасов говорит, что их разворотило, а полицейский чиновник, приехавший оттуда, утверждает, что рельсы целы. Мне кажется, что показание Черкасова правдоподобнее. Жду Задонского, который находится теперь на месте происшествия.

Я распорядился, чтобы на почте было обращено более внимания на подозрительные письма и в особенности, чтобы это внимание было усилено на телеграфной станции.

7½ часов утра.

Ночью был у меня обер-полицмейстер. По розыску оказалось, что место, где произошел взрыв, соединено проволоками с невдалеке стоявшим небольшим домом. Дом куплен полтора месяца тому назад, но — кто хозяин дома, ко времени отъезда Козлова с места происшествия еще добиться не могли. По некоторым признакам можно было заключить, что дом был только что оставлен.

Сейчас получил две ваши телеграммы, которые Романченко разбирает.

10½ часов.

Телеграммы были доложены государю. Он взгляда Гурки не разделяет. Я позволил себе доложить его величеству, что вопрос о том, что попал он или не попал в намеченную им цель, составляет вопрос второстепенный; на первом плане стоит то, что он стрелял в шефа жандармов как высшего представителя власти и что он действовал в качестве представителя Исполнительного комитета революционной партии. Если преступление Мирского не имело последствий для меня и для жандармов, по которым он стрелял, то прощение его будет иметь весьма печальные последствия для России.

По моему мнению, конфирмация Гурки показывает все, что наделал Дебоа и Петербургский военно-окружный суд.

До сих пор дознано, что из дома был устроен подкоп, положены трубы, а в доме были устроены четыре батареи Румкорфа. Дом двухэтажный с мезонином; в нижнем этаже развешены были образа, портрет государя и разные картины самого благонадежного содержания. Земля рассыпана по двору и в сарае, находившемся во дворе.

Купивший полтора месяца тому назад дом назвался саратовским мещанином Брюхановым [94]). Он, по показаниям соседей, — молодой человек лет 25, блондин [95]); жившая с ним женщина также блондинка, лет 18 [96]), и очень хороша собой.

Розыски продолжаются усиленно.

Государь довольно покоен, как всегда в подобных случаях. Не могу сказать того же про себя.

Крепко жму вашу руку, многоуважаемый и достойнейший Никита Конрадович.

Искренно вам преданный А. Дрентельн.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) В Ростове на Дону 2 апреля 1879 года произошли волнения: были разграблены квартира полицмейстера, полицейское управление и участок.

[2]) 2 апреля 1879 г. А. К. Соловьев стрелял в Александра II близ Зимнего дворца, но промахнулся. Покушение на Александра II А. К. Соловьев совершил по личной инициативе, несмотря на протесты части членов «Земли и воли».

[3]) Соловьев, Константин Григорьевич, отставной лекарский помощник придворного ведомства.

[4]) После неудачной попытки убить Александра II А. К. Соловьев пытался отравиться, раскусив орех с ядом.

[5]) Леонтьев, Сергей Иванович (1825—1887), сенатор.

[6]) Набоков, Дмитрий Николаевич (1827—1904), министр юстиции в 1875—1885 гг.

[7]) В 1877—1878 гг. А. К. Соловьев находился в Самарской губ., ведя пропагандистскую работу.

[8]) Челищева, Екатерина Михайловна.

[9]) Веймар, Орест Эдуардович (1845—1885), врач, оказывал услуги землевольцам. Привлекался по делу об освобождении П. А. Кропоткина и убийстве шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Арестован 3 апреля 1879 г. по подозрению в покупке для Соловьева револьвера и снабжении его ядом, что оказалось неверным. По приговору Петербургского военно-окружного суда 14 мая 1880 г. сослан на Кару, где и умер.

[10]) Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901), ген.-ад., ген.-от кав. С марта 1879 г. по февраль 1880 г. петербургский врем. ген.-губернатор.

[11]) Дубровин, Владимир Дмитриевич (1855—1879), подпоручик 86 пех. Вильманстрандского полка, квартировавшего в Старой Руссе. Вел революционную пропаганду в войсках и при аресте оказал вооруженное сопротивление. По приговору Петербургского-военно-окружного суда повешен в Петропавловской крепости 20 апреля.

[12]) Богданович, Николай Николаевич (1846—1881), отставной поручик, организовал в селе Воронине Торопецкого уезда кузницу, служившую сборным пунктом для пропагандистов. Жена его — Богданович, Мария Петровна (урожд. Михаэлис). Богдановичи были арестованы в начале апреля 1879 г. по подозрению в соучастии в покушении Соловьева.

[13]) Вульферт, Федор Константинович, отставной поручик артиллерии, в 1876 г. вел пропагандистскую работу среди крестьян Торопецкого уезда.

[14]) Веймар назвал фамилию Севастьянова, повидимому, как первую попавшуюся, не зная, что в действительности под фамилией Севастьянова жил Г. А. Лопатин.

[15]) Фадеев, Ростислав Андреевич (1824—1883), ген.-майор. Автор ряда книг: «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879—6 апреля 1880 г.», «Вооруженные силы России», «Чем нам быть», «Восточный вопрос» и т. д. Издатель журнала «Русский мир».

[16]) Валуев, Петр Александрович (1814—1890), граф, член Госуд. совета, министр госуд. имуществ.

[17]) Горчаков, Александр Михайлович, светл. кн., государственный канцлер и министр иностранных дел в 1856—1882 гг.

[18]) Коцебу, Павел Евстафьевич, граф, варшавский генерал-губернатор, член Госуд. совета.

[19]) Попов, Михаил Родионович (1851—1909), землеволец. Арестован в Киеве 28 февраля 1880 г. Судился по процессу 21-го и приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал в Шлиссельбурге до октября 1905 г.

[20]) Рейнштейн, Николай Васильевич, провокатор. Убит 26 февраля 1879 г. М. Р. Поповым при участии Шмемана и др. Благодаря его предательству, были арестованы Обнорский и др. члены «Северно-Русского Рабочего Союза».

[21]) Оржевский, Петр Васильевич (1839—1897), ген.-лейт., в 1873—1882 гг. начальник варшавского жандармского управления, впоследствии тов. министра внутренних дел и шеф жандармов.

[22]) Обыск в словолитне М. Вольфа был произведен по заявлению инспектора типографий, который указал, что шрифты для печатания «Земли и воли» были взяты из словолитни Вольфа. Управляющий словолитней В. А. Александров был арестован и просидел несколько месяцев в доме предварительного заключения. Расследование, произведенное пом. прокурора Н. В. Муравьевым,

установило полную непричастность словолитни Вольфа к печатанию «Земли и воли».

[23]) Бельгиец Майн был рекомендован полковником И. М. Барановым, бывшим впоследствии петербургским градоначальником и нижегородским губернатором. Баранов совместно с Майном отправились за границу с целью ареста революционеров-эмигрантов, но их поездка ничего реального не дала, истрачено было на это дело около 75 тысяч рублей.

[24]) Волошенко, Иннокентий Федорович (1848—1908), студент Новороссийского университета, активный участник южных революционных кружков. Арестован 24 января 1879 г. в Киеве. Киевским военно-окружным судом 13 мая 1879 г. приговорен к 10 годам каторги и отправлен на Кару.

[25]) Черевин, Петр Александрович, ген.-майор, тов. главноупр. III отделением, впоследствии шеф жандармов, а в 1879 г. и начальник дворцовой охраны.

[26]) Куперник, Лев Абрамович (1845—1905), прис. поверенный, известный впоследствии защитник по политическим процессам.

[27]) Икскуль, Карл Петрович, барон, русский посол в Риме.

[28]) Кропоткин, Петр Алексеевич, кн. (1842—1921), видный член кружка чайковцев, а затем один из крупнейших теоретиков анархизма. Будучи арестован в июне 1876 г., бежал из Николаевского военного госпиталя, куда был переведен из Петропавловской крепости, при содействии доктора Веймара, Адриана Михайлова и др.

[29]) Мезенцов, Николай Владимирович, ген.-ад., ген.-лейт., начальник II I отделения, шеф жандармов. Убит на Михайловской площади в Петербурге 4 августа 1878 г. С. М. Кравчинским при участии Адриана Михайлова и А. Баранникова.

[30]) Михайлов, Адриан Федорович (1853—1929), землеволец. В 1880 г. судился по делу об убийстве Мезенцова и приговорен к 20 годам каторги, которую отбывал на Каре.

[31]) В покушении на ограбление почты, следовавшей из Житомира в Киев, и денежного ящика Курского пехотного полка принимали участие члены киевского и житомирского революционных кружков — Козакевич, Зундштрем, Кречетович, Богряновский, Чуйков и др.

[32]) Козакевич, Константин Филиппович, отставной поручик, входил в житомирский революционный кружок. Будучи арестован за покушение на ограбление почты и денежного ящика Курского полка, по приговору Киевского военно-окружного суда в июле 1879 г. приговорен к каторжным работам на 6 лет.

[33]) Тотлебен, Эдуард Иванович, граф, ген.-ад., новороссийский ген.-губернатор.

[34]) Засулич, Вера Ивановна (1851—1919), член «Земли и воли», после примкнула к «Черному переделу». Впоследствии одна из учредителей соц.-дем. «Группы Освобождения Труда».

[35]) Кравчинский, Сергей Михайлович (1850—1894) землеволец, входил в состав редакции «Земли и воли». После убийства Мезенцова скрылся за границу.

[36]) Кропоткин, Дмитрий Николаевич, кн. (1836—1879), ген.-майор, харьковский военный губернатор. Убит 9 февраля 1879 г. Григ. Гольденбергом.

[37]) На шефа жандармов Дрентельна 13 марта 1879 г. было произведено покушение бывш. студентом медико-хирургической академии Л. Ф. Мирским. Нагнав верхом на скаковой лошади карету Дрентельна у Летнего сада, Мирский произвел неудачный выстрел. Скрывшись от погони, Мирский вскоре уехал в Таганрог, где благодаря доносу был арестован. Находясь в Петропавловской

крепости, Мирский донес властям о сношениях Нечаева с революционерами. По приговору Петербургского военно-окружного суда приговорен к смертной казни, замененной ген.-губернатором Гурко бессрочной каторгой.

[38]) Зубковский, Афанасий Андреевич, бывш. студент Киевского университета, в 1878 г. примкнул к революционной организации. Арестован в селе Засулье Роменского уезда. Судился по процессу 16-ти в 1880 г. и был приговорен к 15 годам каторжных работ.

[39]) Баранников, Александр Иванович (он же Тюриков, Кошурников, Алафузов) (1858—1885), землеволец, принимал участие в организации убийства Мезенцова. После — народоволец. В 1881 г. был арестован и судился по процессу 20-ти, приговорен к бессрочной каторге. Умер в Шлиссельбургской крепости.

[40]) Гирс, Николай Карлович (1820—1895), тов. министра иностранных дел, а в 1882—1895 гг. министр иностранных дел. Сторонник сближения России с Германией и Австрией.

[41]) Свидание Александра II с германским императором Вильгельмом I происходило 22 и 23 августа 1879 г.

[42]) Дриго, Владимир Васильевич, управляющий имениями Д. Лизогуба; по поручению последнего снабжал революционеров денежными средствами. Летом 1879 г. был арестован, на допросах дал откровенные показания, погубившие Лизогуба.

[43]) Белоконский, Иван Петрович, находился в сношениях с народовольцами, за что в 1880 г. был сослан в Сибирь. Впоследствии известный земский деятель и член кадетской партии со дня ее организации.

[44]) Мощенко, Никандр Платонович, землеволец. В 1878 г. вел пропагандистскую работу в Саратовской губернии. В 1879 г. был арестован, после чего сослан в Западную Сибирь.

[45]) Клеменц, Дмитрий Александрович (1848—1914) входил в кружок чайковцев, один из редакторов «Земли и воли» и «Общины». В январе 1879 г. был арестован и сослан в Восточную Сибирь, где пробыл до 90-х годов.

[46]) Маков, Лев Саввич (1830—1883), министр внутренних дел.

[47]) Кац, Константин Абрамович (1855—1920), член харьковского революционного кружка, занимался распространением среди крестьян пропагандистской литературы. Преследуемый властями, бежал в Румынию, откуда в 1878 г. обманным путем был вывезен и заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Архангельскую губернию. В 1879 г. бежал из Мезени вместе с Н. Преферанским за границу. Поселился в Румынии, где приобрел большую известность как писатель под псевдонимом Костико-Добруджану Гереа. Впоследствии лидер румынской соц.-дем. партии.

[48]) Преферанский, Николай Алексеевич; умер в Париже в 1887 г.

[49]) Один из братьев Ивичевич — Иван или Игнат, входивших в «Южно-Русский Рабочий Союз», а затем членов кружка В. Осинского и Киевского исполнительного комитета. Оба смертельно ранены при перестрелке с жандармами 11 февраля 1879 г. в Киеве в доме Косоровского.

[50]) Армфельд, Наталия Александровна (1850—1887), подвергалась арестам в 1874 и 1875 гг. за распространение пропагандистской литературы. В 1878 и 1879 гг. принимала участие сначала в московском, а затем в киевском революционных кружках. Арестована в Киеве 11 февраля 1879 г. По приговору Киевского военно-окружного суда осуждена на 14 лет 10 мес. каторги и сослана на Кару.

[51]) Осинский, Валерьян Андреевич (1853—1879), видный член «Земли и воли», действовавший в Киеве от имени Исполнительного комитета. Арестован 24 января 1879 г. По приговору Киевского военно-окружного суда повешен 14 мая.

[52]) Новицкий, Василий Дементьевич, полковник, начальник киевского жандармского управления с 1878 по 1903 г.

[53]) Войнаральский, Порфирий Иванович (1844—1898), известный пропагандист 70-х годов, пожертвовавший все свое состояние на революционные нужды. В июне 1874 г. был арестован, судился по процессу 193-х и приговорен к каторжным работам на 10 лет. По дороге в Ново-Белгородскую тюрьму 1 июля 1878 г. была сделана неудачная попытка освободить Войнаральского, в которой принимали участие А. Квятковский, Хотинский, Фомин-Медведев, Перовская и др.

[54]) Булич, Александр Петрович, земский врач черниговского уезда. Обвинялся в даче 300 рублей Зубковскому для организации подпольной типографии. Судился в 1880 г. по процессу 16-ти и приговорен к 15 годам каторжных работ. Умер в ссылке.

[55]) Зиновьев, Николай Алексеевич, отставной капитан гвардейской артиллерии. Впоследствии член центрального кружка военной организации «Народной воли».

[56]) Богданович, Юрий Николаевич (1850—1888), землеволец, затем народоволец. Под фамилией Кобозева принимал участие вместе с А. В. Якимовой в подготовке покушения на Александра II. Арестован в Москве 15 марта 1882 г. Судился по процессу 17-ти и приговорен к бессрочной каторге. Умер в Шлиссельбургской крепости.

[57]) Фомин, Алексей Федорович (Медведев). В 1878 г. был арестован в Харькове, но бежал из тюрьмы, в 1879 г. вновь арестован. Судился в Харьковском военно-окружном суде за попытку освободить Войнаральского. Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

[58]) Масальский, Иван Федорович, кн., старший чиновник 3-й эксп. III отделения.

[59]) Шмидт, Никита Конрадович, управляющий III отделением.

[60]) Кириллов, Григорий Григорьевич, чиновник для особых поручений при III отделении.

[61]) В целях принятия мер к предупреждению студенческих волнений 2 августа 1879 г. было утверждено положение Комитета министров о том, чтобы в виде временной меры, впредь до изменения университетского устава: 1) предоставить мин. нар. просв. составить, не стесняясь уставом 1863 г., инструкцию для университетской инспекции; 2) предоставить попечителям учебных округов, в случае, если существующая инспекция будет признана не соответствующей своему назначению, изменять ее состав по соглашению с местным губернатором.

[62]) Кавский, Иван Дмитриевич. В июле 1879 г. организовал в Петербурге нелегальный студенческий кружок, имевший целью устройство тайных литографий и распространение среди петербургских рабочих прокламаций. 16 сентября 1879 г. арестован, а 30 апреля 1880 г. административно выслан на родину в Тверскую губернию.

[63]) Богоявленский, Михаил Петрович, студент Петербургского университета. Участник кружка Кавского.

[64]) Беклемишев, Евгений Александрович, вольнослушатель Петербургского университета, в 1879 г. вел пропаганду среди крестьян Псковской губернии. Арестован 15 сентября 1879 г. по обвинению в укрывательстве Л. Мирского. По суду был оправдан, но выслан в Рязанскую губернию под надзор полиции.

[65]) Ольхин, Александр Александрович (1839—1897), известный защитник по политическим процессам. Высланный в 1879 г. из Петербурга в Вологодскую губернию, был привлечен по делу о содействии в укрывательстве Л. Мирского, но был оправдан и вновь выслан.

[66]) Левченко, Павел Васильевич (1853—1884), пропагандист. Арестован 21 августа 1879 г. в Херсоне за попытку передать через ключника записку Россиковой, заключенной в херсонском тюремном замке. Умер в красноярской тюрьме.

[67]) Россикова, Елена Ивановна (урожд. Виттен), член кружка Ковальского в Одессе. В 1879 г. принимала участие, совместно с Юрковским, в экспроприации денежных сумм из херсонского казначейства посредством подкопа. Одесским военно-окружным судом в 1880 г. осуждена к бессрочной каторге.

[68]) Филиппов, Тертий Иванович (1825—1899), тов. госуд. контролера, а с 1889 г. госуд. контролер и член Госуд. совета.

[69]) Крашевский, Иосиф Игнатьевич (1812—1887), польский писатель, известен своими историческими повестями из эпохи XVIII ст.

[70]) Спасович, Владимир Данилович (1829—1906), проф. Петербургского университета, известный присяжный поверенный.

[71]) Чубаров, Сергей Федорович (1845—1879), член киевского революционного кружка. Арестован в Одессе в 1879 г. Судился в Одесском военно-окружном суде по процессу 28-ми. Повешен 11 августа 1879 г.

[72]) Ливен, Андрей Александрович, кн., министр госуд. имуществ.

[73]) Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888), граф, ген.-адъютант. В январе 1879 г. назначен врем. ген.-губернатором Астраханской, Саратовской и Самарской губерний, а 5 апреля харьковским врем. ген.-губернатором с особыми полномочиями.

[74]) Салисбюри, Роберт (1830—1903), в 1878—1880 гг. английский министр иностранных дел.

[75]) Первый номер «Народной воли» вышел 1 октября 1879 г. под ред. Н. Морозова и Л. Тихомирова, печатался в подпольной типографии в Саперном переулке.

[76]) Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879), известный русский историк, проф. Московского университета.

[77]) Курицын, Федор Егорович (1853—1906), бывш. студент Харьковского ветеринарного института, входил в харьковский революционный кружок. Арестован 1 апреля 1877 г. При дознании дал откровенные показания; находясь в одесской тюрьме, занимался доносами, благодаря которым были повешен В. Малинка, Д. Лизогуб, И. Дробязгин и др. В 1880 г. выпущен под надзор полиции.

[78]) Лизогуб, Дмитрий Андреевич (1850—1879), землеволец, вышел из богатой помещичьей семьи. Все свое состояние пожертвовал на революционные нужды. Арестован летом 1878 г. и по приговору Одесского военно-окружного суда казнен 10 августа.

[79]) Фомин, Алексей Александрович. В 1879 г. был арестован за пропаганду среди солдат, но ему удалось бежать. Впоследствии принимал участие в деятельности «Народной воли», работал в московской подпольной типографии в 1882 г.

[80]) Быковцев, Николай Павлович, землеволец. В 1874 г. вместе с Н. Мощенко вел пропаганду среди крестьян, организовал в Харькове пропагандистский кружок. В октябре 1879 г. был арестован в Харькове по подозрению в участии в убийстве кн. Кропоткина.

[81]) Гамбургер, Андрей Федорович, русский посланник в Швейцарии.

[82]) Крыжановский, Николай Федорович (1859—1885). В 1879 г. организовал в Каменец-Подольске революционный кружок, 25 июля вместе с Козачковским

и Туровичем произвел ограбление почты около местечка Ярмолинец Каменец-Подольской губернии. Арестован 26 июля после вооруженного сопротивления, Киевским военно-окружным судом приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации 20 годами каторжных работ.

[83]) Зунделевич, Аарон Исаакович (1854—1923), землеволец. Судился по процессу 16-ти в 1880 г. и приговорен к бессрочной каторге.

[84]) «Черный передел», орган социалистов-федералистов, издавался с января 1880 г.; последний — пятый — номер вышел в декабре 1881 г.

[85]) «Голос» — ежедневная, либеральная политическая и литературная газета, издавалась с 1863 по 1883 г. По своему влиянию и распространению занимала видное место среди русской политической прессы 60—70 годов.

[86]) Дебагорий-Мокриевич, Владимир Карпович (1848—1926), бакунист, пропагандист. Член киевского революционного кружка. Арестован 11 февраля 1879 г. в Киеве, по приговору Киевского военно-окружного суда осужден на 15 лет каторжных работ. По дороге на каторгу, около Иркутска, ему удалось бежать в Москву, а затем за границу.

[87]) Избицкий, Владислав Иосифович, студент Киевского университета, откуда в 1878 г. был исключен за участие в студенческих волнениях. Арестован в марте 1878 г. за расклейку прокламаций. По приговору Киевского военно-окружного суда в мае 1879 г. осужден на 15 лет каторжных работ. По пути на каторгу бежал, но погиб в дороге.

[88]) Орлов, Павел Александрович (1856—1890), участник процесса 193-х, был выслан в Архангельскую губернию, откуда бежал. Арестован в Киеве 11 февраля 1879 г. По приговору Киевского военно-окружного суда осужден на 14 лет каторги. По пути на Кару пытался бежать, но неудачно.

[89]) Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907), знаменитый химик, проф. Петербургского университета.

[90]) Меншуткин, Николай Александрович (1842—1907), известный химик, проф. Петербургского университета.

[91]) В Киеве 21 августа 1879 г. был задержан с подложным паспортом на имя Григоренко не Грищенко, как сообщает Дрентельн, а дворянин Людвиг Александрович Кобылянский (1859—1886), принимавший участие в убийстве харьковского губернатора кн. Кропоткина. Судился в Петербургском военно-окружном суде по процессу 16-ти, приговорен к каторжным работам на 20 лет. Умер в Шлиссельбургской крепости.

[92]) Адлерберг, Александр Владимирович (1818—1889), граф, министр имп. двора и уделов в 1872—1887 гг.

[93]) Воспоминания кн. Д. Д. Оболенского о покушении на взрыв царского поезда 19 ноября 1879 г. были напечатаны в журналах: «Русский архив» 1894 г. № 10, «Былое» (загран). 1904 г. № 6 и «Русская Историческая Библиотека», № 5, изд. «Донской Речи», 1905 г.

[94]) Дом был снят Л. Н. Гартманом на имя не Брюханова, а Сухорукова.

[95]) Гартман, Лев Николаевич (1850—1913), принимал активное участие в революционном движении с 1876 г. Был одним из главных действующих лиц по организации взрыва жел.-дор. полотна под Москвой 19 ноября 1879 г. при проезде Александра II, после чего уехал за границу.

[96]) Перовская, Софья Львовна (1853—1881), член Исполнительного комитета «Народной воли», принимала активное участие в организации покушения на Александра II под Москвой и 1 марта 1881 г. Казнена 3 апреля 1881 г.

Из записной книжки архивиста.

Вокруг 1 марта 1881 г.

Публикуемые ниже документы связаны с некоторыми эпизодами первомартовской истории, лишь отчасти известными в печати.

Первая группа этих документов касается вопроса о суде над первомартовцами. Лишь теперь мы узнаем, что тот прием скоропалительной юстиции с немедленным судом и смертною казнью в 24 часа, который годом ранее был применен по отношению к Млодецкому и год спустя по отношению к Халтурину и Желвакову, этот прием должен был иметь место и в деле 1 марта. Как явствует из публикуемого ниже первого доклада Лорис-Меликова, первоначально было решено уже третьего марта судить Рысакова военно-полевым судом (об этом — см. доклад 5 марта), а четвертого марта, в среду, завершить процесс казнью. Последовавшее в ночь с 1 на 2 марта вслед затем известное признание Желябова вызвало доклад от второго марта (см. № 1) с предложением, ввиду привлечения к делу Желябова, отсрочки всей процедуры на одни сутки. Как видим из резолюции, Александр III пошел на эту однодневную отсрочку суда и казни до четвертого и пятого числа. Однако на третий день, третьего марта, произошли еще новые события: захват конспиративной квартиры на Тележной ул. и арест Геси Гельфман, а затем также и арест пришедшего на эту квартиру Тимофея Михайлова. Вызванный этими событиями новый доклад Лорис-Меликова от третьего марта, в котором он вновь предлагал отсрочить суд еще на 2—3 дня, уже известен в печати [1]).

Однако события следовали так быстро и так неожиданно одно за другим, что вскоре стало ясно, что дело должно пойти отнюдь не только по линии одной лишь отсрочки этого заранее предрешенного судебного действия. Уже в ночь на второе марта Желябов заявил допрашивавшим его властям, что «ежели с восшествием на престол е. и. в. государя императора Александра Александровича ожидания партии не исполнят, и она встретит такое же противодействие, то не остановится и в будущем прибегать к таким же покушениям и против него» [2]). Эта новая угроза террористического акта приобрела 4 марта совершенно реальные очертания: в этот день был открыт подкоп на Малой Садовой ул. и открыт без каких бы то ни было розыскных действий. Власти теперь должны были прямо опасаться того, что они не знают, что еще не открыто и откуда может грозить ближайшая опасность. Эта новая ситуация нашла себе яркое отражение в докладе пятого марта, докладе, который ликвидировал планы военно-полевой расправы с первомартовцами и предлагал направить их порядком,

---

[1]) «Былое», 1918 г. № 10—11, стр. 26.

[2]) Там же, стр. 23—24; точность текста «Былого» возбуждает некоторые сомнения (исполнят?).

уже практиковавшимся в других политических процессах — через Особое присутствие Сената. Что причиною не только отсрочки, но и видимости правосудия была именно Садовая улица, в том определенно убеждает мотивировка этой отсрочки. Здесь именно на первом месте подчеркнуто, что, так как «оставшиеся на свободе единомышленники» первомартовцев «ободрены удачей», то в случае казни первомартовцев они могут попытаться организовать покушение на «драгоценные дни» Александра III во время похорон, когда охрана царя представляет «особые затруднения». Таким образом, дабы не придать решимости террористам, казнь надо было отсрочить до времени после похорон. Но это было вместе с тем и предлогом к замене военного суда сенатским, который должен был начаться, по предложениям доклада, «на другой день после похорон». Это было принято, и таким образом в этом эпизоде отразилось и на правительственных сферах господствовавшее в те дни убеждение, что силы Исполнительного комитета чрезвычайно велики [1]).

Два других документа связаны с именем Геси Гельфман. Известно, что после того, как вследствие своей беременности, Гельфман пережила день 3 апреля, день казни первомартовцев, в западно-европейской прессе и на собраниях, особенно во Франции, поднялась широкая агитация за ее помилование. Эта кампания не прошла мимо русских властей, и соответствующие представления парижского посла заставляли задумываться не только министерство иностранных дел, но и министерство внутренних дел, в котором господствовал переходный режим гр. Игнатьева. Бывший дипломат понял, что необходимо предпринять шаги к успокоению слишком взбудораженного общественного мнения Запада, и понял также, что правительство зашло в первомартовских казнях слишком далеко, для того, чтобы пресса Запада могла ему в чем-либо поверить. И Игнатьев решился на шаг, который должен был дать двойной результат: с одной стороны, опровергнуть утверждения заграничной прессы о невозможных условиях содержания Геси Гельфман, а с другой — парировать ее удары помилованием Гельфман. Но и то и другое требовало деликатности. Кто поверил бы опровержениям, если бы их напечатали правительственные или близкие к правительству органы печати? И как бы выглядело правительство, если бы оно теперь, после этой газетной кампании, само, по своей инициативе, помиловало Гельфман? Игнатьев нашел выход и для одного и для другого: опровержение должно было появиться, но в органе, считающемся на Западе оппозиционным правительству и либеральным, а помилование должно было тоже последовать, но по прошению самой Гельфман. Оформил же Игнатьев свой трюк тем

---

[1]) В истории составления обвинительных актов по делу 1 марта есть тоже некоторые неизвестные детали. Общеизвестны два обвинительных акта по делу 1 марта: один, включающий всех обвиняемых, кроме Кибальчича, от 16 марта, и другой, от 21 марта, специально о Кибальчиче, который был арестован лишь 17 марта. Однако уже 9 марта был готов первый обвинительный акт и был уже отпечатан, но он касался лишь четырех подсудимых, и арест Перовской 10 марта похоронил его в архиве. И здесь была проделана вновь процедура всеподданнейшего доклада: 13 марта министр юстиции сообщал о необходимости дополнения дознания вследствие ареста Перовской. Отметим также, что обвинительный акт о Кибальчиче в корректуре (она, как и все сообщаемые здесь сведения, имеется в деле министерства юстиции, 1881 г., № 8141) был сокращен, и из него были изъяты сведения о воздухоплавательном аппарате Кибальчича.

путем, что дал свидание с Гельфман корреспонденту «Голоса» и вместе с ним защитнику Гельфман, прис. пов. А. А. Герке. Насколько успешным оказалось посещение первого из них в качестве апологета арестантского режима в Петропавловской крепости, о том можно было судить тогда же. 23 июня состоялся только что упомянутый визит, а уже на следующий день в «Голосе» появилось обширное о нем сообщение. «Голос» прежде всего счел нужным заверить министра, что он всегда готов служить подобным выяснениям, когда только ему позволят, а затем приступил к опровержению «нелепых известий» заграничной печати о «государственной преступнице Тесе Гельфман». Оказалось, по сообщению корреспондента, пробывшего в крепости 1 ч. 20 мин., что все написанное иностранной прессой — «все это ложь не столько тенденциозная, сколько невежественная». Камера Гельфман, в которой он побывал, оказалась «снабжена решительно всем необходимым и, что главное, совершенно достаточным количеством света и воздуха». Что касается одежды, то Гельфман была одета в «длинное, коричневато-сероватое пальто, застегнутое на все пуговицы, из-под которого виднелось черное шерстяное платье; на шее повязана белая косынка; из рукавов пальто виднелось совершенно чистое белье». Однако еще любопытнее тот разговор, который передает либеральный корреспондент. Гельфман рассказала, что «вскоре после окончания суда» ее спрашивал «какой-то полковник» относительно «одного из арестованных». Она, понятно, отказалась отвечать, «хотя и знает его». На вопрос корреспондента, как полковник производил этот допрос, Гельфман уверила его, что полковник «спросил очень любезно». На вопрос, не вынуждал ли он у нее показаний, Гельфман «твердо и решительно» ответила, что «никто и никогда» этого не делал. Наконец, она вообще заверила корреспондента, что «со мною обращались как следует и как указывает закон». Затронут был в беседе и будущий ребенок Гельфман, которого она желала бы отдать родным отца, так как ее родные — «фанатики» [1]). Итак, как видим, корреспондент наиболее «левой» из тогдашних петербургских газет великолепнейшим образом выполнил свою задачу. Нам, по крайней мере, неизвестно другое описание крепостного режима, которое столь бы его восхваляло.

Как достиг Игнатьев своей второй цели — склонить Гесю Гельфман к подаче прошения о помиловании, об этом говорят публикуемые ниже два документа — письмо А. А. Герке и прошение Гельфман. Из них нетрудно заключить о том, как стремился получить документ, подобный прошению, Игнатьев. Сам Герке чувствует, что прошение Гельфман не таково, каким полагается быть всеподданнейшему прошению. Вместо хотя бы малейшего раскаяния — здесь мало подобающие мотивы о пище и содержании. Но Игнатьеву нужна была любая бумажка за подписью Гельфман: ведь она публикации все равно не подлежала, а в официальном сообщении о помиловании она давала возможность сослаться на нее. Эту роль, действительно, прошение выполнило, и о нем оповещено было официально в сообщении о помиловании Гельфман [2]).

Последний из печатаемых документов содержит сведения о наименее известном из метальщиков 1 марта — Иване Пантелеймоновиче Емельянове. Если имена Гриневицкого, Тимофея Михайлова и Рысакова известны в

---

[1]) «Голос», 1881 г., № 173, от 24 июня, стр. 2.

[2]) Для всего предыдущего ср. имеющуюся сводку данных у В. Иохельсона и Р. Кантора, Геся Гельфман, Птг. 1922, стр. 42—44.

литературе 1 марта, то Емельянов, если и попадался на страницах мемуарной литературы, то разве в карийской литературе, в которой он оставил по себе печальную память своим прошением о помиловании 1889 г. Об его первых шагах и, в особенности, о том, как он попал в число метальщиков 1 марта, мы лишь недавно получили сведения из специальной (и единственной в литературе) статьи о нем А. П. Корба-Прибылевой [1]). В рассказе А. П. Корба-Прибылевой, который, как мы теперь можем судить из автобиографического рассказа самого Емельянова, очень точен, содержатся весьма существенные сведения для понимания того, как Емельянов стал метальщиком. Сведения, сообщаемые А. П. Корба-Прибылевой и самим Емельяновым, могут быть однако пополнены еще некоторыми документальными данными, а также и некоторыми показаниями. Так, по метрическому свидетельству, родился Емельянов 26 сентября 1860 г. К Н. Ф. Анненскому, известному статистику, женатому на сестре П. Н. Ткачева, Емельянов попал в 1870 г. Сам Н. Ф. Анненский был в 1881 г. выслан из Петербурга, и, допрошенный в качестве свидетеля, брат его, И. Ф., известный переводчик Эврипида и поэт, живший у брата и помещавшийся у него в одной комнате с Емельяновым, показал, что Емельянов, приехав, «довольно плохо говорил по-русски, мешая в речи турецкие, греческие, французские слова». «Характера он был,— по словам того же И. Ф. Анненского, — резвого; очень бойкий и ловкий, но в то же время скрытен. Способности у него были не блестящие, в особенности к изучению языков». С годами в нем происходила «некоторая перемена: он становился серьезнее». По словам А. А. Страхова, женатого на сестре Анненского, занимавшейся с Емельяновым, он был «довольно понятлив и добродушен», но в то же время «несообщителен по природе»: «случалось часто, что он, еще ребенком, заболев очень серьезно и страдая от сильной боли, никому не говорил о том, ходил, когда ему давно следовало быть в постели».

Емельянов сам говорит в своих показаниях, как он стал социалистом. Его внешняя биография за эти годы была заполнена обучением в ремесленном училище «Дома призрения и ремесленного образования бедных детей», где он пробыл 1875—1879 гг. Окончив здесь «курс наук и столярно-резного ремесла», Емельянов получил звание подмастерья и был в 1879 г. командирован (на средства бар. Гинцбурга) с тремя другими воспитанниками училища в Париж, где работал в мастерской Рудильона. В июне 1880 г. он заявил о своем желании вернуться в Россию и в ноябре был уже в Петербурге [1]). Именно в ноябре началась подготовка дела 1 марта, и остальной ход событий, а вместе с тем и судьба Емельянова достаточно известны из опубликованных материалов.

Печатаемые ниже документы находятся: №№ 1—3 — в деле канц. мин. внутр. дел, 1881 г., № 58 (ЛОЦИА); № 4 — в деле деп. полиции, 3 делопр. № 79, ч. 3, л. 91—92 (Архив Рев. и Внешней Политики); № 5 — в деле мин. юстиции, 1881 г., № 8141, л. 195 (ЛОЦИА); № 6 — в деле Особого присутствия Сената, № 64, т. II, л. л. 318—319 об. (Архив Рев. и Вн. Полити-

[1]) Первоначально в «Каторге и ссылке», 1924 г., № 5; перепечатано в книге А. П. Корба-Прибылевой: «Народная воля», М. 1926, стр. 86—93.

[1]) Для всего предыдущего см. Особое прис. Сената, дело № 64, т. II, л. л. 379—380 об. (пок. И. Ф. Анненского), л. л. 382—383 об. (А. А. Страхов), л. 279 (отн. секр. отд. от 20 апр. 1881 г. об аресте Емельянова); т. IV, л. 395 и том «Документы», л. л. 38—40 (документы). (ЛОЦИА).

ки). Все документы печатаются по подлинникам, кроме № 2, который печатается по черновику.

С. Валк.

1. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел от 2 марта 1881 г. [1]).

Сейчас прокурор судебной палаты доложил мне, что доставленный из дома предварительного заключения преступник Желябов начал давать более чем прежде определенные показания и заявил уже, что бросивший вчера разрывной снаряд Рысаков действовал по его уговору и в течение последних трех недель был подготовляем Желябовым к совершению преступления.

Сознание Желябова находит себе подтверждение и в объяснениях Рысакова.

Таким образом, вновь разъясненные обстоятельства представляют полную возможность к основательному привлечению к суду вместе с Рысаковым и главного виновника преступления — Желябова; но такой совместный суд двух преступников, по заявлению прокурора судебной палаты, необходимо потребует лишние сутки для закончания [2]) всего дела с приведением приговора в исполнение.

Долгом поставляю себе всеподданнейше испрашивать, благоугодно ли будет вашему императорскому величеству соизволить на отсрочку производства суда до среды, причем исполнение приговора может последовать вместо среды в четверг.

С своей стороны решаюсь присовокупить, что полагал бы совместное суждение двух преступников более обеспечивающим основательное рассмотрение дела и возможное разъяснение обстоятельств оного.

Генерал-адъютант гр. Лорис-Меликов. 2 марта, 1881 года.

2. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел от 5 марта 1881 г.

На сих днях будет окончено исследование о святотатственном преступлении, пресекшем дни в бозе почившего государя императора.

Разрешение дальнейшего направления сего исследования к судебному рассмотрению предоставлено, в силу высочайшего указа 6 августа минувшего года, министру внутренних дел.

По моему убеждению, беспримерная дерзость совершенного злодеяния вызывала бы необходимость решительной и безотлагательной кары преступников. Посему мною было предположено предание обвиняемых военному суду по полевым законам. Тем не менее, при всестороннем обсуждении вопроса о порядке производства суда над злодеями заявлены мне весьма существенные соображения, заставляющие меня остановиться в приведении в исполнение первоначального моего по сему предмету предположения.

Во 1-х, нельзя не иметь в виду, что казнь преступников может вызвать в оставшихся еще на свободе единомышленниках их, ободренных удачею, стремление к покушениям на драгоценные дни того, чья жизнь составляет ныне вернейший залог в том, что Россия переживет без глубокого органического потрясения настоящую тяжелую годину ее исторического существования. Между тем предстоящее погребение в бозе почившего императора не может не представить особых затруднений в деле охранения державного вождя России от злодейских покушений.

Во 2-х, чувство священного благоговения масс к непогребенному монарху может быть оскорблено зрелищем

---

[1]) На докладе резолюция Александра III: «Совершенно разделяю ваше мнение».

[2]) Так в подлиннике.

казни в месте пребывания тела в бозе почившего.

В 3-х, если допустить достаточную важность приведенных оснований к отсрочке смертной казни над преступниками до погребения тела в бозе почивающего императора, то нет и причин прибегать к военному суду, главное значение коего состоит в быстроте производства.

Ввиду этих соображений представляется вопрос о передаче оканчиваемого исследования на разрешение суда, который по своему высшему значению более соответствовал бы важности содеянного преступления, а именно на разрешение Особого присутствия Правительствующего Сената, с участием сословных представителей, с теми и однако непременными условиями, чтобы суд начался на другой день погребения и чтобы министр юстиции по особому высочайшему повелению предложил действительные меры к сокращению времени, потребного на производство дела в Сенате.

Всеподданнейше докладывая о вышеизложенном вашему императорскому величеству, долгом поставляю испрашивать, не благоугодно ли будет вашему величеству повелеть: возбуждаемый мною вопрос рассмотреть в особом совещании из тех членов императорской фамилии, кои вами будут к тому назначены, а также из генерал-адъютантов графа Милютина и графа Адлерберга, статс-секретарей графа Валуева, князя Урусова и Набокова и меня.

3. Записка Александра III от 5 марта 1881 г.

Можем собраться завтра, 6 числа, в 11 утра, у меня для обсуждения этого вопроса. Дайте знать всем вами названным министрам. Кроме того, я прикажу брату Владимиру быть здесь.

4. Письмо А. А. Герке В. К. Плеве от 28 июня 1881 г.

Ваше превосходительство
Вячеслав Константинович.

Принося благодарность за данное вами мне разрешение на свидание с осужденною Гесею Гельфман, имею честь уведомить, что свидание это состоялось сегодня, в присутствии г. корреспондента газеты «Голос» Калугина, штабс-капитана Соколова и капитана Лесника, в С.-Петербургской крепости. Я пробыл с Гесею Гельфман около часа, нашел ее несколько изменившеюся сравнительно с тем днем, когда окончился кассационный срок: она, видимо, падает силами, стала малокровна, губы совсем бескровные, дыхание порывисто-краткое, мыслит и говорит, как сильно усталая или поправляющаяся от болезни. Она жалуется на то, что положенная по правилам пища (суп или щи и несколько менее $^1/_2$ фунта говядины; утром до 1-го часа ей ничего не дают; чаю не полагается) недостаточна для поддержания ее здоровья при ее беременности; также просит об усилении медицинской помощи. Просьбу, ею заявленную, о переводе ее в какое-либо тюремное помещение, где бы она могла быть в тюремной больнице и пользоваться лазаретною порцией пищи, я отказался передать. (Кстати: она просила передать эту просьбу графу Лорису-Меликову; я не счел себя, согласно данным мне указаниям, в праве сказать ей о переменах в личном составе министерства.) Указание на недостаточность пищи и просьбу о дозволении кому-либо из акушеров оказывать ей пособие я обещал передать по принадлежности, что сим и исполняю. — Геся Гельфман на специальный вопрос г-на Калугина и на общие мои вопросы заявила, что с нею обращаются хорошо, что притеснений никаких нет, но что одиночное заключение, при беременности ее, дей-

ствует на нее ужасно сильно и так на нее влияет, что она была сильно больна, чувствует себя и теперь нездоровою, и в настоящее время боится, что останется без акушерской помощи в случае выкидыша или родов. — Я в особенности старался уговорить Гельфман подать прошение на высочайшее его императорского величества имя о смягчении участи ее. Как я уже говорил вам, я считаю себя обязанным как бывший на суде защитник ее по назначению оказать содействие к подаче ею такой просьбы, ибо не могу не видеть разницы между виновностью ее (по закону, несомненно, влекущею смертную казнь) и виновностью других цареубийц, уже повешенных; совершение ею преступления во время беременности и тогда когда близкое ей лицо (как это я узнал уже после приговора) было уже привлечено к суду, — конечно, тоже должно бы повлиять на смягчение наказания, если бы по монаршему милосердию дозволено было уменьшить строгость закона. Наконец, немедленная после объявления приговора смертная казнь, и смертная казнь, ожидаемая беременною женщиной в одиночном заключении в продолжение нескольких месяцев, — наказания далеко не совсем равные. Вот по этим соображениям (конечно, не высказанным в присутствии Гельфман) я уговаривал ее подписать прошение о помиловании. Она сначала отказывалась, объясняя, что не может дать подписки о внезапной перемене убеждений и что согласилась бы подписать лишь прошение об улучшении пищи и об усилении медицинской помощи. После переговоров о редакции прошения, — причем я ей объяснил, что более важно действительное ее раскаяние, нежели заявляемое на бумаге, — она согласилась подписать прошение в известной редакции. Я тогда же написал прошение в указанной ею редакции, и она его подписала. Прошение это было передано при мне его высокопревосходительству г. коменданту и будет им переслано к вам. Если бы при дальнейшем рассмотрении прошения потребовалась перемена редакции, то прошу вновь мне разрешить переговорить об этом с Гельфман; но, с своей стороны, я просил бы (если только имею право просить) не останавливаться на редакции, а видеть в подписанном Гельфман прошении лишь обращение к беспредельной милости государя императора.

С глубоким уважением и преданностью вашего превосходительства покорный слуга Август Герке.

28 июня 1881 г. веч.

5. Прошение Геси Гельфман от 23 июня 1881 г.

Ваше императорское величество, августейший государь.

Находясь ныне, после объявленного мне приговора о смертной казни, впредь до приведения этого приговора в действительное исполнение, в С.-Петербургской крепости, при условиях, которые не дозволяют ни питания, ни медицинской помощи, необходимых для улучшения расстроенного моего здоровья, всеподданнейше прошу ваше императорское величество соизволить повелеть о смягчении моего тяжелого заключения и о милостивой замене назначенного по суду наказания, смертной казни, меньшим наказанием.

Геся Гельфман.

23 июня 1881 года.

6. Показание И. П. Емельянова от 22 апреля 1881 г.

Зовут меня Иван Пантелеймонов Емельянов. В 1870 году я был взят моим родным дядей из деревни, пожелавшим меня взять для того, чтоб дать мне возможность получить образование. Взявши меня 9 лет от роду, босоногого, почти что в одной рубашке, он увез меня с собой на место своей служебной деятельности, в Турцию, в Константинополь, где занимал довольно видное место при русском по-

сольстве. Преобразив меня из дикаря, хотя внешним видом, в так называемого мальчика порядочного общества, он стал исправлять мой малороссийский акцент в русский и вместе с тем выучил меня читать и писать. Обратив меня в благовоспитанного ребенка с более или менее порядочными манерами, он ввел меня в общество детей русских семейств. Таким образом, попав неожиданным для меня образом из деревни прямо в большой город, в общество людей аристократического круга, увидев массу совершенно новых для меня предметов, я был поражен. В моем детском уме произошел целый сумбур. Будучи чрезвычайно любознательным и впечатлительным, я постоянно приставал ко всякому с расспросами и разъяснениями. Очень часто мое любопытство не было удовлетворяемо, а разъяснения не полные. Я был молчалив и много думал. Переезжая с места на место с моим дядей, имевшим разные командировки, я имел возможность видеть многое и встречать людей не только различных классов и состояний, но и разных народностей. Все это давало богатую пищу моим размышлениям. Размышляя, я совершенно самостоятельно (мне было лет 11—12) напал на мысль и идею, которую принято теперь называть социализмом. Я напал и, сам того не замечая, развивал ее сам в себе. Приехав затем в Петербург, я поступил в 1-е реальное училище, оттуда вследствие почти беспрерывных заболеваний и тяжких болезней, — как объясняли доктора, по причине резкой перемены климата, — я перешел в ремесленное училище цесаревича Николая полным пансионером. Мысль о социализме у меня окрепла, и в Петербурге я увидел, что это не есть плод одних моих размышлений. Я пристрастился к чтению книг. Пользовался не только свободным временем, но иногда и ночами. Пройдя очень быстро детскую литературу и для юношества, я дошел до книг серьезного содержания и стал следить за ходом периодической прессы. Обратил особенное внимание на целый ряд политических процессов. Я увидел, что у меня есть значительная доля солидарности по взглядам и убеждениям с подсудимыми, я им сочувствую. Издается наконец «Земля и Воля». Программа «Земли и Воли» очень близко подходит к моим взглядам на политическое и экономическое положение России. Я имел возможность сделать несколько путешествий по внутренней и южной России. Меня поражает русский мужик своей забитостью, угрюмством [1]), бедностью и рабской покорностью своему положению. Он терпит все и всякие притеснения от местной администрации. Маклачество и взяточничество господствуют среди русского народа. Я мечтаю посвятить себя улучшению благосостояния русского народа, как один из его сынов. Но мне хочется посмотреть западно-европейские страны. Я учусь в училище и ремеслу и наукам. Перехожу из класса в класс с наградами. Кончаю курс! Как один из первых—послан за границу от училища на казенный счет. Приезжаю в Париж. Работая, знакомлюсь с французским крестьянином и парижским рабочим. Выношу отрадное впечатление. Посещаю с этнографической целью Германию, Австрию, Швейцарию, Францию. Мое любопытство удовлетворено. Нахожу, что везде экономическое и культурное положение стран лучше, чем в России, за границею слежу за процессом 16. Нахожу и разделяю сообразно моим убеждениям программу «Народной воли». Разделяя программу «Народной воли», считаю себя не вправе оставаться индиферентным. Приезжаю в ноябре месяце 1880 г. в Петербург и поступаю в число членов русской социально-революционной партии. Не переставая усердно заниматься науками и

[1]) Так в подлиннике.

следить за литературой, нахожу время принимать активное участие в делах партии, главным образом, в принятии участия по преступлению 1-го марта. В качестве метальщика, вооруженного разрывным снарядом, стоял на углу Невского и Малой Садовой и затем у Театрального моста.

В самый момент последовавших взрывов от снарядов, брошенных Рысаковым и личностью, мне известною под именем Михаила Иваныча, я находился шагах в 20 от покойного императора, и, когда государь император упал, то я совершенно инстинктивно, имея под левой мышкой завернутый в газетную бумагу снаряд, бросился вместе с другими к государю императору, чтобы подать ему помощь. Снаряд был мною отнесен после катастрофы на квартиру в Тележную улицу, где и был он мною получен от Перовской. Лиц, вооруженных снарядами, было всего четыре (4): я, Рысаков, Михаил Иванович и Тимофей Михайлов, стоявший на углу Малой Садовой и Манежной. За неделю был на опытах с этими снарядами в Парголове вместе с другими лицами. О подкопе на Малой Садовой я не знал до 1 марта, когда Перовская сообщила в квартире Саблина, что на Малой Садовой должен последовать сперва названный ею центральный удар.

После первого марта оставался в Петербурге и продолжал видеться с членами партии, но никакого активного участия не принимал в революционных делах.

Иван Пантелеймонов Емельянов.

С. Г. Нечаев и тульские оружейники.

Тула — один из наиболее ранних центров нашей крупной обрабатывающей промышленности. Известно, что еще в 1632 г. здесь был основан голландцем Андреем Виниусом оружейный завод. Постепенно развиваясь, этот завод становится одним из крупнейших предприятий дореформенной России. Достаточно указать, что по данным, относящимся к середине XIX столетия («Обозрение Тульской губернии», 1850 г.), на Тульском оружейном заводе состояло 3 666 мастеровых и 856 учеников, т. е. более четырех с половиною тысяч рабочих.

Еще в 1831 г. в сунгуровском кружке велись разговоры об использовании тульских рабочих для организации политического переворота [1]). Обратил на них внимание и С. Г. Нечаев, когда искал в России те силы, на которые можно было бы опереться в борьбе с царским правительством. Правда, к 1869 г. Тульский оружейный завод находился в состоянии кризиса; производство на нем сократилось, а число рабочих не превышало 500 [1]). Однако

[1]) Б. Эйхенбаум. Тайное общество Сунгурова, «Заветы», 1913 г. № 3.

[1]) Интересные сведения о состоянии тульской оружейной промышленности в 1869 г. мы находим в сообщении прокурора Тульского окружного суда прокурору Московской судебной палаты от 20 февраля 1870 г. за № 1046: «По дознанию, мною произведенному, оказалось, во-первых, что сословие тульских оружейников простирается до 11 тысяч; во-вторых, что из означенного числа собственно выделкою ружейных частей занимается около 4 тысяч человек; остальные же лица, числясь в сословии оружейников, посвятили себя другим занятиям, и в-третьих, что на оружейном заводе, арендуемом генералом Стандершельд, работают в настоящее время не более 500 человек; в частных заведениях, а равно у себя на дому, занимаются выделкой

было одно обстоятельство, которое должно было заинтересовать Нечаева и его товарищей. Мы имеем в виду волнения, происходившие среди рабочих этого завода в 1868 г. в связи с переходом завода от казны в аренду к генералу Стандершельду. Рабочие были недовольны этим переходом, сведения о недовольстве их проникли в газеты и были известны Нечаеву. Однако надо иметь в виду, что тульские оружейники интересовали Нечаева не как рабочие, а как люди, в руках которых имеется оружие. Роли рабочего класса в революции Нечаев не понимал, а с агитационными призывами обращался, как известно, одновременно и к крестьянам, и к купцам, и даже к «потомкам Рюрика».

Удалось ли Нечаеву установить связь с тульскими рабочими? Известные нам материалы не дают возможности с уверенностью ответить на этот вопрос в утвердительном смысле. В словах Нечаева о том, что тульские оружейники «готовы», можно видеть обычную для Нечаева мистификацию. Однако, как бы то ни было, характерно и то, что, по свидетельству приводимых нами ниже документов, Нечаев делал попытку проникнуть на Тульский завод. Уже одно это придает несомненный интерес печатаемым ниже документам.

Не меньший интерес представляют они и с той точки зрения, что, отчасти, знакомят нас с тем, как Нечаевым и его товарищами велась подготовка к агитации среди народа. По «программе революционных действий», выработанной в конце 1868 или в начале 1869 г., подготовительная работа революционеров, рассчитанная на крестьянское восстание, имеющее произойти, по их предположению, весной 1870 г., делилась на несколько стадий. До мая 1869 г. работа революционеров сосредоточивается в столицах и университетских городах и развертывается, с одной стороны, среди студенчества, а с другой, среди городской «голытьбы». С мая по сентябрь эта работа распространяется по губернским и уездным городам и ведется «среди разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы». С октября пропаганда переносится «в самую массу народа». Этому предшествует собирание сведений о настроении населения в различных местностях и о путях, какими агитатору легче всего добраться до нужных ему и готовых последовать его призыву людей. В бумагах арестованного по нечаевскому делу кн. В. А. Черкезова была найдена записка, являющаяся, по существу, кратким путеводителем для пропагандиста по Тульской губернии. Публикуемые ниже документы знакомят как с этим путеводителем, так и с результатами поверки его, произведенной прокурором Тульского окружного суда.

Документы эти извлечены нами из фонда прокурора Московской судебной палаты 1869 г. № 31, т. I. «По делу о заговорщиках Сергее Нечаеве, Николае Николаеве, Иване Прыжове и др». (Архив Революции и Внешней Политики).

Б. Козьмин.

ружейных частей до 800 человек: остальные лица отправились на заработки в разные города, как-то: в Петербург, Варшаву, Киев, Тифлис и др. При сем считаю долгом присовокупить, что означенные сведения мною получены из частных моих разговоров с разными лицами, занимающимися выделкою ружей; сведения же, извлеченные мною из ведомостей, находящихся в канцелярии тульского губернатора о фабриках и заводах, существовавших в г. Туле впродолжение 1869 г. не тождественны с вышеупомянутыми сведениями; так по упомянутым ведомостям всего оказывается лиц, занимающихся на частных заводах выделкой ружей, 262 человека». (Архив Революции и Внешней Политики. Переписка прокурора Московской судебной палаты, 1869 г. № 31, т. I, л. л. 97—98).

Записка прокурора Московской суд. палаты.

В Петербурге и в Москве производится дознание о составившемся в конце сентября 1869 г. тайном обществе с целью низвержения существующего порядка управления. В преступлении этом обвиняются как главные виновники: 1) бывший приходский учитель в Петербурге Сергей Нечаев (известный также под именем «Ивана Петровича», без фамилии), 2) дворянин, приказчик книжного магазина Черкесова в Москве Петр Успенский, 3) слушатель Петровской земледельческой академии Алексей Кузнецов, 4) мещанин Николаев (известный также под именами «Александра Васильевича Белкова» или «Белкина» и «Егора Анисимова»), 5) служащий по железным дорогам в качестве инженера князь Варлаам Черкезов (он же «Берсеньев»), 6) студент медико-хирургической академии Алексей Никитин де-Тейльс, 7) жена коллежского советника Александровская, Варвара Владимировна и 8) колл. секретарь Иван Прыков.

Из обстоятельств дела, поступившего в настоящее время уже к следствию, обнаруживается, что главный организатор тайного общества, Нечаев, не ограничивался в своих действиях Москвою и Петербургом, но пропагандировал вредные идеи и в других местах России, в особенности же в Туле, между оружейниками. Когда именно появлялся Нечаев в Туле и кого именно успел он склонить к поступлению в тайное общество, еще с точностью не обнаружено, но относительно Тулы и оружейников до сих пор существуют следующие данные:

1. Обвиняемые Кузнецов и Успенский показали, что как-то в разговоре Нечаев выразился, что сила «наша не в Москве, а в Туле, где готово 50 человек оружейников». То же самое говорил Кузнецову и Николаев, наиболее близкий к Нечаеву человек.

2. Обвиняемый Черкезов показал, что Нечаев выражался ему таким образом: «в Туле оружейники так готовы, что хоть сейчас разнесут всю Тулу».

3. Известно, что в прошлом декабре месяце в гостинице Овчинникова жила Александровская, к которой приезжал из Москвы Черкезов, который уговаривал Александровскую ехать с Нечаевым за границу; после Черкезова приезжал к ней Нечаев (это было в середине декабря) и затем Александровская (кажется с паспортом тульского губернатора) уехала за границу с Нечаевым. Александровская теперь уже арестована.

4. Известно также, что в двадцатых числах декабря — именно 25 или 26 числа — де-Тейльс приезжал с Николаевым в Тулу, где де-Тейльс сначала, как он говорит, останавливался в гостинице Овчинникова, а потом пробыл день у своего дяди, ст. с. де-Тейльса. В гостинице Овчинникова жила в то время служанка Александровской. Николаев же неизвестно где останавливался, но на другой или на третий день увез означенную служанку (Анну Кондратьевну Мартынову) в Москву.

Все эти данные, кроме того только, что давали повод подозревать существование каких-то притонов для означенных обвиняемых в Туле, ничего более не указывали. Ни имен каких-либо участников тайного общества в Туле, и количества оружейников, привлеченных будто бы Нечаевым к этому обществу, известно до сих пор не было.

В настоящее время при обыске у одного из поименованных выше лиц, именно у Черкезова, найден документ, проливающий значительный свет на Тулу. Документ этот следующий:

«Старо-Павшинское подворье; содержатель Кузьма Сергеев Худяков. Приезжают на базар в воскресенье и четверг из сел на Старо-Калужской дороге.

Село Мясное.

Маслово; хороший крестьянин Егор, у него жил Оболенский, студент. Назваться его приятелем и занять квартиру.

Малая Мишнева (или Мишинка — нельзя разобрать). Федор Егоров держит кабак и постоялый двор. Умник, читающий газеты.

Алешня. Поп, заявивший себя во время введения Положения. Суконная фабрика, на которой прикащиком бывший помещик; жена его — хорошая баба из гувернанток, Луганина.

Барыково. Помещик — дрянь. Мужики богаты и страшно недовольны.

Коптево.

Костомарово [1]). Болезни и голод извели молодежь. Было поместье В. В. (т. е. Варвары Владимировны Александровской). Крестьяне Котковы, из них Артамон старостой, умные. Семен — слесарь. Тимофей — зажига на мирских сходках.

Позднякова — село на границе Калужской губ. Помещик выселился на гору из усадьбы от бунтующих крестьян. Управляющий из петербургских дворников».

По всем пунктам этого документа необходимо произвести самое подробное, но негласное дознание. Необходимо удостовериться, появлялись ли в указанных местах, когда и зачем Нечаев, Николаев, Черкезов, де-Тейльс и Александровская; если представится надобность по собранным сведениям произвести обыски, то произвести их немедленно, как с целью отыскания письменных сношений обыскиваемых лиц с вышепоименованными, так и для отыскания прокламаций. В случае обнаружения чего-либо компрометирующего, т. е. доказывающего связь обыскиваемых с моск. тайным обществом, следует арестовать подозрительных лиц; но к этой последней мере прибегать только в вышеозначенном случае. Очень может быть, что с помощью названных в документе лиц можно будет получить указание на оружейников, у которых, если нужно, также произвести обыски и аресты. Для успеха в негласном собирании сведений следовало бы все изложенное здесь сообщить начальнику Тульской губернии и совместно с ним предпринять все нужные меры. О важных открытиях необходимо телеграфировать г. министру юстиции

[1]) В Костомарове живет отец Анны Мартыновой — Кондратий.

Рапорт прокурора Моск. суд. палаты министру юстиции 8 февраля 1870 г. № 48.

Вчера прокурор Тульского окружного суда лично представил мне переписку по производимому им согласно приказания вашего сиятельства дознанию о деятельности злоумышленников в Тульской губ. Из переписки этой видно:

1. Содержание найденной у Черкезова записки подтвердилось в следующем:

а) в Туле, на Старо-Павшинской улице, есть подворье Кузьмы Худякова, к которому в базарные дни приезжают крестьяне окрестных селений, расположенных по Старо-Калужской дороге; по обыску у Худякова ничего подозрительного не обнаружено: книг, писем, газет и рукописей не найдено; б) в 5-ти верстах от Тулы в селе Маслове есть крестьянин Егор (Никитин), у которого три года тому назад проживал отставной учитель духовного училища, спившийся старик Оболенский; сын Оболенского, студент медико-хирургической академии, только изредка хаживал к нему из Тулы во время летнего ваканта и иногда ночевал у отца; в) возле деревни Пышенки Тульского уезда держал постоялый двор мещанин Федор Григорьев, человек грамотный и осторожный в разговоре, который в прошлом году выписывал газеты «Весть» и «Московские ведомости», г) в селе Алешне, Алексин-

ского уезда, на суконной фабрике служит помещик Лушин; в 1862 году здесь было оказано крестьянами неповиновение, усмиренное военной командой. Какое-либо участие в беспорядках со стороны местного священника Михаила Извольского, всеми любимого и никогда не проводившего антиправительственных идей, ничем не подтверждается, д) помещик села Барыкова, Тульского уезда, Николай Петрович Херадинов — человек строптивый, преследующий крестьян жалобами и штрафами за малейшее отступление от Положения, и потому крестьяне его ненавидят, е) в Тульском уезде есть село Коптево с господским домом помещика Павла Воейкова; в течение 1869 года никто из посторонних лиц в селе не бывал, ж) деревня Костомарово Тульского уезда в приходе села Коптева принадлежала Александровской; здесь есть крестьяне: Котковы, из которых Артамон староста, человек неглупый, Семен Чистяков — слесарь и Тимофей Косолапов; последние двое — говоруны на сходках; Тимофей слывет законником, а Семен — грамотеем; в Костомарове года четыре назад проживала Александровская с Тейльсом, от которого родила дочь Надежду; все указанные выше селения находятся на дороге из Костомарова в Тулу и поэтому должны быть коротко известны Александровской и Тейльсу, з) деревни Поздняковой в Тульской губернии нет, по отношению к ней производится дознание жандармским управлением.

2. По тщательным розыскам в означенных выше селениях не обнаружено ни следов пребывания в них кого-либо из заговорщиков, ни связи их крестьян с заговорщиками.

3. Дознание не дало также никаких указаний на связь заговорщиков с тульскими оружейниками. Правда, молодой человек, по фамилии Нечаев, в половине декабря 1869 г. пытался пробраться на оружейный завод под предлогом его осмотра, но арендатор завода, генерал Стандершельд, его туда не допустил.

4. Мещанин Николаев, под именем «Александра Васильева», осенью 1869 г. жил в Туле, в плотничьей артели Семена Кузнеченкова; в октябре к нему приезжал неизвестный человек слишком 30-ти лет; они вместе выехали в Москву, но перед Николиным днем (6 декабря) Николаев снова был в Туле, нанимал там крестьянина Егора Анисимова на бумажную фабрику в Москву, дал ему в задаток 3 руб. и взял у него свидетельство волостного правления на отлучку.

5. Во время заседания по делу о Сеньковских крестьянах, судившихся за неповиновение властям (23—25 октября), к Александровской приезжал в Тулу какой-то человек среднего роста, белокурый с небольшими усами, лет 28—30-ти.

6. В декабре Александровская выехала из Тулы с молодым человеком, похожим на карточку Нечаева, который приехал в Тулу за несколько дней перед тем и остановился в доме Овчинникова.

7. Крестьянка деревни Костомаровой, Анна Кондратьевна Мартынова, жившая у Александровской, уехала после нее в Москву с каким-то человеком.

8. Студент Тейльс приезжал в Тулу 24 декабря и останавливался в доме Овчинникова.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего сиятельства в дополнение к рапорту от 18 января за № 12, имею честь донести, что подлинную переписку по дознанию я предполагаю лично представить г. сенатору Чемадурову и что собранные по этому дознанию сведения, вполне подтверждая те данные, которые раскрыты были московским дознанием, не прибавляют к ним ничего нового; таким образом, все, что касается приезда туда в октябре 1869 г. Прыжова, двухкратного пребывания в Туле Николаева, выезда

Николаева в Москву, с паспортом Егора Анисимова, вместе с Анной Мартыновой, отъезда из Тулы Александровской в сопровождении Нечаева, приезда в Тулу Тейльса и связи его с Александровской, было уже приведено в известность при производстве дознания в Москве.

К истории побега Ярослава Домбровского.

В XXII томе «Красного архива» опубликованы материалы о побеге Ярослава Домбровского с Колымажного двора в декабре 1864 г.

В Нижегородском Краевом Архивном Бюро имеется два тома материалов, связанных с побегом Домбровского и, главным образом, его жены П. Домбровской. Эти материалы сообщают некоторые любопытные штрихи в дополнение к опубликованным в «Красном архиве» документам.

В последних числах ноября 1864 г. Пелагея Михайловна Домбровская (жившая с Валерией и Игнацией Пиотровскими в ссылке в гор. Ардатове Нижегор. губ. с 11 июня 1864 г.) обратилась с письмом к нижегородскому губернатору, сообщая, что она получила письмо от мужа из Москвы с известием, что трехлетнее его заключение (в Александровской цитадели в Варшаве) кончилось, и по приговору суда он высылается в Сибирь. Так как в Сибирь Домбровский должен был ехать через Н.-Новгород, жена просила о свидании с мужем.

На сопровождавшем это письмо рапорте ардатовского исправника губернатором Одинцовым 2 декабря была наложена резолюция: «сделать справку, находится ли здесь Домбровский, и если нет, то уведомить, когда прибудет и тогда можно вытребовать жену» [1]).

2-го же декабря из Москвы была получена след. телеграмма: «Нижегородскому губ. Сегодня бежал польский арестант Ярослав Домбровский, жена его сослана в Нижегородской губернии, прошу о розыске. Граф К р е й ц».

Получив телеграмму, губернатор Одинцов немедленно принял меры к поимке Домбровского. Был усилен надзор полиции за П. Домбровской. Нижегородские власти были уверены, что Домбровский прямо из московской тюрьмы... поедет к поднадзорной жене в г. Ардатов. 3 декабря исправникам окружающих Ардатов уездов было разослано секретное предписание об усилении наблюдения по трактам, особенно арзамасскому, «по которому он должен следовать в Ардатов к жене своей», а ардатовскому исправнику — «строго следить за женою его, не появится ли у ней Домбровский».

19 декабря на имя Домбровской поступило письмо с извещением о побеге мужа, о котором сообщает М. Клевенский [1]). Письмо было вскрыто и препровождено в Московскую следственную комиссию, и Домбровская узнала о побеге мужа только из официальных сообщений газет.

Московская следственная комиссия, разыскивавшая Я. Домбровского, 22 декабря 1864 г. обратилась к нижегородскому губ. с просьбой «командировать кого-либо из ваших чиновников в г. Ардатов для секретного дознания, с кем именно Домбровская находилась в более близком знакомстве, не получала ли она через кого-либо или через почту письма, в котором сообщается прямо или намеками о побеге ее мужа; равно, не был ли кто у ней проездом, и затем, по собрании секретного дознания, сделать у ней строгий обыск,

[1]) Нижегород. Краевое Архивное Бюро, фонд. канц. нижегор. губ., дело о побеге Я. Домбровского. 1864 г., № 1149.

[1]) См. «Красный архив», т. XXII, ст 236—241.

забрать всю переписку... [которую] с подробными показаниями препроводить в следств. комиссию».

Нижегородские власти с усердием принялись за розыски. В г. Ардатов был командирован губернаторский чиновник. Домбровская вызывалась несколько раз на допросы; во время произведенного обыска была забрана вся переписка и препровождена в Москву.

В январе 1865 г. на имя Валерии Пиотровской было прислано письмо со штампом «Познань» без подписи, написанное на имя Домбровской, начинавшееся так: «Милая Пелагея!..» По всей вероятности, — письмо от Я. Домбровского, так решили и губернские власти, но о побеге в нем не говорилось ни слова, только в конце брошена мысль, что не теряет надежды снова быть вместе...

20 мая 1865 г. нижегородский губернатор, находясь в Ардатове, получил сведения, что Домбровская накануне вышла из квартиры на базар и неизвестно куда скрылась. Немедленно была разослана погоня по всем дорогам и сообщено о побеге в Нижний, откуда были посланы телеграммы в Петербург, Москву, Вильно, Варшаву. Несмотря на тщательные розыски полиции, давшие возможность напасть на след бежавшей, сама Домбровская разыскана не была. Власти пришли к убеждению, что Домбровской невозможно было ускользнуть от погони, если бы она бежала действительно 19 мая, как об этом показали на допросе сестры Пиотровские.

В одном из своих распоряжений Одинцов пишет: «Происшествие это как по самой сущности оного, так и по обстоятельствам, сопровождавшим его, обратило на себя особое внимание III отд. с. е. и. в. канц. и г. министра вн. дел, от которого последовало по этому предмету два уже строгих секретных предписания: от 31 мая № 3986 и 10 июля № 5227. Вместе с этим случай этот сделался предметом особых газетных толков... Следствие об этом происшествии начато 27 мая и, состоя в производстве уже 2½ месяца, до сих пор не оканчивается и едва ли привело к каким-либо положительным результатам».

Дальнейшими розысками и дознаниями было выяснено, что Домбровская бежала не 19-го, а ночью или ранним утром 17 мая, и что побег сопровождался следующими обстоятельствами.

Со ст. Вязников Владим.-Нижегородской ж. д. по Муромскому тракту вечером 13 мая приехал в Ардатов неизвестный человек, под предлогом проезда в Саровскую пустынь. Человек этот в Ардатове пробыл от 8—9 часов вечера до 5 часов утра 14 мая, после чего, действительно, поехал в Саров. Вечером и утром, при отъезде из Ардатова, неизвестный посетил местную аптеку (содержавшуюся польским уроженцем Танявским) для покупки, будто бы лекарства. 15 мая неизвестный нанял лошадей в ближайшем селении, а на следующий день отправился из Сарова в Ардатов, повидимому, рассчитав время так, чтобы проехать мимо Ардатова ночью.

Миновав Ардатов ночью с 16-го на 17 мая, человек этот настиг женщину, одетую странницей, которая попросилась, чтобы ее довезли до с. Павлова. После небольшого разговора странница эта была взята неизвестным. Это и была бежавшая Домбровская, с которой неизвестный отправился уже по другому тракту, именно по Горбатовскому, на станцию Гороховец.

К выяснению личности увезшего Домбровскую, назвавшегося в Сарове шт.-кап. Озеровым, и его поимке, были приняты соответствующие меры.

Возвращаясь из Сарова, неизвестный в с. Стексове встретил жандармского ротмистра Разумовского и назвался прапорщиком Мирбахом, едущим по своим делам к Блоку, управляющему имением Федорова в с. Кулебаках. Ввиду настойчивых расспро-

сов Разумовского, Мирбах быстро и незаметно уехал из Стексова. Каким образом оказалась у Разумовского фотография Мирбаха, сказать трудно, но, по предъявлении ее монахам Саровской пустыни, последние признали в нем «Озерова».

Начались поиски Мирбаха, и с помощью московского розыска было выяснено, что жена Мирбаха живет в Москве. Вызванная к московскому полицеймейстеру I отделения полковнику Огареву 21 августа 1865 г., Прасковья Яковлевна Мирбах объяснила, что муж ее уехал из Москвы в Петербург в начале 1864 г., и она, более уже года не получает писем и не знает, жив ли он. Мирбах представила Огареву два след. письма:

«Милостивая государыня Прасковья Яковлевна. Исполняю просьбу покойного вашего мужа Николая Ивановича — сего 5 числа он убит на дуэли, обо всем подробно узнаете в скором времени. Имею честь быть вашим покорным слугою Н. Павловский.

P. S. Дуэль была на Волковом кладбище в 5 час. утра. 8 мая 1865 г. С.-ПБ.»

«Милостивая государыня Прасковья Яковлевна. В прошлом письме я писал вам о дуэли, но благодаря бога Николай Иванович только был ранен, и это ошибка вышла, я не подождал четверти часа на Волковом.... [1]), но противник его пал. 5 числа Николай Иванович уехал по Варшавской ж. д. до Вильно, а оттуда поедет за границу; вообще положение его незавидно. Дуэль же была из-за какой-то Пашеты, побольше узнать ничего не мог и, если что впоследствии узнаю, то все подробно опишу. Вы припомните меня, я познакомился с вами в С.-Петербурге.

Желаю вам всего лучшего и жалею от всей души обо всем случившемся и должен правду сказать, что рана почти смертельна. С истинным уважением имею честь быть Павловский.

P. S. Я завтра уезжаю в Псков на несколько дней».

По наведенным справкам, заграничного паспорта Мирбаху не выдавалось. Этими письмами, вероятно хотели замести следы выезда Мирбаха. Дуэль и отъезд за границу приходятся на то время, когда Мирбах должен был выехать в Ардатов за Домбровской.

По всей вероятности, после побега Я. Домбровского и отъезда его в Петербург (1 января 1865 г.) было решено устроить побег и жены его. Фраза Домбровского, что если бы он был в Петербурге, то давно был бы за границей [1]), говорит о наличии группы или организации в Петербурге, которая помогла бежать и Я. и П. Домбровским и переправить их за границу.

Для расследования побега Домбровской 3 июля 1866 г. в Н.-Новгород приезжал ген.-майор Ден, но его приезд никаких результатов не дал. В апреле 1867 г. дело о побеге П. Домбровской было прекращено.

А. Чернов.

[1]) Одно слово неразборчиво.

[1]) «Красный Архив», т. XXII, стр. 238

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Врангелевщина. С предисловием *И. Минца*. (Окончание)	3—40
Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. С предисловием *С. Дубровского*. (Окончание)	41—58
25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова)	59—96
«Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова). (Окончание)	97—124
Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II	125—175

Из записной книжки архивиста

Вокруг 1 марта 1881 г. Сообщил *С. Валк*	176—184
С. Г. Нечаев и тульские оружейники. Сообщил *Б. Козьмин*	184—189
К истории побега Ярослава Домбровского. Сообщил *А. Чернов* . . .	189—191

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА **ЛЕНИНА** ПРИ ЦК ВКП(б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. Адоратского, Д. А. Баевского, П. О. Горина (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. Ольминского, М. А. Савельева (ОТВ. РЕДАКТОРА).

9-Й ГОД ИЗДАНИЯ **12 НОМЕРОВ В ГОД**

Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбы с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности заграничных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских парт. организаций.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1) СТАТЬИ. 2) ВОСПОМИНАНИЯ. 3) МАТЕРИАЛЫ. 4) ТРИБУНА. 5) ДОКЛАДЫ В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА. 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 7) ХРОНИКА.

К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ", являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушателей вузов и комвузов и т. п.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции...

Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. *„Книга и Революция" № 1. 1929 г., стр. 44—45.*

... С тех пор как «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой книжке журнала. *„Историк-марксист", том 12, 1929 г., стр. 269.*

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 1 руб. 50 коп.

Годовые подписчики получат в качестве бесплатного приложения систематический указатель статей, воспоминаний, материалов и рецензий, помещенных в „Пролетарской революции" за 1921—1929 годы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР; у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех почтово-телеграфн. конторах, а также у письмоносцев. По Москве и Московск. области подписку надлежит направлять в Мосотгиз „Московский рабочий". Москва, Неглинный пр., 9.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова и М. Н. Покровского.

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 6 ТОМОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — **15** руб., на полгода — **7** руб. **50** коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 3 руб.

Журнал ставит своей целью опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории литературы, быта и культуры.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

В 1930 г. в „Красном архиве“ будут опубликованы следующие материалы и статьи по неизданным архивным документам:

1. По истории **внешней политики и революционному движению за границей:** 1) Турецкая революция 1908 г., 2) Алжезирасская конференция, 3) Царская Россия и Монголия накануне мировой войны, 4) Вступление Италии в мировую войну, 5) Парижская коммуна 1871 г. в донесениях русских дипломатов, 6) Берлинский конгресс 1878 г. и др.

2. По истории **Октябрьской революции и гражданской войны:** 1) Красная гвардия в Москве, 2) Организация Советской власти после Октября (по донесениям комиссаров), 3) Перекоп и ликвидация врангелевщины, 4) Комитет общественной безопасности в Петрограде в Октябрьские дни, 5) „Ставка“ Керенского в Октябре 1917 г., 6) Деникинщина и врангелевщина по материалам Парижского „посольства“ Врем. Правительства (архив Маклакова), 7) Сибирская контрреволюция, 8) Английская интервенция на севере, 9) Церковная контрреволюция (документы из архива Всероссийского Поместного собора 1917 г., синода и др.).

3. По истории **революционного движения до Октября:** 1) 9 января 1905 г. и армия, 2) Записки Хрулева, Потоцкого и др. о мерах борьбы с крестьянским движением в 1905 г., 3) Из дневника Льва Тихомирова за 1905 г., 4) Совет министров и революция 1905 г. (из архива бар. Нольде), 5) „Союз союзов“ в 1905 г., 6) Выдача с.-д. депутатов 2-й Госуд. Думы (из протоколов комиссии Госуд. Думы и парламентской фракции кадетов), 7) Трудовики во 2-й и 3-й Госуд. Думе, 8) П. Б. Струве во время империалистической войны, 9) Из архива Ц. К. кадетской партии и П. Н. Милюкова (совещание Ц. К. и местных организаций кадетов в августе 1906 г., конференция кадетов 6—8 июня 1915 г., переписка кадетских лидеров во время войны), 10) Февральская революция в Петрограде (из документов Военной комиссии Врем. Комитета Госуд. Думы), 11) Покушение А. К. Соловьева на Александра II, 12) Лорис-Меликов и Адриан Михайлов, 13) Из переписки В. К. Плеве с Лорис-Меликовым, 14) Записка Валуева Александру II в 1861 г. „об охране внутренней безопасности государства“, 15) Всеподд. ежегодные отчеты III отделения об обществ. настроении, крестьянском и рабочем движении, 16) Польское восстание 1830 г. и др.

Кроме того, в 1930 г. в „ Красном архиве“ будут напечатаны: 1) Извлечения из дневников К. К. Романова, 2) Дневники Половцова, Ламздорфа и др., 3) Из архива А. А. Бобринского, 4) Из материалов архива жанд. ген. Новицкого, 5) Дневник Плансона о мирных переговорах в Портсмуте и др., а также ряд вновь найденных **историко-литературных** материалов: 1) Новые документы об А. С. Пушкине, А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском и др., 2) Неопубликованные показания Ф. М. Достоевского на процессе петрашевцев, 3) Из архива А. П. Чехова, 4) Неизданные отрывки из произведений и письма И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19, Периодсектор Госиздата; **Ленинград,** проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, Ленотгиз; в отделениях, магазинах и киосках Госиздата; у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, в почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА ЖУРНАЛ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА И МАРКСИЗМ

Журнал выходит под редакцией коллегии Института языка и литературы РАНИОН — П. И. Лебедева-Полянского, В. Ф. Переверзева, И. И. Гливенко, Е. Д. Поливанова и С. С. Динамова.

Журнал „ЛИТЕРАТУРА и МАРКСИЗМ" разрабатывает вопросы истории и теории литературы с точки зрения марксистской методологии.

В ГОД ВЫХОДИТ 6 КНИГ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 год — 6 р., на 6 мес. — 3 р. Отдельный номер — 1 р. 20 к.

КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ политики, культуры, критики и библиографии.

Ответственный редактор П. М. Керженцев.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: Решительная борьба со всякими проявлениями антипролетарских тенденций в области науки, литературы и искусства. Помощь читателю в использовании книги и журнала как орудия социалистического строительства.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1) Ленинизм. 2) Текущая политика партии. 3) Культурное строительство. 4) Литература и искусство. 5) Советское строительство. 6) Экономика. 7) Философия. 8) Естествознание. 9) История. 10) Коминтерн. 11) Хроника. 12) Библиография.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ УЧАСТИИ: Э. Квиринга, А. Криницкого, Н. Крупской, В. Милютина, М. Покровского и Е. Ярославского. К сотрудничеству в журнале привлечены активные работники Комакадемии, ИКП, РАНИОНА, научно-исследовательских организаций и пролетарских литературных объединений.

В 1930 году в журнале „КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ" вводятся новые отделы:

ДЛЯ РАБОЧЕГО ЧИТАТЕЛЯ

1. В помощь массовому читателю. 2. В помощь самообразованию партактива.

В 1930 году выйдет 36 номеров.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 10 р., на 6 мес. — 5 р., на 3 мес. — 2 р. 50 к.
Отдельный номер 35 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Моск. Обл. отделении Госиздата РСФСР „Московский Рабочий": Москва, Центр, Неглинный пр., 9; в Периодсекторе Госиздата РСФСР—Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат; в отделениях и магазинах Госиздата, а также у уполномоченных, снабженных удостоверениями.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

под. ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова и М. Н. Покровского.

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 6 ТОМОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 15 руб., на полгода — 7 руб. 50 коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 3 руб.

Журнал ставит своей целью опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории литературы, быта и культуры.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

В 1930 г. в „Красном Архиве“ будут опубликованы следующие материалы и статьи по неизданным архивным документам:

1. По истории **внешней политики и революционному движению за границей:** 1) Турецкая революция 1908 г., 2) Алжезирасская конференция, 3) Царская Россия и Монголия накануне мировой войны, 4) Вступление Италии в мировую войну, 5) Парижская Коммуна 1871 г. в донесениях русских дипломатов, 6) Берлинский конгресс 1878 г. и др.

2. По истории **Октябрьской революции и гражданской войны:** 1) Красная гвардия в Москве, 2) Организация Советской власти после Октября (по донесениям комиссаров), 3) Перекоп и ликвидация врангелевщины, 4) Комитет общественной безопасности в Петрограде в Октябрьские дни, 5) „Ставка“ Керенского в Октябре 1917 г., 6) Деникинщина и врангелевщина по материалам Парижского „посольства“ Врем. Правительства (архив Маклакова), 7) Сибирская контр-революция, 8) Английская интервенция на севере, 9) Церковная контр-революция (документы из архива Всероссийского Поместного собора 1917 г., синода и др.).

3. По истории **революционного движения до Октября:** 1) 9 января 1905 г. и армия, 2) Записки Хрулева, Потоцкого и др. о мерах борьбы с крестьянским движением в 1905 г., 3) Из дневника Льва Тихомирова за 1905 г., 4) Совет министров и революция 1905 г. (из архива бар. Нольде), 5) „Союз союзов“ в 1905 г., 6) Выдача с.-д. депутатов 2-й Госуд. Думы (из протоколов комиссии Госуд. Думы и парламентской фракции кадетов), 7) Трудовики во 2-й и 3-й Госуд. Думе, 8) П. Б. Струве во время империалистической войны, 9) Из архива Ц. К. кадетской партии и П. Н. Милюкова (совещание Ц. К. и местных организаций кадетов в августе 1906 г., конференция кадетов 6—8 июня 1915 г., переписка кадетских лидеров во время войны), 10) Февральская революция в Петрограде (из документов Военной комиссии Врем. Комитета Госуд. Думы), 11) Покушение А. К. Соловьева на Александра II, 12) Лорис-Меликов и Адриан Михайлов, 13) Из переписки В. К. Плеве с Лорис-Меликовым, 14) Записка Валуева Александру II в 1861 г. „об охране внутренней безопасности государства“, 15) Всеподд. ежегодные отчеты III отделения об обществ. настроении, крестьянском и рабочем движении, 16) Польское восстание 1830 г. и др.

Кроме того, в 1930 г. в „ Красном архиве“ будут напечатаны: 1) Извлечения из дневников К. К. Романова, 2) Дневники Половцова, Ламздорфа и др., 3) Из архива А. А. Бобринского. 4) Из материалов архива жанд. ген. Новицкого, 5) Отчет Плансона о мирных переговорах в Портсмуте и др., а также ряд вновь найденных **историко-литературных** материалов: 1) Новые документы об А. С. Пушкине, А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском и др., 2) Неопубликованные показания Ф. М. Достоевского на процессе петрашевцев, 3) Из архива А. П. Чехова, 4) Неизданные отрывки из произведений и письма И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19, Периодсектор Госиздата; **Ленинград,** проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, Ленотгиз; в отделениях, магазинах и киосках Госиздата; у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, в почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ ПЯТЫЙ
(СОРОК ПЕРВЫЙ СОРОК ВТОРОЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

★
ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-72739. П.-12. Гиз 42378.
Заказ № 1935. Тираж 1 800 экз. 13¾ п. л.

Россия и Алжезирасская конференция.

«В такой стране, как Марокко, дело идет не только о ввозе товаров на равных для всех условиях, но, быть может, еще в большей мере — о свободном соучастии в государственных концессиях или займах» [1]) — этими словами, сказанными сэру Эдуарду Грею, германский посол в Лондоне граф Меттерних довольно удачно выразил основной, достаточно типичный для эпохи финансового капитала, экономический смысл франко-германской борьбы за Марокко. Последующая попытка кн. Бюлова задним числом доказать, что в результате Алжезирасской конференции цели, — по крайней мере, главнейшие цели, — германской политики были так или иначе достигнуты, также оказалась неудачной, как и заранее обречена была на неудачу его реальная политика в мароккском вопросе. Поскольку соглашение о Марокко на основе компенсации не состоялось, Германия, отправляясь на Алжезирасскую конференцию, предприняла игру с негодными средствами. Международно-политическая ситуация сложилась к этому времени так, что Германия не могла рассчитывать на сколько бы то ни было серьезную поддержку: заключение англо-французской Антанты определяло общее направление, соглашение Франции с Испанией, и начавшиеся еще с 1902 г. соглашения с Италией не вызывали в Берлине радужных надежд. И только Марокко, о независимости которого формально так заботилась Германия, помогало последней, и то не сознавая этого и помимо своей воли: для незнающих европейских языков представителей Марокко приходилось переводить все переговоры, и без того бесконечно затянувшиеся. В создавшихся тогда условиях такая затяжка имела еще некоторый смысл для германской политики, искавшей опоры и предпринявшей довольно сложные маневры, чтобы взорвать англо-французскую Антанту или, по меньшей мере, предотвратить надвигающуюся изоляцию. Опубликованные документы показывают, как твердо и неуклонно лондонская политика своей позицией в Алжезирасе поддерживала только-что скованную систему англо-французской Антанты, и каких усилий стоило Германии выпутаться из тех сетей, которые вокруг нее сплелись на конференции.

Английская политика, будучи на сей раз более французской, нежели политика самой Франции, рассчитана была на обострение франко-германских отношений, на создание для Германии обстановки напряженной изоляции и, в конечном счете, на срыв конференции, но с тем, чтобы ответственность за этот срыв можно было возложить формально на ту же Германию. «Если конференция должна быть сорвана, — инструкти-

[1]) Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. XXI, № 6923.

ровал Грей английского уполномоченного в Алжезирасе Никольсона, — Франция не должна попасть в такое положение, которое может создать впечатление, будто она несет вину» [1]). Публикуемое ниже донесение Клемма (от 21/8 февраля 1906 г.) довольно четко передает настроение англо-индийских кругов, «с напряженным вниманием» следивших за перипетиями Алжезирасской конференции: «Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией открыто обсуждается... и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию, хотя бы поплатившись при этом своими боками. В военных кругах считают, — указывает далее Клемм, — что настоящий момент — самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику». Любопытно, в этой связи, то, что передаваемые Клеммом слухи о планах «быстрого уничтожения германского военного, а затем и коммерческого флота соединенными английским и французским флотами», а также о планах удара стотысячной армией на Германию через Голландию имели под собой достаточно реальное основание. По сообщениям германского военного атташе в Лондоне графа фон Шуленбурга, считавшего выступление Англии безусловным, в случае франко-германской войны, проектировалось три варианта переброски английской экспедиционной армии (100—150 тыс. чел.) против Германии: через Кале и Дюнкирхен, через Шлезвиг и Данию, через Антверпен — Бельгию [2]). Последний путь Шуленбург считал наиболее вероятным, и, таким образом, на 22-й день со дня объявления мобилизации английская армия могла бы уже участвовать в военных операциях против Германии.

Если это сообщение сопоставить с теми опубликованными в Германии и в Англии данными, которые освещают известные теперь переговоры, происходившие в Брюсселе между английским военным атташе Бернардистоном и начальником бельгийского генерального штаба Дюкарном, то картина военных приготовлений Англии, рассчитанных на войну с Германией, будет достаточно полной. Французские военно-морские круги не без основания, таким образом, считали не только дипломатическую, но и военно-оперативную поддержку Англии против Германии фактом, не подлежащим сомнению [3]). И то, что Клемм довольно легко сумел прочитать на лицах представителей английского империализма и военщины в Индии, то другой русский дипломат, Сазонов, имел возможность достаточно отчетливо услышать из уст самого ответственного руководителя английской внешней политики — сэра Эдуарда Грея. Заявление последнего о том, что создавшаяся на конференции ситуация несет в себе зародыш «дальнейших международных осложнений, последствий которых в данную минуту невозможно предугадать, — может быть понято только в общем контексте усилий британской политики нанести Германии решительное дипломатическое поражение. Высказанные Сазонову предположения о том,

[1]) British Documents on the Origins of the War 1898—1914. Edited by G. Gooch and Harold Temperley. III, № 278.

[2]) Die grosse Politik, XXI, № 6946.

[3]) British Documents, III, № 282.

что «конференция прервет свои заседания, не разрешив вопросов, ради которых она была созвана», имели отнюдь не академический характер: слова Грея в данном случае не расходились с его делами, не только считавшимися с возможностью срыва конференции, но и, в последнем счете, рассчитанными на этот срыв.

Неудивительно, что и французский посол в Лондоне Камбон так твердо надеялся на английский либеральный кабинет и что Сазонов в беседе с Греем счел удобным затронуть вопрос «о ведущихся Англией обширных приготовлениях на море». Сопоставление публикуемой ниже записи этой беседы с уже опубликованным английским изложением ее содержания вскрывает некоторые, весьма существенные, расхождения.

Осторожный и не без тревоги сделанный Сазоновым вопрос об антигерманских приготовлениях английского адмиралтейства Грей понял, а вернее, пытался изобразить, как русскую санкцию своих военно-морских мероприятий. В решительные моменты жизни Алжезирасской конференции добиваясь в Петербурге энергичного и недвусмысленного выступления в пользу Франции, Грей и тут, дав весьма расширенное толкование вопросу русского дипломата, рассчитывал на то, чтобы связать петербургскую политику и ликвидировать малейшие ее колебания в сторону поддержки Германии даже в вопросах второстепенного порядка. Для царской России, только-что побитой на Дальнем Востоке и охваченной животным страхом перед поднявшимся революционным шквалом, эти колебания были неизбежны. Германия довольно поздно убедилась, что можно было бы и не созывать конференции, если Франция под международной организацией полиции подразумевала только международную передачу Франции общего полномочия [1]). Петербургское же правительство с самого начала добивалось того, чтобы поставленные на конференции вопросы были разрешены как можно скорее, и притом мирным путем, иначе не было никакой надежды реализовать на международном,— в первую очередь, парижском — финансовом рынке заем, столь необходимый царизму для подавления революционного движения. Еще в начале 1904 г., в ответ на советы «легкомысленного» (характеристика Витте) Нелидова приступить к реализации займа после победы над японцами, Коковцов с раздражением писал: «Все это прекрасно, если бы не напоминало мне уравновешенного разговора о преимуществах той или другой кухни, который ведет сытый человек с голодным» [2]). «При наличии огромных сумм, поглощаемых этой ужасной войной, — писал Ламздорф в марте 1904 г , — придется в недалеком будущем отыскивать золото во что бы то ни стало. Когда же придется выбирать между мнением тех, которые несут прямую ответственность в вопросах внешней политики, и настояниями тех, которые отвечают за состояние казны и распоряжаются ею, то весьма вероятно, (что победят последние,— тем более, что их аргументы основаны на том неоспоримом факте, что дважды два — четыре, а не пять, между тем как наши — менее точны и обычно относятся к предугадыванию событий, правильность которых доказывается лишь с течением времени и, увы, слишком поздно» [3]).

---

[1]) Телеграмма Бюлова Шену в Петербург от 14 февраля 1906 г. № 34.

[2]) Письмо Коковцова гр. Ламздорфу от 22 (9) марта 1904 г. (копия хранится в Архиве Революции и Внешней Политики).

[3]) Письмо гр. Ламздорфа Нелидову от 31 (18) марта 1904 г.

К моменту, когда в захолустном испанском городке заседала международная конференция, наиболее сильным аргументом для царского правительства являлась русская революция. На карту поставлена была судьба российской монархии и всего ее социально-политического уклада, и в таких условиях для внешней политики царской России привести доказательства своей дееспособности слишком поздно значило не привести их никогда. Царской дипломатии пришлось отдать себя в распоряжение тех, кто должен был наиболее быстро разрешить простую, как «дважды два — четыре», политическую задачу: предоставить свою дипломатическую поддержку в вопросах международной политики с тем, чтобы взамен этого получить финансовую помощь для разрешения основного вопроса внутренней политики — подавления революции. До тех пор, пока Франция не добьется благожелательного разрешения вопросов, обсуждавшихся в Алжезирасе, «никакая большая финансовая операция немыслима», — этот тезис парижских банкиров Нелидов должен был передавать в Петербург в каждой телеграмме. И это звучало там достаточно императивно. Однако политико-дипломатическая задача от этого не становилась менее сложной. Категорическая поддержка Франции грозила срывом конференции, т. е. на ближайшее время потерей возможности, ввиду напряженности франко-германских отношений, реализовать заем. К тому же часть займа предполагалось разместить в Германии. Все это определяло те примитивные и судорожные акции, которые русская политика предпринимала то в Париже, то в Берлине, то в Алжезирасе, лишь бы добиться скорейшего и притом «благополучного» завершения работ конференции. Для царской России, провоцируемой Англией, срыв конференции рисовал не более благоприятную перспективу, чем проводимая Германией политика затягивания переговоров. Отсюда и закулисная возня в поисках почвы «для полюбовного решения вопроса» и весь незатейливый арсенал аргументов в пользу такого решения.

Но если в Париже по необходимости приходилось больше слушать, чем говорить, то в Берлине, нуждавшемся в поддержке, приходилось прибегать к самым различным способам доказательства необходимости итти на уступки. Намеки на возможность «сближения, через посредство России, между Германией и Францией» не вызывали в Берлине особенного интереса, да и не могли вызвать, так как слишком еще свежо было впечатление от разорванного Россией договора в Биорке. Кроме того, податливость России влиянию английской политики в Алжезирасе не могла пройти незамеченной. Далее русской дипломатии пришлось выдвинуть еще более значительный аргумент: необходимость подавления «революционного движения, имевшего уже отголосок в соседних монархических государствах, которыми признано было необходимым действовать сообща против надвигающейся опасности со стороны анархических международных обществ». Германский ответ, по существу, предвосхищал то, что спустя 17 лет, в годы оккупации Рура ответили американские власти, к которым представители германской политики обратились тогда за помощью, угрожая возможностью большевизации Европы [1]): это было циничное напоминание о том, что правящие классы в первую очередь руководствуются политикой самосохранения. Малейшие попытки поддержать

[1]) Henry T. Allen. The Rheinland occupation, 1927, p. 275.

Германию в вопросах второстепенного порядка были для царской политики столь же опасны, сколь опасно было бы до конца поддерживать притязания своей союзницы. Отсюда — обращенная к Берлину мольба итти на уступки — мольба, сменяемая то угрозой, то попыткой устроить компромисс. Однако малейший намек на то, что позиция России минимально приблизилась в сторону Германии, вызывал сильнейший нажим как со стороны Франции, так и со стороны Англии — и в результате следовало на конференции резкое выступление России в пользу Франции и даже попытка организовать в Вене «некоторое давление на берлинский кабинет». Тревога, охватившая, было, петербургскую дипломатию в связи со сменой в Париже министерства и появлением у власти Пуанкаре и Клемансо, быстро улеглась: будущий автор Версальской системы принес, как передает Нелидов, «повинную своим благожелательным расположением, столь необходимым для успешности нашего займа». Французские «левые» с самого начала оказались не так страшны. Получив реальную поддержку русской дипломатии в Алжезирасе и удовлетворившись формальной отпиской о юридической правомерности русского займа «до думы», они честно заплатили своим содействием проведению финансовой операции.

Алжезирасская конференция закончилась. Царизм получил возможность одержать над революцией временную победу.

Публикуемые документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики.

А. Ерусалимский.

Проект секретной инструкции российскому первому уполномоченному на международной конференции по делам Марокко д. т. с. графу Кассини [1]).

Вашему сиятельству хорошо, конечно, известны обстоятельства, приведшие к созыву международной конференции по марокканским делам, в среде которой вы призваны, с высочайшего его императорского величества соизволения, быть, совместно с министром резидентом нашим в Танжере, представителем России.

Переговоры по вопросу о предстоящих судьбах шерифского государства в течение двух последних лет занимали всеобщее внимание, и правительства заинтересованных держав постоянно держали в курсе дела общественное мнение Европы. При таких условиях едва ли представляется необходимым в настоящей инструкции сколько-нибудь подробно указывать на развитие марокканского вопроса во всех его подробностях.

Тем не менее почитаю долгом остановиться на некоторых имеющихся в министерстве иностранных дел данных, в которых вы можете почерпнуть небесполезные указания относительно той роли, которую

[1]) Заголовок подлинника, на котором имеется помета: «Царское Село. 22 ноября 1905 г.»

играли и намерены в будущем играть в настоящем вопросе отдельные европейские государства.

Определяющее значение в новой истории Марокко принадлежит англо-французскому соглашению 1904 г., послужившему исходной точкой последующей дипломатической кампании. Декларацией, подписанной в Лондоне 8 апреля 1904 г., Англия, взамен уступок по другим политическим вопросам, предоставила Франции преимущественное положение в Марокко. Статья вторая декларации гласила: «Правительство его британского величества признает, что Франции принадлежит, как сопредельной с Марокко на большом пространстве державе, блюсти за спокойствием в этой стране и помогать ей во всех реформах административных, экономических, финансовых и военных, в коих она нуждается».

Мирное завоевание, которое, казалось, республике удалось посредством этой декларации сделать на северо-западном побережьи Африки, встречено было с живейшей радостью во Франции, и первое время представлялось более чем вероятным, что ничто не помешает ей воспользоваться плодами декларации 8 апреля и утвердить свое влияние в пределах султаната. Дипломатические условия в 1904 году складывались самым благоприятным образом. Императорское правительство, узнав о заключении декларации 8 апреля, поспешило заявить о своем сочувствии; начатые вслед за подписанием Лондонского акта переговоры с Испанией вскоре привели, равным образом, к благополучному результату; еще ранее того Франции, насколько известно, удалось заручиться поддержкою Италии; наконец, германский канцлер в апреле 1904 года заявил в рейхстаге, что англо-французским соглашением устраняются недоразумения между двумя прежде враждебными друг другу державами, каковое обстоятельство, укрепляя шансы на сохранение европейского мира, весьма выгодно для Германии.

Лучшим доказательством того, насколько было уверено французское правительство в совершенной твердости достигнутого результата, служит факт проявленного им отсутствия всякой поспешности в деле осуществления вытекавших из англо-французского соглашения прав. Лишь к концу 1904 года оно собралось снарядить дипломатическую миссию в Фец, имевшую целью заставить султана признать воздействие республики в сфере марокканской администрации и финансов; к тому времени однако, когда миссия достигла резиденции султана и вступила в переговоры с ним, обнаружилось, что уверенность в легкости фактического захвата Марокко, которую проявлял г. Делькассе, не вполне отвечала обстоятельствам. Совершенно неожиданно для французских государственных людей оказалось, что им придется считаться с враждебной волею державы, в сущности,

до того времени мало интересовавшейся судьбой Марокко, но всегда проявлявшей в своей внешней политике недюжинную энергию. В начале марта 1905 года стало известно, что император германский во время предпринятого им плавания по Средиземному морю остановится в Танжере. Французский министр иностранных дел, делясь в беседе с императорским послом впечатлениями по поводу этого известия, указал, как неприятна для Франции совершенно неожиданная попытка вмешательства Германии в дела Марокко, но, вместе с тем, высказывал уверенность, что попытка эта не будет иметь особого значения. Оптимизм г. Делькассе не нашел себе оправдания в последующих событиях. На деле германское правительство совершенно серьезно и с твердой настойчивостью задумало разрушить созданное усилиями г. Делькассе дело. Для этого оно пустило в ход все средства, коими оно располагало. Прежде всего оно постаралось внушить в Фецe убеждение, что Германия поддержит независимость шерифского государства, и тем заставило Махзен отклонить все домогательства миссии г. Сэн Рене Тайандье; затем оно постаралось доказать французам, что действительно готово защищать эту независимость, даже рискуя войной в Европе, что вызвало полный раскол среди французского правительства и отставку г. Делькассе, покинутого всеми своими товарищами по кабинету; наконец, оно измыслило несколько искусственную теорию, будто решение марокканских дел, ввиду существования Мадридской конвенции 1880 года, принадлежит совокупности европейских держав, и сумело провести в жизнь эту теорию, едва ли отвечающую специальному содержанию указанной конвенции, посвященной, главным образом, вопросу о положении европейских «протеже» в Марокко.

Французские государственные люди пытались оказать противодействие этой враждебной политике, но безуспешно, и, в конце концов, должны были примириться с той постановкой, которую Германия пожелала дать марокканскому вопросу.

В результате, вместо перспективы беспрепятственного мирного проникновения в Марокко, Франция стоит теперь перед необходимостью в среде европейской конференции отстаивать свое право на сколько-нибудь активную роль в направлении марокканских дел. Соглашение, подписанное ею и Германией в Париже, ставит совершенно определенные рамки будущим работам Алжезирасской конференции, и только в узких пределах их Франция в состоянии теперь защищать свои интересы в шерифском государстве.

Прилагая при сем для сведения и руководства вашего сиятельства копию выработанной означенным соглашением программы предстоящей конференции, имею честь сообщить, что мною дополнительно препро-

вождена будет к вам копия той инструкции, которою снабжен будет французский представитель на конференции. Из документа этого вы усмотрите, какие пожелания и надежды связаны для французского правительства с работами предстоящего международного собрания.

Императорское правительство надеется, что французским уполномоченным удастся провести в жизнь означенные пожелания и что, хотя бы в новой, гораздо менее выгодной и более узкой форме, они в состоянии будут отстоять преимущественное положение своей родины в султанате.

На нашей обязанности, как союзной державы, лежит принять все находящиеся в нашем распоряжении меры к тому, чтобы облегчить Франции достижение означенной цели. Россия находится в этом отношении в особенно благоприятном положении. Ни с одним из четырех основных вопросов, включенных в программу конференции, у ней не связано никаких личных пожеланий, и она может поэтому оказывать в них неограниченную поддержку Франции. Такое обязательство императорское правительство уже взяло на себя в недавних объяснениях, которые посол в Париже имел с г. Рувье, и в сих видах французское министерство иностранных дел выразило готовность заранее доверительно сообщить нам ту инструкцию, которую оно даст г. Ревуалю и о которой упомянуто мною выше.

Но поддержкою Франции не должна ограничиваться предстоящая вам в качестве представителя России на конференции в Алжезирасе задача. Нет сомнения, что не все державы, которые будут участвовать в конференции, будут одушевлены одинаковым желанием помочь Франции в ее стремлении оградить свои преимущественные интересы в Марокко. Если Франция может, вероятно, вполне рассчитывать на содействие таких связанных с нею договорами держав, как Англия, Италия и Испания, то со стороны других государств, с Германией во главе, едва ли следует ожидать вполне благоприятного отношения к французским требованиям.

Трудно с совершенной определенностью установить, какими мотивами руководствуется Германия в своей политике по марокканскому вопросу. Одно время могло казаться, что император Вильгельм, выступая в качестве активного деятеля в настоящем вопросе, имел прежде всего в виду намерение достигнуть удаления г. Делькассе, в котором его величество видел, по собственному его выражению, опасного для интересов Германии «министра иностранных дел короля Эдуарда на континенте». Нет сомнения однако, что, достигнув означенной цели, император Вильгельм не остановился. Поддержанный германским общественным мнением, он связал с марокканской своей политикой задачи еще и иного порядка. Могущественное развитие германской промышленности и торговли заставляет имперское

правительство где только возможно охранять принцип «открытых дверей» и противиться односторонним захватам торговых рынков. Деятельность графа Таттенбаха в Феце и то внимание ко всем подробностям экономического и финансового свойства, которое германская дипломатия обнаруживала во время переговоров относительно программы конференции, наглядно доказали, что имперское правительство стремится к достижению только-что указанной цели и в отношении Марокко.

При таковых условиях более чем вероятно, что во многих случаях интересы Франции и Германии будут сталкиваться во время заседаний конференции. В интересах общего мира было бы весьма желательно, чтобы все подобные столкновения были без замедления улаживаемы. В этом отношении ваше сиятельство и второй уполномоченный России, близко знакомый с условиями марокканской действительности, могли бы оказать не маловажную услугу Франции и интересам всеобщего мира. Вы могли бы заявить французской делегации при открытии работ конференции, что готовы в случае необходимости взять на себя посредническую роль для устранения могущих возникнуть затруднений. По сведениям, сообщенным императорским послом в Париже, французское общественное мнение с благодарностью оценило вмешательство статс-секретаря графа Витте в разрешение франко-германской распри при возвращении его из Портсмута; несомненно, что французское правительство и во время предстоящих переговоров может встретить надобность в подобном посреднике, и представители России могут вновь оказать ему существенную в этом смысле услугу.

Таковы те основные указания, которыми императорское правительство считает полезным снабдить своих представителей на конференции в Алжезирасе. Вполне надеясь на успешное выполнение вашим сиятельством и д. с. с. Бахерахтом возлагаемой на вас задачи, министерство иностранных дел будет ожидать от вас подробных сообщений о ходе работ предстоящей конференции и снабдит вас своевременно всеми теми указаниями по частным вопросам, кои вы признаете соответственным во время конференции запросить из С.-Петербурга.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Кадикс. 3 (16) января 1906 г.

Сегодня состоялось открытие конференции. Президентом избран герцог Альмодовар [1]). Вступительная речь президента, в миролюбивом

[1]) Герцог Альмодовар-дель-Рио, первый уполномоченный Испании на Алжезирасской конференции.

духе, произвела благоприятное впечатление. На очереди будущего заседания стоит вопрос о контрабанде оружия. Французские и немецкие делегаты обменялись несколькими словами, определяющими, что основою прений должны служить суверенитет султана и неприкосновенность его территории при соблюдении в коммерческом отношении принципа открытых дверей.

Граф Кассини.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 23 (10) января 1906 г.

Вчера — второе заседание конференции, посвященное ознакомлению с мерами по борьбе с контрабандой оружия. Переговоры по этому поводу потребуют 2-х или 3-х заседаний и не вызовут серьезных трений, так как вопрос о надзоре на море до времени намеренно не ставится на обсуждение. Атмосфера на конференции продолжает оставаться наружно спокойной, так как к рассмотрению жгучих вопросов пока не приступали, но я вынес неблагоприятное впечатление из моих разговоров с Таттенбахом [1]), крайняя заносчивость которого и надменные, подстрекающие и непримиримые слова — заставляют предвидеть, что переговоры по вопросам о финансах и особенно о полиции примут более чем крутой оборот. Если Таттенбах действительно выражает чувства германского правительства, — шансы на окончательное соглашение кажутся мне весьма гадательными. Таково, кажется, и мнение Висконти [2]), намерения которого вполне мирные. С помощью Бахерахта, чье глубокое знание Марокко приносит мне большую пользу, — я делаю все от меня зависящее, чтобы оказать поддержку Франции, согласно вашим предписаниям. Поведение французских представителей корректно, сдержанно и твердо.

Граф Кассини.

Телеграмма Ламздорфа Кассини [3]).

29 (16) января 1906 г., № 57.

Из полученных от вас сведений явствует, что занятия конференции до сего времени не вызывали никаких шероховатостей; обстоя-

[1]) Граф ф. Таттенбах, германский посланник в Лиссабоне в 1897—1908 гг. второй уполномоченный Германии на Алжезирасской конференции.

[2]) Маркиз Висконти-Веноста, представитель Италии на Алжезирасской конференции.

[3]) На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета рукою Николая II: «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа «Царское Село, 16 января 1906 г.»

тельство это однако не служит еще ручательством благополучного ее исхода, тем более, что самые жгучие вопросы отложены на последующие заседания.

Не теряйте из виду, что, хотя Россия не имеет прямых интересов в Марокко, тем не менее по многим политическим соображениям для нас представляется крайне важным не только мирное решение задачи конференции, но и возможно скорейшее завершение ее, что положит конец нынешней общей напряженной неизвестности, затрудняющей устройство финансовых операций.

В этих видах представляется, быть может, целесообразным, чтобы вы вошли с некоторыми из ваших коллег в доверительное соглашение для более активного и примирительного воздействия на ход занятий конференции.

При обмене взглядов с вашими коллегами вы, несомненно, найдете способы для полюбовного урегулирования самых тревожных вопросов, что значительно ускорит и упростит труды конференции.

Сообщите о настроении и образе действий других представителей, в особенности английского и американского.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа росс. послу в Париже Нелидову.

Сообщается Кассини в Алжезирас.

30 (17) января 1906 г., №№ 68 и 69.

Из весьма секретного источника мы осведомились, что в Берлине составилось убеждение, будто Франция привыкает к мысли о том, что конференция не согласится на передачу ей общего полномочия относительно Марокко.

Берлинский кабинет, видимо, отнесся с большим сочувствием к нижеследующим взглядам, высказанным в одном из органов французской печати, а именно: общее положение является безнадежным и даже нежелательным для Франции. Точно также нецелесообразно учреждение корпуса международной полиции. Остается только передать султану организацию полиции в его владениях, назначить ему на это известные средства и учредить международный контроль по расходованию этих средств и вообще осуществлению этого плана. Франция приобрела бы симпатию, если бы она предложила в Алжезирасе этот проект.

Берлинский кабинет поддержал бы этот проект, не видя в нем угрозы для продолжительного сохранения принципа открытых дверей.

Можете доверительно сообщить изложенное г. Рувье.

Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 1 февраля (19 января) 1906 г.

Статьи здешних газет, понравившиеся в Берлине, вовсе не отвечают взгляду французского правительства на марокканский вопрос. Здесь полагают, что они внушены немцами. Рувье считает предоставление устройства полиции султану, даже под контролем держав, совершенно недопустимым. Он без содействия иностранных элементов ничего путного устроить не в состоянии. Предоставленный самому себе, он пригласит германских инструкторов или офицеров, на что Франция никак согласиться не может. Здесь единственным практическим исходом считают предоставление устройства полиции Испании и Франции, и то лишь в главных портах. Об остальных частях Марокко, а равно о передаче Франции общего полномочия, против которого так восстают германцы, нет и речи. Я изложил подробно французский взгляд на дело в доверительной депеше, отправленной сегодня с верною оказиею. Рувье поручил уехавшему сегодня же в С.-Петербург Рафаловичу сказать Витте, что, несмотря на его горячее желание содействовать заключению нами в марте крайне необходимого займа, ввиду настоящего тревожного настроения денежного рынка никакая большая финансовая операция немыслима, пока не снят будет удручающий гнет, причиняемый неизвестностью об исходе Алжезирасской конференции.

Нелидов.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 6 февраля (24 января) 1906 г.

Конфиденциальные переговоры между делегатами по вопросу о полиции продолжаются [1]). Немцы пробуют склонить некоторые державы на свою сторону, но безуспешно. Проект поручить организацию полицейского надзора султану — раскрыт, германские делегаты в смущении и не знают, что предложить. Ревуаль полагает, что Берлин не вполне осведомлен своими делегатами, которые, быть мо-

[1]) В состоявшемся 3 февраля (21 января) конфиденциальном обмене мнений по вопросу о полиции французский делегат на конференции Ревуаль требовал предоставления Франции мандата на организацию полицейского надзора, выразив при этом согласие «в случае надобности» разделить мандат с Испанией. Английский делегат в присутствии Радовица (первого германского уполномоченного на конференции) высказался о своей готовности «неуклонно поддерживать всякое предложение Франции». (тел. графа Кассини от 4 февраля (22 января) 1906 г.).

жет, не осмеливаются донести своему государю, что преобладающее настроение умов в Алжезирасе благоприятно для Франции, и признаться в практической неосуществимости марокканского проекта — предоставить султану самому восстановление своего авторитета, который он оказался не в состоянии поддержать. Французский делегат считает совершенно необходимым, чтобы император Вильгельм был точно информирован какой-либо нейтральной державой и склонен к принятию последнего предложения Франции, в настоящий момент ясно формулированного, сущность которого в принципе — разделение работы по созданию полиции между Францией и Испанией. Последняя усмотрела бы в предоставляемой ей роли способ упрочить политическое положение, столь трудное для молодого короля, снискавшего себе симпатии германского императора. Я опасаюсь, как бы отклонение Германией этого предложения, служащего новым доказательством умеренности Франции, не усложнило еще больше создавшейся ситуации, и без того довольно запутанной. Это мнение разделяется громадным большинством делегатов [1]).

Граф К а с с и н и).

Телеграмма Ламздорфа послу в Берлине Остен-Сакену [2]).

Сообщена Кассини в Алжезирас.

С.-П е т е р б у р г. 7 ф е в р а л я (25 я н в а р я) 1906 г., №№ 100 и 101.

За № 2 вам передается телеграмма графа Кассини [3]) относительно препятствующего успешному ходу конференции серьезного разногласия между Францией и Германией по поводу организации полиции в Марокко.

Ввиду того, что благополучное завершение трудов конференции в скорейшем времени представляется для нас весьма важным, было бы желательно попытаться склонить берлинский кабинет к более уступчивому образу действий по отношению к Франции, давшей доказательства своего искреннего желания разрешить спорный вопрос в примирительном духе.

---

[1]) На телеграмме помета: «Я думаю, что эту телеграмму такой, как она есть, надо передать за № 2 графу Остен-Сакену и телеграммой за № 1 предложить последнему воспользоваться ею для осведомления кн. Бюлова и осторожного воздействия на него. — Л а м з д о р ф».

[2]) На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета Николая II «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа: «Царское Село, 25 января 1906 г.»

[3]) См. тел. Кассини от 6 февраля (24 января) 1906 г.

Вы могли бы поэтому самым доверительным и осторожным образом объясниться с князем Бюловым, поделившись с ним заключающимися в телеграмме графа Кассини сведениями и соображениями в пользу принятия французского проекта об устройстве полиции.

Граф Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 7 февраля (25 января) 1906 г.

По полученным из Алжезираса известиям, германский первый уполномоченный имел предварительные объяснения о способе устройства марокканской полиции в частных разговорах с итальянским и американским представителями. Они заявили ему, что, по их убеждению, далее согласия на устройство полиции совместно с Испанией Франция ни в каком случае не пойдет. Радовиц передал это в Берлин и ждет ответа, который будет решающим для исхода конференции. Я мог со своей стороны удостоверить справедливость этого мнения, и нам были бы в высшей степени признательны здесь, если бы, в видах обеспечения успешного исхода конференции, мы могли воздействовать на берлинский кабинет, дабы убедить его, что далее, чем вышеупомянутый раздел полиции с Испанией, ни французский уполномоченный, ни министерство уступить не могут; их не поддержит общественное мнение. В отношении же торговли и открытых дверей Франция готова на самые широкие уступки. Для нас крайне необходимо, чтобы конференция окончилась благополучно, ибо только под этим условием возможно заключение столь нужного нам займа; это, повторил мне первый министр, громко говорят все банкиры, с тревожным нетерпением ожидающие окончания конференции.

Нелидов.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 8 февраля (26 января) 1906 г.

Лично.

В положении в Алжезирасе, повидимому, наступает критический и решительный момент. Все зависит от решения, которое будет принято в Берлине в отношении тех крайних уступок, которые Франция считает для себя возможными, разделяя с Испанией свои полномочия по организации полицейского надзора, — комбинации, одобряемой всеми остальными державами. Здесь возлагают все надежду на непосредственное вмешательство нашего августейшего повелителя перед императором Вильгельмом, который один способен

выполнить обещания, данные им нам и Франции, показать себя сговорчивым на конференции. Тем не менее полномочные представители Германии еще не дали никаких доказательств своей сговорчивости, все уступки до сих пор были сделаны Францией. Если конференция закроется, не решив вопроса о полиции, в Марокко, где (и без того) ежеминутно может возникнуть конфликт между державами, создастся вдвойне угрожающее положение.

Нелидов.

Депеша Нелидова.

Париж. 8 февраля (26 января) 1906 г., № 7.

Доверительно.

Из телеграммы, отправленной мною сегодня ночью, ваше сиятельство могли осведомиться о положении в Алжезирасе самого жгучего из вопросов, подлежащих рассмотрению тамошней конференции, — обеспечения безопасности и устройства полиции в портовых городах.

Тщательно воздерживавшиеся до сих пор от каких-либо разговоров по этому предмету немецкие делегаты прервали, наконец, свое молчание, и гг. Радовиц и Таттенбах имели частные объяснения с некоторыми из своих сотоварищей и из представителей печати.

Самые важные по своему существу разговоры имели с первым германским уполномоченным маркиз Висконти Веноста и американский посол Уайт. Оба сообщили их содержание французскому делегату, доселе еще не предъявлявшему требования Франции о предоставлении ей общего полномочия для устройства полиции.

Как г. Висконти Веноста, так и Уайт выразили мнение, что общего полномочия Франция не получит, но заявили, вместе с тем, германскому своему товарищу, что крайняя уступка, на которую, по их мнению, может согласиться Франция, будет состоять в том, чтобы устройство полиции было поручено ей совместно с Испанией, как двум соседним с Марокко государствам, наиболее знакомым с местными условиями.

Г. Радовиц передал эти заявления в Берлин и ждет ответа, который надеется получить не позже конца недели.

Сообщая мне эти подробности из подлинных телеграмм г. Ревуаля, первый министр подтвердил, что Франция расположена сделать все возможные уступки в финансовых и торговых вопросах, но считает себя в праве надеяться, что в деле полиции будут приняты в соображения ее вполне основательные требования. Она готова при этом обставить дело так, чтобы другие державы были точно осведомлены о способе применения данных ей полномочий.

Так как разрешение этого вопроса составляет самую существенную точку ведущихся в Алжезирасе переговоров, то парижский кабинет придает огромное значение тому, чтобы оно было благоприятно. Неизвестность по этому предмету продолжает удручать как общественное настроение, так и расположение биржи, где все дела откладываются до окончания конференции. В этом последнем отношении в высокой степени заинтересована и Россия, до крайности нуждающаяся в большом займе, а таковой, по уверениям г-на Рувье, подтвержденным мне банкирами, может состояться только в случае счастливого исхода конференции. Тогда, по всем признакам, на бирже тотчас явится расположение к обширным предприятиям, и выйдут наружу накопленные в большом количестве, но припрятанные ныне свободные капиталы. Ввиду всех этих обстоятельств, г. Рувье еще раз выразил мне желание, чтобы императорский кабинет употребил свое влияние в Берлине для воздействия на тамошний кабинет в смысле более сговорчивого отношения к притязаниям Франции, и с этою целью удостоверил, что согласие на устройство полиции при содействии Испании составляет крайний предел уступок, которые здешнее правительство в состоянии сделать. Если, как со стороны Германии было многократно заявлено, она искренно желает соглашения и намерена сделать Франции обещанные при предварительных переговорах облегчения, то теперь к тому наступила крайняя минута.

От решения, имеющего теперь быть принятым в Берлине по этому вопросу, будет зависеть судьба конференции, а с нею или всеобщее успокоение или продолжение тревожного настроения, составляющего опасность и угрозу для европейского мира и благосостояния.

Нелидов.

Депеша Остен-Сакена.

Берлин. 10 февраля (28 января) 1906 г.

Весьма секретно.

Граф, как я уже имел честь сообщить вам телеграммой, [1]) имперский канцлер мог уделить мне вчера для переговоров лишь очень поздний час, а потому я был лишен возможности составить подробное донесение к отъезду дипломатического курьера. Я задержал на 24 часа молодого Муравьева, который, привезя сюда письма из Рима, возвращается из Берлина в Петербург с пустыми руками. Это дает мне возможность дополнить содержание моих трех длинных телеграмм, посланных сегодня ночью, и направить вам копию черновиков госу-

[1]) От 9 февраля (27 января) 1906 г.

дарственной канцелярии, содержащих инструкции Радовица и циркуляр, которые вам даст прочесть г-н де Шен.

Неожиданное осложнение, возникшее в Алжезирасе, по словам князя Бюлова, явилось по вине полномочных представителей Франции. Обсуждение наиболее важного пункта Алжезирасской программы — реорганизации полицейского надзора — было отложено намеренно, чтобы дать возможность подготовиться к нему путем предварительного обмена мнений между полномочными представителями, имеющим целью привести последних к какому-либо соглашению. Для этой же цели предполагалось поставить на повестку дня вопрос об учреждении банка в обеспечение верного и постоянного источника для покрытия издержек, которых потребует организация полиции.

Неожиданно г. Ревуаль прервал переговоры относительно банка и настоял, чтобы на повестку дня было поставлено обсуждение предложений, касающихся организации полиции.

Кроме того, положение осложнилось благодаря требованию Франции, которая, вопреки словесному обязательству, взятому на себя г. Рувье в сентябре, подробно изложенному в секретной телеграмме, посланной сегодня ночью [1]), хочет во что бы то ни стало добиться полномочия на организацию полиции для морской зоны Марокко. По мнению канцлера, уступка, сделанная Германией после переговоров Розена в Париже, — предоставить исключительно Франции организацию полицейского надзора на всем протяжении ее алжирской границы, — уже обеспечивала ей крупное влияние в Марокко и составляла не лишенное цены доказательство мирных намерений Германии. Присоединение Испании к выполнению предоставляемых Европой полномочий, о котором хлопочет Франция, берлинским кабинетом не было принято всерьез; последний склонен скорее рассматривать его как шаг к отказу от стремлений к своему привиллегированному положению в Марокко.

---

[1]) Имеется ввиду следующее место телеграммы от 9 февраля (27 января), в которой граф Остен-Сакен, более кратко по сравнению с публикуемой депешей, передавал содержание своей беседы с германским канцлером: «Во время переговоров г. Розена в Париже в сентябре прошлого года Франция просила Германию предоставить ей полицейский надзор на всем протяжении алжирской границы, что уже должно было ей дать ощутительный перевес в султанате. Германия на это согласилась взамен обещания парижского кабинета отказаться в письменной форме от домогательств на конференции полномочий для Франции на общий полицейский надзор. Г-н Рувье дал в этом формальное обязательство, прося единственно не настаивать на письменной форме и обещая дать то же обязательство на словах. Канцлер, который находился в это время в Бадене, желая выразить личное доверие Рувье и дать доказательство своего благожелательства по отношению к Франции, дал на это свое согласие, даже без распоряжения императора».

Эта уловка не вызывает у канцлера ничего, кроме многозначительной улыбки каждый раз, когда о ней упоминают. Князь Бюлов неоднократно указывал, что на востоке господин тот, кто распоряжается полицией. Германия всегда открыто высказывала свое нежелание, чтобы которая-либо из держав могла получить преобладание в ущерб политическим, экономическим и финансовым интересам других государств. Она не хочет этого для себя и не допустит ни для кого другого.

Об инциденте при переговорах Розена, как я уже сказал выше, было подробно доложено в моих телеграммах, посланных этой ночью. К нему я уже не буду возвращаться, но не могу не упомянуть, что в глазах берлинского кабинета он создаст повод для личного обвинения Рувье.

Я постарался смягчить это впечатление, вскрыв опасности, которые будут угрожать кабинету Рувье в случае полного устранения Франции от полицейской охраны Марокккского побережья, и указывая, что в интересах всех европейских держав — не вызывать в настоящий момент министерского кризиса во Франции. Канцлер, как вы уже знаете из моей телеграммы, отнесся недоверчиво к опасностям, угрожающим французскому кабинету, имея в виду сентябрьское соглашение. Он не без иронии указал на злоупотребление подобного рода угрозой, которая вошла у г-на Рувье в привычку за время длительных переговоров между Францией и Германией по вопросу о Марокко. «Я бы мог делать то же самое, — сказал канцлер, — ведь и моя ответственность перед моей страной, рейхстагом и императором нисколько не меньше. Помимо этого, аргумент, постоянно выдвигаемый Ревуалем, что Франция не может уступить своих преимуществ в Марокко, становится оскорбительным. Это совершенно то же, как если бы я высказал подобное же намерение по отношению к Швеции или кому другому. В том, что касается Марокко, мы подтверждаем то же, что мы всегда открыто заявляли и вправе заявлять: «ничего исключительного для нас, но ничего и для других». Из всей этой беседы я вынес убеждение, что Германия будет твердо держаться намеченной позиции и что сам император, быть может, еще более, чем канцлер, будет настаивать на выполнении своей программы.

Это убеждение заставляет меня опасаться за успех вмешательства нашего августейшего повелителя перед императором Вильгельмом, который, после телеграммы нашего посланника в Париже ищет случая задеть (provoquer) французское правительство. Тем не менее, я успокаиваю себя мыслью, что ваше превосходительство, будучи снабжены всеми необходимыми документами, чтобы судить о серьезности происшедшего инцидента, и сами найдете решение, отвечающее

серьезности положения, присутствуя ли здесь или оказывая влияние на Париж в том смысле, чтобы последний считался с доводами, выдвигаемыми берлинским кабинетом.

Остен-Сакен.

P. S. К моему крайнему изумлению, утренние газеты печатают сегодня сенсационную телеграмму, якобы из Алжезираса, которая сообщает о неожиданном замешательстве, произведенном представителями Франции внутри самой конференции. Это сообщение содержит как раз то же самое обвинение, которое выдвигал против Рувье и канцлер в нашей вчерашней беседе. Легко угадать цель этого странного признания, преданного публичной огласке с Wilhelmstrasse: оно сыграет в руку г. Жоресу, дав ему предлог для запроса в палате, способного привести в замешательство председателя совета министров.

Всеподданейшая записка Ламздорфа [1]).

10 февраля (28 января) 1906 г.

Вчера вечером посетил меня здешний французский посол, чтобы, по поручению г-на Рувье, сообщить о той тревоге, которую возбуждает в правительстве Франции положение дел на Алжезирасской конференции.

По существу сообщение это не заключало новых подробностей помимо тех, кои переданы были в повергнутых уже мною на высочайшее вашего императорского величества благоволение телеграммах графа Кассини и д. т. с. Нелидова. Но г. Бомпар обратил внимание мое на то существенной важности обстоятельство, что Франция, дойдя по пути уступок до крайних пределов, не видит со стороны Германии ни малейшего стремления разрешить в благоприятном смысле вопрос о портовой полиции.

По мнению французского правительства, в данном случае дело касается, главным образом, личного самолюбия императора Вильгельма, что, повидимому, удерживает не только немецких делегатов на конференции, но, быть может, и самого канцлера от каких-либо приемлемых для Франции примирительных предложений.

При таких условиях Франция возлагает все свои надежды на высокомилостивое посредничество вашего императорского величества пред императором Вильгельмом, выражавшим неоднократно обещание устранить все препятствия к мирному улажению марокккского вопроса.

---

[1]) На полях записки помета Николая II: «Об этом вопросе я много думаю».— Далее рукою Ламздорфа:«Царское Село. 28 января 1906 г.»

Я ограничился заявлением г. Бомпару, что не премину довести об изложенном до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Граф Ламздорф.

Письмо великобританского поверен. в делах в Петербурге Ламздорфу

10 февраля (28 января) 1906 г.

Граф,

В течение разговора, который я имел в последнюю среду с вашим превосходительством по поводу последнего предложения относительно полиции в Марокко, внесенного некоторыми делегатами на конференции в Алжезирасе, вы изволили меня спросить, каково мнение моего правительства об этом предложении.

Мне поручено сэром Эдуардом Греем уведомить ваше превосходительство, что британское правительство присоединится ко всякому предложению, которое Франция найдет для себя приемлемым.

Примите, граф, уверения в моем глубоком уважении.

Сесиль Спринг Райс.

Депеша Кассини.

Алжезирас. 12 февраля (30 января) 1906 г.

Скоро уже 4 недели, как созванная в Алжезирасе конференция приступила к работе, а мы все еще обсуждаем вопросы второстепенного значения, каковы, например, вопросы, касающиеся взимания налогов в Марокко, урегулирования таможенных пошлин и т. д.

Ход работ на заседаниях конференции значительно замедлился ввиду необходимости объяснять через переводчиков делегатам Марокко то, о чем идет речь. Что еще способствует медлительности процедуры, так это система, избранная председателем конференции, — избегать до времени острых вопросов, чтобы, по возможности, не представлять марокканским делегатам зрелища резких расхождений между главнейшими из заинтересованных сторон. Это, бесспорно, похвальное намерение герцога Альмодавара, имело однако же своим следствием то, что большинство вопросов, которые могли дать повод к резким столкновениям, было опущено и, таким образом, образовало группу вопросов, оставшихся без разрешения. Как бы то ни было, несмотря на эти недостатки, конференция сделала все возможное, чтобы справиться с теми сложными вопросами, которые она об-

суждала до сих пор, и приближается не без волнения к двум важнейшим стержневым вопросам: к организации марокканского банка и полиции.

После долгого ненарушаемого безмолвия, хранимого относительно первого из этих вопросов, специалисты, делегированные Францией и Германией, Реньо и граф Таттенбах (второй уполномоченный Германии) обменялись, наконец, мнениями, что уже подает проблеск надежды. Франция, повидимому, решилась на некоторые уступки по этому вопросу, но она выжидает, чтобы Германия более или менее ясно обнаружила свои намерения относительно вопроса о полиции, для того, чтобы затем поступить согласно правилу: «do, ut des».

После конфиденциального разговора между Ревуалем и Радовицем французский делегат, заручившись согласием своего правительства, предложил поручить организацию полиции совместно Франции и Испании — эти две державы, будучи пограничными с Марокко и располагая людьми, знающими Марокко, его нравы и обычаи, наиболее приспособлены для этой роли. Это предложение французского делегата было новым доказательством мирных намерений, которые питает Франция, и вместе — молчаливым отказом от принципа единоличных полномочий, на котором Франция настаивала до сих пор, как на необходимом условии соглашения. Радовиц передал в Берлин внесенный Ревуалем проект организации франко-испанской полиции. Прошло одиннадцать дней, но до настоящего момента германский делегат еще не известил своего французского коллегу относительно приема, который встретил указанный проект в Берлине. Молчание германских делегатов упорно, как никогда; на делегатов остальных держав в Алжезирасе это необъяснимое поведение Германии, столь некорректное по отношению к Франции, а может быть, и по отношению к другим державам, представленным в Алжезирасе, создает, да иначе и не могло бы быть, впечатление не в пользу Германии; здесь не без некоторого беспокойства рассматривают эту задержку, как нечто ничем не объяснимое и не оправдываемое. Итак тут начинают себя спрашивать, не возымела ли Германия за последние дни намерений, видя себя более и более изолированной на конференции и не предвидя успеха, отвечающего ее чаяниям, сорвать конференцию, постаравшись всеми способами свалить на Францию ответственность за этот провал. Последнее — лишь простое предположение, дорогой граф, и, если я о нем говорю, так лишь потому, что оно характеризует состояние умов, вот уже несколько дней господствующее в Алжезирасе.

Граф Кассини.

Телеграмма Ламздорфа Кассини. [1])

Сообщена послам в Париже и Берлине.

Петербург. 19 (6) февраля 1906 г., № 151.

Телеграмма 5 февраля получена [2]).

Все высказанные вами соображения по поводу проявленной Францией уступчивости, дошедшей до крайних пределов, совершенно справедливы.

Содержание вашей телеграммы передано графу Остен-Сакену с поручением обратить серьезное внимание берлинского кабинета на необходимость изыскать почву для полюбовного решения вопроса.

Вместе с тем крайне желательно, чтобы вы сговорились с вашими коллегами, которые придерживаются тождественных взглядов, для совместного воздействия в примирительном духе на германских делегатов.

Надобно надеяться, что таковое единодушие держав повлияет в благоприятном смысле на Германию, которая едва ли пожелает взять на себя тяжелую ответственность за неудачный исход конференции.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену. [3])

Петербург. 20 (7) февраля 1906 г. № 153.

Из переданной вам вчера секретной телеграммы графа Кассини явствует, что Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись принять почти все пункты последних предложений берлинского кабинета.

---

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета Николая II: «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 6 февраля 1906 г.»

[2]) В тел. от 18/5 февраля гр. Кассини перечислял уступки, сделанные Францией: «1) согласие участвовать в конференции, 2) привлечение Испании к делу создания полиции, 3) предоставление султану организации полиции, 4) предполагаемое допущение надзора нейтральной державы». Указывая, что «продолжение переговоров и соглашение становятся невозможными, если одна сторона требует всего и не поступается ничем», Кассини в случае провала конференции возлагал на Германию «всю ответственность за длительное состояние неопределенности, столь гибельное для наших интересов».

[3]) На телеграмме помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа «Царское Село. 7 февраля 1906 г.»

Справедливость требует признать, что ныне надлежало бы Германии явить доказательства своего миролюбия, о котором, по поводу марокканских дел, неоднократно заявлял как сам император, так и князь Бюлов. Между тем посетивший меня г. Шен сообщил, что Германия, не видя в проектированных Франциею изменениях статей о полиции достаточных гарантий сохранения в последней международного характера, отклонила таковые, в надежде, что Франция найдет иной выход из затруднения.

Было бы крайне прискорбно, если бы из-за сравнительно ничтожного вопроса о полиции, по которому решительно все державы держатся тождественного мнения, конференция в Алжезирасе вынуждена была прервать свои занятия.

Мы отказываемся верить, чтобы император Вильгельм, с твердым убеждением высказывавшийся пред нашим августейшим монархом за необходимость в интересах всего человечества сохранения мира, а также сближения, чрез посредство России, между Германией и Францией, решился бы вызвать срыв конференции и таким образом не только отказаться от намеченной политической программы, но и вместе с тем посеять среди европейских держав тревогу, которая по многосложным последствиям не менее погубна, чем открытая война.

Германскому правительству также хорошо известно, что с благоприятным окончанием Алжезирасской конференции тесно связан вопрос о чрезвычайно важных для России денежных операциях; только с осуществлением последних императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному подавлению революционного движения, имевшего уже отголосок и в соседних монархических государствах, которыми признано было необходимым действовать сообща против надвигающейся опасности со стороны анархических международных обществ.

Вопреки распространяемому мнению, будто препятствием к заключению Россиею займа служит еврейская агитация, мы имеем положительные данные о том, что лишь полная неизвестность исхода Алжезирасской конференции побуждает французских банкиров воздерживаться от всяких финансовых сделок.

Из всего вышеизложенного вы можете усмотреть, в какой степени представляется важным благополучный исход совещаний в Алжезирасе. Ввиду сего, если бы на предстоящем 8 февраля придворном празднестве император Вильгельм или канцлер в беседе с вами коснулись марокканских дел, вы можете вполне откровенно высказаться в смысле моей настоящей телеграммы.

Ламздорф.

Телеграмма Остен-Сакена Ламздорфу.

Берлин. 20 (7) февраля 1906 г., № 2.

Распоряжения вашего превосходительства, сообщенные мне телеграммами вчера и позавчера, я мог выполнить лишь сегодня в шесть часов вечера. Во время моей беседы с канцлером мне была доставлена ваша последняя телеграмма, с которой я его немедленно и ознакомил. Князь Бюлов благодарит вас за ваше чрезвычайно конфиденциальное сообщение. Он думает, что всей своей политикой в течение многих лет он доказал, насколько он прислушивается и считается с желаниями с.-петербургского кабинета. Он горячо желает, чтобы русское правительство было в состоянии сделать необходимый заем для окончательного подавления революционного движения. Помимо этих соображений, он искренно желает, чтобы конференция в Алжезирасе удалась и чтобы период напряженности, неуверенности и замешательства, неизбежный в случае провала, был предотвращен. Но чтобы достигнуть этого результата, — сказал канцлер, — надо пойти на компромисс, т. е. поддерживать в равной степени точки зрения Франции и Германии.

Император Вильгельм не может также не считаться с общественным мнением; он не может встать в открытое противоречие по отношению к принципу открытых дверей, действительному и законному, и по отношению к совершенному равенству в положении держав в Марокко.

Французские делегаты в Алжезирасе не только в вопросе о полиции предъявляют требования, несовместимые с международным характером, придаваемым ее организации, но, со вчерашнего дня, они и по отношению к вопросу о банке проявляют намерения, точно также несовместимые с правами и интересами держав. Чтобы закончить конференцию и реализовать во Франции заем, нужный русскому правительству, необходимо, чтобы петербургский кабинет воздействовал на французское правительство в том смысле, чтобы последнее выказало себя менее непримиримым. Канцлер добавил, что язык французской прессы произвел неприятное впечатление на императора.

На мое замечание, что марокканский вопрос не имел такого важного значения, чтобы поставить Европу в столь затруднительное положение, канцлер ответил: «Каковы бы ни были экономические интересы Германии в Марокко, этот вопрос стал для нее, и особенно для императора, вопросом чести. По соображениям монархического порядка, император твердо решил не делать уступок, могущих принести ущерб авторитету и престижу его личности и его короны как в Германии, так и в Европе».

Я думаю, что это последнее замечание, больше чем всякая другая мотивировка, определяет собой непримиримую позицию Германии в марокканском вопросе. Комбинация, возникшая к концу моей беседы с канцлером, которую я изложил в моей телеграмме № 1 [1]), могла бы, быть может, выдвинута нами как средство к примирению — создать почву для соглашения и представить способ предотвращения срыва конференции.

Граф Остен-Сакен.

Депеша росс. поверен. в делах в Лондоне Сазонова.

Лондон. 21 (8) февраля 1906 г., № 15.

Несмотря на то, что сэр Эдуард Грей прекратил на время, по случаю кончины своей жены, обычные дипломатические приемы, я тем не менее просил его принять меня вчера частным образом, чтобы узнать его взгляд на ход переговоров заседающей в Алжезирасе конференции.

Желание это было вызвано во мне свиданием, которое я имел накануне с здешним французским послом, очень встревоженным полным застоем в работах конференции, прекращения которой он ожидал с минуты на минуту.

Хотя и в иной форме то же беспокойство я заметил и в английском министре иностранных дел. На мой вопрос, верит ли он еще в возможность найти такую почву, на которой противоречивые взгляды Франции и Германии могли бы встретиться, сэр Эдуард ответил мне, что, пока уполномоченные держав еще не разъехались, не следует отказываться от всякой надежды на возможность компромисса, но что он, с своей стороны, думает, что Франция не могла бы сделать более ни одного шага навстречу германским требованиям, после того, что предложение ее относительно совместной с Испанией организации полиции в марокканских портах было отвергнуто в Берлине. Ввиду этого он полагает, что конференция прервет свои заседания, не разрешив вопросов, ради которых она была создана, хотя вся Европа, за исключением одной Германии, одинаково заинтересована в их воз-

[1]) В этой телеграмме гр. Остен-Сакен сообщал, что германский канцлер отклоняет французское предложение «ограничить выбор инструкторов марокканской полиции исключительно французскими и испанскими офицерами». «Но я вынес впечатление, — сообщает далее росс. посол, — что если бы Франция предоставила султану право выбора офицера из одной или двух других национальностей, кроме французов или испанцев, то это облегчило бы князю Бюлову возможность найти удобную почву для соглашения. Не будучи уверенным в возможности склонить императора к этой уступке, канцлер не решается придавать означенной комбинации смысл формального предложения, — но уполномочил меня сообщить ее вашему сиятельству»

можно быстром улажении. Министр сказал мне при этом, что английскому уполномоченному было поручено поддерживать взгляды Франции в вопросе об организации полиции не только потому, что между Англией и Францией состоялось по марокккскому вопросу соглашение, а и потому, что он считает Францию одну способною внести порядок в хаотическое состояние, в котором находятся портовые города Марокко и вследствие которого торговля Англии несет значительные убытки. По убеждению сэра Эдуарда, интересы всей Европы солидарны, и если бы Германия преследовала одни коммерческие цели, то она давно бы стала на общую точку зрения. Как ни далека Россия от Марокко, — прибавил министр, — разрешение спорных вопросов в этой стране имеет и для нее большое значение, так как оно дало бы русскому правительству возможность беспрепятственно произвести задуманные им финансовые операции.

Хотя министр и сказал мне, что он не допускает в настоящее время вероятности вооруженного столкновения между Францией и Германией, я заметил, что общее направление германской политики внушает ему крайнее недоверие. Тревожное состояние, которое неминуемо явится последствием неудачи Алжезирасской конференции, может, по его мнению, продлиться неопределенное время и послужить удобною почвою для возникновения дальнейших международных осложнений, последствий которых в данную минуту невозможно предугадать.

Слышав от г. Камбона, что здешнее адмиралтейство сосредоточивает в северных водах Англии весьма значительные морские силы, я спросил сэра Эдуарда, принимаются ли правительством какие-нибудь меры на случай неожиданного поворота к худшему общего политического положения. Министр ответил мне, что правительство не упускает из виду всегда возможных неожиданностей, из чего я вывел заключение, что дошедшие до меня слухи о ведущихся Англией обширных приготовлениях на море не лишены основания.

В течение упомянутого выше разговора с французским послом я осведомился у него, признает ли он возможным рассчитывать на деятельную помощь либерального правительства в той же мере, в какой она была обеспечена Франции бывшим кабинетом, и не опасается ли он, что принципиальное миролюбие либералов удержит их на грани, отделяющей дипломатическую поддержку от активного вмешательства в вооруженное столкновение, если бы, паче чаяния, таковое произошло между Германией и Францией. Г. Камбон сказал мне, что он рассчитывает на сэра Эдуарда Грея еще больше, чем на маркиза Лансдоуна, но вместе с тем прибавил, что в нынешнем кабинете есть члены, вроде г. г. Морлея, Брайса, Бернза и отчасти, быть

может, самого сэра Генри Кампбелль-Баннермана, которые нелегко дадут себя увлечь во враждебные действия против Германии и уступят лишь неудержимому движению общественного мнения, на которое г. Камбон возлагает свои надежды в случае обострения франко-германского конфликта.

Сазонов.

Секретное донесение Клемма.

Бомбей. 21 (8) февраля 1906 г., № 16.

Англичане в Индии с напряженным вниманием следят за ходом переговоров на международной конференции в Алжезирасе, и настоящее состояние умов здесь напоминает мне в значительной степени эпоху, предшествовавшую русско-японской войне. Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией открыто обсуждается в клубах и частных домах, и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию, хотя бы поплатившись при этом своими боками.

В военных кругах считают, что настоящий момент — самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику. В возможности быстрого уничтожения германского военного, а затем и коммерческого флота соединенными английским и французским флотами никто, конечно, не сомневается. Кроме того, носится слух, что лорд Китченер имеет отправиться в Англию, чтобы во главе стотысячной армии занять Голландию, как только последует объявление войны со стороны Германии или Франции. Странно лишь то, что возможность вмешательства в войну других держав Тройственного союза здесь совершенно игнорируется.

Насколько вышеупомянутый слух об отозвании Китченера из Индии основателен, я не берусь судить, но я слышал о нем вчера от одного из высших здешних чиновников, старшего члена совета бомбейского губернатора, Фультона, почему я и счел нужным донести о нем вашему превосходительству по телеграфу. Я должен добавить, что слух об отъезде лорда Китченера в Англию, якобы для переговоров с военным министерством относительно военных мероприятий в Индии, носится здесь уже давно, но был официозно опровергнут в правительственных органах. В опровержениях этих указывалось на то, что командующий войсками в Индии, подобно губернаторам, не имеет права покинуть Индию, не подав в отставку, и что, будучи

непосредственно подчинен генерал-губернатору в совете, он не мог бы вести никаких переговоров с центральным правительством помимо вице-короля. Тем не менее на-днях одна из самых осведомленных калькуттских газет вновь подтвердила означенное сведение о скором отъезде главнокомандующего, и легко возможно, что это последнее послужило основанием к слуху о предстоящем назначении генерала Китченера командующим английской экспедиционной армией в случае войны с Германией.

Клемм.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену.

Петербург. 22 (9) февраля 1906 г.

Из Парижа получена следующая срочная телеграмма: «В парламентских кругах укрепляется мнение, что министр иностранных дел пошел на слишком большие уступки, не добившись никаких результатов. Есть опасность его замены лицом значительно менее уступчивым».

Отставка Рувье в настоящий момент будет гибельной для нас и сильно повредит Германии, так как он изыскивал, насколько возможно, способы для соглашения с ней.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

22 (9) февраля 1906 г., № 166.

Все сказанное вам князем Бюловым производит странное впечатление, будто внимание его главным образом обращено было на наш заем и внутренние дела России. Оба вопроса, конечно, стоят в связи с тем или иным исходом Алжезирасской конференции, причем, казалось бы, революционное движение в России не менее затрагивает и интересы самой Германии, как монархической державы.

Но в объяснениях с канцлером необходимо на первый план выставлять почти полное пренебрежение берлинского кабинета к тем усилиям, которые проявили французские делегаты, чтобы достигнуть соглашения.

Непримиримость именно Германии, а вовсе не Франции, лишний раз обнаружилась в доводах, представленных вам канцлером, который упускает из виду все уступки, сделанные парижским кабинетом не по одному только вопросу о полиции и выразившиеся, наконец, в принятии почти целиком последних предложений Германии.

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 9 февраля 1906 г.»

Во избежание превратных толкований, которые проскользнули и в письме ко мне г-на Шена, французское правительство справедливо ссылается на два документа Желтой книги — № № 348 и 350, из коих в первом говорится, что за исключением формулы, которая будет подписана обоими правительствами, г-н Рувье не берет на себя ни по одному пункту обязательств, — во втором упоминается об о р г а н и з а ц и и п о л и ц и и вне граничных пределов, по с о г л а ш е н и ю м е ж д у н а р о д н о м у, т. е. между державами, а вовсе не об «организации международной полиции».

Ввиду изложенного нам представляется едва ли возможным произвести какое-либо давление на Францию, уже явившую бесспорные доказательства уступчивости, не взирая на то, что берлинский кабинет сам признал во время осенних переговоров, что Франция безусловно имеет специальные интересы в Марокко и право на преобладающее положение в стране

Если, таким образом, последует разрыв конференции, то в среде всех держав, несомненно, утвердится убеждение, что неуспех соглашения в Алжезирасе является исключительно следствием агрессивных замыслов Германии.

Л а м з д о р ф.

Телеграмма Остен-Сакена Ламздорфу.

Б е р л и н. 23 (10) ф е в р а л я 1906 г.

Я уже точно выполнил перед канцлером распоряжения вашего превосходительства, содержащиеся в вышеупомянутых телеграммах, очень серьезно обратив его внимание на уступки, уже сделанные Францией, и на угрожающую министру опасность в случае провала конференции. Острота положения в настоящий момент в Алжезирасе состоит в том, что каждое предложение Франции опирается на прежде добытые ею права, создавая для нее привиллегированное положение в Марокко, которое учитывается всеми державами. Напротив, каждое германское предложение, не считаясь с этими правами, за исключением права на алжирскую границу; и опираясь на постановления Мадридской конференции 1880 г., исходит из принципа равенства между всеми державами, не исключая и Франции. Вот два непримиримых полюса в расхождении точек зрения парижского и берлинского кабинетов. Последний отказывается признать, как таковые, уступки, сделанные Францией, и, кажется, не сомневается в последствиях министерского кризиса в Париже. Этот способ воззрения создает то, что германское правительство очень трудно заставить внять каким

бы то ни было словам примирения и призывам к справедливости. Всякий шаг в этом направлении вызывает упрек в пристрастии по отношению к Франции. Я встретил ту же самую мысль и ту же щекотливость во время моей довольно долгой беседы, которой меня удостоил император в последнюю среду на придворном балу. В словах его величества чувствовалась горечь и нервозность, с трудом сдерживаемые им из желания оставаться любезным и корректным.

Подробности с курьером.

Передано императорскому послу в Париже.

Граф Остен-Сакен.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 23 (10) февраля 1906 г.

Я имел серьезный разговор с Таттенбахом, который, очевидно, руководит переговорами со стороны Германии. Мне показалось, что он, не переставая утверждать, что точка зрения в Берлине не изменилась, все же искренно желает достигнуть соглашения. Мое впечатление таково, что если Франция окажется сговорчивой по вопросу о банке, то Германия, в конце концов, примет принцип франко-испанской полиции с контролем нейтральной державы. Эти более примирительные настроения, по моему, будут результатом шагов, предпринятых нами в Берлине. Я сообщил о моей беседе с Таттенбахом Ревуалю, которого я нашел потрясенным живым отпором общественного мнения во Франции, настроенного армией против допущения офицеров нейтральной державы к наблюдению над действиями французских и испанских офицеров. Ревуаль желает, насколько возможно, сузить сферу деятельности иностранного инспектора, Германия же хочет ее расширить, поручив организацию полиции одновременно и в одном из портов, что Франция откажется принять. Вчера, на заседании конференции было первое обсуждение вопроса о банке. Ревуаль твердо держится французской точки зрения. Таттенбах со спокойствием изложил свое мнение, противоположное (французскому) в отношении нескольких пунктов. Обсуждение продолжится завтра. Словом, вся ситуация, казавшаяся последние дни страшно запутанной, подает повидимому, некоторые надежды на достижение соглашения благодаря Германии, которая, как мне кажется, искренно склоняется к окончательному соглашению.

Граф Кассини.

Телеграмма Э. Грея Спрингу Райсу от 23 (10) февраля 1906 г. [1]).

Германский посол в Лондоне сообщил мне ответ своего правительства на предложение французского правительства по поводу Марокко, вызвавшее категорический отказ.

Я ответил графу Меттерниху, что, по мнению Великобритании, также как и по мнению других держав, представленных на конференции, французские предложения были наиболее умеренными и разумными; я подчеркивал перед его превосходительством тот плачевный эффект, который произведет провал конференции, вызванный этим отказом.

Он вполне разделяет точку зрения графа Ламздорфа, что при настоящих обстоятельствах было бы желательно заставить в Берлине ценить общественное мнение Европы. В то же время мне кажется, что, не взирая на то, что Великобритания связана обязательствами, которые она несет по отношению к Франции — укреплять французскую политику в Марокко, — представления, сделанные в Берлине правительством его королевского величества, не таковы, чтобы произвести большое впечатление.

Выставляя перед графом Ламздорфом те неудобства, которые может вызвать подобный шаг со стороны Англии, вы тем самым отметите перед его превосходительством ту громадную ценность, которую придает правительство всякому давлению со стороны России и на Германию в целях обеспечения согласия на последнее из французских предложений.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 2 марта (17 февраля) 1906 г.

Положение все время напряженное. По вопросу о банке было сделано несколько уступок с той и другой стороны, но относительно трех главнейших пунктов не могут притти ни к какому соглашению: надзор, судопроизводство, которое Франция желала бы взять в свои руки, и участие в подписке (на заем), из которого Франция претендует на 5 частей из 15, распределяемых между державами, включая сюда и Россию. Франция повидимому, решила в этом вопросе не уступать, тем более, что Германия, по всей вероятности, намеревается поддерживать свою точку зрения в вопросе о полиции. Позиция Англии все время благоприятна для Франции, которую она во всех случаях открыто поддерживает, но я не могу избавиться от впечатления, что неуспех

[1]) Сообщена министерству ин. дел англ. поверенным в делах 24 (11) февраля 1906 г. На документе царский знак рассмотрения

конференции ее не очень взволнует. С помощью Соединенных Штатов я делаю настойчивые усилия для примирения, но несговорчивость Германии делает эту задачу неблагодарной. Италия очень осторожна.

Граф Кассини.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 7 марта (22 февраля) 1906 г.

Английский делегат, основываясь на непримиримости Германии, склоняет своих коллег сорвать конференцию в ближайшую субботу, воспользовавшись для этого отъездом Альмодовара, который едет в Мадрид встречать португальского короля. Италия, Соединенные Штаты и Испания, повидимому, склонны воспользоваться этим предлогом. На завтрашнем заседании Ревуаль представит проект франко-испанской полиции, смягченный и весьма приемлемый, если только Германия не пожелает срыва. Если Радовиц не ответит контрпроектом, приемлемым для Франции, то председатель объявит на официальном заседании в субботу, что, ввиду невозможности притти к соглашению, конференция будет распущена. Я счел нужным, с согласия Ревуаля, конфиденциально предупредить Радовица об этих намерениях председателя и некоторых из делегатов, с целью склонить немецкого делегата быть более сговорчивым, если он не хочет окончательно сорвать переговоры и таким образом взять на себя ответственность за срыв и за те последствия, которые он может повлечь. Радовиц меня очень горячо благодарил. Посмотрим завтра, какой это возымеет результат.

Граф Кассини.

Депеша Нелидова.

Париж. 7 марта (22 февраля) 1906 г., № 19.

Доверительно.

Последние известия, полученные здесь из Алжезираса, возбудили надежду на приближающееся окончание конференции, продолжительное и вялое течение которой начинало становиться утомительным. Особенно благоприятное впечатление произвело в Париже заявление г. Бахерахта, с замечательной ясностью, беспристрастием и знанием дела поставившего вопрос о полиции на надлежащую практическую почву [1]). Завтра должен последовать ответ первого гер-

[1]) «Заявление выяснило, что единственный способ обеспечить безопасность европейцев в портах Марокко состоит в том, чтобы поручить организацию полиции

манского уполномоченного, и здесь надеются, что он сделает возможным соглашение.

Как я имел честь изложить в телеграмме моей от 19 февраля (4 марта), французы готовы рассмотреть на конференции, какими условиями можно было бы обставить требуемое ими полномочие на устройство, совместно с испанцами, полиции в главных приморских городах, чтобы вполне обеспечить неприкосновенность правила открытых дверей и равноправность всех в экономическом отношении. Чего здесь не могли бы допустить, это — чтобы французские офицеры, на которых возложено будет образование полиции, были подчинены высшему начальству иностранного военного чина. По дошедшим сюда слухам, в Берлине склонялись бы к принятию французского предложения о полиции, если бы желание пригласить французских и испанских инструкторов выражено было марокканским султаном. Иначе сказать, Германия сделала бы уступку не единогласному мнению собранных на конференции, а желанию султана, которого, в свою очередь, надо будет к изъявлению этого желания от имени тех же государств принудить.

Если это сведение справедливо, то оно указывало бы на расположение Германии к уступкам с заботою о том, чтобы облечь их в самую безобидную для немецкого самолюбия форму.

В вопросе о банке г. Ревуалю послано предписание сделать все возможное, чтобы достигнуть соглашения в связи с разрешением вопроса о полиции.

Между тем со стороны Германии здесь сделаны были косвенные попытки снова начать в Париже переговоры для достижения соглашения по стоящим на очереди вопросам. Но, наученный горьким опытом, г. Рувье решительно заявил, что раз, по настоятельному требованию Германии, дело перенесено на обсуждение собранной в Алжезирасе конференции, в ней и следует его рассматривать сообща.

Как бы то ни было, завтрашнее заседание должно принести некоторое выяснение настоящего положения вещей. Биржа ждет его с нетерпением, нравственно подготовленная уже к восприятию крупного русского займа.

В разговоре с правительственными лицами я не перестаю указывать на необходимость, если бы даже и стало невозможным достигнуть полного соглашения, всетаки заключить конференцию актом,

---

Франции и Испании. Эта забота могла бы быть им доверена на краткий срок без всякого ущерба для суверенитета султана. Когда ячейки полицейских отрядов будут организованы, мароккане смогут сами продолжать их инструктирование, уже без посредничества иностранных офицеров». (Тел. Кассини от 5 марта (20 февраля) 1906 г.)

в который занесены были бы состоявшиеся решения, а на будущее время, на случай возникновения затруднений между одним из государств и марокккским правительством, условлены были меры, которые предотвращали бы возможность иностранного единоличного вмешательства в тамошние дела.

Только этим способом можно было бы, по моему убеждению, достигнуть того, чтобы последствием неудачи конференции не явилось всеобщее беспокойство и натянутость международных отношений. Только при таких условиях, несмотря на неудовлетворительный исход конференции, финансовый мир способен был бы считать политическое спокойствие достаточно обеспеченным, чтобы пуститься в большие предприятия и, между прочим, заняться нашим займом.

Я имею основание думать, что здесь разделяют этот взгляд.

Нелидов.

Проект телеграммы Ламздорфа Кассини [1]).

Императорское правительство вполне сочувственно отнеслось к сообщению д. с. с. Бахерахта, основанному на личном опыте и знании дела Марокко. Мысль о подобном сообщении вполне отвечает основному положению данных вам указаний, а именно примирительной роли вашей как представителя России на Алжезирасской конференции.

Вполне одобряется также предупреждение, сделанное вами Радовицу, о возникшем среди членов конференции предположении прекратить таковую, если бы на заседании в субботу германские делегаты отказались либо принять изготовленный Францией новый проект устройства полиции, либо ответить на него приемлемым контрпроектом. Нет сомнения, что таковое предупреждение может оказать должное воздействие на берлинский кабинет и побудить его зрело обсудить свой дальнейший образ действий; но, с другой стороны,

---

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «Если бы мне была послана такая телеграмма, я бы не знал, как мне поступить?» Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 23 февраля 1906 г.». В записке от 24 февраля Ламздорф представил Николаю II объяснения по поводу проекта телеграммы графу Кассини. «Мне казалось, — пишет Ламздорф, — не совсем осторожным связывать посла по разным частностям переговоров в Алжезирасе слишком определенными указаниями». Считая выступление Бахерахта своевременным и оправдывая шаг Кассини, предупредившего «германского посла о возможности срыва конференции», Ламздорф указывает, что своей телеграммой он хотел «обратить внимание гр. Кассини... на необходимость... до решительного завтрашнего заседания конференции тщательно взвесить все доводы за и против разрыва».

не представляется ли опасным, что столь резкое решение обратится в пользу Германии, которая таким образом получила бы возможность ссылаться на него как на причину неудачи конференции, тогда как, по мысли главных заинтересованных держав, делу необходимо было придать такой оборот, чтобы ответственность за подобную неудачу пала исключительно на германское правительство. Но всего лучше было бы все-таки довести конференцию до каких-либо определенных выводов, к чему могло бы способствовать голосование, от коего повидимому, нем ы стараются уклониться.

Л а м з д о р ф.

Депеша Нелидова.

П а р и ж. 8 м а р т а (23 ф е в р а л я) 1906 г., № 20.

Предшествующие донесения мои, помеченные вчерашним числом, были уже написаны, когда я узнал о состоявшемся падении министерства Рувье.

Хотя затруднительность и шаткость его положения были вообще известны, ловкость, с которою председатель совета успевал отражать делавшиеся на него нападения, давала надежду на то, что он сумеет продержаться до выборов. Во вчерашнем заседании палаты депутатов, где по поводу кровавых столкновений, происходивших в некоторых частях Франции при составлении церковных описей, представлены были запросы как с левой стороны, так и депутатами правой и центра, стало ясным, что кабинет Рувье не в состоянии найти себе прочную поддержку ни в одной партии, так как, не желая связывать себя положительным обещанием, он давал объяснения, никого не удовлетворявшие. Таким образом произошло, что предложение, одобрившее заявления министерства, отвергнуто было большинством 30-ти голосов, и г-н Рувье тотчас же собрал своих товарищей и немедленно представил просьбу об отставке кабинета.

Что особенно поколебало положение министерства, это — раскол, происшедший в среде поддерживавшей доселе г. Рувье правой стороны, которую сам аббат Лемир обвинял в подстрекательстве католиков к беспорядкам. Вместе с тем и г. Рибо со своими сторонниками, требовавший прекращения описей, тоже высказался против министерства, от которого отказалась и крайняя левая.

Излишне объяснять, как несвоевременно разразился министерский кризис. С точки зрения интересов противодействия стремлениям крайних левых, весьма желательно, чтобы предстоящими выборами мог руководить человек, лично умеренный и привыкший к власти, как Рувье. Теперь более чем вероятно, что во главе правительства

станет министр, более подчиняющийся требованиям франкмасонов, вроде Леона Буржуа, Лейна или Пуанкаре, который, очевидно, приложит все старания к тому, чтобы выборы дали большинство еще более либеральное. А между тем, при возбужденном религиозном настроении населения, есть опасность значительных беспорядков.

Относительно иностранной политики можно быть уверенным, что направление ее не изменится, но нелегко будет найти руководителя, который имел бы достаточно опытности вообще и знал, в частности, стоящие на очереди важные вопросы.

Что касается отношений к России, то они, по всем вероятиям, останутся непоколебленными. Выступление г. Бахерахта в Алжезирасе еще более убеждает французов в ценности союза с нами. Но лично г. Рувье нам был полезен и даже нужен в финансовом отношении, и приискать ему достойного заместителя на этой почве будет нелегко.

Нелидов.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 10 марта (25 февраля) 1906 г.

Сегодняшнее заседание превосходно. Германские делегаты дали доказательство большой умеренности и примирительности. Согласие кажется почти обеспеченным на основе французского и австрийского проектов, выработка подробностей которых передана редакционной комиссии. Я счастлив констатировать, что, если не произойдет непредвиденного инцидента, конференция придет к соглашению, удовлетворяющему всех.

[Граф Кассини.]

Телеграмма Ламздорфа Кассини [1]).

Сообщается Нелидову в Париж.

Петербург. 12 марта (27 февраля) 1906 г., №№ 241 и 242.

С удовольствием усматриваем из последних ваших телеграмм, что дело конференции, повидимому, близится к успешному результату, достижению коего, бесспорно, содействовало неустанное посредничество России.

В этом отношении нельзя не отнестись с полным сочувствием к выбору вами подходящей психологической минуты для разрешения

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 27 февраля 1906 г.».

д. с. с. Бахерахту выступить с сообщением, вполне отвечавшим основным положениям данных вам с высочайшего одобрения указаний. Сообщение это было по достоинству оценено в Париже.

Вполне одобряется также предупреждение, сделанное вами Радовицу, о последствиях возможного разрыва конференции в случае упорной неуступчивости германских уполномоченных, каковое обстоятельство, видимо, имело свое воздействие в Берлине.

В этом же смысле я неоднократно объяснялся с здешним германским послом, а чрез барона Эренталя внушил графу Голуховскому произвести из Вены некоторое давление на берлинский кабинет.

Из сообщения австро-венгерского посла можно заключить, что этим вызвано также соответственное более активное вмешательство австро-венгерского представителя на конференции [1]).

Дружественное сочувствие всех остальных держав к примирительной роли России, повидимому, убедило Германию в ее изолированности и заставило ее пойти на уступки. Но все эти совокупные усилия не дают берлинскому кабинету осязательного повода приписывать исключительно России произведенное на Германию давление.

Ныне впрочем наступила, быть может, минута, чтобы русские уполномоченные старались воздействовать в примирительном смысле на французских делегатов.

Государю императору благоугодно было повелеть выразить вам и д. с. с. Бахерахту всемилостивейшее одобрение за столь успешное выполнение высочайших указаний.

Ламздорф.

Телеграмма Кассини Ламздорфу [2]).

Алжезирас. 12 марта (27 февраля) 1906 г.

В тот момент, когда, казалось, все предвещало быстрое и удовлетворительное решение, возникают некоторые затруднения, задерживающие и, быть может, компрометирующие это решение. В во-

---

[1]) В конфиденциальном письме от 23 (10 февраля) барон Эренталь сообщил о том, что он осведомил венское правительство о своей беседе с Ламздорфом «по поводу опасностей, угрожающих всеобщему миру, если конференция, созванная в Алжезирасе, не приведет к удовлетворительному результату». «Голуховский поручил мне сказать вам, — пишет далее бар. Эренталь, — что он разделяет большую часть ваших опасений. Мой министр не преминул сообщить князю Бюлову сомнения, внушаемые ему непримиримой позицией Германии».

[2]) На телеграмме помета: «Всеподданнейше доложено 28 февраля 1906 г.»

просе о банке Франция требует четыре части из основного капитала, Германия же уступает ей только две, а, быть может, три, если группа акционеров марокканского займа согласится уступить банку свои права по наблюдению за таможнями. В вопросе о полиции Франция видит для себя затруднения в условиях, поставленных Германией, которая хочет поручить организацию и управление полицией в порте Казабланка швейцарскому или голландскому инспектору, причем Франция не возражает против поручения ему высшего инспектирования в восьми портах, Германия же определенно заявляет, что дошла до последних пределов уступок. Ревуаль, поставленный между требованием общественного мнения, французской печатью и падением министерства Рувье, сильно настроен против германской комбинации в Казабланке. Он очень нервничает и колеблется, видя, что большинство делегатов склоняется к германскому предложению. Не переставая все время держаться на стороне Франции, — мы продолжаем советовать умеренность и примирение, чтобы не скомпрометировать положение, казавшееся вчера всем блестящим, но ставшее сегодня гораздо менее благоприятным. Мое мнение таково, что Франция должна бы уступить в вопросе о банке, взамен отказа Германии, если для нее возможно, от комбинации в Казабланке.

Граф Кассини.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 12 марта (27 февраля) 1906 г.

Вне всякого сомнения, отставка Рувье крайне повредила нашим интересам, особенно в отношении проектированного займа. Я горячо советую ничего не предпринимать, прежде чем не сорганизуется новый кабинет. Между тем я узнал, что Витте оказывает давление на Рафаловича и Нецлина, чтобы быстрее продвинуть вперед дело о займе. Каждый поспешный шаг в этом смысле может оказаться лишь гибельным. Необходимо, чтобы новый министр финансов был подготовлен к согласию на операцию, иначе мы рискуем тем, что он воспротивится и будет поддержан своими коллегами, если политические соображения не будут ему изложены предварительно, что я могу сделать только через президента республики, после сформирования кабинета, с помощью Рувье. Было бы необходимо, чтобы Витте был осведомлен об этих условиях здешней ситуации.

Нелидов.

Телеграмма Ламздорфа Нелидову [1]).

На мое представление е. в. император соизволил сегодня пожаловать г. Рувье орден святого Александра Невского, украшенный бриллиантами. Орденские знаки и документы вам будут отправлены с курьером в четверг.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа Нелидову [2]).

Сообщается послу в Берлине и уполномоченному на конференции по марокккским делам (послу в Испании) в Алжезирасе.

Петербург. 13 марта (28 февраля) 1906 г., №№ 248—250.

Из передаваемой вам за № 2 телеграммы графа Кассини [3]) вы усмотрите, что, вследствие возникших в последнюю минуту новых затруднений в Алжезирасе, дело конференции рискует потерпеть неудачу и на сей раз делегаты остальных держав склонны будут приписать таковой прискорбный оборот неосновательному упорству Франции.

Во избежание сего благоволите, как только сформируется новый кабинет, обратить самое серьезное внимание министра иностранных дел на необходимость принятия французским правительством примирительного решения во избежание разрыва конференции.

Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 14 (1) марта 1906 г.

Несмотря на то, что кабинет Саррена сформирован, потребуется время, чтобы получить возможность серьезно поговорить о делах с новым министром иностранных дел. Присутствие в министерстве Клемансо, несмотря на предупреждения, которые я делал президенту в течение кризиса [4]), может причинить большие затруднения для заклю-

---

[1]) На документе дата отсутствует.

[2]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 28 февраля 1906 г.».

[3]) См. тел. Кассини от 12 марта (27 февраля).

[4]) Соглашаясь с Нелидовым, что «назначение Клемансо членом кабинета совершенно не соответствует нашим видам», Ламздорф предупреждал посла в Париже о необходимости «соблюдать крайнюю осторожность»: «нельзя быть уверенным, что ваши представления возымеют желанное действие и, в случае неуспеха, вы можете лишь еще более возбудить враждебное чувство Клемансо по отно-

чения займа. Я рассчитываю переговорить завтра с Фальером и при первом же свидании иметь об этом серьезный разговор с Буржуа.

Нелидов.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 15 (2) марта 1906 г.

Я только-что имел свидание с председателем совета и с Клемансо. В объяснениях, сделанных по существу и с полной откровенностью намерений, они мне дали формальное заверение, что союз с Россией, более чем когда-либо необходимый для Франции, будет всецело поддержан и что проектируемые нами финансовые операции, как было решено и предыдущим кабинетом, не испытают ни малейшей помехи со стороны правительства. И Саррен, и Клемансо утверждают, что они всегда были искренними сторонниками союза с Россией; последний пытается даже утверждать, что он критиковал иногда лишь способ, которым французское правительство использовало этот союз. Что касается его словесных выпадов, оскорбительных для нас, он выражает о них сожаление и приписывает их той свободе печати, которая понуждает журналистов, мало ответственных за свои слова, к резкости в выражениях, не всегда отвечающих действительным намерениям. Я с большой готовностью принял эти объяснения, ввиду необходимости поддерживать министра внутренних дел, который как бы приносил почти повинную своим благожелательным расположением, столь необходимым для успешности нашего займа.

Нелидов.

Письмо великобританского поверенного в делах Ламздорфу.

С.-Петербург. 17 (4) марта 1906 г.

Лично и конфиденциально.

Граф,

Я хочу поделиться с вашим превосходительством следующими фактами: германский посол в Лондоне, опираясь на последнее германское предложение в отношении Марокко, в присутствии сэра Эдуарда Грея сказал, что даже сэр А. Никольсон, в разговоре со своим немецким коллегой, выразил мнение, что Франция должна будет уступить. Сэр Эдуард Грей сейчас же телеграфировал об этом

шению к России» (тел. от 15 (2) марта 1906 г., № 272). На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 2 марта 1906 г.».

сообщении сэру А. Никольсону, который ответил: «Я не говорил германскому делегату ни прямо, ни косвенно, что Франция должна будет уступить в каком-либо пункте, что это еще вопросы, подлежащие обсуждению».

Сообщая мне об ответе сэра А. Никольсона, сэр Эдуард Грей прибавил дословно следующее: «Правительство его британского величества будет, несомненно, продолжать поддерживать Францию на конференции в Марокко».

Я считаю полезным сообщить вашему превосходительству частным образом телеграмму сэра Эдуарда Грея, ввиду слухов, появившихся здесь по поводу позиции сэра Эдуарда Грея на конференции, которые по характеру очень напоминают вышеупомянутое утверждение.

Сесиль Спринг Райс [1]).

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 18 (5) марта 1906 г.

Падение французского министерства было причиной задержки работ конференции. Ревуаль счел нужным ввести нового министра иностранных дел полностью в курс дела относительно Алжезирасской ситуации. Ближайшее заседание состоится, возможно, во вторник. Мои беседы с Таттенбахом позволяют заключить о возможности того, что Германия уступит в отношении Казабланки взамен компенсации по вопросу о банке. В ожидании, ни одна из сторон не решается взять на себя инициативу предложения, касающегося этих пунктов. Ревуаль, постоянно опасаясь козней, желал бы, чтобы Германия заговорила первой. Германия, напротив, ждет, чтобы Франция высказалась относительно австрийского проекта. Это положение не сможет продолжаться до бесконечности. Я склоняю Ревуаля поставить ясно вопрос на ближайшем заседании. Если эта комбинация, основанная на взаимных уступках, будет принята, Франция покинет конференцию с поднятой головой и должна будет быть признательной России за существенную поддержку, оказанную ей в этом отношении. Состояние умов заставляет меня видеть в поддержке Англии по вопросу Казабланки больше вреда, чем пользы.

Граф Кассини.

---

[1]) Ссылаясь на это сообщение о позиции Англии, Ламздорф телеграфировал послу в Берлине (сообщ. Нелидову и Кассини): «Хотя императорское правительство, как вам известно, всячески старается повлиять в примирительном духе на парижский кабинет, но все же мы отнюдь не полагаем, что Германия, приняв австрийский проект, дошла до крайнего предела возможных уступок и что Франция должна, всецело отказавшись от своей точки зрения, согласиться на немецкие домогательства» (тел. от 17 (4) марта, №№ 286—288).

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 19 (6) марта 1906 г.

Виделся вчера с новым министром финансов. Он выражает полную готовность способствовать заключению нашего займа, но утверждает, что до благоприятного окончания конференции нельзя и помышлять о какой-либо операции, ибо общественное мнение взволновано и не удовлетворится исходом, который не обеспечил бы вполне сохранение мира. Сегодня передал орден Рувье. Он будет лично благодарить ваше сиятельство.

Нелидов.

Письмо французского посла в Петербурге Ламздорфу.

С.-Петербург. 19 (6) марта 1906 г.

Буржуа мне телеграфирует, что германское правительство считает друзьями не только Англию, но и Россию, ввиду того, что последняя отнеслась благосклонно, вопреки мнению Франции, к установлению специального режима в порте Казабланка.

Ваше превосходительство знаете, с какой энергией британское правительство опровергло это известие и правильно осветило позицию, несправедливо приписываемую сэру Артуру Никольсону. Буржуа считает, что было бы не менее полезно, если бы русское правительство сделало бы это также и со своей стороны, в выражениях не менее категоричных; он поручает мне выразить вам, насколько он был бы признателен вашему превосходительству, если бы вы смогли в этом смысле телеграфировать представителям России при правительствах, представленных на Алжезирасской конференции, а особенно послам в Вашингтоне, Риме, Лондоне, Мадриде, Вене и Берлине.

Так как конференция должна собраться завтра, во вторник, было бы крайне необходимо отправить такую телеграмму. Буржуа, придавая огромное значение этому шагу и веря в крепкую поддержку, которую Франция не переставала получать от России в Алжезирасе, просит меня ему телеграфировать, пожелает ли ваше превосходительство удовлетворить его просьбу. Я буду вам очень обязан, если вы мне сегодня же дадите возможность ему ответить, и буду весьма признателен, если позволите это сделать в благоприятной форме.

Бомпар.

Телеграмма Ламздорфа Кассини [1]).

Сообщается российским представителям в Лондоне, Париже, Риме, Вене, Вашингтоне и Берлине.

Петербург. 19 (6) марта 1906 г., № 298.

Императорское правительство считает необходимым решительным образом опровергнуть распространяемое известие о том, что оно будто бы, в противность взгляду Франции, высказывается за установление особого полицейского режима в Казабланке. Известие это ни на чем не основано, а потому, во избежание нежелательных недоразумений в столь важном деле, благоволите подтвердить французскому уполномоченному готовность вашу поддерживать его в вопросе о полиции в названном порте.

О таковой данной вам инструкции одновременно сообщается другим державам, участницам конференции, дабы и пред ними рассеять могущее вкорениться убеждение в какой-то двойственной игре России, тогда как, помимо желания поддержать союзницу в справедливых домогательствах, старания ее направлены исключительно к высшей примирительной цели и к отысканию достойного для обеих сторон выхода из возникших затруднений.

(Для послов, кроме графа Кассини:)

Благоволите о вышеизложенном довести до сведения правительства, при коем вы аккредитованы.

Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 21 (8) марта 1906 г., № 48.

Положение вещей в Алжезирасе только еще начинает выясняться. Французское правительство глубоко признательно России за содействие, и я отнюдь не сомневаюсь в искреннем его желании помочь нам в заключении займа, которого ожидают и финансовые круги. Но для успеха операции необходимо возвращение доверия к прочности мирного положения в Европе, а доверие это еще не существует. Буду, впрочем, сегодня же настаивать перед министром иностранных дел, чтобы доверенному графа Витте банкиру Нецлину разрешено было министром финансов приступить к переговорам о займе.

Нелидов.

---

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 6 марта 1906 г.».

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 21 (8) марта 1906 г., № 51.

Продолжение моей телеграммы № 48.

Министр иностранных дел просит передать графу Витте самое положительное заверение, что все обещания и обязательства, взятые на себя его предшественником, будут в точности исполнены. Он переговорит с министром финансов относительно соглашения с Нецлином о возможности скорейшего разрешения и действий по займу. Но нынешний министр финансов менее в себе уверен, чем Рувье, а положение дел в Алжезирасе далеко еще не выяснено.

Нелидов.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 22 (9) марта 1906 г.

Я сообщил Ревуалю содержание вашей телеграммы от 6 марта [1]). Никогда тень какого-либо сомнения не могла возникнуть ни у французского правительства, ни у него самого относительно правильности, твердости и законности наших действий на конференции, а также относительно действительности поддержки, которую оказывала ему Россия. Я придал заявлению всю желательную полноту. Общее впечатление — благоприятно.

Граф Кассини.

Депеша Нелидова.

Париж 22 (9) марта 1906 г., № 24.

В близкой связи с происшедшей здесь переменой министерства и с ходом дел на Алжезирасской конференции стоит для нас вопрос о займе.

Как ваше сиятельство могли убедиться из других донесений моих от сегодняшнего числа, я не терял его из вида при вступлении в сношения с новыми министрами. При переговорах с г. Буржуа о марокканских делах я тоже представил ему необходимость скорейшего разрешения возникших затруднений, дабы нам возможно было начать переговоры с банкирскими домами, призванными к участию в предложенной нами широкой финансовой операции.

Я имел честь передать вчера вашему сиятельству по телеграфу положительные заверения, данные мне министром иностранных дел,

---

[1]) См. тел. Ламздорфа от 19 (6) марта № 298.

и способные, на мой взгляд, окончательно рассеять все сомнения, которые могли возникнуть относительно искренности и добросовестности действий французского правительства в этом вопросе.

Стараясь отдать себе более точный ответ о настроении здешнего мира по отношению к возможности заключения нами большого займа, я получил убеждение, что, за полным отсутствием каких-либо дел, здесь с нетерпением ожидают выпуска нашего займа, на котором банкиры рассчитывают нажить значительные барыши. Но, по собственному их признанию, успех этой операции будет зависеть исключительно от степени доверия, которое здешний рынок и предполагаемые подписчики получат к прочности мирного течения дел. Хотя на бирже курсы ценных бумаг и поддерживаются в силу надежды на благополучный исход конференции, но новых предприятий никто не предлагает, так как рядом с этой надеждой существует неуверенность, принимающая по временам характер открытого беспокойства. Продолжительность натянутого положения отзывается на нервном настроении населения, с которым нужно считаться, чтобы достигнуть желаемого успеха.

Поэтому я считаю совершенно искренними уверения министров иностранных дел и финансов, что обещания, данные графу Витте и д. т. с. Коковцову бывшим первым министром Рувье, будут точно выполнены. В них разрешение выпуска займа обусловливалось полным ускорением насчет возникших с Германией недоразумений из за Марокко. Такое успокоение еще не наступило, но есть полное основание его вскоре ожидать.

Рядом с этим обстоятельством, не могу не признать, что новый министр финансов Пуанкаре гораздо менее уверен в себе и решителен, чем его предшественник. Едва вступив в должность, он, быть может, чрезмерно осторожен и боязлив, почему я и счел долгом настоять вчера перед министром иностранных дел, чтобы он повлиял на своего финансового к о л л е г у для побуждения его, ввиду благоприятного оборота, принимаемого ходом конференции, разрешить, по крайней мере, состоящему в сношениях с нашим финансовым ведомством банкиру Нецлину начать переговоры с главными здешними банками для подготовления займа.

Г. Буржуа обещал это исполнить, но предупредил меня, что так как французское правительство само будет нуждаться в обращении к рынку, то г. Пуанкаре, опасающийся резких потрясений денежного рынка, будет сугубо осмотрителен как для исполнения французской, так и для разрешения нашей денежной операций.

Нелидов.

Депеша Остен-Сакена [1]).

Берлин. 23 (10) марта 1906 г., № 19.

Не считаю себя в праве скрыть от вашего сиятельства крайне неблагоприятное впечатление, произведенное на здешнее общественное мнение оглашением парижскою газетою «Temps» содержания инструкции от 6 (19) сего марта, преподанной вами первому российскому уполномоченному на Алжезирасской конференции, графу Кассини, касательно организации полиции в Казабланке и поддержания на конференции домогательств Франции в марокккском вопросе.

Опубликование германским правительством точного перевода этого документа, который был мною сообщен имперскому канцлеру, к сожалению, не могло существенно смягчить тягостное впечатление, вызванное тенденциозной редакциею, в коей эта телеграмма была оглашена в Париже.

Появившиеся по этому поводу в «Северо-германской газете» две заметки отличаются, правда, сдержанным тоном и указывают на значительную разницу между двумя упомянутыми редакциями, но при этом официоз добавляет, что опубликование инструкции в столь враждебно по отношению к Германии настроенном органе, как «Temps», остается тем не менее фактом, обращающим на себя внимание.

Правительство старается, с своей стороны, воздействовать в умеряющем духе на органы печати, поддающиеся его влиянию, рассчитывая, очевидно, на то, что императорским правительством будет признано возможным смягчить произведенное инструкциею впечатление.

Зато газеты, не имеющие связей с правительством, в числе коих имеются довольно влиятельные органы, в крайне резких выражениях высказывают свое неудовольствие по поводу столь, по их словам, неприязненного и ничем не вызванного поступка России, с которою германское правительство всегда старалось поддерживать наилучшие отношения, доказательством чего служит в высшей степени корректный образ действий Германии во время минувшей войны.

Резкость суждений немецкой прессы в данном случае, конечно, объясняется отчасти общим нервным настроением, обусловленным столь медленным и неудовлетворительным ходом переговоров в Алжезирасе, держащих Европу в тяжелом настроении неизвестности в будущем, — но тем не менее инцидент с «Temps» представляется крайне прискорбным для наших интересов, так как он, бесспорно,

[1]) На подлиннике царский знак рассмотрения.

увеличил в Германии и без того значительное число наших недоброжелателей.

Дабы ваше сиятельство имели возможность судить о степени возбуждения здешнего общественного мнения по поводу означенного инцидента, считаю долгом приложить у сего в газетной вырезке передовую статью, появившуюся в сегодняшнем номере» «Berliner Tageblatt», органе, имеющем, как известно, связи с финансовыми кругами и за последнее время обсуждавшем русские дела в сравнительно корректном тоне.

Указывая на своевременное ослабление России, лишающее ее на долгие годы возможности играть роль активного политического фактора в Европе, газета предлагает имперскому канцлеру последовать примеру князя Бисмарка и «в ответ на непростительный вызов, брошенный Германии последним циркуляром, прибегнуть также к грубым мерам».

По словам «Berliner Tageblatt», князь Бисмарк в 1888 году, находясь в несравненно более опасном положении и имея против себя гораздо более могущественную Россию, нежели ныне, не постеснялся однако закрыть русским бумагам доступ на германский денежный рынок. Подобного же образа действий газета ожидает и от теперешнего правительства, спрашивая себя, почему в ответ на циркуляр князь Бюлов не заявит открыто, что Германия не примет участия в реализации будущего русского займа, что неминуемо затруднит реализацию его и во Франции.

В конце статьи газета взывает к народным представителям, чтобы они путем запросов в парламенте побудили князя Бюлова нарушить свое молчание и открыто высказать, какое положение правительство намеревается принять ввиду упомянутого оскорбления, нанесенного Германии Россиею.

Граф Остен-Сакен.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

С.-Петербург. 24 (11) марта 1906 г., № 323.

Германский посол явился вчера ко мне для объяснений по поводу статьи газеты «Temps».

Г-ну Шену было мною заявлено, что императорское правительство своим заявлением имело в виду лишь восстановить истину, подобно тому, как недавно это было сделано Англией, когда сэру Никольсону

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село, 11 марта 1906 г.»

приписан был образ действий, которого он никогда не держался; что беседа д. т. с. Нелидова с политическим редактором названной газеты была вызвана главным образом сетованиями князя Бюлова на положение, занятое французскою прессою, «парализующей» будто бы образ действий Германии; что, к сожалению, попытка эта не удалась и сотрудник газеты передал факты в ложном освещении; что обстоятельство это не может быть однако неправильно толкуемо берлинским кабинетом, которому слишком хорошо известно положение, занятое в настоящем случае Россиею, искренно добивающейся достижения высшей примирительной цели, как сказано в циркуляре, и стремящейся найти выход, одинаково почетный для обеих сторон.

Я добавил, что именно в этом смысле помещено будет мною разъяснение в печати, и прочел в переводе г-ну Шену подлинный текст инструкций, данных графу Кассини.

Германский посол показался мне вполне удовлетворенным этими заявлениями, и я надеюсь, что, со своей стороны, вы сумеете воспользоваться ими, дабы окончательно изгладить в Берлине все последствия произведенного статьею «Temps» неблагоприятного впечатления.

Ламздорф.

Копия секретного письма Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

С.-Петербург. 29 (16) марта 1906 г., № 272.

Письмом и депешею от 10 сего марта за № 19 ваше сиятельство сообщили мне о том крайне неблагоприятном впечатлении, которое в Германии произвела статья газеты «Temps», передавшая в искаженном виде содержание циркулярной телеграммы моей от 6-го числа о готовности императорского правительства, вопреки распространенному известию, поддерживать Францию на Алжезирасской конференции в вопросе об устройстве полиции в Казабланке.

По этому поводу считаю долгом высказать несколько соображений и мыслей, могущих более обстоятельно выяснить отношение наше к образу действий Германии в настоящем деле.

Прежде всего нельзя не удивиться тому значению, которое, повидимому, стремятся придать в Берлине неуместной выходке французской газеты и вообще голосу печати в марокканском вопросе. Со времени развитий последнего образ действий Германии явно клонился к тому, чтобы унизить Францию, и союзнице нашей не только пришлось согласиться на созыв конференции, но и сделать существенные уступки по

[1]) На царском экземпляре проекта письма помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село, 15 марта 1906 г.»

разным частным вопросам; не говоря уже о таком обстоятельстве, как вынужденный уход в отставку г-на Делькассе. Приведенные факты в достаточной степени объясняют раздражение печати во Франции, и неудивительно поэтому, что шедшая, так сказать, во главе движения газета «Temps» воспользовалась беседою ее политического редактора с д. т. с. Нелидовым, чтобы лишний раз возможно больнее уколоть Германию. Все это так естественно, что, казалось бы, и не требует объяснений, тем более, что совершенно тождественное явление наблюдается в Германии. Не служит ли лучшим тому доказательством приложенная к депеше вашего сиятельства статья «Berliner Tageblatt»: можно ли в более резкой и неприличной форме, да к тому же и совершенно необоснованно, высказываться о действиях дружественной державы, столь много потрудившейся в интересах Германии для достижения благоприятного исхода конференции? И что же! Ваше сиятельство находите объяснение этого факта «в общем нервном настроении, обусловленном столь медленным и неудовлетворительным ходом переговоров в Алжезирасе». По чувству простой справедливости, то, что в данном случае применимо к Германии, должно быть применимо и к Франции.

Помимо того какое собственно отношение может иметь газета «Temps» к русскому правительству? Казалось бы, никакого. А между тем, проникая в скрытый смысл всех сообщенных вами сведений, следует заключить, что на Россию как будто бы возлагается ответственность за помещение циркуляра императорского министерства в искаженном виде во французском органе печати. Если в данном случае наш посол в Париже и входил в сношения с газетой «Temps», то это сделано было исключительно с целью повлиять на нее в примирительном духе, исполняя тем просьбу самого князя Бюлова, который заявил вам, что положение, занятое французскою прессою, «парализует образ действий Германии на конференции». Хотя такой взгляд на дело и трудно объяснить, и я отказываюсь понять, каким образом всесильная Германия, «бронированный кулак» коей всегда готов отразить всякое нападение, пасует перед печатью Франции; все же д. т. с. Нелидов сделал попытку повлиять в желаемом смысле на газету «Temps» в надежде, что попытка эта будет иметь больший успех, чем предыдущие старания в том же направлении французских министров. К сожалению, вполне искренно выраженному и послом нашим в Париже, его усилия не увенчались успехом, но ответственность в том никоим образом не может пасть на Россию. В данном случае Германия опять-таки дает пример того, как ей трудно действовать на печать — эту «седьмую великую державу». Цитированная выше статья «Berliner Tageblatt» служит ясным тому доказательством.

Обращаясь затем к образу действий и намерениям императорского правительства, нельзя не сказать, что по ходу работ конференции они выразились вполне определенно и, конечно, стоят выше всяких подозрений. Впрочем, вторая часть циркулярной телеграммы 6-го числа ясно ставит вопрос, и я могу лишь с новою силою повторить, что «помимо желания поддержать союзницу в справедливых домогательствах старания России направлены исключительно к высшей примирительной цели и к отысканию достойного для обеих сторон выхода из возникших затруднений». Стремление добиться решения, равно приемлемого как Германиею, так и Франциею, выставляет пред лицом всех участников конференции наше объективное отношение к делу, и выражения признательности, которые вы имели случай выслушать из уст самого князя Бюлова, за содействие, оказанное нами к улажению возникавших в Алжезирасе затруднений, наглядно свидетельствуют, что германское правительство вынуждено было признать корректность образа действий России. Последняя особенно ярко сказалась на первых же порах возникновения инцидента, который служит ближайшим предметом настоящего письма. Посланные графу Кассини 6-го марта инструкции были сообщены одновременно представителям нашим при других заинтересованных державах, и прежде всего вашему сиятельству для безотлагательной передачи содержания этих инструкций берлинскому кабинету. Такое направление дела свидетельствовало об открытом образе действий императорского правительства и о желании его лишь восстановить истину во избежание всяких недоразумений.

Все это, конечно, могло быть указано статс-секретарю по иностранным делам в объяснениях с ним по возникшему инциденту, тем более, что его собственное отношение к вопросу едва ли носило на себе печать той же корректности.

Не говоря о вызывающем вообще характере политики Германии в марокккском вопросе, следует остановиться на крайней притязательности, обнаруженной ею уже по открытии заседаний в Алжезирасе, которая одно время встречена была явным неодобрением всех участников конференции. Совершенно не отвечающим общепринятым требованиям международных сношений следует признать и такой политический прием, как стремление Германии, еще в бытность г-на Рувье министром иностранных дел Франции, навязать последнему такие заявления в вопросе об устройстве марокккской полиции, которых он никогда не делал и действительность коих вполне опровергалась ясным смыслом официальных документов, обнародованных в «Желтой книге» В последнем же фазисе дела нельзя не отметить ничем не объяснимого стремления берлинского кабинета скомпрометировать сначала пред-

ставителя Великобритании сэра Никольсона, а после того и нашего уполномоченного графа Кассини. Некорректным следует считать и отношение берлинского кабинета к возникшему затем инциденту с газетою «Temps». Сетуя на французскую печать и ее резкий тон, обострившийся положение, Германия, казалось бы, должна подать пример иного отношения к делу и с возможною искренностью воздействовать на германскую прессу. Между тем появившаяся в «Северо-германской газете» заметка официального характера едва ли отвечает этому условию, ввиду заключающегося в ней указания на то, как сказано в вашей депеше, «что опубликование инструкций в столь враждебно настроенном органе, как «Temps», остается тем не менее фактом, обращающим на себя внимание». Такое указание не могло, конечно, внести желательного успокоения. С недоверием следует отнестись и к явно обнаруженному в Берлине стремлению раздуть весь инцидент. Можно ли в самом деле серьезно отнестись к словам германского посла в С.-Петербурге, который в объяснениях со мною по настоящему делу нашел возможным указать на желание наше произвести циркуляром «давление» на Германию? Я даже отказался отвечать на подобную инсинуацию, сказав, что всякое мое заявление по этому поводу могло бы быть истолковано, как желание оправдаться, тогда как на самом деле я и мысли не допускал о возможности какого-либо давления. Значение этого ответа было, повидимому, хорошо понято г-м Шеном. Последний, говоря о неблагоприятном впечатлении, произведенном возникшею газетною полемикою, могущею отразиться на наших финансовых делах, все же нашел возможным воспользоваться обстоятельствами и указать на желательность, дабы сколько-нибудь изгладить это впечатление, принять с нашей стороны возможные меры к скорейшему отправлению скопившихся на границе германских грузов. И в этом факте, быть может, еще ярче, чем в других, сказался характер германской политики.

Все вместе взятое едва ли убеждает в искренности нашего соседа и, естественно, побуждает нас критически относиться к торжественным заявлениям князя Бюлова о сделанных Германиею уступках и о трудности найти какой-либо выход из существующего положения: за этими громкими фразами нет действительных фактов.

Руководствуясь однако высшими политическими интересами, императорское правительство, само собою разумеется, не сойдет с того пути, по которому оно пошло с самого начала работ конференции, и, конечно, попрежнему готово будет поддерживать традиционные отношения к Германии.

Ввиду сего, по просьбе германского посла и переданного вам желания князя Бюлова, в бюллетене телеграфного агентства помещено было

официозное опровержение статьи газеты «Temps». Нельзя не надеяться, что опровержение это произведет должное в Германии впечатление, тем более, что наряду с этим в германской прессе был обнародован и самый текст нашего циркуляра. Если бы однако нам суждено было ошибиться, и по этому поводу вам пришлось бы иметь объяснения с статс-секретарем по иностранным делам, то надлежало бы наглядно выставить всю необходимость для России держаться в настоящем деле золотой середины, во внимание к той примирительной роли, которая выпала на ее долю. Некоторые органы русской печати высказались неодобрительно об официозном опровержении нашем, но отзывы их едва ли заслуживают внимания после того, что один из главных, к голосу которого, повидимому, всего более прислушиваются за границею, а именно «Новое время», сначала охарактеризовал опровержение это заискиванием перед Германиею, а на следующий день высказался в смысле совершенно обратном.

В заключение мне приятно выразить надежду, что настоящий инцидент следует считать законченным. Если бы однако князь Бюлов вернулся к вопросу, то вы могли бы воспользоваться всеми соображениями настоящего письма для исчерпывающего с ним объяснения.

Ламздорф.

Телеграмма Кассини Ламздорфу [1].

Алжезирас. 31 (18) марта 1906 г.

Счастлив сообщить вам, что после переговоров этих последних дней, в которых русская делегация принимала самое деятельное участие, сегодня утром достигнуто полное соглашение по всем пунктам и что окончательный протокол будет подписан на будущей неделе.

Граф Кассини.

Письмо французского министра финансов Пуанкаре росс. послу в Париже Нелидову.

31 марта 1906 г.

Господин посол,

Спешу уведомить ваше превосходительство о том, что мое правительство сегодня утром меня уполномочило позволить Нецлину начать конфиденциальные переговоры, по поводу которых вы сделали честь написать мне позавчера. Я только-что принял Нецлина и поставил его

[1]) На отпуске телеграммы помета: «В сущности, было бы также полезно сообщить при сем прилагаемую благоприятную телеграмму графу Витте. Л[а м з д о р ф]. 19 марта 1906 г.».

в известность об этом решении. Дабы исполнить желание вашего превосходительства, мы даже не стали дожидаться официального подтверждения консультации, данной, как оказывается, г. Мартенсом его превосходительству г. Витте по вопросу о законности займа. Мы надеемся вскоре получить по этому вопросу точные сведения, которые по своей сущности смогут нас вполне удовлетворить. Но поскольку французское правительство хотело прежде всего засвидетельствовать свою верную и действительную дружбу по отношению к России, мы не сочли себя вправе дольше задерживать предполагаемой операции.

Пуанкаре.

Всеподданнейшая записка Ламздорфа [1]).

Только-что посетивший меня французский посол по поручению своего правительства сообщил, что к заключению займа во Франции ныне никаких препятствий не имеется.

Bompard прибавил к сему, что французское правительство, глубоко признательное за постоянное оказание ему в последнее время содействия, счастливо иметь возможность отдать себя в полное распоряжение России для облегчения предстоящих финансовых операций.

Граф Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 31 (18) марта 1906 г.

Прошу вас уверить гр. Витте, что я ни минуты не терял из виду нужд нашей казны и неблагоприятных обстоятельств, которые могли бы воспрепятствовать осуществлению необходимой нам денежной операции. Поэтому я не переставал настаивать перед французским правительством на скорейшем разрешении Нецлину начать переговоры о займе, но я должен заявить, что не видал никакого признака «явного намерения затянуть его осуществление». Новый министр финансов — щепетильный, но вполне добросовестный, хорошо расположенный адвокат и боязливый финансист, не решался дать согласия на выпуск столь значительного денежного запаса, пока не получил полной уверенности в сохранении в Европе спокойствия, в коем, судя по телеграмме, сомневается и граф Витте. Вследствие возобновленных третьего дня представлений моих президенту республики и председателю совета министров и министрам иностранных дел и финансов дело нашего займа сегодня представлено совету министров, и есть полное основание предполагать, что оно не встретит препятствий. С Нецлином переговоры уже начаты.

Нелидов.

[1]) На документе дата отсутствует.

Письмо Нелидова французскому министру финансов Пуанкаре.

1 апреля (19 марта) 1906 г.

Господин министр,

С особым удовольствием имел честь получить письмо, которое вы соблаговолили мне вчера послать, и спешу поблагодарить вас за него. Я счел своим приятным долгом немедленно сообщить его содержание своему правительству, испытывающему, я уверен, большое удовлетворение и глубокую признательность французскому правительству, которому оно, в свою очередь, было радо оказать услугу по вопросу о Марокко.

Я не премину рекомендовать моему правительству ускорить посылку подтверждения, желательного французскому правительству, по поводу полной конституциональности той финансовой операции, которую мы сейчас ведем.

Нелидов.

Письмо французского посла в Петербурге Ламздорфу.

1 апреля (19 марта) 1906 г.

Граф,

Конференция заканчивается при содействии представителя России. Вот случай сделать заключение в стиле прокурора: «И это — справедливость!» Во Франции никто больше не сомневается, что хорошо иметь друзей и союзников. Ныне отдают себе в этом отчет даже за пределами Франции.

Письмо, которое я получил от моего правительства, носит специальный характер; я просил графа Витте соблаговолить его получить; я уверен, что рассею все недоразумения, если они еще существуют.

М. Бомпар.

Депеша Нелидова.

Париж. 5 апреля (23 марта) 1906 г., № 28.

Как только здесь было получено извещение об отказе Германии от голландского или швейцарского начальника полиции в Казабланке, видя устраненным главный предмет разногласия между Германией и Францией, я стал усиленно настаивать перед французским правительством на разрешении представителю нашего министерства финансов г-ну Нецлину начать здесь переговоры о займе. Будучи по-

ставлен этим банкиром в известность о крайних сроках, в которые операция эта могла бы состояться, я написал министру финансов Пуанкаре обстоятельное письмо, в котором подробно и убедительно изложил все соображения, по коим начало переговоров должно было состояться без замедления.

Г-н Пуанкаре, с которым я затем имел личное объяснение, одновременно переговорив о нашем деле с министром иностранных дел, председателем совета и самим президентом республики, принял на следующий день г-на Нецлина, а затем представил вопрос на обсуждение совета министров.

Как я имел честь сообщить вашему сиятельству по телеграфу [1]), решение совета было вполне благоприятное. Для удовлетворения формальной стороны дела совет выразил желание, чтобы нами представлено было удостоверение о том, что предполагаемая операция не противоречит объявленному манифестом (30) 17 октября высочайшему решению предоставить высшее наблюдение за ведением финансовых дел имеющей собраться Государственной думе.

Это требование вызвано было тем обстоятельством, что некоторые оппозиционные газеты, отчасти по внушению русско-еврейских эмигрантов, с целью помешать заключению займа, стали указывать на необходимость для законной обеспеченности предполагаемой кредитной операции, чтобы она была утверждена Думою. В письме моем к г-ну Пуанкаре я указал на то, что Думе представлена будет на рассмотрение смета на 1907 год. Нынешний же финансовый год регулируется государственной росписью, утвержденною в силу прежнего законодательного порядка Государственным советом, а предположенная операция является ликвидационным займом годов 1905 и 1906.

Вот это-то объяснение и должно было быть подтверждено юридическим заявлением, основанным на законах и указах.

Имев честь получить вчера с особым курьером при письме вашего сиятельства от 18 марта перевод высочайшего указа о займе от 17 сего марта, я не замедлил препроводить его г-ну Пуанкаре, который принял его без всяких возражений и, как кажется, вполне этим сообщением удовлетворился.

Имеющий прибыть на-днях статс-секретарь Коковцов довершит это дело, для оборудования коего уже выехал в Лондон проводящий его в финансовых сферах г. Эдуард Нецлин.

Нелидов.

---

[1]) Имеется в виду тел. Нелидова от 31 (18) марта № 62, содержание которой в основном воспроизведено в публикуемой депеше.

Телеграмма Ламздорфа росс. представителям в Париже и в Лондоне.

Петербург. 6 апреля (24 марта) 1906 г.

Граф Витте просит меня передать вам следующую телеграмму: «Одновременно с ведением переговоров о займе с французскими и английскими банкирами императорское правительство вело переговоры и с германскими банкирами, причем последние не только не подымали вопроса о возможности несогласия со стороны их правительства, но, против того, как мы имеем доказательство, действовали с его согласия. Когда переговоры эти близились к концу и съехавшиеся в Лондоне банкиры уже почти вовсем согласились, германское правительство неожиданно заявило, что оно хочет делать свой заем, а потому не разрешает делать русский заем в Германии.

Так как для Германии заем не представляется спешным, то, очевидно, что это является неприязненным по отношению к России действием, что, впрочем, ясно и из бывших вчера в парламенте прений; это действие представляет собой ответ германского правительства на нашу энергическую поддержку Франции в Алжезирасе. Германское правительство хочет показать свое влияние и, расстроив всю операцию займа и поставив Россию в крайне трудное положение, рассчитывает внести также в наши отношения к Франции и Англии недружелюбные чувства. Было бы весьма печально для общего положения вещей, если бы подобный план мог удасться германскому правительству в какой бы то ни было степени. Необходимо ответом на такой недружелюбный шаг Германии ускорить заем и сделать его в возможно большем размере. Тогда германское правительство убедится, что принятая им мера, дабы вселить охлаждение, поведет к совершенно обратному результату, а именно, еще большему сближению с Францией и установлению добрых отношений к Англии, которые за последнее время, к нашему удовольствию, делают столь явные успехи».

Ввиду чрезвычайной важности и крайней спешности этого дела для России в настоящую трудную минуту, прошу вас энергично передать изложенные соображения кому следует и употребить все усилия к успешному ходу операции.

Ламздорф.

Депеша Остен-Сакена.

Берлин. 6 апреля (24 марта) 1906 г., № 24.

Благополучный исход дипломатических переговоров по марокканскому вопросу на Алжезирасской конференции приветствуется с чувством горячего удовлетворения всеми органами немецкого общественного мнения.

Газеты выражают радость по поводу разъяснения политического горизонта и в значительном большинстве признают достигнутые Германиею на конференции результаты вполне удовлетворительными. Если по существу Германия и вынуждена была уступить некоторым домогательствам Франции, то взамен того ей удалось отстоять свой принципиальный взгляд на необходимость международного утверждения каких бы то ни было исключительных привилегий республики в Марокко и тем положить брешь в столь ненавистное Германии англо-французское соглашение 1904 года.

Обсуждая с бóльшею искренностью, нежели до сего времени, причины, побудившие берлинский кабинет к столь энергической политике в марокккском вопросе, здешняя печать откровенно признается, что торгово-экономические интересы Германии в султанате играли в этом случае лишь второстепенную роль. Главным же поводом к поездке императора Вильгельма в Танжер и дальнейшей дипломати ческой кампании берлинского кабинета послужила сознанная необходимость доказать Франции, а попутно и другим державам, что Германия не потерпит продолжения политики г-на Делькассе, направленной к ее изолированию и к решению важных международных вопросов без ее участия.

Эту последнюю задачу немецкая печать, за немногими исключениями, считает ныне достигнутою и выражает полную надежду на возможность дальнейшего улучшения франко-германских отношений, если только правительство республики откровенно откажется от преследования тех политических целей, кои вынудили Германию к ее выступлению в марокккском вопросе.

При обсуждении образа действий прочих держав, участвовавших на конференции, немецкая пресса с особой признательностью отмечает поддержку, которую неизменно оказывали Германии австро-венгерские делегаты. Наоборот, в крайне раздраженном тоне отзываются газеты о двуличной роли союзной Италии, пославшей на конференцию главного инициатора франко-итальянского сближения маркиза Висконти Веноста. Один из берлинских органов печати говорит даже, «что алжезирасские дни итальянцами забыты не будут и что могут наступить обстоятельства, когда окажется полезным напомнить им о том, как Италия отблагодарила Германию за то, что ее император, первый из всех европейских монархов, признал в провозглашенном им в Квиринале достопамятном тосте «неприкосновенность Рима».

Что же касается до раздражения общественного мнения в Германии против России, то о нем вашему сиятельству уже известно из моих предшествующих донесений. Особенно резко к нам недоброже-

лательство выразилось в усиленной агитации прессы против участия Германии в предстоящем русском займе.

Граф Остен-Сакен.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 7 апреля (25 марта) 1906 г.

Французское правительство само озабочено неблагоприятными последствиями, которые может иметь для займа отпадение Германии. В совете министров Пуанкаре заявил, что уменьшение суммы, требуемой Россией, произведет очень дурное впечатление в области политической и финансовой. Он, следовательно, утверждал, что необходимо изыскивать всеми способами средства для пополнения всей необходимой нам суммы. Франция, — думает он, — сможет предоставить половину, с трудом более миллиарда; правительство после нас само будет нуждаться в займе пятисот или шестисот миллионов на надобности своего бюджета. Другая половина поделится между Англией, Америкой, Голландией и Италией. По отношению к этим последним здесь уже сделаны шаги, чтобы склонить их принять участие в операции. Здесь все же немного надеются на содействие Австрии — содействие, которое еще больше подчеркнуло бы изолированность Германии.

Нелидов.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 8 апреля (26 марта) 1906 г., № 66.

Дополнение к донесению моему от 23 марта № 28.

Во избежание всякого рода недоразумений сообщаю: во вчерашнем нашем разговоре о займе министр иностранных дел упомянул, что кроме переданного мною перевода высочайшего указа о займе, министерство иностранных дел ожидает обещанной юридической консультации, имеющей установить соответствие предпринимаемой операции с правами и прерогативами Думы. Составлением подробной записки занят, будто бы, по сообщению Бомпара, юрисконсульт министерства иностранных дел Мартенс. Министр иностранных дел просил меня также передать вашему сиятельству и довести до сведения государя императора о глубокой признательности правительства за пожалованный французскому послу высокий знак благоволения [1]).

Нелидов.

---

[1]) На телеграмме помета: «Сообщено 27 марта графу Витте без последней фразы».

Телеграмма Ламздорфа Нелидову.

С.-Петербург. 9 апреля (27 марта) 1906 г.

В ответ на переданную мною телеграмму вашу за № 66 статс-секретарь Витте сообщает, что несколько дней тому назад Нетцлин телеграфировал ему о желании французского министра финансов иметь заключение тайн. сов. Мартенса о легальности займа. Мартенс написал краткое заключение, вполне благоприятное для займа, и передал его Коковцову, взявшему его с собой в Париж.

Ламздорф.

Февральская революция в Петрограде.

(28 февраля — 1 марта 1917 г.)

Печатаемые ниже документы представляют собой часть материалов Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы. Записанные с указанием не только числа, но и часа и минуты, эти донесения и приказы ярко отображают агонию борьбы обреченного самодержавия и необычайный энтузиазм, активность и сознательность масс, сбросивших многовековое иго. В них отражается и бурление революции, и попытки контрреволюционных сил дезорганизовать и дискредитировать ее погромами и грабежами, и первые усилия новой, еще зародышевой, власти внести организованность в движение, организовать отпор враждебным новому строю силам.

Стремясь к защите революции от разгрома ее царскими войсками, «Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов» организовал еще 27 февраля в Таврическом дворце «штаб». Ядро его составили несколько офицеров, известных за демократов, в том числе с.-р. — старший лейтенант Филипповский и офицер генерального штаба Мстиславский. Но когда образовался Временный комитет Госуд. думы «для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями», он сразу сделал попытку наложить руку на Военную комиссию: захватывая комиссию, буржуазные думцы хотели, с одной стороны, направить деятельность ее в сторону в о д в о р е н и я п о р я д к а, с другой — они хотели нажить в глазах восставших народных масс политический капитал в качестве защитников революции.

В противовес «советскому» председателю, с.-р. Филипповскому, думцы выдвинули комендантом Петрограда и председателем Военной комиссии полковника ген. штаба октябриста Энгельгардта [1]). Это назначение имело характер настоящего coup d'état. На протесты «советского» представителя, Н. Д. Соколова против «назначенцев» Родзянко, «пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью по столу: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться» [2]).

«Порядок» был быстро водворен: представителей «революционной демократии» выкинули, их место заняли офицеры ген. штаба, центральной фигурой стал инж. Пальчинский — «товарищ председателя Военной комиссии Александра Ивановича [Гучкова]», как он отрекомендовался Мстиславскому. По своему составу и политической

---

[1]) Энгельгардт стоял во главе Военной комиссии два дня, после чего председательствование перешло к А. И. Гучкову.

[2]) С. Мстиславский «Пять дней», изд. Гржебина, Москва, 1922.

физиономии Военная комиссия по существу превращается в штаб Петроградского военного округа, ввиду того, что прежний штаб «без вести пропал».

Печатаемые ниже документы отражают главным образом «советский» период существования Военной комиссии, именно 28 февраля. Со всех сторон поступают донесения добровольцев об обстрелах с крыш протопоповскими городовыми, о провокационных погромах и т. д. Тут же отдаются распоряжения о «снятии» пулеметов, об организации вооруженной охраны в зданиях общественного значения, на вокзалах и т. п., о расквартировании прибывающих со всех концов в столицу для выражения преданности новому строю войск и т. д. и т. д. Приказания пишутся наспех, от руки, разными лицами, за разными подписями, на первом попавшемся бланке: «Председатель Госуд. думы», «Товарищ председателя Госуд. думы» и др. Отпуска пишутся через копирку, буквально на клочках и обрывках бумаги.

Только исходящие дошли до нас в подлинниках, в виде отпусков. «Донесения» же представляют собой копии поступавших в Военную комиссию письменных, устных и телефонных заявлений. Как те, так и другие хранятся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции.

Ф. Д.

ДОНЕСЕНИЯ В ВОЕННУЮ КОМИССИЮ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ГОСУД. ДУМЫ.

№ 1.

Донесение.

Из Ораниенбаума по направлению к Петрограду выслана дезорганизованная толпа солдат, приблизительно 1 000 человек. Дошли до Петергофа. Если присоединятся тамошние части, то на Петроград может пойти приблизительно 15 тыс. человек.

Комендант Кронштадтской крепости.

3 ч. 45 м. 28/II.

№ 2.

Председателю Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы.

Заведывающего охраной на заводе «Респиратор» Центрального Военно-промышленного комитета

Рапорт.

Доношу, что в здании резиновой мануфактуры «Треугольник», находящемся против завода, поставлен на втором этаже пулемет, обстреливающий завод и улицу. Прошу о назначении обыска в данном месте.

Начальник охраны завода «Респиратор» прапорщик Лобан-Жученко.

5 ч. ночи 28/II.

№ 3.

Председателю Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы.

Заведывающего охраной на заводе «Респиратор» Центрального Военно-промышленного комитета

Рапорт.

Прошу распоряжения о немедленной высылке нижних чинов в количестве 60 человек для охраны завода и склада.

Начальник охраны прапорщик Жученко.

5 ч. ночи 28/II.

№ 4.

Донесение.

1. Доставлен броневой автомобиль «Лончестрь» с пушкой «Гочкис» и 36-ю зарядами и 3-мя шоферами, из них один наводчик.

2. Нужны механики на М. Дворянскую в гараж д. № 19 для ремонта автомобиля.

3. Между Народным домом и Петропавловской крепостью бронированная застава из 2 правительственных бронированных автомобилей, там же правительственные сторожевые посты.

4. Переодетый в штатское платье Дробинко, полицейский надзиратель, задержан без формы, с шашкой и револьвером. Этот человек должен дать сведения, сколько находится в гостинице «Москва» полиции.

5. ч. утра 28/II.

№ 5.

В Государственную думу.

Доношу, что мною занят склад огнестрельных припасов (Лабораторная улица). Все в порядке. Жду директив. Могут ли приступать к работам на складах и мастерских?

Поручик 1-го пех. зап. полка Ставин.

Пришлите удостоверение, что я охраняю и управляю временно складом по приказанию Временного правительства, а то публика недоверчиво относится.

10 ч. 28/II.

№ 6.

Донесение.

Пулеметы на углу Садовой, Городской дом, на углу Горох. и Мойки (2 пулемета), на углу Казанской и Гороховой.

10 ч. 45 м. 28/II.

№ 7.

Донесение.

Коменданту Совета депутатов.

Доношу, что собственный его имп. вел. железнодорожный полк к нам не присоединен, им охраняется царская ветка.

Казак Уссурийского казачьего полка А. Коротков.

4 ч. дня 28/II.

№ 8.

Донесение Энгельгардту.

Доношу, что у Зимнего дворца, Аничкова моста обстреливают из пулеметов, а также у д. № 8 по Дегтярному переулку. По сведениям, в Зимнем дворце укрыт жандармский дивизион.

Прап. Шаблинский.

16 ч. 10 м. 28/II.

№ 9.

Донесение.

Коломенская, 27. Толпа громит помещение.

11 ч. 45 м. веч. 28/II.

Донесение.

На Кирочной, 12, громят частную квартиру. Послана разведка.

Г. А. С.

3 ч. 55 м. ночи 28/II—1/III.

№ 10.

Донесение.

В Кронштадте беспорядки, митинги и пр. К 7 часам утра будут лошади. Просят выслать членов Думы, чтобы организовать.

4 ч. 5 м. ночи 1/III.

№ 11.

Донесение.

Вольноопределяющийся воздухоплавательной части Сергиев: в 8 ч. вечера дана охрана винных погребов — вызвались егеря, взвод 17 челов., посты заняты в Удельном ведомстве, Моховая, 40, полный порядок. Были во дворе посторонние с командой 62 челов., выведали. Оказалось, прошли через квартиры сторожей.

При удалении посторонних солдат вышло столкновение, отняли винтовку. Предвидится еще столкновение с 5 солдатами. Необходима смена.

Надо командировать смену со старшим или, лучше, офицером, человек 15.

Угол Семеновской и Литейного, погреб Шитта разгромлен. Воскресенский пр. угол Кирочной, магазин Баскова громят и пьют.

4 ч. 35 м. ночь на 1/III.

№ 12.

Запись — донесение.

Прапорщик 176 п. зап. п. Матвеев: из Красного села идут 8 000 в полном порядке. Необходима встреча: 1) помещение — не хватит вагонов-теплушек, которые топятся, 2) завтра будут, 1 марта, покормить. Предположено: 1) дать предписание 1 Петр. з. пех. п. Троицкий просп. против церкви Троицы — накормить 176; 2) исследовать.

Через завед. Балтийским вокзалом полковник Коссович.

4 ч. 55 м. утра 1/III.

№ 13.

Донесение.

Уг. Офицерской и Фонарной. Сообщено из частной квартиры, что громят. Просят помощи.

5 ч. 25 м. 1/III.

№ 14.

Звонил из Царского дворцового квартал. коменд. Гронтер. Ему важно переговорить с Мих. Влад. [Родзянко].

6 ч. 45 м. 1/III.

№ 15.

74—34 телефон коменданта Каменноостровского района. Павловское училище раскололось. Может быть, даже выступит против.

6 ч. 50 м.

Громят погреб Рауля на Исаакиевской площади.

7 ч.

№ 16.

Донесение.

Полковник Волынский заявляет, что по Финляндской ж. д. поезда не ходят, просит разрешения открыть движение.

8 ч. утра 1/III.

№ 17.

Стрельба с крыш из пулеметов по госуд. банку, Екатерининский канал, №№ 27, 29, 31, и усиленно из редакции «Петроградского листка».

28/II.

№ 18.

Санитары лазарета Зимнего дворца просят прислать туда отряд войск, чтобы арестовать скрывающихся там лиц и прекратить стрельбу с крыши из пулеметов и охранять дворец.

Дворец сейчас ни в чьей власти. Часовые сняты, но внутри еще сторонники старого правительства.

По поручению санитаров студент Р. Изе.

28/II.

№ 19.

Караул, наряженный для охраны Сената от запасного бат. л.-гв. Кексгольмского полка, в составе 40 человек, просит Временное правительство дать караулу указание, что сделать и чьим распоряжениям подчиняется караул; полагаем, что оставить на произвол судьбы здание Сената было бы преступлением, ввиду громадной важности находящихся в нем документов. По близости Сената видны толпы пьяных, разграбивших, по слухам, гостиницу «Асторию».

28/II.

№ 20.

Два полигона — Морской и Сухопутный (по Ириниской ж. д., ст. Военная и Полигон) — не разоружены. Команды на обоих полигонах до 800 чел. Масса орудий и снарядов. Необходимо разоружить. Сообщил поручик Степан Иванович Мазуркевич, заведующий Охтенским пороховым заводом. Готов принять дело в свои руки, если дадут команду и хоть один бронированный автомобиль. Живет на Охт. порох. заводе [1]).

28/II.

№ 21.

Просьба разведки павловцев, находящихся на Финляндском вокзале, выслать в Петроградский патронный склад усиленную команду и несколько пулеметов, так как охраняет склад всего 40 человек без пулеметов.

Ст. унт.-офицер (подпись).

28/II.

---

[1]) В верхнем левом углу пометка карандашом: «К сведению».

ЛИЧНАЯ ЗАПИСЬ ОДНОГО ИЗ ЧЛЕНОВ ВОЕННОЙ КОМИССИИ.

№ 22.

Петропавловская крепость — пока база для обстрела адмиралтейства.

2 ч. 35 м. 28/II—1/III.

Войти в переговоры с капитаном Мышлаевским.

№ 23.

Пришли Семеновский, Павловский, Петроградский полки. Идут егеря. Имеется 3 пулемета.

2 ч. 40 м. 28/II—1/III.

Принято к сведению. Передать в ведение поручика.

№ 24.

О Петропавловской крепости и закупорке ее выхода.

3 ч. 00 м. 28/II—1/III.

Отложить до утра и просить утром ехать с отрядом В. А. Ржевского для переговоров.

№ 25.

Об аресте Совета министров в здании адмиралтейства.

3 ч. 15 м. 28/II—1/III.

Принять меры через Преображенский полк и просить полковника Энгельгардта переговорить с полком.

№ 26.

1. Сообщение о коменданте Кронштадтской крепости и о необходимости приостановить движение из Кронштадта и о поддержании порядка.

Послать семеновцев 500 и егерей 300 с офицерами и пулеметами.

2. О прибытии 177 полка и об обстреле нашей части правительственными войсками.

Наши части отходят.

(Неверное сведение — отставить). Но во всяком случае послать подкрепление.

3 ч. 15 м. 28/II—1/III.

№ 27.

1. Финляндский вокзал занять народными войсками.

2. 3-й запасный полк, один эшелон, прибыл с Балтийского вокзала.

Встретить прибывающие части и поддержать в случае необходимости соседними участками народных войск.

3 ч. 20 м. 28/II—1/III.

№ 28.

Арсенал на Литейном занять народными войсками.	Под командой пор. Петрова оставить всю охрану от гл. арсенала до Финляндского вокзала и Литейный и Сампсониевский мосты.

3 ч. 25 м. 28/II—1/III.

№ 29.

1. Невский, д. № 88 и на углу Знаменской под магазином Линден обстреливают войска и сами под обстрелом народных войск.	Ждать дальнейших сведений, так как подкреплений не просят.
2. О занятии водопроводной станции на Шпалерной.	Послать занять охраною с унтер-офицером часть.

3 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 30.

Телефонограмма коменданта Кронштадтской крепости о толпах солдат, идущих на Петроград (до 75 000?).

3 ч. 45 м. 28/II—1/III.

№ 31.

Запрос полковника Неслуховского, командира 1-го запасного полка, о патронах (М. Охта). Присоединение единогласное после собрания офицеров.	Доставить с Патронного завода 20 000 патронов к утру.

3 ч. 55 м. 28/II—1/III.

№ 32.

На Исаакиевской площади около 1 500 человек 2-го флотского экипажа.

4 ч. 05 м. 28/II—1/III.

№

О разоружении полицейских участков.	Разоружить все участки.

4 ч. 15 м. 28/II—1/III.

№ 34.

Об отправке бронированных автомобилей на Николаевский вокзал и подкреплений из Семеновского и Егерского полков.	Откомандировать названные части на Николаевский вокзал.

4 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 35.

Автомобильная рота перешла на сторону народа, забаррикадирована, в 8 часов будет здесь.

4 ч. 55 м. 28/II—1/III.

№ 36.

Доставлен броневой автомобиль с пушкою Гочкис. Ожидать распоряжений.

5 ч. 10 м. 28/II—1/III.

№ 37.

Сообщение мотоциклетной мастерской Измайловского полка, 10-й роты о готовности прибыть с мотоциклетками. Дан приказ быть у Государственной думы в 8 часов утра с мотоциклетками.

5 ч. 25 м. 28/II—1/III.

№ 38

Пришли Петроградцы и Измайловцы.

5 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 39.

Требование броневика для содействия 2-му флотскому экипажу. Назначен уже совместно с Преображенцами.

5 ч. 55 м. 28/II—1/III

№ 40.

На Николаевский вокзал прибыли войска и сдались.

6 ч. 00 м. 28/II—1/III.

№ 41.

Казаки и солдаты из Красного пришли спокойно.

На Путиловском тоже все спокойно.

7 ч. 1/III.

№ 42.

1. На Кирочной против Саперного батальона засела группа около 30 городовых с пулеметом.

2. Сыскная полиция ответила, что ее больше не существует и что надо обращаться в Г. думу.

7 ч. 10 м. 1/III.

№ 43.

Фонарный — погром.

8 ч. 1/III.

№ 44.

1. Резервная команда 9-го запасного кавалерийского полка, 35 человек, без оружия. Принять на учет.
2. Электротехнический батальон запасной, уг. Инж. и Садовой.

8 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 45.

Во главе с командиром батальона остатки 9-го Драгунского полка и 2 роты семеновцев в полном боевом снаряжении.

8 ч. 50 м. 28/II—1/III.

№ 46.

Военно-автомобильная школа.

10 ч. 30 м. 28/II—1/III.

[БЕЗ ДАТЫ.]

№ 47.

В Зимний дворец пришла артиллерия из Царского села с 12-дюймовыми орудиями — пехота и кавалерия.

Сообщено из Саперного запасного батальона.

№ 48.

Стреляют из пулеметов в Зимнем дворце по набережной и по площади. Наших совсем нету.

№ 49.

Из достоверного источника мы узнали, что к Зимнему дворцу подано несколько автомобилей с целью удрать из последнего. Доводим до сведения Военной комиссии и просим принять надлежащие меры для задержания последних.

Подпоручик Пашкевич.

№ 50.

Показание полицейских чинов Зимнего дворца 10 рез. роты Зуева, Петрика и Киняева.

Вместе трое решились уйти из Зимнего дворца, желая перейти на сторону народа. Содержались там в качестве охраны. В Зимнем дворце живут — скрылись: градоначальник генерал-майор Балк, ген.-лейт. Вернандер [?], ген.-лейт. Галле и Хабалов, жандармский завед. всеми жандармскими дивизионами. Охраны нашей человек 70, винтовок 20, у остальных револьверы. Конные есть. Пулеметы — 2 и орудия — 2 стоят во дворе. Солдаты кадровые Измайловского полка 1 и 2 роты и других частей — всех до 1 полка — охраняют Зимний дворец. Сидят в подвалах. Боятся Петропавловской крепости. Предупреждение может оказать должное воздействие. Войска перебежали из градоначальства, где сидели 2 суток, в адмиралтейство, в 4—6 ч. вечера и перешли через час в Зимний.

После службы поступил сразу в полицию — Киняев, Петрик после ранения, а Зуев с 28 по назначению из полка.

Зуев, Киняев, Петрик.

№ 51.

Нужна военная охрана Зимнего дворца и Эрмитажа. Там правительственных войск нет, я сам обошел один в сопровождении коменданта весь дворец. Сам комендант просит охраны.

[Без подписи].

№ 52.

Гренадерский полк на Петроградской стороне требует мотора для патронов.

Арсенал требует подкрепления.

Иван Александрович[1]).

№ 53.

Немедленно вышлите подкрепление 350 человек на Лиговку, угол Чубарова переулка.

Большая засада. Действуют 6 (шесть) пулеметов [2]).

№ 54.

Автомобиль бронированный, посланный на Морскую, 24, отбит полицией. Требуют подкреплений для отобрания автомобиля.

---

[1]) Левый с.-р. Александрович, впоследствии активный участник лево-эсеровского мятежа.

[2]) Внизу карандашом помечено: «Не справдалось».

№ 55.

С Морской, уг. Невского и Телефонной улицы, требуют подкрепления. Там жандармы пулеметами расстреливают санитарные автомобили, так что раненых невозможно подбирать.

№ 56.

Просят уг. Садовой и Инженерной немедленной помощи для усмирения пьяных солдат.

№ 57.

За Московской заставой полиция на местах устроила засаду.

№ 58.

Караул, стоящий на углу Кирочной и Шпалерной, сообщил, что по сведениям, доставляемым частными лицами, в академии генерального штаба собралось около 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с целью нападения на Таврический дворец.

№ 59.

В Коломенском районе, Коломенская часть, Знаменская церковь, городовые забираются на чердаки домов, вооружены пулеметами, производят выстрелы по собраниям групп народа. Наводят панику на солдат.

Сняты матросы со «Штандарта», «Авроры», «Екатерины». Часть офицеров оставлена при судах, есть расстрелянные офицеры, как то: командир «Авроры», старший офицер и кондуктор.

На судах имеются запасы провианта. Устроен перевязочный пункт. При всем этом работали собственные автомобили Франко-Русского завода.

По дороге к Думе раздавались выстрелы с Царскосельского вокзала. Просьба учредить питательный пункт на курсах Лесгафта — на Английском проспекте, 10.

№ 60.

Занимающий должность караульного н-ка на Финляндском вокзале доносит: из Финляндии движется 2 эшелона войск, которым машинисты очистили путь: в карауле 8 чел., нужно подкрепление.

№ 61.

В городе все спокойно. Солдаты жалуются на холод. Были захвачены 18 бронированных автомобилей, из коих по дороге вследствие порчи оставлены 4, остальные в районе фабрики «Треугольник».

На Литейном и Загородном пр. группы семеновцев, измайловцев и петроградцев жаловались на холод и недостаточность сведений. Они не знали, куда итти, и решили в конце концов отправиться в казармы.

На окраинах происходят разгромы магазинов.

№ 62.

Г. коменданту.

Освобожденные из Петроградской пересыльной тюрьмы просят г. коменданта указать место, куда бы они могли притти и получить как пост[ель?], так кварт. и пищу и оружие, а также просят пропуск.

Освобожденный политический Ульянский.

№ 63.

Донесение.

На Гончарной ул., № 6 — засада полиции. Автомобиль (грузовик) имеется, солдаты также. Нужно разрешение поехать.

Грушецкая.

№ 64.

Уг. Жуковской и Лиговской — разгром подвалов Соловьева. Отстояли один погреб, а один разгромлен.

Пьяные солдаты по три ходят, 1 караулит — все пьют; квартиры не трогают, спрашивают, где хозяин.

[Подпись.]

8 ч. 30 м.

№ 65.

У Семеновских казарм много солдат; не зная, что делать, просят руководителя. Все вооружены.

№ 66.

Сообщение Продовольственной комиссии.

По поступившим сведениям, два подозрительных субъекта раздают воинским чинам спиртные напитки и распространяют заведомо ложные и тревожные слухи.

Член продовольственной комиссии [подпись].

№ 67.

Донесение.

1) Манежный пер., дом № 2, Спасо-Преображенский лазарет,в коем есть «больные» офицеры, не примкнувшие к движению, и укрывшийся генерал Акимов — ярый сторонник царя. Оружие их хранится в лазарете.

2) Автомобили циркулируют по городу часто без дела, люди с револьверами в руках наводят панику.

3) В некоторых госпиталях сохранился старый порядок. Необходимо подчинить их новому правительству.

4) В Петрограде всех офицеров взять на учет.

№ 68.

Донесение.

Поручено организовать охрану арсенала, где будто бы идет разгром.

№ 69.

Донесение.

В складе огнестр.-ручных бомб нагрузили 4 вагона — отправляются с Финляндского вокзала.

№ 70.

Донесение.

Знаменская, дом 3 или 5, имеются пулеметы с лентами.
Никем не охраняется.

№ 71.

1) На крышах 2-х домов по Знаменской ул.(дом № 10 и дом уг. Баскова) пулеметы. Просьба снять их.

2) О порченом автомобиле и просьба прислать помощь.

№ 72.

Царкосельский вокзал изнутри заперт.В нем видны жандармы. Семеновцы с оркестром против Обуховской больницы стоят.

№ 73.

На углу Невского и Морской происходит перестрелка. Стреляют городовые и солдаты. Говорят, есть трое убитых. Публика просит послать войсковые части.

№ 74.

В районе Ковенского пер., около Преображенской, стреляют. Сообщил капитан гл. арт. управления.

На 6-й Рождественской стрельба с крыш.

№ 75.

Каменноостровский, 65, кв. полициймейстера Галле обстреливает проходящих.

№ 76.

Донесение.

У Тучкова моста в засаде 2 роты Финляндского полка. Сил нет с ними справиться, просят помощи.

№ 77.

Донесение.

В Медвежьем стане, около Лесного, стоят 2 батальона пехоты. Надо послать туда человека, чтобы офицеры не повели их на город. Солдаты волнуются и охотно примкнут к восставшим.

№ 78.

Донесение.

1) Ожидается 2 эшелона из Новгорода или Чугуева. Нужна немедленная помощь.

2) Уг. Инженерной и Садовой плохо. Наших патрулей нет в этом районе.

№ 79.

Донесение.

Склад огнестрельных припасов разгружают и отправляют на Николаевскую ветку. Необходим бронированный автомобиль или же автомобиль с пулеметом к даче Ратькова-Рожнова. (Выборг. стор., в конце Безбородкинского проспекта) для прекращения увоза снарядов.

1-го запасного полка (Охтенского) К у з ь м а.

Необходимо в Лесное послать также автомобиль, так как могут через Лесное на лошадях увозить. Ждут войска из Финляндии.

№ 80.

1) На Васильевском острове, на углу Среднего пр. и 1-й линии, разъезжают автомобили с патрулями околодочных надзирателей под флагом Красного креста.

2) Петроградская сторона, на Большом проспекте, стрельба с пулеметов, с крыш, просят прислать поддержку.

3) По Садовой, сворачивая на Гороховую, открыли огонь с крыш по санитарному автомобилю.

4) На углу Кирочной и Воскресенского пер. патрули просили прислать поддержку, так как солдаты грабят магазин.

Отряд Красного креста лейб-егерей.

№ 81.

1) Нужна охрана на Пороховой завод и завод взрывчатых веществ, а также на морские артиллерийские полигоны.

2) Экстренно нужен смазочный материал и пакли (для пулеметов).

3) Есть пулеметы и грузовой автомобиль и 2 пулеметчика. Нужны вооруженные солдаты.

4) Прибыла пушка и ждет распоряжения и осмотра.

5) 180 пех. зап. полк расстроен.

6) Преображенский полк у Думы без офицеров.

7) Нужно послать на М. Дворянскую взять 2 горфорда пушечных и один броневой остень.

8) В гараже «Бенц» есть броневые машины.

9) Послать в Михайловский манеж забрать броневики, бензин, магнето, а также несколько комплектов инструмента.

10) Снабдить револьверным оружием прислугу броневых машин.

11) Сообщают, что рабочие, около 15 000, окружены полицией в Школьном переулке, за Нарвской заставой.

12) На Гаванском поле, В. О., Средний пр., окружены около 2 000, угрожает полиция расстрелом. Уг. Невского и Владимирского просп. бронир. автомобиль.

13) Центральная телефонная станция занята быть не могла, так как оказались силы сопротивления. На углу Невского и Мойки — пулемет, на углу Морской и Кирпичного пер. — пулемет и сильная засада.

14) Площадь Зимнего дворца занята правительственными войсками.

15) Послать возможно большую силу на угол Морской и Невского пр., так как со стороны градоначальства идет страшный обстрел.

16) Охрана интендантских складов.

17) В жандармском управлении на Тверской патроны.

№ 82.

Донесение.

Правительственные войска не пропускают от Нарвских ворот путиловцев. Необходимо послать войска.

№ 83.

За Нарвской заставой по Петергофскому шоссе всюду правительственные разъезды (группами в 15—20 человек).

Путиловцы, командированные на работы, продолжают работу.

Рабочий Путиловского завода.

№ 84.

Донесение.

По улицам разъезжают грузовые автомобили. Многие из них нагружены боевыми припасами. Необходимо командировать с особыми полномочиями несколько легковых автомобилей для выяснения, куда и зачем ездят автомобили, и для приводки гуляющих автомобилей к Таврическому дворцу.

№ 85.

Донесение.

Сейчас были на Варшавском вокзале и узнали из достоверных источников: с фронта двинуты 35 эшелонов солдат в Царское Село и будут там в 4—5 ч. утра. Настроение их неизвестно. Потом в 6 ч. у. прибывают два литерных поезда, один со свитой и второй — царский. Нужно обратить внимание.

А. Коноваленко, член студ. кружка.

ПРИКАЗЫ, ИСХОДИВШИЕ ОТ ВОЕННОЙ КОМИССИИ.

№ 1.

Приказ.

Полковнику Назимову от Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы занять Царскосельский вокзал, электрическую ст. Бельгийского о-ва, сберегательную кассу и охранять весь район в пределах улиц Николаевской, Загородного, Владимирского проспектов, у Технологического института и примыкающий район.

Комендант Таврического дворца Юревич.

8 ч. утра 28/II.

№ 2.

Приказание.

Л.-гв. Преображенскому полку занять государственный банк, телефонную станцию (Морская, 22), выставить посты к Эрмитажу и Музею Александра III.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

8 ч. 10 м. 28/II.

№ 3.

Приказ.

Прапорщикам Пономаренко и Бобрицкому вступить во временное командование Волынским полком.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

Б. Энгельгардт.

8 ч. 30 м. утра 28/II.

№ 4.

Приказание.

Петроград.

Полковнику А. В. Бобинскому, командиру запасного электротехнического батальона, занять Центральную телефонную станцию (Морская, 22) для обслуживания телефонной сети, причем полковник ставит на аппараты и работу людей, которыми будет руководить инженер Толлочко на правах начальника станции.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

Б. Энгельгардт.

8 ч. 40 м. 28/II.

№ 5.

Приказание.

Петроград.

Подпоручику Станиславу Шиманскому отправиться, на основании полученных указаний, для производства ареста бывшего председателя Совета министров Бориса Штюрмера и доставки его в помещение Государственной думы. После этого занять управление воздухоплавательной станции.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

ст. лейт. В. Филлипповский.

8 ч. 45 м. утра 28/II.

№ 6.

Приказание.

Подпоручику Кулакову собрать 32 ряда нижних чинов на Бронницкую улицу для очистки ее от противника [1]).

Комендант Таврического дворца ст. лейт. В. Филлипповский.

8 ч. 55 м. 28/II.

[1]) Внизу пометка карандашом: «Исполнено».

№ 7.

Приказание.

Направить немедленно два грузовых автомобиля для принятия грузов важного государственного значения на Николаевский вокзал.

Председатель Воен. комиссии Гос. думы ст. лейт. В. Филиппповский.

9 ч. 28/II.

№ 8.

Приказание.

Военному чиновнику Биснек занять хлебопекарню офицерской кавалерийской школы, Таврическая ул., 41, поставить при ней охрану, начать работы и выдать из музея школы пулеметы, винтовки и другое оружие Военной комиссии. В помощь назначается вахмистр Александров.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Гос. думы [1]).

9 ч. утра 28/II.

№ 9.

Приказание.

Прапорщику Шишкину отправиться на Николаевский вокзал в помощь начальнику охраны Николаевского вокзала.

Председатель Воен. комиссии Врем. комитета Гос. думы Б. Энгельгардт.

9 ч. 30 м. утра 28/II.

№ 10.

Приказание.

Штабс-капитану Мягкову принять командование Волынским полком, а прапорщикам Пономаренко и Бобрицкому поступить в распоряжение штабс-капитана Мягкова.

Председатель Воен. комиссии Врем. комитета Гос. думы Б. Энгельгардт.

9 ч. 40 м. утра 28/II.

№ 11.

Приказание.

Прапорщику Андрусову отправиться в Михайловский манеж и вступить в командование своими людьми Павловского полка.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. утра 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 12.

Приказание.

Прапорщику Гримму вступить в командование своими людьми Павловского полка в Государственной думе.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. утра 28/II.

№ 13.

Приказание.

Прапорщику Иванову Сергею отправиться на Петроградскую сторону для поддержания порядка на улицах.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. 10 м. утра 28/II.

№ 14.

Приказание.

Полковнику Цемирову и прапорщику Распопину, в помощь первому, принять меры к поддержанию порядка в своем 3-м железнодорожном рабочем батальоне.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. 20 м. утра.

№ 15.

Приказ.

Наезднику Сергею Архипову с 50 (пятьюдесятью) челов. арестовать на Знаменской ул., 41 контр-разведочное отделение штаба округа и начальника сего отделения полк. Якубова (Фонтанка, 54).

Председ. Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

10 ч. 45 м. 28/II.

№ 16.

Приказ.

Двум ротам Волынского полка с пулеметом немедленно выступить к Николаевскому вокзалу. По полученным сведениям, на вокзале высаживаются войска. Донесения посылать в Г. Д., Военная комиссия.

За председателя комиссии С. Димитриев.

28/II. 1917. 11 часов.

№ 17.

Приказ.

Прапорщику Ильинскому, Павловского полка, вступить в командование 4-й (четвертой) ротой, командой связи и разведчиков.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

10 ч. 50 м. 28/II.

№ 18.

Приказ.

Заведующему автомобильной колонной первой помощи капитану Клименко выдать предъявителю сего приказа имеющиеся в его распоряжении автомобили.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

11 ч. 20 м. 28/II.

№ 19.

Приказание.

Поручику Ставину охранять склад огнестрельных припасов по Лабораторной улице и приступить к работам в мастерских и складах.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

11 ч. 30 м. 28/II.

№ 20.

Приказание.

Вольноопределяющемуся Таирову Дмитрию и рядовому Маяковскому Владимиру произвести выборы представителей в военно-автомобильной школе, организовать ремонт машин.

Б. Энгельгардт.

11 ч. 30 м.

№ 21.

Приказание.

Прапорщику Пертику отправиться с ротой солдат на Петроградскую сторону для водворения порядка.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

11 ч. 35 м. 28/II.

№ 22.

Приказание.

Прапорщику Петрову — с ротой на Выборгскую сторону для водворения порядка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

11ч. 45 м. 28/II.

№ 23.

Л.-г. запасному батальону Преображенского полка приказывается занять караулы и охранять порядок во всем здании Таврического дворца и его ограде.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 45 м. 28/II.

№ 24.

Приказание.

Штабс-капитану Новицкому охранять порядок во вверенном районе, свободным людям приступить к работам по изготовлению снарядов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 50 м. утра 28/II.

№ 25.

Приказание.

Выдать прапорщику Тетерину из арсенала Военной комиссии 50 (пятьдесят) винтовок и ящик патронов к ним.

За коменданта Таврического дворца

ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. дня 28/II.

№ 26.

Приказание.

Капитану Васильеву занять главное здание телеграфа, охранять порядок и организовать власть.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 15 м. дня 28/II.

№ 27.

Приказание.

Военному чиновнику Усасу взять две роты Преображенского полка, занять и охранять здание химического комитета.

Ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 25 м. 28/II.

№ 28.

Приказание.

Двум ротам Волынского полка с пулеметом немедленно выступить к Николаевскому вокзалу. По полученным сведениям, на вокзале высаживаются войска. Донесения посылать в Госуд. думу, Военная комиссия.

За председателя комиссии ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 25 м. 28/II.

№ 29.

Приказание.

Поручается, по приказанию Временного правительства, поручику Грекову стать во главе гвардейского экипажа и 2-го Балтийского флотского экипажа. Занять Николаевский и Царскосельский вокзалы и по исполнении донести.

За председателя Военной комиссии ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 35 м. 28/II.

№ 30.

Приказание.

Начальнику Владимирского училища, в лице его представителя подполковника Саско, вступить в исполнение своих обязанностей по управлению училища и ведению в нем всех занятий.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 50 м. 28/II.

№ 31.

Приказание.

Начальнику Михайловского артиллерийского училища вступить в исполнение своих обязанностей и вести все строевые и учебные занятия.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

ст. лейт. В. Филиппповский.

1 ч. 28/II.

№ 32.

Приказание.

Командировать команду в 40 человек для охраны Охтенского порохового завода из состава наличных команд.

Председатель Военной Комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филипповский.

1 ч. 5 м. 28/II.

№ 33.

Приказание.

Подпоручику Лыцинскому вступить в командование 4-й роты Преображенского полка.

За пред. Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы кап. Иванов

1 ч. 10 м. 28/II.

№ 34.

Приказание.

Подпоручику Сибирякову 2-й отдельной тяжелой батареи сформировать отряд для охраны складов запасов продовольствия в г. Петрограде и его окрестностях, вверенных члену Думы Миклашевскому, для чего означенному подпоручику разрешается взять себе помощника офицера и необходимое количество нижних чинов.

За председателя капитан Иванов.

13 час. 20 мин. 28/II.

№ 35.

Приказание.

1-му запасному пехотному полку отправиться немедленно к Николаевскому вокзалу для его охраны.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

1 25 м. 28/II.

№ 36.

Приказание.

Поручику Кубареву и корнету Карни-де-Бад взять 2 роты для водворения порядка в городе и организации команд.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

1 ч. 25 м. 28/II.

№ 37.

Приказание.

Подполковнику Косовичу особой бригады быть квартирьером для войск, следующих из Ораниенбаума, Нового и Старого Петергофа, Сергиева и Стрельны. В помощь ему назначается поручик Егоров, военно-автомобильной школы, прапорщик 102-й артилл. бригады Иванов Александр.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

1 ч. 30 м. д. 28/II.

№ 38.

Приказание.

Поручику броневого дивизиона Мартини принять командование броневыми машинами до прибытия поручика Дехтерева.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

1 ч. 35 м. 28/II.

№ 39.

Приказание.

Подпоручику Вульфиусу вменяется в обязанность охрана электрической станции (Обводный, 76), о-ва оптовых закупок (Обводный, 50) и главного почтамта.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета [1]).

1 ч. 52 м. 28/II.

№ 40.

Приказание.

Командиру 16 пех. Ярославской дружины продолжать нести охрану заводов по II отд. гор. Петрограда. Пароли и пропуска назначайте сами до урегулирования этого вопроса.

Пред. Воен. комиссии Врем. комитета Гос. думы ст. лейт. В. Филипповский.

2 ч. 28/II.

№ 41.

Приказание.

Прапорщику Витте вступить в Волынский полк и с командой по назначению командующего полком занять Аничков дворец и выставить караул.

За пред. Воен. комиссии Вр. комитета Гос. думы ст. лейт. В. Филипповский.

2 ч. 5 м. 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 42.

Приказание.

Казимиру Павловичу Маратову вменяется в обязанность останавливать автомобили, катающие[ся] без дела и собирать на пункт (уг. Сергиевской и Литейного пр.).

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

2 ч. 10 м. 28/II.

№ 43.

Приказание.

Шт.-капитану Скворцову принять на себя охрану собрания армии и флота. В распоряжение его предоставить 5 нижних чинов.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

2 ч. 15 м. 28/II.

№ 44.

Приказание.

Рядовому Ивану Якшину принять пулеметы, хранящиеся в петроград. портовой таможне и принадлежащие авиационной школе.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

2 ч. 17 м. 28/II.

№ 45.

Приказание.

Прапорщику Тофорову вменяется в обязанность останавливать всякий грабеж магазина на Кронверкском проспекте и ближайших местностях.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

2 ч. 18 м. 28/II.

№ 46.

Приказание.

Ротмистру Сиверсу принять командование 9-м запасным кавалерийской школы полком со всеми правами полкового командира.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

2 ч. 20 м. 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 47.

Приказание.

Полковник Юркевич назначается комендантом гост. «Астория». В помощь ему назначается подполк. 45-ой арт. бриг. Десятников.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

2 ч. 25 м. 28/II.

№ 48.

Приказание.

Эдуарду Шмусскес принять команду 50 человек и занять министерство путей сообщения.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

2 ч. 30 м. 28/II.

№ 49.

Приказание.

Ротмистру Сиверсу поступить в распоряжение командира 9-го запасного кавалер. полка полковника Суркова.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
капит. Чиколини.

2 ч. 35 м. 28/II.

№ 50.

Приказание.

Подпоручику Кулакову и подпоручику Волкову выступить на охрану министерства путей сообщения в распоряжение члена Госуд. думы Бубликова.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [2]).

2 ч. 40 м. 28/II.

№ 51.

Приказание.

Вольноопределяющемуся Глазунову вменяется в обязанность поехать в Городок за оставшимся оружием и огнестрельными припасами.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета [1]).

2 ч. 45 м. 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.
[2]) Подпись неразборчива.

№ 52.

Приказание.

Подпоручик Вульфиус назначается командиром запасной роты лейб-гвардии Саперного полка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета [1]).

2 ч. 47 м. 28/II.

№ 53.

Приказание.

Прапорщику Тереховко с автомобилем направиться в Семеновские казармы за патронами и оружием.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
капитан Чиколини.

2 ч. 55 м. 28/II.

№ 54.

Приказание.

Войскам Петроградского гарнизона, офицерам и нижним чинам офицерской электротехнической школы и запасного электротехнического баталиона немедленно вернуться в свои роты и команды для выполнения возложенных комитетом Государственной думы на школу и баталион задач.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Чиколини.

2 ч. 55 м. 28/II.

№ 55.

Приказание.

Начальнику офицерской электротехнической школы генерал-майору Бурману.

Офицерская электротехническая школа с запасным электротехническим баталионом должна продолжать работу: 1) по новым формированиям для специальных частей фронта и подготовке специалистов, 2) по оборудованию и подготовке технического имущества. Кроме того на школу и баталион будет возлагаться Временным комитетом Государственной думы исполнение различных технических поручений.

Военная комиссия Временного комитета Госуд. думы.
За председателя комитета капитан Чиколини.

2 ч. 55 м. 28/II.

---

[1]) Подпись отсутствует.

№ 56.

Приказание.

Прапорщику Жученко организовать отряд для охраны завода «Респиратор» Центрального военно-промышленного комитета и казенного № 4 винного склада (Обводный, 189).

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
капитан Чиколини.

3 час. дня 28/II.

№ 57.

Приказание.

Начальнику караула Таврического дворца предлагается поставить двух караульных для охраны документов, по указанию казначейской части Госуд. думы.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

3 ч. 5 м. 28/II.

№ 58.

Приказание.

Ст.-унт. офицеру Гарбу выехать на рекогносцировку на уг. Надеждинской ул. и Жуковской ул. для [снятия] пулеметчиков с крыши.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

3 ч. 6 м. 28/II.

№ 59.

Приказание.

Старшему унтеру-офицеру [1]) выехать на рекогносцировку в городскую думу для снятия пулеметов с крыши.

Военная комиссия Врем. комитета Госуд. думы
За председателя капитан Чиколини.

3 ч. 15 м. 28/II.

№ 60.

Приказание.

Прапорщику Шишкину — два грузовых автомобиля для разгрузки почты.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филипповский.

3 ч. 20 м. 28/II.

[1]) Фамилии не обозначено.

№ 61.

Приказание.

Военному чиновнику Усасу охранять секретное отделение штаба округа.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 30 м. 28/II.

№ 62.

Приказание.

Начальнику Павловского училища именем Временного комитета Государственной думы сдать вверенное ему училище в распоряжение Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы и ожидать дальнейших распоряжений Военной комиссии, для чего явиться в означенную комиссию.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 35 м. 28/II.

№ 63.

Приказание.

Дан сей рядовому Письменскому броневого отдела военно-автомоб. школы для провоза из арсенала в думу 500 (пятисот) винтовок.

За председателя Воен. комиссии Врем. комитета ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 45 м. 28/II.

№ 64.

Приказание.

Прапорщикам Таффову и Козеровскому разрешен пропуск в арсенал для получения револьверных патронов для доставки к зданию Госуд. думы.

Военный комитет Временного правительства Госуд. думы.

3 ч. 45 м. 28/II [1]).

№ 65.

Приказание.

Капитану Халиль-Бекову принять запасный броневой дивизион, набрать офицеров и водворить там порядок.

За пред. Воен. комиссии Врем. комитета ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 50 м. 28/II.

[1]) В подлиннике дата 28 февраля исправлена на «1» (очевидно, 1 марта). Перед датой стоит знак вопроса.

№ 66.

Приказание [1]).

Подпоручику Гнедовскому организовать охрану и патрулирование района химической лаборатории военного ведомства для поддержания порядка на улицах этого района. Получить оружие из склада комиссии для своей команды.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 67.

Приказание.

Капитану Васильеву взять 50 чел. команды с автомобилем для охраны главного здания почты и телеграфа.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 68.

Приказание.

Прапорщику Бибикову с командой направиться в Пискаревку и жить впредь до распоряжений Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 69.

Приказание.

В помощь подполковнику Косовичу вменяется поручику Бавталовскому встретить и расквартировать прибывающие войсковые части на Балтийском вокзале.

Военная комиссия Врем. комитета Госуд. думы.

4 ч. 15 м. 28/II.

№ 70.

Приказание.

Заведующему оружием Военной комиссии Госуд. думы.

Выдать 200 (двести) винтовок с патронами запасному электротехническому батальону.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

4 ч. 20 м. 28/II.

---

[1]) На обороте документа: «В складе мне заявили, что нет ни одной винтовки. Прошу распоряжения.

Подп. Гнедовский».

№ 71.

Приказание.

Прапорщику Вязельщикову приказываем принять охрану зданий химического корпуса комитета и научно-технической лаборатории военного ведомства. Занятия возобновить как можно скорее.

Председатель Военной комиссии ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 25 м. 28/II.

№ 72.

Приказание.

Выслать немедленно автомобиль — Мойка, 75, кв. бар. Меллер-Закомельского, за кн. Г. Е. Львовым.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 30 м. д. 28/II.

№ 73.

Приказание.

На главную телефонную станцию (Морская, 22) отправить под командой подпоручика Гнедовского отряд военно-технического комитета в 56 чел., которому выдать немедленно оружие.

За предеедателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 35 м. 28/II.

№ 74.

Приказание.

Прапорщику Синани с двумя автомобилями — на Миллионную, д. № 33, в казарму Преображенского полка, и привести с собой офицеров этого полка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Влад. Ржевский.

16 ч. 55 м. 28/II.

№ 75.

Приказание.

6-му запасному саперному баталиону.

Назначить команду в 32 ряда для организации порядка в запасном моторно-понтонном баталионе. Команде поступить в распоряжение командира баталиона подполковника Мельникова.

Правление Военного комитета врем. комиссии Государ. думы [1]) кап. Чиколини.

5 ч. дня 28/II.

---

[1]) Так в подлиннике.

№ 76.

Приказание.

В распоряжение коменданта Финляндского вокзала командируется рота солдат, вооруженных и снабженных должным количеством патронов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета кап. Чиколини.

5 ч. 2 м. 28/II.

№ 77.

Приказание.

Командиру 9-го запасного кавалерийского полка немедленно привести возможно большее число эскадронов в полном боевом вооружении и пулеметную команду для охраны Таврического дворца, при надлежащем количестве офицеров.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппов ский.

5 ч. 15 м. 28/II.

№ 78.

Приказание.

Полковнику Бабинскому принять на себя организацию продовольствия чинов электротехнической школы на центральной телефонной станции и телеграфе.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

5 ч. 35 м. 28/II.

№ 79.

Приказание.

Хорунжему Супоневу с двумя взводами сменить на Лиговке 111—113 (недалеко от Николаевского вокзала) охрану типографии Временного комитета Госуд. думы («Копейка») с грузовиком.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета П. Пальчинский.

5 ч. 37 м. 28/II.

№ 80.

Приказание.

Командиру 2-го Балтийского экипажа генерал-майору Гирс поручается командовать вверенным ему экипажем впредь до особых распоряжений.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета [1]).

6 ч. 28/II.

[1]) Подпись неразборчива.

№ 81.

Приказание.

Капитану Журавлеву организовать команды на пополнение и замену частей в разных пунктах города. В первую очередь организовать и отправить на пополнение команды для охраны завода «Респиратор» 50 чел.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

6 ч. 20 м. 28/II.

№ 82.

Приказание.

Подпоручику Постригалову [?] организовать охрану Госуд. думы, выслать патрули.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

6 ч. 27 м. 28/II.

№ 83.

Приказание.

Прапорщику Гзовскому немедленно отправиться на Лиговку, 130, общество оптовых закупок (уг. Обводного канала), водворить порядок и установить охрану вышеозначенного общества.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

7 ч. в. 28/II.

№ 84.

Приказание.

Члену Госуд. думы И. М. Рамоту принять и установить охрану государственного банка.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

7 ч. вечера 28/II.

№ 85.

Приказание.

Военному чиновнику артиллерийского ведомства Серебрякову организовать охрану района Путиловского завода.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

7 ч. 16 м. 28/II.

№ 86.

Приказание.

Поручику Дворжецкому поручается наблюдение и заведывание питательными пунктами и реквизиция необходимых продуктов района Петроградской стороны. Деньги, имеющиеся уже и впредь поступающие, поступают к нему для направления во Временный комитет Госуд. думы. В помощь ему командируется вольноопределяющийся Фейгезов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

7 1/2 ч. 28/II.

№ 87.

Приказание.

Подпоручику Плотто и прапорщику Чоколову поручается организация военно-автомобильной школы.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

7 3/4 ч. в. 28/II.

№ 88.

Приказание.

Подпоручику Иосифу Шиманскому немедленно набрать 30 чел. для водворения порядка в экономическом об-ве на Б. Конюшенной ул. и установления караула.

Председатель Военной комиссии Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

8 1/2 ч. 28/II.

№ 89.

Приказание.

Проф. горного института В. В. Никитину организовать милицию на Васильевском острове, в районе, примыкающем к горному институту, для водворения и поддержания порядка в означенном районе.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

9 ч. в. 28/II.

№ 90.

Приказ.

Прапорщику 25 Кавказского стрелкового полка Нестору Голембиовскому предписывается сообщить охранной страже государственного банка о присылке четырех делега-

тов от части к 1 часу дня 1 марта и об уведомлении к 9 часам утра о положении у самого банка и в ближайшей местности.

Председатель Военной комиссии Госуд. думы [1]).

10 ч. 45 мин. в. 28/II.

№ 91.

Приказ.

Подпоручику 4 стрелковой арт. бригады В. Зимицкому предписывается организовать охрану на углу Гороховой и Мойки и в окрестности, для чего он имеет получить в свое распоряжение пять нижних чинов из войск, прилегающих [2]) к Государственной думе, а также распорядиться и организовать части на улицах по своему усмотрению.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы [3]).

11 ч. 10 мин. в. 28/II.

№ 92.

Измайловскому зап. бат.

Военная комиссия Временного правительства, заседающая в Государственной думе, приказывает выдать оставшееся в батальоне оружие.

Комендант Таврического дворца ст. лейт. В. Филиппов ский.

28/II.

№ 93.

Пулеметный бронированный автомобиль наряжен Военным комитетом Временного правительства снять пулеметы в государственном банке.

Комендант Таврического дворца капитан [4]).

28/II.

№ 94.

Для восстановления действия телефонной станции необходимо прислать один или два автомобиля на станцию со студентами или кем-нибудь, чтобы собрать по домам барышень, которые боятся. Кроме того, надо убрать труп, лежащий в помещении станции.

Председатель Госуд. думы Михаил Родзянко.

28/II.

---

[1]) Подпись отсутствует.
[2]) Вероятно, следует: «примыкающих».
[3]) Подпись отсутствует.
[4]) Подпись отсутствует.

№ 95.

Приказ.

По приказанию Временного правительства поручается зауряд-воен. чиновнику Николаю Залесскому занять караулом станцию 86 г., Фонтанка, 76, заменив и сняв правительственную стражу.

Комендант Таврического дворца ст. лейт. В. Филипповский.

28/II.

№ 96.

Приказ.

По приказанию Временного правительства поручается гг. офицерам с вверенными им воинскими чинами 2-го Балтийского флотского экипажа, заменив и сняв правительственную стражу, занять в свое распоряжение Зимний дворец.

Комендант Таврического дворца [1]).

28/II.

№ 97.

Приказание.

Прапорщик Русинов с отрядом в 25 чел. конных 9-го запасного полка назначен на Николаевский вокзал.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

28/II.

№ 98.

Приказание.

Командиру запасного электротехнического батальона выделить специалистов на электрические станции и иметь наготове людей для станций, где будет нужда.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

28/II.

№ 99.

Приказание.

16-й Ярославской дружине продолжать нести охрану заводов по бывшему II отделению гор. Петрограда.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филипповский.

28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 100.

Приказание.

Директору пажеского корпуса генерал-майору Риттиху вести занятия во вверенном вам корпусе в полном нормальном порядке, пользуясь для учебных занятий всем необходимым для того оружием.

Председатель Военной комиссии Врем. правительства Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

28/II.

№ 101.

Приказ..

Прапорщику военной авиационной школы Борису Волощкову предписывается предпринять на Петроградской стороне организацию отбившихся от своих частей и организовать охрану учреждений и заводов по своему усмотрению, для чего он имеет пользоваться автомобилем, имеющимся в его распоряжении.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы [1]).

11 ч. 10 м. в. 28/II.

№ 102.

Приказ.

Гласному городской думы Крыжановскому организовать по поручению общественных организаций Петрограда городскую милицию в целях поддержания порядка на улицах Петрограда. Под милицию занять помещение градоначальства, участков, кинематографов и разных общественных учреждений [2]).

1 ч. 15 м. н. 28/II—1/III.

№ 103.

Приказание.

Предписывается полковому адъютанту прапорщику Пикоку отправиться в Красное Село и передать нижним чинам полка, оставшимся в Красном, чтобы они впредь до распоряжения Временного комитета, переданного через полковую канцелярию, никуда из расположения полка не двигались и с особым усердием немедленно приступили к занятиям.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

1/III.

[1]) Подпись отсутствует.

[2]) Внизу, под текстом, помечено: «н/обор.», но на обороте ничего не написано.

№ 104.

Приказание.

Командиру 3-й роты Преображенского полка назначить команду для осмотра помещений, занимаемых 1-й ротой Преображенского полка, на Миллионной улице, для отобрания пулеметов.

Комендант Таврического дворца.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета [1]).

9 ч. 20 м. 1/III.

№ 105.

Приказание.

Вменяется в обязанность ген.-майору Пестрикову быть начальником Владимирского военного училища и продолжать занятия с юнкерами для подготовки будущих офицеров.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

1/III.

№ 106.

Командирам 89, 88, 90, 85, 87 пеших дружин, адъютанту Николаевского инженерного училища.

Временный комитет членов Государственной думы по восстановлению порядка в гор. Петрограде предписывает вам явиться 1 марта в 10 час. утра на совещание в Военную комиссию в помещении Государственной думы.

За председателя Временной комиссии членов Госуд. думы по восстановлению порядка в гор. Петрограде М. А. Караулов.

№ 107 [2]).

По приказанию Ком. Г. думы, поручается гг. офицерам 2 Балт. флотского экипажа снять и заменить правительственную стражу и занять в свое распоряжение Зимний дворец, очистив от врага, охраняя порядок района между Невским, Невой, Мойкой и адмиралтейством. Арестовать министров и прочих агентов б. правительства.

№ 108 [3]).

По приказу временного правительства, Николай Степанов, Лазарь Израилевич и Александр Ротерштейн уполномочены офицерскими правами для защиты населения от

---

[1]) Подписи отсутствуют.

[2]) Написано на бланке со штампом: «Товарищ председателя Государственной думы». №№ 107—110 — даты не имеет.

[3]) Написано на таком же бланке, как и № 107.

насилий и грабежей и наведения порядка. Солдаты обязаны во имя общего успеха дела помогать предъявителям сего.

Задержанных грабителей будут строго карать.

№ 109.

Приказание.

Взять из склада орудийных припасов все оружие, находящееся там, также и патроны.

№ 110.

Приказание.

Заведующему гаражем и складами Гв. экономического общества. Имеющееся в погребах Гв. экономического общества вино выпустить из бочек.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

№ 111 [2]).

Не подлежит оглашению.

Приказание.

№ 33 1 марта 1917 года. Гор. Петроград.

По запасному батальону л.-гв. Преображенского полка.

Командир батальона приказал:

§ I.

Во исполнение распоряжения Временного комитета охраны гор. Петрограда занять следующие караулы:

Зимний дворец — $^1/_2$ роты — капитан Кульнев.

Дворец великой княгини Марии Павловны — $^1/_4$ роты — подпоручик барон Розен.

---

[1]) Подпись отсутствует.

[2]) Этот документ находится в делопроизводстве Военной Комиссии, куда он попал, очевидно, в порядке информации. Это — отпечатанный на гектографе приказ по запасному батальону л.-гв. Преображенского полка, как известно, особенно близко стоявшего к Родзянко. Документ этот свидетельствует о том, что контрреволюционеры — люди дела. Не теряя времени, уже 1 марта, в разгар восстания, приказ вменяет дозорам в обязанность «разгонять различные сборища» — т. е. революционный народ. Во дворцы членов царской фамилии назначается титулованное офицерство — конечно, не для захвата дворцов в пользу революционного народа, а для охраны их против покушений на захват со стороны последнего.

Характерно и то, что приказ этот отдается «во исполнение распоряжения Временного комитета охраны г. Петрограда», лишний раз изобличая контрреволюционную сущность последнего. В этом и заключается особый интерес настоящего документа. *Ф. Д.*

Дворец великого князя Михаила Николаевича — 1/4 роты — прапорщик Гольтгоер.

Дворец принца А. П. Ольденбургского — 1/4 роты — подпоручик барон Раушфон-Траубенберг.

Телефонная станция (на Морской) — 1/4 роты — подпоручик Илляшевич

Министерство иностранных дел — 1/4 роты — подпоручик Нелидов.

Рота 32 ряда. Весь наряд от 1-й роты.

Наряду вступить в 9 часов.

Кроме того, высылать дозоры:

1) Миллионная, Мошков, Мойка — вокруг Летнего сада по Набережной — до Мошкова на Миллионную.

2) Миллионная, Мойка, Мариинский дворец и обратно по Морской и Дворцовой площади.

3) Зимняя канавка, набережная Невы до Сенатской площади, Сенатская площадь, Исаакиевская площадь, Морская улица.

Дозорам вменить в обязанность разгонять различные сборища на улицах.

§ 2.

Всем свободным от служебных нарядов гг. офицерам сегодня, 1-го марта, к 8 час. собраться в помещениях своих рот и команд.

Батальонный адъютант поручик Макшеев.

25 лет назад.

Из дневников Л. Тихомирова [1]).

1905 ГОД.

7 ноября.

У нас завтра не выйдет газета. Опять требования наборщиков и накладчиков и, без сомнения, забастовка. Сегодня никто не работал.

9 ноября.

У нас вышла прескверная история с типографией. Вчера наборщики заявляли Дмитрию Грингмуту, что сходка общенаборщичья обязала их требовать прибавки платы и сокращения часов до нормы, иначе грозят им бойкотом.

Очевидно, благоразумие требовало согласиться. Я не знаю подробностей условий, и со мною ни Владимир [Грингмут], ни Дмитрий (тем паче) не советуются. Однако я сам, по своему почину, советовал им согласиться и пустить газету. Сегодня я говорил снова самым настойчивым образом с Владимиром, и он соглашался на мои уговоры, так что я уходил с надеждой, что газета завтра же выйдет... Но, уходя домой, увидел на дворе беспорядочную толпу расходящихся рабочих. Оказывается, что Дмитрий Грингмут уже успел с ними за это время совершенно разругаться. Что-то торговался, довел их до дерзостей, и кончилось ссорой...

Я пошел к нему и снова горячо убеждал примириться. Он только ответил: «Ведь вы не знаете подробностей моих разговоров с ними: так что же и толковать», и — ушел.

Я, конечно, не знаю этих подробностей. Но даже Шпор говорил мне, что Дмитрий Грингмут может и должен уступить, а Лукин сказал, что уступка увеличит расходы всего на 120 рублей в месяц! А между тем, из-за этого вздора, газета теперь погибнет.

---

[1]) «Красный архив», т. 38 (I), стр. 20—69; т. 39 (II), стр. 47—75; т. 40 (III), стр. 59—96.

Подписка пропала. Будет, вероятно, бойкот, а, может быть, кто-нибудь воспользуется возбуждением и для разгрома.

Совершенно безумное поведение!

А Владимир, по обыкновению, не смеет ничего возразить своему братцу.

Боюсь, что нынешняя глупая ссора чревата б о л ь ш и м и, или может быть, даже роковыми последствиями.

Н о ч ь. 11 ч а с о в. Этот Саша ужасно засиживается на Саввинском. Вот — нет и нет. А теперь столько безобразий на улицах... Всю душу выматывает.

Вообще измучился! Нет ни отрады, ни просвета. Изнываешь в тупом претерпевании текущих бедствий и в ожидании будущих. Даже и бороться нельзя — н е с ч е м, зло неуловимо и все наполняет, и не на что опереться.

Конечно, можно улавливать зерна блага в этом ужасном взбаламученном море, но к о г д а они разовьются? Сколько нужно перестрадать, сколько людей погибнет, сколько крови прольется до тех пор! И, во всяком случае, — д л я м е н я нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее.

А между тем я хотел и хочу того, что могло бы дать и возрастить эти зерна блага без всякой крови, без взаимных насилий, без этого страшного количества зла: я хотел и хочу разума, справедливости и человечности. И именно поэтому я вижу себя в н е общества, вне поддержки, вне симпатий, вне возможности действия. Это, может быть, самая подавляющая мука из всех мук, которые приходится переживать.

12 н о я б р я.

Грингмут сегодня уехал в Петербург.

Кухарка сейчас объявила, что боится итти на рынок, так как завтра «всемирная забастовка», весь город будет бунтовать, в том числе городовые и околоточные...

Что тут правда? У них, в народе, часто много верных сведений... Вообще невыносимая жизнь...

14 н о я б р я.

Вчера вечером заходил Георгий Петрович Сазонов. Он здесь по каким-то делам. Сообщил, что в Москве готовится грандиозная п а т р и о т и ч е с к а я демонстрация... По-моему, все это одна чепуха. Ничего не изменят эти демонстрации. Зря шляется народ.

Нужно устраивать государство и общество, а у нас только манифестируют, «бастуют», стреляют друг в друга и т. п.

Беспорядок, насилия, грабежи увеличиваются с каждым днем. Военный бунт в Севастополе...

Умираем, разлагаемся. Хоть бы какое-нибудь устроение на каких бы то ни было началах!

Сазонов все хочет меня втащить в политику... Когда чуть жив! Болен, силы нет. Какая тут политика!

Да притом же я не вижу политики по мне. Во-первых, все программы меня не удовлетворяют.

Во-вторых, с таким императором ничто, кроме революционной «смуты», невозможно. Политическая деятельность станет возможна тогда лишь, когда явится возможность какого-либо правительства.

По мне, долгий период резни совершенно неизбежен, и политику будут делать только те, которые уцелеют от резни. А пока — все это не политика, а социально-политический тиф. Горячка, бред...

15 ноября.

Бог знает, что делает этот Грингмут! В день его отъезда, 12 ноября, напечатано в «Моск. ведом.» воззвание «союза старообрядцев»... Я спрашивал Грингмута, что это за союз, и он мне ответил, что это соединение рогожцев с преображенцами, и именно рогожцев-окружников. Назвал и фамилию старообрядца, приезжавшего к нему,— Расторгуев. Ну, ладно! Расторгуев — известное имя, состоит в Рогожском совете...

Но вот с тех пор три дня публично ругают Грингмута, что он все врет и что никакого союза нет! Воззвание — без подписи... Отсюда спрашивали телефоном Лукьянова (которого... [1]) — чтобы дал возражение и объявил публично, кто заведует союзом. Эта шельма ничего не делает, а сегодня в «Русских ведомостях» письмо за подписью множества лиц (в том числе известных купцов) заявляет, что Грингмут печатает фальшивые воззвания, что никакого союза не существует. Ну, просто скандал, срам и близко стоять!.. И что мне думать? Неужто вправду все это сочинение Грингмута?

16 ноября.

Союз старообрядцев, наконец, объявился: напечатал в «Русских ведомостях» опровержение и указал адрес своего бюро (Садовники, д. Власовой, кв. № 1, секретарь Ив. Мих. Лукьянов).

Силен ли только «союз»?

Сегодня забастовали телеграфщики и почтальоны в Москве и по всей России (по крайней мере, так решили). Это их ответ на арест трех вожаков союза, который правительство запретило.

[1]) Не разобрано.

Что будет дальше? Совершенно ясно: выпустят арестованных и дозволят союз.

Как этим людям не жалко этого презренного правительства?

Уж так оно «загонено, забронено»! И как еще может держаться подобная гниющая смерть, отравляющая всю Россию? Ну, да теперь уже, вероятно, недолго осталось жить этому псевдоправительству.

Как глупы, ничтожны!.. И Витте этот — совершенно такой же глупыш, как все прочие...

Бедная Россия!

Революция действует молодцом, энергично. Но беда в том, что она думает о невозможном материально, т. е. о социализме. Правительства прочного она поэтому не может создать, а только истомит всех кровопролитиями и разорением. Господи, хоть бы ты сколько-нибудь вразумил нас в наших безвыходных блужданиях.

17 ноября.

В «Русских ведомостях» (№ 303) помещено заявление рогожских старообрядцев, за очень крупными подписями (даже и Расторгуева), что им ничего неизвестно о «союзе старообрядцев»... Что это за история? Но мне Грингмут прямо говорил, что к нему приезжал Расторгуев...

Кто тут врет? Очевидно одно, что среди старообрядцев такое же разделение, как и повсюду, и что «союз» вовсе не силен, да и не может быть силен.

Совершенно гибнет Россия с этими разделениями. Ну, хоть бы на конституции сошлись! А то и этого нет. Между тем наша промышленность уже на краю гибели. Безработные наполняют все. В одном Петербурге их больше 100 000. Рабочие требуют открытия заводов и фабрик. Легко требовать, легко, пожалуй, и разнести и разграбить их все... Но кто же может заставить труд быть производительным в разгромленной и дезорганизованной стране?

Да, идем прямо к гибели. И что тут делать? Порядка не может быть, а без порядка нельзя жить. Ясно, что перед нами эпоха страшных смут, крови и насилий, пока, наконец, не измучатся все уцелевшие и не устремятся к какому-нибудь порядку.

Пожалуй, Учредительное Собрание могло бы быть полезным. Но и его не соберешь в такой смуте.

...Теперь (половина 11-го) куда-то идут порядочные кучи, почти толпы народа. Что-то готовится...

Смерть готовится...

...В Севастополе совершается нечто ужасное: война между бунтовщиками и правительственными войсками. Мятежники бомбардиро-

вали город с броненосцев, южные батареи (правительственные) пустили на дно «Очаков» и повредили «Пантелеймона» (бывший «Потемкин»). Правительственные войска взяли штурмом северные батареи (мятежные)...

Идет общая забастовка почты и телеграфа...

Одним словом: разлагаемся, воняем, издыхаем, как смрадный пес. И это называется «освободительное движение»!

Масса людей уезжает заграницу. Туда же и деньги уходят.

18 ноября.

Ко мне сегодня заходил член союза землевладельцев, Родзевич, говорит: «желает познакомиться»... Ну — потолковали о всякой разности. Я ему объяснил, что стою вне всех их партий. У них сегодня какое-то собрание.

Прислуга говорит, что в воскресенье и в понедельник будет бунт: «будут грабить банку, думу и все прочее»...

Все может быть.

19 ноября. Суббота.

В понедельник, 21 числа, опять назначена всеобщая забастовка. Все революционеры примкнули к почтово-телеграфным чиновникам.

Нескончаемая мука! Уж хоть бы это злосчастное «правительство» уничтожилось! Авось, революционеры посадят кого-нибудь потверже и поумнее.

К сожалению, революция (крайняя) говорит о диктатуре пролетариата, что совершенно непредставимо. Захват власти и террор — легки. Но пролетариат слишком малочислен, чтобы удержаться прочно, тем более, что производство в России очень мало социализировано. Поэтому можно безошибочно сказать, что диктатура пролетариата очень скоро разрушится и — только повредит рабочему делу...

В Москве нарастает движение. Бастовка разрастается. Говорили, что какая-то толпа начала «снимать дворников»... Все это — к «всемирной забунтовке».

Сегодня к 5 часам дня был на докладе и впервые увидел Грингмута. Он весь в съездах и собраниях, вчера и сегодня. Теперь у него должно быть собрание его монархической партии. Происходит их федерация во «Всенародный союз», и он говорил, что всех федерирующихся групп 12—15. Он очень увлечен политикой, и работает неутомимо.

О Петербурге говорит мало интересного; все то же: Витте потерял голову и т. п. Интересно, что и В. А. говорит о возрастающей роли и популярности вел. кн. Николая Николаевича.

Грингмут был в Петербурге на собрании «Народной партии». Она всецело за царя. Было 6 000 человек. Были там Дубровин и иером. Арсений. Грингмут передал «привет из Москвы» и был приветствован восторженно... Все это, конечно, по его словам, но, вероятно, — правда. Теперь все «восторженно»...

А он совсем вошел в роль трибуна и диктатора и даже приобрел властный вид...

Я выдержал характер и совершенно теперь в н е п о л и т и к и, сообразно с чем нахожусь «за бортом». Бог с ними. Не по мне эта политика, не по вкусу и не по силам.

Сегодня получил «до расчета» 100 рублей. А должны они мне 260: вот как стали скупы. Видно, что дела плохи, или м. б. я сделался для Грингмута ненужен. Что делать? В сущности — правда.

20 н о я б р я.

7 ч а с. в е ч е р а. Сегодня до сих пор в городе было тихо. У Грингмута происходило, а может быть, и до сих пор происходит собрание его монархической партии.

«Р у с с к о е д е л о» Шарапова не вышло, потому что наборщики (типогр. Машистова) отказались набирать «черносотенную» передовую статью. Новая цензура! Шарапов просил Грингмута печатать в его типографии, но — думаю — Грингмут не согласится: сам еле держится! «Д е н ь» Берга тоже не выходит, по той же причине [1]): типография Левенсона отказалась набирать за вредное направление.

23 н о я б р я.

Почтовая стачка не только продолжается, но революционные центры (Союз союзов и Раб. союзы) хотят поддерживать ее новой в с е о б щ е й з а б а с т о в к о й...

Эта злополучная монархия, должно быть, приходит-таки к концу. Идет у нас пока по очень точной копии бурбонско-яксбинского столкновения. Пожалуй, так и доиграют роль до конца.

Правда, что у нас приходит «социализм», но это больше на словах. На деле у нас сильны только а н а р х и с т ы, а социалистов пока нет, как это и понятно по условиям производства.

---

[1]) Поздн. приписка: Берг — выходит, но Левенсон с него дерет в 1½ раза дороже, чем с других. «Кремль» Иловайского наборщики отказались печатать.

Конечно, наступающая революция будет тем ужаснее, и немногие из нынешних людей переживут ее.

Ночь. 10½ часов. Дневные и вечерние известия полны военных бунтов по всей России. Дождались и этой...

А все эти «союзы» да «партии» разного сорта «монархистов» съезжаются, шумно спорят, решают посылать запросы министрам и депутации императору! Не шутовство ли? Ни министров, ни императора давно нет, бродят только бледные тени прошлого... А эти — спорят и составляют «адресы»!

24 ноября.

Толки об общей забастовке. В газетах известия о военном бунте в Екатеринодаре и Новороссийске. Последний будто бы во власти восставших солдат и пролетариата... Правда, что это известия «Начала» и «Новой жизни». Во всей России телеграфом пользуются только революционеры и сообщают, что заблагорассудят...

25 ноября.

Рассказывал в редакции Л. Н., что будто бы Медем недоволен Грингмутом: очень, дескать, шумит в политике, публику бунтует... Еще, будто, что в монархическую партию введен шпион Попов (какой-то якобы майор)...

Что Грингмут много шумит со своей партией, это, положим, правда...

Есть странный слух, что будет манифест, в котором, во-первых, император даст землю крестьянам, а во-вторых, даст свою присягу конституции...

Все может быть! А все эти союзы — землевладельцев, да русских людей, да монархическая партия собираются посылать свои депутации к императору — просить о сохранении самодержавия. Щербатов собирает какие-то подписи по Москве, думает набрать чуть не 100 000... Опоздают! Там-то, в Питере, чисто ведут дело, похитрее их пользуются слабостью императора.

Вот бюрократия и съела царя. Ведь это чисто чиновничья революция. «Пролетариат», по обыкновению, таскает каштаны для политиканов. Любопытное историческое явление этот переход бюрократической узурпации в политиканскую.

Бедный, бедный наследник самодержцев. Какую печальную, фигуру он себе приготовил в истории! Первая забастовка была устроена для того, чтобы вырвать 17 октября; вторая — закрепить конституцию присягой... Но ловкий народ эта бюрократия!

Только уж очень подлый: всю страну загубил для своего торжества. Совершенно, как попы в отношении церкви.

Но в известное оправдание всем им служит то, что с таким правительством жить н е в о з м о ж н о.

26 н о я б р я.

Из беспорядков — сегодня бушевали газетчики: отнимали газеты у разносчиков и рвали, а самих били. Говорят, «обойкотировали» и «М о с к. в е д.», хотя не знаю за что: мне в конторе вчера говорили, что газетчикам дают за ту цену, которую они и назначили (3 коп.).

«Р у с. в е д.» пишут, что прокуратура хочет привлечь Грингмута к ответственности за помещенное у него вчера воззвание к московскому народу, находя в этом воззвании призыв к н а с и л и я м... Строго говоря, это неправильное обвинение. Там нет призыва к насилиям. Но всетаки не понимаю, как Грингмут печатает анонимные воззвания н е и з в е с т н о кого, с призывом н е и з в е с т н о к ч е м у.

Не менее странно, что прокуратура хочет привлечь к суду за такую неопределенность в то время, когда не привлекает другие газеты за прямой призыв к низвержению правительства... В конце концов, нынче все странно, и ничего кроме странностей нет.

Не знаю, поедут ли завтра депутации «Всенародного союза» в Петербург. Вот неудобство отказа от всех кружков и партий: ничего не знаешь... Правда, что это дело одного любопытства, так как мне и не зачем знать. Узнаю впоследствии... Впрочем, я и заранее знаю, что все эти поездки и депутации не могут иметь никакого смысла и никаких последствий... Кроме, разве, объединения людей и уяснения для них положения вещей.

Кн. Щербатов хлопочет о созыве Земского собора... Но это только затяжка н е в о з м о ж н о г о положения. По мне, хлопотали бы лучше об ускорении созыва Государственной думы. Это дело уже начатое, а, следовательно, и сделано может быть быстрее.

Всем им, конечно, мечтается, что Земский собор восстановит самодержавие... Ну, а как он восстановит тем самым и бюрократию? Хорошо ли?

...Возвратился Саша и рассказал, что у еп. Серафима был Александров (ремесл. упр.) с 5 человеками — приглашал завтра служить в Чудовом монастыре молебен депутациям, едущим к государю просить о созыве Земского собора. К сожалению, еп. Серафим отказался, так как завтра служит в храме Спасителя. Отказался и еп. Трифон... Депутация поехала поэтому к еп. Никону... Согласится ли он? Нехорошо, если ни один епископ не пойдет, — а между тем, если будет

служить Никон, это сразу придаст молебну несколько «тенденциозный» характер.

Этого еп. Никона судьба ведет к чему-то особенному: или к большой славе или к заточению...

27 ноября.

Молебствие отъезжающих депутаций в Чудовом было скромно. Церковь была наполнена, но сзади оставалось много места. Служил еп. Никон и сказал какое-то слово, которого Влад. Андр. не расслыхал. Саша, тоже зашедший поглядеть, не расслыхал. Никону кто-то что-то отвечал... На площади народу не было ни души. Депутации едут сегодня. Представление должно быть во вторник или среду. Первую роль играет кн. Щербатов. Но Грингмут не уверен даже, что их примут, и вообще ничего не ждет от этой затеи. Думаю и я, что ничего из этого не может выйти.

Говорят, что новый генерал-губернатор, адм. Дубасов, очень энергичен и считает необходимым подавить революционеров. Он теперь в Петербурге испрашивает полномочий действовать самостоятельно. Ну, вероятно, и из этого ничего не выйдет.

Ночь. 11 часов. Ну проводили Грингмута, т. е., по крайней мере, приняли от него дела, и он стал укладываться, а я ушел...

В это время принесли от почт-директора (Радченки) список увольняемых от службы без прошения. Фамилий, примерно, до 700 (на глаз, по рукописи)... Это воинствует П. Н. Дурново, помимо того отдающий некоторых под суд. Негодование на чиновников совершенно понятно. Но меня интересует вопрос: что из этого выйдет? Недостаточно прогнать чиновников: нужно еще защитить почтово-телеграфное дело от революционных нападений и разгромов... А этого нельзя сделать, не сломив революции вообще. Если у Дурново и есть на это силы, то позволит ли ему такую борьбу Витте и особенно сам император? При первых же репрессиях (без которых нельзя бороться) его сейчас же прогонят...

И думаю я, что правительство, сдававшееся до сих пор всем, кто его ни бил — студентам, японцам, журналистам, евреям, даже отчасти рабочим, — наверное, сдастся и почтово-телеграфным служащим, давши только новый пример своей неспособности ни к какой борьбе, а, следовательно, и к обязанностям правительства вообще...

Нет: без переворота Россия никак не может, думается мне, обойтись. Революция в той или иной форме совершенно неизбежна, по-видимому.

28 ноября.

Ночь. Сегодня был тревожный слух о, будто бы, забастовке на завтра всех частных банков. Вот это еще будет штука!

Радченко трусит ужасно и уехал в Петербург зачем-то...

Все усилия революционной агитации направлены у нас, здесь, на войска. Вообще они действуют энергично, всеми силами, а против них не люди — а прямо бабы. Нет, не обойдется без революции!

2 декабря.

Получена телеграмма Росс. тел. агентства официально — речь императора монархическим депутациям 1 декабря. Приехавший оттуда Федор Мочалкин рассказывал Лукину, как было дело. Депутации с понедельника до среды не получали извещения об аудиенции. Вечером в среду было назначено на четверг (1 декабря). Депутации были выстроены полумесяцем отдельными группами, по обществам своим. На крайней правой Щербатов («союз русских людей»), за ним Грингмут со своими «монархистами» и т. д., затем группа «русского крестьянства» (Богачев с компанией)... Уж не знаю порядок остальных групп, только крайняя левая была «союз землевладельцев», т. е. Чемодуров, Ник. Ал. Павлов («дворянин») и т. д.; к ним присоединился и Шарапов.

Депутации рассуждали, как приветствовать императора. Думали сначала бухнуть в ноги. Спросили дежурного дворцового (кажется, Путятин). Тот сказал: «Не смею давать совета, а только у нас это не принято»... Тогда решили поклониться в пояс.

Вошел император. Щербатов стоял с «челобитной» в папке и с иконой св. Алексея (данной еп. Никоном). Но император, подойдя к Щербатову, не допустил сказать ни слова, а тотчас сам произнес речь... После такого категорического заявления Щербатов не счел удобным распространяться и только в самых кратких словах объяснил, что вот, дескать, «русские люди» приехали с челобитной и передал папку. Государь взял, не читал. Потом Щербатов поднес икону, государь перекрестился, приложился и передал все свите.

С ним было много свиты, в том числе Трепов и Дубасов. Вид императора совершенно свежий и здоровый, только «был неприветлив».

Затем Щербатов представил своих русских людей. Потом Грингмут свою «монархическую партию». Самому Грингмуту император ничего не сказал, но кое-кому произносил несколько незначущих слов. Самому Мочалкину сказал: «Ведь у вас, кажется, пасека?» Тот подтвердил, что пасека — в Измайловском зверинце, и император спросил, как идет пасека... В остальных группах то же молчание и

бесцветные фразы. Богачев только поднес свои «сочинения», и император взял. Но, когда дело дошло до союза землевладельцев, тут началась иная сцена. Чемодуров горячо говорил о невозможной жизни в России, о пожарах и грабежах, о разрушении деревни, указывал одного присутствующего помещика, у которого все имение только-что сожжено. Говорил что-то и Шарапов. Но резче всех говорил Павлов (Ник. Алексеевич), который, очертив анархию, сказал, что теперь все недоумевают, сохранил ли император свое самодержавие после 17 октября. Все спрашивают, «и мы не знаем, что ответить»...

Эта атака «союза землевладельцев», по словам Мочалкина, очень смутила императора, но он ни слова не ответил и со смущенным видом, молча, ушел...

Ну, после этого, конечно, депутации кормили завтраком во дворце и затем отпустили.

Более сильного разгрома всем сторонникам самодержавия император, конечно, не мог нанести. Даже странное молчание на вопрос о самодержавии вышло высоко красноречиво. Затея «Всенародного союза» окончилась беспримерным поражением, и не могу себе представить, что же все эти группы будут теперь делать? Грингмут должен приехать завтра.

Почтовая стачка не кончилась, и я боюсь, что 5—6 декабря не началось бы, и вправду, чего-нибудь похуже.

3 декабря.

Утро. Грингмут возвратился. Но я его еще не видал. Что-то он теперь станет делать после такого афронта?

4 декабря.

Грингмут, в общем, говорит то же, что Мочалкин. Только прибавляет, что он сам сказал несколько слов императору (поблагодарил за назначение Дубасова), и подробнее передает речи «союза землевладельцев». Они были очень резки. Чемодуров прямо поставил вопрос: самодержавен ли теперь император? Император, очень смущенный, молчал секунд 15 и затем пожал руку Чемодурову и сказал: «Благодарю вас за чувства и за службу»... Несмотря на это поразительное умолчание, Шарапов, бывший последним, в ряду «союза», снова остановил императора и прямо сказал: «Вам был поставлен вопрос: самодержавен ли вы теперь или нет? Нам это необходимо знать, ибо ответом на это определяется наш долг и наши действия!..» Но император и тут не дал ответа и молча ушел в дверь, около которой стоял Шарапов.

Сегодня усиленные слухи о решительной попытке революционеров произвести всеобщую забастовку и бунты... Назначают з а в т р а и п о с л е з а в т р а. Вчера и сегодня были попытки взбунтовать войска. Арестована мастерская динамита и бомб.

Повидимому, близится решительный момент: либо революция победит, либо надорвет себя. При жалкой слабости правительства, конечно, возможно все. С другой стороны, в интеллигентных слоях говорят, что 6 декабря «черносотенцы», отслужив молебен на Красной площади, начнут истреблять интеллигенцию! Новоселов настаивает, чтобы у меня состоялся вечер с чтением об Апокалипсисе, которое, кстати сказать, неготово и давно заброшено. Но дело в том, что в Москву едет сам Валентин Тернавцев, — так для него... Я согласился, потому что мои очень скучают, и барышни назначили четверг, т. е. 8 декабря. Но у меня уже был раз назначен этот апокалипсический четверг, именно по случаю предполагаемого приезда Тернавцева... и вместо того вышла в с е о б щ а я з а б а с т о в к а, остановка дорог, воды, газа, хлеба и т. д. — вообще, в своем роде, пришествие антихриста... Конечно, и Тернавцев не приехал, да и здесь было не до четвергов и чтений. Как бы и на сей раз мистический Валентин Александрович не принес нам того же...

6 д е к а б р я.

Сегодня в с е предполагают какие-то грандиозные беспорядки. Революционеры, как говорят, готовят какую-то «решительную битву» правительству. В то же время разные «патриотические» союзы назначили торжественное молебствие на Красной площади, куда и приглашают весь московский народ... В публике либеральной толкуют, что эти «черносотенцы», помолившись, начнут бить и уничтожать всех революционеров. Об этом ходят целые легенды. Так, говорят (вздор, конечно), будто бы «черносотенцы» сообщили об этих своих намерениях Медему, и тот будто бы ответил, что советовать этого не может, но если бы революционеры были истреблены, то это было бы хорошо... Этот явный вымысел передают с полным доверием!..

Короче: все друг друга трепещут, все ждут побоища... И это побоище висит в воздухе... Сейчас внизу, под нами, наши рабочие громко поют марсельезу—«Вставай, поднимайся, рабочий народ»... Ежедневно идут драки, пальба — со стороны почтово-телеграфных забастовщиков. Убийств и грабежей еженощно и ежедневно несть числа. Дерутся и массами.

Россия — в полной кровавой анархии. Войска волнуются под влиянием революционной агитации. Вчера, впрочем, Ростовский

полк усмирился и выдал зачинщиков. Говорят, этот полк сегодня будет в параде на Красной площади...

Правительства — нет. Николай II неспособен его дать. Его чиновники — безусловно неспособны к этому. И вот — все в анархии. Величайшее счастье будет, если Государственная дума станет правительством. Но этой Думы нет, и когда будет — неизвестно. А анархия не ждет. Революционеры уже делают все усилия захватить власть раньше, чем соберется Госуд. дума. Это понятно.

Ничего более жалкого, в государственном смысле, как Витте, нет. Да, впрочем, нет и вообще ни одного человека в высших областях «управления»... [1]), бессмысленного и подлого прозябания так называемого «правительства».

Н о ч ь. 12-й ч а с. Говорят, что молебствие на Красной площади собрало много народа. Рассказывали два очевидца, но не беспристрастные. Один сказал — 50 000... Я спросил: «20 — было ли?» «Ну, уж это наверное»... Потом толпа ходила к Дубасову: просила выразить ее чувства царю. А после того, как разошлись, немедленно пришла к Дубасову толпа рабочих с пением марсельезы...

Сейчас, в 11 ч. ночи, по Страстному прошла толпа рабочих с пением марсельезы...

Столкновений в первую половину дня не было. Теперь — не знаю.

Говорят, что в 8 часов утра собрана была «боевая дружина» революционеров и во время молебна дежурила в разных пунктах. Зачем? Хотели нападать или боялись резни «черносотенцев»? Теперь обе стороны друг на друга думают и наговаривают: не знаешь, чему верить...

7 д е к а б р я.

Сегодня к о н к и н е х о д я т. Говорят, что извозчики не выедут, п. ч. их «будут убивать»... Впрочем, извозчиков всетаки вижу на улице. Сейчас (10 ч. утра) слух, что Ярославская дорога с 12 часов прекращает движение. Слух, что все лавки будут закрыты. Все бегут запасаться пищей. У нас побежали за хлебом и пр. Вообще слух, что начнется снова общая забастовка и восстание. Просто мучение, а не жизнь!

11 ч а с о в у т р а. Сейчас кухарка говорит: «Все говорят: мужчины, бабы, весь народ: с 12 часов все закроется, все прекратится, и будет страшное убийство, будут Москву громить»...

---

[1]) Одно слово не разобрано.

4 часа вечера. Седьмую гимназию распустили до пятницы. Стали почти все железные дороги. Забастовала наша типография, и — говорят — все. Кое-где толпы «снимают» рабочих. Кое-где войска и толпы. Поют марсельезу. Было хождение с красным знаменем. В Леонтьевском переулке столкновение красных знамен с драгунами...

Вообще — начинается катавасия, а, может быть, и восстание.

Ночь. 9 часов. Новоселов у Кузнецова, который его никуда не выпускает, для безопасности. Это он объяснил по телефону, сообщив тоже, будто бы объявлено военное положение. Это однако до сих пор не подтвердилось. Телеграфное же агентство на запрос редакции ответило телеграфом, что объявлена чрезвычайная охрана, но что есть слухи о военном положении, и они ждут ночью известия об этом.

Пустые слова!

Редакция пуста, и даже заперта, типография не работает: наборщики заявили, что они боятся нарушить приказ. Были слухи о стрельбе в Чернышевском переулке. Железные дороги в течение дня все прекратили движение. Газ горит на улицах. Ну, конки не ходят. Телефон весь день действовал. Почта, в сущности, не действует. Кое-какая корреспонденция разослана по отделениям и выдается приходящим. Я получил открытку Киреева от 16 октября, испачканную, с расплывшимися чернилами. Это всетаки событие.

Грингмута видел сегодня. Он мрачен и удручен, как редко. Между прочим, его пригибает и решение университета отнять у него аренду до срока. Да, это очень важно. Ну и для меня это — прямо мат!

11 часов ночи. На улицах шум даже меньше среднего... Что-то завтра, а, может быть, и ночью?

Нужно сказать правду: тоскливое, унылое время. Вечно щемит сердце.

8 декабря.

Ни одна газета не вышла. Вывешено объявление генерал-губернатора о чрезвычайной охране ввиду железнодорожной забастовки. Вместо газет вышли «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», где объявлена всеобщая забастовка и вооруженное восстание. В них помещено воззвание, подписанное Московским Советом Рабочих Депутатов, Московским Комитетом Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, Московской группой Российской Соц.-Дем. Партии, Моск. Комитетом партии социалистов-революционеров, Комитетом Окружной организации Росс. Соц.-Демо-

крат. Рабочей Партии. Воззвание призывает: к 1) низвержению царского правительства, 2) созыву Учредительного Собрания, 3) учреждению демократической республики. Далее в «Известиях» идут разные сообщения о других организациях и известия из городов. О себе Московский Совет Рабочих Депутатов сообщает, что он представляет 134 фабрики и завода, около 100 000 рабочих, которыми и избран означенный Совет из 204 депутатов.

«Известия» (№ 1) от 7 декабря 1905 г. представляют собой листок в $^1/_4$ долю газетного листа.

Теперь 11 часов утра. Не имею никаких ниоткуда вестей о происходящем. Только слухи, что в 12 часов ночи было нападение на дом генерал-губернатора, причем была пальба, были раненые и убитые.

Петербургские газеты пришли. Но о состоянии железных дорог ничего не знаю.

Получил запоздалое письмо Скворцова с предложением сотрудничества—на 100 руб. в месяц... Драгоценное известие, но как я ему отвечу?

Вечером у меня должен был быть реферат. Из 22 приглашенных пришло 3. Читал всетаки.

9 декабря.

Вчера ночью кое-где слышались выстрелы. Говорят, в «Аквариуме» была сходка, была какая-то драка, произведены аресты... но ничего толком не знаю.

Сегодня в 11 часов что-то ходят толпы народа. Хлеба нет в булочных. Много лавок заперто. Кухарка рассказывает, что в нежелающих затворять стреляли...

Город, повидимому, крайне неспокоен. Василий говорит, что на Тверской драгуны кого-то разгоняли. Толпы рабочих — с пением «Вставай, подымайся, рабочий народ». Они тянутся больше к Триумфальным воротам. Что-то назревает серьезное.

Около 2 ч. дня. Теперь громадный митинг в «Аквариуме», — говорят, от 25 до 50 тысяч... Вчера, говорят, ночью арестовано в «Аквариуме» же множество лиц и увезено в 6 фурах (мебельных) в Кремль... Полагают, что толпа двинется на Кремль.

Владимир Александрович куда-то поехал и не будет принимать. Со всех сторон угрозы.

Около 3-х часов. На Тверской, у Пушкина, ходят толпы с красными флагами и марсельезой... Драгуны разъезжают с саблями наголо. Им свистят. Они иногда рубят саблями... Вообще положение тревожное. Катя вышла погулять. Беспокоюсь. Впрочем где же опаснее, чем у нас на дому.

О к о л о 7 ч а с о в. Все время идет какая-то схватка. Во время отсутствия Кати мимо нас прошла порядочная толпа, человек 1 000, с громким пением марсельезы и с красными знаменами. Остановились, было, около нас, потом почему-то шарахнулись на бульвар, потом опять сошли на улицу, но, слава богу, удалились.

Теперь шум и крики от Страстной площади, иногда толпы бегут оттуда, потом снова возвращаются... Но стрельбы не было слышно. Вероятно, разгоняют просто.

11 ч а с о в н о ч и. Говорят однако (прислуга), что у Страстного солдаты стреляли, что была стрельба у государственного банка. Революция разыгрывается, кажется, не на шутку.

10 д е к а б р я.

В Москве светопредставление! Толпы по бульвару. Атаки драгунов, револьверная пальба... Наконец, уже было три орудийных выстрела с большими промежутками. Видно, на Страстной упорная борьба. Картечь залетала к нам во двор.

2½ ч а с а. Я насчитал 6 орудийных выстрелов, но толпа не уходит, как говорят. Не заметно ни переноски раненых, ни карет. Вероятно, палят через головы...

3½ ч а с а. Слышны залпы за залпами, ружейные. Иногда, по близости выстрелы браунинга, судя по звуку. Однажды пронесли по бульвару 4 раненых... Надо сказать, что революционеры держатся молодцами, — уже часа три слишним, как идет эта бойня толпы против войск с орудиями (говорят, что на площади три орудия).

Как слышно, дрались или дерутся также на Николаевском вокзале и на Никитской.

Ш е с т о й ч а с. Москва темна: фонарей нет. Народу не заметно. Пальбы не слышно. Я не в состоянии выйти, чтобы разузнать положение дел. Не думаю однако, чтобы оно было благоприятно для правительства. Революционеры, по всему, что видел и слышал, обнаружили большую стойкость.

Что касается организации революционеров, то она столь же превосходна, сколько глупа организация правительства.

С е д ь м о й ч а с. По церквам благовест: завтра воскресенье... Какая ирония! Весь день истребляли друг друга... На улице сейчас кто-то кричал что-то, потом крик «городовой!»... Ну, конечно, никакого городового не может быть. Потом раздался выстрел, и другой...

П о л о в и н а с е д ь м о г о... Еще не затих благовест, как послышалась отдельная трескотня выстрелов, некоторые совсем около нас. Кажется, револьверные... Потом были крики. Раздался орудий-

ный выстрел. Через несколько минут — другой... Значит, сражение снова началось.

Без четверти десять. На улицах до 9 была пальба, потом стихло. Что-то дальше?

Прислуга слышала, что хотят «поднять на воздух «Московские ведомости». Может быть. Но я жду, что здесь будут печатать «Известия»... Они, говорят, набирались и печатались все три №№ по различным типографиям. Пожалуй, пришла очередь и грингмутовской...

11 декабря.

Сегодня с утра, часов с 9, началась пальба. Говорят, будто бы есть план напасть на «Моск. вед.».

Часов в 10 была сильная перестрелка у Петровки. Трескотня революционных выстрелов никогда не была так сильна. Потом пошли солдатские залпы. Теперь, т. е. в 1 час $^3/_4$ дня, не прекращаются время от времени залпы, но, будто, подальше где-то.

2 часа. Началась орудийная пальба у Страстного монастыря: насчитал четырнадцать выстрелов. Настоящая война! Или солдаты никуда не годятся или революционеры — герои. Выдержать такую пальбу! Уж не взяты ли орудия? Что-то затихли...

Во время этой пальбы на бульваре ни единой души. Вероятно, с другой стороны.

Около 3-х часов дня. Опять гремят пушки... Уж я со счету сбился: выстрелов 30 — не меньше.

$8^1/_2$ вечера... Часов с 5 стихли орудия и залпы. Но в седьмом слышалось несколько револьверных выстрелов — среди глубокого мрака. Освещения никакого. Даже в домах огоньки показались очень поздно, когда стихла пальба.

Воды в доме очень мало: боятся ездить по воду. Хлеба в лавке дали только черного и не больше 5 фунтов. Пекли сегодня дома. Что-то будет ночью?

12 декабря.

Ночью была какая-то перестрелка на бульваре.

Говорят сбъявлено военное положение. Объявлено, т. е. ночью наклеили объявления, а через час все были сорваны... Никто ничего не знает. Начальство не догадалось даже раздать через дворников для прочтения жильцам. Ничего не догадаются...

Но с утра уже — толпы, и идет какая-то пальба. Приезжали солдаты с пушками.

Военное положение! Это значит власть у Малахова и Глазова! Господи праведный, что это за несчастное «правительство!» Хоть бы раз за полтора десятка лет услыхать об одном умном поступке...

$7^1/_2$ часов вечера. Сегодня днем прибегала Клавдия Орлова. Рассказывала о штурме дома Фидлера (это есть в «Нов. вр.») и о штурме какого-то дома у Рязанского вокзала. Там был митинг, имевший целью взбунтовать войска, прибывшие по Рязанской дороге. Оба случая были вчера, т. е. ночью.

Осип (сторож) говорил о каком-то доме Селезнева, где собрался митинг, а толпа зажгла дом и не дала пожарным тушить, так что собравшиеся задохлись.

Какой-то доктор говорил Клавдии, что всего раненых за эти дни около 4 000 человек.

О сегодняшнем дне ничего не знаю. Вчера у революционеров были планы освобождать забранных из Пересыльной тюрьмы. О результатах ничего не знаю.

Просил Грингмута сообщить, когда узнает достоверно, о том, есть или нет военное положение, и до сих пор ничего не знаю... Это возмутительная беспорядочность. Не объявить друзьям о том, какой у них режим и каковы правила, которых соблюдение требуется!

Москва темна. Телефон не действует, телеграф тоже. Все проволоки порваны. Хлеба сегодня купили 5 фунтов черного. Белый хлеб Революционный Исполнительный Комитет запретил печь. Хотя положение у нас военное, но власть революционеров и более сильна и более толкова, ибо, по крайней мере, известно, чего она требует...

Вот 10 часов ночи... Приходил рассыльный мальчик Ваня... «Ну, — спрашиваю, — что же у нас, военное положение или нет?» — «Ничего неизвестно, — ответил, — ничего не объявлено»... — «Да разве никто из полиции не захаживал?»... — «Никто. А только обыскивают. Жандармы обыскивают, а рядом часовой с ружьем»... Спрашиваю, что в городе? — «Все палят, где-то далеко. А Садовая вся в баррикадах»...

А мяса нет, а хлеба нет... Но что за идиотская администрация! Нечто беспредельно нелепое.

Начинаю думать, что революция может победить. Никакие времена Людовика XVI не могут сравниться с этим падением всего государственного строя. Ну, что бог даст! Может быть, и вправду лучше гнилушкам упасть уже совсем, чтобы хоть стройка стала возможна.

13 декабря.

11 часов утра. Сведений никаких. Ночью, говорят, палили, а вечером были пожары в Марьиной роще, куда многие спасаются из Москвы. Говорят, хулиганы поджигают, чтобы грабить.

Сегодня с утра казалось спокойнее. Народ ходил, извозчики ездили; даже газеты продавали («Новое время»). Прислуга передает, что в доме Горчакова «засели студенты», чтобы стрелять в войска.

Теперь (11 часов) где-то слышна пальба.

2½ часа дня. Шла сильная пальба, — говорят, штурмуют «Аквариум»... Уж какой раз его берут, и все не догадаются занять его прочно.

Вообще распоряжение — нелепое. Теперь генерал-губернатор издал какую-то прокламацию и правила для жителей... Никто этого не знает. Расклеено и будет сорвано, а по домам не разнесено. Мне случайно известно от Клавдии, которая бегает по всему городу. Но хорош и управляющий наш (Эренберг): у него дворники уже сколько дней не бывают в полиции. Теперь обещал послать узнать, что за распоряжение.

Третьего, кажется, дня загорелась или зажжена типография Кушнерева (на Селезневке). Говорят, там собрались наборщики печатать № «Известий». Прискакали казаки, потребовали сдаться. Наборщики заперлись. Началась перестрелка. Дом почему-то загорелся или подожжен и будто бы весь выгорел, и люди будто бы погибли.

Пять часов. Орудийная пальба лишь недавно стихла. Говорят, разбивали дом Орлова против «Аквариума».

11 часов ночи. Сгорела типография не Кушнерева, а Сытина. Там заперлись какой-то «Совет» и дружинники. Зажжена гранатою, а народ не допустил пожарных тушить. Говорят, все сгорели.

Сгорели обе типографии, но у Сытина зажгли ее дружинники, чтобы прикрыть отступление, и действительно ушли. А сгорели только бабы и дети из семей наборщиков.

15 декабря.

По городу пальба, но, кажется, уже только от орудийного разрушения домов[1]), наказываемых этим за произведенные в войска выстрелы...

Тактика вообще глупая.

Недурны врачи Екатерининской больницы (Новой, у Страстного бульвара). Они там почти на подбор «красные». Во-первых, потребовали у Попова принимать в больницу только раненых революционеров, а солдат и «черную сотню» не брать. Во-вторых, один врач стре-

[1]) Так в подлиннике.

л я л в войско из-за колонн больницы. Другой хотел стрелять из окна, и только товарищи силой оттащили его, крича: «Что вы делаете? Вы нас погубите!»

Начальник отряда, действительно, заметил стрельбу и сказал: «Смотрите! Если еще попадетесь, то не оставлю камня на камне»...

В Екатерининской больнице всего п я т ь д е с я т (50) раненых. А это одна из наполненных. Это показывает, как мало число пострадавших и как лгут врачи, распуская слухи, будто по Москве ранено и убито 5 000 человек.

Однако система разрушения домов довольно бессмысленна. Она придает вид, будто против правительства восстает М о с к в а, чего нет даже и подобия. Вместо того, чтобы истребить в р а г а, приводят в нищету и выгоняют на мороз ни в чем неповинных жильцов! Население терроризируется и озлобляется, а р е в о л ю ц и о н е р ы, конечно, нисколько не боятся и перебегают себе из дома в дом. Глупо!

Сегодня дети видели на Каретной Садовой ряд баррикад, которые Надя зарисовала для меня.

Совершенно ничтожные сооружения, которые моментально могла бы убирать народная милиция, если бы Дубасов догадался или хоть согласился ее организовать из жителей. Но, вероятно, он воображает, что против него не 10 тысяч человек, а все население! Удивительно это безусловное непонимание народа всеми властями. Правительство от этого и гибнет и, по всей вероятности, действительно погибнет в очень скором времени. Ни малейшего национального духа и чутья.

16 д е к а б р я.

Сегодня вышел «Русский листок» с хроникой революционных дней (с 7 по 15 декабря).

Грингмут хочет завтра выпустить и свою газету.

За эти дни я получил письма от сестры, от Дельвига, Новоселова и Суворина. Последнее, по его интересу, заклеиваю.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Представьте себе, что ваше письмо от 16 ноября, в котором вы пишете, между прочим, о городовом, я получил только сегодня, 11 декабря. Вот какое время! Во времена Мамая письма доходили скорее. Что у вас в Москве делается? Судя по телефону, совсем Москва бунтует, и наступают в ней времена раскольнических бунтов и стрелецких. О начальстве военном рассказывают чудеса. Малама, говорят, прячется под кроватью. Вот она, японская война, отчего так была ужасна! Все стало и пахнет мертвечиной, а Витте делает опыты. Год тому он был приверженцем самодержавия и говорил мне, что нет лучшей формы правления

для России. Я убеждал его собрать Земский собор хоть для того, чтобы оглядеться и узнать, что такое представляет собою Россия. «Но ведь в собор пойдет интеллигенция». Он ее боялся, а теперь боится крестьян и полагает надежду на интеллигенцию. Такого невежественного человека в истории русской и европейской трудно себе представить. На экзамене гимназии он едва бы получил 2 с минусом. Русскую жизнь он тоже знает по наслышке, и в нем нет русской души. Во всяком русском революционере, если он достаточно силен разумом, эта душа есть, и она дает ему сил. У Витте, как говорится, и звания ее нет. Он допустил всю эту сумятицу, все митинги, на которых проповедывается открыто убийство царя, все пакостные сатирические листки, где, напр., изображены генералы, душащие царя, или где царь убегает заграницу, и проч. и проч. Он якобы за свободу печати и ни в чем не виноват. Он никогда не виноват. Теперь он представил государю церемониал присяги конституции и самую клятву. Государь принял это, но еще не подписал. Распустив все, он вдруг захотел все остановить крутыми мерами. Я ему говорил: «Не опоздали ли?» Петербург ничего себе, но революционная полиция очень деятельна. Против «Нов. вр.» вражда, бойкот и угрозы. Я спокоен. Я слишком долго живу — мне 71 год и смотрю вперед без боязни. Будь что будет. Очень возможно, что городовой и прав, но у правительства нет силы. Хрусталева Витте арестовал потому, что узнал, что шли приготовления об его, Витте, аресте. Хрусталев — недурная голова, сколько я слышал, но наследники его — мелочь. У нас говорят, что бунт готовится и в Петербурге; московские известия сильно действуют и жалеют «жертвы» и готовятся встать Живешь день за день или ночь за ночь, — так, я ложусь часов в 8—9 утра и встаю в 5—6 вечера. Без революции настоящей, может быть, и глупой, но гибельной..., дело не обойдется.

Ваш А. Суворин.

11 декабря 1905

Новоселов же на меня возлагает работу о церковном соборе. Уж не знаю, что с ним и делать. Не верится мне в этот собор [1]).

17 декабря.

Сегодня с утра до ночи — грохот орудий с Пресни, а к вечеру зарево пожаров. Там шел страшный бой, в котором убито 17 и ранено 47 семеновцев и ладожцев. Сколько побито революционеров, не знаю. Сгорело 12 домов и четыре фабрики: Шмит, Прохоров, Мамонтов (сургучная) и еще одна. Шмит — сам глава революционеров, на его фабрике был центральный склад взрывчатых веществ, оружия и пулеметов...

Прохоровская же мануфактура — это главная и последняя крепость революционеров. Они дрались отчаянно, и, кажется, их погибло очень много.

---

[1]) После записи 16 декабря в дневнике вклеен рисунок пером, под которым сделана следующая надпись: «Баррикады, зарисованные Надей 15 декабря, на Садовой Каретной, близ Лихова переулка. Это — средний тип. Хорошие были на Пресне и Лесной».

А уж несчастные жители Пресни пережили ужасы, которых не видали и в 1812 году. Очевидец рассказывал, что было м о р е о г н я, а пули сыпались градом, долетая до Новинского бульвара.

18 д е к а б р я.

Вчера революционеры ушли с фабрики Прохорова, говорят, через Москва-реку. Видно, ни петербургское войско, ни московская полиция не знают, что позади фабрики находится Москва-река и что она в декабре замерзши!

Какой был революционный отряд, неизвестно. Слухи и газеты (все это явная ерунда) толкуют о 10 000 человек.

Во всяком случае, могло быть сотни три-четыре. Так блистательно осуществлен военный план — «загнать дружины в одно место и всех сразу уничтожить».

Теперь эти ловкие партизаны снова рассеялись маленькими кучками по Москве и нападают на врагов в розницу.

Революционеры теперь говорят, что они одержали н р а в с т в е н н у ю п о б е д у. Это совершенно справедливо. Правительственные власти снова (в тысячный раз) доказали свое ничтожество справиться с каким бы то ни было врагом.

Мне жаль только гибнущих жителей, солдат и самих революционеров. За что столько крови? Для сохранения губящей Россию неисцелимой язвы? А если бы революция победила? Но разве она может иметь победу в М о с к в е?

Или, может быть, правда, как говорят, что заправилы революции имели план выманить из Петербурга войска и затем устроить восстание в Петербурге? Ну, тогда «диверсия» в Москве составляет очень ловкий стратегический прием.

Теперь 7 часов вечера... Уже с пяти часов слышна кое-где пальба. Значит, «генеральное сражение» на Пресне ничего не решило и не порешило...

10 ч а с. н о ч и. Зарево где-то вроде Никитских ворот. Слесарь говорит, что, кажется, фабрика Шмита, тоже столярная, и он полагает, что это тот самый Шмит, что на Пресне. Когда слесарь проходил по Дмитровке, вышел какой-то господин из пивной и громко провозгласил: «Вот Дубасов с компанией упражняются»...

Жаль, что не успеваю записывать. Много рассказов. Вот любопытная случайность. Один господин вышел на улицу с двумя мальчиками-сыновьями. Мать удерживала, говоря, что опасно. Отец ответил: «Происходит великое историческое событие — русская революция. Пусть дети видят ее»... Не успел выйти, как пуля убила одного из детей. — В доме Шик дворник шутил, что он не боится пуль... «Если прилетит

пуля, я ее проглочу»... Когда началась перестрелка, пуля попала ему в горло... Впрочем, остался жив.

Во время боя на Пресне несколько умерших (из числа раненых на баррикадах) отправлены были из Екатерининской больницы на Ваганьковское кладбище. Но по случаю пальбы нельзя было провезти, и пришлось трупы обратно привозить в больницу.

Сегодня розничная продажа «Моск. вед.» часа в 3 дня дошла до 24 000. Это только в Москве, не считая подписки. Ждали, что к вечеру будет 30 000. Никогда небывалые цифры!

19 декабря.

По части революции ничего, кажется, не происходило. О прошлом много рассказов.

Между прочим, слышал в редакции, со слов официального лица, что Войлочников, так поразительно ловко «казненный», погиб, собственно, ни за что. Он сначала служил в охранном отделении, где ничего заметного (а, стало быть, опасного для революционеров) не делал. Но потом решил совсем оставить эту службу: «ну ее, — говорил он, — тут еще подстрелят»... И на этом основании он перешел в сыскное, не политическое, отделение. Здесь он, вероятно, считал себя безопасным, так как уже не касался революции, а имел дело только с жуликами. Но когда Пресня попала в руки революции, — то и он очутился во власти революционеров, ибо он жил там в собственном доме. Зачем его «казнили»? Может быть, и не знали, что он уже не занимается «политикой», а может быть, было слишком соблазнительно для революционной рекламы «казнить» начальника охранного отделения...

25 декабря.

Рождество христово. Первая весть, полученная утром из газеты, что Новороссийск — в руках революционеров и шаек имеретин и мингрельцев, которые «хозяйничают» в нем.

Город очень пуст. Народу совсем мало. Куда-то попрятались. Масса войска. Конки и электрички ходят. Извозчиков крайне мало. Вообще — пустынность бросается в глаза. И это — Рождество.

Что значит эта страшная пустынность Москвы? Должно быть, масса народа разбежалась. Но почему остальные сидят по закоулкам? Должно быть, никому не весело... Ах, плохой это праздник!

27 декабря.

Сегодня репортер Барсов сказал, что по всем больницам 1 300 раненых да есть в участках. Всего, пожалуй, наберется до 2 000...

А сколько у б и т ы х, это неизвестно. Хоронили наскоро, в разных участках, разбирали и хоронили родные. Общего счета нет, а теперь уже и не может быть.

Значит, если считать по-военному, то на 2 000 раненых можно предположить до 1 000 убитых.

Военных судов не было, и казней не было. Но расстреливают семеновцы довольно усердно. Сегодня говорили, будто на Ходынке расстреляли 150 человек. Репортер говорит: «Ну, не 100, а поменьше». Сколько? — Не знает.

По Казанской дороге больше всего, там уж, во всяком случае, н е с к о л ь к о с о т.

31 д е к а б р я.

10 ч а с о в н о ч и. Ну, два часа осталось. Нехорош был год. Еще хуже предшественника. Чуть не все бедствия, какие только возможно, обрушил на Россию и посеял для будущего множество семян еще худших бедствий.

1906 ГОД.

1 я н в а р я.

Ох, плохое начало года, плохое будущее! Тяжело на старости лет.

Написал сегодня для «Колокола» статью о бюджете.

Очень поздно получил самое сердечное приветствие от Скворцова и всей редакции «Колокола». Скворцов прибавляет, что в с е п о л у ч и л и п и ш е т п и с ь м о.

Это все очень приятно.

2 я н в а р я.

Вечером были преосв. Никон и арх. Анастасий. Первый, по обыкновению, читал свою статью (в «Церк. вед.»), второй имел специальную цель — затащить меня в Комиссию чтений для рабочих. Оказывается, что Дубасов хочет сохранить и поддержать Комиссию.

Ну, это хорошо, а от участия, конечно, отказался.

6 я н в а р я.

Получил письмо от Киреева. Характерно, хотя натурально. Жалкие попытки «помощи»! И где же взять бо́льшую? Я ему ответил, что сотни рублей мне не помогут. Но признак (какой бы то ни было) в н и м а н и я свыше может быть полезен именно для нахождения м е с т а. Что касается р а з р е ш е н и я редакторства, то не только

министры, но и царь не могут этого сделать, раз издан этот нелепый закон.

В 1877/78 годах суд по делу 193-х меня осудил за такие пустяки, о которых нынче и дел не возбуждают. Суд ходатайствовал о внесении в наказание предварительного заключения (четыре года, три месяца и семь дней!). Но я не оправдан, а посему не имею ни прав избирателя, ни права редакторства. Это было 30 лет назад, но давность отвергнута законом Николая II. В 1887 г. имп. Александр III повелел «предать забвению» мои политические грехи. Но Николай II вспомнил их, и его закон объявил, что ни высочайшие манифесты, ни повеления не восстановляют этих прав, хотя я раньше имел их. Закон Николая II обратным действием лишил меня моих прав. Что же может сделать теперь министр или царь?

Итак, ответил я в заключение, мне нельзя помочь иначе, как отыскав место служебное.

Господи, что это за несчастный царь! Меня просто до боли огорчает, что он только делает. Сам лишает себя самодержавия и в то же время издает законы с обратным действием! Горько видеть, что подобные невообразимые законы издаются им, и это для обеспечения свободы и прав!

За что он меня уничтожил? Ну, сам себя уничтожает — его воля. А меня-то? За что? Просто руками разводишь. И он хочет перестроить всю Россию, замыслил «великое дело»!..

Вот какими словами и размышлениями приходится заканчивать праздники 1906 года. Ни луча света не проникает ко мне ниоткуда, и черный мрак все гуще окутывает и удушает меня.

7 января.

Получил письмо от Скворцова. Просит приехать и сообщает, что сам 10-го едет сюда. Ответил телеграммой.

Николай Викторович, наконец, объявил свою резолюцию: у меня отнимается 1 200 руб. в год! Награда за усердную службу! Сверх того, теперь, конечно, будет еще меньше передовых.

Грингмут сегодня имел со мной продолжительный разговор, прося меня поискать способов его выручить через пособие каких-либо людей, ценящих «Моск. вед.». Он уверяет, что разорен.

30 января.

Заходил ко мне бывший эмигрант Бурцев, после двух писем, которые заклеиваю.

25 января 1906 г.

Лев Александрович!

Сегодня вечером я выезжаю из Питера в Москву, — и мне очень хотелось бы побеседовать с вами о «Былом», — тут бы нашлось у меня многое, многое, насчет чего я хотел бы попросить у вас сведений и разъяснений.

Наш журнал одной из своих целей ставит изучение движения за 1879—1882 гг., как вы это можете видеть из только что вышедшего 1-го № «Былого».

Я остановлюсь в Москве в меблированных комнатах Мамонтова (близ Кремля, Раушская набережная).

Если вы сочтете возможным побеседовать со мной, прошу назначить мне свидание — где вам угодно: или у меня, или у вас, или где-нибудь в ином месте.

Если будете писать, прошу известить меня з а к а з н ы м письмом.

В Москве я пробуду очень недолго, — и потому я прошу вас дать мне ответ н е м е д л е н н о.

Готовый к вашим ус угам В л а д. Б у р ц е в.

28 января 1906 г.

Лев Александрович!

Я приехал в Москву и был очень рад получить от вас ответ на мое письмо.

Мне бы очень хотелось поговорить с вами о «Былом». В понедельник с 5—6 ч. вечера я свободен. Прошу известить меня заказным письмом или телеграммой.

Готовый в вашим услугам Вл. Б у р ц е в.

P. S. На воскресенье до понедельника я уезжаю в провинцию.

В Москве я остановился в Мамонтовских номерах на Раушевской набережной.

Просит оказать содействие его изданию посильными сведениями. Кажется, очень увлечен своей идей. Что же! Дело полезное. Все же не маловажная страница истории.

Только мне некогда этим заниматься, да притом — если важен и возможен сбор м а т е р и а л а, то очень трудно его опубликование. Это я ему и высказал. Впрочем, в мелочах не отказываю в содействии.

Он рассказал немало интересного о старых товарищах, теперь выпущенных из Шлиссельбурга. Они живут однако под очень строгим надзором.

5 ф е в р а л я.

Сегодня (воскресенье) пошел, было, в церковь, а по дороге перехватил посланный от Владимира Андреевича: зовет к себе. Ну, и целых 1½ часа подробно рассказывал свои питерские похождения, совершенно по-товарищески...

Ну, тем лучше! Между прочим, оказывается, что я ему подготовил почву очень недурно. С Дурново они сошлись хорошо, а раньше даже не были знакомы.

Н о ч ь. Вечером заходил опять Бурцев на возвратном пути в Петербург. Он, кажется, всецело занят своим изданием «Былое», и от политики (активной) отказался. А может быть, и врет, конечно, но мне это все равно.

7 ф е в р а л я.

Сегодня Грингмут уезжает в Петербург. У них там четырехдневный конгресс «Русского собрания» с союзниками. Монархические демонстрации. Вчера грингмутовская «Монархическая партия» в Историческом музее — свыше 800 человек. А теперь в Петербург.

Забыл я записать насчет Петербурга. Оказывается, что я, может быть, спас Грингмута от большой опасности. Дня через два после моей «аудиенции» у Дурново Витте собрал своих министров и жаловался на Грингмута за то, что он «нас поносит». В наказание предлагал о т н я т ь у н е г о к а з е н н ы е о б ъ я в л е н и я Это было бы ему прямо смерть... Но министры, о с о б е н н о Д у р н о в о, воспротивились, и предложение премьера провалилось.

Еще рассказывал Грингмут, что в Царском Селе он случайно попал к Ломану (первый раз познакомился), и оказалось, что как раз в этот день к Ломанам приехал служить молебен о. Иоанн Кронштадтский... Грингмут ему жаловался на свою судьбу...

О. Иоанн много молился о нем. Вспомнил и о б о м н е, тоже молился и поручил передать мне его благословение... Добрый он. Спасибо. А нужна его молитва очень.

10 ф е в р а л я.

Сегодня я подал в городскую управу свою избирательную карту с разъяснениями на пункт II (нет ли ограничений по статье с е д ь м о й «Положен. о выборах в Госуд. думу»).

14 ф е в р а л я.

Письмо Суворина [1]). Есть слух, что он перебирается в Москву и основывает здесь новую газету.

---

[1]) Вклеено след. письмо А. С. Суворина:

«Да, Лев Александрович, «вот тебе и освободительное движение»! А что делать? Потеряли кампанию. Вот в чем беда! Куропаткина заменили Линевичем, который и сапог куропаткинских не стоит, хотя Куропаткин не стоит скобелевских сапог. Откуда эта бездарность? Ведь и в освободительном движении нет никого. Ведь это — продолжение японской войны внутри России. Это как бы японцы, подходящие к Москве и пославшие туда авангард свой. Хорошо, что их вздули тут, и не была оставлена Москва неприятелю, как было в 12-м году. Жить очень трудно и очень скверно. Мне очень жаль, что я с вами не увиделся. Поеду

23 февраля.

Письмо от Киреева: «Я вам переслал (не заказным) уведомление (меня) Бельгарда о том, что, по собранным сведениям (в деп. полиции) никаких препятствий к изданию и редакции вами газеты не оказывается. Это письмо я вам переслал в оригинале, надписав карандашем: «Вот ваша Magna charta». Это письмо — все, что мною по этому делу получено. Кажется, я на конверте прибавил «Экстренно» (??). Справьтесь в почтамте, — может быть, письмо мое попало в перлюстрацию. Ваш А. К.»

Чепуха эта «перлюстрация»! Кому нужны эти сведения? Хотя и странно, что пропало именно это письмо.

Но неужели Бельгард действительно писал только такую пустопорожность? Вероятно, Киреев просто не понял.

Был сегодня портной Жарков, и рассказывал о своей жизни во время беспорядков. Говорит, что теперь по трактирам шибко толкуют о новых восстаниях, в марте.

Есть слухи, что извозчики готовят забастовку, потому что недовольны строгостью полиции.

А положение такое, что начни хоть кто-нибудь «забунтовки», как они же сами выражаются, так и пойдет чесать революция.

Ходим на вулкане, и не поручишься ни за день, ни за час.

И вот потом будут писать о неизбежных внутренних причинах русской великой революции, будут подводить всякие глубокомысленные причины крушения старого строя. Будут говорить, что дело не в личностях, а в условиях... А вот современнику этой великой революции ясно, как $2\times2=4$, что не умри так рано Александр III, не разбейся так странно Георгий — никаких бы революций не было. Это — fait historique acquis!

Я и сам знаю, что строй политический был очень мерзок. Это я еще при Александре III говорил. И всетаки не было бы революции,

---

в Москву, зайду к вам. «Колокол» недостаточно жив. Теперь спокойно — рассудительное совсем не приемлется. Жалею, что мне 71, а не 61. Мои годы — годы отступления к могиле, и меня хватает только на минутные вспышки и на сожаления о том, что нет дарований. Ведь совсем нет. Куда подевались русские таланты? Все пока старики. А необходима не реставрация, а возрождение. Чем же возрождаться, когда нет талантов? Ведь это все равно, что — войско есть, а нет ни офицеров, ни генералов. Россия будет разбита и в эту кампанию, и победителями будут тогда японцы, да еще немцы, одни с востока, другие с запада. Пикнуть нам не дадут. Один расчет на какой-нибудь необыкновенный случай. Будьте здоровы.

Ваш А. Суворин.

12 февраля 1906 г.

и Россия м и р н о преобразовалась бы постепенно на истинные монархические, свободные начала.

Велико значение личности! Дайте и т е п е р ь, при всей нашей революции, крупную, сильную личность, хоть бы не крупнее Рузвельта или Вильгельма, и все было бы устроено хорошо и мирно.

Велико значение личности. Но есть еще нечто более великое: таинственная сторона истории, которую нынче не хотят признавать.

Почему в самом деле Александр III умер так невероятно рано? Почему разбился, получил горячку и умер способнейший Георгий? Почему его болезнь сделала невозможным отречение Николая от престола, которого он не желал? Почему в это самое время в Японии происходит национальное воскресенье и изумительный Муцихито царствует в самом цвете своей политической мудрости?

Ведь все эти условия не имеют никакого отношения к внутренним русским условиям, а между тем они делают в с е. От них рухнет монархия, а через ее жалкое падение Россия будет осуждена на внутреннюю резню лет 20, если не погибнет совсем.

Рука божия. Карающая рука. Оставил нас бог. А почему оставил. Как же не видать этого, если хоть чуть-чуть в бога веришь?

24 ф е в р а л я.

Послал запрос Бельгарду — о чем он писал Кирееву. Послал письмо Ширинскому с запросом, не уничтожает ли ст. 60 (об обратном действии закона) ограничений, возникающих по избирательным правилам.

25 ф е в р а л я.

В «М о с к. в е д.» напечатано сегодня (52 №): «Петербург, 24 февраля. Вышло правительственное распоряжение о том, что депутации представляются только с ведома и согласия председателя Совета министров».

Итак Витте прямо взял царя под своего рода арест. Дело в следующем.

Еще после дупутации «Союза русского народа» (где Никольский ругал Витте перед государем) Витте сказал, что «ну, с этими депутациями нужно покончить»...

Но когда прибыла депутация от Иванова-Вознесенка, она обратилась не к Витте, разумеется, а к Дурново, и тот исхлопотал ей прием. Витте в это время был занят какими-то экстренными делами, в Царском Селе не был и ничего не знал. В прежнее время, во время приема депутаций от московского «Всенародного союза», Витте, неведомо для депутаций, стоял в с о с е д н е й к о м н а т е и все слу-

шал. Как ни настойчиво спрашивали государя Чемодуров и Шарапов, сохранит ли он свое самодержавие, государь колебался, молчал и, наконец, произнес только: «Благодарю вас за верную службу»... О самодержавии так и не ответил...

Но на этот раз Витте, ничего не зная об иваново-вознесенцах, не был в Царском Селе. И вот, на запрос депутатов, государь ответил:

«Самодержавие же мое и неограниченность власти такие же, как были встарь»...

Это сообщил Грингмут нам в тот же день, прибавив, что слово «неограниченность» не будет напечатано! Действительно, в газетах явилось только слово «самодержавие», а «неограниченность» была выброшена из речи царя цензурою Витте.

Так вот теперь, для предупреждения подобных случаев, он и постановил не допускать к царю депутаций без своего позволения.

Как понять это? Можно ли допускать, чтобы государь был до такой степени в безвольном ему подчинении? Или скорее думать, что император сам не хочет, чтобы его вынуждали на такие ответы? И в защиту себя он принимает опеку Витте? По правде сказать, что ни предположи, а печально. Очень печально. И положение получается самое неблаговидное из всех. Уж прямо бы лучше сказать, что царского самодержавия больше не существует, чем держать несчастную Россию в борьбе партий. Одни говорят: «царь самодержавен», другие говорят: «царь ограничен во власти», и спорят, будто это вопрос о египетских иероглифах, которые одни ученые переводят так, другие иначе...

Что же может сильнее компрометировать власть, как такие споры? И есть ли на свете президент республики, который бы не смог принять народной депутации без разрешения премьера кабинета? Положение высоко невероятное, соблазнительное, создающее смуту.

С другой стороны ясно, что теперь отношения между Витте и Дурново должны стать еще более «на ножах», чем прежде...

И это — безвыходно! С самого начала царствования нет ни одного момента, когда бы не было двух борющихся министров. Словно нарочно, да, может быть, и в правду нарочно,— для того, чтобы не подпасть под влияние одного кого-нибудь... Увы, в результате — расстройство правления, доведение страны до анархии, а монархия уже почти до края гибели.

26 февраля.

Сильные слухи о новом предстоящем восстании. Планы революционеров — развернуть свои силы (более прежнего) и овладеть

сразу управой, госуд. банком и Николаевской железной дорогой. Говорят, что власти также принимают свои меры. Начало назначачалось, по слухам, на сегодня и ближайшие дни.

27 февраля.

Получил отказ от внесения меня в списки избирателей.

28 февраля.

Послал прошение в губернскую комиссию о внесении меня в списки. Послал письмо Бабушкину.

1 марта.

Ну, наступил март — месяц, в который назначено возобновление революции. Говорят, что начало назначено 5 числа...

5 марта.

Отправлено, через Н. Д. Кузнецова, князю Шаховскому для доставления министру внутренних дел прошение (о выдаче копий) с приложением объяснительного письма.

Сегодня, по приглашению Клавдия Петровича Степанова, был на редакционном его совещании. Там были — К. П. Степанов, Кожевников, Мансуров, Елишев, Корнилов, — ну и я. Названия для своей газеты они еще не придумали. За кулисами этой затеи находятся Д. Хомяков и Ф. Самарин, однако, не выступающие гласно.

Просили меня сотрудничать.

6 марта.

Н о ч ь. Однако революционеры исполняют свое обещание. Сегодня сейчас, выйдя на двор, увидел наряд городовых с ружьями. Что такое? Рассказывают, что на Трубе была какая-то толпа и что на завтра начнутся забастовки и новое вооруженное восстание... Неужели же они хотят насильно помешать созыву Думы, которая как никак — все же состоит из народных представителей?

7 марта.

Кажется, никаких восстаний не было. Но зато ограблен Московский Купеческий банк взаимного кредита! 15 вооруженных человек явились в 6 часов дня и захватили 800 000 рублей! Недурно. Это называется «чрезвычайная охрана»! Дела!

10 марта.

Отправил в сенат (1-й департамент) прошение-обжалование отказа московской губернской комиссии внести меня в списки избирателей. Отказ комиссии получил вчера 9 марта.

11 марта.

Получил от канцелярии императорского двора уведомление (от 8 марта), что государь император жалует мне за поднесение «Монархической государственности» серебряную чернильницу. «Удостоверение» на эту чернильницу (за № 3125) приложено при сем же. Но второе приложение (т. е. самая чернильница) не получена доселе, хотя об ее высылке и сказано в извещении.

Искренняя благодарность моя государю за милостивое пожалование. Все мои домашние очень обрадованы.

12 марта.

Получена моя чернильница. Ничего себе — красивая. Пожалуй, рублей 50 может стоить [1]). Впрочем, конечно, тут цена не имеет значения.

Плохие вести слыхал от репортера. Говорит, что на 17, 18, 19 марта будет такая революция, что не выдержать ее! Напрасно Дубасов думает, что справится. В самих войсках брожение... Революционеры решили, во что бы то ни стало сорвать Государственную думу... В какой мере все это основательно, конечно, покажут только сами события. Но мне кажется, что тут много верного.

14 марта.

В академии служили панихиду по Шмидте! Евдоким отсутствовал, был на службе в лавре. Инспектор сбежал... Академические попы сами отслужили. — В гимназии (VII) подбивают (и пятый класс) к забастовке в честь Шмидта...

16 марта.

Вечером меня опять гложет тоска. Всетаки — бездельная, бессмысленная жизнь. И все проклятое положение необеспеченного «пролетария»!.. Это ужасный гнет.

Все связано с Грингмутом, а он сам — кто его знает, что с ним будет! Вчера было известие, рисующее интриги Витте против него Государь получил два предложения, есть две партии. Одна (Тол-

[1]) Она обозначена стоимостью, будто бы, 200 рублей!

стой — Витте) докладывали, что у Грингмута должно о т н я т ь с у б с и д и ю... Никакой «субсидии» и нет, а есть казенные объявления, но эти господа, значит, подразумевали их, а государю называли слово «субсидия»... Это, значит, отнять объявления по высочайшему повелению... Ловко! К счастью, государь начал здесь ч а с т н о наводить справки, какую субсидию получает Грингмут. Уж не знаю, что из этого выйдет...

Кто-то другой, напротив, представлял государю, что Грингмуту нужно д а т ь с у б с и д и ю...

Вот положение царя! Разбирайся в этих интригах...

Но Грингмут, положим, не пропадет, а вот я-то — иная статья. С «Колоколом» дела совсем разлаживаются. Они даже не печатают моих статей. Ну, тут я думаю, несомненно подличанье Скворцова перед Оболенским, который п р о т и в м е н я будто бы из-за того, что я сотрудник «Московских ведомостей»... Из-за этого будто бы не пригласил меня и в предсоборную комиссию.... Вот мерзавец, повидимому, чистой крови! За своего Витте все старается. Но я думаю, что тут дело не в одних «Московских ведомостях», а, без сомнения, Витте знает, что я его терпеть не могу. Я это прямо говорил митрополиту Антонию, виттевскому прислужнику, да, без сомнения, и другими путями знает...

Но что Витте в том, люблю я его или не терплю? Ведь я ничего ему не могу сделать Но вот, видно, плоховато его положение, если уже начинает давить даже и самых «мизерных» врагов.

А легче ли мне? Вот жизнь-то, вот положение, когда всякий тебя может раздавить, а ты нигде не имеешь опоры! Прямо живешь и не знаешь, что с тобой завтра будет. А у меня семья — не пристроен н и к т о, все только мною живут...

Ужасно тяжкое положение!

Получены кое от кого поздравления с высочайшею милостью...

Пожалуй, эта высочайшая милость будет иметь только те последствия, что Оболенский с К° постараются получше раздавить меня — кто их разберет?

23 м а р т а.

Сегодня получил ответ Бельгарда. По справке в деп. полиции, император Александр III, по докладу министра внутр. дел, 10 ноября 1888 г. «в с е м и л о с т и в е й ш е п о в е л е т ь с о и з в о л и л: д а р о в а т ь Т и х о м и р о в у п о л н о е п о м и л о в а н и е». Так цитирует Бельгард. Отсюда вывод: полное помилование есть восстановление во всех правах. Следовательно, и в тех, которые мог ограничить суд...

Вот это правильно. Но ведь в законе (избирательном) сказано: «если не оправдан», хотя бы был избавлен от наказания силою всемилостивейшего повеления.

Глупейшая формула закона. Ну, всетаки, нельзя ли так толковать, что я не избавлен от наказания, а вполне помилован? Вот напишут ерунду, а потом и пускаются в казуистику! Самое же печальное, что моя казуистика (или Бельгарда) не имеет никакого значения. Вопрос о том, как понимает смысл закона сенат. А он, вероятно, также откажет мне... в избирательных правах, а следовательно, и в редакторстве. Это связано неразрывно.

Интересно, что сделает (и сделает ли что-нибудь) министр внутр. дел. По словам Шаховского, мое прошение ему доставлено было 8 марта. Бельгард мне пишет от 21 марта (за № 2576), в ответ на письмо мое от 24 февраля. Почему так медленно? Не имел ли он совещания с министром внутр. дел? Все загадки.

25 марта.

В Петербурге «кадеты» одержали полную победу: все 160 человек выборщиков оказались кадеты.

Завтра того же ожидают в Москве. Ловкие, энергичные и безусловно беззастенчивые люди, единственно усвоившие европейскую тактику выборов. Комедия! Но, конечно, и система выборов, у нас выдуманная, как будто нарочно приспособлена для успеха интриганов.

Замечательно бездарное правительство.

Я так и остался устранен от выборов. От сената не имею никаких известий на мою жалобу. Впрочем, для меня несомненен отказ сената.

27 марта.

«Кадеты» взяли все места выборщиков. Все партии побиты на голову — Гучков, Рябушинский, Шмаков (монархист) провалились.

Эта жалкая комедия, конечно, приведет в ужас младенчествующий Петербург. Теперь, небось, уже пишут какую-нибудь «конституцию». Ну — господь с ними!..

Написал Ширинскому просьбу разузнать в сенате о моей жалобе. Был сегодня у Шаховского, не застал, а потом он ко мне приехал. Уверяет, что Замятин сказал ему, что передал прошение министру внутр. дел. Но сам не имел любезности побывать у министра и спросить...

Оказывается, что Ник. Влад. Шаховской принимал деятельное участие в сочинении всей этой ерунды — «Положения о выборах» и «Временных правил о повременных изданиях»... Ну, я ему долго

разъяснял невежественную нелепость этого законодательства 1905 года. Да что теперь толку?

Какая обида, что я принужден заниматься журналистикой! Теперь только и стоило бы махнуть рукой на все практические дела этих несовершеннолетних людей, заняться чисто теоретическими работами. Но вот теперь на месте «ученых» сидят политиканы и газетчики, а ученые по природе должны быть борзописцами за хлеб насущный.

Это страшная участь, когда человек развился дальше своих современников, и даже пользы для них от этого нет. Все равно — не только понимать, да и сбвинять их за это нельзя. Теперь они, как дети, играют в политику, а потом будут играть в гильотину и республику, и ничто этому не поможет, кроме возраста страны в лета совершеннолетия. Но до тех пор она уже растеряет свои лучшие чувства, на которых м о ж н о б ы б ы л о строить ее теперь, если бы только в ней были сознательные элементы. Но увы! И выходит, что живешь абсолютно бесполезно.

28 м а р т а.

Все толкуют о «победе» конституционалистов. Это любопытный образчик того, до какой степени выборы ничего не обозначают. В Москве получили права избирателей 56 000 человек по общим правилам да 68 000 человек по рабочим правам. Всего 118 000 человек [1]) м о г л и выразить волю Москвы. Из них за монархию оказалось 2 000! Ну, конечно, это только с м е ш н о, каррикатурная несоответственность с действительностью.

30 м а р т а.

Послал следующее письмо В. Л. Бурцеву.

30 марта 1906 г. Москва, Страстной б., д. 78.

Владимир Львович,

Давно собираюсь писать, но все ждал, что, быть может, вы сами будете в Москве. Но вас все нет, а между тем мне нужно выяснить себе следующее обстоятельство.

Вы пишете, что я, прочитав заявление «Шлиссельбургского комитета» пойму его цели. Прошу вас сказать, правильно ли я их понял.

Мне кажется, что он имеет две цели, для меня весьма различные, но для него слитые воедино: прославление революционного движения в России и помощь выжившим и освобожденным шлиссельбургским узникам. Так ли это?

Если так, то вот мое мнение.

Вам хорошо известно, что я осуждаю самый п р и н ц и п революции. Ее успехи совершенно ничего не могут изменить в этой оценке моей совести, моего

[1]) Так в подлиннике.

рассуждения и моих знаний. Побеждена революция или торжествует — она не может быть м н о ю прославляема.

Эта сторона жизни шлиссельбургских узников, в том числе моих прежних друзей и товарищей, подвергается моему осуждению совершенно так же, как она мною осуждается в с е б е с а м о м.

Я уважаю и люблю в них (как и в своем прошлом) только честное убеждение и готовность на самоотвержение. Сверх того, у меня есть в отношении их чисто личное чувство привязанности, как к родным, чувство, которое не уничтожается (во мне) никакими политическими или социальными соображениями.

Итак у меня распадается на две совершенно различные части то, что у «Шлиссельбургского комитета», мне кажется, слито в одну задачу.

Есть ли возможность разделить практически эти две стороны дела? Вот этого-то я и не вижу. Напротив, повидимому, у комитета установлено единство кассы, так что деньги, посланные для чисто личной поддержки освобожденным узникам, могут пойти на разную политику — хотя бы в форме прославления революции. Ошибаюсь я или нет, прошу мне разъяснить.

Затем прошу мне сказать: лично вы связаны ли неразрывно с комитетом или имеете право действовать помимо его, сами от себя?

Если вы можете действовать от себя, то я бы предпочел иметь дело только с вами вот в чем.

Мне тяжело думать, что такие личные товарищи, очень хорошие по сердцу люди, как, например, Михаил Фроленко или Михаил Попов и т. д. на старости лет, растратив жизненную силу, нуждаются материально. Есть кое-кто, о которых, я уверен, что они имеют поддержку родных, и некоторые имеют гораздо больше средств, чем я. Но есть такие, о которых я предполагаю, что им живется очень плохо (если нет помощи извне). Я бы хотел, по возможности, помочь таким. Как же это сделать? Можете ли вы на себя взять это? Вы можете и не говорить им, что это от меня. Ведь они, без сомнения, такие же непримиримые революционеры, как прежде. Им негде было проверить свои взгляды. Это самая ужасная сторона тюрьмы, что знаю по себе. Четыре года тюрьмы были для меня совершенно потерянным временем для развития. А следующие четыре года свободы дали мне тысячи различных драгоценнейших наблюдений себя, людей и законов жизни...

Так, говорю я, они, может быть, и не захотели бы принять помощи от человека, совершенно отрицающего их идеи. Бог с ними, это все равно. Вы можете дать анонимно.

Если вы согласитесь оказать мне эту услугу, то прошу вас: пришлите мне список уцелевших. И на нем, пожалуйста, отметьте тех, которые не имеют семейных средств к жизни или случайной работы... Я ведь знаю иных из старых товарищей, которые заняли великолепное положение, превосходные места, о каких я и мечтать не могу. Затем заметьте, что я вообще человек без средств, так что с меня пользы немного, и — кто его знает — сегодня живу, а завтра могу быть вполне на улице. Я ведь не продаю своих убеждений никому. Ну, а таким людям денег нигде не дают [1]). Так что большой пользы от меня нельзя иметь. Но мне лично было бы очень приятно, пока могу и сколько могу, помочь старым товарищам в нужде. Так что вы не им окажете услугу, а скорее, мне. Но и им всетаки будет «не из дома, а в дом».

Так вот об этом предмете и желал бы иметь ответ ваш.

Всего хорошего.

Л. Т и х о м и р о в.

---

[1]) Кто хочет быть свободным и честным, тот н е и з б е ж н о страдает.

Получил крайне неприятное известие от Ширинского: 1-й департамент сената 28 марта о т в е р г мои права. Много спорили, разделились почти на две равные части, и меня провалили большинством одного голоса.

Их всех там, по календарю, 13 человек... Значит, 6 з а меня и 7 против.

Но один или не один голос, а всетаки провален, а фатальность правительства та, что у него решительно во всяком деле всегда найдется хоть на одного дурака больше, чем умных.

Несчастная какая-то власть! Мое дело — это прямо позор для нее. И, как нарочно, тут же государь жалует чернильницу.

Редкое пожалование за политическое сочинение... и в то же время всякая дрянь может быть редактором, а я — нет... ибо, если я не могу быть избирателем, то по тому же закону не могу быть и редактором.

И этот осел-сенатор, давший своим голосом большинство против м е н я, заклеймил правительство одной из самых невероятных нелепостей. Понимал ли этот дурак, что делает? Глупость это или желание оскандалить власть, издающую такой закон?

Я прямо не знаю, что делать.

Написал Ширинскому, не посоветует ли какого-нибудь плана. Я думал подавать прошение на высочайшее имя, но что, если эти господа устроют и там отказ и тем набросят тень уже на самого государя?

9 а п р е л я.

За это время начался и до сих пор тянется «Всероссийский съезд русских людей».

Я на него получил приглашение, как ч а с т н о е лицо, вне организаций, и принял приглашение, чтобы представить доклад о созыве собора русской церкви. В Питере его оттягивают очень подозрительно, и я хотел бы подогнать дело, предложив ходатайство к государю и митрополитам о созыве собора не позже лета. О т д е л (церковный) принял резолюцию, только прибавил время «не позже первых осенних месяцев».

Вообще доклад мой имел успех, но Кузнецов (Ник. Дмитр.) возражал упорно и бесконечно, всячески стараясь провалить или оттянуть резолюцию. К сожалению, я до сих пор не уверен в успехе, потому что резолюция о т д е л а должна еще пройти д в е и н с т а н ц и и съезда, пока будет вполне утверждена. А Кузнецов, конечно, будет работать прямо с яростью, чтобы провалить дело... Он доходит до неприличия в этих стараниях, подавая письменное заявление,

будто бы моя резолюция идет против высочайшей воли, а потому неуместна... Прямо доносчицкие приемы!

Ну, я свое дело сделал, а там что бог даст.

Но вообще мой доклад возбудил большое внимание, и публика, мне казалось, за меня. Газетные отчеты («Русский листок», т. е. «Голос», «Московский листок», «Новое время» и т. п.) все более или менее переврали, а в «Русском голосе» тенденциозно — за Кузнецова. Какой-нибудь приятель Кузнецова, вероятно.

Завтра, в понедельник, должен быть еще мой доклад по государственному отделу: «Причины избирательной победы конституционалистов над монархистами». Ну, этот, вероятно, не понравится по духу своему, хотя написан хорошо.

Если бы хоть часть публики одобрила его, то и это уже будет большой успех.

Вообще эта масса монархистов — человек до 400, с разных концов России и разных сословий — производит на меня двойственное впечатление. Дух религиозный и церковный у них очень силен и ясен. Сильно напряжение национального чувства. Но понимание политическое — узко, боюсь — даже очень узко. Мой доклад будет резкой пробой: понимают ли монархию или не понимают?

Вл. Андр. Грингмут — любимый оратор. Громы одобрений и рукоплесканий стоят облаком над его речами, и его аудитория битком набита. А между тем он говорит высоко вульгарно, с криками, аффектацией, жестикуляцией, со страшными преувеличениями. Мне было неприятно видеть и слушать все это кривлянье. Но сотни слушателей неистовствуют от восторга.

Прекрасный оратор — протоиерей Восторгов: умный, толковый, искренний, с чувством и хорошими голосовыми средствами. Его тоже слушают охотно, но нет и сравнения с Грингмутом.

Очень тонкий и блестящий оратор — Борис Владимирович Никольский. Ну, этот тоже покоряет публику.

11 апреля.

Сегодня имел доклад на съезде «О причинах победы конституционалистов над монархистами». Публика была, человек сотня, но свои друзья отсутствовали поголовно. Доклад, пожалуй, имел успех.

По крайней мере, из публики раздавались голоса, что это нужно напечатать... Но мне грустно. Именно те, которые, казалось бы, могли понимать, отсутствовали не «тенденциозно», но искренне пренебрежительно. Новоселов, Клавдий Степанов... Это такая проба им, печальная проба. Мой доклад мог быть и хорош и плох... Но по теме

его чуткий человек непременно должен был притти. Позднее Новоселов пришел на съезд с частными пустячками: показать корректуру своей статьи, довольно неважной... Вот это для него я с н о... А коренной вопрос государственности — пустячен! Что же выйдет из их «Московского голоса»?

Просидел на съезде с 11 часов утра до половины 6-го вечера.

Утомился, простудился, измучился. Но нужно было ждать доклада р е з о л ю ц и й собрания делегатов. Кузнецов пришел, чтобы «провалить» мою резолюцию, и мне страшно было оставить ее без защиты. Однако собрание п р и н я л о р е з о л ю ц и ю.

После того начались бесконечные дебаты по поводу резолюции самого Кузнецова. Долго я сидел, мучился, наконец, не выдержал и ушел. Не знаю, чем у них кончилось. Я вообще не проронил ни слова, слава богу, не было надобности.

14 а п р е л я.

Был Шечков, рассказывал о выборах в Госуд. думу в Курской губ. Выбраны сплошь революционеры, а из крестьян некоторые прямо разбойники. Настроение, по его словам, прямо ужасное. Все обезумело.

Тут тоже, повидимому, начинается революционная заварушка. В Петербурге безработные требуют общественных работ, их поддерживают уже и рабочие по фабрикам. У нас уже не ходят электрические дороги, забастовали. Говорят, что готовится «политическая забастовка» с террором.

Вообще дело идет к развязке.

15 а п р е л я.

А сегодня уже бастовала часть конок. Говорят об о б щ е й забастовке послезавтра (18-го—1-е мая)... Это называется «праздник рабочих»... Грустное время.

Идет, говорят, усиленная революционная агитация, но в каких целях? Неужто может быть в чьих-либо интересах расстроить Думу? Конечно, трудно судить непосвященному, но, со стороны, — тактика странная.

17 а п р е л я.

Завтра заграничное 1 мая. Ждут забастовки и даже разных насилий почему-то в течение 9 дней. Это выходит — до самого созыва думы.

Между конституционалистами-демократами, говорят, взяла верх фракция решительного нападения на правительство. Другая фракция считала лучшим постепенный, осторожный образ действий. Крайние

же говорят, что с таким правительством все возможно сделать натиском, а потому незачем терять трех лет на то, что можно сделать в три недели. Это, мне кажется, верный расчет... Итак они думают тотчас по созыве думы заявить самые крайние требования и поддержать их демонстрациями и восстаниями по всей России. Если правительство захочет разогнать думу, то она должна собраться в Выборге, где уже намечены для нее залы ратуши, а финляндская «Красная гвардия» должна охранять ее.

Что касается правительства и императорской фамилии, там, говорят, находятся только в страхе перед грядущим, но не имеют никакого плана действий, не знают даже сами, будут ли бороться или уступать. Очевидно — созрели к гибели!

Утверждают, что к созыву думы Витте и Дурново уйдут. Кто на их место? Ничего ясного. Вообще, повидимому, жалчайшее падение...

Насколько я понимаю, Витте не увольняется, а уходит по собственному желанию. Действительно, если начнется уничтожение монархии, то ему нет смысла быть министром, а удобнее выступить потом, с какой-нибудь партией.

Вообще видится впереди некоторая liquidation générale.

...Зачем господь бог дал мне прожить до крушения всего, во что я верил на земле? Да будет его святая воля, и да пошлет он мне хоть силы для этой страшной годины испытания!

В России весь народ переживает какой-то глубочайший перелом. Он, повидимому, теряет даже свою религиозную веру. Испытание превыше сил. Замечательно, что даже у Троицы-Сергия совсем нет богомольцев. Лавра и посад опустели. Вот хвалились-то: «Русь святая», «Народ-богоносец» и т. п.!.. Неужто этого ничего и не было? Не могло же так быстро измениться.

И где же такую ничтожную душу сравнить с евреями? Те выносили вдесятеро более страшные испытания, не отпадая от бога.

18 апреля (1 мая).

Сегодня день прошел, безусловно, спокойно. Никаких забастовок не было.

Арестована какая-то компания студентов и курсисток, изготовлявшая бомбы для покушения на Дубасова 27 апреля, некоторым образом в честь открытия думы.

19 апреля.

В Москве открыты полицией мастерские бомб. Говорят, что есть еще и другие, и что у революционеров есть план террористических действий к созыву думы.

Дела, повидимому, идут к развязке. Говорят, что Витте решительно у х о д и т. Но уже давно слышно было, что он уйдет перед решительной попыткой революции, чтобы падение монархии произошло без него, а потом выступит уже на новой почве. Странно, что теперь все это позабыто, и все толкуют, будто Витте у в о л ь н я ю т, тогда как, без сомнения, он сам уходит.

Повидимому, Япония намерена возобновить войну. Все слухи единогласно это подтверждают. Очевидно, она хочет вполне использовать жалкое состояние гнилого гиганта. Теперь, должно быть, заберет в с е, до Иркутска... Амур может отдать Китаю. Ах, бедная, жалкая Россия! Мыслимо ли было ожидать такого крушения? И — ни людей, ни чести, ни смысла!

21 а п р е л я.

Получил извещение Моск. губернской комиссии, что сенат оставил мою жалобу без последствий.

Витте ушел — официально.

Все полно толками о думе. Как начнется она? Нужно сказать, что роль правительства рисуется мизерною. Если оно, с таким слабым духом и разумением, не падет, то не его вина будет.

23 а п р е л я.

Утром я получил письмо от Н. А. Павлова и не мог отказать. Заперся, и писал несколько часов; как раз в это время произошло покушение на Дубасова, но мне не сказали домашние, видя, что работаю, так что я узнал лишь часа через 1½.

Вот что написал я. Но что выйдет пользы? При переписке набело я кое-что исправил, но не успел снять для себя копии. Впрочем, это очень близко к тексту, данному мной Павлову.

Получено 23 апр. около 12 ч. утра.

Дорогой Лев Александрович.

Бывают часы, когда н а д о сделать. Помогите царскому делу. Напишите до вечера короткую тронную речь. Я заеду вечером. Усильтесь, сделайте!!!

Преданный вам Н. П а в л о в.

Между нами это.

Надо постараться включить что-нибудь вроде «ошибались или нас вводили в заблуждение».

[ПРОЕКТ ТРОННОЙ РЕЧИ ПРИ ОТКРЫТИИ ГОСУД. ДУМЫ.]

Выборные люди великой русской земли, богом вверенной попечениям моей верховной власти!

Настал желанный час, когда я вас вижу перед собою. Впервые после державной прабабки нашей, премудрой Екатерины, русский царь созывает выборных людей от своих верных подданных для непосредственного служения предначертаниям своей верховной самодержавной, неограниченной власти по устроению нам всем дорогого отечества.

Я рад вас видеть, рад, что это великое дело суждено было осуществить мне, несмотря на множество препятствий. Да пребудет же на сем деле благословение божие. Да послужит оно началом умирения карающего нас гнева божия.

Я встречаю вас в тяжелое время, когда страна моя сочится ранами бедствий, нанесенных извнутри и извне, множеством греха, падением веры, упадком чести, забвением долга, недосмотрами правления, злоупотреблением моим доверием, тяжкими смутами, внутренним кровопролитием и внешней войной. Кто виновники сих бедствий? Взор не может охватить их рядов... Перед вами, богом мне врученными людьми, я не хочу скрывать, сколько тяжких дум передумал и я сам, взвешивая свой ответ перед богом за все, в чем не был в силах досмотреть за злоупотреблением моим доверием. Но за свой грех в этом я дам ответ перед всемогущим, не по моему хотению, а по воле своей возложившим на меня тяжкое бремя царской власти. Вам же, верным моим подданным, я — царь ваш — напоминаю, что бесчисленны виновники бедствий отечества во всех слоях народа, из которых вы изошли. Всенародный грех давно готовил нам возмездие, и постигшими нас тяжкими испытаниями господь бог всех нас призывает к покаянию и к совершению дел, достойных покаяния.

Если бы я захотел теперь карать виновных, породивших бедствия моей страны, то она покрылась бы озерами крови, и где бы я нашел человека, которому мог бы сказать: «Ты, как невиновный — брось первый камень в виновных»? И перед лицом бесчисленных всенародных грехов я вспоминаю слово божие: «Мне отмщение, аз воздам», и в моей царской заботе о спасении богом врученных мне людей я за благо рассудил устремить силы не на отмщение, а на исправление того, что облегчало злу распространяться по земле русской. Я вознамерился открыть дорогу свободному действию добра. С этой целью я даровал своим подданным, без различия племен и вероисповеданий, права и вольности, свободу веры, слова и печати, свободу соединяться в союзы. Я рассудил за благо привлечь излюбленных людей моих верных подданных к помощи мне в делах государственного строения.

Видит господь, и вся Россия, и весь мир, что я открыл широкую дорогу для свободного действия всех добрых сил и для их содействия мне в трудах моих по излечению язв, разъедавших доселе нашу страну. Призываю же все добрые силы русской земли воспрянуть духом, покаяться в прежних грехах, проникнуться любовью к правде и начать новую жизнь правды, добра, чести, долга, умиротворения и устроения.

Простирая до крайних пределов мое милосердие, я не карал в достаточной мере виновников наших бедствий, злоупотреблений, смуты и кровопролитий. Ныне открыв пути к мирному благоустроению нашей страны, я своим царским приказом призываю всех к долгу верноподданных. Бог вручил мне власть на поощрение делающих добро и на усмирение делающих злое. Я все сделал для открытия пути добру, и я сумею в корне пресечь преступные деяния зла.

Итак, выборные люди моего народа, приступайте без опасений и с уверенностью к исполнению возложенных мною на вас трудов.

В разъяснение возложенных на вас задач присовокупляю еще несколько указаний.

Во время ваших выборов к моему народу являлись различные партии, призывавшие выбирать своих членов в Государственную думу, мною учрежденную. Знайте, что я призываю к себе не партии, а своих подданных.

Я даровал всем право свободного убеждения и союзов и никому не возбраняю принадлежать к партиям, законами дозволенным. Но на мое царское дело, на совет мне, на помощь моим трудам я призываю не партии, а честных, умных и знающих людей, моих верных подданных.

Даруя подданным права и вольности гражданские и политические, я остаюсь тою же верховною самодержавною, неограниченною властью, какую унаследовал от предков и какую передам потомкам моим. Во имя этой власти я дал моим подданным права и призвал вас в Государственную думу, где вы должны служить не партиям, а мне и отечеству, со мною неразделимому.

Призвавши вас в Государственную думу, я, для удобнейшего действия вашего, дал сему учреждению соответственные уставы. Следуйте точно сим уставам. Если в них окажутся несовершенства, они будут исправлены законным порядком. Но знайте также, что я готов выслушать и каждого из вас непосредственно, если к сему является нужда. Как царь, как власть верховная, я желаю знать правду от народа своего и постараюсь найти время выслушать непосредственно каждого из его избранников.

Выборные люди моего возлюбленного народа, приступайте же к трудам служения вашего, на которое вы мною призваны. Призовем на начинаемое дело благословение божие, и да даст господь, чтобы с сего дня началась для отечества нашего новая жизнь, которая на место смут и неурядиц принесет мирное благомыслие, устроение, верность долгу и законность! Будьте уверены, что во мне вы всегда найдете защитника дарованных мною вам прав. Приложите же старания, чтобы со своей стороны оправдать мое доверие и народа, облекшего вас, по призыву моему, своим доверием на сие великое служение.

Да поможет всемогущий господь предстоящим трудам вашим.

В правительстве ждут думы с трепетом. «Кадеты», человек 200 думских, образовали в Техническом училище вроде клуба, постоянно заседают и готовятся напасть на правительство. Родичев готовит ответ на тронную речь, хотя ответа и не дозволили.

За уходом Витте, всевластным человеком остался Трепов, который однако растерялся и совершенно не знает, что ему делать. Государь точно также находится в полной нерешительности относительно грядущих на-днях событий.

24 апреля.

Нехорошее время. Тяжелое испытание. И — самое ужасное — ничего хорошего совершенно не может быть. Не могу себе представить никакого хорошего исхода нынешней революции... Может быть, конечно, лет через 20, после всякой резни, и сложится новый строй, если только Россия не будет «разобрана» по рукам соседей.

Но м о й-то век, во всяком случае, кончится при тоске, безобразии и ужасе, при всеобщем разгроме и падении нравственном и политическом.

25 а п р е л я.

Слава богу и слава государю! «По всеподданнейшему докладу мин. внутр. дел государь император в 13-й день апреля 1906 года, всемилостивейше повелеть соизволил: не считать дворянину Льву Александровичу Тихомирову судимости его в 1877 году особым присутствием Правительствующего сената препятствием к пользованию всеми правами, предоставленными общими узаконениями русским подданным, обладающим общею гражданскою правоспособностью, а в том числе и правом участия в выборах в Государственную думу, равно и правом быть ответственным редактором повременного издания»; «о таковом высочайшем повелении названным министром сообщено министру юстиции».

О сем московский градоначальник в объявлении № 4463 от 22 апреля 1906 г. уведомил меня через пристава III участка Тверской части (пометка пристава — 24 апреля, № 67).

...Через два часа... Не успел обрадоваться царскому акту, как вдруг получается телеграмма с высочайшим указом: у т в е р ж д а е т с я м и н и с т е р с к и й п р о е к т о с н о в н ы х з а к о н о в, к о т о р о г о н е в е р о я т н о с т ь я р а з б и р а л в «Колоколе». От создания мира не было ни одного закона, равного этому по отсутствию мысли государственной. И он-то утвержден! Это — конец империи. Это полное у н и ч т о ж е н и е с т а р о г о с т р о я, б е з к а к о г о б ы т о н и б ы л о н о в о г о: неизбежная гражданская война для создания нового строя.

Вечер. Случайно столкнулся на улице с Никольским. «Откуда вы взялись?» Оказывается, приехал на съезд дворянского кружка. Начал его расспрашивать о Петербурге. Он уверяет, что мы находимся накануне страшных событий, так как революционеры (с «кадетами») решили н е м е д л е н н о начать борьбу против царя — в думе и по всей стране, в союзе с террористами; что будут повсюду террористические покушения, восстания, а дума превратит себя в правительство, с низвержением царского... Он думает, что это вызовет открытую борьбу со стороны защитников существующего строя и что Россия на много лет погрузится в кровавую междуусобицу... Что тут верного? Конечно, он не называет источников своих сведений, но говорит с полной уверенностью. Конец апреля и начало мая будет, по его убеждению, ужасно. Покушение на Дубасова и Желтоновского (Екатеринослав) — это начало общей системы террора.

А в думе революционеры хотят сразу выдвинуть требования резкие и оскорбительные — вроде уменьшения содержания императорской фамилии и т. п.

Ну, кто доживет — увидит.

Завтра 150-летний юбилей «Московских ведомостей». Готовится торжество. Не будет ли и демонстраций враждебных? Это очень вероятно, если только рассказы Никольского обоснованы. Кстати, сам он думает присутствовать на юбилее.

26 апреля.

Отправил благодарственное письмо бывшему министру внутренних дел Дурново за его доклад императору о восстановлении моих нарушенных прав.

28 апреля.

Ну, вот открытие Государственной думы совершилось; совершенно спокойно. Страхи были ошибочны. «Кадеты» умнее, чем хотелось бы консерваторам.

Сегодня (по совету Ширинского) отправил прошение министру юстиции о сообщении сенату высочайшего повеления 13 апреля, для принятия мер к зачислению меня в избирательные списки.

Рабочие в Петербурге и в Москве игнорировали думу. Хотя их хотели уволить от работы в этот день, рабочие не приняли праздника, сами, без фабричных гудков, повсюду явились на работу и говорили: «Это не наша дума, мы не имеем в ней представителей». Но зато, повидимому, они намереваются задать праздничного трезвона 1 мая. Наборщики уже получают приглашение не работать, а Кушнеревская типография, говорят, намеревается произвести демонстративные процессии.

Да, забыл отметить. Тронная речь императора довольно бледна и, во всяком случае, не имеет ничего общего с набросанным мною образцом. Новое доказательство, что господа консерваторы только суетятся в Петербурге, но никакой силы и влияния не имеют.

В штабе адм. Е. И. Алексеева.

(Из дневника Е. А. Плансон.)

Царская политика на Дальнем Востоке в начале XX века представляет собой определенный этап англо-русской борьбы, развернувшейся первоначально на берегах Средиземного и Черного морей. Всем хорошо известные факты из эпопеи русской активной политики на Дальнем Востоке — создание Владивостокского порта, как опорной базы на Тихом океане, организация подъезного пути к нему посредством проведения Сибирской железной дороги, исправление амурской дуги в манчжурскую хорду, экспансия в сторону Кореи, военная оккупация Манчжурии, замена прежней замерзающей морской базы новой, незамерзающей, — все перечисленные факты дают уже достаточно конкретный материал для объяснения того, как англо-русский конфликт принял формы конфликта России с Японией, за которой стоял англо-американский капитал.

Относящиеся к рассматриваемому времени изменения в международной конъюнктуре можно считать в основных чертах выясненными: поворот Англии от политики изоляции к решительному сближению с Францией, нарастание англо-германских антагонизмов, наконец, создающееся для России положение на Дальнем Востоке, которое можно определить, как положение между английским молотом и германской наковальней, одинаково заинтересованных в ослаблении русской военной мощи. И однако здесь остается еще не мало вопросов, ждущих дальнейшего выяснения.

Укажем хотя бы на то, что политика американского капитала, предлагавшего еще в 1896 г. России свое участие в манчжурском железнодорожном строительстве [1]), не получила до сих пор в литературе подробной обрисовки, и последняя ограничивается часто ссылкой на заявление Рузвельта о готовности Америки выступить в защиту Японии или на факт заключенного Японией займа в Америке. Укажем на то, как мало до сих пор обследован факт приезда маркиза Ито в Петербург, факт, совпадающий по времени с заключением англо-японского союза и получивший далеко неправильное освещение в «Воспоминаниях» Витте [2]).

---

[1]) См. «Красный архив», т. 28, стр. 183.

[2]) С. Ю. Витте, «Воспоминания», т. I, изд. 1923 г., стр. 183—185.

Хотя политика Вильгельма, стремившегося увлечь Николая II к берегам Тихого океана, получила яркое документальное освещение [1]), об получавшейся воинствующей безобразовской кликой поддержке из Берлина приходится строить только догадки [2]).

Внутренними движущими силами русской дальневосточной политики являлись переплетавшиеся между собой интересы торгового капитала, с одной стороны,— и промышленного, с другой, если последний в поисках питательных соков для развития тяжелой индустрии стремится к усилению железнодорожного строительства и военных заказов, первый ищет прежде всего рынка для сбыта товаров и путем территориальных захватов стремится к созданию резервного земельного фонда для растущего населения деревни и перестраховке тем самым помещичьего землевладения; в этой связи приобретает особое значение документально доказанный факт личной заинтересованности царской семьи в частных концессионных предприятиях на Дальном Востоке; знаменитое изречение Плеве о необходимости «маленькой победоносной войны» [3]), чтобы удержать революцию, свидетельствует об особой заинтересованности дворянско-феодальной монархии в войне, как средстве для укрепления своего господства, заколебавшегося в условиях обострения классовых противоречий.

Имеющийся в этой области в печати мемуарный и документальный материал [4]) приходится признать однако также совершенно недостаточным для разрешения целого ряда попутно встающих проблем. Известно, что рост рабочего и крестьянского движения в период 1901—1904 гг. приводит к расколу буржуазно-феодального и правительственного блока: возникающая в правительственной верхушке борьба получает свое отражение и в вопросе русской дальневосточной политики. Позиция Витте, как руководителя дальневосточной политики, явственно вырисовывается, как позиция представителя промышленной буржуазии, политический курс которой в дальневосточном вопросе, в условиях империалистических антагонизмов, объективно должен был стать курсом на войну, но с господствовавшим в ту пору курсом безобразовской группы имел слишком много точек расхождения. Это явствует не только из апологетических «Воспоминаний» Витте. В своем частном письме к Куропаткину от 19/VIII 1904 г. Витте говорит о «несчастной» войне, ибо не видит «в ее результате, как бы война для нас ни была победоносна, никаких благ для России. Без преувеличения можно сказать, что, пожалуй, победоносная война даст еще худшие результаты, нежели средний успех». Глава «тройственного министерского союза» (Витте — Куропаткин — Ламздорф), он выступает здесь антиподом Плеве, которого он считает «душою банды квантунцев».

---

[1]) «Переписка Вильгельма II с Николаем II», Центрархив, 1923 г.

[2]) Б. Романов, «Россия в Манчжурии», 1928 г., стр. 18—19.

[3]) Витте, op. cit., стр. 239.

[4]) См. «Письма Витте к Куропаткину» — «Красный архив», т. 19; «Письма Витте к Сипягину» — там же, т. 18; «Безобразовский кружок летом 1904 г.» — там же, т. 17; «Русско-японская война» (из дневника Куропаткина), изд. Центрархива, 1925 г.

Еще в известной записке Вонлярлярского 1898 г. с достаточной выпуклостью определялись основные цели, преследовавшиеся безобразовской группировкой: 1) захват рынков для торгового капитала и 2) организация колонизационного фонда. Тот министерский триумвират, который был в значительной мере проводником политики крупной промышленной буржуазии, являлся для безобразовцев «паршивым триумвиратом патентованных подлецов». Развернуть свои дальневосточные достижения во всероссийском масштабе, побороть «ноздрю» [1]), как вдохновителя и организатора «интриги», направленной лично против «хозяина» [2]), упрочить «хозяйскую власть» по рецепту Плеве, ограничить доступ в университеты, содержать в стране армию, достаточно сильную для того, чтобы подавить могущую вспыхнуть революцию, — таковы элементы политической программы безобразовцев, поскольку они нашли свое отражение на страницах их писем [3]).

И однако содержание всех тех бесед, которые в течение долгих часов вел Безобразов с Николаем II, остались до сих пор невыясненными.

Участие Плеве в безобразовских предприятиях теперь несомненно: «Очень боюсь, что лопнет все дело» — писал Абаза своей жене по поводу убийства Плеве. И однако роль в дальневосточных делах Плеве, как руководителя могущественного ведомства, заслуживает более подробного освещения. Равным образом, до сих пор не получили достаточного документального освещения германофильские тенденции безобразовской группы.

Расстановка социальных сил в борьбе, завязавшейся в правительственных верхах в связи с дальневосточной политикой, на основании всех имеющихся материалов намечается с достаточной явственностью, но в определении роли их составных элементов, их взаимодействия, конкретизации их политических планов и политической практики до сих пор существует слишком много пробелов.

Особенно крупный пробел ощущается в нашей литературе в вопросе о выяснении роли наместничества на Дальнем Востоке. Первая победа безобразовской группы обозначилась, как известно, осенью 1902 г. в отстранении Витте от ведания делом торгового мореплавания и в образовании особого для того главного управления во главе с личными врагами Витте — в. кн. Александром Михайловичем и адм. Абазою (двоюродным братом Безобразова).

Принципиальное решение по вопросу об учреждении наместничества на Дальнем Востоке (о чем Витте и Ламздорф узнали из газет) явилось крупнейшей победой безобразовского кружка; оно относится к маю 1903 г., к тому моменту (заседание Особого совещания от 7 мая), когда Николай II принял решение об отказе от постановлений совещания 27/III 1903 г. и от политики «уступок», когда «полупомешанный», по выражению Витте, Безобразов впервые появился на заседании Особого совещания в звании статс-секретаря, когда он впервые собственноручно вел журнал заседания, словом, когда безобразовщина хлынула в административный аппарат. «Со дня утверждения

[1]) Конспиративная кличка, данная безобразовцами Витте.

[2]) Условное обозначение Николая II, употреблявшееся безобразовцами.

[3]) См. «Красн. арх.», т. 17.

наместничества», — отмечает Витте в своих «Воспоминаниях» [1]), — «я уже считал дело Дальнего Востока проигранным и был уверен, что все это поведет к войне, а потому поставил на этом деле крест».

Наместник подчинялся непосредственно императору, министры устранялись от управления окраиной, все дипломатические сношения шли также через наместника, который получал указания непосредственно от царя. Несомненно, что наместничество имело своим назначением служить прямою агентурою безобразовской группы на Дальнем Востоке и в условиях назревающего конфликта должно было играть первостепенную роль.

Действительная функциональная роль наместничества получает свое освещение почти исключительно в мемуарных данных его принципиальных противников — Витте и Куропаткина. Документация, изданная в 1904 г. Особой канцелярией по делам Дальнего Востока, носит чисто официальный характер, и ее значение не выходит за пределы значения цветных книг. Переписка самих безобразовцев дает по данному вопросу весьма незначительный материал.

Остановимся на нескольких моментах из истории наместничества, поскольку это возможно сделать на основании опубликованных материалов. Персональный выбор пал, как известно, на главного начальника Квантунской области. И недаром: он заслужил доверие той поддержкой, какую оказывал корейским предприятиям, и той «двуличной ролью», по выражению Куропаткина [2]), которая помешала триумвирату победить безобразовщину; он заслужил доверие своим противодействием выполнению договора 26/III 1902 г. об эвакуации Манчжурии; он заслужил доверие, когда, в связи с приездом Безобразова на Дальний Восток, приостановил очищение Манчжурии от войск, вновь занял Мукден и выдвинул войска на Ялу. Автор «Воспоминаний» дает крайне резкую характеристику представителю царского самодержавия на Дальнем Востоке: «мелкий и нечестный торгаш, а не государственный дипломат» [3]), с карьерою чисто анекдотического происхождения. Обращает на себя внимание тот факт, что безобразовцы, не без основания считая Алексеева своим, не полагались на него вполне. В своем письме к жене от 21/VI 1904 г. [4]) Абаза, сообщая о необходимости информировать Алексеева о делах путем посылки частного письма, отмечает, что письмо это должно быть составлено так, чтобы «не могло служить документом против меня в случае, если бы он хотел меня подвести. К сожалению, он не такой человек, которому можно довериться вполне. Всегда будет соблюдать свою собственную выгоду». Когда в октябре 1903 г. от безобразовской группы к Алексееву приехал ген. Вогак, Алексеев неоднократно жалуется, что ему «очень тяжело», что он «теряет силы». Очевидно, жалобы эти основывались на том, что Алексеев, зная расшатанность финансовых дел «Лесопромышленного товарищества», учитывал зыбкость почвы, на которой стоял безобразовский кружок, и вместе с тем не мог себе уяснить точно, чего на самом деле хочет в данную минуту Николай II [5]).

---

[1]) Витте, op. cit., стр. 196.
[2]) См. «Русско-японская война», стр. 6—7.
[3]) См. С. Витте, op. cit. стр. 229, 239—240.
[4]) См. «Красный архив», т. 17, стр. 78.
[5]) Б. Романов, op. cit., стр. 454—458.

Известно, что в ноябре у наместника гостит Балашов, составляющий «смелый», но запоздалый проект об открытом присоединении Манчжурии и Монголии, об уничтожении китайской администрации в Манчжурии, о передаче «Лесопромышленному товариществу» лесной монополии на Ялу и соляного откупа в Манчжурии.

К сожалению, никаких указаний на отношение наместника к этому, разработанному у него во дворце, проекту мы нигде не имеем. Недостаточно освещенными остаются обстоятельства, при которых последовало назначение Алексеева сперва на должность наместника, а затем накануне войны на должность главнокомандующего. Витте по этому поводу замечает: «Он мог быть таким же главнокомандующим, как и я, никогда воином не бывал, дел с сухопутными войсками не имел и сделал свою морскую карьеру более своею дипломатичностью, нежели морскою службою». Он «не может ездить верхом» и даже «боится лошади», — добавлял при этом Витте [1]).

Немудрено, что в последующие военные месяцы работа такого представителя царского самодержавия на Дальнем Востоке должна была дать определенный политический эффект. «Наместник, — писал Витте Куропаткину 19/IV 1904 г. [2]), — хотя в общественном мнении заслужил только презрение, тем не менее поддерживается, как флаг той системы или тех идей, которые привели к этой, по меньшей мере, неуместной войне. Очевидно, что этот флаг будет долго поддерживаем, ибо государю флаг спустить, если не невозможно, то трудно». «О наместнике или не говорят или относятся с презрением»,— писал Витте Куропаткину в июле того же года [3]). В письмах его иначе не называют, как «порт-артурский», «главнотелеграфирующий», «вредный подонок», «карьерист».

А так как войну приходилось вести всерьез и ограничиться фикцией главнокомандования было невозможно, была создана дополнительная должность командующего армиями, на которую, как известно, был назначен ген. Куропаткин. Организация такого двуначалия, неслыханного в области военного дела, представляла собою продолжение той двойственности, какая наблюдалась в делах дальневосточной политики и в довоенное время. И, поскольку до последнего времени романовско-безобразовская дипломатия главенствовала над дипломатией официальной, постольку и здесь, в течение всей первой половины войны старый «флаг» продолжает развеваться, и Куропаткина мы видим подчиненным Алексееву.

О взаимоотношениях, существовавших между этими двумя военными лагерями, кое-что мы знаем уже и от Витте и от Куропаткина. Мы знаем, в частности, о том совете, какой Витте давал Куропаткину по вопросу об урегулировании этих взаимоотношений: он советовал ему арестовать главнокомандующего и под арестом отправить его в Петербург.

Но до сих пор мы не слышали никаких голосов из лагеря самого наместника, не знали о его планах, военных и политических, не знали о том, что происходило во время войны в пределах его «сатрапии».

Публикуемые ниже материалы являются именно такого рода голосом, раздающимся из вооруженного лагеря безобразовской группы. Они не дают, разумеется, ответа на

[1]) Витте, op. cit. стр. 239—240.

[2]) «Красный архив», т. 19, стр. 66—81.

[3]) См. там же.

затронутые выше вопросы, но в накопленный запас историографических данных они принесят нечто существенно новое. Связанный служебным происхождением с министерством Ламздорфа, а служебною практикой не только периода войны, но и довоенного периода [1]) с главным представителем безобразовской клики на Дальнем Востоке, автор дневников несет на себе несомненные следы влияния этой последней. Свою роль в предшествующих войне русско-японских дипломатических переговорах он проводит в строго безобразовских тонах, лишь смягчая их навыками старой дипломатической школы. Тот же строго выдержанный стиль в вопросе о японских домогательствах, в оценке положения России на Дальнем Востоке, в вопросах о соотношении международных сил и определении реальных возможностей. Те же заботы о судьбах корейского императора и упорное непонимание смысла американских настояний в манчжурском вопросе.

Любопытно, что русский дипломат боится больше всего именно американцев: возможность устройства последними в Инкоу международного управления страшит его больше, чем захват Инкоу японцами. Роль американцев вообще интересует ставку наместника (об англичанах речи почти нет), и там всерьез обсуждается вопрос об организации борьбы с особенно опасным Рузвельтом во время предстоящих президентских выборов.

Плансон выступает перед нами не только солидаризирующимся с основными линиями алексеевской политики, не только вторящим ему, но и прямо благоговеющим перед ним; некоторые его изречения, несмотря на всю их убогость, он наивно записывает, как «пророчества», идеализируя его, как желанного «настоящего правителя для России».

Дневник получает, таким образом, интерес в двух отношениях: во-первых, как заключающий в себе апологию наместника и во-вторых, как направляющий острие критики против его антагонистов, и, прежде всего, против командующего армиями.

Этот последний вырисовывается неоднократно в чертах сугубо-комических: везущим на фронт образки, плачущим во время речи священника, разрушающим без всякой надобности нужную железнодорожную ветку в панике перед фактом высадки небольших японских отрядов, уклоняющимся от поддержки Порт-Артура из боязни уронить свою репутацию, бессмысленно окружающим себя в Ляояне окопами и ямами в надежде, что японцы сами придут в эти ямы, не организующим своевременного отпора японцам во время их высадки в Бицзыво и после поражения представляющим к наградам негодных генералов.

Отрицательное отношение автора дневника к Куропаткину — несомненно, отношение к последнему самого Алексеева, тяготящегося двоевластием и придерживающегося вполне определенного взгляда: «Куропаткина повесить надо».

---

[1]) В 1903/04 г. Г. А. де-Плансон состоял в должности чиновника по дипломатической части при гл. начальнике Квантунской области. В рассматриваемое время Плансон занимал должность начальника походной канцелярии при наместнике.

В совершенно ином свете, разумеется, хочет обрисовать автор дневников портрет Алексеева, который является центральной фигурой всех записей, и если портрет последнего, как «идеального» правителя дальневосточной окраины, несмотря на все старания автора, получается своеобразным, тем ценнее для нас его показания.

Мы отмечали выше колеблющуюся позицию Алексеева накануне войны. В первые месяцы войны дневник никаких колебаний у него не констатирует: наместник тверд и решителен, как и подобает быть представителю воинствующей клики. 25 января он благодарит бога и поздравляет Плансона с войной: «Дай бог поколотить им [японцам] хорошенько морду! Это — всетаки лучше, чем вести бесконечную канитель».

Он уверен в победе над японцами. Мало того, он не довольствуется этой перспективой и хочет попутно спровоцировать на войну китайцев, чтобы разбить и их. Уверенный в силе своей власти, он «разносит» директора Русско-китайского банка и не хочет принимать его до тех пор, пока тот не придумает средства к поднятию безудержно падающего русского рубля. С внутренними врагами и, прежде всего, с Витте он готов расправиться чисто по-безобразовски — «посадить в тележку и отвезти...»

В вопросе о конечных целях войны он обнаруживает тот же полет духа: не соглашаясь с условиями мира, по которым за Россией была бы признана Манчжурия, а за Японией — южная часть Кореи, он говорит: «Ну, нет, подавайте нам Мозампо, меньше я не хочу, или же Цусиму».

В дальнейшем (когда определяется безнадежность положения на театре военных действий и обнаруживаются «успехи» Куропаткина на «внутреннем» фронте), энергия его начинает заметно падать. Когда читаешь дневник, трудно определить, какой из этих двух факторов играл большую роль в появлении у главнокомандующего депрессивных настроений. Уже в мае он жалуется на невозможность работать в условиях «троевластия» [1]) и посылает в Петербург телеграмму с просьбой об отставке. Разочарование в своих силах, в готовности России к войне наступает еще раньше. Чуть не на другой день после объявления войны от него приходится слышать истерическое признание: «Если бы готовились воевать, то давно усилились бы здесь. А теперь мы ведь едва держимся. Где уж там наступать в Корее! Дай бог удержаться как-нибудь».

Говоря так, Алексеев соглашался со своим собеседником, что воевать приходится по фаталистической формуле: «Никто как бог».

Бросив «смелую» мысль относительно войны с китайцами, наместник через два дня отказывается от нее, признавая, что приступать к осуществлению этой меры преждевременно: «Кто их знает — китайцев. А что если они вдруг перейдут в наступление? Мы не готовы». «Мы не готовы» — становится в дальнейшем лейт-мотивом его речей. Недовольный медлительностью и нерешительностью Куропаткина, настаивая на более решительных действиях, он однако все более проникается полным неверием в свои силы и готовностью предать сожжению то, чему он раньше служил и поклонялся. «Как мы не подготовлены к войне!—говорит он Плансону 6 сентября,—как японцы нас опередили...,

[1]) Алексеев — Куропаткин — Скрыдлов.

как заблуждались Безобразов и Балашов, когда уверяли, что можно показать японцам кулак и этим удержать от войны!» Признав авантюрный характер русской дальневосточной политики, Алексеев предается мрачному самобичеванию («Все у нас плохо! мы—говняки»), и спешит со своим окончательным политическим самоупразднением. Оставляя пост «опереточного» главнокомандования, в середине октября он сдет в Петербург. Авантюра заканчивается. Наступает затяжной период ее ликвидации.

Обращает на себя внимание запоздалая телеграмма из Петербурга, приходящая 10 октября, т. е. к моменту спуска занавеса. В ней речь шла о необходимости присоединения Манчжурии, как гарантии получения контрибуции с Японии, о целесообразности нарушения китайского нейтралитета и о желательности немедленного смещения китайской администрации в Манчжурии. Телеграмма эта принадлежала перу «меднолобого» Абазы и в данных условиях звучала просто насмешкой.

Вырисовывая характерную для эпохи борьбу в правящих кругах царской России, борьбу, со всею своею остротой перенесшуюся в действующую армию, вырисовывая крушение политической карьеры официального проводника активной русской политики на Дальнем Востоке, совершающееся на фоне систематических прорывов на фронте и административного развала в тылу, дневник Плансона дает яркий кусок истории русско-японской войны, наглядно обнаруживая авантюрный «в квадрате» характер царской политики на Дальнем Востоке, ее стремительно-катастрофическое банкротство и показывая картину загнивания всего бюрократического аппарата дворянско-феодальной монархии.

Дневник Плансона воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Особом отделе Центр. Исторического Архива. Дневник представляет собой две «общих тетради» в клеенчатых обложках, содержащие записи за период 1904—1905 гг., в которых зафиксированы пребывание автора на Дальнем Востоке в качестве начальника дипломатической канцелярии наместника и затем участие его в мирной делегации в Портсмуте по заключению мира с Японией.

А. Попов.

1904 ГОД.

1 января. Порт-Артур.

Встреча нового года в гарнизонном собрании, куда в $^3/_4$ 12-го приехал наместник. В 10 часов парад в 9-м полку. Адмирал [1]) читает телеграмму государя перед войсками: «От души благодарю войска, моряков, гражданских чинов и население областей Дальнего Востока за поздравления и выраженные чувства. Да благословит господь Россию миром и благоденствием в наступающем году!»

Потом в городе многие меня спрашивали: правда ли, что наместник прочел телеграмму с объявлением о мире? Пришлось разъяс-

[1]) Алексеев, Евг. Ив., ген.-ад., адмирал, наместник на Дальнем Востоке.

нять, что это было пожелание государя, но что решение вопроса: война или мир — зависит от того, как повернутся события и переговоры с Японией.

2 января.

Наконец, получен ответ Японии. Наше последнее сообщение было, очевидно, понято вроде насмешки, потому что в нем не заключалось просимых уступок, а напротив условия были несколько более тяжелые.

Теперь японцы мстят: предъявляют требования, которых, очевидно, нельзя принять, так как они гораздо хуже прежних.

Японцы требуют:

1) Исключения первой части ст. 5 русских контр-предложений, т. е. слов: не пользоваться никакою частью корейской территории для стратегических целей (т. е. Япония желает укреплять стратегические позиции в Корее).

2) Исключения всей статьи 6-й касательно нейтральной зоны (следовательно, она хочет вводить войска повсюду до самого севера и до границ Манчжурии).

3) Русское предложение касательно Манчжурии может быть принято (!) со следующими изменениями: а) признание Японией Манчжурии и ее побережья находящимися вне сферы ее интересов и обязательства со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Манчжурии (т. е. отдай им Корею да еще не смей трогать Манчжурию); б) Россия в пределах Манчжурии не будет препятствовать Японии, а равно и другим державам, пользоваться правами и привилегиями, приобретенными ими по существующим трактатам с Китаем (в том числе правом устройства сетльментов); в) признание Россией Кореи с ее побережьем, находящимся вне ее сферы интересов.

4) Прибавление дополнительной статьи следующего содержания: признание Японией специальных интересов России в Манчжурии и права России принимать меры для защиты этих интересов.

Японское правительство не считает нужным повторять объяснения оснований этих поправок. Надеется, что русское правительство согласится на новое обсуждение (reconsideration). Оговорка о недопущении сетльментов пропущена, потому что она противоречит постановлениям нового торгового договора между Японией и Китаем.

«Заявление в русском ответе, что Япония уже согласилась ранее на первоначальную редакцию ст. 5 русских предложений (о неукреплении стратегических пунктов в Корее), ошибочно, так как подобного согласия японское правительство никогда не высказывало». (Это

неправда. В проекте маркиза Ито прямо сказано: «Ст. 2 — взаимное обязательство не пользоваться никакою частью корейской территории для стратегических друг против друга целей»).

Далее японцы надеются, что японские поправки, которые сделаны «в примирительном духе» (?), будут приняты в том же духе русским правительством, и надеются на скорый ответ имп. правительства, так как «дальнейшая отсрочка в разрешении вопроса будет крайне невыгодна для некоторых государств».

(Какая-то неясная, нахальная угроза).

В другой телеграмме от 1 января бар. Розен передает текст телеграммы, отправленной французским посланником в Париж:

«Японское правительство ответило вчера на последние русские предложения. Оно настаивает на своих прежних требованиях и объявляет, что этот ответ должен быть окончательным, не принимая, следовательно, ни оговорок касательно сетльментов в Манчжурии, ни нейтральной зоны до 39 параллели в Корее и настаивая на своей претензии, чтобы Россия объявила, что Манчжурия составляет интегральную часть Китая. Эти сведения мне дал сэр Клод Макдональд, который получил их от барона Комура и передал своему правительству. Он извещен по телеграфу, что лорд Лансдоун, получив русский циркуляр, ответил, что необходимо, чтобы Россия сделала «что-нибудь» и чтобы она оставила взимание пошлин в Нючжуане.

Мой английский коллега считает положение более серьезным, чем когда-нибудь; он полагает, что война неизбежна, если Россия не сделает решительного шага назад». (Это говорит французский посланник Арман).

(Розен:) «С своей стороны считаю долгом присовокупить, что высказанное английским посланником предположение, очевидно, соответствует впечатлению, которое японское правительство желает распространить в видах давления на решение России. Это подтверждается и тоном переданного мне вчера Японией заявления. Необходимо однако иметь в виду, что на приготовления к войне Япония издержала столько, что следует ожидать в ближайшем будущем каких-нибудь решительных действий Японии в Корее».

Одновременно получено от Павлова известие, что флигель-адъютант корейского императора Хиен-сан-чен вручил императору письмо государя; корейский император успокоен милостивыми словами и, уверенный теперь, что независимость Кореи при помощи России обеспечена, очень ободрился и решил сделать державам по телеграфу формальное заявление, что в случае войны между Россией и Японией Корея будет соблюдать строжайший нейтралитет.

2 января утром адмирал меня требует.

«Давно мы не беседовали с вами о делах. Ну, что вы скажете обо всем этом?»

Я высказал, что японские предложения становятся все более и более назойливыми и бесцеремонными. «Этот обмен проектов и контрпроектов недостоин России. Надо встряхнуть весь вопрос в совокупности и тогда решить, что дальше делать и как ответить японцам. Для всего этого вам прежде всего надо ехать в Петербург, теперь момент удобный, японцы,- очевидно, подождут ответа. Они ждут пять месяцев. Надо доложить государю лично о положении дел. Вы пропустили предыдущие два момента, когда можно было ехать. Теперь опять настал благоприятный момент, надо им пользоваться и прямо доложить государю: признавая настоящий момент удобным для отъезда, так как японцы до получения ответа ничего не предпримут, и считая положение серьезным и требующим всестороннего обсуждения при моем участии, прошу всемилостивейшего разрешения прибыть».

Адмирал сначала возражал и сердился: «Опять вы в Петербург хотите! А здесь, вы думаете, мне нечего делать? Как я могу отлучиться? Надо делать распоряжения по мобилизации здесь и в Приамурском крае».

— «Ваше высокопревосходительство, разве вы не можете делать распоряжения из Петербурга? Телеграмма отсюда в Хабаровск идет столько же времени, сколько из Петербурга. Напротив, теперь важно, чтобы решения принимались не без вашего участия. А ведь надо сознаться, что решения принимаются не здесь, а в Петербурге. Там и надо вам быть. Мне лично все равно. Оставьте меня здесь или возьмите с собою, как угодно, но для вас безусловно необходимо во всех отношениях ехать. Теперь или никогда. Если пропустить настоящий момент, то потом уже будет поздно. Из Петербурга пришлют или слабый ответ, полную уступку по всем пунктам, — чего нельзя допустить, — или ответ достойный — и тогда может начаться война. Предупредить это можно только, если вы лично объясните положение и достигнете прекращения переговоров».

После долгих объяснений адмирал согласился послать государю телеграмму о необходимости пересмотра и одновременно адм. Абазе— о необходимости для обсуждения прибыть в Петербург.

Поручил мне составить проекты подобных телеграмм.

Я радостно вышел из кабинета.

3 января.

Вчера во время жаркого спора адмирал, между прочим, говорил, что «вы — дипломат. Все ваши писания ничего не стоят. Я бы просто

сбъявил японцам войну за их нахальство. Их необходимо проучить. Все равно войны мы не избежим» (и много еще в этом духе. Напр.: «Надо бы вызвать тень императора Александра III, он показал бы им!»)

Государю отправлена следующая телеграмма:

«Переданные в телеграмме бар. Розена от 31 декабря ответные предложения Японии по существу своему и по тону японского сообщения еще более притязательны и самоуверены, чем прежние. Продолжение переговоров в этом направлении, повидимому, не только не может привести к примирению обоюдных интересов и, следовательно, к достижению той цели, ради которой они были начаты, но, напротив, ведет в постепенному обострению отношений и к более вероятному разрыву. Ввиду сего и сознавая настоятельность изыскать меры к устранению подобной случайности, осмеливаюсь вновь повергнуть на всемилостивейшее благоволение в. и. в. мнение, что, прежде принятия какого-либо решения касательно ответа Японии, казалось бы необходимым всесторонне обсудить корейский вопрос в связи с общим политическим положением на Дальнем Востоке. Г.-ад. Алексеев».

Адмирал ни за что опять не хотел прибавить, что момент теперь подходящий, японцы дождутся ответа, «прошу разрешения ехать в Петербург для личного доклада».

Он согласился высказать это в телеграмме на имя к.-адм. Абазы, ввиду чего я представил такой проект:

«Ввиду того, что японское правительство само просит нас вновь обсудить вопрос о соглашении и, следовательно, будет ждать нашего ответа, признаю настоящее время наиболее удобным для прибытия в Петербург, дабы принять участие в обсуждении ответа, который при настоящих политических обстоятельствах может иметь решающее значение на весь дальнейший ход здешних событий».

Адмирал взял этот проект к себе с тем, чтобы дать зашифровать «безобразовским» шифром, но вечером еще телеграмма не была отправлена. Возможно, что адмирал раздумает. Жаль будет!

4 января.

Поздно вечером я узнал, что телеграмма Абазе отправлена, но— увы! адмирал совершенно переделал ее. Начинается с того, что «ввиду серьезности положения я телеграфировал государю о необходимости обсуждения. Считал бы приезд свой в Петербург для принятия участия в совещаниях полезным, но он возможен только в том случае, если будет признано возможным отложить сообщение ответа Японии на несколько недель».

Трудно ожидать, чтобы после этой телеграммы вызвали. Там нет решимости, в Петербурге адмирал должен бы взять на себя ответственность, сказать, что «я признаю то или другое», а не «если вы признаете».

5 января.

Принимал корреспондентов — Ferd. Mc. Cormik (Reuter's telegram Company) и Norris Newman — корр. «Daily Mail».

6 января.

Крещение. Парад. Адмирал нездоров, горло болит.

7 января.

Из Петербурга все нет ответа.

Пришла «Hansa» из Кореи. Привезла, между прочим, пакет для Чифу, заключающий телеграммы державам от корейского императора о соблюдении нейтралитета в случае столкновения России с Японией.

Корейский император, получив милостивое письмо государя императора, привезенное ему корейским офицером Хиен-сан-ченом, набрался храбрости и решил оповестить все державы, что в случае столкновения он будет соблюдать нейтралитет.

Чтобы японцы не узнали о таком смелом шаге, император передал телеграммы к державам через французского поверенного в делах Fontenay — Павлову, который прислал их мне с просьбой переслать консулу в Чифу Тидеману для вручения французскому консулу Герену, состоящему также корейским консулом.

Таким образом, телеграммы императора корейского о нейтралитете были отправлены всем представителям держав без ведома Японии. Японский посланник потом допытывался у Павлова, неизвестно ли ему, каким образом посланы телеграммы, и не причастна ли к делу французская миссия? Павлов ответил полным незнанием.

Инцидент с корреспондентами. Один из них, Нюман (якобы из «Daily Mail»), уверял меня в дружбе его к России, восхвалял образ действий России в Манчжурии, порицал действия Японии и претензию американского правительства внедриться в Манчжурию. Я, конечно, не отрицал, потому что японцы и американцы, заключив с Китаем договор о консулах в Манчжурии в то время, как она занята Россией и даже не сообщив об этом России, поступили, конечно, по-свински. Но я сказал только корреспонденту, что нам его дружба не нужна, а желательна лишь правда.

Он послал телеграмму в Вашингтон, что Плансон заявил, что факт заключения договора есть неприязненный шаг и что Россия не допустит консулов в Манчжурию. Телеграмма эта встревожила Хея, который запросил гр. Кассини; этот в свою очередь запросил гр. Ламздорфа, который телеграфирует адмиралу 9 января: «Северо-американское правительство сбратило внимание российского посла в Вашингтоне...»

23 января.

С утра — спешка: получено 4 шифрованных телеграммы от гр. Ламздорфа с надписью «Весьма экстренно»; усердно разбираем. Это ответ России на японские последние предложения. Они передаются наместнику для передачи бар. Розену (передаточная инстанция). Предлагается, положим, если он «по местным условиям» находит нужным сделать изменения, сообщить об этом возможно скорее. Адмирал с негодованием отверг мое предложение сказать свое мнение. «Мое мнение я высказал. Больше повторять не стану. Они все равно делают по-своему, перекраивают проект соглашения, как тришкин кафтан. Что ж я буду, как паяц, кланяться на одну сторону и на другую? Я высказал государю еще третьего дня мое мнение в длинной телеграмме по военной части о том, что нам необходимо готовиться к войне, хотя бы для того, чтобы этим путем образумить японцев и тем устранить войну».

Все телеграммы передаются Розену с указанием необходимости сохранения статьи о нейтральной зоне, которую министерство ин. дел готово в крайности выпустить.

В общем, все это, видимо, производит на адмирала тяжелое впечатление. Он мрачен, говорит мне опять, что после этого не останется больше. «Надо вас выдвинуть, а я уйду. Вы можете быть посланником в Корее». — Я возражаю, что нельзя теперь уходить, дела много. Теперь, когда нет твердости, нужны именно люди энергичные, чтобы поддерживать.

Адмирал говорит: «Я свое дело сделал, писал государю и министру, я исполнил свой долг перед совестью, перед государем и перед историей, а затем пусть другие работают».

(Приехал кореец Куок-куан-хы с поручением от императора к наместнику.)

25 января.

Началось! Вот как начинается война!

23 января, т. е. два дня тому назад, послано бар. Розену три телеграммы, передающие ответ русского правительства. В нем заключалась еще одна уступка, а именно согласие выпустить ст. 6-ю о ней-

тральной зоне, хотя и было сказано, что Розен должен прежде попытаться всеми средствами склонить японское правительство к принятию условия о нейтральной зоне, хотя бы в виде отдельной секретной статьи.

Но бар. Розен, очевидно, еще не успел передать русский ответ.

Сегодня рано утром получено две телеграммы от гр. Ламздорфа. Одна шифрованная, другая открытая, что японский посланник в Петербурге отозван и что государь император повелел Розену со всем составом миссии выехать в Порт-Артур. Прибавлено, что такой образ действий Японии, не дождавшейся даже ответа, возлагает на нее все могущие произойти последствия.

Адмирал сейчас позвал меня. «Ну, поздравляю вас с войной. Вот результат вашей дипломатии, замазывания. Ну, слава богу (он перекрестился)! Дай бог поколотить им хорошенько морду. Это все-таки лучше, чем вести бесконечную канитель». Пригласил меня завтракать. Был Флуг и Моллас. Спрашивал меня, есть ли у меня шашка, высокие сапоги; был в хорошем расположении духа. До завтрака принимал корейца Куок-куан-хы, который привез письмо министра двора и просил совета, как поступать Корее, чтобы соблюдать нейтралитет. Адмирал ответил: «Мы будем соблюдать нейтралитет Кореи, но японцы не будут, и положение корейского императора будет очень трудное. Но, во всяком случае, он не должен ничего предпринимать, не посоветовавшись с Павловым». Адмирал советовал Куоку устроиться с ведома Павлова, потому что он все-равно узнает, и тогда будет неприятность.

Я потом советовал Куоку уехать, устроиться, просить у Павлова рекомендательных писем и тогда явиться в Артур и жить здесь, причем переписываться со своим правительством может и помимо Павлова.

Он собирается ехать. Я ему выхлопотал разрешение ехать на «Забияке», которая отходит после-завтра, 27 января, чтобы отвезти военного агента в Корее Нечволодова.

Все японцы Порт-Артура собираются ехать отсюда.

Тидеман телеграфирует, что́ сегодня выезжает в Артур японский консул Мидрумо, чтобы забрать здесь всех японцев.

26 января.

Памятный день! — Начало войны.

В 10 ч. утра ко мне явился в мундире японский консул Мидрумо, в мундире с орденами, в сопровождении секретаря во фраке и цилиндре — Симидзу. Консул говорил по-английски, секретарь по-русски. Приехал оказать покровительство, взять на свой пароход желающих. Остальным просит оказать содействие. Я уверяю, что им бояться

нечего, что наместник уже обещал свое покровительство, и японцы могут быть совершенно спокойны. Мидрумо рассказывал мне, что едет в Дальний, что там есть старшина японцев (foreman и vice foreman), что он вернется сегодня вечером или завтра утром, чтобы отплыть обратно в Чифу и Шанхай. — От меня зашел к наместнику, не был принят, но и не настаивал, сказав, что хотел только засвидетельствовать почтение.

У нас эскарда вся вышла на рейд. Более двадцати вымпелов, не считая миноносцев. После спуска флага никого не отпускают на берег.

Адм. Старк встретился в сумерки. Идет домой обедать (жена именинница), говорит мне, что «контрабандой». Спрашивает: «Ну что, господа дипломаты, как дела?» Я отвечаю: «Наше дело кончено, теперь начинается ваша роль».

Вечером ложусь спать, около половины 12-го заснул ненадолго. Слышу выстрелы. Но здесь это так часто, что привыкаешь (по ночам работают над доком, взрывают скалы или бывают учения), решаю спать. Не спится. Выстрелы громче, чаще, резкий металлический звук. Ну, значит, дело серьезное. Одеваюсь, иду на пристань вместе с Вульфом и Мулюкиным, которые зашли ко мне. Встречается Ник. Ник. Савинский, который едет на извозчике из порта. «Что такое?» Савинский отвечает: «Атака японцев, у нас три броненосца взорвано: «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада»!» Мы все в ужасе бежим в порт. Пальба продолжается. Там собирается публика. Катера ходят от Адмиральской пристани к эскадре и обратно. На эскадру ездил адм. Витгефт, возвращается, едет докладывать наместнику, другие офицеры еще раньше ездили. Из их кратких ответов выясняется, что у «Цесаревича» сломан винт. «У Ретвизана» и «Паллады» несколько более серьезные повреждения. Первые два приткнулись к мели в самом входе на внутренний рейд. Никто пройти не может, и «Ретвизан» не может войти.

Японское нападение было полным сюрпризом для всех. Вообще никто не ожидал такого нахальства: посланники еще не выехали — японский из Петербурга, наш из Токио. Кроме того, в этот вечер, действительно, было учение — отражение нападающих миноносцев. Должно быть, японцы знали это, потому что, как только учение было кончено и эскадра успокоилась и предалась отдыху, вдруг летят мины. Первая ударила в «Ретвизан». Там не поняли, откуда сие. Произошла паника — первую минуту, конечно. Потом сообразили и воспрянули духом. Сторожевым миноносцем командовал Цимерман. Он видел 4 японских миноносца, но принял их за своих, думал, что продолжается учение. Пользуясь этим недоразумением, японцы успели пустить

около 12 мин, из коих некоторые не разорвались, одна застряла посреди прохода во внутренний рейд, но потом была выловлена.

Адмирал мне рассказывал на другой день, что он проснулся от выстрелов, спросил вестового: «Что такое?» Тот отвечает: «Это завсегда вечером рвут камни». — «Врешь! поди узнай!» Пошел узнать. В это время Крутский, возвращаясь от Престиных и слыша пальбу, зашел в адъютантскую комнату, чтобы оттуда по телефону спросить штаб: «Что такое?» Ответили: «Учебная стрельба, отражение миноносцев». И только позже обнаружилась истина, когда краса и гордость нашей эскадры — «Цесаревич» — получил пробоину.

Пробыв часа два на пристани, я отправился в адъютантскую. Весь дом наместника был освещен. У него сидел Флуг и обсуждал с наместником дальнейшие мероприятия и текст телеграммы на высочайшее имя. Приезжал и уезжал начальник морского штаба Витгефт. Адмирал собирался ехать на эскадру. Экипаж и конвой казачий простояли до утра у ворот, но адмирал не поехал, все время делал распоряжения. Я через адъютанта просил разрешения послать телеграмму в министерство. Ответил, что просит — прежде чем посылать — дать прочесть, для чего явиться в 8 час. утра. Был уже шестой час утра. Мы в канцелярии с моим помощником нашифровали телеграмму, отправили телеграмму Розену с повторением clair'ом высочайшего повеления выехать в Артур, так как он, повидимому, не получил телеграммы от 25-го.

Так прошла ночь. Я лег в половине 7-го поспать полчаса, до семи часов, а в 8 явился к адмиралу.

Памятная ночь!

27 января.

В 8 часов я был в адъютантской. Там все было так, как я оставил два часа тому назад. Никто не ложился спать. Адмирал тоже. Он меня принял довольно сухо. «Ну, дипломат, ваше дело кончено». Одним словом, дал понять, что нечего больше шляться сюда. Я сделал скромный вид. «Слушаю, ваше высокопревосходительство, но я должен послать телеграмму министру и не хотел без вашего ведома». Он прочитал. Но прежде воскликнул: «Зачем так длинно? Я государю послал короче». — «Здесь прибавлено о японском консуле, что мне казалось необходимым, чтобы оттенить неожиданность нападения — несколько часов после того, как мы здесь любезно встречали консула». Адмирал вполне одобрил. Потом одобрил проект телеграммы Розену. Разошелся, разговорился, стал любезен, рассказал мне, как он ночью проснулся от пальбы и т. д. Потом показал мне по секрету телеграмму государя, полученную вчера, 26 января. Государь говорит о миро-

любии: «Если должно произойти столкновение, то пусть инициатива принадлежит японцам» (я читаю громко и при этих словах замечаю: «Как японцы точно выполнили высочайшее повеление!»). Далее говорится, что если японцы высадятся в Корее, то надо не отвечать на это военным действием, и только если они двинутся к северу и перейдут 38 параллель, то его величество разрешает наместнику напасть на японцев.

— «Вот видите, какое заблуждение там существует! По крайней мере, теперь государь убедится, как его обманывают. Я все время говорил: надо прямо посмотреть в глаза возможности войны, а не убаюкивать себя надеждой на мирный исход. И если бы это было твердо поставлено с самого начала, то и войны бы не было. Вот результат. После такого сюрприза японцев государь убедится, надеюсь, что его обманывают. Александр III прямо сказал бы: «Дурак!» и выгнал бы вон. Если бы готовились воевать, то давно усилились бы здесь. А теперь мы ведь едва держимся. Где уж там наступать в Корее! Дай бог удержаться как-нибудь». Я ответил: «Никто как бог». Адмирал повторил: «Да, никто как бог», перекрестился и опять сказал: «По крайней мере, будет какой-нибудь конец неопределенности». Между прочим я спросил: «Как вы себя чувствуете? Вы не ложились спать?» Адмирал ответил: «Нет, не ложился, и не хочется спать. В такие минуты является подъем духа, я отлично себя чувствую».

Адмирал просил поторопиться переводом на китайский язык объявления населению Манчжурии и отпустил меня очень милостиво и доброжелательно.

Тем временем в адъютантской ожидал Флуг. Витгефт приезжал и уезжал. Около 10 час. с Золотой горы дали знать, что показались японские суда, говорили: п я т ь. Идут от бухты Торнтон на S. W., т. е. по направлению от Квантуна в Чифу (значит, они ночью прошли к Торнтону незамеченными). В бухте Торнтон стоят «Силач» и «Всадник». Может быть, японцы с ними покончили и потом идут оттуда.

В 11 часов вдруг раздается грохот — знакомый уже по сегодняшней ночи, но еще ужаснее. Очевидно, загрохотали наши громадные крепостные орудия, от которых окна разлетаются вдребезги на дачных местах. Потом какой-то небывалый свист, вроде звука сирены, но быстрее. Я понял, что нас бомбардируют. Действительно, от времени до времени над головой пролетали с жалобным свистом — вуу!! снаряды и разрывались. Один недалеко от нас, другой — в воздухе и осыпал осколками, третий — в бассейне и, взорвавшись, поднял столб воды. Говорят, много было в бассейн... Один ударил в транспорт «Казань», стоящую на внутреннем рейде. Там начался пожар. Больше всех разрушения причинил снаряд, пролетевший вдоль набережной:

все стекла побиты. Особенно лесопромышленное товарищество, где окна буквально разбиты вдребезги. Снаряд упал в кучу ящиков с товарами, разметал их, вырыл глубокую яму и отскочил в сад к Тифонтаю, где лежит неразорвавшись. Я видел его, — порядочная штука, с аршин длиною.

Когда началась пальба, адмирал поехал на Золотую гору. Я верхом помчался на дачные места, чтобы видеть поближе. К сожалению, представление уже кончалось. Раздавался отдаленный грохот. Местность усыпана осколками бомб («японские сухари»).

Оказалось потом, что 12 японских судов приблизились на выстрел к нашей эскадре и преспокойно открыли огонь. Их встретили с честью и скоро заставили замолчать. Говорят, один броненосец (яп.) потонул, другой поврежден, повели на буксире. У нас пострадал немножко «Новик», который рвался в бой (Эссен), и «Аскольд», у которого мачту сломало, а серьезных повреждений нет.

В 12 час. канонада прекратилась. Остальная часть дня прошла сравнительно спокойно. Раздавались только какие-то отдаленные выстрелы по направлению к Голубиной бухте. Высказывались опасения, что японцы высадятся там, или, подойдя к одному из тех мест, где железная дорога проходит близь моря, станут разрушать ее.

Как только началась бомбардировка, китайцы Артура пустились бежать. Куда — неизвестно, просто, как бараны, инстинктивно, бегут от шума. Магазины все закрыты. Город имеет мрачный вид. Вечером не зажигали ни одного фонаря на улицах, и запрещено было освещать дома, сбращенные окнами к морю.

28 января.

Сегодня только предполагается отъезд Курино из Петербурга. (Может быть, он уехал и раньше ввиду начала военных действий.)

Розен выезжает только в пятницу 30 января на французском пароходе «Yarra» в Шанхай, а оттуда, если можно будет, — в Артур.

Весь день прошел спокойно. Некоторые китайцы вернулись. Эскадра входит на внутренний рейд для отдыха. Все возмущены, что не знали об объявлении войны и не ждали нападения. Если бы знали, что дипломатические сношения прерваны, то изготовились бы, не стояли бы ночью с огнями.

Японцы не показываются. Говорят, чинятся в Чифу. Тидеман ничего не доносит. Посылаю ему телеграмму. Рассылаю всем консулам циркулярные телеграммы о положении дел.

Кабель с Кореей не действует. Он идет на Чифу, Шанхай, Нагасаки, Фузан, Сеул; линии исправны, но телеграммы не доходят. Павлов не отвечает. Между прочим, ему была послана телеграмма выс-

лать «Корейца» и «Варяга». Он не ответил. Теперь из Чифу сообщают, что «Варяг» и «Кореец» взяты японцами.

Говорят, из японской эскадры одно судно потоплено, другое сильно повреждено и, быть может, даже затонуло вследствие лопнувшей машины, видели какой-то столб воды и проч., но это — слухи.

29 января.

Бернер жалуется, что Линевич прекратил прием телеграмм во Владивостоке. Я докладываю, что запрещение основано на ст. 8 телеграфной конвенции. Но необходимо, чтобы министерство ин. дел сообщило державам.

Адмирал получил очень милостивую телеграмму от государя. Государь возмущен вероломством Японии. Адмирал сообщил, что через 8 дней идет в поход; я прикомандирован с двумя секретарями. Разрешает мне самостоятельно распоряжаться, где можно, или докладывать телеграммы вместе с моим мнением.

30 января.

Все тихо. Японцы чинятся. Тем временем масса слухов. Говорят, «Варяг» и «Кореец», стоявшие в Чемульпо, взяты японцами или взорвались после боя.

Приезжает Эттинген, по поручению Гроссе, возбудить вопрос, что будет с Инкоу. Если японцы явятся, что делать? Сдаться или уйти? Пишу по этому поводу доклад, где возбуждаю вопрос, как рассматривать Инкоу: как нейтральный treaty port или как русский порт? Японцы, очевидно, будут смотреть, как на русский порт и объект военных действий. Это вытекает из того, что они отозвали оттуда своего консула.

Адмирал делает недовольный вид. «Что вы с Гроссе труса порете? Какие там японцы, когда Инкоу замерз (т. е. вход в Ляо-хе)?» Я доказываю, что они могут высадиться южнее, где не замерзло, и пройти сухим путем. Адмирал все-таки сейчас делает распоряжение о передвижении в Инкоу 11-го стрелкового полка с артиллерией.

Вечером из Инкоу телеграфируют, что в море видны огоньки. Предполагают, что японская эскадра.

Эттинген доволен, что его поручение исполнено.

31 января.

Еду в казначейство получать деньги. Надо готовиться к отъезду. Адмирал переносит свой штаб в Мукден.

2 февраля.

Американское правительство предложило обеспечить нейтралитет Китая. Министр иностр. дел, передавая американское предложение, спрашивал наместника, в каких пределах предполагается оккупация Манчжурии и театр войны. Отвечает, что кроме занятой части Манчжурии необходимо выставить небольшие части за Ляо-хе. От Гоубанцзы до Ляо-хе по жел. дороге, оттуда к границе Монголии. Вне этих пределов мы признаем нейтральную территорию, на которую не могут входить войска воюющих держав, но это только в том случае, если Китай будет соблюдать нейтралитет и не допустит Японию нарушать его. (В сущности адмирал доволен, если можно сузить предел театра войны, потому что у нас очень мало войск.)

4 февраля.

Формируется полевой штаб и при нем дипломатическая канцелярия. Составляем штаты.

Получено известие, что 600 человек с «Варяга» и «Корейца» спаслось и привезено на французском крейсере «Гадон» в Шанхай. Получена телеграмма от Розена из Шанхая, что план Японии — высадить целую армию на Ляодун и одновременно двигаться по Корее к Ялу и к северу.

Розен и спасенные будут отправлены на нейтральном пароходе в Европу.

8 февраля. Воскресенье.

Уже со вчерашнего вечера поезд наместника готов... Некоторые из едущих забрались с вечера. Еду сегодня рано утром.

Ровно в 9 часов утра поезд тронулся. Адмирала провожали все городские власти. Свита адмирала — около 50 чел.

9 февраля.

В 4 часа приезжаем в Мукден.

Встречают Квецинский, Колоколов и Фуин — вместо самого цзяньцзюня. Фуин Тин-цзе, недавно назначенный, ставленник Юаншикая, высокого роста, с бородой, хитрые плутовские глаза. Цзяньцзунь не выехал к адмиралу. Обойдя войска, адмирал вошел в комнату на станции, где было приготовлено угощение. Здесь его приветствовал Тин-цзе от имени цзяньцзюня. Адмирал высказал надежду, что войскам будет оказано содействие в покупке провианта, фуража и проч. Фуин сказал, что указом богдыхана запрещено продавать что-либо, потому что Китай решил соблюдать нейтралитет. Адмирал

разъяснял, что нейтралитет касается остальных частей Китая, но не Манчжурии, что отказ в содействии в приобретении самого необходимого будет не нейтральным, а враждебным актом. Вслед за тем адмирал поручил мне еще раз разъяснить все сказанное Фуину, что я и сделал в присутствии полк. Квецинского и Колоколова. Колоколов и Квецинский были приглашены к адмиральскому столу в вагоне. После обеда я поехал к Колоколову и вернулся на его лошадях.

11 февраля.

С утра являются Чжан-доатай с переводчиком. Просят разрешить содержание в городах незначительной стражи — всего 200 чел. на уезд, обещают послать телеграмму в Пекин с просьбой разъяснений, как применять в Манчжурии правила о нейтралитете. В 3 часа едем с Флугом с визитом к цзяньцзюню.

12 февраля.

Разнос начальства. Адмирал вообще не в духе. Я написал проект телеграммы относительно Инкоу и уехал к Колоколову поговорить об организации газеты на китайском языке. Как раз в это время меня потребовал адмирал и страшно сердился. Что поделаешь!

В этот день приехал Дмитриев-Мамонов, директор Русско-китайского банка, вызванный адмиралом. Адмирал велел сказать, что не примет его до тех пор, пока он не придумает средства поднять курс русского рубля.

Мы с Флугом едем делать визит цзяньцзюню. Он принимает, наконец, после продолжительной болезни (притворной).

13 февраля.

Цзяньцзюнь все твердит, что не может оказывать содействие войскам в покупке провианта и фуража, так как из Пекина приказано соблюдать нейтралитет. Я разъяснил посланным от цзяньцзюня, что нейтралитет не касается Манчжурии. Притом нейтралитет не воспрещает продолжать торговые отношения.

То же повторяет и Колоколов.

Китайцы соглашаются смотреть сквозь пальцы: не оказывать содействия и не мешать.

14 февраля.

Приехали Гроссе, ген. Кондратович и адмирал Лощинский. Совещание у наместника с Флугом относительно обороны Инкоу; решено минировать вход в реку, вооружить форт, придвинуть [?] к Инкоу, по всему побережью до Кай-юан-сяня.

21 февраля.

В Мукден приехал адм. Макаров со своим флаг-капитаном Васильевым. Он встретил меня, как знакомого. Мы встречались в Географическом обществе, когда он делал сообщения, и, между прочим, в Мраморном дворце на его сообщении о льдах перед отправлением к северному полюсу. Адм. Макаров долго беседовал с наместником.

25 февраля.

Адмирал на докладе поручает мне составить телеграмму в том смысле, что Китай продолжает вооружаться и двигает войска к северу, очевидно, чтобы в удобный момент двинуть их против нас, когда мы будем заняты на Ялу; поэтому необходимо поставить вопрос ребром: желает ли Китай оставаться действительно нейтральным, тогда пусть уберет войска, — если нет, то разбить их сейчас, пока японцы не надвинулись из Кореи.

Целый день ждали ген. Жилинского, назначенного начальником штаба. Приехал в 10 час. вечера.

26 февраля.

Обед у адмирала с шампанским в честь Жилинского, за обедом разговор о возможных движениях японцев. Адмирал жалеет, что суда, которые уже были на пути, в Красном море, вернулись. Жилинский уверяет, что это лучше, флот нужен под конец; когда японцы будут разбиты на суше, то тогда надо будет топить их в море. На представлении его Марии Федоровне разговор шел о событиях на французском языке. «Quel malheur», сказала императрица. «Rien n'est perdu, — ответил Жилинский, — ce sont les étrangers qui exagérent le succès japonais». — «Oui, mais les étrangers ça ne vous regarde pas. Чорт с ними».

Наследник, который присутствовал, рассмеялся.

Адмирал сообщает известие: японцы бомбардировали сегодня утром Артур в течение 5 часов.

28 февраля.

Получено от Лессара 4 телеграммы; сущность в том, что китайское правительство отказывается внять нашим требованиям и приостановить посылку войск на север. Отвечать на это какими-либо решительными мерами опасно, можно натолкнуть Китай на опрометчивый шаг, но что-нибудь предпринять надо. Я высказываю мнение, что надо занять синминтинскую железную дорогу, тем более, что она, хотя номи-

нально — китайская, но была построена англичанами в пику нам, в то самое время, когда велись переговоры (Базили) с Скоттом в Петербурге о разделении сфер железнодорожных концессий. Адмирал говорит: «Это не штатское дело. Завтра здесь будет ген. Линевич, мы обсудим: какие именно меры надо будет принять».

29 февраля.

После совещания с Линевичем адмирал мне сказал, что решено ничего не предпринимать. Теперь нет средств, надо продолжать воздействовать на китайцев дипломатическим путем, пока не будет закончено сосредоточение войск. По секрету он показал мне карту с обозначением расположения войск и объяснил, что все готово, чтобы взять в руки синмингинскую железную дорогу, но приступать к осуществлению этой меры он считает преждевременным, потому что «кто их знает — китайцев! А что, если они вдруг перейдут в наступление? Мы не готовы».

5 марта.

Еду к Колоколову принимать цзяньцзюня и Фуина. Повторяют уверение, что можно покупать провиант и проч., но не надо требовать официального содействия, подобно сторожу у ворот, который заснул. Иди, но нельзя будить сторожа и требовать разрешения на пропуск. Между тем Квецинский требует содействия, угрожает в случае убытков взыскать с самого цзяньцзюня и принять «соответствующие меры». Я советую ответить вежливо и обещаю постараться, чтобы Квецинский не писал подобных бумаг. Я привел доказательства, что Манчжурия не может быть нейтральною: кн. Цин издал распоряжение, воспрещающее вывоз контрабанды в государства воюющие и в Манчжурию, — следовательно, Манчжурия не признается нейтральною. Я пояснил, что японцев бояться нечего, они приходили и раньше и уходили. «Теперь также придут и уйдут, тогда как Россия и Китай — давнишние, всегдашние соседи, мы никуда не уйдем, останемся здесь. Например, вы, цзяньцзюнь, сидели у меня в гостях; вдруг приходят во двор чужие люди, японцы. Первое дело — нам с вами соединиться и общими силами прогнать врага. А потом уже мы между собою посчитаемся». — Доложил адмиралу. Прибавил, что китайцы не верят, что мы здесь остаемся. Колоколов объяснил им, что мы живем в поезде потому, что комфорта больше. Они отвечают: «А зачем локомотив стоит по близости и дымится?» Адмирал говорит: «Что ж цзяньцзюнь не предложил мне свой дворец?»

Вот мысль! Надо через Колоколова постараться устроить, чтобы цзяньцзюнь пригласил адмирала во дворец.

8 марта.

Адмирал невесел. Он представлял Стесселя государю как командира корпуса. Тогда Семенов был назначен комендантом. Сегодня получена телеграмма государя оставить Стесселя комендантом Артура. В сущности, это хорошо. Он хорошо знает каждый уголок города и подтягивает всех, ободряя, вместе с тем, своими приказами à la Ростопчин.

Адмирал мне говорит: «Что, любезнейший Е. А., надо мне уходить!» Я, конечно, уверяю, что теперь нельзя уходить. Надо руководить действиями сухопутного и морского командиров, довести войну до конца и тогда уходить.

— «А как вы думаете, как долго продлится война?» — «Думаю около года. Дольше не выдержат, а меньше нельзя довершить дела до конца».

Адмирал показывает мне карту, где расположены наши войска, через несколько дней их будет 100 тысяч. Я высказываю мнение, что японцев в действительности гораздо меньше, чем они уверяют. Но нет сведений. Адмирал говорит: «Нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы завязать сношения с Японией?» Я даю мысль: Распопов или бар. Гинзбург. Телеграфирую в Шанхай, чтобы узнать, где они.

11 марта.

Адмирал спрашивает меня, что я думаю о японцах. Я отвечаю, что, повидимому, они ошиблись в расчетах и несколько растерялись, притом у них в Корее, очевидно, гораздо меньше войск, чем они распространяют.

Адмирал высказал пророчество и просил записать, что не пройдет трех месяцев, — если только судьба нам будет благоприятствовать, — как японцы попросят мира. «И я нисколько не удивлюсь,— прибавил адмирал, — если при свойственной вашему министру мягкотелости и добродушии государя на это будет изъявлено согласие, и я получу приказание приостановить военные действия. Но, конечно, я всеми силами буду бороться против этого. Надо прогнать японцев из Кореи и тогда только заключить мир».

13 марта.

Указ, объявляющий Инкоу на военном положении, подписан. Дополнительный указ, содержащий правила, тоже. Правила эти: 1) военное положение распространяется на всех жителей независимо от подданства; 2) наблюдение за входящими судами; 3) воспрещается ввоз

оружия и боевых припасов; 4) воспрещается вывоз контабанды в порты Японии и Кореи; 5) залог при вывозе в нейтральные порты; 6) действие маяка и..... [1]) знаков приостанавливается; 7) касательно контрабанды руководствоваться высоч. утв. 14 февраля 1904 г. правилами.

Адмирал очень озабочен возможностью высадки японцев близь Инкоу.

Завтра ожидается приезд Куропаткина. Будет выставлен почетный караул. Но мы встречать не будем. Адмирал опечален приездом. Я утешаю: Куропаткин — человек покладистый, надо только держать в рейпекте.

14 марта.

В 3 часа приехал Куропаткин.

Он обедал у адмирала, рассказывал, как его всюду чествовали. Как он чуть не расплакался первый раз в Москве в Дворянском собрании, другой раз в Сибири, когда говорил какой-то священник простую речь. Рассказывал про образок, который ему дала вел. кн. Ольга Александровна, как он его потерял, испугался, поставил на ноги полицию, обещал награду тому, кто найдет, и накануне отъезда нашли. Рассказывал, что 23 января был бал. Он ухаживал за м-me Курино. Он стоял зеленый, видимо, у него был уже в кармане приказ о разрыве дипломатических сношений. Пела Литвин; его вызвали экстренно: оказывается, — разрыв. Просидел 2 часа у адмирала, выказывая полную покорность и подчиненность. Начальнику штаба, Жилинскому, сказал, что не будет ему представляться, потому что поздно. (В случае отсутствия наместника его замещает начальник штаба. Куропаткин хотел сказать, что понимает, что он ему подчинен косвенно. Но все-таки не пошел к нему.)

Я Куропаткина так и не видел.

Куропаткин привез адмиралу собственноручное письмо государя и образок от государыни Александры Федоровны.

15 марта.

Приехал в. кн. Борис Владимирович. Его встретил Жилинский с адъютантом. Он сейчас поехал с визитом к адмиралу. Просидел час (7—8 веч.), передал письмо Владимира Александровича. Повидимому, хочет остаться в Мукдене. Поезд его поставлен на нашу ветку. Куропаткин, говорят; встретил его холодно и вообще не хочет иметь его у себя.

---

[1]) Не разобрано.

16 марта.

На докладе адмирал жаловался, что наехало столько бесполезных офицеров — обуза для войск и для дела. Приехал Карагеоргиевич, брат сербского короля. Адмирал спрашивал меня, как его титуловать. Я ответил: «Altesse, высочество, но обращаться с ним все-таки по команде, как с офицером подчиненным». Они оба с Борисом Владимировичем уехали в Артур на несколько времени, а потом опять вернутся. Приехал Алексеев — племянник.

17 марта.

Адмирал вздумал съездить в Артур с небольшой свитой.

Выехали в 9 час. вечера. В Ляояне назначено — 11 час.; получается телеграмма, что Куропаткин будет встречать. Ульянов говорит, что сами виноваты, зачем назначать 20 минут остановки. Поезд пришел позднее, Куропаткин не вышел встречать.

18 марта. На пути из Мукдена в Артур.

В 9½ час. утра адмирал потребовал к докладу. Я сказал, что ничего нет. Все дела текущие исполнены, новые телеграммы будут распечатываться в Мукдене.

Адмирал читает телеграмму Лессара (опровержение сведений гр. Кассини, что японцы переодеваются и пр.), высказывает, что нельзя не согласиться с Лессаром. Вообще во время нынешних военных обстоятельств он действует правильно. «Я все время стоял на том, что Китай должен соблюдать нейтралитет. Меня старались сбить с этой дороги в ту и другую сторону (вероятно, намек на Квецинского, который хотел бы поскорее присоединить Манчжурию), но я остался на своей точке зрения, и Лессар в этом отношении вполне поддерживает, я ни в чем не могу упрекнуть его. Что вы на это скажете, любезнейший Е. А.?» — «Я совершенно такого же мнения, но есть вопрос, в котором вы можете упрекнуть Лессара — именно о разоружении в Шанхае лодки «Манчжур». Лессар мог бы отстоять». — «Да, вы теперь это говорите, отчего вы мне не говорили своевременно? Вы прочли статью «Нового времени» и теперь говорите то же самое. Другой раз напишите мне доклад, тогда не будет сомнения. Если бы вы хорошенько обосновали юридически, то, быть может, я принял бы это. С другой стороны, был момент, когда надо было разоружить «Манчжура», чтобы успокоить японцев и, главное, Китай, который был встревожен угрозами Японии. А потом, если одержим победу, то можно опять вооружить «Манчжура».

Адмирал закончил тем, что «Лессар понял, что теперь нельзя итти наперекор. Я, конечно, не допустил бы этого и написал бы государю, что его надо убрать. Но он не дает повода».

Я докладываю, что в «Echo de Chine» есть статья, что японцы после первых уроков образумятся и пойдут на переговоры, и тогда за Россией будет признана Манчжурия, а за Японией южная часть Кореи.

«Ну, нет, подавайте нам Мосампо, меньше я не хочу, или же Цусиму. Мосампо — прекрасная гавань, — сколько я исследовал, описывая эту гавань. Лишь бы вы не ослабели».

Я ответил: «За себя ручаюсь, а вот как министерство, как государь?»

«А вот что государь про это думает», — сказал адмирал, вынув пакет, привезенный ему Куропаткиным. На конверте надпись собственной рукою: «Генерал-адъютанту Алексееву» и больше ничего. Письмо написано на плотной почтовой бумаге большого формата, сложенной пополам. Наверху посредине первой страницы рельефная с красками корона с флагами. Начинается просто: «Евгений Иванович», без всяких прилагательных. Первые строчки я сам видел, что-то в роде: «Поручаю Куропаткину отвезти письмо»...

Адмирал прочел мне только конец: государь в очень твердых выражениях желает силы довести дело, не нами начатое, до конца и продиктовать условия мира Японии.

Адмирал еще прибавил, что Куропаткин — хотя, может быть, умный в некоторых отношениях, но не дальновиден, то-же Ламздорф, но душа заговора против государя — это Витте, и когда-нибудь будут они посажены в тележку и отвезены...

Вместо Ламздорфа следовало бы назначить Нелидова.

Прибыли в Артур в 2 часа. Встречали Стессель, Смирнов, Макаров, Ухтомский и пр. Едем на «Петропавловск». Снимаю группу офицеров с в. к. Кириллом Владимировичем и Стесселем. Наместник едет к в. к. Борису Владимировичу.

16 апреля.

Военные и моряки возмущаются оборотом, который приняло дело «Манчжура». Павлов был в Шанхае и мог бы содействовать, но Лессар отстранил его и отстранил Огородникова. Когда началась война, не мог скрыть радости: «Вот я говорил — Алексеев устроит войну!».

Лессар никого не видит, никуда не ходит, не может иметь никаких сведений. Говорит только с Лянфаном à quatre yeux. Других министров не видит и говорит без свидетелей, а потом в телеграммах

пишет что угодно. Троевластие (Алексеев, Куропаткин, Скрыдлов). Министерство спрашивает Лессара, какие признаки движения китайцев.—Никаких, трудно набрать.

22 апреля.

Японцы высаживаются у Бицзыво. Оттуда 30 верст до Пуландяна; еще ничего не подозревая, еду с Рошевским на Золотую Гору снимать рейд с торчащими мачтами брандеров.

Спешный отъезд из Артура. Опаздываю на поезд. Еду с Ногаевым, Коншиным и Яковлевым. Опасение японцев. Решимость прорваться Пуландян — Вафандян — Лединг; благополучно приезжаем в Ляоян, где, оказывается, адмиральский поезд стоит. Адмирал беседует с Куропаткиным. Пользуюсь этим, чтобы пересесть в адмиральский поезд; приезжаем вместе в Мукден.

Встреча цзяньцзюня. Я участвую во встрече и беседе с цзяньцзюнем в вагоне. Адмирал, проходя мимо меня, говорит: «А, беглец!»

Посылаю телеграмму Балашову, что китайское правительство разрешило русским и китайским госпитальным судам заходить в китайские порты. Говорят, что японцы захватили телеграф и пропускают только то, что им выгодно. Такую телеграмму они, наверное, пропустили бы. Но, по распоряжению Куропаткина, телеграф не принял — удивительно! Как важно было бы в Артуре знать, что госпитальное судно может итти в Китай! Оно может везти корреспонденцию и пассажиров под видом больных.

Постараюсь отправить эту телеграмму другим путем (устроено, что китаец будет ходить пешком и носить мелко написанные записочки).

24 апреля.

Адмирал высказывает сожаление, что не остался в Порт-Артуре. «Как главнокомандующий я не могу там быть, но как адмирал по характеру я остался бы».

Ульянов только теперь мне сказал, что адмирал еще 20 числа получил от государя телеграмму, что «ввиду невозможности ныне для флота принимать активное участие в военных действиях, прошу вас выехать в центр армии».

Вот почему, когда получилось известие о высадке японцев в Бицзыво, адмирал мог тотчас выехать.

Еду по поручению адмирала отвезти его карточку цзяньцзюню. Объясняю, что война еще не началась. Что мы — миролюбивый народ, так же, как и китайцы. На нас так же, как на них в 1894 г., напали. Мы пока решили ничего не предпринимать, но когда соберем достаточно войск, то прогоним японцев.

25 апреля.

Открытие госпиталя Красного креста в монгольском храме.

Ходят слухи, что в Бицзыво высадилось всего 200 японцев, что мы напрасно струсили, сами по приказу Куропаткина разрушили железную дорогу на пространстве 15 верст и сами испортили телеграф. В подтверждение этих слухов служит страшнейший ураган с юга, который свирепствует уже двое суток; хочется надеяться, что ураган разогнал японские транспорты.

Одновременно возмутительные сведения, что в Инкоу по приказанию Куропаткина разрушили форт, сооруженный с такими трудами, разоружили лодку «Сивуч» и пр.

А что если это не понадобится, какой скандал!

26 апреля.

Происходят сборы к отъезду в Харбин. Но ничего определенного еще не решено. Получена телеграмма от министерства иностр. дел, что, по сведениям консула Бологовского из Гонконга, японцы собираются соединенно флотом и войсками пройти вверх по Амуру и Сунгари до Харбина, чтобы зайти в тыл.

Захар Яковлевич говорит, что по этому поводу адмирал уехал бы на север, чтобы распорядиться, но опасается, что сейчас на его место придет Куропаткин в Мукден.

28 апреля.

Идет вопрос об Инкоу. Оказывается, форт уничтожили, лодку «Сивуч» разоружили. Адмирал приказал вооружить, телеграфирую Гроссе, чтобы держался до последней минуты. А потом не передавать китайским властям, дабы не создавать прецедента, а просто расформировать градоначальство и уйти. Ему же, как консулу в нейтральном китайском порту, остаться до прихода неприятеля и руководствоваться указаниями министерства ин. дел о времени и способе оставления своего поста. Джоночную таможню закрыть. Джонки все и катера отогнать к Давану, где наши войска. Запасы уничтожить по получении на то специального приказания.

Иностранцы хотят прислать свои канонерские лодки. Какой позор! То мы объявляем город на военном положении— все подчинились в надежде, что мы зато защитим, и поэтому согласились убрать свои лодки, — и вдруг мы бессильны их защитить, — они опять посылают лодки.

29 апреля.

Читаю адмиралу письмо жены, как Куропаткин рекламировал себя заранее, и даже молитва составлена для него, и что в Петербурге всевозможные сплетни; адмирал отвечает, что не обращает на это никакого внимания и будет продолжать делать свои дела без рекламы.

С Порт-Артуром сообщение восстановлено. Получена телеграмма из Вафандяна от Поликарпова. Едет.

30 апреля.

Сегодня приехал из Артура в Мукден кап. 2 р. Поликарпов, с бумагами, первым поездом, отправленным экстренно после перерыва. Путь восстановлен, но на станциях Саншилипу, Пуландян и Вафандян, а также на соответствующей части линии картина полного разрушения. Станции, мастерские, склады, пакгаузы, казармы сожжены, телеграфные столбы повалены, полотно взорвано. Особенно пострадала большая складочная станция Вафандян на границе Квантуна и нейтральной зоны, где убытки оцениваются в полтора миллиона. Около 80 верст поезд шел наудачу без телеграфа, без стрелочников, мимо пустынных разоренных станций при полной неизвестности, что его ожидает впереди. К счастью, поезд прошел благополучно.

Все описанные разрушения произведены не японцами, а нашими военными властями, по распоряжению командующего манчжурской армией.

2 мая.

Бирюков просит переслать Павлову в Шанхай телеграмму о высылке ему денег, хочет организовать разведки в Корее посредством учеников корейцев.

Японцы заняли уже Фын-хуан-чен, отряд их есть в Синцзинтине, в 150 верстах к востоку от Мукдена. Мы повсюду отступаем без боя. Ген. Жилинский первый раз после болезни докладывает адмиралу. Заболел 20 апреля.

3 мая.

Адмирал в инструкции градоначальнику Гроссе высказал, что он в качестве консула мог бы остаться после ухода войск до самого вступления японцев, чтобы не передавать ни китайцам, ни иностранцам, ни оставлять на произвол судьбы. В телеграмме я выразился: «в качестве консула в китайском нейтральном порту» (надо было сказать — трактатном порту). Лессар сейчас подцепил

и пространно стал доказывать, что «настаивать на нейтралитете» не надо и вредно. Пришлось разъяснить ему, в чем дело.

Гроссе высказывается против сжигания запасов. Это произведет панику, восстановит против нас и лишит его возможности выступить потом в качестве консула. Делает сношения с Куропаткиным о покупке запасов интенданством.

Адмирал сообщает мне, что японцы высаживаются в Син-ючене. Мы, не оказывая никакого сопротивления, уходим из Инкоу.

4 мая.

Говорят, что японские разъезды появились в 15 верстах от Мукдена. Вокруг поезда наместника хотели строить забор (комендант полк. Воронов). Адмирал не согласился. Поставили лагерем батальон солдат невдалеке от поезда. Вчера вечером комендант даже распорядился, чтобы огни были погашены в поезде или шторы спущены.

Получена телеграмма от Григоровича из Артура. Телеграфом от Ляояна, куда, вероятно, доставлена китайцем.

Высадившиеся японцы идут пока на юг, к Инкоу не подходят. Видимо, они решили во что бы то ни стало взять Артур. А Куропаткин на выручку не пойдет.

Григорович телеграфирует, что мяса осталось на 2 недели.

6 мая.

Доклад. Адмирал говорит, что японцы далее Фын-хуан-чена не идут, укрепляются. Хотят, видимо, чтобы их брали. Притом караулят нашу армию, чтобы она не шла на выручку Артура, и все свои силы употребляют на то, чтобы двигаться к Артуру.

«В случае, если бы им удалось взять Артур, это был бы такой удар, который никакими победами нельзя было бы потом поправить». Я говорю: «Неужели Куропаткин не может отделить отряд и послать на юг?» — «Куропаткин нерешителен, слишком боится за свою репутацию».

7 мая.

Вечером З. Я. Ульянов конфиденциально показал мне телеграммы, коими обменялся адмирал с государем в апреле. 4 апреля наместник телеграфирует государю (привожу на память): «Назначение Куропаткина, старшего меня по службе, было для меня нравственным ударом. Новое назначение вице-адмирала Скрыдлова, с которым я не могу совместно служить, заставляет меня просить в. и. в. заменить меня другим лицом. Смею надеяться, что ввиду моей более чем сорокалетней

службы и тяжелых пятилетних трудов на Дальнем Востоке в. и. в. милостиво отнесетесь к моей всеподданнейшей просьбе».

На это государь ответил 7 апреля: «В многосложных трудах ваших вы более чем оправдали мои ожидания; с особенною яркостью выразились ваши дарования со времени начала военных действий и, высоко ценя вашу службу, не могу согласиться на замену вас другим лицом. Куропаткин и Скрыдлов подчинены вам, как моему наместнику и главнокомандующему».

8 апреля наместник телеграфирует: «Преклоняясь пред высочайшим повелением, приложу все старания, чтобы оправдать высокое доверие в. и. в. и незаслуженно милостивую оценку моих трудов».

Около этого времени (5 апреля) государь послал Куропаткину телеграмму, в которой напоминал, что он подчинен наместнику. Куропаткин тогда прислал наместнику письмо с изъявлением своих чувств преданности. Письмо это было получено на «Севастополе».

8 мая.

Получена телеграмма Гроссе, что американский консул Миллер назначен генеральным консулом там же. Одновременно американская эскадра вся сосредоточилась в Чифу. Очевидно, они ждут удобного случая, как только мы двинемся из Инкоу, чтобы захватить там власть. Докладываю адмиралу, что надо всеми силами этого избегнуть, укрепить опять Инкоу, не отступать оттуда ни под каким видом. Адмирал говорит, что при предложенном движении на юг имеется в виду и защита Инкоу. Но не соглашается со мною относительно значения американцев. «Мы всегда признавали этот порт трактатным портом. Первое, что я сделал, — это объявление, что мы будем признавать права иностранцев, вот почему все обошлось хорошо». — Я замечаю, что участие иностранцев было не вредно, когда мы только начинали, чтобы не испугать их сразу, но теперь, после четырехлетней оккупации, когда мы шаг за шагом добились положения, объявили военное положение, — нельзя отступать, надо, чтобы военное положение послужило переходом к присоединению, а для этого необходимо, чтобы не было промежутка между нашим господством и нашим возвращением. Этим промежутком непременно воспользовались бы американцы, устроили бы нечто вроде международного управления, и тогда с ними считаться очень трудно. Лучше прямо передать японцам. Их потом можно без церемонии выгнать, мы с ними в войне. А попробуйте выгнать американцев. Надо им тогда объявить войну.

Адмирал остался при том мнении, что американцы лучше.

9 мая.

Убеждаю адмирала послать телеграмму в Петербург и Пекин: «Возведение американского консульства в Инкоу в генеральное и предположение прислать стационера указывают на желание активного вмешательства в местные дела, как только представится удобный случай. Считаю долгом ныне же заявить, что если бы мы и очистили временно Инкоу по военным обстоятельствам, то это отнюдь не должно быть истолковано, как отказ наш от прав, приобретенных завоеванием и четырехлетним управлением. Как только будет решено вернуться, мы восстановим прежнее положение и никакие случайно водворившиеся перемены не будут нами признаны».

Телеграмма эта отправлена.

10 мая.

Разнос адмирала, что не представляю записок по политическим вопросам. Советует взять еще секретаря. Указывает на необходимость подготовить переговоры с Японией. Передает присланные Лессаром по почте телеграммы о политическом положении.

Жилинский уехал в Ляоян убеждать Куропаткина в необходимости выручать Артур.

11 мая.

Жилинский, кажется, не убедил Куропаткина; он решил сидеть на месте и не двигаться ни на выручку Артура, ни к Инкоу. Говорят, что о японцах у него нет сведений. А что если они идут на Мукден?

Слухи ходят о кровопролитном сражении близ Цзинчжоу. Будто бы 15 тысяч японцев убито и полторы тысячи наших.

Адмирал на докладе раскудахтался на тему, что у нас не умеют держать секретов. Министерство иностр. дел — это ярмарка хуже вайвубу.

12 мая.

Утром в 8½ часов приехал кн. Хилков, Алекс. Алекс. Палтов, Корольков. Завтракали у наместника. Сообщили последнее изречение ген. Драгомирова: «Макаки ведут войну с кое-какими».

14 мая.

В 2 часа узнаем, что в 4 часа приезжает Куропаткин. Мы с Ульяновым решаем, что это он по высочайшему повелению вызван в Мукден, чтобы выслушать указания наместника; что, следовательно,

есть надежда на то, что мы двинемся на юг на выручку Артура. Стыдно, имея 100-тысячную армию, сидеть спокойно в то время, когда японцы подвигаются к Артуру. Сейчас отдаю в канцелярию записку перепечатать красиво, чтобы успеть послать наместнику для вручения Куропаткину. Авось, он хоть относительно Инкоу образумится.

В 4 часа Куропаткин приезжает с большой свитой — целый поезд, в котором они все живут.

В 5 часов джигитовка.

За обедом Куропаткин рассказывал, как он молодым офицером бродил по Сахаре с провожатым зуавом, как местные племена ненавидят французов и чуть не убили его два раза, подозревая в нем француза; как он в Туркестане охотился на кабанов (удачно) и на тигров (неудачно), — первый раз заснул на крыше жидкой постройки из камыша с двумя другими. Все трое заснули; были разбужены криком тигра, так испугались, что совершенно растерялись, а тигр ушел. Второй раз сидели в яме; козел ходил вокруг, привязанный за веревку. Появился тигр, козел так испугался, что оборвал веревку и бросился в яму, где сидели охотники. Общий переполох.

Далее Куропаткин рассказывал, что в Ляояне окружил себя рядом укреплений, окопов и ям, которые роют за 1 рубль китайцы. На 50 верст в окружности обеспечены от вторжения. Наместник спрашивает: «А придут ли японцы?» Куропаткин отвечает: «Вот в этом вся штука. Мы очень хотели бы, чтобы они пришли». (Я про себя подумал: «Зачем они придут в ваши ямы? Они сделают обходное движение на север — возьмут Мукден. На юге возьмут Артур, — а ты сиди в своих ямах, дожидайся, пока они придут в ямы»).

Далее Куропаткин рассказывал, что весь материал для железной дороги на Сюянь готов; когда настанет время итти в Корею, то ветка будет очень скоро построена и облегчит движение. К тому времени речки замерзнут, р. Ялу замерзнет — отлично. Вот только японцы укрепили Пингянь, трудно будет брать. Мы пойдем не торопясь, как медведь, но наколотим их.

Он впрочем отзывался очень хорошо о японских внутренних качествах.

Я не понимал, шутит ли он, чтобы не выдавать за обедом истинных своих намерений, или он, действительно, спокойно обдумывает зимний поход в Корею, совершенно оставляя на произвол судьбы Квантунь с Порт-Артуром.

15 мая.

На докладе высказываю свои сомнения адмиралу относительно искренности слов Куропаткина.

Адмирал говорит, что, конечно, за столом он не мог говорить вполне серьезно. «Мы с ним вот здесь за этим столом работали серьезно три часа. Но, в общем, его слова верно отражают его мысль. Он и в Петербурге говорил, что не надо торопиться и ждать скорых успехов, и государь одобрил этот план сосредоточения».

Я замечаю, что взгляд может быть хорош в теории. Но я не могу понять, как можно спокойно выжидать, когда под боком берут неприступную цзинчжоускую позицию, сейчас будут брать Артур. Это — такие удары, которых потом ничем не смыть, как пощечину, не говоря уже о том, что вновь брать назад эти позиции — вторая Плевна.

Адмирал делал вид, что спорит со мною, но в душе соглашался.

«Да, конечно, командующий армией, имеющей 100 батальонов, мог бы быть решительнее. Я вот уже недели три уговариваю Куропаткина. А теперь посылаю ему телеграмму, которая одновременно посылается государю, о необходимости двинуть корпус на юг, на защиту Артура». Адмирал читает мне черновик телеграммы, который весь написан его рукой. В ней указывается, что взятие Артура было бы ничем не вознаградимым ударом и что надо, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому.

Я высказываю радость по поводу телеграммы, но вместе с тем сожаление, что раньше не воспрепятствовали высадке. Вот где надо было бить японцев. Английские газеты удивляются, что русские даже не попытались помешать высадке, когда японцам приходилось 5 миль итти вброд по воде.

Адмирал возражает стереотипной фразой, что никогда еще не удавалось помешать никакой высадке. Если бы мы отражали их в Бицзыво, они пошли бы высаживаться в Дагушань или другое место, что вообще наше положение очень трудное: войск всетаки мало.

17 мая.

Кроме тяжести политического положения и громадной ответственности, лежащей на наместнике, его изводят булавочными уколами: в «Новом времени» Сыромятников пишет, что одной из причин войны было учреждение наместничества. Японцы будто бы обиделись, что их заставили вести переговоры с наместником. Очевидная нелепость. Всегда ведутся переговоры через посла, посланника, в данном случае — через наместника. Это такой же царский слуга, как и другой, и чем он влиятельней, тем лучше будет достигнута цель переговоров. Докладываю в этом смысле. Адмирал говорит: «Наместничество учреждено по собственной инициативе государя императора и едва ли уместно

критиковать и приписывать этой мере причину войны. Притом, вы знаете, я не просил и не искал наместничества. Я исполнял то, что мне приказывали, и меня нисколько не смущает то, что пишут».

19 мая.

Адмирал невесел. Видимо, с Куропаткиным нелады: не слушается. Копает ямы.

Разнес меня за телеграмму министру вн. дел о необходимости обуздать прёссу. Сам говорил, что нельзя в печати критиковать учреждение наместничества, так как — по инициативе государя, а когда я упомянул в телеграмме: «Как вы могли — серьезный человек?»

Вообще ему не хочется посылать такую телеграмму. «Не люблю эти каверзы».

20 мая.

Приехал начальник штаба Куропаткина Сахаров. Видимо, Куропаткин не согласен исполнить вполне приказание государя итти на юг. Посылает Сахарова поторговаться. Впрочем все хранится в глубочайшей тайне.

21 мая.

Адмирал развивает мысли, что эта война, независимо от прямых результатов, будет полезна тем, что встряхнет весь наш внутренний строй. У нас столько неумелости, халатности, недоделанности, что мы не можем долее так существовать. «Смотрите, как японцы опередили нас во всем. Надо нас встряхнуть, а то мы совсем тиной покрылись».

Декларация министерства о том, что другие державы не будут допущены к переговорам, оказывается, внушена Нелидовым.

Получена литография его донесения. Я докладываю ее. Адмирал говорит: «Вот видите, это мой кандидат в министры. Это чисто русский человек, имеющий свои воззрения и твердые взгляды».

Жилинский опять поехал в Ляоян (как журавль с цаплей по болоту).

22 мая.

Адмирал пишет что-то спешное. Я спрашиваю, как дела. Идут ли на выручку Артура? «Да вот я стараюсь...»

Для меня очевидно, что мы пропустили момент. Когда японцы стали высаживаться в Бицзыво, надо было им помешать или сейчас двинуть на них корпус, пока они не успели развернуться и устроиться

в боевой порядок. Тогда достаточно было дивизии. Стыдно сказать, что тут же под боком у Сын-ю-чена у нас был расположен корпус Ренненкампфа и ничего не предпринял. Куропаткин говорил: «Пусть высаживаются побольше». Они спокойно недели две высаживались, перевезли осадные орудия. «Times» удивляется, что эта трудная операция, где надо было итти пять миль по воде, совершена без всякого препятствия со стороны русских; японцы двинулись на юг, приступили к осаде цзинчжоуской позиции. Куропаткин все не двигался. Наконец, они берут цзинчжоускую позицию. Ген. Фок отчаянно отстаивает ее три дня. А корпус Ренненкампфа стоит неподвижно. Тогда наместник предпринимает энергичные меры (начатые тотчас после высадки у Бицзыво); меры состоят в стараниях убедить Куропаткина, что необходимо итти на выручку: взятие Цзинчжоу, а тем более Артура — непоправимые удары.

Наконец, теперь, когда цзинчжоуская позиция укреплена японцами, решено, кажется, двинуть корпус на юг. Но теперь уже надо три корпуса. Брать неприступную цзинчжоускую позицию — это П л е в н а. Мы сами укрепили ее против себя. Японцев было 50—60 тысяч против Фока с одной дивизией. А теперь обратная пропорция.

4 и ю н я.

Получено еще вчера вечером известие о бое при Вафандяне. Мы отступили, масса раненых, убитых. Сегодня привезли один поезд раненых в Мукден, около 400 человек. Рассказывают опять, что был полный беспорядок. Никто не знал, куда итти, в какую сторону стрелять. Командир корпуса ген. Штакельберг совсем не был на поле битвы, а сидел в своем вагоне с женой. У него свой экстренный поезд, в котором он первый удрал. Санитарному поезду необходимо было подойти к платформе, чтобы принять раненых; просили разрешения Штакельберга отодвинуть его поезд, чтобы санитарный мог подойти, он не позволил. Рассказывают, будто санитары второпях положили раненых вместе с мертвыми. Доктор обратил внимание Штакельберга. Он ответил: «Это не мое дело разбирать раненых от мертвых». Все возмущены вообще поведением этого генерала, затмившего собою Засулича.

7 и ю н я.

Составляем телеграмму о Монголии министру иностр. дел:

«При настоящем положении дел на Дальнем Востоке нахожу своевременным и необходимым обратить серьезное внимание на монгольский вопрос, изучить на месте положение дел и настроение в связи

с текущими событиями в Манчжурии и Тибете. Этой необходимости придаю значение в особенности потому, что за последние два-три года японцы своими происками стараются уронить наше положение и нанести ущерб русским интересам. Не подлежит сомнению, что при разработке условий мира и условий порядка на Дальнем Востоке вопрос о Монголии не может остаться вне обсуждения. Ввиду всех этих соображений, предполагаю поручить военному коменданту в Ц. подп. Богданову посетить некоторые районы Монголии для ознакомления с положением дел, но прежде принятия такого решения прошу ваше сиятельство не отказать в заключении и сообщить имеющиеся сведения. Также нахожу полезным, чтобы в работах принял участие чиновник министерства иностр. дел, знакомый с местными условиями».

(Телеграмма отправлена 9 июня 1904 г.)

8 июня.

Начальник штаба Жилинский таинственно уезжает сегодня вечером на юг, под большим секретом. З. Я. мне сказал, что получена телеграмма от государя императора, чтобы командировать его в Вафангоу расследовать образ действий Штакельберга в сражении.

11 июня.

На телеграмму адмирала о Монголии министерство ответило, что вполне сознает важность изучения Монголии, вследствие чего назначен генеральным консулом Люба, которому предписывается немедленно приступить к объезду некоторых районов Монголии. Причем к совместной поездке с подп. Богдановым препятствий не встречается.

(Я предложу, чтобы ехали две разные экспедиции по общей программе.)

13 июня.

Приехали два офицера из Артура: Македонский и Назаревский. Македонский вышел 10 июня на шаланде. Накануне его отъезда наша эскадра выходила в море. Шаланда его наткнулась на мину, взорвалась, погиб стрелок. Он ухватился за боченок, продержался до прихода другой проходящей шаланды. Пакеты погибли. Телеграммы привез. Между прочим, привез известие, что эскадра вышла, встретила японскую из 3 броненосцев (у нас 6), но зато 6 крейсеров и 20 миноносцев. У нас 5 крейсеров и около 8 миноносцев.

Адмирал был очень обрадован известием.

«Пускай пишут про наш флот в «Новом времени», а флот наш все-таки сделает свое великое дело, без громких фраз и реклам. Что Макаров и другие герои «Нов. времени»! Если бы был жив Макаров, он до сего времени погубил бы флот, а мы его сохранили.

Но вообще эта война раскрыла все наши слабые стороны — полная неподготовленность: Куропаткин 7 лет был военным министром, а что он сделал? Он ничего не делал на Востоке, все указывая, что самое важное — западные границы. Между тем я теперь ясно вижу, что там мы так же слабы и неподготовлены, как здесь. И если здесь нас бьют японцы — новички в военном деле, то что было бы на западе? Нас разбили бы, как старый горшок! Куропаткина повесить надо. Он обманывал государя».

Я заметил, что следовало бы сказать правду государю.

«А, вы думаете, я скрою или постесняюсь? Конечно, как только приведется быть в Петербурге, я все доложу государю со всею откровенностью. Когда идут мелкие интриги личного свойства, я презираю их и молчу. Но в государственном деле я не буду молчать. Дай бог только окончить благополучно эту войну — и тогда Россия воспрянет. Нельзя так продолжать».

Адмирал сильно расчувствовался, когда говорил это.

17 июня.

Насколько адмирал радовался, что флот вышел в море, настолько был опечален полученным сегодня известием, что флот вернулся в Порт-Артур. Известие это долго не приходило. Бой был 11-го. Сегодня утром приехал кн. Урусов, привез подлинные донесения Витгефта. Он вышел в море, но увидев 17 вымпелов, не считая миноносцев, вернулся; было поздно входить в порт, остановились на рейде. В это время японские миноносцы девять раз бросаются в атаку. К счастью, повреждение получил только «Севастополь».

Адмирал страшно недоволен Витгефтом и огорчен. Он должен был итти в бой с японской эскадрой и пробиваться во Владивосток, а не возвращаться, несолоно хлебавши [1]). Я старался утешить тем, что все-таки и то слава богу, что не потоплено ни одно судно. Могло быть хуже. Агентские телеграммы говорили, что потоплен «Пересвет» или «Цесаревич».

Адмирал сейчас после моего доклада сел писать разнос Витгефту.

---

[1]) Адмирал мне сказал, что некого назначить, кн. Ухтомский еще хуже. А то он сейчас сместил бы Витгефта.

13 июля.

Сегодня произошло событие, которого мы все с ужасом ожидали давно, так как оно входило в планы Куропаткина, и хотя делали все возможное, чтобы доказать ему опасность такого шага, но знали, что он настоит на своем, а именно: Инкоу очищен русскими войсками и властями и передан без боя японцам. Произошел бой у Ташичао — судя по телеграммам — удачный. А затем наши в порядке отошли. Был отдан приказ очистить Инкоу — Гроссе предложил всем служащим банка и артельщикам с кассовою наличностью, а также военным, состоявшим при градоначальстве, выехать на север, сам остался в качестве консула, водрузил консульский флаг на градоначальстве. Японский разъезд поместился против здания градоначальства, арестовал двух полицейских, которых потом обещали Гроссе отпустить. Японцы взяли на свою службу милицию из китайцев. — Гроссе, видя, что он бесполезен для русского дела, выехал в Пекин.

Какой позор!

14 июля.

Лессар телеграфирует, что занятие японцами Инкоу производит сильное впечатление в Китае, что военная партия в Китае усиливается и что правительству трудно с нею справляться. Еще новый успех Японии — и нейтралитет будет нарушен.

На 14 июля был назначен отъезд адмирала во Владивосток. Но ввиду взятия Инкоу и слухов среди китайцев, что наместник уходит от японцев, наместник отложил отъезд на неопределенное время.

В Мукдене заметно падение курса русского рубля под влиянием эвакуации Инкоу. В магазинах ничего не хотят продавать.

18 июля. Воскресенье.

Наконец, сегодня в 12 час. наместник отправился в поездку в Харбин, Владивосток, Хабаровск и т. д.

Наместник предполагал остаться в Харбине два дня, понедельник и вторник. Но в понедельник днем получил какие-то известия из Ляояна (Келлер убит) и, кажется, письмо государя и приказал изготовиться к отъезду обратно в Мукден. Выезжаем в 9 часов вечера, в понедельник 19-го. Перед отъездом обед у наместника с участием Хорвата, Надарова, Иваненко, Долгорукова и др.

20 июля.

В 2 часа мы вернулись в Мукден. Встреча, парад.

21 июля.

В 6 час. утра едем в Ляоян для объяснений с Куропаткиным. Он откуда-то (из Ансянцзяна) приехал в Ляоян в 8 час. утра, наместник в $8^1/_4$, стоим в Ляояне до 11. Едем обратно.

29 июля.

Получена телеграмма Тидемана, что пришел миноносец «Решительный», привез депеши из Артура, что командующий эскадрой приказал ему в Чифу разоружиться, и что эскадра вышла из Артура, чтобы вступить в бой с японцами. Адмирал в восторге — крестится: «Дай бог им успеха! Невозможно было оставаться в Артуре и гибнуть во внутренней гавани. Пусть идут с богом во Владивосток!» Относительно разоружения адмирал послал телеграмму Тидеману, что этого не надо, что желательно, чтобы «Решительный» ушел, и телеграмму Лессару, чтобы поддержал в этом смысле и обеспечил доброжелательное отношение китайцев к выходу «Решительного» обратно в море.

«Решительный» привез телеграмму Григоровича, что эскадра выходит, чтобы итти во Владивосток.

Скрыдлову послана телеграмма, чтобы немедленно выходил навстречу артурской эскадре. Вместе с тем адмирал решает безотлагательно ехать во Владивосток. Отъезд назначен в ночь на 31 июля, субботу, с тем, чтобы, проехав безостановочно через Харбин, прибыть во Владивосток в понедельник 2 августа рано утром.

Дорогой получаются ужасные подробности. «Решительный» в Чифу разоружился до получения телеграммы адмирала. — Японцы знали об этом, между тем ночью два японских миноно́сца вошли в порт, напали на «Решительного». Командир, офицеры и команда спаслись вплавь, по ним японцы стреляли. Покидая, миноносец взорвали, но не затонул. Японцы увели.

В Цинтао пришел «Цесаревич», на нем адм. Витгефт убит и 10 офицеров. «Новик» (Шульц) зашел в Цинтао, запасся углем и ушел пробиваться во Владивосток, вокруг Японии. В Шанхай пришел «Аскольд», с адм. Рейценштейном и команд. Граматчиковым. Сильно поврежден. Надо две недели для починки. Туда же пришел «Грозовой» (Бровцын).

2 августа.

Ночью проходим Никольск-Уссурийский, утром едем часа полтора вдоль Амурского залива. В 8 час. подъезжаем к Владивостоку. Торжественная встреча: Линевич, Холщевников, Самойлов,

Воронец (коменд.), Скрыдлов со своим штабом — Стеценко, Веселкин и др.

Наместник поздоровался со всеми (с Скрыдловым очень сухо) и поехал прямо к командиру порта, к Линевичу и Скрыдлову. Он взял с собою всех, кроме Скрыдлова, который остался на скамейке на вокзале с Стеценко в самом глупом положении. Я подсел к нему. Он говорил, что эскадра напрасно вышла, что его положение здесь очень затруднительно и т. п. Подробнее и откровеннее высказал то же самое толстый флаг-офицер Веселкин. Он говорил, что Скрыдлов полон добрых намерений действовать по указаниям наместника в полном согласии, но встречает на каждом шагу резкое противодействие. Когда он приехал, хотел ехать в Мукден к наместнику за указаниями, ответили: «Не надо». Теперь из Владивостока все, что он пишет, предлагает, встречается отказом — до мелочей. Теперь к приезду наместника его выселили из дома губернатора, чтобы очистить место наместнику. «На вокзале вы сами видели, какое обращение».

Масса телеграмм. Целый день шифрую с Вульфом. Громадная телеграмма Павлова из Шанхая на 42 листах — передает всеподданнейший доклад Рейценштейна.

3 и 4 августа.

Сидим с Вульфом целые дни, расшифровываем массы телеграмм от Лессара, Павлова, Тидемана и проч.

Владивостокская эскадра вышла навстречу Артурской. Вышли «Россия», «Громобой» и «Рюрик». 3-го вернулись только «Громобой» и «Россия». «Рюрик», видимо, погиб. Камимура доносит, что потопил «Рюрик», причем спас 400 человек.

10 августа.

Узнаю, что в Ляояне в. кн. Борис Владимирович ухаживал за сестрой милосердия княгиней Гагариной. Она дала ему пощечину и пожаловалась Куропаткину. Он призвал его и сделал замечание. Тот обиделся: «Вы забываете, генерал, что вы говорите с великим князем». Куропаткин рассердился: «Молчать, руки по швам!» Тогда вел. князь выстрелил в него из револьвера, ранил в руку легко. Куропаткин запросил государя, как поступить. Государь ответил: по закону. Следовало расстрелять. Составили комиссию — экспертизу умственных способностей. Признали ненормальным, увезли в Россию.

У Штейна — Иессен, адм., жалуется на штабы, которые извели его больше, чем сражения с японцами. Их здесь 11 (т. е. штабов) — это тоже русская особенность.

18 августа.

Вчера адмирал получил плохие вести из Манчжурской армии. Решил перенести главную квартиру в Харбин, потому что японцы наступают, подошли к Ляояну, и адмирал боится, как бы Куропаткин не отступил. «Это будет ужасно», — говорил он вчера, и повторил сегодня. «Это не простая стратегическая позиция, а вопрос политический. Нельзя отходить от Ляояна, надо лечь костьми, но не уходить оттуда».

Я ответил, что совершенно согласен с этим. «Так же, как Инкоу — важный политический пункт, а не только стратегический, но зато это будет испытание Куропаткина. Если он теперь окажется не на высоте, то облегчит вам покончить с этим».

Сегодня он говорит: «Вы знаете ведь, что мы едем в Харбин?» — «Да, знаю, но не совсем разделяю. Что, если бы вы как главнокомандующий появились во главе войск в Ляояне? Это воодушевило бы их к решительному бою». — «Не могу ехать. Куропаткин не признает меня главнокомандующим. Он считает себя главнокомандующим, а меня так просто — наместником». — «Да, но надо приучать его к тому, чтобы он признавал, и надо приучать войска. Как Линевич хорошо это понимает! На празднике 16 августа 29 полка он в речи к войскам с таким уважением выставил главнокомандующего-наместника».— «Линевич — да, но Куропаткин меня не признает».

Сегодня ночью отъезд. В 5 часов все собрались в доме наместника, прощались.

19 августа.

Рано утром в 4 часа выехали из Владивостока.

20 августа.

Наместник вдруг решает ехать в Ляоян в армию.

21 августа.

Утром на докладе наместник распространился о том, что следовало бы разрабатывать Южно-Уссурийский край. Селиться там это лучше, чем служба. «Вот ваш брат инженер мог бы или ваши дети. Вся суть у нас в земле, а не в чиновничестве».

В ½ 2-го подъезжаем к Харбину. Там Надаров, Хорват (только что произведен в генералы), Гроссе, Эльтеков, Базилевский, контролер Михайлов и пр. пр.

Пробыв 2 часа — время, необходимое для поворота поезда, — двинулись дальше в Мукден.

22 августа.

Прибыли в Мукден в 2 часа. Картина разорения главной квартиры, кроме сада наместника.

Узнаем, что от Ляояна отступили. Японцы засыпали его снарядами, пришли и заняли после того, как наши отошли...

Намерение наместника ехать в армию свелось к нулю. Он хотел своим прибытием воодушевить войска, но Куропаткин оказался хитрее. Приехав в Мукден, стали запрашивать, где находится командующий армией. Оттуда ответили, что сейчас неизвестно. Тем временем Ляоян был уже занят японцами. Наши отошли к Янтаю. Результат запросов и переговоров был тот, что Куропаткин назначил время для свидания в 6 час. вечера на станции Шахе. Верховые лошади наместника и свиты оставляются в Мукдене. Едем в Шахе, 24 версты, встречаем обозы без конца, по обеим сторонам дороги. В Шахе — сумерки. Встречает Куропаткин как всегда. Наместник приглашает его в вагон. Беседуют втроем с начальником штаба Жилинским. Обедаем. Куропаткин рассказывает о своих подвигах. «Лишь бы наш добрый царь не заключил мир». (Наместник мне после сказал, что Куропаткин выражался ему: «наш милый царь».)

В 10 час. вечера поезд трогается обратно в Мукден. Это было 23 августа.

24 августа.

Переночевали в Мукдене и в 12 час. дня двинулись в дальнейший путь. Проездом в Телине видели опять Волкова и весь тыл куропаткинской армии.

25 августа.

В 10 час. утра прибыли в Харбин. Встреча, хотя флаги были запрещены.

2 сентября.

На докладе адмирал высказал, что в Америке идет сильная агитация против Рузвельта в пользу Паркера на том основании, что опасаются империалистских замыслов Рузвельта. Адмирал думает, что эта агитация имеет шансы на успех. Я высказываю, что успех сомнителен, когда все увлечены идеями империализма, подогреваемые нашей войной, которая рисует воображению американцев в будущем сбширные горизонты господства на сбоих берегах Тихого океана. Адмирал говорит: «Вы не знаете американцев. Ловко пущенная агитация против возможности захвата Рузвельтом неограниченной власти

может иметь успех. Агитацию эту нам необходимо поддержать, хотя бы для этого надо было истратить миллион, потому что Рузвельт для нас в высшей степени опасный человек. Если он будет вновь избран на четыре года, то может бог знает чего натворить за это время». Я предложил написать об этом министру иностр. дел. Адмирал не очень склонялся к этому. (Я, может быть, напишу Гартвигу.)

6 сентября.

Наместник высказывает: «Как мы не подготовлены к войне! Как японцы нас опередили! Что, если бы война была на западе? Как немцы раскатали бы нас! Мы привыкли воевать только с варварскими племенами. Теперь несомненно, что японцы во что бы то ни стало хотели войны и сознательно готовились к ней давно. Через несколько лет они еще больше подготовились бы, а мы еще больше отстали бы, так что хорошо еще, что это произошло теперь. Как заблуждались Безобразов и Балашов, когда уверяли, что можно показать японцам кулак и этим удержать от войны!»

Я возражаю, что до известной степени это верно, но кулак надо было показывать давно, 10 лет тому назад, не допускать, чтобы Япония так зазналась, не повторять ошибки, которую мы сделали с Пруссией. Она окрепла при нашем благосклонном покровительстве, а потом нам же угрожает. То же самое мы сделали с Японией.

7 сентября.

Сегодня на докладе наместник опять возвращается к Японии. Поручает мне следить по японским газетам, не проглядывает ли у них желание мира? Я отвечаю, что нет, потому что они умеют скрывать, но что, несомненно, они истощены больше нас.

Наместник говорит, что, посещая госпитали, убеждаешься, что это за ужас война. Сколько жертв, сколько несчастных на всю жизнь! «Как бы было необходимо если не прекратить войну, то приостановить на несколько лет, отдохнуть». Я возражаю, что отдых, несомненно, пойдет в пользу Японии. Она еще больше подготовится, а мы нет. Наместник высказывает предположение, что если бы можно было добиться выгодного мира, то «следовало бы кончить войну, например, чтобы нам получить северную Манчжурию до Харбина и протекторат над южной Манчжурией». Я возразил: 1) японцы на это теперь не согласятся, пока мы их хорошенько не поколотим, 2) если мы даже добьемся этого, то это не будет решение вопроса, а лишь отсрочка. Это будет вторая Турция и второй восточный вопрос, который потребует периодических

войн и периодических жертв. Лучше уж сразу покончить с этим вопросом, а для этого окончательно привести Японию к одному знаменателю. Другого исхода нет.

8 сентября.

Обычный доклад в 10 часов, сейчас после Эбергардта. Наместник — в мрачном настроении, начинает с того, что «я даже рассердился на Эбергардта, хочет, чтобы мы отказали англичанам (требующим освобождения захваченного Владивостокской эскадрой приза). Куда нам! Англия правильно рассуждает, что мы не можем справиться с Японией, а хотим тоже господствовать на морях, захватываем английские суда. Эбергардт говорит, что Англия нам войны не объявит, — да, но она нам н а г а д и т везде. Нет, мы еще дети. Мы сами не знаем, чего мы хотим, бросаемся со стороны в сторону. Качаемся, как старый рыдван на плохих колесах. Я 40 лет участвую в делах и наблюдаю и могу вам сказать, что мы не можем воевать. Нам надо как-нибудь окончить войну, потому что я не вижу возможности благополучного ее окончания; чем дальше, тем хуже. У нас нет твердого правительства».

Я возражаю: «А Николай I был на что тверд, а между тем Крымская кампания тоже кончилась неудачно». Адмирал говорит: «Николай первый был рыцарь, он верил в благородство держав и людей, и его кругом обманывали, так что, когда он убедился в этом, он отравился».

Я утешаю адмирала, что если наше положение тяжелое, то у японцев дела еще хуже. Мы еще можем терпеть, у нас неисчерпаемые рессурсы, а японцы поставили все на карту. В это время докладываю полученные от Павлова сведения.... [1]) о полном унынии в Японии, тщательно скрываемом правительством, и о желании заключить мир. Тут же приведены условия мира: протекторат Японии над Кореей, отказ России содержать войска в Приамурском крае, удаление из Манчжурии, передача Японии Порт-Артура и т. п. и прибавлено, что военная партия считает эти условия недостаточными, требует взятия в плен Куропаткина и т. д. Адмирал рассердился и, повидимому, несколько успокоился. Глядя на него и слушая его, я подумал: «Вот, кто был бы настоящим правителем для России!»

15 сентября.

Наместник продолжает смотреть мрачно на положение дел

Получил телеграмму Ламздорфа, что министерство всегда отстаивает достоинство России. — «Ну, вот видите, что с ними говорить,

[1]) Одно слово не разобрано.

когда они так убеждены! Все у нас плохо. И дай бог, чтобы эта несчастная война просветила нас. Если бы я обладал даром слова и пера, я посвятил бы свои труды на то, чтобы разоблачить наши недостатки, чтобы хоть следующие поколения прозрели». Я отвечаю: «Но вы на вашем месте можете больше принести пользы и более авторитетно писать». — «Кому?» Я отвечаю: «Государю». — «Что толку? Я напишу государю, он со мной согласится, а на другой день придет Ламздорф или другой и скажет совсем противоположное. Вот вам назначение кн. Святополк-Мирского министром внутр. дел. Разве это доказывает желание итти вперед, улучшить положение в России? Это — старый, дряхлый человек».

Относительно будущей судьбы Манчжурии наместник высказал, что теперь становится очень трудно сказать, будем ли мы в состоянии присоединить Манчжурию, даже если одолеем Японию. «Ведь надо не поссориться с Китаем. А как это сделать?» Я отвечаю: «Вот тут, может быть, выступит ваш проект отдать Китаю южную Манчжурию, но с тем, чтобы и в Корее японцы не господствовали, а то они сейчас же внедрятся в южную Манчжурию».

Адмирал: «Трудность является со всех сторон. Как быть с Кореей? Как убедить державы и как быть с Китаем?»

Я ответил: «Вот тут-то и нужна хорошая дипломатия. Как у англичан, когда их били в Южной Африке. Они повсюду на земном шаре высоко держат знамя и добивались всего путем настойчивости».

19 сентября.

Наместник озабочен, что мы сделаем с Манчжурией в случае удачного окончания войны и присоединения. Я отвечаю, что выписал себе описание Боснии и Герцоговины. Наместник говорит, что есть записка Куропаткина, которую он подал государю после возвращения из Артура осенью 1903 года. Я отвечаю: «Легко догадаться, что он писал: вероятно, то же, что он говорил на совещаниях, а именно, что нам южной Манчжурии не нужно, а надо присоединить северную до линии железной дороги. Но это невозможно теперь. Это было бы возможно раньше, пока южная Манчжурия была вообще закрыта для всех, но мы показали дорогу. Теперь там будут другие, если мы не пойдем. Надо непременно взять всю Манчжурию и постараться извлекать из нее доход». Адмирал говорит: «На это мы неспособны. У нас нет людей, нет умения, мы просто говняки». Я говорю: «Совершенно верно. Единственный способ, при котором у нас еще кое-как дело делается, это — дать широкие полномочия какому-нибудь одному сильному и умному человеку, как были даны Юговичу. Он завел невозможное положение: государство в государстве, беззаконие, но дорогу выстроил.

Посадите в Манчжурии Покотилова с обязательством извлечь доход и широкими полномочиями в этом отношении. И он извлечет. А потом можно будет все это оформить, упорядочить».

21 сентября.

Поздно вечером полк. Миллер, который помещается рядом со мной в отделении вагона, объявляет, что завтра наместник едет в Мукден и берет с собой только 9 человек, в том числе меня. Посоветовал взять с собой лошадь.

Положение дел такое. Японцы, повидимому, остановились верстах в 25—30 от Мукдена к югу и юго-востоку и дальше не двигаются. Но наместник хочет, чтобы наши войска перешли в наступление. Из телеграмм Куропаткина видно, что он и сам имеет такое намерение, и вот наместник решил поехать.

23 сентября.

В 9 час. утра прибыли в Мукден. Масса войск; все потоптано. Завтрак с Куропаткиным. Сахаров, Харкевич, Остен-Сакен, Хорват, Ссболев, Жилинский, Флуг и я. Разговор о предстоящем наступлении войск. Куропаткин говорит: «Пришлем вам 50 тысяч раненых». Наместник возражает: «Есть только 20 тысяч мест по всему Дальнему Востоку». Куропаткин рассказывает о смышленности и способности применяться китайцев. Понадобились халаты — нет. Потом сейчас сообразили и несут множество. Понадобилась звездочка на погоны. Сейчас сообразили и сделали массу. Седла казачьи, вьюки, все это теперь продается во множестве.

Наместник предложил тост Куропаткину: «Не за успех, а только за ваше здоровье, тогда будет успех». Куропаткин был тронут, благодарил за доверие. После завтрака Куропаткин посидел немного у адмирала, а затем уехал верхом на передовые позиции в Эрдагоу. Адмирал сбрял и поцеловал его.

После этого было решено, что, как только мы услышим выстрел или получим известие о начавшемся бое, тотчас поедем на юг до Шахе, а оттуда верхом на позиции.

25 сентября. Мукден.

До сих пор сидим. Никакого выстрела нет, и нет известий от Куропаткина. (Он всетаки не пустил наместника объехать войска перед боем.)

Вечером после обеда меня позвал к себе наместник и, прежде чем перейти к делу (инструкция Богданову, который отправился в Монголию), стал распространяться о взятии Артура. О том, как это все вредно и несбдуманно было сделано, — началось со «с п р я м л е н и я»

железной дороги через Манчжурию. Я доказываю, что между этими двумя вопросами нет ничего общего. Спрямление было правильно и мудро, а про движение на юг можно говорить и высказывать разные мнения, но оно не вытекало из «спрямления». Я рассказал историю того и другого, а именно:

О проведении железной дороги через Манчжурию говорили в 70-х годах Копытов и другие, но это потом было забыто. Когда наследник в 1891 г. открывал железную дорогу, она была намечена на Хабаровск по Амуру. В 1895 г. появилась записка какого-то ген.-м. Казанцева о том, что лучше провести через Манчжурию, чем выгадывается 600 верст; за эту мысль ухватился Витте и в 1896 г. во время коронации подписал в этом смысле контракт с Лихунчаном. Подписал также Лобанов.

Наместник говорит: «Как же умные люди не предвидели, что влезть в чужую территорию это поведет к разным недоразумениям; нельзя же сравнивать с Бухарой!»

«Не с Бухарой, а общий политический закон — если провести железную дорогу через чужую территорию, то это ведет к мирному ее завоеванию, что нам и нужно было, чтобы приобрести правый берег Амура и довершить дело Муравьева-Амурского. История Артура такова. Мы считали бухту Киаочоу предоставленною нам для стоянки судов».

Адмирал говорит: «Это — моя идея, которую я провел чрез гр. Кассини, чтобы не быть обязанными держать суда в Японии, а иметь самостоятельную стоянку».

— «Вот гр. Кассини и отстаивал Киаочоу от немецких поползновений. Но был такой момент: в Пекине — М. Н. Гирс, в Петербурге — управляющий министерством Лобанов. Приходит германский поверенный в делах Чирский, указывает, что Германия желала бы занять бухту Киаочоу, но знает, что первое право принадлежит России. Лобанов ответил, что Россия никаких особых прав не имеет. Тогда германский император телеграфировал: «Vu le désinteressement de la Russie, j'ai ordonné à ma flotte d'occuper la Bay de Kiaochoy». Китай обратился к нам за помощью. Мы ответили, что, не имея порта в Желтом море, мы не можем оказать помощи, и попросили разрешения временно занять один из портов на севере Печилийского залива. Тем временем Островерхов проехал на «Отважном» из Чифу в Телянвань и описал бухту, заметив, что если бы нам пришлось иметь порт в Желтом море, то Талянвань наиболее удобен. За эту мысль ухватились, несмотря на настояния морских сфер, указывавших на Кордю, Мосампо, Каргодо. Гартвиг написал записку, которая 11 ноября 1897 г. была представлена министру и, после некоторых колебаний,

государю. Государь созвал совещание, где были Витте, Муравьев, Куропаткин, Тыртов и еще кое-кто, не помню. Тыртов был против. Остальные нерешительно высказывались — и согласились».

Адмирал говорит, что Витте и Куропаткин категорически утверждают, что были против.

Я стою на том, что они это теперь утверждают, а тогда согласились. Если бы они искренно были против, то, наверное, сумели бы убедить государя. Я обещал когда-нибудь, когда буду в Петербурге, доказать документально, что Витте не был решительно и убежденно против приобретения Артура. То же и Куропаткин.

Адмирал говорит, что не мог он разделять мнения о необходимости занятия Артура, если теперь, в ноябре прошлого года, он подал государю записку, где доказывает, что даже теперь, несмотря на сделанные затраты, надо Артур отдать.

Я продолжаю стоять на своем, что они теперь прозрели, но тогда вовсе не были так убеждены в этом, как теперь.

Адмирал высказывает пророчество и говорит: «Запишите у себя, что мы еще и теперь кончим тем, что отдадим Артур. Произойдут у нас внутренние реформы, и потребуют наши, чтобы мы бросили эту затею и убрались совсем с Дальнего Востока».

Это будет очень грустно!

30 сентября.

Все эти дни одно и то же: мы сидим в поезде. Слушаем с утра до вечера канонаду верстах в 20—30 к югу от Мукдена. С жадностью ловим получаемые с передовой линии известия. Бой страшно упорный. С трудом отстаиваем позиции. Временами бросаются в рукопашную, но, большею частью, артиллерийская пальба. Тем временем каждый поезд с юга привозит раненых. Адмирал ходит по вагонам и по госпиталям, раздает знаки отличия. Все это производит на него удручающее впечатление. Он мрачен, не в духе.

1 октября.

Адмирал заговорил о войне, прислушиваясь к раскатам неумолкавшей пальбы. Стал распространяться о том, что у нас нет патриотизма, нет единства в действиях. Командиры корпусов не умеют вселить бодрость войскам, не умеют распорядиться, оттого нас бьют. Единственный кто нас выручает — это несчастный солдат. А командиры — это телепни, какие-то бароны — Штакельберг, Бильдерлинг, Мейендорф. «Всех их надо было давно сменить. Я докладывал государю, а Куропаткин представляет их к наградам. Но этого нельзя докладывать письменно. Надо бы мне съездить в Петербург и лично доложить государю,

вот как я теперь с вами говорю... Да плохо, плохо. Куда нам до японцев! У них всякий офицер знает свое дело, относится к нему с любовью, рвением и патриотизмом. Оттого они и бьют нас».

Завтра в 6 час. утра уезжаем из Мукдена.

2 октября.

Выехали по расписанию в 6 час. утра. Едем довольно тихим ходом весь день; завтра, в воскресенье, утром в 9 часов будем в Харбине.

На докладе адмирал распространяется о том, как плохи командиры корпусов и сам Куропаткин. Я беру смелость сказать, что «если вы признаете полезным ехать в Петербург, то надо ехать. В вашей истории уже есть один пробел, что вы перед войной не поехали в Петербург. Это тоже было необходимо и, если бы не отвратило войны, то открыло бы многим глаза на истинное положение дел здесь на Дальнем Востоке и на неизбежность войны».

Адмирал ответил: «Может быть, все к лучшему. Рано или поздно все убедятся в том, что войну вызвал не Алексеев или другой, а вся совокупность обстоятельств и вся история Японии. Ей надо было воевать или остановить свое развитие. Теперь только Европа поняла, какая это сила и какую опасность для всех представляет Япония. Вот почему нам во что бы то ни стало надо разбить ее. И, может быть, лучше, что война началась теперь, когда Германия не враждебна к нам и в Европе довольно спокойно. А подумайте, что было бы, если бы начались осложнения на Балканском полуострове и т. п., и в это время Япония напала бы на нас? Слава богу, что это теперь! Все равно и через год и через два мы не были бы готовы».

Вечером за обедом адмирал возобновил разговор с Миллером и Хорватом о необходимости построить второй путь, по крайней мере, между Харбином и Мукденом и на этот раз, кажется, энергично принялся за это дело. Он приказал Хорвату сделать особое представление, прибавив: «Я сам доложу государю».

4 октября.

Доклад. Монгольские дела. Богданов, посланный для изучения Монголии, хочет вооружить отряд против китайцев. Наместник поручает сочинить ответ, воспрещающий такую деятельность.

10 октября.

Получено отношение управляющего Комитетом Дальнего Востока с передачей воли государя присоединить Манчжурию: сказано, что государь поручил обратить внимание наместника и запросить соображений по двум вопросам: 1) о портофранко, 2) о присоединении Манчжурии, — ввиду невозможности получить контрибуцию с Японии

и Кореи единственное обеспечение— присоединение Манчжурии [1]). Продление нейтралитета Китая нежелательно, ибо ведет к продолжению неопределенного и вредного положения в Манчжурии. Если несвоевременно во время войны, то все же не надо упускать момент и сейчас. Сместить цзяньцзюней, тем более, что после накопления наших сил нарушение Китаем нейтралитета будет менее вероятно. Приняв на себя высшую администрацию, оставить на месте низшую туземную.

Адмирал поручил мне составить ответ. Он получился в следующем смысле:

Контрибуцию можно взять и с Японии и с Кореи независимо от наших отношений к Китаю и решения манчжурского вопроса. Присоединение Манчжурии всегда считал неизбежным последствием всей совокупности событий, но сознавал трудность найти законный предлог и надлежащий способ присоединения. Что нынешнее положение в Манчжурии вредно — это неверно. Китайское правительство, желая соблюдать нейтралитет и угодить Японии, издает воспрещение продавать что-либо русским. Но это не соблюдается. Армия снабжается в Манчжурии. Так что положение в Манчжурии удобнее, чем было бы во всякой другой стране. Удобно и потому, что мы за это не обязаны благодарить китайское правительство, которое, напротив, воспрещало. Мы обязали к справедливому отношению к войскам. Объявление. — Против китайского правительства, напротив, мы имеем перечень обвинений, которые будут предъявлены, когда настанет удобное время. Но время не настало. Нарушение нейтралитета поведет к открытой борьбе. Китай пустит в ход все средства: 1) воспретит продавать, 2) хунхузы, 3) армия Юаншикая и Ма. Все это потребует такого отвлечения сил, что исполнение главной задачи отдалится и затянет войну. На том же основании несвоевременно смещение цзяньцзюней: 1) нет повода, 2) нет готового персонала, чтобы сейчас вступить в управление Манчжурией во время войны. Приняты меры изучения страны, но оно еще не закончено.

По всем этим соображениям продолжаю держаться взгляда, высказанного во всеподданнейших телеграммах 12 февраля и 12 апреля, что, пока не сломим окончательно главного врага, необходимо удерживать Китай от нарушения нейтралитета. Когда же главная задача будет достигнута, тогда настанет время решения манчжурского вопроса путем переговоров с Китаем: 1) или предъявить список обвинений и за это присоединить или 2) указать, что воюем с Японией и, отняв у нее с большими усилиями Манчжурию, присоединяем ее, как естественный результат успехов. Китай же должен пенять на

[1]) Так в подлиннике.

себя, что допустил Японию вторгнуться в Манчжурию, не встретив даже возражения.

Высказывая с полной откровенностью эти соображения, поясняю, что они — мое личное мнение, не притязающее на безошибочность. Вопрос о присоединении и управлении Манчжурией — столь важный государственный вопрос, что решение его требует серьезного всестороннего обсуждения при участии лиц, облеченных монаршим доверием, обладающих надлежащим опытом и хорошо осведомленных с общим политическим положением на Дальнем Востоке. Притом вопрос этот требует особой осмотрительности, потому что едва ли не впервые присоединяется страна с густым населением, трудолюбивым, тесно сплоченным и органически связанным с жизнью многомиллионного китайского народа и его бытовым и государственным строем.

12 октября.

Все эти дни шло обсуждение предыдущего ответа к.-а. Абазе. Вчера вечером Захар Яковлевич объявил, что адмирал едет в Петербург с небольшой свитой, в том числе — я.

Сегодня на докладе адмирал показал мне телеграмму государя (приблизительно): «Снисходя на многократные просьбы ваши об увольнении от командования сухопутными войсками, признал за благо назначить главнокомандующим ген.-ад. Куропаткина, оставляя вас наместником моим на Дальнем Востоке. Благодарю за сформирование и подготовление войск. Прошу прибыть в Петербург для обсуждения дальнейшей политики нашей — как результата войны».

На этом основании полевой штаб расформировывается. Канцелярии гражданская и дипломатическая остаются при наместнике. 17 октября выезжаем в Петербург.

13 октября.

Адмирал не в духе. Редко я видел его таким злым. «Разве у вас есть доклад?» — Видимо, на него производит впечатление все, что происходит, хотя он бодрится.

14 октября.

Наоборот, настроение великолепное. Уверяет, что он давно просил государя освободить его, что у него на это есть гражданское мужество. Предложил наградить всех.

Собираемся в путь, после завтра отъезд. Продаю лошадей, вещи.

17 октября.

Выехали из Харбина. Адмирал призывает меня не для доклада, а чтобы предупредить, что дипломатическую канцелярию надо расформировать.

«Какой смысл имеет дипломатическая канцелярия в Петербурге? Не могу же я оттуда вести сношения с Лессаром и др. Я даже не наместник, потому что большая часть наместничества подчинена главнокомандующему, а я же не могу подчиняться ему. Нет, вы подумайте о расформировании. Мне нужны только вы и Щербина. Остальных можно отпустить».

Я ответил, что главнокомандующий заведует военными действиями. Его дело победить. «А вы озаботьтесь, как использовать победу с точки зрения общих интересов наместничества и сопредельных стран. Затем, кроме войны, есть масса интересов гражданского свойства: железные дороги, золотопромышленность, углепромышленность, переселение и пр., а главное — такие вопросы, как манчжурский, монгольский, корейский, которые никак не обойдутся без вашего отзыва. Вот вам масса работы. Придется в Петербурге писать отзывы по множеству вопросов. Надо переписать — вот работа для канцелярии. Когда генерал-губернатор приезжает в Петербург, он работает больше, чем у себя на месте. Словом, трудно, что-нибудь сказать теперь, пока не выяснится положение в Петербурге, и вы не услышите, что скажет государь. Но если понадобится нас упразднить, то это легко. Я скажу гр. Ламздорфу, что мы упразднены и просим вновь принять нас под свое покровительство».

— «Зачем вы будете говорить это Ламздорфу? Вы должны быть крайне осторожны, не бросаться сейчас в объятия гр. Ламздорфа. Это мое дело сказать ему то или другое».

— «Как прикажете. Я только хочу сказать, что готов подчиниться всякому решению».

(Вероятно, адмирал в душе склонился на мои доводы). Он все-таки сказал: «Вот увидите, что нам придется ликвидировать дела и упразднить канцелярию. Запишите это у себя».

Между прочим, адмирал сказал, что останется в Петербурге, вероятно, до конца войны.

22 октября.

Едем по тайге, запорошенной снегом. Доклад по поводу убийства в Монголии подп. Богданова, посланного для отдачи визита Горлосскому князю. Недели полторы раньше он ездил к Чжеримскому кн. Удаю. Но там вместо исследований и поддержания дружбы возбуждал монголов против Китая. Очень может быть, что китайцы теперь подкараулили его в отмщение за его агитацию. Подробности сообщил Жилинский. Богданов выступил со станции Тунчисан, ближайшей Харбину. 19 октября встретился вооруженный китайский отряд

из 30 человек. Выстрелами убит Богданов и переводчик, остальные прискакали обратно, принесли эту весть. Послано два разъезда на поиски тел убитых.

Сочиняем энергичную телеграмму Лессару с требованием протеста и наказания виновных.

26 октября.

В 10 час. Уфа. Доклад у адмирала; он просит меня быть осторожным в Петербурге, не говорить с корреспондентами газет, вообще не говорить в обществе ни за, ни против него. Уверял, что больше наместником не останется. «C'est fini, c'est bien fini! По русски нельзя так выразить». — Участвовать в обсуждении вопросов будет с удовольствием, но самому играть активную роль — довольно!

28 октября.

В 9 ч. вечера прибыли в Петербург. Встречало много народу — адмиралы, генералы, большею частью незнакомые. Адмирал поехал прямо в «Европейскую гостиницу».

Государь уехал напутствовать войска Варшавского округа на войну. Вернется 31-го.

29 октября.

После завтрака представляюсь гр. Ламздорфу. Разговор о положении дел в Артуре и в Манчжурии. Министр в общем был довольно холоден.

2 ноября.

Адмирал представлялся государю. Встретил там выходившего гр. Ламздорфа. Церемонный поклон. Государь держал адмирала три часа.

В среду визит адмирала графу Ламздорфу, оставил карточки.

Мое представление государю.

В субботу 13 ноября записался в экспедиции церемониальных дел у Кониара (которого временно заменяет Вас. Всевол. Евреинов).

В понедельник 15-го получаю повестку, большую карточку, на которой написано: «Его императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше разрешить вашему превосходительству представиться в среду 17 ноября сего 1904 г. в 12 час. дня в Царскосельском дворце, о чем церемониальная часть министерства имп. двора имеет честь уведомить»...

В назначенный день, в среду 17 ноября, одеваю малый мундир с белыми штанами, треуголку с черным плюмажем, шинель. Еду в половине 9-го сначала в «Европейскую гостиницу» представиться наместнику; к 10 час. на Царскосельский вокзал.

Поезд отходит в 10 час., требуют билеты.

В Царском Селе толпа придворных лакеев осаждает прибывших,

спрашивает фамилии вперемежку. Общая каша. Очевидно, всякому лакею поручены определенные лица (по два), и они их разыскивают. Так как было нас человек 20, то выходила большая путаница. Наконец, каждый лакей отыскал своих двух пассажиров, садит их в кареты или коляски. Едем не прямо во дворец, а в лицей. Там приготовлен чай — час сидим там, пьем чай. К 12 часам едем во дворец. Первый зал Louis quinze, с бюстами имп. Николая Павловича и семейства, второй зал — картины; третий — скамейки — качалка, четвертый — горка скатываться и велосипеды, пятый — библиотека. Здесь ожидаем. Камер-фурьер с пером на шляпе приглашает сначала судебных чинов — около десяти, потом военных, потом гражданских: нас было пятеро: самарский губернатор Брянчанинов, бывший начальник почт и телеграфов Андреевский, я, сувалкский губернатор Стремоухов и еще какой-то камер-юнкер. Но было уже поздно, тот же камер-фурьер сказал, что государь нас примет в $2^1/_4$, т. е. после завтрака.

Мы поехали опять в лицей завтракать, потом вернулись. Стоим в столовой с портретом Александры Федоровны. Входим по очереди в кабинет государя. Я вхожу, низко кланяюсь, рекомендуюсь: «Начальник дипломатической канцелярии наместника Плансон». Государь дает мне руку, говорит: «Я вас хорошо знаю, не лично, а по вашим донесениям. Вы все время состоите при наместнике?» — «Все время, я поехал на Восток вместе с ним, два года тому назад, когда он возвращался туда из отпуска». — «Вы также были в Пекине?» — «Точно так, ваше императорское величество, это было, когда вы были в Ялте. Лессар заболел, и вы повелели мне ехать в Пекин заменять его». — «Да, помню, помню. Как вы нашли китайцев?»— «Я нашел, что можно с ними ладить. Я вел переговоры об эвакуации Манчжурии и пришел к убеждению, что они уступят, надо только было... (государь подсказал: «напереть») и не отступать ни на шаг от предъявленных требований. В это время вернулся Лессар. Он не совсем разделял такое мнение. Китайцы отказали. Может быть, события приняли бы другой оборот, если бы они согласились».

Государь: «События едва ли изменились бы, но отношения с Китаем были бы лучше». — «Вы были в Японии?» — «Нет, не успел и жалею, Япония не будет уже той патриархальной страной, как прежде». — «А потом вы вернулись в Порт-Артур?» — «Да, я вернулся тогда, когда ген. Куропаткин приехал туда из Японии, начались совещания, а потом переговоры с Японией».—«После этого вы были в Артуре?» — «Да, с наместником два раза». Государь: «Да, впрочем, я помню, я читал ваши донесения о военных действиях, об отражении брандеров. А...» [1]).

[1] На этом запись аудиенции обрывается.

Из записной книжки архивиста.

Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г.

Публикуемый ниже проект протеста политических ссыльных относится к 1888 году — ко времени злейшей реакции, когда Александр III, «победоносно» управившись с крамолой в России, от расправы с живыми перешел к расправе с еще недобитыми революционерами. Тут царь уже никого и ничего не боялся. При этом нельзя не отметить, что этим отнюдь не начиналась «новая эра» в отношении к ссылке. И до этого было ясно, что судьба политических ссыльных находилась в строгой зависимости от политики правительства в каждый данный момент. В моменты политической «оттепели» обращение с ссыльными было вежливое. Но как только из царской столицы начинал дуть ветер реакции — немедленно, даже в отдаленных медвежьих углах необъятной Сибири, происходила внезапная перемена, без малейших переходов, сразу, буквально врасплох.

Еще накануне ссыльные в данной местности свободно ходили на охоту, не возвращаясь в место ссылки иной раз по два, по три дня. Местные власти относились к этому не только терпимо, но в частных разговорах сами отмечали, что нелепо в Сибири обращать внимание на такие отлучки или придерживаться буквы закона и не разрешать ссыльным пользоваться охотничьим ружьем.

Вдруг все сразу меняется. Ссыльному не разрешается даже кратковременная отлучка за пределы города или села, назначенного ему для жительства. Устав о ссыльных, накануне еще хранившийся в архиве, покрытый пылью забвения, вдруг снова обретал силу закона... В связи с этим начинались скандалы, протесты, высылки все дальше и дальше на север и восток...

Но раньше после такого временного «мороза» наступала опять-таки временная «оттепель». После 1 марта 1887 г. репрессии были возведены в принцип.

Авторы «протеста», — насколько мне известно, не получившего широкого распространения и, во всяком случае, не нашедшего широкого отклика в среде ссыльных, — были лишь первыми вестниками надвигавшейся бури. Эта буря вскоре разразилась. Протесты ссыльных в Сургуте, принявшие боевой характер, расправа с ссыльными на Сахалине, «Мартовский» якутский протест 1889 г. и кровавые события на Каре — все это звенья в цепи репрессий и откликов на них политических ссыльных. Печатаемый ниже бумажный протест был началом борьбы; разразившиеся вслед за ним действенные протесты вызвали отклики не только в ссылке (протест балаганских ссыльных), но и в России (письмо Цебриковой к Александру III) и за границей— митинг протеста в Гайд-Парке в Лондоне.

Феликс Кон.

Копия с гектографированной рукописи, отобранной 26 июня 1888 года в гор. Тобольске при обыске у сына чиновника Василия Иванова Бармина [1]).

Братья-товарищи! Прилагая при сем проект протеста русской политической ссылки против мер правительства, мы считаем излишним подробно изъясняться насчет мотивов, вынуждающих нас обращаться к вам за вашим нравственным и фактическим содействием. Вам ли объяснять значение всякой организации!

Произвол и провокация администрации за последнее время вызвали, как вам известно, ряд единичных, иногда кончавшихся очень трагично, протестов. Но они происходили случайно, вызывались отдельными возмутительными выходками, поддерживались лишь местной колонией.

Отсюда их бессилие и непроизводительность. Нам в качестве революционеров позволителен не этот путь реакции против частных и местных оскорблений, а разве только принципиальный протест против порядка вещей, допускающего возможность таких явлений. Протест этот, будучи принят ссылкой, уже сам по себе есть начало и почва организации, но нам желательно не ограничиваться этим, а выдвинуть из нашей среды боевую дружину, к членам которой мы чувствовали бы полное доверие и деятельность которой состояла бы в беспощадной борьбе с деспотизмом без фраз. Оказать нравственную поддержку этим выбранным, содержать их, — это, мы надеемся, не превышает ни нравственного уровня, ни материальных средств ссылки, из каких больных и измученных элементов она ни состоит. Сложись такая организация, — ее влияние на волю, ныне растерявшуюся и утомленную — несомненно. Излишне говорить потом, какое впечатление на нашего врага и на общество произведет это появление на сцену истории людей, которых они считают погребенными в снегах и тундрах.

Мы зовем вас, братья, к продолжению борьбы с врагом, никогда не бывшей так настоятельной, как ныне, к борьбе, которую каждый из вас прервал не по своей воле. Поэтому без прения сомкнемся, братья! Раз дело дошло до лома, до теоризирования ли тут!?

Ваше величество! получение вами, императором всероссийским, нижеследующего заявления от имени русской политической ссылки, группы, не признанной законом, не должно изумлять вас или заставить искать корней и нитей новой организации: русская политическая ссылка есть результат систематических стараний вашего же правительства создать такую группу. Связанная единством идей и нравственного чувства, а главное — единством интересов и преследований, которым она подвергается, русская политическая ссылка не могла не дойти до сознания, что, хотя бы и не признанная законом, она является крупнейшим социально-политическим фактором нашего времени.

В самом деле, самого поверхностного взгляда на историю русского законодательства за последние 15 лет достаточно, чтобы убедиться, что стоило появиться в России политически мыслящим людям, чтобы императорское правительство взялось за их объединение; раз, таким образом, находилось политическое движение, его существования было достаточно, чтобы теперь не осталось той сферы жизни, в которой бы не чувствовался переворот. За-

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. Дело деп. полиции № 64—1888 г., 4 делопроизводство, «Об отставном коллежском регистраторе Иосифе Довконте, Павле и Иване Сухановых, Василии Бармине, Сергее Жебуневе и др.» Текст публикуемого документа подготовил к печати В. И. Истомин.

конодательные изменения в смысле реакции, коснувшись сначала политической реакции [1]), не могли замкнуться в этой области, как ни сильно количественно было движение, сюда направленное. Для подавления политического движения императорское правительство, слабое и скудное в творческом смысле, как и всякая деспотическая, вне общества стоящая власть, употребля о, надо отдать ему справедливость, самые отчаянные и судорожные усилия. Оно из конца в конец изменило всю организацию полиции, превратив ее из охранительницы благоустройства и общественной безопасности в простое орудие политической борьбы. Оно уничтожило только нарождавшийся «скорый, правый и милостивый» гласный суд, заменив его учреждением, цель которого — не правда, а охранение всего разлагающегося. Крымской кампанией наученное, что без помощи самоуправления оно даже не в силах использовать как следует в своих целях народ, оно ныне подрубает и тот сук, на котором само держится. Оно даже уничтожило школу и науку, поставив на их место ту комедию, в результате которой, с одной стороны — педеля и казаки, с другой — хотя бы убитые в Москве студенты.

Если прибавить к этому, что ваше правительство не остановилось на этом, а осмелилось даже развенчать идею всероссийского императорского достоинства, все же имеющую свое историческое значение, и не усумнилось заставить русского царя сделаться исключительным слугой узких дворянских интересов, вашему величеству ясно будет, что нельзя ни укорять ваше правительство в вялости действий, ни игнорировать ту силу, которая вызвала всю эту лихорадочную деятельность.

Сила эта, ваше величество, называется «русской революционной социально-политической партией». В спокойном, непоколебимом сознании этой силы, мы, «русская политическая ссылка», служители и представители ее, считаем нужным ныне обратиться к вам. Да не утешается ваше величество тем, что в нашем лице обращается к вам не какая-нибудь свободная, тайная, действующая на воле воинственная организация, и тем, что как нас ни много в ссылке, все наши имена записаны в книгах! Эти соображения не основательны. Правда, мы в ссылке — под неусыпным надзором; правда, каждый из нас сидел и в тюрьмах и в крепостях вашего величества; правда, много из нас больных и изувеченных и уставших в борьбе; но правда [1]) наконец, мы заброшены в отдаленных тундрах, — но, как бы, ваше величество, ссылка как таковая не была мало опасна сама по себе, она заключает в себе еще слишком много людей, у которых за словом быстро следует дело, чтобы не считаться с ней, она есть будущее слишком большого количества еще здоровых и свободных людей [1]), чтобы не бояться и не уважать ее. Она слишком большой нравственный авторитет, чтобы не выслушивать ее серьезной [1]) и почтительно. Сегодня она спокойно и твердо протестует, а завтра борьба будет уже не та — в чем она умоет себе руки.

В политической борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть, у врага не просят пощады. Но нужно время от времени напоминать врагу, к каким приемам он прибегает, — нужно показать и посторонним свидетелям и самому врагу, до чего он уничтожается [2]), каких он средств не избегает... [3]) его политику для того, чтобы оно либо имело смелость провозглашения своего

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Следующие 2—3 слова в листке, которого писалась настоящая копия, не вышли. (Прим. в подлиннике.)

поведения, либо отказаться от него. Такова наша цель.

Назначив в отделе о государственных преступлениях драконовские наказания за всякий шаг против него, русское правительство после дела В. Засулич, доказавшего, на чьей стороне народная совесть, решило законный суд и им же введенное судопроизводство не применять больше к нам. Оно решило, что гораздо удобнее в своем деле одновременно явиться и потерпевшим, и обвинителем, и судьей! С тех пор в политических делах были обвиняемые, были обвинители, но не стало ни защиты, ни следствия. Началась та эра административного произвола, которая не окончилась до сих пор, которая стоила обществу лучших его представителей и обессилило [1]) его до современного позорного уровня. Против этой разнузданной расправы протестовало и общество в эпоху веяний, не раз требовавшее прекращения административного произвола, протестовали и мы, и наши товарищи, отказываясь от комедии суда и следствия, замененных жандармскими дознаниями.

Но об этой теме мы не будем распространяться. Когда императорское правительство, под предлогом легализации практики произвола, издало свои положения об усиленной охране и о полицейском надзоре, [раздался] крик единодушного ужаса в обществе пред этим новым белым террором. Без суда и следствия русское правительство оставляло за собою право на 5 лет упрятать любое неприятное ему лицо в отдаленнейшие тундры. Дознания по таким сложным делам оно поручало юристам и поручикам жандармского корпуса; зная нужду России в интеллигентных людях, русское правительство не призадумалось пред тем, что оно расхищает все надежды, все материальные средства общества, затраченные на создание этих лиц. Но как ни велико было потрясение, произведенное обнародованием этих актов, все же общество знало, чего ждать по новым законам тем, кто, невзирая на застращивание, не в состоянии был отказаться от следования своим идеалам. Общество себя успокаивало тем, что эти меры — исключительные, временные, что дальше итти, по крайней мере, положительно некуда.

Ваше величество, общество ошиблось. Вы и ваши агенты переступили пределы, ниже которых не проглядывало общественное презрение [1]). Вы и ваши агенты ежедневно нарушали и нарушаете вами же изданные исключительные законы. Напомним вам коротко факты.

1. Положением об усиленной охране предусматриваются случаи и максимальные сроки предварительного заключения; административное делопроизводство, по этому исключительному закону, не должно тянуться более 3-х месяцев. Со времени министерства г. Манассеина предварительное заключение тянется 3 и более лет, в среднем же продолжается никак не менее 2 лет. Русская политическая ссылка протестует против этого.

2. Хотя приговор и гласит о высылке в такое-то и такое-то место, но он немедленно по подписанию [1]) его приводится в исполнение, а приговоренному приводится [1]) продолжать сидеть в одиночном заключении несколько месяцев, иногда чуть ли не год, конечно, при существующих тюремных условиях, здоровье заключенных подтачивается вконец. Между тем это дополнительное наказание считается простым отбыванием срока ссылки. Русская политическая ссылка протестует против этого.

3. Затем условия доставки на место, по этапному пути, являются новым неслыханно возмутительным нарушением законов. Мы уже не говорим о том,

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Так в подлиннике.

как долго она тянется. Но вся ссылка опутана такою сетью секретных циркуляров, из которых каждый представляет противоречие закону и нарушение его, что трудно разобрать, где кончается беззаконное царство циркуляров и где начинается область неограниченного частного произвола. Фигурирует ли в секретных циркулярах власть конвойного начальника в качестве верховного закона? Значится ли в них, что избиение прикладами есть законное средство верного доставления на место препровождаемых в ссылку? Числится ли в списке прав конвоиров изнасилование каждой женщины, идущей в партии? Мы не приводим фактов, имеющих быть опубликованными, со всеми относящимися сюда документами, в органах революционной прессы, но мы напомним, что женщины-каторжанки насиловались при переводе из Кары в Якутку на поселение, что, например, на Сийском этапе Архангельской губернии покушения на изнасилование каждой проходящей женщины и девушки вошли в обычай. Мало того, на жалобу по этому поводу одной 17-летней девушки этапный начальник не только не обратил внимания, но даже, несмотря на ее просьбу, назначил и в дальнейший путь ей того же конвоира, — должно быть, для того, чтобы он ее изнасиловал. Неужели именно это предписывается секретными циркулярами? А если нет, то почему же господин архангельский губернатор на коллективную жалобу об этом товарищей наших счел возможным только вступить с ними в ироническую переписку, ни одним словом не намекая на то, что изнасилование и избиение — явления незаконные? Если это незаконное явление, то почему воинский начальник г. Вологды перед толпой народа произнес на улице конвоирам речь, приблизительно такого содержания: всячески ругая всех арестантов, он предписывал солдатам обращаться с ними построже. Особенно же строго велел он обходиться с политическими: «Коли что-нибудь, так вяжи его, бей прикладом, коли штыком, изруби и брось в сортир. Это — внутренние враги, враги царя и отечества; каждый солдат должен истреблять их; коли убьешь, не только не ответишь, но заслужишь честь и славу!» Правда ли, что секретные циркуляры предписывают нечто подобное? И если императорское правительство велит так поступать, то почему же не опубликовать относящиеся сюда постановления?

Русская политическая ссылка, имея в виду 1) длинноту и утомительность этапного пути, 2) опасность его с точки зрения заразных болезней и 3) насилие и грубость как вообще по отношению к политикам поощряемых к тому солдат, так и, в частности, превратившиеся в обычай покушения на изнасилования наших жен, сестер и других товарищей женщин, горячо протестует против этапного препровождения (практиковавшегося до 1883 года) политиков в ссылку и, если уж ссылка необходима, требует восстановления жандармского препровождения, практиковавшегося до 1883 года, и издания гласных узаконений, регулирующих этот вопрос [1]).

4. Переходя к самой ссылке, не знаешь, на какое беззаконие сперва указать. Ссылка имеет, по указанию юристов-теоретиков, то преимущество перед тюрьмой, что тут удаляемый из прежнего общества сочлен его имеет возможность производительным трудом 1) окупить свою жизнь и [1]) или же 2) быть полезным тому молодому краю, которому квалифицированные виды труда так недоступны. Императорское правительство сразу одним почерком пера уничтожило это преимущество, но сохранило ссылку. Выбирая самые нездоровые места, оно скучивает там ссыльных, не дает им трудиться и вза-

[1]) Так в подлиннике.

мен всего этого выдает совершенно произвольно ничтожную сумму каждому, сумму, вообще не превышающую 6 рублей. Сумма эта получается не каждым [1]), и хотя на нее физически нельзя существовать, часто в ней отказывают тому, кто со стороны получает хоть грош. Русская политическая ссылка требует, чтобы ей дали возможность трудиться, или, чтобы ей обеспечили средства, необходимые для существования. Против существующей унизительной для ссылки и вредной для окраин системы обеспечения средств ей [1]) русская политическая ссылка протестует.

5. Другой ряд произвольных распоряжений, — по словам местной администрации, опять-таки основанных на секретных циркулярах, — заключается в порядке расселения административно-ссыльных. Почему в Сибири и на Севере России вошло в практику назначение в деревни ссыльных или больных в неудобообитаемых местах? Больные, таким образом, не только лишаются облегченной возможности добывать себе хлеб, но и прямо остаются без всякой медицинской помощи. Входит ли убийство ссыльных оставлением их в опасности и бездействием власти в круг одобряемых циркулярами действий? Если да, отчего не опубликовать эту оригинальную меру предупреждения и пресечения? Если нет, как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потайного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи, без обеспечения права быть переводимыми в города, где есть больницы или врачебный уход, и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол или обнародовало, что оно принимает на себя ответственность за эти убийства.

6. Организация надзора на местах является новым безграничным полем произвола. Искусный, целесообразный и законный в одних, немногих местах надзор полиции, в других принимает вызывающий характер: то запрещаются отлучки за черту города, иногда предписанные найденным занятием, иногда врачом, то те или иные занятия, те или иные знакомства, наконец. Надзор, деятельность полиции — по идее, в иных местах вырастает в обязанности самих ссыльных, которым приходится просто нести полицейскую службу — являться в полицию чуть ли не по два раза в день, расписываться и т. д. Русская политическая ссылка протестует против этого — она отказывается от пособничества шпионству полиции, она требует регулирования относящихся сюда норм, требует, чтобы полиция не запугивала обывателей накладыванием и на них полицейских функций.

7. По положению об усиленной охране maximum срока административной, т. е. бессудной, ссылки равен 5 годам. Ваше величество незаконным продлением предварительного следствия, как уже сказано, сумели лишение свободы протянуть до 7 лет. Недовольный однако этим, в собственноручно вами подписанных приговорах за последнее время вы увеличиваете сроки ссылки до 6, 7, 8 лет и даже до 10, вы даже сочинили новый вид административного мучения — заключение в тюрьму, и все это без суда и следствия, когда сплошь и рядом сам осужденный не в состоянии по совести ответить, за что он погибает, за что изломали его жизнь. Административная ссылка, по бесправию того положения, в котором находятся подвергнутые ей, гораздо хуже ссылки по суду даже с лишением прав. Но лица последней категории, по крайней мере, на суде пользуются теми гарантиями правосудия, какие

[1]) Так в подлиннике.

вашему величеству благоугодно было еще оставить нетронутыми, — для политиков, убиваемых медленной смертью вынужденного безделия, изгнания и болезней, и этого нет. Русская политическая ссылка протестует против этого самодержавного произвола. Она требует, чтобы ваше величество, по крайней мере, оставались верны тому закону, который вы издали proprio motu, не руководствуясь даже мнением компетентных инстанций русского законосовещательного учреждения.

8. Два года предварительного заключения, от 5 до 10 лет административной ссылки, в совокупности 12 лет лишения свободы в ужасных условиях, переносить которые, конечно, удается немногим, — не широкий ли это, не роскошный ли предел самовластной мести и злобы?

Вы, ваше величество, повидимому, не думаете этого. Когда кончается срок ссылки и человек собирается на волю домой, где у него остались близкие, дела, деятельность, о которой он мечтал все время, а может быть, где его манит покой перед смертью, — тогда за последнее время все чаще и чаще ему предъявляют печатный бланк, на котором прописано, что вследствие всеподданнейшего доклада срок ссылки ему продолжается на неопределенное время. Но кончается и неопределенное — и ссылке конец, — можно ли хоть теперь успокоиться, вернуться назад? Мы уже не говорим о том, что всего чаще средств на это нехватает, и уже, конечно, не правительство вашего величества в этом ему помогает. Это мимо [1]). Но тут вдруг новое беззаконие: со ссыльного берется подписка в том, что ему объявлено, что он не имеет права въезда в район действий усиленной охраны. А ведь под усиленной охраной чуть ли не вся Европейская Россия, откуда почти мы все родом. Итак новый обман, новая игра слов! Русская политическая ссылка требует, чтобы ваше величество опубликовало относящиеся сюда циркуляры, ибо кого это тут обманывает самодержавный властитель русской земли! Русская политическая ссылка протестует против всей этой сети истинно подложной мести [1]).

9. Одну категорию наших товарищей императорское правительство своей политикой выделяет из нашей среды и этим заставляет нас говорить особо — мы разумеем евреев. В случае подозрения в политической неблагонадежности принадлежность к еврейству в последние 2 года стала вменяться в особое тягчайшее преступление. Для наших товарищей евреев почти исключительным местом ссылки оказывается необитаемая [2]) Якутская область, а срок ссылки за самые пустые подозрения колеблется между 5 и 10 годами. Перед такой бесцельной жестокостью, перед таким не имеющим смысла нарушением начал справедливости, нравственности и даже политики русская политическая ссылка останавливается в грустном недоумении. Что в нас вы, ваше величество, видите врагов и неразборчивы в средствах борьбы с нами, это понятно. Но с какой точки зрения можно объяснить это истинно варварское гонение евреев? Играют ли евреи, как таковые, какую-нибудь особенную, выдающуюся роль? Пересмотрев все программы революционных партий, ваше величество легко можете убедиться, что какие бы разногласия нас ни делили, мы все стремимся исключительно к социально-политическим целям, не преследуя никаких религиозных задач. А если так, то для чего такое преследование? Существование революционного движения нисколько не связано с тем, принимают

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В подлиннике: «Необобобитаемая».

ли в нем участие евреи или нет. На этой мысли русская политическая ссылка особенно настаивает потому, что непонимание ее есть образчик того, до чего мало продумана и целесообразна система мер борьбы против нас, ныне практикуемая. Русское политическое движение есть продукт русской жизни; отменяя понемногу суды, самоуправление, печать, возможность школы и науки, свободу самоопределения и выбора занятий русских подданных, ваше величество только скрепляет союз русского общества с его передовой дружиной — революционными группами. С последними вы все более и более связываете насущные, неотъемлемые интересы и таким образом служите близкому торжеству вашего врага — революции. Не в ваших ли интересах локализация борьбы с нами? Мы ее требуем во имя справедливости, хотя и вопреки нашим интересам. Преследование наших товарищей евреев не может тоже найти свое оправдание в желании регулировать те грустные отношения, которые еще недавно подали повод к антиеврейским беспорядкам. Народный протест был направлен против эксплоататорских слоев евреев; в существовании особых черт, придающих острый характер еврейской эксплоатации, уже, конечно, повинны исторические условия, в частности деятельность императорского правительства. Чтобы покончить эти грустные отношения, правительство вашего величества ничего однако не сделало. Систематически суживая права еврейства, всячески оттирая его от земледелия и возможности интеллигентного развития, закрывая перед ними двери школы, государственного и общественного служения, русское правительство само толкает большую часть евреев на путь исключительного эксплоататорства, а меньшую, лучшую — на дорогу социально-политического протеста. Имея это в виду, русская политическая ссылка энергично протестует против выделения ее членов товарищей из ее общей среды.

10. Условия жизни политической каторги — таков последний, но самый важный перечисляемый пункт в нашем протесте. Произвол и безграничная месть, тут царящие более чем где-либо, таковы, что без боли и страха за человека говорить невозможно. Каторга — отжившее свое время [1]) пытки, мучительства и мрака. Приговор к ней — дело страшное, а между тем ваше величество, где свидетели, где документы того, как судили наших товарищей, там сидящих. Но где они? Сидят ли они подлинно? Много ли там отбывающих наказание еще не психически больных, еще не чахоточных и неизлечимых? Где они? Кто в мрачных стенах Шлиссельбурга и других таинственных постах [1]), кто на Каре, а кто на Сахалине. Чем мотивируется такое размещение? Почему их положение бесконечно хуже и подвластнее положения уголовных каторжных? Почему многим женам из них не разрешено даже и следовать с ними? Почему они голодают. и нам, их товарищам, не позволяют делиться с ними средствами? Закон делит каторгу на три срока, сообразно которым тяжесть наказания и [1]) уменьшается. Отчего к нам не применяются или применяются произвольно эти статьи закона? Закон различает каторгу в крепостях, рудниках и на заводах, сопровождая более тяжелые виды заключения уменьшением срока отбывания каторги. Отчего по отношению к нашим братьям это только хорошие слова? Сколько могли бы мы перечислить людей, которым по закону следовало бы быть давно на воле, а они томятся еще в Шлиссельбурге! Томятся ли еще? Или новый дом умалишенных спрятан в какой-нибудь тайне? В виду заключенных, в виду убитых, в виду горя и стыда русская политическая ссылка умолкает. Русская политиче-

[1]) Так в подлиннике.

ская ссылка протестует против бесчеловечности, произвола и насилия, которым подвергаются наши братья и сестры каторжане. Русская политическая ссылка против вашего величества протестует и апеллирует ко мнению народа и всего мира. Сегодня русская политическая ссылка протестует, а потом нашу борьбу рассудит история.

Верно: начальник тобольского губ. жанд. управления полковник Афанасьев.

«Красная гвардия» в Риге в 1906 г.

В период 1905—1907 гг. для активного сопротивления наступающей контрреволюции организовывались почти при каждой революционной партии боевые объединения, так называемые «боевые дружины». По всей обширной б. царской России боевых дружин насчитывалось тогда сотни. В одной маленькой Латвии их количество исчислялось десятками.

Дружины имели свой устав, планы работ, средства, боевые запасы и т. д. Жизненный срок боевых дружин был весьма короток, в среднем редко превышая несколько месяцев. Виселицами, расстрелами, каторгой расправлялось царское правительство за принадлежность к боевой дружине.

Публикуемые ниже документы относятся к одной из таких дружин, именно к боевой группе рижской социал-демократии, организовавшейся в 1906 г. под названием «Красная гвардия» и просуществовавшей, как и другие, подобные ей в этот период, недолго. Здесь печатаются: донесение начальника рижской охранки подп. Васильева в департамент полиции от 5 декабря 1906 г. с изложением истории возникновения боевой дружины, прокламация и первая часть проекта устава «Красной гвардии». Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве (дело деп. пол., ос. отд., № 20, ч. 85, 1906 г. «О боевой группе «Красной гвардии» в Лифлянд. губернии»).

Л. Браже.

Донесение жанд. подполк. Васильева директору деп. полиции от 5 декабря 1906 г. № 493 [1]).

Секретно.

В начале ноября месяца с. г. в Риге начала организовываться группа под названием «Красная гвардия», члены которой до настоящего времени не выработали окончательно своей программы и устава. Группа эта считает себя частью социал-демократии Латышского края, хотя означенная революционная организация не только не признает ее, но даже игнорирует как просто разбойничью шайку.

1 ноября с. г. в «Весеннем обществе» [2]) на Паровой улице состоялось первое совещание членов «Красной гвардии», по инициативе ученика реального училища Отто Юрьева Майзита и рабочего Карла Кришева Аузина.

На этом совещании обсуждался проект устава и программа, равно и выпуск первой прокламации, но к окончательному решению собрание не пришло. Обсуждение этих вопросов продолжалось 8-го, 12-го и 15-го ноября с. г. в том же «Весеннем обществе» и также на Мал. Молочной улице, № 10, кв. 23, занимаемой рабочим Карлом Аузиным.

---

[1]) На подлиннике помета: «Особ. отд. 7 дек. 1906. Вх. № 40789».

[2]) Благотворительное латышское общество.

На последнем заседании вышеупомянутый Майзит и Ян Фридрих Мартынов Террин, рабочий с завода «Проводник», избраны в ЦК «Красной гвардии», с возложением на них обязанностей вести все дела гвардии.

Названные лица приняли проект первой прокламации и решили напечатать таковую в количестве 2000 экземпляров в типографии арестованного ныне Яна Брегиса.

На этом же собрании Майзиту был поручен заказ штемпеля «Красной гвардии», а также роздан был присутствующим проект устава и бланки для сбора пожертвований на цели «Красной гвардии».

На собрании 20 ноября с. г., состоявшемся на Малой Молочной улице, № 10, кв. 23, было решено, ввиду арестования Брегиса, напечатать прокламацию на гектографе и произвести несколько экспроприаций.

Для последней было намечено несколько лиц, например: бухгалтер фабрики «Нерковице» на Красной Двине и владелец консервной фабрики на Малой Молочной улице, № 10, но задуманные экспроприации не удались: первая, ввиду невыхода бухгалтера, а вторая потому, что экспроприаторы по ошибке напали на другое лицо, у которого не было денег, и потому они ограничились отнятием у него револьвера системы «Смит и Вессон», предложив ему под угрозой смерти не заявлять о случившемся полиции. Револьвер передан Майзиту, у которого в настоящее время и хранится. Заявление же об ограблении кого-либо в этот день, действительно, в полиции не получено.

Наконец, 25 ноября была выпущена первая гектографированная прокламация «Красная гвардия», два экземпляра которой вместе с переводом при сем прилагаю.

Подполковник Васильев.

I

Перевод с латышского [1]).

Красная гвардия рижских социал-демократов.

Всем.

Товарищи! В городе Риге создана Красная гвардия, основная задача которой — организоваться в дисциплинированную боевую единицу, при соблюдении программы социал-демократов. Красная гвардия должна знать все виды боя, чтобы с успехом бороться с реакционными и вредными элементами общества, карая их или, при надобности, отправляя даже на тот свет.

Самодержавие силой хочет удержать правительственные вожжи в своих руках. Оно силою старается погубить всякого выразителя народной воли тюрьмами, истязаниями, расстрелами и при помощи виселиц. Это все делается для того, чтобы выжать у народа последние капли крови и тем удержать за собою жестокую власть.

Товарищи! Можем ли мы смотреть на все это равнодушно, можем ли мы быть глухими и не слышать тех воплей, которыми наполнена вся Россия? — Нет, товарищи! Мы этого не можем. Мы должны организовать наших единомышленников и призвать их к борьбе. Мы должны организовать бойцов за свободу — Красную гвардию. Лишь Красная гвардия прекратит деятельность шпионов. Лишь она положит предел изменникам дела рабочих...

Товарищи! Организуйтесь в Красную гвардию! Ведите к сознанию несознательную народную массу. Только организованным путем мы будем в силах нанести снова удар самодержавию и окончательно его сокрушить.

---

[1]) Приведенный в публикуемом деле жандармский перевод прокламации изобилует искажениями и неясностями; поэтому мы даем здесь наш перевод с латышского текста, находящегося в том же самом деле. — *Л. Б.*

Пусть правительство не обольщается, что своей кровавой лапой оно нас задавило навсегда! И мы готовимся праздновать кровавую свадьбу! И мы умеем проливать кровь! Товарищи, нашим лозунгом будет всегда: «Смерть приверженцам правительства!»

Да здравствует вооруженное восстание!

Да здравствует социал-демократия!

Организационный Комитет Красной гвардии [1]).

II

Перевод с латышского [2])

Рижская социал-демократическая Красная гвардия.

Проект устава.

1. Членом Красной гвардии может быть каждый социал-демократ, признающий ее устав и занимающийся в одной ее организации.

2. Члены Красной гвардии организуются по месту своего жительства в группы, не более десяти человек в каждой, с избранным из своей среды представителем во главе.

3. Представители групп избирают из своей среды Комитет, на который возлагается управление организацией.

Примечание: В случае, если кто-либо из членов Комитета оказывается неспособным, на его место избирается другой.

4. Красная гвардия организуется из добровольных членов.

5. Каждый член Красной гвардии должен строго сохранять конспирацию. Нарушающие конспирацию наказываются согласно решения членов организации.

6. Обязанность организации Красной гвардии — вести социал-демократическую агитацию посредством как устной, так и частной [1]) пропаганды.

7. Обязанности членов Красной гвардии — собирать средства на устройство организации, издания литературы и агитации.

8. Члены Красной гвардии, имеющие оружие, должны передать таковое в распоряжение организации.

9. Члены Красной гвардии обязаны ограничить деятельность вредных для общества элементов и т. д.

(Первая часть проекта устава.)

Рижская социал-демократическая Красная гвардия.

Перевел: Ян... [2]).

Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 гг.

Печатаемые ниже несколько документов из истории революционного движения в армии в 1905—1906 гг. представляют интерес как со стороны содержащихся в них фактических данных, так и в том отношении, что имеющиеся на них резолюции Николая Романова довольно ярко вскрывают отношение последнего к попыткам солдатской массы облегчить свое тяжелое положение.

Резолюции Николая Романова на представлявшихся ему всеподданнейших рапортах и докладах о революционной пропаганде и революционном движении в войсках носят, в общем, однообразный и в то же время довольно решительный характер.

«Не хорошо», «Чорт знает, что за срам!» — так Николай реагировал на солдатские «бунты» в армии, но во многих случаях он рекомендовал применять беспощадную расправу, как единственный выход из создавшегося

[1]) На нижней стороне воззвания справа круглая печать: «Красная гвардия рижской социал-демократии».

[2]) Перевод подлинника.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Неразборчиво.

положения. «А энергичные меры?» «Расшевелите суд», «Нужно поступить с виновниками по всей строгости закона. Я этого требую»,— вот царские рецепты борьбы с революционным движением.

Публикуемые документы воспроизведены здесь с подлинников, хранящихся в Военно-Историческом Архиве в Москве (фонд гл. штаба, 1905 г., дело «С высоч. резолюциями государя императора по делу о революционной пропаганде и беспорядках в войсках», арх. № 229).

Криц ман.

Рапорт Николаю Романову командира 252-го Анапского рез. батальона от 2 декабря 1906 г., № 4503.

«Собственною его величества рукою написано: «Подробности, касающиеся знамени, мне в особенности не нравятся».

6 января 1906 г. Генерал-лейтенант [подпись].

Его императорскому величеству.

Командира 252-го Анапского резервного баталиона

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 16 ноября в 6 часов вечера, из казарм вверенного мне баталиона по телефону было сообщено, что нижние чины, вооружившись ружьями и разобрав караульные патроны, взломавши ящики, в которых они хранились, собираются на плацу возле казарм. Как потом оказалось, собравшись на плацу и кем-то руководимы, бросились в помещение арестованных, сломали двери карцеров и выпустили арестованных. Все увещания дежурного по баталиону офицера не имели никакого успеха. Все нижние чины, усилив баталионный караул для охраны складов и порохового погреба, оставив дежурных и дневальных в ротах, направились в город к моей квартире. Когда я получил доклад по телефону, то сейчас же отдал письменное приказание гг. офицерам немедленно прибыть в казармы к ротам, а сам поехал с докладом о происшествии к начальнику гарнизона. Возвращаясь от начальника гарнизона в казармы, я узнал что нижние чины баталиона находятся около моей квартиры, куда и направился. Подъезжая к квартире, увидел, что нижние чины за исключением 1-й роты, которая в это время была в командировке на станции «Кавказской», выстроены вдоль улицы против моей квартиры; я остановился и обратился к ним со следующими словами: «Скажите, братцы, что вам нужно и что вы делаете?» На мой вопрос ответило несколько голосов, что «мы пришли вам заявить наши требования, просим выслушать их и выполнить». Вслед за этим нижние чины окружили меня, и один из них, который, как мне казалось, был не солдат, а кто-то переодетый, начал говорить о том, что солдаты требуют улучшения пищи, хорошей и более теплой одежды, вежливого обращения, беспрепятственного ухода из казарм по своим надобностям, немедленной выдачи денег, собранных жителями гор. Екатеринодара в благодарность за их службу по охране города, выписывать для них не только журналы: «Досуг и дело» и «Чтение для солдат», но и другие газеты, для осведомления их о текущих событиях, заявляя при этом, что они от службы не отказываются и против присяги поступать не будут. Остальные же нижние чины стояли тут же и одобряли требования говоривших. В заключение всего настоятельно потребовали, чтобы знамя хранилось не у меня на квартире, а при баталионе. На все вопросы я ответил: все то, что будет возможно и не противозаконно, мною будет сделано, но при этом заметил, что избранный ими способ и время заявления требований противозаконно; что касается знамени, то таковое у меня хранится на основании устава, но, имея разрешение начальника бригады, я могу просьбу вашу

исполнить и знамя перенести в канцелярию баталиона,— что мною и было исполнено лично. Кроме вышеизложенного нижние чины тут же мне заявили, что требования их изложены письменно и завтра вручат мне их в присутствии начальника гарнизона.

После того как знамя принесли в помещение баталионной канцелярии, мною было приказано нижним чинам немедленно возвратиться в казармы, что ими и было исполнено. Вслед за этим я собрал гг. офицеров и отдал приказание: завтра, т. е. 17 ноября, явиться к $8^1/_2$ час. утра в казармы баталиона. Утром 17 ноября я отправился к начальнику гарнизона генерал-лейтенанту Одинцову доложить о всем случившемся и просить приехать в казармы согласно просьбы нижних чинов. Затем я отправился в казармы и узнал, что нижние чины построились на плацу, не допуская гг. офицеров в черту казарменного расположения кроме меня и младшего штаб-офицера баталиона. В 10 часов утра прибыл начальник гарнизона, которому нижние чины вручили письменное заявление, состоящее из 40 пунктов-требований. Но несмотря на увещания, лично мои и начальника гарнизона, прекратить беспорядок, нижние чины заявили, что они до тех пор не допустят в казармы гг. офицеров и не успокоятся, пока не будут удовлетворены их требования.

18 ноября в город Екатеринодар прибыл вр. командующий корпусом генерал-лейтенант Жиляй вместе с начальником 63 пехотной резервной бригады, которому нижние чины заявили те же требования, какие предъявляли раньше. В настоящее время нижние чины баталиона приведены к полному повиновению, занятия и отправление службы возобновлено в полном объеме. По приказанию вр. командующего корпусом, будут уволены 5 сего декабря в запас армии задержанные нижние чины призыва 1901 и 1902 годов. Следствие о происшествии производится.

О вышеизложенном не было донесено своевременно по причине забастовок почты и правительственного телеграфа.

Полковник Лучинский.

2 декабря 1905 г., № 4503.
гор. Екатеринодар.

Рапорт Николаю Романову командира 2-го Таманского полка от 12 февраля 1906 г., № 494.

Его императорскому величеству командующего 2-м Таманским полком Кубанского казачьего войска

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 6 сего февраля около 7-ми часов вечера на станции Клинцы, Черниговской губернии, к группе казаков 3-й сотни вверенного мне полка, во время погрузки, на пути следования в город Чернигов, подошел учитель технического училища посада Клинцы Булавинов и, указывая на теплушки-вагоны, в которых они должны будут расположиться, стал говорить казакам, что они имеют право требовать себе такие же вагоны, как и поданный для офицеров и, если они — не наемные войска, то не станут ехать в вагонах для свиней, а когда казаки стали ему возражать, то он ответил им, что они — свиньи, а с свиньями не стоит и говорить, за что казаки, около 20 человек, сильно избили его [1]).

О всем вышеизложенном составлен жандармом протокол.

Войсковой старшина

Толстопят.

№ 491.
12 февраля 1906 г.
г. Минск.

[1]) На подлиннике помета: «Собственною его величества рукою написано: «Правильно». 18 февраля 1906 г. Ген.-лейт. Редигер».

Рапорт Николаю Романову ком. 1-го л.-драгунского Московского полка от 18 апреля 1906 г., № 62.

Собственною его величества рукою написано: «Не хорошо».

23 апреля 1906 г. Ген.-лейт. [подпись].

Его императорскому величеству командира 1-го лейб-драгунского Московского императора Александра III полка

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в воскресенье 16 сего апреля, в 5-м часу вечера, близ Залогинской фабрики у гор. Твери, уездной полицией были задержаны пять нижних чинов 5-го эскадрона вверенного мне полка за подстрекательство рабочих к забастовке и раздачу прокламаций преступного содержания, причем один из них оскорблял особу вашего императорского величества и начальствующих лиц.

Тотчас на фабрику был командирован полковой адъютант корнет Лопацинский со взводом от 1-го эскадрона, при корнете Золотареве, для принятия арестованных и производства дознания.

Придя на фабрику, корнет Лопацинский принял арестованных нижних чинов, которые оказались рядовыми 5-го эскадрона: Петр Салтыков, Андрей Вихарев, Прокофий Шубин, Яков Богаченок и Степан Пестов. Означенные нижние чины были отправлены в казармы под конвоем взвода, где были сданы дежурному по полку офицеру для арестования.

17 сего апреля в казармы полка был выслан главный свидетель стражник Дудкин, который указал еще на двух нижних чинов — ряд. 5-го эскадрона Ивана Топорищева и 4-го эскадрона кузнеца ряд. Антона Баранецкого, бывших там, а также им было указано, кто из арестованных нижних чинов что говорил.

У рядовых Салтыкова и Пестова были найдены прокламации преступного содержания.

О вышеизложенном произведено дознание.

Полковник Хмелев.

№ 62.
18 апреля 1906 г.
г. Тверь.

Всеподд. доклад военного министра г.-л Редигера от 24 мая 1906 г.

Собственною его величества рукою г «Молодец ген. Давыдов».

25 мая 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Командующий войсками Одесского военного округа генерал-от-кавалерии барон Каульбарс военному министру, от 24 сего мая за № 490, из Одессы, телеграфирует следующее:

«В дисциплинарном баталионе в Херсоне две роты выломали двери, выбросили и жгли постельные принадлежности; вообще вышли из повиновения; появление пулеметов и отряда пехоты и вновь проявившаяся энергия и сила воли генерала Давыдова положили конец беспорядку».

Об изложенном всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству.

Генерал-лейтенант Редигер.

24 мая 1906 г.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 29 мая 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Как может подобное случиться в *старой боевой части*? Очевидно, надзор за внутренним порядком отсутствует. Командир полка должен понести законную кару, до отрешения от должности включительно».

30 мая 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Всеподданнейше представляю при сем вашему императорскому величеству копию с телеграммы начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта Маврина от 29 сего мая за № 745 о беспорядках в 33 пехотном Елецком полку.

Генерал-лейтенант Редигер.

29 мая 1906 г.

Копия с телеграммы начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта Маврина военному министру от 29 мая 1906 г. за № 745, из Киева.

361. Командующий войсками утром получил от полтавского губернатора телеграмму. Елецкий полк взбунтовался, положение очень серьезное, просит присылки войск. Вслед получена телеграмма от генерала Ждановского, — сегодня на зорю Елецкий полк вышел с ружьями и, подстрекаемый агитаторами, несмотря на убеждение командира полка, в 12 часов ночи с музыкой и стрельбой направился в казармы Севского полка. Севский и остальные части были построены на площади. Бунтовщики, не найдя севцев, повернули обратно в казармы, куда посланы командир полка и офицеры для водворения порядка; утром ожидается продолжение беспорядков. Командующий войсками, предназначив к командированию в Полтаву пять эскадронов стародубцев, два баталиона днепровцев и конногорную батарею, срочно запросил генерала Ждановского о положении дела и требуется ли присылка войск. Только-что получена телеграмма командующего дивизией генерала Полковникова: «Елецкий полк произвожу опрос претензий и расследование». Командующий войсками сегодня выехал по заранее составленному маршруту пароходом в Кременчуг и Полтаву, для осмотра 9 пех. дивизии, командировав непосредственно прямо в Полтаву помощника своего, генерала Шмита; вероятно, генерал Полковников выехал заранее навстречу командующему в Кременчуг и, получив сведения из Полтавы, возвратился обратно в Полтаву и донес.

Начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант

Маврин.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 8 июня 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Черт знает что за срам!»

8 июня 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Командующий войсками Одесского военного округа генерал-от-кавалерии барон Каульбарс, от 7-го сего июня за № 751, из Одессы, военному министру телеграфирует следующее:

«Под влиянием первого баталиона 6 июня две роты 2-го крепостного артиллерийского баталиона в Севастополе также перестали повиноваться; они обезоружены 7-го утром; покуда подробностей не имею; посылаю в Севастополь две роты одесской крепостной артиллерии».

Об изложенном всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству.

Генерал-лейтенант Редигер.

8 июня 1906 г.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 28 июня 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Нужно поступить с бунтовщиками по *всей строгости законов*. Я этого требую. Затем лишить полк штандарта».

Временно командующий 7-м запасным кавалерийским полком от 26 июня из Тамбова на имя вашего императорского величества (по главному штабу, о происшествии) шифрованною телеграммою доносит следующе (телеграмма получена 27 июня):

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что после арестования трех главарей сопровождающий караул, ослушавшись офицера, не дойдя до тюрьмы, вернулся в полк и вместе с арестованными. 7-й, 8-й и 9-й эскадроны из городских казарм пришли к штабу полка в полном боевом вооружении. Люди первых шести эскадронов вышли в ружье против пришедших на усмирение двух рот Кром-

ского и Борисоглебского полков, эскадрона нежинцев и сотни казаков; бунтовщики открыли стрельбу, продолжавшуюся с половины второго до двух часов дня. Убит Борисоглебского полка ротный командир 8-й роты капитан Горецкий; в командуемом мною полку легко раненых три нижних чина; у нежинцев убито 4 лошади, две ранены. Пехота, эскадрон 52-го драгунского Нежинского полка и казаки отступили и стали в засаде. Перестрелка прекратилась. Покорности не изъявляют. Настроение до крайности возбужденное. Офицеры остаются до конца при штандарте. № 58».

Об изложенном всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству.

Генерал-лейтенант Редигер.

28 июня 1906 г.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 24 августа 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Распшевелите суд в Севастополе, дабы дело о креп. артил. скорее окончилось».

25 августа 19 6 г. Ген.-лейт. Редигер.

Всеподданнейше представляю вашему императорскому величеству две копии шифрованных телеграмм относительно принятия мер на случай нового бунта Черноморского флота.

1-я — отправленной мною командующему войсками Одесского военного округа, от 22 сего августа за № 542, и 2-я — ответной от генерала-от-кавалерии барона Каульбарса, от 23 того же августа за № 17945 [1]).

Генерал-лейтенант Редигер.

24 августа 1906 г.

Рапорт Николаю Романову и. д. коменданта г. Тулы от 28 августа 1906 г., № 11523.

Его величество изволил читать и собственноручно начертать: «А энергичные меры?»

Его императорскому величеству исправляющего должность коменданта города Тулы

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в 6 часов вечера 27 сего августа, когда дежурный по караулам удалил посторонних нижних чинов, разговаривавших через окно с арестованными на городской гауптвахте, арестованные в общей камере гауптвахты нижние чины, в числе 5 человек, произвели буйство, причем поносили имя вашего величества, сорвали икону и топтали ее ногами, плевали через решетку в лицо дежурному по караулам офицеру, ругая площадною бранью его, часового и прочих чинов караула. Кроме того, у себя в камере они поломали оконные рамы и побили стекла. Производится дознание.

Полковник Эртель.

№ 11523.
28 августа 1906 г.
г. Тула.

[1]) Телеграмма в деле отсутствует.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ (СОРОК ТРЕТИЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Турецкая революция 1908—1909 гг.

Разразившиеся в 1908 г. во внутренней жизни Турции события, теснейшим образом связанные с тем международным положением, в каком оказалась в ту пору Оттоманская империя, и обусловившие, в свою очередь, целый ряд конъюнктурных сдвигов в балканском вопросе, не могли не получить отражения в делах царского дипломатического ведомства. В Архиве Внешней Политики хранится коллекция документов, имеющая заголовок «Турецкая конституция», части I—VII (арх. шифр: П. А. № 3083—3089). Выдержки из этой коллекции мы предлагаем вниманию читателей.

Не приходится, разумеется, рассчитывать на исчерпывающе полное и точное отображение в сохранившейся дипломатической переписке турецкого национально-освободительного движения. Однако важнейшие факты, основные этапы движения запечатлены в публикуемых документах. Восстание в турецких частях, расквартированных в Македонии, связанное с именами Энвер-бея и Ниази-бея, расширение района восстания, охватывающего всю территорию Македонии, руководящая роль в восстании комитета «Единение и Прогресс», действующего планомерно и методически, завоевание революционерами сочувствия широких масс городского и сельского населения, фактический переход власти на местах в руки младотурецких комитетов, предъявление последними султану требования восстановления конституции, «мудрое» решение султана пойти навстречу революционным требованиям, картины всеобщего братания в период медового месяца революции, образование ответственного кабинета и созыв палаты депутатов, проявление и рост в новой политической обстановке социальных и национальных антагонизмов, расшатывающих сложившиеся в результате компромисса формы власти, мобилизация контрреволюционных сил, ориентирующихся на организованную анархию и империалистическую интервенцию, решительная политическая диверсия султана, пытавшегося произвести военный переворот, срыв этой попытки победоносным движением на Константинополь революционных полков, изоляция Ильдыз-Киоска и капитуляция султана — таковы мотивы, заключающиеся в публикуемой дипломатической переписке и намечающие внешние контуры движения.

Не приходится, разумеется, ждать от публикуемых материалов достаточных данных для выяснения экономической и социально-политической базы движения. В них оттенены два момента: 1) низкие качества турецкого государственного аппарата, характеризующегося всевластием «окружающей султана безответственной клики» и «чудовищно-развитою системой шпионажа» и являющегося вместе с тем орудием в руках иностранных держав, действующих через «эгоистических фаворитов султана» (цитиру-

емые слова принадлежат русскому поверенному в делах в Константинополе); 2) тяжесть налогового бремени, испытываемого турецким крестьянством, с особой резкостью подчеркиваемая в первых прокламациях младотурецкого комитета.

Из всей совокупности документов у читателя может сложиться представление о младотурецкой организации как организации заговорщическо-карбонарского типа, действующей по директивам парижского центра, члены которой рекрутировались из младшего офицерского состава, лиц свободных профессий, мелкого и среднего чиновничества и учащихся высших учебных заведений. Из тех же документов явствует, что движение было направлено в первую очередь против дворцовой олигархии и ее агентуры на местах — высшей бюрократической касты, состоящей из сравнительно немногочисленных, но долговечных чиновничьих династий. Вынужденное в первые дни революции прикрыться фиговым листком солидаризации с движением, высшее, среднее и низшее духовенство на ближайшем этапе борьбы оказывается активным организатором дворцовой контрреволюции. Вместе с тем в дальнейшем ходе событий младотурецкая организация отнюдь не отождествляет своих интересов с интересами крестьянства и, вынужденная пойти навстречу последнему в вопросе приобретения земельных участков, старается не нанести ущерба землевладельцам. Наконец, развивающееся в процессе революции стачечное рабочее движение с первых же дней ставит младотурок в обособленное от рабочего класса положение, при котором им приходится подавлять стачки силою оружия и организовывать штрейкбрехерство [1]). Документы освещают взаимоотношения младотурецкой организации с рядом общественных классов и групп. Нигде не упоминается только о турецкой буржуазии. Знакомясь с личным составом организации и находя там представителей мелкобуржуазной интеллигенции, мы не встречаем представителей подлинной буржуазии — торговцев, купцов, промышленников, банкиров.

Между тем публикуемые документы не оставляют никакого сомнения в том, что осуществляемая младотурками программа реформ была программою реформ чисто буржуазных: мероприятия, связанные с развитием капиталистических отношений в деревне (в частности, отмена барщины и организация сельскохозяйственного кредита), необходимая для укрепления внутреннего рынка реорганизация налоговой системы, урегулирование отношений между капиталом и трудом, реорганизация народного образования, предусматривающая частную инициативу, наконец, преобразование военных и морских сил Турции, как создание предпосылки для возможного развития турецкого империализма [2]).

Несомненно, что, работая над перестройкой политических предпосылок, младотурки осуществляли интересы турецкой буржуазии, как класса, несмотря на то, что они не являлись выходцами из этого класса, несмотря на то, что турецкая буржуазия не выросла еще в активную политическую силу.

---

[1]) О рабочем движении в эпоху младотурецкой революции см. «Современник» 1912 г., № 4, ст. Горцева «Младотурки и рабочий вопрос».

[2]) См. депешу Зиновьева от 20/IX (3/X) 1908 г. № 209. См. также полный текст турецкой конституции, напечатанный в книге П. Милюкова «Балканский кризис и политика Извольского», стр. 379—394.

Данные турецкой статистики говорят о слабых темпах развития турецкой торговли и турецкой промышленности, тормозившихся архаическим турецким законодательством. Непомерно высокие налоги на землю, эксплоатация населения откупщиками налогов, отсутствие дешевого и доступного кредита, ростовщичество, сложное и запутанное аграрное законодательство, построенное исключительно в интересах землевладельцев-чиновников, обусловливали слабость покупной способности населения, слабость турецкого внутреннего рынка. Достаточно вспомнить, что у турецкого крестьянина после уплаты им всех налогов оставалось не более $^1/_3$ всего получаемого с земли дохода и что в Турции, стране по преимуществу земледельческой, обрабатывалось едва только $^3/_{10}$ всей годной к обработке земли. Специфическим характером турецкого законодательства, для открытия какого бы то ни было промышленного предприятия, требовавшего особого разрешения султана и преодоления заградительной стены взяточничества, тормозилось развитие и добывающей и обрабатывающей промышленности. Слабость железнодорожной сети (в 1906 г.—5 589 *км*) и колесных дорог и система таможенных пошлин, определяемых всевластным чиновничеством в соответствии с величиной получаемых им взяток, действовали в том же направлении. За десятилетие 1897—1906 гг. ввоз в Турцию увеличился с 21,3 до 31,3 милл. турецких лир, вывоз — с 15,4 до 19,6 [1]). Сравнение данных турецкого ввоза и вывоза с теми же данными наиболее отсталых в международной торговле стран, как Россия и Болгария, показывает, что по вывозу богатая сельскохозяйственными продуктами Турция стоит на самом последнем, а по ввозу — на третьем от конца месте [2]). Характерно при этом, что среди предметов вывоза мы не находим ни минералов, ни леса, ни скота, которыми богата Турция. Характерно еще, что ввоз в Турцию в $1^1/_2$ раза превышал вывоз из нее, причем (не в пример таким индустриально развитым странам, как Англия) ввозились в Турцию не предметы, нужные для обрабатывающей промышленности, а товары, обслуживающие только непроизводящие классы населения, иными словами — импорт, выкачивая за границу народные деньги, лишь способствовал обеднению населения.

Господствовавший в Турции политический режим держался, как известно, системою внешних займов, делавших его неоплатным должником иностранного капитала. Прогрессирующее финансовое закабаление турецкого государственного аппарата увенчивается образованием в 1881 г. знаменитой иностранной Администрации государственного долга, берущей в свое управление главнейшие источники государственных доходов.

Забронированный капитуляциями иностранный капитал завладевает всеми основными отраслями народного хозяйства. Он держит в своих руках всю турецкую промышленность и становится монополистом всей внешней торговли страны. Постройка и управление железными дорогами были монополизированы германскими и французскими

---

[1]) См. The statesmen's Year-book, 1908, London, p. 1574.

[2]) Стоимость вывоза на 1 человека для Болгарии — 10 рублей, для России — 7 рублей, для Турции — 6 р. 75 к. См. «Турецкий сборник», Птгр., 1909 г., ст. Ю. Лавриновича «Экономическое положение и финансы Турции», стр. 152—153. См. также P. Fesch, «Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid», Paris, 1907.

капиталистами, табачное дело и шелководство — в руках французов, хлопководство — в руках греков, угольные и медные разработки — в руках французов и немцев и, наконец, Оттоманский банк — фактически французское предприятие.

Иностранный капитал и внешние займы, разрушая натурально-хозяйственный уклад страны, открывали Турцию для товарного хозяйства. Богатевшие за счет крестьянства откупщики и ростовщики, превращавшиеся в торговцев, начинали помещать свои капиталы в иностранные предприятия, а иногда заводить и собственные производства.

Наряду с мелкой кустарной промышленностью начинают нарастать, ограничиваясь на первых порах отраслями текстильной и пищевой [1]), укрупненные туземные производства.

На последнем (в декабре 1907 г.) конгрессе представителей турецких революционных организаций в Париже, кроме младотурок, мы встречаем представителей армянских, греческих, болгарских и др. комитетов, которые сначала шли в ногу с младотурками, а потом, как видно из документов, блокировались с контрреволюцией. Это были представители христианского населения империи, несшего более легкое по сравнению с мусульманами податное бремя, избавленного от натуральных налогов и государственной барщины, находившегося к тому же под защитой иностранных держав. Из них рекрутировались прежде всего ряды торговой буржуазии; они монополизировали, как известно, почти всю внутреннюю торговлю страны.

Зарождаясь в запретительных условиях абдул-гамидовского режима, в условиях господства не знавшего конкуренции иностранного капитала, туземная буржуазия появлялась на свет, связанная по рукам и по ногам, в нездоровых для жизни условиях.

Недаром в донесениях Нелидова отмечается, что «с первых же дней переворота стала слышаться враждебная Европе нота» и возгласы: «Долой иностранное вмешательство», «Долой капитуляции». Недаром в проекте младотурецкой конституции был предусмотрен пункт, гласивший: «оттоманы могут образовывать торговые, промышленные и земледельческие союзы»... Недаром, став у власти, младотурки обращаются к образованию Банка национального кредита, который начинает субсидировать вырастающие, как грибы, многочисленные грюндерские предприятия.

Мы отметили выше, как характерный для турецкой хозяйственной жизни предреволюционной эпохи, тот факт, что накоплявшийся туземный капитал охотно шел в иностранные предприятия. Это означало срастание туземного капитала с капиталом иностранным и было чревато крупными политическими последствиями, так как влекло за собою неминуемое вовлечение турецкой буржуазии в орбиту политики одной из борющихся на мировой арене империалистических коалиций.

Младотурецкое движение, как движение нарождающейся турецкой буржуазии, призванное играть роль движения национально-освободительного, оказывалось ограниченным не только слабостью социальной диференциации внутри страны, но и создавшимся вокруг страны империалистическим окружением. Та международная обста-

[1]) См. в сборнике «Колониальный Восток» ст. И. Бутаева «Экономические предпосылки образования турецкого государства», стр. 195—222.

новка, в условиях которой возникла турецкая революция, приобретает таким образом значение первостепенного фактора. Даже самый факт возникновения движения в июне 1908 г. ставится обычно в связь с состоявшимся весною того же года в Ревеле свиданием Эдуарда с Николаем II.

Английской политике рассматриваемого времени чужды, как известно, старые принципы неприкосновенности Отоманской империи. Вопрос о расчленении Турции ставится английским империализмом в порядок дня. Втянутая бесповоротно в орбиту политики англо-французского империализма, царская Россия получает возможность вернуться к активной политике на Ближнем Востоке: стоящий у власти буржуазно-феодальный блок реставрирует свои старые планы овладения Константинополем и проливами.

Ревельское свидание являлось завершением англо-русского соглашения 1907 г. и намечало, как известно, общность англо-русских действий в ближневосточных делах. Документации по данному вопросу мы еще не имеем, но знаем, что в Ревеле намечалось отделение Македонии от Турции на началах полной автономии [1]).

Абдул-гамидовский режим, при котором германский империализм начал свой победоносный Drang nach Osten, связал себя теснейшими узами с Берлином. Младотурецкий переворот наносил, как отмечает русский поверенный в делах в Константинополе, сильный удар по германскому и попутно австрийскому влиянию. Назначение Киамиля великим визирем тот же дипломат определяет как «торжество Англии».

Публикуемые документы развертывают перед читателем ту международную обстановку, в которой развивалась младотурецкая революция: явно враждебная позиция Вены, скептицизм Берлина, напряженно-выжидательное состояние балканских государств, исполненная благожелательности и готовности к помощи позиция Лондона и вынужденная любезность царской России. Наблюдающие вспыхнувший революционный пожар зрители готовы при первом удобном случае поживиться в суматохе чужим добром: Триполи уже вспоминается выступление держав в Китае в эпоху боксерского восстания; Милованович заговаривает с Тошевым об общности действий; англичане, по словам Зиновьева, «питают честолюбивую мысль занять в Константинополе приблизительно то же самое положение, которое занимают в Египте». Более нетерпеливыми оказываются австрийцы и болгары, захватывающие, первые — Боснию и Герцеговину, вторые — Румелийскую железную дорогу. Последние два факта затрагиваются данной публикацией только попутно и, несомненно, заслуживают специальной документации. Недостаточно отражена в документах внешняя политика младотурок последующего периода, когда они начинают входить в фарватер германского империализма.

Документы царских архивов не могут претендовать на исчерпывающее освещение международной конъюнктуры рассматриваемого периода во всей ее сложности, но они дают достаточно яркое освещение политики русского дипломатического ведомства в данном вопросе.

---

[1] См. Die Grosse Politik, Bd. XXV, Kap. 159; см. также Siebert «Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik». Berlin und Leipzig 1921, SS. 777—779; также П. Милюков, op. cit., стр. 1—21.

В этом отношении публикуемые документы приобретают значение первоисточника в полном смысле этого слова, и среди них наибольший интерес представляет протокол Особого совещания от 21 июля 1908 г., на котором рассматривался вопрос о возможности занятия Верхнего Босфора. Идущая под флагом покровительства христианских народностей и прикрывающаяся защитным цветом реформ в Македонии, царская дипломатия ни на минуту не теряла своей целевой установки, диктовавшейся ей интересами русского помещичье-буржуазного блока.

Остановимся в заключение на одном моменте, частично отраженном в настоящей публикации. На упомянутом Особом совещании было признано, что сейчас «мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление», что дело вооруженного завладения Босфором приходится временно отложить и пока заняться разработкой «подробного плана действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции». Сознание собственного бессилия и дружественные отношения с Англией диктовали русским правящим классам необходимость принять турецкую революцию, примириться с ней и попытаться извлечь из этого факта возможные выгоды. Небезынтересно припомнить в этой связи ту линию, какой держалась в рассматриваемое время в турецком вопросе русская консервативная и либеральная печать. Возьмем руководящие статьи «Нового времени» за 1908 г., за те месяцы, когда у редакции определилось отношение к турецким событиям.

В передовой от 30 ноября [1]) развивается мысль о том, что Турция, которая «до сих пор была больным человеком», «теперь, повидимому, исцелилась и требует себе места под солнцем наряду со всеми другими народами». В передовой от 5 ноября [2]) заявляется: «Если мы не поддержим турок и не добьемся с ними прочного соглашения, они, конечно, вынуждены будут броситься в объятия Австрии». Автор передовой от 6 декабря [3]) говорит о том, что «Новая Турция сразу завоевала всеобщее сочувствие и, что еще вернее, прямое содействие». В помещенной в той же газете от 2 ноября [4]) статье под заголовком «Поворотный пункт русской политики» ставится вопрос о желательности союза Турции с Россией, Англией и Францией. Передовая в номере того же числа озаглавливается «Балканский союз», — в ней доказывается необходимость образования союза всех балканских государств во главе с Турцией против Австрии.

Идея русско-турецкого сближения развивается Извольским с думской кафедры на заседании 12 ноября 1908 г.

По свидетельству драгомана российского посольства в Константинополе [5]), она встречала определенный отклик в турецкой прессе: газета «Икдам» и органы младотурецкого комитета «Танин» и «Шуран-Иммет» защищают мысль об открывающейся для России и Турции новой эры дружбы и совместной борьбы с Австрией (это было время австрийской аннексии).

---

[1]) «Новое время», 1908 г., № 11754.

[2]) Там же, 1908 г., № 11729.

[3]) Там же, № 11760.

[4]) Там же, № 11726.

[5]) См. «Русская мысль» 1915 г. кн. V—VI, ст. А. Н. Мандельштама «Младотурецкая держава».

Отметим попутно, что, солидаризируясь с турецкой революцией, русская консервативная пресса принимала ее по-своему, и воздаваемые ею младотуркам похвалы отличаются некоторым своеобразием. Автор передовой «Нового времени» от 21 сентября 1908 г. [1]) хвалит младотурок за то, что они «не следуют кадетским шаблонам и не осложняют своей задачи сразу всею совокупностью проблем турецкой государственности». Автор передовой той же газеты от 6 декабря 1908 г. [2]) хвалит младотурок за то, что «они не подняли мятежа против исторической верховной власти...»,что «они выступили не как противники монархического начала, врезанного в плоть и кровь восточных народов, а как сотрудники монарха в исцелении государственных язв». «Новое время» от 8 декабря 1908 г.[3]) говорит о «полном порядке в ходе переворота, его бескровности, отсутствии смуты и грязи»... «Не горели поместья и не ходили карательные отряды, не шумели митинги, никто не потрясал в воздухе кулаками, и ряженый поп не водил стотысячной толпы ко дворцу».

Те же мысли об исцелившемся больном человеке можно встретить и в органах либерального лагеря [4]). Либералы, разумеется, и подавно не являются врагами турецкой революции. В первые же дни революции Милюков выражает пожелание, чтобы «на этот раз турецкий парламент не разделил судьбы парламента 1877 г.» и чтобы «в Константинополе не оказалось случайно налицо никакого полковника Ляхова» [5]). Ко дню открытия турецкого парламента к.-д. фракция Госуд. Думы посылает в Константинополь особое приветствие.

Но, как это ни покажется странным, кадетская пресса по сравнению с официозной проявляет гораздо больше скептицизма [6]) в вопросе о судьбах турецкой революции и, во всяком случае, с гораздо большею откровенностью делает выводы из своего скепсиса. Выводы эти касаются прежде всего неудачных попыток Извольского. Передовая «Речи» от 7 октября 1908 г. [7]) высмеивает министра, который хотел проводить политику «бескорыстия» в турецком вопросе и который мечтал явиться на предполагавшуюся международную конференцию с «чистыми» руками: «Ни в одной стране, кажется, дипломатия не считает заслугой оказаться особенно «бескорыстной». Наоборот, повсюду само собой разумеется, что все, предпринимаемое в международной политике, должно предприниматься исключительно в интересах данного государства».

Впрочем, разногласие между русским либеральным и консервативным лагерем в вопросах внешней политики было не так велико. Туркофильство «Нового времени» испаряется, как дым, к середине 1909 г. Еще в октябре 1908 г. «Новое время» так откликалось на неудачу, постигшую Извольского: «Мы удивляемся, что А. П. Извольскому не пришла в Бухлау простая мысль: сделать с Дарданеллами то самое, что бар. Эренталь

[1]) «Новое время», 1908 г., № 11684.
[2]) Там же, № 11760.
[3]) Там же, № 11762.
[4]) См. «Вестник Европы» 1908, т. V, стр. 405—406.
[5]) См. «Речь» от 16 июня 1908 г., № 168.
[6]) См. «Речь» № 224 от 19 сентября 1908 г. и № 254 от 22 октября 1908 г.
[7]) Там же, № 239.

сделал с Боснией» [1]). В июне 1909 г. константинопольский корреспондент «Нового времени», сообщая об оживленной работе турецкого правительства по усилению военного флота, сопровождает свое письмо восклицанием: «Неужели же гроза, разразившаяся 4 года тому назад над Балтийским флотом, должна в недалеком будущем разразиться и над Черноморским!» [2]) Передовая от 4 августа 1909 г. [3]), касаясь национальной политики младотурок, задается вопросом: «Долго ли просуществует эта идиллия?» А передовая от 28 августа того же года [4]) предсказывает: «Процесс выделения из Оттоманской империи непризнаваемых ею национальностей будет продолжаться, как и в XIX столетии».

Консерваторы и либералы продолжали проявлять в ближневосточном вопросе полное единодушие. Руководство буржуазно-помещичьего блока оставалось в вопросах внешней политики цельным и нерушимым. Плохие исполнители его воли, разумеется, должны были быть сняты с постов.

Мы привели отклики русской печати на турецкие события 1908 г. с тем, чтобы яснее стали социальные силы, являвшиеся двигателями активной русской политики на Ближнем Востоке, чтобы яснее стали цели, ими преследовавшиеся. Какой вывод следует сделать из сказанного?

Нам его делать не приходится. Ибо это значило бы повторять то, что писал В. И. Ленин еще в октябре 1908 г. [5]).

Между прочим он писал: «Послушать эти заявления [дипломатов], поверить статьям сфициозов — все полны «сочувствия» к обновленной Турции, все только и желают укрепления и развития конституционного режима в Турции, все не нахвалятся «умеренностью буржуазных младотурок».

Отмечая далее, что все «эти речи — образец подлого буржуазного лицемерия современных правительств Европы и современной европейской буржуазии», указывая на то, что все усилия европейских правительств сводятся к замазыванию происходящих на Востоке событий, к организации контрреволюционной коалиции европейских держав против рвущихся к демократизму азиатских наций, Ленин писал: «Младотурок хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что она не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов — и в то же самое время Турцию продолжают грабить попрежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений. Хвалят младотурок и продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет собой политику раздела Турции».

---

[1]) См. «Новое время» от 17 октября 1908 г., № 11710.

[2]) См. «Новое время» от 13 июня 1909 г., № 11943, ст. «Константинопольски письма» Холмского.

[3]) Там же, № 11995.

[4]) Там же, № 12019.

[5]) В газете «Пролетарий» № 37 от 16 октября 1908 г. См. Ленин, Собрание сочинений, т. XI, стр. 138—147.

История последующих десятилетий блестяще подтвердила данную В. И. Лениным оценку работы империалистической дипломатии, принеся с собой не только новые проекты раздела турецкой империи, но и организованный хищниками империализма подлинный разгром сначала европейских, а потом и азиатских владений Турции.

А. Попов.

Выписка из донесений управляющего гражданским агентством в Македонии от 25 (12) и 30 (17) июня 1908 г. №№ 296 и 302[1]).

Младотурецкая пропаганда среди военных чинов III корпуса сделала большие успехи. Революционное движение охватило почти всех офицеров, резко критикующих существующий режим и требующих введения конституции. Движению сочувствуют старшие командиры частей и, как говорят, начальник штаба III корпуса генерал-майор Али-Риза-паша, отрешенный ныне от должности и вызванный в Константинополь. Брожение проникло в военные училища: в Ускюбе по требованию воспитанников были уволены некоторые преподаватели.

На почве младотурецкого движения совершен целый ряд покушений и убийств. Революционеры таким путем борются со своими политическими противниками.

Для расследования дела из Константинополя прибыла комиссия в составе трех пашей (Юсуф, Реджеб и Измаил-паши). Возбуждение так велико, что офицеры отказываются отдавать честь генералам — членам комиссии. Революционное настроение офицеров производит самое пагубное действие на нижних чинов.

Таким положением вещей пользуются сторонники старотурецкой партии, которые представили в Константинополе революционное движение в III корпусе, как результат введения генерал-инспектором Хильми-пашою преобразований и как следствие попустительства со стороны Эссада-паши, бывшего командира III корпуса. В этом направлении действует и солунский вали Реуф-паша, заклятый враг Хильми-паши.

Отозвание Эссада-паши и назначение на его место мушира Ибрагима-паши рассматривается, как выражение со стороны Ильдыза неодобрения генерал-инспектору. Ибрагим-паша известен своим враждебным отношением к христианам и любовью к жестоким мерам; на этой почве он всегда сталкивался с Хильми-пашой. Возвращение его в Македонию, где он некогда командовал 9-ю дивизией в Сересе,

---

[1]) Текст документов подготовлен к печати А. Л. Поповым и Б. Я. Галиной.

является прискорбным событием, угрожающим восстановлением старых порядков.

Комиссия трех генералов, работавшая под руководством Ибрагима-паши, установила причастие к младотурецкому движению 15 офицеров, преимущественно солунского гарнизона. Есть основание думать, что подготовлялся военный бунт, с арестом представителеи власти, не сочувствовавших движению.

В среде комиссии возникли разногласия. Юсуф-паша и Реджеб-паша решили, не раздувая дела, представить его в смягченных красках. Ибрагим-паша [1]), наоборот, признает положение серьезным и винит во всем Хильми-пашу, выставляя его тайным покровителем и главою младотурецкого движения. Рассерженный разногласиями в комиссии, Ибрагим-паша [2]) выехал в Константинополь.

Генерал-инспектор жалуется на затруднительность своего положения, отныне всякий его шаг навстречу требованиям держав прибавит лишнюю страницу к обвинительному против него акту. В довершение этих неприятностей один из самых деятельных сотрудников Хильми-паши — Энвер-бей оказался принадлежащим к движению и скрылся из опасения ареста, что не могло не произвести самого тягостного впечатления на Хильми-пашу. [Петряев.]

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 6 июля (23 июня) 1908 г. № 314.

В настоящее время все высшее военное и гражданское начальство в Македонии занято почти исключительно расследованием дела о младотурецкой пропаганде в войсках третьего корпуса, — все другие вопросы отошли совершенно на задний план.

На основании показаний двух нижних чинов военным следственным властям удалось ныне установить связь между младотурецкой партией и албанскими революционными комитетами на юге Монастырского вилайета. Офицерские младотурецкие кружки в Ресне, Преспе, Прилепе, Крушеве и Охриде (Монастырский вилайет) вошли в тесное общение с главным албанским комитетом в г. Корице (на юге Монастырского вилайета) и, повидимому, выработали план общих действий.

20-го сего июня начальник гарнизона в Ресне, лейтенант Ниази-эфенди, албанец по происхождению, бежал, захватив военную кассу — около 600 т. л. и несколько десятков казенных ружей. К нему присо-

[1]) Так в подлиннике. Повидимому, имеется в виду Измаил-паша. (См. донесение Петряева от 30(17) VII 1908 г. за № 302, хранящееся в Архиве Вн. Пол. в деле П. А. № 3083.)

[2]) См. предыд. примечание.

единились городской голова Джемаледдин-эфенди, жандармский офицер Бахри-эфенди и один полицейский, все албанцы. Перед побегом Ниази-эфенди посредством шифрованных телеграмм снесся с двумя представителями младотурецкой партии в г. Преспе, офицерами Садыком и Османом-эфенди, также примкнувшими к беженцам. Все они сборным пунктом назначили окрестности села Влахчи (между Преспой и Ресной), изобилующие лесами и вообще малодоступные. Из восьми нижних чинов, бежавших вместе с ними, по последним сведениям, четыре уже вернулись обратно.

Как я узнал доверительным путем, главари албанского революционного комитета в Корице решили оказать бежавшим офицерам младотуркам широкое содействие деньгами и людьми и предоставить в их распоряжение шайки албанцев для действий против турецкого правительства.

Ввиду такого оборота дел командир XVIII дивизии в Митровице Шемси-паша получил приказание немедленно отправиться в район Преспенского округа для ловли вышеназванных лиц и наказания албанцев. В его распоряжение из Солунского вилайета высылается два батальона. Несмотря на свой преклонный возраст и болезненное состояние, Шемси-паша считается специалистом по укрощению албанцев и для приведения их к порядку не останавливается перед самыми жестокими расправами. Подобная миссия была на него возложена и в прошлом году, когда возникли албанские беспорядки в Корицком санджаке, где им и были произведены массовые экзекуции. Теперешняя посылка Шемси-паши, снабженного особыми полномочиями, указывает на то, что турецкое правительство решило с албанцами не церемониться.

Предварительно своего бегства Ниази и Осман-эфенди от имени младотурецкого комитета отправили генерал-инспектору письмо, коим требуют от него (?) [1]) установления представительного образа правления и устранения иностранцев от вмешательства во внутреннюю жизнь государства.

Как теперь выясняется, младотурецкое движение в Македонии в значительной степени направлено против пребывающих здесь иностранных органов контроля, с Хильми-пашою во главе. Кроме того, несколько времени тому назад представители младотурецкого комитета в Солуни обратились с особыми прокламациями к консулам здесь Англии и Франции, протестуя против исключительного и привилегированного положения в Македонии России и Австрии.

Петряев.

[1]) Так в подлиннике.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 13 июля (30 июня) 1908 г. № 331.

Младотурецкое движение здесь, повидимому, все разрастается и крепнет. Убийство в Монастыре генерала Шемси-паши, посланного усмирять восстание, произвело на здешние власти самое удручающее впечатление, тем более, что угрожающие письма от младотурецкого комитета получили также генерал-инспектор и вновь прибывший сюда мушир Осман-паша, вчера выехавший в Монастырь, чтобы заступить место убитого Шемси.

По имеющимся у меня сведениям, больше пятидесяти процентов офицеров третьего корпуса принадлежат к младотурецкой партии. Общее положение грозит еще осложниться тем, что между высшими представителями гражданской и военной власти в Македонии царят теперь полная неурядица и раздоры. Из Константинополя ежедневно присылаются шпионы штатские, военные и даже духовные, старающиеся своими клеветническими доносами запутать в дело революционной пропаганды как можно большее число лиц. На-днях в Солуни в одного из этих шпионов, военного муфтия Мустафу-эфенди, прибывшего из Константинополя месяц тому назад с тайным поручением, младотурки стреляли и тяжело ранили его. Происходило это на глазах военного патруля и полиции, не двинувшихся с места, чтобы арестовать стрелявшего.

Хотя в частной беседе со мною о младотурецком движении Хильми-паша выразил надежду, что правительству удастся справиться с ним, тем не менее в его успокоительных заверениях сквозило сильное беспокойство за возможные последствия предпринятой младотурками кампании. Самым капитальным в этом деле является вопрос, как отнесутся к младотуркам их христианские коллеги по революционным пропагандам в Македонии: греки, болгары и сербы.

В донесении от 27 июня за № 327 [1]) я уже имел честь отметить позиции, занятые в этом отношении христианскими революционными комитетами. Получаемые мною ныне сведения вполне подтверждают это. С присущим им практическим смыслом, болгары, пока что, решили выжидать дальнейших результатов этого движения и впоследствии или примкнуть к нему или же, воспользовавшись затруднительным положением турецкого правительства, на свой риск и страх, нанести ему сильный удар. Греки, если не вступили в формальное соглашение с младотурками, то, во всяком случае, поддерживают с ними наилучшие отношения и спешат усилить кадры своих банд и приверженцев,

[1]) Донесение Петряева от 10 июля (27 июня) 1908 г. за № 327 хранится в Архиве Вн. Пол. в деле П. А. № 3083; содержание его в основном излагается данным абзацем публикуемого документа.

и повсюду ожидаются новые вспышки их террористической деятельности. Сербские комитеты решили действовать также в этом направлении [1]).

Представители турецкой власти, с которыми мне приходилось говорить по этим вопросам, отрицают возможность такого соглашения, ссылаясь на то, что младотурки слишком большие патриоты, чтобы соединиться с врагами турецкой государственности.

Как бы то ни было, младотурецкое движение является теперь весьма важным фактором в македонских делах. В случае его окончательного успеха в стране положение турецкого правительства окажется поистине драматическим; до сих пор оно в борьбе с христианскими революционерами опиралось на мусульман и войска, теперь же и эти элементы оказались ненадежными. Нечего и говорить, что такое положение вещей может вызвать крупные политические осложнения международного характера и поставить серьезные препятствия реформенной акции держав.

Все эти события весьма поколебали положение Хильми-паши, и, по имеющимся у меня доверительным сведениям, не исключена возможность его отставки.

Петряев.

Меморандум младотурецкого комитета от 12 июля (29 июня) 1908 г. [2])

Г. Консул.

Ввиду распространения агентами партий, заинтересованных в том, чтобы посеять разногласия и недоверие среди различных слоев населения империи, недоброжелательных слухов, партия младотурок, именуемая «Оттоманской Лигой Единения и Прогресса», считает своим долгом довести до вашего сведения следующие объяснения относительно гуманного и либерального характера ее притязаний.

I. Основная и конечная цель Лиги заключается в том, чтобы добиться открытого и правильного применения конституции 1876 (1292) г.

---

[1]) В донесении от 10 июля (27 июня) 1908 г. за № 327 Петряев сообщал также, что «албанский комитет открыто обещал свою поддержку младотуркам, с которыми у него, благодаря албанскому происхождению многих офицеров, существуют более тесные связи».

[2]) Перевод с французского. Французский текст приложен к донесению консула в Битоли Каля от 14 (1) июля 1908 г. за № 170. В этом донесении Каль передавал свой разговор с вручившими ему меморандум представителями младотурецкой партии, которым он между прочим категорически заявил, что «какой бы оборот ни приняло движение, мы ни в коем случае не допустим избиения христиан». Вместе с тем, опасаясь перерыва в железнодорожном и телеграфном сообщении с Константинополем, Каль просил Нелидова снабдить его необходимыми инструкциями.

Иностранным консулам в Македонии, без сомнения, лучше, чем кому-либо другому известно, что скверное политическое положение Оттоманской империи зависит исключительно от нынешнего режима, основанного на деспотизме, фаворитизме и взяточничестве.

Да восторжествует, наконец, правда! Пусть европейская дипломатия открыто признает, что единственное верное и действительное средство достигнуть длительного улучшения заключается в свержении этого режима и в замене его конституционным образом правления, который единственно может обеспечить общественный порядок и благосостояние граждан!

Мы надеемся, что ни Франция, ни Англия, ни Австро-Венгрия, ни Италия, ни Германия, ни даже Россия, равно как и другие государства Европы, не смогут ни на одно мгновенье оспаривать этот принцип, и что, следовательно, нечего сомневаться в том, что османы встретят у политических деятелей Европы благожелательное отношение и энергичную поддержку при осуществлении своих справедливых и законных стремлений.

Великим державам, в особенности, представляется случай доказать свои благие намерения в отношении народов Турции, настойчиво посоветовав нынешнему носителю власти, его величеству султану, удовлетворить столь основательные просьбы его подданных, еще верных, но возмущенных постыдным положением, в которое поставлено их отечество.

II. Лига торжественно заявляет, что она нисколько не враждебна не-мусульманам и что, наоборот, осуществление конституционного режима заключает в себе гарантию жизни, чести и имущества всех народов Турции, без различия национальности и религии.

III. Если Лига применяет иногда энергичные средства, то только в исключительных случаях, когда речь идет о наказании остервенелых врагов свободы, в случаях, которые следует рассматривать, как законную защиту.

IV. Мы избегаем бесполезного кровопролития, достаточно крови пролито несчастными народами Турции благодаря коварной политике правительства. Есть основания опасаться, как бы и на этот раз правительство старой Турции не вызвало резни между мусульманами и не-мусульманами, с тем, чтобы возложить затем ответственность на нашу партию.

V. Войска не только не будут нападать на села, но будут их защищать от вторжения банд извне и будут проповедывать согласие и братство народов.

VI. Чтобы лишний раз доказать беззастенчивость правительства, достаточно упомянуть следующий имевший недавно место факт.

Шемси-паша, с целью увлечь свою личную охрану, состоявшую из башибузуков, представил ей инцидент в Ресне, как восстание сербов. Разве применение башибузуков, не признающих никаких законов и ищущих только грабежа, не является пренебрежением к дружеским советам, которые державы всегда давали правительству?

Доводя вышеизложенное до вашего сведения и представляя его на вашу справедливую оценку, Оттоманская Лига Единения и Прогресса просит вас, г. консул, сообщить его содержание вашему правительству.

Донесение консула в Битоли от 17 (4) июля 1908 г. № 173.

Сегодня утром бригадному генералу (лива) Осман-Хидает-паше было поручено прочесть в казарме офицерам текст телеграммы султана, в которой его величество прощает восставших офицеров, но грозит принять строгие меры против непокорных. Не успел генерал произнести последних слов, как один из молодых офицеров выстрелил в него и, как говорят, тяжело ранил. Лива Осман-Хидает-паша был назначен в конце минувшего года главным начальником по преследованию революционных банд в Битольском вилайете, а перед тем был недолгое время командующим войсками на греческой границе.

Вчера в городе было произведено неудавшееся покушение на полицейского комиссара Халид-эфенди. Преступники скрылись, и личность их осталась невыясненной, но, по общему здесь убеждению, и это покушение совершено младотурками.

Из Охриды получены, наконец, более точные и подробные сведения от итальянского капитана Манера, командированного туда, чтобы ознакомиться на месте с деятельностью Ахмед-Ниази-эфенди и его товарищей. По донесениям капитана Манера, Ахмед-Ниази стоит ныне во главе 500 вооруженных людей. Прибыв в Охриду, он без труда переманил на свою сторону всех мусульман города, завладел военным складом и расклеил по городу прокламации, перевод которых при сем прилагаю [1]). По болгарским источникам, младотурки учредили в Охриде специальную судебную комиссию, которой поручено разбирать все жалобы населения. Кроме Охриды Ниази-эфенди посетил несколько сел Дрин-кола (между Стругой и Диброй), как то: Велешт[illegible], Демошта, Датези, Лабуништа и др., и повсюду навербовал себе много приверженцев. В воззваниях своих к селянам он требует от них уплаты податей отныне не правительству, а ему и объявляет, что он сам и его товарищи будут расплачиваться расписками, имеющими силу денег. Каждому, кто откажется принять эти расписки,

[1]) См. ниже.

начальник этого либерального движения грозит жестоким истязанием, и, действительно, расписки эти, по словам капитана Манера, находятся в обращении в Охридской казе.

Видя, что правительство их не преследует, и батальоны, посланные для подавления движения, не покидают Ресны, младотурки набрались храбрости и расширили район своей деятельности: ныне Ахмед-Ниази-эфенди перешел в Старово (Корчанского санджака), где, заняв конак, он объявил всех чиновников смещенными; майор Хассан-бей, его товарищ, направился в округ Кырчево, а майор Энвер-бей, как говорят, подготовив почву в Демир-Хиссарской нахии, появился на-днях в Флоринской казе.

Каль.

ВОЗЗВАНИЕ К МАГОМЕТАНСКОМУ НАРОДУ [1]).

О, сыны отечества! О, братья османы! О, храбрый народ Румелии! Наконец, пришла пора показать вашу храбрость. Пришла для нас пора объединиться и трудиться для спасения нашей страны от угнетения. Если мы сами себе не поможем, у кого будем мы просить помощи, у земли или у камней? Отечество в опасности: наши села и наши крестьяне разорены. Наши возлюбленные сыновья (свет очей наших) были замучены в пустыне Иемена и в горах Румелии. Наши очаги остались без дыма, наши сердца без радости, наши поля без обработки, наши плуги без волов, наши жены без мужей, наши матери и отцы без сыновей. У каждого дома свой траур, у каждого сердца своя рана и свое горе. Убийцы и палачи были назначены на должности вали, мутессарифов, каймакамов, алай-беев, полицейских и жандармов, их щедро одаряли полными пригоршнями золота и одевали в разукрашенные золотом мундиры. Мы были отданы на произвол этих змей, этих коварных, кровожадных зверей, этих грабителей, врагов народа, этих убийц, губящих отечество. Горы и скалы не выдержали бы мучений, перенесенных нашим народом. Тюрьмы наполнены людьми, говорившими и признававшими правду и требовавшими ее. Бесконечными налогами разорили наши дома. Они обращали свои взоры (да поразит их бог слепотой!) на наш кусок хлеба, на те пять или десять пара, которые мы имеем. Подобные животным, они не обращаются с нами, как с людьми, — они подвергали нас мучениям; подобно волам они возложили нам ярмо на шею. Они отдали врагам наши земли: Крит, Батум, Карс, Восточную Румелию (которая подобна раю). Наши братья из этих земель были повержены к ногам врага. Они унизили нас, отдав на поругание врагам честь наших сестер, ради которой мы только и живем. Увы, дорогие братья, османов унизили и самое имя их, нации сделали презренным! Обращена в рабство раса завоевателей (прославленная своей храбростью), которая своей саблей заставляла трепетать всю землю. Ее сделали трусливой, как лиса, невежественной, как ребенок. Отравлена наша нация, наша страна, наша честь, наша религия, наша вера! Все, все отравлено!

Если мы не пробудимся, чтобы обуздать и покарать этих презренных предателей, виновников притеснений и зол, если мы не размозжим своими ногами их змеиную голову, мы вызовем всеобщее презрение, заставив весь мир поверить,

[1]) Перевод с французского.

что причиной всех этих бед является магометанская религия. Но нет, нет, не ислам является их причиной! Вы знаете, что болгары, сербы и валахи не враги наши: наоборот, они были вверены нам, они — наши братья. Поэтому нашей священной обязанностью является защищать их жизнь, их честь и их имущество. Наш бог и наш пророк поручили их нам. Любите и уважайте их, потому что они гораздо больше нас пролили крови за свободу. Они остались сиротами. Наше невежество виновно в том, что мы видим в них врагов. Нет, они наши друзья и братья. Невежество, подобное сну, не позволяет нам отличить друзей от недругов. Наш враг — это теперешнее правительство, затемняющее наши глаза, как ночь, пристающее к нашему телу, как ядовитый скорпион, сосущий из нас кровь, и прикидывающееся ангелом. Презренные приверженцы нынешнего правительства только и делают, что разоряют очаги, разрушают дома, уничтожают жизнь и стоят во главе нашего невежественного народа, как чудовищный дух ада.

Армяне в Ване, Битлисе и Диарбекире, болгары в Румелии и сербы, арабы в Иемене, турки в Эрзеруме, Трапезунде и Касталуни, друзы в Хоране, не в состоянии больше терпеть эту тиранию, восстали. Правительство, якобы для того, чтобы их наказать, схоронило в адской Аравийской пустыне и в покрытых снегами горах Румелии подобных львам сынов несчастной Анатолии и Румелии, взращенных материнскими и отцовскими заботами в течение 20, 30 лет. Они страдали от жары, холода, голода, болезней, недостатка ухода, медикаментов, одежды и т. д. Есть ли теперь хоть один дом, не орошенный слезами скорби по сыне, замученном в Иемене или в Румелии? Не жалеете ли вы наших сограждан христиан, дома которых разрушены, а сыновья рассеяны? Искупим перед ними ошибки, совершенные до сих пор по нашему невежеству и невниманию! Заключим друг друга в объятия! Забудем о прошлом, докажем всему миру наше братство! О, народ, открой глаза, потому что не время теперь спать: отечество гибнет, и наши соседи и враги, заставляя нас убивать друг друга, хотят наследовать нашу землю! Не дадим себя увлечь их подстрекательствами, потому что конец нашей страны будет несчастьем для всех нас.

Причина стольких бедствий — в нашем разъединении. Объединимся! Как пример можно назвать народы персидский, марокканский, португальский и даже русский, которые путем единения достигли счастья: они спаслись от шахов и царей, раздиравших свои народы своими прихотями. Согласившись между собой, они восстали и взялись за оружие, говоря, что права нации не могут быть принесены в жертву ради удовольствия властелина и кровь народа — ради удовольствия правительства. Они требовали и силой добились национального собрания. Бог сказал в своем святом коране: «Совещайтесь о делах!» А знаете ли вы, что это значит? Это значит: решайте государственные дела, советуясь с мудрецами нации. Наша религия не разрешает, чтобы дела нации вершились согласно прихотям государей. В прежние времена наши предки свергли с престола и повесили не одного падишаха за то, что они тратили государственные деньги на свои прихоти и обкрадывали народ. Власть султана очень велика, но возлагаемая ею ответственность еще больше. Бог спрашивает у человека, что он сделал хорошего и дурного, и у государей он также спрашивает отчет о всех правах их народов, их крови и их налогах.

О, нация, теперешнее правительство морит наших детей голодом, превращает наше отечество в убежище для разбойников и убийц, назначает убийц валиями, воров — чиновниками, лишает наши поля урожая, лишает нас безопасности, спокойствия, школ, семинарий и, наконец, разделяет братьев. Это правительство заставляет убивать райю, делает ее нашими врагами, превращает нас в рабов,

закрыв национальное собрание, открытое 30 лет назад согласно предписаниям религии. Нужно требовать от падишаха и правительства осуществления прав народа — от этого правительства, которое себя окружает отступниками и врагами отечества, от этого правительства, которое, считая народ глупым и тупым, говорит, что его следует раздавить ударами кулаков. Не верьте тем невеждам, которые, изучив две-три книги на арабском языке, появляются перед вами с двумя рядами тюрбана вокруг головы и называют себя учеными (чтобы не нести военной службы). Наш пророк перед самой своей смертью, взойдя на трибуну, сказал народу: «Возлюбленный народ, если я когда-либо невольно причинил зло кому-нибудь из вас, пусть тот поднимется и требует от меня своего права». Мы были бы бесчестны, если бы не боялись понести на том свете наказание за эту трусость и взять на себя стыд перед всем человечеством на этом свете. Увидев нас в таком состоянии, не постарались ли бы наши враги захватить наше отечество? До каких пор будем мы терпеть, чтобы враг попирал нас ногами, как собак? До каких пор будем мы бояться отомстить за себя? Бог сказал: «Верующие — братья», и наш пророк доверил нам райю.

Итак, объединимся, станем братьями и поможем друг другу. Будем счастливы, уничтожая это жестокое правительство, и поставим у власти людей честных, избранных нацией! Вперед, герои, пришла пора спасти наше отечество! Оковы не созданы для львов. Стыдно, чтобы они позволяли обманывать себя лисицам. Сделаем наше отечество счастливым, отомстив за него.

Вперед, герои, будьте теми, о ком бог говорит в своем коране: «Без всякого сомнения, он не любит жестоких». Бог не любит жестоких, он защищает угнетенных. Рвение зависит от нас, успех от бога.

Оттоманский комитет Единения и Прогресса.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 19 (6) июля 1908 г. № 344.

Младотурецкая пропаганда продолжает с успехом распространяться среди военных чинов третьего корпуса, и в этом отношении каждый день приносит новые разочарования турецкому правительству, все еще надеющемуся на мирное улажение этих волнений.

На-днях из г. Тиквеша (Солунский вилайет) бежал офицер Мустафа-эфенди, и увлек за собой около пятидесяти солдат. В г. Кайларе (Монастырский вилайет) двое старших офицеров из местного гарнизона, собрав несколько дней тому назад в городских казармах около двух рот, и снарядив их по походному, ночью выступили из города и, по слухам, двинулись на соединение с другими младотурецкими бандами, собравшимися в горах в окрестностях Монастыря. В г. Кукуше (Солунский вилайет) один офицер младотурок в казармах держал революционные речи к своим товарищам офицерам и солдатам, и из представителей местных военных властей никто не решился арестовать его. В самом городе Солуни в кофейнях и просто на улицах возле общественных фонтанов происходят открытые собрания офицеров младотурок. Одно из таких совещаний состоялось недавно даже вблизи помещений, занимаемых генерал-инспектором

Такая свобода действий представителей младотурецкой партии объясняется отчасти бессилием турецкого правительства, а отчасти не выяснившимся его отношением к младотурецкому движению. Насколько я могу заключить из бесед по этому вопросу с Хильми-пашой, турецкое правительство решило пока не раздражать младотурок резкими против них мерами и действовать лишь путем увещания и убеждения. Политика эта до сих пор не дала никаких положительных результатов. Вместе с тем в будущем как будто не исключена возможность и более суровых и энергичных мер, потому что в Македонию постепенно стягиваются войска из Анатолии. Пока прибыло до трех тысяч человек, всего же ожидается до 29 батальонов.

Петряев.

Телеграмма управляющего ген. консульством в Салониках от 21 (8) июля 1908 г.[1]).

Сегодня солунским отделением младотурецкого комитета разослан по почте консулам в Солуни меморандум, заверяющий державы, что освободительное движение, переходящее ныне к активным действиям, направлено исключительно против деспотического режима правления, на пользу всего оттоманского народа, без различия национальности и религии, и во всей империи, а не только в Македонии.

Комитет заранее протестует против клеветы о религиозной ненависти к христианам и выражает уверенность, что державы воздержатся от вмешательства в это патриотическое народное движение, полагаясь на симпатию общественного мнения в Европе.

Кохманский.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне 22 (9) июля 1908 г. № 914.

Моя вчерашняя телеграмма [2]) была отправлена посольствам в Париже, Берлине, Вене и Риме согласно желанию лондонского кабинета, переданному мне О'Бейрном. Сообщая о сем сэру Эдуарду Грею, благоволите добавить доверительно следующее.

Австро-венгерский посол сообщил мне телеграмму Эренталя, указывающую на серьезный характер положения Македонии вследствие младотурецкого движения среди местных войск. Венскому кабинету представляется совершенно необходимым, чтобы султан смог

[1]) Номер отсутствует; то же наблюдается и в ряде других документов, публикуемых ниже.

[2]) В телеграмме Извольского от 21(8) июля 1908 г. за № 909 содержались указания относительно порядка представления Порте и обсуждения коллективной ноты держав по вопросу о борьбе с бандами в Македонии.

справиться с этим движением, и весьма важным, чтобы, при рассмотрении великобританского предложения о взаимодействии жандармерии и войск против банд, были приняты в соображение вышеупомянутые обстоятельства. Эренталь полагает, что последние могли бы повлиять на установление времени, когда соответственный поступ [1], мог бы быть предпринят с пользою перед Портой. С своей стороны адмирал Тушар запросил меня, не отзовется ли младотурецкое движение в Македонии на ходе переговоров об английском предложении. Мне было бы желательно знать взгляд сэра Эдуарда Грея на этот предмет.

Извольский.

Письмо посла в Лондоне от 22 (9) июля 1908 г. [2])

В субботу утром я получил телеграмму вашего превосходительства с поручением предложить сэру Эдуарду Грею предпринять выступление с целью оказать давление на афинский, белградский и софийский кабинеты [3]).

Ввиду того, что министр в этот день отсутствовал, я мог выполнить ваше поручение только в понедельник.

Я прочел вашу телеграмму сэру Эдуарду Грею, который без малейшего колебания ответил: «Я вполне согласен и готов содействовать».

Он прибавил, что разговор его с турецким послом не только не создал затруднений для этого совместного выступления, но, наоборот, подобно вашему ответу, скорее подготовит почву.

Он сказал мне, что оспаривал два пункта в заявлениях посла. Во-первых, то, что Турция будто бы уже теперь сделала все, что было возможно, и, во-вторых, то, что вся ответственность падает на три правительства; но, по его словам, он прибавил, что в Афинах, Софии и Белграде английское влияние всегда применялось в смысле, желательном в данный момент для оттоманского правительства, и что

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Перевод с французского.

[3]) В телеграмме Извольского от 17(4) июля 1908 г. (адресованной в Лондон, Париж, Рим, Вену и Берлин) сообщалось о сделанном ему турецким послом заявлении, что Порта возлагает ответственность за деятельность банд в Македонии на соседние балканские государства и просит державы оказать на них соответствующее давление в этом смысле; в ответ Извольский сообщил послу о предложении английского правительства по поводу банд и заявил, что предложение турецкого правительства должно быть обсуждено державами; далее Извольский сообщал, что считает предложение Порты заслуживающим внимания и предлагал российским представителям объясниться по этому поводу с соответствующими правительствами.

всякий раз, когда Турция дает доказательства благожелательного отношения, ей обеспечена английская поддержка в этом смысле.

Затем сэр Эдуард Грей дал мне прочесть телеграмму, излагающую разговор, о котором идет речь. Эта телеграмма прекрасно резюмирует то, что он мне сказал.

Бенкендорф.

Телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 22 (9) июля 1908 г.

Сегодня в 2 часа великий визирь сменен и заменен Саид-пашой, по прозвищу Кучук, уже бывшим великим визирем. Бывший великий визирь Киамиль-паша назначен членом совета министров без портфеля. Военный министр Риза-паша заменен Еумер-Рюшди-пашой, бывшим помощником начальника штаба. Можно ожидать дальнейших перемен министров.

Нелидов.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Хильми сообщает, что вчера вечером Ниази и две тысячи человек вошли в Монастырь; к нему присоединился гарнизон. Захвативши мушира Османа-пашу, они покинули город. По сведениям Хильми, в городе насилий не было.

Петряев.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Сегодня в Солуни на площади в центре города начались митинги. Ораторы от младотурок, военные и штатские попеременно на разных языках обращаются к народу с пламенными призывами содействовать водворению конституционного строя и идеи свободы и равенства, а толпа отвечает шумными аплодисментами. Полиция и жандармерия, присутствующие тут же, остаются безучастными зрителями. На завтра назначены собрания в мечетях для провозглашения конституции.

Пока порядок нигде нарушен не был. Такие же сведения о младотурецком движении получаются из Монастыря, Ускюба, Сереса, Кепрюлю и Иштиба.

Петряев.

Телеграмма консула в Битоли от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Более тысячи младотурок, прибывших из Ресны и Охриды с Низази во главе, захватили сегодня ночью маршала Османа-пашу и увели его. Город в их руках. Нас официально известили, что через час будет провозглашена здесь конституция.

Каль.

Телеграмма консула в Ускюбе от 23 (10) июля 1908 г.

Сообщаю послу.

Вчера гражданские чины принесли присягу на верность конституции. Сегодня принципы конституции объявлены в печати. По предложению комитета командующий войсками выехал при криках «Да здравствует нация, отечество, свобода!». В городе полный порядок, поддерживаемый патрулями под командою офицеров.

Орлов.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 23 (10) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Вчера в городе Гевгели Солунского вилайета старшие военные чины захватили власть в свои руки. Каймакам, чины административного совета, командир жандармской роты были приглашены в конак и принуждены присягнуть на верность программе младотурецкой партии. По городу и окрестностям ходят военные патрули с офицерами, раздающими прокламации, и провозглашают виваты народу. По предложению младотурецкого комитета представители христианских общин читают в церквах прокламации. То же просходит в Воденской и Караджабадской казах Солунского вилайета.

Каймакам Еласоны Монастырского вилайета убит за отказ присоединиться к младотуркам.

Телеграф с Монастырем не действует.

Петряев.

Телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Цетинье от 24 (11) июля 1908 г. № 926.

Телеграмма 10-го [1]) получена.

Мы имеем полное основание надеяться, что происходящее ныне в Турции движение ограничится пределами империи и не вызовет ос-

[1]) В телеграмме от 23 (10) июля 1908 г. поверенный в делах в Цетинье Шгейн сообщал об опасениях черногорского правительства в связи с событиями в Турции, «и, в частности, в Македонии», за которыми оно следит «с величайшим интересом», и о намерении его «занять известное положение в зависимости от указаний, какие могли бы быть даны Черногории императорским правительством».

ложнений на Балканах. Благоволите посоветовать князю отнестись с полным спокойствием к теперешним событиям и не предпринимать решительно никаких шагов.

Извольский.

Депеша поверенного в делах в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г. № 154.

Я только-что имел честь по телеграфу донести вашему высокопревосходительству о появлении султанского ирадэ, предписывающего «на основании существующих законов» приступить к выборам депутатов ввиду созвания парламента.

Мера эта явилась довольно неожиданным результатом тех тревожных известий, которые за последние несколько дней получались быстро одно за другим из македонских провинций Турции и сущность коих известна императорскому министерству из телеграмм российских консулов.

Мне кажется однако, что было бы ошибочно видеть в указанном распоряжении конец и результат того политического брожения, на которое я имел честь указывать в донесении от 5 (18) с. м. за № 149. Напротив, воскрешение «турецкой конституции» знаменует собой начало новой эпохи, повидимому, отнюдь не менее чреватой непредвидимыми пока последствиями, чем время первого ее провозглашения 32 года тому назад.

О направлении и дальнейшем вероятном развитии событий можно судить пока лишь по отдельным фактам и совершенно элементарным соображениям, от сочетания и сопоставления коих возможны самые разнообразные заключения, которые однако невольно будут носить лишь характер догадок.

Во главе проявившегося политического движения стоят молодые офицеры, пропитанные «младотурецкими», с запада навеянными, идеями свободы и равноправия...

Но к движению этому, к звонким требованиям «конституции» примкнули и албанцы, в числе многих тысяч собравшиеся в окрестностях Феризовича...

Между тем какое, казалось бы, дело албанцам до «равноправия» христианских подданных султана? Какой большей «свободы» могут они желать д л я с е б я, нежели та, коею они фактически пользуются при доселешнем положении вещей?

Одних этих вопросов было бы достаточно, чтобы, как говорится, «иметь в подозрении» все это «освободительное» движение.

Еще больше подозрения возбуждают личность и бывшая деятельность первого провозвестника движения майора Ниази-эфенди.

факт, что он прежде всего окружил себя разбойниками и бродягами, и вся совокупность привходящих побочных обстоятельств, указанных в серии донесений императорского консула в Битоли и гражданского агента в Македонии.

Наконец, и само отношение турецких властей к состоявшимся вчера и третьего дня провозглашениям конституции в Монастыре, Сересе, Солуни и так далее, поспешность, с коею сам султан увенчивает здание младотурецких домогательств, все это носит характер столько же капитуляции перед силой движения, сколько умышленного попустительства.

А это наводит, меня по крайне мере, на мысль, что если султан и потерял, может быть, возможность остановить или сдержать возникшее движение, то он не теряет надежды его направить. Куда? И как? Это-то и есть те вопросы, в ответ на кои ныне пока возможны одни догадки.

Да, движение протекает п о к а спокойно, с соблюдением порядка, при равномерном участии как христианской, так и мусульманской части населения.

Но мною слышано было мнение, имеющее полное основание притязать на компетентность, что так называемое «младотурецкое» движение мысли есть движение очень старое и очень турецкое и сводится к протесту турка-завоевателя против навязываемых Турции Европою реформ и нововведений, мало по малу лишающих его всякой власти над «покоренным» населением. Подтверждение этому заключается в только-что полученной телеграмме из Митровицы [1]), гласящей, что арнауты радостно палят из ружей, «надеясь на замену всех реформ шариатом».

При таком настроении достаточно будет малейшего столкновения хотя бы на почве осуществления пресловутых равных прав, не говоря уже о малейшем давлении извне, чтобы существующее брожение вылилось в самые крайние формы. Благоволите в пояснение моей мысли обратить внимание на телеграмму консула в Битоли от 9 (22) сего июля [2]).

Опасения, сквозящие в донесении императорского консула в Битоли от 1-го с. м. за № 170 и управляющего гражданским агентством в Македонии от 7-го сего месяца, № 349 [3]) представляются мне, таким образом, далеко не лишенными весьма реального основания, почему

---

[1]) Телеграмма Тухолки от 24 (11) июля 1908 г., хранится в Архиве Вн. Политики в деле П. А. № 3083.

[2]) Телеграмма Каля от 22 (9) июля 1908 г. в делах б. министерства ин. дел не обнаружена.

[3]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

казалось бы необходимым снабдить императорских консулов в Македонии заблаговременно всеми необходимыми указаниями на случай наступления тех крайних событий, при наличии коих уже некогда было бы думать, а предстояло бы действовать, не теряя минуты.

Нелидов.

Письмо поверенного в делах в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г.

События сегодняшнего дня заставляют меня, отложивши заготовленный для нескольких донесений материал, ограничиться беглым изложением обстоятельств, связанных с сегодняшним восстановлением конституционного строя в Турции.

Говорят, что вчерашние совещания министров во дворце, вызванные известием последних дней из провинции, длились чрезвычайно долго. Султан и секретари его доказывали опасность уступить движению. Саид-паша долго молчал и лишь под конец указанием на полученное из Адрианополя известие о готовности II корпуса итти на столицу и требовать конституции и заявлением, что при этих обстоятельствах он не отвечает за жизнь его величества, ему удалось уговорить султана издать ирадэ о выборах в парламент.

Сегодняшняя церемония селямлыка обошлась, как всегда; замечено было лишь отсутствие албанской гвардии, войскам были делаемы толпой овации, но все же положение остается смутным, и, как я слышал, новый великий визирь признает его даже серьезным.

Я лишь завтра, уже по отправлении настоящей экспедиции, буду, вероятно, иметь свидание с Саид-пашой; ныне же желал бы представить вашему высокопревосходительству краткий отчет о беседе, которую я имел на тему о текущих событиях с посетившим меня, едва ли без определенного умысла, австро-венгерским послом.

Начав с заявления, что он уже более недели ясно предвидел неизбежность для султана восстановления конституции, маркиз Паллавичини стал распространяться на тему о том, что теперь Европа стоит здесь перед совершенно новым порядком вещей, последствия коего, конечно, еще неизвестны, но который, во всяком случае, потребует и нового к себе отношения держав. Никогда, — говорил он, — ни одна революция не обошлась так спокойно, как здешняя, никогда не видано такой дисциплинированности населения и единодушия всех слоев его к достижению общей цели. Эти обстоятельства, по мнению посла, создают для султана очень твердую почву как для борьбы с реформенными программами Европы, так и для отражения возможности нападения мелких балканских государств.

«Мне кажется прямо смешным предъявить теперь султану требования вроде, например, проектированной английской ноты о летучем отряде; нам неизбежно будет отвечено: «Подождите, дайте мне наладить новый строй, мы сами тогда займемся и борьбой с бандитами и реформами». Поэтому единственный ныне возможный для Европы образ действий это — ждать, пока выяснятся результаты провозглашенной конституции».

Нисколько не желая придать своим словам характер спора или возражений по существу, я однако заметил, что от провозглашения принципов конституции до осуществления ее еще далеко, что пример тому налицо и что, наконец, провозглашение новых государственных принципов само по себе не лишает Европу ни юридических ее прав по отношению к правительству султана, ни фактически занимаемого положения, и что для «престижа» Европы, о коем, повидимому, заботится посол, столь же неблагоприятно было бы рисковать отказом при предъявлении требований неисполнимых, сколько благосклонно возложить свое упование на одну «конституцию». Не отвечая прямо на это замечание, посол продолжал развивать свое мнение о наступлении новой эры в Турции и о необходимости спокойно выжидать результатов нового порядка — «конечно, при условии, что он действительно будет осуществлен».

Не могу скрыть от вашего высокопревосходительства, что из совокупности слов австрийского представителя я невольно — и, может быть, ошибочно — вывел заключение о существовании внутренней связи между благосклонным взглядом его на турецкую революцию, радостью албанцев, видящих в новом порядке лишь возможность «заменить реформы шариатом», и... одним из условий недавнего австро-турецкого секретного соглашения, обязывающего Двуединую монархию способствовать восстановлению прежних, до-реформенных порядков в Турции.

Это, — повторяю, может быть, ошибочное и произвольное, — впечатление еще усилилось, когда маркиз Паллавичини перешел, почти без связи с предыдущим, к соображениям о впечатлении, которое текущие турецкие события, особенно же внушительное сборище албанцев близ Феризовича, должны будут произвести на соседние государства, например, Болгарию. («Comment voulez-vous qu'elle (la Bulgarie) aille provoquer un conflit avec la Turquie dans des circonstances pareilles? Il est certain que le nouvel ordre de choses contribuera à calmer la situation» [1]).

[1]) «Как вы желаете, чтобы она (Болгария) при подобных обстоятельствах вызвала конфликт с Турцией? Без сомнения, новый порядок будет содействовать успокоению положения».

Последняя мысль приобретает особенное значение, если принять в соображение ходившее здесь за последние дни мнение, что одним из средств для султана отвратить в другую сторону направленное к изменению режима движение было бы возбуждение столкновения с Болгариею, а также и то обстоятельство, что искреннее и честное применение принципов равноправия, провозглашаемых конституцией, обеспечивая спокойствие жителям Македонии, в значительной степени лишало бы почвы агитацию балканских независимых государств в пределах этой области.

Оптимизм маркиза Паллавичини показался мне весьма односторонним и, во всяком случае, весьма оппортунистским, и благие последствия восстановления конституции далеко не доказанными.

Призывая всяческое снисхождение ваше на вышеизложенные поневоле отрывочные рассуждения, имею честь быть

Нелидов.

Копия рапорта военного агента в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г. № 238.

Секретно.

Со времени отправления моего последнего донесения от 4 июля за № 224 о военном бунте [1]) события пошли настолько быстрым темпом, что детали младотурецкого движения, известные уже по облетевшим весь мир телеграммам в прессу, уже потеряли свой интерес и бледнеют перед фактом дарования конституции, о чем я сегодня донес телеграммою № 237 [2]).

Остается только отметить некоторые особенности революционного движения, которые могут служить указанием для определения тех путей, по которым может направиться та либеральная волна, которая охватила Европейскую Турцию.

Первым делом следует отметить, что носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые доказали свое полнейшее ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершившихся событий. Система султана выдвигать вперед одни бездарности в надежде таким образом обезвредить армию и флот, была использована против него самого, и он теперь находится лицом к лицу с враждебною ему армиею, предводительствуемой неведомыми ему силами.

---

[1]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

[2]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

Занятое армиею положение служит серьезною угрозою для будущего, и можно опасаться повторения роли, которую в свое время играли в истории преторианцы и янычары.

Все войска, не только III, но и II корпуса, в том числе и редифы, симпатизировали революции, присоединяясь к ней по первому зову, каковое обстоятельство указывает на глубоко вкоренившееся в населении неудовольствие существовавшею до сих пор системою произвола, деспотизма и фаворитизма. Особенно резко выразилась ненависть народа к шпионству и беззастенчивому казнокрадству.

Движение было настолько единодушным, что освободительная волна даже не встретила ни малейшего сопротивления и обошлась почти без кровопролития. Последние дни чувствовалось, что всякое противодействие бесполезно. Султану другого ничего не оставалось делать, как даровать требуемые конституцию и амнистию. Таким образом он еще сохранил в своих руках возможность воздействовать на будущий парламент.

До сих пор ни один голос не поднялся против священной в глазах мусульман особы султана, но нет сомнения в том, что если бы он не уступил, то он был бы свергнут, и без большого труда, так как почва, судя по всеобщему здесь ликованию турок, была вполне подготовлена.

Продержится ли султан на престоле или нет, будет во многом зависеть от того, сумеет ли он пойти навстречу тем новым веяниям, которые овладели населением. По мнению многих, настоящий момент есть не венец либерального движения, а лишь его начало, так как младотурки твердо решили добиться осуществления серьезных реформ и не отступят ни перед какими средствами к их осуществлению.

Весь ход событий последней недели и события последних лет: бунт в Эрзеруме в прошлом году, волнения в войсках, участившиеся в последний год, равно как народные волнения среди арабов Сирии и Аравии, как будто указывают на то, что в мусульманском мире незаметно совершился психологический переворот в сторону либеральных европейских идей, с которым необходимо считаться не только новому правительству, но и иностранным державам при определении того нового политического курса, который придется проложить по отношению к Турции для использования нового положения в свою пользу.

Младотурки резко подчеркивают, что они считают инородческие населения своими братьями и что они готовы облегчить их участь и дать им равноправие. Но как примирить христиан с исламом, который проповедует борьбу с неверными?

Нет сомнения в том, что вопрос о македонских реформах вступил в новый еще более опасный фазис, и очень неясно, какой оборот это дело еще примет. Особенно темною представляется та роль, которую

играют албанцы в настоящее время, а еще неяснее, как отнесутся к новому порядку вещей балканские государства.

Одним словом, куда ни смотреть, можно себе задать вопрос: не придется ли переделать или вновь состроить все прежнее?

До созыва парламента, надо полагать, султан имеет еще время завладеть движением и умерить его. Но если он только не успеет или не сумеет этого сделать, и острая борьба перенесется в столицу, можно опасаться необозримых осложнений, не только внутренних, но может быть, и внешних.

Хольмсен.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 24 (11) июля 1908 г. № 367.

В дополнение к моим секретным телеграммам от 10 [1]) и 11 [2]) сего июля имею честь сообщить следующие подробности о действиях здесь младотурецкого комитета, приведшего к восстановлению конституции.

Начиная с 5 июля в Солунь собрались главные представители младотурок и в среду 9 июля отправили к генерал-инспектору депутацию с заявлением, что народ и вся армия требуют конституции, и просили его передать об этом в Константинополь. Причем ему было указано, что в случае отказа стать на их сторону комитет примет против него репрессивные меры.

Незадолго перед этим генерал-инспектор получил смертный приговор от младотурок за неоказание им содействия.

В это время в Солуни и в провинциальных городах уже образовались временные правительства из военных и штатских чинов, захватившие в свои руки фактическую власть. Войска отказывались исполнять приказания, передаваемые им от генерал-инспектора и генерал-губернатора. Ввиду такого положения вещей Хильми-паша снесся в четверг с дворцом, указывая, что положение безнадежно и что не остается ни одного человека, на которого правительство могло бы положиться. Лица, подозреваемые в сочувствии старому режиму, приговариваются к смертной казни. Действительно, младотурецкий комитет расстрелял двух офицеров и двух штатских полицейских чинов, из коих один состоял на службе при генерал-инспекторе. Он был взят на глазах у всех и уведен из канцелярии.

В четверг в самых оживленных частях г. Солуни начали собираться митинги, произносились зажигательные речи, читались прокламации. Толпа аплодировала каждому оратору.

---

[1]) См. выше, стр. 23.

[2]) В делах б. министерства ин. дел не обнаружено.

Речи говорились на всех македонских наречиях. Общий смысл их был — призыв к свободе, низвержению старого режима, уравнению всех национальностей и т. п. Среди ораторов было много чиновников, служащих в канцелярии генерал-инспектора и финансовой комиссии.

Любопытно то, что чины реформированной полиции и жандармерии, находившиеся здесь же для поддержания внешнего порядка, сами принимали деятельное участие в манифестациях.

Ночью с четверга на пятницу генерал-инспектором было получено телеграфное извещение от великого визиря о восстановлении султаном конституции.

Весть об этом моментально облетела город, и громадная толпа военных отправилась немедленно с музыкой к генерал-инспектору. Он вышел к ним и прочитал полученную телеграмму. Раздались восторженные крики в честь армии, свободы и отечества. Сделанная кем-то попытка прокричать виват султану была встречена негодующими возгласами и свистками. Сейчас же офицеры от имени младотурецкого комитета заявили протест против выражения телеграммы великого визиря, сообщавшего, что конституция восстановлена султаном. В резких выражениях они сказали Хильми-паше, что конституция восстановлена ими, а не султаном, и они докажут ему это.

Утром 11 июля около 30 000 человек собралось к конаку, куда прибыли Хильми-паша и Ибрагим-паша, командующий III корпусом. Там была прочитана телеграмма великого визиря и произнесено несколько речей. Войска дефилировали перед народом. Члены младотурецкого комитета носились на руках. Город оглашался салютом в 21 пушечный выстрел и весь разукрасился флагами.

Толпы с флагами в руках и криками: «Да здравствует конституция», свобода и армия» ходили по улицам города.

Следует отметить, что имя султана, восстановившего конституцию, совершенно игнорировалось. Группа полицейских чинов, попробовавшая, было, пройтись по городу со значками, на которых было написано: «Падишахимиз чок яша» («Да здравствует наш государь») подверглась осмеянию и должна была скрыться.

За весь день порядок в городе нарушен не был.

Когда я увидел сегодня утром в первый раз «конституционного» Хильми-пашу, то он мне с радостью сообщил, что все кончилось благополучно и что с введением нового режима, он надеется, дела Турции пойдут гораздо лучше.

Думаю, что эта радость преждевременна, так как именно теперь и начнутся для правительства главные затруднения.

Петряев.

Телеграмма консула в Битоли от 24 (11) июля 1908 г.

Телеграфирую поверенному в делах в Константинополе.

Сегодня около полудня была провозглашена при пушечных выстрелах конституция. Все мусульманское население города, местный гарнизон и прибывшие из Малой Азии батальоны принимали участие. Чиновники с вали во главе остаются на своих местах. Маршал Осман-паша отправлен под конвоем в Ресну. Днем выпущены из тюрьмы арестанты — более тысячи человек. Порядок в городе пока не нарушен.

Кал ь.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 25 (12) июля 1908 г. № 369.

Весь вчерашний день здесь прошел в манифестациях в честь армии. Вечером повсюду была иллюминация, происходили митинги и произносились речи. Младотурецкий комитет приложил все усилия к тому, чтобы порядок ничем не был нарушен. Члены его, — главным образом, из военных, — с особыми значками строго наблюдали за этим. Пока это им удалось.

Собственно, накануне и вчера правительство фактически не существовало, и весь город был всецело в руках офицеров III корпуса и младотурок.

Особенно странное впечатление производило то обстоятельство, что жандармерия и полиция, эти органы поддержания общественного порядка, сами принимали живое участие во всех манифестациях. Много комментариев вызывают здесь процессии, устроенные реформированными жандармами. Собравшись большими группами с красными знаменами и флагами, на которых было написано: «Да здравствует конституция, народ и армия», они расхаживали по городу и производили шумные демонстрации перед канцелярией генерала Робилана. Большинство осуждает реорганизацию за слабость дисциплины среди жандармов и за допущение их к манифестациям.

Вести, приходящие из провинции, почти аналогичны: овации военным, митинги, речи о свободе и братстве и полное игнорирование султана и его правительства.

Главный солунский комитет состоит из тридцати членов (офицеров и штатских), собирающихся ежедневно под председательством турецкого адвоката Магнази Задэ Рефик-бея.

Ему подчиняются комитеты, образовавшиеся в провинциальных городах, с преобладающим элементом военных.

Пока комитет сделал следующие распоряжения.

Все офицеры III корпуса, с маршалом Ибрагимом-пашою во главе, приведены к присяге на верность конституционному строю и программе младотурок. Решено, что будут исполняться только приказания, исходящие от главного комитета. Ослушники будут строго наказываться.

Не переходя пока к активным действиям, комитет решил дать народу возможность праздновать восстановление конституции в течение 3 дней, назвать две площади в Солуни «Площадью Свободы» (Хуриэт) и «Единения» (Иттихад) и улицу, носившую до сего название Хамидие, улицей «Прогресса» (Теракки).

Идет усиленный сбор денег на сооружение статуи Свободы.

Петряев.

Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 25 (12) июля 1908 г. № 377.

Как я имел честь донести вашему превосходительству телеграммой от 12 сего июля [1]), официальное правительство здесь окончательно капитулировало перед младотурецким комитетом, имеющим в своем распоряжении весь третий корпус, а следовательно, и исполнительную власть. Хильми-паша играет здесь главным образом роль посредника между Константинополем и младотурками.

Этим последним пока удалось поддержать порядок в городе, и шумные, продолжающиеся здесь третий день манифестации пока обошлись без человеческих жертв. В Солунь ежедневно прибывают из провинции офицеры, принимавшие участие в революционном движении и до последнего времени находившиеся со своими приверженцами в горах. Все они встречаются восторженно здесь на вокзале и торжественно провожаются в город. Особенных оваций удостоился майор Энвер-бей, прибывший сюда из Монастыря в сопровождении особой стражи, составленной из солдат, бежавших с ним из полков. Имея на фесках и рукавах особые цветные значки и изображая из себя как бы национальную гвардию, они разъезжают по Солуни при восторженных криках толпы.

Сам Энвер, еще недавно состоявший в свите Хильми-паши для разных поручений, является теперь одним из влиятельных членов младотурецкого комитета и ведет от имени его переговоры с генерал-инспектором. Власть его, как я имел честь выше отметить, сведена теперь к нулю, и достаточно «вето» младотурецкого комитета, чтобы остановить любое правительственное распоряжение. Так, вопреки

[1]) В телеграмме от 25(12) июля 1908 г. Петряев сообщал о получении в Салониках султанского ирадэ о восстановлении конституции.

приказанию Порты отправить обратно девять присланных сюда из Анатолии редифных батальонов, комитет решил задержать их здесь и тем усилить имеющиеся в его распоряжении военные силы.

Сегодня, по распоряжению того же комитета, из солунской центральной тюрьмы выпущены все арестанты. Хотя большинство из них и политические, но среди них имеется немало четников, антартов и просто разбойников, всего более тысячи человек. Эти элементы в настоящее время представляют серьезную угрозу безопасности города. Хильми-паша вошел в переговоры с представителями комитета и добился от них обещания организовать усиленную патрульную службу. Вместе с тем он задним числом обратился в Порту с предложением даровать всеобщую амнистию.

Все эти факты показывают, что дело турецкого правительства в Македонии проиграно окончательно. Оно имеет против себя армию и все национальности, населяющие македонские провинции. Насколько мне известно, младотурецкий комитет решил не удовольствоваться уступками, сделанными уже правительством, в смысле восстановления конституции, а требовать изменения ее в либеральном направлении, дарования конституционных гарантий, отдачу под суд некоторых сановников и министров и производство в армии в чины с строгим соблюдением последовательности и старшинства.

Уже теперь здесь собралась особая комиссия из военных, подробно и тщательно рассматривающая случаи неправильного производства среди офицеров третьего корпуса. Офицеры, произведенные в высший чин благодаря протекции, будут приглашены от него отказаться или же оставить армию.

Управляющий здешними имениями, принадлежащими Liste Civile, получил приказание от младотурецкого комитета не посылать больше доходов с них в Константинополь, а класть все деньги депозитом, по указанию комитета.

Считаю долгом отметить, что со вчерашнего дня манифестации в честь конституции постепенно перешли в резкие и враждебные демонстрации против султана. В клубах и на площадях офицерами, духовными ходжами и просто любителями из народа произносятся речи, в которых имя его величества поносится самым ужасным образом. Портреты его, имевшиеся в разных общественных и частных учреждениях, выбрасываются на улицу и подвергаются оскорблениям.

Все это происходит под звуки музыки, гром аплодисментов возбужденной толпы, виватов в честь армии и народа и при полном бессилии официальной власти чем-нибудь этому воспрепятствовать.

Петряев.

Выписка из донесения управляющего гражданским агентством в Македонии от 27 (14) июля 1908 г. № 381.

Если посмотреть на последние события с точки зрения македонской действительности, то многое в них покажется искусственным, а многое преждевременным.

Болгары, видимо, неприятно поражены неожиданностью переворота. Они держатся выжидательного образа действий, но общее настроение их скорее подавленное, так как они сознают, что конституционный строй кладет предел их политическим вожделениям в Македонии. Греки, наоборот, сразу примкнули к младотуркам, рассчитывая использовать эту дружбу в узко-националистических видах.

С введением конституции центр тяжести политической борьбы перенесется на выборы в парламент.

Младотурки мало склонны сочувствовать слишком резкому самоопределению отдельных народностей, стремясь объединить всех под общим термином «оттоманов». Едва ли однако это уравнение возможно в Македонии, тем более, что сами турки желают быть первыми среди равных.

[Петряев.]

Копия рапорта военного агента в Константинополе от 28 (15) июля 1908 г. № 242.

Секретно.

Из телеграмм прессы вашему высокопревосходительству известны те грандиозные манифестации всеобщей радости и восторга, которыми здесь в столице встречено объявление конституции. Считая поэтому излишним подробно описывать эти манифестации, ограничусь лишь подчеркиванием некоторых характерных подробностей.

Громадные сборища народа прошли до сих пор без всякого нарушения порядка (при проходе через мост сорокатысячная толпа даже уплатила за проход). Власти ни разу не вмешивались, даже при выпуске заключенных они не помешали овациям.

Говорили речи, выступали женщины, сыновья министров и шейх-уль-ислама, имамы и офицеры; все подчеркивали значение дарованной свободы и кончили провозглашением здравия за султана.

При каждом удобном случае толпа выражает свою благодарность армии. Караулы на гауптвахтах вызывались офицерами для отдания чести проходившей толпе, которая махала платками солдатам и офицерам, отвечавшим тем же. Здесь утверждают, что офицеры и солдаты здешнего гарнизона теперь вполне солидарны с младотурками. Офицеры, разукрашенные эмблемами свободы и флагами, разъезжали по городу, смешиваясь с толпою.

Следует еще отметить, что мусульмане всячески афишируют, что они считают христиан своими братьями. Бывали случаи, что предводительствующие толпу имамы обнимали и целовали первого попавшегося европейца при криках толпы: «Мы все братья!»

Город все еще расцвечен флагами, и крики восторга умолкают лишь поздно ночью.

Сегодня ожидаются депутации из Салоник и Смирны для принесения благодарности султану.

Но, с другой стороны, прозвучали и серьезные диссонансы, не обещающие доброго для будущего.

Известия из Македонии тревожны. Говорят, что там запрещено провозглашать здоровье султана. Младотурки захватили власть и предъявляют султану свои требования гарантий данных привилегий. Требования поступили об удалении немалого числа лиц из до сих пор всесильной камарильи дворца, крайне ненавистной толпе. Султан пока уступает во всем. Сослан всесильный до сих пор второй секретарь султана Иззет-паша; мулла фанатик Абдул-Худе удален. Сегодня же был уволен инспектор военных училищ Измаил-паша — официально за то, что установил систему шпионства над учащимися, «глубоко возмутившую его величество». По той же причине был уволен и его зять Эссад-бей, начальник военно-медицинского училища. Уволен морской министр, на место которого назначен Халиль-паша; смещены префект города, министр полиции и пр. Что ни час, то сенсационная новость. Опасность положения заключается в том, что уступчивость делает толпу смелее, и примешиваются уже частные интересы. Извозчики начали, они требуют смещения главы своей корпорации (цеха).

Турецкая пресса заговорила языком, который далеко не способствует успокоению умов.

Трудно также ожидать умеренности со стороны выпущенных из тюрем до 40 000 политических заключенных. Сюда стекаются из провинции и из-за границы все сосланные за тридцатилетнее царствование, которые, наверно, не упустят случая свести личные счеты с виновниками томительной ссылки. Было бы также неосторожно думать, что интересы различных народностей могли бы слиться воедино кругом одного слова «конституция».

Словом, за 30 лет в воздухе накопилось столько электричества, что можно ожидать взрыва в какую угодно минуту.

Вся правительственная система султана рухнула как бы в один миг, а кругом его остались одни конституционалисты. Верною ему считается пока лишь одна 2-я пехотная дивизия, но есть люди, утверждающие, что и она сомнительна. Получается впечатление, что султан всеми

оставлен, и что ему осталось только согласиться на все требования младотурок во избежание дворцового переворота со всеми ужасами.

Хольмсен.

Телеграмма министра ин. дел поверенному в делах в Константинополе от 30 (17) июля 1908 г. № 956.

Французский посол просил нашего заключения о предложении его правительства официально, впредь до нового распоряжения, приостановить деятельность инструкторов жандармерии в Македонии, так как она на деле сама собой прекратилась, будто бы, в местностях, объятых младотурецким движением. По сведениям французского правительства, его офицеры-инструктора покинули свои посты и собрались в Сересе.

Я ответил, что, не имея сведений о каких-либо затруднениях, встречаемых русскими офицерами македонской жандармерии, я не вижу оснований согласиться на французское предложение и вообще считаю нежелательным официально отказаться от прав, приобретенных державами в этой области.

Благоволите, запросив Шостака, сообщить его и Робилана мнение о положении европейских офицеров, а также и соображения ваши по сему вопросу.

Извольский.

Телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г. № 158.

Считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на почерпнутое мною из секретных источников содержание двух писем, обмененных между секретарем султана и великим визирем (27) 14 сего июля.

В первом Саид-паша сообщает содержание телеграммы эрзерумского генерал-губернатора, дающего отчет о беседе своей с великобританским генеральным консулом в этом городе.

Выразив удовольствие, испытываемое его правительством вследствие восстановления конституции, консул спросил валия, не возможно ли будет ныне для Турции приступить к постройке железных дорог в Эрзерумской и соседних провинциях, освободившись от стеснений, наложенных на нее в свое время обязательствами по отношению к России.

Великий визирь присовокупил, что по сведениям, полученным чрез военного министра, многие офицеры IV корпуса якобы задаются тем же вопросом и ждут на него ответа.

В ответе своем Тахсин-паша сообщает великому визирю, что султан не преминул оценить чувства патриотизма, руководящие интересом, проявленным офицерами IV корпуса к данному делу, и усмотреть в вопросе великобританского консула доказательство сочувствия Великобритании к Турции. Так как мнение офицеров несомненно будет разделено и всем населением заинтересованных областей, то на обязанности депутатов, которых они пошлют в парламент, будет лежать поднять этот вопрос в свое время, и прения, которые он вызовет, несомненно будут иметь благоприятные последствия, так как избавят правительство от обязательства, принятого им на себя при обстоятельствах, ныне уже более не существующих.

Вышесказанное должно быть сообщено начальству IV корпуса и властям Эрзерумской провинции.

Нелидов.

Депеша поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г. № 156.

Восстановление действия турецкой конституции 1876 г. стоит на первом месте здешней политической жизни, оттесняя все остальные дела и даже на время лишая их почвы, так как дальнейшее развитие всех стоящих на очереди вопросов стоит в непосредственной зависимости от того направления, которое примут текущие события.

А в этой области прежде всего и невольно навязывался вопрос: искренна ли и прочна происшедшая перемена и не следует ли опасаться вторичного предания забвению начал конституции, как было 30 лет назад?

На этот вопрос значительное большинство слышанных мною мнений из числа могущих почитаться компетентными отвечает положительно, указывая прежде всего на разницу общего положения дел в эти две эпохи. Тогда конституция, теоретически выработанная правительством, была навязана неокрепшему на престоле султану, как бы в подражание и угоду Европе, дабы заслужить ее благоволение ввиду надвигавшейся извне грозы. Ныне движение идет снизу из народа, нашло себе орудие в лице армии, направлено в первую очередь против окружающей султана безответственной клики и чудовищно развитой системы шпионства, а в конечной перспективе имеет в виду освобождение Турции от европейского вмешательства и влияния, орудием и проводником коих и служили эгоистичные фавориты султана при полном безгласии и умышленном отстранении законного правительства — Порты.

Поэтому первым результатом движения и было уничтожение цензурных и полицейских стеснений, массовое освобождение из тюрем политических заключенных и даже уголовных преступников, первыми жертвами его — ближайшие сотрудники султана: великий визирь

(хотя мне известно, что и Ферид-паша доказывал необходимость возвращения к принципам конституции), военный министр Риза-паша, министр полиции. Ныне общественное мнение особенно озлоблено против министра внутренних дел, главного начальника артиллерии Зеки-паши (Зеки-паша сменен, и на его место назначен Али-Риза-паша, о коем слышны благоприятные отзывы), секретарей его величества, особенно второго — Иззета-паши, и четырех братьев-сирийцев Мельхаме, слывущих за взяточников и шпионов. Один из последних, министр земледелия и рудников Селим-паша, уже бежал в Европу не без содействия, как кажется, итальянского посла (дочь Селима замужем за итальянцем), другой арестован именем младотурецкого комитета. Как говорят, относительно многих должностных лиц султану представлены весьма категорические и строгие требования, неисполнение коих может повлечь за собой беспорядки.

Наряду с этим с первых же дней переворота стала слышаться и враждебная Европе нота. В числе первых, хотя и разрозненных и не подхваченных возгласов импровизированных ораторов на улицах столицы слышно было «долой иностранное вмешательство», «долой капитуляции». Если пока положительно ничего нельзя заметить враждебного по отношению к европейцам, то многие из ходящих слухов, несомненно, ложных, все же дают возможность судить о том, в каком направлении работает общественная мысль после 11-го июля. Не раз я слышал, что Хильми-паша подал в отставку, что все иностранные органы уже уехали и, наконец, что офицеры-младотурки заявили будто бы французским офицерам-инструкторам в Сересе, что в их услугах более не встречается надобности. (Генерал Робилан сообщил вчера итальянскому послу, что по отношению к органам реформ вообще и офицерам жандармерии в частности пока не замечается враждебного настроения.)

Мне кажется, что при оценке текущих событий не следует упускать из виду этих симптомов, несмотря на господствующий пока порядок и на пока еще загадочное братание христианских подданных султана с мусульманскими своими согражданами, братание, искренности коего столь противоречит вся прошлая история Турции.

Таким образом, за истекшую неделю военно-революционный характер переворота обрисовался ясно, и на ближайшее будущее следует опасаться не столько отступления султана с пути уступок, сколько предъявления со стороны руководящих движением младотурецких комитетов таких неумеренных требований, исполнение коих повело бы к анархии и международным осложнениям.

Опасность такого оборота, к сожалению, не устранена. Враждебное лично султану настроение выражается все настойчивее, и вчера

полученные из Адрианополя сведения сообщают слух о существовании в среде офицеров II и III корпусов заговора в видах низложения Абдул-Гамида и возведения на престол Юсуфа-Изеддина, сына султана Абдул-Азиса.

При таких условиях едва ли возможно будет на прежних основаниях не только коллективное контрольно-реформенное воздействие Европы в македонском вопросе, но, например, и совместное русско-английское примирительное посредничество в персидских делах, и я позволю себе высказать мнение, что раньше, нежели искать новых приемов в этих областях, каждой державе в отдельности предстоит произвести переоценку своего положения, своих средств воздействия и даже своих конечных целей в области отношений своих к Турции.

Нелидов.

Письмо поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г.

События и комментарии к ним идут одно за другим с такою быстротою, что нет возможности разобраться в этом беспорядке и расположить факты в мало-мальски связном виде.

Всячески извиняясь за нижеследующий перечень наполовину непроверенных слухов и предположений, я тем не менее не считаю себя в праве не упомянуть о них именно оттого, что, как я высказал уже в одном из своих сегодняшних донесений [1]), слухи эти могут служить показателем того, в каком направлении складывается общественное мнение.

Сама внешняя жизнь изменилась до неузнаваемости в одну неделю времени, и кто сколько-нибудь знаком с физиономией Константинополя за последнее десятилетие и даже более, тот на каждом шагу поражается совершенно небывалыми явлениями, каковы например: участие женщин в уличных манифестациях, свободное катанье принцев царствующего дома на обыкновенных пароходах, не говоря уже об уличных манифестациях вообще и свободном выражении мнений в газетах.

Очевидно, что отношение европейских держав к происходящему в Турции служит предметом всеобщего любопытства, для удовлетворения которого имеются пока лишь догадки и весьма еще краткие и неясные оценки западных газет.

В совершенно случайном факте передачи Ферид-паше знаков недавно пожалованного ему ордена Черного Орла за несколько часов до его смещения — стараются видеть доказательство того, что

[1]) См. предыдущую депешу.

происшедший переворот есть удар для германского, а попутно и австрийского влияния.

Назначение Саида считается торжеством для Англии, сторонником коей он всегда слыл, как и новый министр без портфеля (случай, кажется, небывалый) Киамиль-паша. При этом однако забывают, что названные сановники никогда не ладили друг с другом. В прежние времена англофил был синоним руссофоба. Как мнения обоих министров сложатся под влиянием англо-русского сближения, об этом я не имею указания, но молва продолжает строить свои сочетания на прежнем антагонизме, что и породило слух о том, будто русский флот наготове в Черном море для подавления турецкой конституции, и английский недалек от Дарданелл для противодействия замыслам русских.

Спешу прибавить, что в числе множества произносимых в эти дни на улицах и площадях импровизированных речей мне неизвестно ни об одной, явно направленной против России только, и, напротив, дошел слух о речи на тему о том, что «русские не враги».

Говорят, что особенно много несочувственных отзывов слышится по отношению к Германии и даже к императору Вильгельму.

Личным нападкам со вчерашнего дня подвергается итальянский посол за пособничество, несомненно, оказанное им бегству министра земледелия Селима-Мельхаме. Но доказать его участие в этом деле вряд ли удастся, как и единогласно подозреваемую причастность германского представителя бегству второго секретаря и любимца султана Иззета-паши, имевшему место вчера вечером.

Я опасаюсь, что совершенно произвольным комментариям будет подвержено и случайное совпадение отсутствия на сегодняшней церемонии селямлыка, кроме меня, и всех балканских представителей, кроме черногорского. Я намерен в случае вопросов сослаться не только на необходимость изготовить донесения к завтрашнему срочному пароходу, что в действительности и было главнейшей причиной моего отсутствия, но и на отсутствие какого-либо намека на то, что его величеству возможно будет видеть иностранных представителей в столь необычайный момент.

Вчера вечером положение представлялось скорее тревожным. Из тюрем были выпущены не только политические заключенные, но и обыкновенные уголовные преступники. Представители младотурецких комитетов, «de facto» распоряжающиеся пока делами, предъявили ряд требований о смене различных деятелей старого режима и грозили беспорядками в случае неисполнения этих требований.

Желания их мало-по-малу исполняются; так, отрешен от должности начальник артиллерии Зеки-паша и многие из непосредственно приближенных к султану лиц.

Благодаря этому революция — другого слова к текущим событиям применить нельзя — протекает пока совершенно тихо и бескровно, являя картину необычайной дисциплинированности народных масс и пока умеренности вождей.

Опасность, как мне кажется, кроется в неодинаковости надежд, возлагаемых на происшедший переворот различными национальностями Оттоманской империи.

Пока наиболее довольными являются греки, что объясняется как их сплоченностью в отношении расселения, так и наибольшей культурностью, сулящей им значительное влияние при действительно конституционном строе. Но и в греческой среде заметно и обратное действие новых порядков. Так, крайне властолюбивый патриарх Иоаким III весьма ловко пользовался строгими условиями турецкой цензуры для подавления неугодных ему течений в среде как синода, так и греческого общественного мнения вообще. Ныне орудие это выпало из рук его, и уже теперь заметен такой раскол мнений, хотя бы по вопросу об отношении патриархата к восстановлению конституции, каковую меру святейший Иоаким имел неосторожность осудить при первом же посещении своем нового великого визиря, — что весьма возможно, что давление турецкой власти понадобится для улажения внутренне-греческих распрей. Славянские народности скорее удручены, видя в «равноправности» христиан лишь вероятную гибель их нынешних национальных «вожделений».

Эти обстоятельства дают указание тому, как трудно будет Турции приладиться к действительно «свободному» строю и каких разнообразных затруднений следует опасаться в будущем при применении на практике начал конституции.

Но на ближайшие дни можно, кажется, предсказать относительное спокойствие, так как руководящие комитеты явно стараются не скомпрометировать своего успеха несвоевременными действиями или неуместными притязаниями.

Этим спокойствием необходимо было бы воспользоваться, дабы определить свое отношение к новому порядку вещей.

Нелидов.

Секретная телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 3 августа (21 июля) 1908 г.

Получил № 956 [1]). Генерал Шостак против немедленного приостановления деятельности офицеров-реорганизаторов. Многие их обязанности, например, обучение уставу, отчетность, патрулирование — не

[1]) См. выше стр. 38.

имеют отношения к совершившемуся перевороту. Однако, считаясь с обстоятельствами, он приказал офицерам уклоняться от всякой возможности столкновений с революционными комитетами, 6-х из 9-ти уволил в отпуск, остальным предписано воздерживаться от разъездов внутри страны. Генерал Робилан заявляет, что к офицерам все относятся почтительно, беспокойства неосновательны, меры французов в Сересе и англичан в Драме преждевременны. Итальянцы остаются на местах, австрийцы готовы по первому требованию собраться в Ускюбе. Им предписано продолжать свою деятельность с умеренностью и осторожностью, о чем будет издан и общий по реорганизации циркуляр. Робилан прибавляет, что правовое положение всех органов реформы прежнее и что не следует его ослаблять, дабы не связывать свободу дальнейших решений держав. Мне кажется, трудно выделить вопрос из всей совокупности отношений держав к новому строю, еще не выяснившемуся, и что предпочтительно ждать инициативы Турции в этих вопросах, дабы мочь выговорить в обмен либо дополнения конституции гарантией в пользу христианского населения, либо компенсации себе самим.

Нелидов.

Протокол особого совещания при министерстве ин. дел 3 августа (21 июля) 1908 г.[1])

Особое совещание было созвано министром иностранных дел 5 августа (23 июля) 1908 г. [2]) по случаю событий, происходивших в Турции. Открывая совещание, г. министр указал на некоторую опасность положения в Турции, которое в каждый данный момент может обостриться и потребует от нас известных действий. С этой целью он считал бы необходимым установить программу и определить имеющиеся у нас в настоящее время в наличности средства и способы действий, примерно сообразуясь с тем, что было предпринято в 1896 году во время армянских беспорядков, когда было установлено, что, по первому из Петербурга требованию, должна быть произведена посадка войск на суда нашей Черноморской эскадры, причем плавание этих судов было продолжено до марта 1897 года, для чего были отпущены соответствующие кредиты. Необходимо и ныне, чтобы события не застали нас врасплох и чтобы мы были готовы к защите своих интересов.

[1]) Участвовали в совещании: госуд. контролер Харитонов, пом. воен. министра Поливанов, начальник ген. штаба Палицын, постоянный член Совета госуд. обороны Иванов, морской министр Диков, вр. исп. об. начальника морского ген. штаба Каськов, тов. министра финансов Чистяков, посол в Париже Нелидов и посол в Константинополе Зиновьев.

[2]) Так в подлиннике; следует: «3 августа (21 июля) 1908 г.»

Далее г. министр в кратких словах очертил политическую обстановку данного времени. Признавая, что положение вещей изменилось не в нашу пользу, он тем не менее полагал, что общая политическая конъюнктура более выгодна для нас. Англия в прежнее время противилась нашим начинаниям на Востоке, ныне же она против нас не пойдет. Этому обстоятельству А. П. Извольский придавал особое значение. Допуская возможность действия в Турции в согласии с европейскими державами, он, тем не менее, указывал в совещании, что европейский концерт не доверяет Австро-Венгрии и Германии. Совокупность действий держав, конечно, приемлема для нас при условии обеспечения наших интересов. Надо предвидеть худшее в Турции. Возможно, например, убийство султана, полная анархия, опасность для жизни иностранцев, — одним словом, события в Оттоманской империи могут разыграться, как в Китае, и при таких условиях надлежит решить вопрос, следует ли нам принять возможное приглашение держав к действиям сообща.

Морской министр сообщил совещанию, что он может во время навигации послать два броненосца и два крейсера из Балтийского моря, а в зимнее время четыре судна будут находиться в Средиземном море, и что в особых на сие кредитах он не нуждается. На вопрос, какова боевая готовность наших судов, морской министр ответил, что полная.

На совещании выяснилось с достаточной очевидностью, что мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление, что мы можем принять участие в совместных действиях держав, но не более, а для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно подготовиться лишь в будущем. Совещание высказалось за желательность скорейшей подготовки.

К заявлению г. министра, что нам нельзя итти на авантюру, а надо быть готовым ко всем случайностям, присоединяется большинство членов совещания.

Далее выясняются все подробности занятия нами Верхнего Босфора и возможность удержаться на занятых позициях, причем последнее обстоятельство было признано более чем сомнительным в случае войны с Турцией.

Совещание постановляет о необходимости разработать подробный план действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции, при условии соблюдения всех мер предосторожности, дабы турки не узнали преждевременно о наших намерениях [1]).

---

[1]) На докладной записке Извольского от 5 августа (23 июля) 1908 г., в которой он ознакомил Николая II с результатами совещания, имеется резолюция последнего: «Вполне согласен».

Письмо советника посольства в Риме от 4 августа (22 июля) 1908 г.

О впечатлении, произведенном на г. Титтони происшествиями в Турции, и об опасениях, внушаемых ему ими, я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства секретной моей телеграммой от 18 (31) с. м.[1]). К сему долгом считаю прибавить, что министр выражался с необычайной для него непринужденностью и с явною искренностью по отношению к необходимости, которую он испытывает при вновь создавшихся условиях на Ближнем Востоке, быть с вами, милостивый государь, в непрестанных и откровенных сношениях. Предпослав, что его мысль далека от какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела Оттоманской империи, все внимание его в настоящую минуту направлено на те последствия, которые могут обрушиться на иностранцев, проживающих в Турции, если спокойствие в ней сохранить не удастся и если войско, поддержанное толпою, насилием станет преследовать водворение нового политического строя. По получаемым им сведениям, положение надо считать крайне серьезным, а в особенности потому, что правительство и органы его в провинции потеряли всякую уверенность в себе и уже, пока в исключительных случаях, стали предметом оскорбительного для них обращения. А потому ему кажется неотложным из простой предосторожности обсудить теперь же те меры, на принятие коих державы могли бы быть вынуждены, если бы ходом событий им пришлось заступиться за своих подданных. Отдельное действие каждой державы ему представляется связанным с опасностью вызвать новые и еще большие осложнения. Так, предположив, что итальянцы сделались бы жертвою какого-нибудь народного движения, например в Авлоне [2]), министр себя спрашивает, к чему могло бы повести военное заступничество королевского правительства в пределах Албании и на какие бы меры таковое побудило ту из держав, которая в Италии, несмотря на все его старания, продолжает подозревать стремление к захвату противоположного берега Адриатического моря. Сохранение общеевропейского мира посему он всего вернее видит в соглашении между державами и, в случае нужды, в общем их содействии, которое могло бы проявиться также как в Китае, когда правительства поспешили на освобождение европейских миссий, осажденных в Пе-

[1]) Телеграмма Корфа от 31(18) июля 1908 г. хранится в Архиве Вн. Политики в деле П. А. № 3083; содержание ее исчерпывающе передается публикуемым документом. В ответной телеграмме от 5 августа (23 июля) 1908 г. Извольский сообщал, что вполне разделяет точку зрения Титтони, готов приступить к предлагаемому им обмену мнений и предоставляет инициативу в данном деле Италии. Вместе с тем Извольский просил конфиденциально сообщить Титтони, что он допускает возможность посылки к Дарданеллам военных судов по две от каждой державы.

[2]) Валона.

кине. Министр настойчиво просил передать вашему высокопревосходительству его точку зрения, в надежде, что ввиду опасности, которая может наступить в каждое мгновение, вы не откажете ему сообщить ваше о ней мнение.

Передавая мне о заявлении, сделанном ему английским поверенным в делах об отказе его правительства от представлений Порте о летучих отрядах, г. Титтони мне сказал, что он понял, что с.-джемский кабинет совершенно берет назад свое предложение. Я счел долгом отметить, что по полученным мною от вашего высокопревосходительства указаниям сказанное предложение только отложено.

На вопрос мой, какие были, до наступления последних событий, шаги предприняты итальянским послом в Константинополе для достижения согласия Порты на предварительные изыскания железнодорожного пути от Дуная до Адриатики, министр мне ответил, что он неоднократно посылал самые энергичные инструкции маркизу Империали, но что теперь, очевидно, и этот вопрос должен будет разделить судьбу всех остальных предполагаемых реформ. О том, какого рода оппозицию Порта оказывала железнодорожному проекту, г. Титтони счел несвоевременным распространяться, также как он не познакомил меня с личным своим мнением о якобы заключенной между Австрией и Турцией особенной конвенции, а ограничился заявлением, что маркиз Империали в существование таковой не верит.

Корф.

Донесение поверенного в делах в Белграде от 4 августа (22 июля) 1908 г. [№ 64.

Происходящие в настоящее время в Турции события вызывают к себе скептическое отношение со стороны сербских правящих кругов.

До сих пор, впрочем, благодаря младотурецкой революции сербы получили довольно крупные выгоды. Так, были выпущены из тюрем томившиеся в них сербские священники, учителя и иные деятели; закончилась продолжительная распря между турецкими властями и рашко-призренским митрополитом и снова открылись в этой епархии сербские школы; есть надежда на благоприятное разрешение вопроса о сербском викарии в велешко-дебарской епархии и т. д.

Но здесь не без основания усматривают близкую и серьезную опасность со стороны арнаутов, которые, повидимому, обманулись в своих ожиданиях и были введены в заблуждение младотурками, с которыми до сих пор они были заодно.

По полученным здесь сведениям, в Прешевской, Гилянской и Кумановской казах арнауты разошлись по христианским селениям и обложили население рядом натуральных повинностей. Свои требования они основывают на том, что султан им возвратил конституцию, то есть

прежнее управление по духовному закону «шариата», и, следовательно, то блаженное для них время, когда мусульманин был полным и неограниченным хозяином над бесправною христианскою райею.

Если младотурки окажутся достаточно решительными и энергичными и при первых попытках со стороны арнаутов применить на деле столь своеобразно толкуемую ими конституцию пошлют против них войска и принудят их разоружиться, положение христиан будет обеспечено, и будет достигнуто то, на чем постоянно настаивало перед Европою сербское правительство.

В противном случае положение христиан будет ужасным, и они окажутся в полной зависимости от арнаутов.

Другую не столь, может быть, близкую, но не менее серьезную, опасность видят здесь в том моменте, когда воодушевление, вызванное восстановлением конституции, охладится и когда наступит ее практическое применение.

Трудно предположить, чтобы вчерашние фанатики мусульмане, враги христиан, вдруг, как в волшебной сказке, прониклись принципами свободы, равенства и братства и, отказавшись от своих недавних взглядов, согласились видеть в христианах равноправных с ними граждан. Если такая перемена и произойдет, то лишь после долгого времени, и во всяком случае, после долгой и упорной борьбы между представителями старого режима и последователями младотурок.

Опасность этой борьбы, которая не замедлит отразиться на всем христианском населении Оттоманской империи, независимо от его происхождения, побуждает ныне сербское правительство сделать шаг для сближения с Болгариею, чтобы совместными усилиями поддержать единоплеменное им славянское население Турции в случае рокового для него исхода вышеуказанной борьбы.

Сближение это тем возможнее, что в настоящее время отпадает главный повод распри между двумя соседними государствами, именно борьба из-за влияния в Македонии, ведшаяся при помощи банд.

Теперь банды эти разоружаются и расходятся по домам. Четники, сербские подданные, должны вернуться в Сербию. Интернированные же здесь различные «воеводы» и четники, состоящие в турецком подданстве, явившись предварительно в здешнюю турецкую миссию, вернуться в Турцию.

Первый шаг со стороны сербского правительства выразился в том, что г. Милованович, пригласив к себе болгарского дипломатического представителя, высказал ему о желательности и необходимости сблизить между собою Сербию и Болгарию ввиду созданного событиями в Турции совершенно нового положения вещей и опасности, которая может угрожать славянскому населению.

Г. Тошев немедленно сообщил о своем разговоре с сербским министром иностранных дел в Софию, но ответа пока еще не получил. Мне еще не случилось беседовать по этому поводу с г. Тошевым, но из разговора, который я имел с ним в прошлый четверг, на приеме у г. Миловановича, я вынес впечатление, что лично он вполне разделяет мнение сербского правительства и вполне готов способствовать осуществлению сближения между Сербиею и Болгариею. Он высказал мне, между прочим, что события в Турции уничтожили все то, на что Болгария положила столько усилий, что все ее успехи сведены на-нет и что она стоит теперь перед известной «tabula rasa».

Об ответе, который последует из Софии, я не замедлю своевременно доложить вашему высокопревосходительству. В ожидании же такового, я не премину воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы поддерживать как в г. Миловановиче, так и в г. Тошеве их благое намерение, могущее послужить лишь на пользу для обоих братских народов.

Б. Евреинов.

Письмо поверенного в делах в Париже от 6 августа (24 июля) 1908 г. [1])

Г. Пишон, которого я видел одно мгновенье на вокзале, по его приезде с президентом республики, назначил мне свидание на сегодняшнее утро, но потом он отложил разговор до завтра. Таким образом с сегодняшней почтой я ничего не могу отправить вам интересного, за исключением донесения о событиях в Вильнев-Сен-Жорж, которые сильно занимают правительство и возбуждают общественное мнение.

Турецкие дела возбуждают здесь смешанное чувство изумления, симпатии и опасений, в котором и сами французы с трудом могут разобраться. На парижской бирже турецкие ценности падают в течение нескольких дней. С одной стороны, нельзя отрицать, что младотурецкое движение и провозглашаемые им принципы находят сочувственный отклик в прессе, во французском обществе и в правительстве. В качестве иллюстраций я прилагаю к этому письму вырезку из «Temps», в которой дается отчет об аудиенции младотурецкой депутации у председателя совета министров.

Следует отметить, что, несмотря на то, что младотурецкие комитеты в течение многих лет имели своим местопребыванием Париж, их деятельность не обратила на себя особенного внимания французского

[1]) Перевод с французского.

правительства, и то, что произошло за последние недели в Македонии и в Константинополе, явилось совершенной неожиданностью для французских политиков и дипломатов.

Неклюдов.

Записка первого драгомана посольства в Константинополе от 6 августа (24 июля) 1908 г.

Настроение константинопольского населения крайне тревожно. Тревога вызывается сознанием, что упразднена какая бы то ни была власть. Власть султана не существует; он капитулировал перед революцией, вожаки которой, занятые исключительно борьбою с султаном и деятелями его режима, не выдвинули и не приобрели никого, кто бы мог подчинить своей воле разные неблагонадежные элементы.

Наибольшее опасение внушает упразднение дисциплины в армии, которая превратилась в вооруженные орды, послушные пока каждая своему отдельному начальнику, но в то же время сменяющие министров.

Нет сомнения, что не отвлеченная идея о благе конституции удерживает в пределах законности солдатскую массу, для которой самое понятие о либеральном строе совершенно недоступно.

Не меньшую тревогу вызывает в населении и двусмысленное поведение султана, которого подозревают в намерении ради личного своего спасения произвести кровавые беспорядки в Константинополе и тем вызвать иностранное вмешательство в свою личную пользу. В этих видах его клевреты из якобы упраздненной массы шпионов усиленно стараются в последние дни разжигать всегда существовавшую вражду между войсками гарнизона и дворцовой гвардией. Среди войск эти клевреты всячески подстрекают солдат против султана, внушая им мысль о необходимости его удаления, а дворцовую гвардию они же убеждают крепко стоять за Абдул-Гамида, которому-де она всем обязана.

При малейшем столкновении гарнизона с гвардией, по почти всеобщему здесь мнению, выступят уже прямо на убийства и грабеж города толпы всякого сброда, преимущественно курдов, как то было во время армянской резни, и, может быть, тоже по приказанию султана.

Население возлагает надежды на русскую и английскую эскадры, которые, по общему убеждению, уже находятся близ проливов.

Таково здесь настроение. Следует отметить, что и среди революционного комитета не отрицается как тайная провокаторская деятельность султана, так и возможность наступления таких событий.

Казалось бы, что иностранные правительства не должны упускать из вида такой возможности и заблаговременно принять соответствующие меры.

Майков.

Циркулярная телеграмма министерства ин. дел от 7 августа (25 июля) 1908 г. № 988.

Я отправляю сегодня нашим представителям в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и Риме циркулярную депешу с приложением проекта македонских реформ, выработанного с.-петербургским кабинетом, к каковому проекту вполне присоединился лондонский кабинет. Этот проект сообщается однако кабинетам только для сведения, причем в упомянутой депеше я высказываю мнение, что, ввиду новейших событий в Турции, державам следует воздержаться покуда от всяких действий, в которых можно было бы усмотреть недоверие к принятому султаном и турецким правительством решению осуществить объявленные ими преобразования. Далее я заявляю, что мы будем с живым сочувствием и интересом следить за стараниями Турции обеспечить осуществление предпринятых ею реформ и будем избегать всякого вмешательства, которое могло бы затруднить достижение этой цели. В заключение я заявляю, что Россия, верная своим историческим традициям и опираясь на права, вытекающие из трактатов, лишь тогда сочтет лежащую на ней, как и на других великих державах, задачу по отношению к Македонии оконченною, когда меры, принимаемые в Турции, приведут к действительному улучшению положения этой области. В противном же случае российское правительство сочтет своим долгом указать державам на необходимость возобновить прерываемую ныне их совместную преобразовательную деятельность.

Послам:

Благоволите предупредить о вышеизложенном министра иностранных дел.

Посланникам:

Благоволите руководствоваться вышеизложенным при разговорах ваших с министром иностранных дел. Полный текст циркулярной депеши высылается вам для сведения по почте.

Извольский.

[Секретная телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 7 августа (25 июля) 1908 г.

Сегодня после селямлыка, к коему были через министерство иностранных дел приглашены все иностранные представители, султан, приняв нас сообща, заявил, что, признав, что настало время применить им же дарованную конституцию, он вновь ввел ее в действие и намерен никогда впредь от нее не отступать. Просил нас передать это заявление, а также его привет нашим государям. Старейшина — итальянский

посол — ответил поздравлением от имени своих коллег за принятое «мудрое» решение, заметно подчеркнув слова «конституция», «свобода», «оттоманская нация» и «ответственные советники».

Нелидов.

Письмо начальника ген. штаба министру ин. дел от 9 августа (27 июля) № 704/1337.

Секретно.

На № 734 [1]).

Милостивый государь Александр Петрович.

25 июля я сообщил командующему войсками Одесского округа о том, чтобы штаб этого округа безотлагательно приступил к безотлагательной разработке всех подготовительных мероприятий для производства десантной экспедиции согласно заключению совещания под вашим председательством, состоявшегося 21 июля [2]). Прошу морского министра, чтобы в разработке этих мероприятий принял участие начальник морских сил Черного моря и его штаб. В основу разработки вопроса должно быть положено, что экспедиция должна быть организована с наличными средствами, имеющимися в Одесском округе и в Черноморском флоте.

Удовлетворяя этим неотложные требования минуты, я организую вместе с тем совещание для разработки вопроса совместно с морским генеральным штабом о производстве экспедиции при более законченных и благоприятных условиях материальной подготовки. О средствах, которые окажутся необходимыми для экспедиции, оба генеральные штаба сообщат своим министерствам для зависящих распоряжений.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Ф. Палицын.

Письмо 23/25 июля № 682/1315 [3]).

Телеграмма поверенного в делах в Константинополе от 10 августа (28 июля) 1908 г.

Получил № 988 [4]).

Заметив за последние дни стремление местной печати создать неблагоприятное нам течение общественного мнения уверениями, будто

---

[1]) В письме от 8 августа (26 июля), адресованном участникам совещания 3 августа (21 июля) 1908 г. (Палицыну за № 734), Извольский, сообщая о резолюции Николая II на его докладной записке от 5 августа (23 июля), просил их сделать соответствующие распоряжения.

[2]) См. выше, стр. 42.

[3]) Отнесено в примечания в подлиннике без указания, к чему относится.

[4]) См. выше, стр. 51.

Россия одна несочувственно относится к происшедшей здесь перемене строя, я счел долгом воспользоваться первым же посещением моим Киамиль-паши в прошлую субботу, чтобы в присутствии министра иностранных дел сделать заявление в смысле содержания указанной телеграммы вашего высокопревосходительства. Министры отнеслись к моим словам скорее сдержанно.

Нелидов.

Выписка из донесений ген. консула в Смирне от 11 августа (29 июля) и 12 августа (30 июля) 1908 г. №№ 211, 212, 213.

Конституционные веяния отразились в Смирне на стачке портовых рабочих, что заставило многие пароходы, в том числе и русский, уйти из Смирны не разгруженными.

Обращение консулов к властям не принесло желательной пользы по причине полного бессилия властей в настоящее время. Ввиду этого агенты пароходных компаний обратились за помощью к местному младотурецкому комитету, приславшему отряд солдат, при приближении которого забастовщики ретировались и пароходы могли произвести разгрузку при помощи своих матросов.

Центральный солунский комитет «Союза Единения и Прогресса» прислал в Смирну доктора Назим-бея в качестве своего инспектора для Малой Азии. Ему устроена была торжественная встреча и парадный обед с участием валия.

По настоянию младотурок, многие местные чиновники вынуждены покидать свои места, но справедливость требует заметить, что до сего времени жертвами движения являлись лица, действительно заслуживающие кары, вследствие чего сочувствие масс безусловно на стороне младотурок.

Деятельность смирнского их комитета носит явно враждебный по отношению к султану характер. По настоянию комитета, войска вместо прежнего приветствия султана кричат теперь «Да здравствует нация!» Звезда на фесках устранена, так как «звездою» (ильдыз) называется султанский дворец.

Местное греческое население стремится придать новому движению характер греко-турецкого братания. Это обстоятельство поставило в весьма неловкое положение посетивших недавно Смирну их высочества греческих королевичей Андрея и Христофора. Местные греки устроили так, что августейшие особы встретились в митрополии с представителями младотурок, которые и были им представлены митрополитом.

Беляев.]

Выписка из рапорта военного агента в Константинополе от 13 августа (31 июля) 1908 г. № 258.

Современное внутреннее политическое состояние Турции характеризуется полным господством комитетов «Единения и Прогресса», которые успешно исполняют функции властей, поддерживая в стране примерный порядок. Этому много способствуют необыкновенный подъем духа и оптимизм, которыми проникнуты все слои общества. Всем особенно хочется показать, что Турция может обойтись и без постороннего вмешательства. Это — самое больное место не только турок, но и других народностей империи.

Больше всего опасаются вмешательства со стороны России. Пресса была настроена к нам крайне враждебно. Депеша 24 июля о временном невмешательстве в турецкие дела появилась как нельзя более кстати. Враждебное настроение печати было навеяно нашими противниками. Газеты попытались даже скрыть русское сообщение, но опомнились под давлением комитета, на который наше сообщение произвело свое отрезвляющее действие. Тем не менее впечатление враждебности России к новому строю Турции остается в низших слоях и увеличивает вековую ненависть к нам.

Подобное настроение весьма выгодно Австрии и Германии, которые, несомненно, будут и впредь стараться в этом направлении, если с нашей стороны не будут предприняты энергичные контр-меры в духе уже сделанного заявления или иного воздействия на печать и народные массы.

Для будущих отношений России и Турции настоящий момент представляется важным поворотным пунктом. Революция может быть использована нами так, как никем из прочих держав. Пункты наших трений с Турцией незначительны, в особенности по сравнению с западными державами. В наших руках все козыри, чтобы расположить к себе молодую Турцию и вырвать ее из числа наших противников.

Водворение порядка в ней выгодно нам еще в том отношении, что мы можем освободиться от той массы беспокойного армянского элемента, которая перешла к нам после 1896 года.

Если мы не расположим к себе Турцию в настоящее критическое время, то рискуем превратить ее в злейшего и опасного врага.

Даже в случае неуспеха революции проявление наших симпатий может повредить нам в весьма слабой степени, а добрые отношения с мусульманским миром всегда останутся положительным результатом этого. [Х о л ь м с е н.]

(Окончание следует.)

Разгон II Государственной Думы.

Разгон II Думы и издание закона 3 июня 1907 г. знаменуют собою крайнюю точку исхода революции 1905 г. Она завершает революционную эпоху и начинает контрреволюционную. С этой точки зрения рассмотрение и изучение обстоятельств, связанных с этим моментом, представляет много поучительного.

Вниманию читателя предлагаются небольшие выдержки из записок Ф. А. Головина, председателя II Думы, протокольная запись думской комиссии, выбранной по поводу требования правительства о выдаче с.-д. депутатов, и протокол заседания к.-д. фракции Думы, посвященного тому же вопросу. Эти документы требуют некоторого пояснения.

II Дума была левее нежели I. В ней «левый блок» играл выдающуюся роль. Но мог играть несравненно большую, если бы не оппортунистическая тактика господствовавших в с.-д. фракции меньшевиков и шедших за ними народников. Оппортунистическая тактика, в основном, выразилась в нежелании и в неумении бороться с кадетами, с контрреволюционностью либералов, стремившихся, по выражению Ленина, помирить октябристского помещика с трудовиком-крестьянином в интересах помещика. Меньшевики и народники не сумели в Думе до конца отстоять самостоятельность своей позиции и, начиная с голосования за кадета Головина в председатели Думы, фактически по целому ряду решающих вопросов отдавали гегемонию кадетам.

Главным лозунгом кадетов во II Думе, как и в I, было — сохранение Думы во что бы то ни стало. Этот лозунг означал не что иное, как стремление договориться, сторговаться с самодержавием об уступках ценой удушения революции.

С первых шагов Думы Ленин указывал на неизбежность ее разгона самодержавием, как только будут обсуждены бюджетный и аграрный вопросы.

«Военнополевые суды и прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу. Кадеты, эта партия центра в русской революции, ослаблены по сравнению с первой Думой. Кадеты поправели несомненно, но при такой Думе, в такой момент правительство совершенно не в состоянии заключать с ними сделки. С октябристами кадеты могли бы слиться, и они неуклонно идут к этому: достаточно назвать г. Струве и г. Головина. Но в том-то и особенность данного положения, что нет кадетско-октябристского большинства в Думе. Весь «центр» безнадежно раздавлен обостренной борьбой крайних: монархистами справа и левой частью Думы. Эта часть достигает двух пятых. Ее роль в Думе громадна. Ее влияние в массах очень велико. Ее растущая связь с этими массами не может быть оборвана никакими полумерами.

Разгон Думы диктуется для правительства необходимостью: не прибегая к насилию, оно не в состоянии выпутаться из создавшегося положения» [1]).

Ленин уже в начале марта на основе анализа соотношения сил прямо указывает на близкий разгон Думы, на то, что «неизбежна отмена избирательного закона» [2]). И, как бы предвидя кадетские рассуждения о незаконности подобного разгона, Ленин пишет, что «право роспуска Думы есть архи-«законное» право на почве той конституции, которую жалкие либералы так глупо превозносили и так предательски убеждали народ взять всерьез» [3]).

Кадеты сознательно закрывали глаза на неизбежность разгона Думы, молчали об этом, скрывали это от масс, стремясь всеми путями протащить свою тактику «бережения Думы» во что бы то ни стало.

Эту тактику бережения Думы кадеты проповедывали, уже зная, что готовится разгон Думы. И они стремились поспешно найти условия, выгодные самодержавию, на которых возможно выторговать сохранение Думы.

Кадеты могли догадаться, чтобы не сказать — знали, — и на какой почве произойдет разгон II Думы. Когда с.-д. Зурабов в резких выражениях отозвался о «подвигах» русской армии на «фронтах внутренних», то произошел инцидент, и все правые пытались использовать его, как репетицию разгона. Головин, уже в 1917 г., в своих показаниях перед Чрезвычайной Следственной Комиссией правительства Керенского сообщает, что и царь был недоволен его поведением во время этого инцидента. Совершенно было очевидно, что на почве отношения с.-д. (а какие бы оппортунистические ошибки фракция ни делала, все же она была руководящей в левом блоке) к армии возможно и провоцирование инцидентов и соответствующее их использование. Когда положение со II Думой стало очень напряженным, Головин испросил аудиенцию у царя. Сперва его приняли очень холодно, но когда Головин заговорил о зурабовском инциденте (очевидно, холопски оправдываясь), «отношение государя сразу изменилось» [4]).

Николай, резюмируя беседу, заявил, что Дума неработоспособна («работоспособный центр ее слишком незначителен») и что выход из положения — роспуск Думы и созыв новой. Головин намекнул Николаю, что роспуск может дать еще более левую Думу. На это Николай ответил, что речь идет уже о созыве новой Думы на основе не старого избирательного закона, а на основе нового, измененного. Головин тут же поспешил начать торг, заявив, что у кадетов заготовлен проект избирательного закона, но его рассмотрят осенью, и тогда «можно будет говорить о роспуске Госуд. Думы» [5]).

Но самодержавие не нуждалось в кадетском варианте изменений избирательного закона, к тому же отложенном к рассмотрению на осень. Бюджет был рассмотрен, заем заключен, французские банкиры получили заверительную подпись кадетов на вексельном бланке, аграрный проект Кутлера провален — и Думу можно было разогнать.

---

[1]) Ленин, Соч., т. XI, изд. 2-е, стр. 27, «Близкий разгон Думы и вопросы тактики».
[2]) Там же, стр. 29.
[3]) Там же.
[4]) «Падение царского режима», т. III, стр. 367.
[5]) Там же, стр. 366—367.

Новый избирательный закон уже готовился, и Крыжановский в своей записке писал, что был принят вариант выборов единой курией, но под надзором имущих классов, вариант, названный даже в Совете министров «бесстыжим». «Когда Столыпин докладывал государю, его величество изволил смеяться и решительно сказал: „я — за «бесстыжий»“ [1]).

Дальше вопрос был только в технике разгона. А техника уже была срепетирована на зурабовском инциденте и на обсуждении «срочности» запроса с.-д. фракции (3 апреля) об истязаниях в рижской тюрьме и предании 74 человек военно-полевому суду. Если во время зурабовского инцидента Струве кричал по адресу с.-д.: «Вон», то во время обсуждения «срочности» запроса кадеты пустили в ход всю свою профессорско-адвокатскую опытность, чтобы не обсуждать его широко, все спрятать в комиссию, не допустить срочности, но с предложением комиссии «ускорить» рассмотрение вопроса.

Самодержавие из всего поведения кадетов могло заключить, что они молчаливо будут проделывать «конституционную комедию», не разоблачая стремления самодержавия разогнать Думу, что кадеты будут на «законной» почве искать «законных» оснований в любом насильственном акте самодержавия.

И когда Столыпин 1 июня предъявил провокационное требование выдать с.-д. фракцию, то кадеты продолжали тактику закрывания глаз на уже совершающийся государственный переворот.

Вместо обсуждения тут же, вместо того, чтобы всенародно обличить самодержавие в гнусной подделке, Головин «прений по существу не допустил», а Дума, передав в комиссию разбор вопроса, отказалась от боя.

На предложение Церетели на следующий день прекратить никому ненужные прения о реформе местного суда и обсудить подготовку государственного переворота Гессен ничего другого не нашел ответить как то, что такое обсуждение было бы актом антиконституционным.

Между тем 2 июня комиссия, выбранная Думой, сразу же сумела уличить судебные власти в подделке. Но комиссия не спешила выносить своих решений. Недаром председатель фракции к.-д., резюмируя прения, дипломатично заявляет: «не затягивать [работ комиссии], но работу, серьезную по существу, продолжать, пока не будет сделан окончательный вывод». Это значит, по существу, дать директиву затягивать обсуждение комиссии и уклониться от прямой стычки с самодержавием.

Для оценки тактики либеральной буржуазии в революции 1905 г. чрезвычайно характерно выступление Милюкова, который с исключительным цинизмом (он говорил с глазу на глаз с единомышленниками) заявил, что «мы отказались от политической точки зрения, выбрав комиссию, и перешли на юридическую». А «зачинщиков необходимо выдать» [2]).

---

[1]) «Падение царского режима», т. III, стр. 423, допрос Крыжановского.

[2]) Не лишено известной пикантности сообщение Челнокова о поездке 2 июня ночью его, Струве, Булгакова и Маклакова к Столыпину с целью уговорить последнего не распускать Думы.

Столыпин явно издевался над кадетами, заявив почтенной делегации, что он «крайне удивлен» их позицией: «Я думал, что вы, как кадеты, пойдете нам навстречу, потому что»

Кадетская комиссия, поспешив освободиться от стенографов, занялась юридическими вопросами, больше всего беспокоясь, как бы в погоне за быстротой не пожертвовать «крупицей достоинства доклада».

Одного взгляда на материалы судебно-следственных властей было достаточно, чтобы вывести заключение о грубой подделке. Это было ясно комиссии. Было это ясно и самодержавию, потому оно так и спешило с разгоном Думы. По той же причине самодержавие так обеспокоилось, когда в 1913 г. всплыл во второй раз (в первый раз после разоблачения Бродского) вопрос о провокации «в деле» с. д. фракции.

Обстоятельства этого подробно изложены в воспоминаниях В. Войтинского [1]) и в многочисленных допросах в Чрезвычайной Следственной Комиссии (преимущественно Герасимова, Н. А. Маклакова, Комиссарова, Крыжановского, Джунковского, Щегловитова и др.)

Особенно интересны материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, выяснявшей этот вопрос в связи с делом провокаторши Шорниковой. Только два обстоятельства мы подчеркнем из этого обширного материала. Во-первых, то, что все дело было подстроено охранкой. Ген. Герасимов показывает: «Одним словом, Столыпин сказал, чтобы арестовать с поличным» [2]). Наказ был, конечно, известен до арестов и обысков. Комиссаров показывает: «Я помню, что в то время, как отправлялись на обыск, Еленский [жандармский полковник, «ведавший» Шорниковой. — *И. Т.*] и Герасимов твердили, что должны быть застигнуты нижние чины и должен быть застигнут наказ»

Экземпляр наказа, написанный Войтинским, был переписан Шорниковой в 2-х экземплярах. Один экземпляр был дан ею солдатам, а другой — Герасимову. Экземпляра, полученного от солдат, Озоль не дал, ссылаясь на депутатскую неприкосновенность, и тогда охранкой был предъявлен другой экземпляр, так как могло отсутствовать главное вещественное доказательство.

Крыжановский писал: «Когда выяснилась невозможность жить со II Думой и необходимость в чрезвычайном порядке изменения избирательного закона, вдруг, как по щучьему велению, возникло среди левого крыла Думы преступное сообщество для ниспровержения государственного строя» [3]).

Для Крыжановского, как и для всякого близкого к административно-полицейской кухне, не было никаких сомнений о происхождении «дела» с.-д. фракции. И только для меньшевиков, в их ренегатско-ликвидаторском затмений, было неясно, что все дело в грубейшем заговоре, а не в большевистском стремлении играть с огнем, пренебрегать безопасностью парламентской фракции ради «бланкистских» и «заговорщических» предприятий «во славу всенародного вооруженного восстания».

если мы устраним из Думы с.-д., у вас будет] кадетское большинство, и тогда вы можете проводить вашу политику». («Падение царского режима», т. VI, стр. 312.)

[1]) См. «Летопись революции» № 1, Берлин, 1923, а также публикацию С. Валка — «Красный архив», 1926 г., т. XVI.

[2]) «Падение царского режима» т. III, стр. 4.

[3]) «Падение царского режима», т. III, стр. 421.

Насколько весь «заговор» был шит белыми нитками, показывает то смятение, которое воцарилось в правительственных сферах в связи с письмом Шорниковой. Провокаторша Шорникова была своевременно убрана, но потом, испытывая материальные затруднения, дала о себе знать департаменту полиции. Шорникова заявила, что передала в охранку о желании военной организации, чтобы солдаты передали членам с.-д. фракции наказ [1]). «Подполковнику Еленскому я сообщила день и час, когда должны были явиться солдаты во фракцию. На это подполковник Еленский мне заявил, что начальник охранного отделения (генерал Герасимов) ездил к министру Столыпину, который выразил желание иметь наказ, который был еще написан от руки. Так как солдаты плохо читали по-писанному, то мне, как секретарю, было предложено членами организации перепечатать его на пишущей машине. Заботясь об охранном отделении, я вместо одного экземпляра напечатала 2 экземпляра, причем первый экземпляр, с печатью комитета, я отдала в организацию, а второй подполковнику Еленскому. Наказ же от руки я с членом организации Елабеевым уничтожила. Я точно сообщила, когда и куда пойдут солдаты... Состав фракции был почти полностью, часть ее была предупреждена, но большинство не знало о приходе солдат и было смущено и даже, увидев солдат, перепугалось. Когда солдаты прочли наказ, то Озоль взял его и сказал: «Вы идите, дабы не возбуждать подозрения, а мы вас поддержим». Как только успели выйти, то прошло не более 5 минут, как явилась полиция. Наказ остался в портфеле у Озоля, которого полиция не обыскала, так как Озоль указал на свою неприкосновенность. В обвинительном акте фигурирует не этот наказ, а второй экземпляр, переданный мною подполковнику Еленскому» [2])

Шорникова напомнила — и очень некстати — о крайне неудобном для правительства казусе. Оставляя в стороне моменты, связанные с материальным и юридическим положением Шорниковой, укажем только на то, какое впечатление произвела на правительственную верхушку возможность огласки и разоблачения истинной подкладки «заговора» с.-д. фракции. Было созвано экстренное заседание Совета министров. Кривошеин, — рассказывает Белецкий, — схватился за голову. Такое же впечатление произведо сообщение о подвигах департамента полиции по организации «заговора» на Сазонова. Коковцов — уж на что бывалый человек, отлично знавший меру подлостей правительственного аппарата — и тот был растерян. По словам Белецкого, «оглашение этого дела давало богатый материал не только для запроса, но и для скандала для правительства» [3]).

Н. А. Маклаков (министр) показывал, что «... возбуждение дела поднимало тот вопрос, о котором члены Совета министров полагали, что он обострил бы общую атмосферу» [4]), так как выяснилось бы, что в центре «дела» стоял провокатор.

---

[1]) Текст его опубликован в «Красном архиве», т. XVI, стр. 78—80.

[2]) «Падение царского режима», т. V, стр. 96—97. См. также «Красный архив» т. XVI, стр. 95.

[3]) «Падение царского режима», т. III, стр. 412.

[4]) Там же, стр. 120.

Опыт с Азефом стоил дорого самодержавию, и повторять его снова означало бы итти на всемирный скандал и позорище.

Выход был подсказан Щегловитовым, который заявил, что с помощью своего ведомства (т. е. министерства юстиции) и Сената он берется провести дело так, чтобы процесс (фиктивный — над Шорниковой) «прошел бы в самом желательном духе». Режиссер процесса Бейлиса был вполне уверен в необходимых качествах своего судейского ансамбля.

На втором заседании Щегловитов докладывал, как будет организована судебная комедия.

Насколько грубая подделка и здесь выступала наружу, можно судить по тому, что писала «приличная» буржуазная газета «Vossische Zeitung» в номере от 10 октября 1913 г. по поводу сенатского решения о деле Шорниковой: «Сенат в Петербурге признал легальность и безнаказанность самого подлого провокаторства. Это дело доказывает отсутствие всяких оснований для процесса по обвинению в государственной измене социал демократической партии второй Думы».

Поучительные страницы из истории русского «парламентаризма».

И. Татаров.

Из записок председателя II Госуд. Думы Ф. А. Головина [1]).

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ.

1 июня.

Давно ожидавшаяся гроза грянула. Началась предсмертная агония Думы.

Утром, перед началом заседания, по приезде моем в Таврический дворец, я получил письмо Столыпина, написанное им собственноручно и помеченное внизу письма 31-м мая, а вверху слева, где напечатано: «Записка для памяти от председателя Совета министров министра внутренних дел», 1-м июня 1907 г. Письмо было следующего содержания:

«Милостивый государь
Федор Александрович.

Имея сделать Государственной Думе заявление, нетерпящее отлагательства, покорнейше прошу вас не отказать предоставить мне слово в начале заседания, причем на основании ст. 44 учр. Гос. Думы, прошу закрыть заседание для публики.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин».

[1]) Особый отдел Московского Центр. Исторического Архива.

Я тотчас же сделал распоряжение об удалении публики, которая стала уже собираться на хорах, и о прекращении впуска новой.

Среди членов Думы поднялась тревога. Левые, особенно с.-д., предчувствуя, вероятно, что что-то замышляется правительством против них, были встревожены более всех других. Ко мне в кабинет заходили некоторые из членов Думы с вопросом, не знаю ли я, что за сообщение собирается сделать Столыпин. Удовлетворить их естественное любопытство я не мог. Я показывал им приведенное письмо Столыпина и заявил, что кроме этого письма я более ничего не знаю. Очень беспокоился с.-д. Салтыков, один из товарищей секретаря Думы. Из его слов я предположил, что с.-д. подозревают, что дело идет о привлечении их к суду. Правые, — так мне казалось, — знают, в чем дело, и ликуют. Во всяком случае, кроме догадок, мне ничего верного не было сообщено. С очень тяжелым чувством от ожидания неизвестного, но, вероятно, плохого сюрприза, я пошел открывать заседание под звон всегда раздражавшего меня призывного звонка, трещавшего во всех помещениях дворца, кроме зала заседаний. Войдя в последний за колонны, я встретил там Столыпина. Здороваясь со мною, он и тут не счел нужным предупредить меня, о чем будет речь, а лишь подтвердил просьбу о предоставлении ему слова в самом начале заседания. Ходил, между прочим, довольно упорно слух, будто Столыпин собирается прочесть указ о роспуске Думы. Я поздоровался с ним холодно и тотчас же взошел на председательское место, чтобы открыть заседание. Члены Думы быстро наполнили зал, и водворилась тишина нервного ожидания. Открывая заседание, я доложил, что председатель Совета министров мне заявил о своем желании сделать срочное заявление Думе и что, согласно ст. 44 учр. Госуд. Думы, я назначаю заседание закрытым, по заявлению председателя Совета министров.

На трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина, с бледным лицом, темною бородою, кроваво-красными губами. Своим металлическим голосом он доложил Думе, что прокурор Петербургской судебной палаты доложит решение судебного следователя о привлечении некоторых членов Думы к суду. За ним поднялся на кафедру прокурор Петербургской судебной палаты Камышанский и прочитал печатное постановление судебного следователя, тут же розданное членам Думы, о привлечении 55 членов Думы к следствию, а также поднимал вопрос об устранении их из состава Думы.

Чтение этого постановления продолжалось долго. По окончании его я прений по существу вопроса не допустил, заявив, что на основании § 96 наказа ни одно дело, на повестку не поставленное, не может

рассматриваться по существу в том же заседании и лишь может обсуждаться вопрос о дальнейшем направлении дела.

Заседание тянулось с небольшим перерывом на обед, до $12^1/_2$ час. ночи. Требование судебного следователя было передано особой комиссии, которая должна была рассмотреть все данные, на основании которых было предъявлено обвинение, и представить свое соображение Думе.

В день роспуска Думы, 3 июня, перед отъездом моим в Москву, я обедал в ресторане Кюба вместе с членом этой комиссии В. Д. Кузьминым-Караваевым. Он мне передал, что комиссия затребовала подлинное дело обвиняемых членов Думы и нашла, что главный документ обвинения, лоскут бумаги, найденный во время обыска на полу в квартире депутата Озоля, имеет надпись не ту, какая значится в акте судебного следователя. В этом акте указано, будто на этой бумаге было написано: «Переслать в военную организацию». Между тем на подлиннике была надпись: «Переслать в В. О.» По объяснению членов с.-д. фракции, эта надпись должна быть читаема так: «Переслать в Виленский отдел». Причем в подтверждение этого утверждения указывали, что эта бумага находилась в конверте, адресованном в г. Вильно. Когда Камышанскому была показана эта подлинная бумага и указано, что дешифрирование судебным следователем этой сокращенной фразы является не только произвольным, но и недопустимым для следователя деянием, именуемым подлогом, Камышанский был очень смущен. Этот казус, весьма компрометирующий судебную власть, случился 2 июня, а третьего Дума была распущена.

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕ.

2 июня.

Последнее заседание второй Госуд. Думы, полное тревожных предчувствий близкого ее конца.

Началось заседание покойно и деловито, как будто все идет своим чередом и Думе ничего не грозит. Совершенно покойно прошли срочные текущие дела. Был оглашен длинный список поступивших в Думу от разных министерств законопроектов. Но тотчас по окончании этих дел по вопросу о порядке дня попросил слово социалист-революционер Горбунов и предложил сделать перерыв на полтора часа «для обсуждения тех вопросов, которыми в данное время заняты фракции и которых обсудить они еще не успели». Это предложение было поддержано социал-демократами и народно-социалистами.

Дума постановила сделать перерыв на один час.

Я пошел в кабинет председателя. В этот день я был не совсем здоров. Пришедшим ко мне в кабинет нескольким членам фракции

к.-д. я сообщил, что собираюсь по нездоровью передать председательствование Н. Н. Познанскому, но они очень просили меня этого не делать, предупреждая, что в этом заседании можно ожидать осложнений со стороны левых. Пришлось согласиться и провести все заседание самому.

По возобновлении заседания Дума перешла к продолжению обсуждения основных положений законопроекта о местном суде. Трибуну занял очередной оратор Венславский.

По окончании его речи я доложил, что за подписью 31 члена Думы поступило предложение о прекращении прений о местном суде.

Против этого предложения высказался к.-д. кн. Долгоруков. «Фракция, к которой я имею честь принадлежать, — заявил этот оратор, — считает нужным те законоположения, которых страна ждет с таким нетерпением, а именно — законоположения по местному суду и самоуправлению, обсуждать возможно подробно и совершенно спокойно, вплоть до летних вакаций или до того момента, когда мы будем лишены физической возможности работать. Пусть вся страна видит, что мы в Думе стремились заниматься законодательной работой по жизненным для нее вопросам. Мы будем до последней минуты, не взирая ни на что, спокойно, в сознании долга и ответственности, работать над тем, для чего сюда посланы — для созидательной законодательной работы»...

Предложение о прекращении прений было Думою отклонено.

Слово было предоставлено следующему очередному оратору по обсуждавшемуся законопроекту о реформе местного суда. Однако по окончании его речи мне снова пришлось докладывать Думе о двух новых предложениях, одно о полном прекращении прений по обсуждаемому вопросу, другое о сокращении времени речей до 10 минут.

На трибуну вошел соц.-дем. Церетели. «Я мотивирую предложение о прекращении прений тем, что в настоящую минуту перед нами стоит вопрос о государственном перевороте», — говорил Церетели. Предлагая перейти к вопросу о бюджете, с целью, конечно, отвержения бюджета, а также к вопросу об отмене изданных правительством по 87 ст. законов, Церетели закончил свою речь словами: «Руководствуясь не формальными соображениями о наказе, а соображениями по существу, соображениями о благе народа, которыми Дума обязана руководиться, ибо она послана сюда народом, мы предлагаем поставить на обсуждение те вопросы, которые могут показать народу, на какой почве создается конфликт и подготовляется государственный переворот этих заговорщиков» (жест вправо).

Несомненно, предложение Церетели о переходе к обсуждению вопросов о законопроекте, на повестку не поставленных, было бы

явным нарушением наказа и закона, требующего уведомления министров о дне, назначенном для обсуждения законопроектов. Если бы Дума вняла призыву Церетели и отменила все изданные по 87 ст. законы, то такое постановление Думы не имело бы законной силы, как сделанное с нарушением установленного законом порядка обсуждения законопроектов.

«Кроме того, что поставлено на повестку, ничего иного к обсуждению допущено не будет»,—категорически заявил я на слова Церетели.

Против предложения Церетели от имени партии народной свободы выступил В. Гессен. «То, что нам предлагается, — говорил Гессен, — носит характер решительно антиконституционный... Конституционно-демократическая партия всегда стремилась оставаться на строго конституционной почве и действовать в рамках существующих законов, стараясь использовать на благо народа те права, которые принадлежат по закону Госуд. Думе, и с этой почвы конституционно-демократическая партия в настоящее время, при серьезных условиях, переживаемых Думой и страной, не сойдет, ибо, по глубокому нашему убеждению, в укреплении, а не в колебании конституционного строя заключается единственное спасение страны».

Дума отклонила предложение о полном прекращении прений, а также и предложение о сокращении времени речей до 10 минут.

Едва высказались два оратора в пределах менее даже чем десятиминутных речей, как поступило новое предложение о полном прекращении прений. Так как в наказе нет ограничений для подачи подобных предложений хоть после каждого оратора, я должен был доложить Думе и дать слово ораторам за и против этого предложения.

За предложение говорил с.-р. Архангельский. Указав на то, что настоящий момент требует от членов Думы полного самообладания, ибо Дума накануне государственного переворота, Архангельский призывал членов Думы выполнить свой долг перед населением и перейти к обсуждению вопросов, ранее перечисленных с трибуны Думы, «не смущаясь теми формами наказа, которых нам предлагают держаться».

Против предложения говорил к.-д. Аджемов. «Мы всегда говорили, что только на почве права мы имеем возможность вести борьбу за настоящее народное право, — говорил этот оратор, — и если нам говорят, что готовится переворот, если этот переворот явится контр-революционным актом и будет низвержением того строя, который существует, то мы не должны становиться на ту же почву. Мы будем продолжать ту же работу, работу созидания права на основании конституционных начал, и если мы будем стоять на этой позиции, то

вся вина за этот переворот ляжет на их головы (жест на ложу министров). История их осудит, осудит их и народ».

Дума вновь отклонила предложение о прекращении прений.

К.-д. Аджемов, как очередной оратор, продолжал речь по вопросу о местном суде. Заканчивая свою речь, Аджемов коснулся вопроса злобы дня. Он находил, что Дума, приступив к работе над реформою местного суда, тем самым подняла и укрепила авторитет Думы в глазах народа, но это же самое обстоятельство явилось причиной, что над нею «темные тучи реакции собрались с особенною силой».

После речи Аджемова поступило новое предложение о полном прекращении прений.

Для мотивировки этого предложения выступил народно-социалист Волк-Карачевский. Его маленькая речь была полна пессимизма. Дума ничего до сих пор не сделала, так сделаемте, что успеем, в те несколько часов, которые остались в нашем распоряжении. Вот ее главная часть в подлиннике: «Я считаю, что раз мы знаем и большинство из нас твердо уверено, что мы умираем, — умереть мы должны так, чтобы эта смерть отозвалась на всем народе, чтобы она отозвалась на будущих поколениях. Господа, мы сидим здесь три месяца. Что мы дали стране? И теперь, когда мы уходим, мы должны сказать, что в тот момент, когда мы почувствовали, что мы умираем, мы до конца исполнили свой долг; мы постараемся восполнить то время, которое мы провели даром, и сделаем что-нибудь такое, что действительно принесет пользу народу».

И снова Дума отклонила предложение о прекращении прений и перешла к очередным делам, обсуждаемым перед окончанием заседания.

К.-д. Кизеветтер, председатель комиссии для рассмотрения постановления судебного следователя о привлечении к суду 55 членов Думы, доложил, что она работ своих к вечернему заседанию не закончит, и просил Думу отложить заслушание доклада комиссии до понедельника 4 июня. Тут же он указал, что комиссия приступила к непосредственному рассмотрению делопроизводства, на котором основан доклад судебного следователя, и что рассмотрению этого материала комиссия придает чрезвычайно важное значение.

Я уже упомянул, что это был за материал. Вынести его на думскую трибуну правительство не могло, конечно, допустить. Ему оставалось одно средство — распустить Думу, что и было исполнено, как известно, в ту же ночь со 2-го на 3-ье июня.

Соц.-дем. Церетели внес предложение о назначении вечернего заседания для обсуждения законопроектов, внесенных по 87 ст., и вопроса о бюджете.

На предложение Церетели я заявил так: «Так как вопрос, который вы подняли, есть обсуждение законопроектов, внесенных по 87 статье, то я должен сказать, что они могут быть заслушаны не ранее, как через три дня после уведомления министров. Очевидно, по закону вопрос не может обсуждаться сегодня. Кроме того, внесено предложение назначить к слушанию сегодня в вечернем заседании доклад бюджетной комиссии по вопросу о порядке внесения в Думу докладов по рассмотрению государственной росписи. Этот вопрос на вечернем заседании может быть заслушан. Но должен предупредить тех членов Госуд. Думы, которые предполагают по этому поводу говорить вообще о бюджете, что таковое обсуждение может быть не ранее, как он будет внесен в Госуд. Думу бюджетной комиссией. Так надлежит по наказу. Пока же комиссия внесла только доклад о порядке обсуждения бюджета, и только в пределах этого вопроса могут быть суждения».

Дума отклонила предложение о вечернем заседании. Доложив затем Думе о поступивших делах, я объявил, что на понедельник назначено закрытое заседание для заслушания и обсуждения доклада комиссии 22 по представлению министра юстиции от 1 июня 1907 г.

Заседание было закрыто в 5 ч. 59 м. пополудни.

Но в понедельник нам не суждено было вернуться в здание Таврического дворца.

На следующий после описанного заседания день я встал довольно поздно, так как в Думу не спешил ввиду праздничного дня (было воскресенье). Когда я пил утренний кофе один, ко мне пришел один из сотрудников какой-то газеты, не помню, какой. Я несколько был удивлен, так как сотрудники газет знали, что я уклоняюсь от бесед с ними, опасаясь каким-либо неосторожным словом или не совсем правильной передачей ими моих слов вызвать какое-либо осложнение в тяжелое и без того положение Думы и ее председателя. Однако я пригласил его сесть и приготовился выслушать его вопросы. Он начал говорить о настоящем политическом моменте, характеризуя его как предвестник сильной реакции. Так как отношение к Думе со стороны правительства было крайне отрицательное, роспуск Думы ожидался с часу на час, я в его словах не нашел ничего неожиданного и слушал его молча.

«Как вы думаете, Федор Александрович, какова будет новая Дума? Что даст новый избирательный закон? Вы его прочли?»

«Какой избирательный закон? Разве Дума распущена и издан новый избирательный закон?» — спросил я собеседника.

Тут только я узнал, что манифест о роспуске Думы уже объявлен, а с ним вместе и новый избирательный закон, изданный в нарушение

основных законов, знаменитый закон 3 июня, давший России Думу третьего созыва, во главе которой стоял прислужник П. А. Столыпина А. И. Гучков!

Почти в тот же момент мне подали конверт из какого-то министерства, — кажется, торговли, — с надписью «Председателю Гос. Думы». Так как в это время Думы уже не было, не было и ее председателя, я, не вскрывая конверта, написал обратный адрес министерства и отдал посланному.

Немедленно я поехал в помещение к.-д. фракции. Там я застал спокойствие. На мой вопрос, не собираются ли в Выборг или еще куда, и что вообще намереваются делать бывшие члены Думы, мне заявили, что решено принять совершившееся вполне спокойно и разъехаться по домам.

В тот же день вечером я уехал в Москву. Тяжело, конечно, было сознание, что Дума оказалась не в силах принести какую-либо существенную пользу народу, но было, по крайней мере, чувство облегчения от сознания, что Дума не сделала ни одного жеста, который мог бы дать повод обвинить ее в нарушении конституции и тем оправдать возврат к старому, доконституционному порядку.

Протокол заседания фракции партии народной свободы 2 июня 1907 г.

В а с и л ь е в. Уступчивость партии казалась мне невозможной. Исключение целой политической фракции — это уже начало переворота. Даже 2—3 нельзя выбросить, нельзя забывать заслуг пролетариата перед конституцией.

Ш м а р и н. Нет разницы между 1 и 55. Постановление о привлечении — дрянная бумажка. Правительство рассчитывает сделать Думу орудием для борьбы с крамолой.

Б у л г а к о в. Современное положение — гнойник. Действовали два яда: правительственный и революционный яд с.-д. Задача момента — высказать точку зрения партии, не потворствующей революции, заговору против народного представительства. Нельзя прикрывать грехи с.-д. Во всяком случае, мы должны принять формулу перехода, в которой сказать наше «credo». $^2/_3$ нашей энергии уходило на борьбу с товарищами слева. Путь роспуска, который избрало правительство, опять отбрасывает нас влево. Это выгодно правительству, оно превращает всех в своих врагов. Не находя возможным выдачу, признаем... [1])

К о р н и л о в. Если можно выдать кого-нибудь, то можно выдать и всех. Нельзя обсуждать выдачу комитета, потому что их 2.

[1]) Так в подлиннике.

Весь документ компрометирует всю фракцию не с юридической, а с политической точки зрения. Следовало бы указать, что законодатели не должны быть заговорщиками. Равнения налево не убежишь, но это не оставит глубоких следов. В Думе ничего, кроме отказа в выдаче тех, против кого не обосновано обвинение, ничего нельзя будет сделать.

Милюков. Если у нас выбьют из рук единственный наш оазис — законность, тогда посмотрим. Мы не допускаем объединения заговора и законодательной деятельности. Поэтому мы не прикрываем преступления, но правительство само сделало ошибку, перейдя на политическую точку зрения, на борьбу с политическим направлением. Выдать фракцию мы не можем. Мы отказались от политической точки зрения, выбрав комиссию, и перешли на юридическую. Дума, оберегая идею представительства, должна рассмотреть вопрос по существу и поставить предел свободы борьбы правительства с с.-д., как таковыми. Зачинщиков необходимо выдать.

Бардиж. Борьба за идею представительства должна продолжаться в будущем. Значит, остается и политическое значение момента. Правительство — постоянный враг представительства. Сил для этой борьбы мало, мы должны их усилить. Поэтому, если не выдадим никого, мы себя дискредитируем и убьем идею народного представительства в стране. Нельзя выдать фракцию огулом, но виновных нужно выдать.

Татаринов. Вчера как будто бы мы сговорились, что факт будем обсуждать по существу. Но Васильев и Шмарин переносят факт в область политической борьбы. С этим я не могу согласиться. Я не могу согласиться и с П. Н. Милюковым. Роспуск последует неизбежно, и наше положение будет иметь политическое значение. Мы должны на это реагировать и доказать, что и в Думе и вне ее наши действия одни и те же. Мы должны указать, что путь действий с.-д. вреден. Уличенных комиссией мы должны выдать и определенно сказать, как мы смотрим на такие выступления, сказать так, как полагает Булгаков.

Могилянский. Надо устранить некоторые аргументы, как такой, что Дума все равно будет распущена. Мы признаем наличность положения, когда нероспуск Думы хуже роспуска. Никого не выдавать — значит покрыть преступление. Всякое решение трудно сейчас, но испытание надо превозмочь. Надо отбросить сомнения, и в отношении лиц, обвинение против которых доказано, допустить выдачу.

Смирнов. Если бы мы имели конституцию, мы могли бы обсуждать факт, как факт, и выдать виновных. Но так как у нас только видимость конституции, то мы не можем никого выдать; нельзя выдать одного преступника другому.

Петражицкий. Дело не о выдаче преступника преступнику, а о выдаче конституционной свободы. У нас силы нет.

Милюков. Я хочу защититься от подозрений Татаринова. Что будет вне Думы, посмотрим. Мы должны беречь себя как конституционная партия, но то, что мы получили, мы получили не конституционным путем. Стало быть, надо знать, что кроме нас есть и другие политические партии, которые сделают то, что мы не захотим сделать. Я не хотел бы, чтобы то, что называется конституционным кретинизмом, было запечатлено в каком-нибудь документе. Мы защищаем Думу и выдаем виновных.

Председатель. Стоять ли на политической или на юридической точке зрения, т. е. никого не выдавать или выдать виновных?

Большинством всех против 8 решено выдать тех, фактическое участие которых в заговоре было бы установлено.

Председатель. Нужно ли выработать формулу, излагающую взгляд партии на момент?

Милюков. Вчера я желал, чтобы было сделано партийное заявление. Тогда констатировалось резкое различие мнений. Одно из крайних было мнение С. Н. Булгакова. Эта декларация не соответствует средней линии всей партии. Такой документ затруднил бы положение нашей партии. Было бы и желательно выработать декларацию, но думская невозможна, а на партийную не будет времени.

Петражицкий. Я — против жизни от дня до дня, но смысл решения огромного большинства ясен. Если мы признали, что решительного ответа нет, если партии не выдаем, но есть повод виновных выдать, смысл нашего постановления несомненен. Стало быть, исключена и необходимость партийной декларации.

Стахович. Я не согласен с Милюковым. Многие разделяют взгляд Булгакова. Человек без сердца не может быть, и партия без credo не может существовать.

Булгаков. Я не должен вносить ответственных предложений в такой важнейший момент. Перед нами забота не о партии, а о стране. Нас не поймут в широких массах, если мы никого не выдаем. При выполнении принятого решения мы можем оставаться непонятыми.

Аджемов. Если комиссия вынесет положение никого не выдавать, нужно бы мотивировать свое положение.

Набоков. Я полагаю, что комиссия будет бессильна установить индивидуальную виновность. Или всех выдаст или никого. Если комиссия и Дума откажут, тогда нужно сказать, что правительство — провокатор. Значит, нужно обсудить и действия после роспуска.

Милюков. Фракция не должна предрешать действия партии. Предложение Булгакова есть только материал для комиссии, которую следует избрать, если придется написать партийное заявление. Передвигать партию вправо трудно.

Председатель. Надо еще решить, должна ли комиссия затянуть работу.

Булгаков. Мы уже забрали вправо. Но если комиссия откажет в выдаче всех, надо ясно объяснить положение.

Должна ли комиссия затягивать?

Председатель. Не затягивать, но работу серьезную по существу продолжать, пока не будет сделан окончательный вывод.

Принято.

Председатель. Нужна ли декларация в Думе?

Не нужно.

Журнал № 1 заседания комиссии Государственной Думы по рассмотрению постановления министра юстиции от 1 июня 1907 года за № 290.

1907 г. июня 2 дня заседание открыто в 11 часов 40 минут утра; закрыто в 12 час. — мин. ночи.

Присутствовали: председатель комиссии А. А. Кизеветтер, секретарь комиссии Ф. Хан-Хойский, члены комиссии, поименованные в приложенном к настоящему журналу списке[1]), в числе 22; кроме того, в собрании присутствовали члены Государственной Думы А. А. Стахович, К. К. Черносвитов, М. В. Челноков[2]), В. А. Харламов, В. П. Успенский[3]), С. Н. Булгаков, М. А. Стахович, Кушников и некоторые другие, а с 4 часов дня до 11 ч. 40 м. ночи прокурор С.-Петербургской судебной палаты Камышанский.

По открытии заседания старейшим из членов комиссии А. И. Парчевским было приступлено к избранию председателя комиссии. При подсчете записок оказалось за А. А. Кизеветтера — 12, за В. Н. Тесленко — 6 и за А. И. Парчевского — 1. Секретарем комиссии было предложено избрать Ф. Хан-Хойского, что и было принято комиссией единогласно.

---

[1]) Список в деле отсутствует. В закрытом заседании Госуд. Думы в пятницу 1 июня 1907 г. избраны были: 1) Маклаков, 2) Кизеветтер, 3) Тесленко, 4) Гессен, 5) Пергамент, 6) Араканцев, 7) Петровский, 8) Коныц, 9) Березин, 10) Парчевский, 11) Кутлер, 12) Карташев, 13) Булат, 14) Струве, 15) Хан-Хойский, 16) Сайко, 17) Караваев, 18) Демьянов, 19) Кузьмин-Караваев, 20) Деларов, 21) Ширский, 22) Тигранян.

[2]) Секретарь Госуд. Думы.

[3]) Харламов и Успенский — тов. секретаря Госуд. Думы.

Председатель предложил обсудить вопрос о порядке занятий.

Демьянов. Необходимо сохранить подробности заседания и с этою целью пригласить стенографов для записи происходящего в комиссии.

Ширский. Можно ограничиться приглашением трех лиц законодательного отдела, которые, под руководством секретаря комиссии, достаточно подробно запишут сущность прений.

Предложение Ширского принято.

Тесленко. Необходимо изучить подробно постановление судебного следователя о привлечении 55 членов Государственной Думы в качестве обвиняемых. При этом следует разрешить вопросы: 1) нужно ли истребовать документы, на которые имеются ссылки в постановлении судебного следователя; 2) нужно ли допросить привлекаемых и 3) представляется ли необходимым пригласить для объяснений представителя министерства юстиции? Засим, покончив с фактической стороной дела, вопрос о привлечении 55 членов Государственной Думы необходимо будет решить в отсутствии как привлекаемых, так и представителей министерств.

Карташев. Возможно обойтись без громоздких и ненужных подробностей и разрешить вопрос в пределах предъявленного постановления.

Пергамент. Нужно разрешить вопрос о пределах компетенции комиссии: будет ли комиссия добывать новые материалы или отнесется формально, ограничившись проверкой постановления судебного следователя?

Тесленко. Изучение должно предшествовать всему; сейчас, прежде обмена мнениями, нужно познакомиться с делом; при ознакомлении выяснится, представляется ли необходимым истребование новых документов или нет.

Петровский. Согласен с Тесленко; изучение документа, если даже признать все изложенное в нем доказанным, не может привести к заключению, что социал-демократическая фракция совершила деяние, предусмотренное 102 ст. уголовного уложения.

Булат. Согласен с мнением Петровского.

Кузьмин-Караваев. Также согласен с мнением Петровского.

Тигранян. Нужно прочесть постановление; но прежде всего мы должны определить, в чем заключается наша работа; мы не судебное учреждение; если же наша работа не судебная, то какая же она? Надо познакомиться с постановлением. Мы должны знать, в чем обвиняют; когда мы узнаем, в чем обвиняют, то вопрос о том, может ли Дума карать, мы должны решить с политической точки зрения;

не вопрос о доказанности обвинения стоит перед нами, но вопрос об обвинении самом по себе; если бы это обвинение оказалось даже доказанным, то дальше нам все-таки предстоит выяснить вопрос о совместимости обвинения с званием депутата, а потом уже обсуждать обвинение по существу.

Демьянов. В первую очередь нужно прочесть постановление. Сначала надо оценить политическую точку зрения, но не оставлять без внимания и судебную сторону, остановившись на ней подробно: это желание многих членов Думы. Мы не следственная власть, но мы должны посмотреть, соответствует ли этот материал требованию ареста и изгнания. Эту часть нашей работы надо расширить. Мы можем дискредитировать постановление, если обвиняемые докажут, что оно ложно; например, наказ войск; если Озоль скажет, что он подброшен, то это может иметь значение. Необходимо установить соответствие фактического материала постановления с его финалом; проверить фактический материал мы должны. Таким образом, нам предстоит решить два вопроса: 1) возможно ли вообще допускать, чтобы предъявлялись такие требования, и во 2) обсудить юридическую сторону этого дела.

Березин. [1]) За недостатком времени расширять круг исследования прямо вредно; нужно ознакомиться с постановлением следователя.

Ширский. По существу рассматривать обвинение в смысле доказанности его невозможно; средств для проверки нет. Государственная Дума, когда передавала вопрос на наше рассмотрение, определенно подчеркнула, что вопрос должен быть рассмотрен с политической и моральной точки зрения. Иначе рассматривать мы не можем.

Председатель. Все согласны, что нужно прочесть постановление. Затем следующий вопрос: надо ли требовать каких-либо дополнений?

Кузьмин-Караваев. Нужно потребовать из канцелярии и прочесть представление министра юстиции, ввиду несоответствия его с постановлением судебного следователя.

Пергамент Читает представление министра юстиции от 1 июня 1907 года за № 290.

Кузьмин-Караваев. Нет обязательной связи между привлечением в качестве обвиняемого и устранением из Думы. Для привлечения к следствию не нужно устранять из Думы. Министр юстиции идет дальше судебного следователя.

Тесленко. Следователь, привлекая, не заботится о том, кого он привлекает. Заботиться об устранении из Думы должен ми-

[1]) Тов. председ. Госуд. Думы, трудовик.

нистр юстиции. Следователь упоминает в постановлении 16 ст. учр. Госуд. Думы, [1]) потому что лишь на основании этой статьи могут быть взяты под стражу 16 [2]) членов Государственной Думы.

Кузьмин-Караваев. Имеет ли министр юстиции право инициативы в вопросе об устранении членов Государственной Думы? Государственная Дума принимает участие в разрешении вопроса о лишении членов Думы свободы, устранение же депутатов может последовать лишь по инициативе самой Думы.

Гессен И. Тесленко неправильно сказал, что следователю нет дела до того, кого он привлекает; сталкиваясь с тем, что привлекаются члены Государственной Думы, следователь, для лишения их свободы на основании 16 ст. учр. Гос. Думы, обращается к министру юстиции, а министр юстиции доводит до сведения Государственной Думы. Дума же держится той точки зрения, которая была ею выражена несколько раз. Министр юстиции был вправе сказать, что это — дело государственной важности.

Маклаков. Согласен с Кузьминым-Караваевым. Постановление следователя есть формальная неправильность. Устраняемые члены Государственной Думы пользуются ли иммунитетом? Если не пользуются, то зачем ссылка на 16 ст.? Тогда довольно было бы их устранить и затем взять под стражу на общем основании; если же они пользуются иммунитетом, то постановление следователя некорректно. Министр юстиции вправе обращаться к нам с указанием, что нужно арестовать и что он просит решить этот вопрос скорее. Но если говорить об устранении, то вопрос об этом есть наше домашнее дело; он не связан со следствием; здесь мы юстиции не помогаем. Не знаю, какой мы можем сделать из этого вывод, но некоторое несоответствие между представлением министра юстиции и законом, несомненно, налицо.

Пергамент. Нам надо разрешить следующие вопросы: 1) надо установить, что нет связи между требованием об устранении и судебным следствием; 2) решить вопрос о выдаче 16 лиц; 3) Кузьмин-Караваев и Маклаков не правы; первая стычка с правительством была

---

[1]) Текст 16 статьи: «Для лишения свободы члена Г. Д. во время ее сессии должно быть испрошено предварительное разрешение Думы, кроме случая привлечения члена Думы к ответственности в порядке, указанном в ст. 22, равно как случая задержания при самом совершении преступного деяния, и на следующий день».

[2]) И. Г. Церетели, 2) И. И. Кириенко, 3) А. Л. Джапаридзе, 4) В. И. Митров, 5) Г. А. Алексинский, 6) И. П. Озоль, 7) С. Н. Салтыков, 8) Н. В. Комарь, 9) Г. Е. Белоусов, 10) П. А. Аникин, 11) Л. Ф. Герус, 12) В. Б. Ломтатидзе, 13) В. А. Анисимов, 14) В. М. Серов, 15) А. К. Виноградов, 16) И. А. Лопаткин.

именно на вопросе об устранении. Влечет ли за собой статья 20 [1]) отмену неприкосновенности? Конечно, нет. Ст. 16 здесь сопоставлялась со ст. 20; вопрос о соотношении между устранением и задержанием не подлежит нашему разрешению. Нам предъявлено два требования: 1) об аресте 16 человек, 2) об устранении 39; можно одно принять, другое отвергнуть; генерал-прокурор в полном праве предлагать применение 20 и 21 ст. ст., но дальше это — компетенция Думы; два этих требования ни в какой связи не состоят.

Кизеветтер. Читает представление министра юстиции от 1 июня 1907 г. за № 290. Таким образом, требование состоит: 1) в безотлагательном согласии на арест и 2) в решении вопроса об устранении; первый министр [2]) указывает лишь на необходимость разрешить немедленно эти вопросы.

Демьянов. Согласен с Кузьминым-Караваевым и Маклаковым. Министр превысил бы свою власть, если бы требовал устранения членов Думы, но он этого не сделал; есть намек, что вопрос должен быть разрешен в известном смысле, но нам нельзя становиться на почву намека; это очень шаткая почва. Надо отметить то, что прочел Столыпин: если вы не разрешите, то это вызовет чрезвычайные последствия.

(Говорят несколько членов комиссии сразу. Нельзя разобрать.)

Гессен И. Если Маклаков согласен, что в речи Столыпина заключается требование, то ведь он уже говорил, что между требованиями на словах и на бумаге разницы нет.

Маклаков. Мнение министра, что устранение необходимо в интересах следствия, представляется неправильным.

Гессен И. Необходимо разрешить вопрос о связи между устранением и следствием. Нельзя упускать из вида, что устранение требуется не на всю сессию, что устраняемые лишаются только права участия в заседаниях, но не теряют неприкосновенности.

Карташев. Надо начать чтение документов.

Тесленко. Факт тот, что наши товарищи привлечены к следствию, а в какой форме написана министерская бумага, это безразлично. Говорить по формальному вопросу имело бы смысл, если бы мы отказывались от обсуждения дела по существу.

---

[1]) Текст 20 статьи: «Член Госуд. Думы временно устраняется от участия в собраниях в случае: а) привлечения к следствию или суду по обвинению в преступных деяниях, означенных в пункте а, стр. 7 Положения о выборах в Думу или влекущих за собою отрешение от должности, и б) объявления несостоятельным должником — впредь до определения свойства несостоятельности».

[2]) Т.-е., председатель Совета министров П. А. Столыпин.

Булат. Требование министра бестактно. О 16 привлекаемых вопрос нужно разрешить немедленно; относительно остальных быстроты не требуется.

Кузьмин-Караваев. Вопрос имеет не только академическое, но и практическое значение. Государственная Дума имеет право оставить требование министра юстиции без ответа. Ст. 16 говорит о распоряжении судебной власти: министр юстиции власть административная. Министр юстиции в своем представлении идет дальше судебного следователя, т. е. дальше того, что требуется в интересах судебного следствия. Судебный следователь упоминает в своем постановлении только о 16 лицах; если бы он считал нужным упомянуть о всех 55, то он так бы и сделал, а министр юстиции прибавляет еще 39. Согласен с Булатом, что это два разных вопроса: о 16 депутатах нужно решить сейчас, а об остальных следователь никакого вопроса не возбуждает.

Председатель. Предложение Кузьмина-Караваева вполне конкретно; оно касается разделения вопроса. Угодно ли комиссии принять предложение Кузьмина-Караваева?

Кузьмин-Караваев. Я не настаиваю сейчас на моем предложении. Сначала нужно прочесть постановление; оно естественным образом делится на несколько частей: 1) — до конца страницы 6, 2) — до 14, 3) — до резолютивной части и 4) — резолюция.

Председатель. Следует прочесть все сплошь. (Читает заявление председателя Совета министров, сделанное в заседании Государственной Думы 1 июня 1907 г.)

Секретарь. Читает постановление судебного следователя.

Чтение постановления закончено в 1 ч. 40 мин. дня.

Председатель. Не угодно ли высказаться о порядке обсуждения?

Предложено назначить перерыв.

Предложение принято, и объявлен перерыв заседания на 30 минут.

Заседание возобновилось в 2 ч. 45 мин.

Тесленко. Следует установить порядок последующего рассмотрения: нужно ли ознакомиться с подлинными документами и опросить привлекаемых лиц? По моему мнению, ни того, ни другого не нужно делать.

Струве. Необходимо, для ознакомления с фактической стороной дела, пригласить прокурора судебной палаты и министра юстиции.

Коницц. Согласен с Тесленко, мы не судебная комиссия; для нас постановление судебного следователя — единственный мате-

риал. Прокурор и министр повторят то, что сказано в постановлении следователя. Если бы мы стали делать больше, мы вышли бы из поставленных нам границ.

Пергамент. Никаких других данных нам не нужно; истребование подлинных актов не есть расширение полномочий комиссии: это только поверка извлечений. Опрос привлекаемых лиц не нужен. Равным образом, не нужно приглашать министра юстиции и прокурора, но против этого, впрочем, я не возражаю.

Гессен И. Предрешать возбужденный вопрос не следует; может быть, придется опросить привлекаемых; когда, например, мы дойдем до надписи: «Передать в военную организацию», то, конечно, следует спросить, была ли надпись и кто ее сделал. Зачем нам нужен сейчас прокурор и министр юстиции?

Кузьмин-Караваев. Допрос привлекаемых может оказаться нужным. Есть письма от комитета фракции без даты; надо выяснить, к какому времени они относятся. Осмотр документов необходим. Проверка данных следствия не расширяет пределов работы. Присутствие министра юстиции излишне, так как он не производил следствия, но присутствие прокурора палаты нужно, чтобы предъявить нам материалы предварительного следствия.

Струве. Есть акты, которые можно разъяснить только опросом привлекаемых и прокурора судебной палаты; например, на стр. 6: «при осмотре» и т. д. до конца абзаца... «нижеследующее». Эта выдержка имеет существенное значение, так как упоминаемая программа относится ко времени до 17 октября 1905 г. Из юридического анализа предъявленных обвинений может выясниться, какое же из этих обвинений существенно. Это выяснит прокурор.

Демьянов. На странице 19 постановления неверная надпись. (Читает): «в проекте..... военной организации». Может быть, военная организация есть у партии, но у фракции ее нет. Это должно быть проверено. Необходим осмотр документов и опрос привлекаемых.

Пергамент. Прежде всего необходимо рассмотреть документы. Например, на странице 14 начинается перечисление 27 рубрик, из которых только двадцать первая имеет значение (читает ее); следователь тенденциозно вырвал полторы строчки, а мы знаем, что значит вырвать из контекста полторы строчки. Надо проверить правильность только тех документов, которые легли в основу постановления. Вопрос проверки документов имеет главное и первостепенное значение.

Председатель. Голосовать ли вопрос о вызове представителей министерства юстиции или обсуждать дело по существу?

Кузьмин-Караваев. Нет, баллотировать: зачем обмениваться мнениями ранее просмотра документов? Не следует терять времени.

На голосование поставлен вопрос: признает ли комиссия необходимым немедленно пригласить через министра юстиции прокурора судебной палаты для предъявления подлинных документов?

Предложение принято большинством всех присутствующих против четырех: Коница, Тиграняна, Парчевского и Петровского.

В 3 ч. 7 м. дня объявлен перерыв на 10 минут.

Заседание возобновляется в 3 ч. 57 м. дня.

Председатель предлагает наметить вопросы прокурору судебной палаты.

Струве. Следует поставить вопрос относительно приведенной на стр. 6 постановления следователя даты программы социал-демократической партии.

Кутлер. На стр. 1 постановления судебного следователя противоречие; с одной стороны, про пять человек переодетых солдат говорится, что они вошли и вышли, а, с другой стороны, говорится об их задержании; почему пять человек, кто их считал, что это за лицо, «состоящее под наблюдением и известное полиции»?

Струве. Необходимо предложить вопросы относительно приведенной на странице 19 постановления надписи «Передать в комитет военной организации».

Карташев. Какая цель обнажать перед Камышанским наши сомнения?

Струве. Необходимо предложить вопросы по поводу приведенных на стр. 17 п. п. *г* и *в* «Отчета о деятельности Симбирской группы Российской социал-демократической рабочей партии» и «Отчета о первой конференции Закаспийских организаций Российской социал-демократической партии».

Пергамент. Следует спросить у прокурора письмо Мухи на имя Озоля (стр. 16 и 21 постановления следователя).

Хан-Хойский и Караваев. Откуда у охранного отделения оказалась копия наказа войск, кто удостоверил эту копию?

Караваев. [Все это] возбуждает сомнение: как это так следили, следили и опоздали накрыть?

Булат. Да, это, действительно, все сомнительно. Следили за лицом, состоящим под наблюдением и известным полиции в качестве ответственного организатора военной организации, и все-таки упустили!

Деларов. Член думы Салтыков не принимал участия в военной организации.

Пергамент. Мы не столько собираемся задавать вопросы прокурору, сколько нам важно просто осмотреть документы.

Булат. Необходимо, чтобы при осмотре документов присутствовал кто-нибудь из привлекаемых социал-демократов.

Пергамент. Это было бы уже исследование.

Председатель. Если бы нам оказались нужны документы после опроса привлекаемых, то их можно было бы потребовать вновь.

В 4 ч. 12 м. в заседание явился прокурор судебной палаты Камышанский.

Прокурор. Я получил разрешение министра юстиции представить комиссии в пределах возможного все, что есть.

Струве. На стр. 6 постановления в нижнем абзаце указана дата «1 сентября 1905 года» [1]). Верно это или опечатка?

Прокурор. «1 сентября» — это разрешительная дата цензора в Ростове-на-Дону, а напечатана программа в московской типографии Поплавского. Сведения о распространении этой программы установлены осмотром других дел: так, недавно в ревельском окружном суде выяснилось, что найдено два с половиной пуда этой программы, переведенной на эстонский язык; впрочем, в деле этого нет.

Пергамент. Значит, программа издана вполне легально?

Булат. Есть ли в деле резолюция съезда?

Прокурор. Нет, я вас могу познакомить с результатами обыска у Г. А. Алексинского. У него найдены проекты манифестов ко всему войску, ко всем чиновникам, ко всем волостным правлениям, ко всем русским гражданам и ко всем правительствам всего мира. В манифестах высказывается мысль о свержении Николая II, упразднении самодержавия и о созыве Учредительного собрания. Все эти документы заканчиваются словами: «Председатель»... «Члены II Государственной Думы».

Председатель. Кому угодно предложить вопросы?

Струве. Надо прочесть документы, указанные в п. п. *г* и *д* на стр. 17 постановления (читает). «Симбирская группа Российск. с.-д. партии находилась в очень неблагоприятных условиях. Симбирск вообще отсталый город; всего две типографии с количеством рабочих больше пятидесяти; культура низка, интереса к политике мало. Мы прочли несколько рефератов, издавали листки; открытые выступления на митингах имели место только после 17 октября; нам удалось организовать только одну забастовку. Работали среди солдат. Удалось организовать довольно порядочную организацию с собственным

---

[1]) Дата эта относится к программе Р. С.-Д. Р. П. и резолюциям объединит. съезда, изданным в Москве.

коллективом, которая провалилась из-за шпионов. Проповедь бойкота не имела успехов».

Отдельные голоса. К какому времени это относилось?

[Струве.] К весне 1906 года.

Струве. (Продолжает читать.) «Митинги, разрешенные полицией, привлекали до двух-трех тысяч народа (следует описание организации группы); к осени 1906 года все распалось.

Трое работников бежало. Хотя большинство союзов было организовано социал-демократами, но наше влияние на них было условно (следует приведенное в постановлении перечисление воззваний)». К какому моменту это относится?

Прокурор. Ко времени роспуска 1-й Государственной Думы до последнего времени.

Голоса. Что разуметь под «последним временем»?

Выясняется, что под этим следует разуметь время до созыва II Государственной Думы.

Пергамент. (Читает отчет о 1-й конференции Закаспийских организаций Российск. соц.-дем. рабоч. партии (стр. 17, п. *д* постановления), в котором говорится, между прочим, об издании этой организацией брошюры под названием «Вооруженное восстание»).

Маклаков. Название изданной этой организацией брошюры «Вооруженное восстание» не является само по себе доказательством преступности содержания брошюры.

Караваев. Есть ли пометка, к кому обращена эта резолюция?

Прокурор. Нет. Она только найдена во фракции.

Пергамент. Отчет о конференции заканчивается словами «избрано столько-то»; следовательно, документ относится ко времени до созыва II Думы.

Петровский. На стр. 9 постановления указывается на наличность в организации правильно веденного делопроизводства и даже особого входящего реестра. Интересно было бы знать, где же этот реестр?

Прокурор. Реестр не найден, но на существование его указывают пометки о времени поступления бумаг, последовательность номеров и резолюции. Кроме того, за № в некоторых случаях следует «по вх. журн.».

Пергамент. (Читает проект наказа войск, поступивший через Виленскую организацию Российской социал-дем. раб. партии. Выясняется, что приведенные на стр. 19 постановления судебного следователя слова, поставленные в ковычках: «передать в комитет военной организации», не соответствуют действительно имеющейся на документе надписи «Передать Ком. В. О.»)

Членами комиссии указывается, что приведенная надпись может быть раскрыта в ином смысле: «Передать в Комитет виленкой организации».

Прокурор. Факт существования в социал-демократической организации особой военной организации доказывается, между прочим, взятой при обыске во фракции на полу запиской по поводу концерта от 13 апреля с печатью этой организации.

Пергамент. (Читает наказ рабочих Владивостокского порта) (стр. 19, п. *з* постановления судебного следователя). Выясняется, что наказ этот имеет дату «14 апреля 1907 года»).

Коницц. Желательно огласить протокол обыска, произведенного 8 мая в квартире члена Государственной Думы Озоля.

Прокурор. Читает протокол.

Коницц. Имеются ли протоколы осмотра документов?

Прокурор. Их целая тетрадь.

Пергамент. Имеется ли в деле письмо на имя члена Думы Озоля, подписанное «Мухой», и указанное в п. 21 на стр. 16 постановления?

Прокурор. Есть, все есть.

Парчевский. Желательно не упускать из вида, что тот факт, были ли заперты ящики с подложными паспортами, не установлен.

Пергамент. Читает письмо «Мухи» (№ 21, стр. 16), причем устанавливается, что оно состоит из нескольких строк. Затем прочитывает тексты двух обращений, указанных на стр. 16 постановления на стр. 26 [1]).

Оба эти документа не имеют даты.

Гессен И. Читает упомянутое на стр. 9 и 10 постановления первое и второе письмо.

Некоторыми членами комиссии были высказаны мнения, что упомянутые в этом письме как средства для достижения поставленных целей (стр. 10 постановления): составление наказов, посылка ходоков, образование на этой почве союзных беспартийных организаций — не составляют чего-либо преступного; в отношении второго письма указывалось, что в печатном тексте декларации фракции прямо говорилось, что она, т.-е. фракция, намерена в достижении своей цели опираться на законные права Государственной Думы (стр. 10 постановления).

В 6 ч. 10 м. был объявлен перерыв до 8 ч. вечера.

В 8 ч. 45 м., с прибытием прокурора судебной палаты, заседание возобновилось.

---

[1]) Неверно: надо не «на странице 26», а «в пункте 26».

Гессен И. Читает третье письмо.

По поводу третьего письма некоторые члены комиссии высказали мнение, подобное вышеприведенным по поводу первого и второго письма.

Прокурор. Привлечение Коншина основано на данных этого письма.

Стахович М. Коншин заявил в газетах и Государственной Думе, что он вышел из социал-демократической фракции.

Кузьмин-Караваев. При распределении мест в зале заседания Думы Коншин занял место среди кадет, просил причислить его к фракции сибиряков и голосовал большею частью с партией народной свободы. Это было известно всем, кроме судебного следователя.

Ни одно из прочитанных писем не имеет даты. В скольких экземплярах были найдены эти письма?

Прокурор. Письма были взяты при обыске в нескольких экземплярах; кроме того, они были распространены; факт распространения доказывается осмотром других дел.

Председатель читает письма железнодорожной секции о безработных, о помощи голодающим, по бюджетному вопросу, по земельному вопросу.

Пергамент. Письма никем не подписаны?

Прокурор. Они без подписи.

Березин. В скольких экземплярах были найдены эти письма и где именно?

Прокурор. Они были найдены в пачках по 100—150 штук. Следователь, не зная их содержания, взял по нескольку экземпляров, оставив прочие на месте.

Струве. Способы арестования и количество имевшихся экземпляров безразлично; дело в том, что содержание документов не преступно.

Маклаков. Это самое делают и правые.

Тесленко. Необходимо выяснить вопрос о наказе войск, переданном в квартире Озоля.

Прокурор. При обыске в квартире Озоля наказа не найдено, но факт передачи его установлен показаниями свидетелей. Что касается обыска, произведенного в квартире Озоля 5 мая 1907 г., то я могу рассказать следующее: в 10 ч. 30 м. вечера 5 мая Салтыков сообщил мне по телефону, что уже два часа полиция производит обыск в д. № 92 по Невскому проспекту, и просил меня приехать и освободить задержанных полицией 20 членов Государственной Думы. Я распорядился по телефону, чтобы туда отправились товарищ прокурора и судеб-

ный следователь. Через 20 мин. Салтыков вновь вызвал меня по телефону и просил прибыть меня лично, предупреждая, что, в противном случае, они не отвечают за последствия. Я поехал. Застаю товарища прокурора, следователя, 35 членов Государственной Думы и 47 посторонних лиц. Полиция говорит мне, что она имеет ордер градоначальника обыскать незаконную сходку и задержать. Смотрю ордер. Это—печатный бланк, представляющий собою копию ордера градоначальника, заверенную помощником начальника охранного отделения Комиссаровым. Таких ордеров я видел сотни и не обратил на него особого внимания. Я объяснил присутствующим, что требование предъявлено в порядке охраны, и поэтому, за силою ст. 21 положения об охране, я ни предписывать, ни отменять здесь ничего не могу. Я бессилен, это — закон. Салтыков мне заявил, что если я не предприму никаких мер, то они будут реагировать силой. Я убеждал, что здесь только исполнители, обязанные выполнять предписание, и сила на их стороне. Депутаты указывают мне на свою неприкосновенность. Я даю им то разъяснение понятия неприкосновенности, которое уже имел честь докладывать Государственной Думе. Салтыков записал мое объяснение и подписал его с одним из своих товарищей. 8 мая при обыске следователь нашел целую пачку размноженного моего разъяснения. В ответ на мое разъяснение депутаты спросили меня: если бы министр юстиции дал другое разъяснение понятия неприкосновенности, то было ли бы оно для меня обязательным? Я отвечал: несомненно. Дело шло к часу ночи. Так как вызвать министра по телефону не удалось, то я предложил поехать к нему лично, обещав депутатам вернуться от министра обратно к ним. Поиски министра заняли 1—1 ч. 15 м. времени. Министр спросил меня: «Обыск производится по охране?» — «По охране». — «Ну так вам нечего там делать». Возвратясь, я передал депутатам содержание своего разговора с министром. Они спрашивают меня: «А вы ордер читали? Обыск производится вовсе не на основании положения об охране». Беру снова копию ордера, читаю и, действительно, нахожу там ссылку на ст. ст. 258 и 1035 устава уголовного судопроизводства. Я сказал: «Дело меняется. Теперь мы, следователь и прокуратура, хозяева положения». Я потребовал от полиции предъявления доказательств преступного деяния, послужившего основанием к производству обыска. Полиция просила дать срок, чтобы доставить документы. Я говорю присутствующим: «Сейчас привезут документы». Привозят их. Документы заключают в себе указания, что по агентурным сведениям 5 мая в квартире № 34, дом № 92 по Невскому проспекту вошло несколько человек, под предводительством организатора военной организации, которые принесли наказ войск петербургского гарнизона. Копию наказа мне предложили дать. Я спрашиваю, где находится

подлинный наказ. Мне отвечают, что сведения о наказе получены агентурным путем. Я прошу представить следователю свидетеля, который мог бы дать показания, что это есть копия действительно существующего наказа. Мне отвечают: «Мы этого сделать не можем». Тогда я объявляю, что на основании предъявленного материала я не могу дать следователю предписания приступить к предварительному следствию; присутствовавший здесь же следователь, с своей стороны, заявил, что он не видит основания для производства обыска. Поэтому в 2 ч. 30 м. ночи я предложил полиции удалиться. Вместе с тем все члены Государственной Думы были освобождены, а посторонние лица были задержаны полицией на основании ст. 21 положения об охране. 6 мая охранное отделение дало список солдат, бывших с наказом; их взяли по указанию тайной полиции, присутствовавшей, вероятно, в квартире, и они стали сознаваться. Тогда же мне представили копию наказа от войск. 7 мая я дал следователю по важнейшим делам предписание начать предварительное следствие по признакам преступного деяния, предусмотренного первой частью 102 статьи уголовного уложения.

Пергамент. Значит, полиция так и не нашла наказа? Что же она делала: стояла и ждала?

Прокурор. Да, ждала. Обыскивали сначала 4-х частных лиц, а затем обыскали и остальных, т.-е. всех 47 человек. Квартиры не трогали. Обыск происходил только в той комнате, где находились частные лица, а членов Думы не было.

Тесленко. Значит, бумаги были подняты на полу в той комнате, где членов Думы не было?

Булат. (К прокурору палаты.) Вы говорите, что 5 мая в квартире Озоля были агенты охранного отделения?

Прокурор. Я думаю, что были, так как 5 мая доказательств не нашли, а 6 и 8 мая опознавали в лицо солдат. Но, повторяю, это только мое личное мнение и прошу им не пользоваться и не злоупотреблять. (Отвечая Пергаменту.) 5 мая были арестованы все 47 лиц, но 16 вскоре были освобождены по удостоверению их невиновности, оставшиеся арестованными 31 к настоящему следственному делу не привлечены.

Тесленко. Значит, наказ был передан судебному следователю из охранного отделения. Как же он туда попал?

Прокурор. Это неизвестно и не будет известно, так как это агентурные сведения.

Пергамент. Так что существование подлинного наказа и факт передачи его известны только со слов свидетелей?

Прокурор. Да.

К у з ь м и н - К а р а в а е в. Интересно поглядеть, что представляет из себя копия наказа, приложенная к следственному производству.

П р о к у р о р. (Предъявляя документ.) Копия печатана на ремингтоне, на хорошей бумаге, без прокладки.

И. Г е с с е н. (Читает копию наказа.) Наказ никем не подписан.

П р о к у р о р. (Читает показания Архипова.) Допрошенный 7 мая Архипов [1]), не признавая себя виновным в поступлении в военную организацию и в сношениях с ней, показал: «На второй день пасхи я нашел в казарме № газеты «Солдатский труд» или иного подходящего названия, которое точно не помню; в газете была записка к тем солдатам, которые пожелали бы о чем-либо посоветоваться, чтобы они приходили на Фонтанку в дом № 129, кв. 61, и спросили кого-то, но это имя или кличку я забыл. Я выбросил и газету и записку в отхожее место; но заинтересованный запиской, я пошел по указанному адресу. По звонку мне отворила женщина лет пятидесяти, отозвавшись на имя или кличку, которое я забыл, и провела меня в другую комнату, где была барышня и два солдата, форму которых не знаю; в квартире было всего две комнаты. Узнав, что я пришел по записке, барышня сказала мне притти на другой день на Лейхтенбергскую улицу, по адресу, который я также забыл уже на другой день. Однако, забыв адрес, я все же пошел на Лейхтенбергскую улицу, и здесь на улице встретил ту же барышню, которая сказала, что на Лейхтенбергской ничего не будет, а будет солдатское собрание на Роменской улице, д. № 4, кв. 21. Я пошел туда и застал здесь солдат, казаков и три барышни; из них одна мне знакомая, а другая старая. Здесь говорили о разных неудобствах внутреннего распорядка в частях войск, но начальство не осуждали; мне разговоры показались неинтересны, и я вскоре ушел.

4 мая в казарму зашла барышня в гости и назвала меня по фамилии, а затем сказала, чтобы я пришел на Фонтанку в дом 129, кв. 34 поговорить с членами Государственной Думы. Я обещал притти, и 5 мая пошел. Здесь встретил одну из виденных мною на Роменской барышень; пришли еще солдаты, в форме, один — электротехника, и переодеты, еще барышня. Одна из барышень вынула из-за лифа бумагу и дала прочитать каждому из нас. Я прочел про себя один раз. Содержание бумаги помню» (свидетель текстуально, по предложениям, передает следователю наказ войск).

П р о к у р о р. Обращаю внимание комиссии, что Архипову следователь ни разу не читал копии наказа, приложенной к следствию, и Архипов приводит содержание на память.

---

[1]) Матрос гвардейского экипажа, квартирмейстер Алексей Архипов.

Прокурор. (Продолжая чтение показания Архипова.) «На этой бумаге с наказом от войск в Госуд. Думу была мастичная печать. Прочитав ее, я передал другим. Один из читавших сказал, что неудобно называть в бумаге: «офицеры-подлецы», и вычеркнул эти слова, а потом что-то приписал. Затем барышня дала солдатам штатское платье переодеться, мне платье не пришлось, а потом все мы пошли за барышней, в дом 92 по Невскому. Она взяла с собой наказ, должно быть, в карман, потому что он потом был измят. Пришли в дом со двора. В квартире были какие-то господа, солдаты и барышни. Барышня вынула наказ и протянула к нам. Не зная, кому его брать, мы смешались; я его взял, но уронил и наступил начаянно ногой; потом из соседней комнаты вышел какой-то господин и спросил: «Что вам, солдатики, нужно?» Так как мы были в замешательстве, то я не помню хорошо, кто, что им отвечал и отвечал ли, и с какими словами я передал бывший у меня наказ; потом этот господин ушел с наказом в другую комнату, а потом вышло человек 12, один из них читал наказ, и затем нам сказал, что сейчас ничего не может ответить, и обещал переговорить по поводу наказа, с кем следует, а что из этого выйдет, то скажут потом. Затем он сказал нам, чтобы мы уходили, пока нас здесь не накрыли. Я ушел первый. По предъявленным мне фотографиям я узнал членов Госуд. Думы Лопаткина и Салтыкова; они были тогда на квартире 34, в доме 92 по Невскому. Больше нигде не бывал на собраниях; не считаю себя в чем-либо виновным, и за что арестовали, не знаю. Раньше пасхи со мной был только случай в Никольском саду. Кто-то дал мне книжку офицерского союза, но я ее выбросил не читая. У нас в роте сознательных матросов нет».

10-го мая свидетель дополнительно показал следователю: «В квартире 34 по Роменской был именно тот ефрейтор еврей, Новочеркасского полка, фотографию которого вы мне показываете и называете Эпштейном[1]), он был и на Невском, в доме 92. Узнаю также по фотографии и электротехника [2]). Казаки были в доме 92, но по фотографии я не могу их опознать. Барышню [3]) узнаю».

15 мая, при третьем допросе, свидетель признал Сапотницкого [4]).

Прокурор. Из членов Госуд. Думы свидетель опознал только Лопаткина и Салтыкова по их фотографиям. Фотография Озоля не могла быть ему предъявлена, потому что его не было в книжке с фотографиями депутатов.

---

[1]) Ефрейтор 145 пехотного Новочеркасского полка Исай Эпштейн.

[2]) Рядовой электротехнич. школы Иван Кутырев.

[3]) Дочь надворн. советника Нина Морозова.

[4]) Студент Петербургского университета Сапотницкий, кличка «Алибей».

К и з е в е т т е р. Что это за книжка?

П р о к у р о р показывает книжку «Наши депутаты» изд. Сытина.

К и з е в е т т е р. И вот именно по этой книжке и предъявлялись фотографии депутатов?

П р о к у р о р. Именно по ней; других фотографий не было.

К и з е в е т т е р. Это очень важно; ведь в этом дешевом издании «Наши депутаты» не очень похожи.

П р о к у р о р. (Продолжает чтение показаний.) «Допрошенный 7 мая Кутырев, не признавая себя в чем-либо виновным, показал, что лишь 5 марта он вернулся из Бобруйского дисциплинарного батальона, где отбывал наказание по суду за подачу жалобы скопом. Вскоре по прибытии, один из нижних чинов, имя которого Кутырев не пожелал объявить следователю, познакомил его с «Алибеем»-Сапотницким, Ник. Ник. Когда, где и при каких обстоятельствах знакомство состоялось, Кутырев объяснить не пожелал; также он не пожелал объяснить, кем был приглашен на квартиру 34, дом 129 по Фонтанке, и принимала ли участие в этом приглашении женщина; однако, получив приглашение по этому адресу, он пошел, застал Сапотницкого, барышень, солдат и казаков, из которых по фотографиям узнает: Архипова, Долгова [1]), Колесникова[2]), но наказ не читал в этой квартире, потому что опоздал, пришел уже в 7 часов; переодевшись в штатское, все поехали на пароходе к членам Госуд. Думы на Невский, в дом 92; по дороге нагнали какого-то черкеса. В квартире барышня передала наказ матросу, а он члену Госуд. Думы. Из членов Госуд. Думы по фотографиям в книжке узнает одного Лопаткина. Член Думы, взявший наказ, читал его вслух всем присутствовавшим. Кутырев после этого чтения дословно передал следователю начало наказа и конец, подтвердив их тожество с прочитанной ему следователем копией наказа, середину же наказа Кутырев, при чтении его членом Думы, прослушал. Прочтя наказ, член Думы сказал: «Хорошо, мы обсудим наказ и тогда скажем вам, а теперь уходите, пока не накрыли». Мы ушли. Солдат в форме выпустили на двор, а переодетых парадным ходом.

Спрошенный 24 мая казак Попов [3]) показал, что не признает себя в чем-либо виновным; был однажды с казаком Ковалевым, по зову и указанию казака Кременскова [4]), переодевшись в штатское, на Фонтанке в доме 129, кв. 34, где были еще солдаты и барышни; по фотографии Попов узнал «Алибея»-Сапотницкого, который принимал во

---

[1]) Рядовой 1-го Хоперского казачьего полка, состоящий при офицерской кавалерийской школе Тимофей Долгов.

[2]) Ефрейтор воздухоплавательного парка Константин Колесников.

[3]) и [4]) Рядовые лейб-гвардии Атаманского полка Матвей Попов и Георгий Кременсков.

всем деятельное участие; говорили о необходимости вести пропаганду в войсках и об увеличении сознательности между солдатами, об устройстве комитетов, об устройстве «Красного креста» для оказания помощи арестованным; общее впечатление от беседы у Попова получилось смутное; толку нет, и поэтому он ушел. 29 апреля Ковалев позвал его вновь на собрание в политехнический институт, на котором были и члены Госуд. Думы; это показалось Попову интересным, и он пошел на собрание; действительно, здесь было 12—15 членов Госуд. Думы, солдаты и вольные.

По фотографиям книжки Сытина членов Госуд. Думы узнает Геруса, который говорил о настроении войск, о том, что нужно стоять за народ и за Госуд. Думу, что у настоящей армии не может быть внутреннего врага, о том, что нужно составить наказ от войск членам Госуд. Думы с требованием льгот и обсуждения солдатского положения. Когда кто-то крикнул, что идет полиция, то все разбежались, кто в двери, кто в окна».

Председатель. Не желает ли кто-либо предложить прокурору судебной палаты разъяснить вопросы, касающиеся предварительного следствия?

Хан-Хойский. Были ли проверены следователем указанные в показаниях места сходок?

Прокурор. Оговариваюсь, что следствие не пользуется агентурными сведениями. Так как на Лейхтенбергской солдаты не были допущены в квартиру, то она осталась неизвестной. Квартирохозяин дома на Роменской улице не обнаружен. Квартирохозяин же № 129, кв. 34, на Фонтанке, Фишер привлечен по 3-му пункту 163-й статьи уг. уложения.

Гессен И. Меня интересуют две записки, найденные у Озоля (стран. 20-я) (читает): 1) «Уважаемый товарищ. Ваша явка отменяется; при первой возможности сообщим новую; все полно полицией; мы висим на волоске». Дата «5 мая» (найдено при обыске 8 мая), автор неизвестен. 2) «Уважаемый товарищ, известите костромского делегата, что его жена боится засады, просит ехать в Петербург, а не домой; с.-д. не спрашивают... доехал ли».

Кузьмин-Караваев. (Читает на стр. 20 постановления резолюцию с.-д. фракции из 3-х пунктов.) Следователь придает этой резолюции большое значение, как доказательство руководящей роли с.-д. фракции. Необходимо заметить, что эта резолюция не размножена, написана карандашом, без подписи, с поправками, без заглавия, и представляет собою лишь черновой набросок. Может быть, ее набросал кто-нибудь один; может быть, это фантазия одного лица.

Прокурор. Дальнейшие сведения в состоянии дать только экспертиза почерка.

Пергамент. Возможно, что это тезисы будущего доклада.

Кизеветтер. Не видно, чтобы это была резолюция, принятая на каком-либо собрании.

Кузьмин-Караваев. Тут говорится, что на квартире Озоля были найдены паспортные бланки.

Прокурор. Да. У меня на руках нет двух фальшивых паспортов, но есть свидетельские показания. (Читает): «Ревизор Новгородского акцизного управления Вульф своим показанием удостоверил подложность паспорта, составленного на имя несуществующего лица. Также удостоверяется подложность паспорта, якобы выданного в Псковской губернии. Паспорт заграничный — проверить трудно, а солдатская книжка подлинная». Что же касается до предъявляемого комиссии паспорта, выданного якобы Аткарской мещанской управой, то он, очевидно, подложен: круг печати не ровен, орел печати с дефектом в изображении хвоста.

Тесленко. Лежали ли паспорта вместе или врозь?

Прокурор. (Читает выписку из протокола.) «Конверт с тремя паспортными бланками найден в ящике первого стола; в нем были паспорта Шаройко, Александрова и пустой бланк, остальные два паспорта — в другом ящике».

Тесленко. Были заперты ящики?

Прокурор. Некоторые были заперты; во всяком случае, при обыске присутствовал Герус.

Пергамент. Читает письмо на имя члена Думы Церетели (стр. 15-я постановления под № 13-м).

При этом устанавливается, что, вопреки утверждению следователя, автор письма из боязни, что оно не попадет по назначению, именно не сообщил предложений практического характера на случай роспуска Государственной Думы. В письме ставится лозунгом бескровная революция и бескровный передел, указывается, что вовлечение армии малонадежно и даже опасно, что исполнение воинской повинности должно быть соединено с клятвой пред семьей в верной службе «родине и свободе»; сверху имеется надпись: «М. г. Прошу передать Церетели 2 апреля в случае роспуска Думы».

Пергамент. Читает письмо из Юзовки (16 стр. постановления, п. 27, лит *а*).

Хан-Хойский. Читает письмо из Армавира от 29 марта (стр. 15, п. 11 постановления).

Пергамент. Интересно посмотреть наказы.

Прокурор. Особенно характерны смоленские наказы, так как они однотипны [1]).

Пергамент читает наказ учительского съезда Латышского края (ст. 19-я, п. 4-й постановления).

Булат. Все смоленские наказы Сутинской волости Дорогобужского уезда адресованы в трудовую группу, собраны они одним убежденным социал-демократом, который и направил их в с.-д. фракцию.

Прокурор. (Собирает документы.) Господа, не осталось ли у кого-либо документов? Если бы вам оказались нужны мои услуги завтра, то я, имея уже разрешение министра, буду иметь возможность приехать по первому вашему требованию.

Уезжает в 11 час. 40 мин. вечера.

Председатель объявляет перерыв на 5 минут.

Заседание возобновляется в 11 час. 45 минут.

Председатель. Так как к понедельнику [2]) мы должны представить Думе наш доклад, то нужно сейчас же решить, когда собраться завтра, а, может быть, сегодня же установить, будем ли мы расширять нашу работу или ограничимся тем, что нам уже известно. Также нужно решить, опрашивать ли нам социал-демократов.

Булат. Их нужно спросить, не пожелают ли они дать объяснения.

Кузьмин-Караваев. Надо опросить социал-демократов, подобно тому, как опрашивают членов Думы при поверке полномочий в отделах. Желательно стоять на совершенно практической почве при дальнейшей работе и с этой целью выбрать докладчика, который сосредоточил бы на завтра все данные нынешнего дня.

Петровский. Материал настолько обширен, что нужно двух докладчиков.

Кузьмин-Караваев. Имею в виду предварительного докладчика на завтра. Материал настолько серьезен, настолько важна его критическая оценка, что к понедельнику доложить его невозможно.

Пергамент. Подробный доклад тем более необходим, что настоящий момент весьма серьезен, нужна всеисчерпывающая аргументация; наш документ будет иметь колоссальное значение.

Гессен И. Надо завтра кончить.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Парчевский. Как предъявлялись портреты? Прокурор. В отношении членов Госуд. Думы предъявлялась книжка «Наши депутаты» издание Сытина».

[2]) Т. е. 4 июня.

Кузьмин-Караваев. Попытаемся. Однако необходимо знать, что нам нужно решить ряд вопросов: 1) привод к следствию, 2) привлечение к ответственности, 3) устранение [1]).

Тесленко. Трудно гадать, что произойдет завтра. Будем завтра работать. Кто будет докладывать в Думе, сейчас решить нельзя. Следует установить, кто выступит завтра в качестве предварительного докладчика.

Пергамент. Одними юридическими положениями оперировать нельзя. Против каждого факта постановления мы должны поставить наши факты. Это требует громадной письменной работы. Ради спешности жертвовать качеством работы не приходится.

Конин. Предложение Кузьмина-Караваева означает именно предварительного докладчика.

Кузьмин-Караваев. Просить Николая Васильевича Тесленко открыть прения в завтрашнем заседании.

Стахович. Самое важное, чтобы Дума успела дать свой отзыв. Нам надо торопиться, иначе мы можем потерять возможность высказаться. Отсутствие докладов в понедельник будет сочтено за нежелание высказаться. К понедельнику должны быть представлены хотя бы мотивированные основания, почему не вносится доклад.

Тесленко. Если письменный доклад не успеем приготовить, то можно сделать его устно. Его запишут стенографы.

Кизеветтер. Все согласны, что спешить необходимо. К нам явился Столыпин с грозным словом, а мы теперь можем сказать, что обращение Столыпина с Думой было прямо неприлично: в деле есть даже служебные подлоги; вскрыть дело во всей полноте необходимо. Нам предстоят две очень важные задачи: и поспеть возможно быстро и суметь дать полную аргументацию.

Пергамент. Никакой устный доклад, ни стенограмма не будут иметь такого значения, как печатный доклад комиссии. Политическое значение и внутренняя доказательность последнего несравненно выше. Если мы передали вопрос в комиссию, чтобы обсудить его, то пусть правительство не изображает истеричную институтку и потерпит еще 48 часов; если правительство не обратит внимание на комиссию, работающую целый день сплошь, это его дело. Можно и нужно работать, но нельзя жертвовать ни крупицей достоинства доклада ради скорейшего окончания.

Гессен И. Мы нынче будем только напрасно тратить время.

Карташев. (Гессену. — Неудобно не дать высказаться другим.) Убеждение как будто уже сложилось; сколько бы мы ни рабо-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и 4) требование министра юстиции».

тали, к другому выводу мы не придем. В ущерб доказательности спешить не надо, но не надо и зарываться в детали. Нужно рельефно изложить политическую точку зрения комиссии и факты в их последовательности.

Председатель. Итак Н. В. Тесленко предложит нам завтра свой доклад.

Кузьмин-Караваев. Нужно назначить время работы на завтра. Я предлагаю назначить завтра заседание комиссии от 12 до 5 и от 8 до 12.

Предложение Кузьмина-Караваева принято.

Заседание закрыто в 12 час. 5 мин. ночи.

Председатель комиссии Ал. Кизеветтер [1]).

Секретарь комиссии.

[1]) Собственноручная подпись Кизеветтера; подпись секретаря отсутствует.

Из дневника Константина Романова.

Дневник б. вел. кн. Константина Константиновича Романова, известного в свое время в литературе под инициалами «К. Р.», публикуется ниже в выдержках, относящихся к периоду 1904—1907 гг.

Константин Романов стоял во главе военно-учебного ведомства в качестве главного начальника военно-учебных заведений. Кроме того, в течение 20 лет он был президентом Академии наук, состоял президентом б. императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии, попечителем Педагогического женского института, почетным членом Русского музыкального общества и т. д., наконец, он был причастен к литературе в качестве поэта и рецензента многих литературных произведений.

Все это определяет значительный интерес к дневнику Константина Романова, в частности к тем его частям, которые написаны в период первой революции.

Революционное движение в стране захватывало, несмотря на все репрессии правительства, все более широкие круги рабочего класса. В нем приняли участие уже не отдельные группы, а десятки и сотни тысяч рабочих: в эту борьбу вовлекается и крестьянство. При министре вн. дел Плеве политика подавления достигла крайних пределов; тюрьмы были переполнены, печать зажата в тисках свирепой цензуры, но революционное движение с каждым днем нарастало. Война с Японией, которая, по мысли правительственных кругов, должна была покончить с революцией, дала, наоборот, толчок к ее развитию.

Выстрелы 9 января явились роковыми для правительства: они еще более сорганизовали пролетариат и эхом прокатились по всей империи, отозвавшись в рабочей среде почти всех промышленных местностей.

Началась революция, которая развернулась и дошла до высшей своей ступени — всеобщей политической забастовки и, наконец, вооруженного восстания. Все главные общественные группы выступили так или иначе на путь открытого и массового политического действия. Мощное развитие революции вскрыло коренные различия классовых интересов. Буржуазия, увидев в октябрьско-декабрьские дни 1905 г. настоящее лицо пролетариата, немедленно отшатнулась от революции и стала активной сотрудницей самодержавия в его расправе с восставшим пролетариатом.

Все эти революционные события нашли свое отражение в дневнике Константина Романова.

Общественно-политические воззрения автора дневника достаточно определенны: самодержавие должно быть незыблемо; Государственная Дума должна носить совеща-

тельный характер; по поводу тронной речи Николая Романова (27 апреля 1906 г.), в которой был обойден молчанием вопрос о самодержавии и функциях Думы, автор дневника говорит: «Чем дальше он [Николай Романов] читал, тем сильнее овладевало мной волнение; слезы лились из глаз. Слова речи были так хороши, так правдивы и звучали так искренно, что ничего нельзя было бы добавить или убавить». Испуганный революционным движением, Константин Романов обращается к воспоминаниям о семидесятых и восьмидесятых годах, «Смутном времени» и т. д. и приходит к выводу, что революционное движение 1905 г. страшнее всех минувших событий. Он неоднократно вспоминает о Минине и Пожарском и мечтает о диктаторе, а также о том, что следующая Госуд. Дума будет иметь большинство от крестьян, которые положат конец «пустозвонной болтовне» людей «крайнего направления» из первой Думы и вернут государство на старый путь. Для него революция — «зараза», «гангрена, разъедающая тело России», бунт, устроенный то группой революционеров, подкупленных японцами, то евреями, которым нужно разрушить Россию, и т. д. И ни одна мера, направленная к удушению революции, не кажется ему жестокой, — напротив, действия отдельных генерал-адъютантов, посланных на усмирение, представляются ему вялыми и недостаточными.

Страницы дневника достаточно выразительно говорят и о других сторонах личности Константина Романова. Его умственный кругозор сложился в гвардейской казарме; его любимой газетой было «Новое время». Когда он умер, орган «партии народной свободы» писал, что «он [К. Р.] всегда думал о вечном — о человеке и его судьбе». «Положительной стороной его для окружающих, для живущих и страждущих в этом мире является как бы органическая неспособность поэта ни к чему дурному, постыдному, злому!» («Речь», 5/VI 1915 г., № 152). Эти слова кадетского публициста плохо вяжутся с опущенными здесь страницами дневника Константина Романова, где он говорит об одной своей низменной страсти, о том, что крайне возмущен, что из-за открытия Думы ему надо проще устроить крестины своего ребенка и т. д. и т. д., рисующими истинный облик этого «баловня судьбы», как он сам назвал себя в одном своем стихотворении.

Дневник Константина Романова печатается здесь в извлечениях, так как большую часть его составляют записи разных мелочей из домашнего быта или описания поездок по кадетским корпусам, доставлявших автору дневника «неизъяснимое удовольствие». Каждая поездка дает ему обильный материал для записей, из которых мы очень подробно узнаем, кого из «кадетиков» он узнал в лицо, кого запомнил по имени и фамилии, кому дал какое-нибудь прозвище и т. д.

Дневники Константина Романова долгое время находились в библиотеке Академии наук. Незадолго перед своей последней болезнью Константин Романов написал завещание, которым свои дневники отдавал Академии наук с тем, чтобы «никто из ближайших родственников или посторонних не мог прочитать их в течение 90 лет по моей кончине». По истечении этого срока, с согласия царя и старшего из семьи, можно их частично напечатать. Воля «августейшего» президента строго соблюдалась академиками, и лишь правительственная комиссия, производившая чистку Академии наук в 1929 г., сделала их достоянием пролетарской общественности. В настоящее время дневники

Константина Романова находятся в Особом отделе Московского Центрального Исторического Архива, вместе с материалами Павловского и Мраморного дворцов.

Дневники представляют собой толстые тетради в кожаных переплетах, с обозначением №№ и крайних дат; сохранность дневников вполне удовлетворительная. Из Академии наук было получено 65 тетрадей: за №№ 1—64, за время с 21 мая 1870 г. по 21 ноября 1913 г.; кроме того, одна тетрадь без № с записями от 19 июля 1914 г. по 12 мая 1915 г. Тетрадь с записями с 22 ноября 1913 г. по 19 июля 1914 г. осталась, как выражается Константин Романов, «в плену у немцев».

Материал для настоящей публикации взят из тетрадей №№ 54—57 за период с 10 августа 1904 г. по 14 декабря 1907 г.

Н. Лапин.

1904 ГОД.

10 августа. Стрельна.

Когда все разъехались с вокзала, переоделся в китель и поехал в Петербург. В вагоне ехал с Сандро [1]). По его мнению, теперь уже не следовало бы посылать в Тихий океан Балтийскую эскадру; она была бы отправлена туда прямо на убой, так как японский флот втрое сильнее.

23 августа. Петербург.

Невеселы вести с Дальнего Востока: сражение под Ляояном было страшно кровопролитно, потери громадны, Ляоян уступлен японцам.

10 сентября. Стрельна.

Вера [2]) ездила завтракать к жене [3]) в Стрельну, а я завтракал в Мраморном у Оли [4]). Тут были Сандро, Ксения [5]) и Митя [6]). Разговор вертелся на последних слухах: говорят, государь не доверяет Куропаткину [7]). Не знаю, правда ли это, но если да, то оно очень и очень прискорбно. Хотя мне лично туго приходилось от Куропаткина, когда он был еще военным министром, и я считал его не на своем месте, мне кажется, что там, на Дальнем Востоке, во главе действующей армии, никого лучше не выдумать. Как и многие русские люди, я скорблю,

---

[1]) Александр Михайлович, вел. князь.

[2]) Вера Константиновна, королева вюртемб., сестра автора дневника.

[3]) Елизавета Маврикиевна, вел. кн., жена автора дневника.

[4]) Ольга Константиновна, греческая королева, сестра автора дневника.

[5]) Ксения Александровна, сестра Николая II, жена вел. кн. Александра Михайловича.

[6]) Дмитрий Константинович, вел. кн., брат автора дневника.

[7]) Куропаткин, А. Н., ген.-адъют., главнокомандующий Манчжурской армией.

что власть Куропаткина слишком ограничена и поставлена в зависимость от наместника-главнокомандующего [1]). И вот недавно заговорили, будто на Дальний Восток посылают Николашу [2]). Ходят три слуха: или им заменят Куропаткина, или ему подчинят Куропаткина, или пошлют командующим самостоятельно особой армией. Если это правда, — оно ужасно. Общественное мнение за Куропаткина и, конечно, не будет приветствовать разделение власти между Куропаткиным и Николашей. На-днях Петюша [3]) говорил Мите, что, подобно тому, как Сергея Михайловича [4]) назначили инспектором всей артиллерии, он, Петюша, будет сделан инспектором инженерных войск. Сергей пользуется прекрасной славой в войсках, как выдающийся артиллерист и знаток своего дела, а потому его назначение приветствуется всеми. Петюша же служил очень мало и только в кавалерии, инженерное дело едва ли знает, а между прочим сам считает себя знатоком его. Едва ли поэтому его назначение, если только действительно состоится, будет удачно. Говорили про флот. Алексей [5]), повидимому, и с началом войны не изменил себе — не проявил особой деятельности. Наш флот несравненно слабее японского, а за приблизительно 8 месяцев, что тянется война, у нас ничего не сделано, чтобы его увеличить, даже некоторые верфи пустуют. Посылать Балтийский флот в Тихий океан, где его встретит втрое сильнейший японский флот, по крайней мере, неблагоразумно. Говорили и вообще о современном внутреннем состоянии России, о всеобщем недовольстве и приходили к очень грустным выводам.

15 сентября. Стрельна.

Ходят еще слухи о назначении Николаши на Дальный Восток, где ему будто бы будут подчинены командующие обеих армий — и Куропаткин и Гриппенберг. Я слышал от Ксении и Сандро, которые ехали к нам и встретились мне на дороге, что императрица Мария Федоровна умоляла государя не назначать Николашу, на что последовало удивление и ответ, что будто бы оно и не предполагается. Московский предводитель дворянства кн. Трубецкой писал гр. Ил. Ив. Воронцову-Дашкову [6]), что слухи о назначении Николаши производят

---

[1]) Алексеев, Е. И., адм., наместник и главнокомандующий всеми вооруж. силами на Дальнем Востоке.

[2]) Николай Николаевич, вел. князь, главнокомандующий русской армией в империалистическую войну 1914—1917 гг.

[3]) Петр Николаевич, вел. князь, инспектор инжен. войск.

[4]) Сергей Михайлович, вел. князь, инспектор артиллерии.

[5]) Алексей Александрович, вел. князь, генерал-адмирал, гл. начальник флота и морского ведомства.

[6]) Воронцов-Дашков, И. И., гр., наместник на Кавказе.

самое тягостное впечатление на московское общество, которое, как я и вся Россия, верит в Куропаткина. Это письмо будет доложено государю.

18 сентября. Петербург.

Оля утром вернулась из Ревеля с Сандро и Ксенией. Они там с имп. Марией Федоровной были на 11 главных судах Балтийской эскадры. Существует два противоположных мнения о посылке этой эскадры на Дальний Восток; одно считает ее необходимой как для целей войны, так и для успокоения общественного мнения, возлагающего на эскадру большие надежды. Другое мнение считает посылку Балтийского флота запоздалым и бессмысленным, так как японский флот втрое сильнее нашего. Сандро придерживается этого второго мнения и открыто высказывал его в совещании у государя. Алексей выражался неопределенно. Мнение Сандро восторжествовало, было, решили эскадру не посылать, и государь говорил Сандро, что после этого решения у него как бы гора свалилась с плеч. Это было в конце августа. С тех пор опять перерешили, и эскадру, повидимому, посылают. Но ранее октября она не может отплыть.

26 сентября.

У нас обедал новый министр вн. дел ген.-ад. кн. Святополк-Мирский. Мы очень приятно беседовали. Он делает хорошее впечатление своими широкими взглядами. Меня пугает, что все — и общество и газеты — очень им увлеклись; как бы не пришлось разочароваться, так как в силу вещей ему невозможно будет провести в жизнь многое из того, что он желал бы осуществить.

30 сентября.

С театра войны известия не слишком хорошие: у Куропаткина наступление было удачно, но не по всей линии, кое-где нам пришлось вернуться на прежние позиции; в Порт-Артуре тоже не совсем ладно: еще держатся, но развиваются тиф и цынга; боевые припасы, которые взялась доставить осажденным какая-то американская компания, еще не получены, и Стессель [1]) доносит, что замечается недостаток в пулеметах, патронах и снарядах. Сахаров [2]) говорил, что тон донесения Стесселя несколько пониженный.

13 октября.

Газеты напечатали известие, которое вся Россия встретит с великой радостью: наместник освобожден от руководства военными действиями, а Куропаткин назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в борьбе с Японией.

---

[1]) Стессель, А. М., ген.-м., и. д. коменданта крепости Порт-Артур.

[2]) Сахаров, В. В., ген.-адъют., военный министр.

15 ноября.

Прочитал газеты. В «Новом времени» очень любопытны статьи Н. Л. Кладо «После ухода второй эскадры Тихого океана». Это умное, толковое и беспристрастное обозрение наших ошибок в нынешнюю несчастную войну и предположения насчет будущего.

17 ноября.

У меня лежит дело о беспорядке 11 октября в 3 московском корпусе; надо написать Ферсману [1]), да все не могу собраться — мешают текущие дела.

18 ноября.

У нас завтракали Сергей [2]) и Элла [3]). Они прибыли из Москвы 13-го. Завтрак был семейный. Встав из-за стола, жена беседовала с Эллой, Татьяна [4]) ушла к себе, а Оля, Сергей и я говорили о текущих событиях. Мы все трое ужасались и сетовали; да и было отчего: нынешнее настроение общества слишком напоминает то, что было в самом конце 70-х годов, в 1880 и в 1881. Тогда правительство растерялось, но все же чувствовалась власть; теперь же власть пошатнулась, и в безволии государя вся наша беда. Нет ничего определенного, на одни и те же дела сегодня смотрят с одной, а завтра с противоположной точки зрения. Смута растет, и чувствуется впереди что-то неведомое, но неминуемое и грозное.

6, 7 и 8 ноября происходили заседания членов совещания земских деятелей; они обсуждали вопрос об общих условиях, необходимых для правильного течения и развития нашей общественной и государственной жизни [5]). Вместо того, чтоб заняться ближайшим своим земским делом, они пришли к заключениям, выраженным в 11 пунктах: 1) и 2) необходимо участие общества во внутреннем государственном управлении; 3) охрана законных прав всех и каждого; 4) единение государственной власти с обществом; 5) устранение административного произвола и проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища; 6) обеспечение свободы совести и вероисповедания, свобода слова и печати; 7) уравнение личных прав всех граж-

[1]) Ферсман — директор 3 московского кадетского корпуса.

[2]) Сергей Александрович, вел. кн., московский генерал-губернатор.

[3]) Елизавета Федоровна, вел. кн., жена в. к. Сергея Александровича.

[4]) Татьяна Константиновна, кн., дочь автора дневника.

[5]) Частное совещание земских деятелей происходило в Петербурге 6, 7 и 8 ноября 1904 г. после того, как мин. вн. дел Святополк-Мирский запретил, по приказанию царя, первоначально разрешенный съезд председателей губ. земских управ и отдельных видных земцев. На совещании присутствовало 104 чел.; совещание приняло резолюцию с теми требованиями, о которых говорится в дневнике, и избрало бюро.

дан России; 8) освободить от административной опеки сельское население и оградить его правильной формой суда; 9) распространение местного самоуправления на все части империи, привлечение всех наличных сил местного населения к участию в земском и городском самоуправлении; 10) по мнению меньшинства: участие в законодательстве народного представительства как особого выборного учреждения, а по мнению большинства: то же участие в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи и в контроле за законностью действий администрации.

21 ноября. Мраморный дворец.

Только разговору, что об 11 пунктах земских деятелей. Один из них, Львов [1]), как говорила мне Оля, вручил эти пункты имп. Марии Федоровне. Осуждают Святополк-Мирского за то, что он допустил деятелей обсуждать вопросы, прямо их не касающиеся и им никем не поставленные. Мирский сам заявил имп. Марии Федоровне и Николаю Михайловичу [2]), что, допустив обсуждение, il avait fait une gaffe.

22 ноября.

Сергей находит, что теперь, с назначением министром Мирского, направление правительства резко изменилось и состоит в таком противоречии с его, Сергея, 14-летнею деятельностью, что ему невозможно оставаться вопреки своим убеждениям. Правда, с новым министром он почти не говорил. Быть может, поговорив, он бы рассеял многие недоразумения. Вечером у Палиголика [3]) мы — Оля, Митя и я — встретили С. Ф. Шарапова, дворянина-помещика, устроившего у себя в имении в Смоленской губернии мастерскую прекрасных, им изобретенных плугов; он в то же время и даровитый публицист. Павел Егорович пригласил его, чтобы познакомить нас с горячей, искренней и остроумной статьей по поводу 11 пунктов земских деятелей, имеющих в виду оскопить правительство. Шарапов выступает его защитником и — странное дело — его статья, написанная в правительственном духе, не может быть напечатана в газетах по цензурным правилам, тогда как 11 пунктов, о которых запрещено говорить в печати, расходятся по всей России в громадном числе.

---

[1]) Львов, Г. Е., кн., председатель тульской губ. зем. управы, после Февральской революции 1917 г. премьер-министр Временного правительства.

[2]) Николай Михайлович, вел. кн., историк.

[3]) Кеппен, Павел Егорович, упр. двором вел. кн. Александры Иосифовны, матери автора дневника.

24 ноября.

Послал государю «Открытое письмо» Шарапова при следующей записке: «Дорогой Ники, я взялся представить тебе «Открытое письмо» смоленского дворянина-помещика, устроителя мастерской изобретенных им плугов и известного публициста Шарапова. Письмо обращено к членам «Совещания земских деятелей», пресловутое «заключение» которых, не подлежащее, конечно, печати, тем не менее облетело всю Россию, возбуждая брожение и толки. Шарапов, становясь на сторону правительства, горячо и умно обсуждает «заключение» и разбивает его, но не может напечатать своего письма ввиду запрета высказываться печатно об 11 пунктах, на которые оно служит ответом. И получается следующее: несмотря на молчание печати незаконным путем повсюду распространяются вредные бредни, а в опровержение их не может во всеуслышание раздаться трезвое слово благомыслящего верноподданного».

Почти такое же письмо послал и Святополк-Мирскому, препровождая то же письмо Шарапова; только изменил конец так: «Несмотря на молчание печати, или даже благодаря этому молчанию, незаконным путем повсюду распространяются вредные бредни, к ним жадно прислушиваются, а в опровержение их не может раздаться во всеуслышание трезвое слово благомыслящего верноподданного. Казалось бы, запрещение печати касаться 11 пунктов не достигает цели: разумеется, нет такого уголка в России, где бы они уже не стали известны. Если бы «Новому времени», например, разрешить напечатать «Открытое письмо» Шарапова, «заключение» земских деятелей потеряло бы свою остроту».

28 ноября.

Обедал у нас Мирский. Жену еще не выпускают из ее комнаты; поэтому мы обедали без нее, Оля, Митя, министр и я. А жена обедала вдвоем с Татьяной. Мирский, должно быть, прекрасный, честный человек. Взгляды у него широкие и трезвые. Но будет ли иметь он достаточно силы, чтобы справиться с нынешним трудным положением вещей? После обеда пошли с ним к жене в розовую комнату... На Невском днем были беспорядки; ходили большие толпы, все учащаяся молодежь, некоторые с красными флагами. Полиции удалось однако толпу разогнать, и порядок был водворен довольно скоро.

Вечером того же 28 ноября.

Императрица после обеда высказывала мне сожаление о том, что Сергей просил уволить его от обязанностей генерал-губернатора, а Святополк-Мирский, тяготясь должностью министра внутренних дел, тоже просил отставки.

30 ноября.

Дома читал у жены в кабинете бумаги по комитету финансов и не понял ни одного слова. Обедали у нас с Митей оба брата Короченцовы. Скучное и непонятное для меня заседание комитета финансов у Сольского [1]). Понял одно: финансовое положение очень благоприятно.

2 декабря. Мраморный дворец.

Агентские телеграммы, как сказал мне Павел Егорович, узнавший это от Шарапова, сообщили о единогласном постановлении Московской городской думы просить об изменении существующего государственного порядка, свободы слова, совести и печати, словом — о конституции. Краснеешь за Москву.

3 декабря.

В понедельник 29 ноября Будаевский заменял меня в заседании департамента законов Государственного совета, куда вносился проект закона о воспрещении евреям, принявшим христианство уже в юношеском возрасте, поступать в военные и юнкерские училища. Так как все подлежащие ведомства не встретили возражений на проект, то я, думая, что он пройдет без запинки, и не поехал сам в заседание. Сахаров, встретив там Будаевского, предупредил его, что, если станут возражать, надо взять проект назад, и, действительно, кто-то стал горячо возражать, и Будаевский взял назад проект. Я поручил ему потом узнать у Сахарова, кто такой этот возражавший «государственный нигилист», но Сахаров ответил уклончиво и не назвал его.

4 декабря.

Слышал, что в Царском у государя в четверг собирались некоторые министры и высшие сановники и пробыли там от 10 утра до 5 вечера. Оля ездила прощаться в Гатчину, а оттуда в Царское, где пила чай у государя. Он говорил, что у него было совещание, но не сказал о его поводе и казался как всегда спокойным и хладнокровным, быть может, даже равнодушным ко всему, что у нас творится. Слышал, что к совещанию были приглашены генерал-адъютанты гр. Воронцов-Дашков и Рихтер [2]), а также Победоносцев [3]) и Витте [4]), но не знаю, правда ли. Одни говорят, что поводом к совещанию послужила война, но думаю, вернее, что обсуждали внутреннее состояние России. У

---

[1]) Сольский, Д. М., граф, статс-секретарь, председатель деп. Государ. совета.

[2]) Рихтер, О. Б., ком. имп. гл. квартирой.

[3]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода.

[4]) С. Ю., председатель Комитета министров

нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два-три месяца Россию охватила жажда преобразований; о них говорят громко. Калуга, Москва, а теперь и Петербургская дума единогласно постановили адрес, в котором всеподданнейше требуют всякой свободы. Революция как бы громко стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно.

14 декабря.

Обнародован именной высочайший указ Сенату. Он несколько напоминает манифест 26 февраля 1903 г., на который ссылается: прекрасные, местами довольно неопределенные слова, которые легко могут остаться мертвой буквой, как и было с манифестом. Придается усиленное значение Комитету министров. Невольно приходят на ум слова Гамлета: «Слова, слова, слова». Обнародовано и правительственное сообщение; оно много определеннее, не так расплывчато.

Ездил к гр. Марье Александровне Сольской; она хотела, чтобы я ее принял, но, конечно, я сам к ней поехал. Сперва заговорили о вопросе дня — указе Сенату. Узнал от нее, что у государя уже два раза собирались на совещание Витте, гр. Сольский (ее муж), Святополк-Мирский, кажется, Победоносцев, Муравьев [1]), Рихтер, Воронцов, Гессе [2]); на втором совещании были еще Владимир [3]), Алексей, Сергей и министр двора [4]). На обоих совещаниях было решено созвать нечто вроде земского собора из представителей, выбранных от всех сословий. Говорят, Сергей высказывался против выбора представителей и за их назначение. Разошлись под впечатлением, что созыв собора — дело решенное, и предполагался указ. Но прошло дня два-три, указа не выходило. У Сольского, по словам его жены, явились сомнения насчет принятого решения. Полагают, что государь и изменил свое мнение под влиянием Сергея. Словом, указ вышел совсем не такой, какой предполагалось объявить. О соборе — ни слова. Гр. Сольская оплакивает эту внезапную перемену и, должно быть, служит отголоском мнений круга умеренно-либеральных лиц.

15 декабря.

Весь вечер просидел за письменным столом за бумагами.

В Москве 13 гласных подали протест против постановления думы, просившей конституции.

---

[1]) Муравьев, В. Н., министр юстиции.

[2]) Гессе, П. И., дворцовый комендант.

[3]) Владимир Александрович, вел. кн., главноком. войсками петербургского военного округа.

[4]) Фредерикс, В. Б., бар., министр имп. двора и уделов.

16 декабря. В Мраморном дворце.

Вчера в комитете финансов попросил С. Ю. Витте побывать у меня сегодня. Мы проговорили более 1½ часов. Слышал от него об обоих совещаниях, бывших у государя в Царском, если не ошибаюсь, 4 и 8 декабря. Кроме уже перечисленных мною лиц, на них был еще Михаил Александрович [1]), Фриш [2]), Ермолов [3]) и Коковцов [4]). В указе предполагалось не 8, как теперь, а 9 пунктов. Самый главный, 3-й, заключал указание на привлечение к первоначальному обсуждению государственных дел выборных представителей местных общественных учреждений. После первого заседания составленный Витте проект указа отказались подписать Воронцов, а по его примеру Рихтер, Ермолов и Гессе, о чем Витте доложил государю 6 декабря. На заседании 8-го в 3-м пункте сделали некоторые изменения, и проект указа был подписан всеми. Когда после того его три дня не объявляли, пошли слухи, что будет еще 3-е заседание. Тем временем, по словам Витте, государь советовался с матерью и с Сергеем. 11-го государь потребовал Витте к себе к 6 часам вечера. Там Витте застал Сергея. Государь высказал сомнения относительно 3-го пункта и попросил совета Витте, который сказал, что если есть сомнения, то лучше опустить этот пункт, Сергей во всем согласился с Витте. Царь вычеркнул 3-й пункт. На этот раз я не вынес особенно приятного впечатления от беседы с Витте. Расхожусь с ним в вопросе о войне: он находит, что ее надо прекратить и, чем раньше, тем лучше, так как даже, если б она была удачна, мы не можем окончательно разгромить Японию. Не согласен также с Витте в вопросе о евреях и о кишиневском погроме. Он обвиняет правительство и покойного Плеве в искусственном подстрекательстве русских на евреев; я же думаю, что евреи во многом сами виноваты. Вспомнил, что теперь, ввиду повеления указа 12 декабря пересмотреть законы о печати, пожалуй, предложения отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности, которым я в марте 1903 г. не дал ходу, могли бы иметь успех. Предложил Сергею Юльевичу прислать ему заключение Академии, или, вернее, соединенного собрания; он охотно согласился. После его ухода затребовал от Веселовского протокол заседания 24 февраля с особыми мнениями Голенищева-Кутузова и моим. Вечером послал Витте эти бумаги, приложив к ним и письма ко мне от В. К. Плеве с запиской, составленной в главном управлении по делам печати. Написал Сергею Юльевичу, что, оставаясь при том же особом мнении, полагаю, что

[1]) Михаил Александрович, вел. кн.
[2]) Фриш, Э. В., сенатор.
[3]) Ермолов, А. С., министр земледелия и госуд. имуществ.
[4]) Коковцов, В. Н., министр финансов.

было бы уместно запросить Академию наук или, еще лучше, разряд изящной словесности по этому вопросу. Хорошо бы, если бы моя мысль клюнула.

18 декабря.

Проснулся с головной болью и, вместо того, чтобы съездить во 2 кадетский корпус, до вечера никуда не выходил. Поленился отчасти от головной боли, против которой в течение утра дважды принимал кофеин с фенацетином, а главным образом оттого, что получил ответ С. Ю. Витте. Видимо, он еще накануне вечером ознакомился с посланными ему мною бумагами: письмом ко мне покойного министра вн. дел Плеве, с запиской, по его приказанию составленной в главном управлении по делам печати в отклонение предложения соединенного собрания отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности просить о пересмотре законоположений о печати, протоколом заседания этого собрания 24 февраля 1903 г., с особыми мнениями гр. Голенищева-Кутузова и моим и отношением к министру народного просвещения с выпиской из этого протокола, которым я тогда не дал хода. 16 декабря помечен ответ Витте. Он просит войти официально к нему с препровождением выписки из протокола без упоминания о постановлении собрания. Живо принялся составлять проекты рескриптов Витте и Глазову [1]), которого надо же известить о моем сношении с председателем Комитета министров. Написал и Веселовскому, поручая ему поскоере переписать набело мои черновики и прислать их мне к подписанию.

У нас завтракал, как всегда в пятницу, С. Ф. Платонов. Кроме него пригласили и Анатолия Федоровича Кони [2]). Он просил меня видеть, чтобы доложить кое-что, касающееся разряда изящной словесности. Я догадывался, что он будет просить меня, ввиду появления указа 12 декабря, дать ход представлению соединенного собрания 12 февраля 1903 г., и не ошибся.

Кони отыскал в бумагах покойного почетного члена Академии Б. Н. Чичерина неизданное письмо Пушкина к Зубкову от 1826 г. из Пскова, писанное по-французски вперемежку с русскими выражениями, и показал нам этот ценный автограф.

Когда мы остались вдвоем, он начал говорить о желательности дать ход представлению соединенного собрания, приостановленному мною в марте 1903 г. Я ответил, что он опоздал и что я сам пустил в ход если не самое представление, то суждения собрания. Говорили, что хорошо бы разряду стоять на страже чистоты нашего языка и

---

[1]) Глазов, В. Г., ген.-лейт., министр нар. просвещения.

[2]) Кони, А.Ф., почетный академик.

предостерегать общество от неправильностей, все чаще и легче по вине повседневной печати проникающих в язык. Говорили, что надо было бы издать словарь наших поэтов и их рифм, начиная, конечно, с Пушкина.

21 декабря.

Ужасная весть. Только-что прочел в «Новом времени» сообщение, — правда, полученное из иностранных источников, — о падении Порт-Артура. Газета говорит, что он сдался, что Стессель согласился на поставленные японцами условия...

Я еще не верю. В «Новом времени», быть может, только легкомысленно поверили иностранным известиям. Среди сегодняшних телеграмм есть одна: штурм продолжается.

23 декабря.

Как громом ошеломила меня весть о сдаче Порт-Артура. У его защитников не осталось снарядов; все больны цынгой и тифом, раненых бездна, японские снаряды попадали в госпитали и ранили уже раненых. Мы взорвали форты и суда в порту. Это второй Севастополь — и ровно через 50 лет. Совершенно выбит из колеи...

25 декабря.

Вечером получил от Витте бумагу, в которой говорится, что государь, по всеподданнейшему его докладу, повелел «пригласить меня в заседание Комитета министров, на правах члена оного, для присутствования при обсуждении Комитетом порядка направления вопроса об облегчении отечественной печати от излишних стеснений (п. 8 именного высочайшего указа 12 сего декабря)». Предвижу, что по обсуждении в Комитете министров вопрос будет передан на рассмотрение комиссии из лиц, близко стоящих к печатному делу, под моим председательством.

28 декабря.

От Рихтера и Теплова слышал то самое мнение, которое и сам первоначально составил себе о сдаче Порт-Артура. Их оскорбляет сдача. Зачем не устоял он до конца, не держался до последней капли крови, не погиб мучительно, но со славою, как погибали «Варяг», «Кореец», «Стерегущий», «Рюрик»? Я спорил с Рихтером и Тепловым, но в душу снова закралось сомнение в безукоризненности доблести порт-артурцев.

Завтракали в ½ 12, чтобы мне не опоздать в Комитет министров. Там меня встретил управляющий его делами барон Нольде, шурин нашего Муринова. Заседание началось в 1 час слушанием дела сенатора Тура; Нольде просил меня, тем не менее, войти, хотя дело, к

которому я приглашен, было назначено к слушанию только в 1½ ч. Время еще не пришло. Мне указано было занять второе место слева от председателя, между местами Владимира и гр. Сольского.

Владимир не приезжал, а Сольский явился позднее. Слышал конец суждений по делу Тура. Решили сохранить опеку. Со мною членов было 25; из семьи присутствовали Миша, Алексей и Сандро. Сразу все согласились, что обсуждение вопроса об устранении стеснений, коим у нас подлежит печать, должно быть передано особой комиссии вневедомственной, с привлечением в ее состав сенаторов и членов Академии наук. Я указал, что надо упомянуть и о почетных академиках, более действительных членов Академии знакомых с делами, касающимися печати. Заседание тянулось с перерывом в ¼ часа до ½ 6. Мною было говорено о том, какие из положений Комитета министров, последовавших вслед за законом 1865 года, должны быть оставлены в силе, пока комиссия не выработает новых условий для печати. Особенно горячо говорили министр юстиции Муравьев, министр финансов Коковцов, Куломзин, Сольский, Фриш.

1905 ГОД.

6 января.

Крещенский парад. Просил разрешения государя не выходить на иордань, чтобы поберечь горло. Он позволил, сказав, что знает, что я не выхожу не по нежеланию, а по необходимости. Жена с Татьяной приехала в Зимний, когда кончалась обедня, и мы ее застали в Малахитовой. Смотрел с Татьяной из окон, как крестный ход шел на иордань. Когда служба приходила к концу, отправился назад в залы дождаться возвращения с иордани. Тут заговорили, что во время водосвятия, когда начался салют, последовал картечный выстрел. После второго или третьего выстрела салюта вдруг по направлению от правого берега Невы полетели картечные пули. В двух местах пробило знамя морского корпуса, пули сквозь оконные стекла попали в парадные нижние сени и в Николаевский зал. Слышно, что кто-то,— кажется, городовой, — ранен или даже убит. Думали, не попал ли как-нибудь во время салюта первой сводной конной батареи, расположенной у биржи, боевой снаряд вместо холостого. Но это неправдоподобно. Наш лакей Селезнев слышал от городовых, что под одним из пролетов Дворцового моста, ближе к Васильевскому острову, устроили приспособление вроде пулемета. Должно быть, это покушение на жизнь государя и высших сановников, которые в большом числе были на иордани. Какой ужас!

Утром 8 января.

Мне говорили Ксения, Сандро, Микулина и министр госуд. имуществ Ермолов, что уход Святополк-Мирского решен; будто бы он сознает, что не пользуется доверием ни сверху, ни снизу. В Баку стачки рабочих — забастовали. Там кончилось, а то же настроение перенеслось и сюда. Здесь забастовали Путиловский и Невский заводы. Вечером вышло особое прибавление к «Правительственному вестнику», где говорится, что выстрел во время водосвятия есть несчастная случайность, а не злонамеренное покушение. В действующей армии на нашем правом фланге зашевелилась конница. Мищенко произвел набег, но мне кажется, что понесенные им потери — 300 человек — едва ли окупаются достигнутой целью — порчей железной дороги и телеграфа на расстоянии 500 метров и сожжением японских складов. Нам, привыкшим верить в непобедимость русского оружия, приходится целый год убеждаться в превосходстве над нами какой-то ничтожной Японии. С трудом переживаются такие уроки! А внутри у нас только сумятица, нестроение и ряд глупостей и ошибок правительства.

8 января.

8 числа ни одна газета не вышла — везде перестали работать. Из окрестностей Петербурга вызваны войска. Ожидают, что в воскресенье десятки, если не сотни, тысяч рабочих соберутся на площади перед Зимним дворцом, чтобы заявить свои требования самому государю. Но он в Царском. Мне кажется, что власти потеряли голову.

9 января. Мраморный.

На Путиловском, Невском и некоторых других заводах рабочие не только забастовали, но тысячными толпами ходили по улицам, требуя от рабочих других заводов, фабрик, мастерских, типографий и пр., чтобы и там прекратили работы, грозя в противном случае насилием. Нежелание рабочих этих заведений согласиться на требования путиловских не помогало, и полицией было сделано распоряжение закрывать мастерские во избежание побоища. Не думаю, чтобы такая уступчивость была целесообразна. То же было и с типографией Академии наук. Только я потребовал от полиции письменного заявления о необходимости прекратить работу, как того требовала нахлынувшая толпа забастовавших.

10 января.

Слухи, ходившие по городу о том, что 9 числа стачечники или рабочие намереваются собраться на Дворцовой площади, чтобы подать прошение государю, оправдались. Приняты были меры: не-

хота и конница оберегали подступы к дворцу. После полудня густые толпы народа хлынули к дворцу; войска их задерживали, и в некоторых местах были даны залпы. Я слышал, что священник Георгий Гапон, стоящий во главе разрешенного год назад Общества заводских и фабричных рабочих, оказался явным революционером. От деятельности, направленной к улучшению быта рабочих, Общество перешло к политической агитации. Говорят, о. Гапон или схвачен или даже убит.

Утром казалось на улицах спокойно. Поехал в санях в главное управление. Действительно, ничего подозрительного не было заметно. Думал, что на приеме никого не будет, однако пришли. Когда собрался ехать домой, сказали, что на улицах опять появляются толпы и может быть не безопасно. Особенно неприятно военным — их оскорбляют и словами, а иногда и действием. Взял с собой Риттиха, который за меня тревожился; мы надели шашки наверх пальто и поехали вместе в санях. Добрались до дому вполне благополучно. Потом уже не выходил и не выезжал.

11 января.

Удручающее впечатление производят уличные беспорядки, буйство толпы, разбивающей фонари, стекла в магазинах, грабящей в них товар, и необходимость кровопролития.

Во весь день никуда не выезжал. Говорят, на улицах было тише, чем накануне, но буйства кое-где повторялись, и войска все еще занимали улицы. Был у меня С. Ф. Платонов; я все более ценю его. Какие у него трезвые взгляды на современное положение! Недаром занятия русской историей научили его смотреть как должно на настоящее России. — Пригласил к себе академиков Веселовского и Шахматова и вот почему. С. Ф. Платонов передавал Павлу Егоровичу, что среди профессоров возникла мысль учредить союз учащих; предполагался банкет, раздавались записки с приглашением участвовать в союзе, который имеет целью создать влияние профессоров и вообще учащих на учащихся. Не подлежит никакому сомнению, что к союзу примкнут лица неблагонадежные и будет постановлено выразить правительству что-нибудь вполне неприемлемое. Академики Фаминцын, Веселовский и Шахматов дали свои подписи. Но это был только слух. Шахматов заявил мне, что, сочувствуя намерениям, выраженным в записке, он не согласен с изложением, а потому еще не подписался, хотя ему трудно было не последовать примеру товарищей по Академии. Веселовский дал свою подпись. Я старался убедить его, что теперь, когда правительство впервые имеет в виду обращаться к содействию Академии, не следует академику компро-

метировать ее; Шахматов меня поддерживал. Мы условились, что они повидаются с Фаминцыным и другими академиками, подписавшимися под запиской, и будут убеждать их вычеркнуть подписи, имея в виду важность работы, предстоящей Академии. Но вот, только что получил я от Шахматова письмо: его старания успеха не имели — никто из академиков не согласился вычеркнуть своей подписи, и Шахматов, сознавая, какая туча висит над Академией, сам подписался под запиской, не желая отставать от товарищей в трудное время и сознавая, что отсутствие его имени под запиской не отстранит от Академии беды.

12 января.

Вечером рабочим удалось перерезать электрические провода, и освещение на Невском и на Троицком мосту погасло. К утру однако фонари снова горели.

13 января.

Риттих был у меня около 9 утра, и мы вместе отправились в парных санях на Кадетскую линию, он боится, чтобы я ездил один. Думаю, что это излишняя предосторожность. До сих пор я не заметил на улицах ни одного враждебного лица и не слыхал никаких оскорбительных слов. Правда, выезжал я только в Кадетскую линию и обратно. В Петербурге, говорят, тише, беспорядки стихают. Собирался 14-го ехать в Ярославль, где ради моего приезда отложена свадьба Алеши Турчанинова с 7 на 16. Но Палиголик советует обождать с поездкой, пока окончательно не прекратятся беспорядки.

Объявлен указ о назначении бывшего московского обер-полицеймейстера свиты его величества ген.-майора Трепова петербургским генерал-губернатором. Ему предоставлена большая власть. Мы знали его в конной гвардии за человека деятельного и решительного. Говорят, в Москве его не любили. Стоящие за строгость, т.-е. консерваторы, довольны его назначением. Слышал, что Максим Горький замешан в подстрекательстве к беспорядкам и успел скрыться, когда войска не дали рабочим достигнуть цели. Что думает государь? Слыхал, что незадолго до 9-го, когда подготовлялись беспорядки, он не склонен был придавать им значение и думал, что их сильно преувеличивают. Скверное переживаем мы время.

Ездил с докладом к Сахарову. Слышал от него, что князь Святополк-Мирский ни в каких совещаниях за самые последние дни участия не принимал, и говорит, что он больше не у дел. Называют ему преемником Александра Дмитриевича Оболенского, его брата Алексея, товарища министра вн. дел Дурново. Но назначение состоится,

вероятно, через несколько времени, так как теперь его связали бы с последними событиями. Слышал, что противоправительственная партия около 9-го числа собралась в заседание в Вольно-Экономическом Обществе и избрала главами управления ожидавшимися беспорядками Максима Горького, Кедрина, Анненского и еще какого-то присяжного поверенного с еврейской фамилией. Говорят, что они арестованы. Арестован также профессор истории Кареев и сидит в крепости. Вышло объявление, подписанное министром финансов Коковцовым и новым генерал-губернатором Треповым. В городе спокойно; уличные беспорядки не возобновлялись. Меня с С. Ф. Платоновым пригласили в заседание департамента экономии, где слушалось дело о моем Женском педагогическом институте; оно прошло гладко.

15 января.

Газеты, кроме «Правит. вестника», еще не выходили. Между тем на многих заводах работы возобновились. Не знаю, что сталось с священником Гапоном; о нем ходят противоречивые слухи; говорят, что он ранен и арестован, а другие,—что ему удалось скрыться. Есть официальное известие, что японцы заплатили громадные деньги, чтобы посеять в Петербурге беспорядки.

Генерал Макаров говорил мне, что у него при Педагогическом музее есть отдел самообразования; некоторые из его членов, например Кареев, Семевский, арестованы; они в числе других ездили к Святополк-Мирскому и Витте с заявлением против употребления войсками оружия во время усмирения уличных беспорядков.

Приезжал ко мне командующий лейб-уланским полком флигель-адъютант полковник Орлов по следующему поводу. На-днях получил я от академика Радлова и хранителя Геологического музея Толмачева донесения; в них говорилось, что служащий в Этнографическом музее Анучин, идя в музей, был по приказанию уланских офицеров схвачен двумя солдатами уланского эскадрона, на время расположившегося между академическими зданиями в Таможенном переулке, повален на землю и избит. Для меня было несомненно, что донесения пристрастны и односторонни и что Анучин чем-либо сам вызвал произведенное над ним насилие. Оба донесения я послал Орлову; он произвел дознание, и оказалось, что Анучин остановился перед эскадроном и стал его рассматривать. Такие остановки были запрещены и полицией и строевым начальством, так как вели к нежелательному скоплению толпы. Анучин не захотел повиноваться, когда его вежливо попросили проходить. Ротмистру Назимову пришлось приказать двум солдатам его проводить, а когда Анучин стал упираться, то третий солдат дал ему тумака и сшиб с него шапку. На землю его не валили,

на что указывает и один из очевидцев, Толмачев. В Зоологическом музее пришлось целых 5 дней и ночей приютить роту Финляндского полка, и директор музея не только не озаботился устроить ее поудобнее, а даже обращался к ротному командиру кап. Жерве с упреками. Подлая тенденция.

16 января.

В Ярославле без меня состоялась свадьба моего питомца Алеши Турчанинова и Маргариты Борисовны Крейтер. Я не поехал в Ярославль по совету Павла Егоровича. Ожидали повторения беспорядков: если бы они произошли, мое отсутствие могли бы истолковать трусостью. Но беспорядков не было. Иногородние, вызванные сюда, войска все еще находятся в Петербурге. У нас в манеже продолжает квартировать 1 эскадрон л.-гв. конно-гренадерского полка. Все солдаты были у нас в церкви. Ко мне приезжал управляющий делами Комитета министров бар. Нольде и передал мне о намерении Витте доложить государю о желательности назначения членами совещания по законам о печати академиков Ключевского (находящегося в Москве) и Лаппо-Данилевского и почетных академиков гр. Голенищева-Кутузова, А. Ф. Кони и К. К. Арсеньева. Мне не понравился выбор Лаппо-Данилевского. Посоветовался с Павлом Егорычем, который также не одобрил этого выбора; просмотрели вместе список академиков и остановились на именах вице-президента Никитина, Шахматова и особенно бар. Розена. Написал в этом смысле Витте, прибавив, что хорошо бы назначить в совещание и С. Ф. Платонова. Написал возражения на донесения Радлова и Толмачева, а также о своем неудовольствии на Заленского. У казенного дома Академии, на углу набережной Вас. острова и седьмой линии, где живут некоторые академики, в дни беспорядков тоже находилась рота л.-гв. Финляндского полка. Чтобы дать людям погреться, смотритель зданий Тулинов поместил их на лестнице, но живущие там академики Лаппо-Данилевский, Чернышев и Радлов потребовали, чтобы солдат убрали. Тогда вице-президент устроил солдат на своей лестнице. Я зол на академиков.

19 января.

В Академии, перед началом заседания, в присутствии вице-президента и непременного секретаря, прочел академикам Радлову и Заленскому то, что написал по поводу случаев с Анучиным и уланами и ротным командиром Финляндского полка и Заленским. — Заходил в Большую залу Академии на выставку картин кружка московских художников и художественной «индустрии». Большей частью бездарность, наглость и нахальство. Вот, например, небольшой холст темно-

серого цвета, не разберешь, что такое: деревья, облака или стоги? И заглавие: «Я люблю эту ночь». — Был у меня Сандро; ему хотелось поговорить по поводу последних событий. Он думает о необходимости земского собора: я же полагаю, что это было бы несвоевременно. Предложил ему офицера Александровского корпуса Опацкого в воспитатели его детей. — С. Ф. Платонову пришлось говорить со слушательницами I и II курсов моего института. Они волнуются, думают, что «гражданский долг» велит им забастовать. И немудрено: они не могут не находиться под влиянием толков и, особенно, кривотолков, которых теперь так много, и волнуются. В институте им спокойно разъясняют, что никто их не принуждает учиться, а не хотят, — пусть уходят. Но если уйдут, мы уже не примем их обратно.

20 января.

В «Правит. вестнике» напечатано, что 19-го государь в Царском Селе принял 34 человека рабочих различных петербургских и пригородных заводов. Чудесные слова, обращенные к ним государем, напечатаны и производят отрадное, освежающее впечатление [1]). Был в институте, у Ильи Александровича, на минуту в конторе у Палиголика, у Мити. Войска, вызванные из-за города, распускают; конно-гренадеры от нас уходят.

29 января.

Голова еще не была в порядке. Опять вызвали из-за города войска на случай новых уличных беспорядков. К нам в манеж опять пришел 1-й эскадрон конно-гренадер, а его офицеры — Исарлов, Эгерштром, Алексей Короченцев и Мазинг — снова поместились в комнатах Мити. Сам же Митя не приезжал из Стрельны: последние события сильно повлияли на его нервы, он совсем раздергался, плохо спит, расстроен, ему дают бром. — Днем побывал в институте. Накануне слушательницы, с разрешения директора и начальницы, голосовали вопрос: прекратить ли занятия или продолжать. Около $^2/_3$ было за продолжение учения. Слушательницы просили меня принять их представительниц, что я и сделал в канцелярии. От лица желавших прекращения занятий было три слушательницы и между ними дочь директора ярославского кадетского корпуса Лидия Калишевская; семь девиц пришли от имени желавших продолжать занятия. Я долго беседовал с этими 10 слушательницами. Потом заходил в аудитории на все курсы и выражал удовольствие по поводу их желания не прекращать занятий.

[1]) О том, как была организована Треповым мнимая «депутация от рабочих Петербурга» к царю, см. В. И. Невский, Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931. Изд. Политкаторжан, стр. 131 и др.

30 января.

Павел Егорович доставил мне вырезку из газеты «Русь», где от 27 января помещена «Записка 342 ученых» [1]), к которым позднее присоединилось еще 31. В записке говорится о всем хорошо известном тяжелом положении нашей школы и учащих в ней. Начало записки не вызывает никаких сомнений, все это истины, хорошо известные и давно озабочивающие правительство. Но вывод и неожиданный и прискорбный; ученые приходят к заключению, что «академическая свобода не совместима с современным строем России», и, присоединяясь к резолюции земских деятелей и заявлениям Московской думы, московского, калужского и др. земских собраний, высказываются за «политическую свободу», за «привлечение свободно выбранных от народа представителей для осуществления законодательства». В числе подписавших находится 16 академиков, т.-е. около половины действительных членов Академии наук: Бейльштейн, Бекетов, Бородин, Веселовский, Заленский, Залеман, Ляпунов, Лаппо-Данилевский, Марков, Ольденбург, Овсянников, Радлов, Фаминцын, Чернышов, Шахматов и Янжул. Я возмущен появлением подписей этих академиков под глупой противозаконной запиской.

1 февраля.

Все утро, как и накануне вечером, сочинял возражение на записку 342 ученых. Хотелось бы пустить ее в газету от имени президента императорской Академии наук. Посоветуюсь с Павлом Егоровичем и с С. Ф. Платоновым. Писал возражение страстно, разбивая авторов записки их же доводами. Все утро просидел дома.

---

[1]) «Записка 342 ученых», вполне поддерживая требования частного совещания земских деятелей и аналогичные постановления губернских и уездных земских собраний, говорила о необходимости реформы высшей и средней школы.

В своем «Возражении» — письме к 16 академикам — автор дневника «не считает себя, как президент Академии, в праве остаться безгласным» и возражает: «Авторы записки правы, что «неизбежно понижение научного и нравственного уровня профессорской коллегии», когда эта коллегия, забывая свои прямые обязанности, обращается на дело, к которому не призвана. Да, авторы записки правы, что «неизбежна потеря уважения и доверия к учителям», когда они рассуждают об «элементарных гарантиях законности» и, подписывая записку, сами нарушают эту элементарную законность». Заканчивая свое возражение, автор дневника говорит: «Вместо забот «о привлечении свободно избранных представителей всего народа к осуществлению законодательной власти и к контролю над действиями администрации» деятели ученых и учебных учреждений хорошо сделали бы, если бы позаботились о скором и святом исполнении своего высокого и ответственного учебного долга». Это «Возражение» было помещено в газетах «Наши дни» и «Русь».

3 февраля.

Вечером был в общем собрании Археологического общества. Фармаковский сделал любопытное сообщение о развалинах дворца Миноса в Кноссе, на Крите. В отделении русского языка и словесности и разряде изящной словесности единогласно избрали П. И. Вейнберга в почетные академики. Я не ездил в заседание, как не поеду и 5-го, в общее собрание Академии, где экстраординарного академика Лаппо-Данилевского будут баллотировать в ординарные: и Вейнберг и Лаппо-Данилевский оба подписали записку 342 ученых, и я не хочу участвовать в избрании, которого они, по-моему, недостойны. Мое возражение на записку 342 Платонов прочел, но мы еще не успели переговорить.

февраля.

Был дома уже в начале 12-го часа. Предполагал опять ехать в Царское на семейный обед. Но в 5 уведомили, что обед отменен; я не знал, отчего. В 6, по обыкновению, иду наверх к мама; там меня встречает Павел Егорович; по лицу его вижу, что случилось что-то ужасное. Он говорит мне, что из Москвы дурные вести... что было покушение на Сергея... Что он у б и т двумя ручными бомбами. Как громом пораженный, я в первую минуту ничего не соображал. Пошел к мама прощаться. Ей никаких горестных вестей не сообщают. Только выйдя от нее понял я, чего лишился, и заплакал. Надо было подготовить жену — она так любила Сергея... И у ней и у меня было чувство, что мне надо ехать в Москву к телу моего бедного друга, к бедной Элле, подле которой нет никого из родных. Поехали с женой и Митей к Владимиру. Он откуда-то имел известие, что Сергей ехал в карете, что у Никольских (в Кремле) ворот кто-то бросил под карету две бомбы, что Сергей жил еще 10 минут. Сам Владимир не может ехать в Москву; на его обязанности — охрана столицы. На вопрос мой, не надо ли мне ехать, он сказал: «Si tu ne crains pas de t'exposer». Митя его поддерживал, находя, что, ввиду намерения извести весь царствующий дом, лучше не подвергать себя опасности. Но я с ними не соглашался. Да и жена находила, что мне надо ехать, хотя и боялась за меня... Вернувшись домой, отправил телеграмму государю, испрашивая приказаний, ехать ли в Москву... Посылал за вице-президентом Никитиным; прочел ему свое «возражение» 342 ученым, которое, по совету С. Ф. Платонова, намеревался на другой день прочесть в общем собрании Академии. Никитин отговорил меня. Только за полчаса до отъезда из дому пришел по телефону утвердительный ответ государя.

5 февраля. Москва.

На вокзале встретили меня ген. Малахов, новый градоначальник Волков и еще кто-то. Рассказали, что Сергей не жил и минуты, что смерть последовала мгновенно, что от тела почти ничего не осталось, что останки собраны в гроб и находятся в Чудовом монастыре, что Элла изумительна в своем самообладании, что она вчера же вечером навестила в госпитале кучера, получившего 79 ран, но еще не умершего. Заехал к Иверской, а оттуда прямо в Николаевский дворец, где, с тех пор, что ждали в Москве забастовок рабочих, помещались Сергей и Элла.

6 февраля. Москва.

Ужасное событие представляется каким-то сном... В России дела идут все хуже; если оглянуться на осень, на сентябрь — октябрь, просто не верится, какими быстрыми шагами мы идем навстречу неведомым, но неизвестным бедствиям. Всюду разнузданность, все сбиты с толку. Профессора открыто выражают негодование по поводу событий 9 января в Петербурге и отказываются преподавать, не отказываясь от жалования. Студенты бастуют, объявляя свое решение, что высшие учебные заведения должны быть закрыты до осени. Бастуют гимназисты и реалисты; хуже того, родители учащихся в царскосельском реальном училище решили, что занятия в нем должны быть приостановлены. Газеты, вроде «Нашей жизни» или «Наших дней», позволяют себе открыто и громко порицать правительство. О земском соборе свободно говорят даже более сдержанные газеты. Точно нет уже власти, сильной руки правительства никто не чувствует, да ее и нет.

7 февраля. Москва.

Проездом из Петербурга в действующую армию, по поручению государя, был у Эллы флигель-адъютант кн. Трубецкой. Здесь слышали от него, что в Петербурге великим князьям не велено ехать в Москву, чтобы не подвергаться новым покушениям. Не понимаю, что это значит: ведь не будут же они сидеть взаперти по своим домам, а показываясь на улице, они столько же подвергаются опасности, как если бы приехали в Москву.

9 февраля. Москва.

Ожидая, когда сойдутся пить кофе, возмутился, прочтя в «Моск. вед.» известие из Петербурга о сходке в университете, на которой 3700 студентов постановили, что не хотят земского собора, а требуют Учредительного собрания; постановили еще, что университет закрывается до 1 сентября, но студенты оставляют за собой право не заниматься и тогда, если кто-либо из товарищей подвергнется насилию. Что

это за комедия? Как не выгнать и не лишить казенных стипендий студентов, которые вместо того, чтобы учиться, занимаются политикой? Как не отнять казенное содержание у профессоров, которые бастуют с демонстративной целью?

Павел [1]) рассказывал, что был накануне в Царском. Государь и обе императрицы неутешны, что не могут отдать последнего долга покойному: покинуть Царское им слишком опасно. Все великие князья уведомлены письменно, что не только им нельзя ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском или Исаакиевском соборе. Об этом, т.-е. об опасности для всех нас, Трепов докладывал государю, после чего было отдано это распоряжение.

(Продолжение следует.)

---

[1]) Павел Александрович, вел. кн.

К истории нечаевского процесса.

(Донесения и письма И. Д. Горемыкина.)

Автор публикуемых ниже донесений и писем коллежский советник Н. Д. Горемыкин был командирован в Москву III отделением, в котором он служил, для участия в расследовании нечаевского дела. Обстоятельства, вызвавшие его командировку, сводились к следующему: в 20-х числах ноября 1869 г. III отделению стало известным, что книжный магазин и библиотека А. А. Черкесова в Москве являются пунктом, откуда производится рассылка по почте революционных прокламаций. 24 ноября управляющий III отделением телеграммою предписал начальнику московского губернского жандармского управления генералу Слезкину произвести обыск у заведующего библиотекой Успенского, а 26 ноября Слезкин сообщил в III отделение о блестящих результатах этого обыска: в числе различных бумаг, отобранных у Успенского, оказались: заграничный паспорт на имя Н. Н. Николаева, по которому, как было известно III отделению, Нечаев в марте 1869 г. уехал заграницу, ряд документов с печатью «Комитет Народной Расправы 19-го февраля 1870 года» и список лиц, которые, как скоро выяснилось, были привлечены или намечены для привлечения в ряды «Народной Расправы». Слезкин, самолюбие которого было задето тем, что указание на существование в Москве тайного общества было получено им из центра, старался убедить свое петербургское начальство в том, что ему давно было известно о преступной деятельности Успенского, что он «имел ввиду» произвести у Успенского обыск и, если не сделал этого, то лишь потому, что считал обыск «преждевременным». Однако III отделение не поверило в предусмотрительность Слезкина; его донесение, сохранившееся в деле III отделения, испещрено карандашными отметками иронического содержания, вроде «от «именья ввиду» Нечаева не поймаешь». Если таким образом Слезкин обнаружил недостаточную активность, то московский обер-полицеймейстер ген. Арапов, наоборот, чересчур переусердствовал: в течение нескольких дней он произвел в Москве 65 обысков, в громадном большинстве совершенно безрезультатных, ибо они производились у людей, не имевших никакого отношения к нечаевскому делу, но по той или иной причине считавшихся Араповым за «подозрительных» в отношении их политической благонадежности. Слезкин, испугавшийся конкуренции со стороны Арапова, обратился в III отделение с жалобой. Указывая, что обыски, произведенные Араповым, «не только не дали практических результатов, но нанесли положительный вред делу», Слезкин просил о «прекращении, хотя на время, обысков по указанию московской полиции».

Чтобы положить конец соперничеству московских властей и упорядочить ход расследования, III отделение сочло нужным командировать в Москву одного из своих чиновников, Горемыкина, которому дано было поручение объединить все дело расследования и руководить им, действуя совместно с Слезкиным и Араповым, а также с московской прокуратурой. 4 декабря Горемыкин приехал в Москву и приступил к выполнению возложенной на него задачи. Таким образом для расследования дела об обществе «Народная Расправа» было создано нечто вроде специальной комиссии. Эта комиссия держала III отделение в курсе всей своей деятельности, ежедневно посылая туда «журналы», содержавшие в себе краткое изложение всех действий комиссии за отчетный день. Помимо этого Горемыкин считал необходимым информировать III отделение о своих действиях в форме донесений на имя управляющего III отделением графа Н. В. Левашева и в форме писем (более интимного содержания) на имя чиновника III отделения К. Ф. Филиппеуса. Эти донесения и письма Горемыкина мы заимствуем из дела III отделения, 3 экспед., 1869 г., № 115 «Об организации общества с целью ниспровержения в империи существующего порядка правления» (Архив Революции и Внешней Политики).

Б. Козьмин.

I.

Прибыв сего числа, в 9 ч. утра, в Москву, я тотчас же отправился к генералу Слезкину, к которому вскоре приехал и полковник Воейков [1]). По получении от него первоначальных сведений по известному делу, мы пришли к убеждению о необходимости задержать здесь на некоторое время Скипского, его показания и бумаги [2]). Между тем сделано распоряжение о разыскании лиц по списку, данному мне из С.-Петербурга [3]); как только они будут разысканы, у них будут произведены обыски. Теперь я отправляюсь к прокурору Мотовилову [4]), к г. обер-полицеймейстеру, а затем тотчас же будет приступлено к тем распоряжениям, какие окажутся необходимыми по более подробном рассмотрении здешнего дела и указаниям Скипского, которого есть надежда вызвать на более откровенные объяснения. Во всяком случае, он долго задержан не будет.

Сегодня ночью получена здесь телеграмма об арестовании Иванова, между тем оказалось, что здесь 23 ноября убит мещанин Ковенской губ., православного исповедания, Иван Иванов [5]), воспитывавшийся в Койдановской гимназии. По некоторым данным покойный Иванов принадлежал к тому же обществу, и едва ли не тот, которого нужно разыскать. Вслед за сим будут представлены подробности, пока еще недостаточно объясненные. Со Скипским я буду сегодня же говорить.

Коллежский советник Н. Горемыкин.

4 декабря 1869 г. Москва.

II.

Совершенно секретно.

Из представляемых журналов ваше сиятельство изволите усмотреть о деятельности нашей здесь, в Москве, по известному делу.

Независимо однако же сего, во исполнение данного мне вашим сиятельством приказания о представлении ближайших по этому делу сведений, имею честь доложить следующее:

Приехав в Москву 4 сего декабря и посетив тотчас же всех тех лиц, с которыми мне необходимо было видеться, я в тот же день приступил к обзору всего того, что здесь было сделано. Известные уже частью вашему сиятельству недоразумения между действующими лицами и отсутствие системы г. г. деятелей, не могли не отзываться на ходе дела, и потому я прежде всего постарался сгладить все эти недоразумения и тотчас же привести все дело в систему, подобно тому, как это устроено в С.-Петербурге по указаниям вашего сиятельства. Подобные действия не помешали однако же продолжению дела, и, как могут свидетельствовать наши журналы, все необходимые распоряжения продолжаются безостановочно. Очень нас стесняло помещение, которого не было до сих пор для нас, но и это затруднение мне удалось сегодня устранить: с разрешения г. генерал-губернатора и по соглашению моему с г. обер-полицеймейстером, нам дано возможно удобное помещение, и наши арестованные соединены в ближайших частях. К сожалению только, помещения в частях здесь очень не хороши, и содержание арестантов так неудовлетворительно, что я приемлю смелость ходатайствовать перед вашим сиятельством об отпуске на улучшение их содержания какой-нибудь суммы, примерно хотя по 25 коп. в сутки на человека, как это было сделано в 1866 году для тех лиц, которые тогда арестовывались следственной комиссией. — Некоторые из арестованных, как например Скипский, в видах самого интереса дела не могут положительно оставаться при наших невыгодных условиях содержания, и потому я взял смелость немедленно улучшить их быт из тех средств, которыми я снабжен при отъезде; но если я буду тратить эти средства подобным образом, то я боюсь, что их нехватит на другие необходимые по делу расходы.

Не могу скрыть перед вашим сиятельством о том сочувствии, которое я встретил здесь во всех тех лицах, к коим мне пришлось обращаться, но не смею также скрыть того, что 65 обысков, сделанных по распоряжению полиции, как я убедился из просмотра самого дела, действительно вызвали здесь много толков и произведены только по п о д о з р е н и ю [6]), причем однако же ничего не оказалось. Ропот поддерживается еще тем, что обысканные обязаны подписками о не-

выезде из Москвы, а разрешения на выезд им не дается на том основании, что об обысках донесено III отделению. Ввиду всего этого дальнейшие обыски, по соглашению моему с г. обер-полицеймейстером, приостановлены, обыски делаются и арестуются только те, о которых получаются приказания III отделения, которые значатся в списке Успенского и, наконец, те, к обвинению которых по найденным в бумагах документам представляются несомненные данные, как например, Прозерн [7]). В настоящее время, когда дело приведено, наконец, в систему, все недоразумения устранены и аресты кончены, мы принялись за разбор бумаг, без чего, как мы все убедились, нет никакой возможности не только приступить к новым допросам, но и разъяснять прежние показания. Поэтому мы и взяли смелость испрашивать разрешение вашего сиятельства на продолжение сего занятия, которое, при наших общих усилиях, мы не замедлим окончить в самом непродолжительном времени. Эта мера чрезвычайно важна еще в том отношении, что дает нам новые и весьма серьезные указания против разных лиц, например Черкесова, Ткачева, оказывающегося участником в настоящем деле, и др.

Приемлю смелость доложить вашему сиятельству, что мы не тратим ни одной минуты даром и спешим окончанием дела, насколько есть возможность. Чрезвычайно важным теперь представляются Скипский, Прозерн, быв. владетель магазина Черкесова, и Прыжов, б. приказчик этого магазина. Против самого Черкесова тоже являются новые улики, о которых будет доложено особо.

Горемыкин.

6 декабря 1869 г. Москва.

III.

В дополнение телеграммы моей от вчерашнего числа [8]) имею честь представить вашему сиятельству подробности об убийстве Иванова.

25 ноября на берегу пруда, находящегося в совершеннейшей глуши за садом Петровской земледельческой академии, верстах в $1^1/_2$ от самого здания академии, найден труп студента академии Ивана Иванова Иванова со всеми признаками насильственной смерти: голова разбита и, кроме того, прострелена сзади пулею, вышедшею в левый глаз; шея затянута шарфом, к которому привязан кирпич; ноги в коленях и около ступней связаны бечевкою, к которой также прикреплен кирпич. Ограбления нет, целы даже часы, которые, конечно, прежде всего были бы похищены, часы остановились на 20-ти минутах 6-го часа, как полагают, в то время, когда покойный был погружен в воду (труп найден около самой воды); прострел в голову, как положительно удостоверяет врач, сделан после смерти.

Произведенными разысканиями обнаружено следующее: Иванова видели в последний раз в Москве 21 ноября, в этот день он был в семействе Сабаниных, где одна из дочерей была его невеста, а потом пошел к товарищам своим Киезо [9]) и Лау [10]); по показанию последних, Иванов вышел из их квартиры часу в 5-м дня, будучи вызван каким-то неизвестным им человеком. Вскоре после того вышли на улицу и Киезо с Лау и на Сретенском бульваре встретили Иванова, что немало их удивило, так как Иванов сказал им, что ему необходимо отправиться на Чистые пруды — местность совершенно противоположную. Из Петровского Иванов выехал в последний раз 20 ноября с Алексеем Кузнецовым, а между тем Кузнецов еще 12 числа взял отпуск в С.-Петербург и перед получением отпуска о ч е н ь хлопотал о нем, говоря, что ему необходимо как можно скорее выехать в Петербург.

Убийство, судя по следам крови, совершено в некотором расстоянии от того места, где найден труп; близ места совершения преступления найдены хорошая шапка и башлык, не принадлежащие покойному. Общий голос, что убийство совершено студентами Академии за то, что будто он в чем-то проговорился. Отсутствие признаков ограбления и совпадение убийства со временем арестов придают этому слуху некоторую вероятность; для нас же чрезвычайно важно то обстоятельство, что Иванова в последний раз видели с К у з н е ц о в ы м и Л а у, фамилии которых значатся в известном списке [11]). Поэтому-то, обратив особенное внимание на этих двух личностей, которые, во всяком случае, могут знать какие-нибудь подробности, все мы, с прокурором вместе, пришли к тому заключению, что, отнюдь не говоря с Лау (который должен был быть арестован сегодня ночью) и Кузнецовым о смерти Иванова, сделать предварительно самые тщательные розыски, но, как здесь положительно нет сыщиков, — что, я должен сознаться, крайне затрудняет нас вообще по сему делу, — то мы с прокурором и решились беспокоить начальство о присылке нам агента из С.-Петербурга.

Пока мы еще занимаемся рассмотрением бумаг, взятых при обысках, без чего при настоящем положении дела нет никакой возможности производить дознание и допросы; нельзя этих бумаг и в Петербург отправлять, так как действующие лица оказываются здесь. Но как бумаг чрезвычайно много, а между тем необходимо производить допросы, то я просил г. прокурора дать нам 2—3 лиц из прокурорского надзора, понимающих хорошо дело и в п о л н е надежных. Г. прокурор не только не отказал мне в этом, но и принял на себя ручательство за тех, кого он нам командирует. За всем тем они все-таки не будут посвящены во все то, что необходимо для нас как следователей, и будут только разбирать ту часть бумаг, которая будет дана им.

Вчера я имел честь донести вашему сиятельству о том, что мы устроились и на счет помещения; но оказалось, что отведенные нам в Сретенской части комнаты так холодны, что в них сидеть нельзя, и расположены так неудобно, что мы не можем приводить к себе наших арестантов помимо общей камеры; другого же помещения, как отозвались г. г. генерал-губернатор и обер-полицеймейстер, нет; где была следственная комиссия[12]) — уже занято. В такой крайности мы, чтобы не терпеть из-за краткости времени, решились нанять небольшую только необходимую для нас квартиру, совершенно отдельную и удобную для наших работ. Мы уже и имеем ввиду подобное помещение.

Имею честь испрашивать на это разрешения вашего сиятельства. Расход будет небольшой, ибо мебель мы достанем напрокат. Об ответе не изволите ли приказать телеграфировать?

Горемыкин.

Москва. 7 декабря 1869 г.

IV.

Из телеграммы моей, отправленной утром[13]), ваше сиятельство изволите усмотреть, что дело наше начинает несколько выясняться. Я боюсь еще представлять какие бы то ни было ручательства, но спешу доложить, что мы напали на след, если не самого главного, то одного из главных организаторов искомого общества. Личность эта — некто Михаил Иванович Титов, пребывающий, как видно, в разных местах Нижегородской губернии, о которых мы уже добыли сведения, и потому еще ночью телеграфировали полковнику Коптеву[14]) о разыскании и арестовании его. Найденная нами переписка как самого Титова, так Успенского и других лиц, несомненно, указывает на то, что Титов формировал тайное противоправительственное общество и с этой целью разъезжал по разным местам, вел особую переписку и набирал лиц, в том числе Успенского, которого вызывал к себе, наставлял, распекал за трусость и нерешительность и из которого выработал, наконец, ту личность, какою является теперь Успенский. Одним словом, улики против Титова так велики уже теперь, что даже по ним только его суд не мог бы оправдать и подвергнул бы его самому тяжкому наказанию, как составителя тайного общества с зловредной целью. Я говорю, что и суд обвинил бы его потому, что найденные улики, как свидетельствует прокурор, даже юридически неопровержимы.

Но, по обстоятельствам дела, одним этим лицом нельзя ограничиться: необходимо все разъяснить и удостовериться, один ли Титов — учредитель или есть еще и другие и в какой мере велико участие каждого из них. Вот почему нам нужно дожидаться его здесь и здесь же

окончить дознание, так как теперь уже достаточно выяснилось то, что центр группировки и деятельности общества есть Москва. Нам необходим также здесь и Успенский [15]) для объяснения его переписки и улик разных лиц, почему и имею честь испрашивать приказание вашего сиятельства о немедленном возвращении его сюда со всеми его бумагами, ненужными в Петербурге, и с теми сведениями из дела, которые касаются Москвы. О других справках, нужных по нашему делу, я вместе с сим прошу г. Филлипеуса. Но нам прежде всего необходим Успенский. Разбор всего найденного и приведение дела в систему, хотя и занимают много времени теперь, но, как ваше сиятельство изволите усмотреть, приносят ту великую пользу, что выясняют правильно дело, а затем совершенно облегчают нас при допросах, которые уже и начинаются.

За неимением в распоряжении г. г. генерал-губернатора и обер-полицеймейстера свободных помещений, нам дал его г. прокурор д. с. с. Мотовилов в доме министерства юстиции; оно совершенно отдельно, очень удобно и достаточно. Мы сегодня уже и перебираемся туда. Вообще я не могу умолчать перед вашим сиятельством о том честном, в высшем значении этого слова, отношении г. г. прокурора д. с. с. Мотовилова и его товарища Стадольского, с каким они обращаются к делу, и об их трудах. Простите, ваше сиятельство, если я, быть может, слишком много беру на себя, но о таких выдающихся лицах трудно умолчать. Генерал Слезкин может подтвердить справедливость невольно вырвавшегося у меня.

Горемыкин.

Москва. 8 декабря 1869 г.

V.

Москва. 8 декабря 1869 г.

Не сетуйте на меня, сердечно уважаемый Константин Федорович, что не писал вам до сих пор и что вообще не могу писать вам часто. Как честный человек, говорю — положительно нет никакой возможности. Считайте меня чем хотите, — хвастуном или лгуном, но я не могу не сказать вам откровенно (между нами), что я застал здесь невообразимый хаос, и если бы командирование сюда из Петербурга кого бы то ни было состоялось позже, то, я не знаю, чем бы все кончилось, не говоря уже о том, что то, что мы отыскиваем теперь, могло бы пропасть бесследно и безвозвратно. Надо к этому прибавить еще задетое самолюбие провинциальной администрации тем, что открытие сделано помимо их; самые отвратительные отношения не только лично между з д е ш н и м и высшими властями (в том числе и нашею [16]), но и между их управлениями, и всевозможные провинциальные дрязги

со всеми их прелестями; представьте себе все это вместе и можете составить себе понятие о том, как может итти дело при таких условиях. Вот почему я говорю, что идею о командировании сюда постороннего лица нельзя не назвать, по меньшей мере, самою практичною. Я, конечно, не могу не считать для себя чрезвычайно лестным оказанное мне начальством доверие, но вы можете себе вообразить, чего мне стоило сгладить все означенные шероховатости, насколько, по крайней мере, нужно для пользы дела, и поставить себя в такие отношения ко всем вышереченным личностям, чтобы не только стать, так сказать, посредствующим лицом, но чтобы еще воспользоваться их расположением, опять-таки не столько для себя лично, — хотя в моем положении и это очень важно, — сколько для пользы самого дела. При помощи божьей и тех добрых отношений моих с Москвою, которые сохранились еще до сих пор, мне думается, что все-таки я здесь не совсем бесполезен. По крайней мере, мне так кажется, судя по тем приемам, которые мне оказываются здесь всеми, и по тому, что я не встречаю ни в ком и ни в чем препятствий. Г. генерал-губернатор почтил меня таким приемом, о котором я и не воображал, просил меня заезжать к нему каждый день запросто, беседует со мною продолжительно, все действия мои одобряет вполне, откровенен со мной до интимности и пр. (Спешу оговориться, что я откровенен до *известной* степени и стараюсь вызвать более его на откровенность, для меня очень полезную; сам же я, — смею думать, — еще не проговорился, постараюсь и вперед.) Обер-полицеймейстер, при всем особом характере своем, оказывает мне подобный же прием и даже соглашается тотчас же приостановить (говоря между нами совершенно неосновательные) крайне бесполезные и немало наделавшие шуму и вреда обыски, например, потому, что такая-то личность носит синие очки, о которых вы отчасти знаете уже. С нашим управлением мы также идем рука об руку, но с кем у нас самые лучшие отношения, так это со здешним прокурором Мотовиловым и назначенным им к нам товарищем его г. Стадольским. Это такие *честные*, в высшем значении сего слова, разумные и преданные правительству и делу люди, с какими дай бог встречаться почаще. Насколько я ошибаюсь во всем этом, покажут обстоятельства и время, но пока все идет, как мне кажется, так удачно, что при тех условиях, при которых я прибыл в Москву, лучшего пока желать трудно. Дай бог только, чтобы хватило сил. Мы работаем здесь целые сутки, за исключением часов пяти и, много, 6, в которые мы едим и отдыхаем, следовательно, по крайней мере, 18 часов в сутки заняты. Таким образом, мы не сидим сложа руки; из наших журналов и донесений моих графу Петру Андреевичу вы знаете, что мы сделали, поэтому я не стану повторять теперь. При случае не откажите только

доложить его сиятельству, чтобы он не гневался на нас, что мы несколько дней занимаемся разборкою бумаг, которых ужасное множество. Эта работа необходима для успешного ведения дела и правильной постановки вопросов, что потом ускорит ход дела. А что мы не ошибаемся, может ему служить доказательством то, что мы таким образом фактически убедились, что, если не главным, то одним из главных организаторов является некто Михаил Иванович Титов, находящийся в Нижегородской губернии, куда мы уже телеграфировали об арестовании его с указанием места, где его можно найти. Это — личность, разъезжающая по разным местам, собиравшая к себе людей, дававшая им инструкции и пр. Он образовал Успенского, требовал его к себе, давал ему наставления и инструкции, распекал за нерешительность — одним словом, Успенский — его создание. Улики против Титова так сильны и неопровержимы, что, по мнению прокурора, он уже по одному тому, что нами открыто, мог бы быть приговорен судом к самому тяжкому наказанию, как составитель тайного общества с зловредной целью. Но нам необходимо разъяснить все дело, и потому прежде всего мы должны иметь его здесь. Если в отделении окажутся о Титове (звание неизвестно) какие-либо сведения, вышлите, ради бога, поскорее. Вместе с тем вышлите также поскорее возможно подробные сведения о следующих лицах:

1. Бывший нижегородский семинарист, а ныне дьякон в-г. Василе, Петр Соболев;

2. Его брат Николай, исключенный из какого-то заведения;

3. Некто Поспелов (кажется семинарист);

4. Коновалов;

5. Леватовы (нижегородские помещики);

6. Управляющий села Галибохи, Нижегородской губ., Александр Богданов Немцов;

7. Дядя Немцова Федор Карлович Клеминг, живущий по Гороховой в центральной гомеопатической аптеке;

8. Захаров
9. Скворцов } Неизвестны подробности;

10. Марья Антоновна Моткова и

11. Анна Антоновна (чуть ли не сестра ее) — конечно, если можно узнать о ней что-нибудь [17]). Во всяком случае, благоволите высылать мне справки по мере получения их. О некоторых лицах должны быть сведения по делу 4 апреля [18]). Затем испросите разрешения выслать к нам поскорее Успенского. Он крайне необходим нам для многих улик тех лиц, которые здесь, и для разъяснения его переписки,

Его необходимо иметь здесь потому еще, что центр всего дела, как уже теперь видно, здесь в Москве.

Без сомнения до вас дошли уже сведения о том, что обыски наделали здесь много шуму. Потрудитесь доложить его сиятельству, что это речь идет об обысках, сделанных полицией, а не нами, которые производятся, как вы знаете, по несомненным данным, и при том полков. Воейковым, а с какою осторожностью, умением и с каким тактом он делает это, известно и вам и его сиятельству; притом же их не так много, и все они оказались необходимыми. Что мои слова верны,—для примера приведу два случая, могущие характеризовать и систему полицейских обысков и их основательность: во 1-х все 65 обысков произведены по подозрению, без всяких данных, потому, что носит кто-нибудь синие очки и т. п. У всех, за исключением Петровского [19]), ничего не найдено, а между тем все они обязаны подпискою о невыезде из Москвы, и им не дают отлучиться отсюда, ссылаясь на то, что будто бы нет разрешения III отделения, в которое представлено дело. Если это верно и по вашим делам нет препятствий, то, ради бога, разрешите поскорее, ибо многие жалуются на подобные стеснения. Разрешите также вопрос о Петровском, о котором у нас нет ничего, а между тем он сидит под арестом.

Вот пока все, что могу сказать: остальное увидите из донесений моих графу, и еще раз прошу вас, не сердитесь на меня, если буду ограничиваться только этими донесениями: ей богу, некогда, сегодня я по необходимости уже урвал несколько времени. Успокойте графа, что мы не спим и не сидим сложа руки, скорее трудно итти, хотя бы была еще особая комиссия. Впрочем, это как знаете. Помещение нам дал прокурор Мотовилов в казенном доме, совершенно отдельном, с несколькими ходами, большое и со всеми удобствами. Там у нас свой караул. Агенты ваши еще не являлись ко мне. Нужную и секретную переписку посылайте с теми посланными, которые доставляют вам нашу, или через жандармского капитана Карпова на Петербургской станции Николаевской железной дороги.

В заключение позвольте обратиться к вам, добрейший Константин Федорович, с просьбой лично, насчет меня: трактирная жизнь вообще, а в Москве в особенности, — как могут засвидетельствовать вам знающие Москву, — чрезвычайно дорога, в захолустье я не могу жить; вы сами сознаетесь в том; пространство Москвы, частые разъезды мои по всем возможным направлениям, отсутствие после 9 часов вечера извозчиков, тогда как мне приходится ворочаться домой в 4 часа ночи, вызывающее необходимость держать экипаж, посылка телеграмм, разные розыски помимо тех, которые делаются другими, необходимые лично для меня, конечно, в видах пользы дела, — все эти условия,

не говоря уже о другом, требуют таких расходов, за которые, быть может, я навлеку на себя неудовольствие начальства: ведь я все-таки не могу еще ручаться теперь за совершенно удачное окончание дела. Ради самого бога выведите меня из сомнительного положения, и, если это может поставить меня в тяжелое положение потом, то лучше предупредить это, — возьмите меня назад и пришлите того, кто, быть может, сумеет быть более экономным. Я тем более считаю нужным теперь же разрешить этот вопрос, что, по всей вероятности, мне, если меня не возьмут отсюда, придется пробыть здесь долее того, чем я предполагал, и, пожалуй, скоро просить о деньгах. Министерство юстиции действует в этом случае шире, и потому там этот вопрос на втором или, лучше сказать, на самом заднем плане. Затем, если бы мне приказано было оставаться здесь до окончания дознания, — что, как я сказал, может продлиться долее того, чем я предполагал, — то позвольте мне убедительнейше просить вас, в личное, о с о б о е одолжение мне, навестить в свободную минуту мою жену и, если она будет иметь нужду в чем-нибудь, не отказать ей в вашей помощи; ведь я уехал экстренно, не успев хорошенько переговорить с нею. Я хотя и предупреждал ее об этом, но, если моя просьба не будет вами отвергнута, вы... да, вы поймете и ее и мое положение и сгладите все. Отвечайте хотя коротенько, но поскорее.

Примите уверения в искренности и неизменном чувстве преданного вам

Н. Г о р е м ы к и н а.

VI.

Москва. 10 декабря 1869 г.

Конфиденциально.

Пишу вам, душевно уважаемый Константин Федорович, с тою главною целью, чтобы покорнейше просить вас успокоить его сиятельство насчет ведения здесь дела: при тех условиях, при которых оно производится, конечно, едва ли можно сомневаться в упущениях, а что касается до скорости производства, то о ней вы можете судить по тому уже, что мы ежедневно, не исключая и праздников, занимаемся с 10 часов утра до 5-го часа ночи. Князь В. А. Долгоруков, едущий в Петербург, может подтвердить справедливость сего, так как здесь учреждено за нами самое бдительное наблюдение, и мне князь сам сказал, что он очень хорошо знает, сколько мы работаем, но мы просим позволения ограничиться на некоторое время нашими журналами, не требуя от нас особых донесений, так как дело у нас в самом разгаре, и отрывочные сведения, отнимая у нас время на извлечение их, могут ввести только вас в заблуждение, а на подробное изложение всех

действий наших не станется никакой возможности, если бы даже для этого были назначены особые лица. Само собою разумеется, что о всяком особом случае мы будем немедленно сообщать вам. Андреева я отправляю обратно. Не грех ли Федору Архиповичу рекомендовать такую дрянь, притом же неразумную и до того здесь компрометированную, что даже он известен прокурорскому надзору! Что значит, что Блок не едет до сих пор? [20]) А между тем нам ловкий человек весьма был бы полезен. Вышлите нам, если вам можно, бумаги Антоновой [21]) (отношение московского обер-полицеймейстера в III отделение 19 мая № 581) и ваше мнение об этой личности, с тем, чтобы в случае надобности мы могли бы поступить с нею сообразно тому, как покажет дело, т.-е. продолжать ее арест или освободить. То же самое не откажите и в отношении Петровского (отношение ген. Арапова 1 декабря № 2821). Эти две личности, по исключительному положению их, заслуживают некоторого внимания. Вообще разъясните нам вопрос о том, можем ли мы освобождать тех из арестованных — хотя бы и по известному списку, — которых признано будет в с е м и нами возможным, конечно, по тщательном обследовании и если со стороны III отделения не последует какого-либо особого распоряжения. По ходу всего дела для нас самым важным представляется разъяснение убийства Иванова, которое, как кажется, немного подвигается. Сегодня мы арестуем студента Земледельческой академии Кизо, чрезвычайно странно ведущего себя. Климин начинает путаться. Также важны по делу Успенская и Прыжов, но первая только-что встала с постели, и ее п о л о ж и т е л ь н о нельзя трогать еще несколько времени; Прыжов же страдает delirium tremens и также, следовательно, не может быть пока спрашиваем [22]). Волей-неволей приходится выжидать. Да, что нам делать с Успенскою? Бедность большая, ребенок даже не крещен еще. Я решился выдать пока 25 руб., ибо с квартиры ее тронуть нельзя, особенно с грудным ребенком, — да здесь и нет помещения для заключения подобных личностей, на квартире у нее караул. Можно ли продолжать выдачи? Это было бы полезно даже в интересе дела. Нам очень бы были полезны серьезные показания из ваших арестантов, в особенности Успенского. Вышлите копии. Мы то же будем делать. Вышлите также по одному экземпляру взятых у Успенского прокламаций. Не откажите в ответе на мое письмо.

Неизменно преданный вам Н. Г о р е м ы к и н.

VII.

Москва. 11 декабря 1869 г.

Климин — на волоске, сильно колебается; просит позволения посмотреть свод законов уголовных. Дано. Читает и задумывается,

сквозь зубы бормочет: «Гм... да... так-то, так, а как есть что-нибудь хуже? Да я-то ничего, а другие? Нет, — позвольте, подумаю», и т. п. Видно по всему, что он готов сознаться; но он, верно, связан словом в отношении товарищей [23]). Мы не отступаем от него, но и не налегаем очень: это такая натура, что надо быть очень осторожным в обращении, — иначе можно совсем испортить дело. Сознание уже, как видите, есть, но нет разъяснения. Дело идет об обществе. Что касается убийства, то и оно двигается помаленьку. Есть уже указание, что найденный вблизи места преступления башлык принадлежит Лау, но нужно еще окончательно подтвердить. Вот сквернейшая личность — это Лау. Исследование идет ловко, и потому нам сыщиков уже не нужно. Сильно заняты. Арестован Кизо, он у ж а с н о сконфужен и все спрашивает: «Верно, по убийству?» Больше пока ничего. Если вам не нужна Марья Антонова, мы в с е полагаем возможным освободить ее, дело разъясняется пустяками, в сведениях московской полиции много неверного, а между тем Антонова 8 месяцев высидела в тюрьме, да еще московской! Будет особый доклад. Пока до следующего письма.

Преданный вам Г о р е м ы к и н.

P. S. Вы на всякий случай доведите об этом до сведения его сиятельства, но не в форме доклада, так как все-таки это еще слабо. Но вот что доложите:

Всех арестованных здесь 28: по распоряжению г. шефа — 3, по списку Успенского — 15, нами — 10. Всего 28. Из них студентов Петровской земледельческой академии 18; Московского университета—6. Следовательно, разночинцев только 4.

Титов только-что прибыл, все получил [24]). Вышлите также показание Кузнецова и возможно подробную справку о Троицком [25]), как об отчестве, так и о деятельности его.

VIII.

Секретно.

Из представляемого сего же числа журнала за вчерашний день ваше сиятельство изволите усмотреть, что нам удалось, наконец, получить показание, прямо указывающее на составление «Общества Народной Расправы». Сконфуженный арестом, но затем ободренный увещаниями в том смысле, какой вашему сиятельству угодно было указать мне, студент 2-го курса Московского университета Николай Померанцев [26]) (19 лет) совершенно чистосердечно показал следующее: месяца полтора назад товарищ его по университету Дометий Енку-

ватов [27]) предложил ему поступить в названное общество, уверяя, что это безопасно, что члены общества разделены на кружки и притом так, что один кружок не знает другого. Не зная, что сказать на это, Померанцев отвечал, что не может дать на это никакого ответа, тем более, что он имеет намерение перейти в медико-хирургическую академию, и следовательно, должен будет уехать в Петербург. Этим он думал отделаться от Енкуватова, ибо не имел никакого желания вступать в подобные общества, да и боялся. Енкуватов однако же не отставал и объявил ему, что до переезда в Петербург он все-таки должен вступить здесь в общество, и что, наконец, он не имеет уже права отказываться, так как имя его заявлено обществу, в случае же дальнейшего с его стороны упорства пригрозил тем, что он может поплатиться жизнью. Под влиянием подобных угроз Померанцев уже не смел дальше отказываться и получил от Енкуватова какой-то революционного содержания журнальчик под заглавием «Народная расправа», который ему приказано было распространять между своими знакомыми. Первый, к которому Померанцев отправился с этим журналом, был товарищ его, живший с ним вместе, Гладков [28]), но тот сейчас же прогнал его чуть не в шею, не читая даже журнала, который после того и возвращен Енкуватову. В этом заключается вся сущность показания Померанцева; рассказ его естественен в высшей степени, и по тем обстоятельствам, которые имеются в виду, не представляет оснований к сомнению, необходимо только развить его поподробнее в некоторых местах, чего по состоянию Померанцева вчера нельзя было исполнить.

Показание Померанцева особенно важным является в том отношении, что, во 1-х, указывает на то, что корень зла — в Москве, а во 2-х, подтверждает убеждение в том, что убийство Иванова совершено с политическою целью и притом в связи с производящимся дознанием.

Что касается до самого убийства, то оно, как, вероятно, уже доложено вашему сиятельству по письму моему к Филиппеусу, понемногу выясняется, — так, есть уже указание, хотя и не вполне еще достоверное, что башлык, которым были внизу связаны ноги Иванова, видели у Лау. Начинают также являться данные к подозрению Алексея Кузнецова в участии по преступлению. Вообще Алексей Кузнецов крайне необходим здесь как для следствия по убийству, так и по производящемуся здесь дознанию по политическому делу. Как из показаний Скипского, так и из всей переписки видно, что деятельность Кузнецова сосредоточивалась в Москве, через него же шла вся корреспонденция. Поэтому не изволите ли ваше сиятельство приказать выслать его немедленно в Москву вместе с показаниями и всеми бумагами его? Его нужно будет только одеть, так как высланное сюда платье его не может быть возвращено, ибо по некоторым сомнениям

подлежит исследованию экспертов по части химии. Вместе с тем необходимо произвести самое тщательное дознание, когда именно прибыл Кузнецов в Петербург, ибо показание его о том, что приехал туда 18 или 19 ноября, положительно опровергается свидетельством разных лиц и в особенности его любовницы Ларионовой, на которую сам же он ссылается и которая утверждает, что он был у ней 22 числа [29]).

Равным образом, не изволите ли ваше сиятельство приказать немедленно выслать сюда со всеми показаниями и бумагами Успенского, необходимость нахождения которого здесь обусловливается следующим: вся безусловно компрометирующая Титова переписка была с Успенским; Позерна — тоже; показание Скипского и находящиеся здесь бумаги Успенского могут и должны быть разъяснены только Успенским; наконец, адресы на конвертах городской почты, в которых рассылались прокламации, писаны женою Успенского и, конечно, не без ведома его; Успенскую же не только отправлять в Петербург, но и тронуть с квартиры нельзя.

В заключение я обязываюсь доложить вашему сиятельству, что по тому, насколько выяснилось уже дело, несомненным представляется то, что дело это сосредоточено в Москве и что все другие местности, не исключая и Петербурга, есть пункты второстепенные.

Затем позвольте, ваше сиятельство, испросить вашего разрешения на предоставление нам права немедленно освобождать из-под ареста тех, кого мы, по общему всех нас соглашению, признаем возможным, и доносить о них только журналами. Для того же, чтобы не могли воспользоваться свободою те, которые необходимы по дознанию, производящемуся в Петербурге, не изволите ли приказать извещать заблаговременно меня или г. начальника жандармского управления. Освобождение, во всяком случае, будет сопровождаться обязательством не выезжать из Москвы и подчинением негласному полицейскому наблюдению до окончания дела.

Сейчас привезли из Сызрани Семена Кузнецова, при котором, между прочим, найдены два экземпляра представляемой при сем прокламации [30]), о которой, сколько мне известно, князь Владимир Андреевич [31]) докладывал здесь государю императору в октябре сего года.

Горемыкин.

12 декабря 1869 г. Москва.

Сейчас сознался еще Костыркин, сказав, что его приглашал в общество покойный Иванов. Показание его, впрочем, не совсем еще полно, но, во всяком случае, указывает на связь с Петербургом [32]). Завтра будет представлена копия, а пока не бесполезно бы было раз-

ведать под рукою, что за личность и где живет в Петербурге сестра покойного Иванова, Татьяна Ивановна Мазурина, — кажется, акушерка. Костыркин — студент Земледельческой академии в Москве.

IX.

Москва. 12 декабря 1869 г.

Секретно.

За неимением времени не могу повторить вам, многоуважаемый Константин Федорович, ближайших подробностей по ходу дознания здесь; но вы их узнаете из нашего журнала за вчерашний день и особого донесения моего его сиятельству, вместе с сим отправляемых.

Нам к р а й н е необходимы здесь Кузнецов и Успенский со всеми их показаниями и бумагами. В донесении моем укажу подробнее, чем мотивируется эта необходимость. Пришлите только п о с к о р е е их. Да сообщите имена и фамилии тех, которых нужно еще держать под арестом по вашему дознанию, ибо мы ходатайствуем о разрешении нам освободить тех из наших арестованных, которые окажутся ненужными.

Типографий здесь таких, какие нужны, не имеется. Говоря о т к р о в е н н о, я не надеюсь и на полицейскую, особенно ввиду того, с каким тщанием стараются проникнуть в нашу деятельность даже те, со стороны коих это по меньшей мере странно. Писарем же мы обладаем одним, который и без того сидит у нас ежедневно с 10 часов утра до тех пор, пока мы расходимся, что всегда бывает часов около 5 утра. Впрочем, сущность сколько-нибудь замечательных показаний излагается в наших журналах, а если вам [нужно] что-нибудь еще отдельно, пишите, и я сообщу вам.

Кузнецов лжет; его же любовница Ларионова, на которую он ссылается, утверждает, что он был у ней 22 ноября. Прикажите немедленно произвести с т р о ж а й ш е е дознание на квартире его как о времени приезда его в Петербург, так и о халате или армяке его из желтого верблюжьего сукна. Он в нем отправился. Что окажется, сообщите и вышлите сюда п о с к о р е е; это о ч е н ь важно. Да вышлите также подробности о елизаветградском деле [33]) и, в особенности, о Попиче [34]), о котором у нас идет речь: это необходимо для разъяснения дела. Вообще вы бы очень обязали нас сообщением хотя некоторых ваших сведений по дознанию, в том роде, как мы сообщаем вам; это послужило бы к разъяснению многого; ведь корень-то всей гадости здесь — в М о с к в е. Не будете ли вы так добры поспешить ответом на мои предыдущие письма и, в особенности, насчет Антоновой и

Петровского? В отношении Антоновой сведения московской полиции совершенно опровергаются самым точным дознанием.

Сейчас привезли Семена Кузнецова, он арестован в Сызрани; у него найдены прокламации, одну из которых я представляю графу.

Душевно благодарю за поощрение. Можете доложить, что я употребляю все силы, чтобы оправдать лестное доверие, и работаю так, как всегда привык. Будьте добры и не откажите что-нибудь черкнуть на мое послание к вам. А пока до свидания, которого жду с нетерпением. Зовут меня в Питер.

Горемыкин.

P. S. Когда, бог даст, вернусь, много интересного могу сообщить; быть может, и его сиятельство кое о чем поинтересуется. Писать нет возможности.

Чуть было не забыл: г. прокурор признает себя обязанным доложить со своей стороны г. министру юстиции о ходе дела, а потому списывает (впрочем, в 1-ый еще раз) копии с наших журналов. Препятствовать этому при настоящем порядке производства дела крайне неудобно, да и невозможно, так как ему все действия наши известны. Во всяком случае потрудитесь доложить об этом графу Петру Андреевичу.

X.

Москва. 14 декабря 1869 г.

Сейчас получил конверт от вас, многоуважаемый Константин Федорович, и спешу отвечать вам. Требуемый графом список прилагается к нашему журналу, сегодня же отправляемому в Питер [35]). Из него вы увидите, что мы сделали и в каком положении дело. Там же говорится и о собственном сознании вольнослушателя Петровской академии Мухортова, что башлык, которым связаны были ноги Иванова, принадлежит ему, Мухортову, вследствие чего он и арестован [36]) и зачислен за судебным следователем, так как собственно по политическому делу прямое соотношение его еще не выяснено. Кизо и Свечин [37]) — две разные личности; оба привлечены к делу. У Свечина взяты два пистолета, видимо, не бывшие давно в употреблении. У Кузнецова на квартире не было никакого револьвера [38]). Из бумаг по магазину Черкесова отберем, что нужно, и завтра отправим к вам. А теперь прилагаю восемь писем, доставленных мне здешним почтальоном и касающихся дел магазина, который закрыт по распоряжению из С.-Петербурга [39]). Не найдете ли нужным придумать что-нибудь насчет этого магазина, так как поступают разные требования и даже

деньги? Разрешите, ради самого бога, нам вопросы, поставленные в предыдущих письмах и докладах. Развяжите нам руки насчет освобождения арестованных, в и д и м о непричастных к делу и привлеченных к нему единственно потому только, что они в списке, в котором, как оказывается, есть такие, которые совсем непричастны и которые только предполагались. Это нам очень важно. Сильно заняты и потому больше писать некогда. Насчет Нечаева принимаем самые энергичные меры [40]).

За привет — сердечная признательность; только все-таки вы о главном-то ни слова не сказали, а между тем я стесняюсь. Деньги — всегда вопрос щекотливый, а между тем все-таки без них нельзя, и опять (ради бога, не сердитесь) повторяю: если я д о р о г буду, то лучше возьмите меня назад до греха, — а то, право, не знаешь, о чем больше думать: о деле или об экономии.

Ваш неизменный Н. Г о р е м ы к и н.

P. S. По моим личным отношениям с почтамтом получил очень важные документальные доказательства о принадлежности к обществу и деятельности в оном: в Одессе — Марьяшеса и в Москве — Кравца; только это уже что-то новое. Подробности завтра. Здесь арестуем сейчас, в Одессу послана телеграмма [41]).

Н. Г о р е м ы к и н.

XI.

Положение производимого здесь дознания указывает на крайнюю необходимость ближайшего ознакомления с настоящим положением дела в С.-Петербурге; необходимость эта стала неотложною после того, как здесь получено телеграфическое известие о том, что дело об убийстве Иванова разъяснено в С.-Петербурге [42]). А так как подробное ознакомление с этим разъяснением имеет для нас чрезвычайно важное значение по отношению к продолжению дознания в Москве, — чего через переписку достичь невозможно, то мы, по общему соглашению, признали нужным предложить г. Геракову [43]) отправиться с этой целью в С.-Петербург. Г. Гераков будет иметь честь явиться к вашему сиятельству и доложить о ходе нашего дознания, для чего он и снабжен всеми необходимыми сведениями.

Н. Г о р е м ы к и н.

15 декабря 1869 г. Москва.

XII.

Вероятно, вы виделись уже, многоуважаемый Константин Федорович, с г. Гераковым и потому познакомились уже с положением

нашего дознания. Мы теперь заняты общим сводом [44]), и тогда я представлю некоторые соображения, необходимые по делу. Когда получим сведения из Петербурга, тогда будем иметь полные материалы для окончательной обработки дела. Сегодня сделал сознание Абрамов; он, впрочем, более всего виноват в недонесении, но его показание важно в отношении Долгова, который запирается и которого он уличает [45]). В сегодняшнем журнале об этом будет сказано подробнее. Копии с показаний Титова и Кузнецова при сем посылаются. Больше пока ни того, ни другого допрашивать нельзя: первого, потому что он очень важен по делу, и потому необходимо прежде обставить его так, чтобы он не мог уже продолжать упорствовать, а второго, потому что еще не совсем поправился, и доктор не советует раздражать его, что обыкновенно случается, если его долго расспрашивают. Разрешите, пожалуйста, наши журналы и прочие вопросы, да дайте поскорее то, зачем поехал г. Гераков. Ждем с нетерпением из Одессы Марьяшеса, который должен нам разъяснить кое-что не только по Москве, но по Киеву и Одессе.

До свидания.

Преданный вам Н. Горемыкин.

17 декабря 1869 г. Москва.

XIII.

Москва. 19 декабря 1869 г.

На этот раз я обращаюсь к вам, многоуважаемый Константин Федорович, собственно о моей особе. Но хотя это и частность, она тем не менее имеет прямое отношение к делу, а потому я убедительно прошу вас выслушать меня и дать мне ответ в самом непродолжительном времени. Дело в том, что деньги у меня на исходе, а определить времени возвращения моего теперь невозможно, в особенности в ожидании прибытия Марьяшеса, уже отправленного из Одессы, а дождаться его я должен. Что я не кучу, показывает дело, за которым мы сидим с утра до утра. Что я не роскошничаю — можете справиться. Расходы — только по делу да по необходимости, а каковы они, вы можете судить по тому только, что я за одни телеграммы переплатил 60 рублей. Если бы мне было несколько посвободнее, я бы выслал вам теперь же отчет, но право же некогда. Я представлю его по возвращении, и тогда видно будет, как я расходовал; думаю, что меня не побранят. Теперь еще есть пока немного, но, пока я получу дополнительную ассигновку, пройдет все-таки несколько дней, и я могу очутиться на мели, особенно если придется сделать какой-либо непредвиденный, но весьма возможный расход. В конце концов, вышлите денег, но так, чтобы я мог действовать (помните наш разговор: право, не до бобров).

Пожалуйста же, Константин Федорович, устройте это обстоятельство и — поскорее. На-днях кончим то, что приготовляем для вас, и тогда увидите и судите [46]). Маряшеса жду с нетерпением, вижу его даже во сне. Больше писать не могу. Не сочтите за труд ответить

вашему неизменному Н. Горемыкину.

XIV.

Генерал-майор Слезкин отправляет сегодня донесение графу Петру Андреевичу о тех мерах, какие были приняты к разысканию здесь Нечаева [47]). Хотя Нечаева здесь и не отыскано, но я спешу и с своей стороны свидетельствовать, что в этом розыске не упущено ничего. Помимо распоряжений Ивана Львовича [48]) — распоряжений, и, как вы и сами увидите, насколько осторожных, во избежание излишней огласки, настолько же тщательно рациональных, — я, с своей стороны, особо делал секретные дознания, — со стороны г. обер-полицеймейстера в настоящем случае оказано самое горячее содействие; наконец, само начальство Петровской академии, без всякого приглашения к тому, по собственной инициативе, хлопочет изо всех сил, чтобы поймать этого негодяя, погубившего стольких воспитанников; земская полиция, которой известен Нечаев по следствию, как убийца, ищет везде этого преступника. Одним словом, трудно вообразить себе, как здесь возбуждены все против этого мерзавца, и потому вы можете успокоить его сиятельство насчет того, что в деле разыскания Нечаева не упущено ничего; наконец, слишком дерзко и рискованно было бы со стороны Нечаева оставаться теперь в Москве; он, конечно, очень хорошо знает о здешних обысках, которых полициею было сделано 65 и которые до того взбудоражили Москву, что первым делом моим по приезде сюда было приостановление полицейских обысков, производившихся без оснований, по одним лишь подозрениям. Не берусь, разумеется, утверждать, но мне сдается, что едва ли Нечаев здесь, и вот почему: А. Кузнецов показывает, что Нечаев встретился с ним на дороге, когда он в последний раз ехал в Петербург. Семен Кузнецов, значащийся в списке Успенского, арестован в Симбирской губернии, частные слухи ходят, что в Казани между студентами какая-то агитация; по письму Марьяшеса, которого мы ожидаем из Одессы, видно, что в Киеве и Одессе существуют уже кружки и кассы. Не есть ли все эти агитации действия Нечаева и не в тех ли местах он? Повторяю, я пока не стану уверять в том положительно, но подумайте сами, не найдете ли вы мои соображения не совсем безосновательными? Если да, то не лучше ли будет в таком случае направить туда ваших агентов, — конечно, после того, как Марьяшес даст нам разъяснения? Я сообщу их вам в свое время.

Я не понял, какое вам нужно письмо, и потому посылаю все 5 записок, писанных карандашом и найденных в бумагах Успенского. Прилагаю также одно письмо сестры Успенского, в котором говорится насчет корреспонденции между арестованными [49]). При этом я должен оговориться насчет того, что до сих пор не представляю доклада об Антоновой: неполучение о ней сведений из отделения, о чем я просил, и прилагаемая здесь записка, разъяснить которую, за отсутствием отсюда Успенского, не представляется возможности [50]), — все это вместе задерживает доклад.

Пишите что-нибудь, — кажется, вы совсем забыли о нас, горемычных.

Преданный вам душой

Н. Горемыкин.

20 декабря 1869 г. Москва.

XV.

Москва. 23 декабря 1869 г.

Позвольте убедительно просить вас, многоуважаемый Константин Федорович, исполнить поскорее следующие наши просьбы:

1) Разрешить немедленно освободить несчастную Антонову, которая сидит 8 месяцев только потому, что о ней доставлены были самые сбивчивые и неосновательные сведения, и разрешить выдать ей хотя рублей 30—40: она больная, не имеет ни гроша и за восемь месяцев потеряла все знакомство. О ней я представлю особый доклад, но на это потребуется время, — держать же ее из-за этого, по совести, не следует. Да, кстати о деньгах: розыски и командировки в разные места довели меня до того, что я остаюсь при нуле. Пожалуйства доложите его сиятельству, что если я не представляю сейчас отчета, то потому только, что некогда переписывать, но я представлю его.

2) Вышлите фотографические карточки девицы Луниной [51]) и Черкесова.

3) Опросите Черкесова, не посылал ли он в ноябре в Москву к сестре каких-то бумаг, каких именно, с кем и через кого именно они должны были быть переданы сестре его.

4) Вышлите справку об Орфано [52]) (у вас есть).

5) Если вам не нужно, освободите Ечеистова, так как (он) оказывается совершенно непричастным к делу [53]).

С нетерпением ожидаю ответа и поздравляю вас с праздником.

Преданный вам Н. Горемыкин.

XVI.

Москва. 24 декабря 1869 г.

Наконец, нам удалось убедить и Долгова, так долго запиравшегося [54]). Мы возились с ним вчера до 4-х часов ночи, продолжаем и сегодня. Показание замечательное и по объяснению и по величине. Едва ли кончится сегодня. Если разъяснения некоторых подробностей нам еще необходимы, то, я думаю, мы будем иметь возможность сказать, что все, что было в Москве по этому делу, раскрыто. Впрочем, увидите сами, а пока посылаю вам наскоро набросанную по показанию Долгова таблицу организации [55]), и если она оказывается несовсем согласною с теми, какие найдены у покойного Иванова и у Успенского, то едва ли ее не следует считать самою верною, так как Долгов был представителем всех кружков и, следовательно, лучше всех знал их. Копия с показания его будет доставлена вам скоро, как только будет возможно.

О Рипмане (участвовал именно Рипман, а не Рихман) есть следующие сведения:

Федор Рипман из дворян Эриванской губернии, православного исповедания, поступил в Петровскую академию кавказским стипендиатом 18 августа 1866 г., а выбыл из академии 3 ноября 1869 г. Где находится — неизвестно: здесь разыскивается, но, мне кажется, не следует ли поискать его и на Кавказе [56]). Если вы будете докладывать его сиятельству прилагаемую табличку, то попросите не гневаться на меня: чертил наскоро из-под руки Долгова с его показания, а переписать не успел, ибо опоздал бы на почту. Голикова [57]) освободить нельзя.

Поздравляю вас с праздником, желаю вам всего лучшего и прошу не забывать преданного вам Н. Горемыкина.

P. S. А что наш Павел Константинович Гераков? Так и надул нас, хоть бы строчку написал. Поклонитесь ему от нас.

XVII.

Москва. 27 декабря 1869 г.

Дело наше мы кончаем здесь, и, если бог поможет, в понедельник предполагаем (т.-е. я и товарищ прокурора судебной палаты Стадольский) выехать отсюда, так что во вторник, вероятно, увидимся. Везем хорошие материалы и на словах еще кое-что разъясним. До того мы особенного ничего сообщать не будем. Потрудитесь, многоуважаемый Константин Федорович, доложить об этом графу Петру Андреевичу и при этом присовокупите, что его сиятельство изволит убедиться в том, что дознание полно и что теперь настоящий момент, в который дело должно быть доложено.

Больше пока нечего писать. До скорого свидания.

Ваш Н. Горемыкин [58]).

XVIII.

Из телеграммы генерала Слезкина ваше сиятельство изволите быть уже известны об арестовании Николаева. В дополнение к сему я поставляю себе в обязанность доложить вашему сиятельству, как о том, каким образом арестован Николаев, так и о первоначальном показании его.

При обыске дома Петрова на Разгуляе, где взят Черкезов, узнано было, что к съемщице квартиры Мартыновой ожидается еще какая-то личность, которую Мартынова называла своим двоюродным братом Егором Анисимовым. Вследствие этого за прибытием упомянутого лица было учреждено негласное наблюдение; вчера Анисимов зашел в близ лежащий около дома Петрова трактир и там задержан, а затем и доставлен к нам. Паспорт при нем на имя крестьянина Анисимова оказался совершенно в порядке, сходства с фотографическою карточкою — никакого, говорит как мужик, манеры самые простые. Все эти данные давали основание полагать, что, в самом деле, не Анисимов ли это? Но два обстоятельства заставили обратить на него внимание: во 1-х, руки у него слишком чисты и хороши для плотника, за которого он выдавал себя, во 2-х, говоря о своем артельном хозяине, он называл «Мартиновым», что, конечно, не свойственно простому человеку, который непременно сказал бы: «Мартынов». Генерал Слезкин приказал ему расстегнуться, и под дубленкой оказалось пальто, дальше блуза, но нет рубашки, нет креста на шее. Это усилило подозрения. Антонов тотчас же был предъявлен Долгову, тому самому, который первый дал самое чистосердечное и точное объяснение всей организации. Долгов, не знавший настоящего имени Николаева и знавший его только в лицо, тотчас сказал: «Это тот самый, который президировал у нас [59])». — «Следовательно, вы — Николаев?» — спросили мы. «Да, если уж, — указывая на Долгова, — и вы так говорите, то и я скажу, что я Николаев», — ответил он. Мы тотчас же раздели, обыскали его и приступили к допросу. Как вчера, так и сегодня до 3-х почти часов дня, Николаев говорил согласно с имеющимися у нас сведениями, но только до 20-го октября [60]) сего года, с того же числа он начал путать, а в участии в убийстве Иванова совершенно запутался. Около 3-х часов Николаев, поставленный уликами в невозможность запираться далее, сознался и относительно убийства, причем хладнокровие его оставило, и он даже прослезился. Главною причиною всех своих преступлений Николаев выставляет то, что он отдал свой паспорт Нечаеву. В настоящее время он пишет показание, по содержанию которого тотчас же делаются необходимые распоряжения, о коих будет доложено особо. Необхо-

димая для распоряжений в С.-Петербурге выписка из показаний Николаева при сем представляется.

У священника Терновского произведен самый тщательный осмотр, но ничего не оказалось. Это добрый человек, делающий много добра и делящий свои крохи с бедными. Прыжов, знавший его, потому что некоторое время жил с ним в одном доме, воспользовался этой слабостью о. Терновского и выманил от него 11 р. денег и несколько старого платья для какого-то бедного священника. Петрова [61]) священник видал один раз, когда приносил Прыжову свое подаяние.

Н. Горемыкин.

31 декабря 1869. Москва.

XIX.

День 31 декабря посвящен был подробному допросу Николаева, который, решившись сознаться, дает чрезвычайно подробные объяснения всего дела, поименовывая лиц, участвовавших в преступном замысле и указывая нам каждого из них. Видно, вообще, что Николаев дает чистосердечное и полное показание: по крайней мере, то, что он рассказал до сих пор, согласно со всеми обнаруженными пока обстоятельствами, а те из указанных им лиц, которые арестованы по его указанию, делают сознание. Показания Николаева до такой степени пространны, что он их пишет еще и сегодня; вчера допрос ему продолжался до 2-го часа ночи и прекращен только ввиду усталости допрашиваемого. Из показания Николаева, между прочим, видно следующее: любовница арестованного в Петербурге Тейсса [62]), повивальная бабка Варвара Владимировна Александровская [63]) (высокая, старообразная, лет 40, волосы темнорусые, стриженная), бежала за границу с Нечаевым, чтобы, вернувшись оттуда в непродолжительном времени, привезти с собою прокламации. Нечаев также предполагает вернуться скоро в Россию и также с прокламациями. Он велел заготовить себе приюты, в том числе один — у Мартыновой, у которой взяты Черкезов и Николаев и которая уже арестована. В возвращении Нечаева Николаев не сомневается, потому что он чрезвычайно сконфужен пред заграничными наставниками своими неудачами дела в России. Эта же Александровская рассказывала Черкезову, что известный Березовский [64]) был недавно в Петербурге. Нечаев, видевшись с Николаевым в Туле в начале минувшего декабря, передавал ему об этом рассказе Александровской и досадовал, что она болтает то, о чем следует молчать. Далее Николаев объясняет, что необходимо обратить особое внимание на некоего Гончарова [65]) в С.-Петербурге (кажется, какого-то студента); этот Гончаров образует особую организацию и очень ловко ведет дело; но, как он стремится к цели другим путем,

нежели Нечаев, т.-е. путем развития и образования народа, — что не в духе Нечаева, — то сей последний сильно хлопотал о том, чтобы привлечь на свою сторону Гончарова. Но Гончаров осторожен, и потому предварительно арестования его за ним необходимо учредить бдительное наблюдение, ибо иначе у него можно не найти ничего.

Арестован, между прочим, служащий у известного Полякова [66]) инженер — коллежский секретарь Ламанский [67]), который хранил у себя инженерное платье и выдавал его разным лицам по произнесении условленного пароля. Платье ему передано было Черкезовым. Ламанский, хотя еще не сознается вполне, но уже путается.

Допрос Николаева продолжается.

Н. Горемыкин.

1 января 1870 г. Москва.

XX.

Нечаевская организация во всем, что касается Петровской академии, расследована в главных чертах окончательно. Остались только некоторые мелкие подробности, которые, в свою очередь, могут быть выяснены в самом непродолжительном времени.

Собственное сознание, согласное с обстоятельствами дела, большинства наиболее крупных действующих лиц и, в особености, вполне чистосердечные показания слушателя Долгова [68]), бывшего председателем всех кружков академии, достаточно обеспечивают верность сделанного вывода.

Показания Николаева удостоверяют то же самое.

Относительно же участия в деле университета и общества, то, хотя можно считать доказанным, что революционная пропаганда пустила свои корни и туда, но в то же время есть основание думать, что корни эти не пошли далеко. Во всяком случае, вполне, повидимому, искреннее показание Николаева, лица, перед которым не стеснялся снимать маску и сам Нечаев и которое заменяло его при отлучках в кружках всякой среды безразлично, дает надежду скоро покончить в Москве со всем делом вообще.

Но для успешного приведения дознания в желаемые ясность и полноту, необходимо прибытие в Петербург, хотя бы на два, на три дня, как мое, так и товарища прокурора судебной палаты Стадольского.

Личное и всестороннее объяснение нами хода дела здесь могло бы, казалось, с одной стороны, быть весьма полезным для Петербурга, без всякого сомнения, играющего в деле организации второстепенную только роль, а с другой, ход дела там осветил бы, вероятно, темные стороны его в Москве.

Есть лица, которые содержатся под стражей только потому, что невозможно с достаточною полнотою определить их значение по делу без сведений о них в Петербурге; найдутся, вероятно, и такие, которые находятся в Петербурге в том же положении относительно Москвы. Письменные же сношения в этом случае, в каком бы виде они ни делались, никогда не заменят обмена мыслей на словах, нескольких непродолжительных, но непосредственных объяснений с арестованными.

Коллежский советник Н. Горемыкин.

2 января 1870 г. Москва.

XXI.

Секретно.

Из показания Николаева, между прочим видно, что у Нечаева, на случай возвращения его в Россию, устроены тайные приюты в Твери, Клину и Ржеве. Если Нечаев не лгал, то, по соображениям Николаева, в первых двух местах означенные приюты могут быть устроены у кого-либо из тамошних семинаристов чрез Моравского, имеющего много между ними знакомых (Моравский, б. студент медицинской академии, неизвестно куда скрывшийся). В Ржеве же тайный приют для Нечаева мог быть устроен арестованным ныне Тейсом [69]) (в С.-Петербурге), который пропагандировал в Ржевском уезде между крестьянами, переодевшись сапожником. Как характеристику того, насколько пропаганда Тейса была удачна, Николаев рассказывает следующий случай: однажды крестьяне, пьянствуя в каком-то кабаке, заметили проезжавшего мимо одного из мелких полицейских чиновников, которого приняли за Нечаева. Они выскочили из кабака и закричали ему: «Что же, батюшка, когда же начинать? Мы все готовы давно». Чиновник растерялся и поскорее ускакал, а пьяные мужики догадались, что они ошиблись.

Долгом считаю доложить об этом вашему сиятельству.

Коллежский советник Н. Горемыкин.

3 января 1870 г. Москва.

XXII.

Секретно.

Николаев сейчас вспомнил, что Нечаев, по возвращении в Россию и не найдя главных сотрудников своих, по всей вероятности, будет скрываться у отставного юнкера Кронер [70]), проживающего в собственном селе Болгово на границе Ковровского и Шуйского уездов, Владимирской губернии, в 7-ми верстах от села Хомутова, где священником отец Орлова [71]). С Кронером Нечаев и Орлов довольно хорошо

знакомы; лето 1868 г. Нечаев провел у Кронера. Николаев полагает, что Кронер уже предварен о приготовлении тайного приюта для Нечаева. Дом Кронера на берегу реки, внизу мельница, чрез которую можно пробраться на противоположный берег и скрыться в кустах.

Н. Горемыкин.

4 января 1870 г. Москва.

XXIII.

Командированный в Тулу для обыска и арестования начальника тамошней телеграфной станции надворного советника Проспера Станкевича [72]) полковник Воейков сейчас вернулся, привезя с собою г. Станкевича и взятые у него при обыске бумаги. В числе этих бумаг, между прочим, оказались представляемые при сем: 1) фотографические карточки известной Александровской и 2) письмо к сей последней, адресованное в Тулу чрез Станкевича [73]). Как видно по почтовому штемпелю, письмо отправлено из С.-Петербурга 2-го, и в Туле получено 5-го сего января. Алексей Никитич, о котором говорится в письме, есть Тейльс, переехал в Пантелеймоновскую улицу к Цепному мосту — значит, арестован III отделением. Эти соображения подтвердил и Николаев, сказав, что так условлено извещать об аресте, но Станкевич говорит, что он ничего не знает, и самое знакомство с Александровскою объясняет случайностью. От него будет отобрано подробное показание.

Необходимо бы было просить немедленного распоряжения со стороны министерства внутренних дел о наблюдении за корреспонденцией Станкевича, как письменною, так и телеграфною, адресуемою и лично ему, и для передачи кому бы то ни было. Без этого распоряжения, как отзывается генерал-майор Муратов [74]), нет никакой возможности иметь эту корреспонденцию. Кроме того, в бумагах Станкевича найдены также прилагаемые у сего два документа Александровской и письмо на имя ее, как я полагаю, некоего Божко, причем о нем можно узнать от тех чиновников управы благочиния, о которых упоминается в письме. Документы эти, адресованные на имя Станкевича же, присланы в Тулу в прилагаемом конверте, как к а з е н н ы е, за печатью начальника V отделения управления по сооружению Московско-Курской железной дороги. Фамилия его — Керсновский, а квартира его в Курске [75]). О нем с нашей стороны никакого распоряжения не сделано, и самое обстоятельство это имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства.

Прыжов дополнил показание свое следующим: печать «Народной Расправы» должна быть в запечатанном помещении магазина Черкесова; указал и место хранения. Вследствие сего сделано распоряжение об осмотре вновь упомянутого магазина. Ближайшею особою к Не-

чаеву в Петербурге была г-жа Лихутина [76]), жившая где-то возле Таврического сада. В записной графленой книжке Успенского он, Прыжов, мог бы указать путь следования Нечаева за границу, конечно, если страница эта не вырвана [77]). Если Нечаев бежал по тому пути, то он должен быть в Бухаресте и видеться там с приятелем его, Прыжова, Каравеловым [78]), адрес которого, писанный рукою Прыжова, здесь прилагается. Прыжов просил позволения написать к Каравелову письмо с приглашением известить его о месте нахождения Нечаева или назначить свидание с ним. Прыжов надеется получить удовлетворительный ответ и таким образом оказать содействие поимке Нечаева. Письмо дозволено написать, просмотрено и отправлено на почту. Для ответа Каравелова в письме Прыжова дан следующий условный адрес: в Москву, у Арбатских ворот, дом Волкова, Наталии Ивановне Гололобовой. Так как письма из-за границы..... [1]) через Петербург, то необходимо бы было предупредить с.-петербургский почтамт. Здесь это уже сделано.

Н. Горемыкин.

6 января 1870 г. Москва.

XXIV.

Секретно.

Прыжов объясняет, что в числе взятых у Успенского бумаг должна находиться записная книжка последнего, и, если в ней не уничтожена одна страница, то можно узнать путь, по которому отправился Нечаев за границу. По этому маршруту, Нечаев должен быть в Бухаресте у приятеля Прыжова Каравелова, адрес которого при сем представляется. Прыжов просил позволения написать письмо Каравелову; он надеется, что последний ответит ему, и тогда можно будет узнать путь возвращения Нечаева. Это разрешено Прыжову, и письмо отправлено. Для ответа дан следующий условный адрес: в Москву, у Арбатских ворот, дом Волкова, Наталии Ивановне Гололобовой. Необходимо бы было наблюсти за ответом в петербургском почтамте; здесь уже я распорядился. Так же Прыжов заявил, что Нечаев просил его съездить за границу за прокламациями и взять с собою для этого какую-нибудь женщину, — с тем, чтобы по возвращении в Россию, по переезде границы, эту женщину, необходимую только как нечто вроде чемодана, уничтожить каким бы то ни было способом. Это наводит на мысль, что не будет ли подобною жертвою Александровская, которую, за отказом Прыжова, взял с собою Нечаев. — Отправленное вчера письмо о переезде Алексея Никитича (Тейльса) в Пантелеймоновскую улицу,

[1]) Одно слово не разобрано вследствие того, что письмо залито чернилами.— *Б. К.*

как полагает Николаев, послано Бобарыкиною или Бобарыковою, об арестовании которой телеграфировано в Петербург [79]). По направлению этого письма можно предполагать, что Нечаев прежде всего будет стараться попасть в Тулу. До сих пор неизвестно еще, откуда и какой паспорт приобрела Александровская на выезд за границу; но нельзя не обратить внимания на то, каким образом она могла получить заграничный паспорт, когда документы ее находились в с.-петербургской управе благочиния. Не могут ли дать по этому поводу каких-либо объяснений в управе или тот, кто хлопотал там об этих документах? Из Курска означенные документы, без сомнения, отправлены некиим г. Боль, служащим бухгалтером у г. Керсновского (см. вчерашнее донесение). Это муж одной из сестер Высоцких, о которых говорится в журнале 6 сего января [80]). Из показания арестованного студента Рахимова [81]), между прочим, видно, что он завел сношения с военным Александровским училищем в Москве, где у воспитанников ружья стоят около постелей и, следовательно, удобно ими воспользоваться, особенно при содействии воспитанников. По этому случаю наводятся более обстоятельные справки, причем будет поверено под рукою объяснение насчет того, где хранится в помянутом училище оружие.

Техник Пажон-де-Монсе уже арестован и доставлен в Москву. Сначала он запирался, но потом, будучи уличен сведениями, извлеченными из показания Николаева, сознался во всем и после истерического припадка, которым он страдает, принялся писать признание. Теперь просматриваются его бумаги [82]).

Нельзя не обратить внимания на появившиеся во вчерашних здешних газетах статьи по настоящему делу («Московские» и «Русские ведомости» и «Современные известия»). В особенности замечательна по своей резкости передовая статья «Московских ведомостей». Фраза, отмеченная красным карандашом, по меньшей мере, кажется неуместною. Наконец, каким образом редактор сохраняет у себя прокламацию, да еще и публикует о том? Не следует ли потребовать ее от него и вообще пригласить дать объяснение по поводу хранения оной, и в особенности тогда, когда по поводу прокламаций производится следствие? Казалось бы, что вообще было бы более полезно для дела, если бы газеты наши помолчали пока о Нечаеве [83]).

Н. Горемыкин.

7 января 1870 г. Москва.

XXV.

Вместе с сим при нашем журнале за вчерашний день, представляется тюк с бумагами, взятыми при вторичном осмотре библиотеки

Черкесова в Москве. По этому поводу поставляю себе в обязанность доложить вашему превосходительству следующее: в тюке заключаются три пакета, из них самый важный под № 1, в котором заключаются проект или программа организации и действий революционного общества, по которому производится дознание, и вообще преступная переписка, могущая быть чрезвычайно полезною при деле в С.-Петербурге. Программа общества, без сомнения, писана Успенским, который и должен дать по ней объяснение [84]). Далее в числе писем есть какой-то Кривцовой; в одном из них говорится о Каракозове и Березовском, означенных буквами К и Б. Эта Кривцова, по моему мнению, должна быть та самая, о которой упоминается в деле Лопатина и Волховского [85]). Если память мне не изменяет, то, кажется, в деле есть уже показание о ней Волховского. Показание Николаева по данному вашим превосходительством генералу Слезкину предложению при сем представляется.

До сих пор мы не можем отыскать дворянина Дмитрия Егоровича Коведяева [86]), очень нужного по производимому здесь дознанию. Между тем оказывается, что о нем можно получить сведения от сестры его, живущей с инженером Тверитиновым [87]) где-то на Петербургской стороне. Г. Тверитинов занимается изысканиями по железным дорогам. Приметы Коведяева следующие: 17 лет, роста среднего, лицо смуглое, длинное, глаза черные, большие, по близорукости носит постоянно очки, нос длинный, волосы черные, длинные, усы пробиваются, а на самом подбородке несколько черных волос. Одевается в черное драповое пальто с бобровым воротником и в белую мерлушечью шапку (единственную у него). Занимался с Тверитиновым. Не будет ли приказано сообщить сюда то, что будет узнано в С.-Петербурге о Коведяеве?

Между взятыми у Высоцкого фотографическими карточками оказалась одна некоего Ошанина (представляется при сем). Этот Ошанин, по показанию Николаева, большой приятель Орлова, который и посвящал его во все тайны заговора. У нас пока других указаний на Ошанина нет, и потому мы сами не решились принимать никаких мер в отношении его, хотя все указания, сделанные Николаевым, до сих пор подтверждались совершенно. Казалось бы, во всяком случае, необходимо прежде справиться с делом в С.-Петербурге и, кроме того, спросить о нем Орлова. В настоящее время Ошанин находится в селе Иванове гувернером у купца Якова Петровича Гарелина [88]).

В заключение не могу не доложить вашему превосходительству, что здесь дознание идет благодаря бога успешно, но так развивается, что мы с нетерпением ждем из С.-Петербурга нашего сочлена г. Стадольского, который, вероятно, привезет нам разрешение по многим вопросам, встречающимся по ведению дознания. Благоволите прика-

зать сообщить нам в возможной скорости показание Тейльса о начальнике телеграфа в Туле Станкевиче и арестован ли медицинский студент Мутафов [89]).

Н. Горемыкин.

8 января 1870 г. Москва.

XXVI.

Секретно.

Вместе с сим, во исполнение требования вашего превосходительства, представляются показания Николаева. Беру смелость покорнейше просить ваше превосходительство приказать возвратить их нам в возможной скорости, так как мы не успели еще списать с них копий, а между тем они чрезвычайно важны для нас при производстве дознания. Мне кажется, что, если бы признано было возможным, разделив показания по листам, поручить набор 2—3 человекам, то их успели бы напечатать в несколько часов; копии показаний необходимы бы были и для нас.

При этом имею честь представить отдельные показания Николаева, отобранные мною от него собственно по делу Дементьевой. Показание это очень важно по тому делу, — оно дает ему именно тот свет, в котором оно представлялось нам с самого начала. Спору нет, что Дементьева виновата, что это, к сожалению, извращенное нигилизмом существо, но все-таки корень зла заключается в Ткачеве, что это он, который губит молодежь, и что прокламация «К обществу» — произведение его, а не полиции, как он показывает [90]). Если Дементьева узнает как об аресте Николаева, так и о показании его, то можно надеяться, что она объяснится откровеннее. Зная не только дело, но и участвующих в нем лиц, будучи, так сказать, знаком с ними, я бы позволил себе предложить тому, кому поручено дальнейшее ведение сего дела, стараться действовать прежде на Дементьеву, а потом уже на Ткачева, так как на признание его труднее рассчитывать.

Кроме сего, при этом представляются бумаги, которые были спрятаны в сарае крестьянином Василием Николаевым, и две тетрадки из тех бумаг, которые найдены на чердаке при библиотеке Черкесова [91]) и которые заключают в себе список малороссийской общины [92]). Они оставлены были для снятия копий.

Н. Горемыкин.

9 января 1870 г. Москва.

XXVII.

Совершенно конфиденциально.

По поводу предстоящего празднования годовщины основания Московского университета, что обыкновенно бывает 12 января, здесь

в этот день устраиваются обеды и торжества в трех местах: в самом университете, в дворянском собрании и в артистическом кружке. Во всех трех местах, как частным образом слышно, готовятся большие скандалы, — в особенности против ректора г. Баршева. Когда я получил об этом сведение, по которому, между прочим, оказывалось, что собственно в университете овация г. Баршеву предполагается по прочтении им того места из отчета, где касается известной «полунинской истории», я по личным отношениям моим к г. генерал-губернатору позволил себе доложить о том князю Владимиру Андреевичу, но его сиятельство сказал мне, что, вероятно, г. Баршев не будет читать отчета вовсе. За всем тем слухи о будущих беспорядках передаются настойчиво, и если удастся здешним властям предупредить что-нибудь в других местах, то едва ли можно ручаться за успех в отношении артистического кружка, который, имея во главе своей известного князя Урусова (адвоката), пользуется здесь репутациею весьма неспокойного и неблагонадежного общественного места.

По поводу обыска в университете я был вчера в 1-м часу ночи у г. генерал-губернатора, чтобы доложить его сиятельству о том, что обыск был небезоснователен. Князь Владимир Андреевич, видимо, был доволен нашею удачею, но в то же время нельзя было не заметить тревожного состояния его сиятельства. Оказалось, что князя несколько заботит распоряжение по поводу «Московских ведомостей» [93]), случившееся как раз в то время, когда в университете был обыск [94]) и когда там, по слухам, предполагаются скандалы, могущие увеличиться и принять более серьезный характер, если г. Катков, по примеру г. Аксакова, вздумает пропеть какую-нибудь лебединую песнь [95]).

Все это не имеет прямого отношения к поручению, на меня возложенному, но я не считаю себя в праве умолчать.

Н. Горемыкин.

10 января 1870 г. Москва.

XXVIII.

Секретно.

В одном из предыдущих донесений моих и в журнале нашем за вчерашний день упоминается о намерении тайной организации воспользоваться тем, что в Александровском училище оружие воспитанников находится около их кроватей. По наведенной негласным образом справке, оказалось, что в означенном училище ружья, действительно, находятся в камерах воспитанников составленными в дортуарах. Цель хранения оружия подобным образом, а не в цейхгаузе, как частным образом узнано, заключается в том, чтобы воспитанники, имея постоянно оружие на глазах, более обращали на него внимание и свы-

кались с ним с первых же дней своей военной жизни. Практично ли это и насколько, судить не наше дело, можно только сказать, что обстоятельства настоящего дела показывают, что такой способ хранения оружия дает повод людям злонамеренным пятнать заведение, быть может, ни в чем непричастное, — по крайней мере, об Александровском училище у нас до сих пор нет никаких сведений по делу. Частным образом известно только, что недавно оттуда исключено 14 человек воспитанников за невыдержание экзамена.

В дополнение к представленным мною сведениям о Коведяеве имею честь доложить, что его можно искать в семействе какого-то Пружанского [96]), женатого на Явецкой или Евецкой [97]).

По поводу найденного в университете шрифта открываются новые обстоятельства, дающие довольно серьезные указания на Рязань. До завтра мы надеемся разъяснить их, и завтра я буду иметь честь представить подробное донесение.

Н. Горемыкин.

10 января 1870 г. Москва.

XXIX.

При этом представляется сегодняшний номер «Московских ведомостей». Передовая статья этой газеты обращает на себя особое внимание и едва ли не хуже тех, за которые дано предостережение. Статья «Русских ведомостей», при сем также представляемая, небезынтересна в другом смысле [98]).

Прапорщик Соколов, производящий обыск в библиотеке Черкесова, прислал сказать, что сейчас он отыскал спрятанным в горловой трубе набор «бланка для публики революционного общества» и еще какие-то важные бумаги. Завтра все это будет представлено.

Н. Горемыкин.

11 января 1870 г.

XXX.

Наши оба писаря — и здешний и присланный из С.-Петербурга — оба заняты срочною работою по переписке общего свода дознания, а потому представляемый доклад пришлось самому переписывать. Позвольте просить извинения вашего превосходительства, если он не совсем чист; откладывать его невозможно.

При журнале нашем представляется набор, найденный в книжном магазине Черкесова. Его нашли потому только, что я решился дозволить разобрать печки во всех тех местах, где могут быть дымовые проходы, в одном из них, заложенном сором и кирпичом, и найден шрифт. Один из находящихся у нас бланков, отпечатанных этим шрифтом, при сем представляется.

Половые, о которых упоминается в журнале, и вещи арестованы. Задержан также и Басов. [99]) Начат разбор бумаг, и затем будем допрашивать. Работы вообще очень много.

Не изволите ли признать возможным известить меня, где именно и каким образом задержана Александровская и нет ли ее указаний о том, где Нечаев. Не через Шмуля ли задержана Александровская? [100])

Н. Горемыкин.

12 января 1870 г. Москва.

XXXI.

Секретно.

Частным образом получено сведение, что со стороны почтового департамента, по просьбе самого Черкесова, сделано распоряжение об отсылке всей адресованной в московской магазин его корреспонденции в с.-петербургский магазин. Если это верно, то, казалось, не бесполезно было бы учредить в С.-Петербурге наблюдение за означенною корреспонденциею. Во всяком же случае, я бы покорнейше просил ваше превосходительство почтить меня уведомлением о тех распоряжениях, какие последуют по сему предмету, так как у нас есть несколько подобных писем с деньгами, хранение которых здесь затруднительно.

На вопрос об Александре Васильевиче Белкове (а не Белов) имею честь доложить, что это должен быть Николаев: на это имя у него был второй подложный паспорт, и под этим именем, по показанию нескольких лиц, он был известен в организации.

Копию с показания Марьяшеса при сем имею честь представить.

В числе бумаг, найденных вчера в магазине Черкесова, оказались два листка почтовой бумаги, на которых изложены суждения о революционной пропаганде. Сколько я помню почерк Волховского, это должно быть писано им, а потому оба означенных листка представляются при сем, в дополнение к тем бумагам Волховского, которые на-днях отправлены в С.-Петербург.

По представляемому при сем адресу не изволите ли, ваше превосходительство, приказать справиться и известить меня [101]).

Н. Горемыкин.

13 января 1870 г. Москва.

Примечание. Вчерашний день прошел здесь без особых случаев. В университете по окончании акта, когда г. генерал-губернатор уже вышел из залы, раздалось несколько свистков, но не вслед князю Владимиру Андреевичу, а в виде овации местному начальству. Говорят, впрочем, что во время акта между студентами пронесся шопот: «Когда, теперь или после? Лучше после». Впрочем, это частный слух,

вообще же день прошел тихо. Это подтвердил мне и князь Владимир Андреевич, у которого я был сегодня по поводу производимого дознания.

XXXII.

По поводу вопроса о Берсеневе, в дополнение ответной телеграммы генерал-майора Слезкина, имею честь доложить вашему превосходительству следующее: Варлаам Черкезов, отличавшийся во всей организации каким-то романическим настроением и вследствие того занимавшийся много романами, вычитал эту фамилию в известном романе Тургенева «Накануне». Николаев, как более серьезный характером, часто смеялся за это над Черкезовым, когда последний объяснил ему происхождение принятой им фамилии.

Из Курска и Кенигсберга были присланы на имя Ламанского две телеграммы, подписанные так: «акушерка Берсенева» (о последней из них упоминается в показании Николаева). Обе телеграммы, как показывает ход дела, были от Александровской, и, без всякого сомнения, означенная подпись служила условным выражением того, о т к о г о и к о м у следовали телеграммы (Александровская—акушерка; Берсенев—Черкезов). Это соображение потверждается и показаниями Ламанского. Что же касается до того, почему члены организации употребляли вымышленные фамилии, то это отличительная черта этой организации.

В настоящее время для нас чрезвычайно важный вопрос в жене Успенского; при первоначальных объяснениях с нею она дала, как теперь оказывается, ложные ответы. Обстоятельства в отношении ее настолько выяснились, что теперь ей можно поставить вопросы категорически, и едва ли ей можно будет продолжать упорствовать, но это неминуемо произведет на нее сильное впечатление, а между тем она кормит сама ребенка и вообще женщина нервная. При сильном потрясении молоко может броситься в голову, и, не говоря уже о ребенке, можно в ней лично понести ущерб в интересе самого дела. Мы приглашали поэтому главного врача полиции, который, вместе с тем, и известный здесь акушер. Как лицу официальному и врачу, мы должны были объяснить ему о том, что Успенской предстоит дать вопросы, могущие ее взволновать, и что, быть может, придется отправить ее в С.-Петербург. Тогда этот врач выразил, что, если отправление Успенской в С.-Петербург предполагается, то лучше бы было допросить ее уже там на месте, где, во всяком случае, более средств к сохранению ее, а то она может здесь расхвораться, выезд ее затянется, и она задержит ход дела.

Не изволите ли, ваше превосходительство, разрешить нам этот вопрос?

Вместе с тем я позволяю себе беспокоить ваше превосходительство покорнейшей просьбою о скорейшем разрешении вопросов, в предыдущих моих докладах изложенных, — в особенности же, насчет наблюдения за телеграфом в Москве и корреспонденцией в Туле и Твери, а также и об арестантах: это чрезвычайно важные для нас вопросы.

Н. Горемыкин.

14 января 1870 г. Москва.

XXXIII.

Секретно.

В бумагах Коведяева оказалось одно письмо к нему с припискою инженера А. Тверитинова (Ковенский переулок, д. № 13, кв. 4) следующего содержания: «Говорят, что Рыжие пустяки здесь и потомок Меча тоже».

Не изволите ли ваше превосходительство приказать опросить Тверитинова вообще об отношениях его к Коведяеву и, между прочим, предложить ему вопрос по поводу приведенной фразы? Не выяснится ли из показания Тверитинова еще чего-нибудь, подходящего к делу, так как мы имеем уже в виду участие нескольких инженеров, и притом таких, которые занимаются тем же, чем и Тверитинов, т.-е. изысканиями, — следовательно, такими работами, при которых они весьма близко становятся к народу?

Было бы также не бесполезно навести справки о брате Коведяева — Егоре Егоровиче Коведяеве, фотографическая карточка которого при сем представляется. Он служит в Государственном банке и, будто бы, куда-то уехал. Арестованный брат его явно уклоняется дать о нем какие-либо обстоятельные сведения, несмотря на то, что он взят в С.-Петербурге, а это порождает невольное сомнение в отношении личности Егора Коведяева. Можно, пожалуй, предполагать, что он не совсем чист по деятельности своей в банке и скрывается [102]).

При продолжающемся еще обыске библиотеки Черкесова в Москве найдены три письма, по которым, казалось, было бы не бесполезно допросить Успенского. Письма эти при сем представляются [103]).

Сейчас задержан Флоринский [104]), которого приказано было арестовать к приезду сюда полковника Жолобова [105]) и которого тогда не отыскано. Какие угодно будет приказать сделать распоряжения о нем? По содержанию того, что у нас есть, он будет допрошен.

Н. Горемыкин.

15 января 1870 г. Москва.

XXXIV.

Секретно.

По делу оказывается, что родная сестра арестованного Коведяева, ныне жена студента медицинской академии, с которым не живет, Любовь Егоровна Воронцова [106]) была приглашена в тайную организацию Черкезовым, бывала на совещаниях у последнего и выразила желание вступить в организацию. Необходимо бы было обыскать и арестовать ее. Живет она на Васильевском острове, по 10 линии, д. № 33.

Н. Горемыкин.

16 января 1870 г. Москва.

XXXV.

Секретно.

В одном из предшествовавших донесений моих я ходатайствовал о том, чтобы иметь право просматривать в здешнем телеграфном управлении депеши на имя тех лиц, за корреспонденцией которых необходимо следить.

Позвольте, ваше превосходительство, побеспокоить вас почтительнейшею просьбою о разрешении означенного ходатайства моего. Все необходимое отправлено в Тулу с занимающимся у нас товарищем прокурора здешнего окружного суда г. Рынкевичем, который командирован г. прокурором судебный палаты к тульскому прокурору с бумагами от г. министра юстиции. Впрочем, генералу Муратову из наших сношений с ним известно уже почти все.

Н. Горемыкин.

18 января 1870 г. Москва.

XXXVI.

Конфиденциально.

Г. сенатор тайный советник Чемадуров [107]) в ночь на 10-е сего февраля прибыл в Москву для дальнейшего производства возложенного на него по высочайшему повелению следствия об обнаруженных в разных местах империи признаках злоумышления, направленного против существующего порядка правления. Вместе с г. Чемадуровым, в числе других лиц, приехал сюда и товарищ прокурора московской судебной палаты г. Стадольский, на которого и министром юстиции возложено исполнение прокурорских обязанностей по этому следствию. Утром того же дня г. Стадольский отнесся ко мне о передаче ему произведенного мною в Москве дознания по означенному делу, что мною и было немедленно исполнено. Не долее, как через час, все дознание, заключающееся в 163 протоколах с объяснениями прикосновенных

к делу лиц, с следующими к ним актами обысков и арестов, бумагами и всеми прочими вещественными доказательствами, передано было мною г. Стадольскому. Бумаги и вещественные доказательства по каждому протоколу сложены и запечатаны отдельно, в таком порядке, что их тотчас же можно отыскать. Г. сенатор Чемадуров, видевший все это отлично, как можно полагать, остался очень доволен; по крайней мере, я считаю себя в праве так судить по личным выражениям мне его превосходительства. По объяснении затем самого дознания, оно следственной комиссией признано совершенно правильным и полным настолько, насколько можно требовать того от дознания. Г. сенатор Чемадуров признает однако ж необходимым продлить мое пребывание в Москве, пока он не ознакомится совершенно с делом и пока не устроятся некоторые отношения здесь; кроме того, его превосходительство предвидит возможность некоторых действий внеследственного порядка, а потому и приглашает меня остаться в Москве на несколько дней. По миновании во мне надобности я буду иметь честь испрашивать разрешения вашего сиятельства на возвращение мое в С.-Петербург.

Донося об этом вашему сиятельству, приемлю смелость доложить, что я считал бы настоящее донесение свое более чем неполным, если бы позволил себе умолчать о том, что как успешное ведение в Москве дознания, так и соблюдение того порядка, при существовании которого только представилась возможность совершить так скоро передачу всего дела, не принадлежат мне одному: это возможно было только при том согласии, взаимном доверии и той взаимной помощи, которые постоянно были оказываемы мне как со стороны здешнего губернского жандармского управления, так и со стороны прокурорского надзора и которые сохранялись здесь во все время производства дознания.

Вследствие занятий г. сенатора Чемадурова я довольно поздно получил вчера сведения о последствиях нового осмотра магазина Черкесова и потому несколько запоздал этим донесением. Действительно, там найдены и печать с секирою и некоторые довольно важные бумаги, но это все могло быть открыто только при помощи самого Успенского, их прятавшего; так, печать найдена замурованною в стене соседнего дома, которую без личного указания Успенского не было никакого основания ломать. Это выразили мне и следователи.

Коллежский советник Н. Горемыкин [108]).

12 февраля 1870 г. Москва.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Воейков — жандармский полковник.

[2]) При обыске, произведенном 26 ноября в библиотеке Черкесова и квартире Успенского, был обыскан и арестован купеческий сын Виктор Скипский,

служивший в библиотеке приказчиком и живший на одной квартире с Успенским. По сообщению начальника московск. губ. жандармского управления ген.-майора Слезкина (см. донесение его в III отделение от 28 ноября 1869 г. № 694; дело III отд. 3 эксп. 1869 г. № 115, ч. I, л. 57—59), Скипский, как и сам Успенский, еще до обыска обращал на себя внимание жандармов своею неблагонадежностью: «В читальне и библиотеке бывали преимущественно студенты, молодые люди и женщины, вовлеченные в нигилизм; Успенский и Скипский, явно оказывая им особенное свое расположение, старались увеличить число приходящих к ним студентов и молодых людей единственно с тою целью, чтобы расширить круг своего общества». Арестованный Скипский дал откровенные показания. Текст его показаний до нас не дошел, но о содержании их можно судить по донесению г.-м. Слезкина III отделению от 4 декабря 1869 г. (то же дело, лл. 130—134). Скипский, признав, что он является членом тайного общества, объяснил, что вступить в него ему было предложено сначала П. Успенским, а затем студентом Петровской академии А. Кузнецовым. Изложив подробно программу тайного общества, Скипский объяснил, что Кузнецов играл в обществе роль организатора одного из кружков, из которых складывалось тайное общество. По предложению Кузнецова, Скипский и инженер В. Черкезов, с которым Кузнецов также вел переговоры, обещали привлечь в общество своих знакомых и назвали их фамилии. Сам Скипский указал на студента Моск. университета Ст. Мих. Мельникова, приказчика магазина Перлова в Москве Мих. Демид. Ечеистова и его брата Бориса Ечеистова, служившего приказчиком в магазине Перлова в Петербурге. «После этого Кузнецов спросил, кто где будет действовать? Скипский ответил, что он будет действовать между малороссами, проживающими в Москве, и если успеет, то и с книжными торговцами. Затем Кузнецов объяснил, что всякий уезжающий из Москвы должен заявить об этом своему организатору. Скипский, имея ввиду свой отъезд в Петербург, тут же сказал о сем Кузнецову, который в самый день отъезда Скипского, 27 или 28 октября, принес ему четыре письма, из коих три были адресованы: Негрескуле (sic!) на Васильевский остров, 14 линия, Луниной на Бол. Морской, студенту технологического института Старицыну; последнее же письмо было без адреса, и Кузнецов просил Скипского вскрыть его по приезде в Петербург, но Скипский вскрыл прежде и прочел: «Передайте письмо без адреса студенту Старицыну...» По краткости времени пребывания своего в Петербурге Скипский не мог передать Луниной письма и возвратил его Кузнецову; при свидании же с Негрескулом и Старицыным он понял, что обе эти личности в деле организации общества принимают также участие, что есть партия Лихутинцовых, какая-то мадам Лихутина и Колачевский... Затем Скипский объяснил, что он по прибытии в Москву обо всем передал Кузнецову, но на предложение его доставить ему отчет о действиях его, Скипского, в Петербурге он отказался. К этому Скипский добавил, что из названных им Кузнецову лиц он говорил о вступлении в тайное общество только с Борисом Ечеистовым, но при этом советовал ему «оставить это дело»; между московскими малороссами и книжными торговцами пропаганды не вел». Конечно, такое показание Скипского имело громадное значение для расследования дела. Сообщая о нем гр. П. А. Шувалову, г.-м. Слезкин (см. его письмо от 4 декабря 1869 г.; то же дело, лл. 116—117) писал: «Показание Скипского заслуживает внимания, потому что оно, быть может, едва ли не единственное в изысканиях по этому делу, представляющее уже достаточные данные и фактические доказательства к обличению в преступном намерении Успенского и виновности названных мною лиц... Я обещал ему, за чистосердечное его показание и раскаяние, в нем видимое, просить о смягчении

ожидающей его участи пред шефом жандармов. В Скипском я, действительно, видел раскаяние и сердечное желание рассказать все, что он знает в этом деле, даже до самопожертвования, что выражается и в письменном его объяснении. Это самое дает мне основание просить ваше сиятельство за Скипского, он молод, с добрым сердцем и еще может исправиться».

Первоначально предполагалось Скипского вместе с Успенским немедленно отправить в Петербург в распоряжение III отделения, но Горемыкин, приехав в Москву, нашел нужным в интересах дальнейшего расследования дела задержать Скипского в Москве.

[3]) Горемыкин имел в виду данный ему в III отделении список лиц, которых надлежало арестовать в Москве.

[4]) Мотовилов — прокурор Московской судебной палаты.

[5]) Иванов был убит 21, а не 23 ноября. Телеграмма об арестовании Иванова была послана III отделением потому, что его фамилия значилась в списке, отобранном при обыске у Успенского.

[6]) Разрядкой здесь и ниже набраны места, подчеркнутые в подлиннике автором донесений.

[7]) Не Прозерн, а Позерн, Карл Карлович, владелец книжного магазина в Москве, проданного им в 1867 г. Черкесову. Позерн был арестован 5 декабря 1869 г., но по недостатку улик следствие о нем было прекращено.

[8]) 6 декабря Горемыкин послал шефу жандармов телеграмму следующего содержания: «Убийство Иванова по многим данным имеет отношение с нашим делом; но здесь нет сыщиков; благоволите, ваше сиятельство, выслать ловкого агента сыскной полиции, которому мы дадим здесь необходимые указания; об этом, вместе с сим, прокурор телеграфирует министру юстиции. Необходимо принять меры в отношении задержания Алексея Кузнецова, не говоря ему о смерти Иванова. Подробности почтой».

[9]) Не Киезо, а Кизо, Александр, дворянин Саратовской губ., был арестован 10 декабря на том основании, что «из хода дела по расследованию об убийстве Иванова оказывается, что Кизо находился в ближайших и тесных отношениях с лицами, подозреваемыми в совершении этого преступления» (журнал от 10 декабря; цитированное дело, ч. I, лл. 225—226). Впоследствии Кизо был освобожден ввиду того, что следствие не дало никаких данных относительно принадлежности его к тайному обществу.

[10]) Лау, Эдуард Вильгельмович, студент Петровской академии, член тайного общества «Народная Расправа». По процессу нечаевцев приговорен к 4 месяцам тюрьмы.

[11]) Горемыкин имел в виду список, найденный при обыске у Успенского. Вот этот список (в копии, сохранившейся в деле III отделения):

«1. Долгов. — Коробьин, Воронежский помещик, б. 2. Абрамов.

2. Иванов. — Енкуватов. Ланге, Валентин. Попов, Владимир. Лау. — Рязанов. Енкуватов. Померанцев. Голиков, Леонтий. — Голиков. Римский-Корсаков.

3. Алексей Кузнецов. — Кузнецов, Семен. Климин. Рязанцов. Гавришев. — Свечин. Иванин. Протопопов.

4. Ритман или Рихман. { Ишханов. Петровский. Рахимов.

Знакомства.

В С.-Петербурге.

Кашменский, Спасский, Арсений, Спасский, Валериан } студента Рязанцева.
Городецкий — Семена Кузнецова.
Епифанов — студ. Гавришева.
Голиков — студ. Енкуватова.
Головачевский.
Дорошенко.
Амирхан.

В Киеве.

Молоксианов — студ. Гавришева.

В Харькове.

Малютин — студ. Г.
Герценштейн — студ. Семена Кузнецова.

В Казани.

Худяковский, Глинский } студента У.

В Одессе.

Попич — студ. Енкуватова.

В Екатеринославле.

Холянковский — студ. Гавришева.

(Дело № 115, ч. I, л. 4.)

[12]) Имеется в виду московская следственная комиссия 1866 г. по каракозовскому делу.

[13]) В этой телеграмме Горемыкин сообщал: «Мы напали на очень важное лицо — Титова, как организатора общества, руководителя Успенского; распорядились уже об аресте». Горемыкин преувеличивал значение найденных у Успенского писем М. И. Титова. Причастность последнего к нечаевскому делу ничем не была установлена. Показания, данные Титовым и Успенским, разъяснили действительный смысл писем Титова, и следствие о нем было прекращено.

[14]) Коптев — жандармский полковник в Нижегородской губ.

[15]) Арестованный в Москве в ночь на 26 ноября П. Г. Успенский в тот же день был отправлен в Петербург в распоряжение III отделения.

[16]) Московское губернское жандармское управление.

[17]) Фамилии перечисленных Горемыкиным лиц упоминались в письмах, отобранных при обысках в Москве. К нечаевскому делу эти лица отношения не имели и потому не привлекались по нему; только М. А. Моткова подвергалась аресту.

[18]) 4 апреля 1866 г. — выстрел Каракозова. Горемыкин имел в виду каракозовское дело.

[19]) Петровский, Сергей, студент Московского университета, был арестован в конце ноября 1869 г. При обыске у него были найдены стихотворения Рылеева и масонские знаки. В конце января 1870 г. Петровский был освобожден.

[20]) 8 декабря 1869 г. Филиппеус телеграфировал Горемыкину: «К вам отправлены вчера агент Андреев, сегодня сыщик Блок» (№ 115, ч. I, л. 181). «Федор Архипович» — Ф. А. Колышкин, заведующий секретным отделением при управлении петербургского обер-полицеймейстера.

[21]) Антонова, Мария Осиповна, была арестована в апреле 1869 г.; при обыске у нее были отобраны бумаги, принадлежавшие Ф. В. Волховскому. 12 января 1870 г. Антонова была освобождена.

[22]) О Прыкове в журнале от 5 декабря (д. III отд., № 115, ч. I, лл. 143—144) сообщается следующее: «Находящийся под арестом отставной коллежский секретарь Иван Прыков изъявил желание дать некоторые сведения, имеющие связь с настоящим делом. В сделанном им заявлении находятся довольно важные указания: так, между прочим, он объяснил, что ему было известно, что Успенский принадлежит к какой-то тайной организации, что дело это идет из С.-Петербурга и что оттуда приезжают люди для устройства организации в Москве. При этом он назвал некоторых лиц, от которых получал возмутительные прокламации в России и из-за границы. Но как Прыков во время дачи показания находился в крайне возбужденном состоянии, то дальнейший подробный допрос его, по обстоятельствам дела, признано необходимым отложить до времени, когда здоровье его придет в более нормальное состояние, почему и немедленно отнеслись к местному частному приставу об освидетельствовании его через полицейского врача и об оказании ему медицинской помощи. Оказалось, что причиною такового состояния есть последствие излишнего употребления спиртных напитков». В ответ на этот журнал Филиппеус 13 декабря телеграфировал Слезкину: «Успенский говорит: «Дайте Прыкову водки, будет отвечать как следует» (то же дело, ч. II, л. 3).

[23]) Климин долгое время уклонялся от признания, но затем сам заявил о своем желании дать подробное объяснение. Допрошенный 19 декабря, он показал, что принадлежал к кружку, возникшему в начале октября 1869 г. по инициативе Алексея Кузнецова. К кружку этому, кроме Климина, принадлежали Гавришев, Иван Рязанцев и Семен Кузнецов; позднее примкнул Владимир Рязанцев. Собрания кружка время от времени посещал некий Иван Петрович (в предъявленном ему портрете Нечаева Климин признал Ивана Петровича). На собраниях читались сочинения революционного содержания, делались сборы деньгами и платьем, наводились справки о личностях, как опасных для общества, так и могущих быть ему полезными. По мысли убитого Иванова, в Петровской академии были открыты литературные вечера, которые служили средством сблизить молодежь и ближе ознакомить с нею членов общества. После убийства Иванова кружок, к которому принадлежал Климин, решил отстать от общества, если окажется, что убийство произведено его членами. Климин признал, что башлык, которым были связаны ноги убитого Иванова, принадлежит ему и был взят у него Алексеем Кузнецовым. 24 ноября Климин, по его словам, получил приказание следующего содержания: «Башлык ваш пошел в дело; где бы и на ком бы вы его ни увидали, не признавайте за свой». Приказание это было принесено неизвестным Климину человеком. Описанные Климиным приметы этого лица привели московскую комиссию к заключению, что им был И. Г. Прыков (журнал московской комиссии от 19 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, лл. 106—107).

[24]) Титов со всеми бумагами, отобранными у него при обыске, был доставлен в Москву 11 декабря.

[25]) Троицкий, Михаил Петрович, из «обер-офицерских детей», был арестован в октябре 1869 г. вследствие доноса о том, что он совместно с В. И. Кунтушевым подготавливал в Елисаветграде покушение на Александра II. Вследствие того, что донос этот не подтвердился, Троицкий в мае 1871 г. был освобожден; по освобождении выслан в Кострому под строгий надзор полиции.

[26]) Померанцев, Николай Дмитриевич, студент Московского университета, состоял членом «Народной Расправы». 23 января 1870 г. Померанцев был арестован и привлечен к нечаевскому делу, но судом оправдан.

[27]) Енкуватов, Дометий Александрович, студент Московского университета, член «Народной Расправы», был арестован 6 декабря 1869 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 8 месяцам тюремного заключения.

[28]) Гладков, Владимир Иванович, студент Московского университета, привлекался по нечаевскому делу, но был оправдан.

[29]) А. Кузнецов уехал в Петербург вместе с Нечаевым 22 ноября.

[30]) У С. Кузнецова при аресте в Сызрани было найдено 2 экземпляра прокламации «К русскому дворянству», за подписью: «Потомки Рюрика и Революционный Дворянский Комитет». Прокламация эта опубликована в XXII т. «Красного архива».

[31]) «Князь Владимир Андреевич» — кн. В. А. Долгоруков, московский генерал-губернатор.

[32]) В журнале московской комиссии от 12 декабря 1869 г. содержатся следующие сведения о показании Костыркина: «Показание Костыркина обращает на себя внимание подробным указанием на присылку в Петровскую академию от 15 до 20 экземпляров прокламаций такого же содержания, как взятые у Кузнецова (Семена Кузнецова; прокламации «Русскому дворянству». — *Б. К.*). Сверх того, Костыркин, сознаваясь в несочувствии двум товарищам, представившим полученные им прокламации начальству, прямо указывает, что убитый Иванов с горячностью не одобрял их образа действий. Костыркин при этом также сознался, что Иванов приглашал его поступить в общество, имеющее целию ниспровержение существующего порядка. От этого предложения Костыркин прямо не отказался, но обусловливал поступление свое знанием членов его и общей программы действий, о чем Иванов не успел ему передать за смертию» (дело № 115, ч. I, лл. 260—261.)

[33]) «Елизаветградское дело» — дело Кунтушева и М. П. Троицкого. Подробно это дело изложено в книге: Б. Козьмин, «Революционное подполье в эпоху «белого террора». М. 1929 г. Ср. воспоминания Ф. Борисова в № 4 «Каторги и ссылки» за 1929 г.

[34]) Пошич, Авраам Маркович, студент Одесского университета, привлекался по нечаевскому делу, но суду предан не был.

[35]) Гр. Шувалов затребовал из Москвы список всех арестованных по нечаевскому делу.

[36]) Вольнослушатель Мухортов был арестован 13 декабря 1869 г., но вскоре освобожден, так как выяснилось, что башлык принадлежал не ему, а, как сказано выше, Климину.

[37]) Свечин, Григорий Аггеевич, студент Петровской академии, член «Народной Расправы», привлекался по нечаевскому делу и был приговорен к 2 месяцам тюремного заключения.

[38]) Успенский показал на допросе в III отделении, что револьвер, которым был убит Иванов, остался на квартире А. Кузнецова.

[39]) Имеется в виду книжный магазин Черкесова в Москве.

[40]) 7 декабря Филиппеус телеграфировал Слезкину: «Успенский показывает, что за 6 дней до его арестования Нечаев под именем Павлова был у него. Шеф приказал просить вас принять меры к проверке показания и разысканию лица» (дело № 115, ч. I, л. 147).

[41]) Московский почтамт передал Горемыкину перлюстрированное письмо Марьяшеса от 7 декабря к Кравецу в Москву, в котором Марьяшес, между прочим, сообщал, что в Киеве существует студенческая касса, насчитывающая 208 членов и распадающаяся на 19 кружков. «Касса, — писал он, — с каждым днем расширяет свой круг деятельности. В нашем кружке в последнее время читали журнал, издающийся в Женеве бывшим студентом Казанского университета, который в 62 году был сослан в Сибирь, но успел улизнуть, Элпидиным, под названием «Народное дело». Журнал крайне революционный, атеистический, стоит за федеративное устройство России. Если я успею переписать его, то я вам летом дам его». Далее Марьяшес писал: «Я намерен всеми силами стоять за общение, за связь всех русских студентов между собою. Не знаю, как отнесутся к этому студенты нашего и других университетов, но в Одессе, по крайней мере, большинство относится с участием к этому вопросу» (копия письма Марьяшеса; дело № 115, ч. II, лл. 28—29). Арестованный и привезенный в Москву, Марьяшес на допросе показал, что он был членом киевской студенческой кассы. В том кружке, к которому он принадлежал, было решено, помимо прямой цели — взаимопомощи студентов, заняться серьезным чтением; намеревались читать политическую экономию Милля, но так как книги этой под рукой не было, то на первый раз решено было прочитать «Народное дело», принесенное на заседание кружка одним из его участников. Чтение это представилось слушателям опасным и потому на следующих собраниях кружка не повторялось (журнал московской комиссии от 26 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, л. 183).

[42]) 13 декабря Филиппеус телеграфировал Горемыкину: «Убийство Иванова Успенский приписывает Нечаеву, Кузнецову и Прыжову». В тот же день он же телеграфировал Слезкину: «Важные показания Успенского. Убийство Иванова совершено в шестом часу вечера 21 ноября в парке или в саду Петровской академии в гроте. Участвовали в убийстве Нечаев, Николаев или Белявин, Прыжов, Успенский и Алексей Кузнецов. Башлык был во время убийства на Кузнецове и принадлежит студенту Климину. Револьвер остался в квартире Кузнецова, где должны быть следы от выстрела, сделанного после убийства в виде шутки. Николаев, или Белявин, должен проживать в квартире Кузнецова... Заметьте, что у Нечаева искусаны руки» (дело № 115, ч. II, лл. 2 и 3).

[43]) Гераков — судебный следователь, участвовавший в следствии по нечаевскому делу.

[44]) Заканчивая свою работу по расследованию нечаевского дела, московская комиссия составила и представила в III отделение «Общий свод материалов по делу».

[45]) Абрамов показал при допросе, что Долгов двукратно уговаривал его поступить в общество. Ввиду того, что он при этом избегал объяснить цель общества, Абрамов отказался, обещая только не доносить о предложении Долгова правительству (журнал московской комиссии от 17 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, л. 83).

[46]) Имеется в виду «Общий свод», о котором см. выше 44-е примечание.

[47]) 20 декабря за № 811 Слезкин доносил шефу жандармов: «Получив 7 декабря в телеграфической депеше приказание вашего сиятельства о проверке показания Успенского относительно того, что за 6 дней до ареста его у него был Нечаев

под именем Павлова, я в то же время, без малейшего отлагательства, принял меры к проверке сведений о тех местах, в каких бывал в Москве Нечаев. Таким образом проверены были все номера в огромном доме Олсуфьева на Тверской, где, по некоторым данным, бывал Нечаев. В то же время учреждено было наблюдение во всех местах около Петровской земледельческой академии и так называемых «Выселок», т.-е. небольших слобод, окружающих академию. В отношении этих последних мест были следующие указания: 1) что на даче Боброва нынче осенью встречали личность, похожую на Нечаева; 2) что около того же времени видели Нечаева в так называемых Павловских номерах; 3) что на даче Хомякова хранятся будто бы вещи какого-то Ивана Петровича и 4) что на даче Порта живет прачка, стиравшая будто бы на какого-то Ивана Петровича — молодого человека. Телеграммы вашего сиятельства, в коих изложены показания Успенского насчет мест пребывания Нечаева, убеждая в справедливости вышеизложенных сведений, указывали еще на дом княгини Вадбольской на Арбате, а потому тотчас же было учреждено наблюдение и за этим домом. Когда таким образом были получены достоверные и не подлежавшие сомнению сведения, что Нечаев был в Павловских номерах, я тотчас же распорядился о произведении там самого строгого обыска, но без употребления воинской силы, так как для этого по расположению дачи достаточно было тех средств, которыми я мог располагать. Оказалось, что Нечаев посещал там содержательницу номеров, но это было месяцев около двух назад; он приходил туда один раз обедать и потом заплатить деньги; с тех пор его там не видали. Указания относительно дач Хомякова и Порта, также обысканных одновременно, не подтвердились, и лица, там находящиеся, будучи спрошены, отозвались совершенным неведением об Иване Петровиче, — под каким именем вообще известен был в академии Нечаев. Имея затем ввиду объяснения некоторых из привлеченных к делу лиц, показывающих, что Нечаев не имел нигде постоянной квартиры и проводил где день, где ночь, я, не ограничиваясь упомянутыми выше распоряжениями, учредил самый строгий надзор за появлением здесь Нечаева, о чем и имею честь донести вашему сиятельству» (дело № 115, ч. II, лл. 111—112).

[48]) Иван Львович — И. Л. Слезкин.

[49]) Этого письма в деле III отделения не сохранилось.

[50]) По объяснению Успенского, эта записка представляла собою продиктованное ему Нечаевым описание пути, по которому «бежал и может бежать за границу Нечаев». Вот содержание этой записки (по копии, сохранившейся в деле III отделения):

«1) Город Одесса, где Нечаев должен остановиться в Ольвиопольской гостинице.

2. Из Одессы в г. Аккерман, в котором есть Попушовское училище; там, т.-е. в училище, есть учитель Совещанский (sic), и так как путешествие может совершаться не иначе, как с помощью пароля, то к Совещанскому следует обратиться с словами: от «Стефана Розанова»; отсюда пешком до станции

3. Бараницы, где следует спросить казака Василия Явтушенко, которому надо сказать: «я серб»; далее следуют:

4. } Немецкие колонисты { Старый Саратов } где можно зайти к немцу
5. } Немецкие колонисты { Новый Саратов } Бабюайеру.

Затем следует направиться через:

6. Павловку, которую осторожно обойти, потом
7. Немецкая колония Плоско,
8. Село Таневец,

9. Село Лован,

10. Кадуанен, где следует спросить Туманова или Всекаренкова и сказать: от «Стефана Розанова»,

11. Село Пандакле,

12. Село Кабей (отсюда граница в 7 верстах).

За границей.

Б... (нельзя разобрать. Надо думать, что имеется в виду селение Бельцы. — *Б. К.*) Церковные школы, тут есть учитель Николай Шапов, которому сказать: «от Бельгийского», отсюда дорога к Дунаю.

Далее:

Село Аглы,

Село Чекметьево,

Село Рене, где следует спросить болгара Христи.

Галац, где есть болгарское училище против улицы Карлуса. Надо спросить учителя.

От Галаца на пароходе до Браилова. Здесь можно остановиться в «Ecole Bolgar» у г-на Ponitschko и надо спросить Стефаника, а сказать: от «Петрова» (так называется сам Нечаев).

Бухарест, в котором есть улица или здание под названием Страда-Липискани, где следует спросить конторщика Дмитрия Ценовича или Монзова, Цанкован Касабова.

Джуржево — болгарская кофейня, спросить Райко-Грублова или Рейнева или Георгия Киселева или Николая Ценовича» (дело № 115, ч. III, лл. 24—28). Эта записка представляет большой интерес, ибо дает возможность установить связи Нечаева с болгарскими революционерами.

[51]) Лунина, Анна Игнатьевна, дворянка, была арестована 5 декабря 1869 г. в связи с нечаевским делом, но вскоре освобождена.

[52]) Орфано, Алексей Герасимович (1837—1891), в 1862 г. был арестован по обвинению в сношениях с приезжавшим в Россию эмигрантом В. И. Кельсиевым, но судом оправдан. В 1866 г. Орфано привлекался по каракозовскому делу в связи с устройством фабрики на артельных началах и был подчинен негласному наблюдению.

[53]) Фамилия Ечеистова стояла в списке, найденном во время обыска у Успенского. Скипский показал (см. прим. 2-е), что он говорил Б. Ечеистову о тайном обществе. Дознание выяснило, что Ечеистов членом «Народной Расправы» не был и что его лишь имелось ввиду привлечь в тайное общество.

[54]) Долгов первоначально не сознавался в принадлежности своей к тайному обществу, но 23 декабря 1869 г. дал подробные показания, объяснив организацию общества и поименовав входивших в него лиц. Оценивая показания, данные Долговым, московская комиссия писала: «Между прочим из показания Долгова обнаружилась виновность Голикова, Попова, Коробьина, Римского-Корсакова, Свечина и Ланге, до сего времени ни в чем и ничем не изобличавшихся и потому освобожденных; вследствие чего сделано распоряжение об их новом аресте» (журнал московской комиссии от 23 декабря 1869 г., дело № 115, ч. II, л. 170).

[55]) Этой таблицы в деле не сохранилось.

[56]) Рипман был арестован 28 декабря 1869 г. При допросе он признался в принадлежности к тайному обществу «Народная Расправа», но деятельность его, по его словам, была настолько ничтожна, что он не составил даже вокруг себя того кружка, который обязан был составить (журнал московской комис-

сии от 28 декабря 1869 г.; дело № 115, ч. II, л. 242). По процессу нечаевцев Рипман был приговорен к одному году тюрьмы.

[57]) Леонид Голиков был арестован вследствие того, что его имя находилось в списке, обнаруженном при обыске у Успенского (см. прим. 11-е; в этом списке он по ошибке назван не Леонидом, а Леонтием). В журнале московской комиссии от 26 декабря 1869 г. имеются следующие сведения о допросе Голикова: «Не взирая ни на какие убеждения и явные улики (Голиков), положительно отрекается от всякого участия в известном обществе. Впрочем, выразившись, что он не принимал никакого участия в «Обществе Народной Расправы», — название, о котором ему вовсе и говорено не было, — Голиков тем самым изобличает себя в собственной лжи» (дело № 115, ч. II, л. 183). По процессу нечаевцев Л. Голиков был оправдан.

[58]) На этом письме рукою Филиппеуса написано карандашом: «Согласно приказания его сиятельства телеграфировано, чтобы отложил приезд. 28 декабря. 69». 30 декабря Горемыкин прислал гр. Шувалову следующую телеграмму: «Для пользы дела необходимо прибыть на некоторое время в Петербург теперь же. Испрашиваю разрешения вашего сиятельства». В ответ на это Шувалов в тот же день телеграфировал: «Разрешение по предмету вашей депеши № 9788 последует через несколько дней» (дело № 115, ч. II, лл. 232 и 233).

[59]) На собраниях кружков «Народной Расправы» Николаев заменял Нечаева во время его отсутствия.

[60]) Явная ошибка Горемыкина. Вместо «до 20 октября» надо «до 20 ноября», т. е. до дня, когда было принято решение об убийстве Иванова.

[61]) Петров — фамилия, под которой был известен в Москве Нечаев.

[62]) Так в подлиннике. Надо: «де-Тейльс». Алексей де-Тейльс, студент медико-хирургической академии, был арестован 27 декабря 1869 г. по нечаевскому делу и по процессу нечаевцев приговорен к 4 месяцам тюрьмы.

[63]) Александровская, Варвара Владимировна, в декабре 1869 г. уехала за границу вместе с Нечаевым. 11 января 1870 г. при возвращении ее в Россию она была арестована на границе со значительным количеством прокламаций. По процессу нечаевцев приговорена к ссылке на поселение в Сибирь.

[64]) Березовский, Антон Иосифович, польский революционер, покушавшийся в 1867 г. в Париже на Александра II.

[65]) Гончаров, Николай Петрович, студент технологического института в Петербурге, в мае 1871 г. издал прокламацию «Виселица», за что был приговорен к ссылке на житье в Сибирь.

[66]) Поляков — миллионер, железнодорожный строитель.

[67]) Ламанский, Николай, инженер, был арестован 31 декабря 1869 г. по нечаевскому делу; в мае 1870 г. освобожден ввиду недостатка улик.

[68]) Долгов, Николай Степанович, студент Петровской академии, был членом основной пятерки московского отделения «Народной Расправы». Арестованный 6 декабря, он был приговорен по процессу нечаевцев к одному году тюрьмы.

[69]) См. прим. 62-е.

[70]) Подозрения, падавшие на Кронера, при проверке не подтвердились, и он к делу привлечен не был.

[71]) Орлов, Владимир Федорович, сын священника, один из ближайших помощников Нечаева во время студенческого движения 1868—1869 гг. в Петербурге. Арестованный в июне 1869 г., Орлов по процессу нечаевцев был оправдан.

[72]) Проспер Станкевич был арестован 31 января 1870 г. вследствие того, что на его имя должна была приходить корреспонденция, предназначавшаяся Александровской. По недостатку улик Станкевич вскоре был освобожден.

[73]) Указанных Горемыкиным приложений в деле III отделения не сохранилось.

[74]) Муратов — жандармский генерал-майор в Туле.

[75]) Керсновский к следствию по нечаевскому делу привлечен не был.

[76]) Лихутина, Екатерина Никитична, принадлежала к нечаевскому кружку в Петербурге. 31 декабря 1869 г. она была арестована. По процессу нечаевцев оправдана.

[77]) Относительно этой записи см. прим. 50-е.

[78]) Каравелов, Любен (1837—1878 гг.), известный болгарский писатель и политический деятель, обучавшийся в первой половине 60-х гг. в Москве и там познакомившийся с Прыжовым. С его запискою от него в сентябре 1869 г. явился к Прыжову Нечаев.

[79]) Бобарыкова, Юлия Валентиновна, жена поручика артиллерии, 24 декабря, в связи с нечаевским делом, скрылась, но 29-го была доставлена мужем в III отделение и арестована. По процессу нечаевцев оправдана.

[80]) В журнале московской комиссии от 6 января 1870 г. о сестрах Высоцких говорится следующее: «Вследствие обнаруженных сношений повивальной бабки, дочери капитана, Варвары Дмитриевны Высоцкой и сестры ее с Александровской, которая, по показанию задержанной на несколько времени до разъяснения некоторых обстоятельств повивальной бабки Вешняковой, приезжая в Москву, постоянно останавливалась у Высоцких, сделано распоряжение о производстве у первых обыска» (дело № 115, ч. III, лл. 202—203). На допросе Варвара и Елизавета Высоцкие показали, что Александровская, проезжая через Москву, останавливалась у них несколько раз; последний раз была 5 декабря 1869 г., когда ехала из Петербурга в Тулу. О своих будущих планах не говорила ничего, кроме того, что намерена служить в земстве. В заключение своих показаний Высоцкие обязались сообщить немедленно полиции, если Александровская опять приедет к ним. По взятии с них подписки о невыезде, Высоцкие были освобождены (дело № 115, ч. IV, л. 8). За квартирой Высоцких было учреждено негласное наблюдение.

[81]) Рахимов, Ибрагим Рахимович, студент Московского университета, член «Народной Расправы», по процессу нечаевцев был приговорен к 3 неделям тюрьмы.

[82]) Пажон-де-Монсе был арестован 5 января 1870 г. При допросе в московской комиссии он первоначально ни в чем не сознался, но потом признал, что он был знаком с Черкесовым и Иваном Петровичем, т. е. Нечаевым, что Черкесов приглашал его вступить в организацию, но он не дал на это предложение определенного ответа. Далее Пажон показал, что по поручению Черкесова ездил в Петербург к Тейльсу просить его достать заграничный паспорт, что он снабдил Черкесова пиджаком, брюками и шапкой и жертвовал деньги «в пользу страждущих», но кому именно давал эти деньги, Пажон не объяснил (журнал московской комиссии от 7 января 1870 г.; дело № 115, ч. III, л. 259). По процессу нечаевцев Пажон-де-Монсе был оправдан.

[83]) В № 4 «Московских ведомостей» от 6 января 1870 г. была помещена передовая статья, написанная М. Н. Катковым и посвященная нечаевскому делу. Какая именно фраза была подчеркнута Горемыкиным, сказать трудно, ибо приложенного им к своему письму номера «М. в.» в деле не сохранилось. Катков в своей статье приводил обширные выдержки из прокламации Бакунина «Несколько

слов к молодым братьям в России». По предписанию из Петербурга, Катков был запрошен относительно того, откуда он получил эту прокламацию и почему по получении не представил ее подлежащим властям. В своем письме Катков указал, что ему предоставлено право на бесцензурное получение всех заграничных изданий, ввиду чего он не считал себя обязанным представлять полученную им прокламацию кому бы то ни было. «В Русских ведомостях» и «Современных известиях» от 6 января 1870 г. были помещены статьи по поводу нечаевского дела.

[84]) Имеются в виду составленные Нечаевым «Общие правила организации». См. В. Богучарский «Государственные преступления в России», т. I, стр. 182—183.

[85]) Имеется ввиду дело о раскрытом в 1868 г. «Рублевом обществе», организованном Г. Лопатиным и Ф. Волховским.

[86]) Коведяев, Дмитрий Егорович, член «Народной Расправы», был арестован 12 января 1870 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 2 месяцам тюремного заключения.

[87]) Тверитинов, Алексей Николаевич, инженер, в январе 1870 г. подвергся обыску в связи с нечаевским делом.

[88]) Ни Высоцкий, ни Ошанин по нечаевскому делу привлечены не были.

[89]) Мутафов, Степан Лазаревич, студент Московского университета, член «Народной Расправы», был арестован 11 января 1870 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 2 месяцам тюрьмы.

[90]) Ткачев при допросе в III отделении не только не сознался, что автором прокламации «К обществу» был он, но заявил, что, основываясь на слухах, ходивших в Петербурге, считал ее произведением полиции.

[91]) Указанных Горемыкиным приложений в деле не сохранилось. Василий Николаев — служащий в библиотеке Черкесова в Москве.

[92]) Имеется в виду «малороссийская община», существовавшая в Москве в 1863—1867 гг. и организованная Ф. В. Волховским. Часть библиотеки и архива этой общины была спрятана Волховским в амбаре при библиотеке Черкесова.

[93]) 8 января 1870 г. состоялось распоряжение министра внутренних дел об объявлении «Московским ведомостям» первого предостережения за передовые статьи, напечатанные в №№ 2 и 3 этой газеты. Мотивировалось это распоряжение тем, что означенные статьи, «обозревая события и обстоятельства минувшего года, изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положения дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству». В № 2 Катков, между прочим, писал: «Для всех становятся очевидностью загадочные слова покойного Муравьева, что главный ржонд не в Варшаве, не в Вильне, а на берегах Невы, хотя, по грустной иронии судьбы, сам же Муравьев спасовал перед тайным злом, когда оно было у него под рукой... Зло после этого выросло; оно овладело полем; оно располагает такими средствами обмана, что борьба с ним становится почти невозможна».

[94]) Во время обыска в одной из лабораторий университета был найден типографский шрифт, спрятанный там Рахимовым.

[95]) Повидимому, Горемыкин имел в виду историю закрытия газеты «Москва», издававшейся И. С. Аксаковым в 1867—68 г. Газета эта вызвала ряд репрессивных мер со стороны правительства, закончившихся тем, что министр внутренних дел Тимашев возбудил вопрос в Сенате о полном прекращении газеты. Случайно узнав об этом, Аксаков добился того, что ему было разрешено представить в Сенат объяснения. В результате вопрос о закрытии «Москвы» и Сенатом и Госуд.

советом был разрешен в неблагоприятном для правительства смысле, и только после сильного давления на членов Государственного совета сверху Тимашеву удалось добиться согласия общего собрания Государственного совета на закрытие «Москвы». Историю газеты «Москва» Аксаков подробно рассказал в №№ 54—58 газеты «Русь» за 1881 г.

[96]) Пружанский, Иосиф Харитонович, студент медико-хирургической академии, участвовал в студенческом движении 1869 г., в связи с чем был арестован.

[97]) Евецкая, Марья Орестовна, по мужу Пружанская, в 1871—1873 гг. жила в Швейцарии и обучалась в Цюрихском университете. В 1873 г. при возвращении в Россию была арестована. Находилась под негласным надзором полиции.

[98]) Передовая статья № 8 «Московских ведомостей» от 11 января 1870 г. была посвящена напечатанному в этом же номере предостережению. Катков сознавался, что статьи №№ 2 и 3, действительно, «могли подать повод к предостережению», и оправдывался тем, что желал бороться со «всем теперь видимою интригою, которая подкапывается под благие начинания верховной власти и подрывает доверие к правительству». В передовой статье «Русских ведомостей» от 11 января (№ 8) говорилось о смерти А. И. Герцена и «с грустью» отмечалась административная кара, обрушившаяся на «Московские ведомости».

[99]) Басов, Семен, купец, в 1863 г. привлекался по делу Андрущенко. К нечаевскому делу привлечен не был за отсутствием улик.

[100]) 3 января 1870 г. Горемыкин телеграфировал шефу жандармов: «По показанию Николаева, Нечаев проедет чрез Эйдкунен при пособии еврея Францмана или Фальцмана Шмуля, у которого стража на откупу. Об этом хорошо знает Черкезов. Не будет ли приказано, не арестовывая пока Шмуля, проследить за ним и в данную минуту схватить Нечаева?» (дело № 115, ч. III, л. 56). За Францманом Шмулем, оказавшимся контрабандистом, был установлен бдительный надзор (там же, лл. 223—224).

[101]) Упомянутых Горемыкиным приложения и адреса в деле III отделения не сохранилось.

[102]) Коведяев, Егор, к нечаевскому делу привлечен не был.

[103]) Писем этих в деле III отделения не сохранилось.

[104]) Флоринский, Иван Иванович, сын священника, член «Народной Расправы», был арестован в начале 1870 г. и по процессу нечаевцев приговорен к 6 месяцам тюремного заключения.

[105]) Жолобов — жандармский полковник, принимавший участие в следствии по нечаевскому делу.

[106]) Коведяева, Любовь Егоровна, по мужу Воронцова, 19 февраля 1870 г. была арестована по нечаевскому делу; по процессу нечаевцев была оправдана.

[107]) Чемадуров — сенатор, на которого по высочайшему повелению было возложено руководство следствием по нечаевскому делу.

[108]) 14 февраля 1870 г. Горемыкину была отправлена управляющим III отделением телеграмма о немедленном возвращении, по приказанию гр. Шувалова, в Петербург.

Из записной книжки архивиста.

Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г.

Публикуемый ниже документ дает возможность восстановить картину расправы классовой юстиции самодержавия с виднейшими участниками июльского восстания 1906 г. в Кронштадте, охватившего почти всю матросскую массу (флотские экипажи) и часть сухопутного гарнизона (саперов и минеров).

Если сравнить карательную политику в Балтике 1905 г. и 1906 г., то увидим существенную разницу между ними.

Среди 123 осужденных за участие в октябрьском восстании 1905 г. в Кронштадте только 9 человек были приговорены к каторжным работам. В 1906 г. только по одному делу «Азова» к каторжным работам было приговорено 12 матросов, а в общей сложности за восстания 18—21 июля — 287 человек, в том числе только по одному Кронштадту 180 человек. Из общего числа 3000 арестованных за летние восстания 1906 г. только по восстанию в Кронштадте было приговорено 1451 человек. Расстреляно в 1906 г. было 55 матросов, в 1905 г. — ни одного (речь идет только о Балтике). Пользуясь моментом, самодержавие поставило своей задачей покончить со всей политически неблагонадежной частью матросов. С этой задачей оно не справилось, как и не справилось с революционным движением и деятельностью революционных партий.

Печатаемый ниже документ вносит значительную точность в наши сведения об обстановке расправы с революционными кронштадтцами. Местом казни 19 матросов [1]) до последнего времени считался форт Литке. Теперь ошибка очевидна: матросы расстреляны на форту № 6, ставшем вообще местом расправы с революционными матросами флота и кронштадтского гарнизона. Рапорт командира 91 Двинского полка вскрывает полную картину расправы вплоть до того, как «обошли казненных и пристрелили подававших еще признаки жизни».

А. Дрезен.

Рапорт командира 91 пех. Двинского полка от 2/X 1906 г. № 36 [2]).

Генералу-от-инфантерии Водару.

Доношу о подробностях совершения казни над 19 матросами.

---

[1]) Расстреляны: И. И. Карагодов, И. И. Красненков, М. И. Севастьянов, И. И. Маскаев, Р. П. Коротчик, А. Д. Кукарцев, Ф. Л. Ковальчук, Н. И. Комарницкий, М. Е. Вострряков, Ф. К. Голованов, А. М. Кузнецов, Е. С. Лисицкий, С. П. Юров, Е. С. Лящук, Т. Л. Глебко, П. И. Новожилов, С. Т. Зендриков, П. П. Крашенинников, Д. Никитин.

[2] Моск. центр. военно-исторический Архив. «Материалы к отчету следств. комиссии о беспорядках в кр. Кронштадте в 1905 и 1906 гг.». Приложение, ч. I, к делу 16 отд. Гл. штаба 1906 г., № 18, лл. 13—14. — Текст сообщил Л. Кицман.

В четверг, 21 сентября, около 3 часов дня я был вызван и. д. коменданта генерал-лейтенантом Адлербергом, от которого получил приказание привести в исполнение приговор над 19 осужденными матросами.

Во исполнение сего к 2½ час. ночи отряд, под моим начальством, сосредоточился на Петербургской пристани.

В состав отряда вошли по одной роте от следующих частей: от полков лейб-гвардии Егерского, Московского и Финляндского и от 91 Двинского, 94 Енисейского, 2 Кронштадтского крепостного батальона, Кронштадтской крепостной артиллерии и 18 флотского экипажа; сверх того прибыло 10 безоружных матросов-рабочих от того же экипажа.

Осужденные отправлены были на форт № 6 заблаговременно, под конвоем роты л.-гв. Егерского полка, который, окарауливая арестованных, в то же время составил гарнизон форта, временным комендантом которого назначен был л.-гв. Финляндского полка полковник Турбин.

Отряд посажен был на пароходы «Минер», «Артиллерист» и «Пушкарь». Отвалили в 3 часа и пошли за портовым пароходом, указывавшим путь между ряжевыми заграждениями.

Вследствие темноты, сильного ветра и крупной волны отряд подошел к форту только в 4½ часа и нашел там пароход «Ижору», на котором прибыл священник. Было совершенно темно. В ожидании рассвета отряд составил ружья, и люди по очереди грелись в казармах. В 5 часов я предложил священнику напутствовать осужденных. В это время на месте казни (бастионный дворик) между столбами натянули канат на высоте пояса, и приготовлено было 19 веревок для привязывания ими осужденных. Затем, отсчитав 20 шагов, я поставил флотскую роту, а остальные войска расположил шпалерами от каземата до места казни. Зарядили ружья. В 6 часов священник вышел из каземата и доложил мне, что 7 осужденных отказались от напутствия и св. причастия. Вслед за тем я приказал вывести осужденных. Как только они вышли, то некоторые из них, махая шапками, обратились, было, к войскам с какими-то словами, но речь их была заглушена дробью всех наличных барабанщиков, заблаговременно сосредоточенных мною у выхода из каземата.

По мере прохождения осужденных войска поворачивались и шли в том же направлении, и у места казни выстроились на три фаса, имея восточный фас открытым. Перед чтением приговора осужденные запели какие-то революционные песни, но я сказал, что, если пение не прекратится, я прикажу одеть немедленно на головы мешки, и пение прекратилось. Затем священник с крестом обошел осужденных, и те же 7 человек к кресту не приложились.

Прочитали приговор, и я приказал лейтенанту приступить к его исполнению. После первого залпа (6 час. 30 мин. утра) все осужденные упали, но шевелились, и раздавались крики и стоны, вследствие чего я приказал повторить залп. Затем из фронта матросов вызваны были унтер-офицеры, которые вместе с лейтенантом и доктором обошли казненных и пристрелили подававших еще признаки жизни. После этого принесены были мешки, и рабочие уложили в них казненных; в каждый мешок положены были камни, весом около 1½ пудов. Затем тела снесены были на пароход и под конвоем ½ роты Енисейского полка отправлены для потопления в море за Толбухин маяк. Отряд вновь сел на пароходы и около 8 часов прибыл в Кронштадт.

Вне казарм войска пробыли с 2 часов ночи до 8½ часов утра. Полурота Енисейского полка, конвоировавшая тела, вернулась около полудня, так как назад пароход шел южным фарватером, обогнув Толбухин маяк.

Полковник Вальберг.

Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г.

В 1905 г. мы наблюдаем активные революционные выступления целых войсковых частей. Но широкое распространение революционных идей в солдатской среде и наличие в ней революционного настроения относятся к более раннему времени — к началу того общественного подъема, который связан с экономическим кризисом конца XIX в.

Стоявшая тогда перед революционной социал-демократией задача быть руководителем политической борьбы рабочего класса ставила в порядок дня и работу в армии, являвшуюся главной опорой самодержавного строя.

В брошюре В. И. Ленина «Что делать?» этот вопрос поставлен совершенно определенно. Говоря о том, что организаторы социал-демократы должны итти «во все классы населения», Ленин к этой фразе делает следующее примечание: «Например в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию».

И действительно, особенно широко в первые годы XX в. развернули революционную работу в армии социал-демократические организации. Эта работа прежде всего выражалась в широком распространении в войсках литературы, как специально предназначенной для армии, так и общереволюционной. При этом прокламации и другие нелегальные издания рассылались по почте, а также разбрасывались в местах расположения воинских частей. Рассылкой и разбрасыванием прокламаций не ограничивалась работа среди войск в эту эпоху. Имели место также, как это сообщают многие документы, случаи устной агитации среди солдат.

И, наконец, с самого начала XX в. возникают солдатские кружки. Одним из известных кружков, наиболее ранним по времени своего возникновения, был солдатский кружок в квартировавшем в Москве 1 л.-грен. Екатеринославском полку. Руководители кружка вели в течение 1901 г. организованную пропаганду среди солдат в частях 1-й гренадерской дивизии. С конца июня 1903 г. в департамент полиции стали поступать сведения, что в Саратове среди солдат местного гарнизона ведется усиленная социал-демократическая пропаганда и организованы кружки, руководителями которых были рабочие чугунолитейного завода. Осенью 1903 г. особенно широко была поставлена революционная пропаганда в Севастополе среди солдат крепостной артиллерии, где были организованы солдатские кружки, устраивались сходки и т. д. Военный министр А. Н. Куропаткин на докладе об этом 1 декабря 1903 г. наложил следующую резолюцию: «Дело очень нехорошее, а мы преступно бездействуем».

«Для выяснения всех обстоятельств дела» был командирован в Севастополь помощник начальника главного военно-судного управления ген. Лузанов, который составил подробный доклад и указывал в нем меры по борьбе с проникновением в армию революционной пропаганды.

3 декабря 1903 г. открывает свою работу в Севастополе Особое совещание для обсуждения мер против распространения среди нижних чинов политической пропаганды. В этом же году возникают и в некоторых других центрах России совещания для выработки мероприятий, касающихся

борьбы с революционным движением в армии.

Печатаемые ниже письма, непосредственно связанные с событиями, о которых мы говорили выше, отражают взгляды на меры по борьбе с революционным движением в армии как В. К. Плеве, предполагавшего организовать нечто вроде аракчеевских поселений для «неблагонадежных солдат», так и некоторых представителей высшего генералитета, призывавших на помощь церковь и черносотенную печать (Батьянов).

М. Ахун и *Д. Зиневич.*

Письмо вр. и. д. нач. гл. военно-судного упр. ген. П. Ф. Лузанова на имя мин. внутр. дел В. К. Плеве от 23/IX 1903 г. № 543 [1]).

Копия.
Секретно.

Милостивый государь
Вячеслав Константинович.

Замечаемое за последнее время усиление распространения политической пропаганды в рядах армии побудило военного министра в августе 1902 г. обратиться ко всем главным начальникам военных округов с просьбой указать меры, которые, по их мнению, могли бы способствовать делу борьбы с указанным прискорбным явлением [2]).

Некоторые из высших военных начальников, указывая меры, способные, по их мнению, уменьшить противоправительственную пропаганду в войсках, тем не менее, высказывают, что все меры, принимаемые в одном военном ведомстве, окажутся не более как паллиативами, если не пресечь зла в самом его корне, т.-е. народе, с которым войска не могут не сохранять самой тесной связи. Эти начальствующие лица указывают, между прочим, и меры общегосударственного характера, проведение которых должно содействовать прекращению политической агитации в народе вообще.

К числу таких мер принадлежит, по мнению командующего войсками Туркестанского военного округа, генерал-лейтенанта Иванова [1]), направление всех усилий правительства на поднятие экономического благосостояния народа, особенно же крестьян, как наиболее многочисленной, консервативной и наиболее преданной существующему порядку массы, составляющей к тому наибольшую часть нижних чинов.

Член военного совета генерал-от-инфантерии Батьянов [2]), исходя из соображения, что в настоящее время

---

[1]) ЛОЦИА, дело мин. внутр. дел по управлению по делам о воинской повинности, 1903 г., № 98, «Об изыскании мер к борьбе с распространением преступной пропаганды в войсках». На подлиннике штамп: «За военного министра вр. и. д. начальника главного военно-судного управления. 23 сентября 1903 года. № 543».

[2]) 12 августа 1902 г. циркуляром военного министра А. Н. Куропаткина (циркуляр опубликован в изд. «Искра», №№ 1—52, 1900—1903, вып. IV, Л., «Прибой», Истпарт, стр. 83) были запрошены по вопросу о пропаганде в армии все командующие войсками в военных округах; полученные от них отзывы были сосредоточены в главном военно-судном управлении, и свод их вместе с заключением по ним этого управления был 28 июля 1903 г. представлен военному министру. Тогда же было предположено сбразовать особую комиссию, которая и должна была выработать мероприятия по борьбе с революционным движением в армии (всеподд. отчет воен. министерства за 1903 г., СПБ, 1905, стр. 39—40).

[1]) Иванов, Николай Александрович (1842—1904), командующий войсками Туркестанского военного округа.

[2]) Батьянов, Михаил Иванович (1835—1916), ген.-от-инф., член военного

даже в деревнях начинают читать и интересоваться общественными делами, печать же является вообще могучим средством борьбы, указывая, затем, на пример западно-европейских правительств, широко пользующихся услугами печати для проведения желательных им взглядов и идей, предлагает объединить направление: «Правительственного вестника», провинциальной и народной печати и парализовать действие распространителей вредных идей печатным словом [1]). При этом, по мнению генерала Батьянова, при надлежащем подборе руководителей органов печати и при содействии церкви, достижение желательных результатов возможно даже без указания на вредные идеи, против которых ведется борьба.

Сообщая об изложенном, по приказанию военного министра, вашему высокопревосходительству, имею честь просить не отказать уведомить о заключении вашем по вышеизложенным предположениям.

При сем присовокупляю, что как самые предположения, так и заключения по ним имеют быть внесены в предполагаемую к образованию в начале ноября сего года с высочайшего соизволения особую комиссию для выработки мер борьбы с распространением противоправительственной пропаганды в войсках.

Некоторые командующие войсками военных округов, в числе других мер, признают безусловно необходимым вовсе не зачислять на службу войск лиц, признанных политически неблагонадежными [1]). Пожелание это нельзя не признать совершенно правильным, между тем в настоящее время присутствиями по воинской повинности зачисляются на службу и лица, привлеченные в качестве обвиняемых к дознаниям о политических преступлениях; весьма многие из таких лиц, по разрешении впоследствии их дел, исключаются из военной службы, без именования воинским званием. Между тем, будучи приняты на службу и зачислены в части войск, они остаются там в течение иногда года — полутора и всегда не менее нескольких месяцев, до разрешения их дел. Конечно, трудно ожидать, чтобы большинство из них, попав в войска, оставили свою деятельность и не пытались бы агитировать среди своих товарищей. Избежать временного пребывания таких лиц в рядах армии было бы возможно, если бы установить, чтобы вовсе не зачислялись на службу лица, привлеченные как обвиняемые к делам политического характера. Для этого надлежало бы обязать подлежащие губернские жандармские управления и прокуроров судебных палат сообщать присутствиям по воинской повинности, хотя бы только губернским, о всех лицах призывного возраста, привлеченных в качестве обвиняемых к формальным дознаниям.

Вместе с тем, военный министр имеет в виду исходатайствовать высочайшее повеление, дабы указанные присутствия приостанавливали определение сих лиц на службу впредь до разрешения производящихся о них дознаний.

Во избежание же возможности со стороны некоторых лиц намеренного,

---

совета (1903—1911), в 1905 г. был командующим третьей манчжурской армией и принимал участие в подавлении революционного движения в армии.

[1]) Характеристику специально сфабрикованной для солдат литературы см. в статье К. Оберучева «Духовная пища русского солдата» («Русское богатство», 1906, кн. 6, стр. 1—18).

[1]) Значительно позже законом 12 декабря 1908 г. было воспрещено принимать на военную службу лиц, «привлеченных к дознаниям по государственным преступлениям и подвергнутых гласному надзору полиции» (Полное собр. зак., собр. III, т. XXVIII, отд. I, № 31270.)

с целью уклонения от воинской повинности, участия в маловажных политических преступлениях, ввиду незначительности определяемых в сих случаях в административном порядке наказаний, следует установить, чтобы лица, коим будут определены наказания, не соединяемые с исключением из военной службы, немедленно по разрешении их дел принимались на службу с назначением в отдаленные округа, где служба дольше и тяжелее; лицам же, коим будет определено наказание, соединенное с исключением из военной службы, т.-е. административная высылка под гласный надзор полиции в более или менее отдаленные места, таковая должна быть назначаема, во всяком случае, на срок не менее срока действительной военной службы.

При этом необходимо иметь в виду, что среди политически неблагонадежных лиц имеется весьма большой процент евреев; еврейские же общества стремятся всевозможными способами сдать в войска наименьшее число своих членов (напр., всеми мерами стараются, чтобы был принят действительно больной, которого забракуют вскоре по прибытии его в часть, и т. п.); возможно, что ими употребляются всякие ухищрения, чтобы сдавать в войска именно более серьезных политических преступников, которым все равно угрожает высылка на продолжительные сроки. Это соображение указывает на необходимость установить, чтобы вместо непринятых, ввиду привлечения к политическим делам, евреев немедленно зачислялись на службу следующие по номерам евреи же, которые, в случае зачисления на службу временно непринятых, немедленно должны быть увольняемы от нее.

Засим, начальствующие лица, указывая на бывшие в некоторых частях войск случаи, что сообщения о неблагонадежности нижних чинов получались уже по увольнении их в запас, после выслуги полного срока службы, находят необходимым предложить гражданскому начальству немедленно сообщать подлежащему военному начальству о политически неблагонадежных лицах, назначаемых в войска. Военный же министр, сверх сего, признает необходимым, чтобы такие же сообщения делались и в главное военно-судное управление, в котором в настоящее время сосредоточиваются все сведения о политически неблагонадежных лицах, принадлежащих к военному ведомству.

Сообщая по приказанию военного министра вашему высокопревосходительству вышеизложенные соображения об охранении армии от неблагонадежных элементов и прося не отказать в заключении по ним и зависящих распоряжений, долгом считаю присовокупить, что на сношение по сему вопросу с вами и министром юстиции последовало высочайшее соизволение при предварительном докладе военным министром государю императору всех предположений высших военных начальников о мерах борьбы с распространением преступной пропаганды в войсках.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

Петр Лузанов.

Письмо мин. внутр. дел В. К. Плеве на имя военного мин. А. Н. Куропаткина от 5/XI 1903 г. № 10705.

Копия.
Конфиденциально.

Милостивый государь
Алексей Николаевич.

На письмо за № 543 о мерах к охране армии от влияния противоправительственной пропаганды имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что я всецело присоединяюсь к мнению вашему о настоятельной необходимости пресечь преступную агита-

цию среди войска, наблюдаемую в настоящее время. Наиболее радикальной в этом отношении мерой представлялось бы, без сомнения, осуществление сообщенного вашим высокопревосходительством мнения генерал-лейтенанта Иванова о необходимости поднятия экономического благосостояния народа, но таковое, будучи главной задачей всякого государства, является и в России предметом непрестанных забот правительства и в частности министерства внутренних дел. Нельзя не отрицать существенной пользы и тех упомянутых в письме вашего высокопревосходительства мероприятий, которые указывает генерал-от-инфантерии Батьянов и которые клонятся к воспитанию народа в духе преданности престолу и отечеству, но благие результаты их могут появиться лишь с новым поколением, вследствие чего нельзя не признать надобности в применении ныне же некоторых частных мер, которые, быть может, окажутся в силах освободить армию от вредных влияний.

К таким мерам надлежит, по моему мнению, отнести недопущение в ряды войск лиц, состоящих привлеченными к дознаниям о государственных преступлениях, что могло бы быть достигнуто распространением на них действия 169 ст. уст. о воинской повинности. Хотя статья эта и упоминает лишь о состоящих под следствием и судом и умалчивает о привлекаемых к какого-либо рода дознаниям, но, в силу постановлений отд. второго раздела II кн. III уст. угол. суд. (в частности, 1035[7] ст. сего устава), дознания жандармских чинов о государственных преступлениях по процессуальному своему значению должны быть приравнены к «предварительным следствиям», производимым судебными следователями по общим преступлениям. Ввиду сего привлечение к дознанию о государственном преступлении должно иметь по отношению к воинской повинности одинаковые с нахождением под следствием общеуголовные последствия, определяемые ст. 169 уст. о воинской повинности. По сим соображениям я полагал бы возможным, в случае, если бы ваше высокопревосходительство разделили мое по сему предмету мнение, распространить, без испрошения особого на сие высочайшего соизволения, действие означенной статьи устава о воинской повинности на лиц, привлеченных к дознаниям по ст. 1035 и след. уст. угол. судопр., соответствующим распоряжением министра внутренних дел. С тем вместе я признавал бы необходимым, в видах обеспечения точного соблюдения предположенного порядка, установить одновременно обязательное уведомление уездных (городских) воинских присутствий производящими дознания по ст. 1035 уст. угол. судопр. чинами о привлечении к сим дознаниям лиц, кои не отбывали воинской повинности.

Что касается засим предположений военных начальств относительно назначения признанных виновными в маловажных политических преступлениях в отдаленные округа и об определении лицам, кои подлежат высылке под гласный надзор полиции в более или менее отдаленные места, а потому должны быть исключены из войск, продолжительности этой высылки не менее срока действительной военной службы, то в сем отношении я долгом считаю высказать следующее.

Привлечение к дознаниям о государственных преступлениях в отношении одних лиц не влечет за собою никаких последствий при наличности данных, доказывающих случайность их привлечения. Отягчать отбытие ими воинской повинности обязательным назначением в отдаленные военные округа лишь в видах предотвращения возможности учинения маловажных политических преступлений с одной целью уклонения от воинской повинности

едва ли представлялось бы целесообразным, так как подобная цель может быть достигнута и ныне путем ложного обвинения или самообвинения в любом преступном деянии общеуголовного характера. Далее, для другой группы лиц привлечение к означенным выше дознаниям оканчивается применением к ним, по суду или в административном порядке, наказаний, по существу своему, в силу ст. 13 уст. о воинской повинности, исключающих возможность принятия их на военную службу. Отношение лиц этих к воинской повинности не вызывает каких-либо сомнений. Но между этими двумя категориями есть третья, в которую входят все те, кои, не будучи «государственными преступниками», должны быть признаны политически неблагонадежными. Не подходя под условия упомянутой статьи устава, они отбывают воинскую повинность на общих основаниях и могут попадать в ряды войск, почему заботы правительства и должны быть направлены на борьбу с их вредным влиянием, как это полагает и генерал-лейтенант Лузанов. Однако замену для подобных лиц обязательной службы административной высылкой на сроки, столь же продолжительные, как эта служба, я затрудняюсь признать желательной, так как мера эта была бы равносильна полному освобождению этих лиц от исполнения воинской повинности без достаточных к тому оснований. С своей стороны я полагал бы построить указанную борьбу с вредным влиянием лиц этой категории в войсках на сочетании военного режима с тяжелым, в суровой жизненной обстановке, физическим трудом, который не ограничивался бы несением строевой службы, а имел бы иное практическое, общеполезное применение и служил бы средством перевоспитания не только внешнего, но и внутреннего [1]). В этих видах надлежало бы в отдаленных малокультурных местностях империи учредить особые саперные баталионы, которые вместе с военными упражнениями приложили бы свой труд к проведению в означенных местностях дорог, подготовляя новые участки земли к переселению, столь необходимому в настоящее время для населения России. Такая пионерская деятельность саперных баталионов, в сочетании со строгостию военной дисциплины, дала бы возможность найти применение бесцельно затрачиваемым теперь молодым силам лиц, ставших на ложную политическую дорогу, создала бы для них здоровую, отрезвляющую жизненную школу и принесла бы неисчислимые блага отечеству.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. П л е в е.

Н. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь — Аляска в 1905 г.

В «Дневнике» Г. О. Рауха, ген.-квартирмейстера штаба войск гвардии и петербургского военного округа в революционный период 1905—1906 гг., опубликованном в XIX томе «Красного архива», имеется следующая запись под 25 декабря 1905 г.:

«Обедал у вел. князя [Николая Николаевича], — вечером в клуб неожиданно приходил Дубровин [2]). Говорит, что в городе распространяют слухи, будто вел. князь Николай Николаевич совместно с Вонлярлярским [1]) хотят провести концессию на Аляскин-

[1]) На полях помета: «Мысль самого В. К. Плеве, включенная сюда по его требованию».

[2]) Дубровин, А. И., д-р, председатель «Союза русского народа».

скую жел. дорогу. Это — проект железной дороги через всю Сибирь, Аляску, через Берингов пролив. Проект американцев и англичан, действительно, рассматривали в Совете министров, и [он] передан во вневедомственную комиссию для изучения. Капиталисты пока просят одного — не позже как через 18 месяцев дать принципиальный ответ, с тем чтобы потом передать дело в Гос. думу. Такова истина, и имени Вонлярлярского тут нет». Далее Раух пишет: «Наши великие князья до такой степени дискредитировали себя именно участием в разных концессиях и денежных делах, что такой слух может иметь успех. Это и встревожило Дубровина...»

Нижепубликуемая собственноручная записка вел. кн. Николая Николаевича, обнаруженная в 1923 г. в Ленинградской военной библиотеке штаба РККА вместе с другими собственноручными черновыми бумагами Николая Николаевича чисто военного содержания [2]), при свете этой записи в дневнике Г. О. Рауха получает свой особый смысл и значение. Эта записка написана чернилами на листке почтовой бумаги, без указания лица, коему она предназначена, и гласит следующее:

«Имел возможность говорить про дорогу «Аляска» — отнеслись более чем сочувственно. Советую конфиденциальнейшим образом предупредить, что громадный шанс на назначение комиссии — и чтобы не уезжал.

Николай.

25 ноября 1905 г.»

[1]) Вонлярлярский, В. М., полковник в отставке, участник аферы с лесными концессиями на Ялу в Корее накануне русско-японской войны.

[2]) Опубликованы в нашей статье «Бумаги быв. вел. князя Николая Николаевича» «Революция и война», 1924, № 1/28.

Подчеркнутая нами фраза «Советую конфиденциальнейшим образом...» и т. д. ясно показывает, что слухи о каком-то участии вел. кн. Николая Николаевича в деле концессии жел. дороги Сибирь — Аляска имели свое основание, и, таким образом, не было «дыма без огня». Фраза «предупредить... чтобы не уезжал», повидимому, относилась к представителю американского синдиката, некоему французскому гражданину Лоик-де-Лобелю, обращавшемуся к русскому правительству с предложением относительно соединения непрерывным рельсовым путем Сибирской и американских железных дорог посредством тоннеля под Беринговым проливом.

Интересные данные по существу этого грандиозного проекта находим в печатной копии «Журнала особого совещания [1]) по рассмотрению предложений: 1) французского гражданина Лоик-де-Лобеля о сооружении железнодорожной линии Сибирь — Аляска и 2) американского гражданина У. Джексона о сооружении железных дорог в восточной части империи» от 1 декабря 1905 г.

Особое совещание происходило под председательством гр. С. Ю. Витте, при участии председателя Совета госуд. обороны, вел. кн. Николая Николаевича, министров: иностранных дел — гр. В. Н. Ламздорфа, финансов — И. П. Шипова, торговли и промышленности — В. И. Тимирязева, юстиции — С. С. Манухина, путей сообщения — К. С. Немешаева, военного министра — А. Ф. Редигера, начальника ген. штаба — Ф. Ф. Палицына, госуд. контролера — Д. Д. Философова и главноуправляющего землеустройством и земледелием — Н. Н. Кутлера.

Главнейшие условия, на которых представляемый Лоик-де-Лобелем син-

[1]) Этот «Журнал особого совещания» был утвержден Николаем Романовым, по докладу гр. Витте, 12 декабря 1905 г.

дикат изъявлял готовность принять на себя осуществление линии Сибирь — Аляска, были следующие:

«1) железнодорожная линия, начинаясь у станции Канск Сибирской жел. дороги, направляется на г.г. Киренск, Якутск, Верхне-Колымск, мыс Дежнев и, проходя тоннелем под Беринговым проливом, переходит на американскую территорию;

2) протяжение линии составляет около 5000 верст, строительная стоимость — около 1250 тыс. франков (соответственно 470 млн. рублей);

3) правительственной гарантии капиталу компания не испрашивает;

4) испрашивается отвод 24-х верстной полосы, по 12 верст по каждую сторону, на всем протяжении железнодорожного пути, с целью предоставления компании разработки в пределах этого отвода недр и поверхности, с соблюдением однако прав третьих лиц; колонизация отводимой полосы иностранцами не допускается;

5) компания готова предоставить русским металлургическим заводам значительный заказ предметов железнодорожного устройства;

6) срок концессии — 90 лет, срок выкупа — 30 лет;

7) выработка подробных условий, порядка уступки компании земель и проч., должна быть возложена на особую комиссию с участием представителей предпринимателя. Означенная комиссия должна окончить свои труды в течение 18-ти месяцев со дня высочайшего указа, коим предпринимателям дарується предварительная концессия (concession provisoire)».

Далее, в последнем своем заявлении, от 26 ноября 1905 г. [1]), поданном министру торговли и промышленности, Лоик-де-Лобель сообщил, что представляемый им синдикат ходатайствует лишь о том:

1) чтобы Совет министров признал в принципе возможным осуществление железнодорожной линии от Канска до Берингова пролива, без правительственной гарантии, и

2) чтобы Совет министров постановил, что правительством будет образована особая комиссия для изучения и установления, по соглашению с представителем синдиката, условий осуществления указанного проекта. Та же комиссия должна установить порядок уступки компании земель, в возмещение отсутствия правительственной гарантии, причем комиссия свою работу должна окончить до истечения 18 месяцев.

При обсуждении этого вопроса в особом совещании выступали, главным образом, гр. С. Ю. Витте и вел. кн. Николай Николаевич. По мнению гр. Витте, рассматриваемое предприятие имеет несомненно «большое экономическое значение в смысле оживления мертвого в настоящее время края, а также привлечения американских капиталов»; равным образом, гр. Витте находил, что «это предприятие не лишено и стратегического значения в смысле улучшения охраны наших дальне-восточных окраин. Между тем, без привлечения иностранных капиталов эта линия, конечно, не осуществится еще в течение весьма долгого времени».

Поэтому гр. Витте не усматривал «принципиальных возражений против проекта Лоик-де-Лобеля и в предоставлении компании в том пустынном необъятном пространстве 24-х верстной полосы земли вдоль железнодорожной линии, тем более, что, по удостоверению предпринимателей, они ограничиваются исключительно промышлен-

---

[1]) Заметим, что публикуемая записка вел. кн. Николая Николаевича с «конфиденциальнейшим» советом «не уезжать» ввиду «громадного шанса на назначение комиссии» датирована 25 ноября 1905 г., — таким образом Лоик-де-Лобель подал свое последнее заявление, заручившись поддержкой вел. князя.

ными целями, устраняя всякие предположения о колонизации иностранцами имеющих быть уступленными им земель». Однако гр. Витте не мог в то же время не высказать сомнения «в осуществимости проекта Лоик-де-Лобеля как в виду его грандиозности, так и по соображениям о недостаточной, повидимому, кредитоспособности предпринимателя».

Поэтому «в настоящее время, — по мнению гр. Витте, — надлежало бы ограничиться удовлетворением ходатайства Лоик-де-Лобеля лишь в отношении образования комиссии для изучения и составления условий возможного осуществления железнодорожной линии Сибирь — Аляска...»

Вел. князь Николай Николаевич, как мы знаем теперь из его «конфиденциальнейшей» записки, заранее знакомый с обсуждаемым вопросом, выступал очень осторожно на особом совещании, отмечая, что «ввиду грандиозности предприятия едва ли можно, без предварительного всестороннего его изучения, высказать принципиальное по нему заключение, в особенности при современном неопределенном общем положении». Высказываясь так же, как и гр. Витте, за назначение особой комиссии, которая рассмотрела бы проект по существу и выработала бы возможные условия его осуществления, вел. кн. Николай Николаевич счел однако нужным отметить, что «ни назначение подобной комиссии, ни ее выводы не могут еще создать каких-либо обязательств для правительства, от которого будет зависеть, по рассмотрении трудов указанной предварительной комиссии, или отвергнуть предложение г. Лоик-де-Лобеля, или же, приняв таковое принципиально, выработать дальнейшие подробности».

Особое совещание присоединилось к высказанным соображениям гр. Витте и вел. кн. Николая Николаевича и вынесло постановление:

«1) Не предрешая вопроса о предоставлении американскому синдикату, представляемому французским гражданином Лоик-де-Лобелем, сооружения и эксплоатации железнодорожной линии от Канска (станция Сиб. ж. д.) до Берингова пролива, поручить особой комиссии под председательством д. с. с. Циглер-фон-Шафгаузена из представителей министерств путей сообщения, финансов, внутренних дел, иностранных дел, военного и торговли и промышленности, а также гос. контроля, генерального штаба и гл. упр. землеустройства и земледелия, при участии представителя предпринимателей, выработать условия осуществления указанного предприятия, с тем чтобы названная комиссия закончила свои труды до истечения 18-ти месяцев со дня высочайшего соизволения на образование сей комиссии.

2) Предоставить министру торговли и промышленности заключение поименованной комиссии представить на высочайшее е. и. в. благоволение для испрошения указаний его величества относительно дальнейшего направления сего дела».

Г. Верещагин.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**